UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306516 6

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

[АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО].

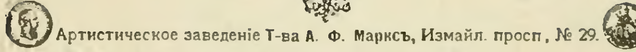
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета П. И. Мельникова-Печерскаго.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1909.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ОЧЕРКИ ПОПОВЩИНЫ.

ЧАСТЬ I.

I.

Начало раскола старообрядства.

Въ старые годы грамотныхъ людей на Руси было очень мало, а полуграмотные переписчики церковныхъ книгъ, по невѣжеству, вносили въ нихъ самыя грубыя ошибки. Къ тексту, исполненному такого рода ошибками, предки наши постепенно привыкали. Черезъ два-три поколѣнія ошибка переписчика дѣлалась уже святынею для набожныхъ людей, строгихъ ревнителей обряда и буквы. Такая порча книгъ началась издавна: такъ-называемые „худые номоканунцы“ были у насъ еще въ XII вѣкѣ.

То же самое и относительно обрядовъ. Отъ недостатка книжнаго наученья не только міряне, но и духовные путались во множествѣ сложныхъ обрядовъ. Это особенно замѣчалось въ Новгородѣ и Псковѣ. Оттуда и пошли по сѣверной Руси обряды, несогласные съ древними греческими, неизвѣстные въ южной, кіевской Руси, но получившіе значеніе неприкосновенной святыни въ глазахъ ревнителей старины сѣвернаго края. Таковы: сугубая аллилуія, двуперстное сложеніе, ходы посолонь и пр. На сѣверѣ, то-есть во всей Великой Россіи, всѣ эти обряды стали сильно распространяться и утверждаться съ 1410 года, или со времени раздѣленія русской митрополіи на двѣ половины—московскую и литовскую; окончательно же они утвердились во времена первыхъ московскихъ патріарховъ *). Ослабленіе связей съ Константинополемъ и потомъ

*) И. Д. Бѣляевъ такъ опредѣляетъ происхожденіе двуперстнаго сложенія, обряда, которому старообрядцы наши придаютъ особенно важное догматическое значеніе. «Двуперстіе распространилось въ XIV вѣкѣ въ Галицкой Руси по случаю распространенія тамъ армянъ-монофизитовъ. Отсюда, въ XV вѣкѣ, оно перенесено въ Новгородъ и было усвоено многими, какъ оппозиція ереси Схаріи. или такъ-называвшихся «жидовствующихъ». Затѣмъ Ѳеодоритъ, ученикъ св. Зосимы Соловецкаго, написалъ

полная, автокефальная независимость московской церкви обусловливали невмѣшательство восточныхъ патріарховъ въ великорусскія церковныя дѣла; между тѣмъ литовская половина Руси до конца XVII столѣтія зависѣла вполнѣ и непосредственно отъ цареградской патріархіи и всегда находилась въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ восточными православными церквами, чѣмъ московская. Этимъ объясняется замѣчательное и въ наше время явленіе: въ южно-русскихъ областяхъ не было и нѣтъ испорченныхъ обрядовъ и не образовалось раскола; до сихъ поръ въ Малороссіи и Западномъ краѣ расколъ чуждъ коренныхъ жителей и содержится одними выходцами изъ Великой Россіи.

Еще при Иванѣ Грозномъ искаженіе обряда и буквы въ Московскомъ государствѣ было уже такъ велико и такъ повсемѣстно, что обратило на себя вниманіе самого царя. Вѣрнѣйшимъ средствомъ отвратить дальнѣйшую порчу книгъ малограмотными переписчиками признано было книгопечатаніе. Стали печатать книги въ Москвѣ, но по тѣмъ невѣрнымъ спискамъ, которые были во всеобщемъ употребленіи. Самое же исправленіе книгъ отлагалось отъ времени до времени. Смутное время, въ началѣ XVII вѣка, и послѣдствія его надолго задержали дѣло рѣшительнаго исправленія книгъ. Такъ и шло дѣло до половины XVII вѣка.

Въ это время бархатную мантію съ золотыми источниками надѣлъ Никонъ, мордвинъ, родомъ изъ села Вельдеманова *), человѣкъ обширнаго ума и непреклонной воли, „собинный другъ“ царя Алексѣя Михайловича. Онъ принялъ рѣшительное намѣреніе — во что бы то ни стало исправить книги и исправленными одновременно и повсемѣстно замѣнить порченныя, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Въ 1654 году Никонъ издалъ „Служебникъ“. Въ немъ отмѣнялись нѣкоторые обряды, къ которымъ привыкли и попы и міряне въ продолженіе не одного столѣтія. Ужасомъ поражены были люди набожные, строгіе ревнители ста-

---

извѣстное «Слово Ѳеодоритово», вошедшее въ Стоглавъ (см. «День» 1863, №№ 9 и 10). Двойная аллилуія, другой важный, по мнѣнію старообрядцевъ, обрядъ, пошелъ, какъ извѣстно, изъ Пскова, тоже въ XV столѣтіи. Во время архіепископа новгородскаго Геннадія (1485—1504) и двоили и троили аллилуію, какъ видно изъ слѣдующей отписки къ нему Дмитрія Стараго (Дмитрія Толмача) изъ Рима: «Господину преосвященному архіепископу Новагорода и Пскова, владыцѣ Геннадію, слуга вашъ, святительства твоего, Дмитрій Старый челомъ бьетъ. Велѣлъ еси, господине, отписати къ себѣ о трегубой *алъ илъ уіа*, высмотрѣвъ въ книгахъ. Ино, господине, того и здѣсь въ книгахъ не описано, какъ говорити: трегубо ли, сугубо ли. Но мнѣ ся помнить, что и у насъ споръ бывалъ межъ великихъ людей, и они обоя одново осудили *алъ илъ уіа*, и въ четвертое *слава Тебѣ, Боже*, является тріипостасное божество и единосущнаго, а сугубое *алъ илъ уіа* являетъ въ двѣ естествѣ едино божество. Іно, какъ глаголетъ человѣкъ тою мыслію, тако добро. *Ал ил уіа* толкуется: *ал* — пріиде, *ил* — явися, *уіа* — Богъ, — пойте и хвалите живого Бога. — Инако толкуется: *ал ил уіа* — хвалите Богу или хвалите Господа или Сущаго хвалите, якоже и Давидъ вопіяше, глаголя: Богъ явѣ пріидетъ, Богъ нашъ не премолчитъ».

*) Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, на горѣ Тяпкиной.

рины и обряда; для ненабожныхъ было все равно. Недовольство патріархомъ обнаружилось тотчасъ же. И гдѣ же? Рядомъ съ патріархіей, въ кремлевскихъ теремахъ, на половинѣ набожной и благочестивой царицы Марьи Ильиничны.

Воспитанная въ старыхъ обрядахъ, свято чтимыхъ Милославскими и всѣми ихъ родственниками и свойственниками, набожная, но неразвитая, благочестивая, но не наученная книжной мудрости, царица съ негодованіемъ встрѣтила Никоновы „новшества“. Всѣ окружавшіе ее, самые близкіе къ ней люди недоброхотно смотрѣли на дѣло Никона. Старикъ Соковнинъ, ея ближайшій совѣтникъ, завѣдывавшій ея частнымъ хозяйствомъ; сыновья его, бывшіе при царицыномъ дворѣ; его дочери—Морозова и княгиня Урусова, самыя любимыя царицею боярыни, сверстницы ея по воспитанію *); вся родня ея, то-есть Милославскіе, Хованскіе, были истые ревнители обряда и старины. Съ ненавистью смотрѣли они на Никона и хулили его дѣло въ царицыномъ теремѣ. Самъ духовникъ Марьи Ильиничны, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, прежде пріятель Никона, теперь явно ему воспротивился и много недобраго внушалъ своей духовной дочери о „новосоставленныхъ, Никономъ измышленныхъ“ обрядахъ. Главные соборяне кремлевскихъ соборовъ были однѣхъ мыслей съ царскимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ церковнаго раздора, во главѣ противниковъ Никона стала царица московская съ ближними къ ней людьми и самое высшее бѣлое духовенство московскаго Кремля.

Царь и бояре, кажется, принимали въ этомъ дѣлѣ мало участія. Со времени изданія „Служебника“ Алексѣй Михайловичъ безъ малаго два года почти безъ выѣзда находился въ Литвѣ, побѣдоносно воюя съ польскимъ королемъ.

Изъ кремлевскихъ теремовъ полился расколъ по московскимъ улицамъ, а изъ Москвы, изо всѣхъ заставъ ея, разлился во всѣ стороны по городамъ, по селамъ и деревнямъ. По городамъ во главѣ раскола стало также высшее бѣлое духовенство. Въ числѣ первыхъ расколоучителей видимъ протопоповъ и поповъ: Никиту—въ Суздалѣ, Аввакума—въ Юрьевцѣ, Лазаря — въ Романовѣ, Даніила — въ Костромѣ, Логгина—въ Муромѣ, Никифора—въ Симбирскѣ, Андрея—въ Коломнѣ, Серапіона—въ Смоленскѣ, Варлаама—во Псковѣ и проч. По селамъ пріобыкшіе къ старому обряду попы сначала преспокойно положили новоисправленныя книги на клиросахъ и, не заглядывая въ нихъ, пѣли службу по-старому. На первыхъ порахъ сельскій народъ и не замѣтилъ перемѣны. Но въ монастыряхъ, гдѣ иночествующая братія была относительно развитѣе и разумнѣе приходскаго духовенства, новый обрядъ былъ принятъ. Въ монастыряхъ служили по-новому, въ приходахъ —

*) Изъ нихъ Алексѣй Прокофьевичъ вмѣстѣ съ Циклеромъ казненъ Петромъ I; Морозова и кн. Урусова умерли въ Боровскѣ въ тюрьмѣ, гдѣ содержались за расколъ.

по-старому. Народъ, видя такую разность, соблазнялся. И пошли толки. Между тѣмъ монахи, патріаршіе десятильники и заказчики доносили святѣйшему, что сельскіе попы „ему ослушны: по новымъ книгамъ его исправленія службы Божіей въ приходныхъ церквахъ не поютъ". По такимъ доносамъ начинались розыски: съ поповъ, уличенныхъ въ службѣ по Іосифовскимъ книгамъ, брали денежныя пени, сажали ихъ по монастырямъ подъ началъ, упорнѣйшихъ держали въ монастырскихъ поварняхъ на цѣпяхъ. Иногда ослушниковъ воли патріаршей смиряли и батогами. Наказанія ожесточали, и попы дѣлались упорнѣе, думая, что страдаютъ за правду, за старую отеческую вѣру. Стали нѣкоторыхъ, болѣе вліятельныхъ, посылать въ ссылки. Народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на мучениковъ за „старую вѣру", укрѣплялся въ стояніи за старину и слушать не хотѣлъ никакихъ увѣщаній о покореніи волѣ святѣйшаго Никона. А между тѣмъ изъ Москвы, изъ палатъ и хоромъ политическихъ враговъ патріарха, бывшаго тогда почти полновластнымъ правителемъ государства, неслись по сельщинѣ и деревенщинѣ недобрыя вѣсти: „Никонъ старую вѣру рушитъ!.." И задумались православные. Задумались и въ Москвѣ, и на Волгѣ, и на Сѣверѣ, и въ Сибири.

И встарь, какъ и теперь, русскій народъ каждое событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и близко касающееся его домашняго быта, его собственныхъ дѣлъ, объяснилъ по-своему. Объясненія бывали и бываютъ иногда до крайности нелѣпы, но они всегда замѣчательны, какъ выраженіе народныхъ симпатій даннаго времени. Такъ было и при исправленіи церковнаго обряда Никономъ.

Откуда эти „новшества"? Кто возбудилъ Никона рушить старую вѣру? Чье велѣніе творитъ онъ? Такіе вопросы двѣсти лѣтъ тому назадъ задавали себѣ на Руси ревнители старины. Первымъ виновникомъ оказался, разумѣется, дьяволъ, всегда искій кого поглотити, исконный пакостникъ роду христіанскому. А за нимъ — папа римскій, которому на этотъ разъ, разумѣется, и въ голову не приходило ничего подобнаго. Въ то время и великоруссы и южноруссы были страшно озлоблены противъ поляковъ и римскаго костела. Въ Московскомъ государствѣ у всѣхъ еще на свѣжей памяти были недавнія событія смутнаго времени и фанатическое звѣрство римскихъ католиковъ въ самыхъ стѣнахъ Кремля. Люди Московскаго государства были современниками польскихъ неправдъ и неистовствъ при варварскомъ, насильственномъ, кровавомъ обращеніи южноруссовъ и бѣлоруссовъ въ унію. Малороссія только-что поддалась „подъ высокую руку" православнаго царя, избѣгая польско-католическаго ига. Царь въ Литвѣ побѣдоносно мстилъ обиды и многія неправды польскаго короля и пановъ рады. Уже Вильно и Гродно были наши, сама Варшава трепетала въ ожиданіи очереди сдѣлаться московскимъ пригородомъ. Москвитяне находились въ напряженномъ состояніи. Всякое зло приписывалось ненавистнымъ полякамъ и кознямъ рим-

скаго двора и іезуитовъ. Эта ненависть поддерживалась и усиливалась разными сочиненіями, писанными въ литовской Руси съ цѣлью охранить православіе отъ католицизма. По тогдашнимъ московскимъ понятіямъ, злѣе, душепагубнѣе латинства во всемъ мірѣ другой ереси не было. И пустили враги Никона по народу слухъ нелѣпый, но зато быстро распространившійся отъ Днѣпра до Байкала и повсюду принятый за истину, не требующую доказательствъ: „Поляки да римскій костелъ, чрезъ врага Божія, Никона, хотятъ замутить русскую землю". И пошли по народу одни толки за другими. И пошла по людямъ мірская молва, что по морю морская волна. И было много смятенія въ людяхъ.

„Православный государь за многія неправды польскаго короля и пановъ рады и всей Рѣчи-Посполитой, съ помощію Божіею и своимъ государевымъ счастіемъ, отмщеніе чинитъ и храбрствомъ своимъ, доброхотствомъ же и многою службою и кровавыми ранами и пòтомъ христолюбиваго воинства, православныя церкви отъ прелестнаго папежскаго насилія боронитъ,—а на Москвѣ сидитъ мордвинъ и всѣмъ царствомъ мутитъ, держа руку государевымъ злодѣямъ и послѣдуя богоотметному римскому костелу". Такъ говорили въ Московскомъ государствѣ.

„Яко новый Іуда и святыхъ православныя вѣры догматовъ отметникъ, Исидоръ митрополитъ зломудренный на злочинномъ флорентскомъ соборѣ латинскую ересь прія и римскому папежу любезно прилѣпися; яко бѣсовскій сынъ и страдникъ Игнатій-грекъ, во дни растригины на патріаршемъ престолѣ бывый и Божіимъ попущеніемъ, врага же человѣческаго, діавола, дѣйствомъ, жезлъ святителя Петра въ скверной руцѣ своей державый, пагубному костелу и зловѣрнымъ езувитамъ, тако же и папежу римскому себѣ предаде;—тако и сей многомятежный Никонъ, смутитель россійскія земли, латинскую, Богомъ ненавидимую ересь прія, къ римскому костелу прилѣпися, повелѣнія зломудраго папежа творяй, проклятаго папы Формоза и сына погибельнаго Петра гугниваго преданія соблюдàяй, крайнюю лесть богомерзкаго латинскаго ученія... въ людяхъ Московскаго государства проповѣсть, хотяй всѣхъ православныхъ христіанъ широкими путьми пространнаго житія въ кромѣшную бездну адову ко отцу своему, діаволу, привести". Такъ говорили на Москвѣ, такъ говорили по городамъ, по селамъ, по деревнямъ.

„Никонъ, толковали, пріемшій латинскій (четвероконечный) крыжъ, ругаяся истинному и животворящему кресту Господню, трисоставному, осьмиконечному, нашилъ его, святынѣ и Богу Всевышнему ругаяся, на своихъ башмакахъ, да скверныма своима ногама ежечасно попираетъ святое знаменіе, его же бѣси трепещутъ и еже вселенную утверди".

„Никонъ, говорили, отметнувъ святый жезлъ Петра чудотворца, повелѣ его своимъ страдникамъ въ нуждную яму вкинути, а на своемъ скверномъ жезлѣ зміи антихристови нѣмецкою хитростію устрои, и егда

свою литургію богоотметную служитъ, благочестивые и христоподражательніи людіе воочію зрятъ, яко не святый омофоръ, но нѣкій мерзкій и престрашный, чермный змій на плещахъ его виситъ, ползая и трегощуще".

Таковы были народные толки о Никонѣ *). И раздался по городамъ и селамъ, по лѣсамъ и пустынямъ, тотъ самый ясакъ **), который лѣтъ сорокъ до того „воздвигъ отъ сна уснувшихъ", по выраженію Минина ***). Ясакъ тотъ былъ: „погибаетъ вѣра православная!". Еще живы были старики, что въ юности порадѣли дѣлу земскому, ходили съ Кузьмой Захарьевичемъ да съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ очищать Москву „отъ польскихъ людей и отъ русскихъ воровъ". „На то ли мы боронили святоотеческую, православную церковь,—говорили они теперь:—чтобы съ Никономъ-отступникомъ зловѣрію послѣдовать и, впадше въ смрадную яму еретичества, душами и тѣлесами погибнуть?" Противленіе патріарху до того дошло, что не только по многимъ церквамъ царствующаго града Москвы, но и въ самомъ Успенскомъ соборѣ священники и причтъ не переставали служить по старому, по-Іосифовски. При самомъ служеніи патріарха въ этомъ храмѣ, священникъ Иванъ Нероновъ не допускалъ чтецовъ троить аллилуію и много разъ спориваль о томъ съ самимъ Никономъ, къ явному соблазну богомольцевъ. Нероновъ былъ въ милости при дворѣ, и Никонъ въ то время еще не рѣшился строго поступить съ нимъ °). „И мнози,—говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ раскольническихъ писателей:—яко отъ священныхъ, тако и отъ мірскихъ, о того (Никона) новинахъ смущахуся, и великія молвы и мятежи въ Россійской земли совершаху" °°).

А между тѣмъ чума ходила по Россіи, и были повсемѣстные неурожаи. Страшная была гибель народа. Мы, современники холеры, не можемъ вполнѣ представить всѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось моровое повѣтріе 1654 года. Города опустѣли; посадскіе люди и крестьяне, которые не умерли, разбрелись врознь. Хоронить было некому; трупы гнили въ домахъ; иныя деревни вымерли поголовно °°°). Поля остались не засѣянными, кустарниками поросли. Оттого голодъ пошелъ, и на все непомѣрная дороговизна. Народъ молился, женщины по ночамъ

*) Все это буквально взято изъ раскольнической рукописи: «Порѣченія на новоявленнаго Арія, Несторія же и Діоскора, рекше Никона патріарха». Рукопись въ восьмушку, 152 страницы, безъ конца, новаго письма, нынѣшняго столѣтія; но она, по всему видно, списокъ съ сочиненія, современнаго Никону. Рукопись, какъ видно изъ надписи, принадлежала Тарасу Колосову, старообрядцу Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

**) Кликъ.

***) «Ельнинскій хронографъ». См. «Отеч. Записки», 1842, № 7.

°) Семена Денисова «Россійскій виноградъ. Повѣсть о Никонѣ патріархѣ».

°°) Тамъ же.

°°°) Акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря.

таинственно опахивали селенія, мужчины по обѣту строили „обыденныя“ церкви, обрѣтались чудотворныя иконы и, какъ гласятъ благочестивыя преданія, избавляли цѣлые города отъ мора. Народъ страдалъ и всю бѣду сваливалъ на того же Никона. „То — Божіе наказаніе,— говорилъ онъ:—за то, что многіе христіане, послѣдуя за Божіимъ врагомъ, отринули святоотеческіе завѣты и преданія“. Стояли необычайные морозы, были страшныя бури, градомъ выбивало поля, а на небесахъ то и дѣло видимы были знаменія: столпы кровавые ходили, солнце меркло, явилась огромная звѣзда съ метлой... „Зрите, православные, зрите знаменія гнѣва Господня, излія бо Вышній фіалъ ярости Своея, грѣхъ ради нашихъ. А за то всеблагій Творецъ родъ христіанскій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага Божія и Пречистыя Богородицы — волка Никона!“

И малая доля подобныхъ толковъ, проникая въ крестовую патріаршую палату, могла бы смутить всякаго, носившаго жемчужныхъ херувимовъ на головѣ и бархатную мантію на плечахъ, но не таковъ былъ Никонъ. Онъ, ужъ по природѣ своей, никакъ не могъ своротить съ разъ избраннаго пути, никакъ не могъ сдѣлать какой-либо уступки, — словомъ, ни одного шага назадъ. Препятствія лишь усиливали его энергію, и онъ, писавшійся „Божіею милостію великимъ государемъ и патріархомъ“, всѣмъ объемомъ души вѣрилъ въ свое божественное право не только учить, но и повелѣвать. За отсутствіемъ царя, онъ правилъ государствомъ, и передъ нимъ, вельдемановскимъ мордвиномъ, крестьянскимъ сыномъ, волей-неволей преклонялись гордые, заносчивые, родословные люди Московскаго государства. Боярская дума думала такъ, какъ хотѣлось Никону. Во всѣхъ приказахъ творилась воля его; для непокорныхъ же—тюремъ и застѣнковъ было не занимать стать. Врачъ душевный каралъ тѣлеса и каралъ тяжко. Непокорные попы томились въ ссылкахъ или въ монастырскихъ поварняхъ и погребахъ съ цѣпями на шеѣ. Дрожали и вельможи. Сама царица не считала себя вполнѣ безопасною. Здоровье ея сильно разстраивалось.

Никонъ счелъ нужнымъ строго, властію всей церкви, утвердить исправленный обрядъ. По правиламъ, это возможно было лишь посредствомъ помѣстнаго собора. Собору же быть безъ воли и личнаго присутствія государя, по тѣмъ же правиламъ и по всѣмъ бывшимъ примѣрамъ, какъ въ русской, такъ и въ византійской церкви, нельзя. А государь все въ Литвѣ. И невольно медлилъ Никонъ, досадуя, давая волю гнѣву, и, въ то же время постясь, молясь и нося тяжелыя вериги, умерщвлялъ плоть свою. Въ это время онъ начиналъ уже дѣятельную переписку съ восточными патріархами. Объ уступкахъ, о снисхожденіи, объ усмиреніи народа патріархъ и не помышлялъ: онъ презиралъ народъ и его желанія не меньше, чѣмъ впослѣдствіи Петръ.

Какъ скоро Алексѣй Михайловичъ воротился въ Москву, Никонъ созвалъ соборъ русскихъ архіереевъ (1656), еще разъ утвердившій ново-

исправленный обрядъ, приравнявшій двуперстіе къ ересямъ несторіевой и армянской и проклявшій крестящихся двумя перстами *). Тогда же, для повсемѣстнаго прекращенія службы по-старому, Никонъ приказалъ по всѣмъ приходамъ, и городскимъ и сельскимъ, отобрать старыя книги. Поступая такимъ образомъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду примѣръ патріарха Филарета, не только повсюду отобравшаго, но даже и сжегшаго „Уставъ", напечатанный въ Москвѣ въ 1610 г. Но что удалось царскому отцу, то не прошло благополучно при сынѣ вельдемановскаго мордвина. Двуперстники на соборную анаоему отвѣчали анаоемой, а разосланнымъ для отобранія старыхъ, свято чтимыхъ книгъ „по многимъ городамъ и селамъ не отдавали и служить по нимъ не переставали". Посланные мѣстами прибѣгали къ насиліямъ; бывали драки и даже увѣчья изъ-за книгъ, а изъ нѣкоторыхъ церквей мірскіе люди тайкомъ брали старыя книги и, какъ драгоцѣнность, уносили съ собой въ лѣса, въ пустыни, въ тундры отдаленнаго сѣвера. До крайности крутая мѣра отобранія старинныхъ книгъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства потрясла всѣхъ, а особенно людей простыхъ. „Какъ же,—говорили они:—вѣдь по этимъ книгамъ столько лѣтъ божественную службу правили, вѣдь по этимъ книгамъ святыя тайны совершали и насъ освящали, а теперь эти книги не въ книги? По этимъ книгамъ святые отцы Богу угодили, а теперь онѣ негодны стали! Кто же правѣе, кто же святѣе: святые отцы и преподобные или Никонъ?" Вразумлять такъ говорившихъ, что таинство и души человѣческія освящаются не внѣшнимъ обрядомъ и не старыми или новыми книгами, а вѣрою и благодатію, что исправленіе обряда необходимо—было совершенно невозможно. Простые сердцемъ и не книжные люди этого не понимали, да и понять не могли. Что же вышло? Всѣ люди набожные, всѣ люди, преданные церкви, уклонились отъ Никона и образовали *расколъ*. Сюда принадлежало преимущественно простонародіе, особенно женщины. Напротивъ, люди болѣе или менѣе равнодушные приняли все, введенное Никономъ. Сюда принадлежало большинство людей высшихъ классовъ тогдашняго общества. Нелегко было и имъ переучиваться креститься: по привычкѣ, усвоенной съ младенчества, правая рука все складывала для крестнаго знаменія два перста, но понемногу эти люди пріобрѣли навыкъ креститься по-новому.

Никонъ въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на авторитетъ восточныхъ православныхъ патріарховъ и надѣялся на нихъ, какъ на каменную стѣну. Но люди Московскаго государства грековъ ставили ни во что. Въ XVII столѣтіи патріархи, митрополиты, архимандриты, монахи и купчины греческіе то и дѣло къ намъ ѣздили: привозили они четки іерусалимскія, иконы, камешки отъ святыхъ мѣстъ Палестины и взамѣнъ того получали червчатые бархаты венецейскіе, дорогіе аксамиты

*) «Скрижаль», I, л. 11, на обор.

и алтабасы, сибирскихъ соболей, кафимскій жемчугъ и золотые ефимки. Чтобы получить побольше милостыни отъ набожнаго царя и благочестивыхъ его подданныхъ, греки возбуждали ихъ къ большей щедрости преувеличенными нерѣдко разсказами о паденіи православія на Востокѣ. „Отъ тѣсноты и гоненія агарянскаго,—говорили они:—померче православія свѣтъ на Востокѣ; только во единой Москвѣ, семъ третьемъ Римѣ, истинная вѣра сіяетъ, яко свѣтило". Такія рѣчи приходились русскимъ по-сердцу; онѣ льстили народному самолюбію. Иные греки говорили: „къ вамъ, въ Москву, надо ѣздить учиться благочестію". Это еще болѣе радовало русскихъ и прибавляло хорошіе лишки къ милостынѣ, подаваемой „разореннымъ грекамъ". Но уважать грековъ — не уважали. Слова: „суть же греци льстивы (то-есть обманщики) до сего дня" со временъ преподобнаго Нестора не выходили изъ сознанія русскихъ людей. Бывавшіе въ Москвѣ греческіе патріархи и митрополиты (1649—1654 *), видя рознь московскихъ обрядовъ съ греческими, не одобряли ея и совѣтовали Никону поскорѣе приступить къ рѣшительному исправленію. Аѳонскіе старцы тоже говорили, что московскій обрядъ нехорошъ, и жгли книги московской печати. Русскій народъ не слушалъ ни патріарховъ ни аѳонскихъ монаховъ, зато послушалъ старца Арсенія Суханова, своего, русскаго, посланнаго царемъ и Никономъ на Востокъ досматривать тамошніе обряды. Сухановъ все, что видѣлъ, описалъ въ своемъ „Проскинитаріи", и списки съ этого сочиненія быстро разошлись въ народѣ. Въ немъ русскій паломникъ описалъ всѣ несходства обряда греческаго съ нашимъ, но еще болѣе описывалъ небреженіе грековъ къ обряду. А для русскихъ людей это больше всего значило. Равнодушіе грековъ къ памятникамъ святыни, сообщенія ихъ съ иновѣрцами, несоблюденіе постовъ въ томъ строгомъ видѣ, въ какомъ установились они въ послѣднее время у насъ на сѣверѣ, странная для московскаго глаза одежда духовныхъ лицъ и самихъ монаховъ, ношеніе мірянами европейскаго платья — все это до глубины души возмущало Суханова, и онъ съ наивностью паломника записалъ свои впечатлѣнія. Особенно поразило нашихъ предковъ, когда они прочитали у Суханова о гречанкахъ. На Москвѣ женщины были особенно набожны и приходили въ церковь не иначе, какъ подъ фатой, и становились особо отъ мужчинъ. Гречанки же, по словамъ Суханова, „ходятъ по-франкски (то-есть по французской модѣ), рубашекъ не застегаютъ, груди всѣ голы, вся шея до сисекъ нага и держатъ шею и сиськи чисто гораздо, якобы для прелести. И такъ ходятъ не токмо жены, но и дѣвицы. И женятся греки у франковъ и франки у гре-

*) Паисій, патріархъ Іерусалимскій, въ 1649 г.; Гавріилъ, митрополитъ Назаретскій, въ 1652 г.; Аѳанасій, патріархъ Константинопольскій, въ 1653 г.; Макарій, патріархъ Антіохійскій, и Михаилъ, патріархъ Сербскій, въ 1654 г.

ковъ“ *). Это на московскіе глаза было самою страшною ересью и самымъ сильнымъ развратомъ. Никогда не пользовавшіеся добрымъ мнѣніемъ нашихъ предковъ, греки, съ появленіемъ сухановскаго „Проскинитарія“, упали еще ниже. Въ то же время узнали на Руси, что многіе греки признали главенство папы римскаго, что изъ самихъ константинопольскихъ патріарховъ иные склонялись къ латинству, что въ Константинополѣ нѣкоторые греки уклонились и въ кальвинство. Еще двадцати лѣтъ не минуло, какъ тамошній патріархъ, Кириллъ Лукарисъ, явный протестантъ, былъ утопленъ турками. И не только въ западной Руси, въ самой Москвѣ явились-было кальвинисты, послѣдователи Лукариса. Хотя дѣло объ этомъ ведено было въ большомъ секретѣ, однакоже слухъ о патріархѣ-кальвинистѣ ходилъ по Москвѣ **).

„У грековъ вѣра пестра,—говорили двуперстники:—по взятіи турскимъ салтаномъ Царьграда православіе у нихъ погибло, и они теперь, подъ личиною православія, содержатъ ереси: латинскую, кальвинскую и армянскую“.—„А Никонъ къ намъ хочетъ вводить сію пеструю вѣру!“ — говорили другіе. И когда указывали имъ на восточныхъ патріарховъ, сидящихъ на апостольскихъ престолахъ, что и они содержатъ тѣ самые обряды, которые Никонъ теперь велѣлъ на Москвѣ исполнять, что эти патріархи вполнѣ одобрили новыя книги,—слушать ничего не хотѣли двуперстники, начитавшіеся „Проскинитарія“, и отвѣчали увѣщателямъ: „Знаемъ мы тѣхъ патріарховъ, знаемъ мы, какъ они съ богомерзкими турками съ одного блюда мясо ѣдятъ“. А тутъ Аввакумъ-протопопъ изъ заточенія разсылаетъ грамотки, двуперстники переписываютъ ихъ въ сотняхъ экземпляровъ. И говоритъ Аввакумъ вслухъ всей Россіи: „мудры б—ны дѣти греки; да съ варваромъ турскимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ рафленыя курки, а русачки миленькіе не такъ: въ огонь полѣзутъ, а благовѣрія не предадутъ“ ***).

Задавали себѣ русскіе люди, ревнители старины и стараго обряда, вопросъ: „православны ли греки?“—и всегда почти рѣшали такой вопросъ отрицательно. „Вѣдь сами же греки сказывали, что имъ надо ѣздить въ Москву учиться православію, а теперь хотятъ насъ учить“.

„Сказываютъ, — толковали на Руси и въ домахъ, и на базарахъ, и на другихъ многолюдныхъ собраніяхъ:—сказываютъ, что и крещены-то греки не въ три погруженія, а обливаны, какъ обливаютъ въ римскомъ костелѣ. А крещеніе такое нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе. И въ черкасскихъ городѣхъ (Малороссіи) тоже обливаютъ, и въ Кіевѣ водится та же ересь, и у бѣлоруссцевъ, а все оттого, что тамошніе люди всегда были подъ греческимъ, цареградскимъ патріархомъ, а не

*) Арсеній Сухановъ. «Проскинитарій». Описаніе острова Хіо.

**) Дѣло о послѣдствіяхъ уклоненія Лукариса въ кальвинство до сихъ поръ, кажется, запечатано, хотя и миновали уже два вѣка послѣ его производства.

***) Аввакумъ, «Второе посланіе къ Симеону».

подъ нашими, православными. Оттого святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій, и велѣлъ крестить бѣлоруссцевъ совершенно" *).

„Вездѣ нарушена вѣра православная, только въ Московскомъ государствѣ до дней нашихъ стояла она твердо и сіяла яко солнце. А теперь и у насъ врагъ Божій Никонъ хочетъ ее извести"... — „Что же это значитъ? Къ чему все это идетъ?"—спрашивали грамотеевъ скорбные, упавшіе духомъ люди. Грамотеи раскрывали свято почитаемую народомъ и опороченную Никономъ „Книгу Вѣры", собирали вокругъ себя кружки и, возгласивъ: „внемлите, православные!", такъ читали и толковали:

„По тысящи лѣтъ отъ воплощенія Божія Слова бысть развязанъ сатана, и Римъ отпаде со всѣми западными церквами отъ восточныя церкви. Въ 595 лѣто по тысящи жители въ Малой Руссіи къ римскому костелу приступили и на всей воли римскаго папы заручную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкви. Егда же исполнится 1666 лѣтъ, да нѣчто бы отъ прежде бывшихъ винъ зла нѣкаковаго не пострадати и намъ".

Роковой годъ приближался. Число 666 есть число апокалипсическаго звѣря. Не народился ли въ лицѣ Никона антихристъ? Такой вопросъ возникъ у двуперстниковъ и былъ рѣшенъ положительно. Возненавидѣли Никона всѣ отъ мала до велика, и не было ему другого имени, какъ врагъ Божій да антихристъ. А онъ строилъ себѣ свой Воскресенскій монастырь, по подобію великой іерусалимской церкви, спорилъ съ боярами, поссорился и съ царемъ. Самовольно оставивъ престолъ святителя Петра, засѣлъ онъ въ своемъ Новомъ-Іерусалимѣ

*) Ложный слухъ о поливательномъ крещеніи у грековъ введенъ былъ позднѣе въ самый «Проскинитарій» Арсенія Суханова безпоповцами, что много послужило къ распространенію между русскими старообрядцами убѣжденія, будто греки не имѣютъ правильнаго, въ три погруженія, крещенія. Старообрядцевъ, авторъ написаннаго въ 1861 году сочиненія: «Сказаніе о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся», такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: «Есть выпущенная тетрадь, въ видѣ отрывка Арсеніева въ путешествіи описанія, въ которой доказывается, что якобы Арсеній видѣлъ обливательное крещеніе у грековъ, но это совершенная ложь; ибо оная тетрадь, какъ мы безсомнительно дознались, сочинена поморскими безпоповцами съ такою цѣлью, чтобы поддержать свою, на пескѣ основанную, секту. Что въ подлинной книгѣ Арсеніева путешествія, которую мы сами отъ перваго даже до послѣдняго листа съ великимъ прилежаніемъ изслѣдовали, отнюдь не обрѣтается; нѣтъ сего и во всѣхъ списанныхъ съ оной у многихъ частныхъ лицъ находящихся книгахъ. Сверхъ того, тетрадь, доказывая время и мѣсто Арсеніева самовидѣнія, сама открываетъ подлогъ, ибо по описанію самимъ Арсеніемъ путешествія его съ означеніемъ времени и мѣста, когда и гдѣ находился, онъ въ то время тамъ вовсе не былъ». Подлинникъ «Проскинитарія» находится въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры.

и ни шагу въ Москву. Между тѣмъ расколъ церковный съ каждымъ днемъ развивался болѣе и болѣе. Государь то и дѣло изо всѣхъ концовъ царства получалъ челобитныя на Никона, съ просьбою возстановить нарушенный имъ обрядъ. Двуперстники твердо были увѣрены, что долго созываемый соборъ для суда надъ Никономъ отвергнетъ его „новшества". Соборъ какъ нарочно собрался въ роковомъ 1666 году. Никонъ былъ осужденъ, но всѣ распоряженія его по исправленію обряда одобрены и утверждены, а ревнители старины преданы анаѳемѣ.

„Погибло православіе!" — завопилъ народъ, ревностно преданный старинѣ. И былъ стонъ и плачъ по селамъ и деревнямъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Стали ждать съ часу на часъ трубы архангела. „Міръ кончается, антихристъ явился, близокъ часъ страшнаго суда Христова!" — говорили повсюду.

При такомъ настроеніи умовъ совершился въ русской церкви *расколъ старообрядства.*

II.

Первая мысль исканія архіерейства.

На сторонѣ противниковъ Никона, ревнителей упраздненнаго въ господствующей церкви обряда, оказались не исключительно одни бѣлые священники: были и монахи, были даже архіереи. Таковы, по сказаніямъ раскольниковъ, были: Макарій новгородскій († 1663), Маркеллъ вологодскій († 1656), Александръ вятскій († 1679) — три іерарха сѣверной части Великой Россіи, гдѣ первоначально появились, дольше употреблялись и сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь укрѣпились обряды, отвергнутые Никономъ и проклятые соборомъ 1667 года. Изъ названныхъ архіереевъ дожилъ до этого собора одинъ только Александръ. Онъ былъ призванъ къ соборному суду, раскаялся въ своемъ заблужденіи, былъ принятъ въ общеніе съ церковью, но черезъ семь лѣтъ опять пошелъ по старинѣ, самовольно оставилъ вятскую каѳедру и удалился въ пустыню, подлѣ Сольвычегодска. Не видно однакоже изъ письменныхъ памятниковъ того времени, какъ церковныхъ, такъ и раскольничьихъ, не сохранилось и въ преданіяхъ, чтобы архіереи новгородскій, вологодскій и вятскій при самомъ началѣ раскола поставили для старообрядцевъ изначала желаемаго ими архіерея.

Болѣе явно, болѣе гласно воспротивился Никону епископъ Павелъ коломенскій. Онъ былъ землякъ Никону, и у нихъ были старые между собою счеты. Подъ соборнымъ постановленіемъ 1654 года (при изданіи „Служебника") Павелъ написалъ слѣдующій протестъ: „аще кто отъ обычныхъ преданій святыя каѳолическія церкви отыметъ, или приложитъ, или инако развратитъ, анаѳема да будетъ". Никонъ увлекся: осудилъ личнаго врага своего *безъ собора* и сослалъ его въ монастырь Палеостровскій, что на берегу Онежскаго озера.

Имѣли старообрядцы поповъ довольно, но не было у нихъ архіерея. Отдѣляясь отъ господствующей церкви не изъ-за догматовъ, не изъ-за формъ церковной администраціи, а лишь изъ-за обряда, они признавали, согласно православному ученію, что въ истинной церкви, которая, по слову Спасителя, будетъ стоять до скончанія міра, необходимо нужны три чина іерархіи: епископскій, іерейскій и дьяконскій, съ преемственнымъ отъ самихъ апостоловъ рукоположеніемъ. Необходимость имѣть архіерея была для нихъ крайне чувствительна. Потому приходившіе къ Павлу въ палеостровское заточеніе, для собесѣдованія и ради благословенія, старообрядцы-двуперстники просили его о посвященіи имъ архіерея. Видно, Палеостровскій монастырь вовсе не былъ такою крѣпкою тюрьмой, какою представляютъ его нѣкоторые раскольническіе писатели, разсказывая о темничномъ заточеніи страдальца Павла. Къ нему имѣли свободный доступъ. Онъ поучалъ приходящихъ, приказывалъ имъ свято хранить преданія и крѣпко держаться іосифовскихъ книгъ и старыхъ обрядовъ, поддерживалъ въ нихъ ревность къ старинѣ, ненависть къ Никону и его „новшествамъ", но, вопреки нѣкоторымъ позднѣйшимъ сказаніямъ, рѣшительно отказывался отъ посвященія не только архіерея, но даже и священника.

— Какъ же сохранимся въ благочестіи, владыка святый? — говорили Павлу, слезно рыдая, ревнители стараго обряда. — Какъ же мы сохранимся въ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, понеже ни единъ архіерей подобенъ тебѣ остался? Есѣ они (архіереи) волею и неволею Никоновы книги и новые чины пріяли. Посвяти намъ епископа правовѣрнаго.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Павелъ: — не могу сего сотворите, понеже, хотя безвинно осужденъ есмь, самому же ся отмстить не повелѣно. Уже праведный Судья, Христосъ, Богъ нашъ, будетъ насъ съ Никономъ судить.

— Но какъ же намъ быть безъ епископа, владыко святый?

— Поищите отъ епископовъ, — отвѣчалъ палеостровскій заточенникъ: — хоть они и подписалися Никоновы преданія хранить, но еще благодать Божія, по нуждѣ, за преступленіе, отъ нихъ до времени не отступила.

Много и неустанно молили Павла старообрядцы, но онъ оставался непреклоннымъ. Безъ сомнѣнія, самъ Павелъ не воображалъ, какъ далеко зайдетъ расколъ церковный впослѣдствіи. Слѣдуя его совѣту, двуперстники искали кого-либо изъ великороссійскихъ архіереевъ, который бы пошелъ къ нимъ, или бы согласился посвятить для нихъ особаго епископа, но „сего сдѣлать, лютаго ради гоненія, не могоша" *). Такъ

*) Іона Курносый, рукопись XVIII ст. въ 8-ку. Отсюда взятъ буквально разговоръ старообрядцевъ съ Павломъ коломенскимъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ разговоры заимствованы мною, также буквально, изъ сочиненія Іоны. Іона Курносый, раскольническій писатель поповщинскаго толка, жилъ во второй половинѣ XVIII ст. въ Комаровскомъ скиту (верстахъ

и умеръ Павелъ, не поддавшись на многія и частыя прошенія приходившихъ къ нему старообрядцевъ.

Въ 1667 году московскій соборъ предалъ непокорныхъ господствующей церкви двуперстниковъ анаѳемѣ; они на анаѳему отвѣчали анаѳемой. Дѣло зашло уже слишкомъ далеко, такъ далеко, какъ не думали и не предвидѣли первые поборники стараго обряда, толковавшіе о Никоновыхъ „новшествахъ“ въ боярскихъ хоромахъ и въ теремахъ царицы Марьи Ильиничны. Примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Отлученные отъ церкви хорошо понимали, что имъ уже нѣтъ возврата въ ея нѣдра. Но такъ какъ они не отвергали ни догматовъ, ни правилъ православія, ни уставовъ церковныхъ, дѣйствовавшихъ до Никона, а только нѣкоторые обряды внѣшняго богопочтенія совершали по старинѣ, по-іосифовски, то естественно должны были озаботиться о полнотѣ священнаго чина въ своей церкви, которую считали единою истинною и православною. Въ священникахъ на первый разъ недостатка у нихъ не было: бѣлаго духовенства, уклонившагося въ расколъ при самомъ началѣ его, было довольно; но гдѣ же взять епископа, который бы рукополагалъ имъ новыхъ священниковъ, освящалъ миро и антиминсы, судилъ духовныя дѣла и правоправилъ клиромъ и церковью?

Въ первое время послѣ анаѳемы, провозглашенной въ московскомъ

въ 25 отъ города Семенова, подлѣ деревни Елфимовой), основанномъ раскольникомъ Комаромъ, пришедшимъ сюда, на Керженецъ, изъ Тверской губерніи. Въ этомъ скиту была мужская обитель, въ которой въ половинѣ прошлаго вѣка былъ настоятелемъ старецъ Ефремъ; въ его-то обители и жилъ Іона, одинъ изъ самыхъ умныхъ и начитанныхъ старообрядцевъ того времени. Въ Комаровѣ крѣпко держались правила, чтобы приходящихъ отъ великороссійской церкви поповъ и мірянъ принимать *вторымъ чиномъ*, т.-е. посредствомъ миропомазанія. Хотя «дьяконовщина» (требовавшая отъ приходящихъ только «исправы» и «проклятія ересемъ» (пріемъ *третьимъ чиномъ*) возникла здѣсь же, на Керженцѣ, отъ Александра-дьякона, казненнаго въ мартѣ 1720 года въ Нижнемъ, однако послѣдователей этого толка мало осталось здѣсь: послѣдователи его почти всѣ ушли въ Стародубье; на Керженцѣ же оставались немногіе въ Оленевскомъ скиту, гдѣ и держались даже до 1853 года. Іона Курносый былъ ревностный приверженецъ ученія «перемазыванія» и на московскомъ соборѣ поповщины, бывшемъ въ 1779 году и окончательно утвердившемъ это правило, крѣпко стоялъ за него (Анд. Іоан. Журавлева «Ист. изв. о раскольникахъ», стр. 321 и слѣд.). Онъ написалъ для этого собора «Исторію о бѣгствующемъ священствѣ» и другія сочиненія; его «Исторію о бѣгствующемъ священствѣ» не должно смѣшивать съ сочиненіемъ Ивана Алексѣева подъ тѣмъ же названіемъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ» Іоны Курносаго напечатана Г. В. Есиповымъ въ приложеніяхъ ко второму тому «Раскольничьихъ дѣлъ XVIII столѣтія», гдѣ однако не означено почему-то имя автора. Рукописная исторія Іоны Курносаго, та самая, что напечатана г. Есиповымъ, 20-го іюня 1799 года была представлена казанскимъ архіепископомъ Амвросіемъ (см. дѣло московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ 1799 г. № 181171, на 20 листахъ). У г. Есипова недостаетъ конца исторіи Іоны Курносаго. Особенно важно для исторіи архіерейства у старообрядцевъ «Письмо соборнаго старца, первѣйшаго во время собра-

Кремлѣ на непокорныхъ двуперстниковъ, заботы ихъ объ отысканіи архіерея не были очень сильны. Тогда, какъ сказано уже, распространилось въ народѣ всеобщее глубокое убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра. Повсюду слышались толки, что наступили послѣднія времена, что скоро померкнетъ солнце, звѣзды спадутъ съ неба и сгоритъ земля, а на ней и всѣ дѣла человѣческія. Были твердо и несомнѣнно убѣждены, что царство антихриста началось съ 1666 года, согласно пророченію автора „Книги Вѣры".

По Апокалипсису же, власть антихриста должна продлиться ни болѣе ни менѣе, какъ два съ половиною года. Стало-быть, въ 1669 году кончина міра неминуемо должна послѣдовать. И вотъ по Поволжью, гдѣ особенно силенъ былъ расколъ, а также въ лѣсахъ и пустыняхъ отдаленнаго сѣвера, собираются люди толпами, постятся, молятся, приносятъ другъ другу покаяніе въ грѣхахъ, пріобщаются старинными дарами и, простившись съ земнымъ міромъ, ожидаютъ въ страхѣ и трепетѣ трубы архангела. Одни надѣваютъ черныя рясы монашества, другіе отказываются отъ пищи и добровольно умираютъ голодною смертью— „запощеваются". Изстари было и до сихъ поръ повсемѣстно сохрани-

нія или соборованія о нужнѣйшихъ случаяхъ засѣдателя». Оно, повидимому, писано было къ заводскимъ старообрядцамъ, т.-е. къ ушедшимъ съ Керженца и поселившимся на Уралѣ, на заводахъ Демидова (Нижнетагильскомъ и др.), гдѣ нѣкоторое время жилъ Іона и едва ли не тамъ и писалъ «Посланіе соборнаго старца». На это посланіе мы преимущественно ссылаемся въ этомъ сочиненіи. Въ предисловіи къ посланію говорится между прочимъ: «купно согласовалъ онъ, написатель (Іона), и своему игумену, отцу Ефрему, и прочимъ старшимъ отцемъ, помудрнѣе его, написателя». Іона Курносый считается у керженскихъ старообрядцевъ праведнымъ; у его гробницы (въ Комаровскомъ скиту) растетъ большая ель, называемая *Іониною елью;* стволъ ея весь изгрызенъ. Набожные старообрядцы приходятъ на гробницу для поклоненія, поютъ «канонъ за единоумершаго» и молятся. Особенно много ходитъ сюда больныхъ зубами. Приписывая «Іониной ели» силу чудотворенія, они грызутъ ее и, какъ увѣряютъ, исцѣляются. Послѣ Ефрема, Іона былъ настоятелемъ обители, которая съ того времени и получила названіе «Іониной». Въ этой обители до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сохранились сочиненія Іоны (см. іеросхимонаха Іоанна «Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ». Москва, 1841 г., стр. 42). Въ 1832 году умеръ послѣдній настоятель Іониной обители, Павелъ. Онъ былъ *тайный православный,* оставаясь ради житейскихъ выгодъ игуменомъ раскольнической обители. По духовному завѣщанію, всѣ строенія и движимое имущество обители, офиціально значившіяся частною его собственностью, завѣщалъ онъ въ церковь села Пафнутова и тамошнему священнику, своему тайному духовнику. Куда при этомъ дѣвались рукописи — неизвѣстно. Оставшіеся монахи и бѣльцы, въ числѣ 8 человѣкъ, послѣ смерти Павла разошлись по сторонамъ. Старая большая деревянная часовня съ колокольнею, построенная еще Іоною, и ветхія деревянныя кельи, со службами, оставлены были безъ всякаго призору и разваливались постепенно; въ 1850 г. въ нихъ уже опасно было ходить; ихъ сломали. Было въ началѣ сороковыхъ годовъ намѣреніе устроить въ нихъ женскую единовѣрческую общину, но, по недостатку денежныхъ средствъ, это не состоялось.

лось въ русскомъ народѣ суевѣрное убѣжденіе, будто кончина міра послѣдуетъ не иначе, какъ ночью, въ самую полночь, или съ субботы на воскресенье передъ масленицей, — въ это воскресенье, въ старину, въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, совершался даже особый обрядъ страшнаго суда, — или въ ночь на Троицынъ день. Эти ночи въ 1669 году старообрядцы нижегородскіе, а вѣроятно, и другихъ мѣстъ, безъ сна проводили въ лѣсахъ и оврагахъ. Надѣвъ чистыя рубахи и саваны, ложились они въ заранѣе приготовленные долбленые гробы и, лежа въ нихъ, пѣли заунывнымъ, протяжнымъ, за душу хватающимъ напѣвомъ:

Древянъ гробъ сосновый,
Ради мене строенъ.
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангелы вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ.
Я, хотя и грѣшенъ,
Пойду къ Богу на судъ.
Къ судьѣ двѣ дороги,
Широкія, долги;
Одна-то дорога —
Во царство небесно,
Другая дорога —
Во тьму кромѣшну *).

Другіе по чину церковному сами себя отпѣвали, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ земля потрясется, камни распадутся, солнце и луна померкнутъ, звѣзды, какъ дождь, посыплются на землю, и протекутъ рѣки огненныя, и пожрутъ тѣ рѣки всю тварь земнородную. Не только излишнимъ, но даже богоборнымъ дѣломъ считали заботы о земномъ. Еще съ осени 1668 года забросили поля, не пахали, не засѣвали, а въ 1669 забросили и домà. Голодная скотина, брошенная на произволъ судьбы, бродила безъ пастуховъ и жалобнымъ мычаніемъ вторила заунывному пѣнію лежавшихъ въ гробахъ хозяевъ. Ясачная мордва и бортники, а вмѣстѣ съ ними и русскіе люди, не подвергшіеся вліянію нравственной эпидеміи, забирали безпризорный скотъ и расхищали дочиста покинутыя деревни **).

Миновали страшныя ночи, миновалъ и весь роковой годъ, а міръ стоитъ попрежнему.

Чтò же это? Какъ же не исполнилось святое, не мимо идущее слово Апокалипсиса? Два съ половиною года прошли, а кончины міра не бывало. Не знаемъ, много ли было благоразумныхъ, отрезвившихся при этомъ, но мысль о близкой кончинѣ міра долго и послѣ того не покидала старообрядцевъ. Вспомнили, что „Книга Вѣры“ начинаетъ свое

*) Это — пѣсня такъ называвшихся въ XVIII столѣтіи «гробополагателей», которую они «пѣли во гробѣхъ». Вѣроятно, она перешла къ нимъ изъ описываемой эпохи.

**) Акты Печерскаго монастыря.

пророческое лѣтосчисленіе съ года Рождества Христова, а вѣдь сатана, говорили они, былъ связанъ въ день спасительнаго воскресенія Іисуса Христа. Разсчитали поэтому, что антихристъ придетъ въ 1699 году, конецъ же міра наступитъ не ранѣе половины 1702 года, ибо тридцать три года было земной жизни Спасителя. Тогда будетъ кончина міра, тогда непремѣнно будетъ антихристъ чувственный, антихристъ, во плоти пришедшій. И завладѣетъ онъ царствомъ, и надѣнетъ на главу свою вѣнецъ, и на мѣстѣ святѣ учинитъ мерзость запустѣнія, Даніиломъ пророкомъ прореченную, и муками и великими прещеніями истребитъ онъ поклоненіе Господу Іисусу Христу. Это вѣрованіе подготовило Григорія Талицкаго и иныхъ, огласившихъ Петра I антихристомъ и тѣмъ навлекшихъ на раскольниковъ страшныя гоненія со стороны правительства. Начались толки о пришествіи въ 1666 году антихриста не во плоти, не „чувственнаго", а пока еще „духовнаго". Начались выкладки и расчисленія апокалипсическихъ двухъ съ половиною лѣтъ и даніиловыхъ седьминъ. День страшнаго суда отсрочили, но ненадолго; съ часу на часъ ждали антихриста во плоти. Глава раскола, Аввакумъ, прежде сильною и искреннею рѣчью поддерживалъ въ старообрядцахъ твердую увѣренность въ дѣйствительность совершившагося уже въ 1666 году пришествія „чувственнаго" антихриста. Онъ даже прямо, какъ будто очевидецъ, писалъ прежде своимъ приверженцамъ: „Я, братія моя, видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную; право, видѣлъ. Плоть у него вся смрадъ и зѣло дурна, огнемъ пышетъ изо рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ, по немъ царь нашъ послѣдуетъ, и власти, и множество народа" *). Теперь онъ, пустозерскій заточенникъ, заговорилъ иное: „А о послѣднемъ днѣ и о антихристѣ не блазнитеся: еще онъ, послѣдній чортъ, не бывалъ. Нынѣшніе бояре комнатные, ближніе друзья его, еще возятся, яко бѣси, путь ему подстилаютъ и имя Христово выгоняютъ. А какъ вычистятъ вездѣ, такъ еще Илья и Енохъ, обличители, прежде придутъ, а потомъ антихристъ въ свое время" **). Слова „изящнаго страдальца" за старую вѣру, „протосингела россійской церкви", какъ называли раскольники Аввакума Петровича, какъ и самъ онъ называлъ себя, были въ ту пору высшимъ авторитетомъ для отлучившихся отъ общенія съ церковью. Смутное время денно-нощнаго ожиданія архангельской трубы прекратилось, но зато день за день ждали Илію и Еноха, а за ними и настоящаго антихриста.

Но годы шли за годами, а труба архангельская все не гремѣла, и жизнь міра все попрежнему шла своею обычною чередою. Въ семействахъ старообрядцевъ младенцы возмужали, люди взрослые постарѣли, пожилые сошли въ могилу дряхлыми стариками, не дождавшись свѣто-

*) Аввакумъ: «Посланіе о видѣніи антихриста» (рукопись).

**) Онъ же: «Посланіе изящнаго страдальца, преосвященнаго Аввакума, протосингела россійскія церкви, еже посла изъ темницы своея, живши на брезѣ окіяна» (рукопись).

преставленія. А поповъ съ каждымъ годомъ становилось у нихъ меньше да меньше, къ исходу же XVII вѣка и совсѣмъ вымерли попы, что̀ оставили господствующую церковь при самомъ появленіи никоновскаго „Служебника“, тѣ, которые ни разу не обошли налоя противъ солнца, ни разу не перекрестились тремя перстами. Смерть брала свое.

При такомъ „оскудѣніи священства“, однѣ раскольническія общины рѣшились остаться вовсе безъ поповъ. „Самъ Христосъ, — говорили они: — будетъ для насъ невидимымъ святителемъ, какъ непреложно есть Онъ невидимый глава церкви православной“. „Сами себя освящайте, сами себѣ священники бывайте“, — эти слова златоустовскаго „Маргарита“ сдѣлались теперь для нихъ основнымъ пунктомъ догматствованія. И, не отвергая священства по принципу, они отвергли его по факту. „Благодать Божія взята на небо, — сказали они: — нѣтъ болѣе ни священства ни освященія и не будетъ его до кончины міра, она же не закоснитъ“. Такъ образовался расколъ *безпоповщины*, вскорѣ распавшійся на многіе толки. Безпоповщина рѣшительно отвергла бракъ и снисходительно отнеслась къ блудной жизни и самому разврату. Идеаломъ ея было общество монаховъ, самый суровый аскетизмъ и всеподавляющая мертвая обрядность. Послѣдователи этого толка явились первоначально въ Заонежскомъ краѣ, въ Поморьѣ, въ лѣсахъ Сѣвера и Сибири, вдали отъ городовъ и большихъ селеній, среди пустынной, унылой, мертвенной природы. Эта суровая, мрачная природа имѣла немалую долю вліянія на ту суровость міросозерцанія, которую истые безпоповщинскіе раскольники всецѣло удержали даже до дней нашихъ.

Не то было въ городахъ и большихъ селеніяхъ, и вообще въ мѣстахъ, гдѣ населеніе жило тѣснѣе, гдѣ было больше жизни, гдѣ изстари тѣснѣе были завязаны узы общественныя и семейныя. Тамъ образовалась такъ-называемая *поповщина*. Послѣдователи ея не чуждались міра и связей семейныхъ, считая ихъ необходимыми, и необходимымъ считали правильное церковное благословеніе брачнаго сожитія, т.-е. таинство брака. Они твердо держали въ своей памяти, что бракъ, какъ и другія таинства, пріемлемыя православіемъ, должны, по слову Спасителя, существовать до скончанія міра. Поэтому считали необходимымъ священство, считали еще болѣе необходимымъ имѣть поповъ, какъ совершителей таинствъ. Но, не имѣя архіерея, преемственно отъ апостоловъ получившаго власть святительскую, который бы имѣлъ право и власть рукополагать новыхъ поповъ, старообрядцы толка поповщины стали привлекать къ себѣ священниковъ отъ господствующей церкви „стараго“, т.-е. до-Никоновскаго рукоположенія и „стараго“ крещенія. Черезъ немного лѣтъ вымерло поколѣніе поповъ, посвященныхъ ранѣе 1654 года, по старымъ книгамъ. Тогда поповщина „нужды ради“ стала принимать къ себѣ поповъ „новаго“ рукоположенія, но крещенія „стараго“. Прошли еще годы, и вымерло почти все поколѣніе людей, родившихся прежде 1654 года и крещенныхъ по Іосифовскимъ книгамъ.

Это почти совпало съ тѣмъ временемъ, когда южнорусскія церкви подчинены были духовной власти московскаго патріарха и вслѣдъ затѣмъ много священниковъ, а особенно архіереевъ, родомъ изъ Малороссіи, явилось по городамъ великорусскимъ. Это были люди ученые, получившіе въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ такое образованіе, о какомъ и не снилось тогдашнимъ людямъ Московскаго государства. Но раскольники давно уже заподозрѣли Малороссію въ нѣкоторомъ отступленіи отъ православія, въ уклоненіи къ римскому костелу, чему особенно подавало поводъ „обливательное крещеніе", нерѣдко бывшее въ малороссійскихъ церквахъ, да и въ Великой Россіи, въ крайнихъ случаяхъ, т.-е. въ случаѣ болѣзни младенца, допускавшееся „Требникомъ" перваго московскаго патріарха Іова. Обливательное крещеніе, по понятіямъ раскольниковъ, есть еретическое, а крещеніе еретическое, сказано въ старыхъ книгахъ, „нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе". Потому, рѣшившись принимать бѣглыхъ поповъ отъ церквей православныхъ, послѣдователи старообрядческой поповщины поставили непремѣннымъ условіемъ принимать поповъ лишь великороссійскихъ, а отнюдь не малороссійскихъ, и притомъ такихъ, которые бы получили рукоположеніе отъ архіереевъ-великоруссовъ, крещенныхъ въ три погруженія *).

Затѣмъ возникъ вопросъ, какъ принимать поповъ великороссійскихъ: перекрещивать ли ихъ, какъ еретиковъ, или миропомазывать, какъ схизматиковъ, или же ограничиваться одною „исправою" (покаяніе) съ проклятіемъ ересей. Объ этомъ было много толковъ, споровъ и словопреній. Для рѣшенія этихъ вопросовъ собирались на Керженцѣ особые соборы. Первоначально поповъ, переходившихъ въ расколъ, перекрещивали, потомъ принимали ихъ только съ „исправой", затѣмъ стали принимать „вторымъ чиномъ", т.-е. посредствомъ миропомазанія. Такъ ведется и до сего времени, особенно съ 1779 года, когда на соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ, окончательно было рѣшено „перемазаніе".

Но архіереевъ все не было въ поповщинѣ, хотя послѣдователи этого согласія и употребляли много трудовъ, много стараній, чтобы „снискать чинъ епископскій". Мысль, что старообрядчество не есть истинная церковь, ибо не имѣетъ трехъ чиновъ духовной іерархіи, тяготила совѣсть отдѣлившихся отъ православія. Неграмотные или мало сидѣвшіе надъ свято-чтимыми книгами, люди молодые, которымъ было все равно, относились къ этому предмету равнодушно, но пожилые грамотеи рано или поздно дочитывались въ старыхъ книгахъ, что безъ епископа церковь не церковь, а „самочинное сборище". Они приходили въ ужасъ отъ такихъ словъ, сказанныхъ святыми отцами, и говорили набожнымъ людямъ: „у насъ нѣтъ епископа, стало-быть, церковь наша не истинна, стало-быть, нѣтъ въ ней спасенія; тщетны наши труды, тщетны наши страданія, напрасны лишенія и самопожертвованія!"

---

*) Іона Курносый.

Въ утѣшеніе ли себѣ, въ подкрѣпленіе ли колеблющихся, старообрядцы еще въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка распустили слухъ, что хотя они и не имѣютъ въ Россіи епископа, но есть на землѣ мѣста сокровенныя, Богомъ спасаемые грады и обители, гдѣ твердо и нерушимо соблюдается „древлее благочестіе“ и епископы правовѣрные сіяютъ, какъ солнце. „Иначе и быть не можетъ, — говорили они: — вѣдь должна же церковь Христова съ богопреданнымъ священствомъ и епископами стоять до скончанія міра“. „Удобнѣйше есть солнцу отъ теченія своего престати, неже церкви Божіей безъ вѣсти быти“ *). Какая же вѣсть о ней? Гдѣ она, эта святая церковь по древлему благочестію? Въ какой странѣ, въ какомъ царствѣ?

— Далеко-далеко, тамъ, на Востокѣ, — говорили поборники старообрядства, но гдѣ именно на Востокѣ, точно сказать не умѣли.

И вотъ, Богъ знаетъ когда, Богъ знаетъ откуда, распространился слухъ, что не всѣ восточные патріархи отъ притѣсненія турецкаго ослабѣли въ правовѣріи и исказили вѣру Христову латинскою и кальвинскою ересями, что патріархъ антіохійскій, съ подвѣдомственными ему церквами, непреложно и нерушимо хранитъ святоотеческія правила, преданія и обряды во всемъ, и твердо содержитъ „древлее благочестіе“. Почему именно старообрядцы отнесли это къ антіохійскому, а не къ другому патріарху, трудно теперь сказать. Развѣ оттого, что Арсеній Сухановъ, не бывъ въ Антіохіи, ничего не говорилъ о ней. Антіохійскій патріархъ Макарій два раза былъ въ Москвѣ и даже проѣзжалъ Волгой; жилъ нѣкоторое время въ Желтоводскомъ Макарьевѣ монастырѣ, вокругъ котораго расколъ былъ въ полномъ разгарѣ. Отлучившіеся отъ церкви своими глазами могли видѣть и видѣли, что „патріархъ Божія града Антіохіи“ не соблюдаетъ ихъ обрядовъ. Но они говорили: „такъ, Макарій дѣйствительно отступилъ отъ православія, это вѣрно; но Господь не допустилъ его до Божія града, да не внесетъ въ него разврата и еретическаго ученія: на пути онъ злою смертію издше, и благочестіе сіяетъ въ Антіохіи попрежнему“. Слухъ объ антіохійскомъ патріархѣ былъ принятъ за неоспоримую истину не только поповщиной, но и безпоповцами. Онъ держится даже до сихъ поръ. Въ XVIII столѣтіи, по всей вѣроятности, во второй уже половинѣ его, распространилось по раскольническимъ обществамъ рукописное путешествіе безпоповщинскаго инока Марка изъ монастыря Топозерскаго **). Ходилъ этотъ старецъ въ Сибирь, добрался до Китая, перешелъ степь Гоби и добрался до Японіи, до „Опоньскаго царства“, что̀ стоитъ на океанѣ-морѣ, называемомъ „Бѣловодіе“, на семидесяти островахъ. Искавъ съ долгимъ терпѣніемъ древляго благочестія на Востокѣ, Марко нашелъ его будто бы въ Японіи. Тамъ видѣлъ

*) «Пріизскій Сборникъ» (рукопись), л. 147 на оборотѣ.

**) Топозерскій безпоповщинскій скитъ въ Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда, на берегу Топозера, основанный въ концѣ XVII ст. и существовавшій до 1854 г.

онъ 179 церквей „асирскаго языка". Тамошніе христіане, говоритъ Марко, имѣютъ своего, православнаго патріарха, антіохійскаго поставленія, и четырехъ митрополитовъ. А русскихъ церквей въ Японіи сорокъ, и русскіе имѣютъ митрополита и епископовъ, которыхъ посвятилъ тотъ патріархъ „асирскаго языка". Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народу (греческаго?) уклонилось въ тѣ самые восточные предѣлы, а россіяне, во время измѣненія благочестія, уклонились сюда изъ Соловецкія обители и изъ прочихъ мѣстъ; много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто *). Что въ китайскихъ владѣніяхъ (въ принадлежащей те-

---

*) «Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство, писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ, инокомъ Маркомъ, Топозерской обители, бывшимъ въ Опоньскомъ царствѣ. Его самый путешественникъ» (рукопись). Вотъ эта замѣчательная рукопись: «Маршрутъ, сирѣчь путешественникъ. Отъ Москвы на Казань, отъ Казани до Екатеринбурга и на Тюмень, на Каменогорскъ, на Выбернумъ деревню, на Пзбенскъ, вверхъ по рѣкѣ Катуни на Краснoярскъ, на деревню Устьюбу, во оной спросить страннопріимца Петра Кириллова. Около ихъ пещеръ множество тайныхъ. и мало подалѣ отъ нихъ снѣговыя горы распространяются на триста верстъ, и снѣгъ никогда на оныхъ горахъ не таетъ. За оными горами деревня Умьменска (по другому списку, Устьменска) и въ ней часовня; инокъ, схимникъ Іосифъ. Отъ нихъ есть проходъ Китайскимъ государствомъ, 44 дня ходу, черезъ Губань (Гоби?), потомъ въ Опоньское государство. Тамъ жители имѣютъ пребываніе въ предѣлахъ окіяна-моря, называемое Бѣловодіе. Тамъ жители на островахъ семидесяти, нѣкоторые изъ нихъ и на 500 верстахъ разстояніемъ, а малыхъ островoвъ исчислить невозможно. О тамошнемъ же пребываніи онаго народу извѣщено христоподражателямъ древляго благочестія святыя соборныя и апостольскія церкви. Со истиною завѣряю, понеже я самъ тамъ былъ, со двѣмя иноками, грѣшный и недостойный старецъ Марко. Въ восточныхъ странахъ съ великимъ нашимъ любопытствомъ и стараніемъ искали древляго благочестія православнаго священства, которое весьма нужно ко спасенію, съ помощью Божіею и обрѣли асирскаго языка 179 церквей, имѣютъ патріарха православнаго, антіохійскаго поставленія, и четыре митрополита. А россійскихъ до сорока церквей тоже имѣютъ митрополита и епископовъ, асирскаго поставленія. Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто. А кто имѣетъ сомнѣніе, то поставляю Бога во свидѣтеля нашего: иматъ приноситися безкровная жертва до второго пришествія Христа. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи пріимаютъ первымъ чиномъ: крестятъ совершенно въ три погруженія желающихъ тамъ пребыть до скончанія жизни. Бывшіе со мною два инока согласились вѣчно остаться: приняли святое крещеніе. И глаголютъ они: «вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ человѣки и не прикасайтеся имъ, змія, гонящагося за женою: невозможно ему постигнути скрывшейся жены въ разсѣлины земныя». Въ тамошнихъ мѣстахъ татьбы и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣютъ; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ необычайные съ разсѣдинами земными. И громы съ землетрясеніемъ немалымъ бываютъ. И всякіе земные плоды

перь Россіи Амурской области) издавна селились бѣглые изъ Сибири раскольники, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: объ этомъ производилось нѣсколько дѣлъ. Но о старообрядцахъ въ невѣдомой Японіи говоритъ, сколько намъ извѣстно, одинъ лишь Марко Топозерскій, да еще въ 1807 году поселянинъ Бобылевъ подавалъ объ нихъ правительству особую записку. Не отрицаемъ и не утверждаемъ, во всякомъ случаѣ,

---

бываютъ; родится виноградъ и сорочинское пшено. И въ «Шведскомъ путешественникѣ» сказано, что у нихъ злата и серебра нѣсть числа, драгоцѣннаго каменія и бисера драгого весьма много. А оные опонцы въ землю свою никого не пущаютъ, и войны ни съ кѣмъ не имѣютъ: отдаленная ихъ страна. Въ Китаѣ есть градъ удивительный, яко подобнаго ему во всей подсолнечной не обрѣтается. Первая у нихъ столица — Кабанъ».

«Шведскій путешественникъ», о которомъ упоминаетъ старецъ Марко Топозерскій, есть подобное же раскольническое сочиненіе о старообрядцахъ, живущихъ въ Финляндіи, Норвегіи и Швеціи. Въ немъ говорится о богатствѣ металлами тѣхъ странъ и затѣмъ присовокупляется, что «на восточныхъ отоцѣхъ, идѣ же отъ древнѣйшихъ временъ блюдется истинная вѣра, злата и сребра и драгоцѣннаго каменія еще множае».

Въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть дѣло объ японскихъ и китайскихъ раскольникахъ, производившееся въ 1807 году (по архивной описи № 1). Въ 1807 году пріѣхалъ въ Петербургъ поселянинъ Томской губерніи Бобылевъ и донесъ министерству, что на морѣ-океанѣ, въ Бѣловодьѣ, живутъ старообрядцы, русскіе подданные, ушедшіе туда во время церковныхъ раздоровъ, бывшихъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во время осады Соловецкаго монастыря царскими войсками. Тамъ, говорилъ Бобылевъ, они имѣютъ *своихъ епископовъ*, священниковъ и церкви, въ которыхъ служатъ по старымъ книгамъ; при крещеніи младенцевъ и при бракѣ ходятъ посолонь, молятся двуперстнымъ крестомъ, книгъ, напечатанныхъ при Никонѣ патріархѣ и послѣ него, не принимаютъ, за государя и за войско молятся. Когда дошелъ до нихъ слухъ, что государь Александръ Павловичъ позволилъ старообрядцамъ строить церкви по старому закону, то они изъявили желаніе служить его величеству вѣрно, нести всѣ тягости и повинности, и испрашиваютъ за оставленіе отечества прощенія. Живутъ они, по увѣренію Бобылева, въ трехъ мѣстахъ; къ нимъ ѣхать надо по дорогѣ изъ Бухтарминской волости чрезъ китайскую границу; въ одномъ мѣстѣ ихъ слишкомъ тысяча душъ, въ другомъ до семисотъ, а въ «Бѣловодьѣ» болѣе полумилліона. Дани никакому государству не платятъ. Бобылевъ вызывался отправиться къ нимъ и исполнить все, что̀ будетъ ему приказано, для того, чтобы тѣ старообрядцы возвратились въ подданство русскаго императора. Правительство приняло предложеніе Бобылева. Ему дали 150 руб. и приказали явиться къ сибирскому генералъ-губернатору, отъ котораго онъ получитъ дальнѣйшія приказанія. Но Бобылевъ къ генералъ-губернатору не явился и пропалъ безъ вѣсти. Его разыскивали, но нигдѣ не нашли. Въ декабрѣ 1839 года къ семеновскому исправнику Граве представленъ былъ бродяга, взятый въ Поломскихъ лѣсахъ, гдѣ жили и, вѣроятно, доселѣ живутъ въ землянкахъ раскольническіе пустынножители, близъ керженскихъ скитовъ. На вопросъ, кто онъ такой,— бродяга сказался подданнымъ Японскаго государства и старообрядцемъ. Онъ увѣрялъ, что въ Японіи живетъ много русскихъ людей-старообрядцевъ, что тамъ много церквей старообрядческихъ, есть и архіереи старообрядческіе и даже патріархъ. Разумѣется, все это было принято за сказку. Бродягу, какъ непомнящаго родства (онъ такъ и сказался), сослали на по-

любопытнаго извѣстія о русскихъ въ Японіи. Немудрено, что сибирскіе раскольники и пробрались на Курильскіе острова, а оттуда въ Японію, но патріархъ японскій, и митрополиты, и 179 православныхъ церквей, по всей вѣроятности, — плодъ изобрѣтательной способности старца Марка. Тѣмъ не менѣе извѣстіе его убѣдило русскихъ старообрядцевъ въ томъ, что у нихъ есть своя іерархія, хотя они и оторваны отъ нея дальностью разстоянія и другими обстоятельствами. Это успокоивало ихъ совѣсть. „У насъ есть епископы, стало-быть, церковь наша истинна“,— говорили они. Толки о „патріархѣ асирскаго языка“, живущемъ въ Японіи, сильнѣй и сильнѣй распространялись впослѣдствіи, и наконецъ распространились по всему русскому старообрядчеству, точно такъ же, какъ въ средніе вѣка распространилось и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій признавалось за неоспоримую истину — существованіе гдѣ-то на востокѣ пресвитера Іоанна. И дѣйствительно, вся обстановка средневѣковаго пресвитера Іоанна вполнѣ сходна съ обстановкой раскольничьяго „асирскаго патріарха, что̀ въ Опоньскомъ царствѣ“. И тотъ и другой — первосвященники, и тому и другому подсудны всѣ мірскія дѣла. „Тамъ свѣтскаго суда не имѣютъ,—говоритъ Марко:—управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти, и преступленій тамъ нѣтъ“. Совершенно то же, что̀ и въ царствѣ Іоанна-пресвитера. Далѣе вся обстановка таинственной земли Опоньской, эти земныя разсѣдины, эти необычайные морозы, при которыхъ однако растутъ и виноградъ и рисъ, эти землетрясенія и безпрестанные громы и молніи—все это такъ сходно, если не совсѣмъ похоже на средневѣковыя европейскія сказанія о таинственныхъ земляхъ отдаленнаго Востока. Старообрядцы твердо были увѣрены въ дѣйствительности патріарха и епископовъ въ „Бѣловодьѣ“, и нерѣдко бывали случаи, что люди недобросовѣстные, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, пользовались увѣренностью раскольниковъ въ дѣйствительности японской іерархіи: самозванцы-попы сказывались священниками, ходившими за посвященіемъ въ Опоньское царство, пока-

---

селеніе въ Сибирь. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія многіе изъ жителей Бухтарминскаго края бѣжали въ китайскіе предѣлы для поселенія въ загадочномъ «Бѣловодьѣ». Скитаясь тамъ долгое время по степямъ и истощивъ съѣстные припасы вмѣстѣ съ прочимъ достояніемъ, которое они взяли съ собою, искатели Опоньскаго царства въ самомъ жалкомъ состояніи возвратились въ мѣста своего жительства, не найдя того Эльдорадо, о изобиліи котораго и богатствѣ ходили между ними обольстительные слухи. Впослѣдствіи, по случаю отлучки за границу двухъ инородцевъ Бобровыхъ, находившихся тамъ въ бѣгахъ болѣе трехъ лѣтъ, въ іюнѣ 1861 года изъ деревень Бухтарминской волости, Алтайскаго горнаго округа, начались снова отлучки крестьянъ за китайскую границу для отысканія загадочнаго «Бѣловодья». Бѣжавшіе всѣ были раскольники безпоповщинскаго толка. Вслѣдствіе возврата на родину нѣкоторыхъ изъ ходившихъ и не нашедшихъ «Бѣловодья» и Опоньскаго царства съ «патріархомъ асирскаго языка», въ 1862 году движеніе за китайскую границу и самые толки о загадочной странѣ между бухтарминскими раскольниками нѣсколько уменьшились.

зывали какія-то ставленныя грамоты отъ небывалыхъ архіереевъ и собирали деньги за исправленіе требъ.

Увеличенію и разнообразію раскольническихъ толковъ о „сокровенныхъ епископахъ древляго благочестія“ немало помогала и народная фантазія. Пошли по народу толки о невидимыхъ городахъ и монастыряхъ, колокольный звонъ которыхъ бываетъ будто бы слышенъ въ тихія лѣтнія ночи. Пошли толки о Млевскихъ монастыряхъ *), о невидимомъ градѣ Большомъ-Китежѣ, о старцахъ горъ Архангельскихъ, или Кирилловыхъ, и Жигулевскихъ и т. п. **). Ко всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ мѣстамъ народная фантазія, подъ вліяніемъ раскола, пріурочивала и „архіереевъ древляго благочестія“.

---

*) Млевскіе монастыри въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Это древніе земляные окопы на р. Мстѣ, близъ села Млева. Разсказываютъ, что тутъ были монастыри, но когда-то опустились въ землю, что до сихъ поръ въ нихъ живутъ монахи и монахини, къ которымъ можно пройти, но съ чрезвычайными затрудненіями. Говорятъ, что по большимъ праздникамъ бываетъ слышенъ звонъ невидимыхъ Млевскихъ монастырей.

**) Большой-Китежъ — невидимый городъ на берегу озера Свѣтлояра, въ нижегородскомъ Заволжьѣ (Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, подлѣ села Владимірскаго, имѣнія князя Сибирскаго). Другой Китежъ, Малый, на Кирилловыхъ (по другимъ, на Архангельскихъ) горахъ, въ селѣ Городцѣ (Балахонскаго уѣзда. Нижегородской губерніи, на Волгѣ). Жигули, или Жигулевскія горы — на Волгѣ же, въ Симбирской и Самарской губерніяхъ. Городъ Китежъ не упоминается въ лѣтописяхъ, но имя его встрѣчается въ народныхъ былинахъ о древнихъ богатыряхъ (см. «Пѣсни» Кирѣевскаго, т. I, выпускъ 4, прим. стр. CXVIII — CXXXII). Кажется, въ Китежѣ было свое братство богатырей, подобное кіевскому братству при дворѣ Владиміра Краснаго Солнышка. Вообще Китежъ въ народныхъ преданіяхъ представляется стольнымъ городомъ суздальской великороссійской земли, какъ Кіевъ стольнымъ городомъ кіевской южно-русской. Въ «Китежскомъ лѣтописцѣ» (рукопись, особенно распространенная между поволжскими раскольниками) говорится, что когда подступилъ къ Большому-Китежу Батый — «градъ сдѣлался невидимымъ, и будетъ онъ стоять невидимымъ до скончанія вѣка». Тамъ есть и церкви, и монастыри, и множество народа; лѣтними вечерами на Свѣтлояромъ озерѣ слышится звонъ китежскихъ колоколовъ. Въ «Китежскомъ лѣтописцѣ» описываются эти церкви, монастыри, городскія стѣны, ихъ длина и пр. Въ большомъ ходу у раскольниковъ, даже и у православныхъ, «Посланіе къ отцу отъ сына изъ онаго сокровеннаго монастыря, дабы о немъ сокрушенія не имѣли и въ мертвы не вмѣняли скрывавшагося изъ міра. Въ лѣто 7209 (1702) іюня въ 20 день». Приводимъ это посланіе, заимствуя его изъ рукописнаго сборника второй половины XVIII ст. Оно даетъ понятіе о томъ воззрѣніи, какое имѣлъ и имѣетъ нашъ народъ на невидимые монастыри: «Г. І. Х. С. Б. п. н. а. (то-есть: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. аминь). Родителямъ моимъ, батюшкѣ моему, имя рекъ, и матушкѣ моей. имя рекъ. Здрави будите. Пишу вамъ азъ, родители мои, о семъ, что вы хощете меня поминать и псалтирь говорить друга моего совѣтнаго (жену) заставливаете. И вы о семъ престаньте: азъ еще живъ; егда пріидетъ смерть, тогда я вамъ вѣдомость пришлю, нынѣ же сего не творите. Азъ живу въ земномъ царствіи, съ отцы святыми, въ мѣстѣ покойнѣ. Поистинѣ, родители мои, царство земное. И покой, и тишина, и веселье, и радость духовная, а не

Но сказочное антіохійское старообрядческое архіерейство и разсказы о Японіи, Китежѣ, Млевскихъ монастыряхъ и т. п. не могли вполнѣ удовлетворить старообрядцевъ, искавшихъ не фантастическаго архіерейства. Они съ каждымъ годомъ сильнѣй и сильнѣй чувствовали необходимость епископовъ въ своей средѣ. Вслѣдствіе того еще въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія возникло у нихъ сильное стремленіе какимъ бы то ни было способомъ добыть себѣ архіерея. Но какъ и откуда взять его? За мѣстомъ его водворенія, за безопасностью отъ неминуемыхъ преслѣдованій со стороны правительства дѣло не стало бы. Много было укромныхъ мѣстъ и дома, а еще болѣе за границей. Но къ великороссійскимъ архіереямъ и подступить было нельзя съ предложеніемъ перейти въ расколъ; къ малороссійскимъ еще болѣе, да къ тому же они всѣ поголовно заподозрѣны были въ обливанствѣ. Есть преданіе, будто бы нижегородскій митрополитъ Исаія (1699—1707), человѣкъ престарѣлый и набожный, приверженъ былъ къ старымъ обрядамъ и потворствовалъ раскольникамъ *), что раскольники питали надежду на его согласіе перейти къ нимъ. Но это преданіе требуетъ подтвержденія, тѣмъ болѣе, что оно, кажется, не отличается древностью, а сложилось въ позднѣйшее время **). Былъ еще въ то время архіерей, сочувствовавшій раскольни-

тѣлесная. Сіи бо святіи отцы, съ ними же азъ живу, процвѣтоша, яко крини сельные, и яко финики, и яко кипарисы, и яко каменіе драгое и многоцѣнный бисеръ, и яко древа не старѣющіяся, и яко звѣзды небесныя. И отъ устъ ихъ непрестанная молитва къ отцу небесному, яко оміамъ благоуханный, и яко кадило избранное, и яко муро добровольное. И едва нощь пріидетъ, тогда отъ устъ ихъ молитва видима, яко столпы пламенные со искрами огненными, и яко отъ мѣсяца и звѣздъ велій не токмо мѣсту оному свѣтъ, но и всей странѣ оной свѣтъ, яко молнія. Въ то время книги чести или писати можно, безъ свѣщнаго сіянія. Иже возлюбиша Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею и всѣмъ помышленіемъ своимъ, тѣмъ и Богъ ихъ возлюби и преклони ухо свое съ высоты святыя своея, и возлюби ихъ, яко мати любимаго си чада, и что просятъ въ молитвѣ своей отъ Бога, все подастъ. Иже возлюбиша безмолвіе и вся добродѣтели исправиша всѣмъ сердцемъ, и Богъ ихъ возлюби, и хранитъ ихъ, яко зѣницу ока, и покры ихъ невидимо дланію своею, иже достойнѣ и праведнѣ Тому припадающимъ, по словеси Господню, могутъ горы преставити съ мѣста на другое. Но того убо не похотѣша отцы наши, но паче желаютъ житія на небесѣхъ, ниже богатство временное, но паче возлюбиша богатство на небесѣхъ, егда пріидетъ Господь судити живыхъ и мертвыхъ; и воздастъ имъ за труды ихъ царство небесное и покой, и радость, и веселье. Вы же, родители, чего ради возлюбили сей свѣтъ прелестный и временный, и богатство тлѣнное? Но паче поищити себѣ богатства на небесѣхъ, яже и тля не тлитъ, ни моліе поядаютъ, ни татіе крадутъ. И еще другу моему любимому (женѣ) поклонъ отъ мене отдайте. Аминь». На озерѣ Нестіарѣ (Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи) тоже слышится звонъ невидимыхъ монастырей. Подобныя мѣста есть въ Архангельской губерніи и въ Сибири.

*) Макарія архимандрита: «Исторія Нижегородской іерархіи». См. «Ниж. Губ. Вѣд.», 1848, № 34.

**) Дѣло о ссорѣ митрополита Исаіи съ Ив. Алекс. Мусинымъ-Пушки-

камъ: Игнатій Тамбовскій, пріятель Григорія Талицкаго, распространявшаго около 1700 года мнѣніе, что Петръ I есть антихристъ. Этого Игнатія лишили сана и сослали въ Соловецкій монастырь, въ Головленкову тюрьму*). Но ни изъ дѣла о немъ не видно, ни преданій не сохранилось, чтобъ онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми раскольниками.

нымъ и о ссылкѣ его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь извлечено изъ архивовъ профессоромъ С. М. Соловьевымъ, который въ замѣткѣ своей о «Старообрядческихъ архіереяхъ» сказалъ слѣдующее: «Дѣло о ссорѣ митрополита Исаіи съ Мусинымъ-Пушкинымъ извлечено нами изъ архивовъ, и мы считаемъ своею обязанностью поспѣшить разъясненіемъ вопроса, поставленнаго г. Мельниковымъ. Дѣло состоитъ изъ двухъ донесеній: 1) Поручика Тютчева и 2) дьяка Нестерова. 1) 1707 года, мая 9, драгунскаго полка поручикъ. Василій Аѳанасьевъ, сынъ Тютчевъ, при разспросѣ сказалъ: 707 года, въ февралѣ мѣсяцѣ, изъ монастырскаго приказа посыланъ онъ былъ въ Нижній-Новгородъ для розыску про нижегородскаго Исаія-митрополита. И онъ, митрополитъ, выслушавъ его слова, на него кричалъ и говорилъ ему такія слова: «Ты овца, вамъ ли, овцамъ, про насъ, пастырей, разыскивать? Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ напалъ на церкви Божіи, вотчины наши вѣдаетъ, а нынѣ у насъ и данныя и вѣнечныя деньги отнимаетъ, и если тѣ сборы у меня отнимутъ, и я своей епархіи всѣ церкви затворю и архіерейство покину. Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? Какъ хотятъ иные архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ, а ты по наказу своему разыскивай правдою. И такъ вы пропадаете, что черви; шведы васъ побиваютъ, а все за наши слезы, а за ваши неправды, да и впредь, буде не отстанете отъ неправдъ, шведы васъ побьютъ». 2) Преображенскаго приказа дьякъ Нестеровъ былъ посланъ къ архіерею для допроса, и архіерей сказалъ: «Какъ пріѣзжалъ въ Нижній-Новгородъ боярина Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина свойственникъ, Василій Тютчевъ, и въ то время, будучи въ мірскомъ домѣ, о своей присылкѣ ему сказывалъ, и онъ, Исаія-митрополитъ, къ тѣмъ его словамъ, ему, Василью, говорилъ разговоромъ, а не крикомъ: «Ты овца, вамъ ли, овцамъ, про насъ, пастырей, разыскивать?»—говорилъ къ тому правила св. апостолъ и св. отецъ и изложеніе вселенскихъ патріарховъ. И бояринъ Иванъ Алексѣевичъ сыскивать объ немъ прислалъ свойственника своего, нападкою на него, митрополита, мстя недружбу, и напалъ онъ, бояринъ, не на него, митрополита, на церковь Божію, потому, по исконнымъ великихъ государей указамъ опредѣлены на всякія нужды, безъ которыхъ въ церкви пробыть не мочно, безъ вина церковнаго, безъ просвиръ, и воску, и ладану, и масла, и иныхъ вещей, сборы съ церквей, данныя и вѣнечныя деньги отымаетъ, и если тѣ сборы отняты будутъ, соборныя церкви его дому безъ вышеписанныхъ нуждъ онъ затворитъ, и архіерейскому дому правиться будетъ нечѣмъ, и архіерейству быть не у чего, и за неволю архіерейство будетъ покинуто; какое архіерейство, что данное въ домъ отымаютъ? Безъ именного государева указа онъ, Исаія митрополитъ, того сбору вѣнечныхъ и съ церквей данныхъ денегъ не отдастъ. Такъ и о томъ, чтобъ по наказу разыскалъ онъ правдою и помнилъ бы видимое, лежащее на нихъ за преумноженіе грѣхъ ихъ и неправдъ посѣщеніе, что шведы стоятъ толикое продолжительное время противно». Стало-быть, митрополитъ Исаія былъ не поборникъ раскола, а предшественникъ Георгія Дашкова и Арсенія Мацеевича, ростовскихъ митрополитовъ, защитниковъ неприкосновенности духовныхъ имѣній.

*) Г. В. Есипова «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія», I, 59—84.

Кажется, всего бы проще было старообрядцамъ избрать изъ своей среды вліятельнаго, уважаемаго и достойнаго человѣка и возвести его на степень первосвятительства. Но, по первому апостольскому правилу и по шестидесятому кароагенскаго помѣстнаго собора, необходимо, чтобъ епископъ былъ рукоположенъ епископами и притомъ не менѣе какъ двумя или тремя. Стало-быть, старообрядцамъ надобно было просить православныхъ архіереевъ, чтобъ они посвятили имъ епископа. Иного средства не было. Но ни великороссійскіе ни малороссійскіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не согласились бы исполнить такую просьбу раскольниковъ. Они были довольно обезпечены, а въ случаѣ согласія на просьбу старообрядцевъ, имъ предстояло бы по меньшей мѣрѣ кончить жизнь на Соловецкомъ островѣ или въ Рогервикѣ. Оставалось обратиться къ православнымъ архіереямъ заграничнымъ, которые, не зная русскаго языка и не разумѣя хорошо, въ чемъ именно состоитъ образовавшійся въ русской церкви расколъ и что такое значатъ слова: „старый обрядъ“ и „древлее благочестіе“, могли посвятить старообрядцамъ архіерея. Старообрядцы и остановились на этой мысли.

Эта мысль явилась у нихъ еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія. Поповщинскія общины рѣшили послать на востокъ, къ грекамъ, хорошаго человѣка, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобъ онъ извѣдалъ, какова въ самомъ дѣлѣ у грековъ вѣра, и можно ли отъ нихъ принять епископа. Выборъ палъ на старца Леонтія. Въ концѣ 1701 года онъ поѣхалъ въ Кіевъ, а отсюда въ февралѣ 1702 года пустился въ заграничное странствіе. Черезъ польскія владѣнія и черезъ Яссы Леонтій проѣхалъ въ Галацъ и отсюда плылъ водой до Константинополя. Пробывъ здѣсь четыре мѣсяца, отправился онъ въ Египетъ и Іерусалимъ и въ іюнѣ 1703 года воротился въ Россію. Вѣсти, привезенныя Леонтіемъ, были неутѣшительны для старообрядцевъ. Онъ не нашелъ нигдѣ на востокѣ такого православія, о какомъ мечтали наши ревнители „древляго благочестія“. Въ его сочиненіи: „Разгласіе грековъ съ древнимъ святыхъ отецъ преданіемъ восточныя церкви“ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ „Проскинитаріи“ Суханова представлены мнимыя отступленія отъ православія восточныхъ христіанъ. Такъ начинается это сочиненіе старообрядческаго паломника: „Греки *въ крещеніи обливаются, а не погружаютъ*; крестовъ на себѣ не носятъ, крестятся въ моленіи неистово, ни на чело ни на плечо не доносятъ рукою, махаютъ сѣмо и овамо; въ церкви стоятъ въ шапкахъ, не скидаютъ, какъ молятся; въ церкви стоятъ въ стойлахъ *), искривяся, гордо, а глядятъ на стѣну, а не ко образамъ святымъ; служатъ литургію на одной просфорѣ, и то на черствой; мірскіе у нихъ, не говѣвъ, пріобщаются, патріархи, митрополиты и прочій духовный чинъ табакъ

*) Это такъ-называемыя «формы», находящіяся въ греческихъ церквахъ, особенно же монастырскихъ.

піютъ и въ грѣхъ того не ставятъ; патріархи, митрополиты и попы усы себѣ подбриваютъ, и гуменцовъ не подстригаютъ, но нѣкако странне—снизу голову кругомъ подголяютъ до полголовы, какъ обысы махаметанскіе подбриваютъ, такъ бритися у нихъ научилися; въ постъ великій всякія гадины и ползающія животныя въ морѣ и въ рѣкахъ ѣдятъ, и въ прочіе дни также тѣ ползающія ѣдятъ; мірскіе и женскій полъ сквозѣ царскія двери въ алтарь ходятъ, и затворяютъ двери жены, а кадятъ простолюдины по-поповски: когда попъ съ переносомъ идетъ, а мужикъ идетъ передъ попомъ задомъ, кадиломъ машетъ на святыя: греки, когда за трапезу пріидутъ, то сядутъ, „Отче нашъ“ сидя говорятъ, также послѣ трапезы за „Достойно“ не встаютъ, сидя говорятъ. Евангеліе въ церкви чтутъ, оборотя на западъ. Патріархъ греческій церкви на откупъ погодно отдаетъ по 100 рублевъ и по 200. А кто больше талярей дастъ въ годъ, хощь талярь передастъ, такъ тому и церковь отдастъ. Свѣчи у нихъ воскъ съ саломъ да съ смолою мѣшаютъ, а воскъ бѣлый, а когда въ церкви свѣчи горятъ, свѣжему человѣку зѣло тяжко, а когда свѣтильня на свѣщи нагоритъ, и тогда, снявъ свѣчу съ подсвѣчника, наступя ногою, да и оторветъ свѣтильню—странно зѣло! Часовъ предъ обѣднею не поютъ, развѣ обѣдни не будетъ; греки на заутренѣ „Богъ Господь“ никогда не поютъ, а пѣсни во псалтирѣ предъ канономъ всегда говорятъ; а церкви у нихъ, какъ простая хоромина: крестовъ на нихъ нѣтъ, ни звону нѣтъ, противъ воскресенія ходитъ пономарь по улицамъ, кричитъ, чтобы шли до церкви... а въ домахъ ихъ иконъ нѣтъ, съ турками во всемъ смѣсилися. Греки непостоянны и обманчивы, точію христіанами слывутъ, а и слѣду благочестія въ нихъ нѣтъ, да и неоткуду имъ благочестію и научиться, ибо книги имъ печатаютъ латыни въ Венеціи; каковыя пришлютъ латыни, по нихъ и служатъ и поютъ. Греки нравы и поступки внѣшніе и духовные держатъ всѣ съ турецкаго переводу; духовный чинъ у грековъ хуже простого народа. Крестятся странно въ церкви: рукою махнетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза; а митрополиты и въ церкви зѣло неискусны, во время пѣнія со стороны на сторону съ греками говорятъ крикомъ и смѣются, что и пѣнія не слыхать отъ ихъ неискусства... Грекамъ жену или сына поучить и побить нельзя, скажетъ: „я потурчуся“. Греки московскихъ людей зѣло не любятъ... Сами греки сказывали Леонтію москвитянину: ни близъ-де христіанства не хранятъ, въ посты и въ великій постъ, такожe во весь году среду и пятокъ мясо ѣдятъ; греческія власти (архіереи) у себя въ келіи красиковъ держатъ, а греки о семъ ихъ весьма злословятъ и поносятъ недобрымъ именемъ. Турки милостивѣе грековъ, и жиды нравами лучше грекъ“ и т. д. *).

---

*) Въ рукописномъ «Цвѣтникѣ» XVIII ст. въ 8-ку (изъ подписи видно, что принадлежалъ добрянскому мѣщанину Петру Тихонову Головневу) помѣщена, вслѣдъ за сочиненіями Аввакума-протопопа противъ грековъ, большая выписка изъ «Проскинитарія» Арсенія Суханова, раскольничьей

Такого рода „разгласій“ греческихъ обычаевъ съ старорусскимъ обрядомъ было больше чѣмъ достаточно для совершеннаго убѣжденія тогдашнихъ нашихъ раскольниковъ, что ни въ Царьградѣ ни въ Іерусалимѣ и нигдѣ на Востокѣ нѣтъ истиннаго православія. Особенно смущало ихъ то обстоятельство, что греки, по словамъ Леонтія, совершаютъ обливательное крещеніе. Это всегда смущало русскихъ старообрядцевъ и даже въ настоящее время значительную часть поповщины отвращаетъ отъ бѣлокриницкой іерархіи, главою и источникомъ которой былъ *грекъ* (?) Амвросій, многими заподозрѣнный въ обливанствѣ.

Но нужду въ архіереѣ такъ сильно чувствовали старообрядцы, осо-

редакціи, потомъ «Тактіонъ, еже есть чиновникъ, какъ греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ». За нимъ статья «Изъ похожденія Леонтія старца въ Іерусалимѣ. Лѣта 7211. Разгласіе грековъ з древнимъ святыхъ отецъ преданіемъ восточныя церкви». Начало этой статьи здѣсь напечатано. За нею слѣдуетъ: «Хожденіе было Леонтіево лѣта 7210», и затѣмъ нѣчто въ родѣ поденной записки путешествія. Потомъ въ «Цвѣтникѣ», между прочимъ, находится: «Житіе Марка фряческаго», «Сказаніе Меѳодія Александрійскаго объ Александрѣ Македонскомъ и о послѣднихъ дняхъ», «Слово на Рождество Христово обличительное противъ святочныхъ увеселеній» и пр. Въ «Русскомъ Архивѣ», издаваемомъ на 1863 годъ при Чертковской библіотекѣ П. И. Бартеневымъ, помѣщено: «Путешествіе въ Святую землю московскаго священника Ивана Лукьянова церкви Покрова пресвятыя Богородицы» и ему предпослана данная ему отъ имени Петра I проѣзжая грамота отъ 15 іюня 1710 года. Оказывается, что «Разгласіе» старца Леонтія и статья изъ «Путешествія Лукьянова», названная «О несогласіи греческомъ съ восточною церковью» («Русск. Арх.» II. 154—155)—одно и то же. Маршрутъ съ означеніемъ чиселъ и мѣсяцевъ хожденія Леонтія и Лукьянова совершенно сходны. Кто же ходилъ въ Палестину: старообрядческій старецъ Леонтій москвитянинъ или московскій попъ Лукьяновъ? Когда было похожденіе? Въ 1702 и 1703, какъ у Леонтія, или въ 1711 и 1712 году, какъ у Лукьянова? Леонтій говоритъ, что онъ выѣхалъ изъ Кіева 3-го февраля 7210, то-есть 1702 года; Лукьяновъ—3 го февраля 1711. Въ томъ же году, 22 марта (и тотъ и другой показываютъ) прибыли въ Константинополь, — въ четвертокъ пятой недѣли поста, — прибавляетъ Лукьяновъ. Но въ этомъ году четвертокъ пятой недѣли былъ 29-го марта. Леонтій говоритъ, что изъ Іерусалима въ Константинополь онъ пріѣхалъ 1703 года, апрѣля 21-го въ день Преполовенія; въ этомъ году дѣйствительно Преполовеніе приходилось въ это число. Кто же у кого списалъ хожденіе? Попъ ли Лукьяновъ, ѣздившій въ 1711 и 1712 году, списалъ «хожденіе Леонтія», бывшее въ 1702 и 1703 году, или старообрядцы впослѣдствіи сдѣлали выдержки изъ путешествія Лукьянова и, приписавъ его Леонтію, отнесли къ 1702 и 1703 году? Замѣтимъ однако, что въ проѣзжей грамотѣ, напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» № 1 и отнесенной къ 1710 году, говорится, что Лукьяновъ ѣдетъ въ «государство великаго государя Мустафы», и о турецкомъ султанѣ говорится, какъ о союзникѣ. Но Мустафа низложенъ еще 23 августа 1703 года, а въ 1710 году Россія была въ разрывѣ съ Ахмедомъ III, а въ ноябрѣ 1710 г., то-есть еще до выѣзда Лукьянова, Турція объявила войну Россіи. Еще: Лукьяновъ въ 1711 г. говоритъ о Паліи и Паліевщинѣ, а Палій былъ убитъ въ полтавскомъ сраженіи 27-го іюля 1709 года (Конисскаго «Исторія Руссовъ», стр. 109).

бенно на Вѣткѣ, что вскорѣ началось исканіе архіерейства — въ Молдавіи.

III.

Зарубежные старообрядцы. Исканіе архіерейства въ Молдавіи.

Въ XVIII столѣтіи, когда старообрядцы поповщинскаго толка начали искать архіерейства, ихъ общины находились уже не только въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и за границей. Преслѣдованія раскола со временъ собора 1667 года, а въ особенности извѣстныя двѣнадцать статей царевны Софьи Алексѣевны 1685 года, апрѣля 7-го *), были причиной переселеній раскольниковъ за границу.

Раскольники уходили изъ городовъ и селились по лѣсамъ и, какъ нѣкогда казаки, отодвигались далѣе и далѣе отъ Москвы къ украйнамъ государства. Вскорѣ отдаленное Поморье и южныя украйны на Дону, на Волгѣ, на Яикѣ, въ Сибири—наполнились старообрядцами. Казаки поступили въ расколъ почти поголовно. Московское правительство не ослабляло между тѣмъ мѣръ преслѣдованій: костры горѣли, рѣзались языки, рубились головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны раскольниками. Царевна Софья, или, вѣрнѣе сказать, ея богомолецъ, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, малороссъ, самый ужасный изъ всѣхъ гонителей раскола, въ 1689 году велѣлъ „смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся — самихъ ссылать, пристанища ихъ разорять, имущества продавать, а деньги присылать въ Москву" **). Преосвященный Макарій въ своей „Исторіи раскола" говоритъ, что „расколъ рѣшительно былъ запрещенъ въ Россіи, и никто ни въ городахъ ни въ селеніяхъ не смѣлъ открыто держаться его. Потому раскольники или таили вѣру свою, или убѣгали въ пустыни и лѣса, гдѣ заводили для себя пріюты. Но и тамъ ихъ отыскивали, жилища ихъ разоряли, а самихъ приводили къ духовнымъ властямъ для убѣжденій,

*) По этимъ статьямъ полагалось: а) *Жечь въ срубѣ:* тѣхъ, которые хулятъ господствующую церковь и производятъ въ народѣ мятежъ или соблазнъ и остаются упорными, а также и тѣхъ, которые на казни покорятся св. церкви, но снова обратятся въ расколъ; тѣхъ, которые увлекали другихъ къ самосожигательству. б) *Казнить смертью:* тѣхъ, которые перекрещивали людей въ свою секту; тѣхъ, которые, перекрестившись, не соглашаются возвратиться къ церкви. в) *Бить кнутомъ и ссылать въ дальніе города:* раскольниковъ, скрывающихъ принадлежность свою къ расколу, хотя бы послѣ и раскаялись; всякаго званія людей (то-есть и не раскольниковъ), укрывшихъ раскольниковъ у себя въ домѣ, зная, что они раскольники, и не донесшихъ о нихъ начальству. Имѣніе казненныхъ и ссылаемыхъ конфисковалось на томъ основаніи, что на прогоны и на жалованье «сыщикамъ» по государству раскольниковъ «много шло государевой казны». — См. «Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.» т. I, и «Акты Арх. Экеп.» т. IV.

**) Макарія, епископа винницкаго (потомъ архіепископа харьковскаго), «Исторія русскаго раскола», стр. 133.

а, въ случаѣ нераскаянности, предавали градскому суду и часто смерти" *). И этихъ словъ достаточно для уразумѣнія того безвыходнаго страшнаго положенія, въ какомъ находились раскольники, особенно во время Іоакимова патріаршества. Имъ не позволялось жить ни въ городахъ, ни въ волостяхъ, ни въ лѣсахъ, ни въ пустыняхъ. Куда же было дѣваться? Ушли они въ лѣса поморскіе, сибирскіе, печорскіе, чердынскіе, кайгородскіе, керженскіе; ушли туда, гдѣ, быть-можетъ, до того и ноги человѣкъ не накладывалъ, но сыщики и тамъ ихъ находили. Ихъ ловили, и если они объявляли себя раскольниками, но не отказывались отъ своихъ вѣрованій, не присоединялись въ виду казни къ господствующей церкви, готовъ былъ срубъ или костеръ. Если не сознавались въ расколѣ, готовъ былъ кнутъ, а за нимъ ссылка и конфискація имѣнія. Если же наконецъ они обращались въ православіе, имъ все-таки, на основаніи Софіиныхъ статей 1685 года, „чинили наказаніе", послѣ чего отправляли въ домъ патріарха или епархіальнаго архіерея „ради исправленія" на тяжкія работы, за замки и затворы, на хлѣбъ и на воду. Раскольники бѣгали по лѣсамъ, съ разоренныхъ жилищъ въ глубокія трущобы, за болота, за трясины, но усердные сыщики и здѣсь отыскивали ихъ.

Въ это тяжкое для старообрядцевъ время изъ конца въ конецъ русской земли раздался голосъ наставниковъ раскола: „за рубежомъ древлее благочестіе во ослабѣ" **). И громадныя толпы бросились въ Швецію, въ Пруссію, въ Польшу, въ Турцію, за Кавказъ, въ китайскія владѣнія и даже, если вѣрить Марку Топозерскому, въ Японію.

Переселеніе за рубежъ въ случаѣ какой-либо невзгоды на родинѣ— одно изъ самыхъ старыхъ и самыхъ обыкновенныхъ явленій русской жизни. До XVII столѣтія оно составляло даже весьма важное и въ теченіе долгаго времени упорно отстаиваемое право аристократіи, право, для сокрушенія котораго Иванъ Грозный употреблялъ самыя энергическія мѣры, а все-таки не смогъ въ конецъ сокрушить его. Самая торная, въ продолженіе вѣковъ протоптанная русскими выходцами дорога вела за литовскій рубежъ, въ то время не очень далекій отъ Москвы. По этой-то дорогѣ преимущественно и устремились раскольники. Особенно сильно было переселеніе ихъ по кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича.

Московскій попъ Кузьма, прихода Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, бывшій въ числѣ тѣхъ бѣлыхъ священниковъ города Москвы, которые съ самаго начала церковнаго раздора открыто пошли противъ Никона, поддерживалъ въ средѣ уважавшихъ его за добрую жизнь и благочестіе прихожанъ отвращеніе отъ „новшествъ" и ревность къ старому обряду. Прихожане по большей части были посадскіе люди, занимавшіеся городскою промышленностью и мѣстною торговлей. Люди были все достаточ-

*) «Акты историческіе», V, № 223.

**) То-есть за границей старообрядство свободно, не преслѣдуется.

ные. Когда соборъ 1667 года провозгласилъ анаѳему, попъ Кузьма не захотѣлъ оставаться въ Москвѣ, которую теперь называлъ „Вавилономъ“. Съ двѣнадцатью семействами самыхъ ревностныхъ къ старому обряду прихожанъ бѣжалъ онъ на самый рубежъ литовскій, въ Украйну Стародубскую. Здѣсь у него былъ пріятель, вѣроятно, одинъ изъ сотниковъ Стародубскаго полка *), Гаврила Ивановичъ. Снисходя къ просьбѣ попа Кузьмы, велѣлъ онъ курковскому атаману Ломакѣ поселить московскихъ выходцевъ въ мѣстечкѣ Понуровкѣ. Подлѣ этого мѣстечка, на рѣкѣ Ревнѣ, явилось въ 1669 году первое раскольническое поселеніе въ Стародубьѣ. Слухъ объ этомъ прошелъ между старообрядцами въ Москвѣ и въ около-московныхъ городахъ. О Кузьмѣ говорили, какъ о нѣкоемъ святителѣ, странствующемъ „ради старыя вѣры“. Въ первый же годъ бѣглые изъ Россіи раскольники, стремившіеся по слѣдамъ попа Кузьмы, населили четыре слободы: Бѣлый-Колодецъ, Синій-Колодецъ, Шелому и Замѣшево. Пятнадцать лѣтъ жили они спокойно въ лѣсахъ стародубскихъ. Сюда къ нимъ пришелъ и другой священникъ изъ города Бѣлева, по имени Стефанъ, и съ нимъ много старообрядцевъ изъ нынѣшнихъ Тульской и Калужской губерній. Они основали слободу Митьковку. Царевна Софья и патріархъ Іоакимъ узнали объ этихъ поселеніяхъ. Тамошнему полковнику повелѣно было примѣнить относительно поселившихся въ Стародубьѣ 12 статей 1685 года и возвращать ихъ на родину. „Таковому указу разгласившуся,—говоритъ одинъ раскольническій писатель: — ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася... Гоненію же въ Великороссіи на старообрядцы належащу, мнози оставляюще своя отечества“ **). Насельники старообрядскихъ слободъ перешли рубежъ литовскій, бывшій отъ нихъ всего верстахъ въ пятнадцати. Здѣсь, у самой почти русской границы, они нашли для себя удобное мѣсто. На пустомъ островѣ р. Сожи, текущей въ Днѣпръ, недалеко отъ нынѣшняго города Гомеля, они построили первую слободу, названную, по имени острова, Вѣткою. Панъ Халецкій, которому принадлежалъ этотъ островъ, былъ очень радъ пришельцамъ, отвелъ имъ пустовавшую дотолѣ у него землю и, получая за нее отъ старообрядцевъ хорошій чиншъ (оброкъ), защищалъ ихъ, сколько могъ. Это было въ 1685 году. Послѣдователи поповщины, жившіе въ Россіи и подвергавшіеся преслѣдованіямъ, узнавъ, что за литовскимъ рубежомъ „старая вѣра во ослабѣ“, устремились изъ разныхъ мѣстъ „во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованія

*) А не стародубскій полковникъ, какъ пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ» (Н. С. Тихонравова, «Лѣтописи русской литературы и древности», т. IV, смѣсь. стр. 56. Ср. преосвященнаго Макарія, «Исторія русскаго раскола», стр. 293). Изъ стародубскихъ полковниковъ не было ни одного, котораго бы звали Гаврилою Ивановичемъ (Маркевича, «Исторія Малороссіи», V, 1169).

**) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности», т. IV, смѣсь, стр. 58).

паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустая мѣста и звѣропаственная населяхуся, и вмѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущія въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашеся населеніемъ человѣкъ, ими же населишися Косецкая, Романово, Леонтіева" *). Всего въ самое короткое время старообрядцы населили четырнадцать большихъ слободъ.

Черезъ десять лѣтъ по основаніи, Вѣтка сдѣлалась средоточіемъ всей поповщины, какъ бы ея митрополіей. Это случилось вслѣдствіе переселенія сюда изъ Керженскихъ скитовъ чернаго попа Ѳеодосія. Много странствовалъ на своемъ вѣку этотъ человѣкъ. При началѣ церковнаго раздора ушелъ онъ изъ Рыльскаго монастыря на Донецъ, но былъ пойманъ, судимъ и, по лишеніи сана, заточенъ въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Здѣсь сидѣлъ Ѳеодосій семь лѣтъ и обратился къ церкви, но когда его заставили читать синодикъ и дали ему нѣкоторую свободу, онъ бѣжалъ въ Поморье, а оттуда въ Керженскіе лѣса, гдѣ, вмѣстѣ съ пошехонскимъ дворяниномъ Ѳедоромъ Яковлевичемъ Токмачевымъ, поселился сначала на Белмашѣ, а потомъ въ скиту Смольяны **), который былъ тогда центромъ всего Керженца и Чернораменья. Прежде жилъ тутъ Діонисій Шуйскій, у котораго былъ довольный запасъ мира и св. даровъ, освященныхъ еще при патріархѣ Іосифѣ. Это возвысило Діонисія на степень главы старообрядчества, а жительство его, Керженецъ, сдѣлало какъ бы митрополіей всѣхъ послѣдователей поповщины. Не имѣя ни антиминсовъ ни одиконовъ, — ни Діонисій ни другіе попы, уклонившіеся въ расколъ, не могли служить литургіи, и тотъ, у кого было болѣе старыхъ запасныхъ даровъ, дѣлался самымъ вліятельнымъ человѣкомъ. За дарами пріѣзжали на Керженецъ издалека, и повсюду

---

*) Тамъ же.

**) Этотъ скитъ былъ основанъ Сергіемъ Салтыковымъ, Ефремомъ Потемкинымъ и другими смольянами, пришедшими изъ Бизюкова монастыря на Керженецъ около 1656 года. Это мѣсто недалеко отъ деревни Ларіонова, что близъ города Семенова. За Шарпанскимъ скитомъ, уничтоженнымъ въ 1853 году, въ густомъ лѣсу, по болоту, есть тропинка. На ней мѣстами уцѣлѣли полусгнившія сосновыя и еловыя кладки. Конной ѣзды, кажется, тутъ никогда и не бывало. Тропинка приводитъ пѣшехода до признаковъ стараго скита, уже поросшихъ матерымъ лѣсомъ. Замѣтны погребныя ямы, слѣды огородныхъ грядъ и кладбища. На кладбищѣ 12 могилъ, на могилахъ двѣнадцать камней. Тутъ похоронены Діонисій Шуйскій, бывшій нѣкогда главою поповщины, и другіе одиннадцать поповъ. Урочище это называется «Смольяны» или «Смольяные». Преданіе говоритъ, что тутъ былъ большой скитъ, разоренный еще прежде Питирима, *въ которомъ жили царскіе бояры*, не захотѣвшіе принять Никоновыхъ нововведеній. Это «Старый Керженецъ», первый раскольническій скитъ, основанный еще въ 1656 году. Белмашъ, рѣчка, впадающая въ Керженецъ (въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, на самой почти границѣ съ Нижегородскою). Здѣсь, на устьѣ Белмаша, въ XVII столѣтіи, старообрядцы устроили скитъ, уничтоженный Питиримомъ, который, по указу Петра въ 1708 году, устроилъ тутъ Троицкій Белмашскій женскій монастырь, доселѣ существующій.

распространялась слава Діонисія и Керженца, въ то время еще не раздѣлившагося на секты. Ѳеодосій около 1690 года сдѣлался преемникомъ Діонисія и вмѣстѣ съ Токмачевымъ правилъ всѣмъ Керженцомъ: собиралъ соборы, распространялъ и поддерживалъ расколъ, и этимъ обратилъ на себя зоркое вниманіе правительства. Начались розыски. Токмачевъ былъ арестованъ, его судили и сожгли, а другъ и собесѣдникъ его Ѳеодосій успѣлъ бѣжать въ Калугу. Смольяные были разорены до тла. Это было въ 1694 году. Ѳеодосій, не имѣя при себѣ ни мира ни запасныхъ даровъ, которые при скоромъ бѣгствѣ оставилъ въ Смольянахъ, чувствовалъ, что онъ лишился вліянія на старообрядцевъ, что слава его, какъ главы раскола, миновала. Въ Калугѣ представился однако ему счастливый и совершенно неожиданный случай поправить дѣла. Выше сказано было, что старообрядцы въ то время нигдѣ не служили обѣдни, и что у нихъ повсюду чувствовался крайній недостатокъ въ святыхъ дарахъ *). Въ Калугѣ стояла одна ветхая церковь Покрова Богородицы. Много лѣтъ уже не отправлялось въ ней, за ветхостью, церковной службы; но церковь не была нарушена: въ ней былъ и престолъ и антиминсъ, освященные еще при патріархѣ Іосифѣ, и иконостасъ временъ Ивана Грознаго. Старикъ Ѳеодосій, уже болѣе полувѣка не служившій обѣдни, изыскалъ случай ночью, въ великій четвертокъ 1695 года, совершить въ этой запустѣлой церкви литургію и освятить запасные дары. Все сдѣлано было сообразно требованіямъ самыхъ строгихъ ревнителей стараго обряда. Въ до-никоновской церкви, на до-никоновскомъ антиминсѣ, до-никоновскаго рукоположенія священникъ совершилъ литургію по старому „Служебнику“. Святость даровъ, освященныхъ Ѳеодосіемъ, была для всѣхъ несомнѣнна; даже самые безпоповцы просили у него совершенныхъ имъ даровъ. Ѳеодосій разослалъ частицы ихъ по всѣмъ сторонамъ, гдѣ жили старообрядцы, и его падавшая-было слава возникла въ новомъ, большемъ прежняго блескѣ. Осталось неизвѣстнымъ, какимъ образомъ Ѳеодосій получилъ доступъ въ калужскую церковь, но полагать надобно, что тутъ дѣйствовали деньги, ибо вскорѣ послѣ того Ѳеодосій сдѣлался владѣтелемъ Іоанновскаго иконостаса, сто лѣтъ слишкомъ находившагося въ калужской церкви, въ которой удалось ему отслужить обѣдню, доставившую ему столько славы и вліянія. Въ русскихъ предѣлахъ съ такими пріобрѣтеніями Ѳеодосію оставаться было небезопасно; розыски его не кончились. За литовскимъ рубежомъ было невпримѣръ надежнѣе и безопаснѣе. На Вѣтку усердно звали его тамошніе старообрядцы, свѣдавъ, какимъ сокровищемъ онъ обладаетъ. Вѣтковскіе отцы послали искуснаго старца Пифонта и другихъ въ Калугу съ просительными письмами къ Ѳеодосію,

---

*) Запасные дары мѣшали съ мукой и испеченные изъ этой муки хлѣбы принимали, какъ таинство; тѣсто съ крупицами святыхъ даровъ намазывали на полотно и лоскутками его пріобщались. См. Андрея Іоаннова Журавлева, «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 279.

приглашая его къ себѣ на жительство. Θеодосій согласился и въ 1695 году перешелъ литовскій рубежъ и явился на Вѣткѣ, „вси же радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его къ нимъ и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе, купно и веселящеся на вступленіе того, вси увядшіе печалію весело хождаху“ *).

Посмотрѣлъ Θеодосій; видитъ—вѣтковская моленная мала, не можетъ вмѣщать всѣхъ богомольцевъ, ибо съ каждымъ днемъ населеніе тамошнихъ слободъ увеличивалось бѣгавшими за границу старообрядцами. И велѣлъ ее распространять. Обрадованные вѣтковцы живо схватились за топоры и въ нѣсколько дней срубили изъ дубоваго лѣса большую церковь. Θеодосій поставилъ въ ней калужскій иконостасъ и вмѣстѣ съ двумя попами—роднымъ братомъ своимъ Александромъ и пріѣхавшимъ изъ Москвы Григорьемъ—освятилъ церковь во имя Покрова Богородицы, на антиминсѣ, который былъ на Вѣткѣ еще до водворенія въ ней Θеодосія. Предшественнику его, вѣтковскому попу Іоасафу, привезла этотъ старинный антиминсъ, по всей вѣроятности, выкраденный изъ какой-нибудь православной церкви, старица изъ города Бѣлева, по имени Меланія. Это была первая раскольническая церковь, и литургія, совершенная тремя попами въ день освященія вѣтковской церкви, была первая раскольничья обѣдня.

Вѣтка съ церковью и обѣднями стала быстро возвышаться; толпы за толпами приходили на берега Сожи. Русскіе старообрядцы вскорѣ населили здѣсь четырнадцать большихъ слободъ. Въ нихъ было до сорока тысячъ жителей. Явились монастыри, мужскіе и женскіе. Міряне занимались торговлей и управлялись выборными людьми. Θеодосій сдѣлался главою всей поповщины; онъ разсылалъ благословеніе и святые дары по всѣмъ общинамъ, принималъ бѣглыхъ отъ господствующей церкви поповъ и разсылалъ ихъ по разнымъ мѣстамъ. Нигдѣ не могли принять попа безъ благословенія настоятеля вѣтковской Покровской церкви. Самый Керженецъ преклонился передъ Вѣткой: туда, въ это бывшее дотолѣ средоточіе всей поповщины, Θеодосій посылалъ грамоты, какъ власть имѣющій. Недоставало мира: старое, Іосифовское, старообрядцы разбавляли деревяннымъ масломъ. Черезъ полвѣка и разбавленнаго такимъ образомъ было очень мало. Θеодосій сварилъ и миро.

Во время вторженія Карла XII и измѣны гетмана Мазепы, раскольники вѣтковскіе, а также и оставшіеся въ Стародубьѣ, сами собрались и стали противъ враговъ русской земли. Они оказали услугу Петру I, отбивая у шведовъ обозы, нападая на малые отряды,—однимъ словомъ, ведя въ это время партизанскую войну. Нѣсколько сотъ шведовъ было убито старообрядцами, а захваченныхъ плѣнниковъ жители стародубскихъ слободъ представили лично Петру. Государь былъ доволенъ та-

*) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 62.

кимъ доказательствомъ ихъ вѣрности, простилъ бѣглецовъ и утвердилъ за ними тѣ земли Стародубья, на которыхъ они поселились. Вѣтковцевъ онъ не велѣлъ трогать. Это обстоятельство много способствовало къ возвеличенію тамошнихъ раскольническихъ общинъ. Стародубскія слободы, запустѣвшія-было за двадцать передъ тѣмъ лѣтъ, вновь заселились больше прежняго. Черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ были сильны и вліятельны не менѣе самой Вѣтки.

Гоненія были только въ Москвѣ, на Керженцѣ и по Волгѣ. Петра вооружили противъ тамошнихъ старообрядцевъ распространяемые ими по народу толки о томъ, что Петръ—нѣмецъ, шведъ, подметный царь, антихристъ, что не повиноваться ему, „братися съ нимъ, яко со врагомъ Господнимъ, яко съ антихристомъ“, самъ Богъ повелѣваетъ. Мы уже говорили, что въ 1669 году ошибшіеся въ расчисленіяхъ о кончинѣ міра раскольники высчитали, что антихристъ придетъ въ 1699 году, а кончина міра послѣдуетъ въ 1702 году. Въ 34 году по Р. Х. распятъ былъ Спаситель,—говорили они,—и тогда же связанъ сатана на тысячу лѣтъ, то-есть до 1034 года, когда отпала римская церковь отъ православія. Съ этого времени до явленія антихриста долженствовало исполниться число лѣтъ, равное апокалипсическому числу въ имени антихриста, то-есть 666. Итакъ, онъ долженъ явиться въ 1699 или 1700 году, а черезъ два съ половиной года, то-есть въ 1701 или 1702 году, должно послѣдовать свѣтопреставленіе. Когда исполнились эти года, Петръ I воротился изъ-за границы, обритый, въ нѣмецкомъ платьѣ, и сталъ передѣлывать Русь на „нѣмецкій манеръ“. Свѣдали старообрядцы, что, возвратясь въ Москву, онъ, не заѣзжая ни въ Кремль, къ тамошнимъ чудотворцамъ, ни къ Иверской Божьей Матери, прямо проѣхалъ на Кокуй, въ Нѣмецкую слободу, въ домъ виноторговца Монса, гдѣ съ его дочерью и Лефортомъ прокутилъ цѣлую ночь. На другой день по пріѣздѣ, когда представлялись къ нему бояре, онъ обрилъ ихъ, кромѣ только двухъ, и затѣмъ велѣлъ всѣхъ русскихъ людей бороды лишать и всѣмъ нѣмецкое платье надѣвать. Черезъ пять дней, въ день Новаго года (1-го сентября), вопреки древнему, свято чтимому обычаю, Петръ не явился на Кремлевской площади въ царскомъ облаченіи и не принялъ, по древнему обыкновенію, благословенія патріарха и поздравленія отъ бояръ и отъ народа, и самъ не „здравствовалъ народъ“ съ новолѣтіемъ. Зато въ этотъ самый день былъ на пиру у Шеина, много пилъ и велѣлъ шутамъ рѣзать послѣднія боярскія бороды *). Черезъ недѣлю по пріѣздѣ, былъ пиръ у Лефорта, на пиру бритый царь, бритые бояре и нѣмцы съ женами и дочерьми сильно выпили. Музыка гремѣла; царь плясалъ съ нѣмками. Черезъ двѣнадцать дней по пріѣздѣ, не допустивъ царицу на глаза, постригъ ее и заточилъ въ Суздальскій

*) Устряловъ. «Исторія царствованія Петра Великаго», III, 621. Донесеніе Гваріента императору Леопольду отъ 12 сентября 1668 года.

монастырь. Отправивъ такіе пиры, принялся Петръ за кровавый пиръ— за стрѣльцовъ: черезъ три недѣли по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ начался стрѣлецкій розыскъ. Стѣны Кремля были утыканы стрѣлецкими головами, и самъ царь, въ Преображенскомъ, рубилъ головы стрѣльцамъ. Петръ публично ѣлъ скоромное по постамъ. Измѣнилъ исчисленіе, перенесъ Новый годъ съ сентября на январь. Соблазнились и смутились русскіе люди больше, чѣмъ сто лѣтъ передъ тѣмъ смущались они во дни Гришки Отрепьева. „Да вправь царь ли онъ? Не по-царски поступаетъ. Не новый ли это у насъ Гришка Разстрига объявился?“- заговорили въ народѣ. И пошли толки: „благочестивый царь Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ въ Стеклянное государство *) и тамъ *пропалъ безъ вѣсти*». Исключительно русское воззрѣніе! Стали спрашивать: „а кто же теперь на Москвѣ царство держитъ?“ Отвѣчали: „сказываютъ, что нѣкій жидовинъ отъ колѣна Данова **). Какъ скоро-де онъ наѣхалъ на Москву и все сталъ творить по-жидовски: у патріарха благословенія не принялъ, въ домъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, на поклоненіе ризѣ Господней, пречестной Владимірской иконѣ Богородицы, писанной Лукой евангелистомъ, и къ цѣльбоносным мощамъ московскихъ чудотворцевъ не пошелъ, потому что зналъ—сила Господня не допуститъ его, окаяннаго, до святого мѣста. Къ Архангелу не ходилъ, гробамъ прежнихъ благочестивыхъ царей не поклонился, для того, что они ему чужи и весьма ненавистны. Въ кремлевскіе чертоги не вошелъ, глумяся надъ ними и сожечь ихъ замышляя. Никого изъ царскаго рода: ни царицы, ни царевича, ни царевенъ не видалъ, боясь, что они обличатъ его, скажутъ ему, окаянному: „ты не нашъ, ты не царь, а жидъ проклятый“. Для того царицу и царевенъ постригъ, а маленькаго царевича, сына благочестиваго царя Петра Алексѣевича, коему бы достояло теперь пріяти великій скифетръ московскаго государства и всея Россіи, нѣмцамъ отдалъ, а потомъ убилъ. Народу въ день новолѣтія не показался, чая себѣ обличенія, яко же и Гришкѣ Разстригѣ обличеніе народное было, и во всемъ по-разстригиному поступаетъ: святыхъ постовъ не содержитъ, въ церковь не ходитъ, въ банѣ каждую субботу не бываетъ, живетъ блудно, съ погаными нѣмцами заедино, и нынѣ на Московскомъ государствѣ нѣмецъ сталъ великъ человѣкъ. Самый лядащій нѣмецъ теперь выше боярина и самого патріарха. Да онъ же, жидовинъ, съ блудницами-нѣмками всенародно пляшетъ. Бояръ перебрилъ и въ нѣмецкіе кафтаны обрядилъ и всѣхъ русскихъ людей велѣлъ бороды лишать и всѣмъ нѣмецкіе кафтаны носить. Пьетъ вино не во славу Божью, а нѣкако нелѣпо и безобразно во пьянствѣ валяяся и глумяся во пьянствѣ; своихъ же пьяницъ оваго

*) Русскіе Стокгольмъ называли «Стекольно», оттуда и Стеклянное царство.

**) По сказаніямъ, антихристъ будетъ еврей изъ колѣна Данова и явится на сѣверѣ.

святѣйшимъ патріархомъ нарицаетъ, овыхъ же митрополитами, и архіепископы и епископы, себя же протодіакономъ, горло веліе имѣяй и срамоты со священными глаголы смѣшивая, велегласно вопія на потѣху своимъ нѣмецкимъ людямъ, паче же на поруганіе святыни. Самъ табакъ пьетъ и другихъ пить сіе треклятое зеліе повелѣваетъ, а при благочестивыхъ царѣхъ тѣмъ, кто табакъ пьетъ, носы рѣзали. Патріаршій чинъ упраздни, и митрополитовъ такожде упраздняя. У Бога восемь лѣтъ укралъ *), чая да не явится въ людѣхъ прореченное о немъ тайновидцемъ Іоанномъ Богословомъ исчисленіе временъ, — да не явится антихристомъ, въ міръ пришедшимъ, еже и бысть. Страдничества же того жидовина и всякихъ дѣлъ его нечестивыхъ всѣхъ по ряду невозможно описати, аще бы вся богопротивныя дѣла сего жидовина описати, мню со евангелистомъ Іоанномъ, міру цѣлому не вмѣстити пишемыхъ книгъ. Оле! разоренія благочестія, оле! попранія святыни Господней, оле же запустѣнія на мѣстѣ святѣ, прореченнаго Даніиломъ пророкомъ“ **).

---

*) Въ свято чтимыхъ раскольниками старопечатныхъ книгахъ говорилось, что отъ сотворенія міра до Р. Х. не 5508, а ровно 5500 лѣтъ. Когда Петръ замѣнилъ старинное лѣтоисчисленіе отъ сотворенія міра общепринятымъ въ Европѣ счисленіемъ отъ Р. Х. и при этомъ 7208 годъ стали считать не 1708, а 1700, отъ этого и пошелъ толкъ о томъ, что Петръ I у Бога восемь лѣтъ укралъ. Этотъ толкъ внесенъ во многія раскольническія сочиненія.

**) «Сказаніе вкратцѣ о послѣднихъ губительныхъ временахъ крайняго антихриста» — въ сборникѣ XVIII ст., въ которомъ помѣщены и другія раскольническія сочиненія. Изъ Преображенскаго приказа видно, что на Керженцѣ и между кержаками, переселившимися въ Пермскую губернію и Сибирь, были такія рѣчи: «Петръ шведъ обмѣнный, потому, догадывайся, дѣлаетъ Богу противно: противъ солнца крестятъ и свадьбы вѣнчаютъ, и образа пишутъ съ шведскихъ персонъ, и поста не можетъ воздержать, и платье возлюбилъ шведское, и со шведами пьетъ и ѣстъ, и изъ ихъ королевства не выходитъ, а паче того догадывайся, что онъ извелъ русскую царицу и отъ себя сослалъ въ ссылку въ монастырь, чтобы съ ней царевичевъ не было, и царевича Алексѣя Петровича извелъ: своими руками убилъ для того, чтобъ ему, царевичу, не царствовать, и взялъ за себя шведку, царицу Екатерину Алексѣевну, и та царица дѣтей не родитъ, и онъ (Петръ I) сдѣлалъ указъ, чтобы за предбудущаго государя крестъ цѣловать — и то крестъ цѣлуетъ за шведа; однокопечно станетъ царствовать шведъ, родственникъ царицы Екатерины Алексѣевны или братъ; и великій князь Петръ Алексѣевичъ (Петръ II) родился отъ шведки — мѣрою въ аршинъ съ четвертью, съ зубами — не простъ человѣкъ: онъ антихристъ... а онъ (Петръ I) съ царицею Екатериною Алексѣевною сжился прежде вѣнца»... (Г. В. Есиповъ. «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія», II, 41, 46, 47). Когда царствовала Елизавета Петровна, при которой раскольниковъ преслѣдовали, они говорили, что она не прямая царица... а что настоящій, законный царь есть — Иванъ Антоновичъ, отрасль благочестиваго царя Ивана Алексѣевича, за котораго стрѣльцы стояли и головы свои за него сложили, по той причинѣ, что царь Иванъ Алексѣевичъ будто бы былъ старообрядецъ. За такія разглашенія трое керженскихъ келейныхъ жителей въ 1741 году биты кнутомъ съ вырываніемъ ноздрей и сосланы въ Нерчинскъ на горные заводы.

Подъ вліяніемъ подобныхъ толковъ образовалось въ раскольникахъ убѣжденіе, что антихристъ, ожидаемый ими въ 1699 году, не кто другой, какъ Петръ I. Явились грамотеи, прилежно занявшіеся составленіемъ выписокъ объ антихристѣ изъ разныхъ книгъ, съ примѣненіемъ ихъ къ личности Петра I. Тотчасъ по возвращеніи его изъ-за границы такими выписками, между прочими, занялся переписчикъ книгъ Григорій Талицкій *). Писанія его одобрялись не только священниками, но даже однимъ архіереемъ — тамбовскимъ Игнатіемъ. Подражателей Талицкому было много: немало было ихъ и на Керженцѣ и по Волгѣ. Фанатики гибли на кострахъ и плахахъ, умирали съ радостью, утѣшая себя мыслью, что гибнутъ отъ руки самого антихриста и потому несомнѣнно будутъ удостоены царства небеснаго. По мѣстамъ являлись люди, называвшіе себя кто Енохомъ, кто Иліей пророкомъ, пришедшими для обличенія антихриста. Въ 1701 году опять явились „гробополагатели" и, лежа въ саванахъ, опять отпѣвали себя, опять тоскливо пѣли:

Древянъ гробъ, сосновый,
Ради мене строенъ,
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати...

По городамъ толковали, и Талицкій писалъ, какъ Петръ пойдетъ на войну, начинавшуюся тогда со шведами, то бы разосланнымъ стрѣль-

*) Выписка изъ дѣла о Григоріи Талицкомъ, представленная въ 1750 году императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, напечатана Г. В. Есиповымъ («Раскольническія дѣла XVIII столѣтія», I, 59—86). Его пытали на Красной площади передъ народомъ. Желябужскій говоритъ: «въ томъ же году (1704) мученъ разными пытками на Красной площади вѣдомый воръ Гришка Талицкой въ великомъ государственномъ дѣлѣ, и сожженъ; и многіе всякихъ чиновъ люди и отъ приходовъ изъ монастырей дьячки ловлены и пытаны; и розыски были великіе» (Сахарова, «Записки русскихъ людей». «Записки Желябужскаго», стр. 86). Епископъ Игнатій тамбовскій за сношенія съ Талицкимъ, по лишеніи сана, сосланъ въ Соловки; епархія тамбовская уничтожена, три попа, одинъ понамарь и одинъ иконникъ казнены вмѣстѣ съ Талицкимъ; девять человѣкъ бито кнутомъ и сослано въ Сибирь: жену Талицкаго, двухъ попадей и жену иконника сослали въ Сибирь. Талицкій намѣревался свое сочиненіе выпустить въ видѣ прокламаціи, и для того иконникъ вырѣзывалъ его на деревѣ. Кажется, Григорій Талицкій былъ родомъ изъ Талицъ, отчего и прозывался Талицкимъ. Талицы Большія и Талицы Малыя—двѣ смежныя, составляющія одну населенную мѣстность, деревни, Макарьевскаго уѣзда, Костромской губерніи, на границѣ Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, близъ рѣки Узолы, извѣстнаго по своей торговлѣ удѣльнаго села Ковернина. Населеніе Талицъ сплошь раскольническое. Верстахъ въ пятнадцати отъ Талицъ начинались керженскіе и чернораменскіе скиты. Раскольники въ Талицахъ самые закоренѣлые. Въ окрестностяхъ жители, желая сказать о комъ-нибудь, что онъ упорный раскольникъ, говорятъ: «да онъ что твой Талицкой». Мысль, что Петръ I — антихристъ, по сихъ поръ держится въ Талицахъ, и сохранилось преданіе, что кого-то изъ ихъ деревни антихристъ-Петръ мучилъ: на Москвѣ живьемъ жегъ.

цамъ собраться въ Москву и посадить царевича Алексѣя Петровича на царство, а если и онъ въ жидовство пошелъ и нѣмцемъ во всемъ учинился, то выбрать царя православнаго. Указывали даже на кандидата въ цари, на престарѣлаго и богатаго князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, которому и Петръ не посмѣлъ обрить бороды. Петръ приказалъ Стефану Яворскому написать книгу „О знаменіяхъ пришествія антихристова", чтобы народъ, читая ее, не вѣрилъ раскольническимъ разглашеніямъ, а раскольниковъ объявилъ „лютыми непріятелями, государству и государю непрестанно зло мыслящими". Особенное вниманіе обратилъ онъ на Керженскіе лѣса, которые св. Дмитрій Ростовскій назвалъ Брынскими *). Тамъ было 77 скитовъ и въ нихъ болѣе семисотъ монаховъ и слишкомъ 1800 монахинь; деревенскій же народъ поголовно былъ въ расколѣ. Тамъ писались выписки и слагались розсказни о Петрѣ-антихристѣ, тамъ бывали раскольническіе соборы, тамъ принимались бѣглые отъ церкви попы и разсылались по Россіи.

Въ 1706 году жившій самъ прежде въ кельяхъ на Керженцѣ и находившійся долгое время въ расколѣ, игуменъ Переславскаго Никольскаго монастыря, Питиримъ, посланъ былъ раздраженнымъ Петромъ на Керженецъ для истребленія раскола. Этотъ Питиримъ своими „равноапостольскими" **), по выраженію Петра, подвигами почти въ конецъ разорилъ скиты керженскіе и чернораменскіе. Изъ разоренныхъ имъ скитовъ старообрядцы бросились за рубежъ, на Вѣтку. Питиримъ и до Вѣтки сталъ добираться. Ровно за двадцать лѣтъ до „вѣтской выгонки", въ 1715 году, предлагалъ онъ Петру разорить раскольничьи селенія за рубежомъ, а особенно церковь на Вѣткѣ, говоря, что „велія будетъ въ томъ польза, понеже бѣжать будетъ некуда ***). На разореніе Вѣтки, находившейся въ чужихъ владѣніяхъ, Петръ, какъ видно, не рѣшился, хотя во время розысковъ надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и посылалъ зачѣмъ-то на Вѣтку рекомендованнаго ему Питиримомъ Юрьевца-Поволжскаго Успенскаго монастыря монаха Авраамія ****). Результаты Аврааміевой поѣзди остались намъ

*) Дѣйствительно—*Рымскіе*. Такъ называются сопредѣльные съ Керженскими лѣса въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, по селеніямъ Большія и Малыя Рымы, на рѣчкѣ Черный Лухъ, впадающей въ Унжу.

**) Собственноручная резолюція Петра I на донесеніи отъ Питирима 8 марта 1815 года; находится вмѣстѣ съ другими письмами Петра къ Питириму въ нижегородской духовной консисторіи.

***) Г. В. Есипова, «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія», II, 220.

****) Въ нижегородской духовной консисторіи въ книгу — «Переписка Петра I съ Питиримомъ» —переплетены: а) пасъ, данный Авраамію 10-го марта 1718 года въ Москвѣ, за собственноручнымъ подписомъ Петра (во время розыска о царевичѣ никому не давалось паспортовъ о подорожныхъ иначе, какъ съ личнаго дозволенія царя и за его подписомъ), и б) подорожная на двѣ лошади, данныя Авраамію 12 марта 1718 за подписомъ графа Ивана Мусина-Пушкина. Въ этой подорожной сказано: „отъ Москвы до

неизвѣстны. Вѣтка между тѣмъ благоденствовала. Паденіе Керженца, ослабленнаго Ѳеодосіевою церковью, внутренними раздорами и безпощадными преслѣдованіями Питирима, придало еще болѣе блеска и значенія Вѣткѣ. У нея не стало соперника. Въ безопасности своей тамошніе жители были вполнѣ увѣрены. Они платили хорошій чиншъ пану Халецкому, и Халецкій стоялъ за нихъ горою. „У Петра рука долга, а сюда не хватитъ“,—говорили самодовольные вѣтковцы. „И наста (на Вѣткѣ) тихое житіе и лѣта изобильна“ *).

Вѣтковцы не довольствовались такимъ, сравнительно съ оставшимися въ Россіи ихъ единовѣрцами, счастливымъ положеніемъ. Они хотѣли большаго блеска, большей славы въ средѣ старообрядцевъ, большаго вліянія на нихъ своей Вѣтки. Они хотѣли сдѣлать ее дѣйствительною митрополіей всѣхъ ревнителей стараго обряда, гдѣ бы они ни жили.

Мысль, что только та церковь истинна, въ которой сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи, мысль, что должно имѣть самостоятельную церковь со святителями, а не „обкрадывать церковь великороссійскую“, занимала почти всѣхъ вліятельныхъ людей на Вѣткѣ. Отчасти побуждала вѣтковцевъ искать архіерея и увеличивающаяся подлѣ нихъ съ каждымъ годомъ сила Стародубья.

Съ 1715 года началось у старообрядцевъ дѣятельное *исканіе архіерея*. Дѣло, какъ сейчасъ сказано, было начато за рубежомъ. Въ Россіи не всѣ старообрядцы поповщинскаго толка были согласны на исканіе архіерейства. Въ Стародубьѣ нашлось много дьяконовцевъ, сочувствовавшихъ вѣтковскому предпріятію, а также въ общинахъ Московской, Тверской, Новоторжской, Ржевской; но Керженецъ, еще не павшій въ то время отъ руки Питирима, и старообрядцы, ушедшіе съ Керженца на Демидовскіе уральскіе заводы **), а также жившіе въ Казани и по Волгѣ, были несогласны на пріемъ архіерея. Не знаемъ, какъ была принята эта мысль на Дону, гдѣ все казачество находилось въ расколѣ. Такимъ образомъ на востокѣ, вдали отъ зарубежной церкви, оказалось среди старообрядцевъ несогласіе на исканіе епископа, но чѣмъ ближе жили старообрядцы къ литовскому рубежу, тѣмъ болѣе замѣчалось сочувствія къ этому предпріятію. Впрочемъ, и здѣсь многіе блазнились, говоря: „Какъ же мы отъ обливанцевъ епископа пріимемъ? Не будетъ ли сія послѣдняя вещь горше первыя? Не будетъ ли такое дѣло еретичествомъ, паче самого никоніанства?“ Вѣтковскіе старшины,

---

Калуги, и до Брянска, и до Стародуба, и до польскаго рубежа... Отпущенъ онъ по Его, Великаго Государя, именному указу, *по желанію его*, въ Польшу“.

*) Іона Курносый.

**) Демидовъ, получивъ отъ Петра I земли на Уралѣ, сзывалъ туда поселъниковъ изъ другихъ мѣстъ. Съ Керженца много пришло туда раскольниковъ. Оттого въ Пермской губерніи до сихъ поръ всѣхъ раскольниковъ зовутъ *кержаками*, даже слова: «содержать расколъ», «раскольничать», замѣняютъ словомъ: «*кержачить*».

предвидя, какія огромныя выгоды будетъ получать ихъ слобода, если въ ней поселится старообрядческій епископъ, сколько денегъ перевезется на Вѣтку изъ разныхъ концовъ Россіи, сначала и думать не хотѣли объ обливанствѣ, опасенія строгихъ ревнителей называя блажью. Къ тому же, живя въ Бѣлоруссіи и видя, что тамошніе православные священники не поливаютъ, а погружаютъ въ три погруженія, не очень-то и довѣряли они тому, что у грековъ содержится обливательное крещеніе. Тѣмъ не менѣе рѣшились искать архіерейства не у грековъ, а въ Яссахъ, у молдовлахійскаго митрополита: онъ былъ поближе, и притомъ поселившіеся въ Бессарабіи и Молдовлахіи русскіе выходцы, старообрядцы, съ клятвою увѣряли, что въ тамошнихъ мѣстахъ у православныхъ о поливательномъ крещеніи и слуху нѣтъ, а водится оно только у подвластныхъ римскому костелу уніатовъ.

По предварительному соглашенію съ Вѣткой, жившіе въ Молдавіи старообрядцы вошли въ сношеніе съ тамошнимъ митрополитомъ Антоніемъ, обѣщавъ ему за поставленіе епископа построить для него въ Яссахъ каменную церковь. Они „удобоприступна себѣ ясскаго митрополита Антонія обрѣтоша, — говоритъ Иванъ Алексѣевъ въ своей „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ: — къ нему же тамо живущіе старовѣрцы свободный входъ въ разговоръ имуще, чрезъ многа, тѣмъ и дерзновенно просиша его, да посвятитъ имъ отъ нихъ человѣка во епископа. Онъ же на се соизволи и повелѣ подати доношеніе, кое поданное явѣ сотворено бысть господарю и совѣтникомъ его“. Господарь-фанаріотъ былъ не прочь: и онъ и Антоній едва ли хорошо знали, что такое русскій расколъ и въ чемъ состоитъ раздѣленіе русской церкви. „И вси радостно соизволяху на то“,— прибавляетъ Иванъ Алексѣевъ. Это было въ 1730 году.

Молдавскіе раскольники не замедлили сообщить своимъ вѣтковскимъ одновѣрцамъ объ успѣхѣ дѣла. Немедленно черный попъ Власій, игуменъ Вѣтковскаго монастыря, собралъ соборъ изъ духовныхъ и мірскихъ; на соборѣ были и выборные изъ стародубскихъ слободъ дьяконовскаго толка. Избрали кандидата и вмѣстѣ съ выборными людьми, какъ вѣтковскими, такъ и стародубскими, въ 1731 году отправили его въ Яссы. Здѣсь явились они и господарю Михаилу *) и митрополиту Антонію, тому и другому поднесли грамоты отъ Власія и отъ всего собора. Дѣло совсѣмъ было-уладилось, но, на бѣду старообрядцевъ, нежданно-негаданно пріѣхалъ въ Яссы константинопольскій патріархъ, въ зависимости отъ котораго были и молдавская митрополія и Западная Русь, гдѣ находилась Вѣтка. Антоній доложилъ патріарху объ искательствѣ старообрядцевъ. Патріархъ пожелалъ видѣться съ ними и лично переговорить.

*) Съ 1716 по 1727 годъ былъ господаремъ Михаилъ Раковица I, а съ 1727 по 1733 — Григорій Гика, оба фанаріоты. Очевидно, старообрядческіе писатели путаются въ хронологіи. Вѣроятно, ихъ попытки были ранѣе 1727 года.

Старообрядцы представились патріарху, подали и ему прошеніе. Фанаріотъ обошелся съ ними ласково, привѣтливо, ибо люди они были богатые, митрополиту дорогую каменную церковь вызывались построить. Много говорить съ старообрядцами патріархъ не могъ: онъ не зналъ по-русски, они — по-гречески, однакожъ передалъ имъ черезъ переводчика, что объ ихъ дѣлѣ онъ, по возвращеніи въ Царьградъ, посовѣтуется съ другими вселенскими патріархами и пришлетъ отвѣтъ въ Яссы. Черезъ нѣсколько времени обѣщанный отвѣтъ дѣйствительно былъ полученъ Антоніемъ. Это были двѣнадцать пунктовъ, принятіе которыхъ кандидатомъ во епископы патріархи вселенскіе поставляли непремѣннымъ условіемъ. Тутъ произошелъ совершенно неожиданный для старообрядцевъ оборотъ дѣла, такъ хорошо было-пошедшаго. Вѣтковцы со стародубскими дьяконовцами хотя и заодно пріѣхали и объ одномъ хлопотали, однакоже, не имѣя между собою общенія „ни въ ястіи, ни въ питіи, а тѣмъ паче въ рѣчей согласованіи“, дѣйствовали каждая сторона особо. Когда въ Яссахъ получены были патріаршіе пункты, написанные, разумѣется, по-гречески, вѣтковцы, отдѣльно отъ стародублянъ, пришли къ митрополиту. Онъ показывалъ имъ пункты. Вѣтковцы просили перевода ихъ на русскій языкъ, и Антоній исполнилъ ихъ просьбу. Получивъ переводъ, вѣтковцы не сказали о томъ стародублянамъ. Эти, въ свою очередь, пошли къ митрополиту узнать, нѣтъ ли какого отвѣта изъ Царьграда. Антоній усомнился, но показалъ имъ патріаршіе пункты. Когда же стародубскіе старообрядцы также попросили перевода, митрополитъ разсердился и „возмнѣ шпирство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ отсла отъ себѣ“ *). Двѣнадцать пунктовъ, или статей, о которыхъ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ при разсказѣ объ этомъ происшествіи, составляли именно то исповѣданіе вѣры, которое, по церковному уставу, всякій новопосвященный архіерей долженъ передъ хиротоніей прочитать вслухъ всѣхъ предстоящихъ въ церкви, въ отвѣтъ на вопросъ старшаго изъ посвящающихъ: „како вѣруеши?“ **). Прочитать вѣтковскому кандидату символъ и правила по-своему — значило бы не получить хиротоніи; читать противное убѣжденію не дозволяла совѣсть и было зазорно отъ своихъ и отъ чужихъ. Вообще страннымъ представляется поступокъ митрополита, какъ о немъ разсказываетъ Иванъ Алексѣевъ, изъ сочиненія котораго преимущественно заимствовали мы разсказъ о посольствѣ старообрядцевъ въ Яссы 1731 года. Сначала соглашаются на предложеніе и господарь, и митрополитъ, и даже патріархъ, а потомъ вдругъ отказъ изъ-за самой пустой причины, изъ-за того, что ста-

*) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», въ «Лѣтоп. русск. ист. и древн.», IV, смѣсь, стр. 64.

**) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 64: «пункты же оные присланные 12 бяху въ таковомъ разумѣ, да хотяй ставитися, исповѣданіе дастъ новотворные догматы хранити и въ нихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити».

рообрядцы во второй разъ попросили перевода. Скорѣй можно было бы предположить, что Антоній, узнавъ точнѣе, въ чемъ состоитъ расколъ, образовавшійся въ великороссійской церкви, не захотѣлъ имѣть дѣла съ его послѣдователями и посвящать для нихъ епископа. Но въ такомъ случаѣ, какъ же онъ послѣ того хотѣлъ-было посвятить Варлаама Казанскаго, зная также, что онъ раскольникъ. Не тянулъ ли онъ дѣло нарочно подольше, чтобы получить отъ пріѣхавшихъ за архіерействомъ больше денегъ, а когда получилъ ихъ достаточное количество, прогналъ отъ себя старообрядцевъ, придравшись къ ничтожному предлогу. Подобный поступокъ былъ совершенно въ правахъ тогдашней румынской церкви и фанаріотовъ, которыхъ присылали туда изъ Царьграда на митрополичьи и епископскія каѳедры.

Пока вѣтковцы и стародубцы хлопотали въ Яссахъ, у поморскихъ безпоповцевъ также возникло желаніе получить епископа изъ-за границы. И ихъ, видно, тяготила мысль, что церковь ихъ не организована сообразно каноническимъ правиламъ и остается безъ пастырей и святителей. Избравъ изъ своей среды благочестиваго и набожнаго старика, Якова Сидорова, большого начетчика и искуснаго въ догматствованіи, они снарядили его въ заграничное путешествіе и дали значительную сумму денегъ для полученія хиротоніи. По приговору ихъ, Сидоровъ долженъ былъ ѣхать не въ Грецію и не въ Молдавію, а къ автокеоальному патріарху Сербіи, независимому отъ патріарха цареградскаго. Не знаемъ объ обстоятельствахъ поѣздки Сидорова, но она почему-то также не увѣнчалась успѣхомъ.

Тогда и поповщина и безпоповщина, испытавъ, каждая въ свою очередь, по неудачѣ, рѣшились дѣйствовать сообща. Соглашеніе происходило въ Стародубьѣ. Послали на Востокъ трехъ выборныхъ: одного изъ вѣтковской поповщины, другого отъ стародубской дьяконовщины, третьяго отъ безпоповцевъ поморскаго согласія. Соглашеніе было истиннымъ праздникомъ для старообрядцевъ. Видя то и дѣло вновь возникающіе изъ-за обряда толки и разгласія, видя, что старообрядство болѣе и болѣе распадается на секты, изъ которыхъ одна ненавидитъ другую, они думали, что наконецъ-то настанетъ теперь полное согласіе между всѣми ревнителями стараго обряда, и „будетъ едино стадо и единъ пастырь". Не терпя прежде другъ друга какъ еретиковъ, они вошли теперь въ общеніе и въ умиленіи душевномъ пѣли за общей трапезой: „се что̀ добро и что̀ красно, но еже жити братіи вкупѣ". Не понравились однако такое сближеніе и такіе замыслы безпоповцамъ ни въ Поморьѣ, ни въ Москвѣ, ни на Керженцѣ. Но кого, изъ которой партіи избрать человѣка, который бы сдѣлался у всѣхъ епископомъ и первостоятелемъ церкви? Рѣшеніе этого вопроса, каково бы оно ни было, непремѣнно перессорило бы соединившіяся секты. Отвращая это и зная притомъ уже по опыту, что трудно, даже невозможно получить за границей хиротонію для раскольника, какого бы толка онъ ни былъ, собравшіеся

на соборъ въ Стародубьѣ рѣшились на то, что удалось потомкамъ ихъ лишь въ 1846 году. Они приговорили стараться склонить къ себѣ какого-либо безудѣльнаго епископа, какихъ на Востокѣ много и теперь, много было и тогда. И такого епископа, „исправивъ“, признать за святителя всѣхъ старообрядцевъ. Главнымъ руководителемъ этого дѣла былъ поморецъ Михаилъ Ивановичъ Витатинъ, одинъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ людей своего времени, пользовавшійся самымъ высокимъ уваженіемъ не только отъ единомысленныхъ съ нимъ поморцевъ, но и отъ старообрядцевъ прочихъ согласій. Это былъ одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ людей, какіе только были въ расколѣ съ самаго начала его. Много онъ странствовалъ и по Россіи и въ чужихъ краяхъ, много видѣлъ, много зналъ и обладалъ необыкновеннымъ даромъ привлекать и искренно привязывать къ себѣ людей, какихъ бы религіозныхъ убѣжденій они ни были. Но и эта попытка не удалась. Долго странствовали соединенные отъ разныхъ согласій посланцы и нигдѣ не успѣли. Витатинъ умеръ въ 1732 году, 65 лѣтъ отъ роду, въ галицкомъ городѣ Кутахъ, въ небольшомъ раскольническомъ монастырѣ, незадолго передъ тѣмъ построенномъ на тогдашней польско-молдавской границѣ *). Спутники его воротились безъ всякаго успѣха.

Вѣтковцы послали новое посольство, не дожидаясь результатовъ поѣздки Витатина. Хотѣлось имъ какъ можно поскорѣе обзавестись архіереемъ. Инщіатива новаго предпріятія принадлежала попу Василію Кондратьевичу Казанскому, незадолго передъ тѣмъ перешедшему литовскій рубежъ **). Это былъ чрезвычайно энергическій человѣкъ, гордый, неуживчивый, сварливый, но обладавшій большими свѣдѣніями въ писаніи и необыкновеннымъ даромъ убѣжденія. Бѣжавъ отъ великороссійской церкви, долго онъ священствовалъ у старообрядцевъ въ Казани и былъ главою поволжскаго раскола. Оттого и прозвали его Казанскимъ. Онъ не давалъ много воли мірскимъ людямъ, которые по

*) Куты или Кутъ на галицкомъ берегу рѣки Черемоша, текущаго въ Прутъ и составляющаго границу Галиціи съ Буковиной, а въ XVIII ст. границу королевства Польскаго съ Молдавіей. Противъ Кута, на буковинской сторонѣ Черемоша, городъ Вишница. Это неподалеку отъ знаменитой нынѣ Бѣлой-Криницы, тогда еще не существовавшей. Въ Кутахъ остались ученики Витатина, ѣздившіе съ нимъ. Вѣтковцы и стародубцы воротились по смерти своего предводителя домой, а поморцы такъ любили Витатина, что не хотѣли разстаться съ его могилой. Впослѣдствіи съ ними видѣлся безпоповщинскій писатель Алексѣевъ, авторъ сочиненія «Тайна брака» (см. «Описаніе сочиненій, писанныхъ раскольниками», сочиненіе Александра Б., изданіе Д. Е. Кожанчикова, I, 269). Но здѣсь г. Александръ Б. смѣшалъ двухъ Ивановъ Алексѣевыхъ: автора «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ» и автора «Тайны брака», принявъ два разныя лица за одно. Такая же ошибка перешла въ Энциклопедическій словарь, въ статью г. Аристова: «Алексѣевъ». Павелъ Любопытный въ своемъ «Историческомъ словарѣ Старовѣрческой церкви» увѣряетъ, что Витатинъ умеръ въ Палестинѣ. См. «Чтенія Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн.» 1863, № 1, стр. 157.

**) Онъ былъ рукоположенъ астраханскимъ архіереемъ.

своему богатству и вліянію на народъ давно господствовали во всѣхъ поповщинскихъ общинахъ и управляли дѣлами секты. Василій Кондратьевичъ, по ссорѣ съ „мірскими правителями", оставилъ Казань, предавъ проклятію своихъ недоброхотовъ, и ушелъ на Керженецъ. Онъ былъ еще не старый человѣкъ, и на Керженцѣ о немъ сомнѣвались, не посвященъ ли онъ епископомъ малороссійскимъ обливанцемъ, хотя въ дѣйствительности рукоположенъ онъ былъ митрополитомъ казанскимъ Тихономъ, уроженцемъ Нижняго-Новгорода, стало-быть, ни въ какомъ случаѣ не обливанцемъ *). Разссорясь съ жителями Керженца и Чернораменья, Василій Казанскій уѣхалъ на Демидовскіе заводы, на Уралъ, но и тутъ, по тѣснымъ постояннымъ связямъ тамошнихъ жителей съ Керженцомъ, былъ заподозрѣнъ въ полученіи своего сана отъ архіерея-обливанца. Тогда, проклявъ и керженскихъ и заводскихъ старообрядцевъ, поѣхалъ онъ за литовскій рубежъ. На Вѣткѣ, какъ уже замѣчено, не очень вѣрили обливанству, по крайней мѣрѣ была тамъ сильная партія, не вѣрившая въ обливанство малороссіянъ и бѣлоруссовъ. Василій Казанскій сошелся съ ними и очаровалъ ихъ своимъ умомъ, знаніемъ св. писанія и учительскими дарованіями. Въ то время сама Москва, въ которой еще и въ заводѣ не было Рогожскаго кладбища, когда на мѣстѣ его еще хоронили тѣла запытанныхъ въ Преображенскомъ раскольниковъ, сама Москва (то-есть московскіе старообрядцы) просила Вѣтку прислать въ нее священника, мужа учительнаго и истиннаго пастыря душъ человѣческихъ. Вѣтка послала Василія. Онъ былъ въ Москвѣ, ѣздилъ и по другимъ городамъ и волостямъ „дондеже наполни чпагъ серебромъ и златомъ" **). Возвратясь на Вѣтку съ большими деньгами, попъ Василій Казанскій постригся въ монахи и былъ нареченъ Варлаамомъ. Возвратился онъ на Вѣтку въ то самое время, когда тамъ кипѣло дѣло объ исканіи архіерейства. Василій Казанскій, или теперь уже Варлаамъ, присталъ къ сторонѣ, нетерпѣливо желавшей имѣть какъ можно скорѣе архіерея. Такъ учительно и такъ красно говорилъ онъ о необходимости имѣть епископскій чинъ, такія выказалъ при этомъ способности на соборѣ вѣтковскомъ, что всѣ, даже и несогласные до тѣхъ поръ на новое посольство въ восточныя страны, не дождавшись результатовъ поѣздки Витатина, убѣдились словами Варлаама. Единогласно рѣшили вѣтковцы послать въ Яссы къ митрополиту Антонію кого-либо изъ своихъ, чтобы посвятилъ его въ епископы. Зашла рѣчь о томъ, кого послать, кого епископомъ имѣть. „Ты, отецъ Варлаамъ, поѣзжай",—заговорили всѣ въ одинъ голосъ. А онъ тому и радъ: давно желалъ архіерейства.

Варлаамъ поѣхалъ въ Яссы съ своими собственными и вѣтковскими деньгами. Видно, на деньги онъ уже очень надѣялся, — не хотѣлъ сми-

*) По другимъ, онъ посвященъ астраханскимъ архіереемъ, Лаврентіемъ Горкой, малороссіяниномъ.

**) Іона Курносый.

рить своего права и передъ митрополитомъ: говорилъ съ нимъ свысока, пускался въ многоглаголаніе, желая учить его; вообще велъ себя „съ боинствомъ и велерѣчіемъ“, какъ выражается Іона Курносый. Митрополитъ принялъ однако прошеніе Варлаама, принялъ и „подарунки“, то-есть подарки, конечно, не дешевые, былъ привѣтливъ и любезенъ съ грубымъ, высокомѣрнымъ, но щедрымъ и богатымъ просителемъ, и сказалъ ему: „Будь готовъ къ посвященію“. Варлаамъ сталъ готовиться. Осуществлялось давнишнее, усердное желаніе старообрядцевъ, исполнялось горячее желаніе властолюбиваго Варлаама. День хиротоніи былъ назначенъ. Наканунѣ призываетъ его митрополитъ и бесѣдуетъ съ нимъ наединѣ.

— Знаю, что ты изъ раскольниковъ, — говоритъ Антоній. — Но когда я посвящу тебя во епископы, какъ ты будешь меня разумѣть? Благочестивъ я или нѣтъ?

Варлаамъ помолчалъ и уклончиво отвѣчалъ митрополиту:

— Твое благочестіе съ тобой пребудетъ, а я въ чемъ стою, то со мной.

Антоній понялъ, въ чемъ дѣло, и оскорбился. Слово за слово, и закричалъ раздражительный грекъ:

— Такъ ты меня благочестивымъ не хочешь не только разумѣть, но даже назвать! Фельдшера сюда!

Фельдшеръ явился по зову, и митрополитъ, указывая на Варлаама, сказалъ:

— Обрей этому раскольнику и еретику бороду и волосы. А потомъ въ рудники его, въ шахты, въ оковы!.. Пусть, скованный, руду копаетъ.

И обрилъ фельдшеръ въ митрополичьихъ покояхъ честную браду Варлаама Казанскаго, и попалъ будущій вѣтковскій архіерей въ тюрьму. Посланные съ нимъ изъ Вѣтки, видя такой неожиданный оборотъ дѣла, перетрусили и не знали, что̀ дѣлать и ка̀къ быть. А надо же чѣмъ-нибудь пособить обритому кандидату во епископы. Стали ходить съ подарками къ ясскимъ властямъ, стали ихъ улещать и просить, чтобы заступились за Варлаама, походатайствовали бы за него у грознаго митрополита. И едва умоленъ былъ Антоній: не послалъ Варлаама въ рудники. Избавившись отъ бѣды, онъ, съ товарищами и съ пустымъ чпагомъ, наскоро ускакалъ изъ Молдавіи, пожилъ гдѣ-то въ укромномъ мѣстѣ и, когда отросла борода, пріѣхалъ въ Вѣтку. Тамъ, передъ соборомъ духовныхъ и мірскихъ, Варлаамъ и съ нимъ бывшіе разсказали все, что̀ происходило въ Яссахъ. И не похвалили вѣтковцы Варлаама за то, что такъ отвѣчалъ митрополиту. „Ты все дѣло испортилъ“, — сказали они *).

Выбрали другого кандидата и послали въ Яссы.

---

*) Іона Курносый. Слова Антонія и Варлаама приведены буквально.

Видя однако по двумъ непріятнымъ опытамъ, что дѣлу ихъ оттого больше успѣха нѣтъ, что ясскій митрополитъ затрудняется посвятить раскольника, вѣтковцы повелѣли посланному исполнить всѣ обряды, не принятые старообрядцами, и называть себя принадлежащимъ къ великороссійской церкви, только бы получить желаемое архіерейство.

„Послѣ исправу примешь и проклянешь ереси“, — говорили они на соборѣ смутившемуся кандидату.

Онъ затруднялся: человѣкъ былъ совѣстливый, какъ и оба его предшественника.

„Хоть присягу прими,—говорили ему вѣтковцы:—а не дѣлай такъ, какъ Варлаамъ: грѣхъ твой на всю церковь беремъ“.

И отправились въ Яссы.

Но въ это самое время по старообрядческимъ общинамъ вдругъ усилились толки о поливательномъ крещеніи у грековъ и вообще въ заграничныхъ православныхъ церквахъ. Причиною того была изданная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ книга: „Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ“. Она возбудила сильные толки. „Стало-быть, справедливо, — заговорили старообрядцы даже и на Вѣткѣ:—что въ Малороссіи и въ грекахъ есть поливательное крещеніе, когда Ѳеофанъ, самъ сущій поливанецъ, защищаетъ и похваляетъ таковое святыми отцами не преданное крещеніе“. Много было отъ этой книги Прокоповича соблазна для православныхъ, а еще болѣе для раскольниковъ. Посланный вѣтковцами новый кандидатъ во епископы, прибывъ на мѣсто, сталъ прежде всего разыскивать, какъ крестятъ въ Молдавіи у грековъ: въ три погруженія или поливательно? Откуда родомъ Антоній и какъ онъ крещенъ? Вѣрно или невѣрно сказали ему, что ясскій митрополитъ крещенъ поливательно? Не желая получить хиротоніи отъ обливанца, посланный воротился на Вѣтку и сказалъ, отчего онъ много не хлопоталъ о хиротоніи. Не понравилось и это на Вѣткѣ, гдѣ всѣмъ, и мірскимъ и духовнымъ, очень хотѣлось хоть какого-нибудь да своего архіерея. „Они, слышавши, прискорбни бѣша“,—говоритъ Іона Курносый.

IV.

Епископъ Епифаній.

Пока Стародубье и Вѣтка, не жалѣя ни денегъ ни трудовъ, хлопотали въ Яссахъ объ епископѣ, великороссійскіе старообрядцы нашли себѣ архіерея въ самой Москвѣ.

Въ концѣ 1731 года между московскими старообрядцами разнесся неясный вначалѣ слухъ, что при синодальной конторѣ содержится подъ арестомъ одинъ колодникъ, привезенный изъ Кіева, что хотятъ его послать куда-то далеко въ заточеніе, и что этотъ загадочный колодникъ—

чуть ли не архіерей. Въ то время подобный слухъ не могъ показаться невѣроятнымъ: по вліянію Прокоповича, незадолго до того одинъ епископъ (Левъ воронежскій) сѣченъ былъ кнутомъ, а четверо (Игнатій коломенскій, Георгій ростовскій, Варлаамъ кіевскій, Сильвестръ казанскій) были лишены сана. Стали старообрядцы разузнавать, какой это архіерей и за что онъ посаженъ. Начали они ходить въ синодальную контору и покупать у сторожей свиданія съ таинственнымъ лицомъ. Видятъ,—сидитъ старецъ въ оковахъ, небольшого роста, приземистый, толстый, съ блѣднымъ широкимъ лицомъ съ сѣрыми глазами, съ большою черною бородой и съ черными, съ просѣдью, волосами *).

— Кто ты такой?—спрашивали старообрядцы у колодника.

— Смиренный епископъ Епифаній, — отвѣчалъ онъ.

— За что же тебя посадили за приставы?

— За то, что въ Яссахъ, въ чужомъ государствѣ, посвящался.

— Какъ твое дѣло?

— Ссылаютъ въ Соловецкій монастырь подъ смиреніе **).

Это дѣйствительно былъ епископъ Епифаній, посвященный предмѣстникомъ уже извѣстнаго намъ Антонія, ясскимъ митрополитомъ Георгіемъ. Вотъ похожденія этого человѣка, чрезвычайно замѣчательнаго по превратности судьбы. Онъ былъ малороссіянинъ, родился въ Кіевѣ около 1685 года, учился въ школѣ при кіевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, поступилъ въ число монашествующей братіи Кіево-Печерской лавры и былъ нареченъ Епифаніемъ. По отцѣ звали его Яковлевичъ. Черезъ нѣсколько времени Епифаній былъ посвященъ въ іеромонахи. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ былъ къ нему благосклоненъ, приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ экономомъ своего архіерейскаго дома ***). Будучи знатокомъ въ приказныхъ дѣлахъ, Епифаній завѣдывалъ въ то же время у Ванатовича и его канцеляріей. Были у него въ Кіевѣ близкіе родственники, все люди бѣдные, постоянно нуждавшіеся въ средствахъ къ жизни; онъ ихъ очень любилъ и почти все, что ни добывалъ, отдавалъ имъ. Къ тому же, хотя и монахъ, а грѣшный человѣкъ—охотникъ былъ до молоденькихъ женщинъ и притомъ любилъ выпить. На все это нужны были деньги и притомъ немалыя. И вотъ однажды послалъ архіепископъ Варлаамъ своего люби-

*) Такъ примѣты его описаны въ указѣ св. синода 30 марта 1733 года.

**) Іона Курносый. Разговоръ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, удержанъ буквально.

***) Преосв. Макарій («Исторія русскаго раскола», стр. 301) говоритъ, что Епифаній былъ простой монахъ Козельскаго монастыря, но изъ дѣла, о немъ производившагося, изъ «Посланія керженскихъ отцовъ» (раскольн. рукопись) и изъ Іоны Курносаго видно, что Епифаній былъ іеромонахомъ и экономомъ кіевскаго архіерейскаго дома. Н. И. Надеждинъ въ своемъ сочиненіи: «О заграничныхъ раскольникахъ» называетъ Епифанія монахомъ Кіево-Печерской лавры.

маго эконома въ Козельскій монастырь *) по какимъ-то хозяйственнымъ дѣламъ. Тамъ Епифаній положилъ въ свой карманъ 240 р. монастырской казны—сумма довольно значительная по тому времени. Эти деньги отдалъ онъ роднѣ. Въ то же время онъ обличенъ былъ въ растлѣніи одной дѣвушки **). Какъ ни любилъ Епифанія Варлаамъ, однако дѣлъ его замять никакъ не могъ: очень ужъ они огласились по Кіеву и произвели большой соблазнъ какъ въ Софійскомъ домѣ, такъ и въ лаврѣ. Началось слѣдствіе, но пока домашнее. Предвидя неизбѣжно дурной исходъ дѣла, Епифаній рѣшился лучше бѣжать куда-нибудь, чѣмъ быть разстриженнымъ или сидѣть въ лаврской тюрьмѣ. Должность эконома Софійскаго дома была весьма почетная; онъ имѣлъ большое вліяніе на духовенство всей обширной кіевской епархіи,—и вдругъ съ такого мѣста да въ тюрьму. Но куда бѣжать? Сыщутъ вездѣ. И рѣшился онъ направить стопы своя за границу. Изъ находившихся въ его вѣдѣніи дѣлъ кіевской митрополіи отрѣзалъ онъ на всякій случай отъ какой-то грамоты львовскаго (что въ Галиціи) православнаго епископа вислую печать, вырѣзалъ поддѣльную печать кіевскаго митрополита и съ ними отправился въ кіевскую губернскую канцелярію выправлять себѣ заграничный паспортъ, будто бы для осмотра зарубежныхъ домовыхъ вотчинъ митрополичьяго дома, бывшихъ неподалеку отъ Триполя ***). Какъ софійскому эконому, часто ѣздившему для осмотра зарубежныхъ вотчинъ, губернская канцелярія выдала ему паспортъ безпрепятственно. Перебравшись благополучно за границу, Епифаній не зналъ, что затѣмъ ему дѣлать: зазорно и небезопасно было ему воротиться въ Кіевъ; горько было также лишиться выгоднаго экономскаго мѣста и притомъ удалиться, быть-можетъ, навсегда, отъ родного мѣста и любимыхъ родственниковъ. Въ этомъ раздумьѣ пришла ему мысль—сдѣлаться *бродячимъ архіереемъ*. Въ то время, при полномъ господствѣ уніи въ южно-русскихъ и западно-русскихъ областяхъ, бывшихъ подъ польскимъ владычествомъ, нерѣдко встрѣчались безудѣльные православные епископы, которые, иногда съ разрѣшенія даже епархіальныхъ уніатскихъ архіе-

*) Козельскій Георгіевскій монастырь въ четырехъ верстахъ отъ гор. Козельска, Черниговской губерніи, и въ 70 вер. отъ Кіева, на берегу рѣки Остра, основанъ въ 1654 году.

**) Въ «Дѣлѣ объ Епифаніи» сказано: «обличенъ въ блудодѣяніи», а у Іоны Курносаго: «за непорядки, пьянство и за растлѣніе насильно чистыя дѣвы, изъ священства и экономства своими обливанцами извержена быша, и по изверженіи, по сердцу сказующа на своихъ важное дѣло, изловленъ и, сидѣвъ долго, приговоренъ къ розыску, и поспѣшившему милостивому указу отъ розыску и сиденія освобожденъ».

***) Мѣстечко Триполь въ Кіевскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Днѣпра, на устьѣ рѣки Красной, извѣстно еще съ 1093 г. Самый Триполь принадлежалъ Россіи съ 1681 года, но митрополичьи маетности, близъ него находившіяся, были въ тогдашнихъ польскихъ еще владѣніяхъ. Теперь Триполь замѣчателенъ только живописнымъ видомъ, если подъѣзжать къ нему изъ Кіева.

реевъ, бродили по православнымъ приходамъ для отправленія богослуженія. Особенно такихъ епископовъ довольно много встрѣчалось въ Подоліи, на Волыни и въ Галиціи, гдѣ населеніе было тогда почти сплошь православное, за исключеніемъ помѣщиковъ и шляхты. Уніаты и уніатскіе епископы съ пренебреженіемъ обращались съ этими „епискупами хлопской вѣры", но въ крестьянскихъ (хлопскихъ) хатахъ для такихъ пастырей всегда былъ готовъ искренній, радушный пріемъ. Для полученія епископскаго сана, Епифаній отправился въ Яссы, къ тамошнему митрополиту Георгію. Въ бессарабскомъ городѣ Сорокахъ написалъ онъ подложную грамоту отъ имени львовскаго православнаго епископа къ этому Георгію и привѣсилъ къ ней выкраденную въ Кіевѣ львовскую епископальную печать. Написалъ такія же подложныя грамоты будто бы отъ Варлаама Ванатовича къ ясскому митрополиту и молдавскому господарю и привѣсилъ къ нимъ подложныя, имъ вырѣзанныя еще въ Кіевѣ, печати. Представившись обоимъ въ Яссахъ, онъ показывалъ тому и другому тоже подложный, составленный будто бы жителями Чигирина, приговоръ о желаніи имѣть Епифанія у себя епископомъ. Въ подложной грамотѣ, писанной отъ имени Варлаама, Епифаній выражалъ то недовольство кіевлянъ, которое затаенно дѣйствительно существовало въ нихъ со времени отчисленія Кіева и Малороссіи изъ вѣдѣнія константинопольскаго патріарха. Учрежденіе святѣйшаго синода и изданіе „Духовнаго регламента", въ которомъ находится немало антиканоническаго, еще болѣе усилило недовольство мѣстнаго духовенства. Прежде кіевскіе митрополиты были „экзархами патріаршаго ѳрону" и малымъ чѣмъ рознились отъ автокефальныхъ первостоятелей церквей. Теперь они были поставлены на ряду съ прочими архіереями и даже изъ митрополитовъ низведены на степень архіепископскую. Упразднивъ санъ патріарха, Петръ I уничтожалъ постепенно и митрополичьи каѳедры, такъ что къ апрѣлю 1724 года, по смерти Тихона казанскаго, во всей Россіи не было ни одного митрополита. Оставался въ живыхъ Сильвестръ смоленскій,—и его перевели въ Тверь епископомъ. Оскорбительно это было и вообще для русскаго духовенства, а для Кіева, гдѣ рядъ митрополитовъ восходилъ до дней самого св. Владиміра, это было больше чѣмъ оскорбленіе. Прежде въ Кіевѣ митрополитъ правилъ церковью самостоятельно, а теперь, по указу его императорскаго величества — изъ святѣйшаго правительствующаго синода. Прежде въ Кіевъ съѣзжались къ митрополиту южно-русскіе православные епископы, теперь кіевскій владыка самъ долженъ былъ ѣздить не на соборъ, а на череду священнослуженія въ далекій и новый Петербургъ. Членами святѣйшаго синода были не только архіереи, но и архимандриты, даже протопопы и іеромонахи *), между тѣмъ какъ архіереи первенствовавшей со дней

*) Напримѣръ: Иванъ, протопопъ Троицкой церкви въ Петербургѣ, по 1723 годъ; Петръ, протопопъ Петропавловской крѣпости, по 1726; іеромо-

св. Владиміра каѳедры не были синодальными членами и находились въ зависимости не только отъ великорусскихъ архіереевъ, но и отъ петербургскихъ протопоповъ. Все это въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ расписалъ Епифаній въ подложномъ письмѣ отъ Ванатовича. „Избраніе во епископа, по правиламъ апостольскимъ и св. вселенскихъ соборовъ,— писалъ онъ:—должно происходить въ присутствіи *митрополита*, какъ 19 правило святого Антіохійскаго помѣстнаго собора повелѣваетъ. По 4 правилу перваго вселенскаго собора, утверждати епископа довлѣетъ *митрополиту*, и тогда лишь совершается рукоположеніе. Поставленный же *безъ соизволенія митрополита* не долженъ быть епископомъ по 6 правилу перваго вселенскаго, что въ Никеѣ, собора. А у насъ нѣтъ митрополита нигдѣ, во всей Великой и Малой Россіи, и азъ, смиренный владыка и пастырь святыя славныя и великія церкви кіевскія и всея Малой Россіи — точію *архіепископъ*, власти епископы поставлять, по божественному писанію, не имѣю". Въ заключеніе присоединена была просьба *архіепископа* Ванатовича къ *митрополиту* Георгію совершить епископомъ Епифанія, мужа благоговѣйна, съ давняго времени испытанна въ словѣ вѣры и въ житіи, сообразномъ правому слову, какъ подобаетъ по 12 правилу Лаодикійскаго помѣстнаго собора, безбрачнаго же и прошедшаго низшія степени служенія благоговѣйно и незазорно. Цѣль посвященія Епифанія во епископы объяснялась тѣмъ, чтобъ онъ могъ рукополагать во священники и дьяконы для зарубежныхъ приходовъ кіевской митрополіи, о которыхъ и знать не хотѣли ни петербургскій синодъ ни великороссійскія власти.

Посланіе, въ такомъ духѣ написанное, не могло не польстить самолюбію молдовлахійскаго митрополита. Подкрѣплено оно было „великими подарунками", которые, по свидѣтельству Ивана Алексѣева, поднесъ Епифаній и митрополиту и господарю *). Кіевскій экономъ достигъ желаемаго: въ ясскомъ каѳедральномъ соборѣ 22-го іюля 1724 года Георгій возложилъ на него омофоръ. Получивъ епископскій санъ, Епифаній писалъ къ львовскому и владимірскому (на Волыни) уніатскимъ епископамъ, прося ихъ позволенія жить въ ихъ епархіяхъ и посвящать въ попы, и затѣмъ отправился въ Украйну. Здѣсь онъ познакомился съ раскольниками, которые, нуждаясь въ священникахъ, просили Епифанія посвятить избранныхъ ими лицъ. Епифаній согласился, разумѣется, не даромъ, и въ продолженіе какого-нибудь мѣсяца поставилъ имъ 14 поповъ и дьяконовъ. Въ сентябрѣ того же 1724 года онъ былъ схваченъ

нахъ Варлаамъ Овсянниковъ, впослѣдствіи лишенный сана; іеромонахъ Ѳеофилъ Кроликъ; іеромонахъ Анастасій Кондоиди, грекъ, выѣхавшій изъ Молдавіи съ княземъ Кантеміромъ, до 1728 года; протопопъ Иванъ московскаго Успенскаго собора съ 1730 по 1733 годъ; протопопы московскаго Благовѣщенскаго собора: Иванъ (1730—1737), Петръ (1738—1747).

*) «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», въ «Лѣтописяхъ русск. ист. и древн.», т. IV, смѣсь, стр. 65.

людьми прежняго своего благодѣтеля Ванатовича и посаженъ подъ арестъ въ Кіевѣ.

Кіевскій архіепископъ донесъ объ Епифаніи святѣйшему синоду. Синодъ потребовалъ его въ Петербургъ. Весной 1725 года Епифаній былъ привезенъ въ столицу; но не до него тогда было святѣйшему синоду: вступленіе на престолъ Екатерины I и процессъ новгородскаго митрополита Θеодосія на нѣкоторое время отдалили рѣшеніе его дѣла. Сентября 3-го наконецъ синодъ лишилъ Епифанія священства и монашества и, какъ міранина, передалъ гражданскому суду въ юстицъ-коллегіи. И здѣсь дѣло продолжалось немалое время: лишь въ іюнѣ слѣдующаго 1726 года послѣдовалъ о немъ приговоръ „высокаго сената“, по которому „велѣно онаго Епифанія для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императорскаго величества (Петра I) *), по мнѣнію юстицъ-коллегіи, отъ розыска и наказанія учинить свободна; только за оныя его важныя вины на волю его не освобождать, но сослать въ Соловецкій монастырь и держать тамо до смерти неисходно и употреблять въ работу, въ какую будетъ удобенъ“ **). Изъ юстицъ-кол-

---

*) А не Екатерины I (ум. 1727), какъ сказано у преосвященнаго Макарія въ «Исторіи русскаго раскола», стр. 302.

**) Изслѣдованіе поступковъ Епифанія производилось въ святѣйшемъ синодѣ, и перечень ихъ отосланъ въ сентябрѣ 1725 г. въ юстицъ-коллегію. Вотъ онъ: «1) Будучи въ Кіевской епархіи, въ Козельскомъ монастырѣ забралъ монастырской казны 240 рублей и родственникамъ своимъ роздалъ монастырское имущество. 2) Обличенъ въ блудодѣяніи. 3) Взялъ изъ кіевской канцеляріи паспортъ о пропускѣ его на заставѣ черезъ караулъ, будто до Триполя для смотрѣнія домовой вотчины, и, проѣхавъ караулъ, бѣжалъ за границу лодкой. 4) За Днѣпромъ, будучи въ городѣ Сорокѣ, писалъ своеручно письмо отъ лица кіевскаго архіерея къ ясскому митрополиту, чтобы тотъ посвятилъ его во епископы, и именемъ его подъ тѣмъ письмомъ подписался и печать софійскую нарисовалъ и вырѣзалъ, и то письмо самъ воровски запечаталъ. Также другія фальшивыя письма писалъ, будто люди города Чигрина желаютъ и просятъ его къ себѣ во епископы. 5) Въ томъ же письмѣ написалъ онъ ложныя на св. синодъ клеветы, а именно: все-де духовенство на Украйнѣ желаетъ попрежнему митрополита, а св. синодъ, невѣдомо чего ради, убавилъ чести митрополіи кіевской и учинилъ архіепископство, запретили-де во всей Россіи за патріарховъ молитися и почитати ихъ, а наипаче-де отъ синода установлено — кіевскому архіерею ѣздить къ Москвѣ на годовую священнослуженія чреду; а въ Кіевѣ-де для постановленія поповъ быть некому. 6) Пріѣхавъ въ Яссы, подалъ вышеписанному митрополиту оное письмо своеручно, имъ самимъ писанное, и тѣмъ митрополитомъ по тому письму во епископы на Украйну, въ Чигиринъ въ 1724 году, іюля 22-го дня посвященъ. 7) Отъѣхавъ отъ того митрополита изъ Яссъ, посвятилъ на Украйнѣ въ іеродіаконовъ и поповъ больше четырнадцати человѣкъ раскольниковъ. 8) Онъ же, будучи въ Волосской землѣ, писалъ ко львовскому и володимірскому епископамъ письма,—а оные епископы уніаты, — рекомендуя себя подъ ихъ протекцію и прося о позволеніи житія въ ихъ епархіяхъ, для посвященія въ попы». Все это составлено на основаніи сношеній съ ясскимъ митрополитомъ кіевскаго архіепископа, которому синодъ велѣлъ войти въ эти сношенія. Въ архивѣ св. синода дѣла объ Епифаніи нѣтъ: оно находится въ сенат-

легіи препроводили Епифанія въ синодъ, и черезъ семнадцать дней послѣ сенатскаго приговора синодъ, или, вѣрнѣе, Ѳеофанъ Прокоповичъ, еще разъ помиловалъ земляка своего: для того же поминовенія Петра I, велѣно было возвратить ему клобукъ и камилавку и быть попрежнему монахомъ.

Въ Соловкахъ прожилъ Епифаній почти три года, въ числѣ монастырской братіи. Не сидѣлось пылкому чернецу на уединенномъ островѣ Бѣлаго моря. Исполнилось пять лѣтъ, какъ онъ все сидѣлъ да сидѣлъ въ заточеніи то въ Кіевской лаврѣ, то въ Петербургской крѣпости, то на Соловецкомъ островѣ, гдѣ хотя и пользовался свободой, но ни подъ какимъ предлогомъ не могъ съѣзжать на материкъ. Тянуло чернеца на волю, туда, на далекій югъ, на берега днѣпровскіе, въ Кіевъ, гдѣ бы можно было повидаться съ горячо любимыми родственниками, въ Заднѣпровскую Украйну, гдѣ бы можно было снова архіерействовать. Каждое лѣто, какъ извѣстно, на Соловецкій островъ стекается множество богомольцевъ на поклоненіе свв. Зосимѣ и Савватію. Толпами приплываютъ они въ монастырь на карбасахъ, толпами и отплываютъ на матерую землю. Какъ-то, улучивъ удобное время, Епифаній, въ іюлѣ 1729 года, вмѣшался въ толпу отъѣзжавшихъ богомольцевъ и благополучно переправился на материкъ. Въ Соловкахъ его хватились; началась тревога, послали погоню, но Епифанія и слѣдъ простылъ. Много труда и немало лишеній принялъ онъ, странствуя по архангельскимъ пустынямъ, бродя окольными путями, для избѣжанія поисковъ, наконецъ присталъ къ богомольцамъ, которые, помолясь въ Соловкахъ, шли на другой конецъ Россіи поклониться святой Кіево-Печерской лаврѣ и кіевскимъ печерскимъ угодникамъ. Въ Кіевѣ Епифаній былъ тайно принятъ своими родными, съ которыми такъ давно не видался, о которыхъ изболѣло его сердце и въ Петропавловской крѣпости и на Соловецкомъ островѣ. Долго оставаться въ Кіевѣ ему было опасно, и опять пошелъ онъ знакомыми дорогами за рубежъ, а одѣтъ былъ въ монашеское платье и сказывался іеромонахомъ Софійскаго дома, Антоніемъ. Пришелъ онъ на заставу и ужъ получилъ-было дозволеніе на пропускъ, но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ. Въ то время, какъ Епифаній говорилъ съ заставнымъ офицеромъ, въ заставномъ домѣ прилучился одинъ монахъ Красногорскаго Зазуловскаго монастыря *), который, на бѣду нашего странника, лично зналъ и Антонія и самого Епифанія. Зазуловскій монахъ сказалъ тихонько офицеру, что прохожій его

скомъ архивѣ. Выдержки изъ него напечатаны у Андрея Іоаннова Журавлева («Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 228—243), но Андрей Іоанновъ, повидимому, заимствовалъ его изъ кіевскаго консисторскаго архива.

*) Красногорскій Зазуловскій монастырь находился въ подгородной города Золотоноши (Полтавской губерніи) слободѣ, Зазуловкѣ. Упраздненъ въ 1786 году.

обмануть хочетъ, что онъ вовсе не Антоній, а извѣстный Епифаній, что онъ взятъ былъ въ Петербургъ и по суду заточенъ въ Соловки. Епифанія задержали на форпостѣ и отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ Кіевъ. Здѣсь началось о бѣглецѣ новое дѣло. Почему-то не сочли нужнымъ или возможнымъ держать его подъ стражей въ Кіевѣ; отправили въ Переяславль и посадили въ тамошнемъ Михайловскомъ монастырѣ *). Здѣсь монастырская братія была вся знакома бывшему кіевскому отцу-эконому: все друзья да пріятели, помнившіе хлѣбъ-соль Епифанія, когда онъ былъ во времени. Надзоръ за нимъ былъ слабъ, больше все кутили смиренные иноки, почпнаючи прежнее житье-бытье Епифанія, ублажая своего „братчика“ и браня, на чемъ свѣтъ стоитъ, правительство за то, что оно унижаетъ духовенство и вздумало еще вмѣшиваться въ управленіе монастырскими вотчинами, во что не только что гетманы, да и сами короли польскіе, за ихъ панованье въ Кіевѣ, не вмѣшивались. Съ вѣдома ли, безъ вѣдома ли добрыхъ своихъ пріятелей, Епифаній изъ монастыря „утікъ“. Выбравшись благополучно изъ Переяславля, перешелъ онъ и рубежъ, пустившись по Днѣпру на лодкѣ. Въ Заднѣпровской Украйнѣ, въ вотчинахъ Пустынно-Николаевскаго монастыря **), началъ онъ-было ужъ и обѣдни по-архіерейски служить, но отслужилъ ихъ не очень много. Его схватили и опять привезли въ Кіевъ. Дѣло его, по обыкновенію, тянулось, и не ранѣе 1731 года Епифаній, по требованію святѣйшаго синода, отправленъ былъ въ Москву, гдѣ и посаженъ подъ арестъ въ синодальной конторѣ, въ арестантской, по-тогдашнему названію—въ „бѣдности“. Въ этой „бѣдности“ содержался чигиринскій епископъ цѣлые полтора года: съ ноября 1731 до половины февраля 1733 г. Въ это время и познакомились съ нимъ московскіе старообрядцы.

— Хочешь ли ты къ намъ?—спрашивали они Епифанія.

— Куда?

— У насъ есть монастырь въ Польшѣ. Слыхалъ ли? На Вѣткѣ.

— Да вѣдь вы раскольники?

— Мы только по старопечатнымъ книгамъ послѣдуемъ.

И пошли толки, и совѣщанія, и соглашенія. Все, какъ водится.

---

*) Михайловскій монастырь былъ въ городѣ Переяславлѣ (Полтавской губерніи). Основанъ въ 1069 году и былъ въ XI и XII ст. престольною митрополіей кіевскою, ибо кіевскіе митрополиты тогда жили болѣе въ Переяславлѣ, да и монастырь Михайловскій былъ въ то время гораздо лучше Кіево-Печерской лавры. Потомъ онъ былъ каѳедральнымъ монастыремъ епископовъ переяславскихъ,—теперь же городской соборъ уѣзднаго города.

**) Пустынно-Николаевскій монастырь находился въ Кіевѣ, на берегу Днѣпра. Онъ основанъ св. Владиміромъ тотчасъ по принятіи христіанства. Во время отъема монастырскихъ имуществъ, оставленъ первоклассньмъ, а въ 1831 году императоромъ Николаемъ I переданъ въ вѣдѣніе кіевскаго коменданта съ переименованіемъ сей древней обители въ *военный* соборъ. Братія при этой перемѣнѣ переведена въ Кіево-Слупскій монастырь.

Задумался Епифаній. Какъ ни противны были ему церковные отщепенцы, но впереди ему были двѣ дороги: въ Соловецкую тюрьму, изъ которой ужъ ввѣкъ не убѣжать, и архіерейство, богатство и — что̀ для него важнѣе всего—возможность помогать своимъ бѣднымъ кіевскимъ родственникамъ. Для нихъ онъ готовъ былъ на все.

Приходили къ нему старообрядцы не разъ и не два и все соблазняли на переходъ въ расколъ. Епифаній, не любившій раскольниковъ, долго колебался.

— Хорошо бы такъ, какъ говорите вы,—сказалъ онъ наконецъ.— Но какъ же тому быть? Вѣдь я подъ судомъ и подъ неволею.

— Ты только дай намъ слово, что хочешь къ намъ, — отвѣчали ему:—только согласись быть нашимъ епископомъ, а ужъ на волѣ будешь. Это дѣло наше *).

Епифаній согласился и далъ слово. И стали ходить къ нему въ „бѣдность“ каждый день московскіе старообрядцы и благословенія отъ него просили. „Онъ же приходящихъ къ нему всякаго чина людей благословлялъ и отправлялъ въ епитрахили часы по чину священническому“ **). Старообрядцы учили непривычнаго кіевлянина своимъ старымъ обрядамъ, чтобы послѣ, когда будетъ священнодѣйствовать на Вѣткѣ, не произвелъ онъ какого-нибудь соблазна никоніанскимъ своимъ служеніемъ.

Вмѣстѣ съ Епифаніемъ содержался въ московской синодальной „бѣдности“ архимандритъ Спасо-Преображенскаго, что̀ въ Казанскомъ кремлѣ, монастыря, отецъ Питиримъ ***). Онъ видѣлъ и слышалъ все

*) Разговоръ изъ Іоны Курносаго.

**) Дѣло юстицъ-коллегіи въ сенатскомъ архивѣ.

***) Питиримъ былъ келейникъ митрополита казанскаго Сильвестра, бывшаго изъ роду Волынскихъ, восьмидесятилѣтняго старика, враждовавшаго съ казанскимъ губернаторомъ, едва ли не родственникомъ своимъ, извѣстнымъ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ. Сильвестръ былъ подчиненъ вліянію Питирима. Членъ святѣйшаго синода (1725—1735), архимандритъ Спасо-Преображенскаго въ Казани монастыря Іона (потомъ разстрига Іоасафъ Сальникѣевъ) былъ обличенъ Сильвестромъ въ расхищеніи монастырскаго имущества. Питиримъ во время производства надъ Іоною слѣдствія, по словамъ Арт. Петр. Волынскаго, который называлъ его плутомъ, «неправыя выписки сочинялъ и подьячихъ архіерейскаго приказа справливать неволею и страхомъ припудилъ». Сильвестръ этого любимца своего назначилъ на мѣсто Іоны Сальникѣева архимандритомъ Спасо-Преображенскаго монастыря. Вражда двухъ Волынскихъ, казанскаго губернатора и митрополита, происходила въ 1730 году. Въ это время въ синодѣ производилось дѣло о воронежскомъ епископѣ Львѣ Юрловѣ. По проискамъ всемощнаго тогда Прокоповича, къ этому дѣлу былъ привлеченъ членъ синода, коломенскій митрополитъ Игнатій (Смола), который «за медленіе дѣла о Львѣ Юрловѣ», по лишеніи сана, былъ сосланъ въ Свіяжскій монастырь Казанской епархіи. Здѣсь Сильвестръ, митрополитъ и наперсникъ его Питиримъ обращались съ Игнатіемъ не какъ съ разстригою, а какъ съ архіереемъ, при чемъ однажды Сильвестръ, порицая дѣйствія Анны Іоанновны, низложившей при самомъ началѣ царствованія

и *репертовалъ* обо всемъ по начальству. Это было 26 іюня 1732 года. Епифанія съ тѣхъ поръ стали держать строже, но деньги старообрядцевъ были, видно, сильнѣе доносовъ Питиримовыхъ и попрежнему доставляли богатымъ старообрядцамъ доступъ въ „бѣдности" къ будущему ихъ архипастырю.

8 января 1733 года состоялось въ Москвѣ рѣшеніе по дѣлу Епифанія. Вотъ оно: „Монаха Епифана Яковлева, учиня ему жестокое наказаніе плетьми, отослать въ Соловецкій монастырь *на его коштъ* и тамо содержать его всегда скована, не выпуская отнюдь изъ монастыря, и о томъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода конторы въ С.-Петербургъ святѣйшему правительствующему синоду вѣдѣніе того же января 9 дня сообщено".

Въ Петербургѣ взглянули на дѣло Епифанія гораздо строже. „Февраля 22, святѣйшій правительствующій синодъ, разсуждавъ онаго Епифанія вины, и что уже за показанными къ нему, какъ бы святѣйшаго правительствующаго синода милосердіями, дерзнулъ изъ онаго Соловецкаго монастыря уйти, и съ немалымъ трудомъ пойманъ, и чтобы потому-жъ и нынѣ обыкновенной утечки учинить не могъ, *приказали:* синодальное января 8 дня объ ономъ монахѣ Епифаніи опредѣленіе отмѣнить и его, Епифанія, паки въ Москву, въ канцелярію святѣйшаго синода возвратить; и, по возвращеніи, за продерзости его, монашескаго чина лишить, и съ прописаніемъ всѣхъ винъ его отослать въ свѣтскій судъ, для ссылки на сибирскіе горные заводы въ вѣчную работу, при указѣ, безъ продолженія времени". Вѣдѣніе изъ синода послано въ Москву 26 февраля, получено 5 марта. Но Епифаній въ это время скакалъ уже на перемѣнныхъ, подставныхъ лошадяхъ въ зарубежную Вѣтку.

Московскіе старообрядцы снеслись съ вѣтковцами о согласіи Епифанія перейти въ расколъ, сдѣлаться архипастыремъ всего старообрядства. Вѣтковскій игуменъ Власій и все тамошнее общество духовныхъ и мірскихъ было очень радо, тѣмъ болѣе, что водвореніе у нихъ Епифанія, какъ они надѣялись, скрѣпило бы тѣснѣе московскихъ старообрядцевъ съ вѣтковскими, въ то время, по причинѣ нѣкоторыхъ обрядовыхъ споровъ, замѣтно поколебавшееся. Московскіе употребили всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства и немалыя деньги, чтобы приговоръ надъ Епифаніемъ былъ немедленно исполненъ. Епифанія высѣкли плетьми и

четырехъ архіереевъ (Льва воронежскаго, Игнатія коломенскаго, Георгія ростовскаго, Варлаама кіевскаго), выразился рѣзко. За это онъ отправленъ былъ въ Петербургъ, гдѣ 31-го декабря 1731 г. низложенъ и заточенъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ и умеръ. Его несчастію много содѣйствовалъ врагъ его, тогда сильный Артемій Волынскій. Питиримъ же, наперсникъ Сильвестра, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и содержался при конторѣ синода одновременно съ Епифаніемъ (см. «Дѣло святѣйшаго синода о воронежскомъ епископѣ Львѣ». Ср. «Чтеніе Императорскаго Москов. Общ. Исторіи и Древностей», 1861 года, IV, смѣсь, стр. 125 и 126).

послали въ Соловки, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга. Это было 14 февраля.

Замѣчательно, что Епифанія, высѣченнаго плетьми, везутъ въ Соловки на его счетъ, не по пересылкѣ, какъ обыкновенно отправляли подобныхъ людей, а на почтовыхъ лошадяхъ (ямскихъ подводахъ). Правда, его везли скованнаго, подъ карауломъ двухъ солдатъ (Николая Лапандина и Семена Честнова), но везли на *двухъ* подводахъ: на одной сидѣлъ Епифаній съ солдатомъ, на другой его имущество съ другимъ караульнымъ. Не такъ возили въ то время другихъ, посылаемыхъ въ ссылку людей. Вѣроятно, все было предусмотрѣно и предупреждено старообрядцами.

Повезли Епифанія на Ярославль. Нѣсколько старообрядцевъ, у которыхъ за атамана былъ нѣкто Артемій Андреевъ, на вольныхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ кибитки парами, выѣзжали изъ Москвы одновременно съ пересыльнымъ Епифаніемъ. Дорогой они сказывались купцами и такъ пригоняли время, чтобы каждый разъ останавливаться на ночлегъ на одномъ постояломъ дворѣ съ колодникомъ. Тогда этаповъ еще не было: по селамъ и деревнямъ, да и въ самыхъ городахъ, пересылаемыхъ колодниковъ обыкновенно помѣщали въ частныхъ домахъ, большею частью на тѣхъ же постоялыхъ дворахъ, на которыхъ останавливались и проѣзжавшіе по своимъ надобностямъ. Такимъ образомъ и доѣхали старообрядцы до Ярославля, гдѣ и ночевали вмѣстѣ съ Епифаніемъ съ 16 на 17 февраля. Чѣмъ свѣтъ поднялись они и выѣхали изъ Ярославля часами тремя раньше Епифанія. Не доѣзжая первой станціи по вологодскому тракту, Вокшерскаго-Яму, они своротили въ сторону, въ Коломинскій лѣсъ *), верстахъ въ 25 отъ Ярославля, и засѣли вблизи дороги. Одна пара съ мнимыми купцами осталась въ Ярославлѣ и выѣхала изъ города вмѣстѣ съ Епифаніемъ. Ѣхала она впереди. Зима тогда была снѣжная, вьюжная, въ февралѣ нанесло большіе сугробы; дорога изъ Ярославля въ Вологду была узенькая: ѣздили по ней гуськомъ. Когда доѣхали до условленнаго мѣста засады,—а это было на разсвѣтѣ,—передняя пара остановилась, старообрядцы поставили свою кибитку поперекъ дороги и вывернули оглоблю. Наѣзжаютъ повозки съ Епифаніемъ и солдатами. Ни разъѣхаться ни объѣхать нельзя. Ямщикъ Дмитрій Ивановъ, везшій Епифанія, закричалъ: „Прочь съ дороги! Что сталъ?“ Начались обычныя перебранки. Вдругъ, заслышавъ крикъ Дмитрія Иванова, высыпали старообрядцы изъ-за лѣса,

---

*) Деревня Вокшерскій-Ямъ, подлѣ села Сандырева, находится въ Романовскомъ уѣздѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Ярославля. Коломинскій (а не Коломенскій, какъ у преосв. Макарія въ «Исторіи русскаго раскола», стр. 302) лѣсъ и волокъ начинаются верстахъ въ 18-ти отъ Ярославля. Деревня Коломино, по имени которой лѣсъ этотъ называется, вправо отъ большой ярославско-вологодской дороги, на границѣ Ярославскаго и Романовскаго уѣздовъ. На спеціальной картѣ Шуберта она есть.

кто съ дубиной, кто съ кольями. А атаманъ мнимыхъ разбойниковъ, Артемій Андреевъ, былъ впереди и кричалъ:

— Коли ихъ! Руби завертки! Руби гужи! Вяжи солдатъ!

Окружили повозку; солдаты не защищались. Дмитрій Ивановъ и другой ямщикъ, Иванъ Ивановъ, стояли у лошадей, понуривъ головы. Дѣлать было нечего: разбойниковъ много.

— Эй, ты, голоусый!—крикнулъ Артемій Андреевъ солдату.—Кто у васъ тутъ сидитъ?

Солдатъ не отвѣчалъ; Артемій хватилъ дубиной по кибиткѣ и крикнулъ ясакъ:

— Ляшиньи, шомуйке! *).

Мнимые разбойники мигомъ выбрали изъ повозки имущество Епифанія. Вытащили и его самого.

---

*) Это на такъ-называемомъ тарабарскомъ языкѣ, который въ извѣстныхъ случаяхъ, а также и въ перепискѣ, до сихъ поръ употребляется раскольниками. Это тотъ же русскій языкъ, но согласныя буквы въ каждомъ словѣ замѣняются однѣ другими, гласныя остаются тѣ же. Вотъ ключъ тарабарскаго языка:

б,	в,	г,	д,	ж,	з,	к,	л,	м,	н,
щ,	ш,	ч,	ц,	х,	ф,	т,	с,	р,	п.

Надобно брать *б* вмѣсто *щ*, *щ* вмѣсто *б*, *в* вмѣсто *ш* и т. д. Есть люди, бѣгло говорящіе на этомъ языкѣ. Тарабарскій языкъ давно у насъ въ употребленіи: есть памятникъ его, относящійся даже къ XV вѣку (см. Востокова, Описаніе Румянцевскаго музея, стр. 255). *Ляшиньи! шомуйке! свиньи! воруйте!* Нынѣ раскольники для секретной переписки, а иные и устно, употребляютъ три тайные языка: *тарабарскій*, *офеньскій* и *иносказательный*. Офеньскій—это языкъ ходебщиковъ, тряпичниковъ, вязниковцевъ, которые съ тесемочками, пуговками и всякимъ другимъ мелочнымъ товаромъ кустарной промышленности ходятъ по Россіи отъ Кяхты до Варшавы. Языкъ этотъ образовался болѣе 150 лѣтъ и раздѣляется на нѣсколько вѣтвей: собственно *офеньскій* (во Владимірской губерніи), *галиванскій* (въ Галичѣ, Костромской губерніи) и *матрайскій* (въ Нижегородской и Рязанской губерніяхъ). Языкъ этотъ, подобно языку петербургскихъ мазуриковъ, приволжскихъ праховъ и т. п., искуственный: слова придуманы (напримѣръ, *Стосъ*—Богъ, *грутецъ*—отецъ, *возгранъ*—городъ), а грамматика русская. Въ иносказательномъ языкѣ каждое слово имѣетъ не прямое, а другое, условное значеніе. Нерѣдко соединяютъ иносказательный языкъ съ тарабарскимъ. Для разговора на такомъ языкѣ нужно необыкновенно быстрое соображеніе. Вотъ примѣръ двойного тайнаго языка раскольниковъ: «ры туписи лось ца лырую, нмолувиси па мочохгажъ и ллыпаси шъ лулѣтъ». По переводу съ тарабарскаго языка это будетъ: «мы купили соль, да сырую, просушили на рогожкахъ и ссыпали въ сусѣкъ». На иносказательномъ языкѣ *соль* значитъ священникъ (вы есте соль земли), *сырая* — неисправленный, великороссійскій, *сушить* — исправить, совершить пріемъ бѣглаго попа, *рогожка* — Рогожское кладбище въ Москвѣ, *ссыпать*—помѣстить, водворить, *сусѣкъ*—часовня, моленная. Такимъ образомъ приведенная фраза означаетъ: «мы достали попа, но не исправленнаго, исправили его въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и помѣстили при часовнѣ». Иногда, но это уже только въ письмѣ, употребляется тройное тайнописаніе, т.-е. и тарабарское, и иносказательное, и офеньское.

— Заколоть его!—крикнулъ Артемій Андреевъ.

На Епифанія бросились.

— Постой, постой!—крикнулъ атаманъ.—Здѣсь, на дорогѣ, нельзя: кровь на снѣгу замѣтятъ.

И, бросивъ въ сани колодника, умчали его въ лѣсъ. Остались на дорогѣ два солдата да два ямщика, и сначала придумать не могли, что это за разбойники, что у нихъ колодника отбили, а рѣзать въ лѣсъ утащили *).

На другой день, т.-е. 18 февраля, и солдаты и ямщики явились въ ярославскую провинціальную канцелярію. Оба солдата и ямщикъ Иванъ Ивановъ показали, что у нихъ Епифанія воровскіе люди отбили, а ихъ, солдатъ, били и увѣчили. Другой же ямщикъ, Дмитрій Ивановъ, на допросѣ показалъ и на очныхъ ставкахъ уличалъ солдатъ и своего товарища, что они Епифанія отпустили своею волею, а воровскіе люди того колодника не отбивали, и воровскихъ людей они не видали. Изъ этого можно заключить, что Честновъ и Лапандинъ были подкуплены старообрядцами, а также и ямщикъ Иванъ Ивановъ. Солдатъ отправили въ Петербургъ, въ синодъ, „для подлиннаго слѣдствія“; затѣмъ виновные были преданы военному суду, наказаны шпицрутенами и сосланы въ „сибирскіе гарнизоны“.

Между тѣмъ какъ изъ синода по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и по всѣмъ ставропигіальнымъ монастырямъ разсылались циркулярные указы (30 марта) „о крѣпкомъ колодника старца Епифанія во всѣхъ мѣстахъ взысканіи, о поимкѣ и о присылкѣ его въ св. синодъ, въ Москву, подъ опаснымъ и добрымъ конвоемъ“, — Епифаній былъ уже за рубежомъ. Везли его однако не торопясь: больше трехъ мѣсяцевъ. Отбили его 18 февраля, а доставили вѣтковскимъ отцамъ 28 мая. Вѣроятно, опасаясь розысковъ по горячимъ слѣдамъ, держали Епифанія гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, въ самой ли Москвѣ, или въ ея окрестностяхъ, а когда опасность поимки на дорогѣ миновалась, повезли свою добычу за рубежъ. На Вѣткѣ были рады дорогому гостю. Игуменъ Власій и Варлаамъ Казанскій, уже отростившій бороду въ прежнюю мѣру, думали: „ну, теперь онъ насъ во епископы поставитъ“. Монахи вѣтковскіе тому были рады, что теперь, при архіереѣ, монастырь ихъ еще больше процвѣтетъ, прославится и разбогатѣетъ отъ подаяній, какъ изъ Россіи, такъ и отъ зарубежныхъ старообрядцевъ. Рады были и причетники и бѣльцы: „поставитъ, говорили, насъ владыка святый въ попы, и жены наши матушки-попадьи будутъ“. Но тогда же среди мірянъ и другія рѣчи слышались. „Епифанъ родомъ изъ Кіева, — говорили они:—мнится, не обливанецъ ли онъ, не опоганить бы намъ души свои его архіерействомъ“. Вообще водвореніе епископа на Вѣткѣ было, повидимому, дѣломъ одного старообрядческаго духовенства — монаховъ,

*) Іона Курносый. Разговоры и крики удержаны буквально.

поповъ и причетниковъ. Міряне, кажется, были въ сторонѣ. Поэтому-то вѣтковскіе отцы и не держали пока Епифанія въ самой Вѣткѣ, а помѣстили его въ какой-то пустынькѣ, бывшей неподалеку. Пришлось старцу, уже девять лѣтъ переходившему изъ тюрьмы въ тюрьму, и здѣсь жить болѣе года почти какъ въ темничномъ заключеніи. Скучно было ему; не такой жизни онъ ожидалъ. До того была ему тяжела такая жизнь, что онъ, просидѣвъ цѣлый годъ въ пустынькѣ, писалъ въ Кіевъ письма, прося взять его отъ раскольниковъ и предавая себя въ руки правительства. Письма эти, посланныя лѣтомъ 1734 года, разумѣется, секретно и отъ мірянъ и отъ вѣтковскихъ отцовъ, имѣли, какъ увидимъ, весьма важныя послѣдствія; но, не получая на нихъ долго отвѣта и даже не зная навѣрное, дошли ли они по назначенію, Епифаній покорился своей участи.

Между тѣмъ міряне, провѣдавъ, что сидитъ въ пустынькѣ архіерей, привезенный московскими старообрядцами изъ Ярославля, стали ходить къ нему и допытываться, кто онъ такой, откуда, какого града былъ епископомъ, и, слыша его малороссійское произношеніе, тотчасъ же спрашивали: „А тебя какъ крестили? Обливали или погружали въ три погруженія?“

А Епифаній дѣйствительно, какъ кажется, былъ крещенъ обливательнымъ крещеніемъ; и такъ какъ былъ онъ человѣкъ простодушный, безхитростный, и могъ, пожалуй, наговорить приходящимъ и такого, отъ чего по людямъ пошла бы большая молва и крамола, то главные затѣйщики дѣла, московскіе старообрядцы, что̀ отбивали его въ Коломинскомъ лѣсу и привезли за рубежъ, учили его, какъ отвѣчать любопытнымъ и что̀ говорить въ ѳеодосіевой, вѣтковской церкви, когда его будутъ принимать и исправлять. „Когда будутъ тебя вопрошать: како крещенъ, обливанъ ли или погруженъ, то скажи: „погруженъ“; а вопросятъ: ты какъ вѣдаешь?—скажи: малыя дѣти, на улицѣ играя, „утопленникомъ“ дразнили, и отецъ и мать дразнили сызмаленька „утопленникомъ“ *).

Былъ созванъ соборъ на Вѣткѣ въ тамошнемъ монастырѣ. Игуменъ Власій предсѣдательствовалъ, засѣдали священно-иноки: Іовъ, Варлаамъ Казанскій, Варсонофій, Исаія, Савва, казначей Павелъ и рядовые старцы. Было на соборѣ немало и мірскихъ людей. Совѣщались о томъ, какъ и какимъ чиномъ принять Епифанія. Единогласно рѣшили: принявъ Епифанія, по исправѣ и проклятіи имъ всѣхъ ересей, требовать, чтобы онъ рукоположилъ другого епископа, „да корень епископства возрастаетъ“. Затѣмъ, не приступая пока къ пріему, послали вѣрныхъ людей въ Петербургъ, въ Москву, въ Кіевъ, въ Яссы, чтобы подкупами и просьбами добыть вѣрныя справки изъ дѣлъ о личности Епифанія. Справки собирались довольно долго — болѣе года, а Епифаній

---

*) Іона Курносый.

все сидѣлъ да сидѣлъ, какъ въ затворѣ какомъ, въ пустынькѣ, скучалъ, томился неволею, бранился съ старообрядцами. „Ужъ лучше бы было мнѣ въ Соловкахъ сидѣть, чѣмъ у васъ, въ раскольнической темницѣ“, — говорилъ онъ имъ. „Потерпи, владыка святый, — отвѣчали ему: — скоро такого дѣла сдѣлать не можно“. И прежде любилъ Епифаній выпить, теперь же въ горѣлкѣ отказу не было, только постное ѣшь, а пей водку, сколько душѣ угодно. И сталъ Епифаній съ горя да съ печали пить темную, и допился до водянки. Очень сталъ хворать, а все пилъ.

Между тѣмъ справки о немъ вѣрными людьми были собраны. До того, что Епифаній обокралъ Козельскій монастырь, составлялъ подложныя письма и растлилъ какую-то дѣвочку, старообрядцамъ дѣла не было. Обокралъ и обманулъ онъ „враговъ Божьихъ, никоніанъ“, — разсуждали они: — то не грѣхъ; дѣвчонка — и это не грѣхъ, а только паденіе; изъ писанія видно, что многіе святые отцы впадали въ блудъ, да угодили Богу покаяніемъ. Извѣстный выводъ старообрядцевъ всѣхъ толковъ!.. Важно было для вѣтковцевъ то, что Епифаній, по справкамъ, оказался не самозванцемъ, что онъ дѣйствительно былъ хиротонисанъ митрополитомъ Георгіемъ. Одного не могли дознаться никакими справками, обливанецъ Епифаній или въ три погруженія крещенъ? А это было всего важнѣе для старообрядцевъ: если онъ обливанъ, то его слѣдуетъ крестить вновь. А по правиламъ вселенскихъ соборовъ, кто крестится вновь, тотъ хиротоніи не сохраняетъ.

Въ то довольно продолжительнѣе время, которое употреблено было вѣтковскими отцами на собраніе справокъ о личности пріобрѣтеннаго ими епископа, они сдѣлали и другое дѣло. Желая, чтобы отысканный послѣ столь долгихъ и тщетныхъ ожиданій епископъ былъ принятъ всѣми старообрядцами поповщинскаго толка единодушно, чтобы не произошло между ними изъ-за него какого-либо раздора или раздѣленія, вѣтковскіе отцы, „да будетъ то дѣло общимъ дѣломъ всего христіанства древляго благочестія“, — писали въ Москву и къ старшимъ отцамъ на Керженецъ, а также по городамъ: въ Тверь, въ Торжокъ, въ Казань, въ Тулу и другіе. Все происходило въ глубочайшей тайнѣ. Съ стародублянами сносились не только письменно, но лѣсами неоднократно ходили къ нимъ за рубежъ для совѣта. Съ Керженца былъ полученъ рѣшительный отказъ признать Епифанія за епископа. Тамошніе отцы писали вѣтковскимъ, что они „къ совѣту ихъ пристати, яко Богу не угодну, не токмо не спасительну, но народодушепагубну отказашась не соизволивше“ *). Въ Стародубьѣ одни были согласны на пріемъ Епифанія, другіе — нѣтъ; такое же разногласіе было и въ Москвѣ и Торжкѣ. Но Тверь и Тула согласились; Казань, едва ли не по вліянію керженскихъ жителей, отказалась. Всѣ эти переговоры и ссылки Вѣтки

*) Іона Курносый.

съ разными старообрядческими общинами продолжались годъ и два съ половиной мѣсяца. Много было денегъ изъѣзжено, много денегъ на поѣздки и всякія хлопоты истрачено. Наконецъ, 6 августа, въ день Преображенія Господня, 1734 года, Епифаній былъ привезенъ изъ пустыньки на Вѣтку и торжественно принятъ въ старообрядство *). Черный попъ Іовъ **), старшее духовное лицо на Вѣткѣ (игуменъ Власій не имѣлъ священства), привелъ Епифанія къ исправѣ. Принимаемый епископъ торжественно, при всемъ духовенствѣ и огромномъ стеченіи народа, проклялъ ереси ***) и затѣмъ былъ введенъ въ алтарь

*) Иванъ Алексѣевъ, «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», въ «Лѣтописяхъ русской исторіи и древности», т. IV, смѣсь, стр. 69. Онъ говоритъ, что Епифаній «въ нѣкіихъ пустынькахъ» до пріема пробылъ десять недѣль, значитъ, съ конца мая по 6 августа. Но онъ ошибается ровно на одинъ годъ, полагая, что Епифаній отбитъ въ Коломинскомъ лѣсу въ февралѣ 1734 г., между тѣмъ какъ изъ дѣла объ Епифаніи видно, что это было въ 1733 г.

**) Попъ Иванъ, въ постриженіи Іовъ. Онъ былъ взятъ при «первой выгонкѣ» раскольниковъ и разореніи Вѣтки въ 1735 году. Іовъ былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ учителей и проповѣдниковъ старообрядства на Вѣткѣ. По опредѣленію св. синода 21 декабря 1736 года, онъ, закованный въ кандалы, былъ отправленъ въ Николаевскій (въ Переяславлѣ Залѣсскомъ) монастырь «для достодолжнаго о его суевѣріи разглагольствія и увѣщанія къ соединенію святѣй, правовѣрной церкви, понеже того монастыря настоятель то съ нимъ разглагольствіе имѣть можетъ». Въ этомъ монастырѣ Іовъ долженъ былъ содержаться въ цѣпяхъ. Но такъ какъ онъ, «по довольномъ увѣщаніи, отъ раскольническаго своего заблужденія ко обращенію ко святой церкви явился непокоривъ и состоялъ въ раскольнической своей ереси не превратенъ», то, по опредѣленію св. синода, 11 февраля 1737 года сосланъ въ Валдайскій Иверскій монастырь для неисходнаго въ кельѣ заключенія подъ крѣпкимъ карауломъ и съ пресѣченіемъ всякихъ сношеній съ другими лицами. Здѣсь Іовъ и умеръ, но когда — неизвѣстно.

***) Вотъ формула исправы, которую въ XVIII ст. читали принимаемые въ расколъ попы и Епифаній въ 1734 г.:

«Предстоятель кладетъ *начало* (семь поклоновъ), и потомъ приходящій такожде семь поклоновъ. Предстоятель начинаетъ, глаголя: «За молитвъ святыхъ», «Царю небесный», «трисвятое» и по «Отче нашъ»,—«Пріидите поклонимся» трижды, псаломъ 50: «Помилуй мя, Боже». И поставляетъ его передъ церковью, откровенну главу имуща. И повелитъ ему исповѣдатися явѣ и отрицатися, и укоряти, и проклинати богомерзкую вѣру, въ ней же былъ, и вся законы ихъ и обычаи, въ нихъ же совратишася и осквернишася. И начинаетъ проклинати ереси отъ яковитовъ, сице глаголя: «Азъ, имя рекъ отъ гнусныя яковитовъ и ханцыцарскія ереси, и отъ мудрствующихъ съ латины и пріобщающихся отчасти еретическому и папежскому ученію — днесь прихожду ко истинному, православному христіанскія вѣры закону, преданному отъ св. апостолъ и утвержденному богоносными отцы святыхъ вселенскихъ седьми соборовъ. Прихожду же не отъ нужды, или бѣды, или тѣсноты, или страха, или налога, или нѣкоей вещи, на мя воздвизаемѣй, или чести ради мірскія, и благодарованій нѣкихъ обѣщаемыхъ, или лѣностію, или лицемѣріемъ, но отъ всея души и сердца и чиста неблазненна, Христа любяще и того истинныя вѣры животнаго закона желая получити. Прежде отрицаются мудрствующихъ и

Покровской церкви игуменомъ Власіемъ и Варлаамомъ Казанскимъ. Не выходя изъ церкви, онъ соборне отслужилъ обѣдню по старопечатнымъ книгамъ. Затѣмъ, служа довольно часто, онъ посвятилъ 12 поповъ и 6 дьяконовъ, и сварилъ миро *).

сообщающихся отчасти еретическому ученію. Проклинаю отрекшихся Іесуса и почитающихъ его равноухимъ, вѣрующихъ во Іисуса и святую аллилуію тройственну четверящихъ: да будутъ прокляти. Проклинаю творящихъ развратно святое крещеніе, аще и во имя Отца и Сына и Святаго Духа глаголютъ, но обаче крещаютъ водою во едино погруженіе, а трижды не погружаютъ. иніе же только обливаютъ водою; и почитающихъ всякое омываніе крещеніемъ, а въ трехпогрузительномъ нужды нѣсть: да будутъ прокляти. Аще кто ся не креститъ въ два перста, яко же и Христосъ, да будутъ прокляти. И творимое нѣкое благословеніе, пятію персты, а Христомъ преданное двуперстное почитающихъ отъ нѣкоего чорта изданнымъ: да будутъ прокляти. Проклинаю богоненавидимую и блуднаго образа прелесть, еже остригати браду, но и всегда поощряющихъ остригати брады своя, и усы притинати постригалы и бритвами. Проклинаю вся враги, крестъ Христовъ нарицающихъ «брынскимъ», а кланяющихся латинскому крыжу; иже не исповѣдуютъ безкровныя жертвы суща тѣлеси Господа нашего Іесуса Христа. Иже аще ястъ млеко и яйца въ великій постъ, въ субботу и недѣлю; съ ними же и иную всякую ересь проклинаю, явную и неявную, и иже прежде соборовъ, или послѣжде на церковь благочестивую возсташа и люди Господни отсѣкати и отторгати начинающе, вся еретицы сопротивно мысляще святымъ всея вселенныя седьми соборовъ: да будутъ прокляти».

«И вопрошаетъ предстоятель: «обѣщаешилися Христу?» И отвѣщаетъ имя рекъ: «обѣщаваюся Христу». И глаголетъ: «вѣрую во единаго Бога Отца» весь до конца, трижды, «Господи помилуй» сто; и паки глаголетъ: «И тако вѣрую и исповѣдую святую единосущную Троицу истинною любовію, всею душею моей, и всѣмъ сердцемъ моимъ. и всѣмъ помышленіемъ моимъ, не имѣя въ себѣ никакого лукавства. И тако покоряюся и прилагаюся благочестивому преданію святыхъ отецъ, право исправльшихъ слово истины, иже на всѣхъ седьми соборѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ. И тако причитаюся святѣй и апостольской церкви, единомудренно со всѣми правовѣрными, душевное тщаніе имѣя. требую совершенно святымъ, истиннымъ покаяніемъ очищенія отъ всѣхъ еретическихъ совращеній и оскверненій, всякихъ прегрѣшеній плотскихъ и душевныхъ. Еще же желаю, со страхомъ и трепетомъ и радостію сердечною, причастникъ быти святыхъ и животворящихъ таинъ тѣла и крове Христа Бога нашего, яко да будетъ ми во освященіе души и тѣлу моему, и до кончины живота моего въ наслѣдіе живота вѣчнаго царствія небеснаго, молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присно дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка Богу угодившихъ. Аминь» (Рукописный сборникъ конца XVIII столѣтія, писанный на Иргизѣ). Въ XIX или въ концѣ XVIII столѣтія эта формула нѣсколько измѣнена. Она будетъ приведена въ своемъ мѣстѣ.

*) Іона Курносый: «во время принятія Епифаніева и посвященія имъ поповъ и діаконовъ и *священія мура* и масла». Стало-быть, Епифаній варилъ миро не въ великій четвертокъ, какъ слѣдуетъ по уставу. Онъ былъ припятъ 6 августа 1734 года, а великій четвертокъ 1735 года былъ 3 апрѣля. Вѣтка же была занята Сытинымъ и Епифаній взятъ 1 апрѣля,

Великая была радость на Вѣткѣ. Всѣ духовныя лица ликовали и много гордились тѣмъ, что наконецъ добыли епископа, имѣютъ наконецъ святителя и архипастыря. „Нельзя теперь про насъ сказать, что церковь наша хрома: всѣ три чина имѣемъ, — и честное дьяконство, и боголюбивыхъ іереевъ, и самого преосвященнаго епископа“, — говорили они. Поповъ, рукоположенныхъ Епифаніемъ, немедленно разослали по городамъ и волостямъ, — разумѣется, за хорошія деньги, данныя за то общинами старообрядцевъ, — и крѣпко надѣялись все старообрядство такимъ средствомъ подчинить своему вліянію и власти. Одного попа повезъ въ Москву самъ Варлаамъ Казанскій, имѣвшій большой вѣсъ у тамошнихъ старообрядцевъ. Игуменъ Власій со всѣмъ соборомъ вѣтковскимъ приговорили, чтобы Варлаамъ утвердилъ всѣхъ московскихъ старообрядцевъ въ правильности архіерейства Епифаніева и, подчинивъ такимъ образомъ усиливавшуюся московскую общину Вѣткѣ, пріѣзжалъ какъ можно скорѣй домой, гдѣ Епифаній долженъ былъ хиротонисать его во епископы. Таково было желаніе и мірянъ Вѣтки, изложенное въ особомъ приговорѣ, заученномъ многочисленными подписями.

Скучно было Епифанію у старообрядцевъ. Десять лѣтъ онъ уже архіереемъ и почти всѣ десять лѣтъ провелъ въ тюрьмахъ кіевскихъ, московскихъ, въ петербургской крѣпости, въ Соловкахъ, а потомъ еще годъ и два съ половиной мѣсяца въ пустынькѣ, гдѣ его тоже держали почти какъ колодника. Не лучше ему пришлось и въ самой Вѣткѣ. Онъ былъ совершенно чуждъ раскольникамъ, не только не раздѣлялъ ихъ убѣжденій, но, и ставъ во главѣ ихъ, кажется, довольно смутно понималъ, изъ-за чего они отдѣлились отъ церкви. Все разъединяло его съ новою его паствой, и образъ жизни и привычки. Сердце его лежало въ Кіеву, а тутъ долженъ былъ онъ выстаивать длинныя службы, къ которымъ не привыкъ въ Кіевѣ, вести строгую жизнь и ни подъ какимъ видомъ не давать воли своему веселому, пылкому характеру. Тоска по родственникамъ мучила его, и хотя вѣтковскія дѣвицы, по отзыву самихъ старообрядцевъ, не отличались цѣломудріемъ, а Епифаній былъ охотникъ до женщинъ, но за епископомъ зорко слѣдили сотни глазъ, и ему рѣшительно было невозможно завести съ какою-либо вѣтковскою красавицей нѣжныхъ отношеній. А больше всего противны были Епифанію обряды вѣтковцевъ. Уже былъ онъ принятъ ими въ общеніе, уже служилъ обѣдни и рукополагалъ поповъ, какъ два уніата, жившіе по сосѣдству съ Вѣткой, перешли въ расколъ и, какъ обливанцы, на основаніи заповѣди Филарета патріарха, перекрещены старообрядческимъ попомъ въ три погруженія. Противно на это было

то-есть во вторникъ на страстной недѣлѣ. Да притомъ еще ранѣе новаго январскаго 1735 года у Епифанія были уже большіе нелады съ вѣтковцами, и онъ ужъ не служилъ въ Покровской церкви.

*) Іона Курносый.

смотрѣть Епифанію. Когда новокрещенные выходили изъ церкви, позвалъ онъ ихъ къ себѣ въ келью и принялся кричать, понося ихъ непотребными словами: „Благочестивое крещеніе, — говорилъ онъ имъ:— отложили, раскольничьимъ крестились во второе. А первое-то вамъ развѣ не крещеніе было?“ *).

И былъ большой соблазнъ отъ того на Вѣткѣ. Пошли объ этомъ слухи и на сторону. „Какой же это епископъ? — говорили міряне: — это не пастырь, а волкъ“. Много журили вѣтковскіе отцы своего епископа за такую выходку. Епифаній отмалчивался. Оттого-то и хотѣлось вѣтковскимъ отцамъ, чтобы онъ поскорѣй посвятилъ имъ Варлаама. Тогда бы Богъ съ нимъ, съ Епифаніемъ; дали бы ему денегъ и пустили бы на всѣ четыре стороны: иди, куда знаешь,—и зажили бы съ своимъ епископомъ, отъ всей души и всего сердца преданнымъ старому обряду.

Не понравился Епифаній иноку Аѳанасію, древнему старцу, живущему въ Вѣткѣ съ первыхъ годовъ ея существованія. При самомъ заведеніи Вѣтки былъ онъ уставщикомъ, и когда попъ Ѳеодосій освящалъ Покровскую церковь, онъ надписывалъ антиминсъ старицы Меланіи. Больше сорока лѣтъ былъ Аѳанасій уставщикомъ, зналъ правила и уставы лучше всѣхъ, строго наблюдалъ за совершеніемъ „уставной службы“ въ вѣтковской церкви и теперь, на старости лѣтъ, увидя, какъ старые уставы нарушаются завезеннымъ на Вѣтку епископомъ, много ссорился съ игуменомъ и отцами и, не стерпя больше „злочинія церковнаго“, ушелъ изъ Вѣтки въ Россію. Аѳанасій пробрался въ Москву, гдѣ Варлаамъ Казанскій утверждалъ тогда старообрядцевъ въ правильности Епифаніева епископства. И въ Москвѣ, въ Гуслицахъ **) ходилъ старецъ Аѳанасій изъ дома въ домъ и разсказывалъ старообрядцамъ, что дѣлается на Вѣткѣ съ того дня, какъ владыкою тамошнимъ учинился Епифаній. Онъ утвердительно называлъ его „вѣдомымъ обливанцемъ“; много говорилъ и противъ Варлаама Казанскаго, главнаго поборника Епифаніева, ходившаго съ попомъ его поставленія. „Блюдитеся,—говорилъ старецъ:—блюдитеся опасно ихъ, яко не сущимъ попамъ имъ, но волкамъ“. А Варлаама знали и почитали въ Москвѣ очень многіе; знали его и по городамъ около-московнымъ и по волостямъ. Вездѣ у него было много духовныхъ дѣтей, и его очень уважали за строгую, подвижническую жизнь, за горячую преданность старымъ обрядамъ и „древлему благочестію“, за его слово учительное, „преизящно философіею и мудростію христіанскою украшенное“. Ходя съ Епифаніевымъ попомъ изъ дома въ домъ, ночуя то тамъ, то тутъ, онъ каждое утро, возставъ отъ сна, и каждый вечеръ, ложась спать, по молитвѣ, сначала самъ благословлялъ своего спутника, а потомъ отъ него принималъ бла-

*) Іона Курносый.

**) Гуслицы, или Гуслицкая волость, въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, почти сплошь населенная раскольниками поповщинскаго толка.

гословеніе. И дѣлалъ это всегда такъ, чтобы всѣ видѣли и не сомнѣвались бы о попѣ Епифаніева рукоположенія: такой же-де онъ, какъ и я, попъ. Служа всенощныя и молебны по домамъ старообрядцевъ, Варлаамъ всегда на ектеніяхъ поминалъ епископа Епифанія, и если кто изъ его духовныхъ дѣтей изъявлялъ хоть малѣйшее сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства, тому онъ съ яростью говаривалъ: „Проклятъ буди, кто изъ сыновъ моихъ духовныхъ и дщерей къ Епифаніевымъ ставленнымъ попамъ не пойдетъ подъ руку и на духъ! Богъ благословитъ! Мы рачимъ и стараемся, чтобы священство умножить и благочестіе расплодить, а вы мятежъ чините!" Но какъ ни великъ былъ авторитетъ Варлаама, а много въ Москвѣ и въ Гуслицахъ явилось сомнѣвающихся въ Епифаніи. Стали толковать ужъ и о томъ: „да ужъ сохранилось ли древлее благочестіе на Вѣткѣ, не пошли ли старообрядцы за рубежомъ широкимъ путемъ никоніанства?" А это все уставщикъ Аѳанасій разсѣивалъ сомнѣнія. Немало употребили московскіе и гуслицкіе старообрядцы денегъ на то, чтобы собрать подъ секретомъ самыя точныя справки объ Епифаніи въ синодальной конторѣ и списать копіи со всѣхъ дѣлъ, о немъ производящихся. Нашли, что дѣйствительно онъ посвященъ ясскимъ митрополитомъ во епископы, а обливанъ онъ или крещенъ въ три погруженія, того доискаться не могли, а между тѣмъ молва, что Епифаній обливанецъ, росла болѣе и болѣе. А распускалъ ее все тотъ же Аѳанасій.

Разъ, въ Гуслицахъ, призвалъ Варлаамъ Аѳанасія къ себѣ на квартиру. Аѳанасій не ухоронился, пришелъ.

— Какъ ты смѣешь,—закричалъ Варлаамъ: — учить моихъ дѣтей духовныхъ, чтобы не ходили они къ попамъ Епифаніевымъ? Какъ ты смѣешь ихъ волками нарицать?

— Волки они и есть, — смиренно, но рѣшительно отвѣчалъ Аѳанасій.

Пылкій Варлаамъ не вытерпѣлъ, схватилъ палку и началъ колотить сѣдого, дряхлаго старика. И билъ его, сколько хотѣлось. Аѳанасій, по иноческому смиренію, не защищался отъ ударовъ, но, какъ ни горячился, лютуя надъ нимъ, Варлаамъ, Аѳанасій кротко, но громко, одно говорилъ:

— Волки они, а не пастыри стада Христова, и Епифаній-обливанецъ такой же волкъ!

Были свидѣтели этого происшествія. Слухъ о побояхъ, претерпѣнныхъ престарѣлымъ вѣтковскимъ уставщикомъ отъ дюжей руки Варлаама Казанскаго, распространился по Москвѣ и во всей Гуслицкой волости. Пали вѣсти о томъ и на Вѣтку. Нигдѣ не хвалили Варлаама, и еще сильнѣе пошло сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства. На Вѣткѣ также произошелъ большой раздоръ изъ-за него. Мы уже сказали, что пріемъ Епифанія былъ дѣломъ поповъ и монаховъ: міряне мало принимали въ немъ участія. Теперь, когда пошли слухи объ его

обливанствѣ, о томъ, что онъ не настоящій архіерей, не такой, какой имъ требуется,—міряне заволновались. Поступокъ Епифанія съ уніатами (быть-можетъ, и дѣйствительно Епифаній на тотъ разъ выпилъ лишнюю чарку горѣлки, какъ старались оправдать его отцы передъ мірянами) увеличилъ ропотъ, волненія и раздоры. Во главѣ враговъ Епифанія сталъ нѣкто Заверткинъ, крѣпкій ревнитель „древляго благочестія“, сбѣжавшій за рубежъ съ уральскихъ заводовъ, куда пришелъ съ Керженца, другъ и почитатель Аѳанасія-уставщика. Онъ всенародно порицалъ Епифанія, называя самый пріемъ его великимъ соблазномъ для всей старообрядческой церкви и браня вѣтковскихъ отцовъ, еще державшихъ сторону своего епископа. Онъ и другіе міряне укоряли Власія и соборныхъ старцевъ за то, что они такого волка пустили въ стадо Христово, твердо пребывавшее дотолѣ въ „древлемъ благочестіи“. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе народа стало чуждаться Епифанія, а рукоположенныхъ отъ него поповъ и дьяконовъ не пускали близко и къ домамъ своимъ, и стали отбирать у нихъ даже силою данныя имъ отъ Епифанія ставленныя грамоты. Были и такіе міряне, которые преданы были Епифанію. „И бысть,—говоритъ Іона Курносый:—мятежъ и молва на Вѣткѣ не мала: сталось раздѣленіе между собою у нихъ даже до драки“. Сойдутся, бывало, противники на улицѣ; одни станутъ похвалять Епифанія и хвастаться тѣмъ, сколь великую славу получило мѣсто ихъ, богоспасаемая Вѣтка, отъ водворенія въ ней епископа, а принадлежавшіе къ совѣту Заверткина пойдутъ спорить и укорять ихъ, говоря, что Епифаній обливанецъ и сущій еретикъ, не пастырь добрый, а евангельскій волкъ въ овчей шкурѣ. Пойдутъ споры, книги изъ домовъ вытащатъ, отъ писанія доказательства каждый свои читаетъ, а толпа увеличивается, и словопреніе обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что спорщики примутся въ кулаки да за дубины, и пойдетъ свалка и бой. Бывали и тяжкія увѣчья, даже смертоубійства изъ-за Епифанія. И день за день таково было на Вѣткѣ. Епифаній пересталъ служить, ибо Заверткинъ и его сообщники громко кричали на улицахъ: „за волосы его, пса, вытащу изъ святого алтаря, убью до смерти, только смѣй онъ служить“.

Нѣкоторые изъ братіи, особенно же казначей Павелъ, сами стали сомнѣваться въ искренности перехода въ старую вѣру Епифанія и въ томъ, что онъ крещенъ правильнымъ крещеніемъ, и стали сознавать вины свои, говоря, что не дѣло сдѣлали, съ такими хлопотами и издержками добывъ себѣ нехорошаго епископа. Епифаній сидѣлъ въ своей кельѣ, какъ заточенникъ, пилъ и перебранивался, но всегда съ обычнымъ своимъ добродушіемъ.

По старообрядческимъ общинамъ въ Великой Россіи тоже немало было споровъ и толковъ по поводу Епифаніева архіерейства. Керженецъ, Казань, Поволжье, Демидовскіе заводы — еще болѣе утвердились „въ своемъ противленіи новопреданному архіерейству“. Въ Москвѣ и въ Гуслицахъ произошло большое раздѣленіе, и съ каждымъ днемъ рѣдѣли

ряды людей, бывшихъ сначала за Епифанія. Варлаамъ, побивъ Аѳанасія, много потерялъ авторитета. Тверь, Торжокъ и Ржевъ были совершенно равнодушны къ дѣлу. Стародубье почти поголовно отступилось отъ Епифанія.

Вѣтковскіе отцы лучше другихъ, отдаленныхъ отъ нихъ одновѣрцевъ знали поведеніе своего епископа. Но, чтобы не погрѣшить, рѣшились они предварительно искусить своего архипастыря. Главное, хотѣлось имъ вывѣдать отъ него, обливанъ онъ или въ три погруженія крещенъ; еще хотѣлось узнать, искренно ли онъ принялъ старообрядство и не держится ли въ тайнѣ никоніанства, исполняетъ ли установленные посты, келейное правило и другіе уставы. Хотя они, послѣ соблазнительнаго поступка Епифанія съ уніатами, послѣ ропота мірянъ и укоровъ Заверткина съ товарищами, значительно охладѣли къ Епифанію, но совершенно отступиться отъ него и торжественно, передъ всѣмъ народомъ, сознаться въ винѣ своей, въ той опрометчивости, съ которою они приняли его къ себѣ за архипастыря, рѣшились не прежде, какъ по совершенномъ увѣреніи въ томъ, что онъ дѣйствительно обливанецъ, или что не исполняетъ положенныхъ правилъ принятаго имъ старообрядчества. Призвалъ къ себѣ казначей Павелъ Епифаніева келейника и говоритъ ему:

— Искуси ты его, не пожелаетъ ли курочки ясти?

Келейникъ, истый вѣтковецъ, принялся за искушеніе. Говоритъ однажды онъ сидѣвшему, какъ въ темницѣ, воли и власти не имѣющему епископу и крѣпко разболѣвшемуся:

— Неможешь ты, святый владыка, все хвораешь, худо кушаешь. Не желаешь ли курочки жареной?

— Свѣдаютъ ваши,—грустно отвѣчалъ Епифаній: — крамолить будутъ. Вѣдь у васъ епископы не вкушаютъ...

— Я не монахъ, а бѣлецъ,—отвѣчалъ келейникъ:—мнѣ можно ѣсть курочку. Повели, владыка святый, я, пожалуй, припасу, какъ бы про себя, а ты и покушай.

Лакомый епископъ охотно согласился на предложеніе келейника. Давно не ѣдалъ онъ вкусной пищи. Келейникъ такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ. Сжаривши монастырскую курочку, подалъ на столъ епископу; но въ то самое время, когда Епифаній занялся запретнымъ блюдомъ, по знаку, непримѣтно для него данному искусителемъ-келейникомъ, вошли одинъ за однимъ казначей Павелъ съ другими старцами. Вошли, посмотрѣли и, слова не сказавъ, пошли вонъ изъ кельи, будто за надобностью какою приходили, да не вô-время. А Епифаній, какъ скоро они ушли, пеняетъ келейнику:

— Чтò бы тебѣ дверь-то заперетъ, а ты не заперъ.

А келейникъ его, какъ малаго ребенка, уговариваетъ:

— Ничего, владыка святый. Ты вѣдь больше ихъ — они тебѣ не указъ.

Епифаній согласился съ келейникомъ.

Казначей Павелъ съ прочими свидѣтелями соблазнительной трапезы вѣтковскаго епископа не пустили дѣла въ огласку. Имъ нужнѣе всего было то, чтобы навѣрное узнать, обливанъ Епифаній или погруженъ, и дѣйствительно ли онъ приверженъ къ старообрядству. Дали келейнику, которому добродушный епископъ совершенно ввѣрился, новое наставленіе.

Однажды Епифаній, здоровье котораго таяло какъ свѣчка, сидѣлъ грустный, задумчивый. Подошелъ къ нему келейникъ.

— А что̀, владыка святый, спрашиваетъ, есть ли у тебя родственники въ Кіевѣ?

Этотъ вопросъ за живое тронулъ Епифанія. У него вся душа была въ родныхъ. Сердце у него было доброе и довѣрчивое, и пустился онъ въ откровенные разговоры съ келейникомъ.

— Есть же, кажу,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ. — есть племянники и внучата есть...

На то келейникъ ему:

— Худое тебѣ житье здѣсь, владыка. Не взлюбили тебя и попы и старцы.

— И самъ я вижу, что не взлюбили,—отвѣчалъ Епифаній: — и что̀ дѣлать, право, не знаю и не придумаю.

— Да напиши ты къ своимъ письма, — сказалъ келейникъ: — увѣдомь о себѣ, что живъ. Они о тебѣ обрадуются и попекутся о тебѣ.

„Простъ онъ былъ человѣкъ, — замѣчаетъ, передавая этотъ разговоръ, Іона Курносый:—повѣрилъ келейнику". Сейчасъ же сѣлъ за столъ и сталъ писать письмо. Написавъ, говоритъ:

— Я, кажу, написалъ, да съ кѣмъ пошлю?

— Повѣрь мнѣ, владыка, письмо твое, — сказалъ келейникъ: — я добрыхъ людей отыщу.

Довѣрчивый, простодушный Епифаній отдалъ письмо, а келейникъ прямо его къ казначею Павлу.

Читаютъ вѣтковскіе отцы письмо Епифанія. Пишетъ онъ, „какъ раскольники его обольстили, и какъ разбоемъ на пути отнятъ, и какъ въ Польшу его препроводили и привезли до своихъ *еретическихъ вертеповъ*, гдѣ церковь ихъ и раскольническій монастырь и слобода жителей-раскольниковъ. „Учинили меня раскольники епископомъ, и поставилъ имъ по ихъ просьбѣ двѣнадцать поповъ и шесть дьяконовъ, чего душа моя раскольниковъ изъ младенчества ненавидѣла. Они же меня и возненавидѣли и держатъ подъ карауломъ. И не иное что̀ помышляю себѣ отъ нихъ, токмо какъ смерти" *).

Тогда на Вѣткѣ и послѣдніе оставшіеся у Епифанія сторонники отступились отъ него. Но нашлись благопріятели въ иномъ мѣстѣ.

Неподалеку отъ Вѣтки было мѣстечко (нынѣ уѣздный городъ) Го-

*) Іона Курносый.

мель, населенное тоже русскими выходцами, раскольниками. Гомельскіе старообрядцы и числительностью, и богатствомъ, и связями превосходили вѣтковскихъ, но Вѣтка все-таки была какъ бы столицей всего старообрядства, ибо въ ней въ одной была церковь, въ ней одной служилась обѣдня. Пребываніе при ней архіерея еще болѣе возвысило эту слободу, и Гомелю при всемъ богатствѣ невозможно было съ нею соперничать. Завидуя Вѣткѣ и не будучи очевидцами соблазновъ, которые тамъ производилъ Епифаній, но узнавъ объ охлажденіи къ нему вѣтковцевъ, міряне Гомеля предложили ему переселиться къ нимъ. Епифаній съ радостью согласился. Построили они деревянную церковь, во всемъ подобную вѣтковской; Епифаніевы попы освятили ее во имя Преображенія Господня, а Епифаній, еще до размолвки съ вѣтковскими отцами освятившій нѣсколько антиминсовъ, послалъ одинъ для гомельской церкви *). Когда вѣтковскіе міряне стали чуждаться поповъ и дьяконовъ Епифаніева рукоположенія, гомельскіе жители приняли ихъ всѣхъ и рѣшились во что бы то ни стало сдѣлать свою Преображенскую церковь каѳедральнымъ соборомъ старообрядческаго епископа. И усиленнѣе прежняго звали Епифанія къ себѣ. Но Вѣтка не давала его, ибо недешево ей стоилъ Епифаній. Гомельскіе жители хотѣли купить у вѣтковцевъ архіерея и денегъ не жалѣли, но вѣтковцы не брали никакихъ тысячъ за Епифанія, предвидя, что, въ случаѣ пріобрѣтенія гомельцами епископа, много убавится блеска у вѣтковской церкви.

— Да отдайте же намъ епископа Епифанія, когда вамъ не надобенъ,—говорили гомельскіе старообрядцы.

— Не отдадимъ. Онъ ваши души опоганитъ, потому что онъ обливанецъ. Погибнете вы душами вашими, когда его возьмете,—отвѣчали вѣтковцы.

— Не ваше дѣло; коли грѣхъ, такъ тотъ грѣхъ на насъ будетъ. Отдайте Епифанія и берите что̀ хотите.

— Не надо намъ никакихъ тысячъ,—стояли на своемъ вѣтковцы:—

*) Іона Курносый. Онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ, что самъ Епифаній святилъ эту церковь, а въ другомъ, что Епифанію некогда было освятить ее, а святили Варлаамъ Казанскій съ попами Епифаніева поставленія. Послѣднее извѣстіе болѣе сообразно съ ходомъ дѣла. Послѣ каждой выгонки зарубежныхъ раскольниковъ, гомельская церковь (1735) была перевезена въ Стародубье, но не потонула, какъ вѣтковская, ибо строена была не изъ дуба. Объ этомъ Іона Курносый такъ разсказываетъ: «Ону церковь сломаше, по совѣту неправильныхъ поповъ своихъ (то-есть Епифаніемъ рукоположенныхъ), Іоакима и священно-инока Матвѣя, склавше плотами, по той же рѣцѣ (Сожу) приплавивше къ слободѣ поставиша, какъ и на мѣстѣ стояла. И приспѣвшу времени священія, Іоакимъ попъ повелѣ священи сыну своему духовному Матвѣю. Онъ собралъ соборъ отъ обливанцевъ Епифаніева согласія, какъ и онъ Матвѣй, и съ ними ону церковь освятилъ и сталъ въ ней служить и пречистыя тайны совершать». Поставлена была эта церковь въ двухъ верстахъ отъ слободы Клинцовъ.

а Епифанія-обливанца не отдадимъ, грѣха на себя не примемъ: соблазна въ васъ не усилимъ; сказано бо въ св. писаніи: „горе тому человѣку, имъ же соблазнъ въ міръ придетъ, унѣе тому человѣку, да обѣсится камень жерновый о выю его и ввержится въ море". И подъ такою клятвою самого Господа нашего Іисуса Христа быть мы не хотимъ и обливанца-еретика вамъ въ пастыри не отдадимъ.

И много было ссоры, много раздора и крамолы между вѣтковскими и гомельскими старообрядцами; нерѣдко бывали между ними и драки. Священнодѣйствовавшіе въ гомельской Преображенской церкви попы, особенно же бѣлый Іоакимъ и черный Матвѣй, оба рукоположенные Епифаніемъ, стали во главѣ гомельцевъ. Пріѣхавъ изъ Москвы, Варлаамъ Казанскій много уговаривалъ вѣтковцевъ отдать Епифанія гомельцамъ, когда имъ не угоденъ. Вѣтковцы и слушать не хотѣли. Тогда гомельскіе слобожане, желая, чтобы въ наступающій великій четвертокъ (3 апрѣля) Епифаній сварилъ въ ихъ церкви миро, собрались въ вербное воскресенье (30 марта) и пошли къ Вѣткѣ—вооруженною рукою добывать мироварителя.

Но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ: 1 апрѣля 1735 года не стало ни Вѣтки, ни Гомеля, ни епископа Епифанія.

Мы уже сказали, что лѣтомъ 1734 года, когда непринятый еще въ старообрядчество Епифаній проживалъ въ пустынькѣ, онъ, стосковавшись по горячо любимымъ племянникамъ и внучатамъ, писалъ къ нимъ въ Кіевъ письмо. Въ это письмо вложилъ онъ другія два: одно къ старинному своему пріятелю, духовнику софійской каѳедры Іакову, другое къ самому Рафаилу, тогдашнему архіепископу кіевскому. Епифаній, кажется, не сознавалъ вполнѣ своей виновности ни передъ церковью ни передъ правительствомъ, и писалъ эти письма, прося взять его отъ раскольниковъ и поставляя условіемъ, чтобъ ему „при софійской каѳедрѣ житіе имѣть свободное, попрежнему" (то-есть какъ было до перваго побѣга его въ 1724 году). Съ кѣмъ и какъ отправилъ онъ эти письма, мы не знаемъ, но, не получая на нихъ долго отвѣта, онъ наконецъ въ августѣ принялъ старообрядство, ставилъ поповъ, святилъ миро и антиминсы и, разумѣется, не сказывалъ никому про посланныя письма. А дѣло по поводу ихъ въ Кіевѣ и въ Петербургѣ шло своимъ обычнымъ чередомъ. „Невѣдомый человѣкъ", то-есть, по всей вѣроятности, племянникъ или внукъ Епифанія, подалъ письма духовнику Іакову, а духовникъ—архіепископу 12 іюля 1734 года. Черезъ два мѣсяца, 18 сентября, Рафаилъ донесъ объ этомъ синоду, и потомъ вслѣдствіе синодскаго указа писалъ къ Епифанію письмо и звалъ къ себѣ въ Кіевъ. Это было уже въ началѣ 1735 года. Черезъ кого кіевскій архіепископъ пересылался съ старообрядческимъ вѣтковскимъ епископомъ, и получилъ ли даже послѣдній письмо отъ Рафаила, не знаемъ; но извѣстно, что Епифанію никакъ не удавалось, по приказу Рафаила, секретно уйти отъ старообрядцевъ. Въ это время изъ-за него разгорѣлась

вражда между Вѣткой и Гомелемъ, и вѣтковцы держали несчастнаго Епифанія въ кельѣ, какъ въ тюрьмѣ, уже совсѣмъ безвыходно. Хотя и не знали они, что Епифаній хочетъ бѣжать въ Кіевъ, но крѣпко боялись, чтобы онъ не ушелъ въ Гомель.

Когда въ Петербургѣ узнали о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ, правительство Анны Ивановны озаботилось не столько о „колодникѣ Епифаніи, скраденномъ воровскими людьми въ Коломинскомъ лѣсу", не столько о томъ, что у старообрядцевъ явился наконецъ давно желанный ими архіерей, сколько о зарубежныхъ раскольническихъ поселеніяхъ. Уже нѣсколько лѣтъ знали въ Петербургѣ, что въ однѣхъ слободахъ Вѣтковскихъ живетъ болѣе 40.000 бѣглыхъ русскихъ людей, и сверхъ того заселены такими же бѣглыми старообрядцами слободы въ Кіевскомъ воеводствѣ по рѣкѣ Припети *), на Волыни, въ окрестностяхъ Житоміра и Новгорода-Волынскаго **), въ Подоліи, по берегамъ рѣкъ Буга ***) и Днѣстра ****) и даже въ Бессарабіи и Молдавіи. Не столько политическія, сколько экономическія соображенія побудили русское правительство внимательнѣе заняться этимъ дѣломъ. Еще въ 1733 году именемъ императрицы Анны Ивановны было объявлено зарубежнымъ раскольникамъ, чтобъ они возвращались въ Россію безбоязненно, что государыня вины ихъ имъ отдаетъ и ихъ совершенно прощаетъ. Но ни одинъ изъ зарубежныхъ старообрядцевъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ; напротивъ, многіе изъ старообрядцевъ, жившихъ въ Россіи, избѣгая тяжелыхъ податей и частыхъ рекрутскихъ наборовъ, значительными толпами устремились за границу. Въ 1734 году приглашеніе было повторено, но также безуспѣшно. Тогда рѣшено было принять самыя энергическія мѣры относительно вѣтковскихъ слободъ и во что бы то ни стало возвратить бѣжавшихъ туда на родину. Польша въ это время давно уже отжила красные дни свои и быстро клонилась къ паденію, раздираемая внутренними междоусобіями. Политическія обстоятельства благопріятствовали правительству Анны Ивановны: въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II и начались обычные шляхетскіе рокоши и усобицы въ Рѣчи Посполитой по случаю избранія новаго короля. Для поддержанія кандидатства саксонскаго курфюрста Августа противъ Станислава Лещинскаго, поддерживаемаго Франціей, императрица послала въ Польшу русскія войска подъ командою фельдмаршала Ласси. Русскіе заняли самую Варшаву; наше войско стояло и въ Литвѣ и въ Польшѣ, и русское правительство распоряжалось за

*) Чернобыль, Замоштье, Красиловка.

**) Роговка, Ягоденка, Желѣзняки, Пилипы, Коровницы.

***) Слобода Борская, Курникъ, Красилнка, Ефимовка, Перепеличье, Чертятинъ, Жуковцы, Петроши, Женишковцы, Людовка, Матвѣйковская, Пеньковская, Бушинка, Сорокодубье, Шуры.

****) Ставучаны, Хребтовка, или Хребтѣева, Хилипоны, Кулишовка, Грубное, Вѣтрянка, Чобурчи.

литовскимъ рубежомъ, какъ у себя дома. Не считали нужнымъ и входить въ какія-либо дипломатическія сношенія: просто велѣли полковнику Якову Григорьевичу Сытину, стоявшему съ своимъ драгунскимъ полкомъ въ Стародубьѣ,—„очистить Вѣтку“, для чего и дали ему подъ команду отрядъ, состоящій изъ пяти полковъ *). Съ ними, въ февралѣ 1735 года, Сытинъ перешелъ границу. Это никого не удивило: ни коренныхъ жителей Бѣлорусскаго края ни раскольниковъ.

Московскіе старообрядцы предостерегали вѣтковцевъ. Но на Вѣткѣ не всѣ послушались этихъ предостереженій. Впрочемъ, многіе ушли далѣе: на Волынь, въ Подолію и даже въ Молдовлахію. Февраль и мартъ полки Сытина переходили вокругъ Вѣтковскихъ слободъ изъ селенія въ селеніе, а въ этихъ слободахъ никто и не догадывался, что опасность дѣйствительно близка и неизбѣжна. Полки окружаютъ наконецъ слободы со всѣхъ сторонъ, а между Вѣткой и Гомелемъ идутъ ссоры и драки изъ-за Епифанія, и самъ виновникъ этихъ ссоръ, больной, измученный душевною пыткой, сидитъ взаперти и ждетъ не дождется, какъ бы убраться куда-нибудь изъ Вѣтки.

Марта 30-го гомельскіе жители, какъ уже сказано, пошли на Вѣтку отбивать вооруженною рукой для своей церкви святителя Епифанія. Но дорогой видятъ они на другой день, что полки Сытина со всѣхъ окружныхъ мѣстъ двинулись и идутъ на Вѣтку и на другія слободы. Спрашиваетъ гомельская рать у солдатъ, куда они идутъ?—„Походъ сказанъ въ Бѣлую-Церковь“,—отвѣчаютъ солдаты. Походъ въ „Бѣлую-Церковь“ дѣйствительно былъ, нарочно невѣрно, объявленъ солдатамъ, чтобъ они не разболтали настоящей цѣли похода. А Сытину надо было отвлечь вниманіе раскольниковъ, а затѣмъ внезапно и разомъ окружить слободы, чтобы врасплохъ захватить всѣхъ слобожанъ безъ изъятія. Гомельцы однако, видно, догадались, къ чему идетъ дѣло, и воротились домой. Рано утромъ 1 апрѣля Вѣтка была окружена войсками. Къ Покровской церкви и къ монастырю приставили караулы, отцовъ привели къ Сытину. Епифаній былъ въ числѣ ихъ.

— Гдѣ вашъ епископъ?—строго спросилъ командиръ у отцовъ вѣтковскихъ.

Они указали на Епифанія. А этотъ стоитъ ни живъ ни мертвъ, не понимая, что̀ вокругъ него дѣлается. Сытинъ подошелъ къ Епифанію подъ благословеніе и сказалъ:

— Ты не бойся, преосвященный, государыня послала насъ тебя выручить.

Епифаній ожилъ. Радостью загорѣлись его живые, черные глаза. Перекрестился онъ и сказалъ, съ низкимъ поклономъ, Сытину:

— Слава Богу! Благодарю нашу всемилостивѣйшую государыню и вѣкъ долженъ за нее Бога молить.

*) Драгунскій, два казацкихъ и два тысячныхъ: Стародубскій и Черниговскій.

Отцовъ разсадили по кельямъ подъ караулъ, а Епифанію дали нѣкоторую свободу и обращались съ нимъ почтительно, какъ съ дѣйствительнымъ архіереемъ.

Когда развѣло, вошелъ Сытинъ въ Покровскую церковь и велѣлъ вынести книги и записывать число ихъ, а также образа, ризы, сосуды, снялъ съ колокольни колокола и запечаталъ церковь *). Всего въ слободахъ захватилъ онъ сорокъ тысячъ народа. Такимъ образомъ совершилась *первая вѣтковская выгонка.*

Епифаній былъ крѣпко нездоровъ. У него, какъ уже было сказано, развилась водяная болѣзнь. Съ конвоемъ, состоявшимъ изъ драгунъ, подъ командой поручика, отправили его въ Кіевъ, но имущество осталось на Вѣткѣ: 250 рублей денегъ, одежда разная, серебра на 300 рублей, саккосъ, омофоръ, митра. Дорогой обращались съ нимъ хорошо, поручикъ и солдаты называли его не иначе, какъ преосвященнымъ; вообще были внимательны къ нему, предупредительны. Поручикъ былъ особенно почтителенъ къ Епифанію; по всей вѣроятности, онъ и не зналъ, что сопровождаетъ лишеннаго сана іеромонаха, и считалъ его за дѣйствительнаго архіерея. Добродушный Епифаній искренно полюбилъ поручика и дорогой, откровенно разговаривая съ нимъ о своемъ житьѣ-бытьѣ у раскольниковъ, со слезами благодарилъ императрицу за то, что приказала она его выручить, по его выраженію, изъ того вертепа, въ которомъ былъ онъ два года, яко Даніилъ во рвѣ львиномъ. Бѣднякъ былъ и въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что войска приходили въ Вѣтковскія слободы единственно для его выручки. Въ первыхъ числахъ мая привезъ его поручикъ въ Кіевъ. Здѣсь Епифанія посадили въ крѣпость. Тутъ только увидалъ онъ, что не жить ему свободно при софійской каѳедрѣ, на что онъ такъ сильно надѣялся. Такое разочарованіе до того потрясло больного старика, что онъ слегъ въ постель и уже не вставалъ. Мая 31-го написалъ онъ письмо къ архіепископу Рафаилу. Говоря, что чувствуетъ приближеніе смертнаго часа, Епифаній просилъ прислать къ нему духовника. Его исповѣдали, пріобщили, и на другой день онъ умеръ. Такъ кончилась многомятежная жизнь Епифанія, исходившаго русскую землю отъ Дуная до Бѣлаго моря и пересидѣвшаго въ десяти тюрьмахъ, не считая пустыньки и Вѣтки.

Умирая, онъ все просилъ, чтобы взять оставшееся у него на Вѣткѣ имущество и отдать его племянникамъ и внукамъ. Добрый старикъ не позабылъ и приласкавшаго его дорогой поручика. У него ничего не было въ крѣпости, кромѣ пуховыхъ подушекъ. Онъ завѣщалъ ихъ офицеру **).

Епифанія схоронили возлѣ церкви св. Ѳеодосія въ Кіево-Печерской крѣпости. Отпѣвали, какъ мірского человѣка.

---

*) Іона Курносый.

**) Іона Курносый и указъ изъ синода къ Рафаилу, 21 іюля 1735 года.

Варлаамъ Казанскій, самый горячій, самый ревностный защитникъ Епифанія, остался вѣренъ ему и по смерти. Будучи высланъ въ Россію, онъ поселился съ попами Епифаніева поставленія и съ большею частью гомельскихъ приверженцевъ покойнаго въ слободѣ Клинцахъ *). Сюда перевезли они гомельскую Преображенскую церковь и въ двухъ верстахъ отъ слободы, рядомъ съ нею, поставили другую — во имя Николая Чудотворца. При этихъ церквахъ устроили старообрядческій Николо-Пустынскій монастырь, существовавшій до пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Варлаамъ клятвенно всѣхъ увѣрялъ, что Епифаній старообрядство принялъ искренно и умеръ, не принявъ передъ смертью православнаго священника **). То же проповѣдывали и попы Епифаніева поставленія, Іоакимъ и Матвѣй. Послѣдній былъ настоятелемъ Николо - Пустынскаго монастыря. Они пѣвали по Епифаніи панихиды, какъ по епископѣ „древляго благочестія", и даже распускали молву, будто онъ принялъ кончину мученическую, крѣпко стоя за старую вѣру. Скоро огласили его святымъ и начали ходить въ Кіевъ на поклоненіе его могилѣ. Варлаамъ жилъ не болѣе года въ Стародубьѣ. Когда узнали о его прошломъ и о томъ, какое значеніе имѣетъ онъ у раскольниковъ, его арестовали и, по опредѣленію синода, 11 февраля 1737 года отправили въ заточеніе въ Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ.

Попы Іоакимъ, Матвѣй и другіе, поставленные Епифаніемъ, продолжали священнодѣйствовать въ Клинцахъ. Въ этомъ посадѣ число принимавшихъ правильность Епифаніева архіерейства до того было значительно, что въ 1789 году они выстроили въ посадѣ еще церковь Михаила Архангела, которую и освятилъ 10 февраля бѣглый отъ великороссійской церкви попъ, Данила Воскобойниковъ ***). Попъ Епифаніева постановленія, Іаковъ, дожилъ въ Клинцахъ до 1790 года. Онъ былъ послѣднимъ.

Почитавшіе за свято память Епифанія и принимавшіе поповъ его рукоположенія въ XVIII столѣтіи были извѣстны подъ именемъ *епифановщины* ****), гдѣ образовалось ихъ средоточіе. Немало ихъ было въ

*) Нынѣ Клинцовскій посадъ, Черниговской губерніи.

**) Іона Курносый.

***) Андрея Іоанновича Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 337.

****) Монастырь епифановщины, Николо-Пустынскій, существовалъ до послѣдняго времени, но уже находился въ самомъ жалкомъ состояніи. Вотъ что писалъ о немъ извѣстный ученый статистикъ нашъ К. И. Арсеньевъ, въ 1850 году обозрѣвавшій стародубскіе старообрядческіе монастыри: «Монастырь Никольскій, въ 2 верстахъ отъ Клинцовъ, не пользуется никакимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей; въ немъ живетъ 5 монаховъ и 12 бѣльцовъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ отъ 60 до 90 лѣтъ, одинъ только инокъ 46 лѣтъ и обличенъ въ блудной жизни и прижитіи дѣтей; другой, казначей монастыря, обманываетъ убогихъ стариковъ и употребляетъ монастырскіе доходы преимущественно на свое семейство въ посадѣ Клинцахъ. Монастырь

возобновленной Вѣткѣ и другихъ зарубежныхъ мѣстахъ, были въ Москвѣ и въ Гуслицахъ. Явились они даже и на Керженцѣ, гдѣ при жизни Епифанія и слышать о немъ не хотѣли. Въ Никанориной обители Оленевскаго скита (Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), уничтоженной въ 1853 году, до послѣдняго дня существованія этой обители свято сохранялась память Епифанія, и его имя было записано въ синодикахъ рядомъ съ именемъ Павла Коломенскаго. Такіе синодики случалось намъ видѣть у нѣкоторыхъ старообрядцевъ Владимірской, Московской и Черниговской губерній.

Въ настоящее время, когда возникла въ Бѣлой Криницѣ старообрядческая іерархія, извѣстная болѣе подъ именемъ *австрійства*, добрая память о добродушномъ Епифаніи возстановлена во мнѣніи всѣхъ принявшихъ эту новую іерархію. Они не хотятъ вѣрить, чтобъ Епифаній тяготился своимъ положеніемъ на Вѣткѣ, чтобъ онъ тайно переписывался съ Кіевомъ, даже съ самимъ Рафаиломъ, и чтобъ умеръ, возвратившись въ нѣдра православной церкви. Ихъ нимало не соблазняетъ его обливанство, такъ много смущавшее ихъ прадѣдовъ, они совершенно объ этомъ умалчиваютъ и представляютъ Епифанія великимъ святителемъ, положившимъ душу свою за овцы своя, мученикомъ, страдальцемъ за „древлее благочестіе“ и за старый обрядъ. Такъ, напримѣръ, въ новое сочиненіе объ основаніи бѣлокриницкой іерархіи, написанное недавно (въ 1861 году) и уже весьма распространенное между старообрядцами *), введенъ слѣдующій разсказъ объ Епифаніи. „Къ достиженію же сей цѣли (отысканія архіерея) предпринимали разныя средства. Первыя покушенія у нашихъ христіанъ для отысканія епископа были еще въ царствованіе Петра I, для чего они обращались въ Молдавію и Грецію, но безуспѣшно. Потомъ достигли своего желанія. Рукоположенный въ Молдовлахіи ясскимъ митрополитомъ Антоніемъ, въ 1724 г., епископъ Епифаній обратился въ нашу православную вѣру и, по общему всѣхъ вѣтковскихъ христіанъ согласію, принятъ былъ въ Покровскомъ монастырѣ, что на Вѣткѣ, священникомъ Іовомъ, въ лѣто 7232 (1724?). И по принятіи, епископъ Епифаній совершилъ божественную литургію и отправлялъ святительскую должность: онъ рукоположилъ до четырнадцати человѣкъ въ священнослужители, то-есть въ попы и дьяконы. Но какъ только разнесся объ этомъ слухъ, то вдругъ на сего православнаго епископа наведено со стороны правительства строжайшее преслѣдованіе; онъ былъ взятъ и послѣ разныхъ изнури-

---

этотъ походитъ болѣе на богадѣльню, чѣмъ на обитель иноковъ». Любопытная записка К. И. Арсеньева находится въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ (Дѣло 1850 года, № 140).

*) «Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древлеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся».

тельныхъ послѣдствій скончался въ Кіевѣ. Рукоположенные же имъ священники дѣйствовали даже до конца жизни".

Не такъ смотрѣли на Епифанія его современники. Въ XVIII столѣтіи значительное большинство старообрядцевъ поповщинскаго толка и въ Россіи и въ зарубежныхъ мѣстахъ нимало не уважали памяти Епифанія, и въ нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненіяхъ Вѣтка подвергалась сильнымъ укорамъ за принятіе этого епископа *).

Вотъ, напримѣръ, что̀ говорилъ, лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ Епифанія, Іона Курносый, который можетъ считаться отголоскомъ не только Керженца, гдѣ онъ писалъ свое сочиненіе, но и вообще старообрядцевъ по поповщинѣ, жившихъ въ восточной части Европейской Россіи: „Нынѣшніе епифаняне попы и послѣдующіе имъ и понынѣ исчезнувшу Епифанію въ отступленіи, вѣру къ нему мертвому душою и тѣломъ, яко аріане Арію, въ проходѣ пораженну, главу въ порты забиту, вѣру храняху, сице епифаняне къ Епифанію. А понеже отцы наши (керженскіе) до пріему Епифаніева вѣтковскихъ поповъ согласія отказашася и причастія ихъ служенія пріимати отрекошася и во время требованія совѣта къ пріятію Епифанія за епископа отказашася и общимъ совѣтомъ положиша ѣздящимъ въ Москву къ попамъ московскимъ подъ руку ко благословенію не ходити, и во время ихъ служенія за службу молитися не ходити, ни съ дѣтьми духовными ихъ ни ясти, ни пити, ни молитися, якоже и было, и быти неотложно сему узаконенію тверду быти. Но понеже, яко же пишется, пастыремъ о овцахъ небреженіе и людское ко священникомъ непокорства належаніе, зане вси по своей волѣ ходятъ, особливо здѣшній народъ, не хощетъ время плачевное призвати — время опасное сѣтовное. Пользовахомся священствомъ, священниками, священноиноками, и иноками честными и инокинями, глубокою старостію

---

*) Есть у раскольниковъ сочиненіе: «Альфа и Омега въ седьми толковомъ Апокалипсисѣ пророченная, отъ него же нѣчто на исправленіе прорекъ сущимъ во Асіи Малороссійской». Она написана въ Стародубьѣ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и заключаетъ въ себѣ обличеніе старообрядцевъ семи слободъ: Клинцовъ, Злынки, Климовой, Зыбкой, Вѣтки, Крупца и Воронка. Здѣсь Епифаній послужилъ поводомъ для укора Вѣткѣ. Вотъ обличеніе ея: «Ангелу вѣтковскія церкви напиши: вѣмъ твои дѣла, яко ни студенъ еси ни теплъ, сего ради изблевати тя имамъ, зане, *егда держался еси благочестія лавры Кіева* и догматовъ Аввакумовыхъ, то *стяжалъ еси епископа и владыку еси и посьялъ еси, иде же не сьялъ.* Но егда вознесся еси паче Капернаума, то и позналъ еси, яко же блудница оная вавилонская, отъ вина же ся любодѣянія упишася никоніане и языцы мнози. Но и ты исполнилъ еси мѣру ихъ, чего ради отъята бысть благодать твоя и преселена во обитель Климовскую (намекъ на перенесеніе первой раскольнической Покровской церкви послѣ выгонки 1735 года изъ Вѣтки въ стародубскую слободу Климову), яже есть Новый Іерусалимъ. И ты убо притецы и припаде къ сосуду моему избранному, Михаилу блаженному (попъ Михаилъ Калмыкъ, одна изъ замѣчательныхъ личностей въ расколѣ, жившій въ слободѣ Климовой), да спасешися отъ недута своего и исцѣлѣеши. Имѣяй уши слышати, да слышитъ».

и свѣдинами и разумомъ духовнымъ украшенными, егда быша священноинокъ Никифоръ, священноіерей Іоаннъ (иже потомъ отъ Никифора постриженъ священноинокомъ) Іовъ *) и съ нимъ Василій Торжковецъ и по нихъ Іаковъ Варламовъ, не ошибиться бы, мнится Аврааміемъ Галицкимъ принятый, но много разнства видится отъ тогда бывшихъ священниковъ и отъ сущихъ нынѣ. Тіи сами не хотяще своя души погубити, знавше премѣну благочестія оставляюще приходы, приходяще ко священноинокомъ, священникомъ и инокомъ, хотяще токмо при нихъ спасти своя души, а не пастыти, учитися, а не учити; и по усмотрѣнію отецъ умоляеми, народныя ради пользы и принуждаеми нужды ради спасительная исправлять и не хотяще; а нынѣшнихъ посылаютъ искати яко на положенное и припасенное. Сыскавъ умоляемъ: „Поѣдемъ, рѣчемъ имъ: видно, скудное житіе твое, а у насъ и тысящи нажить можешь". И привезши соборуемъ, како исправимъ. И аще мы до глубокой старости ищемъ ихъ по подобію, яко по чужимъ житницамъ не зерны, но охоботіе и паздеріе собираемъ, а младыя дѣти гдѣ получати будутъ и сыскивати, что не отъ обливанцевъ? Вси говоримъ: „невозможно безъ попа быти: Господь не умираетъ и священство его не престаетъ". Подлинно у епифановщины не перестанетъ. Почто перестать? Вся вселенная полна поповъ, не токмо поповъ, но и большаго чина всякаго полна вселенная, церковнаго причта".

Еще сильнѣе были укоры со стороны безпоповщинскихъ раскольниковъ, напримѣръ, Ивана Алексѣева въ „Исторіи бѣгствующаго священства". Многіе самые горячіе приверженцы Епифанія и поставленныхъ отъ него поповъ стыдились черезъ нѣкоторое время сознаваться, что они когда-то принадлежали къ согласію епифановщины.

V.

Аѳиногенъ.

Какъ паденіе стараго Керженца способствовало возвышенію Вѣтки, такъ въ свою очередь паденіе Вѣтки было причиною быстраго возвышенія слободъ Стародубскихъ. Здѣсь поселилась бо́льшая часть выведенныхъ Сытинымъ изъ-за литовскаго рубежа старообрядцевъ. До того въ Стародубьѣ мало было поповъ, и жившіе въ тамошнихъ лѣсахъ старообрядцы такъ одичали, что болѣе походили на какихъ-то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей. Грамотныхъ у нихъ вовсе почти

*) Іовъ ушелъ потомъ на Уралъ къ раскольникамъ, на Демидовскіе заводы, и пользовался огромнымъ уваженіемъ тамошнихъ старообрядцевъ. Похороненъ онъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, на старообрядческомъ кладбищѣ Нижне-Тагильскаго завода, и признается святымъ. Ежегодно 29-го мая, на день его ангела, и 4-го сентября, на день его смерти, стекается до пяти тысячъ народа для его поминовенія и для поклоненія его гробницѣ (см. дѣло департам. об. дѣлъ мин. вн. дѣлъ, 1837 года. 17-го мая, № 64).

не было, и кто съ трудомъ и запинаясь на каждомъ словѣ умѣлъ читать „Часословъ“, тотъ считался уже великимъ богословомъ. Старики правили службу только по „Часослову“ и „Псалтыри“, другихъ книгъ и знать никто не хотѣлъ. Такъ, когда однажды въ слободу Злынку привезъ одинъ старообрядецъ изъ Москвы старопечатный „Октоихъ“ и велѣлъ читать по немъ канонъ, то едва успѣли сказать начальныя слова первой пѣсни: „Колесницегонителя Фараона погрузи“, поднялся страшный шумъ. „Что̀ это за книга?—кричали злынковскіе старообрядцы:—зачѣмъ она здѣсь? Что̀ въ ней за колеса да фараонъ? Это по новой вѣрѣ! Это книга никоніанская, еретическая. Въ печь ее, да сжечь!“ Когда же поселились здѣсь вѣтковскіе раскольники, жизнь въ Стародубьѣ измѣнилась: явились промышленность и торговля, завелись вскорѣ и фабрики. Въ Клинцахъ особенно развилась фабрикація суконъ. Начались дѣятельныя сношенія съ Москвой и Петербургомъ, явились значительные капиталы. Построеніе церквей и появленіе поповъ въ достаточномъ количествѣ придало большой блескъ Стародубью, и оно сдѣлалось средоточіемъ всей разсѣянной по Руси и по зарубежнымъ мѣстамъ поповщины. Неблагосклонно смотрѣли однако коренные стародубляне. Когда зарубежные выходцы стали у нихъ въ слободахъ ставить церкви, они возроптали и произвели мятежъ. „Зачѣмъ намъ церкви?—говорили они.—Наши отцы отъ церкви изъ Россіи ушли; у насъ церквей слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣ церкви и въ нашихъ мѣстахъ строятъ“,—и чуть не сожгли ихъ. Когда въ новопостроенныхъ церквахъ начали служить обѣдню, большой ропотъ опять поднялся отъ коренныхъ жителей Стародубья:

— Что̀ это за попъ? — говорили они. — Самъ причастье работаетъ! Развѣ это можно? У насъ было причастье старое, а это все новая вѣра!

Спустя нѣсколько лѣтъ смягчились немного нравы стародубскихъ дикарей, и они мало-по-малу слились съ зарубежными пришельцами въ однѣ общины. Упорныхъ осталось немного. Но въ нѣкоторыхъ слободахъ *) все-таки никакъ не могли рѣшиться на постройку церквей, довольствуясь часовнями, хотя и имѣли въ свое время полную возможность и достаточно средствъ къ устройству церквей.

Въ слободѣ Зыбкой (нынѣ уѣздный городъ Новозыбковъ, Черниговской губерніи) была въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія часовня дьяконовщины, на мѣстѣ которой, не ранѣе 1771 года, построена была церковь Рождества Христова. При ней, съ 1739 года, былъ бѣглый попъ Патрикій, ревностный послѣдователь дьякона Александра, казненнаго въ 1720 году, въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Нижнемъ базарѣ. Патрикій былъ человѣкъ хитрый, умный, начитанный и

*) Въ Воронкѣ, Ардонѣ, Святской, Радулѣ, Млинкѣ, Митьковкѣ, Шеламѣ, Чуровичахъ, Деменкѣ и Тимошкиномъ-Перевозѣ. Тутъ были только часовни. Церкви были въ Климовой, Зыбковой, Злынкѣ, Клинцахъ, Лужкахъ, Еленкѣ и Добрянкѣ.

честолюбивый. Онъ пріобрѣлъ огромное вліяніе на старообрядцевъ дьяконовскаго согласія, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Высокій ростомъ, съ бѣлыми волосами, съ бородой едва не до колѣнъ, сановитый, съ важною поступью, — онъ внушалъ къ себѣ чрезвычайное уваженіе. Жизни былъ строгой, подвижнической и самыхъ честныхъ правилъ. Его называли даже „патріархомъ". И во всемъ „дьяконовомъ согласіи" онъ дѣйствительно былъ верховнымъ правителемъ духовныхъ дѣлъ: назначалъ поповъ, судилъ ихъ и мірянъ, разсылалъ увѣщательныя и обличительныя посланія. Словомъ, Патрикій стоялъ во главѣ сильной еще тогда дьяконовщины.

Тревожила нерѣдко и Патрикія мысль, не оставлявшая издавна старообрядцевъ. „Вѣдь только та церковь свята и истинна,—думалъ онъ:— гдѣ преемственно сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи; а гдѣ у насъ епископы?"

Въ 1749 году явился въ Зыбкую молодой монахъ, по говору великоруссъ, человѣкъ пылкаго характера, остраго ума, отлично знавшій церковные уставы, краснорѣчивый, ученый, знавшій даже по-латыни, говорившій по-французски и по-польски. Наружность его была чрезвычайно красива: высокаго роста, дородный, съ блѣднымъ лицомъ, съ блестящими умными глазами, съ черными, какъ смоль, волосами и съ такою же широкою, длинною, окладистою бородой. Голосъ у него былъ свѣтлый и громкій, держалъ онъ себя сановито и имѣлъ самыя изящныя манеры, доказывавшія, что онъ, если не постоянно, то весьма часто обращался въ хорошемъ обществѣ. Молодой чернецъ говорилъ, что происходитъ онъ изъ дворянской фамиліи, какой—мы не знаемъ. И это было вѣрно, что онъ хорошаго роду. Платье на этомъ чернецѣ-дворянинѣ было обыкновенное монашеское, старообрядческое, но камилавка и кафтырь какъ-то особенно ловко сидѣли на немъ. На кафтырѣ и на келейной мантіи, которую старообрядческіе монахи и монахини носятъ какъ пелеринку, обычная красная оторочка въ родѣ кантика выложена была изъ яркаго кармазиннаго сукна, бросавшагося издали въ глаза. Все было на чернецѣ такъ чисто, такъ опрятно, такъ щеголевато. Называлъ онъ себя священноинокомъ (то-есть іеромонахомъ) Аѳиногеномъ, говоря, что, познавъ истину „древляго благочестія", презрѣлъ онъ почести и славу и пошелъ, Бога ради, странствовать, изыскивая хорошаго мѣста между ревнителями стараго обряда, гдѣ бы могъ проводить до конца дней своихъ тихое и безмятежное житіе.

Въ Зыбкой приняли новаго пришельца. Тамъ всякаго принимали. Съ первыхъ же дней замѣтилъ Аѳиногенъ, что зыбковскіе слобожане имѣютъ слѣпую вѣру къ Патрикію. Что̀ Патрикій скажетъ, то и законъ для всѣхъ. И сталъ онъ употреблять всѣ средства, чтобы понравиться стародубскому „патріарху". Старику Патрикію крѣпко по душѣ пришелся красивый, скромный, ученый молодой чернецъ; онъ полюбилъ его, какъ сына, и даже помѣстилъ у себя въ домѣ, проводя съ нимъ все

время въ разумныхъ и учительныхъ бесѣдахъ. Аѳиногенъ совершенно очаровалъ Патрикія своимъ бойкимъ умомъ и обширными свѣдѣніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенною набожностью и подвижничествомъ.

Патрикій нахвалиться не могъ своимъ нареченнымъ сынкомъ. „Его самъ Богъ ровно съ небесъ послалъ къ намъ“,—говаривалъ онъ и прочилъ Аѳиногена себѣ въ преемники. И быстро разнеслась добрая слава объ Аѳиногенѣ по всему Стародубью и во вновь возникшихъ на пеплѣ разоренныхъ Сытинымъ слободахъ Вѣтковскихъ. Однажды, въ задушевной бесѣдѣ, Патрикій высказалъ сынку своему тяготившую его мысль о необходимости имѣть правильнаго епископа. Молодой чернецъ совершенно соглашался съ Патрикіемъ, но съ какою-то таинственностью постоянно уклонялся отъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Еще казалось страннымъ Патрикію, что, несмотря на доброе и спокойное житье въ Зыбкой, подъ крылышкомъ самого Патрикія, Аѳиногена все тянуло за границу. Таинственно намекалъ онъ, что у него въ Петербургѣ есть сильные враги, власть имѣющіе, которые никакъ не простятъ того, что онъ познялъ „древлее благочестіе“ и ушелъ странствовать, что они опасаются, чтобъ Аѳиногенъ не разсказалъ кое-чего ему извѣстнаго, а отъ этого-де пойдетъ по государству великая крамола, и многимъ сильнымъ людямъ не сносить тогда головы. Хитро намекалъ Аѳиногенъ и на то, что вотъ недавно по милости Епифанія разорили Вѣтку и всѣ зарубежныя слободы, а если про него въ Петербургѣ узнаютъ, гдѣ онъ находится — во всемъ Стародубьѣ камня на камнѣ не останется. „А я не желаю, чтобъ изъ-за меня грѣшнаго пострадали православные христіане, свято хранящіе древніе уставы“.

— Но кто же такой? Какія у тебя обстоятельства были съ сильными міра сего?—спрашивалъ у Аѳиногена Патрикій.

— Честный отче! — отвѣчалъ чернецъ: — ты видѣлъ мои бумаги, знаешь, что я не кто другой, какъ грѣшный священникъ Аѳиногенъ. Не искушай меня болѣе. Мое со мной и останется.

И заводилъ Аѳиногенъ рѣчь о томъ, какъ, при бывшихъ недавно перемѣнахъ въ правленіи, лица, стоявшія на самыхъ высокихъ степеняхъ, падали и въ Сибирь отсылаемы были на вѣчное житье, что самъ бывшій императоръ Иванъ Антоновичъ и мать его, бывшая правительница государства, томятся въ безвѣстномъ заключеніи.

— А если бы,—говорилъ онъ:—Анна Карловна *) съ Божьею помощью возвратилась, и сѣлъ бы на престолѣ царь Иванъ Антоновичъ, процвѣло бы тогда „древлее благочестіе“, такъ же, какъ и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, потому что и Анна Карловна и царь Иванъ Антоновичъ, въ несчастіи находясь, истинную вѣру познали.

Патрикій, въ свою очередь, уклонялся отъ подобныхъ разговоровъ. Въ то время за подобныя слова угрожала тайная канцелярія, кнутъ, и

*) Анну Леопольдовну въ народѣ звали больше Анной Карловной.

если не смертная казнь, то ужъ навѣрное сибирскіе рудники или неисходное житье въ какомъ-нибудь Рогервикѣ или Шлиссельбургѣ.

Пріѣхалъ въ Зыбкую зарубежный старообрядецъ, по имени Марко, и привезъ отъ жителей главной побужской слободы, Борской, просительную грамоту на Вѣтку, въ которой они умоляли тамошнихъ отцовъ, „на утѣшеніе духовныхъ печалей, яко народъ жаждетъ священника“, для исправленія духовныхъ требъ прислать достойнаго іерея. Побужскій посланецъ на Вѣткѣ, едва возникшей послѣ разгрома 1735 года, нашелъ „великое оскудѣніе священства“. Оттуда некого было послать на Бугъ: тамошніе отцы сами просили у стародублянъ попа своего согласія. Марко поѣхалъ далѣе, перебрался черезъ границу и прибылъ въ Стародубье. Зная, что у Патрикія много было стараго причастія, Марко обратился къ нему, прося его пріѣхать на время въ Борскую слободу или же прислать кого-либо за себя съ достаточнымъ запасомъ причастія. Честолюбивому Патрикію было очень лестно такое приглашеніе, но самому нельзя было предпринять дальнюю поѣздку: и преклонность лѣтъ, и необходимость пребыванія въ Стародубьѣ, гдѣ кипѣли тогда раздоры между старообрядцами, препятствовали его поѣздкѣ, да стародубляне его согласія, пожалуй, и не пустили бы его. Онъ придумалъ послать вмѣсто себя любимаго сынка своего. Когда онъ сказалъ о такомъ намѣреніи Аоиногену, тотъ смиренно отвѣчалъ, что чувствуетъ себя недостойнымъ идти на такой великій, апостольскій подвигъ, но готовъ творить волю пославшаго.

Вотъ что̀ писалъ Патрикій старѣйшинамъ Борской слободы, Пимену Иван[.]вичу и Ивану Кондратьевичу:

„Господамъ моимъ, предавшимъ себе за свидѣтельство Іусъ Христово, Пимену Ивановичу, Ивану Кондратьевичу, и всѣмъ православнымъ христіаномъ слободы Борской благодать Божья и благословеніе да умножатся. Извѣстившеся чрезъ посланнаго отъ васъ, раба Божья Марка, съ писаніемъ на Вѣтку, яко зѣльнѣ народъ жаждетъ священника, на утѣшеніе духовныхъ вашихъ печалей, обрѣтше священноинока Аоиногена, посылаемъ вамъ въ пастыря, котораго для нѣкоторыхъ нуждъ, понеже должно послать въ Великую Россію, того ради какъ пріидетъ время, молю васъ самого дѣля Христа Господа, ему споспѣшествуйте, самого же его, аки мою утробу, пріимите, повинующеся во страсѣ Божіи; несомнѣнно бо уповаемъ, яко егда получите его, и дѣло православнаго ученія и послуженія со страхомъ Божіимъ будетъ въ васъ содѣлываемо. Возвѣщаемъ же, братія, яко древлее наше благочестіе отвсюду гонимо, въ пастырехъ скудость, а овцы всюду умножаются. Тѣмъ же съ сущею въ васъ церковію молитеся, да не внидемъ въ напасть, но да здравы, обще съ вами, мирно потерпимъ дне Господня. Аминь. Всегда молящійся о душахъ вашихъ и промышляющій о добрѣ ихъ вѣчномъ, свидѣтель Господа нашего Іусуса Христа іерей, Патрикій. 1750 года“.

Другое подобное посланіе писалъ Патрикій на Вѣтку въ Пахоміевъ, что на рѣкѣ Сожѣ, въ 8 верстахъ отъ Вѣтковской слободы, дьяконовскаго согласія монастырь *), къ тамошнему настоятелю, черному попу Игнатію съ братіей, которымъ рекомендовалъ Аѳиногена. „Слышахомъ,—писалъ онъ:—васъ болѣзнующихъ лишеніемъ духовнаго пастыря и отца (вѣроятно, Пахомія, основателя монастыря, незадолго передъ тѣмъ умершаго), болѣзнь вашу съ нашею соединяемъ и купно сострадаемъ и зѣльнѣ соболѣзнуемъ... дотолѣ страдахомъ и рыдахомъ, доколѣ всеблагій промышленникъ не услыша насъ и плача нашего не остави и бездѣльно возвратитися въ нѣдра наша, и не посла въ общее утѣшеніе ваше и наше, *аки свыше*, священноинока Аѳиногена. То получивше, отрохомъ слезы наша, зане обрѣтохомъ и православно мудрствующа, и готова суща, рекше послушествовати къ вамъ, его же абіе и послахомъ“ **).

Перейдя рубежъ, Аѳиногенъ вздохнулъ свободнѣе, ибо были въ его жизни обстоятельства, по которымъ ему дѣйствительно было небезопасно оставаться въ русскихъ предѣлахъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Гомелѣ и Пахоміевомъ монастырѣ, онъ проѣхалъ на Бугъ, и тамъ, въ слободѣ Борской, старшины Пименъ Ивановичъ и Иванъ Кондратьевичъ и всѣ старообрядцы встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Поселившись здѣсь, вскорѣ успѣлъ онъ привлечь къ себѣ всѣхъ жителей побужскихъ слободъ. Это люди были богатые, зажиточные; хорошее житье у нихъ было Аѳиногену. Одного только недоставало имъ: давно желали они имѣть вмѣсто часовенъ хоть одну церковь, на что не пожалѣли бы никакихъ денегъ, да антиминса не было, стало-быть, и церковь нельзя было святить. Узнавъ о такомъ желаніи ихъ, Аѳиногенъ сказалъ однажды на общемъ сходѣ: „у меня есть древній антиминсъ, стройте церковь, а я могу освятить ее“. Въ Борской слободѣ построили деревянную церковь, и Аѳиногенъ освятилъ ее во имя Знаменія Богородицы. Благодарные старообрядцы щедро вознаградили Аѳиногена за антиминсъ и освященіе церкви, при которой онъ и остался священнодѣйствовать. Здѣсь онъ велъ самую строгую жизнь, что̀ въ глазахъ старообрядцевъ составляетъ главное. Блѣдное лицо говорило о его постничествѣ, и онъ дѣйствительно былъ великій постникъ и неуклонно исполнялъ всѣ обѣты монашества и всѣ правила устава. Говорилъ онъ красно, учительно, поражалъ грубыхъ, малосвѣдущихъ старообрядцевъ блестящимъ умомъ и обширными свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ знаній, удивлялъ ихъ бѣглымъ разговоромъ по-польски и основательнымъ знаніемъ латинскаго языка. Дѣйствительно, кромѣ поморскихъ расколоучителей, князей Мышецкихъ, расколъ до того времени не имѣлъ еще такого ученаго человѣка, каковъ былъ Аѳиногенъ. Уваженіе къ нему

*) Нынѣ упраздненъ. Въ немъ двѣ запечатанныя церкви, моленная и келья—все деревянное, ветхое.

**) У Андрея Іоаннова Журавлева, стр. 287—290.

росло, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Водясь съ старообрядцами уже два года, онъ замѣтилъ, какъ всѣ они чувствуютъ необходимость имѣть своего епископа, и притомъ такого, который бы не быть обливанцемъ, подобно Епифанію. Почти всѣ зарубежные старообрядцы рѣшительно желали епископства; въ Россіи главнымъ мѣстомъ проповѣди о необходимости имѣть святителя было Стародубье, и именно тѣ общины, которыя держались дьяконовскаго толка. Оттуда еще въ 1745 году разсылались увѣщательныя письма о томъ, чтобы всѣми силами и общими средствами искать правильнаго архіерея. Одно изъ такихъ посланій сохранилъ о. Журавлевъ въ своемъ сочиненіи *): „желаемъ отъ васъ тщаніе о лучшемъ, сказано въ немъ, сіе есть елико сила ходатайствовать святительство: источникъ священства". Замѣтивъ, что и поселившіеся на Бугѣ старообрядцы весьма желаютъ получить епископа, Аоиногенъ рѣшился сдѣлаться архіереемъ. Искать хиротоніи у ясскаго или у другого какого-либо митрополита было затруднительно, и мало было надежды на успѣхъ, а потому и рѣшился онъ на поступокъ небывалый до того времени въ средѣ старообрядцевъ —сдѣлался самозванцемъ-епископомъ. Ловкій Аоиногенъ очень хитро повелъ дѣло. Придутъ, бывало, къ нему въ келью съ какою-нибудь надобностью, а онъ сидитъ задумавшись и, услышавъ шаги вошедшихъ, какъ бы опомнится и благословитъ обѣими руками, по-архіерейски, а потомъ смутится, замѣшается и поведетъ рѣчь о чемъ-нибудь постороннемъ. Положитъ, бывало, въ углу подъ образами вмѣстѣ съ епитрахилью и омофоръ, чтобы приходившіе къ нему могли это замѣтить. Аоиногенъ очень любилъ дѣтей: встрѣтитъ, бывало, на слободской улицѣ ребятишекъ, непремѣнно подойдетъ къ нимъ, каждаго порознь благословитъ, въ головку поцѣлуетъ, орѣхами, пряниками и другими лакомствами всѣхъ одѣлитъ. Мальчики полюбили добраго попа, стали къ нему въ келью ходить; онъ ихъ грамотѣ училъ, гостинцами одѣлялъ. Такая любовь къ дѣтямъ, разумѣется, еще болѣе увеличила приверженность родителей къ Аоиногену. Иной разъ распахнутся нежданно двери его кельи, вбѣжитъ рѣзвая толпа дѣтей, и станутъ мальчики молча, какъ вкопаные: ихъ добрый попъ, ихъ любимый учитель молится Богу въ епатрахили и омофорѣ. Дѣти и говорятъ дома, что застали они попа на молитвѣ, а стоитъ онъ и молится не въ одной, а въ двухъ епитрахиляхъ — одна, какъ надо быть у попа, а другая еще на плечахъ положена. Пошли таинственные толки. Заводятъ наконецъ старики рѣчь съ Аоиногеномъ объ одномъ предметѣ, но онъ всячески уклоняется отъ разговоровъ. Говорятъ ему про дѣтскіе разсказы, а онъ отвѣчаетъ, улыбаясь: „Что про нихъ говорить! Извѣстное дѣло, — малыя дѣти, неразумныя. Мало ли чего они, по глупости своей, ни наскажутъ!" Пришелъ Троицынъ день;

*) Андрей Іоанновичъ Журавлевъ. «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 280—285.

Аѳиногенъ въ Знаменской церкви служилъ обѣдню и вечерню. Въ эту вечерню читается особая молитва Св. Духу. У насъ, въ православной церкви, во время чтенія ея всѣ стоятъ на колѣняхъ, а у старообрядцевъ, по ихъ обряду, „лежатъ на листу", то-есть падаютъ ницъ на цвѣты и листья, которые держатъ въ рукахъ, и остаются въ такомъ положеніи до самаго конца молитвы. Кончивъ ее, Аѳиногенъ благословилъ лежащій народъ обѣими руками, какъ епископъ. Это было замѣчено; пошелъ новый говоръ, сильнѣе прежняго, но, какъ ни приставали къ Аѳиногену, онъ рѣшительно отказался отъ всякихъ объясненій, говоря, что видѣвшимъ, будто онъ благословляетъ обѣими руками, должно-быть, почудилось. Черезъ нѣсколько времени проѣзжалъ черезъ Борское старообрядческій попъ. Аѳиногенъ воспользовался случаемъ, чтобъ исповѣдаться. Духовникъ сталъ его исповѣдывать, какъ священноинока *); Аѳиногенъ остановилъ его.

— Отче,—сказалъ онъ:—азъ есмь епископъ, а потому исповѣдать, разрѣшать и молиться за меня, грѣшнаго и недостойнаго, изволь надлежащимъ порядкомъ. Я епископъ Лука...

Въ смущеніе пришелъ духовникъ. И не смѣлъ много его спрашивать. Аѳиногенъ самъ сказывалъ:

— Получилъ азъ, смиренный, великаго архіерейства хиротонію отъ сибирскаго митрополита Антонія **), удѣльной епархіи у себя не имѣлъ, а находился при нѣкоемъ великоважномъ темничникѣ. И, узнавъ старую правую вѣру, оставилъ всю честь свою и достоинство, и предпріялъ Бога ради странствовать.

— Кто же этотъ темничникъ?—спросилъ духовникъ.

— О немъ никому неизвѣстно, — отвѣчалъ колѣнопреклоненный Аѳиногенъ, смиренно поникнувъ головой.

— Но рцы ми тайну сію,—возразилъ духовникъ.—Мнѣ, какъ отцу твоему духовному, *подобаетъ* знати вся сокровенная души твоей, не мнѣ бо, недостойному, глаголати будеши, но самому Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу.

— Дай мнѣ того Господа нашего во свидѣтели, — отвѣчалъ испо-

---

*) Послѣдованіе исповѣди архіерейской, по уставу, нѣсколько отлично отъ исповѣди священнической.

**) Преосвященный Макарій въ своей «Исторіи русскаго раскола» (стр. 309) говоритъ, что Антонія, митрополита сибирскаго, не бывало. Напротивъ, въ XVIII ст. было два Антонія, митрополита сибирскихъ. Одинъ, по фамиліи Стаховскій, изъ архимандритовъ Новгородъ-Сѣверскаго Спасскаго монастыря, рукоположенъ въ санъ архіепископа черниговскаго въ 1713 году; въ 1720 онъ переведенъ былъ въ Тобольскъ, гдѣ и былъ, именуясь «сибирскимъ и тобольскимъ» митрополитомъ, до 27 марта 1740 г., когда скончался. Другой, по фамиліи Нарожницкій, изъ намѣстниковъ Троицко-Сергіевской лавры посвященъ въ митрополиты сибирскіе 26-го сентября 1742 года и скончался въ Тобольскѣ 9 октября 1748 года. Аѳиногенъ говорилъ, конечно, о Нарожницкомъ (см. преосвященнаго Амвросія «Исторію россійской іерархіи», т. I, стр. 111, 112).

вѣдникъ:—что, когда я объявлю тебѣ нѣкую о себѣ тайну, тебѣ бы оную никому не открыть.

— Даю во свидѣтели Господа нашего Іисуса Христа,—сказалъ попъ.

— Присягни же передъ животворящимъ крестомъ и святымъ евангеліемъ.

Попъ присягнулъ и снова спросилъ Аѳиногена:

— Какой же это темничникъ, при коемъ мало что священноіерея, а даже и епископа нарочно держать?

Аѳиногенъ склонился еще ниже передъ священниковъ и едва слышнымъ голосомъ сказалъ:

— Императоръ и самодержецъ всероссійскій Іоаннъ Антоновичъ.

— Гдѣ же онъ?

— Въ Сибири *), въ дальнихъ мѣстахъ, томится въ заключеніи вмѣстѣ съ своею родительницею, великою княгиней Анною Карловною. Долго находился я при ихъ высокихъ особахъ; уразумѣвъ же древлее благочестіе, бѣжалъ изъ дворца ихъ императорскаго величества и переименовалъ себя Аѳиногеномъ **).

И сталъ духовникъ исповѣдывать *епископа Луку* по чину архіерейскому.

Духовникъ ли огласилъ тайну исповѣди, самъ ли Аѳиногенъ, — неизвѣстно, но молва объ его архіерействѣ росла болѣе и болѣе. Въ разговорахъ же съ старообрядцами Борской слободы онъ попрежнему держалъ себя уклончиво, избѣгая разспросовъ объ его прежней судьбѣ, но въ то же время писалъ много писемъ въ разныя зарубежныя старообрядческія мѣста, не называя прямо себя архіереемъ, „но хитро давая знать о себѣ нѣчто великое“. Таинственность, которою окружилъ Аѳиногенъ свою личность, увеличивала съ каждымъ днемъ число его приверженцевъ.

---

*) Въ то время никто не зналъ, гдѣ содержится бывшій императоръ Іоаннъ и мать его Анна Леопольдовна. Мѣсто заключенія ихъ сохранялось въ глубочайшей тайнѣ. Вообще же полагали, что они въ Сибири. Поэтому и Аѳиногенъ, разсказывая вымышленную имъ исторію, говоритъ тоже о Сибири. Притомъ же принцессы Анны въ то время уже не было въ живыхъ. Она скончалась въ Холмогорахъ 7-го марта 1746 года; тѣло ея привезено въ Петербургъ и похоронено публично въ Александро-Невской лаврѣ со всѣми должными почестями.

**) «Дѣло святѣйшаго синода» 1757 года. По архивной описи № 337. Письмо лжеепископа Аѳима къ ясскому митрополиту Іакову, отъ 12-го декабря 1756 года. Въ 1741 году было покушеніе похитить трехлѣтняго Ивана Антоновича и увезти его за границу. Покушеніе это сдѣлалъ какой-то монахъ. Его и Ивана Антоновича поймали въ Смоленскѣ. Что сдѣлалось съ монахомъ—неизвѣстно, а несчастнаго ребенка переименовали въ Григорія и увезли въ Шлиссельбургъ (ср. Вейдемейера, «Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи». Спб. 1835, т. III, стр. 96). Нѣтъ ли тутъ чего общаго съ Аѳиногеномъ? Дѣла объ Аѳиногенѣ въ св. синодѣ нѣтъ, и мнѣ неизвѣстно, въ какомъ архивѣ находится изслѣдованіе объ этомъ загадочномъ человѣкѣ.

По зарубежнымъ старообрядческимъ общинамъ пошелъ сильный говоръ о новоявившемся епископѣ и достигъ до Молдавіи. Въ этой странѣ тогда уже было много бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ, какъ поповщинскаго, такъ и безпоповщинскаго толка. Въ Сучавскомъ цинутѣ, верстахъ въ двѣнадцати отъ города Фольтичени, близъ большой дороги изъ Яссъ въ Буковину, они построили большую слободу Мануиловку, которая и теперь считается главнѣйшимъ мѣстомъ старообрядцевъ, живущихъ въ румынскихъ княжествахъ. У нихъ было два мужскихъ и одинъ женскій монастырь и, сверхъ того, приходская церковь во имя Покрова Богородицы. Кромѣ того, въ самой молдавской столицѣ, въ Яссахъ, старообрядцы населили особое предмѣстье Забахлуйское. Въ городахъ Буташанѣ, Тыргуль-Фрумосѣ, Хирлеу, Бакео, Вислуѣ, Херце, Дорохоѣ, Романѣ, Вырлатѣ, Текуче, Фальчи, Хушѣ, Пятрѣ и Нямецѣ старообрядцы составляли болѣе или менѣе значительную часть мѣстнаго населенія, а нѣсколько деревень, называвшихся Липовенами *), подобно Мануиловкѣ, были сплошь населены старообрядцами **). Такія же исключительно старообрядческія селенія были Браташти и Костешти, близъ дороги изъ Яссъ въ Буковину. Въ нынѣшней Бессарабской области, тогда принадлежавшей Молдавіи, въ такъ-называемой Хотинской Раи, были также значительныя поселенія старообрядцевъ, въ селеніи Вѣтрянка былъ у нихъ монастырь, а въ селеніи Долгая-Поляна — церковь. Даже въ Валахіи явилось нѣсколько старообрядческихъ поселеній—деревня Липовени близъ Букареста, другая подлѣ Браилова, третья на Дунаѣ противъ Черноводы. Въ городахъ Браиловѣ и Фокшанахъ также жили русскіе старообрядцы и имѣли свои часовни. Всѣ молдовлахійскіе старообрядцы были довольно зажиточные; занимались они городскими промыслами, ремеслами и торговлей; весьма немногіе поселившіеся въ деревняхъ занимались хлѣбопашествомъ. Собственныхъ земель у нихъ не было, но они нанимали угодья у разныхъ владѣльцевъ, а большею частью у православныхъ монастырей и церквей. Народъ все ловкій, смышленый, проворный.

Молдовлахійскіе старообрядцы тоже желали имѣть особеннаго епископа и, когда дошелъ до нихъ слухъ объ Аоиногенѣ, послали къ нему звать его въ Волощину (такъ называли русскіе въ то время Молдовлахію или нынѣшнія дунайскія княжества). Посланцы пріѣзжали не одинъ разъ въ Борскую слободу и представляли Аоиногену жизнь въ Волощинѣ въ такомъ привлекательномъ видѣ, что онъ съ тѣхъ поръ только и думалъ, какъ бы поскорѣе перебраться за рѣку Прутъ. Но старооб-

---

*) Липовенами или Липованами зовутъ въ Румынскихъ княжествахъ Австріи и Пруссіи русскихъ раскольниковъ. Иначе «Пилипоны», что̀, по всей вѣроятности, происходитъ отъ слова «Филипповщина», послѣдователи которой были одни изъ первыхъ переселенцевъ за границу.

**) Подлѣ города Бутушаны, подлѣ города Вислуй и три деревни около Галаца.

рядцы побужскихъ слободъ не выдавали своего сокровища запрутскимъ единовѣрцамъ. Эти хотѣли-было силою отнять у нихъ Аѳиногена, и оттого бывали въ Борской слободѣ драки, — чуть до смертоубійства дѣло не доходило. Повторилась такая же вражда изъ-за епископа, какая была лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ между слобожанами вѣтковскими и гомельскими.

Аѳиногенъ однако перехитрилъ жителей Борской слободы. Онъ всѣмъ говорилъ, что не хочетъ въ Волощину, что, найдя у нихъ спокойное жительство, желаетъ жить и умереть въ Борской, и такимъ образомъ совершенно увѣрилъ ихъ, что онъ и не подумаетъ уйти отъ нихъ. Поэтому за нимъ не присматривали, и онъ разъѣзжалъ свободно. Вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что отецъ Патрикій послалъ вѣрныхъ людей въ Петербургъ и Москву для собранія справокъ объ его личности. Тогда онъ выѣхалъ изъ Борской слободы куда-то по сосѣдству, для исправленія духовныхъ требъ, и очутился за Прутомъ. Сначала онъ былъ въ Мануиловкѣ, потомъ жилъ въ Яссахъ, гдѣ представился господарю и митрополиту, Оба повѣрили, что Аѳиногенъ дѣйствительно русскій епископъ, и господарь далъ ему особую грамоту. Съ этою-то грамотою и разъѣзжалъ онъ по молдавскимъ и валахскимъ старообрядческимъ слободамъ, но чаще всего находился близъ Хотина, въ слободѣ Вѣтрянкѣ, Здѣсь онъ ли, его ли приближенные—распустили молву, что онъ посвященъ во епископы не въ Россіи, а въ турецкомъ городѣ Рени, проживавшимъ тамъ православнымъ браиловскимъ митрополитомъ Даніиломъ *). Слава о старообрядческомъ епископѣ распространилась по всѣмъ зарубежнымъ слободамъ: изъ Польши и изъ Молдовлахіи многіе пріѣзжали къ нему для поставленія поповъ, для испрошенія мира и антиминсовъ. На послѣдніе однакоже Аѳиногенъ былъ очень скупъ. Богатѣлъ же онъ не по днямъ, а по часамъ.

Но возвратимся въ Стародубье, въ слободу Зыбкую, къ отцу Патрикію. Туда, въ 1750 году, переѣхали изъ Орла и Коломны нѣсколько богатыхъ купцовъ; одинъ изъ нихъ, орловскій выходецъ, Ѳедоръ Григорьевичъ Сусловъ, отличался ревностью къ старому обряду, доходившею до фанатизма, и обширною начитанностью. Сусловъ и пріѣхавшіе съ нимъ вошли въ тѣсную связь съ Патрикіемъ. Они также сознавали, что церковь не можетъ быть безъ архіерея, и много хлопотали объ отысканіи епископа. Но исторія Епифанія научила ихъ быть крайне осторожными. Заподозрѣвъ всю Малороссію въ обливанствѣ, они непремѣннымъ условіемъ поставляли, чтобъ отыскиваемый ими архіерей непремѣнно былъ родомъ изъ Великой Россіи и, стало-быть, несомнѣнно крещенный въ три погруженія. Но въ это время (1750) изъ всѣхъ православныхъ архіереевъ только четверо было природныхъ великоруссовъ:

---

*) Такъ доносилъ нашъ резидентъ, находившійся въ Турціи, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Дѣло святѣйшаго синода (1757 г., № 337).

Алексѣй рязанскій, Илларіонъ астраханскій, Варсонофій архангельскій и Ѳеофилактъ воронежскій. Всѣ остальные были или малороссіяне, или греки. Конечно, ни на одного изъ этихъ четырехъ епископовъ - великоруссовъ старообрядцы не могли разсчитывать и потому старались какимъ бы то ни было образомъ доставить кому-либо изъ своихъ архіерейскій санъ. Сусловъ, бывъ по какимъ-то дѣламъ въ Борской слободѣ, говорилъ объ этомъ съ Аѳиногеномъ и чрезвычайно обрадовался, когда узналъ отъ него за великую тайну, что онъ, будучи кореннымъ великоруссомъ по происхожденію, будучи крещенъ въ три погруженія, имѣетъ санъ епископа. Говоря о своемъ архіерействѣ, Аѳиногенъ разсказалъ и Суслову придуманную имъ сказку о мнимомъ пребываніи при низложенномъ императорѣ. О чемъ такъ много и напрасно думали, на что едва смѣли надѣяться старообрядцы, само безъ хлопотъ явилось.

— Увѣрьте въ истинѣ словъ моихъ отца Патрикія,—говорилъ Аѳиногенъ, прощаясь съ Сусловымъ:—и убѣдите его пріѣхать поскорѣе ко мнѣ въ Борскую; я преподамъ сему свѣтильнику церкви архіерейскую хиротонію. Но скажите ему, чтобъ онъ не медлилъ. За великую тайну скажу вамъ, что мнѣ и здѣсь, въ областяхъ польскаго короля, отъ вашей русской царицы небезопасно. Хочу уѣхать подальше.

Съ Сусловымъ онъ послалъ къ Патрикію письмо, въ которомъ, увѣряя въ преданности, прямо объ архіерействѣ своемъ не писалъ, и даже подписался іеромонахомъ, но упомянулъ, что Суслову извѣстно, кто онъ. Вотъ это письмо:

„Всемогущаго Бога избраннѣйшему іерею и таинъ Его вѣрному служителю, благочестивѣйшему господину, господину Патрикію, червь, а не человѣкъ, землекасательное поклоненіе. Аще добраго пастыря долгъ, оставя девяносто и девять овецъ въ пустыни, сотной пойдтить, еже взыскивать, и обрѣтше оную на рамо возложа ко Отцу привесть, то сего словеснаго стада пастырю, владыко твой Христосъ взыскуетъ по тебѣ. Сіе пишу, не уча духопросвѣщенную твою душу, но горящею спасенія жаждою мысль хотя прохладити. Имѣеши мя, ожидающи благословенія твоего, имѣеши душу, самовольно пришедшую во овчарню Христову, имѣеши наконецъ человѣка, иже, кромѣ тебя, никому же можетъ открыти *тайну, всему благочестію необходимо нужную*. Чтò же объявлено отъ меня Божію угоднику, присланному отъ васъ, Ѳедору Григорьевичу, и то только о лицѣ моемъ, а не о намѣреніи. Пріиди убо, свѣтильниче міра, ниже презри написаннаго, аще же укосниши или не послушаеши, то Богъ отъ руку твоею многи души взыщетъ. Цѣлованіе устъ моихъ ногамъ твоимъ, цѣлованіе единомысленной братіи, ихъ же имена въ книгѣ животнѣй. Азъ, оканчивая, пребываю грѣшный о вашемъ здравіи молитвенникъ, іеромонахъ *Аѳиногенъ*» *).

*) Анд. Іоанн. Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 295—296.

Патрикій, какъ ни хотѣлось ему самому сдѣлаться архіереемъ, медлилъ отъѣздомъ въ Борскую слободу. Чтобы не впасть въ обманъ, рѣшили собрать предварительно въ Москвѣ и Петербургѣ справки о личности Аѳиногена. Ѣхали туда двое изъ коломенскихъ купцовъ, переселившихся въ Стародубье; имъ и поручено было развѣдываніе.

Прождавъ понапрасну немало времени Патрикія, Аѳиногенъ послалъ къ нему новое приглашеніе черезъ старшину Борской слободы, Ивана Кондратьевича, которому также сказалъ про себя, что онъ епископъ Лука, находившійся при императорѣ Іоаннѣ. Но и на этотъ разъ въ письмѣ, посланномъ въ Зыбкую, онъ не называлъ себя архіереемъ, на нѣкоторое время „хотя (оставаться), какъ писалъ онъ, подъ образомъ прикровеннымъ, страха ради отъ лжебратіи, и ради своихъ же". Патрикій, получивъ это письмо, сказалъ Ивану Кондратьевичу, что ужъ послано въ Москву и Петербургъ для удостовѣренія въ истинѣ сказываемаго Аѳиногеномъ, а до полученія оттуда вѣрныхъ свѣдѣній ни онъ ни стародубляне его согласія не предпримутъ ничего рѣшительнаго. Какъ скоро Аѳиногенъ узналъ, что старообрядцы, жившіе въ Стародубьѣ, не такъ легковѣрны, какъ онъ полагалъ, то, ожидая, что справки о немъ будутъ вовсе не въ его пользу, уѣхалъ изъ Борской слободы. Находясь уже въ Ясахъ, онъ послалъ въ Зыбкую къ отцу Патрикію своего старца Митрофана съ новымъ пригласительнымъ письмомъ, въ которомъ уже называлъ себя епископомъ. Настоятельно просилъ онъ Патрикія, а также уставщика Григорія Яковлевича и другихъ изъ стародубской братіи, пріѣхать къ нему, чтобъ получить отъ него архіерейскую хиротонію, „дабы тѣмъ возстановить чинъ церковный и не быти отъ иновѣрныхъ въ томъ поруганіи, въ которомъ даже донынѣ пребываемъ". Пользуясь покровительствомъ господаря, Аѳиногенъ уже не опасался за свою личность и просилъ Патрикія, прочитавъ публично его посланіе, разослать „точно списанное безъ прибавки и убавки въ великороссійскіе грады, дабы чтущіе и слышащіе оное прославляли Бога, творящаго дивная и ужасная, великая же и славная".

Но не пришлось Патрикію разсылать письма Аѳиногеновы по городамъ Великой Россіи. Коломенцы воротились въ Стародубье и привезли объ Аѳиногенѣ нехорошія вѣсти: онъ оказался самозванцемъ.

Случилось посланному изъ Стародубья ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ *). Они разговорились, и коломенскій купецъ

*) Можетъ-быть, съ Гурьевымъ, который въ 1745 году отвозилъ Іоанна и его родителей изъ Ораніенбаума (а не Раненбурга). Впрочемъ, подлежитъ большому сомнѣнію, чтобъ офицеръ сталъ въ то время разговаривать о «секретной коммиссіи» съ какимъ-нибудь попутчикомъ. Изъ сохранившихся дѣлъ о содержаніи подъ стражею Брауншвейгской фамиліи извѣстно, что всѣ по какимъ-либо случаямъ выбывавшіе изъ этой коммиссіи давали подписку въ томъ, что не будутъ ни съ кѣмъ говорить объ этомъ предметѣ, подъ опасеніемъ смертной казни за малѣйшую нескромность. Изъ духовныхъ лицъ при Брауншвейгскомъ семействѣ былъ одинъ іеромонахъ Илларіонъ.

узналъ отъ него, что онъ отвозилъ императора Іоанна. Тогда, заклиная офицера Богомъ живымъ, купецъ просилъ сказать ему, былъ ли сосланъ съ Іоанномъ кто-либо изъ духовнаго чина. Офицеръ съ клятвою увѣрилъ купца, что никого изъ духовныхъ тутъ не было. Добравшись до Петербурга, стародубскій посланецъ отыскалъ брата встрѣтившагося съ нимъ офицера и его тоже разспрашивалъ. И тотъ сказалъ, что дѣйствительно братъ его былъ посланъ при Іоаннѣ, но духовнаго чина при немъ не было. А изъ Москвы были получены извѣстія еще хуже. Тамъ свѣдали и въ дѣлахъ синодальной конторы выправили, что Аѳиногенъ не Аѳиногенъ и не Лука, не епископъ и даже не попъ, а іеродьяконъ Амвросій, бывшій въ Новомъ-Іерусалимѣ ключаремъ, растратившій монастырское имущество и, изъ опасенія законнаго наказанія, убѣжавшій къ зарубежнымъ раскольникамъ *).

Стародубье было озадачено такими извѣстіями. Очень боялись розысковъ и преслѣдованій со стороны правительства, если узнаютъ, что у нихъ, въ Зыбкой, нашелъ себѣ убѣжище такой преступникъ и довольно долгое время скрывался между тамошними старообрядцами. Тѣ, у которыхъ любезный сынокъ отца Патрикія исправлялъ требы, крайне соблазнялись, ибо оказалось, что онъ не только архіереемъ, но и попомъ никогда не бывалъ. Попы-самозванцы бывали между старообрядцами, — это не было какою-нибудь чрезвычайною новостью, но такого грѣха, такого соблазна, чтобъ явился лжеепископъ, еще не бывало. Посыпались на поповщину рѣзкіе укоры и язвительныя насмѣшки изъ слободы Злынки, отъ жившихъ тамъ безпоповцевъ. Ѳедоръ Сусловъ, дотолѣ приверженецъ Аѳиногена, привозившій изъ Борской слободы къ Патрикію его пригласительное письмо и на словахъ передавшій вѣсть объ его архіерействѣ, проклиналъ теперь лжеепископа и сталъ проповѣдывать о самомъ строгомъ изслѣдованіи прежнихъ обстоятельствъ, не только по отношенію къ епископамъ, но и попамъ, говоря, что правильные попы и архіереи не только должны быть непремѣнно великороссіяне, но притомъ такіе, которые бы рукоположеніе имѣли по восходящей линіи постоянно отъ архіереевъ-великороссіянъ, несомнѣнно въ три погруженія, а не обливательно крещенныхъ, до временъ патріарха Іосифа,

*) Іона Курносый говоритъ: «не попусти Богъ, ради препростыхъ душъ, спцевымъ прелестникомъ прельщати христіанъ, ибо въ то самое время пріиде справка изъ Москвы, что онъ, Аѳиногенъ, въ епископахъ не бывалъ, ни во іеромонахахъ, но церковь, при ней же діакономъ былъ, окралъ драгія вещи, каменіе, привѣсы, и въ Польшу бѣжа». Въ доношеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ святѣйшій синодъ, 27 мая 1757 года, сказано: «бѣжавшій напередъ сего изъ московскаго Воскресенскаго, называемаго Новый Іерусалимъ, монастыря іеродіаконъ Аивтиногенъ (sic) за границу, въ польскую раскольническую слободу Вѣтку, а оттуда въ Волощину, и, назвавъ себя архіереемъ, многихъ посвящалъ въ іереи и діаконы». См. «Дѣло святѣйшаго синода» 1757 года, № 337. Но на Вѣткѣ Аѳиногенъ не бывалъ, только временно былъ въ Пахоміевомъ монастырѣ, близъ города Гомеля.

безъ участія малороссіянъ, поголовно подозрѣваемыхъ въ обливанствѣ *). Отъ проповѣди Суслова произошли раздѣленія и раздоры въ поповщинскихъ общинахъ, какъ зарубежныхъ, такъ и великороссійскихъ.

О самозванствѣ Аѳиногена навѣрное узнали не ранѣе 1753 года. Патрикій немедленно написалъ къ нему письмо, въ которомъ не только не называетъ его епископомъ, но даже и іеромонахомъ, обращаясь къ нему, какъ къ монаху, съ обычнымъ титуломъ: „пречестный отецъ", и даже не посылая своему любезному сынку благословенія. Вотъ это письмо, замѣчательное по чрезвычайной уклончивости:

„Пречестному отцу Аѳиногену лицеземное поклоненіе. Вѣдомо ти буди, писаніе ваше чрезъ старца Митрофана и другое, нынѣ чрезъ посланнаго вашего человѣка, я получилъ, въ которыхъ о себѣ объявляешь и Бога свидѣтеля поставляешь, что сущая истина, и желаешь насъ прибыти къ вамъ: но обаче, пока не провѣдаемъ, не буду. А о чемъ прежде посланные наши, прибывшіе отъ васъ **), возвѣстили намъ о вашей фамиліи ***), слыша о васъ, и о чинѣ °), чрезъ кого бы увѣдомитися, то изнарочно отъ насъ посыланъ былъ человѣкъ до Москвы и до Петербурга, и того всего не сыскалось. Тожъ случилось ему ѣхать изъ Москвы до Петербурга съ офицеромъ, который-де офицеръ, между прочимъ, въ разговорахъ дорогою о себѣ извѣстилъ, что былъ онъ посыланъ съ показаннымъ тобою лицомъ, а духовнаго-де чина съ нимъ не было; то-де онъ на его словахъ не утвердился, но проѣхалъ до Петербурга, ходилъ изнарочно къ брату его родному, который тамо живетъ. И онъ тоже показалъ, что братъ его посыланъ былъ при томъ лицѣ, а духовнаго-де чина такова при немъ не имѣлось. И потому люди наипаче пришли въ сомнѣніе, а больше память *о имени Амвросіевѣ*, и нынѣ еще намѣрены послать до васъ человѣка изнарочно, да явиши ему чрезъ кого-бъ именно, о чемъ сказуешь, въ Нѣжинѣ грековъ и старцевъ, и бѣльцовъ увѣдомитись свидѣтельствомъ °°), чтобы что о тебѣ подлинно дознати и самую

*) Проповѣдь Суслова произвела раздѣленіе въ поповщинѣ. Образовалось такъ-называемое «Суслово мнѣніе», особенно принятое въ стародубскомъ посадѣ Лужкахъ и оттого въ настоящее время извѣстное подъ именемъ «Лужковскаго согласія». Іона Курносый принадлежалъ, кажется, къ этому согласію; онъ въ своемъ сочиненіи говоритъ, что въ его время былъ одинъ только архіерей великороссіянинъ, Дмитрій Сѣченовъ, да и тотъ рукоположенъ обливанцемъ Стефаномъ Яворскимъ: поэтому ни новыхъ поповъ ни новыхъ архіереевъ, по его мнѣнію, быть болѣе не можетъ. Но онъ ошибается, что Сѣченовъ рукоположенъ Яворскимъ. Онъ получилъ хиротонію при императорѣ Іоаннѣ 1 сентября 1741 года, т.-е. 19 лѣтъ по смерти Яворскаго, но посвящали его Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій, и Стефанъ Калиновскій, епископъ псковскій, — оба малороссіяне.

**) Сусловъ и Кондратьевъ.

***) О недошедшей до насъ дворянской фамиліи Аѳиногена.

°) То-есть объ епископскомъ санѣ.

°°) Обстоятельство, остающееся необъясненымъ. Вѣроятно, Аѳиногенъ

истинную правду показати могъ, понеже вещь сія не малая, и дѣло сіе суда правильна. Того ради, не испытавъ извѣстно, безъ сомнѣнія быти невозможно. Самъ разсуди праведно. И аще суть истина, яко же ты глаголеши, то не скрый отъ насъ, но яви подлинно кѣмъ увѣдомиться, безъ того бо о тебѣ единомъ увѣритися сомнительно. При семъ вамъ доброжелательный и отецъ духовный іерей *Патрикій* кланяюсь. Не поскорбѣти о семъ и не гнѣватися" *).

Слухи о самозванствѣ Аѳиногена распространились еще быстрѣе, чѣмъ предшествовавшіе имъ слухи объ его архіерействѣ. Они росли съ каждымъ днемъ, ряды приверженцевъ лжеепископа значительно рѣдѣли. Напрасно жившій у молдавскихъ старообрядцевъ, бѣглый изъ Россіи попъ Варлаамъ съ клятвою увѣрялъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, что Аѳиногенъ есть истинный и правильно поставленный епископъ; напрасно онъ увѣрялъ, что Аѳиногенъ, бывъ у него на исповѣди, присягу въ томъ принималъ; напрасно попы, рукоположенные лжеепископомъ, горячо стояли за своего архіерея и громогласно проповѣдывали о дѣйствительности принятаго имъ на себя сана, — слухи о его недобросовѣстности, объ обманѣ простодушныхъ, но ревностныхъ къ старому обряду людей до такой степени усилились въ Яссахъ, что самъ господарь, считая и себя обманутымъ этимъ ловкимъ пройдохою, велѣлъ его поймать и хотѣлъ повѣсить. Аѳиногенъ во-время свѣдалъ о грозившей ему опасности и, наскоро собравшись, бѣжалъ въ Буковину, а оттуда пробрался въ покинутую-было имъ Борскую слободу. Но и здѣсь старообрядцы встрѣтили его холодно, а ревностнѣйшіе хранители стараго обряда хотѣли даже убить его за соблазнъ, сдѣланный всему христіанству древляго благочестія. Перетолковывая евангельскія слова о тѣхъ, посредствомъ которыхъ вносятся въ міръ соблазны, они намѣревались въ самомъ дѣлѣ привязать ему жерновъ на шею и, за неимѣніемъ по близости моря, бросить въ Бугъ. Но Аѳиногенъ счастливо избѣгнулъ и этой опасности, бѣжалъ и изъ Борской слободы, но куда ни приходилъ, вездѣ встрѣчалъ или холодный пріемъ, или даже угрозы схватить его и выдать русскому правительству. Онъ воротился-было на Вѣтрянку, но и тамъ не могъ долго оставаться. Приходилось лжеепископу разстаться съ своимъ омофоромъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. „Отъ стыда и срамоты,— говоритъ Іона Курносый: — борзо собравея и склався, на возъ сѣдши, погна борзо", и, прискакавъ въ первый пограничный городъ королевства Польскаго, Каменецъ - Подольскій, скинулъ здѣсь архіерейское платье, принялъ католическую вѣру, обрился, надѣлъ парикъ и записался въ каменецкій гарнизонъ жолнеромъ. Изъ самозванца-архіерея

въ чемъ-нибудь ссылался на нѣжинскихъ грековъ въ доказательство мнимаго своего архіерейства. Нѣтъ ли тутъ рѣчи о посвященіи его греческимъ митрополитомъ Даніиломъ въ Рени?

*) Андр. Іоанн. Журавлева, «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 303, 304.

вышелъ красивый, блестящій жолнеръ. Ловкость обращенія, пріятныя манеры, достаточное образованіе и значительныя деньги, добытыя архіерействованіемъ у старообрядцевъ, открыли Аөиногену входъ въ дома шляхетскіе и даже вельможные; ему покровительствовали іезуиты, въ награду за обращеніе въ римскую церковь, а женщины были въ восторгѣ отъ красавца-авантюриста. Дочь одного богатаго пана влюбилась въ бывшаго архіерея. Увѣрившись въ ея любви, онъ посватался-было, но гордый панъ наотрѣзъ отказалъ ему. Аөиногенъ однако женился на своей возлюбленной и, кажется, не безъ романическихъ приключеній. Съ богатымъ приданымъ жена принесла ему связи съ значительными людьми, посредствомъ которыхъ бывшій старовѣрческій епископъ въ короткое время сдѣлалъ большіе успѣхи въ королевской службѣ. Чрезъ четыре года послѣ того, какъ онъ бѣжалъ въ Каменецъ-Подольскій (въ 1757 г.), онъ былъ уже капитаномъ въ Краковѣ и жилъ тамъ съ женою и дѣтьми въ довольствѣ и роскоши. Потомъ, если вѣрить раскольническимъ сказаніямъ, былъ онъ полковникомъ и даже генераломъ *).

*) Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду, 27-го мая 1757 г., въ дѣлѣ синода 1757 г. № 337. По подлинному удостовѣренію отъ посланныхъ въ Россію двухъ человѣкъ раскольниковъ явилось, что Анвтиногенъ (sic) лживо назвалъ себя бывшимъ въ Россіи епископомъ, который, услыша многое на него отъ раскольниковъ роптаніе, изъ Волощины въ польскій пограничный городъ Каменецъ-Подольскій бѣжалъ и, оставя тамъ епископскій чинъ, принялъ католицкій расколъ и записался въ томъ городѣ въ гарнизонъ жолнеромъ, а нынѣ находится капитаномъ и посланъ оттуда въ Краковъ, гдѣ и до сего времени жительство имѣетъ съ женою и дѣтьми, о чемъ того посылаемаго изъ Кіева увѣрилъ и находящійся въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ комендантъ». Іона Курносый: «Доѣхавъ (Аөиногенъ) до нѣкоего панства, къ пану приступивъ, дары драгіе поднесе, прошаше пріятися во услуженіе; онъ же, панъ, пріявше его, Аөиногена, приставп его надъ своими жолнерами полковникомъ». Изъ Борской слободы старообрядцы такъ писали впослѣдствіи къ Патрикію въ Зыбкую: «Во отцѣхъ отцу, священноіерею Патрикію, желаемъ вашего отеческаго благословенія и пр. Нужное вашему благословенію возвѣщаемъ вкратцѣ и слезно вашего пастырства просимъ, нынѣ мы осиротѣхомъ безъ священства. Который отъ вашего благословенія священникъ Савва, по пріѣздѣ Андреяна, и отъ насъ ушелъ, и въ поступкахъ христіанскихъ весьма былъ непостояненъ, и теперь остаемся безъ священства, и просимъ твое благословеніе вcѣ слезно: Господа ради, чтобы ты насъ посѣтилъ и ты бы наше сомнѣніе рѣшилъ объ Аөиногенѣ, понеже онъ нынѣ генераломъ и ходитъ по-нѣмецки, и въ парикахъ, и борода обрита, и тамъ многіе люди были и видѣли: Яковъ Яковлевичъ Панкѣевъ былъ тамъ и сказывалъ намъ, что сватался у пана къ дочери, и онъ не отдалъ. Осадчіи слободы Приворотни видѣлъ и говорилъ съ нимъ, что онъ уже обритъ. И пишемъ самую сущую правду». Андр. Іоанн. Журавлева «Историч. извѣстіе о раскольникахъ», стр. 306, 307. Преемникъ Аөиногена, Анонмъ, такъ говоритъ объ этомъ поступкѣ своего предмѣстника въ письмѣ къ молдавскому митрополиту Іакову, отъ 12-го декабря 1756 года: «Мужъ въ поученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ: не стерпѣ бо зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убоялся сильныя руки императорскія, вдался до рим-

Изъ какой фамиліи былъ Аѳиногенъ — не знаемъ, но что онъ былъ дворянскаго происхожденія, это положительно вѣрно, иначе онъ не могъ бы поступить въ королевскую службу и такъ скоро сдѣлаться капитаномъ, а можетъ-быть, и генераломъ. Въ Польшѣ это было невозможно. Вѣроятно, въ архивѣ московской синодальной конторы или въ Новомъ-Іерусалимѣ сохранилось какое-нибудь дѣло о расхищеніи ключаремъ Амвросіемъ монастырскаго имущества и объ его побѣгѣ. Въ немъ, конечно, есть извѣстіе и о томъ, изъ какой фамиліи происходилъ этотъ ловкій авантюристъ.

VI.

Анѳимъ.

Смиренный епископъ, преобразившійся въ ловкаго капитана, цѣломудренный постникъ, женившійся на польской красавицѣ, произвелъ громадный скандалъ во всемъ русскомъ и зарубежномъ старообрядствѣ. Всѣ и повсюду признали его обманщикомъ и самозванцемъ, кромѣ поповъ, имъ рукоположенныхъ, которымъ не хотѣлось разстаться съ полученнымъ священствомъ, доставлявшимъ хорошія средства къ жизни. Но и имъ плохо приходилось: ихъ никто не принималъ въ домы съ требами, надъ ними смѣялись, называя въ шутку „капитанами“ и „жолнерами“. Но Аѳиногенъ былъ не послѣднимъ лжеепископомъ. Вслѣдъ за нимъ явился новый, называвшій себя *архіепископомъ кубанскимъ и Хотинскія Раи*. Звали его Анѳимъ.

Какъ Аѳиногенъ отличался своею красивою, привлекательною наружностью, такъ преемникъ его неблагообразіемъ. Лѣтъ пятидесяти отъ роду, средняго роста, плечистый, лицо полное, красное, обезображенное оспой и покрытое угрями, глаза кровавые, небольшая черная борода, длинные черные волосы и рваныя палачомъ ноздри — вотъ наружность новоявленнаго у зарубежныхъ старообрядцевъ епископа *).

Родомъ былъ онъ съ Дону, но неизвѣстно, изъ казаковъ или изъ поповичей. Былъ человѣкъ начитанный, свѣдущій въ писаніи и церковныхъ уставахъ—качества, весьма цѣнимыя старообрядцами и во вся-

скихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и до днесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства». «Дѣло о раскольническомъ арх. Анѳимѣ», въ архивѣ синода 1757 года, № 337.

*) Указъ изъ московской конторы святѣйшаго синода кіевскому преосвященному 1751 года 24-го іюня: «а примѣтами оный Анѳимка: росту средняго, плечистъ, лицо круглое, угреватое, побитое рябинами, ноздри съ обѣихъ сторонъ рваныя, пытанъ, глаза кровавые, волосы на головѣ черные, длинные, борода малая, лѣтъ въ пятьдесятъ». Посланный кіевскимъ вице-губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Костюринымъ, въ Яссы и Хотинъ въ 1757 г., для развѣдываній объ Анѳимѣ, донесъ о примѣтахъ его такъ: «среднихъ лѣтъ, плечистъ, борода малая, обѣ ноздри рваныя, лицо полное, угреватое, въ словахъ рѣчистъ» (см. «Дѣло святѣйшаго синода о раскольническомъ арх. Анѳимѣ» 1757 года).

кое время доставлявшія въ средѣ ихъ большой авторитетъ тому, кто обладалъ ими. Но въ то же время Аноимъ, по выраженію современника его, Ивана Алексѣева, былъ „мужъ забѣглаго ума, своенравенъ и безсовѣстенъ". Великую извѣстность, великое уваженіе получилъ онъ сначала между старообрядцами, ибо много пострадалъ за старый обрядъ и „древлее благочестіе", что̀ доставило ему и славу „страдальца". Сдѣлался онъ столпомъ старообрядчества, и вдругъ гордость и любоначаліе до того обуяли его, что натворилъ онъ дѣлъ необычайныхъ, какихъ „вѣдущіе его отнюдь и въ мысли имяху". Предметъ всеобщаго благоговѣйнаго уваженія сдѣлался предметомъ смѣха. „Велію, — говоритъ Иванъ Алексѣевъ:—тотъ Аноимъ науку собою показа внимающимъ, что̀ дѣетъ любоначальство и коимъ концомъ любящіе мірскія чести овѣнчеваютъ" *).

По словамъ самого Аноима **), онъ тридцати лѣтъ отъ роду рукоположенъ былъ воронежскимъ епископомъ, несчастнымъ Львомъ Юрловымъ (1727—1730), въ дьячки, а вскорѣ потомъ поступилъ въ число братіи Кременскаго монастыря ***) и здѣсь воронежскимъ же епископомъ Іоакимомъ Струковымъ (1730—1742) посвященъ въ іеродьяконы и іеро̀монахи. Познакомившись съ старообрядцами, которыхъ и тогда, какъ и теперь, на Дону было много, Аноимъ ушелъ къ нимъ, но, не оставаясь долго между донцами, отправился странствовать по Россіи. О первоначальныхъ похожденіяхъ его между старообрядцами намъ ничего неизвѣстно, но въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія мы находимъ его уже схимникомъ. Принявъ схиму, конечно, въ какомъ-нибудь старообрядческомъ скитѣ, Аноимъ, вслѣдствіе сенатскаго указа 1746 года, декабря 13, о томъ, чтобы „сыскивать богопротивной ереси наставниковъ и предводителей и ихъ сообщниковъ, а по сыску, заковавъ въ ручныя и ножныя желѣза, отсылать ихъ въ слѣдственную о раскольникахъ комиссію (бывшую въ Москвѣ при синодальной конторѣ) въ самой скорости, безо всякаго задержанія", былъ гдѣ-то пойманъ и представленъ въ Москву. Его судили, пытали, присудили къ кнуту, вырванію ноздрей и ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу. Съ каторги ли, на пути ли въ Сибирь, того не знаемъ, ему удалось бѣжать, и онъ послѣ того долгое время попрежнему странствовалъ между старообрядцами. Позорныя клейма, наложенныя рукой палача, рваныя ноздри, слѣды кнутовыхъ рубцовъ на спинѣ Аноима—были чествуемы ревнителями „древляго благочестія", какъ святыя, доблія раны великаго страдальца

*) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ» въ «Лѣт. русск. ист. и древн.» т. IV, смѣсь, стр. 65 и 66.

**) «Дѣло святѣйшаго синода о раскольн. архіерѣ Аноимѣ».

***) Кременскій Вознесенскій монастырь, нынѣ Донской, а тогда Воронежской епархіи, былъ основанъ въ 1711 году на правомъ берегу рѣки Дона, въ 10 верстахъ отъ Кременской станицы. Онъ былъ упраздненъ въ 1788 г., но по просьбѣ донскихъ казаковъ возстановленъ въ 1798 году. Онъ въ 3 классѣ и есть единственный во всей Землѣ Войска Донского мужской православный монастырь; содержится на счетъ войска.

за имя Христово. Лишь только появлялся онъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, среди горячихъ своихъ почитателей, какъ уже сходились къ мученику за „старую вѣру“ и старъ и младъ, и мужчины, и женщины, и дѣти; какъ святыню, со слезами лобызали они слѣды ранъ Аноимовыхъ и отверзтою душой слушали его поученія. А онъ былъ рѣчистъ. Помнилось каждое слово учительнаго схимника, честно хранилась каждая незначительная вещь, даваемая странникомъ - страдальцемъ на благословеніе. Но недолго продолжался этотъ второй періодъ странствій Аноима: въ 1750 году его опять поймали и опять переслали въ Москву, въ комиссію.

Сидитъ Аноимъ-страдалецъ въ московской тюрьмѣ каменной, приходитъ народъ къ колодникамъ сотворить святую милостыню и слышитъ учительныя слова Аноима; слышитъ о томъ, какъ прежде былъ мучимъ краснорѣчивый схимникъ за „древлее благочестіе“, какъ впереди предстоятъ ему новыя, еще бо́льшія страданія. Старообрядцевъ множество посѣщало Аноима въ „бѣдности“, приходило множество и православныхъ. И эти заслушивались рѣчей краснорѣчиваго Аноима, и они удивлялись „разуму ученія его“.

Въ „бѣдности“ у Аноима было особое помѣщеніе, и къ нему приставленъ былъ для караула особый сержантъ. Приходившіе къ „батюшкѣ“ Аноиму старообрядцы давали тому сержанту „почесть“, то-есть, попросту сказать, подкупали его, чтобы онъ не препятствовалъ бесѣдамъ ихъ съ „страдальцемъ“. Одна богатая старуха, вдова, дворянскаго рода, часто посѣщала „батюшку Аноима“ и приводила къ нему жившихъ у нея двухъ дѣвушекъ; одна изъ нихъ была дочь купеческая, другая — секретарская. „Онъ же упользова ю, сказуя древляго благочестія содержимыя церковныя узаконенія и обычаи, измѣненные Никономъ“. Всѣ три почувствовали сильную привязанность къ страдальцу Аноиму и, прельщенныя его словами, уклонились въ расколъ. Аноимъ, зная, что московская барыня очень богата, вздумалъ съ помощью ея освободиться изъ тюремнаго заключенія, избавиться отъ неминуемаго тяжкаго наказанія и укрыться вмѣстѣ съ нею и ея богатствами въ какомъ-либо надежномъ, недоступномъ для московскихъ преслѣдователей мѣстѣ *).

И сталъ онъ ее уговаривать, чтобы „ей съ нимъ убраться въ польскіе предѣлы, наче же на Вѣтку, мня пріятъ быти тамошними отцы“. Всѣ мысли, всѣ помышленія барыни-старушки были въ волѣ Аноима; она въ религіозномъ фанатизмѣ, увлекшись учительными словами „батюшки-страдальца“, своей воли болѣе не имѣла и возражать ему, не только словомъ, но и мыслью, не могла. Обѣ дѣвушки были въ такомъ же настроеніи духа. Но побѣгъ изъ крѣпкой тюрьмы былъ возможенъ лишь при участіи караульнаго сержанта. Хоть и сержантъ смотрѣлъ на своего заключенника, какъ на святого, однакоже его не такъ легко

---

*) Іона Курносый.

было подговорить къ бѣгству за границу. Понемножку, исподволь, осторожно сталъ Аноимъ склонять его къ побѣгу, представляя въ самыхъ обольстительныхъ краскахъ будущее ихъ житье-бытье на Вѣткѣ. „Съ нами бы поѣхала одна богатая барыня, денегъ у нея счету нѣтъ, не то что намъ — тысячѣ человѣкамъ достанетъ на самый долгій вѣкъ прожить на эти деньги во всякомъ удовольствіи и спокойствіи. Тамъ, за рубежомъ, нѣтъ ни службы ни грознаго начальства; тамъ всякій человѣкъ самъ себѣ господинъ, а здѣсь, на солдатской своей службѣ, знаешь ты только горе да недостатки, каждый день не доспишь, и отъ начальства мýку принимаешь, а тамъ, что́ только на умъ взпадетъ — все будетъ тотчасъ же готово по твоему желанію". Сержантъ немалое время колебался, но обѣщаемое будущее такъ было привлекательно, что онъ далъ свое согласіе... Тогда барыня наскоро собралась съ двумя дѣвушками, будто бы въ Кіевъ на поклоненіе тамошнимъ угодникамъ, и поѣхала изъ Москвы. Сержантъ избралъ удобное время и ночью на 27 августа 1750 года бѣжалъ вмѣстѣ съ Аноимомъ. На дорогѣ пристали они къ барынѣ. Опасаясь погони, бѣглецы ѣхали на перемѣнныхъ лошадяхъ до Стародубья и здѣсь на время нашли надежный пріютъ у старообрядцевъ. Нѣсколько дней спустя они, перебравшись черезъ литовскій рубежъ, благополучно достигли Вѣтки *).

Можетъ-быть, успѣхъ Аоиногена подалъ мысль честолюбивому Аноиму сдѣлаться зарубежнымъ старообрядческимъ епископомъ. Славолюбіе, такъ долго питаемое уваженіемъ старообрядцевъ, доходившимъ чуть не до обожанія, возрастило въ сердцѣ его гордость и страстное желаніе начальствовать, повелѣвать. Но при первомъ шагѣ за границу его гордости нанесенъ былъ сильный ударъ. До Вѣтки и вообще до зарубежныхъ старообрядческихъ слободъ не достигла еще слава Аноима-„страдальца", столь громкая на Дону, на Волгѣ и въ Сибири. Его приняли какъ обыкновеннаго выходца. Это оскорбило Аноима, не привыкшаго къ равнодушнымъ встрѣчамъ. „Постой же,—думалъ онъ:—коли такъ, примете же вы меня, павши ницъ передо мною". И онъ сказался вѣтковскимъ отцамъ, что получилъ онъ въ Великой Россіи великую архіерейства хиротонію, и просилъ принять его въ соединеніе, общеніе и согласіе по древлецерковному благочестію. Проученные уже Епифаніемъ, вѣтковцы отвѣчали Аноиму, что въ скоромъ времени принять они его не могутъ. „Просто какъ мірянина принять тебя нельзя, потому что объявляешь себя епископомъ, а чтобы за епископа тебя признать, то, по божественному писанію и по правиламъ, достоитъ намъ справиться, на которой ты епископіи и въ которомъ градѣ былъ и которыми епископами поставленъ". Аноимъ, видя, что вѣтковцы не такъ легковѣрны, какъ онъ предполагалъ, замолчалъ, ибо не зналъ, какъ и сказать, въ какомъ онъ

*) Іона Курносый и допросъ казаку волжскаго казачьяго войска, Семену Чижову, снятый въ астраханской губернской канцеляріи 30 мая 1763 г. См. «Дѣло о раскольнич. архіереѣ Аноимѣ».

городѣ былъ архіереемъ и какими епископами рукоположенъ. „Пойдутъ справки въ Россіи,—думалъ онъ:—и ложное показаніе рано или поздно обличится“. Съ досадой, съ плохо скрываемымъ озлобленіемъ ушелъ онъ съ собора вѣтковскихъ отцовъ и тотчасъ же далъ волю своему пылкому, своенравному, не терпѣвшему ни малѣйшихъ противорѣчій характеру. Что ни день, то новая какая-нибудь ссора происходила у Анѳима съ вѣтковцами, которымъ въ короткое время онъ до того надоѣлъ, что они не знали, какъ и отдѣлаться отъ незванаго гостя. То и дѣло онъ ругалъ и злословилъ ихъ, „изрицая поносная, ругательная, изметая отъ злаго сокровища сердца своего злая глаголанія“.

— Вы бѣглецы! — кричитъ, бывало, на вѣтковскихъ отцовъ самъ такой же бѣглецъ Анѳимъ: — забились сюда, въ чужую державу, какъ сверчки!

И прискорбны были такія слова отцамъ вѣтковскимъ, и писали отцы въ Москву, жалобясь на выѣхавшаго оттуда обидчика и ругателя. Въ Москвѣ старообрядцы немало дивились вѣтковскимъ вѣстямъ и никакъ не могли понять, что бы такое могло случиться съ такимъ, славнымъ учительствомъ своимъ и страданіями, человѣкомъ. Между тѣмъ, увидавъ, что ужиться съ вѣтковцами невозможно, Анѳимъ уѣхалъ отъ нихъ съ своими домочадцами отыскивать такого пана, который бы отвелъ ему въ своихъ маетностяхъ хорошенькое мѣстечко для заселенія его новою слободой русскихъ старообрядцевъ, которые тогда во множествѣ переходили за рубежъ *). Бѣлорусскіе землевладѣльцы находили для себя весьма выгодымъ отдавать участки довольно пустынныхъ и притомъ неплодородныхъ земель своихъ подъ старообрядческія слободы, ибо получали отъ этихъ поселенцевъ такой доходъ, какого не могли бы извлечь изъ своего имѣнія никакими средствами. Поэтому они съ большою готовностью и позволяли имъ водворяться за извѣстный чиншъ на своихъ земляхъ, и потомъ, когда образовывались слободы, берегли ихъ, какъ самыя лучшія доходныя статьи свои. При такихъ условіяхъ богатому богатствомъ московской барыни Анѳиму нисколько не затруднительно было найти ясновельможнаго пана, который пустилъ бы его на свою землю. И ему не нужно было очень далеко ѣздить: сосѣдній землевладѣлецъ, князь Чарторыйскій, владѣлецъ мѣстечка Гомеля, отвелъ ему прекрасное и удобное мѣсто въ шести миляхъ отъ Вѣтки, внизъ по рѣкѣ Сожу, въ урочищѣ, называемомъ Боровицы, гдѣ находилась и старая пустая часовня, едва ли не оставшаяся еще послѣ вѣтковскаго разоренія 1735 года. На деньги московской барыни Анѳимъ въ самое короткое время привелъ Боровицу въ блестящее состояніе. Въ часовнѣ

---

*) Все о побѣгѣ изъ Москвы и о пребываніи въ Вѣткѣ заимствовано у Іоны Курносаго. Согласно съ Іоной, что Анѳимъ тотчасъ по прибытіи на Вѣтку назвался епископомъ, показалъ при допросѣ, 30 мая 1763 года, въ астраханской губернской канцеляріи, казакъ волжскаго казачьяго войска Чижовъ.

явились древнія иконы съ дорогими окладами, богатая ризница, полный кругъ богослужебныхъ книгъ, драгоцѣнные сосуды, дискосы и другая утварь. Анѳимъ немедленно началъ отправлять въ этой часовнѣ богослуженіе, а между тѣмъ приступилъ къ постройкѣ церкви и двухъ монастырей — мужского и женскаго. Кельи были немедленно выстроены для того и другого. Въ мужскомъ сдѣлался настоятелемъ самъ Анѳимъ. За братіею дѣло не стало: слухъ о несмѣтныхъ, неизсчетныхъ богатствахъ строителя Боровицкихъ монастырей быстро распространился по Россіи: чернецы, уставщики, послушники немедленно явились въ Анѳимовомъ монастырѣ. Приходили къ нему даже съ отдаленныхъ береговъ низовьевъ Волги *). Въ женскомъ монастырѣ игуменьей сдѣлалась московская барыня; ее постригъ Анѳимъ и назвалъ во иночествѣ Елизаветой; пріѣхавшія съ ней дѣвушки также приняли монашество и поступили въ Боровицкій монастырь: одна наречена Анѳимомъ при постриженіи Андра (?) Пелагеей, другая Алкаветой (?): чрезъ нѣсколько времени Анѳимъ рукоположилъ обѣихъ въ древній санъ дьякониссъ **). Кромѣ нихъ, было немало и другихъ монахинь и бѣлицъ въ новоустроенной обители матушки Елизаветы. Вокругъ обоихъ монастырей вскорѣ образовалась довольно многолюдная слобода.

Анѳимъ былъ такой человѣкъ, что если разъ заберетъ онъ что-нибудь себѣ въ голову, такъ ужъ чего бы то ни стоило, а пойдетъ добиваться задуманнаго до послѣдней крайности. Не было силы, которая бы могла остановить его: упрямый былъ человѣкъ, гордый, и, считая себя умнѣе всѣхъ, не слушался ничьихъ совѣтовъ. „Мужъ безсовѣтенъ былъ“, — сказалъ о немъ Иванъ Алексѣевъ, можетъ-быть, знавшій его лично. Страсть повелѣвать, ненасытное желаніе видѣть толпу преклоняющуюся, благоговѣйно слушающую каждое его слово, принимающую каждое его велѣніе безпрекословно, безъ разсужденія, — этотъ духъ любоначалія преобладалъ въ Анѳимѣ. Этотъ-то духъ гордыни и вовлекъ его въ тѣ поступки, которые, въ глазахъ даже самыхъ приверженныхъ къ нему старообрядцевъ, наложили темное пятно на память этого „великаго страдальца“. Удовлетворить его любоначаліе теперь могъ только архіерейскій омофоръ; его-то и сталъ онъ искать всѣми средствами, не разбирая ихъ нравственнаго достоинства. Ѣхать въ Яссы и, подобно Епифанію, получить тамъ архіерейскую хиротонію — сдѣлалось цѣлью его жизни: онъ былъ увѣренъ, что рано ли, поздно ли, но такими или иными средствами, а ужъ достигнетъ онъ архіерейства, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, съ совершеннымъ спокойствіемъ, сталъ называть себя „нареченнымъ епископомъ“. Какъ въ старину „нареченные епископы“

*) Показаніе Семена Чижова, казака волжскаго казачьяго войска: «и я, будучи въ Боровицахъ, во всенощной на клиросѣ пѣлъ, а братъ мой, Иванъ Оловянишниковъ, стихѣры разсказывалъ подъ Николинъ день».

**) Показаніе казака Чижова въ «дѣлѣ синода, 1757 г., о раск. арх. Анѳимѣ».

управляли церковью и дѣйствовали по-святительски, воздерживаясь только служить по-архіерейски и рукополагать священниковъ и дьяконовъ *), такъ и Аноимъ сталъ теперь управлять въ Боровицахъ по-епископски, тайно сносясь съ молдавскими старообрядцами и собирая свѣдѣнія, какъ, гдѣ и отъ какого греческаго митрополита удобнѣе будетъ получить хиротонію. Онъ имѣлъ въ виду и митрополита ясскаго, и митрополита браиловскаго, и архіепископа крымскаго. Подкупность фанаріотовъ была ему хорошо извѣстна, и, располагая заплатить за омофоръ деньгами Елизаветы въ такомъ размѣрѣ, какого они потребуютъ, Аноимъ, у котораго на памяти были всѣ церковные уставы, не смущался правилами, по которымъ за деньги рукополагающій во епископы и рукополагаемый—оба подлежатъ лишенію сана и изверженію изъ церкви **). Не каноны смущали его, а затруднительность дѣла. Надо ѣхать за Днѣстръ или въ Крымъ, надо просить господаря или хана, надо ожидать неминуемыхъ препятствій со стороны мѣстныхъ липованъ или же искать ихъ любви и покровительства, а это было для него невозможно: его гордая, высокомѣрная натура никогда бы не допустила его до такого, по его мнѣнію, униженія. Въ это время (въ 1752 г.) былъ предѣлахъ польскихъ Аѳиногенъ. Аноимъ и обратился къ нему за хиротоніей. „Не вѣмъ, кому дивиться,— говоритъ по этому случаю Иванъ Алексѣевъ въ своей „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“:—народному ли нечувствію или толикой страшной дерзости Аноимовѣ? Яко толикій мужъ вѣдущій, и толико терпѣніе за древнее пострадавый, легкими юзами любоначальства связанъ, тако паде и многимъ смѣхъ на себѣ привлече, разумнымъ же страхъ, яко тако скорыма ногама къ подложному епископу притече и неиспытно веліе на себе обязательство оному даде, во вся дни потати и покорятися тому и прочая“ ***).

Аѳиногенъ, получивъ значительную сумму денегъ изъ сундука московской барыни, преобразившейся въ раскольническую игуменью, обязалъ горделиваго Аноима клятвою послушанія себѣ и посвятилъ, но только пока еще въ санъ архимандрита, обѣщаясь, впрочемъ, со временемъ произвести его и въ архіереи. Дѣлать было нечего; смирился передъ молодымъ красавцемъ старикъ Аноимъ, никому не покорный, но, служа, какъ архимандритъ, святительствовалъ, какъ „нареченный епископъ“. Надѣвъ архимандричью шапку, „нареченный епископъ“ не очень стѣснялся въ правахъ своихъ: тотчасъ же, по извѣстію Іоны Курносаго, началъ поповъ святить и разсылать ихъ по старообрядческимъ зарубежнымъ слободамъ. При крайнемъ недостаткѣ поповъ, старообрядцы и ихъ принимали: у нихъ былъ достаточный запасъ святыхъ даровъ, совершаемыхъ Аноимомъ въ Боровицахъ, а этого было уже слишкомъ достаточно для

---

*) Такъ, напримѣръ, дѣлалось это въ древнемъ Новгородѣ.

**) Вселенскаго IV собора 2 правило, Вселенскаго VI собора 22 правило, Вселенскаго VII собора 5 и 19 правила. Правило апостольское 22.

***) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгств. свящ.», стр. 66.

тогдашнихъ старообрядцевъ. Въ попы на первый разъ онъ поставилъ только двухъ самыхъ приверженныхъ себѣ и болѣе другихъ угождавшихъ его властолюбивому характеру людей: родныхъ братьевъ — Михаила и Іосифа Буркиныхъ. Съ ними вмѣстѣ и со всѣмъ своимъ церковнымъ кругомъ и съ дьякониссами, освятилъ онъ новую Боровицкую церковь и постригалъ чернецовъ *). Въ это время получилъ онъ извѣстіе, что въ Москвѣ старообрядцы крайне нуждаются въ священникахъ, и немедленно послалъ одного изъ поповъ своего поставленья въ Гуслицкую волость. Аноимовскій попъ пріѣхалъ въ Гуслицу и тотчасъ же принялся за поповское дѣло: сталъ исповѣдывать, крестить, вѣнчать, хоронить. Немало нашлось и для него духовныхъ дѣтей. Но скоро и въ Москвѣ и въ Гуслицѣ свѣдали, что̀ за архіерей такой Аноимъ-страдалецъ и что̀ за попъ его ставленникъ. Воротили попа за рубежъ къ пославшему его и велѣли говорить Аноиму: „Почто ты, отецъ архимандритъ Аноимъ, поповъ поставляешь? Вѣдь архимандриту поповъ поставлять писанія и правилъ нѣтъ“. И умолчалъ Аноимъ, видя, что дѣло его худо и другимъ не спасительно **). Послѣ этого онъ пуще прежняго сталъ добиваться у Аоиногена архіерейской хиротоніи. Аоиногену нельзя было для этого ѣхать въ Боровицу; мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи находился онъ въ исходѣ 1752 и началѣ 1753 г.: онъ уже бѣгалъ тогда изъ мѣста въ мѣсто, ежечасно опасаясь за самую жизнь свою. Аноиму же ѣхать за Днѣстръ и принимать хиротонію отъ находившагося въ столь незавидномъ положеніи епископа тоже было небезопасно. Какъ же помочь горю, какъ выйти изъ безвыходнаго почти положенія?

Старообрядцы въ своихъ дѣйствіяхъ весьма часто держатся правила св. писанія: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“ ***). Поэтому они хотя и говорятъ, что всѣ правила и уставы церковные должны сохраняться неуклонно и точно, однакоже, „нужды ради“, въ случаѣ необходимости, допускаютъ большія уклоненія отъ правилъ. Не находя положительныхъ правилъ въ уставахъ, они ищутъ примѣровъ въ церковномъ преданіи; если ихъ не отыскиваютъ, обращаются къ примѣрамъ церковной практики, ищутъ какихъ-либо исключительныхъ случаевъ, бывшихъ въ древней христіанской церкви. Такъ, напримѣръ, за неимѣніемъ церкви, допускаютъ они иногда совершеніе литургіи въ домѣ, примѣняясь къ тому, что св. Лукіанъ даже въ темницѣ на своихъ персяхъ совершилъ евхаристію; такъ, принимая бѣглыхъ поповъ, ссылаются они на житіе Саввы Освященнаго и другіе примѣры церковной исторіи, и т. д. Словомъ, совершеніе дѣйствія, не узаконеннаго правилами, но въ то же время и не воспрещеннаго прямо, имѣетъ для нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ со-

*) Показаніе казака Семена Чижова въ «Дѣлѣ святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ».

**) Іона Курносый.

***) Посланіе къ евреямъ, VII, 12.

вершенную силу закона. Случается, и довольно нерѣдко, что примѣрамъ, взятымъ изъ церковной исторіи, они даютъ широкое и даже слишкомъ широкое толкованіе, оправдывая себя въ такомъ случаѣ тѣми же словами апостола Павла: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ". Въ правилахъ вселенскихъ соборовъ и св. отецъ нигдѣ не говорится о дозволеніи совершать хиротонію заочно, но и нигдѣ не воспрещена заочная хиротонія. А церковная практика представляетъ примѣръ подобнаго посвященія, совершеннаго епископомъ Федимомъ *) надъ св. Григоріемъ Неокесарійскимъ. Анѳимъ ухватился за этотъ примѣръ, какъ утопающій за соломинку. Написалъ къ Аѳиногену посланіе, въ которомъ, приводя въ примѣръ св. Григорія, просилъ его послѣдовать, нужды ради, примѣру епископа Федима и рукоположить его заочно **). „Благодать Святого Духа,—писалъ онъ:—всегда немощная врачующая и не оскудѣвающая, не стѣсняется предѣлами земными, но вездѣ и присно дѣйствуетъ. Служи божественную литургію въ предстоящій великій четвертокъ въ своей церкви и въ положенное время читай молитвы святой хиротоніи, азъ же, смиренный, въ тотъ самый часъ буду возлагать на себя одежды архіерейскія". При посланіи приложено было золото ***). Аѳиногенъ согласился. Увѣдомилъ онъ Анѳима, чтобы готовился онъ къ хиротоніи и возлагалъ бы на себя священныя одежды архіерейскаго сана въ великій четвертокъ, 11 апрѣля 1753 года.

Наступилъ этотъ день. Анѳимъ началъ въ Боровицкой церкви служить литургію соборнѣ съ своими попами, какъ архимандритъ. Послѣ малаго входа съ евангеліемъ, вошелъ онъ въ алтарь и сталъ на колѣна предъ престоломъ, наклонивъ голову. Въ церкви было молчаніе. Знали, что въ эти минуты тамъ, далеко, за Днѣстромъ, въ иномъ государствѣ, епископъ Аѳиногенъ, положивъ руку на разогнутое евангеліе, возглашалъ молитву хиротоніи... Анѳимъ всталъ, священники подали ему омофоръ, егколпій, митру, и онъ надѣвалъ ихъ, при пѣніи клироса: „аксіосъ". Затѣмъ взялъ въ руки свѣчи троеплетенную и двуплетенную ****), вышелъ на амвонъ и осѣнилъ предстоящихъ при громогласномъ пѣніи „исполла эти деспота". Народъ палъ ницъ предъ епископомъ. Кончая литургію, какъ архіерей, Анѳимъ тогда же посвятилъ попа и дьякона. Это было сдѣлано гласно, открыто, торжественно, отнюдь не тайкомъ. Никто не сомнѣвался въ правильности обряда, ибо напередъ было объявлено, что совершается такой обрядъ нужды ради, гонительнаго ради належанія отъ еретикъ, по примѣру Федима епископа, посвятившаго нѣкогда подобнымъ образомъ св. Григорія во епископы Новой Кесаріи.

*) Минея Четіи подъ 17 ноября.

**) Ивана Алексѣева «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 66.

***) Іона Курносый говоритъ — 20 червонцевъ, а Андрей Іоанновичъ Журавлевъ въ «Историч. изв. о раскольникахъ» упоминаетъ о цѣломъ мѣшкѣ съ червонцами.

****) Трикирій и дикирій.

Аноимъ достигъ цѣли — былъ архіереемъ, былъ владыкою старообрядцевъ; ненасытное его самолюбіе вполнѣ было удовлетворено. Успокоивъ совѣсть примѣромъ св. Григорія, онъ искренно вѣрилъ въ несомнѣнную правильность принятаго имъ сана, посвящалъ много поповъ и дьяконовъ и разсылалъ ихъ по старообрядческимъ слободамъ. Михаила Буркина и Іосифа онъ „дополнилъ чиномъ“, то-есть вновь рукоположилъ, уже какъ епископъ. Увѣренныхъ въ правильности его архіерейства было много даже въ самой Вѣткѣ, гдѣ такъ не возлюбили-было вначалѣ Аноима: начались толки о томъ, не слѣдуетъ ли сего „страдальца за древлее благочестіе“ признать православнымъ епископомъ... И вдругъ... каково это было узнать Аноиму? Приходитъ вѣсть, что 11 апрѣля, когда Аноимъ въ Боровицкой церкви надѣвалъ архіерейское облаченіе, Аѳиногенъ не только не служилъ обѣдни, но уже былъ католикомъ и, обритый, щеголялъ по улицамъ Каменца-Подольскаго въ ловко-сшитомъ кунтушѣ польскаго жолнера! „И остался Аноимъ въ скорби и печали о неполученіи нарекованія епископомъ“,—говоритъ Іона Курносый. Скинуть омофоръ, торжественно надѣтый, было несообразно съ своенравнымъ характеромъ Аноима: оставаться въ литовско-бѣлорусскихъ краяхъ, гдѣ всѣ знали, какъ и въ какой именно день посвященъ Аноимъ, было также невозможно. Въ этихъ мѣстахъ никто не повѣрилъ бы правильности его архіерейства. При такихъ обстоятельствахъ рѣшился онъ кинуть только-что устроенную имъ Боровицу и ѣхать подальше отъ мѣстъ, гдѣ онъ возложилъ на себя архіерейское облаченіе. Аноимъ рѣшился ѣхать туда, гдѣ въ послѣднее время находился Аѳиногенъ, чтобы вѣрнѣе узнать, въ какой именно день бѣжалъ онъ въ Каменецъ и совершалъ ли онъ заочную хиротонію. Въ случаѣ же неблагопріятныхъ для себя по сему случаю извѣстій, онъ намѣревался искать новой хиротоніи или утвержденія въ архіерейскомъ санѣ отъ ясскаго митрополита Іакова.

Показаніе двухъ старообрядческихъ писателей прошлаго вѣка, сохранившихъ извѣстіе о старообрядческихъ архіереяхъ того времени, совершенно противорѣчивы. Иванъ Алексѣевъ, безпоповецъ, писавшій по слухамъ и притомъ съ видимою цѣлью показать нелѣпость исканія поповщиной архіерейства, говоритъ, что Аноимъ удовольствовался небывалымъ заочнымъ рукоположеніемъ польскаго жолнера. „Въ то мнимое его (Аноима) поставленіе, говоритъ онъ, уже Аѳиногенъ не епископомъ, но у нѣкоего пана капитаномъ сотворися, обаче нѣкоимъ слѣпымъ Аноимъ за епископа вмѣнился и дѣйствова епископьская и во діаконы и въ попы поставляша, кои попы имяху немалыя подзоры (подозрѣнія), ихъ же онъ постави и донынѣ священная дѣйствуетъ“ *). Охтенскій протопопъ Андрей Іоанновъ Журавлевъ, имѣвшій, какъ видно, нѣкоторые неизвѣстные намъ источники, говоритъ объ Аноимѣ весьма кратко, но

*) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 66.

такъ же, какъ и Иванъ Алексѣевъ, замѣчаетъ, что онъ удовольствовался заочною хиротоніей Аөиногена *). Но Іона Курносый въ своемъ „Посланіи“, основываясь также, конечно, на слухахъ, распространенныхъ по старообрядству Аноимовыми приверженцами, говоритъ, что Аноимъ „много думая и мысля — и яко отъ духа нечиста паде ему на умъ: поѣду въ Ясcы, негли могу желаніе получити — во епископы поставлюся. И сему бывшу,—продолжаетъ Іона:—прибывъ въ Ясcы, подаде исповѣданіе согласно, яко такожде вѣруетъ и исповѣдуетъ, яко и онъ, ясской, подавъ прошеніе и дары немалы — все госпожи оныя нажитіе; онъ же, епископъ ясскій, посвяти его, Аноима, епископомъ и отпусти, куда ему годѣ“. Но не совсѣмъ такъ было на самомъ дѣлѣ. Изъ дѣла объ Аноимѣ, находящагося въ архивѣ синода, видно, что основанныя на слухахъ извѣстія Ивана Алексѣева, Іоны Курносаго и отца Андрея Журавлева одинаково неточны: ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣтъ настоящей истины. Въ дальнѣйшемъ описаніи судьбы Аноима, этого „мужа забѣглаго ума“, будемъ держаться преимущественно этого дѣла.

„Епископъ Лука, переименовавшій себя въ Аөиногена, мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ, не стерпѣ зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убояся сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и доднесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства. И преподаде намъ, смиреннымъ, великое сумнѣніе и *неимовѣрство* о своемъ святительствѣ, понеже намъ, смиреннымъ, хиротонисаннымъ бывшимъ имъ епископомъ Лукою, отъ игуменскаго степени даже до епископства. И нужда мнѣ належала вдатися до святительскаго суда и принять своему сумнѣнію рѣшеніе и *дѣйствительное благословеніе*. Въ которомъ намѣреніи 7261 (1753) изъ державы Польскія поѣхалъ до вашего преосвященства (въ Ясcы) и достигъ даже до Рущеръ, что̀ въ повѣтѣ Сочавскомъ, въ митрополіи вашего преосвященства. И тамо живущіе липоване много мнѣ препятствія сотворили, чрезъ которое ихъ препятствіе мы, смиреннiи, не могли видѣтися съ вашимъ преосвященствомъ и пріять отъ васъ благословеніе и сомнѣнію своему рѣшеніе“. Такъ писалъ Аноимъ къ ясскому митрополиту Іакову въ 1756 году, когда между ними началась переписка **). Само собою разумѣется, что Аноиму во всемъ вѣрить нельзя, что препятствія со стороны липованъ, не допустившихъ будто бы его до свиданія съ Іаковомъ, были имъ придуманы впослѣдствіи, какъ бы въ видѣ оправданія. По всей вѣроятности, дѣло было такъ: Аноиму нельзя было оставаться въ вѣтковскихъ и гомельскихъ предѣ-

*) Андр. Іоанн. Журавлевъ. «Историч. извѣстіе о раскольникахъ», стр. 301—305.

**) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ», 1757 года, по архивной описи № 337. Письмо Аноима къ ясскому митрополиту Іакову 12 декабря 1756 года.

лахъ. Оставивъ поповъ Буркиныхъ и Елизавету съ дьякониссами Андрой-Пелагеей и Алкаветой въ Боровицахъ, онъ одинъ поѣхалъ за Днѣстръ, къ молдовлахійскимъ старообрядцамъ, сказавъ, что ѣдетъ въ Яссы за *дѣйствительнымъ благословеніемъ*, то-есть за довершеніемъ хиротоніи посредствомъ ясскаго митрополита. Прибывъ же въ Молдавію, онъ, умалчивая объ Аноигенѣ, „объявилъ о себѣ, яко бы онъ, будучи въ Россіи, отъ святѣйшаго правительствующаго синода посвященъ епископомъ“ *). Въ Мануиловкѣ и другихъ старообрядческихъ молдавскихъ слободахъ, а равно и въ Забахлуйскомъ предмѣстьѣ города Яссъ, онъ не могъ въ то время найти себѣ приверженцевъ. Объ его „крѣпкомъ стояніи за древлее благочестіе святоотеческія преданія“, объ его „страданіяхъ“ и великомъ подвижничествѣ въ отдаленныхъ странахъ Россіи тамъ не знали и даже не слыхали, а извѣстіе о мнимомъ посвященіи его петербургскимъ синодомъ приняли недовѣрчиво. Еще полугода не прошло съ тѣхъ поръ, какъ между ними былъ другой такой же „свѣжакъ“ **), и тотъ также разсказывалъ про себя, что посвященъ онъ въ Россіи, однакоже архіерейство его оказалось самозваннымъ, и онъ, избѣгая достойной за свой обманъ кары, перешелъ въ католичество и, къ небывалому еще, безпримѣрному соблазну, женился и поступилъ въ военную службу. Аноимъ былъ встрѣченъ въ Молдавіи насмѣшками. Нелегко было перенести это такому славолюбивому и своенравному человѣку. Онъ возненавидѣлъ молдавскихъ липованъ и, не доѣзжая Яссъ, поворотилъ изъ Рущера назадъ, за Прутъ. Здѣсь, въ Хотинскомъ цинутѣ, въ слободцѣ Вѣтрянкѣ, встрѣтилъ онъ радушный пріютъ у тамошнихъ старообрядцевъ и въ 1753 году основалъ тутъ свое пребываніе.

Въ Вѣтрянкѣ онъ обдумалъ планъ своихъ дѣйствій. Православнымъ румынамъ, славянамъ и грекамъ разсказывалъ, что онъ—русскій архіерей, удалившійся изъ отечества, и не распространялся о прежнихъ своихъ обстоятельствахъ. Да и не для чего распространяться: въ Россіи часто низлагали въ то время епископовъ и почти всегда безвинно: немало было и такихъ, которые сами удалялись изъ епархіи. Самые слѣды публичнаго наказанія на лицѣ Аноима не могли особенно удивить молдавскихъ православныхъ, ибо у нихъ ходили даже преувеличенные слухи о „гоненіи русскихъ епископовъ“ Прокоповичемъ, „вдавшимся въ люторскую ересь“, и единомышленниками его Бирономъ и иными нѣмцами. Знали и то, что рукоположившій Аноима въ дьячки Левъ воронежскій былъ сѣченъ кнутомъ публично и притомъ безвинно ***). Да и вообще

*) Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду 27 мая 1757 года въ «Дѣлѣ о раск. Аноимѣ» № 337.

**) Такъ заграничные раскольники зовутъ недавнихъ выходцевъ изъ Россіи.

***) Никогда не было у насъ такъ много низлагаемо архіереевъ, какъ въ теченіе сорока лѣтъ, съ 1718 по 1758. Въ это время казненъ смертью Досиѳей ростовскій 1718; сѣченъ кнутомъ Левъ воронежскій 1730; лишены

молдаванъ и грековъ не могли особенно удивлять ни клейма на лбу и скулахъ Аноима, ни рваныя его ноздри, ни покрытая кнутовыми рубцами спина: у нихъ, во владѣніяхъ турецкаго султана, бывали архіереи съ рѣзанными ушами. Это за важное не считалось. Аноиму легко было сказаться однимъ изъ русскихъ низложенныхъ архіереевъ передъ греками и румынами, но не такъ легко было огласить это среди жившихъ въ Молдовлахіи раскольниковъ: они бы навели, хотя бы посредствомъ Вѣтки или Стародубья, справки въ Петербургѣ и Москвѣ, и ложь Аноима рано или поздно открылась бы. Ему нужно было, чтобы румынскіе архіереи признали его за архіерея, за своего брата и сослужебника: тогда не послали бы за справками въ Россію. Съ этой цѣлью, вскорѣ по водвореніи въ Вѣтрянкѣ, поѣхалъ онъ въ Буковину, въ знаменитый тамошній православный монастырь Драгомирну, что̀ на рѣкѣ Сучавѣ. Здѣсь жилъ въ то время на покоѣ престарѣлый митрополитъ Мисаилъ, бывшій прежде радауцкій *). Аноимъ обратился къ этому добродушному, кроткому старцу, нуждавшемуся въ средствахъ, какъ вообще нуждаются на Востокѣ не имѣющіе епархіальныхъ доходовъ архіереи. За подарками дѣло не стало,—казны московской барыни было еще много у Аноима, но одними подарками нельзя было склонить Мисаила. Потому Аноимъ, явясь къ нему, какъ архіерей, ищущій ради успокоенія совѣсти святительскаго суда, просилъ исповѣдать его грѣхи и преподать въ нихъ разрѣшеніе. Мисаилъ принялъ его на духъ.

— Вамъ извѣстно, преосвященный владыка, — говорилъ ему Аноимъ:—что въ здѣшнихъ предѣлахъ есть много христіанъ восточныя вѣры, именуемыхъ липованами. Они не суть какіе-либо еретики, но отдѣлились отъ великороссійскія церкви единственно изъ-за грамматическихъ разгласій и нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, которые почитаютъ за свято и за велико. По простотѣ своей, ибо нѣтъ между ними людей ученыхъ и разумныхъ, они разгласіе свое съ великороссійскою церковью поставлютъ нѣкіимъ догматствованіемъ и не могутъ соединиться съ россійскою церковью во едино стадо. Россійскіе же епископы мнятъ силою ихъ въ общеніе привести и токмо паче раздражили ихъ до того, что, избѣгая мукъ и страданій, они оставляютъ свое отечество и забѣгаютъ въ чужія государства, какъ и въ сіи. Но, слѣдуя апостолу Павлу, иже съ немощными былъ, яко немощенъ, нѣкоторые изъ нашея братіи, еписко-

---

сана и заточены: Өеодосій новгородскій 1725; Игнатій коломенскій 1730; Сильвестръ казанскій 1731; Георгій ростовскій 1731; Варлаамъ кіевскій 1731; Өеофилактъ тверской 1735; Досиөей бѣлогородскій отлученъ 1736; Геннадій костромской отрѣшенъ 1757; удалились въ монастыри: Ааронъ корельскій 1721; Филоөей тобольскій 1727; Продіонъ черниговскій 1734; Иларіонъ тоже черниговскій 1738; Варлаамъ псковскій 1738; Петръ бѣлогородскій 1742; Леонидъ крутицкій 1742; Гавріилъ устюжскій 1748.

*) Радауцъ или Редовуцъ—городъ въ Буковинѣ, на рѣкѣ Сучавѣ, недалеко отъ монастыря Драгомирны и нынѣшней старообрядческой митрополіи —Бѣлой-Криницы.

повъ, оставя честь свою и сѣдѣніе во славѣ, пошли къ тѣмъ липованамъ пасти церковь Христову, да не погибнетъ какая-либо изъ овецъ заблудшихъ. Таковъ былъ въ Липованахъ епископъ Лука, который бѣжалъ изъ Великой Россіи, изъ дворца ихъ императорскихъ величествъ, и преименовалъ себя Аониогеномъ, — мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ: не стерпя бо зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убояся сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и доднесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства. Отъ того епископа Луки, когда онъ въ благочестіи еще пребывалъ, получилъ я хиротонію по всѣмъ степенямъ отъ игуменства даже до епископства. И отступленіемъ своимъ до римскихъ бископовъ преподаде онъ, епископъ Лука, намъ, смиреннымъ, великое сумнѣніе и неимовѣрство о своемъ святительствѣ. И потому нужда мнѣ подлежала вдатися до твоего святительскаго суда и принять своему сумнѣнію рѣшеніе и дѣйствительное благословеніе, — подобаетъ ли мнѣ священнодѣйствовати, какъ епископу?

Митрополитъ Мисаилъ, видя, что дѣло идетъ только о томъ, что хиротонисовавшій Аноима, уже послѣ его хиротоніи, уклонился въ римское католичество, отвѣчалъ:

— Не умретъ сынъ, отца ради, но душа согрѣшившая, та въ грѣхѣ.

Исповѣдавъ, далъ Аноиму разрѣшеніе въ грѣхахъ и, благословивъ его, написалъ ему разрѣшительную грамоту.

Аноимъ и то сказалъ Максиму, что онъ, по затруднительнымъ случаямъ, нужды ради и гоненія и тѣсноты обстоянія, рукоположенъ епископомъ Лукою не лично, но заочно, подобно тому, какъ Федимъ епископъ рукополагалъ св. Григорія въ санъ архіепископа Новой Кесаріи.

— Дѣйствительна ли моя хиротонія, — спрашивалъ онъ старца митрополита: — и что должно мнѣ дѣлать, чтобы она была совершенна?

— Для этого, — совѣтовалъ Мисаилъ: — надо, чтобы митрополитъ какія-либо области благословилъ тебя съ рукоположеніемъ и молитвами, не хиротонисуя вторично, ибо, какъ человѣкъ дважды не родится, такъ и хиротонія не повторяется.

Аноимъ просилъ Мисаила совершить надъ нимъ этотъ обрядъ, но тотъ уклонился, говоря, что это должно сдѣлать правительствующему митрополиту, сидящему на престолѣ своемъ, а ему, Мисаилу, того сдѣлать не можно, потому что онъ съ своей митрополіи сошелъ и въ Драгомирнѣ пребываетъ на покоѣ. И совѣтовалъ ему обратиться къ Іакову, митрополиту молдавскому, въ Яссахъ пребывающему, „во еже приняти отъ него дѣйствительное благословеніе". На Іакова Мисаилъ указалъ, по всей вѣроятности, потому, что монастырь Драгомирна, гдѣ происходила бесѣда его съ Аноимомъ, находился тогда въ епархіи ясскаго митрополита.

„И многу пользу и разсужденіе пріяхъ отъ его святыни", — говорилъ послѣ Аноимъ о Мисаилѣ.

Но, опасаясь ли старообрядцевъ Забахлуевскаго предмѣстья, не надѣясь ли на Іакова, Аноимъ и теперь въ Яссы не поѣхалъ, а воротился въ свою Вѣтрянку. А можетъ-быть, онъ и то соображалъ, что такъ какъ Вѣтрянка, гдѣ онъ жилъ, и весь Буджакъ (нынѣ Бессарабія) принадлежали къ епархіи браиловскаго, а не ясскаго митрополита, то ужъ лучше и правильнѣе просить руковозложенія у него, у браиловскаго. Кстати же онъ вскорѣ и прибылъ въ Хотинъ, обозрѣвая свою митрополію. Звали этого митрополита Даніиломъ, жилъ онъ въ монастырѣ при городѣ Рени и, какъ отзывался о немъ въ 1757 году ясскій митрополитъ русскому агенту, посланному въ Молдавію для развѣдыванія объ Аноимѣ, „человѣкъ былъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому по его благочестію знатная епархія поручена" *).

Аноимъ, этотъ высокомѣрный человѣкъ, не признававшій никого выше себя, требовавшій отъ всѣхъ одного поклоненія и нѣмого раболѣпства, теперь смиренно, рабски предсталъ предъ Даніиломъ въ Хотинѣ, съ разрѣшительною грамотой Мисаила въ рукахъ. Извѣстно, какъ и зачѣмъ разъѣзжали и разъѣзжаютъ фанаріоты-епископы по своимъ вотчинамъ-епархіямъ. Аноимъ предсталъ предъ Даніиломъ, какъ непредвидѣнная въ митрополичьемъ бюджетѣ статья, и потому неудивительно, что липованскій архіерей былъ любезно принятъ и предупредительно выслушанъ браиловскимъ владыкой. Аноимъ подалъ ему особую бумагу, въ которой изложилъ всѣ свои обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ разсказывалъ Мисаилу, еще подробнѣе говорилъ онъ Даніилу „на рѣчахъ" и подалъ грамоту, добытую въ Драгомирнѣ. Браиловскій митрополитъ нисколько не усомнился, похвалилъ разсужденія Мисаила и, согласившись совершить надъ Аноимомъ обрядъ руковозложенія для подкрѣпленія заочной его хиротоніи, велѣлъ приходить въ слѣдующее воскресенье въ хотинскій соборъ.

Полонъ былъ этотъ соборъ въ назначенное время. Много собралось туда старообрядцевъ той стороны. Даніилъ служилъ литургію, сослужителемъ былъ Аноимъ. Во время „трисвятаго", когда, по обычаю православной церкви, совершается архіерейская хиротонія, Даніилъ возложилъ на колѣнопреклоненнаго Аноима руки и прочиталъ надъ нимъ молитву благословенія. Обѣдню дослужили оба вмѣстѣ. Повѣщенные напередъ Аноимомъ старообрядцы изъ Вѣтрянки и слободъ, находящихся близъ Каменца, были при этомъ обрядѣ и разгласили повсюду о *хиротоніи* Аноима. Даніилъ благословилъ послѣ того Аноима управлять духовными дѣлами липованъ, живущихъ въ браиловской

---

*) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ».

епархіи, и во утвержденіе подписалъ грамоту, данную ему Мисаиломъ *).

Анөимъ, утвердившій, какъ сказано, свое мѣстопребываніе въ Вѣтрянкѣ, съ согласія Даніила, выхлопоталъ въ Портѣ фирманъ на построеніе въ этой слободѣ большой каменной церкви, которую задумалъ сдѣлать митрополіею всѣхъ липованъ, живущихъ во владѣніяхъ турецкаго султана. А такъ какъ липоване молдавскіе не захотѣли бы имѣть его своимъ главою, то властолюбивый и своенравный Анөимъ думалъ подчинить ихъ властью свѣтскою и православныхъ митрополитовъ. Въ старообрядческихъ обществахъ вездѣ, а особенно за границей, и тогда, какъ и теперь, всякаго рода дѣла рѣшаются выборными отъ міра старшинами, которые ворочаютъ всѣмъ. Духовныя лица тамъ только исполнители распоряженій старшинъ и находятся въ совершенной зависимости отъ богатыхъ и вліятельныхъ прихожанъ. Это не могло нравиться Анөиму, желавшему повелѣвать и требовавшему, чтобы каждое его слово исполнялось, какъ велѣніе свыше. Отсюда цѣлый рядъ столкно-

*) Впослѣдствіи, именно въ 1757 году, ясскій митрополитъ о руковозложеніи, совершенномъ Даніиломъ, такъ говорилъ агенту, посланному для разслѣдованій объ Анөимѣ отъ кіевскаго вице-губернатора: «а въ прошломъ 1756 году каковы присылалъ означенный лжеархіепископъ (Анөимъ) къ нему, ясскому митрополиту, два письма; оные, такожъ и грамоту, по которой будто онъ, Анөимъ архіепископъ, посвященъ, показывалъ и о грамотѣ упоминалъ, то оная фальшивая, и ежели-бъ она была подлинная, то должна-бъ быть на греческомъ діалектѣ». Но грамота, о которой говоритъ здѣсь Іаковъ (она помѣщена ниже въ примѣчаніи), дана была Анөиму впослѣдствіи не на санъ архіерея: эта грамота «избирательная» въ «архіепископы всего православія», то-есть въ главные архіереи надъ всѣми, бывшими тогда, старообрядческими архіереями. Не зная по-русски, Іаковъ, вѣроятно, принялъ эту грамоту за настольную на епископство, или за благословенную отъ Мисаила и Даніила. Но вѣдь Анөимъ писалъ же Іакову, что эту грамоту отнялъ у него католическій епископъ въ Радомыслѣ. Напротивъ, если бы грамота, которую представилъ Анөимъ Іакову, была написана по-гречески, она бы должна была почесться за фальшивую, ибо старообрядческіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не написали бы ее по-гречески. Далѣе Іаковъ говоритъ русскому агенту: «А чтобы браиловскій греческій митрополитъ объявленнаго лжеца въ архіепископы посвятилъ, то неправда: оный митрополитъ Даніилъ человѣкъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому по его благочинію знатная епархія поручена, и чтобы такого плута въ такое знатное архіепископство посвятилъ, и подумать нельзя, да и безъ патріаршаго благословенія никакъ митрополиту въ архіепископы посвятить не можно». Однакоже Епифаній былъ посвященъ ясскимъ митрополитомъ безъ патріаршаго благословенія. Отъ самого Даніила посланный изъ Кіева узнать ничего не могъ, ибо онъ въ то время (1757) уже пропалъ безъ вѣсти. Этому посланному такъ говорилъ митрополитъ Іаковъ: «А объявленный греческій митрополитъ Даніилъ въ прошломъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, былъ въ турецкомъ городѣ Бѣлградѣ, и оттуда куда и зачѣмъ отъѣхалъ и гдѣ нынѣ находится, или отъ разбойниковъ на дорогѣ убитъ, — о томъ никакого объ немъ слуху въ Яссахъ и понынѣ не имѣется».

вений его съ липованами, кончившійся гибелью этого властолюбиваго и гордаго человѣка.

Первымъ дѣйствіемъ липованскаго архіерея въ Бессарабіи было запрещеніе священнодѣйствовать попамъ, поставленнымъ Аѳиногеномъ *). Такъ высоко почиталъ Анѳимъ рукоположеніе Даніила, что уже не признавалъ дѣйствительности хиротоніи Аѳиногеновой, хотя и не отрицалъ впослѣдствіи, что самъ отъ него получилъ архіерейство. Весьма можетъ быть, что попы Аѳиногенова посвященія не хотѣли признать Анѳима своимъ владыкою, и онъ за то наложилъ на нихъ запрещеніе.

Окончательно рѣшившись утвердить свою каѳедру въ Вѣтрянкѣ, Анфимъ собрался ѣхать въ вѣтковскіе предѣлы, въ свою Боровицу, гдѣ давно ожидали его Елизавета съ дьякониссами и попы Буркины, гдѣ много было у него церковной утвари, которою теперь намѣревался онъ украсить новую свою вѣтрянскую церковь, гдѣ наконецъ находилась значительнѣйшая часть богатства, вывезеннаго Елизаветой изъ Москвы. Уже онъ совсѣмъ было-собрался въ путь, какъ совершенно неожиданное обстоятельство заставило его отложить поѣздку.

Въ 1753 году къ нему явилось посольство отъ кубанскихъ старообрядцевъ **). Они, узнавъ о старообрядческомъ епископѣ, живущемъ

---

*) Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ синоду. Въ «Дѣлѣ о раск. арх. Анѳимѣ» 1757 года, № 337.

**) Въ царствованіе Петра I произошелъ на Дону извѣстный бунтъ Кондратія Булавина (1708). Когда это возмущеніе, принявшее-было громадные размѣры, было подавлено воеводой кн. Долгоруковымъ, одинъ изъ главныхъ предводителей возстанія, атаманъ Игнатъ Некрасовъ, съ 2.000 казаковъ, убѣжалъ на р. Кубань, подвластную тогда крымскому хану подъ верховнымъ владычествомъ султана турецкаго. Всѣ бѣглецы были старообрядцы по поповщинѣ. Пришедши на Кубань, они въ такъ-называемыхъ Гребеняхъ завели много станицъ и заселили край, поступивъ въ подданство султана. Къ нимъ на «вольныя, обѣльныя земли» стали во множествѣ приходить казаки-старообрядцы съ Дона, Волги и Яика. Переселеніе на Кубань было такъ значительно, что обратило на себя вниманіе русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что кубанскіе казаки, съ вѣдома крымскаго хана и съ помощью кубанскихъ татаръ, дѣлали частыя вторженія въ предѣлы Россіи. Объ этомъ Петръ I писалъ въ іюлѣ 1710 года султану Ахмету III, но напрасно. Во время войны Петра съ Турціей, кубанцы, утѣсняемые русскими войсками, во множествѣ переселились вмѣстѣ съ Некрасовымъ въ Турцію. Построивъ каики, они переплыли Черное море и явились въ Константинополѣ, прося у султана земель для поселенія и предлагая службу противъ враговъ его, а въ особенности противъ Петра I. Просили они поселиться поближе къ русскимъ казакамъ и Запорожью. Имъ отведены были мѣста въ Добруджѣ и Бессарабіи по устьямъ Дуная, по рукаву Дуная, Дунавцу, и при озерѣ Разельмъ. Въ Добруджѣ они заселили три большія слободы: Серакой (по-русски Серяково), гдѣ теперь больше 600 домовъ, такой же величины слободу Слава и третье, Журилово, съ 500 домами. Другая, меньшая часть вышедшихъ въ Турцію съ Некрасовымъ казаковъ была поселена между Мраморнымъ моремъ и Архипелагомъ, неподалеку отъ устья рѣки Марицы, впадающей въ Эносскій заливъ. Тамъ, близъ города Эноса (родина перваго бѣлокриницкаго

въ Хотинской Раѣ, обратились къ нему, прося пріѣхать къ нимъ и у нихъ, въ Гребеняхъ, построить и освятить церковный причетъ. Вмѣстѣ съ просьбою кубанцевъ, посланцы привезли Анѳиму приглашеніе и отъ крымскаго хана, въ завѣдываніи котораго находились кубанцы. Анѳимъ съ радостью принялъ сильно льстившее его самолюбію приглашеніе и немедленно собрался въ путь. Пріѣхавъ въ Крымъ, онъ прежде всего явился къ тамошнему православному архіепископу Гедеону, жившему въ Херсонесѣ, что близъ нынѣшняго Севастополя. Это крайне не понравилось сопровождавшимъ его гребенскимъ кубанцамъ, которые во всякомъ сближеніи съ православнымъ духовенствомъ видѣли самое большое нарушеніе своей вѣры. Подозрѣніе въ томъ, не придерживается ли Анѳимъ никоніанства, запало въ душу этимъ грубымъ людямъ, но Анѳимъ былъ не изъ такихъ, чтобы сталъ обращать на подобныя вещи вниманіе. Гедеонъ принялъ его любезно, много бесѣдовалъ съ нимъ и далъ грамоту, которою передавалъ въ его вѣдѣніе всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ обширной его митрополіи, съ тѣмъ, чтобы онъ дѣйствовалъ среди нихъ архіерейски, ни отъ кого независимо. Еще не доѣзжая Крыма, въ Добруджѣ, гдѣ въ слободахъ Славѣ, Журиловкѣ и Серяковой жили также кубанцы, переселившіеся сюда съ своимъ атаманомъ Некрасовымъ и потому называвшіеся „некрасовцами“, онъ встрѣтился съ другимъ старообрядческимъ архіереемъ — Ѳеодосіемъ, и поладилъ съ нимъ. Этотъ Ѳеодосій былъ посвященъ въ санъ раскольническаго „епископа кубанскаго и терскаго“, то-есть для оставшихся въ Кубани гребенскихъ казаковъ — архіепископомъ крымскимъ. Гребенскіе кубанцы, чувствуя нужду въ епископѣ и слыша, что въ другихъ зарубежныхъ мѣстахъ, у одновѣрцевъ ихъ,

---

митрополита Амвросія), есть селеніе Казакъ-Кіой. Третья, также небольшая часть кубанскихъ казаковъ, поселена была въ Малой Азіи. Тамъ, неподалеку отъ Мраморнаго моря, есть большое селеніе, ими занимаемое, Банъ-Эвле, на рѣчкѣ Мандрозѣ. Другое поселеніе старообрядцевъ въ Малой Азіи, тоже называемое Казакъ-Кіой, находится близъ устья р. Кизиль-Ирмака. Третье, тоже называемое Казакъ-Кіой, — близъ черноморскаго лимана Деркоnъ, куда по зимамъ выѣзжаютъ старообрядцы изъ Банъ-Эвле для рыбной ловли. Во время войны султана Махмуда II съ египетскимъ пашой Мегемедъ-Али, 3000 казаковъ отправлены были въ Сирію, и которые уцѣлѣли въ сраженіяхъ, тѣ поселились въ Сиріи и Киликіи. Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, русскіе старообрядцы есть въ Египтѣ, даже въ самомъ Каирѣ, и около Багдада. Кубанцы въ Турціи извѣстны подъ именемъ *Игнатъ-казаковъ* (по имени предводителя ихъ Игната Некрасова), по-русски же больше называются «некрасовцами». Это народъ грубый и невѣжественный, но сохранившій всецѣло русскую народность во всѣхъ условіяхъ своего домашняго и общественнаго быта. Изъ Кубани не всѣ казаки выселились съ Некрасовымъ въ Турцію. Потомки оставшихся и до сихъ поръ входятъ въ составъ кубанскаго казачьяго войска. Всѣ они старообрядцы. Называются также «гребенскими казаками». Къ ихъ-то предкамъ и ѣздилъ Анѳимъ въ 1753 году.

есть такіе, обратились къ самому султану, прося его, чтобы онъ велѣлъ патріарху или крымскому архіепископу рукоположить имъ архіерея. Султанъ велѣлъ Гедеону исполнить желаніе кубанцевъ, а имъ приказалъ везти въ Херсонесъ выборнаго человѣка, котораго они считаютъ достойнымъ быть у нихъ архипастыремъ. Они привезли монаха Ѳеодосія. Гедеонъ всячески уклонялся отъ посвященія его, но, когда посланный султаномъ паша съ янычарами вошелъ въ церковь и именемъ султана велѣлъ Гедеону рукоположить его, крымскому владыкѣ дѣлать было нечего, и онъ неволею рукоположилъ Ѳеодосія въ санъ епископа кубанскаго и терскаго *). Но почему-то Ѳеодосій не остался у гребенскихъ кубанцевъ, а водворился у кубанцевъ-некрасовцевъ, жившихъ въ Добруджѣ.

Изъ Крыма Анѳимъ отправился на Кубань съ проѣзжею грамотой отъ хана, которому представлялся въ Бахчисараѣ. Сначала кубанцы приняли дорогого гостя радушно и съ великими почестями. Онъ устроилъ для нихъ монастырь и посвятилъ архимандрита, а по слободамъ—многое число поповъ, и далъ имъ универсалы, чтобы имѣть имъ по своимъ обрядамъ церковное служеніе. Потомъ рукоположилъ для Кубани двухъ епископовъ **), имена которыхъ намъ неизвѣстны. Недолго однако продолжалось доброе согласіе Анѳима съ гребенскими казаками. Онъ хотѣлъ властвовать, хотѣлъ стать во главѣ всего тамошняго казачества, требовалъ, чтобы не только другіе начальные люди, но и самъ атаманъ ничего не дѣлалъ безъ его благословенія, а кубанцы хотѣли, чтобъ архіерей зналъ свою церковь да поповъ, а въ ихъ дѣла не мѣшался. Пошли ссоры, брань, своенравный Анѳимъ слушать никого не хотѣлъ, и каждый день являлись съ его стороны новыя требованія и притязанія, а при малѣйшемъ противорѣчіи онъ грозилъ анаѳемой. Ужиться ему съ кубанцами было невозможно; притомъ же эти грубые, закоренѣлые въ невѣжествѣ полудикари, суевѣрные до крайней степени, заподозрѣли его въ никоніанствѣ, потому что у него былъ „Чиновникъ архіерейскаго служенія“, напечатанный въ Москвѣ во времена Петра I. Всѣ Гребени возмутились. „Какъ,—кричали казаки:—по еретической книгѣ намъ поповъ наставилъ да и самъ по ней служитъ! Мы отъ такихъ книгъ изъ Россіи ушли, а онъ, еретикъ, врагъ Божій, сюда къ намъ ихъ завезъ! Въ куль его да въ воду и съ книгами-то!“ Анѳимъ бѣжалъ, и казаки едва не пожгли всѣ церкви, имъ освященныя, называя ихъ еретическими, никоніанскими. Волненіе однако чрезъ нѣкоторое время утихло: нашлись между казаками люди благоразумные и притомъ вліятельные на ихъ кругахъ, которые убѣдили толпу, что Ан-

*) Инокъ Парѳеній въ своей книгѣ «О Промыслѣ Божіемъ», Москва, 1757 г., стр. 185, хотя и говоритъ, что крымскій архіепископъ (а не митрополитъ) посвятилъ Ѳеодосія только во іеромонахи, но изъ дѣла синода 1757 года. № 337, видно, что Ѳеодосій былъ епископомъ.

**) Доношеніе коллегіи иностран. дѣлъ синоду, 27 мая 1757 года.

онма прогнали они безъ достаточнаго основанія. Кубанцы раскаялись и послали къ нему новыхъ посланцевъ съ письменнымъ всенароднымъ моленіемъ, прося у него прощенія за свой поступокъ и приглашая его снова на Кубань. Они догнали его на дорогѣ, но Анонмъ былъ не изъ такихъ, чтобы прощать подобныя обиды. „Аще изгонять васъ изъ града, бѣгайте въ другой,—отвѣчалъ онъ посланнымъ.—Нога моя не будетъ у васъ, крамольники. Мира и благословенія вамъ не даю,—ступайте откуда пришли". И воротились посланные ни съ чѣмъ. Рукоположенные Анонмомъ два епископа продолжали однако архіерействовать на Кубани. Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба ихъ, но, судя по нѣкоторымъ толкамъ старообрядцевъ позднѣйшаго времени, можно предполагать, что поставленные Анонмомъ архіереи въ свою очередь посвятили другихъ, и что такимъ образомъ на Кавказѣ раскольническая іерархія, происшедшая отъ Анонма, не прекращалась *).

Возвратясь въ Вѣтрянку въ 1754 году, Анонмъ сталъ называться „епископомъ кубанскимъ и Хотинскія Раи". Изъ Вѣтрянки поѣхалъ онъ наконецъ въ Боровицу, гдѣ московская барыня, а теперь игуменья Елизавета, съ молоденькими дьякониссами и съ попами Буркиными уже болѣе года нетерпѣливо ожидали возвращенія своего архипастыря. Въ вѣтковскихъ предѣлахъ онъ пробылъ самое короткое время,

*) Еще до начала бѣлокриницкой митрополіи раскольники поповщинскаго согласія были несомнѣнно увѣрены, что на Кавказѣ, въ недоступныхъ русскому правительству мѣстахъ, есть старообрядческія поселенія, а тамъ и архіереи. Въ одномъ «Сказаніи о заграничныхъ раскольникахъ» говорится о старообрядцахъ, живущихъ гдѣ-то около Багдада, гдѣ у нихъ три епископства, а затѣмъ прибавлено: „есть христіане между землею Турскою и Персидскою при рѣкѣ Курѣ, именуемые *стрѣльцы*» (см. «Дѣло въ архивѣ московскаго военнаго генералъ-губернатора», 13 декабря 1837 г., по описи № 100). Въ сочиненіи «Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей святой древле-православной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся», писанномъ въ Москвѣ, въ 1861 году, говорится, что Геронтій и Павелъ, отыскивавшіе епископа для старообрядства и путешествовавшіе по разнымъ мѣстамъ почти 10 лѣтъ, прежде всего (въ 1837 году) отправились на Кавказъ: «*И, по слухамъ, будто бы въ закавказскихъ ущельяхъ находятся единовѣрные намъ православные епископы,* прежде обратились въ Грузію и прибыли въ городъ Тифлисъ, но тамъ ничего подобнаго сыскать не могли». Извѣстно, что въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія раскольниковъ за нарушеніе «уставовъ благочинія и благоустройства», а также за вторичное уклоненіе въ расколъ, ссылали на Кавказъ. Всѣ секты считали это за особенное милосердіе Божіе, видимыми путями приводящее ихъ къ соединенію. Каждый толкъ имѣлъ для сего основаніе: молокане—близость Арарата, скопцы—близость р. Ріона, акиноьевщина—Шемаху, и т. д., а старообрядцы поповщинскаго толка—близость къ епископамъ древляго благочестія, живущимъ въ ущельяхъ Кавказа. До того была сильна ихъ увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи іерархіи на Кавказѣ. Теперь изъ дѣла синода объ архіепископѣ Анонмѣ оказывается, что въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно были на Кавказѣ старообрядческіе архіереи.

необходимое только для сборовъ въ дальній путь. Вмѣстѣ съ Елизаветой и дьяконисами, съ попами и клириками, имъ рукоположенными, и нѣкоторыми своими приверженцами изъ мірянъ, всего съ 15 человѣками, поѣхалъ онъ въ Хотинскую Раю, гдѣ обѣщалъ своимъ домочадцамъ тихое и безмятежное жительство. Дорогой Анѳимъ очень сблизился съ молоденькими дьяконисами: обѣ онѣ сдѣлались беременны *). Проѣзжалъ Анѳимъ гласно, съ нѣкоторою даже торжественностью, называя себя православнымъ епископомъ, посланнымъ будто бы отъ русскаго правительства въ польскія владѣнія и въ Молдовлахію отыскивать тамъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ и вывозить ихъ назадъ въ Россію. Такъ сказался онъ и въ мѣстечкѣ Радомыслѣ **). Случившійся въ то время въ этомъ мѣстечкѣ епархіальный католическій епископъ, узнавъ отъ своихъ людей о такой миссіи проѣзжавшаго Анѳима, хотѣлъ подробнѣе и точнѣе удостовѣриться въ томъ и послалъ за Анѳимомъ, требуя, чтобъ онъ немедленно явился къ нему. Анѳимъ перепугался и поскакалъ наскоро по дорогѣ въ Житоміръ. Его бѣгство возбудило въ бискупѣ сильное подозрѣніе; была послана погоня, и въ двухъ миляхъ отъ Радомысля Анѳимъ со спутниками былъ схваченъ и привезенъ къ бискупу. Бискупъ разсмотрѣлъ Анѳимовы бумаги и удостовѣрился, что онъ обманщикъ и никакого порученія отъ русскаго правительства не имѣетъ. Вообще Анѳимъ показался ему лицомъ подозрительнымъ. Неточные, неопредѣлительные и сбивчивые его отвѣты, а больше всего рваныя ноздри внушили прелату подозрѣніе, что это какой-нибудь преступникъ, бѣжавшій съ русской каторги. Онъ посадилъ Анѳима въ тюрьму вмѣстѣ съ дьяконисами и всѣмъ его причтомъ. „А которые были съ бородами попы и мужики, тѣхъ всѣхъ перебрилъ, а его (Анѳима) не брилъ, и деньги и сосудъ его церковный и ризницу, которой у него было сотъ на пять, обралъ“ ***). Нѣсколько недѣль Анѳимъ,

---

*) Показаніе казака Семена Чижова: «И оной называемой епископъ ѣздилъ чрезъ Польшу въ Волотчину и на дорогѣ тѣхъ дьяконисъ учинилъ непраздныхъ... гдѣ будучи (въ Чебарчѣ) дьякониссы его родили одна мальчика, а другая дѣвочку». См. «Дѣло о раск. арх. Анѳимѣ».

**) Уѣздный городъ Кіевской губерніи, тогда бывшій въ польскихъ владѣніяхъ. Въ допросѣ Семена Чижова онъ названъ «Радоможемъ».

***) Допросъ казака Чижова въ «Дѣлѣ о раск. арх. Анѳимѣ» № 337. Объ этомъ происшествіи съ Анѳимомъ говоритъ и Иванъ Алексѣевъ въ своей «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 66: «Послѣ бо сего дерзновенія (рукоположенія отъ Аѳиногена) Анѳимъ отшедъ, и тако по нѣкоимъ странамъ проходя, апостольствуя, рукополагая прочихъ, возвратися оттуду, возмездіе своего дѣла воспрія: ятъ бо бысть нѣкоимъ въ Польшѣ и могилевскому епископу вданъ, и той остриже ему главу и браду, въ темницу затвори поволѣ. И тако прокаженъ едва оттуду утече и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скрыся». Если такъ, то это былъ православный могилевскій епископъ Іеронимъ (Волчанскій), предшественникъ знаменитаго Георгія Конисскаго. Но Чижовъ зналъ вѣрнѣе; онъ прямо говоритъ, что это былъ католическій епископъ; то же послѣ писалъ и самъ Анѳимъ къ Іакову.

со всѣми его приближенными, томился въ каменной тюрьмѣ Радомысля. Впослѣдствіи Анѳимъ, объясняя ясскому митрополиту это обстоятельство, говорилъ, что польскіе бискупы хотѣли его обратить въ унію. „Того ради много озлобленія пріяхомъ за правовѣріе нашея восточныя церкви,—писалъ онъ къ этому митрополиту:—и того ради насъ замуроваша въ каменную стѣну, и едва, Вышняго Бога помощію, ушелъ изъ рукъ ихъ, а имѣніе мое, и люди, и кони, и всѣ грамоты даже и до днесь въ рукахъ ихъ" *). На счастье Анѳима, вступился за него панъ Лабуньскій, владѣлецъ слободы Рудницкой, которая была населена старообрядцами, признавшими правильность епископства Анѳимова. Они просили Лабуньскаго, а Лабуньскій, весьма дорожившій поселившимися на его земляхъ старообрядцами, ибо они доставляли ему отличный доходъ, принялся хлопотать у епископа за Анѳима и вскорѣ успѣлъ его выручить. Пробывъ двѣ недѣли въ слободѣ Рудницкой, среди выручившихъ его одновѣрцевъ, Анѳимъ съ дьякониссами отправился въ Бессарабію, но почему-то не поѣхалъ въ Вѣтрянку, а поселился въ слободѣ Чебарчи, или Чобурчи, на берегу Днѣпра **).

Въ началѣ слѣдующаго 1755 года, въ слободу Чобурчи прибыло новое посольство къ Анѳиму. Оно было изъ Добруджи отъ тамошнихъ кубанцевъ, или некрасовцевъ. Всѣ три слободы ихъ, будучи недовольны епископомъ Ѳеодосіемъ за то, что онъ не хотѣлъ признавать православныя церкви, греческія и русскія, полными всякаго нечестія и не имѣющими ни малѣйшаго слѣда благочестія, звали къ себѣ Анѳима для водворенія церковнаго благочинія и благоустройства. И въ Славѣ, и въ Журиловкѣ, и въ Сераковѣ шла тогда большая неурядица въ духовныхъ дѣлахъ. Смятенія были до того велики, что старообрядческій епископъ Ѳеодосій со своими приверженцами принужденъ былъ удалиться изъ Добруджи, гдѣ грубые, буйные некрасовцы грозили ему смертью. У нихъ, какъ и на Кубани, расправа была короткая: соберутъ „кругъ" и начнутъ совѣтоваться; старики приговорятъ: „въ куль да въ воду", а молодые тотчасъ и исполняютъ приговоръ. Едва избѣжавъ смерти, Ѳеодосій поселился на лѣвой сторонѣ Днѣстра, неподалеку отъ возникшаго впослѣдствіи города Одессы. Здѣсь онъ построилъ старообрядческую слободу Маяки, что нынѣ городъ Херсонской губерніи. Онъ и умеръ впослѣдствіи въ Маякахъ и похороненъ тамъ. До сихъ поръ жители этой слободы, считая Ѳеодосія святымъ, благоговѣйно чтутъ могилу этого „епископа кубанскаго и терскаго".

Анѳимъ прибылъ къ некрасовцамъ въ слободу Славу вмѣстѣ со всѣми

---

*) Письмо Анѳима къ митрополиту Іакову 12 декабря 1756 г. «Дѣло о раск. арх. Анѳимѣ», № 337.

**) Чобурчи, или Чебарчи, нынѣ казенное село Аккерманскаго уѣзда Бессарабской области, съ 212 дворами, на правомъ берегу Днѣпра. Противъ него, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Одесскомъ уѣздѣ, есть другое село Чобурчи съ 217 дворами.

своими присными: съ дьяконисами, съ попами Іосифомъ и Матвѣемъ Буркиными и всѣмъ клиромъ церковнымъ. Сначала онъ поладилъ съ казаками и, кажется, даже успѣлъ помирить съ ними Ѳеодосія, освятилъ для нихъ церковь, наставилъ поповъ и дьяконовъ столько, сколько имъ хотѣлось. Некрасовцы тоже были довольны Анѳимомъ и предложили ему поселиться у нихъ и быть „архіепископомъ всего православія". Анѳимъ не заставилъ долго просить себя и церковь въ слободѣ Славѣ сдѣлалъ своей митрополіей, наименовавъ ее „соборною церковью всего православія". Самыхъ горячихъ своихъ приверженцевъ онъ пристроилъ къ этой церкви: Матвѣя Буркина сдѣлалъ „экономомъ соборныя церкви всего православія", а брата его Іосифа „логоѳетомъ". Самъ же принялъ на себя званіе „архіепископа всѣхъ старообрядцевъ", живущихъ въ подданствѣ турецкаго султана и крымскаго хана *). На соборъ, бывшій по этому случаю 20 апрѣля 1755 года въ Славѣ, пріѣзжалъ изъ Маяковъ и Ѳеодосій. Съ епископами, находившимися на предгоріяхъ Кавказа, на рѣкѣ Кубани, снеслись заблаговременно, и отъ нихъ получено было согласіе на возведеніе Анѳима въ санъ „архіепископа".

---

*) На соборѣ 20 апрѣля 1755 года была составлена слѣдующая грамота на возведеніе Анѳима въ санъ архіепископа:

«*Божіею милостію смиренный Анѳимъ, архіепископъ всего православія.*

«*Боголюбивый епископъ Ѳеодосій, кубанскій и терскій.*

«По благодати, дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, данной намъ отъ самаго великаго архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, черезъ святыя и священныя его апостолы, и ихъ намѣстники и преемники, другъ-другопріимательнѣ даже до насъ порученной, со общаго соборнаго совѣту, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, избраніемъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего причта церковнаго, избрахомъ благочестиваго сего епископа Анѳима кубанскаго и Хотинскія Раи во *архіепископы*, во еже быти ему старѣйшимъ епископомъ и наблюдателю и правителю православныя церкве греческаго исповѣданія православныя вѣры, древле-церковнаго преданія, великороссійскія церкве всего православія, наполняющу мѣсто отценачальниковъ и имѣющу честь и сѣданіе архіепископа и по обычаю святыя восточныя и апостольскія церкве, благодатію того же Всесвятаго и Животворящаго и Всесовершающаго Духа, произведохомъ и рукоположихомъ его на святопреизящнѣйшій степень *архіепископства всего православія*, не изъ падающей церкви и гонимѣй отъ безбожныхъ языкъ и отъ еретиковъ, обаче благодатію Христовою укрѣпляемѣй, но по неложному Его, Спасителя нашего Бога, обѣщанію, рекшаго сице: «се Азъ съ вами во вся дни до скончанія вѣка». Долженъ же онъ, архіепископъ Анѳимъ, по своему обѣщанію и по излившейся нанъ благодати Всесвятаго Духа, имѣти стражбу о священныхъ канонѣхъ, божественныхъ правилъ храненія, поручено бо есть ему твердо соблюдати я, да ничто же отъ нихъ преступаемо и забытіемъ не минуемо, ни изысканіемъ оставляемо въ мукахъ онѣхъ изыскано будетъ, и древле-церковная преданія великороссійскія церкве сохраняти и защищати, и расширяти, и умножати, и вся, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, совершати, и никакого насилія и обидъ, и лихоимства не творити; сущимъ

Но Аноимъ недолго ладилъ съ некрасовцами. Своимъ характеромъ, своимъ стремленіемъ подчинить себѣ всѣхъ атамановъ до такой степени, чтобы не могли они безъ его воли ничего предпринимать, своими высокомѣрными выходками онъ возбудилъ всеобщее на себя неудовольствіе; притомъ же отношенія его къ дьякониссамъ были слишкомъ явны и производили большой соблазнъ между Игнатъ-казаками, которые хотя и не отличались скромностію и цѣломудріемъ, однако не могли терпѣть соблазна, производимаго ихъ архипастыремъ. Но всего болѣе раздражали ихъ отзывы Аноима о православныхъ греческихъ архіереяхъ. Мы уже видѣли, какъ онъ искалъ благосклонности митрополитовъ ясскаго, браиловскаго, редовуцкаго, крымскаго; это узнали некрасовцы и были тѣмъ крайне недовольны. Когда же, говоря о разныхъ духовныхъ дѣлахъ, Аноимъ сталъ ссылаться на этихъ митрополитовъ, какъ на авторитеты, и отзываться о нихъ съ почтеніемъ, а не съ ругательствами и проклятіями, на которыя такъ щедры были некрасовцы, они его возненавидѣли едва ли не больше, чѣмъ бывшаго у нихъ до того Ѳеодосія. Первые заводчики смуты противъ Аноима были, впрочемъ, не сами некрасовцы, а народъ пришлый изъ молдавскихъ старообрядческихъ слободъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ впослѣдствіи самъ Аноимъ. Замутились некрасовцы, а съ ними и попы не Аноимова поставленья, и черницы, и уставщики, и клиръ. Раздался извѣстный кликъ: „въ куль да въ воду!“. Но Аноимъ и на этотъ разъ избѣжалъ бѣды: онъ успѣлъ уйти въ Чобурчи съ дьякониссами, логоѳетомъ и экономомъ. Некрасовцы послали за нимъ погоню. На дорогѣ догнали архіепископа, ограбили его дочиста и едва не убили *). Добравшись до Чобурчей, Аноимъ

подъ нимъ епископомъ, имъ церкви Божія отъ службы упражняти, злата и сребра, или иного нѣкоего вида; яко да не преступникъ Божьихъ заповѣдей и апостольскихъ велѣній обращается, по 4 правилу 7 Вселенскаго собора. И безъ совѣта сущихъ подъ нимъ епископовъ ничто же творити, но предлагати на всяко лѣто нужнѣйшія вещи всему освященному собору, яко правило святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ повелѣваетъ. Во увѣреніе же сего написанія здѣ краткая соборная грамота, руками подписанная и печатію запечатанная. Лѣта міросозданія 7263 (1755) году, мѣсяца апрѣля въ 20 день.

«Экономъ соборныя церкви, священноіерей Матвѣй Буркинъ.

«Логоѳетъ, священноинокъ Іосифъ».

Копія съ этой грамоты хранится въ архивѣ синода.

*) Письмо Аноима къ ясскому митрополиту, 12 декабря 1756 года. «Третіе озлобленіе отъ сихъ суевѣрниковъ и своевольниковъ, поповъ, и черцовъ, и мужиковъ, навожденіемъ и совѣтомъ обрѣтающихся въ митрополіи вашей: разбили меня на дорогѣ въ проѣздѣ моемъ съ Кубани (некрасовцы въ бумагахъ того времени зовутся еще кубанцами, самыя поселенія ихъ въ Добруджѣ — Кубанью) на Чебарчи, и каково руганіе показаша, ни едино слово представити можетъ и вмалѣ, такожде смерти меня не предаша и имѣніе мое вся взяша; обаче сіи злотворцы изысканы ханскою грамотою и рукой вѣрныхъ нашихъ и нами, а нині имѣются еще не сысканы въ митрополіи вашего преосвященства, о которыхъ обидникахъ и прошеніе послалъ до вашего преосвященства, но еже сыскать тѣхъ обид-

сдѣлался отцомъ семейства: обѣ дьякониссы родили — одна мальчика, другая дѣвочку. Послѣ такого скандала ему нельзя было оставаться въ Чобурчахъ, и онъ водворился на старомъ мѣстѣ, въ Вѣтрянкѣ. Здѣсь онъ началъ искъ противъ ограбившихъ его, жаловался крымскому хану и самому султану. По распоряженію хана и по султанскому фирману, кое-что изъ пограбленнаго имущества было найдено, но далеко не все. Послѣ грабежей въ Радомыслѣ и на пути изъ некрасовскихъ слободъ, Анеимъ обѣднѣлъ: почти все, что̀ досталось ему отъ московской барыни, почти все, что̀ было нажито архіерействованіемъ, осталось въ рукахъ хищниковъ. На послѣднія деньги онъ принялся однако строить въ Вѣтрянкѣ давно задуманную имъ каменную церковь, но 24 ноября 1756 года, когда самого Анеима въ Вѣтрянкѣ не было, изъ старой деревянной церкви воры украли заготовленныя на постройку немалыя деньги и также все церковное украшеніе, потиры, митры, ризы и пр.*). Украли и всю архіерейскую ризницу, такъ что Анеиму и служить было не въ чемъ. Онъ подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ враждебныхъ ему старообрядцевъ и, кажется, не безъ основанія. Совсѣмъ обездолили они такъ недавно еще богатаго Анеима. Теперь онъ былъ почти нищій.

А между тѣмъ паства его умалялась; его уже знать не хотѣли и бѣгали, какъ еретика, и некрасовцы, и жившіе въ Молдавіи старообрядцы, и жившіе въ польскихъ владѣніяхъ. Лишь немногіе изъ бессарабскихъ старообрядцевъ да жители села Хребтовки, что̀ въ Подоліи, еще признавали его своимъ архипастыремъ. На Кубани, кажется, забыли Анеима. Отшатнувшись отъ Анеима и прогнавъ его поповъ, заднѣстровская поповщина попрежнему, съ большими трудами, съ большими пожертвованіями, стала добывать себѣ бѣглыхъ поповъ изъ Россіи, и эти попы естественно сдѣлались самыми сильными и самыми опасными врагами Анеима. Изъ нихъ самыми вліятельными на народъ оказались священствовавшіе въ Сальцахъ—черный попъ Макарій, родомъ южнорусс (руснякъ) и, если вѣрить Анеиму, бывшій уніатъ, да попъ Иванъ Андреевъ, священствовавшій прежде въ Россіи, но потомъ лишенный сана, отданный въ солдаты и бѣжавшіи къ старообрядцамъ за границу. Оба они безпрестанно и ревностно оглашали Анеима самозваннымъ архіереемъ и еретикомъ, продавшимъ свою совѣсть и древлее благочестіе греческимъ митрополитамъ за мірскія почести. На все, что̀ пришлось Анеиму вытерпѣть на Кубани и въ Добруджѣ, они указывали, какъ на сильные аргументы его еретичества. „Вотъ, смотрите, православные,—говорили они: — такіе ревнители, такіе поборники древляго благочестія, каковы оные кубанцы, первые увидали подъ овчей кожей алчнаго волка: отъ нихъ не можетъ скрыться никакое еретическое дѣй-

---

никовъ и намъ ихъ выдать, на что и салтанская грамота, именно на нихъ, дана и велѣно ихъ взять изъ вашей области». «Дѣло святѣйшаго синода о раскольническомъ архіепископѣ Анеимѣ», № 337.

*) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анеимѣ», 1757 г., № 337.

ство". Разсказывая объ отношеніяхъ Аноима къ обѣимъ дьяконисcамъ, о томъ, что онъ живетъ съ двумя семьями, попы насмѣшливо говорили: „Вотъ Аноимъ ужъ и впрямь архіерей по чину Мелхиседекову! У него, что у турки, двѣ жены, коли не завелъ третьей!" И Макарій и Иванъ Андреевъ говорили, что изъ всѣхъ ересей, какія когда-либо бывали на свѣтѣ, нѣтъ и не бывало злѣе ереси Аноимовой, и потому даже перекрещивали и перевѣнчивали крещенныхъ и вѣнчанныхъ попами аноимовскаго поставленья. Были и другіе попы, обличавшіе Аноима, называвшіе его еретикомъ и отклонявшіе отъ него народъ. Изъ нихъ особенно вліятеленъ былъ жившій въ слободѣ Кроковѣ (въ Молдавіи) престарѣлый іеромонахъ Авраамій, котораго молдавскіе и бессарабскіе старообрядцы звали своимъ „патріархомъ", и другой, по имени Николай, жившій въ Долгой-Полянѣ, что̀ въ Бессарабіи.

Плохо приходилось Аноиму; со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ врагами; положеніе его было хуже того, въ какомъ находился Аѳиногенъ передъ бѣгствомъ въ Каменецъ. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ вздумалъ онъ прибѣгнуть къ митрополитамъ и патріарху константинопольскому. Онъ подалъ доношеніе Даніилу браиловскому, прося его представить его просьбу самому цареградскому патріарху, а черезъ нѣсколько времени послалъ другое такого же рода доношеніе къ митрополиту молдавскому. Вотъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ любопытный документъ:

„Великому господину, преосвященнѣйшему архіепископу Іакову, митрополиту всея Молдавскія земли.

Доношеніе.

„Доноситъ вашему преосвященству Аноимъ, епископъ кубанскій, а о чемъ мое доношеніе, тому слѣдуютъ пункты:

„I. Извѣстно вашему преосвященству, что въ митрополіи вашей имѣется многочисленнаго народа, великороссійскихъ людей, именуемыхъ *липовени*, и зовутся христіане греческаго исповѣданія, а отъ патріарховъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и всего священническаго чина дѣйствительныхъ священниковъ отступили и вси ни во что вмѣняютъ и всѣхъ таинствъ церковныхъ не принимаютъ, токмо нѣкоторыя. Изъ нихъ имѣютъ у себя поповъ бѣглыхъ изъ Великороссіи и отъ прочихъ епархіевъ и *отъ своихъ архіереовъ запрещенныхъ*, овыхъ разстриженныхъ, овыхъ безмѣстныхъ, и весьма грубыхъ, и неразумныхъ, и невѣждей сущихъ, о чемъ ясно описано мною въ поданномъ отъ меня доношеніи Даніилу, митрополиту Проилаву (Браилову?), которое послано и до святѣйшаго *нашего* патріарха константинопольскаго, Кирилла.

„II. И оныхъ поповъ пріимаетъ у нихъ попъ, который къ нимъ, мужикамъ, прежде пришелъ. И съ ними, мужиками, пришедшаго къ нимъ попа пріимаетъ сице: повелитъ ему проклясть всѣхъ восточныя церкве архіереовъ и прочіе чины и уставы, дѣйствуемые въ восточной церкви;

и приноситъ оный попъ всѣмъ у нихъ прощеніе черцамъ и черницамъ, и мужикамъ и бабамъ, яко бы былъ въ ереси, и тако благословеніе принявъ отъ нихъ шарверомъ (?) дѣйствуетъ у нихъ и учитъ и утверждаетъ тако, что можетъ-де приходящихъ отъ ереси пріять и попъ попа; и благословить его священнодѣйствовать, зане-де іерейское благословеніе съ архіерейскими равно есть, и тако восточныя церкве архіереовъ всѣхъ еретиками имянуютъ, точію себя православными зовутъ, и въ нихъ обѣщанію Христову глаголютъ исполнитися, реченному сице: „се Азъ съ вами до скончанія вѣка“.

„III. А ежели кто, *бывъ въ нихъ и познавъ ихъ прелесть, пріидетъ въ сообщеніе соборныя церкви и пріиметъ разрѣшеніе своимъ согрѣшеніямъ, и дѣйствительное благословеніе отъ преосвященныхъ архіереовъ, яко же и азъ, смиренный* *), *бывый въ ихъ заблужденіи и пріялъ благословеніе и исполненіе святыни съ руковозложеніемъ* и молитвами чрезъ преосвященнѣйшаго митрополита Даніила и *совершенную власть епископскую* съ подписаніемъ рукъ отъ его преосвященства Проилава, Даніила и архіепископа Гедеона крымскаго и духовнаго моего отца прочінъ епископа Мисаилы редовуцкаго, то они отступницы, липовени, таковаго зовутъ еретикомъ и отступникомъ отъ православныя вѣры, и многія клеветы и укоризны произносятъ на православныхъ служителей всюды, дабы точію ихъ прелесть славна была и вездѣ распространялась въ сынахъ погибельныхъ и въ невѣжественныхъ и заблудныхъ человѣкахъ, яко овцахъ, неимущихъ пастырей.

„IV. А отъ насъ, смиренныхъ, восточныя церкве благочестивыхъ священниковъ, крещенныхъ человѣковъ, ежели кто пріидетъ въ ихъ прелестное мудрованіе, то овыхъ перекрещиваютъ, овыхъ мvромъ помазываютъ, котораго мvра у нихъ и не бывало, и другъ послѣ друга перекрещиваютъ, и браки перевѣнчиваютъ, яко же чинится нынѣ въ митрополіи вашего преосвященства отъ нихъ, неосвященныхъ липованскихъ священниковъ.

„V. Есть въ Замостіи черный попъ Макарій, который родомъ руснакъ, поставленъ въ попы во уніи, и отъ нихъ, уніатовъ, ушелъ и крестился у липованъ, и былъ простымъ мужикомъ, потомъ паки въ унію своими епископы уніатскими пріятъ во унію, и служилъ года съ три, и паки къ липованамъ пришелъ въ митрополію вашего преосвященства, и отъ липованскаго попа постригся въ монахи, и благословеніемъ черцовъ и мужиковъ священнодѣйствуетъ и до днесь на Замостіи и на Сокольницахъ и на прочихъ слободахъ, — креститъ, исповѣдуетъ, браки вѣнчаетъ и прочія дѣйствія дѣйствуетъ, что ему повелятъ мужики, яко же у лютеранъ: ратушею пастора избираютъ и даютъ черную епанчу, а не архіереи рукополагаютъ.

*) Стало-быть, Анонимъ не считалъ уже болѣе себя старообрядцемъ, а обратившимся изъ раскола въ православіе.

„VI. А послѣ сего попа Макарія, нынѣ явившійся на Сальцахъ попъ Иванъ Андреевъ перекрещиваетъ второе и браки перевѣнчиваетъ. А сей попъ Иванъ Андреевъ былъ въ Россіи разстриженъ по правильной винѣ, и въ солдаты отданъ, и ушедъ, здѣ дѣйствуетъ въ митрополіи вашего преосвященства. Такожде и другій чернецъ, попъ Пафнутій, бывый разстриженъ, и той дѣйствуетъ въ митрополіи вашей, ѣздя по всѣмъ липованамъ. А нынѣ имѣется на Долгой-Полянѣ и черный попъ Николай, который постриженъ отъ попа чернаго, неимущаго архіерейскаго благословенія и ставленныя грамоты, и священнодѣйствуетъ на Кроковѣ у вашего преосвященства. И еще попъ Авраамій имѣется на Долгой-Полянѣ, такожде бывый бѣлый попъ, и постригся отъ чернаго же попа, неимущаго епископскаго благословенія, и самъ не имѣетъ іеромонашескія грамоты, а священнодѣйствуетъ въ митрополіи вашея святыни. Сего попа они имѣютъ яко патріарха, старости ради. И сіи вышепоказанные неосвященніи священницы дѣйствуютъ во всѣхъ слободахъ въ митрополіи вашего преосвященства, не опасаяся никого, но надѣясь на гроши мужиковъ, а вашему преосвященству о семъ неизвѣстно, что они какіе люди. И черные ихъ попы дѣйствуютъ вся мірскія потребы безъ благословенія епископскаго, въ противность правиламъ святыхъ отецъ и всея восточныя церкви.

„VII. А нынѣ вѣдомо учинилось нашему смиренію, что оные пустопопы между собой совѣтъ учинили, дабы поставить себѣ церковь въ митрополіи вашего преосвященства, на Долгой-Полянѣ, позволенія времене чрезъ мужиковъ отъ великаго вашего государя. И вашему преосвященству о семъ извѣстно ли? Аще ли вѣдомо, то убо не подобаетъ о семъ вашему архипастырству не радѣть, дабы таковые своевольники церковь имѣли внутрь митрополіи вашего преосвященства, но подобаетъ всяко тщаніе имѣть и совѣтовать съ великимъ государемъ и не попущать церковь строить таковымъ прелестникомъ на утвержденіе прелести ихъ, дондеже приложити подъ паству или вашего преосвященства живущіе въ митрополіи вашей, или къ намъ, смиреннымъ, да имѣютъ покореніе братскія любве насъ, смиренныхъ, съ вашимъ преосвященствомъ, какъ и его преосвященство Даніилъ митрополитъ и его преосвященство Гедеонъ архіепископъ позволили, и благословили, и подписалися, дабы мнѣ имѣть власть и смотрѣніе надъ таковыми людьми, а не своеволіемъ и разбойническимъ правомъ, въ противность правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, яко же вышепоказанные своевольники безчинствомъ своимъ говорятъ: ибо сіи ругатели восточныя церкви—откуда имѣютъ муро? Откуда антиминсы? И подъ паствою котораго архіерея хотятъ быть? Развѣ въ своеволіи церковь имѣть хотятъ сіи разстриги, яко же обычай имъ есть, да удобѣе свою прелесть и своеволіе утвердятъ и распространятъ? И о семъ вашему преосвященству не подобаетъ небрещи, но всяко тщаніе имѣть, дабы таковыя ереси покуль не имѣли растенія внутрь митрополіи вашего преосвя-

щенства и отъ братіи своея, преосвященныхъ архіереовъ, зазрѣнія не было, зане вамъ имѣется всяка власть и свобода ко возбраненію таковыя прелести во всей митрополіи.

„VIII. Егда же сіи своевольники, мужики, просятъ что имѣть у вашего преосвященства или церковь поставить или о которомъ попѣ именно, то подобаетъ вашему преосвященству ихъ вопросить: съ вѣдома ли они просятъ о церкви нашего смиренія у вашего преосвященства, и имѣется ли отъ мене письменное прошеніе о томъ до вашего преосвященства, и попъ оный, о которомъ они просятъ, имѣетъ ли ставленную или правильную грамоту и за подписаніемъ ли руки нашего смиренія, понеже мы, смиренніи, имъ, липованамъ, пастыри есми, аще они и чинятся непокорные отъ своеволія, обаче намъ, пастыремъ сущимъ, подобаетъ всякое имѣть разсужденіе, да братство и любовь будутъ и исполнится на насъ реченное Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: „о семъ познають вси, яко Мои есте ученицы, аще любовь имате между собою". А не смотрѣть бы вашему преосвященству ни на какія ихъ, мужиковъ, оговорки, что будутъ клеветать на наше смиреніе, ибо наши люди весьма лукави, и вашему преосвященству ихъ пронырства неудобь можетъ достижно уразумѣтися, ибо они не хотятъ никакимъ образомъ подъ паствою пастыря быть, но токмо въ самочиніи и въ отчужденіи восточныя церкви, о чемъ пространнѣе будемъ имѣть разговоръ о семъ съ вашимъ преосвященствомъ, когда персонально видѣтися будемъ.

„Того ради нынѣ ваше преосвященство прошу сіе мое доношеніе принять и о вышеписанномъ разсмотрѣніе учинить и такимъ своевольникамъ церковь строить не попущать безъ вѣдѣнія нашего смиренія и поповъ ихъ всѣхъ освидѣтельствовать, а таковыхъ бы ересей имъ творить возбранить, что по дважды и по трижды крестить каждаго человѣка, такожде и вѣнчать по дважды, и постригать черцовъ и черницъ по дважды, а неимущимъ самимъ власти ни единыя отъ преосвященныхъ архіереовъ, а быть бы подъ властію архіерейскою имъ, попамъ, а не по своей волѣ, а съ нашимъ смиреніемъ вашему преосвященству союзъ любве и братства имѣть и о семъ къ намъ писать въ домъ нашего смиренія въ Хотинскую Раю въ село Вѣтрянку.

„Преосвященнѣйшій владыка, прошу вашего архипастырства о семъ моемъ прошеніи благоразсудительное усмотрѣніе учинить. 7264 году іюня 30 дня.

„*Smirennyi Anfim Archiepiskop Kubanskiy i Chotinskiia Ray Липовенъ*" *).

Это былъ чистѣйшій доносъ старообрядческаго архіерея на свою непокорную паству. Своенравному, властолюбивому Анѳиму хотѣлось на-

*) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анѳимѣ», 1757 г., по архивной описи № 337.

конецъ силою предержащей власти заставить липованъ признавать его своимъ духовнымъ главой. Онъ представляетъ липованъ людьми опасными и особенно обращаетъ вниманіе ясскаго митрополита на то, что они митрополитовъ и епископовъ ни во что вмѣняютъ, а это во всякомъ случаѣ не могло понравиться фанаріоту Іакову, гордому божественностью своего права. Донося на старообрядцевъ, Аноимъ подстрекаетъ молдавское правительство на крутыя мѣры, подобныя тѣмъ, какія были тогда во всей силѣ въ Россіи. Само собой разумѣется, что, когда липоване узнали о перепискѣ „архіепископа всего православія" съ православными греческими митрополитами и даже съ самимъ константинопольскимъ патріархомъ, они пуще прежняго возненавидѣли его и объявили еретикомъ. Молдавскій митрополитъ отвѣчалъ Аноиму, но письмо его намъ неизвѣстно *). Изъ второго Аноимова посланія видно однакоже, что Іаковъ спрашивалъ его, когда и кѣмъ онъ поставленъ въ архіереи, звалъ къ себѣ въ Яссы для свиданія и изъявлялъ готовность поручить подъ его паству всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ его обширной Молдовлахійской епархіи. На это письмо Аноимъ отвѣчалъ 12 декабря 1756 года. Разсказавъ, что онъ посвященъ епископомъ Лукою, переименовавшимъ себя въ Аоиногена, что въ Драгомирнѣ онъ благословленъ митрополитомъ Мисаиломъ, и что въ хотинскомъ соборѣ митрополитъ Даніилъ благословилъ его съ руковозложеніемъ, объяснивъ всѣ бѣдствія и озлобленія, которыя испыталъ онъ отъ кубанцевъ, римскихъ бискуповъ и липованъ, представивъ славскую грамоту на сань „архіепископа всего православія",—Аноимъ такъ заключаетъ свое посланіе къ Іакову: „Ваше преосвященство, прошу дать позволеніе моимъ священникамъ священнодѣйствовать въ митрополіи вашей, въ нашихъ липованскихъ людѣхъ, которые требуютъ благословенія нашего смиренія, баламутникамъ, попамъ и чернцамъ и прочимъ своевольникамъ запретить, дабы они пакости отселѣ поставленнымъ отъ нашего смиренія священникомъ не творили, и добровольнѣ хотящихъ людей приходить до нашихъ священниковъ не ругали. Такожде прошу ваше преосвященство и о семъ: егда время будетъ и вещи зовущи, дать позволеніе входа намъ, смиреннымъ, до своихъ намъ людей въ митрополіи вашей, во еже

*) Второе письмо Аноимъ писалъ къ Іакову 12 декабря 1756 г. Оно начинается такъ: „*Получихъ вашего преосвященства писаніе, посланное до насъ, смиренныхъ*," и въ немъ познахъ братосоюзную, начальнѣйшую главизну Христовыхъ ученикъ, о ней же самъ Спаситель нашъ рѣче: «О семъ познаютъ вси, яко Мои есте ученицы, аще любовь имате между собою». И вашего преосвященства сія главизна, пребывающая въ васъ, до насъ простреся, желающая видѣти насъ и готовы суще всяка строеніе дѣла нашего званія намъ поручить, яко же и мы, смиреннiи, ваше преосвященство, издавна имѣемъ желаніе видѣти васъ, но возбраняемся сатаною даже доселѣ, о которомъ возбраненіи вашему преосвященству объявили кратко, какъ и ваше преосвященство изволили уразумѣть отъ поданнаго вамъ доношенія нашу отважность въ противостояніи липованскихъ забобонъ». «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ» 1757 года, № 337.

осмотрѣти ихъ и поучити закону Божію и совершенству христіанства, и позволеніе испросити намъ о всемъ у сіятельнѣйшаго князя вашего, за что и за его сіятельство отъ насъ, смиренныхъ, Богъ (sic) молить будемъ, такожде и за ваше преосвященство“ *).

Между тѣмъ слухи объ Аноимѣ дошли и до Петербурга. Въ ноябрѣ 1756 года канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ получилъ отъ нашего резидента въ Турціи донесеніе, что „живущіе на Кубани и въ Волошинѣ россійскіе люди, раскольники, имѣли стараніе о посвященіи къ нимъ епископа: во-первыхъ, у живущаго въ Крыму митрополита, да у волосскаго архіерея, живущаго въ монастырѣ, называемомъ Гущахъ, но ими не посвященъ; напослѣдокъ живущимъ подъ Дунаемъ, въ турецкомъ владѣніи, въ монастырѣ, называемомъ Рени, греческимъ митрополитомъ Даніиломъ желаемый тѣми раскольниками епископъ посвященъ, коему имя Анвтиногенъ, и жительство имѣетъ въ близости Хотина, въ монастырѣ Вѣтрянка, гдѣ тѣхъ раскольниковъ въ жительствѣ много имѣется, а на Кубани учреждена тѣмъ раскольническимъ епископомъ архимандрія и поставленъ отъ него архимандритъ, и по слободамъ многое число поповъ, и даны имъ отъ него универсалы, и имѣютъ они по своимъ обрядамъ церковное служеніе, и что для того съ Дону крымскою областію на Кубань, и отъ Смоленска Польшею, уходя къ тому епископу, приходятъ и поселяются на житье, по близости того монастыря, гдѣ тотъ епископъ находится“. Графъ Бестужевъ-Рюминъ, передавъ такое извѣщеніе резидента въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, призналъ болѣе удобнымъ и полезнымъ поручить развѣдываніе о заднѣстровскомъ раскольническомъ архіереѣ кіевскому губернскому начальству. Кіевскій вице-губернаторъ, тайный совѣтникъ Костюринъ, получивъ указъ иностранной коллегіи, тотчасъ же отправилъ за границу надежныхъ людей въ Могилевъ на Днѣстрѣ, въ Хотинъ и въ Яссы. Они узнали, что Аѳиногена, о которомъ упоминалъ резидентъ, у старообрядцевъ уже нѣтъ, а вмѣсто него есть Аноимъ, и что этого Аноима старообрядцы за своего архіепископа больше не признаютъ, въ чемъ всячески увѣряли старообрядцы, живніе по торговымъ дѣламъ въ Могилевѣ, и могилевскій комендантъ. Въ Могилевѣ же агентъ, посланный изъ Кіева, видѣлся съ Аноимовыми служителями и съ его живописцемъ, пріѣхавшими по его приказанію за покупками. Они сказали, что Аноимъ живетъ въ Вѣтрянкѣ и въ церкви этой слободы служитъ по-архіерейски, что при немъ десять человѣкъ поповъ и дьяконовъ, и что, сверхъ того, онъ посвящаетъ поповъ для старообрядцевъ. Ясскій митрополитъ, узнавъ отъ агента, посланнаго Костюринымъ, что на Аноима, находящагося съ нимъ въ перепискѣ, обращено вниманіе русскаго правительства, и что оно по собраніи предварительныхъ свѣдѣній намѣрено дипломатическимъ путемъ требовать его выдачи, тотчасъ измѣнилъ свои отношенія къ Аноиму и, вмѣсто

*) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ».

оказательства „братосоюзной“ къ нему любви, разослалъ по всей своей епархіи ордеры, чтобъ Анѳима, „гдѣ онъ явится, тотчасъ поймать и, связавъ, привесть въ Яссы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему, лжеархіепископу, бороду обрить и въ ссылку, въ которыхъ мѣстахъ соль ледовую бьютъ, сослать“. Съ ордерами разосланы были и примѣты Анѳима. Выгораживая себя и митрополита браиловскаго Даніила изъ дѣла объ Анѳимѣ, ясскій митрополитъ умалчиваетъ однако о Мисаилѣ редовуцкомъ и его отношеніяхъ къ лжеархіепископу; онъ передаетъ агенту два письма Анѳимовы и славскую грамоту на санъ „архіепископа всего православія“, но копій съ своихъ писемъ къ Анѳиму не доставляетъ. Вообще Іаковъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ довольно загадочно.

Получивъ такія свѣдѣнія объ Анѳимѣ, святѣйшій синодъ поручилъ кіевскому митрополиту Тимоѳею войти въ непосредственныя сношенія съ молдавскимъ митрополитомъ и самымъ энергическимъ образомъ требовать отъ него, чтобъ онъ прекратилъ возникшее въ его епархіи незаконное и ложное раскольническое архіерейство. За болѣзнью митрополита Тимоѳея, кіевская консисторія писала объ этомъ въ іюлѣ 1757 года къ Іакову молдавскому, но былъ ли какой отвѣтъ отъ него, изъ дѣла не видно.

Положеніе Анѳима было самое непріятное; оно было несравненно хуже, чѣмъ положеніе Аѳиногена передъ обращеніемъ его въ католическую вѣру. Съ одной стороны, отыскиваетъ его русское правительство, съ другой — люди ясскаго митрополита ищутъ, чтобъ обрить и отправить въ соляныя копи, съ третьей — некрасовцы, самые сильные теперь враги его, стерегутъ Анѳима и во всѣ мѣста, гдѣ живутъ казаки, пишутъ, что если гдѣ появится „еретикъ Анѳимъ“, тотчасъ же его „въ куль да въ воду“. Находясь въ такомъ положеніи, онъ не смѣлъ никуда выглянуть изъ Вѣтрянки, гдѣ еще были у него немногіе приверженцы. Но и эти отстали, когда получено было посланіе отъ вѣтковскихъ отцовъ, въ которомъ они увѣряли своихъ одновѣрцевъ, что Анѳимъ сущій обманщикъ и никогда въ архіереи законнымъ образомъ посвященъ не былъ, что онъ даже и въ іеромонахи-то никогда посвященъ не былъ и сказался священникомъ ложно. Анѳимъ, видя, что и въ Вѣтрянкѣ отъ него отступаются, бросился въ Чобурчи, но здѣсь ожидала его подготовленная некрасовцами бѣда. Войтъ слободы Чобурчей, Назаръ Алексѣевъ, получивъ отъ некрасовцевъ требованіе утопить Анѳима за то, что онъ, будучи у нихъ, „много пакости учинилъ“, давно поджидалъ несчастнаго лжеепископа. Какъ только онъ появился въ Чобурчахъ, Назаръ Алексѣевъ собралъ „кругъ“ на мосту черезъ рѣку Днѣстръ и объявилъ вины Анѳима и требованіе некрасовцевъ. „Въ куль да въ воду!“ — закричали слобожане. Молодые схватили Анѳима, связали ему руки и ноги, къ шеѣ привязали чувалъ и бросили съ мосту въ Днѣстръ*).

*) Въ 1763 году, мая 30, въ астраханскую губернскую канцелярію присланъ былъ при отпискѣ отъ Волжскаго войска «писатель воровскихъ пас-

Такъ кончилъ жизнь свою Анөимъ, сначала пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ у старообрядцевъ, а потомъ ненавидимый ими и пустившійся въ доносы къ православнымъ митрополитамъ и патріарху на своихъ одновѣрцевъ, которыхъ считалъ своею паствой. Не сохранилось о немъ доброй памяти ни въ одной раскольнической общинѣ. Остались вѣрными ему только — игуменья Елизавета, дьякониссы съ малолѣтними дѣтьми, да два попа: Матвѣй и Іосифъ Буркины. Эта обѣднѣвшая семья несчастнаго лжеепископа не могла оставаться въ Вѣтрянкѣ: тамъ всѣ смѣялись надъ ними, и нельзя было поручиться, чтобъ участь Анөима не постигла рано или поздно и его приверженцевъ. Собравъ остатки расхищеннаго имѣнія, они уѣхали въ вѣтковскіе предѣлы и жили тамъ въ Боровицахъ *). Раскаялась ли Елизавета въ томъ, что растеряла все свое богатство на Анөима, и долго ли горевали хорошенькія дьякониссы по своемъ миломъ архіепископѣ, — не знаемъ.

VII.

Исканіе архіерейства въ концѣ XVIII столѣтія.

Соблазнъ, произведенный между старообрядцами въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія лжеепископами Аөиногеномъ и Анөимомъ, не охладилъ ревнителей „древляго благочестія" въ исканіи архіерейства. Они попрежнему собирались на соборы, попрежнему толковали о необходимости имѣть своего епископа и попрежнему пытались добыть его. Иванъ Алексѣевъ говоритъ, что въ 1755 году, то-есть когда Анөимъ еще былъ въ чести у некрасовцевъ и принималъ санъ „архіепископа всего православія", вѣтковскіе и гомельскіе жители, вмѣстѣ съ старообрядцами стародубскихъ слободъ, послѣ долгихъ разсужденій о необходимости имѣть епископа для поставленія поповъ и освященія мира и антиминсовъ, рѣшились подать просьбу о томъ, чтобы великороссійскіе архипастыри рукоположили имъ выборнаго отъ нихъ человѣка **). Алексѣевъ не знаетъ, чѣмъ кончилось это дѣло, что отвѣчали на челобитную старообрядцевъ. Мы тоже не знаемъ, ибо не встрѣтили въ архивныхъ дѣлахъ упоминанія объ этой просьбѣ. Безъ сомнѣнія, старообрядцамъ было отказано въ ихъ ходатайствѣ. Не такое было время.

Съ кончиною императрицы Елизаветы Петровны настали новыя, луч-

---

портовъ, дѣлатель печатей, раскольникъ, казачій сынъ Семенъ Чижовъ», приговоренный къ отсѣченію головы, но по смягченіи приговора отправленный въ нерчинскіе рудники на работу. Въ своихъ показаніяхъ онъ много разсказалъ объ Анөимѣ, котораго зналъ лично; онъ же подробно передалъ и о смерти его (см. «Дѣло о раскольнич. архіереѣ Анөимѣ»). О судьбѣ Анөима Іона Курносый говоритъ: «прибывъ въ Польшу во своя и нѣкіими съ мосту рѣки утопленъ бысть, яко фараонъ». Сравн. Андр. Іоанн. Журавлева «Историч. извѣстіе о раскол.», стр. 305.

*) Показаніе Семена Чижова.

**) Ивана Алексѣева «Исторія о бѣгствующемъ священ.», стр. 66.

нія для старообрядцевъ времена. Ея преемникъ, Петръ III, тотчасъ по вступленіи на престолъ издалъ относительно старообрядцевъ такое узаконеніе: „никакого въ содержаніи закона, по ихъ обыкновенію, возбраненія не чинить, ибо во всероссійской его императорскаго величества имперіи и иновѣрцы, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники—христіане, точію во единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно, и для того его императорское величество высочайше указать соизволилъ, о томъ сочиня сенату обстоятельное учрежденіе предложить къ высочайшей апробаціи“ *). Это было первое доброе слово, сказанное о раскольникахъ съ самаго начала раскола. Кратковременность царствованія Петра III была причиной, что этотъ государь не успѣлъ докончить задуманнаго имъ дѣла. При Екатеринѣ II послѣдовалъ цѣлый рядъ узаконеній, отмѣнявшихъ прежнія крутыя, петровскія мѣры противъ раскольниковъ и постепенно расширявшихъ ихъ гражданскія права. Зарубежнымъ старообрядцамъ объявлено было прощеніе за ихъ бѣгство изъ отечества, они вызваны были въ Россію, имъ отведены были для поселенія плодородныя и обширныя земли въ Сибири и въ нынѣшней Самарской губерніи. При этомъ было предписано мѣстнымъ начальствамъ, чтобы „возвращавшимся изъ-за границы старообрядцамъ и слѣдовавшимъ въ мѣста избранныхъ ими поселеній не только въ пути ни малѣйшаго задержанія не было, но до опредѣленныхъ къ населенію ихъ мѣстъ свободно пропускаемы и квартиры имъ вездѣ безпрепятственно даваемы были, равно-жъ и по прибытіи въ опредѣленныя мѣста, въ поселеніи ни отъ кого никакого препятствія чинимо не было-бъ, и не отбирая и не требуя изъ ихъ имѣній ничего, оказаны были имъ при томъ новомъ поселеніи всѣ удобовозможныя вспоможенія“ **). Вслѣдъ затѣмъ раскольническая контора, вѣдавшая дотолѣ дѣла старообрядцевъ, была уничтожена, и они были подчинены общимъ присутственнымъ мѣстамъ. Въ указѣ Екатерины 14 декабря 1762 года зарубежные раскольники призывались въ Россію вмѣстѣ съ иноземцами (колонисты). Замѣчательно, что самыя земли тѣмъ и другимъ были отведены въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ: въ саратовскомъ Заволжьѣ, а потомъ въ Новороссійскомъ краѣ. Число выселившихся изъ польскихъ владѣній старообрядцевъ было значительно, ибо, вызывая ихъ въ отечество, правительство, кромѣ всепрощенія, кромѣ разрѣшенія носить бороду и ходить не въ указанномъ платьѣ съ желтымъ козыремъ, освобождало ихъ на шесть лѣтъ отъ всякихъ пошлинъ и податей и предоставляло имъ избирать родъ жизни

*) Первое «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», XV, № 11.205.

**) Первое «Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи», XVI, № 11.738.

по ихъ желанію: или записываться за прежними помѣщиками, или поступать въ государственные крестьяне и въ купечество (то-есть въ городское сословіе) по собственному ихъ желанію, „а противъ желанія, прибавлено было въ указѣ, никто инако приневоленъ быть имѣетъ“ *). Вскорѣ затѣмъ послѣдовали новыя узаконенія, имѣвшія цѣлью уже прямо успокоеніе умовъ старообрядцевъ посредствомъ возвращенія имъ гражданскихъ правъ, которыхъ со временъ Петра I и даже ранѣе они были лишены. Сюда относятся: указы 1764 и 1782 объ уничтоженіи двойного оклада, который платили они въ силу постановленій Петра I, 1769 года о дарованіи имъ права судебнаго свидѣтельства и 1785 г. о дозволеніи имъ вступать въ общественныя должности. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ узаконеній было водвореніе старообрядцевъ въ городахъ, на что до тѣхъ поръ права ихъ были значительно стѣснены. Старообрядцы вообще и прежде были и теперь остались плохими хлѣбопашцами; въ ихъ общинахъ всегда преимущественно развивались промышленная и торговая дѣятельность. Но въ купечество, то-есть въ городское сословіе, старообрядцамъ, принадлежавшимъ къ сельскимъ обществамъ, до указа 1764 года приписываться было почти невозможно; теперь они поселились въ городахъ, преимущественно въ большихъ, и въ обѣихъ столицахъ. Быстро развились въ ихъ рукахъ капиталы, что̀ слѣдуетъ отнести вообще въ отличающей ихъ домовитости и бережливости, а въ особенности къ внутренней связи, скрѣпляющей ихъ общества, въ которыхъ взаимное вспомоществованіе составляетъ едва ли не главнѣйшую основу. Достовѣрно извѣстно, что въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія значительная часть русскихъ капиталовъ оказалась у старообрядцевъ, принадлежавшихъ къ городскимъ сословіямъ.

Вслѣдствіе сказаннаго, центры старообрядческихъ обществъ измѣнились; старые упали, возвысились дотолѣ незначительные, возникли новые. Вѣтка снова была опустошена. Такъ какъ тамошніе жители не послушались пригласительнаго указа Елизаветы и притомъ производили разбои какъ въ польскихъ владѣніяхъ, такъ и, переходя границу, въ предѣлахъ имперіи, то въ 1764 году посланъ былъ генералъ-майоръ Масловъ съ войскомъ, который разорилъ слободу и 20 тысячъ старообрядцевъ вывелъ въ Россію. Ихъ водворили въ Сибири. Зато возвысились стародубскія слободы, снова возникли и усилились опустошенные сначала Питиримомъ, а потомъ переселеніями старообрядцевъ за границу **) скиты керженскіе и чернораменскіе, явились большіе, богатые деньгами и попами монастыри на Иргизѣ, сдѣлавшіеся въ концѣ XVIII столѣтія митрополіей поповщины.

Явились монастыри и у казаковъ: на Уралѣ, на Дону и въ Гребеняхъ.

*) Первое «Полн. Собр. Законовъ Росс. Имп.», XVI, № 11.725.

**) Съ 1719 по 1762 г. изъ керженскихъ и чернораменскихъ скитовъ ушло за границу семь восьмыхъ всего населенія. «Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.», XV, № 11.435.

Все это принадлежало поповщинѣ. Въ городахъ образовались обширныя общины, у нихъ явились церкви, священники и даже монастыри. Такъ, на Волгѣ явился цѣлый рядъ сильныхъ общинъ поповщины: во Ржевѣ, Твери, Романовѣ, Городцѣ, Казани, Малыковѣ (впослѣдствіи Вольскъ) и Саратовѣ. Еще сильнѣе ихъ сдѣлалась община въ Москвѣ. Построивъ на костяхъ своихъ мучениковъ обширныя церкви и „палаты", извѣстныя подъ скромнымъ названіемъ Рогожскаго кладбища, или богадѣленнаго дома *), московскіе старообрядцы поповщинскаго толка до того усилились, что ихъ община сдѣлалась главною не только во всей Россіи, но и за границей, особенно послѣ собора 1779 года, на которомъ утверждено было перемазываніе миромъ приходящихъ изъ нашей церкви *(софонтіевщина)*. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Рогожское кладбище уступало только Иргизу, но и самый Иргизъ былъ какъ бы колоніей Москвы: и тамъ все творилось по волѣ и приговору рогожскому. Многочисленность московской общины, огромныя богатства ея членовъ, ворочавшихъ милліонами и находившихся въ короткихъ связяхъ съ людьми вліятельными, занимавшими даже высшія государственныя должности, наконецъ самое имя *Москвы*, гдѣ были въ свое время патріархи Филаретъ и Іосифъ, столь уважаемые старообрядцами, все это взятое вмѣстѣ было причиною того, что прочія поповщинскія общины стали въ полную зависимость отъ Рогожской. Сложились даже по этому поводу пословицы. Такъ, въ керженскихъ и чернораменскихъ скитахъ и по заволжскимъ селамъ и деревнямъ говорили и доселѣ говорятъ: „что положатъ на Рогожѣ, на томъ станетъ Городецъ, а на чемъ Городецъ—на томъ и Керженецъ". Въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ и въ самой Москвѣ говорили: „на Рогожской дохнутъ, на Иргизѣ попа дадутъ". Всѣ сколько-нибудь важныя дѣла поповщины стали рѣшаться на Рогожскомъ кладбищѣ. Естественно, что и самое исканіе архіерейства перешло въ московскую общину.

Въ 1765 году московская поповщина, послѣ долгихъ переговоровъ, согласились съ московскою поморскою общиной слиться воедино, подъ духовною властію одного *архіерея*. Опыты прежнихъ лѣтъ достаточно вразумили ихъ, что отъ русскихъ епископовъ имъ не дождаться своего архіерея: ни одинъ изъ нихъ ни самъ не согласится къ нимъ перейти, ни рѣшится рукоположить имъ выборнаго изъ нихъ человѣка. На заграничную хиротонію также мало было надежды; притомъ же греки были въ то время поголовно заподозрѣны въ обливательномъ крещеніи. Если,

*) Рогожское кладбище находится близъ Покровскаго монастыря, основаннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ «на убогихъ домахъ». Когда устроили этотъ монастырь, убогіе дома перенесли дальше. На мѣстѣ убогаго дома, въ которомъ хоронили запытанныхъ въ Преображенскомъ приказѣ старообрядцевъ (сравн. «Раскольническія дѣла» Г. В. Есипова, т. I, стр. 608), при Екатеринѣ II во время чумы возникло кладбище для погребенія старообрядцевъ поповщинскаго толка и тогда же построены на немъ церкви и палаты для богадѣленъ.

быть-можетъ, нѣкоторые старообрядцы и знали объ архіереяхъ на Кавказѣ, поставленныхъ Аноимомъ, то ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы искать у нихъ хиротоніи, ибо самозванство Аноима было имъ достовѣрно извѣстно. Созвали соборъ для совѣщаній. Въ немъ приняли участіе знаменитѣйшіе по уму, начитанности и знаніямъ старообрядцы. Между ними былъ Никодимъ изъ Стародубья, авторъ „Никодимовыхъ отвѣтовъ", дьяконовскаго согласія. Ему было въ то время еще только двадцать лѣтъ отъ роду, но, несмотря на молодость, онъ пользовался уже громаднымъ вліяніемъ на одновѣрцевъ. Ему принадлежала первая мысль о соединеніи всѣхъ старообрядцевъ и поповскаго и безпоповскаго согласій во едино стадо подъ паствою одного пастыря, и послѣ первой неудачи онъ семнадцать лѣтъ постоянно и съ полной энергіей отыскивалъ архіерейства. Никодимъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Потемкинымъ, былъ извѣстенъ Екатеринѣ и пользовался большимъ вѣсомъ между своими. Поморцы, для совѣта и рѣшенія этого общаго для всего старообрядства дѣла, вызвали въ Москву изъ Выгорѣцкаго монастыря Андрея Борисова. Этотъ человѣкъ, тогда еще 31 года отъ роду, былъ, по словамъ Павла Любопытнаго *), „громкій членъ поморской церкви и (впослѣдствіи, 1780—1791) главный киновіархъ Выгорѣцкой киновіи", авторъ пятнадцати сочиненій, знаменитый не только между старообрядцами, „но и у владыкъ міра, поименованъ отъ послѣднихъ *патріархъ старовѣрческой церкви*. Со многими вельможами находился онъ въ перепискѣ, многократно же писалъ посланія къ высокому, извѣстнѣйшему князю Потемкину, его благодѣтелю и другу". Имя этого человѣка доселѣ дорого для старообрядцевъ, потому что онъ, какъ человѣкъ умный и смѣлый, старался извлечь пользу для раскола изъ своихъ связей съ вельможами, особенно съ такимъ всесильнымъ, какъ Потемкинъ. По вліянію Андрея Борисова на Потемкина, были отмѣнены двойной окладъ, платимый старообрядцами (1782 года), и наименованіе въ офиціальныхъ бумагахъ старообрядцевъ „раскольниками" **). Былъ въ этомъ соборѣ казенный крестьянинъ, тридцатишестилѣтній Василій Емельяновъ, глава московской поморской общины, основатель и первый настоятель такъ-называемой Монинской моленной, другъ Андрея Борисова. Былъ тутъ Иванъ Васильевъ, бывшій впослѣдствіи чугуевскимъ монахомъ Венедиктомъ, ученый поморецъ, авторъ замѣчательнаго сочиненія: „Разговоръ Тарасія съ Трифилліемъ", или „Извѣщеніе разглагольствія", и написавшій кромѣ того 30 „поэмъ въ стихахъ". Ему было въ то время только двадцать одинъ годъ, но, по словамъ Павла Любопытнаго, „московскій ученый кругъ благочестивыхъ всегда поставлялъ его на ступени мудрецовъ и давалъ ему особенное преимущество

---

*) Павелъ Любопытный. «Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви». Москва. 1861, стр. 42.

**) Павелъ Любопытный. «Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви», стр. 43.

въ его витійствѣ и ловкости“ *). Всѣ, какъ изъ этого видно, были люди молодые, нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Никодимъ и Венедиктъ, еще юноши, но эта молодежь составляла цвѣтъ старообрядчества, это молодое поколѣніе раскольниковъ отличалось энергіей, обширностью свѣдѣній и въ то же время фанатическимъ усердіемъ къ дѣлу отцовъ и дѣдовъ. Московскіе купцы также участвовали на соборѣ.

„Цѣлое,—писали они въ своемъ соборномъ дѣяніи:—цѣлое миновало столѣтіе, какъ православная церковь постепеннаго священства лишилась. и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Въ смутное Никоново время, хотя и оставался Павелъ епископъ, за древлее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій, но преемниковъ по себѣ никого намъ не оставилъ. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православные древніе священники, но и тѣ всѣ, Богу тако опредѣлившу, прешли въ вѣчные кровы. Мы же, хотя послѣдователи и ученики ихъ, но руковозложенія и освященія къ служенію въ Божьей церкви таинствъ ни единъ изъ насъ ничего не имѣетъ. И потому мы въ крайней нуждѣ и настоящемъ расточеніи находимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана. но свободна. Слѣдовательно мы теперь должны держать ту цѣль, которая единымъ предметомъ есть нашей нужды и нашего желанія“.

Стали искать въ церковныхъ правилахъ, нѣтъ ли тамъ какого-нибудь, хотя и не очень подходящаго дозволенія рукоположить епископа не рукою епископа: искали прилежно и не нашли. Обратились къ примѣрамъ церковной практики, но и въ ней такого примѣра не встрѣтили: ни въ старыхъ книгахъ, ни въ Четьи-Минеяхъ, ни въ лѣтописяхъ ничего подобнаго не говорилось. Поморцы, менѣе старообрядцевъ поповщинскаго толка обращавшіе вниманіе на правила и примѣры, были и редакторами соборнаго дѣянія и главными дѣятелями собора. Вполнѣ убѣжденные, что „нужда законныхъ правилъ исполнять не обязана, но совершенно свободна“, они отыскали примѣръ въ лѣтописяхъ отечественной церкви и предложили собору примѣнить его къ настоящему случаю. Въ 1147 году великій князь Изяславъ велѣлъ русскимъ епископамъ поставить ученаго затворника Климента Смолятича въ кіевскіе митрополиты безъ патріарха константинопольскаго. Епископы отказались, говоря, что митрополита долженъ ставить патріархъ. Изяславъ настаивалъ. Тогда черниговскій владыка Онуфрій сказалъ: „азъ свѣде достоитъ ны поставити (митрополита), а глава у насъ есть святого Кли-

*) Андрей Іоанн. Журавлевъ въ «Истор. изв. о раскол.», стр. 197, и за нимъ преосвящ. Макарій въ «Исторіи русскаго раскола», стр. 352, называютъ еще Ивана Θедоровича Ерша, саратовскаго поморца, но онъ умеръ за десять лѣтъ до этого собора, въ 1755 году (П. Любопытнаго «Каталогъ», стр. 95). Журавлевъ, а за нимъ и преосвященный Макарій называютъ Венедикта, вѣроятно, ошибкою, Иваномъ Ивановымъ, а не Иваномъ Васильевымъ; Журавлевъ притомъ—монахомъ чудовскимъ, а не чугуевскимъ.

мента, якоже ставятъ греци рукою святаго Ивана. И тако сгадавше епископи, главою святого Климента поставиша митрополитомъ“ *). Приняли этотъ примѣръ къ подражанію. Есть въ Успенскомъ соборѣ глава св. Іоанна Златоустаго, говорили молодые поморцы, ею можно исполнить то дѣло. Другіе, а особенно Никодимъ, воспротивились и сказали: „Произведеніе Климентово было не по закону, а по волѣ великаго князя Изяслава, и притомъ какъ сія тайна называется хиротонія, то-есть *руковозложеніе*, то лучше *рукою* св. Іоны митрополита или другого нѣкоего святителя сіе учинить, подведя къ мощамъ ставленника и отъ мощей руку на главу его возложа, и, читавши принадлежащія молитвы, облачить новопоставляемаго во вся архіерейская“. Это мнѣніе было принято единогласно, при чемъ въ главное основаніе брали то, что въ самомъ Цареградѣ патріархи не рукою архіерейскою, а рукою мощей Іоанна Златоустаго хиротонисаны бывали. Заготовили старообрядцы богатое архіерейское облаченіе и стали искать случая—посредствомъ денегъ попасть въ Успенскій соборъ въ такое время, когда не бываетъ службы. А если бы не удалось поладить съ ивановскими звонарями и соборными сторожами, то положили на соборѣ—ѣхать въ Новгородъ, гдѣ не было въ то время архіерея, почему и надѣялись, что въ тамошній Софійскій соборъ попасть будетъ имъ легче, чѣмъ въ оберегаемый ивановскими звонарями Успенскій соборъ. Всѣ были рады такому соглашенію, и хотя сознавали, что предположенное ими дѣйствіе не будетъ вполнѣ законно, правильно, но оправдывали себя нуждою и „тѣснымъ обстояніемъ“, имѣя болѣе въ виду то, что хотя корень ихъ епископства будетъ и не совсѣмъ правиленъ, за то всѣ секты старообрядцевъ соединятся во едино стадо паствою единаго святителя. Этимъ больше всего и оправдывали они свое начинаніе. „Мы будемъ правы, ежели не по закону, то по политикѣ, когда скитающійся и разсыпанный мѣстами и мыслями народъ соберемъ воедино“, писали они въ своемъ дѣяніи. Уже намѣревались приступить къ избранію кандидата на каѳедру старообрядческаго архіерея, но вдругъ возникли недоразумѣнія, а за ними и несогласія. Кто-то изъ находившихся на соборѣ сказалъ: „Любезная братія! Когда будетъ рукополагатися нашъ избранникъ во епископы, и когда будемъ мы его облекать во священная, тогда рукополагаяй его святый, коего руку мы будемъ держать надъ главою рукополагаемаго, безъ сомнѣнія, будетъ молчать устами. А сіе молчаніе сильно привести насъ можетъ въ сомнѣніе, во-первыхъ, потому, что мы не знаемъ, угодна ли будетъ наша выдумка святителю сему, и будетъ ли святый сей съ нами согласенъ на все то, что̀ мы ни дѣлаемъ: второе, кто же изъ насъ долженъ руковозлагательныя молитвы вмѣсто архіерея читать, которыя кромѣ его мы, простіи, никакъ не должны и не можемъ при толь великомъ дѣйствіи произносить?“ Всѣхъ поразило та-

*) Игнатьевская лѣтопись. «Полн. Собр. русскихъ лѣтописей». II, 30.

кое возраженіе и произвело оно большое разногласіе между соборовавшими. Представители поповщины говорили, что молитвы хиротоніи можетъ читать ихъ попъ; поморцы, отвергая правильность ихняго попа, какъ взятаго отъ „смущенныя никоніанскія церкви“, рѣшительно возстали противъ такого предложенія и въ свою очередь предлагали своего наставника; кончилось тѣмъ, что послѣ долгихъ споровъ и переговоровъ обѣ стороны разошлись далеко не въ такомъ дружелюбномъ согласіи, въ какомъ собрались. Замыселъ о соединеніи старообрядческихъ церквей воедино былъ оставленъ, какъ неосуществимый; оставлено было и предположеніе о „возстановленіи архіерейскаго чина“ *). Поморцы съ поповщинцами разошлись. Первые остались при томъ мнѣніи, что возстановленіе пресѣкшагося архіерейства возможно лишь посредствомъ придуманнаго на соборѣ 1765 года дѣйствія, а о такъ названной ими „вѣчной хиротоніи“, то-есть преемственной отъ апостоловъ, и слышать не хотѣли, и никакъ не соглашались заимствовать архіерейство отъ православной іерархіи, выставляя въ числѣ прочихъ доказательствъ, что пресѣкалась же на цѣлыя столѣтія православная іерархія во времена аріанства, иконоборства, и потомъ возникала же вновь, когда на всей землѣ не было православныхъ епископовъ. Иванъ Васильевъ (Венедиктъ) вооружился сильнымъ словомъ противъ поповщины, признававшей „вѣчную хиротонію“, неизсякшую въ великороссійской церкви. Кромѣ знаменитаго своего „Извѣщенія разглагольствія“ (Тарасія съ Трифилліемъ), написалъ онъ 15 вопросовъ къ старообрядцамъ поповщинскаго толка „о ихъ суевѣрномъ заблужденіи по предметамъ хиротоніи и крещенія россійской церкви“. Въ жизни своей онъ, однакоже, по извѣстію Павла Любопытнаго, „яко человѣкъ, впалъ въ пропасть зломудрія о вѣчномъ бытіи хиротоніи“ *), то-есть призналъ необходимость преемственности отъ самихъ апостоловъ епископскаго сана.

Никодимъ, ученый юноша, бывшій однимъ изъ представителей дьяконовщины на соборѣ 1765 года, сдѣлался послѣ него самымъ ревностнымъ искателемъ архіерейства; но не иначе хотѣлъ онъ возстановить старообрядческую іерархію, какъ заимствовавъ ее отъ православія. Много труда приложилъ этотъ замѣчательный человѣкъ для достиженія своей цѣли; семнадцать лѣтъ онъ преслѣдовалъ ее, поддерживая своимъ учительнымъ словомъ московскую и другія поповщинскія общины и сближая ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи съ православною церковью. Сначала онъ жилъ въ Москвѣ, потомъ въ Стародубьѣ, гдѣ на земляхъ посада Злынки построилъ Троицкую пустынь, извѣстную болѣе подъ именемъ Никодимовой. Здѣсь-то ревностный искатель архіерейства, къ сожалѣ-

---

*) Андрея Іоаннова Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 197—201; Виталія «О церкви и о раскольникахъ», гл. 16; рукопись Макарія «Исторія русскаго раскола», стр. 352, 353.

**) Павла Любопытнаго «Каталогъ», стр. 97 и 98.

нію, такъ рано умершій *), сдѣлался основателемъ, такъ сказать, *единовѣрія*. Самыми ревностными, самыми добросовѣстными пособниками Никодимову дѣлу явились купцы Иванъ Кузнецовъ и Бѣляевъ, а также монахъ Іоакимъ. Они не жалѣли ни трудовъ ни издержекъ для осуществленія своего плана.

Вскорѣ послѣ того, какъ, не сдѣлавъ ничего, разошелся соборъ 1765 года, московская община старообрядцевъ въ самой Москвѣ приступила къ новому исканію архіерейства, при посредствѣ того же Никодима. Жилъ въ то время въ Москвѣ Аѳанасій, митрополитъ грузинскій, который служилъ при Архангельскомъ кремлевскомъ соборѣ, ради поминовенія покойныхъ царей и великихъ князей, въ немъ похороненныхъ. Къ нему въ 1766 году обратились старообрядцы, прося, чтобы рукоположилъ имъ епископа, и предполагая послѣ хиротоніи „исправить его“. Аѳанасій отвѣчалъ: „здѣсь, въ Москвѣ, и вообще въ областяхъ, подчиненныхъ синоду, я этого для васъ сдѣлать не могу безъ его благословенія; а вотъ мой совѣтъ—поѣзжайте вы къ намъ, въ Грузію; она отъ русскаго синода не зависитъ, а тамъ есть у насъ свой автокеѳальный патріархъ, блаженнѣйшій католикосъ Антоній. Просите его,—можетъ-быть, видя ваше усердіе и мольбу, онъ и согласится исполнить вашу просьбу“. Послушалось московское старообрядческое общество митрополита Аѳанасія и нарядило посольство въ Тифлисъ. Немалое время продолжались сборы, наконецъ въ 1768 году поѣхали за Кавказъ монахи Никодимъ и Іоакимъ и купецъ Иванъ Кузнецовъ, чтобы просить царя Праклія II и католикоса Антонія о поставленіи имъ епископа. Едва ли не Іоакима предполагали они возвести въ этотъ санъ. Но посольство московскихъ старообрядцевъ отъ предгорій Кавказа поворотило назадъ. Въ то время Екатерина II хотя и не начинала еще блистательной для русскаго оружія войны съ турками, но 3-я армія, подъ командою генерала де-Медема, заняла уже предгорія Кавказа, съ цѣлью держать въ страхѣ подчиненныхъ султану и крымскому хану старообрядцевъ, жившихъ въ Гребеняхъ, въ кубанскихъ станицахъ, а также кабардинскую орду и горцевъ. Пропуска за Кавказъ никому изъ Россіи не было. Никодимъ съ товарищами возвратился ни съ чѣмъ.

Война съ турками отрѣзала русскихъ старообрядцевъ отъ заграничныхъ православныхъ архіереевъ, у которыхъ бы можно было получить хиротонію: въ Грузію не было пропуска, въ Молдавіи стояли русскія войска, ясскій митрополитъ и подумать не смѣлъ сдѣлать что-либо несогласное съ видами русскаго правительства. Путь къ сербскому патріарху и автокефальному болгарскому архіепископу былъ отрѣзанъ.

Между тѣмъ усиливались толки и споры въ поповщинскихъ общинахъ „о томъ, коимъ чиномъ пріимати приходящихъ отъ великороссійскія церкви поповъ и мірянъ“. Въ однихъ мѣстахъ принимали ихъ вто-

*) Въ 1784 году, 12 мая, 39 лѣтъ отъ роду.

рымъ чиномъ, перемазывая во второй разъ миромъ *(вѣтковское согласіе, прежняя софонтіевщина)*, въ другихъ—третьимъ чиномъ, по проклятіи ересей и „исправѣ", то-есть исповѣди у старообрядческаго попа *(дьяконовщина или дьяконово согласіе)* *). Чтобы положить конецъ раздорамъ и несогласіямъ изъ-за этого предмета, собрался въ 1779 году въ Москвѣ соборъ. На этомъ соборѣ, открытомъ ноября 1-го, въ домѣ московскаго купца Ямщикова, собрались представители поповщинскихъ общинъ и вѣтковскаго и дьяконова согласій, изъ Москвы, Стародубья, Скопина, Керженца **), Иргиза, Галича и другихъ мѣстъ. Собранія происходили въ домахъ Ямщикова, Павлова и Мальцева до половины февраля. Большинство рѣшило „перемазывать", то-есть вѣтковское согласіе взяло верхъ. Къ этому пристало московское общество, представители Керженца, Иргиза и др. мѣстъ. Перемазываніе означало большое удаленіе отъ господствующей церкви. По каноническимъ правиламъ, перемазываютъ схизматиковъ или раскольниковъ, а подцерковниковъ, то-есть не отдѣлившихся отъ церкви, а только уклонявшихся отъ нея, принимаютъ лишь по проклятіи ересей. Меньшинство (дьяконовщина), во главѣ котораго былъ Никодимъ, не соглашалось посредствомъ перемазыванія удалиться отъ господствующей церкви и признать ее такимъ образомъ расколомъ. Произошло раздѣленіе. Партія перемазанцевъ хотя и желала архіереевъ, но полагала, что „нужды ради" можно какъ-нибудь и безъ нихъ обойтись. Мира безъ архіерея сварить нельзя—такъ сварилъ его на Рогожскомъ кладбищѣ попъ Василій. Никодимъ съ своей партіей отвергалъ такое миро и желалъ епископа.

Никодимъ уѣхалъ изъ Москвы въ свой монастырь, что̀ въ Стародубьѣ, подлѣ Злынки; но единомышленники его остались и въ Москвѣ, и въ Торжкѣ, и даже на Керженцѣ и Иргизѣ, хотя и малочисленные. Между ними происходили частыя и дѣятельныя сношенія по предмету исканія архіерейства.

Еще до собора, бывшаго въ Москвѣ, въ томъ же 1779 году, Никодимъ, попъ Михаилъ Калмыкъ, купецъ Кузнецовъ и другіе ревнители старообрядства, дьяконова согласія, жившіе въ Стародубьѣ, рѣшились, по прежнимъ примѣрамъ, искать себѣ архіерейской хиротоніи на Востокѣ. Война съ турками кончилась — проѣхать было можно. И снарядили они посольство въ Грецію и Палестину, чтобы пригласить кого-либо изъ греческихъ православныхъ епископовъ перейти въ старооб-

---

*) Такъ называлось оно по имени Александра-дьякона, казненнаго Петромъ I въ 1720 году. Онъ училъ, что не слѣдуетъ миропомазывать приходящихъ отъ православія, четырехконечному кресту должно воздавать равную честь съ восьмиконечнымъ, кадить, какъ въ православной церкви, а не крестообразно, какъ у старообрядцевъ; по послѣднему пункту его ученія, дьяконовщину зовутъ еще *кадильниками*.

**) Съ Керженца былъ въ числѣ другихъ Іона Курносый изъ скита Комаровскаго.

рядство и поселиться въ Стародубьѣ. Мало сохранилось извѣстій объ этой посылкѣ, но и по отрывочнымъ извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, видно, что она была задумана точно на такихъ же основаніяхъ, на какихъ десятка три лѣтъ тому назадъ московскіе старообрядцы снарядили посольство для отысканія архіерея и водворенія его въ Бѣлой-Криницѣ. Монахъ Іоасафъ, принадлежавшій къ вѣтковскому согласію, изъ главнаго стародубскаго монастыря Покровскаго, что̀ въ слободѣ Климовой, и другой стародубскій инокъ, по имени Рафаилъ, отправились на Востокъ. Современникъ этой посылки монахъ Виталій *), въ своемъ сочиненіи „О церкви и раскольникахъ", разсказываетъ, что Іоасафъ, завидуя богатству и славѣ попа Михаила Калмыка, бывшаго въ то время какъ бы патріархомъ старообрядства, обратился къ дьяконовцамъ съ предложеніемъ ѣхать въ многотрудное путешествіе для отысканія какого-либо восточнаго архіерея, а самъ думалъ о томъ, какъ бы самому надѣть омофоръ. У Рафаила то же было въ умѣ. Оба посланца, разъѣзжая по Востоку, не очень хлопотали о приглашеніи тамошнихъ архіереевъ въ Россію, въ среду старообрядцевъ, а больше искали хиротоніи собственно для себя. Не съ одной тысячей стародубскихъ червонцевъ отправились они въ Константинополь, но тутъ не нашли желаемаго. Изъ Царьграда поѣхали на Аѳонъ; здѣсь, въ 1781 году, епископъ Герасимъ посвятилъ Іоасафа въ іеромонахи, но преподать ему архіерейскую хиротонію безъ патріарха не рѣшился. Изъ Аѳона стародубскіе паломники отправились въ Іерусалимъ. Видя, что ни одинъ митрополитъ или епископъ греческій не посвятитъ ихъ въ архіереи, рѣшились они обратиться къ самому патріарху. Въ Іерусалимѣ былъ тогда патріархъ антіохійскій Даніилъ. Не имѣя понятія о русскомъ расколѣ и желая побольше денегъ „на выкупъ христіанъ изъ турецкой неволи", какъ объяснилъ онъ свою симонію, патріархъ Даніилъ посвятилъ Іоасафа въ архимандриты, но въ архіереи не посвятилъ. „Привезешь другую тысячу червонцевъ, — говорилъ онъ: — посвящу и въ архіереи". Столько денегъ у Іоасафа налицо не было, и онъ воротился въ Россію за червонцами въ ноябрѣ 1782 года, когда въ Стародубьѣ о заграничномъ епископствѣ ужъ и думать перестали, по причинѣ совершенно измѣнившихся обстоятельствъ **). Виталій, изъ сочиненія котораго мы заимствуемъ этотъ разсказъ, не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ Рафаила. Теперь извѣстно, что онъ, вѣроятно,

---

*) Виталій, сначала старообрядецъ, потомъ единовѣрецъ, написалъ замѣчательное сочиненіе «О церкви и раскольникахъ», отрывки котораго напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1854 г.

**) Іоасафъ остался у стародубскихъ старообрядцевъ, а по присоединеніи вмѣстѣ съ ними къ единовѣрію, признанъ былъ синодомъ въ званіи архимандрита и былъ настоятелемъ сначала Успенскаго Никодимова, что̀ подлѣ Злынки, а потомъ Корсунскаго единовѣрческихъ монастырей. Умеръ около 1802 года.

имѣя не одну тысячу червонцевъ, получилъ отъ патріарха Даніила хиротонію, но, возвращаясь въ Россію, умеръ гдѣ-то въ Турціи *).

*) Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Оленевскомъ скитѣ, что на Керженцѣ, замѣтилъ я въ одномъ часовенномъ синодикѣ, послѣ именъ московскихъ патріарховъ, рядъ которыхъ доведенъ до Іосифа включительно, слѣдующія имена: «*епископа Павла коломенскаго, епископа Епифанія, епископа Рафаила*». Скитницы на мои вопросы не объяснили, кто такой этотъ Рафаилъ; по всей вѣроятности, сначала они не хотѣли объяснить, отзываясь невѣдѣніемъ. Обитель, въ которой былъ синодикъ (Никанорина), придерживалась дьяконовщины и находилась въ связяхъ съ Малиновымъ островомъ. Потомъ въ синодикахъ старообрядцевъ разныхъ мѣстъ Нижегородской, Владимірской и Костромской губерній тоже случалось мнѣ встрѣчать, вслѣдъ за именами Павла и Епифанія, имя епископа *Рафаила*. Стало-быть, онъ былъ послѣ Епифанія. Впослѣдствіи оленевскія матери-келейницы, болѣе сблизившись со мной, говаривали, что Рафаилъ былъ епископъ «по древлему благочестію», посланный въ Россію къ стародубскимъ отцамъ отъ антіохійскаго патріарха, котораго, вѣроятно, на основаніи приведенныхъ въ первой главѣ этого сочиненія сказаній, онѣ считали старообрядцемъ. На основаніи этихъ свѣдѣній, въ своей «Запискѣ о русскомъ расколѣ», написанной въ 1857 г. для великаго князя Константина Николаевича и напечатанной г. Кельсіевымъ въ Лондонѣ, я сказалъ: «въ памятникахъ нижегородскихъ, владимірскихъ и костромскихъ раскольниковъ встрѣчается рядомъ съ именемъ Епифанія еще имя *какого-то* епископа Рафаила». Послѣ составленія этой записки я встрѣчалъ имя Рафаила. также вслѣдъ за именами Павла коломенскаго и Епифанія, въ нѣкоторыхъ синодикахъ старообрядцевъ Черниговской губерніи, а затѣмъ недавно получилъ старообрядческую рукопись новаго письма, въ которой находится полное объясненіе загадочной личности Рафаила, которое вмѣстѣ съ тѣмъ согласуется и съ неясными намеками оленевскихъ матерей. Вотъ эта рукопись:

«Сказаніе вкратцѣ о православныхъ епископахъ, въ гонительное время бывшихъ.

«Бѣгствующая и бѣдствующая, отъ лѣтъ Никона, патріарха московскаго, и отъ послѣдующихъ ему, церковь епископовъ, къ намъ приходящимъ въ православіе, имѣетъ: 1) Епископа *Павла коломенскаго*, пострадавшаго тогда за благочестіе, въ Палеостровскомъ монастырѣ, повелѣніемъ россійскаго царя Алексѣя. 2) Епископа *Епифанія чигиринскаго*, пріемшаго хиротонію отъ господина Георгія, митрополита ясскаго и пострадавшаго за благочестіе въ Соловецкомъ монастырѣ и паки въ Кіевѣ повелѣніемъ россійской царицы Анны. 3) Епископа *Рафаила злынскаго*, пріемшаго хиротонію отъ Даніила, патріарха антіохійскаго. Той епископъ области своея не достиже. но волею Господа въ Туречинѣ на пути животъ свой скончa. 4) Архіепископа *Амвросія бѣлокриницкаго* и митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ, бывшаго митрополита боссанскаго, познавшаго тщету вѣры греческія и возвратившагося въ лоно единыя, соборныя апостольскія церкви, пострадавшаго же за благочестіе въ градѣ Циллѣ, повелѣніемъ австрійскаго царя Фердинанда (въ подлинникѣ Фердина). 5) Архіепископа *Кирилла бѣлокриницкаго*, митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ, бывшаго епископа майновскаго, пріемшаго хиротонію отъ высокопреосвященнаго Амвросія митрополита. 6) Архіепископа *Аркадія славскаго и россійскаго* (?), пріемшаго святую хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія митрополита, пострадавшаго за благочестіе во градѣ Суждалѣ (здѣсь подъ словомъ *пострадавшаго* разумѣть должно

Въ то время, когда Іоасафъ и Рафаилъ странствовали по Востоку и безъ согласія стародублянъ добывали для себя въ Іерусалимѣ архимадричьи шапки и архіерейскіе омофоры, попъ Михаилъ Калмыкъ и Никодимъ, думавшіе уже, что посланцы ихъ гдѣ-нибудь запропали, получили изъ Вѣтки, тогда уже вошедшей въ предѣлы имперіи, извѣстіе, что въ Подоліи *), въ мѣстечкѣ Немировѣ, временно проживаетъ греческій митрополитъ Евсевій, который не прочь посвятить для старообрядцевъ епископа. Рядомъ съ Немировымъ расположены по берегу Буга старообрядческія слободы: Борская, въ которой нѣкогда проживалъ Аѳиногенъ, Курникъ, Перепеличье и другія. Онѣ находились еще подъ владычествомъ Польши. Вѣтковскіе отцы изъ монастырей Лаврентьева, Пахоміева и Макаріева писали въ Злынку къ попу Михаилу Калмыку и Никодиму, чтобъ они вошли въ сношенія съ Евсевіемъ и уговорили его за извѣстную плату посвятить какого-либо старообрядца въ епископы. Никодимъ, съ свойственною ему энергіей, схватился за

Аркадія, а не Амвросія). 7) Епископа *Онуфрія браиловскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ. 8) Епископа *Софронія симбирскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ высокопреосвященнаго господина митрополита Кирилла. 9) Архіепископа *Аркадія задунайскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ господина Кирилла митрополита всѣхъ христіанъ. 10) Епископа *Олимпія тульчинскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ руки преосвященнаго Аркадія, архіепископа славскаго и россійскаго, Онуфрія, епископа браиловскаго. Скопча животъ въ нуждѣ и заточеніи во градѣ Суждалѣ. 11) Архіепископа *Антонія владимірскаго и всея Россіи*, пріемшаго святую хиротонію отъ высокопреосвященнаго митрополита Кирилла. 12) Епископа *Израиля уральскаго*. 13) Епископа *Виталія*, отъ того святителя (Антонія) хиротонію пріемшимъ. 14) Епископа *Конона новозыбковскаго*, во градѣ Суждалѣ пострадавшаго. 15) Епископа *Аѳанасія саратовскаго*. 16) Епископа *Геннадія екатеринбургскаго*, нынѣ пострадавшаго. 17) Епископа *Пафнутія московскаго*. 18) Епископа *Варлаама балтовскаго*. 19) Епископа *Іустина*. 20) Епископа *Іова казанскаго*. 21) Епископа *Пафнутія казанскаго*. 22) Епископа *Константина оренбургскаго*. 23) Епископа *Савватія тобольскаго*. 24) Епископа *Сергія тульскаго*. И иніи на епархіяхъ въ Австріи, Молдавіи, Турціи же и Египтѣ, въ Сиріи же и Палестинѣ поставлены высокопреосвященнымъ архіепископомъ бѣлокриницкимъ и митрополитомъ всего православія».

Въ послѣднее время получили мы извѣстіе еще о двухъ епископахъ — *Варсонофіи* и *Викентіи екатеринбургскомъ*. Послѣдній посвященъ въ Москвѣ лѣтомъ 1865 года изъ дьяконовъ оренбургскаго епископа Константина.

Вотъ кстати и синодикъ Рогожскаго кладбища, найденный въ августѣ 1855 г. Онъ начинается такъ: «За здравіе. Помяни, Господи, *митрополитовъ:* Амвросія, Кирилла; *архіепископовъ*: Аркадія, Антонія, Аркадія; *епископовъ*: Онуфрія, Олимпія, Софронія, Виталія; *архимандритовъ*: Геронтія, Аѳанасія, Аркадія» и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ имена священниковъ, иноковъ и инокинь.

*) А не на Волыни, какъ сказано у преосвященнаго Макарія въ «Исторіи русскаго раскола», стр. 354. Немировъ — въ Брацлавскомъ уѣздѣ Подольской губерніи.

этотъ нежданный, негаданный случай. Богъ знаетъ, воротятся ли Іоасафъ съ Рафаиломъ, думалъ онъ, а если и привезутъ они епископа, лишній не помѣшаетъ. И начались въ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободахъ совѣщанія, кого бы послать къ Евсевію въ Немировъ для полученія хиротоніи. Въ совѣщаніяхъ прошло немало времени. Наконецъ избрали находившагося въ Малиновоостровскомъ монастырѣ, что неподалеку отъ Злынки *) и близъ монастыря Никодимова, бѣглаго іеромонаха Іосифа и послали его въ Немировъ. Но онъ не засталъ Евсевія въ этомъ мѣстечкѣ: за десять дней до его пріѣзда, митрополитъ уѣхалъ въ Грецію.

Въ 1781 году Никодимъ и попъ Михаилъ Калмыкъ были въ Вешенкахъ, имѣніи графа Румянцева-Задунайскаго, тогда главнаго начальника Малороссіи, къ которой причислялось и Стародубье. Разговаривая съ ними о старообрядствѣ, герой Кагула коснулся необходимости для церкви архіерейскаго сана и подалъ собесѣдникамъ мысль искать епископа не крадучись, а *путемъ законнымъ, то-есть просить императрицу и синодъ о назначеніи особаго для нихъ архіерея и такимъ образомъ возсоединиться съ православною церковью.* Никодимъ и Михаилъ сомнѣвались въ успѣхѣ, но Румянцевъ обнадежилъ ихъ, обѣщая и съ своей стороны ходатайствовать предъ государыней и синодомъ. Начались у стародубской дьяконовщины совѣщанія объ этомъ предложеніи Румянцева, начались частыя и дѣятельныя сношенія съ одновѣрцами, не принявшими въ 1779 году московскаго догмата о „перемазаніи“ и жившими въ Москвѣ, Торжкѣ, на Керженцѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Въ сентябрѣ 1781 года Никодимъ писалъ уже о намѣреніи своемъ къ знавшему его лично и любившему входить съ нимъ въ богословскіе споры, всесильному князю Потемкину. Потемкинъ, такъ же, какъ и Румянцевъ, обѣщалъ старообрядцамъ свое ходатайство и обнадеживалъ, что императрица и митрополитъ петербургскій Гавріилъ непремѣнно согласятся дать имъ особаго епископа, для служенія по старому обряду. Въ началѣ 1782 года Никодимъ былъ въ Петербургѣ; Потемкинъ представилъ его Екатеринѣ. Она также обнадежила его, что имъ дадутъ законныхъ священниковъ и архіерея для служенія по обрядамъ до-никоновскимъ, если на этомъ условіи они согласятся возсоединиться съ православіемъ. Никодимъ вмѣстѣ съ другими старообрядцами былъ не разъ и у митрополита Гавріила и много говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ. Наконецъ рѣшились подать просьбу объ епископѣ.

---

*) Малиновоостровскій Рождественскій монастырь при рѣкѣ Ипути, впадающей въ Сожъ; находится въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, близъ самой границы Бѣлоруссіи. Церковь въ немъ освящена въ 1771 году бѣглымъ іеромонахомъ Киромъ. Это былъ впослѣдствіи главный монастырь всей дьяконовщины, не перешедшей въ единовѣріе. Онъ уничтоженъ въ 1849 году.

По возвращеніи изъ Петербурга, въ томъ же 1782 году, Никодимъ и другіе согласные съ нимъ искали по Россіи законнаго архіерейства. Они ѣздили въ Новгородъ, въ Новый-Іерусалимъ, въ Задонскъ, въ Нижній-Новгородъ приглашать къ себѣ жившихъ тамъ на покоѣ, оставившихъ свои епархіи, русскихъ архіереевъ. Прежде всего обратились они къ епископу воронежскому Тихону, жившему съ 1767 года на покоѣ въ Задонскомъ монастырѣ. Благочестивая, истинно христіанская жизнь этого святителя, его учительное слово были извѣстны и старообрядцамъ. Вообще нерасположенные къ православному духовенству, особенно къ высшему, не могли они не отдавать полной справедливости святой жизни Тихона, и теперь Никодиму и его единомысленникамъ особенно хотѣлось, чтобы во главѣ ихъ сталъ такой благочестивый святитель. Къ нему въ Задонскъ пріѣзжалъ изъ Москвы одинъ саратовскій купецъ и, говоря, что уже императрица согласна дозволить имѣть особаго епископа для служенія по старому обряду, просилъ дать свое согласіе на поступленіе къ нимъ. Святитель Тихонъ не далъ прямого отвѣта, но сказалъ: „Къ чему же я приступлю? Пока вы сами еще пусты!“

Другіе старообрядцы ѣздили изъ Москвы въ Новый-Іерусалимъ, гдѣ въ то время жилъ на покоѣ бывшій крутицкій епископъ Сильвестръ, но и отъ него не получили прямого отвѣта. Нижегородскіе старообрядцы обращались къ проживавшему съ 1778 года въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ, бывшему рязанскому епископу Палладію. Этотъ также не далъ рѣшительнаго отвѣта, но сказалъ: „подумаю“. Наконецъ изъ Торжка ѣздили старообрядцы въ Новгородъ, гдѣ въ Юрьевѣ монастырѣ жилъ Іоанникій, бывшій викарій новгородскаго митрополита, епископъ коломенскій и кексгольмскій. Что̀ отвѣчалъ имъ Іоанникій — не знаемъ, хотя новоторы и увѣряли своихъ одновѣрцевъ, что онъ ужъ согласился перейти къ нимъ *).

Не найдя такимъ образомъ русскаго епископа, который бы изъявилъ рѣшительное согласіе служить по до-никоновскому обряду, старообрядцы подали просьбу, не поименовывая архіерея, но прося прислать изъ синода, при указѣ ея императорскаго величества, какого угодно епископа, но только родомъ великорусса. Всѣ боялись обливанства малороссіянъ. Вотъ этотъ пунктъ просьбы:

„3-й пунктъ. Прислать, при указѣ ея императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода поставленнаго изъ великороссійской породы хорепископа **), то-есть сельскаго или слободского,

*) О приглашеніи Тихона и Іоанникія см. Андр. Іоаннова Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 362 и 363. О приглашеніи Сильвестра и Палладія сохранились преданія у нижегородскихъ и московскихъ старообрядцевъ.

**) *Хорепископъ* — санъ, высшій іерейскаго, но низшій епископскаго, существовалъ въ древней православной церкви, но съ теченіемъ времени

которому быть не относительну до епархіальнаго архіерея, а подлежать святѣйшему правительствующему синоду".

Прошеніе подалъ Никодимъ въ апрѣлѣ 1783 года всесильному тогда князю Потемкину-Таврическому *) въ слободѣ Добрянкѣ. Началось дѣло о присоединеніи старообрядцевъ къ господствующей церкви. Мы не будемъ теперь распространяться о томъ, какъ оно шло. Скажемъ одно, что и Румянцевъ и Потемкинъ усердно хлопотали, чтобы сдѣлано было все согласно данному ими обѣщанію... Но измѣнились обстоятельства.

Никодимъ въ маѣ 1784 года умеръ. Дѣло затянулось. Затѣмъ одинъ за другимъ умерли и Потемкинъ и Румянцевъ. Скончалась и Екатерина. Митрополитъ Гавріилъ былъ въ немилости у Павла I: дѣло передали учителю этого императора, московскому митрополиту Платону. Оно продолжалось, но объ особенномъ архіереѣ для старообрядцевъ, о просимомъ ими хорепископѣ, не было и рѣчи. Составлены были Платономъ и въ октябрѣ 1800 года утверждены Павломъ I „правила единовѣрія". Они не удовлетворили ожиданіямъ старообрядцевъ. О хорепископѣ пройдено молчаніемъ, и, сверхъ того, Платонъ не согласился простить бѣглыхъ поповъ, бывшихъ у старообрядцевъ. „Прежнихъ изъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей сана своего, къ таковой (единовѣрческой) церкви не допускать",—написалъ онъ на второй пунктъ просьбы старообрядцевъ, желавшихъ оставить у себя бывшихъ у нихъ священниковъ, къ которымъ они привыкли, которымъ вручили свою совѣсть. Такимъ образомъ мѣра, иниціатива которой принадлежитъ Румянцеву-Задунайскому, не состоялась вполнѣ, и потому не были удовлетворены ожиданія ни той ни другой стороны. Успѣхи единовѣрія были слабы. Поповщинцы дьяконовскаго согласія, отвергнувшіе постановленіе московскаго перемазанскаго собора 1779 года, теперь отдалились отъ церкви болѣе, перейдя почти всѣ въ согласіе „перемазанцевъ", иначе называвшееся „вѣтковскимъ", „иргизскимъ", „рогожскимъ". Дьяконовщина, бывшая столь близкою къ господствующей церкви, вслѣдствіе воздвигнутаго на нее гоненія со стороны Рогожскаго кладбища за иниціативу единовѣрія, пала. Слабые остатки ея удержались въ Малиноостровскомъ монастырѣ, который бѣднѣлъ съ каждымъ годомъ, въ Орлѣ и немного въ Оленевскомъ скитѣ, на Керженцѣ **).

упразднился. Теперешніе викарные архіереи — нѣчто въ родѣ древнихъ хорепископовъ. Въ «Кормчей книгѣ» есть посланіе св. Василія Великаго къ *хорепископамъ*, изъ котораго видно, что въ его время въ каждомъ селеніи былъ свой хорепископъ, которому было поручено мѣстное духовенство. Никодимъ съ другими просили помѣстить хорепископа въ слободскій Успенскій монастырь (Никодимову пустынь), что между посадами Зыбкой (городъ Новозыбковъ) и Злынкой.

*) Прошеніе это напечатано въ «Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей», 1858 г. № 4.

**) Въ 1848 году въ этомъ скитѣ было только 12 человѣкъ дьяконовщины.

Появилось много полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ единовѣрческой церкви. Изъ нихъ особенно замѣчательны были: Андреяна Сергѣева „Два отвѣта петропольскимъ уніатамъ на ихъ вопросы о причинѣ, не позволяющей съ ними быть во единой вѣрѣ и богослуженіи“; Гаврилы Скачкова „Критическое показаніе въ стихахъ и прозѣ о бытіи въ Россіи трехъ церквей: никоновой, уніатской и старообрядческой или поповщины“; Павла Онуфріева Любопытнаго „Отвѣтъ петропольскимъ уніатамъ о несовмѣстности соединенія съ ними въ вѣрѣ Христовой церкви“. Явились даже сатиры въ стихахъ, писанныя старообрядцами. Единовѣрцы не отвѣчали *).

VIII.

Поповщина въ началѣ XIX столѣтія. Рязановъ.

Необходимость имѣть епископа сознавалась преимущественно въ дьяконовскомъ согласіи поповщины. Этимъ толкомъ преимущественно и были предпринимаемы въ прошломъ столѣтіи попытки получить архіерейство. Съ самаго Александра-дьякона, основателя этого толка, казненнаго въ 1720 году, громко высказывается необходимая нужда въ епископствѣ. Въ своихъ „Керженскихъ отвѣтахъ“ онъ прямо говоритъ о нуждѣ въ святительскомъ чинѣ. Изъ его послѣдователей неизвѣстный намъ по имени старообрядецъ писалъ въ 1745 году какому-то отцу Тихону энергическое посланіе о печальномъ состояніи безпастырскаго старообрядства. Въ этомъ посланіи онъ требуетъ: „елико сила ходатайствовати святительство — источникъ священства“. Во второй половинѣ XVII столѣтія изъ дьяконовскихъ общинъ почти безпрерывно поднимаются одни за другими голоса въ пользу исканія архіерейства. Для осуществленія этого завѣтнаго желанія дьяконовскія общины не жалѣютъ ни трудовъ ни денегъ, смѣло идутъ навстрѣчу серьезнымъ опасностямъ, посылаютъ своихъ людей въ дальнія странствованія, пробуютъ всѣ воз-

---

*) Андрей Іоанновъ Журавлевъ въ «Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ», стр. 362, 363, говоритъ: «Жившіе за границею по сю сторону Днѣпра старообрядцы отправили отъ себя къ крымскому митрополиту, чтобы поставилъ имъ епископа, но онъ безъ благословенія константинопольскаго патріарха не хотѣлъ того сдѣлать, а произвелъ имъ только игумена Іоанна, попа Ѳеодота да одного дьякона». О. Журавлевъ не упоминаетъ, когда это было, но полагать надобно—до 1768 года. Въ 1772 г. уже не было болѣе старообрядцевъ «за границею по сю» (по лѣвую) сторону Днѣпра. По первому раздѣлу Польши, весь Днѣпръ принадлежалъ Россіи. А между 1768 и 1772 годами вѣтковскіе старообрядцы (рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о нихъ) не могли пробраться въ Крымъ, по той причинѣ, что русскими войсками дорога была отрѣзана. Но въ 1768 году вѣтковскія слободы едва ли еще возникли послѣ разоренія 1761 года. Въ нашихъ источникахъ нѣтъ ничего объ этой посылкѣ вѣтковцевъ въ Крымъ, но думаемъ, что извѣстіе о. Журавлева относится еще ко временамъ царствованія Елизаветы, по всей вѣроятности, къ періоду времени между 1758 и 1762 г.

можныя для нихъ средства къ установленію правильной іерархіи въ старообрядствѣ.

Другія согласія хотя и принимали по временамъ болѣе или менѣе участія въ исканіи епископства, но никогда не были разборчивы въ средствахъ и, давая слишкомъ широкое примѣненіе словамъ апостола Павла: „по нуждѣ и закона премѣненіе бываетъ", прибѣгали къ средствамъ антиканоническимъ. Напротивъ, дьяконовцы въ дѣлѣ исканія святительскаго чина поставляли непремѣннымъ условіемъ строгое исполненіе правилъ, установленныхъ вселенскими соборами и уставами св. отецъ. Дѣло Епифанія было чуждо имъ, и если впослѣдствіи нѣкоторые изъ дьяконовцевъ и принимали поповъ его поставленія и сохраняли имя его въ синодикахъ, то лишь потому, что Епифаній, хотя и обманомъ, но получилъ правильную хиротонію. Притомъ же въ то время старообрядцы поповщинскаго толка были убѣждены въ подлинности писемъ, привезенныхъ Епифаніемъ въ Яссы отъ кіевскаго архіепископа, архіепископа дѣйствительно недовольнаго Петербургомъ и Москвою. Аѳиногенъ хотя и былъ прежде у дьяконовцевъ въ Зыбкой, но, находясь между ними, не посмѣлъ объявить себя епископомъ, а когда самозванно принялъ за рубежомъ этотъ санъ, дьяконовцы немедленно прекратили съ нимъ всякія сношенія. Анѳима, съ самаго появленія его, дьяконовцы считали обманщикомъ. Въ Москвѣ, на соборѣ 1765 г., дьяконовцы остановили странную затѣю другихъ старообрядцевъ рукоположить епископа рукою мощей св. Іоны.

Наконецъ дьяконовщина, и одна только дьяконовщина, въ концѣ XVIII столѣтія искала *правильнаго архіерейства* какъ за границей, такъ и въ Россіи. Одна только дьяконовщина *просила законнаго архіерея у законнаго правительства*.

Такимъ образомъ исканіе архіерейства, правильнаго и законно поставленнаго, по справедливости считается однимъ изъ отличительныхъ признаковъ дьяконовской вѣтви поповщины.

Дьяконовцы (они же лысеновщина и кадильники), теперь почти не существующіе, были гораздо ближе къ господствующей церкви, чѣмъ всѣ другія отрасли старообрядства. Разномысліе свое съ нею относительно нѣкоторыхъ обрядовъ они не считали дѣломъ большой важности и признавали ее „православною", говоря, что вѣра состоитъ не въ обрядахъ, которые и прежде разнствовали по мѣстамъ, а въ исповѣданіи. На этомъ основаніи дьяконовцы принимали бѣглыхъ православныхъ поповъ и вообще православныхъ безъ миропомазанія — третьимъ чиномъ, то-есть послѣ исповѣди. Четырехконечный крестъ, надъ которымъ ругались другіе старообрядцы, называя его знаменіемъ антихриста, латинскимъ крыжемъ и т. д., дьяконовцы почитали наравнѣ съ восьмиконечнымъ. Они открыто пошли-было къ сближенію съ господствующей церковью, прося у правительства хорепископа. Мы знаемъ, къ какому привело это результату. Явилось такъ-называемое *единовѣріе*.

Съ тѣхъ поръ, какъ представители дьяконовщины, Никодимъ и попъ Михаилъ Калмыкъ, начали законнымъ путемъ искать у правительства особаго архіерея, прочіе толки старообрядства стали враждебно смотрѣть на нихъ. „Кадильники измѣняютъ древлему благочестію и во всемъ смѣсилися съ никоніаны",—говорили перемазанцы. Много скорбей претерпѣлъ Никодимъ и единомысленные съ нимъ, но бодро переносили они испытаніе, надѣясь на благополучный исходъ дѣла, надѣясь, что законный архіерей, котораго дастъ имъ правительство, по маломъ времени соединитъ расточенное стадо всѣхъ старообрядцевъ во едину церковь. Дьяконовцевъ осыпали насмѣшками, называли ихъ „хромыми", укоряли въ отступничествѣ и даже прибѣгали относительно ихъ къ насиліямъ *). Богатыя общины — московская, петербургская и др. — прекратили свои вспомоществованія и въ другія общины разсылали увѣщанія и запрещенія не помогать дьяконовцамъ ни деньгами ни другими подаяніями и не имѣть съ ними ни въ чемъ общенія. Дьяконовщина обнищала. Немалая часть ея послѣдователей еще до 1800 года присоединилась къ перемазанцамъ. Въ самомъ Стародубьѣ перемазанцы (по тамошнему іорженцы) съ каждымъ годомъ усиливались и преимущественно насчетъ дьяконовцевъ. Послѣ утвержденія правилъ единовѣрія, дьяконовскій толкъ почти совсѣмъ упалъ, но борьба съ нимъ московскаго Рогожскаго кладбища продолжалась до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Рогожское кладбище восторжествовало **).

---

*) Такъ, напримѣръ, было съ Сергѣемъ Иргизскимъ, когда онъ принялъ намѣреніе присоединиться къ плану Никодима.

**) Падавшая дьяконовщина не вдругъ однако уступила рогожцамъ. Въ началѣ XIX столѣтія, для умиротворенія старообрядства поповщинскаго согласія, то-есть для соглашенія перемазанцевъ съ дьяконовцами, былъ соборъ въ Макарьевомъ монастырѣ (Могилевск. губерніи, Бѣлицкаго, нынѣ Гомельскаго, уѣзда). Рогожцы послали туда своихъ уполномоченныхъ со множествомъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ. Эту библіотеку везли на особыхъ подводахъ. Кромѣ рогожцевъ были на соборѣ старики изъ Стародубья, изъ Вѣтки, изъ Орла (дьяконовцы), пріѣхало двое старообрядцевъ изъ Молдавіи — монахъ и безграмотный мірянинъ. Соборъ, какъ и московскій 1779 года, не достигнулъ церковнаго мира; не было даже составлено соборнаго дѣянія. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ большое вліяніе на ослабленіе дьяконовщины и усиленіе перемазанства, ибо московскіе старообрядцы рѣшительно объявили, чтобы никто изъ непріемлющихъ перемазанія не только не надѣялся на какую-либо ихъ помощь, но зналъ напередъ, что будутъ принимаемы всѣ мѣры къ совершенному уничтоженію дьяконовскаго толка. Самого Александра-дьякона объявили они еретикомъ. Дьяконовцы доказывали на Макарьевскомъ соборѣ, что перемазаніе началось не болѣе, какъ лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ (въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія). Московскіе не могли доказать противнаго и замолчали. Тогда дьяконовцы обратились къ вѣтковскимъ отцамъ, чтобъ они доказали древность перемазанія, но тѣ не сказали ничего положительнаго; одни изъ нихъ говорили: «не наше дѣло, мы готовимся ужъ умирать»; а другіе: — «не должно о миропомазаніи споры умножать». Но Макарій, настоятель монастыря, и молдавскіе старообрядцы приняли сторону дьяконовцевъ.

Дьяконовцы, даже и во время исхода несчастной для нихъ борьбы съ рогожцами, не покидали мысли о необходимости архіерейства, хотя, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ и малочисленностью своею, не могли уже предпринимать такихъ попытокъ, какими отличались ихъ предшественники въ минувшемъ столѣтіи. Такъ, послѣдній борецъ дьяконовщины, орловскій мѣщанинъ Дмитрій Варѳоломеевичъ Тужилинъ, въ 1816 году, въ посланіи своемъ на Рогожское, упомянувъ о плачевныхъ раздорахъ и распряхъ въ старообрядчествѣ, говорилъ: „Откуда сія Богомъ ненавидимая и злообразная страсть въ сердцахъ православныхъ христіанъ оживляетъ свой корень? Не оттого ли, яко чрезъ долговременное лишеніе свойственныхъ имъ пастырей каждо пріобыклъ ходить по своихъ воляхъ? Отъ сего церковное тѣло раздѣлися на многія части... Симъ недугомъ (неимѣніемъ архіереевъ) будучи поражены, христіане, вмѣсто еже бы всего честнѣе краситися титлою званія христіанскаго,

---

Послѣ этого собора московскіе старообрядцы произвели большія смуты въ Стародубьѣ. По ихъ приказу, мѣщане и крестьяне посада Митьковки произвели большіе безпорядки въ главнѣйшемъ монастырѣ Стародубья, Покровскомъ (въ Климовой слободѣ), гдѣ были и перемазанцы и дьяконовцы. Узнавъ, что тамъ принятъ бѣглый отъ господствующей церкви попъ безъ миропомазанія, они собрались во множествѣ съ дубинами, окружили монастырь и угрожали вмѣстѣ съ немазаннымъ попомъ перебить всѣхъ живущихъ въ немъ. Въ виду дубинъ попа перемазали. Въ другой разъ подобныя смуты были въ монастырѣ Николо-Пустынскомъ (подлѣ Клинцовъ). Въ храмовой праздникъ Николая Чудотворца собрались сюда, по обыкновенію, богомольцы изъ разныхъ слободъ. Были и дьяконовцы, которые вмѣстѣ съ другими молились Богу. Поборники рогожской партіи закрамолили. Они кричали монастырскимъ: «вы, отцы, худо о церковныхъ вещахъ смотрите; знать, вы съ московскими общенія имѣть не хотите!» И напомнили имъ про митьковскія дубинки у Покровскаго монастыря. Много было шуму и вопля; дьяконовцевъ выгнали. Это было въ 1815 году. Вслѣдъ затѣмъ (22 марта 1816 года), отъ имени московскаго старообрядческаго общества, попечители Рогожскаго кладбища, Михаилъ Ивановичъ Самойловъ и Тимоѳей Андреевичъ Остряковъ, писали въ Николо-Пустынскій и другіе стародубскіе монастыри и посады слѣдующее посланіе: «Увѣдомлены мы о вашихъ монастыряхъ и посадахъ, что иноки и старообрядцы исповѣданія нашего имѣютъ совокупленіе съ жителями дьяконовой секты и невозбранно имѣютъ входъ къ богослуженію и къ отправленію требъ, и вы ихъ въ таковъ случаѣ не гнушаетесь и всегда въ сообщеніи съ ними, равно и милостыни принимаете по умершихъ ихъ родственникахъ, кои въ ересяхъ уже и померли, и тѣмъ мѣшаете свѣтъ со тьмою. А потомъ, и у насъ бывши, въ Москвѣ, множество соблазнили да нѣкоторыхъ и развратили ходомъ своимъ въ домъ Мошанскихъ, къ тому же и прочіе возникаютъ соблазны. То мы въ такомъ случаѣ слезно, лицомъ всея церкви, просимъ оставить таковое развратное дѣло. Если же не оставите и не послѣдуете отеческимъ преданіямъ единодушно съ нашимъ обществомъ, какъ оное издревле содержатъ и принимаютъ вторымъ чиномъ, то таковыхъ, яко татей и разбойниковъ, по евангелію, отрѣшаемъ и лишаемъ сообщенія и *милости* общества нашего, и будете яко не брегущіе священная правила божественныхъ отецъ нашихъ, еже церковь утверждаетъ и все христіанское жительство украшаетъ. Такожде угодно было обществу нашему и изволили намъ при-

имѣютъ различныя нарицанія: овъ глаголетъ себѣ быти „вѣтковскаго“ исповѣданія, другіе же нарицаются „безпоповщинскаго“ разумѣнія и другихъ многихъ различныхъ наименованій отъ мѣстъ, отъ учителей — въ старообрядцахъ много обрѣтаются“ *). Въ Москвѣ въ то время до того ненавидѣли дьяконовцевъ, что и думать не хотѣли объ архіерействѣ, чтобы не уподобиться ненавистной сектѣ, у которой стремленіе къ архіерейству было однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ. Но по временамъ и изъ среды враговъ падающаго толка поднимались голоса о необходимости епископскаго чина. Такъ, перемазанецъ города Вольска, купецъ Иванъ Петровичъ Ѳоминъ писалъ въ 1799 году къ пріятелю своему, купцу Ивану Ивановичу Мухину, не послѣднему члену Рогожской общины: „Увы, брате, да не оскорбимъ васъ словомъ, уже бо кончина приближается наша; видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на песцѣ, а не на твердомъ камени. Не имѣемъ мы ни епископа ни священника, благословеннаго отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа. Сохрани насъ, Боже, чтобъ и мы не такъ же ожидали себѣ епископа, какъ жиды ожидаютъ пришествія Мессіи“ **). Такъ, около 1820 года неизвѣстный намъ по имени иргизскій инокъ писалъ: „О новый Израилю! Уты, утолстѣ, уширѣ и забылъ

казать, чтобы непремѣнно увѣдомить всѣ монастыри. Въ разсужденіи чего и требуемъ скорѣйшаго увѣдомленія» (Мошанскіе, упоминаемые въ этомъ посланіи, были зажиточные московскіе старообрядцы, отцы или дѣды которыхъ принимали живое участіе въ дѣлахъ собора 1779 года и грозились поколотить Никодима и попа Михаила Калмыка. Тѣ Мошанскіе, о которыхъ говорится въ посланіи, были одни изъ первыхъ старообрядцевъ, которые перестали гнушаться общественною жизнью, ѣздили на гулянья, посѣщали театры и пр.). Дьяконовцы города Орла сильно возстали противъ рогожцевъ за это посланіе. Глава тамошней дьяконовской общины, мѣщанинъ Дмитрій Варѳоломеевичъ Тужилинъ, оставившій нѣсколько сочиненій въ прозѣ и стихахъ, писалъ Самойлову и Острякову «Посланіе», въ которомъ, соболѣзнуя о раздорахъ въ старообрядствѣ и угрожая гнѣвомъ самого Бога виновникамъ несогласій, просилъ рогожскихъ попечителей объяснить, почему они дьяконовцевъ почитаютъ за еретиковъ. Прошло два года: отвѣта изъ Москвы не было. Тужилинъ написалъ язвительную для рогожцевъ «Повѣсть о томъ, что̀ сдѣлали Рогожскаго кладбища попечители 1816 года», въ прозѣ и стихахъ. Московскіе старообрядцы отнеслись къ этой повѣсти съ презрѣніемъ и на всѣ возраженія и обличенія дьяконовщины отвѣчали упорнымъ молчаніемъ. Впрочемъ, и отвѣчать имъ было нечего — ихъ дѣло было неправо. Но, благодаря богатству и вліянію, окончательная побѣда осталась на сторонѣ рогожцевъ.

*) Д. В. Тужилинъ. «Посланіе къ попечителямъ Рогожскаго московскаго кладбища, Михаилу Ивановичу Самойлову и Тимоѳею Андреевичу Острякову». 1816 года.

**) «Письмо Ив. Петр. Ѳомина къ Ив. Ив. Мухину» напечатано въ 1841 году въ видѣ приложенія въ книгѣ іеросхимонаха Іоанна, обратившагося изъ раскола въ православіе: «Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольничьихъ толковъ», стр. 85 и слѣд. И. Ѳоминъ и Мухинъ, не дождавшись обѣщаннаго старообрядческаго епископа, обратились въ православіе.

еси Бога, создавшаго тя! Уты богатствами и мірскими почестями, ушрѣ фабриками, капиталами и иными дѣлами торговыми, утолстѣ въ пространномъ житіи сластолюбіемъ, чревоугодіемъ, объяденіемъ же и пьянствомъ! Забылъ еси Бога и послужилъ проклятой мамонѣ и златому тельцу, прилѣпися всею душою твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ. Окрадая смущенную никоніанскую церковь, новшествъ преисполненную, и святые догматы дерзостно поправшую, тщетно хвалишися, о, Новый Израилю, яко бы священства чинъ въ тебѣ не изсякаетъ. Всуе хвалишися! Гдѣ той неизсякаемый источникъ, гдѣ преемственная отъ рукъ апостольскихъ хиротонія? Имѣеши ли епископскій чинъ, безъ него же церковь Божья стояти не можетъ? Имѣеши ли священное руковозложеніе, мvросовершеніе, антиминсовъ священіе, епископское благословеніе и разрѣшеніе, равно и судъ церковный? Кто можетъ въ тебѣ пресвитеровъ и діаконовъ поставляти, мvро совершати, дѣвъ освящати и всѣ дѣла со разсужденіемъ творити по 9 правилу святого Антіохійскаго собора и по 6 Карѳагенскаго?" *). Со стороны безпоповцевъ обильно сыпались на поповщину укоры и обличенія. Въ этихъ обличеніяхъ, хотя въ виду иныхъ интересовъ и съ иной точки зрѣнія, — указывали они на неимѣніе епископства и на неспасительность дѣйствій, совершаемыхъ бѣглыми отъ господствующей церкви попами. „Такіе попы ваши не суть пастыри, но волки и наемники, которые, оставивъ церковь свою и епископовъ своихъ, приходятъ къ вамъ по двумъ причинамъ: или интереса ради изъ бѣдныхъ приходовъ, узнавши, что вы щедро за требы ихъ награждаете, или же отъ бѣды укрываются. Таковые попы ваши не суть священницы, ибо безглавни, не имѣюще у васъ никоего епископа, а прежняго своего тайно отбѣгоша и потомъ проклятію предавше" **). Одинъ изъ представителей самыхъ крайнихъ мнѣній безпоповщины, саратовскій мѣщанинъ Тимоѳей Васильевичъ Бондаревъ, основатель Бондаревскаго согласія самокрещенцевъ, говорилъ: „сколько керженскіе старцы ни алчны были къ епископамъ, однакожъ, чтобъ онымъ быть до скончанія вѣка отнюдь не сказали... Иргизская сонмища, хотя и совсѣмъ безглавная: ни главы, ни очей, ни рукъ, ни ногъ не имѣющая, но трупъ единъ, — но всякое дѣйство отъ тоя же великороссійскія церкви заимствуютъ, то не все ли равно, когда подъ единою главою,

---

*) «Возглашеніе сыновъ святыя, древнеправославныя, каѳолическія церкви, въ царствующемъ градѣ Москвѣ пребывающимъ, отъ недостойнаго и послѣдняго, во грѣсѣхъ же перваго инока святыя Верхнепреображенскія обители, что на Иргизѣ». Въ рукописномъ сборникѣ (in 4-to, 158 листковъ), писанномъ полууставомъ на Иргизѣ.

**) Рукопись, заключающая въ себѣ отвѣты и обличенія поморянина, направленные противъ поповщины. Если не ошибаюсь, это сочиненіе Тимоѳея Андреева «Духовный щитъ». Въ рукописи, находящейся у меня, нѣтъ ни начала ни конца сочиненія. и потому не могу навѣрное опредѣлить, кто его авторъ. Ѳоминъ (см. выше), кажется, ссылается на это сочиненіе.

единымъ пастыремъ пасутся и управляются? Аще бо и мнятся разнствовати, но вся та прелесть суть“ *).

Рогожское было глухо къ укоризнамъ и своихъ и чужихъ. Столпы московскаго старообрядства и слышать не хотѣли объ архіерействѣ. Имъ были бы попы.

А поповъ въ началѣ XIX столѣтія по всему старообрядчеству было изобильно, — такъ изобильно, какъ никогда не бывало. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, находившіеся у старообрядцевъ бѣглые попы не навлекали болѣе на себя преслѣдованій со стороны правительства, если не совершали уголовныхъ преступленій, и въ такомъ только случаѣ были лишаемы сана и даже заточаемы въ монастыри, если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ попадали въ руки духовнаго начальства. Вызывая старообрядцевъ изъ-за литовскаго рубежа, Екатерина обѣщала имъ свободу богослуженія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ поселены. Этимъ для поповщины обусловливалось въ нѣкоторой степени право имѣть поповъ, безъ которыхъ, по ихъ правиламъ, они не могутъ совершать богослуженія. Подъ поселеніе вышедшихъ изъ тогдашнихъ польскихъ провинцій старообрядцевъ отведено, между прочимъ, 70 тысячъ десятинъ превосходной земли по р. Иргизу (въ нынѣшней Самарской губерніи); здѣсь старообрядцы тотчасъ же устроили три мужскіе и два женскіе монастыря съ церквами **). Кромѣ зарубежныхъ выходцевъ, много поселилось здѣсь старообрядцевъ, пришлыхъ изъ разныхъ краевъ Россіи; вскорѣ иргизскіе монастыри и возникшія кругомъ ихъ слободы сдѣлались весьма многолюдны. Такъ какъ попы на Иргизѣ были дозволены, то ихъ всегда бывало здѣсь много. Считаясь иргизскими, они разсылаемы были по разнымъ старообрядческимъ общинамъ и жили тамъ временно и даже постоянно, для совершенія требъ. Какъ иргизскіе, т.-е. какъ дозволенные правительствомъ, эти попы были повсюду безопасны отъ преслѣдованій, жили открыто съ паспортами, выдаваемыми мѣстнымъ начальствомъ ***), и разъѣзжали свободно, иногда даже на почто-

---

*) «Самокрещенскіе отвѣты Бондарева» писаны въ 1836 г. Я цитирую по принадлежащему мнѣ автографу Бондарева (in 4-to, 294 листка за скрѣпой инока Мельхиседека Якубовскаго). Выписанное мѣсто на листкѣ 247 и на оборотѣ 250.

**) Здѣсь, въ 1762 году, монахъ Авраамій основалъ *Нижневоскресенскій* монастырь (подлѣ слободы Криволучье), а черный попъ Исаакій — *Верхнепреображенскій* на берегахъ Иргиза и озера Калача; въ 1764 г. черный попъ Пахомій построилъ *Средненикольскій* монастырь на берегу Иргиза, подлѣ нынѣшняго города Николаева. Женскіе монастыри были основаны: *Покровскій* (въ 5 верстахъ отъ Верхнепреображенскаго) въ 1762 монахиней Маргаритой, а *Среднеуспенскій* (подлѣ Средненикольскаго) въ 1783 монахиней Апоисой.

***) Въ нынѣшнемъ столѣтіи попы получали паспорты изъ саратовской удѣльной конторы, которая завѣдывала иргизскими поселеніями, а до того изъ дворцовой канцеляріи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ попы получали паспорты отъ саратовскаго губернатора. Въ 1811 году охтенскій протопопъ

выхъ по подорожнымъ, въ которыхъ прописывалось званіе проѣзжающаго. Такая свобода имѣть поповъ доставила Иргизу огромное значеніе въ средѣ старообрядцевъ, какого не имѣли ни Керженецъ, ни Вѣтка, ни Стародубье, когда были средоточіями поповщины. Послѣ перемазанскаго собора 1779 года на Иргизѣ были большія пренія по предмету, обсуждавшемуся въ Москвѣ, и было два собора: 2 августа 1782 и 5 марта 1783 гг., на которыхъ приняты и утверждены рогожскія правила перемазанія. Это было весьма важно и для московскихъ старообрядцевъ и для Иргиза. Московскіе и всѣ многочисленные ихъ единомышленники въ союзѣ съ Иргизомъ получили сильное для себя подкрѣпленіе и видѣли въ немъ обезпеченіе своихъ правилъ въ будущемъ, ибо въ одномъ только Иргизѣ можно было тогда имѣть дозволенныхъ поповъ и только оттуда свободно и открыто разсылать ихъ по Россіи. Иргизъ, въ свою очередь, получилъ сильную поддержку въ матеріальномъ отношеніи. Принявъ перемазаніе, Иргизъ, по просьбѣ старообрядческихъ обществъ, московскаго, вольскаго и уральскаго, разослалъ написанное инокомъ Сергіемъ окружное посланіе въ утвержденіе этого правила *). Вмѣстѣ

Андрей Іоанновъ Журавлевъ, авторъ извѣстнаго и часто приводимаго нами сочиненія о раскольникахъ, донесъ о бѣгломъ попѣ Василіи Андреевѣ, жившемъ съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія при поповщинской моленной Королева въ Петербургѣ. При производствѣ слѣдствія оказалось, что попъ съ Иргиза и проживаетъ по паспорту за подписомъ саратовскаго гражданскаго губернатора Панчулидзева. Въ этомъ паспортѣ онъ названъ «отпущеннымъ въ С.-Петербургъ священникомъ Нижневоскресенскаго монастыря» («Дѣло департ. общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1816 года, № 4). Дѣло это кончилось слѣдующею резолюціей Александра I, написанною 20 августа 1811 года: «не дѣлать какихъ-либо о ней (Королёвской часовнѣ) распоряженій, поелику оная часовня не есть вновь заведенная, а оставить ее попрежнему до общаго разсмотрѣнія подобныхъ сему обстоятельствъ». Саратовскій губернаторъ, 30 августа 1815 года, доносилъ министерству полиціи, что тамошняя удѣльная контора выдаетъ паспорты для заработковъ въ разныхъ городахъ Россійской имперіи иргизскимъ монахамъ, которые поступили въ это званіе изъ удѣльныхъ крестьянъ, и отлучки ихъ изъ монастырей имѣютъ единственною цѣлью только распространеніе ереси ихъ, и что хотя монахамъ симъ и слѣдовало бы прекратить отлучку изъ ихъ жилищъ, но, принимая въ соображеніе убѣдительную просьбу настоятелей старообрядскихъ иргизскихъ монастырей, онъ, губернаторъ, предложилъ удѣльной конторѣ снабжать означенныхъ монаховъ для отъѣзда въ другія губерніи письменными видами на 4 мѣсяца, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ видахъ этихъ означаемо было, для какихъ именно надобностей они отправляются, и дабы люди сіи нигдѣ ученія своего не распространяли и духовныхъ требъ не совершали подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія. Министръ полиціи, графъ Вязмитиновъ, сообщилъ объ этомъ министру удѣловъ, который согласился съ мнѣніемъ саратовскаго губернатора впредь *до времени опредѣленности по предмету сему особаго правила до старообрядцевъ относящагося*. Но это осталось лишь на бумагѣ, дѣйствительно же монахи и попы разъѣзжали попрежнему («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1815 года, № 10).

*) Оно было послано въ Москву, въ Стародубскія слободы, на Керже-

съ тѣмъ разосланы были повсюду, и повсюду приняты — другія правила, постановленныя на иргизскомъ соборѣ 1783 года. Изъ нихъ особенно важно было слѣдующее: „чтобы нигдѣ вновь не принимали пришедшихъ священниковъ, кромѣ святѣй церкви (Иргиза), но отсылать бы всѣхъ таковыхъ ко святѣй церквѣ для лучшаго законоправильнаго во всемъ разсмотрѣнія; а кто хотя гдѣ по какой необходимой нуждѣ какого вновь пришедшаго священника и примутъ, то о томъ бы въ скорости дать отъ того мѣста знать ко святѣй церквѣ“. Это единодушно и повсемѣстно принятое правило доставило Иргизу главенство во всемъ старообрядчествѣ. Братство иргизскихъ монаховъ получило бъ нѣкоторой степени значеніе епископа. Въ 1792 и 1805 году на Иргизѣ были новые соборы, на которыхъ утверждена форма исправы какъ поповъ, такъ и мірянъ. Она нѣсколько отличалась отъ той, какая употреблялась прежде *).

Другое обстоятельство еще болѣе возвысило значеніе Иргиза. Мы видѣли, какимъ образомъ въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка приходъ Ѳеодосія на Вѣтку возвысилъ эту слободу на степень старообрядческой митрополіи. Такое значеніе дала Вѣткѣ церковь съ антиминсомъ, освященная Ѳеодосіемъ. То же самое случилось и на Иргизѣ. Въ 1776 году

нецъ, въ Сибирь, въ Поморье, въ Гуслицу, въ Уральскъ, въ Дунилово, въ Шую, въ Городецъ, на Терекъ, въ Тулу, въ Калугу, въ Коломну. «Православный Собесѣдникъ» 1857 г., стр. 404.

*) Прежняя формула приведена нами при разсказѣ о принятіи вѣтковцами епископа Епифанія. Новая иргизская исправа состояла въ слѣдующемъ. Принимаемый попъ надѣвалъ епитрахиль, фелонь и поручи, исповѣдывался у монастырскаго священника, потомъ съ амвона, обратясь на западъ, читалъ слѣдующее: «Азъ, священноіерей (имя рекъ), отъ гнусныя никоніанскія ереси къ непорочнѣй всею душою приступаю вѣрѣ. Проклинаю вся отреченная святыми отцы: аще кто не креститъ въ три погруженія съ приглашеніемъ «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», но обливаетъ, да будетъ проклятъ. Аще кто служитъ божественную литургію на пяти просфорахъ, а не на семи, да будетъ проклятъ. Аще кто приглашаетъ божественную пѣснь «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже», да будетъ проклятъ. Молящіяся въ три перста, а не двѣма, да будутъ прокляты. Аще кто благословляетъ пятію персты странно нѣкако, не по преданію святыхъ отецъ, — да будетъ проклятъ. Знаменія на просфорахъ четвероконечные кресты, а не восьмиконечные и на нихъ служатъ — да будутъ прокляты. Аще кто чтетъ молитву Господню «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ» съ приложеніемъ литеры І, а не по-древнему: «Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ» — да будетъ проклятъ. Въ заключеніе наконецъ и всѣхъ нововведенныхъ преданіяхъ, отъ Никона патріарха содержимыхъ нынѣ Грекороссійскою церковію, отрицаюсь и проклинаю, и анаѳемѣ предаю, и иже изволитъ имъ и послѣдуетъ — анаѳема и да будетъ проклятъ». Потомъ, за неимѣніемъ мира, попъ мазалъ его священнымъ масломъ съ приглашеніемъ словъ: «печать дара Духа Святаго». По окончаніи этой церемоніи настоятель монастыря и вся братія подходили къ новопринятому подъ благословеніе, и онъ допускаемъ былъ къ священнодѣйствію и совершенію требъ. Тѣмъ же чиномъ принимали и мірянъ («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1838 года, № 96, листы 4 — 9).

въ Верхнепреображенскій монастырь пришелъ изъ Вѣтки инокъ Сергій Юршевъ съ полотняною церковью и антиминсомъ. Въ то время нигдѣ у перемазанцевъ не было освященной церкви, стало-быть, не было и запасныхъ даровъ. Вдругъ разносится радостная для старообрядцевъ вѣсть, что на Иргизѣ въ вѣтковской церкви служатъ литургію. Толпы двинулись въ Верхнепреображенскій монастырь къ обѣднѣ—изъ Москвы, Петербурга, Сибири и со всего Поволжья. За одинъ разъ приходило по пяти и по шести тысячъ богомольцевъ, особенно лѣтомъ и во время судоходства. Благолѣпіе церкви, благочиніе при отправленіи службы, искусные пѣвчіе, строгій монастырскій порядокъ приводили въ восхищеніе приходящихъ и умножали иргизскія богатства. Но иргизскіе монахи не поступали такъ, какъ нѣкогда вѣтковскіе и стародубскіе: они не раздавали своихъ запасныхъ даровъ всякому желающему, но давали ихъ только разсылаемымъ попамъ и въ рѣдкихъ случаяхъ монахамъ и даже монахинямъ изъ другихъ старообрядческихъ мѣстностей. Такія дѣйствія объясняемы были уваженіемъ къ дарамъ, которыхъ не должны имѣть у себя непосвященные, но скорѣй могутъ быть объяснены заботою объ охраненіи иргизской монополіи на обѣдню, которая доставляла тамошнимъ монастырямъ огромныя выгоды. Для особенно богатыхъ или особенно вліятельныхъ мірянъ дѣлались исключенія. Стремленіемъ сохранить монополію обѣдни объясняется и то, что во все время господства Иргиза (1780 — 1836) не только нигдѣ не являлось новыхъ церквей съ антиминсами, но и стародубскія церкви, по переходѣ ихъ въ перемазанное согласіе, мало-по-малу упразднялись. Одно только Рогожское съ 1813 года имѣло церковь и обѣдню. Иргизъ протестовалъ по этому случаю, но вліяніе московскаго общества было такъ сильно, что онъ замолкъ.

Поповъ на Иргизѣ было всегда много, но еще болѣе бывало ихъ въ разъѣздахъ или на постоянномъ жительствѣ по разнымъ старообрядческимъ общинамъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ихъ проживало по разнымъ мѣстамъ болѣе двухсотъ человѣкъ *). Они доставляли значительныя выгоды Иргизу, ибо за каждаго попа общество платило отъ 200 до 500 руб., если онъ посылаемъ былъ на время, и отъ 500 до 2.000 руб., если отправлялся на постоянное жительство. Кромѣ того, общины платили за запасные дары и мнимое миро, которымъ отъ времени до времени снабжали разосланныхъ поповъ. Разсылка иргизскихъ

*) Для примѣра, въ какомъ количествѣ брали въ иныя мѣста поповъ съ Иргиза, представляю слѣдующее. Около 1780 года скитъ Старый Улангеръ, находившійся въ Макарьевскомъ округѣ Костромского намѣстничества, сгорѣлъ отъ молніи въ пору необычную: въ крещенскій сочельникъ (5 января). Старицы и бѣлицы въ ужасѣ разбѣжались. Узнали про то галицкая помѣщица Акулина Степановна Свѣчина, старообрядка, и племянница ея, помѣщица же, Ѳедосья Ѳедоровна Сухонина, собрали разбѣжавшихся матерей и на свой счетъ построили Новый Улангеръ, на рѣкѣ Козленцѣ (въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи), гдѣ онъ и до

поповъ по разнымъ мѣстамъ въ концѣ XVIII столѣтія была совершенно свободна, а съ 1803 года даже узаконена. Въ этомъ году, по просьбѣ села Городца *), высочайше разрѣшено имѣть при часовнѣ поповъ изъ иргизскихъ монастырей, и въ томъ же году на вопросъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина, какъ поступать съ раскольническими попами, находящимися во ввѣренныхъ управленію его губерніяхъ, было объявлено повелѣніе императора Александра I такого содержанія: „какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ изъ волостей могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ въ ихъ суевѣріи и лишить ихъ способовъ крещенія и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы, и не подавать имъ однакоже явнаго вида покровительства“ **). Около 1814 г. въ городѣ Кузнецкѣ, Саратовской губерніи, тамошній мѣщанинъ Серебряковъ построилъ часовню и обратился въ Иргизъ за попомъ. Иргизъ послалъ ему попа Ивана Петрова. О новой часовнѣ и о попѣ при ней дошло до Петербурга, и при этомъ воспрещено было попу Петрову лишь явное богослуженіе (внѣ часовни) и колокольный звонъ ***). Обращаясь съ просьбами къ правительству о дозволеніи имѣть иргизскихъ поповъ ****), старообрядцы присоединяли иногда просьбы и другого рода.

сихъ поръ находится. На старомъ мѣстѣ строить не рѣшились, считая молнію зимой за особенное знаменіе гнѣва Божья. Свѣчина и Сухонина всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ обратили въ старообрядческихъ монахинь и бѣлицъ; къ нимъ присоединились еще нѣсколько бѣдныхъ чухломскихъ и галицкихъ помѣщицъ съ своими крѣпостными дѣвушками. Свѣчина все свое имѣніе, впрочемъ, незначительное, употребила на построенный ею монастырь. Она очень любила торжественную службу, и при жизни ея въ Улангерѣ бывало заразъ поповъ по двѣнадцати, присылаемыхъ изъ Иргиза по ея требованіямъ. Такъ продолжалось, кажется, до 1815 года, когда скитъ Свѣчиной сгорѣлъ; тогда она переѣхала въ Комаровскій скитъ, гдѣ вскорѣ и скончалась. Послѣдній изъ улангерскихъ поповъ, черный попъ Ефремъ жилъ въ Улангерѣ до 1827 года. Въ Комаровскомъ скиту бывало лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ до пяти иргизскихъ черныхъ поповъ. Послѣдній изъ нихъ, Евфимій, взятъ и заключенъ въ Саровской пустыни въ 1831 году. Въ Екатеринбургѣ было по пяти и болѣе иргизскихъ поповъ въ одно время. Еще болѣе бывало ихъ у казаковъ на Дону, на Уралѣ, а особенно на Кавказской линіи.

*) Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, на Волгѣ. Часовня въ немъ построена въ 1789 году и доселѣ считается одною изъ главнѣйшихъ въ старообрядчествѣ. Въ ней доселѣ не признаётся правильнымъ «австрійское» архіерейство.

**) «Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода». С.-Петербургъ, 1860, томъ II, стр. 18. «Собраніе постановленій по части раскола». С.-Петербургъ, 1858, стр. 2.

***) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1815 года, № 15.

****) Объ этомъ просили, напримѣръ, въ декабрѣ 1814 года, старообрядцы Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1850 года, № 1). Чердынскіе (Пермской губерніи) пустынножители также получили поповъ съ Иргиза («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1810 года, № 5).

Такъ, старообрядческая община въ городѣ Ростовѣ-на-Дону, въ іюнѣ 1815 года, посылала въ Петербургъ своего повѣреннаго Акимова хлопотать, чтобы сдѣлано было распоряженіе, по которому бы выдавали иргизскимъ попамъ паспорты, а то они перестали ѣздить въ Ростовъ *).

До 1822 года не было однако общаго дозволенія имѣть старообрядцамъ при своихъ часовняхъ бѣглыхъ поповъ. Даваемы были разрѣшенія только по отдѣльнымъ случаямъ, безусловное же разрѣшеніе держать иргизскихъ поповъ имѣла одна лишь Городецкая часовня. Отъ того въ архивныхъ дѣлахъ первыхъ двадцати лѣтъ нынѣшняго столѣтія встрѣчается непрерывный рядъ ходатайствъ разныхъ старообрядческихъ обществъ о дозволеніи имѣть поповъ съ Иргиза, строить вновь или поправлять пришедшія въ ветхость часовни и т. п. Ходатайства просителей были уважаемы, но не всегда; бывали случаи, что дозволялось имѣть попа, для служенія по іосифовскому обряду и старопечатнымъ книгамъ, но съ тѣмъ, чтобъ онъ зависѣлъ отъ епархіальнаго архіерея; другими словами, предлагалось единовѣріе **), на что старообрядцы не изъявляли согласія и держали иргизскихъ поповъ тайно. Обыкновенно же подобнаго рода домогательства старообрядцевъ отлагались правительствомъ *впредь до общаго распоряженія по сему предмету*. Дѣло оставлялось statu quo.

Объ общемъ распоряженіи относительно старообрядцевъ весьма заботились въ началѣ царствованія Александра I, когда были предприняты разнообразныя реформы по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Но разныя обстоятельства, особенно же отечественная война, замедлили ходъ дѣла, и только въ 1815 году вопросъ этотъ вновь обратилъ на себя вниманіе. Задача состояла въ томъ, чтобъ успокоить милліоны раскольниковъ дарованіемъ имъ свободы богослуженія (полными гражданскими правами они въ то время пользовались), но съ тѣмъ, чтобъ и господствующая православная церковь была вполнѣ обезпечена отъ всякаго ущерба со стороны раскола. Болѣе или менѣе одиночные случаи проявленія фанатизма въ разныхъ сектахъ (не старообрядческихъ) много вредили этому дѣлу. Изувѣрныя самоубійства въ Копенахъ ***), Пермской губерніи, ученіе Гнусина на Преображенскомъ кладбищѣ, убійства у духоборцевъ на Молочныхъ-Водахъ, торжественный входъ въ Тамбовъ молокана Уклеина съ 70 учениками для проповѣдыванія „новой вѣры“ и истребленій „идолопоклонства“ (то-есть почитанія иконъ), сборища скопцовъ въ Петербургѣ у Кондратія Сели-

*) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ мин. вн. дѣлъ», 1815 г., № 7.

**) Такое предложеніе дѣлано было, напримѣръ, старообрядцамъ города Ярославля въ 1811 году, села Иванова (Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи) въ 1816 году, города Саратова въ 1817 году; см. «Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода», С.-Петербургъ, 1860, томъ II, стр. 87, 117, 122.

***) Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

ванова, признаваемаго сыномъ Божьимъ и русскимъ царемъ, и другія подобныя явленія вызывали опасенія. Эти проявленія фанатизма были обобщаемы, и нерѣдко случай, бывшій гдѣ-нибудь въ одной сектѣ, возбуждалъ недовѣріе и къ другимъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ тою сектой и даже враждебнымъ ей. Раскола не знали, и всѣ вообще уклоненія русскихъ людей отъ православія, всѣ вообще виды религіознаго размомыслія считали чѣмъ-то общимъ *). Старообрядчество поповщинскаго согласія было въ этомъ отношеніи счастливѣе, чѣмъ другія религіозныя разномыслія. Оно было ближе къ православію, и его знали лучше, а потому къ концу царствованія Александра I послѣдователи его получили нѣкоторыя льготы относительно богослуженія.

Неуспѣхъ единовѣрія былъ сознаваемъ всѣми, и больше чѣмъ кому другому былъ онъ извѣстенъ старообрядцамъ. Не безъ основанія говорили въ 1819 г. екатеринбургскіе купцы министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицыну: „Вашему сіятельству небезызвѣстно, когда правительство, успокоивая старообрядцевъ, по разнымъ до сего жалобамъ, позволило имѣть церкви на пунктахъ митрополита Платона. Что же изъ сего вышло? Изъ церквей сихъ нѣкоторыя запустѣли, другія остались при нѣсколькихъ семействахъ,—слѣдовательно только разселили старообрядцевъ, а если-бъ оно тогда же позволило приблизиться болѣе къ коренному нашему положенію **), не было бы ни единаго раздѣленія, и нынѣ, чѣмъ ближе и неизмѣннѣе то у насъ останется, что было до

---

*) Н. В. Варадиновъ въ «Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ», VII, стр. 103 и 104, говоритъ: «Въ Москвѣ и Московской губерніи возникли разныя недоумѣнія между гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ по поводу публичнаго появленія раскола, при раскольническихъ моленныхъ, въ томъ числѣ и при моленной на Рогожскомъ кладбищѣ». Замѣчательно, что въ министерствѣ не было тогда (1823) «ни малѣйшаго извѣстія объ этомъ кладбищѣ, и что въ докладѣ департамента министру выписаны свѣдѣнія объ немъ изъ сочиненія протоіерея Іоаннова (А. І. Журавлева «Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ» 1793)... цифра прихожанъ показана за 1796 годъ... изъ чего можно заключить, какъ мало расколъ былъ извѣстенъ министерству, и какъ слѣдовательно распоряженія его были случайны. Впрочемъ, изъ самыхъ распоряженій ясно видно, что министерство разсматривало каждое проявленіе раскола только съ точки зрѣнія полицейской и уголовной, не заботилось объ изученіи его и преслѣдовало въ немъ лишь нарушеніе существовавшихъ постановленій. Изъ тѣхъ же распоряженій видно, что всѣ они дѣлались съ высочайшаго соизволенія, то-есть, что министерство не разрѣшало ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго случая проявленія раскола безъ доклада государю. Расколъ распространялся и укоренялся въ народѣ, скрываясь отъ наблюденія гражданскихъ властей и самого министерства, которыя не имѣли свѣдѣній ни о числѣ раскольниковъ, ни о ихъ толкахъ, ни о ихъ моленныхъ, ни о мѣстахъ ихъ жительства. Одно только публичное нарушеніе раскольниками постановленій, да и то не всегда, обращало на нихъ вниманіе министерства, и дѣла рѣшались сообразно важности случая безъ системы, послѣдовательности и однообразія.

**) Здѣсь разумѣется независимость изъ епархіальныхъ архіереевъ.

лѣтъ Никона патріарха, тогда не только всѣ старообрядцы соединятся съ первородною, древнею, но и самые перекрещенцы, безпоповщина и прочіе надежно убѣдятся (ихъ произвело одно и то же гонительное время патріарха Никона), и духовное правительство узритъ однихъ прямо старообрядцевъ не по своимъ какимъ-либо умствованіямъ, но по тѣмъ же святымъ преданіямъ, догматамъ и уставамъ, отъ крещенія князя Владиміра до лѣтъ Никона свято и всѣми чтимыхъ" *). Главная причина неуспѣха единовѣрія заключалась въ томъ, что старообрядцы не получили просимаго Никодимомъ архіерея и оставлены были подъ властью православнаго епархіальнаго начальства. Зависимость по духовнымъ дѣламъ отъ пастыря, признающаго до-никоновскіе обряды неправильными, — тѣ самые обряды, въ которыхъ ревнители „древляго благочестія" въ заблужденіи своемъ видятъ самую сущность вѣры, — была противна ихъ совѣсти, и потому они присоединеніе къ православной церкви на условіяхъ единовѣрія считали отступничествомъ отъ тѣхъ убѣжденій, за которыя отцы и дѣды ихъ гибли на кострахъ и плахахъ, терпѣли пытки, ссылки и всякаго рода преслѣдованія. Притомъ же опытъ показалъ, что не всѣ епархіальные начальники смотрѣли снисходительно на единовѣріе, въ которомъ, по ревности своей къ исправленнымъ при Никонѣ обрядамъ, нерѣдко видѣли тотъ же расколъ **). Немало воспрепятствовалъ успѣхамъ единовѣрія двукратный и рѣшительный отказъ настоятелю старообрядческаго Высоковскаго скита Герасиму и братіи въ присоединеніи ихъ къ господствующей церкви на условіяхъ единовѣрія ***). Это случилось черезъ полтора года по утвержденіи императоромъ Павломъ единовѣрія и притомъ одновременно съ разрѣшеніемъ близкой къ скиту Городецкой часовни имѣть иргизскихъ поповъ. Излишне говорить, какое впечатлѣніе на умы старообрядцевъ, желавшихъ примиренія съ церковью, произвело это несчастное стеченіе обстоятельствъ. Старообрядцы-фанатики были рады этому; въ тогдашней перепискѣ Керженскихъ скитовъ съ Москвой и Иргизомъ на неудачи Герасима указывалось, какъ на побѣду, какъ на милость Божью.

---

*) Письмо 15 екатеринбургскихъ купцовъ» къ князю А. Н. Голицыну въ мартѣ 1819 года.

**) Еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія единовѣрческая церковь въ городѣ Ярославлѣ, по этой причинѣ, была отдана въ вѣдѣніе костромского преосвященнаго, и въ 1818 г. постановлены для нея особыя правила, напечатанныя въ «Собраніи постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». СПБ. 1860 г., т. II, стр. 461 и слѣд. Такъ продолжалось до 1852 года, когда поступилъ въ Ярославль новый архіепископъ.

***) Высоковскій скитъ поповщинскаго согласія въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, близъ верховьевъ р. Керженца, существовалъ съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія. Въ 1802 году настоятель его Герасимъ съ братіей просилъ отдать имъ почти опустѣвшій Кривоезерскій монастырь на Волгѣ, противъ города Юрьевца, и устроить тамъ единовѣрческую оби-

Само правительство, какъ видно изъ нѣкоторыхъ записокъ того времени и изъ писемъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, человѣка извѣстнаго старообрядцамъ и пользовавшагося особенною довѣренностью императора Александра I, пришло къ убѣжденію, что правила 27-го октября 1800 года не достигаютъ ожидаемаго успѣха, и что для примиренія старообрядцевъ съ церковью необходимо сдѣлать въ этихъ правилахъ дополненія и исправленія. Это было извѣстно старообрядцамъ, и они не упустили случая воспользоваться такимъ расположеніемъ правительства.

Дѣло началось въ Екатеринбургѣ. Тамъ было сильное старообрядческое общество, и къ нему принадлежало много богатыхъ людей. Старообрядство въ Зауральѣ началось еще въ XVII вѣкѣ и особенно усилилось въ царствованіе Петра I, когда утѣсняемые Питиримомъ керженскіе жители во множествѣ удалились на заводы Демидова. Центромъ ихъ былъ Шарташскій скитъ, подлѣ котораго образовалось большое селеніе *). По учрежденіи Екатеринбурга, многіе изъ жителей Шарташа поселились въ новомъ городѣ и составили ядро старообрядческаго общества, со временемъ получившаго огромное значеніе. Здѣсь, а также на заводахъ Верхъ-Исетскомъ **) и Уктусскомъ ***), Невьянскомъ, Нижне-Тагильскомъ, Быньговскомъ, Сысертскомъ, Шайтанскомъ, Утклинскомъ, Висимскихъ и др., число старообрядцевъ и заведенныхъ ими по лѣсамъ около заводовъ скитовъ и келій такъ умножилось, что правительство Анны Ивановны въ 1735 году признало необходимымъ посылать туда черезъ каждые три года опытныхъ миссіонеровъ изъ православнаго духовенства для увѣщанія, но это не имѣло успѣха °). Особенно много развелось скитовъ въ лѣсахъ Висимскихъ по западному склону Уральскаго хребта °°).

тель, но получилъ отказъ. Затѣмъ Герасимъ просилъ по крайней мѣрѣ ихъ Высоковскій скитъ обратить въ единовѣрческую обитель и изъ часовни сдѣлать церковь, но въ іюлѣ 1804 года и на это получилъ отказъ. Синодъ нашелъ, что единовѣріе учреждено лишь для приходскихъ церквей, а не для монастырей («Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». С.-Петербургъ, 1860, т. II, стр. 11—16, 6, 337), хотя въ тридцати верстахъ отъ Херсона съ 1787 года существовалъ Корсунскій единовѣрческій монастырь. Герасимъ и высоковская братія столь ревностно желали примиренія со святою церковью, что, несмотря на эти отказы, несмотря на насмѣшки, оскорбленія и даже притѣсненія старообрядцевъ, почти двадцать лѣтъ хлопотали о томъ, чтобъ имъ дозволено было присоединиться къ православію на условіяхъ единовѣрія, и лишь въ 1820 г. имѣли утѣшеніе достигнуть желаемаго.

*) Селеніе въ 5-ти верстахъ отъ Екатеринбурга съ 1.768 душами обоего пола.

**) Въ одной верстѣ отъ Екатеринбурга съ 8.973 душами обоего пола.

***) Въ пяти верстахъ отъ Екатеринбурга съ 2.150 душами обоего пола.

°) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». С.-Петербургъ, 1860 г. т. I, стр. 259—263, 371, 375, 393—398.

°°) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣй-

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія екатеринбургское старообрядческое общество распространило свое вліяніе не только на окрестныхъ одновѣрцевъ, но и на сибирскихъ. Получая поповъ съ Иргиза, оно разсылало ихъ по заводскимъ старообрядцамъ и такимъ образомъ достигло нѣкотораго рода власти надъ ними. Всѣ они находились въ повиновеніи старшинъ екатеринбургской часовни. Эти старшины, избираемые старообрядческимъ обществомъ изъ почетнѣйшихъ своихъ членовъ, преимущественно въ качествѣ посредниковъ и ходатаевъ предъ правительствомъ по дѣламъ духовнымъ, а также для управленія хозяйственною частью часовни, пріобрѣли власть не только надъ простолюдинами, но и надъ самыми попами, которые находились у нихъ въ безмолвномъ повиновеніи и не смѣли совершить никакой требы безъ ихъ *письменнаго* разрѣшенія *). Старшинъ бывало по нѣскольку человѣкъ, и обыкновенно случалось такъ, что одинъ изъ нихъ, отличавшійся умомъ, богатствомъ свѣдѣній, житейскою ловкостью, связью съ лицами, власть имѣющими, богатствомъ, почетомъ—становился во главѣ ихъ и дѣлался такимъ образомъ самовластнымъ начальникомъ общины. Такимъ главою екатеринбургскаго и заводскихъ старообрядческихъ обществъ, считавшихъ въ себѣ болѣе 150 тысячъ человѣкъ мужского пола, былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія богатый купецъ Якимъ Меркурьевичъ Рязановъ.

Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей старообрядства. Одаренный обширнымъ умомъ и необыкновенною энергіей, онъ своею честною дѣятельностью и благотвореніями пріобрѣлъ всеобщее уваженіе не только между своими одновѣрцами, но и между православными. Онъ имѣлъ огромный капиталъ, золотые пріиски, богатыя рыбныя ловли и принималъ значительное участіе въ дѣлахъ россійско-американской компаніи. Онъ находился въ близкихъ связяхъ съ главными торговыми дѣятелями Москвы, Петербурга, Сибири и былъ близокъ къ разнымъ лицамъ, занимавшимъ высшія государственныя должности. Рязановъ находился въ короткихъ отношеніяхъ и съ православными архіереями. Пермскій епископъ, когда бывалъ въ Екатеринбургѣ, всегда останавливался у него въ домѣ, и ему Рязановъ представилъ однажды тысячу рублей отъ имени старообрядцевъ въ пользу духовной семинаріи. Для поповщины Рязановъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Ковылинъ былъ для ѳедосеевцевъ; пермскіе и сибирскіе старообрядцы считали его главою своихъ общинъ, и всякое слово Рязанова было для нихъ закономъ. Будучи избранъ въ старшины екатеринбургскаго старообрядческаго общества въ

шаго синода». Спб. 1860 г., т. I, стр. 401. Въ Висимскихъ лѣсахъ въ 1741 году было четыре бѣлые попа (Никита, Иванъ, Авраамій и Максимъ) и два черные (Илья и Іона).

*) Объ этомъ писалъ пермскій губернаторъ Тюфяевъ въ 1827 году («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1826 года, № 13).

первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, онъ болѣе двадцати лѣтъ находился въ этомъ званіи и возвысилъ свою общину на такую степень значенія, что она малымъ чѣмъ уступала московской. Сотрудникомъ его былъ другой старшина, вмѣстѣ съ нимъ избранный, Ѳома Казанцовъ, который, дѣйствуя всегда согласно съ Рязановымъ, былъ дѣятельнымъ его помощникомъ. Самыми близкими людьми къ Рязанову и во всѣхъ дѣлахъ главными его совѣтниками были извѣстные богачи того края, управляющіе Яковлевскими заводами, Китаевъ и Полузадовъ, и Расторгуевскими заводами, Зотовъ и зять его Харитоновъ. Это были всесильные люди.

Рязановъ былъ человѣкъ строгой жизни и строгихъ правилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ довольно начитанъ и не лишенъ свѣтскаго образованія. Будучи ревнителемъ стараго обряда, онъ въ то же время хорошо понималъ, что устройство старообрядческой церкви неправильно и несогласно ни съ каноническими постановленіями ни съ условіями общественнаго благоустройства. Безъ высшей степени духовной іерархіи, безъ архипастыря, церковь не полна и не устроена, но искать архіерея тѣмъ путемъ, какимъ намѣревались пріобрѣсть его старообрядцы XVIII столѣтія, Рязановъ не хотѣлъ, ибо зналъ, что такая іерархія была бы противна государственной власти, не могла бы быть прочною и навлекла бы на всѣ старообрядческія общины новый рядъ преслѣдованій. Идти по слѣдамъ Никодима, просить у правительства законнаго епископа — и помышлять было невозможно. Если при ходатайствѣ всесильнаго Потемкина и графа Румянцева, при обѣщаніи самой Екатерины, дѣло Никодимово имѣлъ исходомъ неудовлетворявшія ни ту ни другую сторону правила 27-го октября 1800 года, то чего могъ надѣяться Рязановъ? А между тѣмъ онъ, хотя и былъ привержен къ іосифовскому обряду, оставался вполнѣ преданнымъ церкви и всею силой души желалъ возсоединенія старообрядцевъ съ господствующимъ исповѣданіемъ.

Въ 1802 году открыта была пермская епархія, и архіереемъ назначенъ Іустинъ, епископъ свіяжскій, человѣкъ прекрасно образованный, бывшій передъ тѣмъ долгое время при русскомъ посольствѣ въ Венеціанской республикѣ. Онъ познакомился съ Рязановымъ, сблизился съ нимъ и, когда бывалъ въ Екатеринбургѣ, останавливался въ его домѣ. Рязановъ, отъ лица старообрядческаго екатеринбургскаго общества, давалъ ему значительныя пожертвованія на устройство въ Перми духовной семинаріи и открылъ ему свое намѣреніе „мало-по-малу преклонить старообрядцевъ къ православной вѣрѣ“. Это намѣреніе Рязановъ открылъ епископу въ 1816 году; что оно было искренно, и что обѣщанія его не были происками хитреца, какъ обѣщанія Ковылина *), Рязановъ

*) Утверждаютъ, что Илья (Василій) Алексѣевичъ Ковылинъ имѣлъ цѣлью своихъ дѣйствій, по соединеніи всей безпоповщины подъ главенствомъ московскаго Преображенскаго кладбища, идти къ той же цѣли, къ которой намѣревался идти Рязановъ. Но это сомнительно. Можетъ-быть,

доказалъ черезъ 22 года. Истощивъ всѣ средства къ достиженію независимаго отъ святѣйшаго синода старообрядческаго духовенства, претерпѣвъ постыдное, при его положеніи въ свѣтѣ, мѣсячное содержаніе подъ арестомъ при полиціи *), получивъ по высочайшему повелѣнію запрещеніе ходатайствовать по дѣламъ старообрядцевъ, Рязановъ увидѣлъ, что тридцатилѣтнія энергическія и настойчивыя дѣйствія его не имѣли успѣха, но не сдѣлался закоренѣлымъ врагомъ церкви, какимъ его считали, а совершенно безкорыстно, и единственно вслѣдствіе глубокаго убѣжденія, обратился на условіяхъ единовѣрія къ православію, которому былъ постоянно преданъ, несмотря на видимую борьбу съ нимъ. Обращеніе Рязанова было столь искренно и усердіе къ святой церкви столь велико, что не болѣе, какъ черезъ годъ послѣ того, святѣйшій синодъ ходатайствовалъ предъ государемъ не только о прощеніи прежнихъ его поступковъ, сдѣланныхъ въ расколѣ, но и объ оказаніи ему особой монаршей милости за усердіе къ православной церкви **).

Полную программу своихъ дѣйствій Рязановъ никому не открывалъ. Иначе и поступать онъ не могъ. Говорить о своихъ обширныхъ замыслахъ, а тѣмъ болѣе повѣрять ихъ бумагѣ, значило бы разрушить ихъ въ самомъ началѣ, подорвавъ довѣріе къ своимъ дѣйствіямъ екатеринбургскихъ и сибирскихъ старообрядцевъ, подчинявшихся его неотразимому вліянію. Онъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что, ведя дѣло сближенія двухъ враждебныхъ сторонъ, не могъ открыть системы своихъ дѣйствій и конечной ихъ цѣли ни той ни другой. Будучи уже ревностнымъ сыномъ церкви, онъ, по поводу возсоединенія уніатовъ (въ 1839 году), высказывалъ довѣреннымъ лицамъ неудавшуюся свою программу. Уніаты, говорилъ онъ, были уведены изъ православія архіереями и священниками и черезъ два съ половиной вѣка архіереями же и священниками были приведены обратно въ нѣдра церкви; подобнымъ образомъ, во времена Никона, значительная часть народа уведена была изъ церкви тоже архіереями и священниками, и только одно, пока независимое отъ синода и епархіальныхъ архіереевъ, старообрядческое духовенство можетъ со временемъ, при помощи Божьей, привести отдѣли-

---

Ковылинъ и говорилъ это кн. Куракину, ища его покровительства и ходатайства передъ Александромъ I, но онъ хитрилъ. Во всякомъ случаѣ, онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ (1809) закоснѣлымъ раскольникомъ.

*) По положенію комитета министровъ 7-го августа 1834 года, Рязановъ былъ выдержанъ въ продолженіе одного мѣсяца при екатеринбургской управѣ благочинія и заплатилъ 100 руб. штрафа на богоугодныя заведенія за содержаніе бѣглаго попа Шабурова, за употребленіе въ пользу екатеринбургской часовни денегъ 100 руб., полученныхъ имъ съ одного крестьянина на водвореніе въ Тисовскомъ заводѣ бѣглаго попа и за сообщеніе своимъ одновѣрцамъ высочайше утвержденныхъ о бѣглыхъ попахъ правилъ 26-го марта 1822 года («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1833 года. № 33).

**) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1840 года, № 55.

вшихся въ общеніе и возстановить миръ церковный. Уніаты имѣли независимое духовенство, управляемое особою духовною коллегіей, которая сначала зависѣла отъ католиковъ, потомъ была самостоятельною, потомъ находилась при святѣйшимъ синодѣ; наконецъ послѣдовало и соединеніе. Къ возсоединенію старообрядцевъ также нѣтъ иного пути и иныхъ способовъ: кто увелъ, тотъ и приведетъ. „Путь указанъ,—прибавлялъ Рязановъ, разумѣя возсоединеніе уніатовъ: — имѣяй уши слышати да слышитъ!"

Открывшись епископу Іустину, Рязановъ, въ исходѣ 1817 года, рѣшился начать ходатайство о дарованіи старообрядцамъ независимаго священства и объ учрежденіи въ Екатеринбургѣ „старообрядческой духовной конторы". Съ письмомъ Іустина къ князю А. Н. Голицыну*) онъ отправился въ Москву, гдѣ тогда находилась императорская фамилія и главные государственные люди. Князь Голицынъ принялъ Рязанова благосклонно. Вслѣдъ затѣмъ Рязановъ былъ представленъ государю и подалъ всеподданнѣйшую просьбу о дарованіи екатеринбургскому обществу священниковъ для служенія по старопечатнымъ книгамъ въ устраиваемой каменной часовнѣ. Государь передалъ просьбу князю Голицыну и приказалъ разсмотрѣніе ея отложить до возвращенія въ Петербургъ.

Рязановъ былъ нѣсколько разъ у министра духовныхъ дѣлъ, одинъ и вмѣстѣ съ Казанцовымъ. Поставивъ князя въ извѣстность о своемъ значеніи и вліяніи въ средѣ екатеринбургскихъ и сибирскихъ старобрядцевъ, онъ открылъ ему намѣреніе склонить мало-по-малу своихъ одновѣрцевъ къ соединенію съ православною церковью, но просилъ для этого предварительно оградить старообрядцевъ отъ притѣсненій приходскихъ священниковъ и исходатайствовать у государя признаніе полной независимости старообрядства отъ духовенства господствующей церкви. Незадолго передъ тѣмъ, въ октябрѣ 1817 года, были утверждены права и привилегіи евангелическаго общества Аугсбургскаго исповѣданія (лютеранъ). Рязановъ просилъ тѣхъ же привилегій. Онъ ходатайствовалъ о признаніи правительствомъ старообрядства за особое исповѣданіе и о подчиненіи его департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; однимъ словомъ, искалъ полной самостоятельности для старообрядцевъ.

Любопытный разговоръ Рязанова съ княземъ сохранился въ ихъ перепискѣ. На ходатайство о самостоятельности старообрядства кн. Голицынъ сказалъ:

— Откровенно вамъ говорю, Якимъ Меркурьевичъ, что въ томъ видѣ, какъ вы желаете, устроить ваше общество государю нельзя будетъ со-

---

*) Вотъ письмо Іустина: «Сей письмоподатель, Якимъ Меркурьевичъ Рязановъ, есть достаточный купецъ и старообрядческой въ Екатеринбургѣ часовни попечитель. Въ его домѣ я, во время моего епархіи обозрѣнія, въ прошедшемъ году, квартировалъ нѣсколько дней по его просьбѣ. Онъ самый собралъ отъ своего общества тысячу рублей».

гласиться. Я наперед это вижу, потому что его величество, принадлежа сам к грекороссійской церкви, не может своим лицом признать за истинную церковь тѣх, которые отдѣляются от нея.

— Но вѣдь обряды и богослуженіе у старообрядцев тѣ же самые, как и в грекороссійской церкви, — замѣтил Рязанов: — разница только в старопечатных книгах.

— Так. Но по истинному духу евангелія, в обрядах ли состоит единство вѣры? Конечно, нѣт, ибо вездѣ сказано в священном писаніи, что едина вѣра во Іисуса Христа Богочеловѣка, распята и воскресшаго для нашего спасенія, составляет единство церкви, и что ежели благодатію Господа чудеса будем творить, так что горы переставлять съ мѣста, но не будем имѣть любви: ничто же есть.

Рязанов говорил на это, что совѣсть старообрядцев смущается подчиненіем их священников духовной власти архіереев, отвергающих старый обряд, и потому просил сдѣлать снисхожденіе, дозволить им имѣть священников, зависимых, подобно пасторам Аугсбургскаго исповѣданія, от министра духовных дѣл, а на мѣстах от гражданскаго начальства.

— Вы во всем ссылаетесь на старопечатныя книги, — возразил князь. — Я вам сдѣлаю вопрос: найдите мнѣ в этих старопечатных книгах, гдѣ было бы позволено іереям и прихожанам церкви чуждаться своего епископа и зависѣть от начальства мірского. А вѣдь теперь полиція управляет вашими церковными дѣлами. Сообразно ли это с правилами?

Рязанов просил снисхожденія, припоминал слова апостола Павла, который с немощными был,. аки немощен. Рязанов поставлял на вид, что сдѣланное старообрядцам снисхожденіе будет началом сближенія их общин с церковью.

— Чѣм ближе правительство оставит нас к коренному до лѣт Никона положенію,—говорил он:—тѣм единственнѣе и единообразнѣе будем, а теперь дѣлимся на секты. Всѣ эти секты, в прежнее время гонительством старообрядства порожденныя, скорѣе уничтожатся. Пріобщеніе нас и потомков наших в церкви предоставьте времени и исправленію Божью. Если пріобщенію быть, то в премудрых судьбах Господа Бога что̀ начертано, то да сбудется без всякаго принужденія. Если Богу будет угодно, то мы, если и не по разуму, то по чистой совѣсти позна̀ем...

— Намѣренія у вас хороши, — отвѣчал князь: — но надо дѣйствовать в духѣ Христовом; тогда тотчас послѣдует легкость и всякое удобство.

Рязанов просил князя быть посредником между ними и святѣйшим синодом и просить снисхожденія.

— Хорошо. Я согласен. Но если я должен просить святѣйшій синод о снисхожденіи, надобно, чтоб и вы, как дѣти, отлучившіяся

отъ своей матери, непремѣнно согласились отступить отъ нѣкоторыхъ закоренѣлыхъ упрямствъ. Тѣ, которые, какъ я теперь буду, дѣлаютъ миръ между двухъ сторонъ, должны имѣть довѣренность отъ обѣихъ, и надо, чтобы каждая уступила нѣсколько своихъ правъ или претензій; безъ того трудно сдѣлать приступъ.

Рязановъ согласился съ этимъ, но сказалъ, что не можетъ одинъ за все общество согласиться ни на какія уступки.

— Совершенно справедливо,—замѣтилъ князь:—и потому я вамъ предлагаю согласить свою собратію, чтобы письменно мнѣ прислали свою довѣренность.

Рязановъ обѣщалъ исполнить это, но не тотчасъ. По торговымъ дѣламъ онъ долженъ былъ немедленно ѣхать въ Ирбитъ и не ранѣе окончанія тамошней ярмарки могъ собрать депутатовъ отъ разныхъ заводовъ и селеній Сибирскаго края для обсужденія затѣяннаго дѣла. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ Рязановымъ князь Голицынъ упомянулъ, что въ довѣренности, которую онъ будетъ ожидать, должно быть означено число народа и духовенства въ старообрядческомъ сибирскомъ обществѣ, и подалъ мысль объ особомъ въ Екатеринбургѣ учрежденіи, которое бы имѣло въ завѣдываніи церковныя дѣла старообрядцевъ, для того, чтобъ устранить несвойственное завѣдываніе ими полиціей. Это учрежденіе, которому старообрядцы предполагали дать имя „старообрядческой конторы“, князь Голицынъ предложилъ лучше назвать „старообрядческимъ духовнымъ правленіемъ“.

— Здѣсь,—говорилъ князь:—по избранію вашему, могли бы засѣдать почтеннѣйшіе изъ вашего духовенства и изъ старшинъ вашихъ свѣтскихъ, также почтнѣйшихъ, по ихъ правиламъ. И это учрежденіе завѣдывало бы всѣми старообрядческими приходами, по разнымъ епархіямъ разсѣянными.

Рязановъ согласился, но просилъ, чтобъ это учрежденіе было независимо отъ епархіальныхъ архіереевъ, а подчинено гражданской власти, и „чтобъ ему, министру духовныхъ дѣлъ, быть главнымъ начальникомъ, какъ онъ есть начальникъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій“.

— Вѣдь прочія исповѣданія, въ Россіи терпимыя, находящіяся подъ начальствомъ вашего сіятельства, остаются покойны, и намъ только этого и желательно, — сказалъ Рязановъ.

— Но я не начальникъ ни надъ однимъ вѣроисповѣданіемъ,—возразилъ князь: — каждая вѣра имѣетъ свое начальство духовное, въ Россіи устроенное, которое поступаетъ по своимъ правиламъ, и въ случаѣ отдаленія я останавливаю такія дѣйствія и предписываю держаться законовъ.

Рязановъ повторилъ князю, что старообрядцы не согласятся быть подчиненными епархіальнымъ архіереямъ, что единовѣріе отъ сего и успѣха не имѣетъ и не будетъ имѣть.

— Вотъ какая мысль пришла мнѣ, — сказалъ министръ. — Пусть

ваше духовное правленіе будетъ независимо отъ епархіальныхъ архіереевъ и находится подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ святѣйшаго синода, такъ, какъ теперь ставропигіальные монастыри и московскій Успенскій соборъ, которые прежде завѣдываемы были одними патріархами, а теперь синодомъ, занимающимъ мѣсто патріарха, какъ и всѣ вселенскіе патріархи ему грамотами такое право приписали. Тогда мнѣ бы вся удобность была покровительствовать вамъ явнымъ образомъ. Эта мысль мнѣ одному принадлежитъ, и я не прежде могу открыть ее синоду, какъ получу отъ вашего общества отвѣтъ. Тогда бывшіе у васъ браки и крещенія признавъ и благословивъ единожды, не будутъ дѣлать никакихъ разсужденій и судовъ. Нынѣшнее ваше духовенство будетъ оставлено на своихъ мѣстахъ, и священники ваши, если они бѣглые или гдѣ подъ судомъ находятся, будутъ разрѣшены. Имѣя такое ваше полномочіе, я старался бы, испросивъ дозволеніе государя, ходатайствовать у святѣйшаго синода, чтобъ онъ сдѣлалъ такое снисхожденіе, и если бы случилось какое-нибудь возраженіе, я бы къ вамъ отнесся, или бы вы пріѣхали въ Петербургъ съ полномочіемъ отъ общества.

Рязановъ сказалъ, что онъ передастъ все это обществу и пришлетъ отвѣтъ.

— Ежели бы, — сказалъ въ заключеніе князь: — Господь благословилъ таковое дѣло, что несомнительно, ибо Онъ ничего не желаетъ, какъ чтобы распри уничтожились, и всѣ, яко братія, другъ друга любили, служа Господу въ духѣ и истинѣ, то какія бы были выгоды для вашего общества! Все внутреннее управленіе осталось бы у васъ попрежнему, но явнымъ образомъ. Духовные ваши были бы разрѣшены въ совѣсти и не были бы связаны отлученіемъ отъ церкви, богослуженіе было бы у васъ публичное, и ненависть, столь богопротивная, къ вашимъ соотечественникамъ прекратилась бы. Какая радость была бы на небесахъ о семъ примиреніи!

Рязановъ уѣхалъ. Собрать выборныхъ отъ разныхъ заводовъ и селеній Пермской, Тобольской и Оренбургской губерній можно было не ранѣе весны. Не дожидаясь этого собранія, Рязановъ составилъ записку объ устройствѣ старообрядческихъ дѣлъ и, вмѣстѣ со всеподданнѣйшею просьбой, послалъ ее 20 февраля къ князю Голицыну. Онъ писалъ ее отъ своего лица, говоря, что мысли общества ему извѣстны. Въ письмѣ отъ 6 апрѣля 1818 года Рязановъ писалъ князю:

„Лопмановъ, коему мы съ Казанцовымъ поручили доставить вашему сіятельству записку отъ 20 февраля, увѣдомляетъ насъ, что по дѣлу здѣшняго старообрядческаго общества, хотя ваше сіятельство его императорскому величеству докладывать и изволили, но его величество оставить оное соизволилъ до возвращенія своего въ Петербургъ. Увѣренъ будучи на милостивѣйшее и высокое расположеніе вашего сіятельства къ намъ, снисхожденіе въ Москвѣ оказанное, осмѣливаюсь довести вашему сіятельству до свѣдѣнія слѣдующее. Во-первыхъ, желая испол-

нить порученіе вашего сіятельства въ изложеніи „дополнительныхъ правилъ“ сколь можно поспѣшнѣе, сочли мы нужнымъ, по окончаніи дѣлъ своихъ въ ирбитской ярмаркѣ, послать обвѣщанія свои во всѣ жительства старообрядцевъ, здѣшнее общество составляющихъ, съ нарочными, съ тѣмъ, чтобы, для совокупнаго по сей части совѣщанія, каждое селеніе, избравъ изъ среды своей достойныхъ и довѣріе заслуживающихъ по одному или по два человѣка, прислали въ Екатеринбургъ непремѣнно къ 25 числу апрѣля, что, надѣюсь, будетъ ими исполнено; между же тѣмъ, такъ какъ мысль здѣшнихъ старообрядцевъ мнѣ извѣстна, то, изложа оную особымъ дополненіемъ, честь имѣю къ вашему сіятельству препроводить. Надѣюсь, что ваше сіятельство, разсмотрѣвъ оную, по милостивѣйшему снисхожденію своему, осчастливите меня—рѣшеніемъ по оной не оставите. Во-вторыхъ, духовныя консисторіи, особенно пермская, не токмо не престаютъ наносить обществу старообрядцевъ всякаго рода утѣсненія, но паче и паче оныя пріумножаютъ. Разославши нынѣ пермская консисторія указъ правительствующаго сената о раскольничьихъ часовняхъ по всѣмъ приходамъ съ таковымъ предписаніемъ, чтобы приходскіе священники всюду, гдѣ бы ни встрѣтили старообрядческихъ нашихъ священниковъ, искали и поступали съ ними по всей строгости, чѣмъ самымъ мысль приходскихъ священниковъ и всѣхъ церковнослужителей воспламенилась до того, что всѣ они, оставя не только долгъ званія своего, но и самое ученіе Христа Спасителя, его императорскимъ величествомъ въ рескриптѣ г. херсонскому военному губернатору въ 9 день декабря 1816 года всемилостивѣйше изложенномъ, превратясь въ сыщиковъ, 17 марта схватили ѣдущаго съ требою нашего священника *) и поступили съ нимъ, какъ съ самымъ злостнѣйшимъ преступникомъ... по каковому случаю общество здѣшнихъ старообрядцевъ вынужденнымъ нашлось препроводить всѣхъ пребывающихъ у себя старообрядческихъ священниковъ въ самые уже необитаемые пустыни и лѣса, потому болѣе, что ни перенести сихъ стѣсненій ни поставить оныя на видъ вашему сіятельству въ такомъ видѣ, въ какомъ оныя здѣсь существуютъ, невозможно“.

(Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшія жалобы на приходское духовенство и просьба довести обо всемъ до свѣдѣнія государя императора).

Изъ другого письма Рязанова къ князю Голицыну, отъ 20-го мая, видно, что 30 апрѣля состоялось въ Екатеринбургѣ собраніе старообрядцевъ. На немъ было 1.370 выборныхъ изъ разныхъ мѣстъ Пермской, Оренбургской и Тобольской губерній. Они, „учиня общій совѣтъ, сдѣлали изложеніе правилъ, присовокупляя къ тому и выписку изъ законовъ, на коихъ послѣ бывшаго гоненія начался нашъ бытъ и постепенно

*) Старообрядческій попъ Михаилъ Григорьевъ Головцовъ былъ схваченъ (безъ полиціи) близъ Сысертскаго завода тамошнимъ священникомъ Золотиловымъ, 17-го марта 1818 года. Онъ жилъ при Екатеринбургской часовнѣ съ конца 1810 года.

даровалась свобода неутѣснительнаго богослуженія во всемъ по уставу до того измѣненія (Никона) бывшаго".—Это „изложеніе правилъ" было послано князю Голицыну, и при немъ приложена записка о новыхъ стѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ приходскимъ духовенствомъ, и одиннадцать довѣренностей за 1.370 подписями Рязанову на ходатайство по дѣламъ екатеринбургскаго и сибирскаго старообрядческаго обществъ.

Рязановскій проектъ, или такъ-называемыя „Дополнительныя правила", составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ актовъ старообрядческой исторіи *). Изъ него видно, что старообрядцы, совершенно обходя

*) Вотъ эти *Дополнительныя правила*:

«1818 года, апрѣля 30-го числа екатеринбургское старообрядческое общество съ прилегающими селеніями Сибири, будучи въ общемъ собраніи, по выслушаніи всеподданнѣйшаго прошенія, екатеринбургскими купцами Якимомъ Рязановымъ и Ѳомой Казанцовымъ его императорскому величеству поданнаго, въ дополненіе присогласовали:

«Вѣрителей нашихъ и насъ самихъ предки суть изъ числа коренного народа, нося нынѣ купеческое, мѣщанское и крестьянское званіе и наряду съ другими платя установленныя подати, исполняютъ по званію каждаго всѣ обязанности, по отправленію же службы всемогущему Богу носятъ имя *старообрядцевъ*, составляя до лѣтъ патріарха Никона единое совокупное христіанское стадо и единую христіанскую церковь со всѣми августѣйшими нынѣ царствующаго монарха предками.

«Но со временъ патріарха Никона, когда книги, уставы и обряды древле-грекороссійской церкви, пѣніе и самое рукосложеніе перстовъ получило измѣненіе, то предки наши, съ одной стороны, желая соблюсти тѣ древніе уставы свято, а съ другой, не могши снести по тогдашнему времени лютой принужденности, оставя дворянскія и посадскія права, домы и имѣнія, удалились одни на границы польскія, а другія—въ сибирскія малообитаемыя тогда пустыни и степи, заселясь обще съ удалившимся священствомъ, стенали подъ бременемъ неудобоизъяснимыхъ притѣсненій, поработя себя нѣкоторые казеннымъ и частнымъ промысламъ и заводамъ, отправляя службу Божью въ тайнѣ, и потому преслѣдованія и наказанія превосходили мѣру всякаго другаго преступленія.

«Вѣчной славы достойная императрица Екатерина Великая, удостовѣрясь о таковомъ утѣснительномъ ихъ положеніи и охотномъ снесеніи всякаго рода стѣсненій, разореній, ссылки, заточеній и наказаній, изъ монаршаго соболѣзнованія даруя всемилостивѣйше всѣмъ находящимся въ предѣлахъ отечества прощеніе и дозволеніе имѣть имъ богослуженіе по древнему чиноположенію, обѣщая всякое имъ покровительство, а изъ-за границы высочайше дозволяя возвратиться въ отечество, не опасаясь ни суда, ни слѣдствія, по каковому монаршему, всегда священному слову, возвратившіеся изъ Польши, заселясь одни въ слободахъ Стародубскихъ, а другіе въ Саратовской губерніи на рѣкѣ Иргизѣ, построили и имѣютъ церкви. Предки же наши, пребывающіе въ отечествѣ своемъ въ краяхъ Сибири, вошедъ въ разныя обязанности и повинности заводскія и даже самое рабство, не могши возвратиться на мѣста прежняго своего жительства, возвели для славословія Вседержителю молитвенные храмы, снаружи въ самомъ унизительномъ видѣ, не имѣющіе ни креста ни звона, внутрь же вся по чину церковному, исправляя богослуженіе и всѣ христіанскія требы чрезъ священниковъ, пріявшихъ равное съ ними уединеніе, а потомъ получали и получаемъ изъ иргизскихъ монастырей рукоположенныхъ россійскими епархіальными архіереями, уединившихся отъ нихъ безпорочно, сначала безъ

поданную княземъ Голицынымъ мысль о подчиненіи духовнаго ихъ правленія (или конторы) святѣйшему синоду, просили, чтобъ оно было въ зависимости единственно отъ свѣтскаго начальства, и приводили въ примѣръ устройство лютеранскаго исповѣданія въ Россіи. Затѣмъ они ходатайствовали: о дозволеніи старообрядческимъ священникамъ приводить старообрядцевъ къ присягѣ; о разрѣшеніи поправлять ветхія и строить новыя церкви и часовни; объ учрежденіи старообрядческой конторы (или духовнаго правленія) въ Екатеринбургѣ изъ выборныхъ попечителей (а о членахъ изъ духовенства умолчано), которая бы, между

вѣдома правительства, а потомъ съ вѣдома и съ полученіемъ отъ саратовскаго гражданскаго губернатора открытыхъ видовъ, нынѣ же паки, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, должны имѣть безъ видовъ, снося и претерпѣвая самыя оскорбительныя притѣсненія единственно потому, что не имѣемъ точной опредѣленности ни въ перестройкѣ старыхъ молитвенныхъ храмовъ, отъ долговременности въ ветхость пришедшихъ и подавленіемъ народа угрожающихъ, ни въ возведеніи, по умноженію народонаселенія, новыхъ, ни въ содержаніи священниковъ безъ крайнихъ и уже несносныхъ и малоопредѣленныхъ затрудненій, влекущихъ за собою время отъ времени безпрерывную цѣпь угнетеній. Почему, руководствуясь духомъ истиннаго христіанства и *высочайше дарованными евангелическому обществу аугсбургскаго исповѣданія* въ 27 день октября 1817 года привилегіями, осмѣливаемся всеподданнѣйше испрашивать:

«1. Дабы исповѣданіе вѣры обществу старообрядцевъ Сибирскаго края всемилостивѣйше дозволено было имѣть по точному ученію и обрядамъ древле-грекороссійской церкви, до лѣтъ патріарха Никона существовавшимъ, дозволяя притомъ во всѣхъ случаяхъ принимать присягу по тѣмъ же обыкновеніямъ при посредствѣ старообрядческихъ священниковъ.

«2. Высочайше дозволить обществу старообрядцевъ Сибирскаго края устраивать и учреждать, подъ руководствомъ и управленіемъ попечителей, на древнихъ антиминсахъ, въ главныхъ селеніяхъ церкви, а въ малыхъ — молитвенные домы, каменные и деревянные, съ надлежащимъ приличіемъ, безъ всякаго въ томъ препятствія и вліянія епархіальнаго и высшаго духовнаго начальства, и въ нихъ сходиться попрежнему свободно единственно тѣмъ, кои уставамъ симъ слѣдовать себя предуготовили.

«3. Высочайше дозволить священникамъ и дьяконамъ, рукоположеннымъ россійскими архіереями, безпорочно *уединившимся* къ намъ прямо или чрезъ иргизскіе монастыри, отправлять богослуженіе, моленіе и всѣ христіанскія требы по установленіямъ и чиноположеніямъ древле-грекороссійской церкви, не поставляя имъ того ни въ побѣгъ ни въ преступленіе.

«4. Высочайше дозволить обществу старообрядцевъ Сибирскаго края имѣть по дѣламъ симъ собственное свое между собою начальство изъ попечителей, подъ именемъ *конторы;* попечителямъ симъ дозволить имѣть особую конторскую печать, и состоящимъ въ обществѣ томъ священникамъ и дьяконамъ выдавать для проѣзда во всѣ селенія старообрядцевъ открытые виды.

«5. Священникамъ симъ и дьяконамъ всемилостивѣйше предоставить быть вѣдомымъ единственно токмо старообрядческой конторѣ, которая о поступленіи ихъ имѣетъ доносить съ приложеніемъ подлинныхъ ставленныхъ грамотъ, и быть подчиненною министру духовныхъ дѣлъ.

«6. Священниковъ и дьяконовъ дѣти, до поступленія и послѣ поступленія рожденныя, не обучавшіяся еще въ семинаріи, если пожелаютъ на

прочимъ, давала письменные виды священникамъ для ихъ разъѣздовъ и зависѣла бы непосредственно отъ министра духовныхъ дѣлъ; о предоставленіи права дѣтямъ старообрядческихъ священниковъ избирать родъ жизни на основаніи указа 9-го іюня 1803 года; о подачѣ всѣмъ старообрядцамъ посемейныхъ о себѣ списковъ городничимъ и исправникамъ, съ тѣмъ, чтобъ эти чиновники, сочиняя изъ нихъ надлежащія вѣдомости, сообщили ихъ какъ епархіальному начальству, такъ и старообрядческой конторѣ, а контора бы послѣ того вела метрики и представляла ихъ въ казенныя палаты; и наконецъ объ утвержденіи всѣхъ доселѣ совершенныхъ браковъ и крещеній и о непривлеченіи къ суду находящихся у старообрядцевъ священниковъ. Въ заключеніе помѣщено было ходатайство объ утвержденіи всѣхъ просимыхъ старообрядцами правъ особою высочайшею грамотой.

основаніи указа 1803 года, іюня 9 дня, избрать себѣ родъ жизни гражданскій, таковыхъ всемилостивѣйше повелѣть записывать, когда бы сіе ни случилось.

«7. Поелику старообрядцы Сибирскаго края въ духовныхъ росписяхъ приходскими священниками поставляются въ числѣ своихъ прихожанъ безъ точной опредѣленности и различія, и даже такъ, что не бывшихъ у исповѣди и причастія пишутъ бывшими, отчего и происходятъ безпрерывныя слѣдствія, въ пресѣченіе таковыхъ неудобствъ и дабы усовершенствовать въ семъ случаѣ прямое единообразіе, всемилостивѣйше дозволить всѣмъ обитающимъ въ краю Сибири старообрядцамъ, кои означеннымъ уставамъ слѣдовать себя предуготовили, подать о семействахъ своихъ, съ происходящимъ отъ нихъ потомствомъ, особыя вѣдомости, прямо отъ себя: живущимъ въ городахъ—городничимъ, а живущимъ въ уѣздахъ—земскимъ исправникамъ, съ тѣмъ, дабы городничіе и земскіе исправники, по поданнымъ отъ старообрядцевъ спискамъ сочиняя надлежащія вѣдомости, дали знать какъ мѣстному духовному начальству, такъ и *старообрядческой конторѣ*.

«8. Съ того времени всѣ старообрядцы Сибирскаго края по части духовныхъ дѣлъ состоять должны единственно въ зависимости *старообрядческой конторы*, и потому метрическія книги о вновь родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся должны быть доставляемы со стороны попечителей въ *старообрядческую контору*, а со стороны конторы — въ казенныя палаты.

«9. Учиненныя понынѣ старообрядческими священниками крещенія, браковѣнчанія и прочія христіанскія требы высочайше повелѣть оставить не прикосновенными никакому слѣдствію, розыску или разрушенію, и потому всѣ тѣ слѣдствія и по судебнымъ мѣстамъ приговоры, разрывающіе браки, учинить ничтожными.

«10. Въ заключеніе всего вышеозначеннаго, всеподданнѣйше просимъ принять общество старообрядцевъ Сибирскаго края въ особенное его императорскаго величества покровительство и всемилостивѣйше удостоить на право онаго высочайшею грамотою, повеля всѣмъ начальствамъ и присутственнымъ мѣстамъ, въ потребномъ случаѣ, попечителей, старообрядческую контору составляющихъ, и всѣхъ старообрядцевъ отъ всякаго стѣсненія охранять и по отношеніямъ попечителей оказывать всякую помощь, защиту и покровительство».

Подлинный подписанъ екатеринбургскимъ старообрядческимъ обществомъ и 1.370 депутатами изъ 13 желѣзодѣлательныхъ заводовъ, 39 волостей, состоящихъ въ 13 уѣздахъ Пермской, Тобольской и Оренбургской губерній.

Князь Голицынъ отвѣчалъ Рязанову собственноручнымъ письмомъ болѣе чѣмъ черезъ полгода (12-го декабря 1818 года). Напомнивъ ему весь разговоръ, бывшій у себя въ Москвѣ, князь Голицынъ такъ кончилъ письмо свое: „Вамъ слѣдовало бы въ прямомъ духѣ Христовомъ соединиться на основаніи правилъ Платоновыхъ (единовѣріе), но я вамъ предлагаю болѣе снисхожденія; ибо, будучи только подъ синодомъ, натурально, вліяніе его не можетъ быть на внутреннія ваши дѣла, а только въ томъ, гдѣ можетъ быть вамъ нужда духовная. Подумайте хорошенько, и ежели меня уполномочите, я радъ буду стараться доставить спокойствіе вамъ прочное и правильное. Совѣсть ваша успокоится, и потомство ваше будетъ благословлять васъ, и Господь Іисусъ Христосъ, ищущій всѣхъ насъ спасти, поможетъ намъ силою своею въ семъ дѣлѣ, истинно христіанскомъ“. Рязановъ не отвѣчалъ на это письмо. Онъ, повидимому, совершенно устранилъ себя отъ переписки; послѣ январскаго разговора ему неловко было отвѣчать отказомъ, а старообрядцы никакъ не соглашались подчиниться синоду. Въ мартѣ 1819 года отвѣчали Голицыну 15 екатеринбургскихъ купцовъ, говоря, что они получили письмо отъ 12-го декабря во время отлучки Рязанова изъ Екатеринбурга и спѣшатъ отвѣтомъ. Повторяя въ болѣе обширномъ видѣ вступленіе къ запискѣ 30-го апрѣля и жалуясь на притѣсненія, дѣлаемыя приходскимъ духовенствомъ, они, повторяя слова Рязанова, сказанныя князю Голицыну въ январѣ, писали:

„Принимая въ уваженіе причины, чтобы вмѣсто свѣтской власти по приличію быть вѣдомымъ чрезъ посредство вашего сіятельства святѣйшему синоду, имѣя *старообрядческое духовное правленіе* въ Екатеринбургѣ, синодъ, снабдевая, по выбору нашему, увольняемымъ священствомъ, токмо вѣдалъ, но освободилъ бы и священство и насъ отъ всякаго вліянія на внутреннее богослуженіе, по древнему чиноположенію исправляемое. Увѣрены будучи, что ваше сіятельство, сообразя всю готовность и *невозможность* нашу, сами согласиться изволите по вышеизъясненнымъ причинамъ, чѣмъ ближе правительство насъ оставитъ къ коренному до лѣтъ Никонова патріаршества положенію, тѣмъ единственнѣе и единообразнѣе будемъ, и всѣ другія секты, гонительствомъ порожденныя, скорѣе уничтожатся. Пріобщеніе же насъ и потомковъ нашихъ предоставить времени и исправленію Божью. Если ему быть, то въ премудрыхъ судьбахъ Его что̀ начертано, то да сбудется безъ всякаго принужденія. Мы же, если что̀ и не по разуму, то по чистой нашей совѣсти познаѐмъ“.

Получивъ это письмо, князь Голицынъ былъ немало удивленъ. Въ письмѣ говорилось уже о *невозможности* и о томъ, чтобы съ синодомъ имѣлъ сношенія министръ духовныхъ дѣлъ, а сами бы они или ихъ духовное правленіе не имѣли никакихъ прямыхъ съ нимъ сношеній. Да и синоду екатеринбургскіе старообрядцы желали предоставить только снабженіе ихъ попами, и то по ихъ выбору. Князь хотѣлъ видѣть въ

этомъ письмѣ недоразумѣніе и написалъ еще письмо—послѣднее письмо къ Рязанову. Вотъ оно:

„Письмо, за подписью 15 особъ изъ вашего общества, служащее отвѣтомъ на посланное мною къ вамъ отъ 12-го декабря прошлаго года, я получилъ сего марта 17-го дня. Съ удовольствіемъ усматривая изъ онаго готовность общества вашего къ пребыванію въ мирѣ съ членами господствующей грекороссійской церкви, долженъ я однако замѣтить, что въ письмѣ семъ не содержится рѣшительнаго отвѣта на предложеніе мое, въ прежнемъ письмѣ вамъ сдѣланное,—согласны ли вы состоять подъ вѣдомствомъ святѣйшаго правительствующаго синода, сохраняя, впрочемъ, обряды свои и духовное свое правленіе, на томъ основаніи, какъ въ прежнемъ письмѣ моемъ вамъ изъяснено? Пока не имѣю отъ васъ яснаго отзыва по сему пункту, не могу я приступить къ посредничеству между синодомъ и вами. Хотя собратія ваша въ заключеніе письма своего и говоритъ, что пріемлютъ въ полное уваженіе причины, чтобы вмѣсто свѣтской власти по приличію быть вѣдомымъ, чрезъ посредство мое, святѣйшимъ синодомъ и имѣть старообрядческое духовное правленіе въ Екатеринбургѣ и пр., но далѣе упоминаютъ о *невозможности* своей, не изъяснивъ, о какой именно. Они присовокупляютъ, что чѣмъ ближе правительство оставитъ ихъ къ коренному до лѣтъ Никонова патріаршества положенію, тѣмъ единственнѣе и единообразнѣе они будутъ, и пр. Но я спрошу васъ: что̀ можетъ быть ближе къ тому состоянію, коего вы желаете, какъ не самое то, которое я вамъ предлагаю? Совѣтую вамъ еще разъ внимательно прочесть прежнее письмо мое и отвѣчать мнѣ на оное рѣшительно; но до отвѣта вашего подумать о послѣдствіяхъ того рѣшенія, которое вы мнѣ дадите, ибо отъ онаго зависѣть будетъ благосостояніе многихъ тысячъ народа и ихъ потомства. Въ ожиданіи отвѣта вашего, пребуду съ искреннимъ желаніемъ вамъ любви и соединенія во Христѣ. Князь Александръ Голицынъ“.

Іюня 30-го екатеринбургскіе старообрядцы дали требуемый княземъ Голицынымъ отвѣтъ въ письмѣ, подписанномъ 97 лицами. Подписи Рязанова тутъ не было. Настойчиво прося объ исполненіи всего, что̀ изложено ими въ условіяхъ 30-го апрѣля 1818 года, старообрядцы положительно не согласились зависѣть отъ синода на томъ основаніи, на какомъ зависятъ отъ него ставропигіальные монастыри, и попрежнему просили объ учрежденіи старообрядческаго духовнаго правленія, которое бы состояло изъ однихъ мірянъ, безъ участія духовенства, и зависѣло бы непосредственно отъ министра духовныхъ дѣлъ. Вотъ это письмо:

„Вникая въ отеческую мысль вашего сіятельства, чтобы внимательно прочесть прежнее письмо вашего сіятельства, отъ 12 числа декабря прошлаго 1818 года послѣдовавшее, мы понимаемъ изъ сего то, чтобы согласиться быть зависимыми, на основаніи ставропигіальныхъ монастырей, святѣйшему правительствующему синоду, вслѣдствіе чего пріемлемъ смѣлость вашему сіятельству донести, что постоянное и непрелож-

ное желаніе нашего общества есть то, чтобы существованіе нашего богослуженія основано было по точнымъ законамъ коренной святой грекороссійской церкви, премудростію Божьею и многими святителями озарившую, и потому не могли и не можемъ сдѣлать отъ оныхъ преданій, существуемыхъ болѣе шестисотъ пятидесяти лѣтъ, до самыхъ временъ патріарха Никона, никакихъ отступленій, какъ чтимыхъ тогда единственными и господствующими во всей имперіи, отъ коихъ самомалѣйшее отступленіе и измѣненіе есть совѣсти нашей противно, и оное повергнуть можетъ общество наше, въ Сибири болѣе ста пятидесяти тысячъ душъ обитающее, въ совершенное раздробленіе и разномысліе. Слѣдственно правительство, пекущееся о устроеніи всѣхъ составовъ государства, не узритъ изъ того никакой пользы, кромѣ умноженія различій, которыя въ самомъ началѣ породили утѣсненія и затрудненія, во избѣжаніе коихъ всякій изъ насъ скорѣе можетъ согласиться, оставя вѣтви промышленности и хлѣбопашества, только для государства полезнѣйшія, удалиться въ прочія мѣста Россійской имперіи, гдѣ, какъ извѣстно, древнее богослуженіе и понынѣ еще терпимо.

„Предаваясь на дальновиднѣйшее и благое вашего сіятельства разсмотрѣніе, какъ особы, истину и просвѣщеніе во всѣ сословія водружающей, осмѣливаемся утруждать отъ лица всего общества старообрядцевъ Сибирскаго края всеубѣдительнѣйшею просьбой объ исходатайствованіи намъ у престола всемилостивѣйшаго монарха нашего на отправленіе богослуженія и устроеніе того порядка, каковый изложенъ нами 30-го апрѣля 1818 года, и дозволеніе имѣть намъ въ Екатеринбургѣ по духовной части старообрядческое правленіе или контору, состоящую изъ степенныхъ и почетнѣйшихъ старшинъ, кои, находясь подъ покровительствомъ и повелѣніемъ особы вашей, по званію министра духовныхъ дѣлъ, во священнѣйшую обязанность вмѣнять будутъ исполнять все то, что̀ въ пунктахъ нашихъ, отъ 20 мая 1818 года къ вашему сіятельству представленныхъ, изъяснено.

„Сіятельнѣйшій князь, не усѣкните древа во время смиренія его и не умножьте страданій людямъ въ правилахъ непорочности предками посѣяннаго, но умножьте плоды мирныхъ гражданъ и поселянъ, ищущихъ покрова въ скорби, многое время сердца ихъ подавляющей; воздвигните неразрушаемый въ сердцахъ нашихъ памятникъ великодушія возведеніемъ въ обществѣ нашемъ свободнаго по древнимъ уставамъ въ святыхъ храмахъ жертвоприношенія Творцу и Создателю всѣхъ. Симъ единымъ средствомъ благоустроенное верховное правительство достигнетъ своего спокойствія отъ жалобъ и слѣдствій, въ чемъ среди вожделѣннѣйшаго мира, неизреченными судьбами и теплыми всеобщими къ Господу Богу молитвами дарованнаго, не токмо не можемъ мы отчаиваться, но ласкаемъ себя сильнѣйшею надеждой быть водворенными въ то же терпѣніе и положеніе, коимъ ограждены всѣ прочія исповѣданія и даже самые духоборцы, совершенно отъ святой церкви и ея таинствъ удалившіеся.

„Посему на принятое вашимъ сіятельствомъ въ замѣчаніе употребленное нами слово „сообразя всю готовность и невозможность" разумѣли и разумѣемъ въ томъ смыслѣ, какъ ваше сіятельство усмотрѣть изволили, что мы не могли принять новаго, желаемъ остаться при древнемъ положеніи, просимъ всенижайше единой токмо свободы на храмы наши, священство и богослуженіе, сообразной со всѣми прочими вѣроисповѣданіями, не ищемъ ни безначалія ни рѣшительнаго отдаленія себя отъ взора правительства; но умоляемъ высокую особу вашего сіятельства принять общество сіе подъ единственное вѣдѣніе и покровительство, на томъ точно основаніи, на какомъ общество екатеринбургскихъ старообрядцевъ съ повѣренными многихъ другихъ таковыхъ же обществъ изложило и къ вашему сіятельству, отъ 20 мая 1818 года, препроводило особые пункты, съ тѣмъ, чтобы духовное наше правленіе или контора во всѣхъ случаяхъ представленія свои по дѣламъ духовнымъ производила къ особѣ вашего сіятельства и получала на оныя разрѣшенія и предписанія единственно отъ министерства духовныхъ дѣлъ; потребныя же въ таковыхъ случаяхъ сношенія съ святѣйшимъ синодомъ просимъ всенижайше ограничить токмо между онымъ правительствующимъ синодомъ и министерствомъ духовныхъ дѣлъ.

„Засимъ, не обременяя болѣе особу вашего сіятельства, дорожа безцѣнно всякой минутой, но изложивъ мнѣнія и намѣренія общества стерообрядцевъ всего Сибирскаго края, повергаемъ судьбу свою единому покровительству и высокимъ добродѣтелямъ вашего сіятельства, слезно умоляемъ не отрещись отъ принятія на себя хотя новаго и труднаго, но для нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ спасительнаго бремени, и всенижайше просимъ предстать ко вселюбезнѣйшему и милостивѣйшему монарху нашему съ ходатайствомъ и прошеніемъ милосердаго о насъ соболѣзнованія, за которое съ благоговѣніемъ и умиленіемъ приносить будемъ всѣхъ Царю усердныя и теплѣйшія наши молитвы, чувствуя въ полной мѣрѣ, колико много зависитъ участь наша и нашего потомства отъ милостиваго содѣйствія особы вашего сіятельства въ дѣлѣ, въ которомъ есть вѣра, спасеніе и животъ".

Тѣмъ и кончилось дѣло, начатое Рязановымъ. Просьбы екатеринбургскаго общества остались безъ послѣдствій. Старообрядцы думали, что отказомъ отъ предложеній князя Голицына они нажили себѣ въ немъ сильнаго врага. Не можемъ сказать, насколько были они въ этомъ правы, но нелишнимъ считаемъ замѣтить, что увольненіе его отъ должности министра духовныхъ дѣлъ всѣ старообрядцы считали особеннымъ для себя божескимъ благодѣяніемъ *).

---

*) Въ 1824 г. пермскій губернаторъ Тюфяевъ представилъ письмо екатеринбургскихъ старшинъ: Луки Тарасова, Ѳомы Казанцова, Якима Рязанова и Якова Михайлова, отъ 20 іюня 1824 года, къ старообрядскому обществу Чимѣевской волости (находится въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1819 г., № 2), въ которомъ, между

Сколько извѣстно, ни московское ни другія общества старообрядцевъ не принимали участія въ екатеринбургскомъ дѣлѣ. Были и такіе суевѣрные ревнители старины, которые весьма недоброжелательно смотрѣли на предпріятія Рязанова, желавшаго узаконенія правъ и свободы старообрядческаго богослуженія. По ихъ мнѣнію, искать у никоніанъ чего-либо для старой вѣры значило мѣшать свѣтъ со тьмою. „Кое общеніе Христу съ Веліаромъ?"—говорили они и никакъ не соглашались выступить изъ своего замкнутаго круга. Тѣмъ не менѣе ихъ очень интересовалъ исходъ рязановскаго дѣла—дадутъ ли поповъ, позволятъ ли строить кельи и поправлять старыя часовни. О дозволеніи имѣть поповъ ходатайствовали въ то же время общества московское, саратовское, тверское и другія.

прочимъ, сказано: «Общество здѣшнее, изъ многихъ полученныхъ свѣдѣній, давно уже замѣчало, что министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, желалъ, за несогласіе наше къ подчиненности синоду, моленіе въ старообрядческихъ церквахъ, часовняхъ и молитвенныхъ домахъ вовсе воспретить, что̀ изъ словъ его превосходительства, новаго вашего губернатора (тобольскаго, А. М. Тургенева) было примѣтно. Но, пострадавый для спасенія рода человѣческаго, Христосъ Спаситель нашъ, вѣдый всѣ сердца и помышленія. чрезъ споспѣшествующихъ Его человѣколюбивой благости, отъ управленія духовными дѣлами какъ его. князя Голицына, такъ и директора сего департамента, генерала Тургенева, всемилостивѣйшій нашъ государь удалилъ». Рязановъ, еще до рѣшительнаго отвѣта екатеринбургскихъ старообрядцевъ Голицыну, хлопоталъ о дозволеніи кончить начатую постройкой еще въ 1814 г. огромную каменную церковь и перенести въ нее богослуженіе изъ ветхой деревянной, и о дозволеніи имѣть иргизскихъ поповъ. Церковь достроить и служить въ ней дозволили, а императоръ Александръ. въ бытность въ Екатеринбургѣ (въ октябрѣ 1824 г.), дозволилъ поставить на ней крестъ. Рязановъ настойчиво хлопоталъ о попахъ и дозволеніи екатеринбургскому старообрядческому обществу пользоваться самостоятельностью, но не имѣлъ успѣха. Въ 1829 году, возвратясь изъ Петербурга, онъ сложилъ съ себя званіе попечителя и старшины. Однако и послѣ того, въ продолженіе девяти лѣтъ, Рязановъ не переставалъ быть руководителемъ и ходатаемъ екатеринбургскихъ старообрядцевъ («Дѣло департам. общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1831 г., № 17). Сотрудникомъ его, вмѣсто умершаго Казанцова, былъ Егоръ Катаевъ, управлявшій Верхъ-Исетскимъ заводомъ гг. Яковлевыхъ. Послѣднее усиліе Рязанова достигнуть столь настойчиво преслѣдуемой имъ цѣли относится къ 1837 году. Онъ, вмѣстѣ съ другими богатыми старообрядцами Екатеринбургскаго края, подалъ главному начальнику горныхъ заводовъ, генералу Глинкѣ, прошеніе о томъ, чтобъ имѣть независимыхъ отъ епархіальнаго вѣдомства священниковъ съ подчиненіемъ ихъ главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта. Генералъ-лейтенантъ Глинка, представляя просьбу ихъ, присоединилъ и свое ходатайство, написанное въ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ. Въ мартѣ 1838 года присланъ былъ отказъ, и при этомъ повелѣно было обязать Рязанова и другихъ подписавшихъ прошеніе подписками, чтобъ «они впредь не осмѣливались утруждать начальство подобными ухищренными просьбами». Тогда Рязановъ, видя неудавшимися долговременныя свои ходатайства, обратился къ православію, на условіяхъ единовѣрія. Построенная имъ церковь обращена въ единовѣрческую. Рязановъ умеръ въ Екатеринбургѣ 14 декабря 1849 г.

IX.

Бѣглые попы въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ.

Въ мартѣ 1822 года послѣдовали наконецъ столь долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемыя старообрядцами правила „о попахъ и молитвенныхъ домахъ". Въ правилахъ этихъ, высочайше утвержденныхъ 26 марта, было сказано:

I. *Касательно бѣглыхъ священниковъ, у раскольниковъ находящихся*: 1) Буде они не сдѣлали никакого уголовнаго преступленія, о чемъ губернаторы должны сами разыскивать и спрашивать у епархіальныхъ архіереевъ, то оставлять ихъ на мѣстѣ, какъ такихъ людей, коими не дорожать. 2) На требованія же епархіальныхъ архіереевъ о высылкѣ таковыхъ священниковъ отвѣчать, что они находятся при своихъ мѣстахъ. 3) Если-жъ бѣглый священникъ появится у раскольниковъ, и объ немъ откроется, что онъ учинилъ побѣгъ отъ своего мѣста по причинѣ содѣланнаго имъ преступленія, то по требованію епархіальныхъ архіереевъ ихъ высылать. 4) Гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ ни церквей, тамъ не держать ни подъ какимъ видомъ бѣглыхъ священниковъ. 5) Священникамъ, оставленнымъ у раскольниковъ, приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству.

II. *Касательно церквей раскольничьихъ*: 1) О тѣхъ, кои давно построены, не входить ни въ какое дальнѣйшее разсмотрѣніе и оставлять ихъ безъ разысканія. 2) Вновь же строить не дозволять ни по какому случаю *).

Правила эти, оффиціально считавшіяся „секретными", были разосланы только губернаторамъ, и то черезъ полгода послѣ ихъ утвержденія **). Въ первый разъ они были напечатаны только въ 1858 г., то-есть черезъ тридцать лѣтъ послѣ ихъ отмѣны, и когда явились въ печати, то имѣли уже значеніе единственно какъ историческій документъ. Но еще осенью 1822 г. на Рогожскомъ кладбищѣ происходили совѣщанія по поводу новыхъ правилъ, которыя, несмотря на ихъ оффиціальную секретность, тотчасъ по утвержденіи находились въ тысячахъ копій у всѣхъ старообрядцевъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ, кромѣ московскаго общества, принимали участіе старообрядцы городовъ Коломны, Егорьевска, Подольска и Верен, селенія Вохны (Павловскій посадъ), Гуслицкой волости, и разныхъ селеній Коломенскаго, Бронницкаго, Дмитровскаго, Серпуховскаго, Егорьевскаго, Зарайскаго и Покровскаго

*) «Собраніе постановленій о расколѣ». С.-Петербургъ, 1858 г., стр. 75 и 76. — Н. К. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», томъ VIII, стр. 101 и 102.

**) Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ 30 сентября 1822 года.

уѣздовъ. Тогда же подобныя совѣщанія происходили въ Ржевѣ, Торжкѣ, Твери, Калугѣ, Тулѣ, Боровскѣ. Что касается до Екатеринбурга, то, по совѣщанію тамошняго общества, Рязановъ и Казанцовъ разослали правила 26 марта старшинамъ всѣхъ старообрядческихъ обществъ Пермской и Тобольской губерній съ тѣмъ, чтобы они составили по каждому селенію именные списки старообрядцевъ, долженствующіе быть основою для веденія метрикъ *). Получивъ затребованные списки, Рязановъ и Казанцовъ, 25 іюня 1823 года, представили ихъ формально въ пермское губернское правленіе, ссылаясь на правила 1822 года и нисколько не подозрѣвая офиціальнаго секрета. Письма, подобныя екатеринбургскимъ, были разсылаемы и изъ другихъ обществъ. Словомъ, къ концу 1822 года вся поповщина отъ Бессарабіи до Байкала знала о высо-

*) Вотъ одно изъ писемъ къ екатеринбургскимъ старшинамъ, отъ 3 ноября 1823 года: «М. г. Еросей Никитичъ! Какое послѣдовало, по неизреченнымъ судьбамъ и Промыслу Всемогущаго, по высочайшей волѣ предписаніе (т.-е. высочайше утвержденныя правила 26 марта 1822 года) отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ къ пермскому гражданскому губернатору, при семъ вамъ прилагаемъ копію, согласно коему получить долженъ и тобольскій губернаторъ. Изъ предписанія сего вы усмотрите, что моленіе, какое производилось во всѣхъ нашихъ молитвенныхъ храмахъ, до сего устроенныхъ, дозволяется производить и впредь безъ всякаго препятствія, а священниковъ, коихъ мы пріемлемъ изъ иргизскихъ монастырей, дозволяется имѣть при всѣхъ тѣхъ молитвенныхъ храмахъ гласно и свободно. Священникамъ симъ не только дозволяется, но и поставляется въ обязанность имѣть о всѣхъ старообрядцахъ метрическія книги и по онымъ доставлять о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ въ губернское правленіе вѣдомости. Слѣдовательно, на основаніи сихъ всемилостивѣйше дарованныхъ намъ установленій, никто уже не долженъ быть изъ старообрядцевъ вѣдомъ попрежнему приходскимъ священникамъ, но повсемѣстно надлежитъ установить особые старообрядческіе приходы. Почему и просимъ васъ обвѣстить о семъ всѣхъ живущихъ по Шадринской округѣ христіанъ, дабы они, съ полученія сего, нимало не медля, во всякомъ селеніи о состоящихъ въ старообрядчествѣ составили вѣдомости по приложенной при семъ формѣ (форма приложенная та же, какая употребляется и въ православныхъ церквахъ), и оныя прислали съ избранными изъ главнѣйшихъ селеніевъ двумя или тремя человѣками сюда. Но какъ при таковомъ отчисленіи отъ приходовъ россійской церкви могутъ впредь возродиться со стороны приходскихъ священниковъ, вступившихъ въ старообрядчество, притязанія, то, дабы сіе устроить единожды и ко всегдашнему спокойствію, необходимо нужно было бы сочиненныя вами вѣдомости засвидѣтельствовать въ волостныхъ правленіяхъ, при приходскихъ священникахъ, или по крайней мѣрѣ въ одномъ волостномъ правленіи. Гдѣ же именно и въ какихъ мѣстахъ нужно будетъ вамъ по Шадринской учредить приходъ, то-есть пребываніе священника, о семъ просимъ васъ посовѣтоваться и насъ съ означенными посланными увѣдомить. А дабы все сіе Вседержитель помогъ намъ всемогущею Своею десницей устроить ко всеобщему успокоенію и спасенію, то просимъ васъ соборнѣ молиться и воздавать Искупителю нашему, человѣколюбцу Богу, хвалу и благодареніе, о всемъ святомъ Его благоустроеніи» («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1827 г., № 102).

За это письмо, черезъ 12 лѣтъ, Рязановъ былъ выдержанъ при полиціи въ теченіе мѣсяца.

чайше утвержденныхъ правилахъ, а между тѣмъ правила эти считались „секретными". Гласное принятіе священника къ моленной зависѣло не отъ этихъ правилъ, а единственно отъ личнаго взгляда на дѣло начальника губерніи. Такимъ образомъ въ Московской, Тверской, Калужской, Тульской, Саратовской, Могилевской, Черниговской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ тотчасъ же явилось по нѣскольку „дозволенныхъ" поповъ, а въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ Пермской, и прежде бывшихъ иргизскихъ поповъ брали подъ стражу и отсылали въ тѣ епархіи, изъ которыхъ они бѣжали.

Правила 1822 года въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчены были недоброжелательно. Въ Лужкахъ *), напримѣръ, старообрядцы-перемазанцы рѣшительно отказались имѣть у себя гласныхъ поповъ, считая самую подачу метрикъ противною совѣсти зависимостью отъ никоніанъ. Они образовали особую секту, извѣстную подъ именемъ *Лужковскаго согласія*, или *тайной церкви*. У нихъ были попы, но держались въ большой тайнѣ. Они отвергали присягу, военную службу и паспорты, видя въ нихъ печать антихриста, избѣгали всякихъ сношеній съ правительственными мѣстами и лицами и вели пропаганду, особенно на Дону. Секта эта была признана особенно вредною, и въ 1845 году, по докладу наказного атамана, донскимъ казакамъ даже было запрещено ѣздить въ Лужки **). Сначала лужковская секта была у старообрядцевъ

---

*) Посадъ Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи, въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города.

**) «Собраніе постановленій по части раскола». С.-Петербургъ, 1858, стр. 452 и 453. Лужковская секта открылась по случаю отказа одного казака Войска Донского отъ присяги на вѣрность службы и отъ подписанія отобраннаго отъ него допроса. Наставникомъ этой секты оказался бѣглый попъ въ Лужкахъ. Послѣдователи жили въ четырехъ посадахъ Черниговской губерніи: Лужкахъ, Воронкѣ, Еленкѣ и Гуровичахъ, и распространялись въ небольшомъ числѣ въ Землѣ Войска Донского и въ Боровскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Они, какъ сказано, не принимали бѣглыхъ поповъ, извѣстныхъ правительству, и потому скрывали своихъ отъ мѣстныхъ властей; признавали какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ не своей секты за еретиковъ; избѣгали всякаго съ ними сообщенія; отлучившихся изъ своихъ селеній считали осквернившимися и, по возвращеніи, очищали ихъ молитвою, которую читали надъ ними тайные попы. Считали за грѣхъ носить мундиры, принимать присягу, брать паспорты для отлучекъ и подписывать правительственныя бумаги, относившіяся къ ихъ расколу. Въ моленныхъ своихъ надѣвали одежду, какую носили ихъ предки, отпавшіе отъ церкви во время Никона, и приходившихъ въ другой одеждѣ въ моленную не пускали. Секта эта была первоначально въ общемъ пренебреженіи у раскольниковъ, но когда въ посадахъ Черниговской губерніи не стало дозволенныхъ бѣглыхъ поповъ и приняты строгія мѣры къ преслѣдованію ихъ переѣздовъ, то многіе раскольники другихъ посадовъ начали ѣздить въ Лужки и исправлять тамъ духовныя требы у тайнаго бѣглаго попа. Жители этого посада, особенно отличаясь упорствомъ въ своихъ заблужденіяхъ, прямо и открыто объявили, что они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія присоединиться къ единовѣрію. Посадъ Лужки получилъ

въ пренебреженіи, но когда дозволенныхъ поповъ не стало, многіе обратились въ Лужки, и секта „тайной церкви“ появилась не только на Дону, но и на Волгѣ, и на Уралѣ, и на Камѣ, и на Днѣстрѣ, и на Бугѣ.

Городецкіе старообрядцы не приняли поповъ на основаніи правилъ 1822 года, удерживая за собою полученное ими одними, въ 1803 году, право брать поповъ съ Иргиза безъ всякихъ обязательствъ относительно метрикъ и т. п. На Керженцѣ новыми правилами не воспользовались.

Но, вообще говоря, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ губернаторы дозволили старообрядцамъ воспользоваться снисхожденіемъ правительства, они были довольны своимъ положеніемъ, обзаведясь достаточнымъ количествомъ поповъ и даже дьяконовъ. Такъ, въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, поповъ было девять, дьяконовъ трое. Иргизъ удержалъ право исправлять поповъ, но, несмотря на то, разсылка ихъ по старообрядческимъ общинамъ значительно уменьшилась. Уменьшились черезъ то и доходы иргизскіе.

Недолго однако пользовались старообрядцы данными льготами. Съ 1827 года начинается рядъ постановленій, сначала ограничивавшій, а потомъ и вовсе отмѣнившій права и льготы, полученныя старообрядцами при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Представляемъ краткій перечень этихъ отмѣнъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Мы видѣли, что, согласно правиламъ 26-го марта 1822 года, губернаторы должны были отправлять къ епархіальнымъ архіереямъ, по ихъ требованіямъ, тѣхъ только изъ находящихся у старообрядцевъ бѣглыхъ поповъ, о которыхъ откроется, что они бѣжали отъ церкви *по причинѣ содѣяннаго ими преступленія*. Такъ какъ здѣсь не объяснено, какія именно преступленія въ отношеніи къ бѣглымъ попамъ должно считать уголовными, то многіе губернаторы затруднялись исполненіемъ требованій преосвященныхъ и спрашивали разъясненія министра внутреннихъ дѣлъ. Управляющій министерствомъ В. С. Ланской, незадолго передъ тѣмъ энергически заявившій свою дѣятельность по дѣламъ раскола *),

---

между раскольниками названіе Новаго Іерусалима. Въ 1845 году, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, бѣглый попъ въ Лужкахъ былъ пойманъ и отосланъ къ духовному начальству, молитвенное зданіе ихъ запечатано, вмѣсто него построена деревянная единовѣрческая церковь и опредѣленъ туда единовѣрческій священникъ (Н. В. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», т. VIII, стр. 477 и 478). Теперь въ Лужкахъ старообрядцевъ 5.316 обоего пола, а единовѣрцевъ 37. Священника единовѣрческаго болѣе нѣтъ. По случаю распространенія въ Лужкахъ, Еленкѣ, Воронкѣ и Чуровичахъ лужковской секты, въ 1847 учреждены въ нихъ особые полицеймейстеры, а въ другихъ посадахъ только помощники становыхъ.

*) 1827 года, мая 24, воспрещено бѣглымъ попамъ переѣзжать изъ одного уѣзда въ другой; іюля 5-го воспрещено исправлять починками и возобновлять молитвенные дома раскольниковъ; ноября 11-го постановлено, чтобы раскольническія книги, противныя церкви, по отобраніи ихъ, были отсылаемы къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода. См. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858, стр. 106 — 112.

уклонился отъ рѣшенія возбужденнаго вопроса и передалъ его на обсужденіе святѣйшаго синода, который, послѣ перечисленія разныхъ уголовныхъ преступленій, во мнѣніи своемъ прибавилъ слѣдующее: „Святѣйшій синодъ, какъ мѣсто, которому ввѣрено охраненіе ненарушимости священныхъ правилъ и церковнаго благочинія, не можетъ не признать *самаго побѣга священника* отъ своего мѣста и должности къ раскольникамъ за *преступленіе тяжкое*" *). По такому разъясненію святѣйшаго синода, каждый бѣглый священникъ, у старообрядцевъ находящійся, былъ преступникъ, котораго, на основаніи правилъ 1822 года, должно было губернатору высылать къ требующему его епархіальному архіерею. На этомъ основаніи должно было бы немедленно взять всѣхъ поповъ, находившихся у старообрядцевъ. Но въ то же время состоялось относительно этого предмета особое высочайшее повелѣніе, вошедшее впослѣдствіи и въ сводъ законовъ. Московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ вѣдомость о дозволенныхъ попахъ Рогожскаго кладбища, а Ланской представилъ ее государю. Покойный императоръ, разсмотрѣвъ эту вѣдомость, повелѣлъ увѣдомить князя Голицына, чтобъ онъ „нынѣ находящихся (поповъ) оставилъ въ покоѣ, но новыхъ не дозволялъ отнюдь принимать" **). Наконецъ, въ январѣ 1832 года, представлена была графомъ Д. Н. Блудовымъ, бывшимъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, записка, въ которой было сказано, что дальнѣйшее оставленіе бѣглыхъ поповъ у раскольниковъ не соотвѣтствуетъ ни достоинству господствующей православной церкви, ни гражданскому устройству, но какъ таковое снисхожденіе, по необходимости правительствомъ допущенное, уже обратилось, по секретнымъ правиламъ 1822 года, въ постановленіе и руководство для гражданскихъ начальствъ, то и не можно приступить къ общимъ распоряженіямъ по сему предмету, а въ частныхъ случаяхъ полезно дѣлать распоряженія, чтобы вновь не появлялись у раскольниковъ бѣглые попы". По обсужденіи записки, постановлено: „для постепеннаго установленія порядка, свойственнаго благоустроенному государству, принять къ руководству по гражданской части правиломъ: когда дойдетъ до свѣдѣнія правительства о вновь бѣжавшемъ къ раскольникамъ попѣ, то таковаго возвращать въ епархію, въ распоряженіе епархіальнаго архіерея, какъ то уже и дѣлалось, а со временемъ распространить и на всѣ губерніи послѣдовавшее высочайшее повелѣніе для С.-Петербурга, Москвы и Пермской губерніи, чтобы вновь не дозволять появляться бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, но прежнихъ оставить въ покоѣ, какъ давно живущихъ на мѣстахъ" ***).

Вслѣдствіе этого распоряженія находившіеся у старообрядцевъ попы

*) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1860 г., т. II, стр. 199 — 203.

**) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858 г., стр. 111.

***) Тамъ же, стр. 131 — 134.

были одинъ за другимъ вызываемы гражданскимъ начальствомъ къ епархіальнымъ архіереямъ. и въ пять лѣтъ (до 1837 г.) было взято у старообрядцевъ и отправлено къ преосвященнымъ болѣе пятидесяти бѣглыхъ поповъ. Бо̀льшая часть дѣлъ о нихъ, подавшихъ поводъ къ требованію ихъ высылки, возникла по случаю крещеній и браковъ, совершенныхъ ими надъ такими лицами, которыя хотя и состояли въ старообрядствѣ, но въ приходскихъ книгахъ были записаны православными *). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ высылка старообрядческихъ поповъ была производима уже съ такимъ усердіемъ, что графъ Блудовъ счелъ нужнымъ поставить нѣкоторыя границы распоряженіямъ губернскихъ начальствъ относительно этого предмета. Такъ, въ 1834 году, по поводу распоряженій пермскаго губернатора Тюфяева, который въ дѣлѣ истребленія раскола постоянно отличался чрезвычайною ревностью, графъ Блудовъ вынужденъ былъ разослать ко всѣмъ губернаторамъ особыя предписанія о томъ, какъ должны они поступать, получивъ отъ епархіальныхъ архіереевъ отношеніе о вновь бѣжавшемъ къ раскольникамъ попѣ. Губернаторамъ предписывалось, отыскавъ попа и учредивъ за нимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, секретный полицейскій надзоръ, предварительно доносить министерству внутреннихъ дѣлъ, не дѣлая никакихъ распоряженій и, до разрѣшенія, не давая никакого отзыва архіерею **). На основаніи этого распоряженія изъ Черниговской губерніи въ 1837 году было получено донесеніе о *тридцати попахъ*, находящихся въ Стародубьѣ, высылки которыхъ настоятельно требовали преосвященные разныхъ епархій. Изъ нихъ графомъ Блудовымъ признаны были подлежащими высылкѣ только три попа и одинъ дьяконъ, что̀ и было утверждено покойнымъ императоромъ ***).

Поповъ, взятыхъ у старообрядцевъ,—конечно, не всѣхъ, но довольно многихъ, — по суду лишали сана и исключали изъ духовнаго званія. Естественно, что такое наказаніе, справедливое съ точки зрѣнія господствующей церкви, не считалось правильнымъ и дѣйствительнымъ старообрядцами. Поповъ, лишенныхъ такимъ образомъ сана, они считали мучениками, пострадавшими за истину и за ревность къ „древлему благочестію“, и если такому разстриженному попу удавалось снова найти себѣ пріютъ у старообрядцевъ, онъ совершалъ всѣ требы попрежнему и

*) Указаніе этихъ дѣлъ находится у Н. В. Варадинова въ «Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ», VIII, стр. 300 — 301.

**) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858 г., стр. 171. Подтверждено 12 апрѣля того же года. Тамъ же, стр. 179.

***) Попъ Евдокимъ Смирновъ — какъ вновь появившійся, дьяконъ Петровъ и іеромонахи Епифаній и Викторъ — на томъ основаніи, что правила касались только бѣглыхъ священниковъ, а не дьяконовъ и не монаховъ. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858 года, стр. 253 и 254. Распоряженіе о томъ, чтобы всѣхъ дьяконовъ, находящихся у старообрядцевъ, выслать къ епархіальнымъ архіереямъ, было сдѣлано еще прежде — 11-го марта 1836 года. Тамъ же, стр. 210.

пользовался еще большимъ, чѣмъ прежде, почетомъ и уваженіемъ. Такой случай открылся въ Екатеринбургѣ въ 1835 году. Находившійся въ Шарташскомъ селеніи бѣглый попъ Иванъ Грузинскій былъ лишенъ сана и записанъ въ тульскіе мѣщане. Пріѣхавъ въ Екатеринбургъ, подъ предлогомъ продажи принадлежавшаго ему въ Шарташѣ дома и другого имущества, онъ продолжалъ совершать требы. Это дошло до свѣдѣнія правительства, и тогда было принято за правило, чтобы съ каждымъ бѣглымъ попомъ, лишеннымъ сана, поступаемо было такъ, какъ опредѣлено въ „Сводѣ законовъ" о состояніяхъ относительно лишенныхъ монашества; на этомъ основаніи такому разстриженному священнику не дозволялось проживать, а тѣмъ менѣе приписываться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ той губерніи, гдѣ онъ былъ священникомъ, и той, въ которой онъ находился у раскольниковъ, равно какъ и въ обѣихъ столицахъ. Съ такихъ разстригъ велѣно было брать подписки въ выполненіи ими сего правила, подъ опасеніемъ за нарушеніе его быть отосланнымъ въ Закавказскія провинціи на всегдашнее пребываніе *). Но это мало дѣйствовало и на раскольниковъ и на бѣглыхъ поповъ. По причинѣ крайняго недостатка въ священствѣ, старообрядцы не переставали тайно содержать разстригъ и даже стали брать къ себѣ для совершенія духовныхъ требъ поповъ, разстриженныхъ не за уклоненіе въ расколъ, а за разные проступки. Оттого впослѣдствіи велѣно было всѣхъ лишенныхъ сана священниковъ заключать въ монастырь **).

Самымъ важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, распоряженіемъ правительства тридцатыхъ годовъ было уничтоженіе иргизскихъ монастырей и обращеніе ихъ въ единовѣрческіе. Доселѣ Иргизъ еще сохранялъ то значеніе, которое пріобрѣлъ онъ на старообрядческомъ соборѣ 1783 года. Онъ попрежнему пользовался у старообрядцевъ внутренней и восточной Россіи исключительнымъ правомъ принимать подъ исправу поповъ, приходящихъ отъ господствующей церкви въ какое бы то ни было старообрядческое общество. Въ 1834 году, когда еще не всѣ иргизскіе монастыри были закрыты, саратовскій губернаторъ донесъ, что на Иргизѣ, несмотря на воспрещеніе 1832 года, приняли трехъ поповъ и одного изъ нихъ уже отправили къ старообрядцамъ села Поима, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, и что исправа поповъ и разсылка ихъ попрежнему дѣлается исключительно на одномъ Иргизѣ. Поэтому въ 1836 году признано было необходимымъ: „принять мѣры къ прекращенію такой исправы бѣглыхъ поповъ, столь постыдной для нихъ, столь же прискорбной для православной церкви, и предписать саратовскому губернатору обязать настоятелей иргизскихъ монастырей подписками впредь не принимать въ сіи монастыри на исправу бѣглыхъ поповъ, такъ какъ сіе противно и церковнымъ и гражданскимъ законамъ, съ

*) Тамъ же, стр. 186 и 187.

**) Въ октябрѣ 1849 года. «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода». Спб. 1860 г. Томъ II, стр. 475—480.

тѣмъ, что ежели кто осмѣлится сдѣлать такую исправу, то допустившіе сіе настоятели, а равно совершившіе и принявшіе оную попы будутъ преданы суду, какъ распространители ереси" *). Это распоряженіе сильно поколебало Иргизъ: оно лишило его громаднаго дотолѣ вліянія на все старообрядство. Вскорѣ послѣдовало и совершенное паденіе Иргиза; монастыри его были обращены въ единовѣрческіе.

Въ то время, когда гражданскимъ правительствомъ принимаемы были исчисленныя мѣры противъ бѣглыхъ поповъ, духовное начальство въ предѣлахъ своего вѣдомства предпринимало иныя мѣры для предупрежденія самыхъ побѣговъ священниковъ къ старообрядцамъ. Главнѣйшею причиной уклоненія сельскихъ священниковъ въ расколъ была бѣдность ихъ и неразвитость. Вполнѣ и безвыходно зависимые въ матеріальныхъ средствахъ отъ прихожанъ, православные сельскіе священники всю жизнь свою боролись съ нуждою и всякими лишеніями и, за весьма малыми исключеніями, оставались почти нищими. Безотрадно смотрѣли они на дѣтей своихъ, зная, что и имъ и внукамъ ихъ предстоитъ та же участь, наслѣдованная отъ отцовъ и дѣдовъ. По жалкой обстановкѣ своей жизни, рѣдкіе изъ священниковъ могли внушить къ себѣ уваженіе прихожанамъ. Но эта грустная истина слишкомъ извѣстна, чтобъ о ней распространяться.

Переходъ въ расколъ всегда сулилъ круглому бѣдняку если не богатство, то ужъ непремѣнно вполнѣ обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи содержаніе и надежду, что дѣти его не останутся безъ куска хлѣба и не будутъ всю жизнь свою нищенствовать. Тульскій епископъ въ 1836 году, не обинуясь, доносилъ святѣйшему синоду, что священники уклоняются въ расколъ по причинѣ своей необразованности и скуднаго содержанія при бѣдныхъ приходахъ; а калужскій, изъ епархіи котораго въ десять лѣтъ бѣжало двадцать священниковъ, такъ объяснялъ причину этого прискорбнаго явленія: „Старообрядцы,—говорилъ онъ:—знакомые съ священниками, разными способами стараются войти къ нимъ въ довѣренность и затѣмъ прельщаютъ ихъ, описывая ихъ сельскую жизнь, скучную и бѣдную, и совѣтуя имъ перейти къ нимъ, обѣщая спокойное и безотчетное пребываніе и во всемъ избытокъ. Священники, особенно тѣ, которые знаютъ за собой пороки, или опасаются доносовъ и преслѣдованій со стороны мѣстнаго и высшаго начальствъ, иные же по вдовству и неимѣнію дѣтей, а другіе наконецъ отъ обремененія семействомъ, за лучшее для себя почитаютъ удалиться къ раскольникамъ и дѣйствительно уѣзжаютъ къ нимъ. Между тѣмъ семейства ихъ остаются въ епархіи, и дѣти, обучаясь въ семинаріяхъ, при пособіяхъ, присылаемыхъ имъ отцами изъ раскольническихъ слободъ, оканчиваютъ се-

*) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858 г., стр. 199 и 200. «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1836 г., № 12. Н. В. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», VIII, 303.

минарскій курсъ наукъ и занимаютъ священническія мѣста, и нерѣдко случалось, что бѣжавшіе къ раскольникамъ священники съ богатымъ приданымъ и значительною суммою денегъ выдавали дочерей своихъ за лучшихъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи и за учителей, поступившихъ въ священники. Есть примѣры, что нѣкоторые изъ священниковъ, находящихся въ расколѣ, вызывали туда же, къ раскольникамъ, отецъ сына, тесть зятя, и самые таковые въ расколъ бѣжавшіе священники записываются, какъ извѣстно, въ мѣщанскія общества" *). Прямымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ отвращенію подобныхъ случаевъ уклоненія священниковъ въ расколъ, конечно, было бы улучшеніе положенія ихъ хоть до такой степени, чтобы предложенія старообрядцевъ не могли быть для нихъ соблазнительными. Приняты были однако иныя мѣры. Святѣйшій синодъ, по обсужденіи донесенія калужскаго преосвященнаго, постановилъ: 1) объявить всѣмъ ученикамъ семинарій и прочимъ лицамъ, намѣревающимся поступить на священнослужительскія должности, чтобъ они не вступали въ бракъ съ дочерьми бѣжавшихъ къ раскольникамъ священнослужителей, подъ опасеніемъ оставленія въ званіи причетника, пока не загладятъ своего поступка и не докажутъ благонадежности къ священству, 2) предписать благочиннымъ, подъ страхомъ отвѣтственности предъ начальствомъ, наблюдать за подвѣдомственными священнослужителями въ отношеніи къ образу мыслей ихъ о православной церкви и доносить епископу о подозрительныхъ, а епископу вызывать такихъ въ архіерейскій домъ, отбирать грамоту на санъ и возвращать по удостовѣреніи въ благонадежности, 3) преосвященнымъ вмѣнить въ обязанность, при выдачѣ священнослужителямъ паспортовъ на отлучки въ другую епархію, и отъ состоящихъ подъ судомъ и сомнительныхъ въ образѣ мыслей и поведеніи, отбирать грамоты до возвращенія изъ отпуска **). Нельзя сказать, чтобъ эти распоряженія достигли цѣли и уменьшили число бѣглыхъ священниковъ, уходящихъ къ старообрядцамъ; по крайней мѣрѣ мы не замѣчаемъ, чтобы значительно уменьшилась цифра ежегодныхъ случаевъ этого рода послѣ изданія приведенныхъ правилъ. Что же касается до прекращенія возможности ученикамъ семинаріи жениться на дочеряхъ бѣглыхъ поповъ, то богатыя невѣсты находили жениховъ получше ихъ. Такъ, дочь одного рогожскаго попа (Петра Ермиловича Русанова) вышла замужъ за штабсъ-капитана, а дочь другого (Ивана Матвѣевича Ястребова), съ стотысячнымъ приданымъ, за человѣка весьма значительнаго въ своемъ кругу. Сыновья бѣглыхъ поповъ перестали учиться въ семинаріяхъ, зато дѣлались зажи-

---

*) Донесеніе калужскаго преосвященнаго въ «Собраніи постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». Спб. 1860, т. II, стр. 305—306. Н. В. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», т. VIII, стр. 301.

**) Н. В. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», т. VIII, стр. 301.

точными членами городскихъ обществъ; такъ, сынъ дозволеннаго ржевскаго попа Василія Смирнова (умершій въ 1857) былъ однимъ изъ значительныхъ купцовъ города Твери и жилъ совершенно по-свѣтски, а два сына дозволеннаго же тульскаго попа Павла, оставаясь въ православіи, получили отъ него большой домъ, множество разныхъ вещей и весьма значительный капиталъ. Старообрядцы зазирали попа Павла, говорили, что по 31 и 92 правиламъ Кареагенскаго помѣстнаго собора *) онъ, за предоставленіе наслѣдства и пріобрѣтеннаго отъ священнослуженія имѣнія сыновьямъ своимъ никоніанамъ, подлежитъ проклятію. Но чувство отца пересилило въ Павлѣ обязанности раскольничьяго попа; онъ пренебрегъ укорами и даже произнесеннымъ надъ нимъ лѣтъ пять тому назадъ старообрядческимъ архіепископомъ Антоніемъ съ соборомъ отлученіемъ, анаѳемой и проклятіемъ. Онъ служитъ и до сихъ поръ въ Тулѣ, имѣетъ много прихожанъ и, признавъ-было въ 1847 году законность бѣлокриницкой іерархіи, теперь провозглашаетъ ея незаконность. Это единственный теперь дозволенный попъ во всей Россіи, послѣдній изъ поповъ 1822 года.

Въ 1835 году по духовному вѣдомству принята была еще новая мѣра для уменьшенія числа старообрядческихъ поповъ — мѣра, совершенно другого характера, чѣмъ послѣдовавшая по донесенію калужскаго епископа. По случаю добровольнаго обращенія въ православіе одного иргизскаго попа, Виноградова, велѣно было простить его, и объ этомъ предписано было губернаторамъ объявить чрезъ довѣренныхъ лицъ всѣмъ старообрядческимъ попамъ, не изъявятъ ли и они готовности предстать предъ своимъ начальствомъ съ раскаяніемъ, подобно Виноградову **). Въ Москвѣ самъ митрополитъ принялъ на себя сдѣлать такое внушеніе попамъ Рогожскаго кладбища ***). Дѣйствительно, послѣдовали обращенія къ православію, но они не были многочисленны: только одинъ попъ и одинъ дьяконъ, жившіе у старообрядцевъ Саратовской губерніи, явились къ мѣстному архіерею. Они были прощены ****).

*) Правило 31: Епископы и состоящіе въ клирѣ не усвоиваютъ ничего тѣмъ, кои не суть православные христіане, хотя бы то были сродники, ничего изъ своихъ вещей, какъ речено, да не упрочиваютъ таковымъ посредствомъ дара епископы и состоящіе въ клирѣ. — Правило 92: Аще который епископъ еретиковъ или язычниковъ, сродниковъ или непринадлежащихъ къ сродству, оставитъ наслѣдниками своими и предпочтетъ ихъ церкви, таковому и по смерти да будетъ изречена анаѳема, и его имя никогда отъ іереевъ Божьихъ да не возносится. Да не можетъ быти ему въ оправданіе и то, аще безъ завѣщанія отыдетъ; понеже, бывъ поставленъ епископомъ, по приличію долженъ былъ учинити назначеніе своего имущества, сообразное своему званію. «Кормчая». Изданіе 1816 года, стр. 181 и 204.

**) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858, стр 175—176.

***) «Журналъ московскаго комитета о раскольникахъ», 10 мая 1835 г., статья 5.

****) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода». Спб. 1860, т. II, стр. 302—303.

Строгія мѣры относительно бѣглыхъ поповъ произвели такъ-называемое *«оскудѣніе священства»*. Поповъ, дозволенныхъ правилами 1822 года и оставленныхъ до смерти при своихъ мѣстахъ, оказалось крайне недостаточно для пяти милліоновъ поповщины, разсѣянной отъ Хотина до Байкала и отъ Петербурга до Ленкорани, тѣмъ болѣе, что имъ строго запрещено было, какъ мы уже видѣли, переѣзжать не только изъ губерніи въ губернію, но даже изъ одного уѣзда въ другой. Правда, много было и теперь у старообрядцевъ бѣглыхъ поповъ, содержимыхъ втайнѣ и переѣзжавшихъ изъ мѣста на мѣсто для совершенія требъ, поповъ, которые стали извѣстны подъ именемъ *проѣзжающихъ священниковъ*. Но положеніе такихъ бродячихъ поповъ было крайне для нихъ тягостно. Находясь подъ денно-нощнымъ страхомъ ареста и суда, они постоянно были въ тревожномъ состояніи духа, которое старались хоть сколько-нибудь заглушить водкой. Пьяныхъ съ утра до ночи перевозили ихъ въ коробахъ, подъ рогожками, укрывали въ подпольяхъ; но, несмотря на такія предосторожности, попы все-таки нерѣдко попадали въ руки полиціи. Отсюда произошла небрежность при совершеніи требъ, постоянно соблазнявшая истыхъ ревнителей „древляго благочестія". По отзыву самихъ старообрядцевъ, невозможно было имѣть трезваго и благоговѣйнаго священника. Такіе попы, дѣйствительно недостойные своего высокаго призванія, находились въ полной зависимости отъ мірянъ: отъ старшинъ старообрядческихъ обществъ, отъ попечителей часовенъ. Безъ ихъ позволенія они не смѣли исправить ни одной требы, не могли отслужить ни одной службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они принуждены были исполнять всевозможныя приказанія своихъ „хозяевъ", въ такомъ даже случаѣ, если и сами видѣли, что отъ нихъ требуется незаконное. Такимъ образомъ вѣнчаемы были браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства, въ малолѣтствѣ и т. п. Особенно много было совершено бѣглыми попами браковъ въ малолѣтствѣ. Извѣстно, что до царствованія императора Николая у насъ дѣйствовалъ византійскій законъ, внесенный въ Кормчую, по которому вступать въ бракъ можно было мужчинамъ 14, а женщинамъ 12 лѣтъ. Императоръ Николай для отвращенія многихъ бѣдственныхъ случаевъ, бывавшихъ вслѣдствіе такихъ раннихъ браковъ, заключаемыхъ между дѣтьми, повелѣлъ не вѣнчать мужчинъ ранѣе восемнадцатилѣтняго, а женщинъ ранѣе шестнадцатилѣтняго возраста. Этотъ *новый* законъ старообрядцы не считали для себя обязательнымъ, считали его даже нарушеніемъ священныхъ правилъ. Бѣглые попы вѣнчали по-византійски, и оттого возникали русскія слѣдственныя дѣла. Мало того, нерѣдко бывали случаи, что, по приказу старшинъ, браки между старообрядцами расторгались, и попъ вѣнчалъ бывшихъ супруговъ съ другими. Это особенно случалось, когда та или другая сторона обращалась въ православіе *). Вліяніе старшинъ или попечи-

*) Изъ «дѣла о инокѣ Варлаамѣ» (Васильѣ Перепелкинѣ), производившемся въ 1817—1819 годахъ, видно, что православный мѣщанинъ Петръ

телей на поповъ, дозволенныхъ правилами 1822 года, было еще не такъ велико; зато бѣглые попы, тайно у нихъ жившіе, были совершенными ихъ рабами. Старшины, какъ невольниковъ, покупали поповъ на Иргизѣ, покупали ихъ навсегда или на время, смотря по условію, и торговали ихъ профессіей, собирая деньги съ исправлявшихъ духовныя требы. Явился особый родъ промышленниковъ, которые торговали „проѣзжающими“ попами. Сманивъ попа и исправивъ его на Иргизѣ, или въ Стародубскихъ слободахъ, или даже у другого „проѣжающаго“, они возили *своего* попа изъ одной старообрядческой мѣстности въ другую и наживали хорошія деньги. Изъ такихъ промышленниковъ особенно замѣча-

---

Сунгуровскій, женатый на старообрядкѣ, дочери варнавинскаго купца Осокина, и вѣнчанный въ православной церкви, былъ разведенъ Варлаамомъ, а жена его потомъ въ посадѣ Дубовкѣ (Саратовской губерніи) была обвѣнчана съ другимъ (дѣло въ архивѣ Семеновскаго уѣзднаго суда). Такихъ примѣровъ много. У попа Рогожскаго кладбища, Петра Ермилова Русанова, была дочь Манеоа (а не Макара, какъ она названа въ «Разсказѣ о Рогожскомъ кладбищѣ», помѣщенномъ въ «Сборникѣ изъ исторіи старообрядчества» Н. И. Попова, стр. 145). Овдовѣвъ не больше какъ черезъ недѣлю по водвореніи въ Рогожскомъ, попъ Русановъ воспиталъ дочь при себѣ и, когда она выросла, сосваталъ ее за одного штабсъ-капитана, бывшаго впослѣдствіи въ одномъ изъ городовъ Вологодской губерніи непремѣннымъ засѣдателемъ земскаго суда. Кладбищенскіе старшины и вообще всѣ вліятельные люди Рогожскаго общества подняли сильный ропотъ, какъ можетъ старообрядческій священникъ выдавать дочь за никоніанина, да еще за благороднаго, значитъ, за бритаго, и, призвавъ попа на совѣтъ, уговаривали его отказать жениху. Петръ Ермиловичъ, подходя къ каждому тутъ бывшему, говорилъ: «хорошо, будетъ по-твоему: откажу жениху; только и ты сдѣлай по-моему: женись на Манеоѣ». Изъ бывшихъ на совѣщаніи кладбищенскихъ тузовъ, милліонеровъ, людей, конечно, большею частью пожилыхъ и женатыхъ, не нашлось жениховъ для Манеоы Петровны. Петръ Ермиловичъ, обругавъ почтенное собраніе дураками и скотами необузданными (любимое выраженіе покойника), не простясь ушелъ изъ собранія и дочь выдалъ за штабсъ-капитана. Этотъ бракъ очень соблазнялъ всѣхъ кладбищенскихъ, и особенно духовныхъ дѣтей Петра Ермиловича. Стали они уговаривать его и давать много денегъ (а онъ былъ очень корыстолюбивъ), чтобъ онъ какъ-нибудь *поправилъ дѣло.* Петръ Ермилычъ поправилъ, разстроивъ супружество дочери. Манеоа Петровна въ 1835 году уѣхала отъ мужа къ отцу, забравъ все приданое, и на Рогожскомъ обратилась къ старообрядству. Самъ отецъ расторгъ ея бракъ, прочитавъ надъ ней какую-то молитву въ часовнѣ. Манеоа Петровна жила то у него на Рогожскомъ, гдѣ пользовалась большимъ почетомъ, то въ Москвѣ на квартирѣ. Напрасно мужъ требовалъ у попа жены своей... («Дѣло канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора», 12 іюня 1839, № 73). Свадьбы несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ законнаго возраста для вступленія въ бракъ, вѣнчаемы были проѣзжающими попами во множествѣ; подобныя свадьбы бывали и тамъ, гдѣ были дозволенные попы и велись метрики. Объ этомъ возникало много дѣлъ. Были и такіе примѣры, что, и не бывъ вѣнчаны, многіе сказывались обвѣнчанными. Изъ многихъ случаевъ приведу одинъ, бывшій въ Москвѣ. Въ 1812 году сорокапятилѣтній крестьянинъ деревни Городка (Богородскаго уѣзда), Савелій Андреевъ, вздумалъ жениться на 14-лѣтней дѣвочкѣ, Афимьѣ

телемъ былъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ московскій мѣщанинъ, уроженецъ Боровскаго уѣзда, содержавшій въ Рогожской части, въ Вороньемъ переулкѣ, постоялый дворъ, Степанъ Трифоновичъ Жировъ. Про него даже ходили между старообрядцами слухи, будто онъ одного возимаго имъ попа Егора, польстившись на накопленныя имъ деньги, утопилъ въ какой-то рѣкѣ. Этотъ слухъ не помѣшалъ однако ему сдѣлаться *первымъ* русскимъ старообрядческимъ архіеремъ. Это Софроній, епископъ симбирскій, лишенный впослѣдствіи епархіи, теперь находящійся подъ запрещеніемъ и оставшійся въ 1863 году на сторонѣ Кирилла бѣлокриницкаго, отвергнутаго московскимъ обществомъ старообрядцевъ.

„Оскудѣніе священства" до того довело старообрядцевъ, что у нихъ зачастую стали появляться такъ-называемые «*сумлѣнные*» попы. Бывали случаи, и бывали нерѣдко, что какой-нибудь бѣглый солдатъ или другой обманщикъ, добывъ настоящую или фальшивую ставленную грамоту, сказывался попомъ и исполнялъ духовныя требы у легковѣрныхъ старообрядцевъ, живщихъ въ какой-нибудь глуши. Бѣглые дьяконы зачастую надѣвали священническія ризы и совершали священнодѣйствія, которыхъ не въ правѣ были совершать; монахи, не имѣвшіе рукоположенія, крестили, исповѣдывали, пріобщали и даже вѣнчали браки. Все оправдывалось словами: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ". Но множество старообрядцевъ чувствовало и открыто говорило, что безчинство ихъ священнослужителей смущаетъ ихъ совѣсть.

Большинство бѣглыхъ поповъ не отличалось хорошею жизнью. Въ винѣ хотѣли они утопить и испытываемыя ими тревоги и ежеминутное опасеніе быть пойманнымъ, а можетъ-быть, и просыпавшуюся по временамъ совѣсть, напоминавшую имъ отступничество отъ церкви и торговлю святыней. Почти всѣ попы у старообрядцевъ были вдовые, и рѣдкіе изъ нихъ подавали духовнымъ дѣтямъ своимъ примѣръ цѣло-

---

Денисовой, православной, которую однако мать ея водила на исповѣдь на Рогожское. Іюня 8, въ самый Духовъ день, женихъ съ невѣстой поѣхали въ Москву, но рогожскій попъ почему-то ихъ не обвѣнчалъ, хотя женихъ и имѣлъ у себя свидѣтельство изъ волостного правленія. На возвратномъ пути женихъ уговорилъ невѣсту сказать въ деревнѣ, что они вѣнчаны. Такъ и сдѣлали. Афимья родила сына, котораго крестили и черезъ пять мѣсяцевъ схоронили на Рогожскомъ. Вскорѣ послѣ этого Андреевъ собрался на житье въ Москву, но молоденькая сожительница его, наскучивъ старымъ мужемъ, объявила, что она ему не жена, и притомъ, что она православная. Андреева выдержали въ тюрьмѣ три мѣсяца, а Афимью, какъ малолѣтнюю, отдали на рѣшеніе совѣстнаго суда; мать же ея, за совращеніе дочери въ расколъ, лишили всѣхъ правъ состоянія и сослали въ Закавказскій край («Дѣло московской уголовной палаты» сентября 19-го 1845 года, по описи № 29). Мы могли бы наполнить сотни страницъ разсказами о подобныхъ случаяхъ, заимствуя ихъ изъ дѣлъ, выписки изъ которыхъ находятся у насъ подъ руками, но считаемъ это совершенно излишнимъ.

мудрія *). Удержать поповъ отъ неприличной жизни, обличить ихъ, наказать и, въ случаѣ неисправимости, судить—было некому. Это дѣло епископа и притомъ, на точномъ основаніи каноническаго права, судъ надъ священникомъ принадлежитъ не одному, а семи епископамъ, ибо по 12 и 29 правиламъ Карѳагенскаго помѣстнаго собора: „пресвитера судятъ шесть епископовъ и свой". Одно могли сдѣлать старшины и попечители съ безнравственнымъ попомъ—прогнать его. Но это было не-

*) Въ дѣлахъ сохранилось множество примѣровъ зазорной жизни старообрядческихъ бѣглыхъ поповъ. Сергѣй Иргизскій («Зерцало для старообрядцевъ», прибавл. къ 1 книгѣ, стр. 78 и 79) разсказываетъ о попѣ, бывшемъ въ Москвѣ и находившемся шесть лѣтъ въ связи съ дѣвушкой, которую выдавалъ за родную сестру; когда же прихожане стали укорять его за это, онъ донесъ начальству, что на Рогожскомъ варили миро, ушелъ на Вѣтку, потомъ на Иргизъ и тамъ священнодѣйствовалъ. «На Иргизѣ,—пишетъ уставщикъ и ризничій тамошняго Нижневоскресенскаго монастыря, Платонъ:—къ бѣглымъ попамъ имѣлъ невозбранный входъ женскій полъ; такое же гостепріимство было и у монашествующихъ: они не зазорно принимали каждый свою гостью; женщины даже допускались ночевать въ ихъ кельяхъ, и для того всѣ изъ своей кельи имѣли сквозь монастырскую ограду калитку и оными выходили безъ вѣдома начальствующихъ» («Православный Собесѣдникъ» 1857 г., стр. 552). Пользовавшійся большою извѣстностью въ Москвѣ и на Керженцѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ бѣглый іеромонахъ Иларій (умершій въ 1848 г. холерой) въ Комаровскомъ скиту, въ обители Игнатьевой, открыто имѣлъ любовницу Авдотью Константинову, сестру игуменьи обители Игнатьевыхъ Александры; онъ постригъ ее въ монашество подъ именемъ Елизаветы и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей: Клавдію и Александру («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1848 г., № 94). Въ другой женской обители Комаровскаго скита, Манеѳиной, жилъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ черный попъ отецъ Евѳимій. Ходить за нимъ, т.-е. убирать его комнату, платье и проч., назначалась обыкновенно молоденькая послушница, и онъ нерѣдко мѣнялъ одну за другою. Было изъ кого выбрать. Кромѣ того, у него внѣ обители жила еще любовница, романовская мѣщанка Наталья Варѳоломеева, которая послѣ взятія отца Евѳимія, сосланнаго въ Саратовскую пустынь, сохранила оставленный ей симъ іеромонахомъ сувениръ: кадило и епитрахиль (въ томъ же дѣлѣ). Въ 1839 году, въ Москвѣ, производилось дѣло по жалобѣ мѣщанки, вдовы Афимьи Поликарповой Шишеевой, на рогожскихъ попечителей, отнявшихъ у нея, при помощи и личномъ участіи чиновниковъ полиціи, разное имущество и 5.000 р. денегъ изъ дома, принадлежащаго ей и находившагося въ оградѣ Рогожскаго кладбища. Шишеева указывала на разныя злоупотребленія и объясняла расхищеніе ея имущества тѣмъ, что попу, Ивану Матвѣевичу Ястребову, хотѣлось выручить находившуюся у Шишеевой переписку его съ оставленною уже имъ любовницею его, Елизаветою Авксентьевой, замѣненною другою, Анною Ѳедоровой. Въ дѣлѣ есть копія съ письма покинутой Елизаветы къ попу. Вотъ оно: «Здравствуй! Любезному моему Ивану Матвѣевичу. Забыли какъ меня любили, а нынѣ забылъ. Я была молода, согласилася съ тобою—ты хотѣлъ вѣчно любить. Вамъ какая я пришла? Честь свою нарушила, отъ тебя затяжелѣла и, страха ради, ушла замужъ. Грѣхъ вамъ будетъ меня забыть! Какъ вы меня облещали разными ласками: «Лизавета Авксентьевна, когда ты придешь ко мнѣ—только и ра-

безопасно. Бывали примѣры подобныхъ изгнаній, о нихъ свидѣтельствуютъ архивныя дѣла. Но эти изгнанія всегда почти дорого обходились не только изгонявшимъ безпутнаго попа попечителямъ, но и цѣлымъ общинамъ. Озлобленный попъ, изъ мщенія, доносилъ въ такомъ случаѣ гражданскому или духовному начальству, прибавляя къ дѣйствительному, конечно, и свои вымыслы. Начинались слѣдствія: попечителей или другихъ вліятельныхъ членовъ общества предавали суду. Иногда терпѣла и цѣлая община: напримѣръ, въ случаѣ запечатанія часовни, если по доносу попа, что она противозаконно была поправлена, оказывалось при производствѣ формальнаго слѣдствія, что дѣйствительно въ ней были недавнія починки. Съ другой стороны, „оскудѣніе священства" было такъ велико и такъ ощутительно, что старообрядцы волей-неволей принуждены были терпѣть поповъ, каковы бы они ни были; мало того, они вынуждены были дорожить ими. И чѣмъ меньше

дости!» Вы меня загубили передъ Богомъ и передъ мужемъ, вы любите Анну Өедоровну и покоите ее, а она съ стрикулистами таскается и тобою похваляется, твой капотъ на левантинѣ продала знакомымъ моимъ и говоритъ: «я не хочу носить». А хорошіе люди за вами зазираютъ. Бывало, вы какъ въ письмахъ писали ко мнѣ и заочно меня цѣловали полдюжины, аки лично, а нынче забыли. Вспомни обо мнѣ, мой любезный. Извините меня, что я такъ нехорошо написала: я съ тѣхъ поръ не писывала, какъ къ тебѣ. Заочно кланяюся вамъ. Елизавета Авксентьева». Эта записка, написанная лѣтъ 16 передъ тѣмъ, то-есть въ 1823 или 1824 году, надѣлала большихъ хлопотъ цѣлому Рогожскому кладбищу, а не меньше того и полиціи. При производствѣ слѣдствія, задаренная съ одной стороны Авксентьева отреклась и отъ письма и отъ бывшей связи съ попомъ; мужъ ея и разныя лица подъ присягой показали, что она и грамотѣ не знаетъ. Анну Өедорову даже не спросили; отъ попа письменно потребовали объясненія; онъ отрекся. Очной же ставки съ Шишеевой полиція ему не дала, оправдываясь впослѣдствіи тѣмъ, что попъ *пользуется уваженіемъ старообрядцевъ*. Для сличенія почерка Авксентьевой потребованы были изъ конторы кладбища обыскныя брачныя книги за 1823 и 1824 годы, гдѣ, при запискѣ брака Авксентьевой, должна была находиться ея подпись. Попечители отозвались, что книги сгорѣли въ 1831 году. Но изъ другихъ дѣлъ видно, что въ 1833 и 1834 годахъ изъ этихъ дѣлъ были дѣланы выправки. Дѣло, разумѣется, кончилось ничѣмъ, а Шишеева ни имущества, ни денегъ, ни дома не получила. Поступокъ чиновниковъ полиціи былъ переданъ на обсужденіе губернскаго правленія, но что̀ было тамъ постановлено,—мнѣ неизвѣстно («Дѣло канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора» 1839 г., № 171). Вторая любовница попа Ивана Матвѣевича, Анна Өедоровна, имѣла отъ него сына, и, когда онъ выросъ, изъ него вышелъ такой кутила, какихъ мало на свѣтѣ бываетъ: отцовыхъ денегъ онъ тысячъ сто промоталъ. Всѣ старообрядцы знали слабость Ивана Матвѣевича къ прекрасному полу, всѣ и въ Москвѣ и по инымъ городамъ знали, какъ онъ ѣздитъ по вечерамъ къ Аннѣ Өедоровнѣ, какъ онъ ей домъ купилъ у Троицы въ Садовникахъ, несмотря на то, что, по словамъ его прежней любезной, эта Анна Өедоровна съ молодыми «стрикулистами» ставила рога отцу Іоанну. Но все прощали ему, ничѣмъ не соблазнялись, ибо дорожили дозволенными въ 1822 году попами, а Иванъ Матвѣевичъ былъ изъ числа ихъ. Другой попъ Рогожскаго клад-

становилось у старообрядцевъ поповъ, тѣмъ попы эти дѣлались безнравственнѣе; алчность же ихъ и безстыдная, наглая симонія выходили изъ всякихъ границъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ писалъ одинъ членъ Рогожскаго общества, уже по появленіи въ Бѣлой-Криницѣ Амвросія: „Къ Рогожскому кладбищу принадлежитъ нѣсколько тысячъ душъ и для такого количества имѣютъ только двоихъ священниковъ (Петра Ермиловича Русанова и Ивана Матвѣевича Ястребова), которые не успѣваютъ исполнять для нуждающихся духовныхъ требъ. Оные священники, какъ уже не имѣютъ надъ собой никакой власти, то и дѣлаютъ только то, что̀ имъ разсудится. Для нихъ ничего не значитъ, если умретъ некрещенный младенецъ (а это бываетъ очень часто), или больной безъ исповѣди и причащенія умираетъ. Таковыя нужды въ скорости исполняются только для тѣхъ, у кого много денегъ, а бѣдные даже не имѣютъ къ

бища, Петръ Ермиловичъ Русановъ, тоже имѣлъ любовницу и не одну; отъ главной и гласной были у него и дѣти. Эта женщина однажды пожаловалась попечителямъ Рогожскаго кладбища, что Ермилычъ, много лѣтъ имѣя съ нею связь, теперь оставляетъ ее, не обезпечивъ ни ея ни ихъ ребенка. «Обращаюсь,—писала она:—къ вамъ, господа, съ покорнѣйшею просьбой удовлетворить мои законныя требованія; въ противномъ случаѣ я подамъ просьбу высшему начальству». За мировую требовала она сто тысячъ ассигнаціями. Собрались попечители и вліятельнѣйшіе люди Рогожской общины, пришли къ попу, и ужъ не они ему, а онъ имъ сталъ каяться. «Вспомните вы,—говорилъ онъ имъ:—что для васъ оставилъ церковь; вспомните, какъ вы меня сманивали и обѣщались всегда выручать. Вотъ и выручайте теперь, а я дѣйствительно грѣшенъ, потому, сами вы знаете, что жена моя умерла, недѣли не проживъ на кладбищѣ: беременная, она зимой изъ бани безъ сорочки прибѣжала, потому настращалъ ихъ кто-то въ банѣ и все платье укралъ. Богъ за отступничество мое наказалъ меня, и я, по тогдашней моей молодости, связался съ этою женщиной; но она это вретъ, что я оставляю ее безъ всякаго вниманія, конца-края нѣтъ разнымъ подаркамъ, которые я передарилъ ей во время нашей связи. Теперь же, находясь при старости лѣтъ, я оставляю ее и чистосердечно вамъ каюсь въ моемъ грѣхѣ. Простите меня Христа ради и помогите. Если я вамъ нуженъ—помогите мнѣ, а если нѣтъ, я за грѣхи мои готовъ нести должное наказаніе: пусть правосудіе поразитъ меня». Жаль было разстаться съ попомъ Ермилычемъ; онъ грозилъ, по своему обыкновенію, что уйдетъ съ кладбища и пойдетъ къ митрополиту просить у него суда и наказанія за отступничество отъ церкви. Но жаль было и ста тысячъ. Молча думали въ конторѣ тузы Рогожскаго кладбища, какъ дѣлу помочь. Тогда богатый фабрикантъ, почетный гражданинъ Василій Ефремовичъ Соколовъ, слѣпой уже старикъ, первый заговорилъ: «не хочу предавать на посмѣяніе отца моего духовнаго: жертвую для утушенія этого дѣла десять тысячъ рублей». За нимъ послѣдовалъ коммерціи совѣтникъ Антипъ Дмитріевичъ Шелапутинъ. Деньги собрали, не выходя изъ конторы, но послали прежде попечителей къ поповой любовницѣ поторговаться. Сладились за 35 тысячъ. Петръ Ермилычъ и послѣ этой исторіи не переставалъ ѣздить къ своей возлюбленной, а Шелапутинъ сказывалъ, что онъ самъ и смастерилъ всю эту шутку, чтобъ узнать, какъ его цѣнятъ на кладбищѣ, да и деньги, должно-быть, ему тогда были нужны (ср. «Сборникъ изъ исторіи старообрядства», стр. 142—145).

тому никакой возможности. Понудить или выговорить такимъ попамъ никто не можетъ: ни хозяева ни попечители оному кладбищу, потому что боятся разсердить, ибо они имъ грозятъ тѣмъ, что служить у васъ не будемъ. Оные же попы, желая поддержать общество старообрядцевъ, зная ихнее малодушіе и твердую ихъ къ себѣ приверженность, и зная, что оные маловѣры зазрить ихъ ни въ чемъ не могутъ, потому что за слабость жизни и за выдумки въ дѣлѣ духовныхъ дѣйствій судить ихъ не смѣютъ по правиламъ Номоканона, то хотя и дѣйствуютъ противъ постановленія церкви и уложенія святыхъ отецъ, но на оное ссылаются, и оправдываются тѣмъ, что будто бы „нужды ради". Вотъ дерзкій ихъ поступокъ: что они разрѣшили и благословили (какъ бы власти) простымъ инокамъ и избраннымъ мірянамъ исполнять требы всѣ, исключая только маслособорованія и браковѣнчанія. И обложили окладъ и цѣну за всякую требу, именно съ бѣдныхъ: за свадьбы 6 руб. 50 коп., за помазаніе миромъ младенца 3 р., за погребеніе 3 р. серебромъ. *За помазаніе* называется потому, что оные попы сами не погружаютъ, а только помазуютъ. Вѣнчаютъ свадьбы вдругъ по десяти браковъ, *погребеніе* поютъ тоже по пятидесяти вдругъ *). Съ богатыхъ сто рублей серебромъ за каждую почти требу, а если взять священника на домъ, то непремѣнно, чтобы карета была. И что видя, прихожане изъ крестьянъ села Коломенскаго, которыхъ старообрядцы почитаютъ самыми твердыми въ вѣрѣ, сіе незаконное дѣйствіе и дозволеніе священниковъ, чрезъ то возмутились" **).

---

*) Такія свадьбы называютъ у старообрядцевъ *вѣнчать гуськомъ*. У аналоя стоитъ попъ, а за нимъ одна пара за другою. При обходѣ аналоя попъ беретъ епитрахилью за руки только переднюю пару (за то она и платитъ дороже), а прочія пары за ними ходятъ. А иногда и такъ бывало, что попъ водилъ одну пару послѣ другой вокругъ аналоя. Свадебъ особенно много вѣнчалось передъ масленицей, и въ это-то время особенно были въ ходу «свадьбы гуськомъ». *Погребенія* (то-есть отпѣваніе покойника) пѣли надъ тѣлами только богатыхъ и жителей самого кладбища, а прочихъ нерѣдко безъ попа зарывали въ могилы, и послѣ того попъ въ церкви или надъ зарытыми уже могилами пѣлъ общее «погребеніе» нѣсколькимъ покойникамъ заразъ. Внѣ Москвы обыкновенно хоронили мертвыхъ, прочитавъ «канонъ за единоумершаго» и положивъ покойнику въ руки заранѣе приготовленную имъ самимъ разрѣшительную молитву за подписью попа. Послѣ того посылали на Рогожское пѣть «погребеніе» заочно, ибо отпѣваніе никто не имѣлъ права совершать, кромѣ попа. Когда настало повсемѣстное «оскудѣніе священства», на Рогожскомъ пѣть «погребенія» заказывали тамошнимъ попамъ изъ Петербурга, съ Волги, изъ Стародубья, съ Дону и даже изъ Сибири. Говорятъ, что оба попа въ послѣднее время ихъ пребыванія на Рогожскомъ кладбищѣ ежегодно пѣли заочныя «погребенія» надъ двадцатью тысячами покойниковъ и болѣе. Стало-быть, отъ однихъ «погребеній» каждый получалъ тысячъ по пятнадцати, ибо половина поступала въ пользу кладбища. Это былъ самый главный доходъ рогожскихъ поповъ.

**) «Записки о возмущеніи Коломенскихъ и поученія священника Ивана Матвѣевича». Рукопись.

Отступленія отъ устава, по которому положено совершать разныя священнодѣйствія, были не въ одной Москвѣ: они были повсемѣстны. Старообрядцы, предки которыхъ отпали отъ церкви вслѣдствіе нѣкоторыхъ, немногихъ измѣненій въ обрядѣ, сдѣланныхъ Никономъ, ежедневно видѣли теперь совершенное отступленіе отъ древле-установленныхъ обрядовъ, но, извиняя и себя и поповъ своихъ извѣстнымъ изреченіемъ: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“, несомнѣнно считали себя ревнителями и самыми строгими исполнителями стараго обряда.

Едва ли не больше всего отступленій отъ устава допускаемо было старообрядческими попами при совершеніи таинствъ покаянія и евхаристіи. Попы, не успѣвая исповѣдывать всѣхъ, передавали это право монахамъ, міряпамъ, даже женщинамъ. На Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ все-таки чинъ священнодѣйствій сохранялся болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, въ трехъ часовняхъ собиралось по пятидесяти и болѣе исповѣдниковъ въ одно время; причетникъ, называемый дьячкомъ, громогласно читалъ имъ молитвы, положенныя передъ исповѣдью, потомъ по „Требнику“ читалъ вопросы о всѣхъ грѣхахъ по порядку. Кающіеся, безъ различія пола и возраста, громогласно отвѣчали на каждый вопросъ: „грѣшенъ, батюшка“. Тутъ выходили смущенія и соблазны, какъ разсказывали потомъ сами исповѣдники, и бывало немало смѣха, когда женщины каялись въ такихъ грѣхахъ, которыхъ онѣ по своему полу дѣлать не могутъ, и наоборотъ. Мужчины, напримѣръ, каялись въ томъ, что истребили во чревѣ своемъ младенцевъ, женщины въ растлѣніи дѣвицъ, дѣти въ нарушеніи супружеской вѣрности и т. п. На другой день всѣ допускались къ причастію. Отъ такой гласной исповѣди избавлялись только одни богатые прихожане: они исповѣдывали свои согрѣшенія у себя въ домахъ нарочно привозимымъ въ каретахъ священникамъ *). Если это бывало на Рогожскомъ, что же было въ другихъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ являлся „проѣзжающій священникъ“ съ вожакомъ въ родѣ Степана Трифоновича Жирова? Причастіе постоянно находилось только на Рогожскомъ, на Иргизѣ и въ Стародубскомъ Покровскомъ монастырѣ: оттуда оно развивалось по разнымъ мѣстамъ и хранилось не только у поповъ и монаховъ, но и у многихъ мірянъ въ особыхъ крестахъ и иконахъ, въ которыхъ дѣлались такъ-называемые *тайники* для вложенія частицъ. Иногда развозили запасные дары въ орѣховыхъ свищахъ **). Но не вездѣ и не всегда бывали дѣйстви-

---

*) «Записки о раскольническихъ кладбищахъ 1844—1849». Рукопись. записки 26-го апрѣля 1848 года, № 104.

**) Въ 1837 году, въ городѣ Георгіевскѣ (нынѣшней Ставропольской губерніи), у высланныхъ туда жителей Иргизскаго Верхненикольскаго монастыря было отобрано до 62 разныхъ церковныхъ вещей и утвари: мѣдные кресты и иконы, два подручника, всенощный хлѣбъ, нѣсколько книгъ, серебряные вызолоченные сосуды, съ такими же ложечками, и *запасные дары въ орѣхахъ* («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1832 года, № 131. Опись этихъ вещей на 431 листѣ).

тельно освященные на литургіи запасные дары; большею частью они замѣнялись всенощнымъ хлѣбомъ, т.-е. просвирами, благословляемыми на литіи во время всенощныхъ подъ большіе и малые праздники. Такіе хлѣбы могъ имъ благословлять въ часовняхъ, и даже въ домахъ, каждый попъ. Ими и замѣнялся агнецъ, а вмѣсто крови употребляли богоявленскую воду, которую иные ревнители „древляго благочестія" уважали едва ли не болѣе, чѣмъ самое таинство, и повелѣвали соблюдать „честнѣе самихъ пречистыхъ святыхъ таинъ" *). Оттого лѣтъ пятнадцать тому назадъ старообрядцы за богоявленской водой пріѣзжали къ 5-го января въ Городецъ изъ-за 400 и 500 верстъ **); то же, вѣроятно, было и на Рогожскомъ. Бывали случаи, что старообрядцы покупали для своихъ поповъ у сельскихъ православныхъ священниковъ запасные дары и употребляли ихъ, какъ святыню, сознавая такимъ образомъ присутствіе благодати при совершеніи таинства въ православныхъ церквахъ ***). Иные старообрядческіе попы доходили до такого кощунства, что пріобщали и больныхъ и здоровыхъ сухарями изъ простого калача ****). Это въ особенности относится къ попамъ *сумлѣннымъ* или самозванцамъ, которымъ ни Иргизъ, ни Рогожское, ни Покровскій монастырь, конечно, не удѣлили бы никогда настоящихъ частицъ запаснаго агнца. Чаще и чаще, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, старообрядцы узнавали о такихъ безчинствахъ и, боясь прогонять поповъ, утѣшались текстомъ, бывшимъ у нихъ въ сильномъ ходу: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ". Но нерѣдко бывали и смущенія. Вооружались противъ попечителей крамолами въ часовняхъ, и попы иногда должны были съ бо̀льшими предосторожностями, чѣмъ отъ полиціи, спасаться бѣгствомъ отъ духовныхъ чадъ своихъ. Немногіе ревнители

*) Въ разныхъ старообрядческихъ сборникахъ новаго письма встрѣчаются «заповѣди о водѣ св. Богоявленій», по которымъ святость этой воды ставится выше святости тѣла и крови Спасителя. Г. Щаповъ («Русскій расколъ старообрядства», стр. 148) говоритъ, что это встрѣчается въ сборникахъ XVII и даже XVI столѣтія Соловецкой библіотеки, находящейся теперь въ казанской духовной академіи. Желательно было бы, чтобъ ученые, знакомые съ археографіей, удостовѣрили, дѣйствительно ли сборники, упоминаемые г. Щаповымъ, относятся къ XVI даже столѣтію.

**) «Дѣло объ отысканіи бѣглаго попа Костромской епархіи, Андрея Аѳанасьева» 1849 г. въ архивѣ нижегородскаго губернскаго правленія.

***) Объ этомъ производились лѣтъ 20 и 30 тому назадъ дѣла въ Семеновскомъ и Балахнинскомъ уѣздахъ Нижегородской губерніи; по формальнымъ слѣдствіямъ продажа доказана не была. Слухи о подобной продажѣ были и въ Костромской и во Владимірской губерніяхъ.

****) Въ 1778 году въ Вольскѣ (тогда еще селеніе Малыково) былъ взятъ проживавшій въ Средненикольскомъ Иргизскомъ монастырѣ бѣглый попъ Тимоѳей Тимоѳеевичъ, который при допросѣ показалъ, что онъ, разъѣзжая по старообрядческимъ селеніямъ, исповѣдывалъ больныхъ и, за неимѣніемъ запасныхъ даровъ, пріобщалъ сушенымъ калачомъ. Іеросхимонаха Іоанна «Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ», стр. 89. Письмо Ивана Петровича Ооміна къ Мухину: «буду пріобщаться тѣла и крове Христовой, а не калачомъ, какъ у насъ бывало».

старообрядства стали переходить въ православіе; не дремала въ это время и безпоповщинская пропаганда: ѳедосеевскіе и поморскіе учители многихъ старообрядцевъ увлекли въ свои толки. Особенно сильна была такая пропаганда въ Сибири. Впрочемъ, и въ самой Москвѣ перемазанцы нерѣдко перекрещивались въ Хапиловскомъ пруду—этомъ Іорданѣ ѳедосеевцевъ Преображенскаго кладбища, или переходили въ Покровскую моленную „Монина согласія". Гораздо болѣе, чѣмъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, отступали отъ старообрядства, пріемлющаго священство, въ другія секты—на Волгѣ. Въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Симбирской, Нижегородской, толкъ „Спасова согласія" съ каждымъ годомъ усиливался, пріобрѣтая значительное число новыхъ послѣдователей изъ поповщины, и, не имѣя руководителей, распадался на мелкія разномыслія. Тамъ, по причинѣ „оскудѣнія священства", одни старообрядцы стали исповѣдываться у бродившихъ по разнымъ мѣстамъ монаховъ, у скитницъ и даже у канонницъ, что высылаемы были Керженскими скитами къ богатымъ старообрядцамъ для чтенія псалтыря по умершимъ и для такъ-называемаго „стоянія неугасимой свѣчи"; другіе стали исповѣдываться предъ образомъ Спасителя по *скитскому покаянію* *), оправдываясь словами „Маргарита" **): „самъ Спасъ исповѣдникъ и причастникъ"; третьи—у начетчиковъ изъ своихъ міряиъ, которые сдѣлались такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ безпоповщинскихъ „отцовъ съ Потребникомъ"; наконецъ многіе изъ старообрядцевъ стали совершать крещенія и браки въ церквахъ православныхъ, въ которыя послѣ того не заглядывали во всю свою жизнь. Послѣднее обстоятельство имѣло послѣдствіемъ замѣчательное распоряженіе святѣйшаго синода по епархіямъ Пермской, Оренбургской, Вятской и Донской (1840—1842). Было позволено въ этихъ епархіяхъ вѣнчать старообрядцевъ въ единовѣрческихъ и даже въ православныхъ церквахъ, не требуя отъ нихъ перехода въ единовѣріе или православіе,

---

*) Книга, составленная у старообрядцевъ и нѣсколько разъ напечатанная въ Супраслѣ (1778, другое изданіе безъ года съ приложеніемъ «Соловецкой челобитной»), въ Клинцахъ, а также и въ секретныхъ типографіяхъ, возникшихъ у старообрядцевъ по закрытіи Клинцовской и Махновской (въ мѣстечкѣ Яновѣ) гласныхъ типографій. Впрочемъ, одна изъ такъ-называемыхъ секретныхъ раскольническихъ типографій, безпоповца Михѣева, существовала довольно гласно въ Московской части города С.-Петербурга до апрѣля 1857 года («Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858, стр. 660). Въ ней старообрядческія книги печатались безъ означенія года и мѣста печатанія. При *скитскомъ покаяніи* обыкновенно помѣщается: «Чинъ, како подобаетъ самому себе пріобщити... св. таинъ».

**) «Маргаритъ» св. Іоанна Златоустаго въ первый разъ напечатанъ въ Острогѣ 1596 года in-4. Рѣдкое и весьма уважаемое старообрядцами всѣхъ толковъ изданіе. Уважается не менѣе его московское изданіе 1610 года in-folio.

не оглашая ихъ браковъ и внося ихъ въ особыя тетради *). Въ то же время многіе старообрядцы, особенно въ Пермской, Вятской и Тобольской губерніяхъ, не имѣя поповъ, не желая вѣнчаться въ православныхъ церквахъ согласно упомянутому сейчасъ распоряженію, стали крестить младенцевъ сами и заключать такъ-называемые *сводные браки* или же сходиться на брачное сожитіе *по благословенію родителей*. Это тоже было своего рода уклоненіемъ въ безпоповщину. Мертвыхъ **) хоронили они безъ поповъ. Такъ образовался толкъ „самосправщиковъ", у котораго нѣтъ ни наставниковъ, ни учителей и ничего общаго. Каждый околотокъ знаетъ только своихъ, а съ людьми другихъ околотковъ рѣдко имѣетъ сношенія, хотя бы они и держались одного вѣроученія и однихъ обрядовъ. Чтобы судить о томъ, до какой степени значительно было отпаденіе отъ поповщинскаго старообрядства, по причинѣ оскудѣнія „священства" и во избѣжаніе соблазновъ отъ „сумлѣнныхъ" поповъ, достаточно упомянуть, что въ однихъ нагорныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, болѣе двадцати тысячъ человѣкъ сдѣлались „самосправщиками". Изъ самосправщиковъ весьма многіе переходили въ *Спасово согласіе*, въ *Нѣтовщину*, въ *Петрово крещеніе* и даже въ *Глухую нѣтовщину*, *Дрождники* и *Самокрещенцы Бондаревскаго согласія*. Изъ безпоповщинскихъ толковъ, особенно въ Саратовской и частью въ Самарской губерніяхъ, раскольники въ значительномъ количествѣ переходили въ молоканство, а отсюда въ *унитары* (іудействующіе или субботники ***). Въ то же время въ разныхъ мѣстностяхъ Нижняго Поволжья, а также въ Вятской, Пермской и Оренбургской губерніяхъ, стали появляться *тайные православные*. Это были тѣ, которые, безпристрастно разсуждая о розни между старообрядствомъ и господствующею церковью и видя въ своихъ общинахъ нескончаемые безпорядки и отсту-

*) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». Спб. 1860, т. II, стр. 374, 380—384, 387—392.

**) Покойный архіепископъ тобольскій Георгій требовалъ у генералъ-губернатора Западной Сибири, чтобы подобнаго рода браки старообрядцевъ именовались не браками, а «сводною случкой», или «сводною связью», или «сводимымъ союзомъ блуда», или «сводимымъ развратомъ». «Мнѣ кажется,—говорилъ преосвященный:—что этакое терпимое беззаконіе называть «сводимымъ бракомъ» оскорбительно для св. церкви, такъ какъ сводная-связь не другое что̀, какъ беззаконное сожительство блуднаго съ наложницей или содержанкой, что̀ хуже всякаго беззаконнаго брака, и, мнѣ кажется, противно этакую строптивую дерзость величать именемъ своднаго брака: кто ихъ вѣнчалъ бракомъ?» Святѣйшій синодъ, до свѣдѣнія котораго было доведено ходатайство тобольскаго преосвященнаго, оставилъ его безъ послѣдствій, съ присовокупленіемъ, что преосвященному не слѣдовало простирать требованія, не опредѣленнаго закономъ. «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». Спб. 1860, т. II, стр. 498—500.

***) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1856 года, № 29.

пленія отъ существеннѣйшихъ правилъ и уставовъ древляго благочестія, приходили къ заключенію, что церковь, управляемая мірскими людьми (старшинами и попечителями), съ ея бѣглыми попами и монахами, но безъ духовнаго святительскаго суда и безъ самихъ святителей, ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитаться спасительною, какъ отступившая отъ самыхъ главныхъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Они видѣли источникъ спасенія въ церкви православной, но по житейскимъ расчетамъ, по зависимости въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ отъ закоренѣлыхъ старообрядцевъ, не рѣшались открыто, гласно присоединиться къ господствующему исповѣданію. И стали они, для примиренія съ совѣстью, тайно прибѣгать къ православнымъ или единовѣрческимъ священникамъ для исправленія духовныхъ требъ, прося ихъ хранить въ тайнѣ принадлежность ихъ къ церкви. Церковь дѣлала имъ такое снисхожденіе, памятуя апостола Павла, который съ немощными былъ аки немощенъ. Въ числѣ тайныхъ православныхъ бывали даже настоятели и настоятельницы старообрядческихъ монастырей. Таковъ былъ, напримѣръ, Павелъ, послѣдній настоятель Іонинои обители Комаровскаго скита, что въ Черной-Рамени *). То же есть и теперь, но понятно, что называть ихъ по именамъ, оглашать ихъ тайну, пока они живы, не должно.

Таковы были послѣдствія „оскудѣнія священства" и поступковъ большей части бѣглыхъ поповъ. Эти послѣдствія весьма заботили главныя общины перемазанцевъ, а особенно Иргизъ, Рогожское и Покровскій монастырь въ Стародубьѣ. Общины эти пытались возстановленіемъ забытаго правила Аввакума протопопа о заочной исповѣди отвратить до нѣкоторой степени соблазнъ, происходившій вслѣдствіе появленія поповъ-самозванцевъ и дерзости нѣкоторыхъ монаховъ, исправлявшихъ требы безъ разрѣшенія и благословенія поповъ дѣйствительныхъ. Постановили: „ради тѣсноты обстоянія и великаго оскудѣнія древле-благочестиваго священства, заочно, на хартіи, исповѣдывать въ дальнихъ мѣстахъ обрѣтающихся христіанъ, соблюдающихъ истинную вѣру и древнія святоотеческія преданія". И на основаніи такого постановленія стали исповѣдывать *по почтѣ* или *съ оказіей*. Для совершенія такой исповѣди, находящійся вдали отъ попа старообрядецъ писалъ исповѣданіе грѣховъ своихъ на особомъ листкѣ и посылалъ его къ духовнику. Попъ, прочитавъ по „Требнику" послѣдованіе исповѣди и письменное покаяніе заочнаго духовнаго сына, разрѣшалъ его и, написавъ на присланномъ отъ него листкѣ: „*чадо, прощаетъ тя Христосъ невидимо и азъ, грѣшный іерей* NN", отсылалъ его тѣмъ же путемъ, какимъ и получилъ **). Такое возстановленіе правила

*) Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. О немъ было говорено въ началѣ настоящаго сочиненія.

**) Въ архивныхъ дѣлахъ немало находится такихъ исповѣдныхъ листовъ. Въ архивѣ нижегородскаго губернскаго правленія есть производи-

Аввакума Петровича не принесло однако существенной пользы, какъ ожидали того иргизскіе, рогожскіе и стародубскіе ревнители. Во-первыхъ, такая исповѣдь доступна была только грамотнымъ; во-вторыхъ, не всякій же старообрядецъ могъ послать свои грѣхи по почтѣ къ незнакомому попу.

Болѣе и болѣе чувствовалась настоятельная потребность выйти изъ того неустройства, въ какомъ находилось старообрядство. Подавались просьбы за просьбами то отъ одной, то отъ другой старообрядческой общины о дарованіи имъ права брать отъ православной церкви хорошихъ священниковъ, которые бы, находясь при часовняхъ и моленныхъ, были въ полной независимости отъ епархіальнаго начальства. При этомъ просители обязывались поповъ, которые по поступкамъ своимъ окажутся неблагонадежными, немедленно возвращать въ вѣдѣніе мѣстнаго архіерея для святительскаго суда надъ обвиненными. Въ этихъ просьбахъ всѣхъ настойчивѣе было общество московское *).

Всѣ просьбы старообрядцевъ оставляемы были безъ всякихъ послѣдствій.

Вотъ доводы, на основаніи которыхъ отказываемо было старообрядцамъ въ ихъ просьбахъ: „1) Раскольники при новомъ своемъ предложеніи не пріемлютъ наименованія „единовѣрцевъ“. Изъ сего ясно видно ихъ намѣреніе держаться попрежнему въ видѣ общества, отдѣльнаго отъ церкви, слѣдственно попрежнему враждовать противъ церкви и по возможности отторгать отъ нея православныхъ. Если въ семъ успѣвали они силою богатства и общественныхъ связей донынѣ, когда непризнаніе ихъ священниковъ правительствомъ болѣе или менѣе затрудняетъ ихъ и унижаетъ, то, безъ сомнѣнія, должно опасаться умноженія совращеній, когда ихъ священство получитъ видъ законности передъ гражданскою властью. 2) Шесть екатеринбургскихъ расколоводителей**) по какому-то случаю просятъ себѣ права выбирать священ-

---

вшееся въ 1848 году «Дѣло по жалобѣ крестьянина Арефья Иванова о притѣсненіяхъ, сдѣланныхъ ему семеновскимъ исправникомъ въ угоду Керженскому скиту». Въ немъ находится такой разрѣшительный листъ, подписанный рогожскимъ попомъ Иваномъ Матвѣевичемъ Ястребовымъ, и самое показаніе этого попа, какимъ образомъ производится у старообрядцевъ заочная исповѣдь. На основаніи этого показанія и разсказанъ мною обрядъ заочной исповѣди. Попъ Ястребовъ прибавилъ, будто, по разрѣшеніи грѣховъ, списокъ ихъ непремѣнно сожигается отъ лампады, горящей предъ образомъ. Но это несправедливо. Иначе какъ бы могли попасть въ архивныя дѣла собственноручныя его разрѣшенія на письменныхъ показаніяхъ?

*) Такія просьбы подаваемы были даже и по водвореніи старообрядческихъ архіереевъ въ Россіи. Послѣдняя просьба Рогожскихъ относится къ марту 1857 года.

**) Извѣстные уже намъ Якимъ Рязановъ, Владиміръ Казанцовъ, Иванъ Харитоновъ, Иванъ Полузадовъ, Титъ Зотовъ и Егоръ Китаевъ. Послѣ подписались еще 12 человѣкъ.

никовъ изъ всѣхъ россійскихъ епархій: право весьма обширное и безпримѣрное! Удивительна отважность, съ которою назначаютъ себѣ права шесть расколоводителей. 3) Когда раскольники выберутъ для себя священника и дьякона, то по ихъ требованію гражданскій начальникъ долженъ отнестись къ епархіальному архіерею о томъ только, чтобъ онъ доставилъ свѣдѣніе о ненахожденіи выбраннаго подъ судомъ и чтобъ исключилъ его изъ своего вѣдомства. Если такимъ образомъ раскольники будутъ брать у архіереевъ кого хотятъ, не заботясь о томъ, согласенъ ли онъ уволить его, это опять будетъ право безпримѣрное и съ благоустройствомъ управленія несовмѣстное. Для разстройства дисциплины въ какомъ бы то ни было управленіи, трудно выдумать средство столь дѣйствительное, какъ то, чтобъ открыть дорогу подчиненнымъ уходить изъ-подъ власти своего начальника, даже не просясь у него, и переходить туда, куда выгоднѣе, гдѣ больше воли, а меньше надзора и отчета. Сіе средство употребляютъ уже раскольники противъ дисциплины церковной, принимая бѣглыхъ поповъ, а теперь домогаются даже узаконить сіе средство. 4) Если предположить, что предлагаемыя раскольниками правила будутъ въ дѣйствіи, и что раскольники, на основаніи оныхъ, возьмутъ у епископа священника, чрезъ извѣстное начальство въ извѣстное мѣсто, то, по правиламъ церковнымъ, епископъ не долженъ остаться бездѣйствительнымъ зрителемъ сего случая. По 15 правилу апостольскому и по 3 Антіохійскаго собора, удалившагося изъ-подъ власти своего епископа священника епископъ долженъ требовать обратно, а въ случаѣ невозвращенія объявить лишеннымъ всякаго священническаго служенія и самаго сана. Если епископъ сего не исполнитъ, то поступитъ противно правиламъ церковнымъ, а если исполнитъ, то гражданское начальство будетъ въ противорѣчіи съ духовнымъ, признавая дѣйствительнымъ священникомъ и покровительствуя у раскольниковъ тому, котораго духовное начальство почитаетъ лишеннымъ сана. 5) Зависимость священниковъ у раскольниковъ отъ самихъ раскольниковъ и отъ свѣтскаго начальства и независимость отъ духовнаго — есть несообразность, за которою по необходимости должны слѣдовать другія несообразности. Кто, напримѣръ, будетъ смотрѣть, чтобы священники сіи не вѣнчали браковъ въ малолѣтствѣ, въ родствѣ, отъ живыхъ женъ или мужей, чтобы не хоронили убитыхъ безъ доведенія до свѣдѣнія полиціи? Свѣтскій начальникъ (начальникъ губерніи, горный начальникъ) лично сего сдѣлать не можетъ: итакъ, опредѣлитъ ли свѣтскій начальникъ благочинныхъ надъ раскольническими священниками? Или учредитъ раскольническія духовныя правленія? Такъ или иначе, но дѣло пойдетъ къ тому, что у раскольниковъ образоваться будетъ свое, особаго рода, смѣшанное съ свѣтскимъ, духовное управленіе, и раскольники, которые теперь суть только толпа, мало-по-малу организоваться будутъ въ отдѣльное, съ особыми формами, общество, чего они и домогаются и что не только навсегда отдѣ-

лить ихъ отъ церкви, но будетъ неблагопріятно и другого рода единству, потому что они стремятся къ формамъ демократическимъ *). 6) Требованіе раскольниками права отсылать отъ себя священника или дьякона, если онъ по какимъ-нибудь дѣйствіямъ окажется имъ ненужнымъ, есть не что̀ иное, какъ требованіе полномочія на самоуправство. Священникъ, подчиненный духовному начальству, за неправильныя дѣйствія судится, и если недоволенъ мѣстнымъ судомъ, можетъ перенести дѣло къ высшему начальству; раскольники же хотятъ имѣть право отрѣшить священника безъ суда, или сами судить его, и притомъ безъ апелляціи. Первое преступленіе, за которое симъ образомъ постраждетъ священникъ, безъ сомнѣнія, будетъ то, когда онъ покажетъ расположеніе къ сближенію съ православіемъ или откажется отъ такъ-называемой у раскольниковъ *исправы*, т.-е. отъ обряда принятія въ общество раскольниковъ, соединеннаго съ проклятіями на православную церковь. 7) Исправа сія должна быть принята здѣсь въ соображеніе. Если переходящій къ раскольникамъ священникъ откажется отъ нея, то не будетъ принятъ ими, а если допуститъ сдѣлать оную надъ собою, то сдѣлается отступникомъ отъ церкви. Благочестивое правительство, безъ сомнѣнія, не расположено узаконить распоряженіе, которое прямо вело бы священника къ отступничеству отъ церкви. Можетъ-быть, думаютъ, что раскольники, вѣроятно, согласятся не дѣлать исправы. Но если-бъ они расположены были согласиться не дѣлать исправы, или, что̀ то же, не осуждать православную церковь подъ именемъ еретиковъ-никоніанъ, то не было бы имъ причины не принять

*) Несправедливая мысль о стремленіи раскольниковъ (признающихъ никейскій символъ) къ демократизму происходила отъ одного лишь книжнаго изученія раскола и отъ недостатка личнаго знакомства съ старообрядцами. Эту мысль, составлявшую основную идею правительственныхъ дѣйствій прошедшаго царствованія, въ послѣднее время, когда правительственный взглядъ на расколъ уяснился и вслѣдствіе того послѣдовалъ рядъ узаконеній, облегчившихъ по мѣрѣ возможности стѣсненное положеніе раскольниковъ, раздѣляли нѣкоторые о̀рганы петербургской журналистики, также вслѣдствіе одного лишь книжнаго изученія и совершеннаго незнакомства съ старообрядцами и раскольниками. Лондонскіе *рефюжье*, также много начитанные, но мало знакомые съ дѣйствительностью русской народной жизни, разсчитывали даже на старообрядцевъ, какъ на сильный демократическо-революціонный элементъ. Были и въ Россіи люди того же убѣжденія; они слушать не хотѣли, когда ихъ увѣряли, что наши раскольники не имѣютъ политическаго будущаго и не только революціонерами, но и орудіемъ революціонной партіи никогда быть не могутъ. Надъ этимъ они смѣялись... Но вотъ началось польское возстаніе; лондонскіе «рефюжье» и поляки разсчитываютъ на содѣйствіе милліоновъ раскольниковъ, проникнутыхъ революціонно-демократическимъ духомъ, а они подаютъ всеподданнѣйшіе адресы, ловятъ мятежныхъ пановъ, вооружаются на защиту законной власти, составляютъ свои сотни, дерутся съ польскими мятежниками въ имперіи и въ Царствѣ, съ презрѣніемъ отвертываются отъ «Общаго вѣча», а въ Тамбовской губерніи хватаютъ распространителей подложныхъ манифестовъ. Каковы революціонеры! Каковы демократы!

наименованія единовѣрцевъ, а они сего не хотятъ. Доколѣ не соглашаются они называться единовѣрцами, дотолѣ даже обѣщаніе не дѣлать исправы, если-бъ они сдѣлали оное на словахъ, будетъ значить только намѣреніе сдѣлать оную тайно, за чѣмъ усмотрѣть начальству не можно. Слѣдственно просимое раскольниками распоряженіе прямо вело бы священниковъ къ искушенію поступить противъ священнической совѣсти. Можетъ ли на такомъ началѣ основаться какое-либо благо или польза? 8) Если дозволено будетъ раскольникамъ взятаго ими священника, почему-либо имъ неугоднаго, отсылать отъ себя, то что̀ должно будетъ дѣлать съ нимъ послѣ сего? Лишить его сана безъ духовнаго суда было бы противно общему законному порядку. Производить о немъ изслѣдованіе и судъ духовному начальству было бы неудобно, потому что поступки, подлежащіе суду, сдѣланы имъ у раскольниковъ, а раскольники не хотятъ допускать до себя никакого слова и дѣйствія духовнаго начальства. Что̀ же дѣлать? Если просто возвратить его въ православную епархію, — сіе было бы для епархіи и затруднительно, и вредно, и неблаговидно; ибо сіе значило бы дать волю раскольникамъ брать изъ епархіи, что̀ имъ нравится, а негодное для нихъ бросать обратно въ епархію, какъ въ мѣсто беззащитное и неуважаемое. 9) Если предлагаемыя нынѣ раскольниками правила о священникахъ сравнить съ извѣстными правилами 1822 года, то окажется, что они требуютъ не только того же, но и гораздо бо̀льшаго; ибо прежде отступающихъ отъ церкви въ расколъ брали они украдкою, а правительство какъ бы не замѣчало сего, а теперь они хотятъ тѣхъ же священниковъ брать открыто и формально и сему беззаконію священниковъ дать видъ законности. Прежде, по видамъ нужды, терпимы были у нихъ только священники, теперь они просятъ и дьяконовъ. 10) Прискорбно видѣть, какъ дерзновенно разсчитываютъ раскольники на непроницательность начальства. Они знаютъ, что цѣль правительства есть сближать ихъ съ православною іерархіей. Они сего не хотятъ, но надобно же сдѣлать видъ, будто они не совсѣмъ противъ сего. Для сего вставили они въ свои правила неискреннюю статью, что свѣтскій начальникъ можетъ дать духовному начальству свѣдѣніе о раскольническихъ метрикахъ и о священникахъ, къ нимъ поступающихъ и отъ нихъ выбывающихъ, и думаютъ, что обманутъ симъ признакомъ сближенія, тогда какъ они не уступаютъ духовному начальству ни суда, ни надзора надъ ихъ священниками, ни даже права призвать и спросить ихъ священника, о чемъ можетъ быть нужно по дѣламъ“ *).

Такимъ образомъ старообрядцы поповщинскаго согласія потеряли всякую надежду имѣть когда-либо дозволенныхъ, но независимыхъ отъ православныхъ архіереевъ священниковъ. Ни возстановленія указа

---

*) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1838 года, № 1. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб., 1858, стр. 280—285.

1803 г. о томъ, чтобы на бѣглыхъ поповъ смотрѣть какъ бы сквозь пальцы, ни возобновленія правилъ 26 марта 1822 года правительство не допускало и не могло допустить. Были толки о возвышеніи единовѣрія, о постановленіи единовѣрческаго обряда совершенно наравнѣ съ употребляемымъ нынѣ въ русскихъ православныхъ церквахъ, что это возможно лишь при дарованіи единовѣрцамъ особыхъ архіереевъ и при свободномъ переходѣ какъ отъ единовѣрія въ православіе, такъ и наоборотъ, но эти толки не имѣли никакого практическаго примѣненія.

При этомъ нельзя пройти молчаніемъ того, что съ 1827 года расколъ не только не ослабѣлъ, но значительно усилился, и число раскольниковъ чрезвычайно умножилось. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1827 году ихъ считалось 825.391, а въ 1837 году 1.003.816 *). Правда, эта цифра къ 1850 году казалась значительно уменьшившеюся (749.981) **); но когда вслѣдъ затѣмъ, для приведенія въ возможно-точную извѣстность статистическихъ данныхъ о расколѣ, произведены были (1852 — 1854) особыя спеціальныя изслѣдованія, то по семи губерніямъ ***) приведено въ извѣстность 1.059.742 раскольника. Во всей же Россіи оказалось ихъ приблизительно свыше 10 милліоновъ ****).

Положеніе старообрядцевъ, дѣлавшихся невольно безпоповцами, было весьма затруднительно, можно сказать, безвыходно. Затолковали прежде всего на Иргизѣ, въ кельяхъ Верхнепреображенскаго игумена Силуяна, о необходимости архіерейства. Этотъ Силуянъ съ казначеемъ своимъ

*) Н. В. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ». Томъ VIII, стр. 179 и 375.

**) Тамъ же, стр. 576.

***) Ярославской 278.117, Московской 186.000, Нижегородской 172.000, Оренбургской 145.000, Саратовской 125.000, Самарской 85.194 и Новгородской 68.131. См. «Статистическія таблицы Россійской имперіи, изданныя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ». Спб., 1863 года, стр. 235.

****) А. Б. фонъ-Бушенъ въ «Статистическихъ таблицахъ», о которыхъ сейчасъ было говорено, полагаетъ, что всѣхъ старообрядцевъ, раскольниковъ и еретиковъ въ Россіи до 8 милліоновъ, а вѣрнѣе, одна шестая всего православнаго населенія, что̀ составитъ 8.579.033. Онъ предполагаетъ: хлыстовъ и скопцовъ 110.000 (?), молоканъ и духоборцевъ 110.000 (?), поповщины 5.000.000, поморцевъ 2.000.000, ѳедосеевцевъ, филипповцевъ, бѣглецовъ и т. п. 1.000.000. Итого 8.220.000. Но въ исчисленіи этомъ опущена цѣлая отрасль сектъ, составляющихъ середину между поповщиной и безпоповщиной. Это — *Спасово согласіе*, которое особенно распространено въ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Оренбургской, Симбирской и Казанской губерніяхъ. Съ поморцами они мало имѣютъ общаго, и потому, конечно, г. фонъ-Бушенъ не считалъ ихъ во 2-мъ отдѣлѣ раскола по его дѣленію. Бо̀льшая часть ихъ въ православныхъ церквахъ крестятъ дѣтей и вѣнчаютъ браки. Такихъ болѣе двухъ милліоновъ, что̀ вмѣстѣ съ цифрою г. фонъ-Бушена и составитъ слишкомъ 10 милліоновъ.

Аванасіемъ, съ симбирскимъ купцомъ Платономъ Васильевичемъ Бандышевымъ и горбатовскимъ уроженцемъ Аванасіемъ Кузьмичомъ Кочуевымъ *), первые придумали то, о чемъ уже давно перестали думать старообрядцы. Имъ принадлежитъ инниціатива бѣлокриницкой іерархіи. На Рогожскомъ, въ Петербургской поповщинской общинѣ, въ Стародубьѣ, въ слободахъ Вѣтковскихъ, въ общинахъ и монастыряхъ Юго-Западнаго края иргизская мысль принята была съ полнымъ сочувствіемъ.

X.

Рогожское кладбище.

Учрежденіе заграничной старообрядческой іерархіи было по преимуществу московскимъ дѣломъ. Такъ-называемое Рогожское старообрядческое общество, то-есть московская поповщина, и начала и довершила это дѣло. Поэтому прежде разсказа о томъ, какъ зачиналась бѣлокриницкая митрополія, необходимо представить краткій очеркъ этого общества и Рогожскаго кладбища, составляющаго его средоточіе.

Рогожское кладбище имѣетъ свою исторію, богатую любопытными подробностями. Для составленія этой исторіи въ петербургскихъ и московскихъ архивахъ матеріаловъ достаточно. Они давно ожидаютъ изслѣдователя, который когда-нибудь въ подробной исторіи рогожцевъ выведетъ на свѣтъ Божій множество такихъ фактовъ, которые изумятъ незнакомыхъ съ ними доселѣ читателей. Поставивъ главною задачей настоящихъ очерковъ изложеніе дѣйствій старообрядцевъ по исканію архіерейства и по учрежденію своей особой іерархіи, мы не можемъ вдаваться въ эти подробности и ограничиваемся краткимъ очеркомъ Рогожскаго кладбища, основываясь на архивныхъ документахъ и другихъ достовѣрныхъ источникахъ. Въ этой главѣ, вслѣдъ за очеркомъ Рогожскаго общества, скажемъ о часовняхъ, богадѣльняхъ, женскихъ обителяхъ и другихъ учрежденіяхъ, существовавшихъ и отчасти до сихъ поръ существующихъ въ оградѣ Рогожскаго кладбища, скажемъ о замѣчательнѣйшихъ лицахъ рогожскаго духовенства за послѣднее время и наконецъ о моленныхъ въ Москвѣ и Московской губерніи, находившихся въ зависимости отъ Рогожскаго кладбища.

Московское старообрядческое общество многочисленно. Въ 1845 году всѣхъ вообще раскольниковъ въ Москвѣ и Московской губерніи оффиціально показывалось 73.484 обоего пола, но по частнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ вскорѣ послѣ того министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ спеціальною цѣлью опредѣлить дѣйствительную силу раскола,

*) Силуянъ, Бандышевъ и Кочуевъ умерли, первые двое на свободѣ, послѣдній въ Суздальскомъ монастырѣ. Аванасій — теперь (1867) старообрядческій епископъ саратовскій.

ихъ оказалось 186.000 *). Изъ этого около двухъ третей, то-есть 120 т., поповщины. Одна половина послѣдней цифры относится къ городу Москвѣ, другая—къ губерніи. Для показанія—какъ увеличивалась эта цифра, укажемъ на слѣдующій фактъ. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Москвѣ раскольниковъ поповщинскаго согласія считалось 20.000 **). По удостовѣренію покойнаго протоіерея Арсеньева, жившаго двадцать семь лѣтъ на Рогожскомъ кладбищѣ и бывшаго потомъ благочиннымъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей въ Черниговской епархіи, въ Москвѣ въ 1822 году прихожанъ Рогожскаго кладбища было не болѣе 35.000, но въ слѣдовавшіе затѣмъ три года расколъ до того усилился въ древней столицѣ, что въ 1825 году Рогожское кладбище насчитывало въ ней уже до 68.000 своихъ прихожанъ ***). Быстрое распространеніе раскола подъ самыми стѣнами Кремля, оказавшееся въ послѣдніе годы царствованія Александра I, вызвало главнѣйшимъ образомъ тѣ строгія правительственныя мѣры противъ раскола въ Москвѣ и во всей Россіи, которыя продолжались черезъ всѣ тридцать лѣтъ слѣдующаго царствованія. Отвѣтомъ поповщины на эти мѣры была созданная Москвой Бѣлая-Криница.

О многочисленности и силѣ московской поповщины можно заключить также изъ числа моленныхъ, до сего времени существующихъ въ старой столицѣ и въ ея губерніи. Теперь (1867) ихъ въ Москвѣ 15, а въ уѣздахъ 35 °). Но это лишь тѣ, которыя считаются дозволенными и значатся въ полицейскихъ спискахъ. Лѣтъ 40 тому назадъ ихъ было вдвое больше. И въ настоящее время число молитвенныхъ домовъ поповщинскаго толка въ Московской губерніи составляетъ около десятой доли моленныхъ этого согласія во всей Россіи, хотя число поповцевъ Московской губерніи и составляетъ лишь одну сороковую долю всѣхъ послѣдователей этого толка, живущихъ въ русскихъ предѣлахъ.

Не менѣе значительна московская поповщина и по богатству своихъ членовъ °°). Издавна къ ней принадлежали многіе богатые купцы. Древ-

---

*) «Статистическія таблицы Россійской имперіи», изданныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Спб. 1863 г., стр. 235.

**) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1854 г., № 79.

***) «Записка о Рогожскомъ кладбищѣ» протоіерея Арсеньева, находящаяся въ «Слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Аѳонія Кочуева и другихъ раскольниковъ», произведенномъ по высочайшему повелѣнію особою комиссіей въ 1854 и 1855 годахъ. Оно хранится въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ при дѣлѣ 7-го мая 1854 г. № 8—519. Это дѣло чрезвычайно замѣчательно по множеству подлинныхъ документовъ, собственноручныхъ писемъ и т. п., раскрывающихъ разныя тайности московскаго поповщинскаго раскола, особенно въ средѣ богачей Мы пользуемся этимъ дѣломъ.

°) «Списки населенныхъ мѣстностей Россійской имперіи», изд. центральнымъ статистическимъ комитетомъ, часть XXIV. Спб. 1862 г.

°°) Изъ находящагося у насъ подъ руками именного списка главнѣй-

няя слава первопрестольной русской столицы, въ стѣнахъ которой подвизались уважаемые старообрядцами святители, отъ Петра митрополита до патріарха Іосифа, слава царствующаго града, въ которомъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь сохранилось завѣтныхъ памятниковъ русской старины, постоянно тянула къ Москвѣ старообрядцевъ. Ни застѣнки Преображенскаго приказа, ни существовавшая до 1763 года въ Москвѣ „Раскольническая канцелярія", ни окупъ на заставахъ бороды деньгами, ни указное платье съ желтымъ козыремъ — не въ состояніи были удержать старообрядческаго люда отъ стремленія къ „московскому житію". Какъ русскихъ людей, неизмѣнно вѣрныхъ историческимъ преданіямъ родины, ихъ влекло въ Бѣлокаменную, а особенно тѣхъ, которые занимались торговлей и промышленностью. Уступивъ первенство Петровой столицѣ, старая Москва удержала за собой значеніе средоточія торговопромышленной дѣятельности русскаго народа. Торговые старообрядцы стремились къ этому средоточію, и здѣсь, по переносѣ центральной администраціи на берега Невы, житье имъ стало свободнѣе и льготнѣе, чѣмъ было въ XVII столѣтіи. Въ покинутой центральною администраціей столицѣ не было ни Іоакимовъ и Павловъ сарскихъ, ни дьяковъ въ родѣ Ларіона Иванова; зоркое око генерала Ушакова не могло ясно видѣть всего, что̀ дѣлалось за восемьсотъ верстъ на Таганкѣ и у Тверскихъ воротъ, а благодушные Салтыковы, получая грозныя бумаги изъ Петербурга, по возможности смягчали тѣ изъ нихъ, которыя относились до московскаго старообрядчества.

Въ прошломъ вѣкѣ, въ средѣ московскаго торговопромышленнаго сословія постоянно бывали старообрядцы, владѣвшіе значительными капиталами, фабриками, заводами и т. п. Но тогда ихъ было несравненно меньше, чѣмъ теперь. Старообрядцы прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія были люди стараго закала; патріархальные домовладыки, они жили подобно своимъ до-петровскимъ предкамъ и согласно образцу, преподанному нѣкогда попомъ Сильвестромъ въ знаменитомъ его „Домостроѣ". Старообрядцы были бережливы, расчетливы, осторожны въ торговыхъ предпріятіяхъ и не только не подчинялись, но даже враждебно относились къ модной роскоши. Потомки бояръ, окольничихъ и иныхъ думныхъ и служилыхъ людей старой Москвы проживали дѣдовскія наслѣдства и, легкомысленно относясь къ родовымъ памятникамъ семейной жизни предковъ, кидали ихъ за безцѣнокъ, чтобы на вырученныя деньги завести щегольскіе цуги, золотошвейные кафтаны и робы, французскіе парики, алансонскія кружева, рѣдкостныя табакерки и т. п. Раскольники съ охотой покупали у нихъ старинную домашнюю утварь, прадѣдовскія рукописи, которыя для русскихъ петиметровъ не имѣли

нихъ прихожанъ Рогожскаго кладбища за 1838 годъ видно, что изъ нихъ московскихъ 1 и 2 гильдіи купеческихъ семействъ было 138 и, кромѣ того, потомственные почетные граждане, коммерціи и мануфактуръ-совѣтники и т. п.

никакой цѣны, ибо не при нихъ были писаны. Особенно старались старообрядцы скупать древнія родовыя иконы, когда-то стоявшія въ „крестовыхъ“ горницахъ у наперсниковъ первыхъ четырехъ царей Романовыхъ, а теперь, какъ старый хламъ, убранныя въ кладовыя московскихъ и петербургскихъ петиметровъ, легкомысленно презиравшихъ родную старину. Эту древнюю боярскую святыню старообрядцы сохранили какъ зѣницу ока, какъ безцѣнное наслѣдіе той эпохи, предъ которою они безусловно благоговѣли. Сохраненіемъ древнихъ рукописей и памятниковъ старорусскаго искусства расколъ, а въ особенности московскіе раскольники оказали неоцѣнимую заслугу русской исторіи и археологіи. Безъ нихъ все бы безслѣдно погибло. За имѣніями движимыми стали переходить въ руки богатѣвшихъ съ каждымъ днемъ старообрядцевъ и недвижимыя имѣнія боярскихъ внуковъ и правнуковъ. Боярскія палаты обращались въ жилища купцовъ-раскольниковъ или превращались въ ихъ промышленныя и торговыя заведенія. Такъ шло донынѣ, когда наконецъ и самыя подмосковныя села старорусскихъ бояръ и вельможъ XVIII столѣтія, въ родѣ Кунцова, стали переходить въ руки старообрядцевъ. Расчетливые, бережливые и осторожные въ дѣлахъ своихъ, старообрядцы постепенно накапливали милліоны и, что̀ гораздо важнѣе, умѣли сохранять ихъ нерастраченными въ своихъ родахъ. Они не банкрутились вслѣдствіе рискованныхъ торговыхъ предпріятій; они не пускали сыновей своихъ въ государственную службу, и оттого дѣти и внуки ихъ не превращались изъ купцовъ, ворочавшихъ милліонами, въ промотавшихся дворянъ со вчерашнимъ гербомъ и съ дворянскимъ дипломомъ, пріобрѣтеннымъ посредствомъ прапорщичьяго чина. Милліонными придаными не покупали они дочерямъ своимъ титулы сіятельства и превосходительства. Постоянно съ чувствомъ презрѣнія относясь къ откупамъ, московскіе старообрядцы никогда въ нихъ не участвовали. Ведя такимъ образомъ свои дѣла, они не расточали, а постоянно собирали богатства, и ко времени французскаго разгрома въ Москвѣ было уже немало старообрядцевъ, владѣвшихъ милліонами. Оставаясь въ своемъ замкнутомъ кругу, они помогали во всемъ другъ другу, дѣла торговопромышленныя вели сообща и всячески поддерживали членовъ своей корпораціи, для которой сектаторство было и знаменемъ и личиной. Въ свой кругъ, недоступный для посторонняго богача, настежь отворяли они двери всякому бѣдняку, лишь бы онъ оставался неуклонно вѣрнымъ Рогожскому или Преображенскому знамени. Старообрядцы въ концѣ прошлаго, а особенно въ первыя тридцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія, завели множество фабрикъ въ самой Москвѣ и въ ея губерніи, особенно въ первомъ станѣ Богородскаго уѣзда, обыкновенно называемомъ Гуслицами. Одни крестьяне окрестныхъ деревень дѣлались рабочими на фабрикахъ, приказчиками, конторщиками и т. п., другіе стали работать въ своихъ домахъ по заказамъ фабрикантовъ. Караси и ткацкіе станки появились чуть не въ каждомъ домѣ, и прежніе бѣд-

няки-хлѣбопашцы и лѣсники вскорѣ обратились въ зажиточныхъ промышленниковъ. Богачи ихъ поддерживали, давая средства наживаться, богатѣть и самимъ дѣлаться фабрикантами и милліонерами. Такимъ образомъ росли и умножались богатства рогожцевъ, и въ то же время быстрымъ ходомъ шла впередъ около-московная промышленность. Но фабриканты-старообрядцы лишь тѣмъ изъ крестьянъ давали заработки, лишь тѣмъ помогали и доставляли возможность самимъ дѣлаться богачами, которые стояли съ ними подъ однимъ знаменемъ. Отсюда быстрое распространеніе раскола. Въ тѣ годы, въ которые фабричная около-московная промышленность дѣлала особенно большіе успѣхи, сильно распространялся и расколъ. Такимъ образомъ особенно быстро пошла фабричная промышленность послѣ тарифа въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Въ 1823, 1824 и 1825 годахъ открылось множество фабрикъ въ Москвѣ и около Москвы, особенно хлопчатобумажныхъ издѣлій. Въ эти же самые годы было и самое сильное развитіе московскаго раскола. Пропаганда его происходила не въ часовняхъ и кельяхъ Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ, а на фабрикахъ, заводахъ, въ лавкахъ и магазинахъ. Проповѣдь держали не за аналоемъ рогожскаго попа или преображенскаго наставника, но за карасемъ, за машиной. Проповѣдь раскола дѣйствовала не на сердце, не на умъ адептовъ, а на ихъ карманъ. Не упованіе на блаженство въ загробной жизни, а вѣрный расчетъ на житейскія блага міра сего давали Рогожскому кладбищу новыхъ прихожанъ. Въ этой сильной проповѣди ни единаго слова не произносилось о предметахъ религіозныхъ; рѣчь шла о жалованьи, о заработной платѣ, о ссудахъ, о прощеніи долговъ, о выкупѣ изъ крѣпостной зависимости, о покупкѣ рекрутскихъ квитанцій. Такая проповѣдь была ничѣмъ неотразима. Напрасно церковные пастыри, исполняя долгъ свой, говорили колебавшимся о высшей наградѣ тѣмъ, которые останутся вѣрными истинному православному ученію: земныя награды брали верхъ надъ чаяніемъ наградъ будущей жизни. Изъ одного слѣдственнаго дѣла по Московской губерніи, производившагося въ началѣ нынѣшняго столѣтія, видно, что одинъ небогатый крестьянинъ, до сѣдыхъ волосъ бывшій самымъ усерднымъ и благочестивымъ прихожаниномъ православной церкви, совратился въ расколъ при поступленіи въ услуженіе къ одному сильному богатствомъ и вліяніемъ московскому раскольнику. Священникъ, съ которымъ этотъ крестьянинъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, увѣщевалъ его остаться вѣрнымъ церкви, обѣщая воздаяніе въ небесной жизни будущаго вѣка.

— Батюшка, — отвѣчалъ ему крестьянинъ: — не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки.

Его осудили за совращеніе въ расколъ и богохульство, но осужденный съ семьей остались раскольниками, и сыновья осужденнаго изъ крестьянъ сдѣлались богатыми московскими купцами.

Развитіе около-московной фабричной промышленности принесло громадную пользу Россіи въ экономическомъ отношеніи, но по стеченію обстоятельствъ принесло въ то же время большой ущербъ православной церкви. Сто лѣтъ тому назадъ въ Гуслицахъ хотя и были раскольники, но не составляли и десятой доли общаго населенія; теперь тамъ почти сплошь раскольники. Какой же исходъ изъ столь печальнаго положенія? Единственный—народное образованіе. Пропаганда за станками отвлекла отъ православной церкви многочисленныхъ ея членовъ; пропаганда за школьными столами рано или поздно возвратитъ потомство отступившихъ въ нѣдра истинной церкви. Расколъ старообрядчества, что бы ни говорили писатели, знающіе его по наслышкѣ, а больше по собственному измышленію, есть порожденіе невѣжества, и больше ничего. Предъ свѣтомъ просвѣщенія ему не устоять. Но школы надо устраивать толково и вести дѣло толково, иначе и школы не помогутъ.

Представивъ краткій очеркъ возникновенія и умноженія богатствъ московскихъ раскольниковъ путемъ бережливости, расчетливости и взаимной помощи, путемъ весьма похвальнымъ, нельзя обойти молчаніемъ и другой стороны этого предмета. Поставивъ себѣ задачею безпристрастно излагать и свѣтлыя и темныя стороны дѣйствій какъ раскольниковъ, такъ и боровшихся съ ними послѣдователей господствующей церкви, мы обязаны указать еще на одинъ источникъ нѣкоторыхъ громадныхъ рогожскихъ богатствъ, основываясь на источникахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію.

Нѣсколько громадныхъ капиталовъ въ средѣ людей, стоящихъ теперь подъ рогожскимъ знаменемъ, возникло тотчасъ послѣ разгрома Москвы въ 1812 году. Нѣкоторые крестьяне села Вохны *) и Гуслицкой волости, бывшіе до 1812 года бѣдными крестьянами, черезъ четыре-пять лѣтъ ворочали милліонами, а впослѣдствіи сдѣлались первостатейными купцами и стали во главѣ Рогожскаго общества. Не упомянемъ именъ, хотя бы всѣ эти скороспѣлые богачи теперь уже и сошли въ могилу. Не важны въ нашемъ разсказѣ имена, а важенъ фактъ. А онъ вотъ въ чемъ состоялъ:

Наполеонъ I, какъ извѣстно, принесъ съ собой въ Москву фальшивыя русскія ассигнаціи, часть которыхъ и осталась у насъ въ обращеніи послѣ его бѣгства изъ Россіи. Гуслицы и Вохна издавна носятъ заслуженную ими репутацію по части дѣланія фальшивой монеты. Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича вохонскимъ мужикамъ заливали горло оловомъ за дѣланіе „воровскихъ денегъ“; въ XVIII столѣтіи немало гусляковъ досталось въ руки палачей за такую же фабрикацію. Изъ опубликованныхъ въ послѣдніе годы свѣдѣній извѣстно, что правительствомъ и въ настоящее время найдены въ этой мѣстности люди,

*) Нынѣ Павловскій посадъ, въ Богородскомъ уѣздѣ, на линіи Нижегородской желѣзной дороги.

занимавшіеся дѣдовскимъ ремесломъ. Распущенное французами небольшое, впрочемъ, количество русскихъ фальшивыхъ ассигнацій подало поводъ нѣкоторымъ гуслякамъ и вохонцамъ съ успѣхомъ заняться наслѣдственною работой. Благо было на кого свалить. Ассигнаціи же наши до 1818 года по формѣ своей были таковы, что поддѣлка ихъ не представляла какихъ-либо особенныхъ трудностей. Вотъ источникъ богатства нѣкоторыхъ рогожскихъ богачей. Кромѣ того, быстро разбогатѣли и сдѣлались владѣльцами милліоновъ нѣкоторые старообрядцы, бывшіе до 1812 года бѣдными московскими мѣщанами. По изгнаніи непріятеля изъ Москвы, когда не было ни таможенъ ни тарифа, контрабандисты ввозили въ Россію столько запрещеннаго товара, сколько могли; ввозили его свободно, безъ малѣйшаго опасенія. Нѣкоторые московскіе мѣщане-старообрядцы, познакомившись съ контрабандистами, получали отъ нихъ въ 1813 году товары и развозили ихъ по домамъ собиравшихся въ Москву на свои пепелища помѣщиковъ и купцовъ. Быстрая распродажа прекрасно отдѣланныхъ и сравнительно дешевыхъ товаровъ пріобрѣла этимъ мѣщанамъ довѣріе заграничныхъ контрабандистовъ до такой степени, что одному изъ нихъ они ввѣрили цѣлый обозъ товаровъ. Благочестивый прихожанинъ Рогожскаго кладбища разсудилъ, что совершенно излишне давать богоубійцамъ-жидамъ и всякой нѣмецкой нехристи средства наживать деньги, и воспользовался всѣмъ басурманскимъ обозомъ. Хозяева стали у него требовать расчета, но ловкій мѣщанинъ отвѣчалъ: „Буде имѣете законныя доказательства на принадлежность вамъ товара, ищите законнымъ порядкомъ“. Иска, разумѣется, не было, и старообрядецъ пріобрѣлъ разомъ около милліона. Вскорѣ онъ, до 1812 года отъ бѣдности бившійся какъ рыба объ ледъ, имѣлъ десять милліоновъ ассигнаціями, посессіонную суконную фабрику, большой домъ въ Москвѣ, въ которомъ, какъ говорится, была „полная чаша“.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ другое обстоятельство послужило источникомъ богатства для нѣкоторыхъ членовъ Рогожскаго общества. Разумѣемъ голодные годы. Закупивъ во-время муку по 80 к. асс., они въ дорогую пору продали ее по 3 р. 80 к. и нажили громадныя деньги. Конечно, своимъ единовѣрцамъ продавали они по цѣнѣ уменьшенной и тѣмъ пріобрѣли въ ихъ средѣ большое значеніе. Часть закупленнаго хлѣба, но часть весьма небольшую, пустили они и на вольную продажу по уменьшеннымъ цѣнамъ, за что и удостоились почетныхъ отличій.

Нѣсколько страннымъ, быть-можетъ, покажется читателю, что, говоря о сильныхъ и вліятельныхъ по богатству своему милліонерахъ Рогожскаго общества, мы вдругъ перейдемъ къ содержателямъ постоялыхъ дворовъ и ямщикамъ. Но эти люди въ свое время играли весьма важную роль въ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи, и обойти ихъ молчаніемъ нельзя. На ямщикахъ и содержателяхъ постоялыхъ дворовъ были основаны важнѣйшія спекуляціи особаго рода пріобрѣтателей богатствъ

послѣ 1812 года. У однихъ они были переводчиками фальшивыхъ ассигнацій, для другихъ привозили и скрывали контрабанду. И то и другое послужило основаніемъ богатства рогожскихъ ямщиковъ и содержателей постоялыхъ дворовъ—не нынѣшнихъ постоялыхъ дворовъ безъ постоя, но съ распивочною водкой, а настоящихъ, находившихся въ Рогожской, а также въ Тверской и Прѣсненской частяхъ города Москвы. Ямщики и содержатели постоялыхъ дворовъ въ сектаторскомъ отношеніи потому еще имѣли значеніе, что посредствомъ ихъ развозились по мѣстамъ и у нихъ укрывались бѣглые попы и другія лица, состоявшія подъ преслѣдованіемъ правительства, посредствомъ ихъ производились сношенія московскаго старообрядческаго общества съ иногородными, разсылка рогожскихъ агентовъ, большею частью монаховъ, по разнымъ мѣстамъ Россіи для сохраненія непрерывныхъ связей и сношеній между главными пунктами старообрядчества, для наблюденія за духомъ народа и для передачи, обсужденія и истолкованія въ рогожскомъ смыслѣ каждаго новаго правительственнаго распоряженія. Въ подтвержденіе важности въ Рогожскомъ обществѣ ямщиковъ и содержателей постоялыхъ дворовъ, можно привести сверхъ сказаннаго и то, что первый старообрядческій архіерей, водворившійся въ предѣлахъ Россіи, вышелъ изъ ихъ среды. Эта среда была несравненно дѣятельнѣе въ достиженіи сектаторскихъ цѣлей, а въ томъ числѣ и въ учрежденіи бѣлокриницкой митрополіи, чѣмъ самая среда московскихъ и петербургскихъ богачей. Богачи только развязывали туго набитые кошели, но дѣятельное участіе принимали въ этомъ дѣлѣ гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Ихъ общественное положеніе, ихъ довольство въ жизни и стремленіе къ почестямъ и отличіямъ, до которыхъ они всегда были падки,—словомъ, опасеніе скомпрометировать свое имя передъ правительствомъ удерживало милліонеровъ отъ прямого и непосредственнаго участія въ сектаторскихъ дѣлахъ; ямщики же, содержатели постоялыхъ дворовъ и тому подобные люди, не мечтавшіе о медаляхъ и почетномъ гражданствѣ, а потому не очень боявшіеся скомпрометировать свое неважное имя, работали насколько хватало силъ и умѣнья, не оглядываясь ни назадъ ни по сторонамъ. Располагая денежными средствами, щедро отпускаемыми изъ сундуковъ рогожскихъ милліонеровъ, они были настоящими дѣятелями по учрежденію заграничной митрополіи.

Связи рогожскихъ капиталистовъ, большихъ и малыхъ, основаны были на узахъ секты, которую они поддерживали для большаго обогащенія. Такъ, напримѣръ, московскимъ хлѣбнымъ торговцамъ нужны были вѣрные агенты для выгодной закупки хлѣба въ плодородныхъ губерніяхъ, и они такихъ имѣли въ Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Саратовской губерніяхъ, въ средѣ тамошнихъ старообрядческихъ общинъ. Посредствомъ ихъ они постоянно получали точныя свѣдѣнія не только о цѣнахъ на хлѣбъ, но и о томъ, какъ растетъ хлѣбъ, каковы надежды поселянъ на урожаи,

каковы запасы помѣщиковъ и проч. Рыбные торговцы имѣли вѣрныхъ людей изъ своихъ единовѣрцевъ — на Дону, на Уралѣ и на низовьяхъ Волги. Они доставляли въ Москву скорыя и вѣрныя свѣдѣнія объ уловѣ рыбы, о цѣнѣ на нее, о количествѣ забранной изъ казенныхъ запасовъ соли, о добычѣ икры, вязиги, клею и другихъ рыбныхъ товаровъ, о фрахтахъ перевозки, о количествѣ порожнихъ судовъ и т. п. Торговцы скотомъ, посредствомъ своихъ единовѣрцевъ съ Дона, изъ екатеринославскихъ степей, изъ губерній Самарской и Оренбургской, получали вѣрныя свѣдѣнія обо всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до ихъ торговли. Губерніи Ярославская, Владимірская, Тверская, Костромская, Вологодская, доставляющія въ Москву съѣстные припасы, отчасти находились въ рукахъ рогожскихъ, и притомъ не только капиталистовъ, но и содержателей постоялыхъ дворовъ. На все рогожскій старообрядческо-торговый союзъ устанавливалъ цѣны не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, по мѣрѣ зависимости ихъ отъ Москвы въ торговомъ отношеніи. Ходебщики, или офени, Владимірской губерніи зависѣли также отъ московскаго старообрядческаго общества: на ярмаркахъ Нижегородской, Коренной и другихъ великороссійскихъ и при развозѣ товаровъ по всѣмъ закоулкамъ Россіи, на всемъ ея пространствѣ до отдаленныхъ мѣстъ Сибири, даже въ Бухарѣ и Хивѣ, они повышали или понижали цѣны на русскія издѣлія сообразно расчетамъ рогожскихъ тузовъ, по ихъ волѣ, которая для нихъ была непререкаема. Такъ дѣйствовалъ никогда не регламентированный, но самъ собою сложившійся и досёлѣ подъ знаменемъ Рогожскаго кладбища процвѣтающій торгово-промышленный союзъ. Другой такой же союзъ, но менѣе сильный, хотя, быть-можетъ, не менѣе богатый, образовался подъ знаменемъ преображенскимъ *).

Еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія московская поповщина имѣла общественныя моленныя, устроенныя въ домахъ богатыхъ людей, и, кромѣ того, два особыя кладбища: одно близъ Донского монастыря, другое за Тверскими воротами **). При каждомъ изъ нихъ были устроены

*) Все сказанное основано на множествѣ торгово-сектаторскихъ писемъ, находящихся при разныхъ дѣлахъ и слѣдственныхъ производствахъ въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, московскаго военнаго губернатора и нѣкоторыхъ провинціальныхъ.

**) На Рогожскомъ кладбищѣ, на такъ-называемой «моровой могилѣ», въ которую зарываемы были чумные, находится памятникъ съ слѣдующею надписью: «Мѣсто сіе отведено для погребенія усопшихъ старовѣровъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7279, вмѣсто таковыхъ, до сего бывшихъ двухъ кладбищъ, единаго у Донскаго монастыря, а другого за Тверскими воротами». На другомъ памятникѣ написано о погребеніи *перваго* чумного (Матвѣй Васил. Суминъ) 11-го сентября 1771 года. Слѣдовательно Рогожское кладбище началось ранѣе Преображенскаго безпоповщинскаго, ибо приказъ объ отводѣ послѣдняго данъ изъ правительствующаго сената 15-го сентября 1771 г. («Сборникъ изъ исторіи старообрядчества», Н. Попова, I—78).

часовни и отдѣльные дома, въ которыхъ жили бѣглые отъ православной церкви попы и вышедшіе изъ старообрядческаго общества уставщики и дьячки. Во время чумы 1771 года московской поповщинѣ было отведено мѣсто за Покровской заставой, на землѣ, принадлежавшей деревнѣ Новоандроновкѣ, населенной старообрядцами же. Здѣсь московскіе старообрядцы устроили знаменитое *Рогожское кладбище* *).

Рогожское кладбище находится въ Москвѣ, за Камеръ-коллежскимъ валомъ, подлѣ Рязанскаго шоссе, неподалеку отъ временной московской станціи Нижегородской желѣзной дороги. Оно занимаетъ площадь пространствомъ больше чѣмъ въ 22 десятины и обнесено высокою, бревенчатою, уже почернѣвшею отъ времени стѣной, съ одними воротами, обращенными къ городу, кромѣ существовавшихъ, а можетъ-быть, и донынѣ существующихъ тайниковъ, для прохода къ Рязанскому шоссе и

*) О правахъ Рогожскаго общества на занимаемую его кладбищемъ землю производилось въ 1835 году дѣло, находящееся въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора (3 декабря 1835 г., № 68 — 31). Попечители кладбища, на запросъ о документахъ, отвѣчали такъ: «во время моровой комиссіи (1771 г.), по распоряженію правительства, для устроенія ихъ старообрядческаго кладбища отведено было мѣсто за Рогожской заставой; документъ же сей во время нашествія непріятеля въ 1812 году утраченъ, а журналъ онаго, полагать надобно, долженъ находиться при дѣлахъ оной коммиссіи». Попечители при этомъ представили два рескрипта императора Александра I, одинъ начальнику московской столицы графу Салтыкову, а другой—вятскому губернатору, тайному совѣтнику Руничу, по представленію котораго состоялись эти рескрипты. Вотъ оба документа:

1) Графъ Иванъ Петровичъ! Узнавъ, что прихожанамъ новоустроенной церкви во имя Введенія Пресвятыя Богородицы, что за Салтыковымъ мостомъ, отведено кладбище близъ старообрядческаго Рогожскаго противъ воли старообрядцевъ и съ отнятіемъ у казенныхъ крестьянъ деревни Новоандроновки хлѣбопашенной ихъ земли, я нахожу нужнымъ примѣтить, что земскій судъ, учинившій сей отводъ, неправильно поступилъ, не снесясь въ ономъ съ духовнымъ правительствомъ, по распоряженію коего прихожанамъ Введенскія церкви предоставлено было уже имѣть погребеніе мертвыхъ въ Покровскомъ монастырѣ или на мірскомъ кладбищѣ. Посему и поручаю вамъ, сходственно мнѣнію преосвященнаго митрополита Платона, основанному на взаимныхъ отношеніяхъ старообрядцевъ къ симъ введенскимъ прихожанамъ и на устроенія церковной тишины и спокойствія, землю, имъ отведенную отъ деревни Новоандроновки, возвратить въ прежнее ея владѣніе, а прихожанамъ симъ объявить, чтобъ они слѣдовали рѣшенію, данному на ихъ провшеніе отъ митрополита. Въ прочемъ пребываю къ вамъ благосклонный. *Александръ*. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 17-го дня 1802 года. Сію копію засвидѣтельствовалъ тайный совѣтникъ, вятскій гражданскій губернаторъ Павелъ Руничъ.

2) Господинъ тайный совѣтникъ Руничъ! Внявъ представленію вашему о кладбищѣ, отведенномъ въ Москвѣ въ смежности съ старовѣрческимъ Рогожскимъ кладбищемъ, каковъ данъ мною указъ московскому военному губернатору, генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову, съ онаго для свѣдѣнія вашего прилагаю при семъ списокъ, пребывая въ прочемъ къ вамъ благосклонный. *Александръ*. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 17-го дня 1802 года.

Введенская церковь, о которой упоминается въ первомъ рескриптѣ, есть единовѣрческая.

къ деревнѣ Новоандроновкѣ. Въ этой оградѣ построенъ цѣлый городокъ, населеніе котораго въ былое время превышало населеніе нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ городовъ. Оно постепенно возрастало: въ 1823 году составляя лишь 990 человѣкъ, въ 1845 году достигло до 1.588. Но здѣсь сосчитаны еще не всѣ рогожскіе жители, а только одни такъ-называемые „лицевые", то-есть показываемые въ ежегодныхъ вѣдомостяхъ, подаваемыхъ кладбищенскою конторой московской полиціи. Кромѣ „лицевыхъ" немало бывало „не лицевыхъ", „подпольныхъ", то-есть такихъ, о которыхъ неудобно было доносить полиціи: безпаспортныхъ, бѣглыхъ, пришлыхъ изъ разныхъ мѣстъ монаховъ и монахинь и т. п. Сверхъ того, на кладбищѣ всегда проживало много народа посторонняго. Это были временные жители: пріѣзжавшіе для совершенія требъ, друзья и родственники постоянныхъ кладбищенскихъ жителей, гостившіе у нихъ по цѣлымъ годамъ, и проч. т. п.

При учрежденіи Рогожскаго кладбища въ 1771 году, была построена небольшая деревянная часовня. Черезъ пять лѣтъ она была замѣнена обширною каменною во имя Николая Чудотворца *). Въ 1790 году рядомъ съ нею была построена огромная холодная часовня Покрова Пресвятыя Богородицы, едва ли не самая обширная изъ всѣхъ московскихъ церквей, за исключеніемъ развѣ соборовъ. Въ 1804 году кладбищенскій попечитель Шевяковъ исходатайствовалъ у тогдашняго начальника московской столицы, Беклешова, дозволеніе построить третью часовню. Эта обширная зимняя каменная часовня, во имя Рождества Христова, находится на югъ отъ главной, Покровской: построена она по плану архитектора Жукова **). На одной изъ внутреннихъ стѣнъ Рождественской часовни находится надпись, гласящая, что въ 1812 году, во время опустошенія Москвы непріятелемъ, рогожскія часовни, по особенному Божью къ мѣсту сему покровительству, не пострадали и не потеряли ничего изъ находящагося въ нихъ. Въ этой часовнѣ собирались большіе рогожскіе соборы, то-есть тѣ, въ которыхъ принимали участіе и рогожское духовенство и депутаты иногороднихъ старообрядческихъ обществъ, и разсуждали о дѣлахъ, касающихся не одной Москвы, но вообще всего русскаго старообрядчества. Часовни были украшены великолѣпно. Иконы превосходнаго древняго письма — рублевскія, строгоновскія и др., въ богатыхъ сребропозлащенныхъ ризахъ съ драгоцѣн-

*) Въ 1854 году она обращена въ единовѣрческую церковь.

**) Билетъ, выданный московскою управой благочинія попечителю Рогожскаго кладбища, купцу Ильѣ Фокину Шевякову, 21-го декабря 1804 г., № 1.070, на постройку каменной зимней часовни, длиною на 22 сажени, а шириною на 11 саженъ, и жилого строенія (подъ богадѣльню) на 22 сажени длиною и 10 аршинъ шириною,—находится въ «дѣлѣ о правахъ Рогожскаго старообрядческаго богадѣленнаго дома пріобрѣтать въ собственность движимое и недвижимое имущество и о духовномъ завѣщаніи Вощанкина», 3-го декабря 1835 года, № 34, въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора.

ными камнями и жемчугомъ, серебряныя паникадила и подсвѣчники съ пудовыми свѣчами, богатыя плащаницы, золоченые иконостасы, великолѣпная утварь—все свидѣтельствовало какъ объ усердіи, такъ и о богатствѣ рогожскихъ прихожанъ.

Хотя часовни были устроены съ алтарями и престолами, но ни одна изъ нихъ никогда не была освящена. Потому и литургіи въ нихъ не совершалось. Богослуженіе ограничивалось вечернями, всенощными, часами. Кромѣ того въ часовняхъ совершались вѣнчанія свадебъ, исповѣдь, причащеніе, крещеніе младенцевъ, а иногда и взрослыхъ, отпѣваніе умершихъ; въ нихъ же попы служили молебны, панихиды и проч.

Свадебъ вѣнчалось много, особенно въ мясоѣдъ передъ масленицей. Вѣнчаться пріѣзжали на Рогожское кладбище не только жившіе въ Москвѣ старообрядцы, но и жители уѣздовъ Московской губерніи. Во множествѣ пріѣзжали и изъ другихъ губерній, иногда самыхъ отдаленныхъ. Когда поповъ было на кладбищѣ много, въ иные дни въ каждой часовнѣ вѣнчали по нѣскольку свадебъ, одну за другою, а при „оскудѣніи священства“ стали даже вѣнчать по десяти свадебъ заразъ, „гуськомъ“, какъ говорилось. Въ двухъ часовняхъ два попа послѣдняго времени въ одинъ разъ вѣнчали по двадцати свадебъ. Для этого и устроено было двадцать паръ совершенно одинаковыхъ бронзовыхъ вѣнцовъ, хранившихся въ Рождественской часовнѣ *).

Исповѣдывали попы каждый своихъ прихожанъ въ часовняхъ, а иногда и у себя на дому. Для записыванія исповѣдниковъ велись на кладбищѣ въ конторѣ особыя метрическія книги, но въ нихъ, судя по бывшей у насъ подъ руками книгѣ за 1841 годъ, вносились далеко не всѣ исповѣдники **). Едва ли и десятая доля исповѣдниковъ записывалась, тѣмъ болѣе, что иные закоренѣлые раскольники изъ простого народа и фанатическіе жители кладбища смотрѣли на записку какъ на

*) «Опись вещей на Рогожскомъ кладбищѣ», составленная въ 1854 г., въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1854 г., № 79. Для вѣнчанія богатыхъ свадебъ были вѣнцы серебряные вызолоченные съ бриллiантами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Относительно вѣнчанія свадебъ, на Рогожскомъ соборѣ 16-го февраля 1823 г. было постановлено: «браковъ на всѣ вселенскія субботы не вѣнчать». Въ другомъ постановленіи (безъ означенія года, но, вѣроятно, того же 1823 г.): «чинъ второго брака неупустительно стараться исполнять». Подлинныя постановленія за подписью поповъ и попечителей въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 7-го мая 1853 года, № 519.

**) Въ 1841 году было четыре попа. Изъ нихъ у старшаго, Ивана Матвѣевича Ястребова, записано исповѣдниковъ 413 мужчинъ и 509 женщинъ, у Александра Ивановича Арсеньева — 505 мужчинъ и 935 женщинъ, у Петра Ермиловича Русанова — 135 мужчинъ и 196 женщинъ, у Ивана Максимова — 167 мужчинъ и 168 женщинъ, всего только 1.220 мужчинъ, 1.808 женщинъ, 3.028 обоего пола. Здѣсь, кромѣ московскихъ жителей, записаны нѣкоторые крестьяне и даже раскольники изъ другихъ губерній.

дѣло грѣховное, установленное не церковью, а свѣтскимъ правительствомъ *).

Причащали запасными дарами послѣ часовъ, въ часовнѣ. Для этого четверо священниковъ съ потирами въ рукахъ выходили изъ алтаря въ ризахъ и становились по двое у праваго и лѣваго клиросовъ, двое на самихъ клиросахъ и двое позади ихъ — въ сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ алтаря. Каждый пріобщалъ своихъ духовныхъ дѣтей.

Младенцевъ крестили непремѣнно въ часовняхъ. Чтобы судить о числѣ привозимыхъ для крещенія дѣтей изъ Московской и сосѣднихъ съ нею губерній, достаточно сказать, что въ Рождественской часовнѣ находилось 46 купелей. Совершались иногда крещенія и взрослыхъ: если, напримѣръ, въ рогожское согласіе кто-либо переходилъ изъ безпоповщинской секты, въ младенчествѣ не крещенный къ православной церкви. Православныхъ принимали вторымъ чиномъ, то-есть посредствомъ миропомазанія и проклятія ересей, что совершалось, разумѣется, всегда въ тайнѣ.

Умершихъ отпѣвали преимущественно въ Никольской часовнѣ. Тамъ же пѣлись и заочныя погребенія. За неимѣніемъ священниковъ, старообрядцы въ разныхъ городахъ и селеніяхъ хоронили своихъ мертвыхъ, отпѣвъ надъ гробомъ лишь „канонъ за единоумершаго", и потомъ пересылали деньги въ Москву по почтѣ или съ „оказіей" и заказывали на Рогожскомъ кладбищѣ кому-либо изъ тамошнихъ поповъ отслужить „погребеніе" заочно. Случалось, и нерѣдко, что такимъ образомъ отпѣвали покойника черезъ полгода и болѣе послѣ преданія его землѣ.

Молебны служились больше въ Рождественской часовнѣ, а въ лѣтнее время въ большой, Покровской. Въ большіе праздники, въ царскіе дни и „викторные" служились „молебны соборные", то-есть всѣми попами, находившимися на кладбищѣ **).

---

*) Изъ сличенія исповѣдной книги съ именнымъ спискомъ жителей самаго кладбища видно, что изъ нихъ лишь нѣсколько десятковъ записаны бывшими на исповѣди. За границей, въ Австріи и Молдавіи, старообрядцы также долго оспаривали у правительства возлагаемую на нихъ обязанность вести метрическія книги. Въ 1863 г. молдавскіе раскольники жаловались даже великому визирю на князя Кузу за то, что онъ приказалъ имъ вести метрическія книги, называя такое дѣйствіе князя стѣсненіемъ ихъ вѣры.

**) Молебны въ царскіе дни и въ «викторные» (то-есть въ дни воспоминанія побѣдъ), благодарные молебны служились неупустительно. По 4-й статьѣ «Постановленія Рогожскаго собора» 1823 г. (подлинникъ его висѣлъ на стѣнѣ въ часовнѣ, теперь находится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ» 7-го мая 1853 г., № 519) сказано: священники и дьяконы въ соборныхъ служеніяхъ, какъ-то: господскіе праздники, крестные ходы, *царскіе дни*.... имѣютъ обязанность быть всѣ за общимъ молитвословіемъ непремѣнно». Въ первой статьѣ «Рогожскаго постановленія о церковномъ благочиніи» (подлинникъ тамъ же): «А въ викторные, въ нихъ же токмо поются благодарные молебны, то въ оные какъ погребенія, такъ и панихидъ не пѣть только до молебна, а послѣ онаго совершать, ибо по апостолу (?): *воздавая Божія Богови, и кесарева кесареви*».

Крестные ходы—6-го января, въ день Преполовенія и 1-го августа для освященія воды, а также въ заутрени Великой Субботы и Пасхи и въ нѣкоторые другіе праздники, вокругъ часовенъ, въ то время, какъ было еще много на кладбищѣ поповъ, совершались съ большою торжественностью. Весь путь устилаемъ былъ зеленымъ сукномъ и коврами. „Впереди шли съ хоругвями избранные носильщики, всѣ въ кафтанахъ стараго покроя, — говоритъ въ своихъ „Запискахъ" покойный В. А. Сапѣльинъ, водворитель единовѣрія на Рогожскомъ кладбищѣ:— за ними слѣдовали такіе же избранные прихожане съ иконами, потомъ священники въ дорогихъ ризахъ, и все это чинно, въ строгомъ порядкѣ. Зрѣлище до глубины сердца умилявшее истаго старообрядца!" *) Для освященія воды, на востокъ отъ часовенъ, саженяхъ въ сорока отъ нихъ, нарочно выкопанъ прудъ (60 саженъ длины, 15 ширины) съ обдѣланнымъ протокомъ воды, выведеннымъ на югъ къ Рязанскому шоссе. На пруду устроена деревянная іордань, въ которой попы святили воду три раза въ годъ, какъ установлено церковнымъ чиноположеніемъ.

Для совершенія службъ и требъ, рогожскіе старообрядцы постоянно имѣли на кладбищѣ достаточное количество поповъ, бѣглыхъ отъ православной церкви. Въ 1822 году, когда послѣдовали извѣстныя правила о бѣглыхъ попахъ, рогожцы заявили правительству о двѣнадцати священникахъ и четырехъ дьяконахъ, у нихъ находящихся **). Всѣ они большею частью были старики, изъ нихъ до 1827 года два попа обратились въ православіе, а пять поповъ и два дьякона умерли. Когда послѣдовалъ воспретительный указъ вновь принимать поповъ и вовсе не принимать дьяконовъ (1827 г.), первыхъ на Рогожскомъ кладбищѣ оставалось пятеро, послѣднихъ двое. Хотя съ 1823 по 1825 годъ число прихожанъ Рогожскаго кладбища, по свидѣтельству протоіерея Арсеньева, удвоилось, однако рогожскіе старшины не позаботились о привлеченіи на свое кладбище новыхъ бѣглыхъ поповъ, хотя въ то время ходатайство ихъ и не было бы отринуто. Увеличенію штата рогожскаго духовенства всего больше противились сами попы. Алчность рогожскихъ священнослужителей къ стяжаніямъ была неимовѣрна. Когда ихъ было много, были они помоложе и еще не такъ богаты, какъ впослѣдствіи, то столь усердны были они къ доходной для кармана ихъ службѣ, что даже *перехватывали* другъ у друга требы. Для этого становились они на паперти или въ самой часовнѣ и отбивали другъ у

*) «Записки В. А. Сапѣлкина». «Русскій Вѣстникъ» 1864 года, № 11, стр. 190 и 191.

**) Попы: 1) Иванъ Ефимовъ, бѣжавшій отъ церкви еще въ прошломъ столѣтіи. 2) Иванъ Матвѣевъ. 3) Тимоѳей Алексѣевъ. 4) Петръ Алексѣевъ, 5) Іоакимъ Петровъ. 6) Ефимъ Ѳедоровъ, 7) Петръ Никифоровъ, 8) Александръ Ивановичъ Арсеньевъ, 9) Петръ Ермиловичъ Русановъ, 10) Иванъ Максимовъ, 11) Иванъ Михайловъ, 12) Василій Михайловъ. Дьяконы: 1) Алексѣй Ивановъ. 2) Никифоръ Григорьевъ, 3) Евдокимъ Никитинъ и 4) Иванъ Семеновъ.

друга желающихъ отслужить молебенъ, панихиду и т. п. Даже отправляя службу, въ то время, когда происходило пѣніе или чтеніе, рогожскіе пастыри оставляли мѣста свои и въ ризахъ перебѣгали изъ одной часовни въ другую, подобно гостинодворскимъ мальчишкамъ, зазывая къ себѣ исполнить какую-либо требу. Мало того, они совершали по двѣ требы заразъ, чтобы такимъ образомъ побольше добыть денегъ. Молебны служили, какъ говорилось, „на курьерскихъ". Правда, по заказамъ богатыхъ и именитыхъ прихожанъ, попы служили чинно и благоговѣйно, зато бѣднякамъ съ возмутительнымъ цинизмомъ говорили: „За твой гривенникъ я тебѣ и „Господи помилуй" не скажу: хочешь молиться, такъ сложись съ другими, чтобы было изъ чего мнѣ служить". Что касается до дьяконовъ, то они, во время служенія молебновъ, панихидъ и погребеній разными попами въ разныхъ часовняхъ, перебѣгали отъ одного къ другому; въ одной часовнѣ прочтетъ ектенію и побѣжитъ, подобравъ полы стихаря, въ другую провозгласитъ: „вонмемъ!"—чтобъ и тамъ и тутъ получить дьяконскую свою долю.

Такая торговля святыней вызвала сильный ропотъ прихожанъ, и въ 1823 году по этому случаю былъ на Рогожскомъ кладбищѣ соборъ, на которомъ попы, дьяконы и попечители составили „Постановленіе о благочиніи церковномъ", подписали его и повѣсили на Рождественской часовнѣ. „Постановленіе" это начинается словами: „Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ!". Подлинникъ этого „Постановленія" теперь, какъ уже было упомянуто, хранится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вотъ нѣкоторыя статьи этого „Постановленія", доказывающія дѣйствительность разсказанныхъ сейчасъ безобразій, творимыхъ „мздою ослѣпленными", по выраженію раскольника Нила Тимоѳеевича, рогожскими попами во время отправленія ими требъ:

„*Статья 2.* Священники и служащіе при нихъ ни подъ какимъ видомъ не дерзали бы на паперти и въ молитвенномъ храмѣ *требы перехватывать* и тѣмъ нарушать благочиніе церковное. Имѣющій нужду самъ можетъ о томъ просить, когда должно.

„*Статья 3.* Изъ соборныхъ панихидъ, погребеній, молебновъ и требъ, не окончивши одно, за другіе не переходить, кромѣ смертнаго случая, такъ дьяконамъ къ священникамъ безъ нужнаго случая во время служенія не подходить и отъ одного къ другому, не окончивши требу, не переходить.

„*Статья 5.* Священники, безъ нужнаго случая, а паче въ священныхъ ризахъ, отъ службы Божьей и требы, какой ни есть, не выходили бы внѣ молитвеннаго храма.

„*Статья 6.* Священникамъ молебны болѣе шести каноновъ не начинать, ибо сіе невмѣстимо, а болѣе по усердію просителей оставлять на другой разъ, дабы молитва могла быть со вниманіемъ, а не дерзостью".

„*Статья 7.* Двѣ требы вдругъ не править.

„*Статья 9.* Священникамъ особенно имѣть во вниманіи, дабы требующіе ихъ по бѣдности и по неимѣнію дерзновенія къ нимъ не презримы были, но наипаче сильныхъ и богатыхъ покровительствуемы, по словеси Спасителя міру: „Не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, яко ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего, иже есть на небесѣхъ".

„Если же кто, забывъ страхъ Божій и свое священноначальническое званіе, вышеописанное оставитъ въ неисполненіи или небреженіи, таковаго 10 статьею наказывать судомъ духовнымъ".

„Собственное свидѣтельство паче всякаго иного свидѣтельства". Подъ этимъ „Постановленіемъ" подписались всѣ попы и дьяконы рогожскіе *).

О томъ, что дѣлалось на Рогожскомъ кладбищѣ до водворенія въ немъ австрійскаго священства, любопытныя указанія находятся также въ „Келейныхъ совѣтахъ, письменно предложенныхъ господину епископу Онуфрію отъ Семена Семенова и Ивана Захарова" **). Вотъ что говорятъ эти вліятельные и пользующіеся большою славою старообрядцы:

---

*) Петръ Ермиловичъ счелъ нужнымъ къ своей подписи добавить слѣдующія слова: «Обязуюсь исполнить по вышеписанному». Кромѣ того подписались попечители: Павелъ Дуняковъ, Ларіонъ Абрамовъ, Иванъ Окороковъ, Трифонъ Лубковъ, Давидъ Щекинъ, Өедоръ Боковъ, Николай Царскій. Вслѣдствіе упомянутыхъ поступковъ рогожскихъ поповъ, особенно же вслѣдствіе ихъ алчности къ стяжаніямъ, старообрядцы изъ простонародья переходили въ другія секты или вовсе оставались безъ всякой вѣры. Въ «дѣлѣ о раскольникѣ Илѣ Тимоѳеевѣ» (23-го марта 1840 г., № 58, въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора) есть показаніе этого крестьянина, жившаго въ Москвѣ, что онъ «прежде былъ по Рогожскому кладбищу и назадъ тому три съ половиною года (значитъ, 1836 г. осенью) отошелъ изъ оной вѣры и разсматриваетъ, какую лучше ему избрать, но еще не избралъ; женилъ сына и крестилъ дочь не на Рогожскомъ кладбищѣ, потому что находилъ въ тамошней вѣрѣ *разные упущенія и безпорядки*, несообразные съ правилами св. отецъ, ибо *мзда заслѣпляетъ тамошнихъ священниковъ*».

**) Въ августѣ 1861 года происходилъ шумный московскій старообрядческій соборъ, ознаменованный многими соблазнами, причиною которыхъ были сначала Антоній, архіепископъ владимірскій, а потомъ Аѳанасій, епископъ саратовскій. Августа 25-го Аѳанасій, котораго избрали-было на московскій престолъ, подалъ собору прошеніе (напечатано въ 3-й книжкѣ «Чтеній въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1865 года, стр. 239—243), въ которомъ требовалъ, чтобъ уставы и чиноположенія исполнялись такъ же, какъ исполнялись они на Вѣткѣ, въ иргизскихъ монастыряхъ и на Рогожскомъ кладбищѣ. Епископы имѣли о томъ совѣщаніе и составили такъ-называемое «Соборное разсужденіе о мѣстныхъ обычаяхъ» 30-го сентября 1861 года. Конецъ дѣлу должны были положить ожидаемые Москвою митрополичьи послы: епископъ Онуфрій, намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, священноинокъ Евфросинъ и инокъ Алипій, которые и прибыли около 9-го декабря 1861 года. Въ это время начетчики и знатоки устава и старыхъ обычаевъ: дьякъ духовнаго совѣта Семенъ Семеновъ (крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда) и Иванъ Захаровъ, письмоводитель Антонія владимірскаго, люди вліятельные

„*Совѣтъ 5-й.* Богопротивное исповѣданіе епископа Аѳанасія, значущееся въ его прошеніи, никакъ не принимать. Онъ написалъ, что̀ было на кладбищѣ до архіепископа Антонія, все то свято, что̀ и подтвердилъ словами: „како вѣрую и исповѣдую". Но на кладбищѣ до архіепископа Антонія было вотъ что̀: а) Всѣ кладбищенскіе попы правительству были обязаны подпискою отъ ереси приходящихъ (то-есть православныхъ) не принимать. б) Нашимъ православнымъ христіанамъ, не принадлежащимъ по жительству къ Московской губерніи, никакихъ требъ не исправлять. в) За крещеніе младенцевъ установлена была такса, 1 руб. 25 коп. сер. за крещеніе, для чего въ конторѣ содержали нарочнаго писаря, который и собиралъ за крестины деньги. г) Также и епископъ Софроній *), въ бытность его на кладбищѣ съ епископомъ Аѳанасіемъ, бывшимъ того архимандритомъ и экономомъ **), уставили таксу: съ московскихъ поповъ половину, а съ деревенскихъ третью часть дохода брать епископу, а который попъ хотя мало что̀ утаилъ, таковаго подвергали части Ананіи и Сапфиры. Именно въ такомъ родѣ была написана бумага, и всѣ попы были вынуждены къ ней подписаться. Это есть сущая симонія. д) Въ крещеніи младенцевъ постригали въ 12 лицъ, еже есть въ четыре троицы, что̀ прямо противно не только изложенному о семъ предметѣ преданію въ „Потребникахъ", но противъ и 49 правила святыхъ апостолъ, о чемъ зри въ „Стоглавѣ" глава 17. А въ древлеписьменныхъ „Кормчихъ" и въ „Посланіи Фотія митрополита въ Псковъ" такое приглашеніе названо многобожіемъ. е) Въ причастіе святыхъ таинъ теплоты никогда не вливали, но всегда причащали съ холодною водою, такожде и сіе противно святыхъ отецъ преданію. ж) Во всѣхъ древнихъ „Уставахъ", въ „Служебныхъ Минеяхъ" и „Октояхъ", въ „Служебникахъ" на возгласѣ: „слава святѣй" положено кадить, а на кладбищѣ вмѣсто кажденія благословляли рукой. То же дѣлали и на „Свѣте тихій", что̀ прямо противно всѣмъ древлепечатнымъ книгамъ и уста-

---

въ Рогожскомъ обществѣ, подали Онуфрію на бумагѣ такъ-называемые «Келейные совѣты», въ которыхъ предлагали ему сдѣлать разныя распоряженія, которыя, по ихъ мнѣнію, могли умирить старообрядческое общество и водворить миръ и тишину церкви. Между прочимъ, они «исповѣданіе Аѳанасія», выраженное въ его просьбѣ 25-го августа, признали «богопротивнымъ» и въ доказательство того изложили перечень вольныхъ и невольныхъ отступленій рогожскихъ поповъ отъ церковныхъ правилъ. Подлинникъ «Келейныхъ совѣтовъ» находится у Онуфрія, нынѣ (1867) православнаго инока, присоединившагося къ святой церкви на условіяхъ единовѣрія. Изъ этихъ-то «совѣтовъ» и приводимъ выписку.

*) Первый назначенный бѣлокриницкимъ митрополитомъ въ Россіи епископъ рукоположенъ 4-го января 1849 года, за симонію запрещенный и потомъ изверженный, но, несмотря на то, до сихъ поръ продолжающій дѣйствовать по-архіерейски.

**) Бывшій экономъ Верхнепреображенскаго монастыря, возведенный Софроніемъ въ архимандриты, а въ 1855 году рукоположенный Антоніемъ въ епископы.

вамъ. з) Браки вѣнчали вдругъ по пятнадцати. Одну свадьбу, которая позначительнѣе, около аналоя ведетъ попъ, а прочія всѣ за нимъ сами идутъ. Также и сіе не только не согласно, но противно церковному преданію. и) Кладбищенскіе попы въ послѣднее время еще ввели-было лютеранскую исповѣдь, а именно по 200, а иногда и по 300 человѣкъ исповѣдывали вмѣстѣ и, прочитавъ только однѣ молитвы и поновленіе безъ исповѣди, причащали всѣхъ безъ разбору *). Итакъ, спрашивается, можно ли все это почитать святымъ и богоугоднымъ и, какъ написалъ въ прошеніи своемъ епископъ Аѳанасій, тако вѣровать и исповѣдывать? Да не будетъ намъ сего никогда же на умъ пріяти".

„*Совѣтъ 6-й.* Почему нововыдуманные обычаи, несогласные древлепечатнымъ патріаршимъ книгамъ, непремѣнно нужно уничтожить, а прошедшее оставить въ судьбѣ Божьей: иначе мы не можемъ называться „старообрядцами", но „староглядцами" или, просто сказать, по Никонѣ возникшими „новообрядцами", чрезъ что могутъ возникнуть смуты и непримиримые раздоры, отъ чего сохрани насъ, Боже, и помилуй Своею благодатью. Если же всѣ церковные дѣйствія и обычаи учредятся и будутъ дѣйствовать по старопечатнымъ книгамъ, безъ сомнѣнія, водворится повсемѣстно миръ и тишина, и свѣтло возсіяетъ никогда и никѣмъ неоспоримая древлецерковная истина. Хотя вначалѣ нѣцые неразумные, коихъ очень мало (?), и покрамолятъ, но послѣ и они, опомнившись, возблагодарятъ истиннаго Бога и похвалятъ законную ревность древле-православныхъ пастырей".

Воспретительный указъ 1827 года засталъ Рогожское общество врасплохъ. Съ ужасомъ увидѣли ревнители старообрядчества, что близко и неизбѣжно время, когда за неимѣніемъ поповъ надо будетъ или впасть въ безпоповщину, или присоединиться къ православной церкви на условіяхъ единовѣрія. Къ счастью ихъ, изъ оставшихся дозволенныхъ поповъ послѣдніе дожили на кладбищѣ даже до 1854 года, но имъ ужъ невозможно было исправить всѣхъ требъ. Поэтому на Рогожскомъ кладбищѣ раскольники стали держать секретно бѣглыхъ поповъ вдобавокъ дозволеннымъ. Они большею частью жили у богатыхъ купцовъ, преимущественно же у содержателей постоялыхъ дворовъ; на кладбищѣ бывали временно и укрывались тамъ въ женскихъ обителяхъ матерей Пульхеріи и Александры, а также въ особомъ тайникѣ, нарочно устроенномъ въ общественномъ саду на кладбищѣ **).

*) Объ этой исповѣди мы говорили выше, но, на основаніи рукописной «Записки о московскихъ раскольническихъ кладбищахъ 1844 — 1849 гг.», упомянули только о пятидесяти исповѣдникахъ вдругъ. Болѣе свѣдущіе и не подлежащіе сомнѣнію въ этомъ отношеніи Семенъ Семеновъ и Иванъ Захаровъ увеличиваютъ цифру до 200 и даже до 300. Не можемъ не вѣрить такимъ компетентнымъ свидѣтелямъ.

**) Изъ дѣла о возвращеніи имущества крестьянкѣ вдовѣ Татьянѣ Васильевой, жившей на Рогожскомъ кладбищѣ подъ именемъ дѣвки» (9-го марта

Изъ этихъ поповъ въ сороковыхъ годахъ особенно уважаемы были старообрядцами бѣглый изъ Казани іеромонахъ Иларій и попъ изъ села Никола-Станъ, Калужской губерніи, Ѳедоръ Соловьевъ. Въ 1825 или 1826 году рогожцы обзавелись-было даже греческимъ архимандритомъ, но пьянство его было до такой степени безобразно, что и привыкшіе къ безобразіямъ поповъ своихъ старообрядцы не могли долго терпѣть его и вскорѣ постарались выпроводить изъ Москвы. Ниже скажемъ по нѣскольку словъ объ этихъ пастыряхъ Рогожскаго кладбища. Кромѣ бѣглыхъ недозволенныхъ поповъ, дозволеннымъ рогожскимъ попамъ, при „оскудѣніи священства", помогали въ исправленіи требъ раскольничьи чернецы, не имѣвшіе рукоположенія. Они съѣзжались въ Москву, особенно къ Великому посту, изъ Стародубья (преимущественно изъ Злынки), съ Вѣтки изъ монастырей Макарьева, Лаврентьева и Пахомьева, съ Иргиза, пока онъ существовалъ, и съ Керженца. Чернецы эти проживали больше при часовняхъ, устроенныхъ въ домахъ богатыхъ старообрядцевъ. Пробывъ въ Москвѣ Великій постъ и отпраздновавъ Пасху, они разъѣзжались по своимъ мѣстамъ, или же пускались въ странствованія по Россіи въ качествѣ рогожскихъ агентовъ для сохраненія непрерывныхъ сношеній между главными пунктами поповщины *).

Выше было сказано, что рогожскія часовни не были освящены, но литургіи служились на Рогожскомъ кладбищѣ въ походныхъ полотняныхъ церквахъ. Еще въ 1789 году московскіе старообрядцы добыли на Иргизѣ одну такую церковь, будто бы стариннаго освященія, и въ ней попы служили литургіи тайно, съ большими предосторожностями, одинъ разъ въ годъ, для освященія запасныхъ даровъ. Но съ 1813 года литургіи на Рогожскомъ кладбищѣ совершались, хотя и рѣдко, въ большіе только праздники, но безъ особенныхъ предосторожностей и притомъ въ самихъ часовняхъ, въ алтарѣ которыхъ раскидывали освященную палатку. Это завелось вотъ по какому случаю. По изгнаніи Наполеона изъ Москвы, столицу заняли донскіе казаки, въ числѣ которыхъ много было старообрядцевъ. Рогожскіе попы исправляли имъ требы, а войсковой атаманъ, графъ Платовъ, самъ тоже старообрядецъ, оставилъ, какъ увѣряли впослѣдствіи рогожцы, на кладбищѣ походную церковь, освященную во имя Пресвятыя Троицы. Тогдашній начальникъ московской сто-

1833 года въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора), видно, что нѣкоторые недозволенные бѣглые попы, какъ, напримѣръ, Александръ Гавриловъ изъ Калужской губерніи, проживали на кладбищѣ и даже открыто участвовали въ крестныхъ ходахъ.

*) Такихъ монаховъ въ Москвѣ въ 1815 году было до сорока. Въ томъ же году, 23-го декабря, на освященіи вновь устроенной богатой моленной за Москвой-рѣкой, въ домѣ Досужева, находилось одиннадцать монаховъ и въ числѣ ихъ схимникъ Пинархъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ при моленной Саввы Борисова, Андреяна Маркова и Николая Осипова монахи жили постоянно, а при другихъ моленныхъ лишь временно.

лицы далъ имъ словесное разрѣшеніе служить въ этой церкви обѣдни *). Кромѣ платовской и иргизской полотняныхъ церквей, на Рогожскомъ кладбищѣ были и другія, находившіяся въ женскихъ обителяхъ у матерей Пульхеріи и Александры, а въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, сверхъ того, у бѣглаго іеромонаха Иларія была своя полотняная церковь, освященная во имя Симеона Столпника. Протоіерей Арсеньевъ въ своей „Запискѣ о Рогожскомъ кладбищѣ“ говоритъ, что въ 1817 году онъ самъ былъ принятъ въ расколъ въ одной изъ такихъ палатокъ **).

Съ 1822 года, по случаю усилившагося уклоненія православныхъ жителей въ Москвѣ въ поповщину и по случаю совершенія браковъ православныхъ съ старообрядками въ рогожскихъ часовняхъ, обращено было строгое вниманіе на рогожскихъ поповъ и попечителей. Въ 1823 году, 13 и 14 января, въ Рождественской часовнѣ поставлена была новая полотняная церковь, и нѣсколько поповъ соборнѣ служили литургіи при огромномъ стеченіи народа и въ томъ числѣ православныхъ. Православный купецъ Яковъ Игнатьевъ довелъ объ этихъ соблазнительныхъ для православія богослуженіяхъ до свѣдѣнія мѣстнаго начальства. Былъ сдѣланъ осмотръ всѣхъ заведеній кладбища, и въ алтарѣ Рождественской часовни нашли полотняную церковь. Она была отобрана, и всѣ часовни запечатаны. Старообрядцы пришли въ ужасъ, но, по свидѣтельству жившаго въ то время на Рогожскомъ кладбищѣ протоіерея Арсеньева, благодаря просьбамъ и ходатайству тогдашнихъ попечителей, Антипы Дмитріевича Шелапутина и Василья Ефремовича Соколова, чрезъ нѣсколько дней часовни были открыты. Это подтверждается и архивными дѣлами. Святѣйшій синодъ, при сужденіи дѣла о полотняной церкви и рогожскихъ часовняхъ, постановилъ: „по неимѣнію доказательства, что полотняная церковь дѣйствительно существовала на Рогожскомъ кладбищѣ до нынѣшняго ея открытія въ 1823 году, на основаніи указа 1818 года, быть ей не дозволять, а церковь возвратить въ тотъ монастырь, изъ коего взята“. Императоръ Александръ Павловичъ при докладѣ святѣйшаго синода изволилъ сказать: „если хочетъ Рогожское кладбище сохранить эту церковь, пусть присоединится къ единовѣрію, а если не согласится—отправить церковь“ ***). Попечители были обязаны подпиской впредь не дозволять на ихъ Рогожскомъ кладбищѣ служенія литургіи, но литургіи, хотя рѣдко и тайно, но совершались въ часовняхъ по ночамъ, куда допускались весьма немногіе и самые надежные люди. Въ этомъ удостовѣряетъ самъ рогожскій священно-

*) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1823 года. № 10.

**) «Слѣдственное дѣло о дѣйствіяхъ Аѳонія Кочуева и другихъ раскольниковъ», произведенное по высочайшему повелѣнію въ особой слѣдственной комиссіи 1854 и 1855 годовъ, находится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

***) «Дѣло святѣйшаго синода 1823 г. о Рогожскомъ кладбищѣ».

служитель, протоіерей Арсеньевъ, служившій такія обѣдни. Онъ же говоритъ, что вслѣдъ затѣмъ дозволенные попы стали опасаться служить въ полотняныхъ церквахъ, и недостатокъ въ запасныхъ дарахъ случался у нихъ ежегодно, даже по нѣскольку разъ въ годъ. Въ такомъ случаѣ попы обращались къ попечителямъ съ просьбой сдѣлать распоряженіе о запасныхъ дарахъ. И они выписывали ихъ съ Иргиза или изъ Стародубья отъ тамошнихъ настоятелей (отъ Силуяна въ Верхнепреображенскомъ на Иргизѣ, отъ Рафаила въ Покровскомъ, Новозыбковскаго уѣзда, и отъ Сергія въ Никольскомъ, Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи). Получивъ дары, попечители приглашали поповъ въ контору кладбища и дѣлили между ними присланное. По закрытіи иргизскихъ и стародубскихъ монастырей, не стало откуда брать причастіе, а запасные дары по правиламъ церковнымъ должно пополнять ежегодно. Тогда стали служить обѣдни недозволенные бѣглые попы въ кельяхъ рогожскихъ матерей Пульхеріи и Александры, у которыхъ были свои полотняныя церкви, а также въ тайникѣ рогожскаго общественнаго сада *). Первая архіерейская обѣдня въ полотняной церкви на Рогожскомъ кладбищѣ совершена была въ одномъ изъ богадѣленныхъ зданій, извѣстномъ подъ названіемъ „холерной палаты“.

При каждомъ дозволенномъ попѣ были свой дьячокъ, или уставщикъ, и свои пѣвчіе. Въ часовняхъ попы служили поочередно. Вотъ записка о поповскихъ очередяхъ 1845 года, когда поповъ оставалось только трое:

„Попъ первой очереди — Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ, при немъ дьячокъ Василій Ивановъ. При нихъ 14 пѣвчихъ, изъ которыхъ Антонъ Поліевктовъ, Назаръ Семеновъ и Исаакъ Антоновъ уважаются кладбищемъ, какъ искуснѣйшіе знатоки священнаго писанія.

„Попъ второй очереди— Петръ Ермиловичъ Русановъ дьячокъ его— Титъ Софроновъ. При нихъ 15 пѣвчихъ, изъ коихъ Иванъ Григорьевъ Донской, Ѳедоръ Васильевъ Жигаревъ и Тимоѳей Прокофьевъ считаются знатоками церковнаго порядка, особенно Иванъ Донской“.

„Попъ третьей очереди — Иванъ Максимовъ, при немъ дьячокъ Евсей Мартыновъ и 19 пѣвчихъ“.

При недостаткѣ поповъ, дьячкамъ предоставлено было отправлять вмѣстѣ съ пѣвчими вечерни, заутрени и молебны. Дьячки и нѣкоторые пѣвчіе извѣстны и уважаемы были старообрядцами не меньше самихъ поповъ. Они имѣли значительные доходы **).

*) Тайники были въ обителяхъ Пульхеріи и Александры, подлѣ Александриной обители и въ общественномъ саду. «Записки о Рогожскомъ кладбищѣ» протопопа Арсеньева. Въ «дѣлѣ о возвращеніи имущества Татьянѣ Васильевой» 9-го марта 1839 г., № 32 (въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора), есть указаніе Васильевой московской полиціи на потаенныя мѣста, но они не были освидѣтельствованы.

**) Въ 1845 году Василій Ивановъ имѣлъ 50 т. р. капитала, Титъ Софроновъ 10 т. р., Евсей Мартыновъ 5 т. р. и кромѣ того дома на

Попы были вполнѣ независимы другъ отъ друга, и даже въ то время, когда ихъ было по двѣнадцати, не было между ними благочиннаго. Въ „Постановленіи о благочиніи церковномъ" статья 10 хотя и говорила о „всеобщемъ соборномъ судѣ", которому подлежали небрежно отправлявшіе службу, но намъ неизвѣстны случаи примѣненія этого правила на практикѣ. Попы имѣли большіе доходы; половина ихъ должна была отчисляться въ кладбищенскій капиталъ и на содержаніе рогожскихъ богоугодныхъ заведеній, но едва ли это всегда исполнялось. Всѣ попы имѣли въ оградѣ кладбища свои дома, выстроенные имъ отъ общества, а Петръ Ермиловичъ имѣлъ даже два дома. Попы жили въ большомъ довольствѣ. Несмотря на то, что незаконнорожденный сынъ Ивана Матвѣевича Ястребова промоталъ сто тысячъ отцовскихъ денегъ, по смерти этого попа осталась, какъ говорятъ, не одна сотня тысячъ. Дочь Петра Ермиловича сама говорила, что у ея отца былъ въ процентныхъ бумагахъ стотысячный капиталъ *).

Переходимъ къ очерку разныхъ заведеній на Рогожскомъ кладбищѣ.

Близъ часовенъ, находящихся въ самой серединѣ рогожской ограды, стоитъ каменный двухъэтажный домъ. Это кладбищенская контора. Въ верхнемъ этажѣ ея четыре комнаты. Чтобы судить объ ихъ помѣстительности, достаточно сказать, что въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, кромѣ дивана и двухъ столовъ, разставлено было 42 стула, по числу старшинъ, попечителей и почетныхъ прихожанъ, собиравшихся на совѣщанія. Комнаты были убраны безъ особой роскоши, но чисто и опрятно: вся мебель была сдѣлана изъ краснаго дерева, и въ числѣ ея, какъ нѣкая святыня, съ 1853 года сохранялось мягкое кресло на колесикахъ, обитое зеленымъ сафьяномъ и бывшее въ употребленіи у старшаго рогожскаго попа Ивана Матвѣевича Ястребова. Цѣлые полвѣка прожилъ этотъ попъ въ Рогожскомъ, и когда одряхлѣлъ, — совершалъ требы, даже свадьбы вѣнчалъ въ этихъ креслахъ. Для того и колесики были къ нимъ приложены: брачующіеся, въ вѣнцахъ, ходя посолонь вокругъ аналоя, возили попа въ креслахъ. Въ главной комнатѣ, въ которой собирались совѣты старшинъ и попечителей, висѣли три подлинныя грамоты: московскаго митрополита Антонія 1576 года и патріарховъ Филарета Никитича 1632 и Іоасафа I 1639 года **), портреты цар-

---

кладбищѣ. Та же «Записка о поповскихъ очередяхъ», составленная въ 1845 г.

*) «Русскій Вѣстникъ» 1861 г., № 11. «Записки В. А. Сапѣлкина», стр. 217.

**) Грамота митрополита Антонія 14 марта 1576 года іеродьякону Стахею (19 лѣтъ бывшему бѣлымъ дьякономъ Степаномъ Еремѣевымъ, рукоположенному митрополитомъ Макаріемъ и постриженному въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ) о дозволеніи ему перейти въ ростовскую епархію. Грамота съ печатью и собственноручною подписью Антонія, и на оборотѣ подписи ростовскихъ владыкъ: Іоны и Давида. Другая грамота храмозданная, по какой церкви — неизвѣстно, ибо верхъ утраченъ, данная на-

ствующаго государя и императрицы, планъ Рогожскаго кладбища, карта Европы и портреты попа Ивана Матвѣевича и попадьи его Афимьи, той самой, которая нѣкогда въ порывѣ ревности подожгла домъ мужниныхъ наложницъ и едва не спалила все Рогожское кладбище. Въ верхнихъ комнатахъ конторскаго дома велись кладбищенскія дѣла, происходили совѣщанія старшинъ и попечителей, бывали *малые* старообрядческіе соборы (безъ духовенства и иногороднихъ депутатовъ) по дѣламъ, касавшимся одной московской общины. Здѣсь же самые первые богачи останавливались на ночлегъ во время говѣнья и передъ заутренями на великіе праздники. Тутъ же они справляли для рогожскаго причта поминки по своимъ усопшимъ, для чего въ нижнемъ этажѣ конторскаго дома устроена была небольшая, но весьма хорошая кухня; въ кладовой находилась кухонная посуда, полный столовый приборъ на 42 персоны, а въ погребѣ и подвалахъ не переводились большіе запасы хлѣба, рыбы, винъ, масла и другихъ припасовъ, независимо отъ огромныхъ запасовъ, находившихся въ другихъ погребахъ и сараяхъ и назначенныхъ для содержанія призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ *). Въ нижнемъ этажѣ конторскаго дома находился запасъ погребальныхъ принадлежностей. Въ 1854 году, при пріемѣ кладбища въ правительственное вѣдомство, здѣсь найдено 119 большихъ и 150 младенческихъ гробовъ, 48 погребальныхъ покрововъ для взрослыхъ и 12 для дѣтей. Тутъ же найдено 300 монашескихъ власяницъ, доказавшихъ, что на Рогожскомъ кладбищѣ, несмотря на воспрещенія правительства, въ значительномъ числѣ

тріархомъ Филаретомъ 10-го марта 1632 года. Третья грамота патріарха Іоасафа I, данная 16-го марта 1639 года, объ утвержденіи дьячка Леонтія Ѳедорова, рукоположеннаго крутицкимъ владыкою, въ санѣ іерея и о назначеніи его къ церкви въ Костромской уѣздъ. Теперь всѣ три грамоты находятся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ» 1854 года. № 79.

*) Поминки дѣлались въ конторѣ во исполненіе 7-й статьи «Постановленія о единообразномъ дѣйствіи», состоявшагося на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1825 г. Подлинникъ, за подписью семи поповъ, двухъ дьяконовъ, уставщика Терентія Заболоцкаго и попечителей: Павла Дунякова, Ларіона Абрамова, Ивана Окорокова, Трифона Лубкова, Давида Щекина, Ѳедора Бокова и Николая Царскаго, находится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1853 г. № 516). Вотъ эта статья: «Для поминовенія усопшихъ, по случаю смѣшенія съ невѣрными, и дабы не подать соблазна и претыканія, то на обѣдъ какъ священникамъ, дьяконамъ, такъ и всѣмъ при нихъ служащимъ отъ сего не ходить и не ѣздить, а если кому изъ желающихъ будетъ угодно, то можетъ уготовить всѣмъ на то изготовленнымъ, во всеобщемъ гостиномъ покоѣ, оную исполнить во славу Божью и на память усопшему въ слѣдующемъ порядкѣ». Попъ Петръ Ермиловичъ этого постановленія не подписалъ и ему не подчинялся. Онъ любилъ ѣздить по гостямъ, даже и незваный, и наводилъ трепетъ на хозяевъ и гостей своимъ безобразіемъ въ пьяномъ видѣ. Впрочемъ, и прочіе попы не соблюдали правила 1825 г. и обѣдали обыкновенно и въ конторѣ и у хозяина: два обѣда заразъ.

совершались постриженія въ чинъ иноческій. Особенно много постригалось здѣсь въ сороковыхъ годахъ (1842—1848), когда пребывалъ на Рогожскомъ бѣглый и лишенный сана іеромонахъ Иларій. По правиламъ, въ монашество можетъ постригать только священноинокъ, то-есть іеромонахъ, а такихъ, кромѣ Иларія да пьянаго греческаго архимандрита Геронтія, на Рогожскомъ кладбищѣ не бывало. И въ пять лѣтъ этотъ Иларій, о которомъ рѣчь впереди, постригъ, говорятъ, на Рогожскомъ болѣе тысячи иноковъ и инокинь. Въ нижнемъ этажѣ конторы находились огромные запасы воску и восковыхъ свѣчей, меду для кануновъ, деревяннаго масла, ладану и сверхъ того 256 аршинъ ковровъ и 114 аршинъ свѣтло-зеленаго сукна для устиланія пути во время торжественныхъ крестныхъ ходовъ и на случай посѣщенія кладбища важными особами. Въ конторскомъ же домѣ помѣщалась канцелярія Рогожскаго кладбища, которою завѣдывалъ особый конторщикъ. Эту должность, очень видную и весьма вліятельную, тридцать лѣтъ сряду (1814 по 1844 годъ) занималъ Кондратій Никифоровичъ Синицынъ; мѣсто его заступилъ купецъ Дмитрій Корнѣевъ. Оба они играли важную роль при учрежденіи заграничной іерархіи. У Синицына въ качествѣ помощниковъ находились: купецъ Аѳоній Кузьмичъ Кочуевъ, уроженецъ города Горбатова, которому принадлежитъ самая иниціатива бѣлокриницкой іерархіи, Петръ Осиповичъ Смысловъ и другіе „ученые“ рогожцы, редакторы важнѣйшихъ сектаторскихъ бумагъ. Въ конторѣ находился и архивъ Рогожскаго кладбища, но самыя важныя бумаги обыкновенно прятались подъ деревянною колокольнею, устроенною подлѣ часовенъ. Тамъ была устроена подземная кладовая, гдѣ хранились замѣчательнѣйшіе акты, полотняныя церкви, антиминсы и т. п. Входъ въ этотъ тайникъ дозволенъ былъ только конторщику, старшинамъ, попечителямъ, а изъ поповъ — одному только Ястребову; другіе попы входа туда не имѣли *). Самыя важныя бумаги находились въ домахъ конторщиковъ. Куда дѣвались бумаги, бывшія у конторщиковъ и въ тайной кладовой подъ колокольней,—неизвѣстно. Одни говорятъ, что сгорѣли во время какого-то пожара на Рогожскомъ кладбищѣ; другіе увѣряютъ, что онѣ переданы въ руки именитѣйшихъ членовъ Рогожской общины, и называютъ ихъ даже по именамъ; третьи наконецъ сказываютъ, что драгоцѣнныя бумаги находятся у наслѣдниковъ Синицына и Корнѣева. Какъ бы то ни было, онѣ безслѣдно пропали для изслѣдователей русскаго раскола. А для исторіи его онѣ составляютъ чрезвычайно важный матеріалъ.

Частью въ конторѣ, частью на хорахъ и въ кладовыхъ при часовняхъ—хранились ризницы и знаменитая рогожская библіотека.

При пріемѣ Рогожскаго кладбища въ правительственное вѣдомство

*) «Записка протоіерея Арсеньева», находящаяся въ «Слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Аѳонія Кочуева и другихъ раскольниковъ» 1854 и 1855 годовъ.

въ 1854 году, найдены лишь остатки ризницы и библіотеки. Все болѣе цѣнное и болѣе замѣчательное въ какомъ-либо отношеніи было заблаговременно перевезено въ дома богатыхъ членовъ Рогожскаго общества. Несмотря на то, найдено:

Ризъ священническихъ 1.150. Въ томъ числѣ бархатныхъ, золотыхъ и серебряныхъ парчей въ холодной Покровской часовнѣ 18, въ Рождественской 16, на хорахъ въ холодной часовнѣ 33, въ кладовыхъ при Рождественской часовнѣ 462 и въ другихъ кладовыхъ 837.

Епитрахилей 66.

Поручей 228 паръ.

Орарей 50.

Стихарей 59.

Кромѣ многочисленныхъ иконъ, поставленныхъ въ часовняхъ, въ разныхъ кладовыхъ ихъ найдено еще 494 *).

Рогожская библіотека была замѣчательна не столько по своей обширности, сколько по рѣдкости находившихся въ ней книгъ. Она была съ особенною тщательностью собираема въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. На пріобрѣтеніе рѣдкихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ въ это время богачи денегъ не жалѣли. Завѣдывали ею конторщики, а собираніемъ книгъ въ тридцатыхъ годахъ занимался ученый рогожскій старообрядецъ Кочуевъ. Къ сожалѣнію, рогожская библіотека, не описанная ученымъ образомъ, была впослѣдствіи частью расхищена, частью разнесена по разнымъ мѣстамъ. Но и въ 1854 году, при пріемѣ кладбища въ правительственное вѣдомство, найдено въ ней было 517 книгъ и въ томъ числѣ нѣсколько чрезвычайно замѣчательныхъ. Изъ рукописей — древнѣйшая относится къ XIV столѣтію, это „Никона Черныя Горы", писанная въ 1366 году; затѣмъ слѣдуютъ: „Толковое Евангеліе" 1407 года, „Служебное Евангеліе" 1551 года, полная „Минея мѣсячная" 1557 года, „Ирмосы пѣвчіе", писанные въ Ростовѣ 1622 года, и до тридцати другихъ древлеписьменныхъ пѣвчихъ книгъ. Мы не можемъ приблизительно даже опредѣлить, къ какому времени относятся остальныя уцѣлѣвшія рогожскія рукописи, такъ какъ опись, которою пользуемся, составлена съ совершеннымъ отсутствіемъ библіографическихъ правилъ **). Изъ книгъ старопечатныхъ замѣтимъ: „Библію"

---

*) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1851 года, № 79.

**) Вотъ ихъ перечень: «Евангелій служебныхъ» 2 экземпляра, «Благовѣстникъ» 1, «Уставовъ» 3, «Кормчихъ» 2, «Номоканонъ» 1, «Псалтырей» 11 (слѣдованныхъ 3, учебныхъ 7, толковыхъ 1), «Служебникъ» 1, «Тріодь цвѣтная» 1, «Трефолой» 1, «Осмогласникъ» 1, «Канонникъ» 1, «Требниковъ» 5, «Торжественникъ» 1, «Святцевъ» 2, «Сборникъ» 1, «Апокалипсисовъ» 2, «Златоустовъ» 3, «Діонисія Ареопагита» 2, «Григорія Синаита» 2; затѣмъ по одному экземпляру: «Іоаннъ Схоластикъ», «Матвѣй Іерусалимскій», «Исаакъ Сиринъ», «Іосифъ Волоцкій», «Просвѣтитель Максимъ Грекъ», «Цвѣтникъ» Симеона Новаго, «Цвѣтникъ» Корнилія,

(Острогъ, 1581 года), „Евангеліе напрестольное“ (Радышевскаго, Москва, 1606 г.), „Апостолъ“ (Москва, 1635 г.), „Уставъ“ (Москва, 1640 г.), „Уставъ“ или „Око церковное“ (Москва, 1641 г.), „Евангеліе“ (Москва, 1648, другое 1651 г.) и „Кормчую“ (Москва, 1850 г.).

Кромѣ часовенъ и конторы въ оградѣ Рогожскаго кладбища находятся дома каменные и деревянные съ разными хозяйственными принадлежностями, частью расположенные улицами, хотя и неправильными. Въ томъ числѣ шесть палатъ, въ которыхъ помѣщаются богадѣльни, сиротскій домъ, домъ умалишенныхъ и пріютъ. Эти дома считались общественною собственностью, остальные же назывались частными, хотя въ дѣйствительности тоже принадлежали обществу.

Богадѣльни помѣщались въ шести палатахъ, устроенныхъ въ разное время, частью на общественный счетъ, частью богатыми прихожанами, по имени которыхъ и доселѣ называются.

Первая палата, каменная, двухъэтажная, называется „Новою“. Въ ней съ 1854 г. было призрѣваемо 215 женщинъ.

Другая палата „Козина“ — также каменная, двухъэтажная. Въ ней было 116 женщинъ. При ней устроена огромная келарня (кухня со столовой) и квасня. Здѣсь готовили кушанье, пекли хлѣбъ и варили квасъ для призрѣваемыхъ, для большей части остальныхъ жителей кладбища, а частью для пріѣзжихъ.

Третья каменная двухъэтажная палата называется „Пѣвчею“. До 1835 года въ ней помѣщалось рогожское училище, потомъ жили здѣсь пѣвчіе. Въ 1854 г. въ Пѣвчей палатѣ жили 64 мужчины.

Четвертая палата—„Константиновская“: нижній ея этажъ каменный, а верхній деревянный. Наверху въ 1854 г. жило 39 женщинъ, а внизу 4 мужчины, назначенные для прислуги и надзора за помѣщеніемъ для пріѣзжихъ, находившимся въ той же палатѣ. Это была огромная комната съ нарами, въ которой останавливались пріѣзжавшіе крестить младенцевъ, вѣнчаться и пр. Она назначена была для простонародья; для людей побогаче устроенъ былъ особый пріютъ; первостатейные же богачи останавливались въ самой конторѣ. Въ комнатѣ Константиновской палаты пріѣзжихъ бывало иногда въ разъ человѣкъ по сту и болѣе.

«Прологъ», «Патерикъ Египетскій», «Патерикъ Кіевскій», «Синаксарь житія» Филиппа митрополита, Соловецкихъ чудотворцевъ: Александра Свирскаго (2 экземпляра), Николая Чудотворца, Іоанна Богослова, «Хронографъ», «Лѣтописецъ», «Степенная книга», «Бароній», «Раймундъ Люлій» (2 экземпляра), «Сынъ церковный», «Цѣпь златая», «Яковъ Жидовкинъ», «Преніе о вѣрѣ», «Духовныя грамоты», «Алфавитъ», «Стоглавъ», «О церковныхъ мятежникахъ», «Изложеніе правилъ апостоловъ», «Величаніе праздниковъ», «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» и два «Демественника». Изъ новыхъ рукописей замѣтимъ: «Собраніе (сочиненій) инока Никодима» (начавшаго дѣло единовѣрія), «Проскинитарій» и «Питиримова рѣчь». Въ интересахъ науки весьма желательно, чтобъ обозрѣніе этихъ остатковъ знаменитой нѣкогда и бывшей совершенно недоступной библіотеки сдѣлано было ученымъ образомъ.

Пятая каменная одноэтажная палата называется „Холерною“. Въ 1854 году въ ней было 44 женщины. Въ ней отъ времени до времени служились тайно литургіи, а 19-го іюня 1850 года Софроній отслужилъ первую архіерейскую обѣдню.

Шестая палата „Антоновская“ деревянная. Въ ней въ 1854 году было 36 женщинъ.

Въ каждой палатѣ поставлены были деревянныя кровати съ тюфяками и стегаными одѣялами. Желѣзныхъ кроватей въ богадѣльню не вносили, какъ „новшество“; фланелевыя одѣяла были, но хранились въ кладовыхъ, а кровати призрѣваемыхъ были ими накрываемы лишь во время пріѣзда важныхъ лицъ на кладбище. Бѣлье и платье призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ приготовлялись на общественный счетъ, но каждому сверхъ того дозволялось имѣть свое. Во всякой палатѣ устроенъ былъ иконостасъ, передъ нимъ стояли подсвѣчники и аналогіи, за которыми постоянно читались, ради назиданія призрѣваемыхъ, Псалтырь, Прологъ и другія книги. Читали особо назначенныя для того женщины, извѣстныя подъ названіемъ „читалокъ“, или „канонницъ“. Онѣ же въ палатахъ отправляли часы, вечерни, заутрени.

Кромѣ призрѣваемыхъ въ палатахъ, призрѣвалось 25 мужчинъ, жившихъ въ семи караульныхъ избахъ, построенныхъ въ разныхъ мѣстахъ кладбища. Они несли посильныя работы: чистили дворъ, кололи дрова, носили воду и такимъ образомъ замѣняли работниковъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ палатахъ Рогожскаго кладбища жило слишкомъ тысяча человѣкъ. Уменьшеніе послѣдовало съ 1835 года, когда кладбище было переименовано „Рогожскимъ богадѣльнымъ домомъ“ *) и въ немъ разрѣшено было жить только престарѣлымъ и страждущимъ да небольшому числу прислуги, полагая по одному человѣку на десять призрѣваемыхъ.

Особый домъ назначенъ былъ для призрѣнія дѣтей, онъ назывался „Сиротскимъ домомъ“. Здѣсь воспитывались такъ-называемые „рогожскіе подкидыши“. Ихъ приносили на кладбище изъ разныхъ мѣстъ, но обыкновенно это не были осиротѣвшіе младенцы, оставшіеся послѣ неимущихъ родителей: воспитанники Рогожскаго кладбища были преимущественно дѣти, несчастно рожденныя дѣвушками, дочерьми зажиточныхъ старообрядцевъ, рогожскими читалками и канонницами, и наконецъ приносимыя изъ деревень бѣдными родителями, особенно солдатками, ради избавленія ихъ отъ участи военныхъ кантонистовъ. Бывали случаи, что отдавали на Рогожское кладбище своихъ новорожденныхъ дѣтей помѣщичьи крестьяне, для избавленія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Кормилицъ на Рогожскомъ не было; младенцевъ воспитывали на рожкѣ и, разумѣется, никогда не лѣчили. Смертность дѣтей была столь огромна, что едва ли изъ сорока одинъ достигалъ отроческаго

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 216.

возраста. Такою смертностью объясняется и запасъ полутораста дѣтскихъ гробовъ, найденный на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1854 г. Когда число младенцевъ увеличивалось до того, что ихъ невозможно было всѣхъ помѣстить въ сиротскомъ домѣ, нѣкоторыхъ помѣщали въ домѣ умалишенныхъ. Столь странное совмѣщеніе дѣтей съ сумасшедшими было прекращено министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковымъ въ 1853 году, что возбудило ропотъ со стороны нѣкоторыхъ изувѣровъ, по понятіямъ которыхъ что сумасшедшій или юродивый, что младенецъ— все одна ангельская душа *).

Для подкидышей и дѣтей, отдаваемыхъ на Рогожское кладбище въ отроческомъ возрастѣ для обученія, существовало до 1835 г. училище **). Въ немъ дѣти обучались чтенію, письму, ариѳметикѣ и церковному пѣнію. Училище было основано на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Гребенщиковское въ Ригѣ, закрытое въ 1843 году и возстановленное съ высочайшаго соизволенія 4-го февраля 1866 г. Изъ Рогожскаго училища выходили тѣ пѣвцы, которыми въ свое время славилось Рогожское кладбище, выходили изъ него даже уставщики. Подкинутыя дѣвочки учились грамотѣ у читалокъ и канонницъ, приготовляясь со временемъ въ свою очередь сдѣлаться такими же читалками и канонницами и произвести на свѣтъ новое ихъ поколѣніе. По вліянію жившихъ на кладбищѣ монахинь и богадѣленныхъ старухъ, пропитанныхъ духомъ крайняго аскетизма, почти никогда рогожскія воспитанницы не выходили замужъ.

Рогожскій сиротскій домъ значительно уменьшился въ 1834 году, когда воспрещено было держать въ немъ дѣтей свыше трехлѣтняго возраста, по достиженіи котораго велѣно было отдавать ихъ въ Императорскій Воспитательный Домъ ***). Въ слѣдующемъ 1835 году закрыто было и училище, какъ не находившееся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и не подходившее по своему устройству подъ уставъ учебныхъ заведеній 1828 года. При этомъ учениковъ велѣно было раздать родителямъ, а безродныхъ взять въ кантонисты. Тогда Рогожское училище было тайно перенесено за девять верстъ отъ Москвы въ удѣльную деревню Новинка, что близъ села Коломенскаго, гдѣ оно и существовало до 1839 года при тамошней часовнѣ. Въ этомъ году оно закрыто по распоряженію управлявшаго московскою удѣльною конторой. Но въ 1840 г. открылось, что училище не уничтожено, но пере-

*) А въ то же время умалишенныхъ не пускали въ часовни на молитву. Въ «Постановленіи о единообразномъ дѣйствіи» 1825 года, въ статьѣ VI было сказано: «бѣснующимся не молиться съ вѣрными по 79 правилу апостольскому».

**) Есть мысль возобновить его на правилахъ рижскаго Гребенщиковскаго училища, высочайше утвержденныхъ въ февралѣ 1866 г.

***) Въ томъ же году 54 мальчика отъ 3 до 15 лѣтъ были взяты въ Воспитательный Домъ, а 14, имѣвшихъ болѣе 16 лѣтъ, въ кантонисты.

несено въ село Коломенское, къ тамошней часовнѣ, и находится подъ покровительствомъ мѣстнаго удѣльнаго головы *).

Въ особомъ домѣ помѣщены были умалишенные. Въ 1854 году ихъ было 7 мужчинъ и 14 женщинъ **). Никакого лѣченія не было. Въ комнатахъ устроены были нары. Кожаныхъ рубахъ для безпокойныхъ больныхъ не употребляли, такъ какъ это „новшество"; ихъ замѣняли старинными цѣпями. Двѣ такія цѣпи утверждены во внутреннихъ стѣнахъ зданія. На ту же цѣпь сажали провинившуюся прислугу; сживали также на ней, за пьянство и безобразіе, и бродячіе раскольничьи монахи. Говорятъ, будто въ 1829 году сидѣлъ нѣкоторое время въ этомъ домѣ на цѣпи и греческій архимандритъ Геронтій. Не имѣя на то документальныхъ доказательствъ, не утверждаемъ и не отвергаемъ этого, но передаемъ какъ слухъ, впрочемъ, весьма вѣроятный.

Домъ, извѣстный подъ названіемъ „Пріюта", назначенъ былъ для пріѣзда свадебъ, а также для отдохновенія, между часовенными службами во время говѣнья и передъ заутренями на большіе праздники, прихожанъ, жившихъ въ отдаленныхъ отъ Рогожскаго кладбища мѣстностяхъ столицы. Для сего самые почтеннѣйшіе помѣщались въ конторѣ, средніе въ пріютѣ, а простонародье въ нижнемъ этажѣ Константиновской палаты.

На Рогожскомъ кладбищѣ находились женскія обители или монастыри. Въ 1845 году ихъ было пять: а) *Пульхерина* обитель съ 6 монахинями и 40 послушницами, б) *Александры* съ 28 монахинями и послушницами, в) *Девворы* съ 38 послушницами, г) *Маргариты* съ 4 монахинями и 38 послушницами и д) *Меланіи* съ 10 послушницами. Всего съ настоятельницами въ 1854 г. осталась одна только обитель матери Пульхеріи и ничтожные остатки обители Александриной.

Направо отъ въѣзда на кладбище, въ узенькихъ закоулкахъ, стоитъ невысокій деревянный, но обширный и помѣстительный домъ съ цѣлымъ лабиринтомъ внутреннихъ переходовъ, боковушекъ, свѣтелокъ, чулановъ, подклѣтовъ и подпольевъ, съ нѣсколькими выходами наружу и даже, какъ носились правдоподобные слухи, съ подземными переходами въ сосѣдніе дома. Этотъ домъ, уже довольно старый, состоялъ изъ двухъ отдѣленій: одно называлось „Марьинъ домъ", другое „Маргаритинъ домъ", по имени бывшихъ настоятельницъ двухъ женскихъ обителей, построенныхъ подъ одну крышу. Постройка этихъ домовъ совершенно

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 161, 162. 172 и 176. «Журналъ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета», 22-го ноября 1839 г. и 10-го апрѣля 1840 г., въ архивѣ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

**) Изъ 14 умалишенныхъ женщинъ одна была неизвѣстно кто такая. При пріемѣ Рогожской богадѣльни подъ правительственный надзоръ въ 1844 году, кладбищенскіе раскольники отозвались незнаніемъ, кто такая и откуда пришла на Рогожское эта загадочная женщина, а сама она не могла объяснить этого.

такая же, какъ и постройка въ керженскихъ женскихъ обителяхъ. Это обитель матери Пульхеріи.

Въ прошломъ столѣтіи, въ первые годы существованія Рогожскаго кладбища, поступила сюда несмысленнымъ еще ребенкомъ мѣщанская дѣвочка Пелагея Анисимова Шелюкова, принявшая въ ранней молодости иночество съ именемъ Пульхеріи, а въ 1848 году — и схиму. Безъ малаго девяносто лѣтъ живетъ она на Рогожскомъ и въ столь преклонныхъ лѣтахъ сохранила память и бодрость, обладая притомъ рѣдкимъ даромъ слова и большою начитанностью. Пульхерія — живая лѣтопись Рогожскаго кладбища, но, къ сожалѣнію, эта лѣтопись, по весьма понятнымъ причинамъ, далеко не всѣмъ доступна. Строгая аскетическая и притомъ вполнѣ безупречная жизнь ея, безграничная ревность къ расколу, строгое благочестіе, тяжелыя желѣзныя вериги, которыя она носитъ, огромная начитанность, правдивость со своими и ловкая хитрость съ нераскольниками, особенно съ чиновниками, — давно поставили ее высоко во мнѣніи старообрядцевъ. Московскія купчихи-раскольницы постоянно ѣздили и ѣздятъ къ ней на поклонъ и для испрошенія молитвъ ея и совѣтовъ по семейнымъ дѣламъ. Слушая медоточивую рѣчь красноглаголевой матушки Пульхеріи, купчихи „таяли умомъ и сердцемъ", по выраженію одной изъ нихъ. И не только московскіе старообрядцы, но и всѣ знавшіе ее иногородные — питаютъ къ Пульхеріи глубокое уваженіе. Громко имя ея въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ старообрядческаго населенія. Такъ, въ нѣкоторыхъ обителяхъ скитовъ керженскихъ и чернораменскихъ безъ предварительнаго совѣта и благословенія матушки Пульхеріи не предпринималось ничего важнаго. Она считается святою женщиной, и почитатели ея приписываютъ ей даже даръ прозорливости и пророчества. При такой обстановкѣ мать Пульхерія пріобрѣла огромное вліяніе на дѣла московской старообрядческой общины и сумѣла сохранять его во всю жизнь свою, никогда не возвышая голоса, никогда не переступая за ограду Рогожскаго кладбища. Во время оскудѣнія священства она вмѣстѣ съ конторщиками много заботилась и много приложила труда и обольщеній для привлеченія къ побѣгамъ на Рогожское кладбище православныхъ священниковъ, а по совращеніи ихъ въ расколъ укрывала бѣглецовъ въ своей обители и потомъ отправляла въ какую-либо нуждающуюся въ попѣ старообрядческую общину. У матери Пульхеріи была полотняная церковь, и въ ней изрѣдка, тайно, по ночамъ, служили укрываемые въ женской обители попы литургію. У Пульхеріи постоянно были запасные дары, которые разсылала она по разнымъ мѣстамъ, особенно же по селеніямъ Гуслицкой волости. По удостовѣренію протоіерея Арсеньева, мать Пульхерія въ то время, какъ онъ жилъ на кладбищѣ (1817 — 1844), принимала самое дѣятельное участіе въ совращеніи православныхъ мірянъ въ свою секту. Въ цвѣтущее время Рогожскаго кладбища подъ ея игуменствомъ живало по пятидесяти и болѣе монахинь и бѣлицъ. Въ 1854 году, когда

съ кладбища были уже высланы всѣ иногородныя и имѣющія менѣе 50-лѣтняго возраста, у матери Пульхеріи осталось еще десять монахинь *) и шесть послушницъ. Кромѣ того въ такъ-называемомъ „Маргаритиномъ домѣ“ оставались семь женщинъ, не имѣвшихъ иночества. Это остатокъ бывшей обители Маргаритиной.

Черезъ нѣсколько домиковъ отъ Пульхерьиной обители находилась другая женская обитель, въ которой игуменствовала мать Александра. Обитель эта помѣщалась въ домѣ, нарочно для того построенномъ бывшимъ попечителемъ Рогожскаго кладбища Степаномъ Тихоновичемъ Миловымъ, который въ свое время былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по устройству заграничной старообрядческой іерархіи. Черезъ него производилась значительная часть заграничной переписки. Въ этомъ домѣ, такъ же, какъ и въ Пульхерьиной обители, устроены были внутренніе переходы, тайники и подземелья для отправленія тайныхъ требъ, ночныхъ обѣденъ въ полотняной церкви, миропомазанія православныхъ, переходившихъ въ расколъ, постриженія въ иночество и пр. т. п. По учрежденіи митрополіи въ Бѣлой-Криницѣ, мать Александра туда перенесла свою обитель, а въ іюлѣ 1852 года сдѣлалась игуменьей Успенскаго Бѣлокриницкаго женскаго монастыря **). Съ Александрой переселились

*) Московскія мѣщанки: Таифа 71 г. (Татьяна Рябцова), Алевтина 74 л. (Анна Макарова). Таисія 70 л. (Татьяна Оксанова), Измарагда 71 г. (Ирина Еремѣева), Өеофанія 50 л. (Өедосья Никитина); государственныя крестьянки: Манеоа 67 л. (Маремьяна Никитина), Деввора 62 л. (Домна Аөанасьева) и Александра 59 л. (Анна Иванова), солдатка Евсевія 69 л. (Авдотья Андреянова) и крѣпостная крестьянка Өеоктиста 64 л. (Өекла Панфилова). О самой Пульхеріи: «Разсказъ дяди Онисима» и изъ «Записокъ В. А. Сапѣлкина» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1863 и 1864 гг.

**) Объ устроеніи сего монастыря сказано въ «Памятникѣ происходящихъ дѣлъ Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря съ октября мѣсяца 7354 (1846) по прибытіи г-на митрополита Амвросія», заключающемъ въ себѣ 213 постановленій митрополіи (по 25 марта 1863 г.). До 1854 года 146 постановленій писаны рукой инока Павла Великодворскаго, затѣмъ до 171 № включительно до 1855 года рукой Пафнутія (послѣ епископа коломенскаго, а нынѣ единовѣрческаго инока), потомъ до 185 № включительно до 17-го января 1855 г. рукой епископа Онуфрія, нынѣ обратившагося въ единовѣріе. Затѣмъ пропускъ за два года; въ 1859 году рукою Алимпія Звѣрева-Милорадова записано только одно постановленіе о поставленіи въ попы села Бѣлой-Криницы дьякона Никиты Купріянова, сына митрополита Кирилла. Затѣмъ съ 1860 года постановленія до конца записаны рукой архидьякона Филарета, нынѣ единовѣрческаго инока. Благосклонному содѣйствію профессора Н. И. Субботина обязаны мы знакомству съ этимъ и другими подлинными документами Бѣлой-Криницы, за что пріятною обязанностью считаемъ выразить признательность этому безспорно лучшему знатоку прежняго и современнаго русскаго раскола старообрядчества. Въ «Памятникѣ», составляющемъ, такъ сказать, лѣтопись Бѣлой-Криницы, подъ № 110, іюля 8-го 1852 г. записано: «Освѣщена церковь въ здѣшнемъ женскомъ скиту во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, которая выстроена по благоизволенію здѣшняго бѣлокриницкаго верховнаго святителя митрополита Кирилла, деревянная на каменномъ фундаментѣ, длиной въ 10, а

въ Бѣлую-Криницу бывшія при ней на Рогожскомъ монахини: Варсонофія, Порфирія и Алевтина — вдова ямщика города Валдая, Василья Великодворскаго, мать знаменитаго въ исторіи русскаго раскола Павла, который вмѣстѣ съ Алипіемъ Звѣревымъ-Милорадовымъ, уроженцемъ посада Крылова, отыскалъ для раскольниковъ архіерея. Александру уважали московскіе старообрядцы не менѣе чѣмъ Пульхерію, и обитель ея была едва ли не богаче всѣхъ другихъ. Въ 1854 году въ ней оставались только двѣ престарѣлыя инокини: слѣпая Варсонофія да больная Измарагда.

Отъ обителей Девворы и Меланіи въ 1854 году и слѣдовъ не оставалось.

Въ женскихъ обителяхъ Рогожскаго кладбища устроено было общежитіе. Каждая изъ нихъ имѣла значительныя средства. Хлѣбъ, квасъ, капусту, огурцы, рыбу, масло и другіе запасы жительницы обителей получали отъ кладбища и независимо отъ того пользовались щедрыми подаяніями московскихъ и иногородныхъ богачей-раскольниковъ. Подаянія эти раздавались къ большимъ праздникамъ, а также по случаю смерти какого-нибудь раскольника. Родственники умершаго обыкновенно заказывали въ обителяхъ читать псалтырь и платили за то широкою рукой. Кромѣ того богатые старообрядцы брали изъ обителей въ дома свои послушницъ, а иногда и самихъ монахинь, читать псалтырь, что называлось „стоять свѣчу", за что и послушницы и обитель получали денежное вознагражденіе. За сборами обитательницы рогожскихъ монастырей по городамъ не ѣздили; это водилось во всѣхъ скитахъ и монастыряхъ, но никогда въ обителяхъ рогожскихъ. Московскіе старообрядцы были такъ многочисленны и богаты и на подаянія столь щедры, что рогожскимъ матерямъ не было никакой надобности разъѣзжать по Россіи и подвергать себя разнымъ дорожнымъ затрудненіямъ и лишеніямъ для какой-нибудь тысячи рублей. Кромѣ „уставной службы", то-есть чтенія и пѣнія часовъ, вечеренъ и заутренъ, монахини и послушницы занимались рукодѣльями. Рукодѣлья раздѣлялись на „бѣлоручныя" и „черныя". Къ первымъ относились вышиванье по канвѣ шелками, синелью и шерстью, вязанье кошельковъ, поясовъ, лѣстовокъ, золотошвейныя и бисерныя работы. На продажу эти работы не посту-

шириной въ 6 саженъ. Въ томъ же корпусѣ заключаются нѣсколько келій съ кухнею и кладовою для служащихъ при церкви и для жительства прочихъ безпріютныхъ одной нашей религіи женскаго пола сиротъ, вдовицъ и старицъ, т.-е. въ видѣ сиротскаго призрѣнія. При сей церкви первая игуменья поставлена отъ самого г. митрополита Кирилла инокиня схимница Александра». Подъ № 205 записано: «9-го августа 1862 г. преставилась игуменья Александра». Преемницею ея была въ Бѣлокриницкомъ Успенскомъ скиту мать Евпраксія, переселившаяся вмѣстѣ съ Александрой съ Рогожскаго кладбища, но она возвратилась въ 1865 году въ Москву, гдѣ и умерла въ концѣ этого года, въ домѣ извѣстнаго теперь по старообрядческимъ дѣламъ Крючкова. См. «Русскій Вѣстникъ» 1866 г., № 1, стр. 222.

пали, но назначались обыкновенно для подарковъ богатымъ раскольникамъ, которые въ долгу, разумѣется, не оставались. Къ чернымъ работамъ относились: пряденье льна, приготовленіе холста, полотна для употребленія въ обители. Тѣми же работами занимались и призрѣваемыя на Рогожскомъ кладбищѣ женщины, пока въ силахъ были работать.

Кромѣ исчисленныхъ заведеній, на Рогожскомъ кладбищѣ было 36 домовъ, называющихся частною собственностью, всѣ деревянные и только одинъ каменный (купца Тарбѣева). Изъ нихъ въ 1854 году двѣнадцать лучшихъ и болѣе помѣстительныхъ домовъ обращены были на помѣщеніе единовѣрческаго духовенства и должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и домà, считавшіеся принадлежавшими попамъ Ястребову, Арсеньеву, и каменный домъ Тарбѣева. Многіе богатые купцы строили на Рогожскомъ кладбищѣ дома для помѣщенія въ нихъ раскольниковъ, иногда цѣлыми семействами, и содержали на свой счетъ *). Другіе раскольники, не столь богатые, но имѣвшіе связи съ вліятельными людьми Рогожскаго кладбища, строили для себя дома и жили въ нихъ до смерти. По смерти же такихъ хозяевъ строенія поступали въ общественное владѣніе. Послѣ умершихъ поповъ семейства ихъ проживали въ домахъ, которые были построены для нихъ обществомъ, получая содержаніе отъ какого-либо богатаго раскольника **). Обитатели кладбищенскихъ домовъ или жили на полномъ содержаніи общества наравнѣ съ призрѣваемыми въ палатахъ, или, пользуясь однимъ помѣщеніемъ, имѣли свое хозяйство. Другіе платили даже за квартиру, а иные, внесши единовременно извѣстную сумму денегъ, пользовались помѣщеніемъ пожизненно ***).

Въ 1854 году, при поступленіи Рогожскаго богадѣльнаго дома подъ правительственный надзоръ, были потребованы отъ частныхъ лицъ, владѣвшихъ внутри кладбищенской ограды домами, документы на ихъ строенія. Ни у кого документовъ и плановъ не оказалось, и 2-го ян-

*) Почетные граждане: Левинъ (коломенскій), Аллилуіевъ, Карпъ Васильевичъ Соколовъ, Николай Осиповичъ Осиповъ; купцы: Рязановъ, Тарбѣевъ, Скочковъ, Абертышевъ, Турицыны, Миловы, Кобяковы и купчихи: Ширяева, Лубкова, Муравьева и др.

**) Такъ, напримѣръ, семейство попа Іоакима Петрова, состоявшее изъ шести женщинъ, принадлежавшихъ къ православному духовному званію, содержалось почетнымъ гражданиномъ Солдатенковымъ. Семейство попа Ефима Өедорова, состоявшее изъ двухъ его родственницъ, жило на общественномъ содержаніи и платило только за дрова («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1854 г., № 79).

***) Такъ, за домъ, оставшійся послѣ уставщика Заболоцкаго, пятью женщинами въ 1839 году было внесено въ казну кладбища единовременно 4 тысячи рублей ассигнаціями. За домъ попа Арсеньева двѣ женщины заплатили 1.200 р. асс. Погодная наемная плата была не высока: за домъ платили по 50, по 40 и даже по 10 руб. сер. въ годъ («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1854 г., № 76).

варя 1857 года дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ строенія Рогожскаго кладбища признаны были принадлежностью богадѣльнаго дома.

Собственно кладбище находится въ сѣверной части ограды, подлѣ Никольской часовни, нынѣ обращенной въ единовѣрческую церковь, и въ южной находится небольшой общественный садъ.

Для безопасности отъ пожара были на Рогожскомъ кладбищѣ двѣ пожарныя трубы и три бочки.

Рогожское кладбище имѣло свой значительный капиталъ, составленный изъ пожертвованій, дѣланныхъ въ разное время, изъ суммъ, назначавшихся по духовнымъ завѣщаніямъ *), отъ кошельковаго сбора, отъ продажи въ часовняхъ свѣчъ и т. п. Увѣряютъ, что рогожскій капиталъ въ цвѣтущее время кладбища простирался до $2^1/_2$ милл. руб. сер., и что при каждомъ значительномъ расходѣ, произведенномъ изъ этого капитала, онъ немедленно пополнялся или подпиской, или даже по раскладкѣ между богачами. Значительнѣйшая доля этого капитала обыкновенно находилась на рукахъ у кого-либо изъ богачей, какъ, напримѣръ, въ прежнее время у Антипа Дмитріевича Шелапутина, и по смерти его у Ѳедора Андреевича Рахманова. Они распоряжались общественными деньгами безотчетно, выдавая однако исправно извѣстные проценты на содержаніе часовенъ и богоугодныхъ заведеній кладбища. Незначительная часть рогожскаго капитала хранилась въ конторѣ въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, положенныхъ завѣщателями. Въ 1854 году, при пріемѣ Рогожскаго богадѣльнаго дома въ правительственное вѣдѣніе, найдено такихъ капиталовъ въ именныхъ биле-

---

*) Въ духовныхъ завѣщаніяхъ обыкновенно предоставлялось душеприказчику сдѣлать пожертвованіе въ извѣстномъ размѣрѣ *на благоугодныя дѣла* по его усмотрѣнію, а куда и сколько дать — о томъ изъявлялась воля завѣщателя словесно или въ частной запискѣ. Такъ дѣлалось потому, что Рогожское общество не было обществомъ, признаннымъ правительствомъ, и гражданская палата могла бы не утвердить завѣщанія, если бы въ немъ ясно была высказана воля завѣщателя. Вотъ обыкновенная для того формула; заимствуемъ ее изъ завѣщанія Ѳедора Андреевича Рахманова, утвержденнаго московскою гражданскою палатой 29-го іюля 1854 года (подлинникъ находится въ «слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Кочуева и другихъ раскольниковъ»): «Завѣщеваю душеприказчикамъ (Василью Григорьевичу и Алексѣю Алексѣевичу Рахмановымъ, Кузьмѣ Терентьевичу Солдатенкову и Николаю Дмитріевичу Царскому) изъ оставшагося по смерти моей капитала на поминовеніе грѣшной моей души, на раздачу неимущимъ и бѣднымъ людямъ, нашей братіи, а равно на искупленіе должниковъ, содержащихся подъ стражей за долги, употребить такую сумму, *какую они, душеприказчики, заблагоразсудятъ съ общаго всѣхъ ихъ согласія, по ихъ благоусмотрѣнію, ибо я сіе совершенно предоставляю на ихъ добрую волю и увѣренъ въ нихъ, что они исполнятъ мое назначеніе вполнѣ*». Изъ дѣла видно, что на дѣла благотворенія отчислено 600 тысячъ руб. сер. Но главное назначалось (отъ 300 до 400 тыс.) на Бѣлую-Криницу, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, находящихся въ томъ же дѣлѣ.

тахъ московскаго опекунскаго совѣта только на 17.464 р. 82 к. *) и незначительное количество наличныхъ денегъ на текущіе расходы. Безыменныхъ билетовъ, которыхъ было много, не нашлось ни одного. Все было заблаговременно къ рукамъ припрятано. Наконецъ въ 1865 году и незначительный остатокъ громаднаго нѣкогда рогожскаго капитала былъ украденъ посредствомъ ловкаго мошенничества людей, переодѣвшихся жандармскимъ полковникомъ, квартальнымъ надзирателемъ и добросовѣстными.

Переходимъ засимъ къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ изъ рогожскаго духовенства.

Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія Владимірской губерніи, Юрьевскаго уѣзда, въ селѣ Пѣньѣ **) былъ священникъ Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ. Была у него жена, попадья ревнивая, Афимьей звали, а попъ падокъ былъ на грѣховную женскую лѣпоту. Грѣхомъ случилось такъ, что молоденькая попова работница отъ батюшки учинилась непраздна. Пока ревнивая попадья Афимья о такомъ дѣлѣ не свѣдала, Иванъ Матвѣевичъ заблагоразсудилъ вытравить ребенка въ утробѣ своей Агари. Пѣньевская Сарра не знала о продѣлкѣ своего Авраама и равнодушно смотрѣла, какъ работница, лѣчась отъ лихоманки, пила взварецъ, приготовленный руками самого батюшки. Но, должно-быть, Иванъ Матвѣевичъ очень уже поусердствовалъ, приготовляя цѣлебный напитокъ: прекрасная рабыня умерла. Началось уголовное дѣло о вытравленіи младенца и объ отравленіи его матери. Ястребову приходилось плохо. Провѣдавшіе о томъ рогожцы явились къ Ивану Матвѣевичу, предлагая ему тихое и безмятежное житіе на ихъ кладбищѣ. Онъ былъ непрочь. Но двоюродный братъ Ястребова, Лука Ивановичъ Сокольскій, помощникъ секретаря владимірской консисторіи, приказными своими продѣлками повернулъ дѣло на то, чтобы родственнику его остаться правымъ, а смерть работницы отнести къ волѣ Бо-

---

*) По билетамъ: 1) купчихи Татьяны Ивановны Соколовой на вѣчное время вложены въ 1832 году въ пять тысячъ руб. асс. на содержаніе убогихъ; 2) за упокой купца Архипа Петровича Абертышева на вѣчное время положены въ 1820 году 200 тысячъ руб. асс. на содержаніе богадѣленъ; 3) по духовному завѣщанію купчихи Анисьи Никифоровны Левиной положены въ 1829 году 15 тыс. руб. асс. на содержаніе богадѣленъ; 4) вложенные 1829 г. неизвѣстнымъ 200 руб. асс. на содержаніе богадѣленъ; 5) вкладъ московскаго купца Михаила Александрова Емельянова 1817 года въ 2.860 руб. сер. на содержаніе богадѣленъ и 6) московскаго купца Петра Андреевича Манунлова 1847 г. въ 3 тысячи руб. сер. на содержаніе богадѣленъ.

**) А не Пеньковѣ, какъ сказано по ошибкѣ писца въ «Журналѣ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета» 28-го іюня 1837 г., статья 3 (въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора). Села Пенькова нѣтъ во всей Владимірской губерніи. Село Пѣнье находится въ 37 верстахъ отъ Юрьева, подлѣ почтоваго тракта въ Переяславль («Списки населенныхъ мѣстностей Россійской имперіи», часть VI, № 6.080).

жьей. „Отъ Сокольскаго, вѣроятно, для таковаго же прикрытія,—сказано въ журналѣ: — передано секретарю Протопопову, отчего и неизвѣстно о немъ было епархіальному начальству“. При такомъ оборотѣ дѣла *) Иванъ Матвѣевичъ и раздумалъ-было идти къ раскольникамъ, но на бѣду очень онъ любилъ лошадокъ. Московскіе раскольники подвели ему великолѣпнаго рысака въ 800 рублей — деньги по тому времени очень большія, и попъ не въ силахъ былъ удержаться передъ видомъ породистаго жеребца. Онъ перешелъ на Рогожское. Это было въ 1802 году. Полвѣка прожилъ Ястребовъ, этотъ хитрый, лукавый, но умный и начитанный попъ, на Рогожскомъ кладбищѣ, пользуясь громаднымъ уваженіемъ раскольниковъ за свой фанатизмъ въ дѣлѣ раскола **). Но еще въ селѣ Пѣньѣ, къ крайней обидѣ попадьи Афимьи, соблазняясь на женскую красоту, — не покинулъ Иванъ Матвѣевичъ своей грѣховной страсти и на новомъ мѣстѣ. И не покидала его страсть сія даже до смерти. Соблазновъ же для сладострастнаго пастыря на Рогожскомъ было много: молодыя читалки жили какъ разъ рядомъ съ домомъ, выстроеннымъ для Ивана Матвѣевича. Ревнивая попадья Афимья много скорбѣла, глядя на новыя любовныя похожденія сожителя, и не выдержала — подожгла кельи читалокъ. Но Иванъ Матвѣевичъ не исправился и послѣ этого ***).

Но все прощалось рогожцами попу Ивану Матвѣевичу, прощалось за его безпредѣльную ревность къ расколу, за его „словеса учительныя и пользительныя старообрядству“, за важныя услуги, оказанныя имъ Рогожскому кладбищу. Еще онъ былъ „попомъ-новикомъ“ на Рогожскомъ, всего еще десять лѣтъ священствовалъ у раскольниковъ, какъ надъ Москвой разразилась французская гроза 1812 года. Старообрядцы въ страхѣ разбѣжались. Большею частью укрылись они въ Гавриловомъ посадѣ, Владимірской губерніи, въ Романовѣ и въ Керженскихъ скитахъ. Иванъ Матвѣевичъ остался на кладбищѣ. Извѣстно, что вступленіе непріятеля въ столицу было совершенно неожиданно для ея жителей, которыхъ графъ Ростопчинъ до послѣдняго часа обнадеживалъ въ

*) «Журналъ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета» 28-го іюня 1837 г., гдѣ и справки изъ дѣлъ владимірской консисторіи. «Дѣло владимірской духовной консисторіи 1801 года о священникѣ села Пѣнья Юрьевской округи, Іоаннѣ Ястребовѣ».

**) На его надгробномъ памятникѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, слѣдующая надпись: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло священноіерея Іоанна Матвѣевича Ястребова, трудившагося паствою православныхъ христіанъ при семъ Рогожскомъ кладбищѣ 49 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Скончался 19-го декабря 1853 года. Житія его было 83 года».

***) Изъ «Записокъ В. А. Сапѣлкина» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 г., № 11. О нѣкоторыхъ любовницахъ попа Ивана Матвѣевича, на основаніи официальныхъ документовъ, было сказано въ IX главѣ настоящихъ очерковъ. Все, что говорится въ настоящихъ очеркахъ о духовныхъ лицахъ Рогожскаго кладбища, основано на документахъ, хранящихся въ правительственныхъ архивахъ Петербурга и Москвы.

безопасности Москвы. Извѣстно также, что изъ самыхъ даже кремлевскихъ соборовъ не успѣли вывезти заблаговременно драгоцѣнности, которыя и сдѣлались добычей наполеоновской арміи. Драгоцѣнности Рогожскаго кладбища тоже, разумѣется, остались на своихъ мѣстахъ. Попъ Иванъ Матвѣевичъ не бѣжалъ, подобно другимъ, въ виду непріятеля, хотя и имѣлъ къ тому всѣ средства,—онъ остался хозяйничать на Рогожскомъ. Съ помощью нѣсколькихъ работниковъ, иконы, книги и все церковное имущество онъ успѣлъ скрыть въ нарочно вырытыхъ, а потомъ засыпанныхъ на кладбищѣ могилахъ. Ограбивъ Москву, французы пожаловали и на Рогожское кладбище, но, не найдя, чѣмъ поживиться, оставили его нетронутымъ. Какъ скоро они очистили городъ, Иванъ Матвѣевичъ, еще до возвращенія разбѣжавшихся старообрядцевъ, все поставилъ на своихъ мѣстахъ. Спасеніе рогожскихъ драгоцѣнностей приписано было особенному покровительству Божью, оказанному послѣдователямъ „истинной вѣры“ *), и въ память того сдѣлана надпись въ Рождественской часовнѣ. „И дѣйствительно, — говорили рогожцы:—православныя церкви разграблены, у безпоповцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ все цѣло, но потому, что преображенцы въ день вступленія французовъ въ Москву посылали къ французскому коменданту ходатая на поклонъ съ тарелкой золота, получили охранную стражу изъ жандармовъ, водворили на Преображенскомъ французскую фабрикацію русскихъ фальшивыхъ ассигнацій и даже удостоились посѣщенія самого императора французовъ съ королемъ Неаполитанскимъ. А рогожцы никого не просили, а все осталось цѣло. Это чудо: Богъ ослѣпилъ враговъ, ничего они не нашли“, — стали говорить рогожцы, и такіе разсказы имѣли огромное вліяніе на увеличеніе совращеній въ поповщинскую секту православныхъ и нѣкоторыхъ безпоповцевъ. Другую услугу Рогожскому кладбищу оказалъ попъ Иванъ Матвѣевичъ немедленно по очищеніи Москвы непріятелемъ. Ему, говорятъ, обязано было Рогожское кладбище тѣмъ, что графъ Платовъ оставилъ въ немъ полотняную церковь, а начальникъ Москвы словесно разрѣшилъ служить въ ней обѣдни.

Возвысившись такимъ образомъ во мнѣніи старообрядцевъ въ годину московскаго разоренія, Иванъ Матвѣевичъ окончательно стяжалъ славу „крѣпкаго адаманта и твердаго хранителя святоотеческихъ законовъ и древлецерковнаго благочестія“ вскорѣ послѣ воспретительнаго указа 1827 года. При послѣдовавшемъ, вслѣдствіе того указа, „оскудѣніи священства“, рогожскіе старообрядцы увидѣли себя въ безвыходномъ положеніи. Значительная ихъ часть громко заговорила о принятіи правильнаго священства, то-есть единовѣрія, особенно простонародье. Старики и фанатическіе ревнители раскола ужаснулись при видѣ столь несообразнаго съ ихъ видами и расчетами направле-

*) Протоіерей Арсеньевъ. «Записки о Рогожскомъ кладбищѣ».

нія умовъ народа. Во что бы то ни стало они вознамѣрились поддержать прежній порядокъ вещей и ни подъ какимъ видомъ не допускать на кладбищѣ единовѣрческаго богослуженія *). Помогъ и въ этомъ случаѣ горю ихъ попъ Иванъ Матвѣевичъ.

Много было по этому случаю собраній на Рогожскомъ. Много было толковъ, споровъ и ссоръ. У простыхъ людей и до драки дѣло доходило. Наконецъ, чтобы „умирить все народное множество", по совѣту Ивана Матвѣевича, назначенъ былъ день для великаго собора. Наканунѣ отпѣли всенощную, поутру отправили часы и совершили крестный ходъ кругомъ часовни. Все это сдѣлано было съ особенною торжественностью, стройно и чинно, и сильно подѣйствовало на народную массу. Затѣмъ среди Рождественской часовни поставили аналогій, Иванъ Матвѣевичъ положилъ на немъ крестъ и евангеліе и сталъ возлѣ. Какъ скоро часовня наполнилась собравшимися на совѣщаніе, онъ, не допуская начала разсужденій, поднялъ руку съ двуперстнымъ сложеніемъ и громко произнесъ: „Стойте въ истинной вѣрѣ и за правый крестъ до послѣдней капли крови! Кто послѣдуетъ истинной Христовой вѣрѣ, подходи и цѣлуй крестъ и евангеліе, а кто не желаетъ оставаться въ прежнемъ положеніи — выходи вонъ". Эффектъ вышелъ чрезвычайный: всѣ до единаго приложились ко кресту, и о принятіи на кладбищѣ правильнаго священства и рѣчи больше не стало. Вѣсть объ этомъ распространилась по всему старообрядству, и слава Ивана Матвѣевича прогремѣла далеко **).

По смерти попа Ивана Ефимова, около 1825 года, Иванъ Матвѣевичъ сдѣлался старшимъ попомъ Рогожскаго кладбища. У него духовными дѣтьми, за весьма немногими исключеніями, была вся московская старообрядческая аристократія, всѣ богачи и вліятельные люди. Онъ былъ умнѣе и начитаннѣе другихъ рогожскихъ поповъ, и странное, повидимому, дѣло: между тѣмъ какъ товарищи его всячески старались какъ можно осторожнѣе выражаться о православіи, Иванъ Матвѣевичъ постоянно относился къ нему враждебно, съ желчью и нерѣдко даже съ богохульствомъ. Другіе попы замѣтно тяготились совѣстью при воспоминаніи объ отступничествѣ и старались хоть виномъ залить ее: Ивана Матвѣевича никогда не мучило раскаяніе. Зато и пилъ онъ воздержно, предпочитая вину фрукты изъ оранжерей духовныхъ чадъ своихъ и красивыхъ дѣвицъ изъ собственнаго своего духовнаго вертограда. Другіе рогожскіе попы рано или поздно возвращались въ нѣдра

*) Протоіерей Арсеньевъ. «Записка о Рогожскомъ кладбищѣ».

**) «Журналъ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета», 28-го іюня 1837 г. (въ архивѣ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора), изъ котораго видно, что объ этомъ происшествіи писалъ саратовскій преосвященный московскому викарію, управлявшему епархіей за отсутствіемъ митрополита Филарета, жившаго тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ.

покинутой церкви: Иванъ Матвѣевичъ не допускалъ и мысли о примиреніи съ нею. Ни одинъ изъ дозволенныхъ поповъ не соглашался на учрежденіе заграничной старообрядческой іерархіи: Иванъ Матвѣевичъ былъ въ числѣ ея учредителей и впослѣдствіи призналъ надъ собой главенство и бѣлокриницкаго митрополита, и Софронія, который нѣкогда подъ именемъ Стенки Жирова былъ у него въ пѣвчихъ. Въ то же время и съ рогожскою святыней Иванъ Матвѣевичъ обращался самымъ безцеремоннымъ образомъ и на свое служеніе постоянно смотрѣлъ какъ на доходное ремесло.

Другой рогожскій попъ, очень уважаемый раскольниками и уважаемый по справедливости, Александръ Ивановичъ Арсеньевъ, былъ прежде православнымъ священникомъ въ Костромской епархіи. Приходъ у него былъ бѣдный, и Арсеньевъ нуждался въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ средствахъ. Прельщенный раскольниками, посулившими ему жизнь спокойную и не только безбѣдную, но даже роскошную, онъ бѣжалъ въ Рогожское въ 1817 году, и старшимъ попомъ Иваномъ Ефимовымъ перемазанъ въ полотняной церкви. Двадцать семь лѣтъ служилъ онъ на кладбищѣ, и странная судьба семейства Арсеньевыхъ: служилъ онъ раскольникамъ въ то самое время, когда родной братъ его, Константинъ Ивановичъ, нашъ извѣстный ученый, преподавалъ исторію и статистику Россіи наслѣднику цесаревичу. Александръ Ивановичъ Арсеньевъ былъ человѣкъ съ отличными природными способностями, большой начетчикъ и отличался безупречной жизнью, безукоризненною нравственностью. За то и пользовался онъ уваженіемъ и любовью старообрядцевъ. Многіе изъ нихъ, даже въ нѣкоторый ущербъ Ивану Матвѣевичу, считали его „что ни на есть лучшимъ попомъ" *). Духовныхъ дѣтей было у него больше, чѣмъ у другихъ поповъ, особенно много бывало у него на духу женщинъ. Арсеньевъ былъ человѣкъ энергическій, рѣшительный, но въ то же время крайне самонадѣянный. Вслѣдствіе того онъ нерѣдко нарушалъ условія, съ соблюденіемъ которыхъ правительство дозволяло попамъ, дозволеннымъ правилами 1822 года, доживать вѣкъ свой на Рогожскомъ кладбищѣ. Въ 1833 году онъ переправилъ въ расколъ солдатку, вѣнчалъ свадьбы ранѣе опредѣленнаго закономъ возраста, вѣнчалъ по-раскольнически православныхъ и даже выдавалъ въ томъ письменныя свидѣтельства. Возникли дѣла, и московскій совѣщательный о раскольникахъ комитетъ въ 1837 году постановилъ: отослать Арсеньева на законное сужденіе къ костромскому преосвященному, изъ епархіи котораго онъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ бѣжалъ. Для исполненія этого постановленія потре-

*) «Письмо московской купчихи Соколовой къ Александрѣ, игуменьѣ Игнатьевой обители въ Комаровскомъ скиту (Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), 23-го марта 1810 года, находится при «Дѣлѣ о бѣгломъ іеромонахѣ Иларіи» въ архивѣ въ нижегородскомъ губернскомъ правленіи.

бовали Александра Ивановича въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, но рогожцы отвѣчали полиціи, что Арсеньевъ находится въ отсутствіи *), хотя отлучки рогожскимъ попамъ и были воспрещены закономъ. Дѣйствительно же Арсеньевъ не думалъ выѣзжать изъ Рогожскаго кладбища и жилъ спокойно въ своемъ домѣ, даже разъѣзжалъ по Москвѣ въ каретѣ, но съ опущенными шторами на окнахъ. Такимъ образомъ, скрытно, но, конечно, небезызвѣстно для московской полиціи, проживалъ Александръ Ивановичъ цѣлыя семь лѣтъ, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ наконецъ по высочайшему повелѣнію, 25-го апрѣля 1844 года, былъ взятъ и отправленъ въ Кострому **). Кладбищенскій конторщикъ Синицынъ и пѣвчій, а потомъ уставщикъ, Жигаревъ нерѣдко ѣздили въ Кострому и поддерживали связи Арсеньева съ московскимъ старообрядчествомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ однако обратился къ единовѣрію и сдѣланъ былъ протоіереемъ и благочиннымъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей Черниговской епархіи. Связи свои съ Рогожскимъ кладбищемъ онъ однако сохранялъ до самой смерти и, бывая въ Москвѣ, всегда посѣщалъ бывшихъ своихъ сослужебниковъ, поповъ Ястребова и Русанова ***). Двѣ большія записки его, одна — „о Рогожскомъ кладбищѣ“, другая — „о дѣйствіяхъ Кочуева“, писанныя въ 1854 году, служили важнымъ пособіемъ при составленіи этихъ очерковъ.

Попъ Петръ Ермиловичъ Русановъ — лицо также весьма замѣтное въ старообрядчествѣ. Онъ былъ православнымъ сельскимъ священникомъ во Владимірской епархіи и бѣжалъ на Рогожское въ началѣ 1822 года. Былъ слухъ, что раскольники, уговаривая его перейти къ нимъ, соблазнили его, подаривъ бочку самаго лучшаго, самаго чистаго дегтя. Объ этой молвѣ упоминается въ архивныхъ дѣлахъ. Веселый былъ человѣкъ Петръ Ермиловичъ и подъ пьяную руку самъ иногда подтверждалъ этотъ слухъ. „Ермилычъ“ — такъ обыкновенно звали этого забубеннаго попа — былъ человѣкъ пьяный, алчный до денегъ и распутный. Въ пьянствѣ всегда доходилъ до безобразія. Его терпѣли единственно „ради оскудѣнія священства“. Бывало, какъ только попадетъ ему въ голову, сейчасъ ругаться. Кто ни попадись на глаза, хоть сама мать Пульхерія, сейчасъ обзоветъ ее дурой и раскольницей

*) «Журналы московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета» 28-го іюня 1837 и 17-го іюля 1838 года въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора.

**) Какъ его брали съ кладбища — подробно разсказано въ «Зрителѣ» 1863 года. Статья «Зрителя» перепечатана въ «Сборникѣ изъ исторіи старообрядчества» Н. Попова.

***) Собственноручное его показаніе, находящееся въ «Слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Аѳонія Кочуева и другихъ раскольниковъ», находившихся подъ слѣдствіемъ и прикосновенныхъ къ нему въ 1854 и 1855 годахъ. При «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 7-го мая 1853 года, № 8 — 519.

и начнетъ обличать расколъ и разсказывать всѣ извѣстныя ему рогожскія тайны. Онъ презиралъ раскольниковъ и не упускалъ ни одного случая посмѣяться надъ ними. На свадьбахъ, на обѣдахъ у богачей, если тутъ случался Ермилычъ, и хозяева и гости, бывало, Бога молятъ, чтобы пронесъ благополучно. Но этого никогда почти не вымаливали. Какъ напьется Ермилычъ, такъ и пойдетъ всѣхъ еретиками обзывать и ругаться надъ расколомъ. Молодыя женщины и дѣвушки къ нему и на духъ не ходили. Съ Иваномъ Матвѣевичемъ онъ никогда не ладилъ. Не только при частныхъ встрѣчахъ, но и въ соборныхъ служеніяхъ, на которыхъ Ястребовъ занималъ первое мѣсто, не упуститъ, бывало, Ермилычъ кольнуть сослужебника.

— Эхъ, ты, архипастырь! На сиваго жеребца святую церковь промѣнялъ! — скажетъ ему, бывало, вполголоса.

— А ты, пьяница, на бочку дегтю, — злобнымъ шопотомъ отвѣтитъ Иванъ Матвѣевичъ и набожно возведетъ горѣ преподобныя очи свои.

Впослѣдствіи, когда, за недостаткомъ поповъ, прекратились въ рогожскихъ часовняхъ соборныя служенія и осталось только двое священнослужителей — Ермилычъ съ Ястребовымъ, они ужъ и не встрѣчались. Бывало, Ермилычъ въ часовню, Иванъ Матвѣевичъ хоть и служитъ — ризы долой и вонъ. Привелось же однако Ермилычу отпѣвать своего друга. И въ чинѣ погребенія у него ругательства мѣшались съ молитвами. Не забылъ онъ, сказываютъ, надъ гробомъ преставльшагося и сиваго жеребца помянуть. Ужъ на что мать Пульхерія, всегда снисходительная къ попамъ и обвинявшая одного дьявола во всѣхъ ихъ безобразіяхъ, и та послѣ говорила, что нехорошо было на похоронахъ Ивана Матвѣевича и грѣшно.

Особенно тѣмъ пугалъ старообрядцевъ Петръ Ермилычъ, что при каждой съ ними брани грозилъ, что сейчасъ же поѣдетъ къ митрополиту Филарету, падетъ ему въ ноги, будетъ просить прощенія и дозволенія возвратиться въ православіе — и разскажетъ все, что знаетъ о раскольничьихъ тайныхъ дѣлахъ. Много ему денегъ за то перепало, чтобы онъ какъ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ не исполнилъ такого обѣщанія. Но подъ конецъ онъ возвратился же въ православіе. Въ 1854 году, 24-го іюня, давая отвѣты слѣдственной комиссіи по дѣлу о дѣйствіяхъ Кочуева и другихъ раскольниковъ *), Русановъ собственноручно написалъ: „всегда было и теперь желаніе мое есть присоединиться къ православію, но предоставляю это времени“. Ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ этого (23-го ноября) онъ дѣйствительно присоединился къ церкви на условіяхъ единовѣрія и остался жить на Рогожскомъ до самой смерти (въ январѣ 1857 года). Обратившись къ единовѣрію, Ермилычъ покинулъ пьянство и прежнія безобразія, но алчность къ деньгамъ не оставила его: онъ продавалъ рѣдкія книги и

*) Въ 1854 году высочайше учрежденная слѣдственная коммиссія на нѣкоторое время переведена была изъ Петербурга въ Москву.

прикидывался нищимъ, выпрашивалъ подаяній у единовѣрцевъ, хотя у него и лежало на сто тысячъ рублей процентныхъ бумагъ, какъ говорила дочь его *).

Изъ недозволенныхъ священнослужителей, которыхъ немало перебывало на Рогожскомъ кладбищѣ, упомянемъ о трехъ болѣе замѣчательныхъ: архимандритѣ Геронтіи, іеромонахѣ Иларіи и попѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ Соловьевѣ.

Геронтій былъ архимандритъ греческій, съ Аѳонской, кажется, горы, жилъ въ Оптиной Козельской пустыни и даже нѣкоторое время былъ въ ней настоятелемъ. Но, вдавшись въ пьянство, вдался онъ и въ расколъ, конечно, какъ грекъ, не понимая вполнѣ его сущности и перейдя къ раскольникамъ единственно изъ-за денегъ и изъ-за обѣщанной хорошей жизни. Въ 1825 году Геронтій явился въ Макарьевъ монастырь **), гдѣ былъ принятъ настоятелемъ Евлогіемъ и всѣмъ „Вѣтковскимъ соборомъ". Но подъ чинъ пріятія, то-есть подъ миропомазаніе, Геронтій здѣсь не ходилъ, едва ли не потому, что въ вѣтковскихъ монастыряхъ на ту пору не случилось ни бѣглаго попа ни мира. Вскорѣ грекъ-раскольникъ явился на Рогожскомъ, гдѣ и былъ принятъ попомъ Алексѣевымъ, посредствомъ миропомазанія. Рогожцы очень было-возрадовались тому, что совершенно неожиданно попалъ къ нимъ не попъ, а цѣлый архимандритъ; но безобразіе Геронтія, постоянно бывшаго въ безпросыпномъ пьянствѣ, было такъ велико, что и они, вообще снисходительные къ подобнымъ поступкамъ пастырей, выслали Геронтія не только съ кладбища, но и изъ самой Москвы (около 1830 г.). Вскорѣ Геронтій былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе за бродяжничество и уклоненіе въ расколъ. По увольненіи его тамъ на собственное продовольствіе, онъ покинулъ-было расколъ и по слезной просьбѣ былъ принятъ въ число братства Селенгинскаго Троицкаго монастыря. Въ 1833 году, отлучась на время изъ монастыря подъ благовиднымъ предлогомъ, Геронтій былъ найденъ въ Урлукскомъ селеніи пьянствующимъ у тамошняго раскольничьяго уставщика. При немъ найдены запасные дары, старинный антиминсъ патріарха Іоасафа I и актъ, данный Геронтію отъ вѣтковскаго собора Макарьева монастыря и отъ Рогожскаго кладбища, свидѣтельствующій о пріемѣ его въ расколъ и повелѣвающій всѣмъ старообрядцамъ оказывать ему уваженіе и принимать отъ него, *яко отъ страдальца*, благословеніе ***). Оказалось, что Ге-

*) Вскорѣ по присоединеніи его къ единовѣрію (21-го марта 1855 г.) раскольникъ, мѣщанинъ Василій Васильевъ, забравшись къ нему въ домъ, хотѣлъ убить его. Но пистолетъ, поставленный въ упоръ, далъ три осѣчки сразу. Васильевъ смутился и кинжаломъ распоролъ себѣ животъ.

**) Могилевской губерніи, Гомельскаго уѣзда, основанъ около 1740 г., обращенъ въ единовѣрческій въ 1844 году.

***) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1834 г., № 55. Къ свидѣтельству была приложена печать Рогожскаго кладбища, вслѣдствіе чего оно было отобрано.

ронтій правилъ требы у сибирскихъ раскольниковъ. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

Иларій происходилъ изъ купеческаго званія и былъ іеромонахомъ и казначеемъ въ Спасопреображенскомъ монастырѣ, что̀ въ кремлѣ города Казани. Бѣжалъ къ раскольникамъ въ 1830 году. Онъ жилъ то на Иргизѣ, то въ Москвѣ, то въ Казани, то въ женской обители Игнатьевой Комаровскаго скита, въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи *). Пріобрѣтеніе Иларія для раскольниковъ было очень важно: хотя въ то время у нихъ было довольно бѣлыхъ поповъ, но мало было черныхъ (іеромонаховъ), необходимыхъ для полнаго постриженія въ иноческій чинъ. Въ этомъ отношеніи Иларій вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды раскольниковъ: въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ пребыванія между ними, говорятъ, онъ постригъ въ разныхъ мѣстахъ до двухъ тысячъ монаховъ и монахинь. Изъ этого числа цѣлая половина приходится на долю Москвы. Въ 1837 году, по обращеніи Средненикольскаго монастыря на Иргизѣ въ единовѣрческій, тамошніе отцы успѣли передать Иларію полотняную церковь во имя Симеона Столпника. Съ этою церковью Иларій разъѣзжалъ по Россіи, служа обѣдни; бывалъ онъ на Дону, на Уралѣ, въ Пермской и Вятской губерніяхъ, но преимущественно проживалъ въ Москвѣ, въ Казани, при тамошней Коровинской часовнѣ, и въ Игнатьевской обители Комаровскаго скита. Въ этомъ скиту священноинокъ сблизился съ сестрою тамошней игумены, сдѣлалъ ее инокиней и своею любовницей. Когда, по высочайшему повелѣнію, возникли розыски Иларія, онъ удалился съ своею подругой въ Яранскій уѣздъ Вятской губерніи; гдѣ и жилъ въ деревнѣ Починкѣ, подъ именемъ нижегородскаго мѣщанина Өедора Григорьева. Изъ Починка ѣздилъ изрѣдка на Рогожское, а чаще въ Казань. Въ этомъ городѣ былъ взятъ и преданъ законному су-

*) Комаровскій скитъ близъ деревень Елфимова и Ронжина основанъ въ началѣ XVIII ст. раскольникомъ Комаромъ, пришедшимъ сюда изъ окрестностей Твери. Въ этомъ скиту была мужская обитель Іонина, существовавшая до тридцатыхъ годовъ, и 16 женскихъ обителей, одна отъ другой независимыхъ. Въ числѣ такихъ обителей была обитель Игнатьева, находившаяся рядомъ съ Іонинной, одна изъ самыхъ богатыхъ и многолюдныхъ, съ большою часовней. Она была основана новоторжскимъ раскольникомъ, отцомъ Игнатіемъ, лично извѣстнымъ императрицѣ Екатеринѣ II. Впослѣдствіи (еще въ прошломъ столѣтіи) мужская Игнатіева обитель обращена въ женскую и существовала до 1853 г., когда вмѣстѣ съ другими уничтожена. Въ послѣднее время настоятельницей этой обители была крестьянская дѣвка государственной деревни Михайловой (Семеновскаго уѣзда) Агаөья Константинова, во иночествѣ Александра, замѣчательная умомъ, фанатизмомъ, краснорѣчіемъ и толщиной: въ ней было тринадцать пудовъ вѣсу. Въ ея обители жила сестра ея, дѣвица Авдотья Константинова, въ иночествѣ Елизавета, съ дочерьми Клавдіей и Александрой, рожденными отъ Иларія. По высылкѣ изъ скитовъ постороннихъ жителей, то-есть не приписанныхъ къ скитамъ по ревизіи, что̀ было въ 1853 году, мать Александра жила въ деревнѣ Михайловой, гдѣ и умерла около 1860 года.

жденію. Его лишили сана и послали въ Соловецкій монастырь въ заточеніе.

Во время пересылки Иларія въ Соловки, раскольники совершили одну изъ самыхъ ловкихъ своихъ продѣлокъ. И побуждены они были къ этой продѣлкѣ не столько, быть-можетъ, ради достиженія сектаторскихъ цѣлей, сколько ради удовлетворенія горячаго чувства черноглазой, краснощекой старицы Елизаветы. Она дѣйствительно была очень хороша собой и въ пожилыхъ уже лѣтахъ, а дочери ея и Иларія были рѣдкія красавицы. Украли Иларія комаровскія матери слѣдующимъ образомъ. Изъ Казани онъ препровождался по этапу, и въ одной съ нимъ партіи шелъ до Нижняго-Новгорода нѣкто Волковъ, дворовый человѣкъ казанскаго помѣщика Галицына, за пьянство и воровство отданный въ солдаты и назначенный въ нижегородскій гарнизонный батальонъ внутренней стражи. Дѣйствуя по плану, напередъ обдуманному въ Игнатьевой обители, отецъ Иларій, при выходѣ изъ Казани, уговорился съ Волковымъ перемѣниться именами, обѣщавъ ему за то тысячу рублей и обнадеживъ, что во время пути по Вологодской губерніи раскольники отобьютъ его у конвоя и препроводятъ въ одинъ изъ скитовъ, гдѣ онъ спокойно и въ полномъ довольствѣ проведетъ остальную свою жизнь. Посулилъ пропойцѣ Волкову священноинокъ Иларій вина сколько хочетъ, сытные обѣды, большія деньги, теплыя кельи и любую изъ послушницъ или монахинь для сожительства. Волковъ соблазнился на предложеніе знаменитаго постригателя раскольническихъ иноковъ и инокинь. Въ городѣ Чебоксарахъ Иларій обрился, а на слѣдующемъ этапѣ, при перекличкѣ пересыльныхъ арестантовъ, перемѣнились именами: Иларій назвался Волковымъ, Волковъ Иларіемъ. Въ городѣ Василѣ Иларій сказался больнымъ и подъ именемъ рядового Волкова былъ оставленъ до выздоровленія въ тюремной больницѣ. Лжеиларій пошелъ далѣе и, не встрѣтивъ никакихъ раскольниковъ въ Вологодской губерніи, переплылъ Бѣлое море и попалъ въ Соловкахъ въ тюремное отдѣленіе, гдѣ и отданъ былъ подъ надзоръ искуснаго старца для убѣжденія его въ истинѣ православія и неправотѣ раскола, о которомъ Волковъ и понятія не имѣлъ. Но, опасаясь за обманъ и побѣгъ наказанія сквозь строй, онъ рѣшился молчать, тщательно хранить выросшую во время пути бороду и креститься двуперстнымъ сложеніемъ. Искусный старецъ обращался къ нему съ наставленіями, начиналъ съ нимъ богословскіе споры, но Волковъ молчалъ, не зная, что̀ говорить. Монастырское начальство отмѣтило его въ арестантскихъ спискахъ самымъ упорнымъ и закоснѣлымъ раскольникомъ, а архимандритъ Досиѳей донесъ святѣйшему синоду, что новый заключенникъ не подаетъ никакой надежды къ уразумѣнію святыхъ истинъ православной церкви. Такъ прошло немало времени. Не выдержалъ наконецъ мнимый Иларій — соблазнился солдатской махоркой. Видитъ разъ искусный старецъ своего закоснѣлаго старовѣра среди солдатъ соловецкой инвалидной команды

съ трубкой въ зубахъ. Тутъ все объяснилось. Волковъ признался во всемъ и, конечно, не миновалъ наказанія *).

А Иларій между тѣмъ благополучно дошелъ до Нижняго и поступилъ въ тамошній гарнизонный батальонъ. Дѣло было въ концѣ сентября, и батальонный командиръ, хорошой знакомый съ матерью Александрой, игуменьей Игнатьевой обители, послалъ обритаго священноинока въ шинели, вмѣстѣ съ другими солдатами и новобранцами, убирать на гарнизонныхъ огородахъ капусту. Огороды находились на островѣ рѣки Волги. Иларій въ тотъ же день бѣжалъ въ Заволжье, и счастливая старица Елизавета въ крытой кибиткѣ благополучно довезла своего любезнаго до Комаровскаго скита. Но здѣсь Иларію жить было опасно; и страстно любящаяся иночествующая чета, съ двумя плодами любви—въ образѣ миленькихъ дѣвочекъ, перебралась въ Москву, гдѣ Иларій и жилъ до 1848 года, когда умеръ отъ холеры, оплаканный вѣрною подругой, малолѣтними дѣтьми и многочисленными московскими почитателями.

Бѣглый попъ Ѳедоръ Васильевичъ Соловьевъ, хотя и не очень долго жилъ на Рогожскомъ кладбищѣ, но въ короткое время успѣлъ пріобрѣсть немалое вліяніе на московское старообрядческое общество. Съ 1802 г. былъ онъ священникомъ въ селѣ Никола-Станъ, недалеко отъ города Мосальска, Калужской губерніи, и духовнымъ начальствомъ неоднократно замѣчаемъ былъ въ дурномъ поведеніи и несообразныхъ съ священническимъ саномъ поступкахъ. Ожидая по дѣламъ своимъ воздаянія, Соловьевъ въ 1832 году бросилъ приходъ и бѣжалъ въ Тверскую губернію къ раскольникамъ города Ржева. Здѣсь, вмѣстѣ съ дозволеннымъ правилами 1822 года попомъ Василіемъ Смирновымъ, служилъ онъ при часовнѣ, находившейся на Князь-Дмитріевской сторонѣ, и по временамъ пріѣзжалъ въ Москву помогать рогожскимъ попамъ исправлять требы. Въ 1836 году его взяли въ Ржевѣ. При производствѣ слѣдствія Соловьевъ обратился-было къ православію, но тотчасъ же попрежнему сталъ раскольничать. Святѣйшій синодъ, опредѣленіемъ 23-го декабря 1836 года, лишилъ Соловьева сана съ отданіемъ его въ распоряженіе калужскаго губернскаго правленія, но покойный государь на синодскомъ докладѣ написалъ собственноручно: „лучше, лишивъ священническаго сана, заключить въ монастырь подъ строгій надзоръ“. Его помѣстили въ Козельскую Оптину пустынь, гдѣ Соловьевъ въ 1839 г. лицемѣрно раскаялся и просилъ о возвращеніи ему іерейскаго сана. Въ возвращеніи сана ему было отказано, но по чиноположенію его присоединили къ св. церкви. Послѣ того онъ въ третій разъ впалъ въ расколъ; его переводили изъ монастыря въ монастырь, наконецъ изъ Архангельскаго монастыря, что̀ въ городѣ Юрьевѣ, Владимірской губер-

*) «Донесеніе соловецкаго архимандрита святѣйшему синоду» и находящееся въ нижегородскомъ губернскомъ правленіи «Дѣло о разысканіи по высочайшему повелѣнію бѣглаго іеромонаха Иларія».

нія. Соловьевъ бѣжалъ (30-го іюня 1845 г.) на Рогожское кладбище, гдѣ и былъ принятъ, какъ нѣкій великій исповѣдникъ, съ большими почестями. Но на самомъ кладбищѣ раскольники боялись держать попа Ѳедора и помѣстили его въ Рогожской части, въ квартирѣ вольнаго хлѣбопашца Липатова, гдѣ онъ крестилъ, вѣнчалъ, исповѣдывалъ и причащалъ присылаемыхъ съ кладбища крестьянъ. Въ началѣ 1846 г. онъ былъ снова взятъ и заключенъ въ Суздальскій Спасо-Евѳимьевъ монастырь *).

Кромѣ рогожскихъ моленныхъ, въ Москвѣ было немало моленныхъ въ домахъ богатыхъ купцовъ, а въ Московской губерніи были, кромѣ того, и общественныя моленныя. Мы уже упомянули, что въ настоящее время (1867) въ Москвѣ считается 19 дозволенныхъ, открытыхъ моленныхъ, а въ Московской губерніи 35. Прежде было болѣе: въ 1838 г. ихъ считалось въ Москвѣ 28, а въ уѣздахъ 77, не считая множества тайныхъ.

Три моленныя въ Москвѣ были устроены съ алтарями и престолами: а) въ домѣ бывшаго попечителя Рогожскаго кладбища Николая Дмитріевича Царскаго, близъ Тверской заставы, въ Сущевской части, едва ли не на мѣстѣ существовавшаго до 1771 года старообрядческаго кладбища; б) въ домѣ бывшаго попечителя Павла Филипповича Дунякова, у Москворѣцкаго моста, въ Пятницкой части; и в) въ домѣ купца Григорья Степановича Рылова, за Большимъ Каменнымъ мостомъ, въ Якиманской части.

Изъ моленныхъ безъ алтарей особенно замѣчательны были: въ Рогожской части въ домахъ Саввы Борисова, Павла Аѳанасьевича Баулина (въ Таганкѣ), у купцовъ: Сергѣя Дмитріевича Худякова и Тимоѳея Красикова (ихъ обоихъ общій домъ). Въ другихъ мѣстахъ столицы: въ домѣ Николая Осипова за Москвой-рѣкой на Красномъ холму, Медвѣдева—въ Кожевникахъ, Арженикова—въ Покровскомъ, Ивана Аѳанасьевича Быкова—у Никиты Мученика, Рахмановыхъ, Соколова, Солдатенкова, Окорокова, Карташова и устроенная въ 1845 году новая моленная въ домѣ Андрея Александровича Досужева **).

---

*) «Слѣдственное дѣло о попѣ Ѳедорѣ Соловьевѣ» 1846 года въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора.

**) Прочія московскія моленныя находились: въ Рогожской части: у купцовъ Ѳедота Филиппова, Макара Копытова и мѣщанина Петра Миронова; въ Тверской части: у купца Ивана Царскаго; въ Басманной части: у купеческихъ братьевъ Емельяновыхъ; въ Пятницкой части: у бывшаго попечителя Рогожскаго кладбища, купца Трифона Петровича Лубкова; въ Якиманской части: у купчихи Павловой и у мѣщанина Дементія Гаврилова; въ Прѣсненской части: въ домѣ ямщика Карманова; въ Серпуховской части: у купцовъ Дмитрія Широкова, Дмитрія Михайлова и Александра Столбкова; въ Срѣтенской части: у купцовъ Шевалдышева, Соколова и Чудинова. Кромѣ того, нѣсколько недозволенныхъ, хотя и извѣстныхъ полиціи. Все это заимствовано изъ разныхъ дѣлъ департамента общихъ дѣлъ мин. внутр. дѣлъ и канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

Изъ часовенъ, находящихся въ Московской губерніи, особенно были замѣчательны:

Въ городѣ Вереѣ каменная, устроенная по подобію церкви и принадлежавшая всему мѣстному старообрядческому обществу. При ней бывали бѣглые попы. Въ тридцатыхъ годахъ былъ тамъ попъ Иванъ Петровъ Сергіевскій, бѣглый изъ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи, о помѣщеніи котораго на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1829—1832 годахъ напрасно хлопотали у правительственныхъ лицъ московскіе раскольники.

Въ городѣ Коломнѣ деревянная, при домѣ купца Григорья Титова.

Бронницкаго уѣзда въ деревнѣ Чулковой, устроенная на подобіе церкви, деревянная, на каменномъ фундаментѣ, съ колокольней.

Серпуховскаго уѣзда—въ деревнѣ Глазовой.

Московскаго уѣзда — въ селѣ Коломенскомъ, составлявшая какъ бы отдѣленіе Рогожскаго кладбища, и при ней богадѣльня, а съ 1850 года училище.

Больше всего часовенъ въ Богородскомъ уѣздѣ (1-го стана) въ такъ-называемой Гуслицѣ. Тамъ ихъ было 53, а теперь (1867) 27 однѣхъ дозволенныхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: въ деревняхъ Бѣливѣ, Заваленьи (въ каждой по двѣ часовнѣ), Шувоѣ, Слободищахъ и Заполицахъ.

Всѣ эти часовни и моленныя находились въ прямой зависимости отъ Рогожскаго кладбища. Въ нихъ ничего важнаго не предпринималось и не дѣлалось безъ воли и благословенія рогожскихъ властей. Конторщики и матери Пульхерія и Александра также въ свое время надъ ними владычествовали.

ЧАСТЬ II.

I.

Кочуевъ.—Рогожскій соборъ 1832 года.

На правомъ, высокомъ и крутомъ берегу Оки, верстахъ въ семидесяти отъ ея устья, стоитъ небольшой городокъ Горбатовъ, смежный съ большимъ селомъ Избыльцомъ, длинно протянувшимся на полугорѣ, внизъ по теченію Оки. Изъ четырехъ съ половиной тысячъ населенія обѣихъ мѣстностей едва ли не четыре пятыхъ принадлежитъ къ расколу, хотя большинство по церковнымъ росписямъ и значится православнымъ. Расколъ появился здѣсь съ самаго его начала, но до нынѣшняго столѣтія содержался лишь немногими торговцами. Съ этого времени и въ Горбатовѣ и въ Избыльцѣ развилась прядильная промышленность. Стали приготовлять въ значительномъ количествѣ бечеву, употребляемую для закрѣпы краевъ рыболовныхъ сѣтей, и отправлять ее на Низъ

для волжскихъ и каспійскихъ рыбныхъ промысловъ. Этимъ горбатовцы вошли въ тѣсную связь съ поволжскими жителями Саратовской и Астраханской губерній, откуда и заимствовали расколъ. Съ другой стороны расколъ проникалъ въ Горбатовъ изъ села Сасова, Тамбовской губерніи, откуда преимущественно привозили на прядильни пеньку. Горбатовцы, отправляя внизъ по Волгѣ бечеву, покупали на Низу рыбу и развозили ее для продажи по Верховью. У разбогатѣвшихъ такою промышленностью купцовъ и мѣщанъ появились при домахъ моленныя, въ которыхъ правили службу канонницы съ Иргиза, преимущественно же изъ скитовъ Семеновскаго уѣзда. Такихъ моленныхъ въ двадцатыхъ годахъ въ Горбатовѣ было три и сверхъ того четыре въ Избыльцѣ. Все небольшія и потаенныя. Православныя церкви опустѣли, хотя записныхъ раскольниковъ въ городѣ и селѣ считалось лишь нѣсколько десятковъ.

Въ этомъ городѣ жилъ небогатый купецъ Кузьма Васильевичъ Кочуевъ: у него было три сына и нѣсколько дочерей. Двое старшихъ сыновей пріучены были къ комиссіонной торговлѣ и нанимались въ приказчики у разныхъ купцовъ, имѣвшихъ дѣла въ Астрахани. Меньшой, по имени Авѳоній, назначался отцомъ къ тому же занятію *). Грамотѣ онъ учился дома, въ Горбатовѣ, а потомъ жилъ при старшемъ братѣ Корнилѣ, въ Астрахани, въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ. Будучи лѣтъ четырнадцати, онъ въ 1818 году уже закупалъ рыбу въ Черномъ-Яру для отправки въ верховыя губерніи, а въ 1819 году удачно торговалъ въ Казани, затѣмъ принялся-было за тюленій промыселъ, но ненадолго. Достигнувъ шестнадцати лѣтъ отъ рожденія, Авѳоній Кочуевъ избралъ иное поприще для своей дѣятельности. Видя, что братъ Корнилъ, уже пятидесятилѣтній, при всей честности и умѣньи вести торговыя дѣла, по временамъ оставался съ семьей безъ куска хлѣба, энергическій и

*) Объ Авѳоніи Кочуевѣ говорится въ нашихъ очеркахъ на основаніи дѣлъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ 9-го іюня 1843 г., № 177, 7-го мая 1853 г., № 8,519, и 23-го іюня 1853 г., № 62 (при послѣднемъ отчетъ о современномъ состояніи раскола, часть шестая), а также на основаніи слѣдственнаго дѣла, произведеннаго по высочайшему повелѣнію особою коммиссіей въ 1854 и 1855 годахъ, о дѣйствіяхъ Авѳонія Кочуева и другихъ раскольникахъ. При этомъ дѣлѣ находится болѣе полуторы тысячи подлинныхъ писемъ разныхъ раскольниковъ за время съ 1813 по 1853 годъ. Этими чрезвычайно любопытными письмами мы также воспользовались. Коллекція писемъ, о которой говоримъ, интересна для характеристики нравовъ и внутренней жизни старообрядцевъ; въ ней заключается все — отъ сектаторскихъ отношеній и торговыхъ дѣйствій до переписки, напримѣръ, одной молоденькой раскольницы, купеческой дочки, влюбившейся въ письмоводителя становаго пристава, которая, обладая даромъ поэзіи, пишетъ стихи къ колокольчику становаго, возвѣщающему пріѣздъ милаго, описываетъ своего любезнаго, покоющагося въ объятіяхъ нѣжной супруги (письмоводитель былъ женатъ), назначаетъ ему свиданія, и тотъ каждый разъ соглашается на rendez-vous, но подъ условіемъ принести бутылочку мадеры. Тутъ же вмѣстѣ и свѣдѣнія о сектаторствѣ.

впечатлительный юноша бросилъ торговлю, какъ занятіе невѣрное и не обезпечивающее, рѣшась составить себѣ извѣстность и нажить богатство инымъ путемъ—путемъ сектаторства.

Еще живя на Низу, Аввоній Кочуевъ сблизился съ раскольниками поповщинской секты и, подъ руководствомъ ихъ, съ ранней юности изучалъ старинныя книги. Одаренный рѣдкими способностями, на лету схватывалъ онъ познанія и въ шестнадцать лѣтъ былъ такимъ начетчикомъ, что старообрядцы только дивились. Между тѣмъ родители его, православные только по имени, съ устройствомъ въ селѣ Павловѣ *) единовѣрческой церкви, перешли въ единовѣріе. Аввоній, поступивъ въ поповщину, уговаривалъ и родителей послѣдовать его примѣру, но они пока не соглашались. Затѣмъ, начитавшись книгъ аскетическаго содержанія, онъ объявилъ отцу съ матерью о намѣреніи оставить міръ и посвятить себя отшельнической жизни. Они не соглашались, видя въ младшемъ сынѣ единственную опору своей старости. Произошла семейная ссора, и Аввоній, оправдывая свой поступокъ житіями разныхъ святыхъ, безъ паспорта бѣжалъ изъ Горбатова. Это было въ началѣ 1822 года.

Въ Хвалынскѣ жило тогда богатое купеческое семейство Михайловыхъ, они же и Кузьмичевы, состоявшее изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ. Они были раскольники поповщинской секты. Кочуева Кузьмичевы знали. Будучи на Низу, онъ исполнялъ нѣкоторыя ихъ порученія по торговымъ дѣламъ. Къ нимъ-то въ 1822 году явился подъ видомъ круглаго сироты Аввоній, прося покровительства и пріюта. Кузьмичевы, замѣтивъ въ юношѣ фанатическую ревность къ расколу, съ радостью приняли его и сдѣлали своимъ приказчикомъ. Восемнадцатилѣтній Кочуевъ до того вкрался въ довѣренность хозяевъ, что сдѣлался главой ихъ дома. Хитрый, изворотливый, онъ направлялъ всѣ дѣйствія богатыхъ своихъ покровителей къ развитію поповщинской секты въ Саратовской губерніи, заставлялъ ихъ дѣлать большія денежныя пособія бѣднымъ поселянамъ, выкупать на волю изъ крѣпостной зависимости склонявшихся въ расколъ, раздавать по деревнямъ безмездно значительные запасы хлѣба и т. п. Этимъ онъ хотѣлъ пріобрѣсти довѣренность и уваженіе толпы простолюдиновъ и вполнѣ достигъ своей цѣли, ибо всѣ, облагодѣтельствованные Кузьмичевыми, знали, кому они обя-

---

*) Село Павлово на Окѣ, извѣстное фабрикаціей стальныхъ издѣлій, въ старину — Павловъ-Перевозъ. Подъ этимъ именемъ оно упоминается и въ «Розыскѣ» св. Дмитрія Ростовскаго. Единовѣрческая церковь построена здѣсь лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Она очень богата; въ ней замѣчательно дорогое напрестольное облаченіе, сдѣланное изъ ліонской серебряной съ золотомъ парчи, заказанной въ 1797 году для короновальной робы императрицы Маріи Θеодоровны, но оставшейся безъ употребленія, потому что Павелъ I ускорилъ свою коронаціей, желая ее совершить въ день Свѣтлаго Воскресенья 5-го апрѣля. Парча была привезена позднѣе, и ее купили впослѣдствіи павловцы.

заны своимъ счастьемъ. Свободное время Кочуевъ посвящалъ изученію русской исторіи, греческаго и латинскаго языковъ, а въ особенности чтенію старопечатныхъ и старописьменныхъ русскихъ книгъ. Кузьмичевы находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Иргизомъ, особенно съ Верхнепреображенскимъ монастыремъ. И Кочуевъ, посредствомъ ихъ, сблизился съ тамошнею братіею, а особенно съ отцомъ Силуяномъ, человѣкомъ умнымъ, хитрымъ и энергически дѣятельнымъ. Получилъ молодой Авооній почетную извѣстность на Иргизѣ, снискалъ онъ уваженіе старообрядцевъ города Хвалынска, но домъ Кузьмичевыхъ и вліяніе на хвалынскихъ раскольниковъ не удовлетворяли его. Тѣсны и недостаточны для широкой натуры Кочуева были достигнутыя имъ общественныя отношенія: онъ жаждалъ извѣстности, громкой славы, обширнѣйшаго круга дѣятельности, почестей и богатства, мечталъ о вліяніи на всѣхъ русскихъ старообрядцевъ, мечталъ быть главой ихъ, руководителемъ, первымъ человѣкомъ во всемъ старообрядствѣ. Мечты не давали покоя честолюбивой душѣ его, и Авооній долго придумывалъ средства къ ихъ осуществленію. Онъ составилъ наконецъ планъ дѣйствій, изумившихъ впослѣдствіи его почитателей и высоко поднявшихъ горбатовскаго бѣглеца во мнѣніи всего старообрядческаго люда.

Сдѣлался Авооній задумчивъ, избѣгалъ людей, мало сталъ говорить съ самими Кузьмичевыми. Все, бывало, сидитъ надъ книгами. Наложилъ на себя строгій постъ и рѣдко выходилъ изъ своей комнаты. Затѣмъ сталъ отлучаться, куда—никто не зналъ. Таинственныя отлучки дѣлались чаще и чаще, и наконецъ въ исходѣ 1822 года Кочуевъ исчезъ изъ дома Кузьмичевыхъ *). Всѣ развѣдыванія ихъ о возлюбленномъ приказчикѣ были напрасны. Какъ въ воду канулъ молодой горбатовецъ.

Черезъ полгода, то-есть лѣтомъ 1823 г., въ приволжскомъ краѣ разнеслась между раскольниками вѣсть о проживающемъ въ лѣсахъ Саратовской губерніи пустынножителѣ, молодомъ, умномъ, начитанномъ, проводящемъ дни и ночи въ постѣ и молитвѣ. Открыли его келью, имъ самимъ построенную, и потекли къ ней толпами старообрядцы. Отшельникъ объяснялъ имъ догматы раскола, его начала и основанія, проповѣдуя, что спасеніе можно получить только чрезъ обращеніе въ старую вѣру и неуклонное храненіе древнихъ русскихъ обрядовъ и обычаевъ. И старообрядцы и православные съ благоговѣніемъ слушали пропо-

*) Протоіерей Арсеньевъ въ «Запискѣ о дѣйствіяхъ Кочуева» говоритъ, что исчезновеніе его изъ дома Кузьмичевыхъ случилось въ концѣ 1827 года. Но это было пятью годами ранѣе. Въ ноябрѣ 1822 года Корнилъ Кочуевъ, въ письмѣ къ отцу изъ Астрахани, спрашиваетъ: «Нѣтъ ли *еще* извѣстія отъ Авооніа?»—а 7-го марта 1823 года пишетъ: «Болѣзненно мнѣ отшельничество дражайшаго братца Авоонія Кузьмича. Воистину онъ благую часть избралъ по евангелію, то-есть безмолвіе, которое не отымется отъ него, только бы Всевышній управилъ имъ во благая; прошу васъ меня увѣдомить — въ томъ ли мѣстѣ онъ пребываетъ или отошелъ въ другое».

вѣди пустынника, не открывавшаго своего имени. Немало было совращеній въ расколъ. Богатые люди всѣми силами старались привлечь „святого мужа“ въ домъ свой, но напрасно. Наконецъ узнали, что этотъ сладкоглаголевый отшельникъ—Авооній.

Когда узнали его имя, онъ покинулъ пустынную келью и ушелъ въ Жигулевскія горы на безмолвіе. Въ Жигуляхъ много пещеръ, гдѣ въ старые годы живали сподвижники Стеньки Разина и волжскіе разбойники, а съ половины XVIII столѣтія калугеры, странники, пустынники и бѣгуны. Въ одной изъ такихъ пещеръ поселился Авооній и обрекъ себя на тяжкій подвигъ молчальника. Рыбные ловцы приносили ему хлѣбъ изъ сосѣднихъ селеній, стали стекаться къ нему старообрядцы, особенно женщины, чтобы поплакать о грѣхахъ и принять благословеніе „преподобнаго“. Подлѣ Авооніевой пещеры оказался родникъ прекрасной воды, она была оглашена цѣлебною, даже чудотворною. Поставили надъ ключомъ икону, за ней другую, третью, и вотъ образовалась небольшая часовня, въ которой день и ночь молился нашъ молчальникъ, истово творя крестное знаменіе двуперстнымъ сложеніемъ и перебирая кожаную лѣстовку. Болѣе и болѣе народу стекалось въ Жигули къ Авооніевой пещерѣ, наконецъ и здѣсь узнали имя молчальника. Тогда Кочуевъ удалился въ Симбирскъ.

Верстахъ въ двухъ отъ этого города, въ саду раскольника Мингалева, между оврагомъ и вишневыми деревьями была пещера, въ которой и поселился Кочуевъ. Сюда пришелъ онъ въ одной рубашкѣ, въ веригахъ, и на шеѣ носилъ большой мѣдный крестъ. Тутъ онъ принялъ на себя третій подвигъ—подвигъ юродства. Однажды Мингалевъ, обозрѣвая садъ, увидѣлъ въ пещерѣ молящагося по-старинному юрода и пришелъ въ восторгъ отъ такой благодати. Онъ предложилъ ему домъ свой. Юродивый ничего внятно не говорилъ, но только знаками просилъ Мингалева дозволить ему остаться въ пещерѣ. Мингалевъ согласился. Онъ спрашивалъ, какъ зовутъ его? „Авооній“, - промычалъ юродъ, а Мингалеву послышалось: „Аооній“. И прозвали Кочуева „Аооня блаженный“.

Онъ бродилъ по саду, и къ нему стали стекаться симбирскіе и окрестные раскольники. Приходили и хлысты, которыхъ довольно много въ Симбирской губерніи. Старая дѣвка, хлыстовка, старалась склонить Кочуева въ свою вѣру, гдѣ юродство въ столь большомъ уваженіи, но „Аооня блаженный“ не прельстился на ея слова и въ старой дѣвкѣ нашелъ злого врага. Едва ли не черезъ нее провѣдала о блаженномъ городская полиція и, какъ безписьменнаго, арестовала. Стали Аооню разспрашивать, кто онъ такой,—онъ молчалъ. Высѣкли Аооню розгами, лили ему на голову холодную воду, дѣлали иныя истязанія,—слова не промолвилъ. Наконецъ отпустили его на поруки симбирскому купцу, ревностному поборнику раскола, Ивану Ивановичу Константинову *).

*) Симбирскій губернаторъ 14-го августа 1853 года, то-есть черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого происшествія, писалъ въ министерство: «Около

Заточеніе, истязанія и твердость, съ которою Кочуевъ перенесъ ихъ, мгновенно распространились между симбирскими раскольниками, и они провозгласили неизвѣстнаго юрода святымъ человѣкомъ, страдальцемъ за вѣру. Стали пріѣзжать въ Симбирскъ старообрядцы и изъ другихъ городовъ на поклоненіе ему; пріѣхали Кузьмичевы и узнали въ немъ давно отыскиваемаго ими возлюбленнаго своего приказчика. Кочуевъ сбросилъ личину юродства и заговорилъ. Онъ поспѣшилъ объяснить Кузьмичевымъ, что и въ лѣсу, и въ Жигуляхъ, и въ Симбирскѣ дѣйствовалъ онъ съ единственною цѣлью упроченія и прославленія старой вѣры. Кузьмичевы, привыкшіе видѣть въ Кочуевѣ человѣка необыкновеннаго, возымѣли къ нему еще большее уваженіе, еще большее довѣріе. Но возвратиться къ нимъ въ Хвалынскъ Кочуевъ не согласился, сказавъ: „Будетъ еще время".

Достигнувъ такимъ образовъ славы между поволжскими раскольниками, онъ, прекративъ юродство, смѣнилъ имя Аоони на имя „Аоонасія", около трехъ лѣтъ прожилъ въ Симбирскѣ, наверху дома Константинова, и былъ уставщикомъ въ часовнѣ Мингалева. Зная, что богатство есть первое средство къ достиженію значенія и силы, Кочуевъ, хотя и смиренно, но не безъ удовольствія принималъ щедрыя пожертвованія, посыпавшіяся къ нему со всѣхъ сторонъ. Не переставалъ онъ покупать древнія книги и изучать ихъ. Въ Симбирскѣ сблизился онъ съ купеческимъ семействомъ Вандышевыхъ и на восемнадцатилѣтняго юношу изъ этого семейства, Петра Васильевича, пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе.

Между тѣмъ свѣдѣнія о приключеніяхъ Авоонія достигли Горбатова. Они огорчили приближавшагося къ гробу престарѣлаго отца его. Огорчило его посрамленіе любимаго сына. Купеческій сынъ, сѣченный въ полиціи! Огорчили его и слухи о его нечистой жизни, о которыхъ старикъ Кочуевъ узналъ изъ безыменнаго письма мстительной дѣвки-хлыстовки. Онъ звалъ сына въ Горбатовъ, вызываясь прислать ему паспортъ. Сохранилось отвѣтное письмо Авоонія, письмо длинное, широко-

1830 года, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска, въ горахъ найденъ былъ человѣкъ, повидимому, нѣмой, въ одной рубахѣ, съ большимъ мѣднымъ крестомъ на шеѣ. Когда его представили въ полицію, то, по распоряженію правившаго должность полицеймейстера Филиппини (умершаго), онъ былъ сѣченъ розгами и потомъ подвергаемъ пыткамъ, но все не говорилъ; нѣсколько времени содержался въ полиціи, а потомъ отданъ на поруки купцу Ивану Константинову, у коего заговорилъ и жилъ въ его домѣ наверху около трехъ лѣтъ, находился въ тѣсныхъ связяхъ съ раскольниками и былъ уставщикомъ часовни, находящейся на задахъ дома мѣщанина Мингалева. Родомъ онъ горбатовскій купецъ. Его звали всѣ Аоонеи, собственное же имя его было *Аоанасій* Кузьмичъ. Когда о вліяніи его на раскольниковъ дошло до свѣдѣнія начальства, онъ скрылся изъ Симбирска, а впослѣдствіи, пріобрѣтя хорошій достатокъ, приписался въ хвалынскіе купцы».

вѣщательное, изъ котораго представляемъ выдержки, характеризующія писавшаго въ эту эпоху его жизни.

„Паки занять семь злокозненнымъ врагомъ, паки князь тьмы и страстныхъ сладостей родитель—плѣненна мя сотвори... Почто такъ изволите себя безпокоить и сѣтовать мене ради всестрастнаго, ибо не стою ни малѣйшаго вниманія, не желаю вашего сожалѣнія, котораго не стою ниже помыслить—недостойный азъ, ниже могу нарещись сынъ вашъ... Азъ, непотребный, пребываю въ пространствѣ и не вижу дражайшаго ми креста, еже есть скорби, бѣды и напасти. Аще и есть нѣкоторыя, по зависти дьяволи, но сіи весьма малы моему окаянству, и оныя не меня, но паче васъ оскорбили тщетно, благоутробные мои родители... Въ письмѣ вашемъ (отъ 21-го февраля) узрѣлъ великую вашу печаль и сѣтованіе, которое имѣете тщетно, нанесенное вамъ отъ противника. Но жаль, что такъ медленно оное у васъ продолжается, и не могъ скорѣе васъ освободить отъ него... Также имѣю побуждающихъ мою совѣсть къ вашему сожалѣнію доброжелательныхъ странполюбцевъ, изъ коихъ первая есть Елена Васильевна, мать Ивана Ивановича (Константинова), имѣетъ меня вмѣсто сына, чего не смѣю и помыслить. Истинно отъ врага сіе ваше ко мнѣ великое сожалѣніе и мое къ вамъ усердное благорасположеніе, чего нетерпѣливо желаетъ и разные свои многокозненны умыслы, сѣти и козни поставляетъ и самъ тщится прекратить мой путь, отъ нихъ же да избавитъ мя Всевышній Творецъ... По зрите еще его (дьявола) льстивіи козни, ибо нѣцыи здѣ въ невѣдѣніяхъ и ересѣхъ находящіеся, подвиженіемъ сатаниным движими, сплетаютъ лесть и оскорбляютъ своими злохитрыми словесы васъ, невинные и дражайшіе мои. А именно сіе произошло отъ нѣкоей нечестивой старой дѣвицы, которая оказала мнѣ все свое усердіе съ тѣмъ мнѣніемъ, дабы прельстить меня въ свою проклятую вѣру, еже есть хлыстовщина именуется, а по писанію евхитска ересь. Не терпяще обличенія и укоренія своей безбожной вѣры, паче же законопреступной ереси проклятой святыми богоносными отцы, обаче не явѣ и пространнѣ сіе сотвори, но отай, завистію сатаниною и ины нѣкія плотскія вины прилагающе, яко да о невѣдѣніи вашего и отъ ищущихъ вины погибели лукавыхъ глаголю, бѣсовъ, дабы вы симъ прельстились, соблазнились и повѣровали. Корень такого лукаваго дьявольскаго суда и подобныхъ имъ, ради вашего утѣшенія, спасенія и спокойствія, христоспоспѣшествующу, искорените да подвигнитеся. Азъ же здѣ Господу Богу и Спасу нашему и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его споспѣшествовавшимъ, еже по силѣ моей, не облѣнихся понудити себе къ защищенію святыя, соборныя и апостольскія церкви, ибо испытано бысть о всемъ опасно и явѣ очищена быша вся ея догматы, вещи и тайны благодатію Христовою. Поистинѣ, вѣсть, непотребный и грѣшный! ни единаго слова къ душеполезному наставленію и извѣщенію истины. Сего ради не отверзаю устъ своихъ и бых яко человѣкъ не слышахъ и не имый во устѣхъ своихъ обличенія Божія.

Приходящіе же къ моему окаянству христолюбивые поборники благочестія пріемлютъ пользу отъ божественныхъ книгъ, которыхъ у меня нынѣ довольно, по милости Божіей. Точію мои недостойные очи и персты служатъ къ ихъ пользѣ, которыми могу сыскать яже имъ на пользу, но сами читаютъ, ибо и сему недостоинъ есмь, но Богу тако изволившу, ради прочихъ спасенія, попусти мнѣ дерзнути на сіе, яко же и древле скверными Валаамомъ учаше, тако и нынѣ моимъ окаянствомъ... Не сія ли есть вина сему (что не соглашаются ему дозволить удалиться отъ міра, вѣроятно, въ раскольничій монастырь), дражайшіе мои, яко не въ правовѣріи находимся? Сего ради Богомъ васъ прошу, потщитесь испытать сіе опасно, ибо тако есть писано: „аще и вся добродѣтели исправитъ человѣкъ, а неправо вѣритъ, ничто же себѣ пользы получить, но со еретики осудится". И нынѣ *избавихся отъ заблужденія* *), чего и вамъ желаю всѣмъ сердцемъ. Нѣтъ времени ясно вамъ писать — не поспѣю на почту. Сего ради Богомъ васъ прошу помолиться о мнѣ всемогущему Богу. На что, драгіе мои, просите, чтобъ меня показать нашимъ купцомъ? Чего не желаю. Или что такъ нетерпѣливо желаешь видѣть мое недостоинство, дражайшая сестрица, ибо грубъ есмь и невѣжда и не можете ни малѣйшія пользы отъ меня получить... Паспорта отъ васъ не желаю и васъ не требую, а что случится, то извѣщу. Если придетъ обо мнѣ сообщеніе въ магистратъ, то попросите, Господа ради, общество, дабы уволило навсегда мое окаянство, ибо уже оказался никуда непотребенъ" **).

Не знаемъ, продолжалась ли послѣ этого переписка у Аввонія съ отцомъ; знаемъ однако изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, что все, о чемъ ни просилъ сынъ въ приведенномъ письмѣ, отцомъ было исполнено. Горбатовское городское общество дало ему увольнительный видъ, въ которомъ, называя Аввонія глухимъ и нѣмымъ, дозволяло ему вступить въ монастырь. Родители и вся семья Кочуевыхъ обратились въ расколъ: въ 1830 году умеръ старикъ Кочуевъ и похороненъ въ Оленевскомъ скитѣ. Въ этотъ скитъ поступила его вдова Дарья Осипова и старшая дочь Авдотья Кузьминична. Обѣ постриглись: одна въ 1833 году подъ именемъ Досиѳеи, другая подъ именемъ Елизаветы ***). Другія сестры Аввонія были замужемъ за раскольниками ****).

Получивъ увольненіе отъ горбатовскаго общества, Аввоній Кузьмичъ недолго оставался въ Симбирскѣ. О сильномъ вліяніи его на раскольниковъ и совращеніи имъ многихъ православныхъ дошло до свѣдѣнія

*) То-есть перешелъ въ расколъ.

**) Письмо помѣчено 6 марта, но безъ означенія года.

***) По высылкѣ изъ скитовъ постороннихъ жителей въ 1853 г., Елизавета Кочуева, какъ семеновская мѣщанка, поселилась въ деревнѣ Колосковой, рядомъ съ Оленевскимъ скитомъ.

****) Настасья за Простовитиновымъ, Авдотья за Галкинымъ — горбатовскими купцами.

правительства. Избѣгая бѣды, онъ скрылся у Кузьмичевыхъ, а отсюда перебрался въ Верхнепреображенскій Иргизскій манастырь. Это было въ 1828 году.

Настоятелемъ Верхнепреображенскаго монастыря въ то время былъ престарѣлый инокъ Гавріилъ, но дѣлами управлялъ Силуянъ, человѣкъ умный, хитрый, довольно начитанный и еще не старый. Ему не было и сорока *).

Уроженецъ Александровской слободы, Гальяны тожъ, что подлѣ города Александрова, Владимірской губерніи, сынъ крестьянина конюшеннаго вѣдомства, Семенъ Никифоровъ, будучи лѣтъ шестнадцати отъ роду, поступилъ половымъ въ одинъ изъ московскихъ трактировъ, отлично выучился играть на бильярдѣ и передъ нашествіемъ Наполеона сдѣлался лучшимъ по Москвѣ маркеромъ. Глядя на красиваго парня въ бѣлой коленкоровой рубахѣ, съ кіемъ въ рукѣ, похаживавшаго вокругъ бильярда и возглашавшаго число очковъ, кто бы могъ подумать, что онъ вмѣстѣ съ Кочуевымъ возгласитъ первое слово объ учрежденіи заграничной старообрядческой іерархіи?

Вскорѣ по изгнаніи непріятеля, когда одинъ рекрутскій наборъ слѣдовалъ за другимъ, искусный маркеръ сданъ былъ обществомъ въ рекруты. Служить ему не хотѣлось, и, не дойдя до полка, Никифоровъ бѣжалъ. Нигдѣ лучше нельзя было укрыться дезертиру, какъ у раскольниковъ. Смѣнивъ кій на лѣстовку, маркеръ въ качествѣ странника явился въ 1816 году въ Верхнепреображенскій Иргизскій монастырь, поступилъ въ число братства, постригся, принявъ имя Силуяна, и при помощи сильныхъ старообрядцевъ, по чужому паспорту, приписался къ хвалынскому городскому обществу **).

Престарѣлый и почти совсѣмъ уже ослѣпшій игуменъ Нижневоскресенскаго монастыря, знаменитый въ исторіи старообрядства схимникъ Прохоръ, оказавшій много услугъ Иргизу и, между прочимъ, лично у императора Павла въ Гатчинѣ исходатайствовавшій избавленіе отъ рекрутской повинности жителей Иргиза, а потомъ получившій отъ его щедротъ шесть тысячъ рублей на возобновленіе сгорѣвшей въ Преображенскомъ монастырѣ церкви ***), Прохоръ, сорокъ лѣтъ правившій всѣми иргизскими монастырями и по всему старообрядству считавшійся за ревностнѣйшаго поборника „древляго благочестія“, въ 1828 году, согласясь на убѣжденія саратовскаго губернатора князя Голицына, далъ подписку о присоединеніи къ единовѣрію. Ужасъ объялъ Иргизъ и всѣ старообрядческія общины. Силуянъ, дотолѣ еще мало извѣстный, завелъ

---

*) Изъ ревизской сказки 7 ревизіи по Александровской слободѣ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи видно, что онъ родился въ 1790 году.

**) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1835 г., № 103, и 1840 г., № 932.

***) Привезены тайнымъ совѣтникомъ Руничемъ.

по этому случаю дѣятельную переписку съ Рогожскимъ обществомъ въ Москвѣ, съ Королёвскимъ въ Петербургѣ, съ Рязановымъ въ Екатеринбургѣ, съ Казанью, Пермью, Керженцомъ, Дономъ, Ураломъ и линейными казаками на Кавказѣ. Дѣятельнымъ помощникомъ Силуяна и редакторомъ этой переписки былъ вновь прибывшій въ монастырь послушникъ Аѳоній Кузьмичъ, сдѣлавшійся монастырскимъ секретаремъ.

Отовсюду посыпались грозные упреки на Прохора. Съ помощью Кочуева, Силуянъ (самъ не мастеръ онъ былъ писать) составилъ увѣщаніе старику и частью уговорами, частью угрозами добился того, что Прохоръ отказался отъ данной подписки. Это возвысило Силуяна въ глазахъ старообрядчества, и въ 1830 году, по смерти Гавріила, онъ былъ единогласно выбранъ въ игумены Верхнепреображенскаго монастыря, въ которомъ, за обращеніемъ Воскресенскаго въ единовѣрческій, образовался новый центръ Иргиза. Самъ маститый схимникъ Прохоръ, по распоряженію правительства доживавшій дни свои въ этомъ монастырѣ, сдѣлался подначальнымъ Силуяну. И до 1841 года, то-есть до тѣхъ поръ, когда послѣдній изъ иргизскихъ монастырей, Верхнепреображенскій, былъ обращенъ въ единовѣрческій, Силуянъ стоялъ во главѣ иргизскаго братства. Объ участіи Кочуева въ противодѣйствіи распространенію единовѣрія на Иргизѣ также разнеслась вѣсть по старообрядству. И вотъ имя его, пустыннаго учителя, молчальника, блаженнаго юрода, страдальца за вѣру, ревнителя по древлему благочестію, знатока святоотеческихъ книгъ, исповѣдника, проповѣдника, со славою промчалось повсюду. Достигалъ своей цѣли Аѳоній Кузьмичъ.

Незадолго передъ тѣмъ поступилъ въ Верхнепреображенскій монастырь воспитанникъ и наперсникъ Кочуева, Петръ Васильевичъ Вандышевъ, принявшій въ постриженіи имя Платона. Вандышевы были люди достаточные и находились въ родственныхъ связяхъ съ богатыми купеческими старообрядческими домами Казани, Саратова и другихъ приволжскихъ городовъ. Чтеніе, подъ руководствомъ Кочуева, прологовъ и патериковъ о жизни и подвигахъ пустынниковъ, распѣваемые Аѳоніемъ псалмы объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, покинувшемъ богатый домъ родителей и молодую, прекрасную невѣсту, объ индѣйскомъ царевичѣ Іоасафѣ, что̀ по внушеніямъ учителя своего Варлаама промѣнялъ сладкія яства на гнилую колоду, царскія вина на болотную воду, казну золотую на власяницу, Индѣйское царство на дикую пустыню, — воспламенили впечатлительную натуру юнаго купчика. Воспитанный отчасти по-свѣтски, любившій и тонкія вина, и карты, и даже танцы, немножко знавшій по-французски, большой охотникъ до свѣтской литературы, особенно до исторической, — Вандышевъ, оставивъ домъ родительскій и, какъ говорятъ, приготовленную ему невѣсту, бѣжалъ на Иргизъ по указанію Аѳонія. Мать и невѣста бросились въ погоню. Но, достигнувъ Преображенскаго монастыря, онѣ встрѣчены были моло-

дымъ человѣкомъ въ иноческомъ одѣяніи. Не было больше Петра Васильевича Вандышева: передъ ними, опустивъ глаза, смиренно стоялъ старецъ Платонъ. Иргизскіе монахи безъ искуса, безъ испытанія, постригли его въ тотъ же день, какъ онъ прибѣжалъ къ нимъ, не забывъ взять изъ дома значительную сумму денегъ. Платонъ вскорѣ сдѣлался казначеемъ Преображенской обители.

Живя въ монастырѣ, отецъ Платонъ по молодости увлекался иногда мірскими соблазнами и впадалъ въ грѣховную суету. Но не безпросыпное пьянство, укоренившееся издавна на Иргизѣ, составляло утѣшеніе отца Платона. Вкусившій нѣсколько отъ плодовъ симбирской цивилизаціи, онъ былъ непрочь попировать иной разъ съ пріятелями, но въ такомъ случаѣ не полуштофы кабацкой сивухи, а тонкія вина, въ бутылкахъ съ золочеными этикетами, являлись на столѣ иночествующаго сибарита, и монашеская келья оглашалась звуками гитары, пѣніемъ страстныхъ романсовъ, стихами Пушкина, звуками пламенныхъ поцѣлуевъ съ сестрами Покровскаго монастыря и частымъ хлопаньемъ пробокъ если не шампанскаго, то, по крайней мѣрѣ, знаменитаго въ ту пору цымлянскаго. Нерѣдко, окруженный бутылками, отецъ казначей закладывалъ пріѣзжимъ пріятелямъ банкъ или цѣлую ночь напролетъ проигрывалъ съ ними въ ландскнехтъ и трынку. Но все прощалось Платону ради его рода, ради его ума, денегъ и огромныхъ связей по всему Поволжью.

И секретарь монастырскій Кочуевъ и казначей Платонъ были искренними друзьями отца Силуяна и постоянными его собесѣдниками. Четвертымъ въ ихъ монастырскомъ обществѣ былъ экономъ монастыря, инокъ Аѳанасій, человѣкъ совсѣмъ иного склада. Вышелъ онъ изъ простыхъ мужиковъ, но, благодаря природному уму и рѣдкимъ способностямъ, сталъ онъ неизмѣримо выше другихъ иргизскихъ монаховъ и сдѣлался наперсникомъ Силуяна. Онъ былъ еще молодъ, только годомъ старше Кочуева: въ 1830 году ему исполнилось 27 лѣтъ *).

Абрамъ Абрамовичъ Кулябинъ былъ сынъ казеннаго крестьянина Вятской губерніи **). Отъ рожденія старообрядецъ, лѣтъ двадцати отъ роду покинулъ онъ родину, поселился на Иргизѣ и постригся въ иноки, принявъ имя Аѳанасія. Онъ такъ же, какъ и названныя выше лица, много читалъ и начитанностью пріобрѣлъ уваженіе въ средѣ старообрядцевъ и большое на нихъ вліяніе. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ главой глазовскаго раскола, Іоною Телицынымъ, съ глазовскимъ купцомъ Лысяковымъ, съ самарскими купцами Абачиными, хвалын-

*) Изъ ревизской сказки деревни Теляты 1811 года видно, что Абрамъ Абрамовъ родился въ 1803 году.

**) Деревня Теляты, Кулибинская тожъ, Глазовскаго уѣзда, Порѣзской (прежде Лумпунской) волости, верстахъ въ двадцати отъ центра тамошняго раскола — деревни Іоны Телицына, названной такъ по имени сарапульскаго 3-й гильдіи купца, тутъ поселившагося и бывшаго главою раскола тѣхъ мѣстъ.

скими—Кузьмичевыми или Михайловыми и села Мечетнаго *) Мальцовыми, этими столпами мѣстнаго старообрядства, Аѳанасій, посредствомъ этихъ благоговѣвшихъ передъ нимъ людей, имѣлъ громадное нравственное вліяніе на приволжскихъ и прикамскихъ старообрядцевъ. Слава о немъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ гремѣла во всѣхъ старообрядческихъ общинахъ восточной части Европейской Россіи. Казаки уральскіе и линейные благоговѣли предъ Аѳанасіемъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался старообрядческимъ епископомъ.

Весело и привольно жилъ на Иргизѣ этотъ избранный кружокъ молодыхъ иноковъ. Они властвовали надъ монастыремъ. Кормя братію и дозволяя ей пьянство и разгулъ, они во всемъ остальномъ держали ее въ ежовыхъ рукавицахъ. Остальные монахи и даже попы были рабами избраннаго кружка. Въ неменьшей зависимости отъ нихъ находился и сосѣдній Верхнепокровскій женскій монастырь. Прямою тропинкой отъ мужского и женскаго монастыря не болѣе версты. Хотя и въ томъ и въ другомъ ворота запирались, но были калиточки, и иноки съ инокинями проводили не только дни, но и ночи другъ у друга. Избранный кружокъ не ходилъ въ гости къ покровскимъ инокинямъ. Монахини, послушницы и даже гостьи являлись въ кельи Силуяна, Платона, Аѳанасія и Кочуева, по назначенію. Это не считалось грѣхомъ: „это не грѣхъ, а только паденіе“, говорили иргизскіе подвижники и подвижницы. Сама покровская мать-игуменья Надежда благодушно взирала на грѣшки своихъ евангельскихъ дщерей и сквозь пальцы смотрѣла, какъ онѣ подъ вечерокъ шмыгали въ калиточку и пробирались завѣтною тропинкой къ ожидавшимъ ихъ въ Преображенской обители иночествующимъ любовникамъ.

Былъ у отца Силуяна еще другъ-пріятель, богатый купецъ города Вольска, Гурій Ивановичъ Суетинъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ старообрядцевъ поволжскаго края. Снимая въ Заволжьѣ, близъ Иргиза, обширные участки казенной земли подъ хлѣбопашество, имѣлъ онъ тамъ немало хуторовъ, а подлѣ Вольска, въ которомъ жилъ, обширные сады. Имѣя торговыя дѣла на Кавказской линіи, онъ часто бывалъ и подолгу живалъ въ тамошнихъ старообрядческихъ станицахъ и пріобрѣлъ тамъ огромное нравственное вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Занимаясь исполненіемъ торговыхъ порученій отъ разныхъ купцовъ-раскольниковъ, Гурій Ивановичъ находился въ короткихъ, дружескихъ связяхъ съ главными членами Рогожскаго общества въ Москвѣ, съ богатыми старообрядцами Петербурга и нижняго Поволжья. Вліятельные старообрядцы Саратова, Сарапула и Екатеринбурга находились въ близкомъ родствѣ съ Суетинымъ **). Одаренный обширнымъ умомъ,

*) Впослѣдствіи города Николаевска, Саратовской, а нынѣ Самарской губерніи.

**) Двѣ дочери Гурія Ивановича были за саратовскими купцами-старообрядцами: Марья за Гребенщиковымъ, Елена за Емельяномъ Уфимцо-

предпріимчивостью и рѣдкою энергіей, Суетинъ былъ человѣкъ стараго закала, патріархальный домовладыка. Не только будучи во временныхъ отлучкахъ, но даже находясь впослѣдствіи въ ссылкѣ въ Кутаисѣ, посредствомъ переписки онъ распоряжался и домомъ, и хозяйствомъ, и семьей до малѣйшихъ подробностей. Изъ его переписки, находившейся у насъ подъ руками, видно, что сыновья, имѣвшіе уже своихъ дѣтей лѣтъ по пятнадцати, ворочая сотнями тысячъ, сюртука не смѣли сшить безъ отцовскаго приказанія изъ пожизненной ссылки. Старшій сынъ его Иванъ Гурьевичъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ отца и по дѣламъ торговли и по дѣламъ секты *). Онъ воспитывался въ московской коммерческой академіи и былъ хорошо образованъ **). Старикъ Суетинъ не считалъ образованія помѣхой расколу и впослѣдствіи внучатъ помѣщалъ въ коммерческую академію и другія учебныя заведенія. Чуждаясь православія, онъ не чуждался православнаго духовенства, и когда въ Вольскѣ была учреждена каѳедра викарнаго архіерея—Суетинъ былъ въ восторгѣ отъ такой чести родному и горячо любимому имъ городу и дѣятельно хлопоталъ объ устройствѣ епископскаго дома, скупалъ для него сады и пр.

Разъ, обозрѣвая свои хутора, Гурій Ивановичъ заѣхалъ въ Верхнепреображенскій монастырь къ другу своему, Силуяну. Отслушавъ, по

вымъ, двѣ другія за купцами-старообрядцами сарапульскими—Александра за Сѣдовымъ, Анна за Михаиломъ Колчинымъ. Въ Екатеринбургѣ извѣстный Казанцовъ также находился въ родственныхъ связяхъ съ Суетинымъ.

*) Такъ, напримѣръ, Егоръ Матвѣевичъ Копыловъ изъ Астрахани, 18-го января 1850 года, пишетъ къ нему: «При отъѣздѣ нашемъ я просилъ васъ попросить вашего тятеньку, а теперь всепокорнѣйше васъ прошу: не имѣете ли въ виду старичка трезваго, хорошаго поведенія, евангеліе читать, замолитвовать»; а отъ 12-го марта того же года Копыловъ увѣдомляетъ, что присланный старичокъ Иванъ Сергѣевъ помѣщенъ на дворѣ астраханской часовни, но только читаетъ, замолитвовать не можетъ. Переписка Суетиныхъ въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ о приведеніи въ извѣстность раскола въ Саратовской губерніи» 1853 года. До этого Иванъ Гурьевичъ велъ переписку о дѣлахъ бѣлокриницкихъ съ Петербургомъ, а въ 1848 г. даже и съ Вѣной.

**) Образованіе Ивана Гурьевича однако не помѣшало ему попасть подъ уголовный судъ за поступокъ, несообразный съ понятіемъ объ образованности. Въ 1850 году была сильная засуха, а передъ тѣмъ на хуторѣ Суетина въ Новоузенскомъ уѣздѣ опился работникъ, крестьянинъ Колѣнкинъ. Для прекращенія засухи и отвращенія чрезъ то неурожая, Иванъ Гурьичъ велѣлъ выкопать Колѣнкина изъ могилы и вколотить ему въ задъ осиновый колъ. За то по суду былъ оштрафованъ деньгами (то же дѣло). Другой сынъ Гурія Ивановича, Яковъ, много горя принесъ родителю своимъ пьянствомъ и мотовствомъ, былъ, по его приказанію изъ Кутаиса, изгнанъ изъ дома и умеръ, передъ смертью принявъ православіе. Это послѣднее обстоятельство свело 73-хъ-лѣтняго поборника раскола въ гробъ (умеръ въ Тифлисѣ въ маѣ 1862 года). Изъ писемъ видно, что родные считали обращеніе Якова Гурьевича въ православіе «обидой всего своего рода».

обычаю, въ часовнѣ длинную уставную службу, потрапезовавъ съ братіей въ келарнѣ, почетный гость отправился въ игуменскія кельи. Тамъ, кромѣ Силуяна, находился экономъ Аѳанасій, казначей Платонъ и секретарь Кочуевъ. Сѣли собесѣдники за столъ, уставленный, по скитскому обычаю, икрой, балыками, разными соленьями, орѣхами, пряниками, пастилой, финиками и ягодами. Грѣховныхъ утѣшеній, разумѣется, тутъ не было. Съ Гуріемъ шутить было нельзя: онъ постоянно носилъ толстую, суковатую палку, знакомую спинамъ иргизскихъ монаховъ и даже монахинь. За чаемъ, пуншемъ, мадерой и цымлянскимъ повели бесѣду о тѣсныхъ обстоятельствахъ старообрядства.

Главнѣйшій и богатѣйшій иргизскій монастырь Воскресенскій обращенъ въ единовѣрческій. Ходятъ вѣрные слухи, что и съ другими будетъ то же. Иргизу, этому Іерусалиму русскаго старообрядчества, грозитъ паденіе. Строго воспрещено иргизскимъ попамъ отлучаться изъ монастырей. Строго запрещено вновь принимать бѣглыхъ священниковъ. Строго запрещено разъѣзжать по Россіи иргизскимъ монахамъ и вновь принимать ихъ. Строго запрещено принимать поклонниковъ, стекавшихся на Иргизъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и даже изъ-за границы. Заграничнымъ раскольникамъ вовсе запрещено переходить, хотя бы и на время, въ русскіе предѣлы. Моленныя и часовни по всей Россіи описаны, и вновь не дозволено ни новыхъ строить ни старыхъ починять. Запрещено инокамъ называться иноками и носить иноческую одежду. Стали ссылать старообрядцевъ въ Закавказье. Назначили въ Пермской губерніи миссіонеровъ изъ духовенства, которые на первыхъ же порахъ нанесли сильный ущербъ старообрядству. Но всѣхъ бѣдъ горшая бѣда—„оскудѣніе священства". Вотъ что̀ было предметомъ бесѣды въ кельѣ отца Силуяна. Что̀ же будетъ? Что̀ дѣлать? Оскудѣніе священства уже и теперь, тотчасъ же послѣ состоявшихся воспретительныхъ постановленій, сдѣлалось тягостно, а впереди неизбѣжно что-нибудь одно: или идти въ безпоповщину, или принять единовѣріе. Ни того ни другого не хотѣлось. Что̀ же надо дѣлать?

Объединить все старообрядство правильнымъ іерархическимъ началомъ и господствующей церкви противопоставить свою собственную, независимую и канонически устроенную церковь. Вотъ что̀, по мнѣнію собесѣдниковъ, надо было сдѣлать.

Но какъ этого достигнуть? Толковали много и наконецъ договорились, что исканіе архіерейства и учрежденіе независимой ничѣмъ отъ господствующей церкви старообрядческой іерархіи составляетъ единственный выходъ изъ тяжкаго ихъ положенія. Но гдѣ взять архіерея, гдѣ устроить ему каѳедру, безопасную отъ преслѣдованій правительства, которыя, разумѣется, тотчасъ же послѣдуютъ?

Недоумѣвали собесѣдники. И поднялъ свой голосъ Аѳоній: „Непремѣнно и неотложно надобно учредить архіерейство,—сказалъ онъ.—Поискать надо, нѣтъ ли гдѣ на Востокѣ епископовъ, сохранившихъ „дре-

влее благочестіе", а если такихъ не сыщется, пригласить русскихъ, если же не пойдутъ, то греческихъ, и принять согласно правиламъ святыхъ отецъ. Жительство же устроить непремѣнно за границей, и всего лучше въ Буковинѣ, такъ какъ тамошніе старообрядцы имѣютъ привилегіи отъ австрійскихъ императоровъ, а турецкій султанъ теперь, послѣ войны, всякую волю русскаго правительства исполнитъ и, по требованію его, старообрядческое архіерейство разоритъ" *).

Въ восторгъ пришли слушавшіе слова Кочуева. А онъ сталъ развивать планъ дѣйствій.

— Но это будетъ стоить большихъ денегъ, — замѣтилъ онъ.

— За деньгами не постоимъ, — закричалъ Суетинъ: — что имѣю — все отдаю, и Москва мошной тряхнетъ, цѣлый синодъ архіереевъ добудемъ.

Аѳоній принялся писать проектъ объ устройствѣ заграничной іерархіи. Суетинъ извѣстилъ объ иргизской мысли своего пріятеля, одного изъ вліятельныхъ людей Рогожскаго общества и кладбищенскаго попечителя, Ивана Васильевича Окорокова: этотъ сказалъ Шелапутину, Ѳедору Рахманову, Ивану Александрову и Ѳедору Карташеву. Всѣми мысль иргизская была принята съ восторгомъ. То льстило особенно этимъ рогожскимъ тузамъ, что вотъ добудутъ они архіереевъ и станутъ помыкать ими, командовать надъ ними. Не попа какого-нибудь бѣглаго, что на сиваго жеребца церковь смѣнялъ, не какого-нибудь скитскаго игумена, бродящаго за сборомъ, а самого преосвященнаго владыку изругать иной разъ можно будетъ и всякимъ инымъ образомъ его „поначалить". Вотъ что льстило. Таковы расчеты имѣли знаменитые рогожскіе толстосумы.

Сказали названные выше рогожцы объ иргизской затѣѣ попу Ястребову. Обрадовался попъ и благословилъ начинаніе. До поры до времени дѣло сохраняли въ тайнѣ. Въ то время Рогожское общество находилось въ сильномъ волненіи. Оскудѣніе священства до такой степени взволновало московскихъ старообрядцевъ, что, несмотря на разсказанную уже выходку попа Ястребова, многіе изъ нихъ вновь стали громко по-

---

*) О буковинскихъ привилегіяхъ знали на Иргизѣ, куда нерѣдко приходили изъ Молдавіи и Буковины тамошніе раскольники. Одинъ такой старецъ Веніаминъ въ ту самую пору жилъ въ Средненикольскомъ иргизскомъ монастырѣ. Это былъ московскій мѣщанинъ Василій Петровъ, жившій то въ Яссахъ, то въ Бѣлой-Криницѣ, то на Иргизѣ. Въ 1826 году онъ приписался въ московское мѣщанство. По обращеніи Средненикольскаго монастыря въ единовѣрческій (1837), жилъ въ Москвѣ, работая лѣстовки и правя службу въ моленной Арженикова. Лѣтомъ 1839 года взятъ полиціей за ношеніе монашескаго платья и показалъ, что отецъ его былъ австрійскимъ подданнымъ и въ Яссахъ, во время возстанія грековъ противъ турокъ, сгорѣлъ, послѣ чего Веніаминъ, постриженный еще въ 1830 году, то-есть 14 лѣтъ отъ роду, пріѣхалъ въ Россію («Дѣло архива московскаго генералъ-губернатора» 1839 г., № 176). О немъ разсказываетъ В. А. Сапѣлкинъ («Русскій Вѣстникъ» 1861 г., № 213 и 244).

говаривать о принятіи на кладбище единовѣрческихъ священниковъ. Только небольшое число закоренѣлыхъ фанатиковъ оставались упорными защитниками прежнихъ порядковъ. Имъ-то для сохраненія своего вліянія и было необходимо придумать какое-нибудь средство противъ грозившей опасности остаться безъ поповъ и видѣть паденіе своей секты. Для обсужденія столь важнаго вопроса, старшины Рогожскаго кладбища рѣшились въ началѣ 1832 года собрать на соборъ людей начитанныхъ и уважаемыхъ изъ всѣхъ главныхъ пунктовъ русскаго старообрядства *).

Зимой 1831—1832 года двинулись на Москву послы изъ Вѣтки, изъ Стародубья, Керженца и Иргиза, изъ Саратова, Перми и Екатеринбурга, изъ Казани, Ржева, Торжка и Твери, изъ Тулы, Боровска и другихъ городовъ. Пріѣхали казаки донскіе, уральскіе и линейные — всѣхъ казаковъ до сорока человѣкъ.

Представителемъ Вѣтки былъ престарѣлый игуменъ Лаврентьева монастыря, Симеонъ, еще въ 1798 году поступившій въ настоятели по смерти игумена Ѳеофилакта, о смерти котораго такъ много сожалѣлъ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, вотчинникъ трехъ мужскихъ и одного дѣвичьяго вѣтковскихъ монастырей **). Симеонъ наслѣдовалъ милости и почетъ покровительствовавшаго вѣтковскимъ обителямъ канцлера, завѣдывалъ другими мужскими монастырями и даже дѣвичьимъ, по особому предписанію управляющаго гомельскимъ имѣніемъ фонъ-Фока ***). Изъ Стародубья прибыли: настоятель Покровскаго монастыря Рафаилъ, старецъ чрезвычайно уважаемый старообрядцами, и настоятель Никольскаго монастыря Сергій съ старцемъ Ипполитомъ. Съ Керженца—престарѣлый Илія, игуменъ Улангерской обители, и настоятель керженскаго Благовѣщенскаго монастыря Пафнутій, гуслякъ родомъ °), у котораго въ монастырѣ жилъ инокъ Діонисій, родной братъ первѣйшаго столпа Рогожскаго общества, знаменитаго толстосума Ѳедора Рахманова. Съ Иргиза явился Силуянъ, а съ нимъ и затѣйникъ дѣла — Кочуевъ. Въ числѣ мірянъ представителемъ старообрядцевъ Саратовской губерніи былъ Гурій Ивановичъ Суетинъ °°).

Собраніе депутатовъ назначено было не въ Рождественской часовнѣ,

---

*) Протоіерей Арсеньевъ. «Записки о дѣйствіяхъ Кочуева».

**) Лаврентьевъ, Пахоміевъ и Макаріевъ, и кромѣ того дѣвичій въ Спасовой слободѣ.

***) Подлинникъ (29-го марта 1804 г.) находится въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 28-го сентября 1853 г., № 425—427. Тамъ же и письмо графа Румянцева.

°) Крестьянинъ г. Дубовскаго, изъ Богородскаго уѣзда Московской губерніи, Панкратъ Александровъ, лично намъ извѣстный, старецъ умный, хитрый, но мало начитанный и не всегда трезвый. Онъ уже умеръ. Имѣлъ большія связи въ Москвѣ.

°°) Въ «Запискѣ протоіерея Арсеньева» онъ названъ Иваномъ Гурьевичемъ, но это ошибка. Ивану Гурьевичу въ 1832 году было только 14 лѣтъ.

какъ водилось дотолѣ, а въ комнатахъ конторы. Изъ рогожскаго духовенства тутъ находились: Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ, Ермилычъ и другіе. Изъ московскихъ старообрядцевъ засѣдали только старшины и попечители, именно: Антипъ Дмитріевичъ Шелапутинъ, Ѳедоръ Андреевичъ и Василій Григорьевичъ Рахмановы, Николай Дмитріевичъ Царскій, Василій Ефремовичъ Соколовъ, Ѳедоръ Боковъ, Максимъ Горѣловъ, Иванъ Александровъ, Ѳедоръ Карташевъ; сынъ умершаго попа, занимавшійся дѣлами Шелапутина по Рогожскому кладбищу, Василій Акимовъ; Иванъ Васильевичъ Окороковъ, Егоръ Воробьевъ, Неокладной, Свѣшниковъ, Мотылевъ и другіе. Совѣщаніе началось разсужденіями на вопросъ — принимать или не принимать единовѣріе. Говорили и за и противъ. Попросилъ слова и секретарь иргизскій. Силою краснорѣчія и блестящими софизмами успѣлъ онъ убѣдить собраніе, что только старая вѣра непреложна и истинна, что только она одна даетъ жизнь и вѣчное спасеніе. Могучимъ помощникомъ Аѳонію явился попъ Иванъ Матвѣевичъ, слово котораго было закономъ для многихъ раскольниковъ, особенно для его духовныхъ дѣтей, которыхъ много было на соборѣ. Тутъ же связалъ онъ московскихъ старшинъ, а затѣмъ постепенно и всѣхъ остальныхъ страшною клятвою никогда и ни въ какомъ случаѣ не покидать старообрядства и подъ страхомъ вѣчнаго осужденія не открывать имѣющей возвѣститься великой тайны. Затѣмъ объявилъ, что въ собраніи находится великій подвижникъ, страдалецъ за вѣру отеческую, отъ Господа одаренный разумомъ и книжнымъ ученіемъ.

— Онъ возвѣститъ вамъ тайну сію, — сказалъ попъ Ястребовъ: — онъ укажетъ средство отклонить навсегда затрудненія въ недостаткѣ священниковъ: онъ дастъ нашему богоспасаемому обществу новую силу, крѣпость и жизнь. Вотъ онъ,—сказалъ попъ, выводя Кочуева на середину.—Отверзите уши ваши и того послушайте.

Смиренною, притворно-робкою поступью вышелъ на середину, ведомый старшимъ рогожскимъ попомъ, невзрачный, приземистый, худощавый, двадцативосьмилѣтній Аѳоній. Осуществлялись пылкія его мечтанія: что думалъ онъ въ Хвалынскѣ, въ саратовскомъ лѣсу, въ Жигуляхъ, въ Симбирскѣ, то сбывалось. Ему внимаютъ именитѣйшіе старообрядцы царствующаго града Москвы, на него съ уваженіемъ смотрятъ представители старообрядства всей Россіи. Тихимъ, ровнымъ, вкрадчивымъ голосомъ изложилъ онъ проектъ свой.

Для осуществленія предположенія Кочуевъ предложилъ сначала съѣздить въ Петербургъ и попробовать достигнуть предназначенной цѣли путемъ законнымъ; въ случаѣ же неудачи послать довѣренныхъ лицъ въ Турцію и Грецію, чтобы склонить къ себѣ одного изъ находящихся не у дѣлъ митрополита. О мѣстѣ пребыванія будущаго раскольничьяго іерарха не сказалъ ни слова. Да объ этомъ на сей разъ никому и въ голову не пришло.

Тѣмъ не менѣе предложеніе иргизскаго секретаря принято было съ

восторгомъ, хотя и не всѣми. Кромѣ Ястребова, все рогожское духовенство, какъ не имѣвшее доселѣ ни отъ кого законной зависимости, никакъ не хотѣло согласиться на осуществленіе проекта Кочуева и предлагало остаться попрежнему. Царскій съ своею партіею настаивалъ, чтобы, не вдаваясь въ такое новое, еще невѣрное и во всякомъ случаѣ опасное дѣло, ходатайствовать у правительства о возстановленіи силы правилъ 1822 года относительно пріема вновь бѣглыхъ поповъ. Но Шелапутинъ, Ѳедоръ Рахмановъ, Боковъ и Горѣловъ крѣпко ухватились за мысль Кочуева и предлагали тотчасъ же просить у правительства дозволенія имѣть своего епископа, обѣщаннаго въ прошломъ столѣтіи, а въ случаѣ рѣшительнаго отказа — устроить тайно старообрядческую іерархію. Василій Григорьевичъ Рахмановъ и Ѳедоръ Ананьевичъ Карташевъ, сначала молчавшіе, теперь сильно поддерживали эту мысль. Кочуевъ торжествовалъ. Для примиренія раздѣлившихся партій онъ предложилъ вести два дѣла разомъ: ходатайствовать о возстановленіи правилъ 1822 года, представивъ правительству записку о невозможности старообрядцамъ присоединиться къ единовѣрію, и въ то же время вести дѣло объ учрежденіи іерархіи. И то и другое онъ принималъ на себя. Всѣ согласились, кромѣ поповъ. Они съ негодованіемъ оставили собраніе, разумѣется, за исключеніемъ Ивана Матвѣевича *).

Рогожскій соборъ имѣлъ не одно засѣданіе. Въ виду „оскудѣнія священства“ постановили нѣкоторыя правила въ явную противность установленнымъ древнею церковью правиламъ, оправдывая себя любимымъ выраженіемъ старообрядцевъ: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“. Такимъ образомъ на этомъ соборѣ установлена была заочная исповѣдь, предоставлено право не имѣющимъ іерейскаго сана чернецамъ не только исповѣдывать и пріобщать, но даже постригать въ монашество. Пользуясь такимъ расширеніемъ власти, нѣкоторые монахи, по захолустьямъ, вѣнчали даже свадьбы.

Стали толковать о людяхъ, способныхъ на подвигъ хожденія по разнымъ иноземнымъ государствамъ для отысканія архіерейства. Лаврентьевскій игуменъ Симеонъ заявилъ, что у него въ монастырѣ есть монахи, не по одному разу бывавшіе за границей, люди смѣлые, ловкіе, предпріимчивые, имѣющіе связи и знакомства съ монахами раскольничьихъ монастырей въ Турціи, Молдавіи и Буковинѣ. На отправленіе сихъ паломниковъ нужны были деньги. Открыли подписку и въ самое короткое время собрали два милліона рублей ассигнаціями. Главными жертвователями были: Шелапутинъ, Ѳедоръ и Василій Рахмановы, Ѳедоръ Карташевъ, Иванъ Окороковъ, Егоръ Воробьевъ, Николай Царскій, Не-

*) Протоіерей Арсеньевъ. «Записка о дѣйствіяхъ Кочуева» и «Записка о Рогожскомъ кладбищѣ». Ероѳея Іевлева, саратовскаго мѣщанина, сотоварища Кочуева, «Записка объ австрійскихъ архіереяхъ», доставленная имъ мнѣ въ 1853 году. Іевлевъ вмѣстѣ съ Кочуевымъ былъ высланъ изъ Петербурга въ 1844 году.

окладной и Свѣшниковъ. Собранныя деньги положили на Рогожскомъ, а распорядителемъ ихъ сдѣлался Кочуевъ *), переѣхавшій на кладбище, гдѣ ему дали одинъ изъ двухъ домовъ конторщика Синицына. Рѣшено было привлечь и Королёвское общество въ Петербургѣ къ участію въ этомъ дѣлѣ и къ пожертвованіямъ. Въ Петербургъ для этой цѣли вызвался ѣхать Ѳедоръ Рахмановъ.

II.

Королевскіе.

Спустя полвѣка послѣ того, какъ въ русскомъ народѣ возникъ церковный расколъ старообрядства, въ то самое время, когда онъ началъ распадаться на секты поповскую и безпоповскую, волею Петра I на берегахъ Невы возникла новая столица. Основатель ея не жаловалъ раскольниковъ. Въ фанатическихъ защитникахъ старины онъ видѣлъ закоренѣлыхъ враговъ своихъ нововведеній и торжественно объявилъ ихъ „лютыми непріятелями, государю и государству непрестанно зло мыслящими“. При всей широтѣ своего воззрѣнія на свободу совѣсти, для нихъ однихъ признавалъ онъ необходимыми мѣры неумолимой строгости. Всякаго званія и всякаго вѣроисповѣданія людей желалъ онъ видѣть въ новой столицѣ, не желалъ однихъ раскольниковъ. Раскольники не любили Петра и въ свою очередь не желали изъ старыхъ, русскихъ „богоспасаемыхъ градовъ и весей“ переселяться въ новый „нѣмецкій бургъ“, гдѣ, по ихъ понятіямъ, каждая пядь земли осквернена была грѣховнымъ нечестіемъ. При жизни Петра раскольники не имѣли осѣдлости въ Петербургѣ.

Но „нѣмецкій бургъ“ сдѣлался „царствующимъ градомъ всея Россіи“, и Русь потянула къ нему, какъ до того тянула къ старинной Москвѣ. Потянуло наконецъ на невскія устья и старообрядцевъ. Сначала явились они на Охтѣ въ средѣ тамошнихъ плотниковъ и судостроителей, а потомъ и въ самомъ Петербургѣ, въ средѣ людей торговыхъ и промышленныхъ.

Московскіе раскольники преимущественно принадлежали и принадлежатъ къ поповщинской сектѣ; до половины XVIII столѣтія въ ней почти вовсе не было безпоповцевъ; въ Петербургѣ же, напротивъ, главная масса раскольниковъ слѣдовала и слѣдуетъ ученію разныхъ отраслей безпоповщины. Первые поселившіеся въ Петровой столицѣ раскольники были изъ нынѣшнихъ Олонецкой и Новгородской губерній, гдѣ особенно развитъ расколъ безпоповскій. Поповцы въ замѣтномъ количествѣ явились въ Петербургѣ не раньше сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

То были по преимуществу переселенцы изъ Московской, Тверской и

---

*) Протоіерей Арсеньевъ. «Записка о дѣйствіяхъ Кочуева».

Ярославской губерніи, привлеченные торговыми выгодами. Число ихъ постепенно увеличивалось, и въ 1756 году они имѣли уже свою моленную въ домѣ богатѣйшаго изъ тогдашнихъ петербургскихъ поповцевъ, купца Гутуева *). Обыкновенно эта моленная называлась „Гутуевскою"; этимъ именемъ называлась и самая община поповцевъ въ Петербургѣ. До 1762 года Гутуевская моленная оставалась негласною. Дочь Петра, безусловно вѣрившая въ непогрѣшимость всѣхъ дѣйствій своего родителя и находившаяся подъ вліяніемъ духовенства, не отличавшагося въ то время духомъ терпимости, ни подъ какимъ видомъ не дозволяла раскольникамъ отправлять въ своей резиденціи богослужебные ихъ обряды. Оттого Гутуевская моленная и содержалась въ глубокой тайнѣ. Едва скончалась Елизавета, петербургскіе старообрядцы открыто стали совершать службу въ своей моленной. Сохранилось преданіе, что самъ Петръ III разрѣшилъ имъ это. Указы его о сочиненіи особаго положенія о раскольникахъ **) и о назначеніи на Керженецъ особыхъ опекуновъ для защиты тамошнихъ келейныхъ жителей отъ притѣсненій ***) даютъ поводъ думать, что преданіе это не лишено основанія. Облегченіе раскольниковъ, начавшееся въ кратковременное царствованіе Петра III, ободрило „гутуевцевъ", прежде всѣхъ иногородныхъ собратій своихъ воспользовавшихся дарованною свободой. Вслѣдъ затѣмъ Екатерина II цѣлымъ рядомъ узаконеній облегчила тяжкое дотолѣ положеніе старообрядцевъ, и они съ каждымъ годомъ стали болѣе и болѣе переселяться изъ внутреннихъ губерній, изъ Сибири и даже изъ-за литовскаго рубежа въ сѣверную столицу. Вскорѣ Гутуевская моленная уже не могла вмѣщать быстро умножавшихся прихожанъ. Въ 1771 году, въ то самое время, когда въ Москвѣ заводились Рогожское и Преображенское кладбища, въ Петербургѣ послѣдователи поповщины получили правительственное дозволеніе на устройство двухъ моленныхъ, вмѣсто упраздненной по причинѣ тѣсноты Гутуевской. Возвести для этихъ моленныхъ отдѣльныя зданія петербургскимъ старообрядцамъ однако не было дозволено. Они должны были довольствоваться моленными, устроенными въ видѣ домовыхъ церквей. Одна такая находилась въ домѣ купца Родіона Захарова, въ Апраксиномъ переулкѣ, у Семеновскаго моста, другая на отведенномъ правительствомъ для раскольниковъ кладбищѣ, на Волковомъ полѣ. На этомъ кладбищѣ, по примѣру Рогожскаго, устроенъ былъ и богадѣльный домъ, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

---

*) Домъ Гутуева, въ которомъ была устроена моленная, находился въ центрѣ города, близъ Сѣнной площади, въ Спасскомъ переулкѣ. По имени Гутуева называется большой островъ на взморьѣ, принадлежащій теперь городу Петербургу.

**) 29-го января 1762 г. См. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», т. XV, № 11.420.

***) 7-го февраля 1762 г. См. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», т. XV, № 11.440.

Гутуевская община находилась въ духовной зависимости отъ Стародубья. Изъ тамошняго Покровскаго монастыря гутуевцы получали „исправленныхъ“ поповъ, запасные дары и мнимо-древнее миро. Клинцы снабжали ихъ книгами, выходившими изъ-подъ станковъ тамошней старообрядческой типографіи, съ цензурнаго дозволенія суражскаго нижняго земскаго суда, а также вѣнчиками и разрѣшительными молитвами, возлагаемыми на усопшихъ. Изъ старообрядческихъ монаховъ являлись въ Петербургѣ преимущественно стародубскіе, а чаще всего изъ сосѣдняго съ Стародубьемъ, одного изъ вѣтковскихъ монастырей, Лаврентьева. Свято сохраняя старыя правила и обряды Стародубья, гутуевцы приходящихъ отъ великороссійской церкви принимали третьимъ чиномъ, безъ перемазанія. Впрочемъ, случаи такихъ пріемовъ въ Петербургѣ были чрезвычайно рѣдки и потому не могли возбуждать разногласія въ тамошнемъ старообрядческомъ обществѣ. Вообще въ Петербургѣ раскольники всѣхъ сектъ никогда не отличались духомъ прозелитизма, и случаевъ совращенія изъ православія тамъ было весьма немного, сравнительно съ другими мѣстами. Умножились петербургскія раскольничьи общины исключительно посредствомъ переселеній старообрядцевъ изъ другихъ городовъ и селеній *).

Болѣе тридцати лѣтъ въ Петербургской общинѣ не было ни споровъ ни раздоровъ. Наконецъ московскіе рогожцы, враждовавшіе со стародублянами изъ-за перемазанія, произвели раздѣленіе и въ Петербургѣ. Извѣстно, что и на перемазанскомъ соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1779 года, крамольная партія нововводителей, во главѣ которой стоялъ Никита Павловъ, одержала верхъ надъ отвергавшими нововводное перемазаніе **). Глава послѣднихъ, московскій купецъ Григорій Ѳедоровичъ Ямщиковъ, въ домѣ котораго начался соборъ, не хотѣлъ, по окончаніи его, оставаться въ Москвѣ, гдѣ продолжались и умножались нескончаемыя ссоры, доходившія до открытаго насилія, ибо раздорники не одинъ разъ пытались доказать необходимость перемазанія кулаками и дубинами. Онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ старообрядцы и слышать не хотѣли о перемазаніи. Въ средѣ петербургскихъ старообрядцевъ онъ тотчасъ же пріобрѣлъ большое значеніе и сталъ во главѣ ихъ. Пользуясь такимъ положеніемъ, Ямщиковъ ревностно поддерживалъ общеніе петербургскихъ старообрядцевъ съ отвергнувшимъ перемазаніе Стародубьемъ и всячески отстранялъ вліяніе усиливавшихся съ

*) Но этого нельзя сказать о разныхъ ересяхъ, появлявшихся въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія: скопческой, хлыстовской и ея отраслей, нашедшихъ послѣдователей и въ высшихъ сословіяхъ столицы (общество полковницы Буксгевденъ въ 1817 г., ея дочери, по мужу Татариновой, въ тридцатыхъ, и Адамитовъ, или Еввина клуба, въ сороковыхъ годахъ). Въ этихъ сектаторскихъ общинахъ прозелитизмъ былъ довольно силенъ.

**) Андрея Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 313—336.

каждымъ днемъ рогожскихъ кривотолковъ. Но недолго могъ онъ поддерживать внутренній миръ и братское согласіе между петербургскими старообрядцами.

Вліятельнѣйшіе (до переселенія Ямщикова въ Петербургъ) старообрядцы не совсѣмъ дружелюбно смотрѣли на него. Имъ было крайне досадно, что новый человѣкъ сразу занялъ положеніе, совершенно уничтожавшее ихъ значеніе. Особенно негодовалъ на это богатый купецъ Иванъ Никитичъ Ильинъ, до тѣхъ поръ глава петербургской старообрядческой общины. Съ самаго пріѣзда Ямщикова сталъ онъ къ нему во враждебное отношеніе, хотя и не открытое. Этимъ воспользовались московскіе кривотолки и съ Рогожскаго кладбища кинули на берега Фонтанки камень раздора. Небывалыя дотолѣ въ средѣ петербургскихъ старообрядцевъ разномыслія, внутреннія несогласія и самое раздвоеніе возникли между ними благодаря вмѣшательству рогожскихъ богослововъ, ссорами и побоями утверждавшихъ свое ученіе о перемазаніи.

Еще во время перемазанскаго собора въ Москвѣ, глава противной Ямщикову партіи, Никита Павловъ, съ рогожскимъ попомъ Александромъ, 24-го декабря 1779 года писали въ Петербургъ посланіе, въ которомъ, доказывая необходимость пріема никоніанъ вторымъ чиномъ, посредствомъ перемазанія, предостерегали петербургскую общину отъ противника этого ученія, Никодима, и его „хитросплетенныхъ кривосказаній“. Никодимъ, душа партіи Ямщикова, впослѣдствіи основатель единовѣрія, какъ стародубскій инокъ, былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ и пользовался тамъ общимъ уваженіемъ. Поэтому на рогожское посланіе въ Петербургѣ сначала не было обращено особеннаго вниманія... Рогожцамъ даже не отвѣчали. Но когда въ Петербургъ переселился Ямщиковъ и прежніе столпы тамошней поповщины потеряли прежнее значеніе, рогожское посланіе было вынуто изъ-подъ спуда, и въ Петербургѣ возбужденъ былъ вопросъ о перемазаніи. Ямщиковъ, вѣрный убѣжденіямъ, изъ-за которыхъ покинулъ родину, ревностно возсталъ противъ перемазанія и всѣми силами старался удалить изъ среды петербургскихъ старообрядцевъ самые толки объ этомъ предметѣ, повсюду вносящемъ въ старообрядство вражду и раздоры. Но Ильинъ, руководившійся болѣе личнымъ недоброжелательствомъ къ своему недругу, чѣмъ желаніемъ утвердить нововводное перемазаніе въ Петербургѣ, составилъ сильную партію изъ богатѣйшихъ петербургскихъ старообрядцевъ, сталъ съ нею въ открыто-враждебное отношеніе къ Ямщикову и вошелъ въ письменныя сношенія съ Рогожскимъ кладбищемъ. Партію Ильина составляли: Иванъ Яковлевичъ Маришинъ, Семенъ Васильевичъ Савиновъ, Иванъ Ивановичъ Миловъ, Ѳедоръ Ивановичъ Автамоновъ, Викулъ Михайловичъ Кочерыжниковъ, Ѳедоръ Лукинъ, Петръ Макаровъ, Иванъ Смирновъ и другіе. Черезъ два года по полученіи въ Петербургѣ посланія съ перемазанскаго собора, 29-го ноября 1781 года, они послали на Рогожское, къ попу Александру и попечи-

телямъ Ивану Семеновичу и Александру Степановичу (фамиліи ихъ намъ неизвѣстны), вопросы, въ которыхъ просили разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній относительно перемазанія *). Рогожскіе старшины не медлили и въ 1782 году прислали отвѣты, которые однако не всѣхъ удовлетворили. Изъ пославшихъ вопросы, Миловъ, богатый несравненно болѣе Ильина, отсталъ отъ его партіи и многихъ увлекъ за собой. Раздѣленіе общины совершилось. Партія Ильина приняла перемазаніе, вошла въ общеніе съ Рогожскимъ кладбищемъ и разорвала связи съ Стародубьемъ надолго, до тѣхъ поръ почти, когда, около 1816 года, и тамъ окончательно утвердилось перемазаніе. Партія Ямщикова осталась вѣрною доселѣ существовавшимъ въ Петербургѣ стародубскимъ правиламъ; она была гораздо многочисленнѣе, зато члены ея были бѣднѣе единомышленниковъ Ильина, а потому менѣе сильны. Миловъ присталъ къ Ямщикову.

Произошли ожесточенные споры, вражда закипѣла между партіями, и хотя дѣло не дошло ни до рогожскихъ кулаковъ ни до стародубскихъ дубинокъ, но злобы и ненависти и въ Петербургѣ оказалось не меньше, чѣмъ въ Москвѣ и слободахъ Стародубскихъ. За ненавистью послѣдовали взаимныя проклятія, произнесено было слово „анаѳема“, и внутренній миръ дотолѣ единодушной общины окончательно былъ разрушенъ. Приверженцы Ильина съ приверженцами Ямщикова прервали общеніе и въ пищѣ и въ молитвѣ. А молитвенный домъ въ городѣ былъ одинъ. Перемазанцы овладѣли моленной въ домѣ Захарова и не пускали въ нее послѣдователей Ямщикова и Милова. Кладбищемъ на Волковомъ полѣ съ моленной и богадѣльной они же овладѣли. Ямщиковъ помогъ горю своихъ собратій. У него еще въ Москвѣ была богато устроенная моленная, со множествомъ старинныхъ иконъ, книгъ и разной церковной утвари, которую онъ сначала поставилъ-было въ моленной Захарова и на Волковомъ полѣ. Теперь, послѣ долгихъ пререканій, едва не дошедшихъ до судебнаго разбирательства, онъ взялъ изъ обѣихъ моленныхъ свои вещи и перенесъ ихъ въ свой большой каменный домъ, стоявшій рядомъ съ Захаровскою моленной. Такимъ образомъ въ Апраксиномъ переулкѣ явились двѣ поповщинскія моленныя: въ Ямщиковской служилъ попъ стародубскій, принятый третьимъ чиномъ, въ Захаровской — бѣглый изъ владимірской епархіи и перемазанный на Иргизѣ попъ Василій Андреевъ. Десять лѣтъ стояли рядомъ эти моленныя. Такое сосѣдство послужило къ большему усиленію вражды и нерѣдко подавало поводъ къ соблазнительнымъ сценамъ. Чтобы положить этому конецъ, Ильинъ перенесъ перемазанскую моленную изъ дома Захарова въ свой, находившійся на правой сторонѣ Фон-

*) «Посланіе» 24-го декабря 1779 года. «Вопросы Ильина и Рогожскіе отвѣты» напечатаны въ «Сборникѣ для исторіи старообрядства» Н. Попова, II, стр. 244 и пр., но по неисправному списку.

танки, между Чернышевымъ и Аничковымъ мостами. Это было въ 1792 году.

Партія непріемлющихъ перемазанія, во главѣ которой стояли Ямщиковъ и Миловъ, какъ уже сказано, была многочисленнѣе рогожской партіи Ильина, и хотя въ ней находилось менѣе людей богатыхъ, зато немало было людей вліятельныхъ по своимъ знакомствамъ съ тогдашними правительственными лицами. Довольно сказать, что имъ покровительствовалъ всемогущій тогда князь Потемкинъ. Никодимъ и другіе стародубляне, бывая въ Петербургѣ, поддерживали и скрѣпляли связи этой партіи съ тѣми стародубскими общинами, которыя, отвергая перемазаніе, стремились къ большему сближенію съ православною церковью. Еще за два года до высочайшаго утвержденія извѣстныхъ платоновскихъ правилъ единовѣрія, въ 1798 году значительнѣйшая часть прихожанъ ямщиковской моленной изъявила желаніе принять православнаго священника отъ мѣстнаго митрополита на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ въ 1785 году дозволено было старообрядцамъ, новопоселеннымъ въ Таврической области и давно жившимъ въ намѣстничествахъ Черниговскомъ и Новгородсѣверскомъ, принимать священниковъ. Во главѣ согласившихся на такое примиреніе съ православною церковью былъ Миловъ. Ямщиковъ не былъ въ числѣ согласныхъ и не пустилъ въ свою моленную православнаго священника. Поэтому Миловъ, для новообратившихся къ единовѣрію, устроилъ въ своемъ домѣ, на Захарьевской улицѣ, временную церковь *). Это была первая единовѣрческая церковь въ Петербургѣ. Вскорѣ Миловъ, на свое иждивеніе, построилъ близъ своего дома особую каменную церковь во имя св. Николая Чудотворца. Она существуетъ до сихъ поръ и извѣстна подъ именемъ „Миловской“. Въ 1800 году прихожанамъ ея отдана старообрядческая часовня на Волковомъ полѣ, тогда же обращенная въ единовѣрческую церковь.

До обращенія Милова въ единовѣріе, ямщиковская партія была, какъ сказано выше, многочисленнѣе и сильнѣе перемазанцевъ. Теперь вышло наоборотъ. Оставшихся съ Ямщиковымъ въ расколѣ было несравненно меньше, чѣмъ прихожанъ моленной Ильина. Вскорѣ умеръ стародубскій попъ, служившій въ Апраксиномъ переулкѣ, и духовныя его дѣти, за неимѣніемъ другого, стали ходить къ иргизскому попу Василію Андрееву. Наконецъ пожаръ 1804 года положилъ конецъ ямщиковской партіи и раздѣленію петербургской старообрядческой общины. Сгорѣли обѣ моленныя, Ямщикова и Ильина. Ямщиковъ не возобновилъ своей, да и возобновлять ее было почти не для кого. Его единомысленники частью перешли въ миловскую единовѣрческую церковь, частью присоединились къ усилившимся перемазанцамъ, число

*) «Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода», т. I. стр. 766 — 768.

которыхъ постепенно увеличивалось посредствомъ переселеній въ Петербургъ раскольниковъ изъ разныхъ городовъ внутренней Россіи. Черезъ недѣлю послѣ пожара они устроили временную моленную *), а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Толмазовомъ переулкѣ **), въ домѣ мѣщанина Петрова, у нихъ явилась новая моленная, устроенная такъ же просторно и богато, какъ и существовавшая въ домѣ Ильина. Черезъ шесть лѣтъ (въ 1810 году) и она была истреблена пожаромъ, а въ 1811 году явилась снова въ несравненно болѣе обширномъ видѣ на Ивановской улицѣ, въ домѣ купца 1-й гильдіи, старообрядца Владиміра Королева.

Эта моленная, открыто существовавшая въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ (1811 — 1844), была извѣстна подъ названіемъ „Королёвской". Самая община петербургскихъ старообрядцевъ по ея имени стала называться „Королёвской", какъ нѣкогда по гутуевской моленной называлась Гутуевскою. Теперь уже болѣе двадцати лѣтъ прошло со времени уничтоженія Королёвской моленной, а послѣдователи поповщины въ Петербургѣ и доселѣ (1867) еще называются „Королёвскими".

Весь верхній этажъ обширнаго каменнаго дома обращенъ былъ въ домовую церковь съ иконостасомъ, уставленнымъ древними иконами въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ. Въ ней устроенъ былъ алтарь съ престоломъ, впрочемъ, неосвященнымъ; поэтому и литургій здѣсь не совершалось. Въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщались больница и келарня (кухня со столовой). Въ особомъ деревянномъ флигелѣ помѣщалась богадѣльня на полтораста кроватей; внутреннее ея устройство было такое же, какъ и въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, но въ меньшихъ размѣрахъ. Рядомъ съ домомъ Королева находился домъ старообрядца же Груздева, въ которомъ жилъ попъ Василій Андреевъ съ сыномъ Иваномъ, уставщикомъ Королёвской моленной. Тутъ же жили и пѣвцы.

Оба дома, Королёвскій и Груздевскій, хотя оффиціально и считались частною собственностью, но въ дѣйствительности еще съ 1811 года составляли принадлежность всего петербургскаго старообрядскаго общества, а въ 1824 году у крѣпостныхъ дѣлъ с.-петербургской гражданской палаты явлена была купчая крѣпость на продажу купцомъ

*) Въ квартирѣ московскаго купца Ѳедора Рѣшетова, жившаго въ Щербаковомъ переулкѣ, въ домѣ Ѳедора Ильина.

**) Не въ нынѣшнемъ Толмазовомъ переулкѣ, но въ существовавшемъ до постройки Александринскаго театра и Палерояля. Этотъ Палерояль однако не состоялся, и въ зданіяхъ, для него построенныхъ, были помѣщены театральное училище и дома министра внутреннихъ дѣлъ, департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій и министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Отъ стараго Толмазова переулка остается до сихъ поръ небольшой тупикъ на набережной Фонтанки, близъ Чернышева моста. Сказываютъ, что моленная Петрова была на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александринскій театръ.

Королевымъ каменнаго дома *с.-петербургскому старообрядческому обществу* за 40.000 рублей *).

Едва была устроена Королёвская моленная, какъ охтенскій протоіерей Андрей Ивановичъ Журавлевъ, извѣстный авторъ „Историческаго извѣстія о раскольникахъ", 18-го апрѣля 1811 года донесъ петербургскому митрополиту Амвросію, что раскольники устроили на Ивановской улицѣ, въ домѣ Груздева, моленную и имѣютъ при ней бѣглаго попа. Началось дѣло. Полицеймейстеру графу Васильеву поручено было произвесть формальное слѣдствіе. Онъ нашелъ моленную со всѣми церковными принадлежностями, кромѣ сосудовъ, но не въ домѣ Груздева, какъ писалъ протоіерей Журавлевъ, а въ домѣ Королева. Въ первомъ, какъ оказалось, жилъ престарѣлый попъ Василій Андреевъ. Бумаги этого попа были въ порядкѣ, у него былъ паспортъ, выданный ему въ Саратовѣ и подписанный тамошнимъ губернаторомъ Панчулидзевымъ. Въ этомъ паспортѣ попъ Василій названъ былъ „отпущеннымъ въ Петербургъ священникомъ Нижневоскресенскаго (что̀ на Иргизѣ) монастыря". Панчулидзевъ не имѣлъ права выдавать такихъ паспортовъ, но попъ не виноватъ же былъ въ томъ, что губернаторъ далъ ему видъ, какого не долженъ былъ выдавать. Другое дѣло — моленная, при которой служилъ Василій Андреевъ: ей грозила серьезная опасность. Старообрядцы, послѣ пожара въ домѣ Ильина, построили ее безъ разрѣшенія мѣстной власти, и потому она подлежала уничтоженію. Но дѣло, произведенное графомъ Васильевымъ, кончилось благопріятно для старообрядцевъ. Состоялась слѣдующая резолюція императора Александра Павловича, собственноручно имъ написанная 20-го августа 1811 года: „не дѣлать какихъ-либо новыхъ о ней (моленной) распоряженій, поелику оная часовня не есть вновь заведенная, а оставить ее попрежнему до общаго разсмотрѣнія подобныхъ сему обстоятельствъ" **). Послѣ того Королёвская моленная существовала уже гласно, служеніе въ ней производилось открыто, попъ Василій оставленъ въ покоѣ, и графъ Васильевъ возвратилъ ему отобранныя у него при обыскѣ поручи. Продолжалъ священнодѣйствовать у Королёвскихъ этотъ попъ, дожилъ до ста лѣтъ и умеръ около 1840 года ***).

Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ оставленіи Королёвской моленной неприкосновенною, прихожане ея, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали украшать и обогащать ее. Старо-

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 440 и 441.

**) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1839 г., № 79.

***) Въ 1816 году на попа Василія донесъ петербургскому митрополиту протопопъ Вшевскаго погоста (Лужскаго уѣзда) Галактіонъ Барсовъ, что онъ разрѣшилъ крестьянину Петру Лазареву и другимъ непосвященнымъ совершать крещеніе и нѣкоторыя другія требы. Попъ Василій избѣгнулъ за то преслѣдованія (см. то же дѣло).

печатныя евангелія, обложенныя драгоцѣнными окладами, золотые кресты, сребропозлащенныя, унизанныя жемчугами и осыпанныя брильянтами и другими дорогими камнями иконы, великолѣпныя плащаницы, хоругви и разныя другія церковныя принадлежности снесены были въ Королёвскую моленную богатыми ревнителями древняго благочестія и благолѣпія храма. Вскорѣ петербургская моленная сдѣлалась одною изъ богатѣйшихъ старообрядческихъ церквей, хотя снаружи и ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ домовъ столицы: тотъ же ровный, гладкій фасадъ безъ всякихъ украшеній, съ двумя рядами оконъ: ни купола, ни креста, ни колоколовъ, ни даже наддверной иконы у входа не было видно; зато внутреннее устройство отличалось богатствомъ, блескомъ и даже нѣкотораго рода вкусомъ.

Не было у Королёвцевъ ни соборнаго служенія съ девятью или двѣнадцатью попами, ни торжественныхъ крестныхъ ходовъ вокругъ часовенъ или на іордань, какъ это водилось на Рогожскомъ: не звонили на Ивановской улицѣ въ колокола, какъ на Иргизѣ; не ходили съ иконами и крестами для молебновъ на поля, какъ на Керженцѣ. Зато иного рода торжество раскола бывало здѣсь отъ времени до времени. Въ праздничные дни въ Королёвской моленной, рядомъ съ купцами и мѣщанами, одѣтыми въ кафтаны стариннаго покроя, стояли въ мундирахъ, нерѣдко съ орденами, офицеры и даже генералы древляго благочестія, „благочестивая рать небреемая, Христовы стрѣльцы, сирѣчь казаки“ *), это—линейцы, уральцы и донцы, вызываемые въ Петербургъ, въ собственный Его Величества конвой, и въ ту пору бывшіе всѣ поголовно въ расколѣ. Кромѣ казаковъ, молившихся въ Королёвской часовнѣ по старинной лѣстовкѣ, исповѣдывавшихся и причащавшихся у попа Василія, на свадьбахъ и на похоронахъ богатыхъ старообрядцевъ не въ диковинку было встрѣтить хорошихъ знакомыхъ ихъ и пріятелей, иногда даже родственниковъ, въ парадныхъ мундирахъ, въ лентахъ и звѣздахъ. Въ дни совершенія такихъ обрядовъ надъ кѣмъ-либо изъ членовъ значительнѣйшихъ старообрядческихъ семействъ, Ивановская улица во всю почти длину ея, а отчасти и Кабинетская, были заставлены каретами, и для наблюденія за порядкомъ при разъѣздѣ наряжались къ моленной полицейскіе чины. Похоронныя процессіи, сопровождаемыя длинною вереницей экипажей, съ полицейскими чинами и жандармами по сторонамъ, тянулись иногда по улицамъ отъ Королёвской моленной до Волкова поля и даже до Охты. Такой блескъ придавалъ особое значеніе Королёвскимъ въ средѣ ихъ одновѣрцевъ. Монахи и монахини иргизскихъ, керженскихъ и стародубскихъ скитовъ и монастырей, находившіеся въ Петербургѣ со сборными книжками или для

*) «Греческій Златоструй», раскольническая рукопись. Въ ней такъ называются казаки-старообрядцы. Въ этой статьѣ, между прочимъ, идетъ рѣчь о нашествіи Наполеона въ 1812 году и говорится, что Богъ даровалъ побѣду именно «небреемой рати, Христовымъ стрѣльцамъ».

„стоянія неугасимой свѣчи", въ качествѣ канонницъ и читалокъ, возвратившись въ свои темныя захолустья, разсказывали объ этомъ блескѣ петербургскаго старообрядства съ обычными прикрасами и преувеличеніями. По разсказамъ ихъ, Королёвская община пользовалась будто бы въ Петербургѣ покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ; въ своихъ разсказахъ и письмахъ они называли этихъ лицъ по именамъ, увѣряя, что въ тайнѣ эти знатные люди сами принадлежатъ къ старой вѣрѣ, и если бреютъ бороды и ходятъ въ православныя церкви, такъ единственно для приличія. Такого рода слухи въ свое время имѣли печальныя послѣдствія. Видя совершенное противорѣчіе въ дѣйствіяхъ мѣстной власти съ мнимыхъ покровительствомъ расколу сильныхъ людей въ Петербургѣ, жившіе въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ раскольники пришли къ естественному заключенію, что мѣстныя власти не имѣютъ никакихъ повелѣній объ ограниченіи ихъ самовольства. Появились въ разныхъ мѣстахъ подложные указы о свободѣ раскольническаго богослуженія *), появились подстрекатели, и дѣло дошло до того, что, напримѣръ, въ 1837 году, при обращеніи Средне-Никольскаго монастыря на Иргизѣ въ единовѣрческій, раскольники оказали открытое сопротивленіе самому губернатору, такъ что пришлось для усмиренія ихъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Со временемъ открылось, что все это было прямымъ послѣдствіемъ подстрекательства людей, которые, желая въ мутной водѣ рыбу ловить, увѣряли раскольниковъ, что въ Петербургѣ никто и не думаетъ о водвореніи единовѣрія, что это выдумано губернскимъ начальствомъ, для того и составившимъ будто бы подложное высочайшее повелѣніе. Подстрекателемъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, оказался извѣстный уже читателямъ Авѳоній Кузьмичъ Кочуевъ.

Въ тридцатыхъ годахъ во главѣ Королёвскаго общества стояли братья Громовы: Сергѣй и Ѳедулъ Григорьевичи. Родомъ были они гусляки, земляки Рахмановымъ, Солдатенковымъ, Досужеву и другимъ вліятельнымъ рогожцамъ того времени. Поселясь въ Петербургѣ, Громовы удачно занялись лѣсною торговлей, стали скупать лѣсныя дачи въ Новгородской и Олонецкой губерніяхъ, сплавлять въ столицу бревна, брусья и дрова, и, выгодно продавая ихъ, быстро умножили свое богатство. Удачная покупка у графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской лѣсныхъ дачъ и пристани на Невѣ, извѣстной подъ именемъ „Графской биржи" **), довела состояніе ихъ до огромныхъ размѣровъ.

Какъ ни значителенъ былъ врученный Громовыми набожной наслѣд-

*) Подложные указы о свободѣ раскольническаго богослуженія стали появляться между старообрядцами съ 1835 г., и Авѳоній Кузьмичъ Кочуевъ едва ли не былъ основателемъ этого рода литературы.

**) «Графская лѣсная биржа» находится въ Петербургѣ, на лѣвомъ берегу Невы, близъ Смольнаго монастыря. Она называется и «Громовскою», но болѣе извѣстна подъ прежнимъ названіемъ «Графской». Другая «Громовская биржа», или «Громовскій лѣсной дворъ», находилась у Чернышева моста, между Фонтанкой и переулками Чернышевымъ и Щербаковымъ.

ницѣ Чесменскаго героя капиталъ, но дѣйствительная цѣнность пріобрѣтеннаго ими имѣнія была далеко выше его. Благодаря этой покупкѣ предпріимчивые и дѣятельные гусляки значительно расширили свои обороты и, сдѣлавшись одними изъ первыхъ богачей Петербурга, заняли первенствующее мѣсто въ Королёвскомъ обществѣ.

Попечителями Королёвской моленной они были еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ и съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ купцомъ Григорьемъ Дмитріевичемъ Дмитріевымъ *), управляли всѣми дѣлами петербургской старообрядской общины. Значеніе Громовыхъ въ кругу петербургскихъ старообрядцевъ было такъ велико, что въ тридцатыхъ годахъ Королёвскую моленную безразлично звали и „Громовскою", а нѣкоторые петербургскіе жители, незнакомые съ расколомъ, даже и все поповское согласіе называли обыкновенно „Громовской вѣрой". Изрѣдка такое названіе встрѣчается даже въ бумагахъ офиціальныхъ. Изъ Громовыхъ особенно ревностенъ былъ къ расколу старшій братъ, Сергѣй Григорьевичъ. До самой смерти **) онъ, въ качествѣ попечителя, управлялъ Королёвскою моленной, и она своимъ благолѣпіемъ и блескомъ служенія немало обязана его усердію. Жена его, Елена Ивановна, беззавѣтно преданная расколу, усердствовала еще болѣе, чѣмъ мужъ ея. Первая по богатству изъ петербургскихъ старообрядокъ, она дорожила своимъ первенствомъ, ревниво оберегала его и имѣла значительное вліяніе не только на Королёвскую, но и на многія иногородныя общины старообрядства. Она не забывала щедрыми подаяніями ни скитовъ, ни монастырей, ни иноковъ и поповъ, снабжая ихъ не только деньгами, иконами и разною церковною утварью, но даже и до-никоновскими антиминсами, которые добывала за деньги извѣстнымъ ей путемъ изъ каѳедральныхъ ризницъ и пересылала куда слѣдовало въ переплетныхъ доскахъ какой-нибудь книги самаго невиннаго содержанія ***). Въ разныхъ монастыряхъ и скитахъ проживали старицы на счетъ Елены Ивановны. Въ Петербургѣ не было старообрядческой обители, зато въ домѣ Громовой и при Королёвской моленной, на ея иждивеніи, постоянно живало по нѣскольку монахинь и послушницъ; онѣ читали каноны по умершимъ и вели назидательныя бесѣды съ благочестивою хозяйкой. Быть „читалкой у Громихи" составляло величайшую честь для раскольническихъ монахинь и бѣлицъ. Какъ великаго счастья, добивались онѣ этой чести. Повсюду Елена Ивановна пользовалась уваженіемъ ея единовѣрцевъ, и монастырскія власти самой Бѣлой-Криницы называли эту ревнительницу древляго благочестія не

---

*) Въ сектаторской перепискѣ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Боровкова и Каретника. Жилъ близъ съѣзжаго дома Каретной части, на Невскомъ проспектѣ.

**) Умеръ въ 1840 году.

***) «Слѣдственное дѣло объ Аѳоніи Кочуевѣ».

иначе, какъ „госпожой дому Израилева, истинною рабою Христовой“ *).

Ѳедулъ Григорьевичъ Громовъ былъ не менѣе брата ревностенъ и усерденъ къ расколу, но болѣе его остороженъ. Будучи знакомъ со знатными людьми, съ нѣкоторыми изъ нихъ водя хлѣбъ-соль и находясь въ короткихъ сношеніяхъ съ сановниками, очень высоко поставленными, онъ боялся скомпрометировать себя слишкомъ явнымъ участіемъ въ раскольническихъ предпріятіяхъ. Положивъ устройству заграничнои іерархіи прочное начало и въ тайнѣ направляя этимъ дѣломъ, Ѳедулъ Громовъ, повидимому, устранялся отъ него и даже приказалъ своимъ домочадцамъ написать къ властямъ Бѣлой-Криницы, чтобъ онѣ не адресовали своихъ писемъ на его имя и даже кому бы то ни было въ его домъ.

Королёвскіе, а особенно Громовы—отличались отъ рогожскихъ своихъ единовѣрцевъ, а еще болѣе отъ старообрядцевъ провинціальныхъ, нѣкоторою долей образованія и внѣшними формами свѣтскости. Около 1830 года у Королёвскихъ уже не замѣчалось той замкнутости, какая и донынѣ еще существуетъ въ нѣкоторыхъ домахъ Таганки, Покровскаго, Нѣмецкаго рынка и Замоскворѣчья. Въ ту пору рогожцы жили еще по образцу „Домостроя“, мать Пульхерія еще проповѣдывала о „несообщеніи со еретики“, а попы налагали тяжелыя епитиміи за свѣтскія удовольствія *). Лишь немногіе московскіе старообрядцы осмѣли-

---

*) «Письмо изъ Бѣлокриницкаго монастыря отъ Геронтія и Павла къ Алексѣю Васильевичу Великодворскому», 20-го іюля 1840 г.

**) Мы имѣемъ подъ руками списокъ епитимій, наложенныхъ безпоповскими наставниками Преображенскаго кладбища въ началѣ сороковыхъ годовъ на болѣе значительныхъ членовъ-прихожанъ Ѳедосѣевскаго Преображенскаго кладбища и Покровской моленной поженившихся. Сотнями и тысячами поклоновъ они должны были заглаживать посѣщеніе клубовъ, собраній, театра и маскарадовъ, ношеніе моднаго платья, куреніе сигаръ; а одна молодая женщина, принадлежавшая къ богатому дому, за верховую ѣзду должна была долгое время очищать себя земными поклонами. Вотъ извлеченіе изъ «Обличенія грѣховъ», составленнаго отцами Преображенскаго кладбища въ 1846 г.: «Евстафій Петровичъ Б—нъ и жена его Александра Сидоровна принадлежатъ къ Покровской моленной поженившихся. Уличенія согрѣшеній: ѣзда верхомъ на сѣдлахъ нѣмецкихъ, сидѣніе Александры Сидоровны на лошади бокомъ съ сигарой, въ мужской шляпѣ, въ платьѣ съ сатанинскомъ хвостомъ (амазонка). Ѣзда обоихъ супруговъ на конныя ристалища въ сопровожденіи наемнаго наставника конной ѣзды, гаерски одѣтаго (берейторъ). Продіадина пляска обоихъ на сборищахъ (на балахъ и вечерахъ), соблазнительный покрой одежды мужа и жены, употребленіе мясной пищи по постамъ, питіе кофею даже съ молокомъ, ядѣніе травы салата. Иванъ Ѳедоровичъ Г—въ и жена его Марья Павловна, по Покровской моленной, оба уличаются въ томъ же, въ чемъ и предыдущіе, только хотя Марья Павловна не ѣздитъ верхомъ, зато излише предается театральнымъ зрѣлищамъ и Продіадиной пляскѣ. порочитъ взоръ свой конскими ристалищами. Е. Ѳ. Г., по Покровской моленной. обличается въ сожитіи съ иноплеменной иновѣркой изъ Польши. Прокопій Филипповичъ К—въ и жена его Анна Павловна, по Покровской моленной, обличаются, какъ и Б—ны. Павелъ Назаровичъ Р—нъ, по Ѳе-

вались, не слушаясь рогожскихъ проповѣдей и не боясь епитимій, выѣзжать въ щегольскихъ коляскахъ подъ Новинское и въ Сокольники, и тамъ, въ строгомъ молчаніи, созерцать шумную суету міра сего. Въ Петербургѣ было не то. Еще до 1812 года тамъ поселился владѣлецъ несмѣтныхъ богатствъ, старообрядецъ, жившій открыто и роскошно,

---

досеевскому согласію, ради антихристовыхъ наградъ вдался въ разныя непотребства, участвуетъ въ сонмищахъ антихристовыхъ, клубами называемыхъ, играетъ въ карты, нумерныя зерна (лото), посѣщаетъ бѣги, куритъ сигары. Иванъ Васильевичъ С—въ, по Өедосеевскому согласію,—куритъ сигары. Братъ его, Иванъ же Васильевичъ С—въ, по Өедосеевскому согласію, предался изученію черной магіи, разгнѣвалъ демоновъ до того, что они на немъ разорвали рубашку: молитвами наставниковъ Василія Тимоѳеевича и Андрея Ефимовича хотя и отчитанъ, но еще бѣсъ, въ немъ пребывающій, водитъ часто его въ театръ. Семенъ (жена его Анна Кондратьевна) и Емельянъ Н—вы, по Өедосеевскому согласію, обличаются въ ѣздѣ верхомъ на иноземныхъ сѣдлахъ, въ одѣяніяхъ соблазнительныхъ; Анна Кондратьевна въ стягиваніи тѣла своего ради потѣхи демонской (корсетъ, надѣваемый на балы), въ ношеніи даже въ самой молельнѣ иноземныхъ перчатокъ изъ собачьей шкуры, оскверненіи черезъ это самаго молитвеннаго храма. Ерофей Аөанасьевичъ К—въ, по Покровской моленной, обличается въ ристаніи на бѣгу и въ человѣкоугодіи въ этомъ мастерствѣ. Иванъ и Павелъ Васильевичи О—вы, по Өедосеевскому согласію, въ куреніи сигаръ. Аөиногенъ Н—въ, Николай Н—въ и Ефимъ Өедоровичъ Г—въ, всѣ трое по Покровской моленной, обличены въ куреніи сигаръ, питьѣ кофея, ядѣніи мяса по постамъ. Книжные Преображенскаго кладбища: Кузьма В—въ и Петръ В—въ сами сознались, что при питіи водки демонъ понуждаетъ ихъ курить сигары въ сараѣ, гдѣ покойниковъ ставятъ» (рукопись, мнѣ принадлежащая). Тѣ же грѣхи наказывались строгими епитиміями и на Рогожскомъ кладбищѣ. Относительно костюма на Рогожскомъ было гораздо строже, чѣмъ на Преображенскомъ. На послѣднемъ давно уже можно было видѣть среди молящихся одѣтыхъ въ модные сюртуки, а женщинъ въ шляпкахъ. На Рогожскомъ этого до сего времени не допускается. Мужчины должны ходить въ часовню не иначе, какъ въ кафтанѣ стараго покроя, а женщины въ сарафанахъ, съ головами, покрытыми платками въ роспускъ. Послѣ 1812 года Мошанскіе первые, а за ними и немногіе другіе—стали ѣздить на гулянья подъ Новинское и въ Сокольники и за то считались людьми погибшими, особенно во мнѣніи провинціальныхъ старообрядцевъ. Въ «Повѣсти о томъ, что̀ сдѣлали Рогожскаго кладбища попечители въ 1816 г.», находятся слѣдующія обличенія москвичей дьяконовца города Орла, Тужилина:

Если тѣхъ почтенныхъ особъ поколебались сердца,
То немаловажная есть потеря любимаго ими образца;
Во многіе праздники, торжества—
Представляетъ гульбища и комедіи Москва,
Ваши богачи почитаютъ за должность
Хранить узаконенную вами осторожность,
Въ означенную вами церковь (*не перемазанскую*) ходить почитаютъ
за великую причину.
А если пропустятъ позорище, оскорбляются, не видѣвши того чину.

Въ Петербургѣ было не то: тамъ, еще съ первыхъ годовъ царствованія императора Александра I, богатые раскольники, усвоивъ свѣтскую жизнь, пользовались общественными увеселеніями и т. п.

Злобинъ. Онъ первый подалъ столичнымъ раскольникамъ примѣръ соглашенія религіозныхъ уставовъ древляго благочестія съ условіями быта образованнаго общества. Украшая свою родину (городъ Вольскъ) красивыми постройками, строя тамъ богатую часовню, Злобинъ задавалъ въ Петербургѣ такіе пиры для знатнѣйшихъ людей того времени, что послѣ о нихъ недѣли по двѣ говорило все высшее петербургское общество. Въ то время какъ супруга его снажбала свою Вольскую часовню древними драгоцѣнными утварями и пріобрѣтала плащаницу, будто бы вышитую еще до перваго вселенскаго собора *), Злобинъ устраивалъ въ окрестностяхъ Петербурга праздники съ музыкой, фейерверками и роскошными ужинами, на которые собиралась вся столичная знать. Въ то время какъ Пелагея Михайловна командовала Иргизомъ, собственноручно сдирала съ недостойныхъ, по ея мнѣнію, поповъ ризы и за разныя провинности собственноручно таскала ихъ за волосы, сожитель ея игралъ въ карты съ министрами **), бывалъ на раутахъ и балахъ великосвѣтскаго общества, водился съ иностранцами, покупалъ дорогія картины и статуи, о чемъ безъ ужаса не могли вспомнить иргизскіе фанатики. Къ довершенію ихъ ужаса, единственный сынъ Злобина женился на англичанкѣ... Разореніе Злобина и быстрый переходъ его отъ несмѣтнаго богатства къ нищенству жившіе по захолустьямъ фанатики объясняли карой Господней за отступленіе отъ старыхъ обычаевъ, но это не остановило членовъ Королёвской общины въ посильномъ подражаніи житью-бытью знаменитаго вольскаго старообрядца... Въ тридцатыхъ годахъ поселились въ Петербургѣ екатеринбургскіе милліонеры-старообрядцы, Зотовъ и зять его Харитоновъ ***).

*) Плащаница (за дорогую цѣну купленная въ Кіевѣ) бархатная, вышитая шелками и золотомъ, будто бы устроенная еще до перваго Никейскаго собора константинопольскимъ патріархомъ С. Митрофаномъ, имѣетъ греческую надпись. Она теперь въ Вольской единовѣрческой церкви, въ которую обращена Злобинская часовня. Н. И. Костомаровъ осматривалъ эту плащаницу въ 1856 году и нашелъ, что она вовсе не такъ древняя, что въ вышитой надписи вовсе нѣтъ упоминанія, что Митрофанъ, устроившій плащаницу, былъ царьградскій патріархъ, и въ ней даже нѣтъ слова «патріархъ», а вмѣсто его стоитъ γερὰρχος (начальникъ старцевъ) («Саратовскія Губернскія Вѣдомости» 1857 г., № 19).

**) Однажды на вечерѣ у одного знатнаго лица Злобинъ игралъ въ карты, къ нему подошелъ оберъ-полицеймейстеръ и сказалъ: «Василій Алексѣичъ, у васъ въ домѣ пожаръ». Злобинъ совершенно спокойно отвѣчалъ: «На пожарѣ должно быть вамъ, а не мнѣ», и продолжалъ игру. Домъ сгорѣлъ и въ немъ векселя и другіе документы. Это пошатнуло благосостояніе богача, а рискованныя и неудачныя предпріятія по поставкамъ во время отечественной войны совсѣмъ доконали его. Милліонеръ сталъ нищимъ. Передъ смертью онъ обратился въ единовѣріе («Саратовскія Губернскія Вѣдомости» 1875 г., статья о городѣ Вольскѣ).

***) Въ началѣ царствованія императора Николая были обнаружены злоупотребленія (не сектаторскія) на принадлежавшихъ имъ горныхъ заводахъ въ Пермской губерніи. Тесть и зять были высланы оттуда, и первый нѣкоторое время жилъ въ Кексгольмѣ подъ надзоромъ полиціи. Впо-

Они не водили, правда, подобно Злобину, хлѣба-соли съ лицами, стоявшими во главѣ центральной администраціи, но все-таки жили открыто, находились въ близкомъ знакомствѣ съ вліятельными людьми коммерческаго міра и второстепенными лицами петербургской бюрократіи. Земляки Злобина—вольскіе купцы Сапожниковы, имѣвшіе въ рукахъ своихъ обширныя рыбныя ловли на низовьяхъ Волги, земляки Зотова—Расторгуевы, владѣльцы горныхъ заводовъ въ Пермской губерніи, проживая въ Петербургѣ, вели такую же открытую, свѣтскую жизнь. Громовы, достигнувъ богатства, вошли въ ту же колею. Они не чуждались общественной жизни и ея удовольствій, роскошно отдѣланный домъ свой наполнили рѣдкими картинами и другими произведеніями искусства, устроили едва ли не первую теперь въ Петербургѣ оранжерею, давали блестящіе пиры, выѣзжали на балы, въ театры, концерты, воспитывали дѣтей по-европейски, жертвовали деньги на разныя благотворительныя учрежденія, завели образцовый дѣтскій пріютъ въ Петербургѣ. Но это не мѣшало имъ оставаться ревностными старообрядцами и даже стать во главѣ задуманнаго на Иргизѣ и одобреннаго на Рогожскомъ кладбищѣ смѣлаго предпріятія.

слѣдствіи имъ дозволено было жить въ Петербургѣ. На похоронахъ Зотова (въ началѣ сороковыхъ годовъ) на улицахъ столицы, среди мундировъ и лентъ, явился бѣглый попъ Кириллъ въ полномъ облаченіи. Это послужило поводомъ къ дѣлу о Королёвской моленной. Около того же времени въ Королёвскомъ домѣ случился пожаръ, которому не дали распространиться, но все же онъ повредилъ моленную. Вопреки закону, неправильно опираясь на резолюцію Александра I, раскольники приступили къ поправкамъ. Возникло и объ этомъ дѣло. По разсмотрѣніи его было найдено, что «купленный раскольниками для моленной, въ 1824 году, отъ купца Королева домъ не можетъ оставаться въ ихъ владѣніи, потому что раскольническія общества правительствомъ не признаются, а слѣдовательно и не имѣютъ права пріобрѣтать и владѣть имуществами, такъ какъ въ 412 ст. Сводѣ Гражд. Законовъ (изд. 1842 г.) постановлено, что владѣніе вообще признается *незаконнымъ*, когда владѣлецъ, по званію своему, не имѣетъ права владѣть пріобрѣтеннымъ имуществомъ. Равнымъ образомъ и существованіе въ помянутомъ домѣ моленной на будущее время не можетъ быть допущено, по той причинѣ, что оный долженъ перейти въ частныя руки, и что отъ бывшаго въ томъ домѣ пожара моленная требуетъ исправленія, а 62 статьею Свода устав. о предупрежд. и пресѣч. преступ. воспрещено какъ построеніе вновь раскольническихъ моленныхъ и молитвенныхъ домовъ, такъ и передѣлка и возобновленіе прежнихъ ни по какому случаю. При такихъ обстоятельствахъ комитетъ о раскольникахъ принялъ во вниманіе, съ одной стороны, что раскольники за купленный ими отъ купца Королева домъ, какъ значится въ неправильно совершенной и засвидѣтельствованной петербургскими присутственными мѣстами купчей крѣпости, заплатили 40.000 рублей ассигнаціями, почему въ отношеніи денежной суммы неудобно было бы нарушить право собственности, а съ другой, что 1077 и 1078 статьями Свода законовъ гражданскихъ, лицамъ, получающимъ такія имущества, которыми они владѣть по закону права не имѣютъ, предоставляется шестимѣсячный срокъ на продажу ихъ. Вслѣдствіе этого комитетъ полагалъ: предоставить министру внутрен-

Послѣ Громовыхъ самыми вліятельными людьми въ Королёвскомъ обществѣ были купцы Дрябины и упомянутый уже Григорій Дмитріевичъ Дмитріевъ, онъ же и Боровковъ.

Никита Васильевичъ Дрябинъ находился въ родствѣ съ Громовыми. Его жена, по имени Анна, пріятельница Елены Ивановны Громовой, не уступала этой „госпожѣ дому Израилева“ ни въ преданности расколу, ни въ усердіи къ монастырямъ и скитамъ, ни въ страннопріимствѣ келейныхъ матерей, пріѣзжающихъ въ Петербургъ за сборами съ Иргиза, Керженца и слободъ Стародубья. Григорій Дмитріевичъ Дмитріевъ, онъ же и Боровковъ, извѣстный въ сектаторской перепискѣ подъ именемъ Каретника, другъ Ѳедула Громова *), бывшій вмѣстѣ съ нимъ долгое время попечителемъ Королёвской моленной, велъ дѣятельную переписку съ иногородными старообрядцами по дѣламъ вѣры и пользовался повсюду огромнымъ почетомъ. Его домъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ пріютовъ для пріѣзжавшихъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ старообрядцевъ; чрезъ Григорья Дмитріевича велись сверхъ того дѣла торговыя, комиссіонныя и транспортныя петербургскихъ старообрядцевъ съ приволжскими и околомосковскими ихъ единовѣрцами.

Кромѣ названныхъ членовъ Королёвской общины, особенною ревностью къ старообрядству отличались въ Петербургѣ купцы Скрябины, Фалины и Зиновьевскіе. Но гораздо важнѣе ихъ были люди молодые, не видные по своему положенію, не обладавшіе богатствами, неизвѣстные знатнымъ людямъ и не выходившіе изъ своего замкнутаго круга въ суету жизни общественной. Отличаясь рѣдкими природными дарованіями, огромною начитанностью и дѣятельною энергіей, не знавшею никакихъ

нихъ дѣлъ сообщить петербургскому генералъ-губернатору слѣдующее распоряженіе, для исполненія существующихъ постановленій: 1) Объявить управляющимъ означеннымъ домомъ купцамъ Громову и Дмитріеву, что, за силою приведенныхъ выше узаконеній, они должны немедленно находящуюся въ томъ домѣ моленную обратить въ жилые покои и затѣмъ самый домъ продать частному лицу въ шестимѣсячный срокъ, совершивъ купчую крѣпость отъ своего имени, не упоминая въ актахъ и объявленіяхъ о такъ-называемомъ ихъ «старообрядческомъ обществѣ». 2) Полиціи неослабно смотрѣть, чтобы вмѣсто сей моленной не было раскольниками учреждено другой, а потому доставить заключеніе о находящихся въ помянутой моленной предметахъ богослуженія, которые не могутъ считаться частною собственностью, а составляютъ принадлежность церквей». Марта 21-го 1844 года императоръ Николай изволилъ разсматривать этотъ журналъ. См. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858 г., стр. 440—442. Несмотря на 2-й пунктъ постановленія, тотчасъ по упраздненіи Королёвской моленной возникло въ Петербургѣ нѣсколько тайныхъ, главнѣйшая у Дмитріева.

*) «Письмо Ѳед. Вас. Великодворскаго изъ Петербурга въ Бѣлую-Криницу къ Геронтію» безъ означенія года (вѣроятно, въ 1841). Въ домѣ Дмитріева, на Невскомъ проспектѣ, противъ съѣзжаго дома Каретной части, по закрытіи Королёвской моленной, существовала тайная старообрядческая моленная.

препонъ и противодѣйствій. эти молодые люди возвышались надъ единовѣрными богачами и незамѣтно для нихъ самихъ обратили ихъ въ послушныя свои орудія. То были крестьяне, мѣщане и ямщики, жившіе на „Графской биржѣ“ въ качествѣ громовскихъ приказчиковъ и при Королёвской моленной въ качествѣ дьячковъ и уставщиковъ. Изъ этой среды вышли люди, удивившіе всѣхъ необычайными своими похожденіями. Съ рѣдкимъ самоотверженіемъ проникли они въ отдаленныя страны Востока, отыскивая небывалыхъ старообрядскихъ архіереевъ; ни болѣзни, ни морскія бури, ни разбои полудикихъ жителей Азіатской Турціи не могли остановить ихъ; они въ Константинополѣ вступили въ непосредственныя связи съ агентами Чарторыйскаго; они, при пособіи іезуитовъ, проникли въ блистательные салоны Вѣны, въ пріемную эрцгерцога Людвига и на аудіенцію самого императора Фердинанда; они ораторствовали на революціонномъ сеймѣ въ Прагѣ чешской; они написали старообрядческое богословіе для представленія императору Фердинанду; они устроили въ предѣлахъ Буковины раскольническую іерархію съ босносараевскимъ митрополитомъ во главѣ; они на нѣкоторое время сдѣлались руководителями милліоновъ старообрядцевъ, обитающихъ въ Россіи, Австріи, Турціи, Малой Азіи, Египтѣ и другихъ отдаленныхъ странахъ.

Изъ молодыхъ людей, жившихъ въ тридцатыхъ годахъ у Громовыхъ, особенно замѣчательны были братья Великодворскіе. Вотъ что мы знаемъ объ этомъ семействѣ.

По старой новгородской дорогѣ, по которой лѣтъ сорокъ тому назадъ устроено петербургское шоссе, рядомъ съ городомъ Валдаемъ, длинною улицей протянулся древній ямъ Зимогорье, извѣстный еще во времена борьбы Москвы съ Новгородомъ. Всѣ зимогорскіе жители приписаны были къ яму и по всей Россіи извѣстны подъ именемъ „валдайскихъ ямщиковъ“, хотя и не всѣ занимались прадѣдовскимъ промысломъ ямской гоньбы. Таковъ былъ и ямщикъ Василій Великодворскій, записной старообрядецъ. Онъ не гонялъ почты, а содержалъ постоялый дворъ, въ которомъ обыкновенно останавливались его единовѣрцы, ѣздившіе въ Петербургъ изъ разныхъ губерній по торговымъ и другимъ дѣламъ. Постоялый дворъ не принесъ богатства Великодворскому, обремененному многочисленнымъ семействомъ, зато доставилъ ему и дѣтямъ его знакомство и даже дружескія связи съ сильными людьми въ старообрядствѣ. У него было шесть сыновей: знаменитый впослѣдствіи Петръ (Павелъ Бѣлокриницкій), Алексѣй, два Василія, два Ѳедора и дочь Наталья. Дѣти Великодворскаго одарены были рѣдкими способностями, особенно двое старшихъ. Научившись читать еще въ малолѣтствѣ, съ юныхъ лѣтъ они пристрастились къ чтенію старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ, которыми снабжалъ ихъ Корытовъ, зажиточный купецъ города Валдая и попечитель тамошней старообрядской моленной.

Съ раннихъ лѣтъ старшіе сыновья Великодворскаго рѣзко разнились между собой. Старшій, Петръ, мягкаго, кроткаго нрава, имѣлъ стремленіе къ жизни созерцательной и, начитавшись Прологовъ и другихъ сказаній о житіи святыхъ, почувствовалъ наклонность къ жизни аскетической и остался вѣренъ своему призванію. Еще ребенкомъ, бѣгая по низменнымъ берегамъ Валдайскаго озера и съ свойственнымъ раскольнику враждебнымъ чувствомъ взирая на зданія Иверскаго монастыря, воздвигнутаго патріархомъ Никономъ, Петръ Великодворскій развивалъ въ себѣ ревность не по разуму къ такъ-называемому древлему благочестію и проникался враждой къ господствующей церкви, враждой, не допускавшей ни снисхожденія ни безпристрастнаго разсужденія. Такимъ онъ остался и на всю жизнь. Судя по фотографическому портрету, снятому съ него въ городѣ Черновицахъ незадолго до смерти, это былъ человѣкъ воли непреклонной и энергіи необычайной. Длинное, худощавое лицо съ прямымъ, красиво очерченнымъ носомъ, крутой лобъ, умные, проницательные глаза подъ густыми бровями, легкая улыбка на губахъ и небольшая борода — вотъ какова была наружность этого человѣка, сдѣлавшагося едва ли не самымъ замѣчательнѣйшимъ дѣятелемъ въ русскомъ расколѣ. По отзыву всѣхъ знавшихъ его, это былъ человѣкъ обширнаго ума, живого характера, обладавшій рѣдкимъ даромъ слова и умѣвшій привлекать къ себѣ сердца окружавшихъ *). Жизни былъ онъ самой строгой и правилъ самыхъ честныхъ. Въ его положеніи онъ могъ бы нажить огромное состояніе, но, проживъ вѣкъ свой нестяжательнымъ инокомъ, не только ничего не оставилъ по смерти, но все, что̀ имѣлъ, пожертвовалъ на созданную имъ бѣлокриницкую митрополію. Ему стоило лишь захотѣть — и омофоръ тотчасъ же былъ бы у него на плечахъ; ему стоило только слово сказать — и его сдѣлали бы не только епископомъ, но даже самимъ „митрополитомъ всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ"; но, уклоняясь отъ всякихъ почестей, Великодворскій умеръ простымъ монахомъ. Уваженіе, которымъ онъ пользовался у старообрядцевъ, доходило до благоговѣнія: каждое слово его считалось святымъ. Онъ былъ душой старообрядческой іерархіи: митрополиты только служили обѣдни, а дѣйствовалъ онъ. И пока былъ живъ Великодворскій, все держалось въ Бѣлой-Криницѣ, держалось единственно его умомъ. Какъ скоро онъ умеръ - все пошло на иной ладъ. Не оставилъ по себѣ преемника Ве-

*) Н. И. Надеждинъ, видѣвшій Павла (Петра) Великодворскаго въ 1845 году въ Бѣлой-Криницѣ, такъ выражается о немъ: „Павелъ—голова чрезвычайно бойкая, отличный говорунъ, большой начетчикъ, искушенный во всѣхъ тонкостяхъ раскольническаго суемудрія; отъ этого человѣка, еще молодого, лѣтъ подъ тридцать, такъ и пышетъ свѣжею, живой Москвой". О заграничныхъ раскольникахъ напечатано въ I томѣ «Сборника» В. Кельсіева, стр. 93. Но въ 1815 году Павлу было около тридцати пяти лѣтъ. Моложавое лицо его ввело въ заблужденіе покойнаго Надеждина.

ликодворскій, и старообрядческая іерархія тотчасъ же по смерти его стала распадаться.

Едва старшіе Великодворскіе достигли совершеннолѣтія, отецъ ихъ умеръ, и хозяиномъ нераздѣльнаго дома остался Петръ Васильевичъ. Онъ оказался совершенно неспособнымъ продолжать родительское дѣло. Каждый вечеръ зазывать проѣзжающихъ извозчиковъ, предлагая имъ дешевый овесъ и варево, и, перебраниваясь съ сосѣдями, каждое утро считаться съ постояльцами, торгуясь и бранясь за каждую копейку, заготовлять сѣно, овесъ и другіе припасы, приготовлять обѣды и ужины,— все это было не подъ силу Петру Великодворскому, у котораго съ юныхъ лѣтъ голова занята была совсѣмъ другими думами. Къ тому же хозяйки въ домѣ не было, а безъ хозяйки держать постоялый дворъ невозможно. Вдова Великодворская вскорѣ по смерти мужа постриглась въ иночество, принявъ имя Алевтины *), сыновья были не женаты, а Наталья Васильевна въ хозяйки не годилась. Между тѣмъ рекрутскіе наборы слѣдовали одинъ за другимъ, а семья Великодворскихъ по ревизской сказкѣ состояла изъ семи душъ, стало-быть, сдача рекрута была для нея неизбѣжна. Залежныхъ денегъ на покупку квитанціи не было, а Петръ, Алексѣй и братья ихъ не къ тому были готовлены, не такъ росли и воспитывались, чтобы сдѣлаться на всю жизнь солдатами. Завязанныя еще отцомъ ихъ знакомства съ богатыми старообрядцами выручили на этотъ разъ Великодворскихъ и въ то же время сблизили ихъ съ главами петербургскаго старообрядства. Разъ Сергѣй Григорьевичъ Громовъ проѣзжалъ черезъ Валдай и остановился у знакомыхъ ему Великодворскихъ. Побесѣдовавъ съ гостемъ отъ писанія, Петръ Васильевичъ разсказалъ ему про свое горе, и Громовъ тотчасъ же далъ ему денегъ на квитанцію. Чтобы заработать эти деньги, Алексѣй Великодворскій поступилъ въ услуженіе къ Громовымъ и поселился въ Петербургѣ на ихъ „Графской биржѣ". Вслѣдъ затѣмъ Петръ Великодворскій передалъ отцовскій домъ меньшимъ братьямъ, а самъ поступилъ земскимъ въ мѣстное волостное правленіе.

Алексѣй былъ начитанъ не менѣе брата и не менѣе его преданъ расколу, но, не будучи проникнутъ, какъ тотъ, духомъ аскетизма и не будучи склоненъ къ мистицизму, имѣлъ болѣе практическій взглядъ на жизнь и пошелъ по другой дорогѣ. Въ скоромъ времени его коротко узнали хозяева. Онъ понравился имъ своимъ умомъ, своею начитанностью, знаніемъ богослужебнаго устава и безпредѣльною ревностью къ древлему благочестію. Громовы стали отличать Алексѣя отъ другихъ служителей, и вскорѣ кабальный работникъ съ Графской биржи переселился въ домъ Сергѣя Григорьевича, сдѣлался его другомъ, ежедневнымъ собесѣдникомъ „госпожи дому Израилева" и главнымъ уставщи-

---

*) Послѣ она жила на Рогожскомъ кладбищѣ въ обители матери Александры, съ которою потомъ и переселилась въ Бѣлую-Криницу.

комъ Королёвской моленной. Въ его рукахъ сосредоточилась сектаторская переписка петербургской поповщины съ иногородными старообрядскими общинами. Онъ обзавелся семействомъ *), и Громовы отвели ему помѣстительную квартиру на своемъ дворѣ. Тогда Алексѣй Васильевичъ меньшихъ братьевъ одного за другимъ помѣстилъ на службу къ Громовымъ. Они частью жили въ Петербургѣ, частью разъѣзжали по Новгородской и Олонецкой губерніямъ, исполняя порученія хозяевъ. Только Ѳедоръ старшій остался въ родительскомъ домѣ, но и онъ нерѣдко гостилъ у Громовыхъ въ Петербургѣ.

Петръ Великодворскій недолго служилъ земскимъ писаремъ. Не знаемъ причинъ, заставившихъ его оставить волостное правленіе; почитатели памяти его говорятъ, что дѣятельность земскаго не удовлетворяла Петра Васильевича, что ему хотѣлось болѣе обширнаго поприща дѣятельности. Мистицизмъ и аскетизмъ, которыми онъ былъ проникнутъ съ юности, не могли примирить его съ обязанностями писаря. Оставивъ эту должность, онъ часто и подолгу гостилъ у брата въ Петербургѣ, короче познакомился съ Громовыми и въ ихъ домѣ завелъ обширныя связи съ старообрядцами разныхъ мѣстностей, особенно съ стародубскими и вѣтковскими.

Въ русскомъ народѣ ходитъ много сказаній о кладахъ, зарытыхъ въ старые годы разбойниками или спрятанныхъ во время непріятельскихъ нашествій. Мѣста закопанныхъ сокровищъ народная фантазія окружила различными сверхъестественными существами, оберегающими древнія драгоцѣнности. Въ рѣдкой мѣстности не ходилъ слухъ о такихъ кладахъ. Есть даже рукописныя тетрадки, въ которыхъ описываются мѣстности каждаго клада, условія, при которыхъ можно имъ воспользоваться, и даже тѣ страхи и навожденія нечистой силы, которые однако можно побѣдить извѣстными словами и обрядами. Петру Великодворскому сдѣлалось извѣстно одно изъ такихъ мѣстонахожденій дорогого клада. Отъ кого-то онъ узналъ, будто въ погребу усадьбы одного помѣщика хранится въ старину закопанный кладъ: золото, серебро, жемчугъ и камни самоцвѣтные, иконы старинныя, чудотворныя, разная утварь церковная древнихъ лѣтъ. Разгорѣлось воображеніе Петра Великодворскаго при извѣстіи о такихъ сокровищахъ, дорогихъ не столько по цѣнности металла и камней, сколько по древности, ибо досужая молва говорила, будто бы святынѣ, зарытой въ погребу, будетъ не менѣе тысячи лѣтъ... Но какъ достать такой кладъ? Какъ придти въ помѣщичью усадьбу съ заступами и начать копать погребъ?

Вполнѣ увѣренный въ дѣйствительности клада, Великодворскій подъискалъ товарищей и съ ними отправился въ Петербургъ, чтобы просить самого государя о дозволеніи вырыть кладъ изъ помѣщичьяго погреба.

---

*) Жену его звали Ариной Ивановной, у него была дочь Александра.

Онуфрій, епископъ браиловскій и намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита (нынѣ единовѣрческій инокъ), коротко знавшій Великодворскаго, проживавшій съ нимъ въ любви и совѣтѣ болѣе пятнадцати лѣтъ, пользовавшійся полною его довѣренностью, такъ разсказываетъ со словъ его объ этомъ дѣлѣ: „Петръ Васильевичъ валдайскій съ товарищами подавалъ прошеніе императору, чтобы было дозволено имъ кладъ у одного помѣщика на помѣстьѣ въ погребу вынуть: злато и серебро, иконы старинныя и чудотворныя сохраняются. Полиція (петербургская), слѣдившая за подавателями прошенія, ихъ похватала. Они отъ просьбы отреклись на допросахъ“ *). Тогда, какъ Великодворскій былъ въ Петербургѣ по этому дѣлу, ему привидѣлся странный сонъ. Видѣлъ онъ, что стоитъ передъ нимъ Николай Чудотворецъ въ голубой фелони съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ. Отставивъ въ сторону правую руку, святитель благословилъ спящаго и сказалъ: „все есть, какъ меня видишь“. Сонъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Петра Васильевича. Онъ разсказалъ его близкимъ, и тѣ рѣшили, что сновидѣніе предвѣщаетъ счастливый исходъ дѣла о кладѣ. Когда же кладъ не достался, Великодворскій сталъ объяснять свой сонъ предвѣстіемъ какого-то важнаго дѣла, которое ему суждено совершить. Впослѣдствіи, когда онъ всецѣло предался устроенію заграничной митрополіи, онъ всегда держалъ въ памяти странное сновидѣніе и непонятную фразу, имъ слышанную, безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣря въ успѣхъ начатаго предпріятія, для большинства казавшагося несбыточнымъ. Когда же достигъ онъ цѣли, написалъ „Сказаніе о явленіи святителя Николая“ и, сообразно съ сновидѣніемъ, заказалъ въ Россіи мѣстную икону Николая Чудотворца, въ ростъ человѣческій, въ голубой ризѣ, съ евангеліемъ и съ отставленною въ сторону благословляющею рукой. Эта икона поставлена имъ въ Бѣлой-Криницѣ, въ большой монастырской церкви, у сѣверныхъ дверей на лѣвой сторонѣ **). Липоване очень уважаютъ эту икону.

Сонъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Петра Великодворскаго. Съ дѣтства склонный къ мистицизму, самую мысль о случайности сновидѣнія почиталъ онъ за грѣховную и всѣми силами

---

*) Записка Онуфрія: «Объ основаніи бѣлокриницкой іерархіи и о митрополитѣ Амвросіи», написанная въ 1866 году.

**) Онуфрій въ запискѣ «Объ основаніи бѣлокриницкой митрополіи» говоритъ: «Проживши въ С.-Петербургѣ по дѣлу клада, являлся ему Никола Чудотворецъ въ ризѣ голубой, въ лѣвой рукѣ евангеліе, а правой, отставивши отъ себя руку, благословляетъ его спящаго. Никола Чудотворецъ, какъ явился и благословивши, сказалъ ему, что *все есть, какъ меня видишь*. Къ чему это слово? Еще искать епископа не было начато, а дѣло о кладѣ шло, и онъ явился ему. Послѣ онъ это явленіе описалъ, и икону написалъ въ ростъ человѣка, и икона эта привезена въ бѣлокриницкій монастырь, поставлена въ церкви на лѣвой сторонѣ у западныхъ дверей, и теперь всѣмъ зрима».

души вѣрилъ, что оно предвѣщаетъ ему нѣчто особенное, предрекаетъ совершеніе великихъ дѣлъ, къ исполненію которыхъ онъ предназначенъ судьбою. Утвердившись въ этой мысли, онъ рѣшился оставить міръ и принять иночество, къ которому давно имѣлъ стремленіе. Оставивъ гостепріимный домъ Громова, Петръ Васильевичъ уѣхалъ изъ Петербурга, недолго пробылъ на родинѣ и отправился въ Стародубье. Здѣсь, переходя изъ монастыря въ монастырь и присматриваясь къ жизни иноковъ, не нашелъ обители, которая хотя бы сколько-нибудь соотвѣтствовала составленному имъ понятію о монашествѣ. Распущенность нравовъ въ Стародубьѣ поразила молодого аскета, и онъ бѣжалъ въ предѣлы вѣтковскіе. Здѣсь, въ пустынномъ монастырѣ Лаврентьевѣ, Петръ Великодворскій поступилъ послушникомъ къ иноку Аркадію (Шапошникову), впослѣдствіи лаврентьевскому игумену, а затѣмъ епископу славскому. Петръ Васильевичъ жилъ при немъ немало времени, занимаясь изученіемъ старыхъ книгъ и пребывая въ жизни созерцательной.

Кромѣ братьевъ Великодворскихъ, еще нѣсколько человѣкъ живало у Громовыхъ въ качествѣ приказчиковъ, не занимаясь коммерческими дѣлами, но служа въ Королёвской моленной. Изъ петербургской городской думы получали они приказчичьи свидѣтельства съ тою лишь цѣлью, чтобы не быть въ числѣ людей, проживающихъ въ столицѣ безъ опредѣленныхъ занятій, и тѣмъ не обратить на себя вниманія полиціи. Не только дьячки, уставщики, пѣвцы и другіе причетники Королёвской моленной, но и значительная часть богадѣленныхъ стариковъ, проживавшихъ при ней, также значились офиціально громовскими приказчиками и служителями. Въ числѣ ихъ особенно замѣчателенъ былъ землякъ Великодворскихъ, валдаецъ родомъ, Игнатій Еремеевичъ Чистяковъ, человѣкъ ловкій и большой мастеръ сманивать въ расколъ православныхъ священниковъ и іеромонаховъ. Нѣкоторое время жилъ у Громовыхъ мѣщанинъ посада Крылова *), Звѣревъ, человѣкъ ловкій, бойкій и чрезвычайно энергическій. Онъ не былъ большимъ начетчикомъ, не былъ знатокомъ уставовъ старообрядства, но за древлее благочестіе готовъ былъ въ огонь и въ воду. Этотъ пылкій молодой человѣкъ энергіею едва ли не превосходилъ самого Петра Великодворскаго, уступая ему во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. За старую вѣру онъ готовъ былъ сложить голову, и немало бывало съ нимъ хлопотъ у Громовыхъ. Нерѣдко, особенно, какъ, бывало, попадетъ ему въ голову, Звѣревъ начиналъ при постороннихъ ругаться надъ православною церковью и собираться идти въ синодъ для обличенія его членовъ въ мнимой неправотѣ господствующей церкви. Громовы сочли опаснымъ держать при себѣ такого безпокойнаго человѣка и постарались подъ благовиднымъ предлогомъ выпроводить Звѣрева изъ Петербурга. Впослѣд-

*) Полтавской губерніи, на правомъ берегу Днѣпра, противъ города Кременчуга.

ствіи, принявъ монашество, съ именемъ Алимпія, и перемѣнивъ за границей фамилію Звѣрева на Милорадова, онъ пріобрѣлъ громадную извѣстность въ старообрядствѣ.

Монахи и монахини, пріѣзжавшіе въ Петербургъ изъ разныхъ скитовъ и монастырей за сборами, обыкновенно привитали въ страннопріимныхъ покояхъ при Королёвской моленной, кромѣ взысканныхъ особыми милостями и расположеніемъ Громовыхъ, Дрябиныхъ или Каретника. Такіе счастливцы останавливались въ ихъ домахъ. Всѣ они, по возможности, исправляли при моленной чередовую службу. Изъ скитовъ керженскихъ, пермскихъ, уральскихъ и иргизскихъ мало пріѣзжало въ Петербургъ *), эти держались больше Москвы. Съ петербургскою поповщинскою общиной въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ находились преимущественно черниговскіе, вѣтковскіе, кіевскіе и бессарабскіе монастыри. Такимъ образомъ старообрядскія общины обѣихъ столицъ какъ бы раздѣлили между собой Россію. Къ Рогожскимъ тянула восточная часть, къ Королёвскимъ западная. Казаки линейные и донскіе тянули однако больше къ Королёвскимъ, что̀ зависѣло отъ постояннаго пребыванія въ Петербургѣ чередовавшихся командъ, входившихъ въ составъ собственнаго его величества конвоя и состоявшихъ въ то время поголовно изъ раскольниковъ.

Когда на Рогожскомъ происходили совѣщанія по случаю оскудѣнія священства и Авѳоній Кузьмичъ призывалъ русское старообрядство къ основанію независимой іерархіи, изъ Бессарабіи ѣхалъ въ Петербургъ молодой инокъ Геронтій, только-что избранный настоятель Серковскаго старообрядскаго монастыря **). Этотъ человѣкъ замѣчателенъ въ исторіи русскаго старообрядства не менѣе Петра Великодворскаго. Помѣщичій крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда, сельца Ермолова ***), Герасимъ

*) Изъ шестидесяти обителей, находившихся въ шестнадцати керженскихъ и чернораменскихъ скитахъ, лишь изъ Манееиной обители Комаровскаго скита племянница игуменьи Маргариты, Мавра Гавриловна Иванова, да изъ обители Андрониковыхъ Оленевскаго скита инокиня Звѣнислава ѣзжали каждогодно въ Петербургъ и находились въ сношеніяхъ съ Громовыми и Дрябиными. Мавра Гавриловна, дѣвушка въ сороковыхъ годахъ еще молодая, какъ не постриженная, одѣвалась въ Петербургѣ по послѣдней модѣ и привозила въ Комаровъ сундукъ съ платьями и шляпками, чтобы хоть полюбоваться на нихъ, вспоминаючи развеселое петербургское житье-бытье.

**) Серковскій или Сырковскій старообрядческій мужской монастырь былъ основанъ бѣжавшими изъ Россіи раскольниками еще до присоединенія Бессарабіи къ Россійской имперіи. Находился онъ подлѣ селенія Серкова или Сыркова въ Оргѣевскомъ цинутѣ (уѣздѣ), на землѣ, принадлежащей Аѳонской горѣ. Когда эта страна входила еще въ составъ Молдавіи, аѳонскіе отцы уступили подъ раскольничій монастырь принадлежавшій имъ участокъ земли за извѣстную годовую плату. Серковскій монастырь закрытъ въ 1845 году по распоряженію правительства.

***) Ермолово, принадлежавшее г-жѣ Нащокиной, а отъ нея по наслѣдству доставшееся ея дочери, г-жѣ Окуловой, лежитъ въ 22 верстахъ отъ

Исаевичъ Колпаковъ съ рожденія (1803 г.) находился въ расколѣ поповщинскаго согласія и, по собственному его сознанію, съ дѣтства получилъ стремленіе къ иноческой жизни. Выучившись читать, онъ предался чтенію и изученію уважаемыхъ старообрядцами книгъ. Одаренный отъ природы рѣдкими способностями ума, еще въ отроческихъ лѣтахъ онъ обратилъ на себя вниманіе окрестныхъ ревнителей раскола, не безъ основанія ожидавшихъ, что изъ Герасима выйдетъ замѣчательный дѣятель по дѣламъ ихъ вѣры. Жизнь барщиннаго крестьянина немного лестнаго сулила ему въ будущемъ: притомъ семья, къ которой принадлежалъ онъ, состояла изъ четырехъ душъ: онъ былъ младшій братъ и притомъ холостой *), стало-быть, ему грозила участь, вмѣсто иноческой камилавки, носить солдатскую шапку. Девятнадцати лѣтъ Герасимъ женился на однодеревенской дѣвушкѣ Степанидѣ, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака ушелъ изъ Ермолова съ годовымъ паспортомъ и болѣе туда не возвращался. Этотъ побѣгъ былъ въ 1822 году. Замѣчательно, что въ одинъ годъ (1803) родившіеся, въ одинъ годъ (1822) и бѣжали ради аскетическихъ подвиговъ: Кочуевъ изъ Горбатова отъ родителей, а Колпаковъ изъ Ермолова отъ беременной жены. Это были люди, которымъ впослѣдствіи суждено было сдѣлаться главными дѣятелями при устройствѣ бѣлокриницкой митрополіи.

Тогда всѣ бѣглые великоруссы, особенно помѣщичьи крестьяне, стремились въ Новороссію. Тѣ изъ нихъ, которые держались старообрядства, уходили преимущественно на берега Днѣстра, гдѣ и заселили слободы, бывшія дотолѣ весьма незначительными, какъ, напримѣръ, нынѣшній городъ Маяки, Плоское, Куничное (Куница), Грубно, Кулишовку и другія. Герасимъ Колпаковъ пошелъ проторенным путемъ въ эту

Серпухова, направо отъ рѣчки Лопасни, при прудахъ и ключѣ, называемомъ «Ольхово болото». Теперь въ немъ 30 дворовъ, 108 мужского и 135 женскаго пола душъ. «Списокъ населенныхъ мѣстностей Московской губерніи», № 5495.

*) Въ ревизской сказкѣ 6-й народной переписи 1811 года по сельцу Ермолову, помѣщицы Нащокиной, подъ № 4, записана семья крестьянина Исаіи Иванова Колпакова, умершаго въ 1803 году, на 42 году отъ роду. Она состояла изъ вдовы его Татьяны Прохоровой и сыновей: Ивана, сданнаго въ рекруты въ 1797 году, Егора, Андрея, Тихона и новорожденнаго послѣ 5-й ревизіи Герасима. Онъ родился въ годъ смерти своего отца. Въ ревизской сказкѣ 8-й народной переписи (1834 года), подъ № 9, показаны: въ бѣгахъ Герасимъ Исаевъ съ 1823 года (съ 1822 по 1823 онъ ходилъ съ паспортомъ); его мать Татьяна Прохорова и братъ Тихонъ съ женой Авдотьей, съ тремя малолѣтними сыновьями и двумя малолѣтними же дочерьми, въ бѣгахъ съ 1827 года; его жена Степанида и дочь Наталья въ бѣгахъ съ 1831 года. Изъ ревизскихъ сказокъ 6-й, 7-й и 8-й народныхъ переписей видно, что до 1816 года изъ сельца Ермолова побѣговъ никогда не было, а между 7-ю и 8-ю ревизіями изъ 120 человѣкъ мужского пола бѣжало 14, т.-е. одна девятая часть, изъ 141 женщины 8,—все раскольники. Изъ семьи Колпакова съ 1822 по 1831 г. бѣжало 5 мужчинъ и 6 женщинъ, а осталось 5 человѣкъ обоего пола.

сторону и въ 1823 году, поселясь въ Серковскомъ монастырѣ, приписался къ нему, вѣроятно, по фальшивому паспорту, и платилъ податной окладъ *). Здѣсь онъ принялъ малое постриженіе и получилъ имя Нектарія **). Жившіе въ Бессарабіи старообрядцы имѣли постоянно сношенія съ своими единоплеменными единовѣрцами-липованами, поселенными въ сопредѣльныхъ Буковинѣ, Молдавіи и Турціи. Братія Серковскаго монастыря нерѣдко посѣщала молдавскіе монастыри и липованъ, населявшихъ четыре слободы въ Буковинѣ. Ходить за границу Колпаковъ началъ, вѣроятно, съ 1826 года ***).

Въ 1830 году, въ послѣднихъ числахъ августа, старообрядскіе иноки Нектарій и Ефремъ съ австрійскими паспортами перешли черезъ границу въ Волынскую губернію. Императоръ Николай Павловичъ, разсматривая вѣдомость волынскаго губернатора объ иностранцахъ, прибывшихъ изъ-за границы, замѣтилъ имена Никитарія (?) и Ефрема и повелѣлъ на будущее время не впускать подобныхъ иностранцевъ въ предѣлы русскаго государства °). Едва ли этотъ Никитарій не былъ Колпаковъ. Въ началѣ 1831 года онъ находился въ Серковѣ °°) и въ Куреневскомъ старообрядскомъ монастырѣ °°°), гдѣ съ 1827 или 1828 года жила его мать, принявшая также постриженіе. Около того же времени Нектарій принялъ постриженіе въ великій образъ, при чемъ получилъ имя Геронтія.

Двадцативосьмилѣтній Геронтій, со сборною книжкой Серковскаго монастыря, отправился въ 1831 году въ Петербургъ къ Королёвскимъ благодѣтелямъ. Вѣроятно, завернулъ онъ по дорогѣ въ родное Ермолово, увидѣлъ покинутую жену и еще не знавшую отцовскихъ ласкъ девятилѣтнюю дочь... Когда Геронтій направлялъ путь изъ Москвы къ Петер-

---

*) Показаніе Геронтія, данное въ Петропавловской крѣпости черезъ десять съ половиной лѣтъ по заключеніи, 22-го ноября 1857 года. Въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1858 г., № 34.

**) Показаніе Геронтія, данное въ 1842 году дѣйствительному статскому совѣтнику Липранди, находящееся въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1847 г., № 39. Тогда Геронтій говорилъ, будто онъ уроженецъ бѣлокриницкій и постриженъ былъ 19 лѣтъ отъ роду въ малый образъ, съ именемъ Нектарія, іеромонахомъ Симеономъ, а въ 1839 г. въ большой образъ, съ именемъ Геронтія, іеромонахомъ Иринеемъ. Въ 1857 году въ Петропавловской крѣпости коменданту ея сказалъ, что постриженъ въ Сырковѣ, но про имя Нектарія умолчалъ.

***) Въ показаніи, данномъ въ 1857 г., онъ говоритъ, что жилъ постоянно въ Серковѣ до 1826 года.

°) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 122.

°°) Подольской губерніи, близъ Ольгополя. Тамъ мужской и женскій монастыри, основанные еще въ то время, какъ Подолія была подъ властью польскихъ королей. Замѣчательно, что Куреневскій раскольничій монастырь владѣлъ крестьянами до самаго манифеста 18-го февраля 1861 года (см. А. Г. Тройницкаго, «Крѣпостное населеніе въ Россіи»).

°°°) Въ городѣ Черкасахъ, Кіевской губерніи, въ тамошнемъ раскольничьемъ женскомъ монастырѣ.

бургу, его жена Степанида съ девятилѣтней дочерью бѣжали изъ Ермолова... Впослѣдствіи обѣ онѣ жили въ Черкасскомъ монастырѣ, гдѣ Пелагея Герасимова воспитывалась подъ надзоромъ и попеченіемъ матушки игуменьи Маноы.

Геронтій, по словамъ покойнаго Надеждина, лично его знававшаго, былъ человѣкъ безъ образованія, но удивительно ловкій, распорядительный и большой краснобай *). По отзывамъ близко знавшихъ его старообрядцевъ, онъ былъ хорошимъ начетчикомъ, но мало разумѣлъ силу писанія. Зато былъ отличнымъ хозяиномъ и домостроителемъ и въ качествѣ монастырскаго настоятеля былъ человѣкъ незамѣнимый. Предпріимчивость Геронтія не знала никакихъ препятствій: дѣйствуя съ неустанною энергіею, онъ всегда съ успѣхомъ выходилъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Жизни былъ строгой и велъ себя прилично, съ достоинствомъ. Въ Петербургѣ Геронтій былъ замѣченъ Сергѣемъ Громовымъ, и тотъ приблизилъ къ себѣ серковскаго сборщика. Весной 1832 года, когда московскіе послы пріѣхали въ Петербургъ, Геронтій жилъ у Громова, проводя дни и ночи въ задушевныхъ бесѣдахъ съ Алексѣемъ Васильевичемъ Великодворскимъ.

III.

Рогожскіе послы въ Петербургѣ.

Рогожскій соборъ кончился въ январѣ 1832 года, но назначенные имъ для переговоровъ съ Королёвскими послы отправились въ Петербургъ не ранѣе конца мая. Промедленіе произошло вслѣдствіе несогласій, снова возникшихъ между партіями Рахмановскою и Царскаго. Мы видѣли, что это несогласіе проявилось еще на самомъ соборѣ, но было тотчасъ же прекращено благодаря ловкости Кочуева. Но какъ скоро разъѣхались изъ Москвы иногородные депутаты, несогласія возникли вновь и съ большею силой. Рогожскіе попы, за исключеніемъ Ястребова, сильно противились исканію архіерейства, не желая разстаться съ независимостью и своевольствомъ. Пришелъ Великій постъ, и они внушали на духу, чтобы духовныя дѣти ихъ всячески береглись затѣй Рахманова, говоря, что эти затѣи могутъ быть пагубны не только для Рогожскаго кладбища, но и для всего старообрядства; Ястребовъ своимъ исповѣдникамъ внушалъ противное. Къ Пасхѣ несогласія рогожцевъ дошли до открытаго раздора. Царскій хотя и пожертвовалъ довольно значительную сумму на задуманное предпріятіе, но вскорѣ съ своею партіей сталъ настаивать, чтобы Рахмановы и ихъ единомышленники отказались отъ своей затѣи. Найти правильнаго архіерея, который бы достоинъ былъ „возродить корень древлеправославной іерархіи", едва ли дѣло сбыточ-

---

*) Н. И. Надеждина «О заграничныхъ раскольникахъ» напечатано въ «Сборникѣ» В. Кельсіева, I, 93.

ное, говорили они, и во всякомъ случаѣ, найдемъ ли мы епископа, не найдемъ ли его, неизбѣжно возбудимъ противъ себя строгія преслѣдованія правительства, и тогда послѣдуетъ не только конечное „оскудѣніе священства", но и совершенное истребленіе старой вѣры. Вмѣсто того, чтобы пускаться въ столь опасныя предпріятія, Царскій, его партія и рогожскіе попы, кромѣ Ястребова, попрежнему стали требовать, чтобы старообрядскія общества продолжали ходатайствовать о возстановленіи правилъ 1822 года, то-есть о дозволеніи вновь принимать на убылыя мѣста бѣглыхъ отъ православной церкви священниковъ, и чтобы ничего другого не предпринимали. Партія Царскаго особенно усилилась, когда къ ней пристали Леонтій Дмитріевичъ Мотылевъ и Иванъ Кирсановичъ Бѣловъ, попечители Рогожскаго кладбища.

Личное мнѣніе кладбищенскихъ попечителей всегда имѣло большое вліяніе на внутреннія дѣла Рогожскаго общества. Избранные этимъ обществомъ (хотя не безъ интригъ), извѣстные высшему столичному начальству, иногда даже утверждавшіеся имъ въ своемъ званіи, попечители имѣли какъ бы офиціальное значеніе какихъ-то посредниковъ между старообрядскимъ обществомъ и правительственною властью. Въ случаѣ надобности они хорошо умѣли пользоваться такимъ положеніемъ своимъ для достиженія личныхъ цѣлей или цѣлей той партіи, къ которой принадлежали. Усиленная соучастіемъ попечителей, партія Царскаго взяла теперь рѣшительный верхъ. Ни богатство Рахмановыхъ, ни хитрая проповѣдь попа Ивана Матвѣевича не могли болѣе одолѣть ее. Къ тому же получены были крайне неутѣшительныя для Кочуева и Рахмановыхъ письма отъ нѣкоторыхъ иногородныхъ депутатовъ, бывшихъ на соборѣ. Осторожно переданная ими надежнѣйшимъ старообрядцамъ мысль объ архіереѣ встрѣчена была въ нѣкоторыхъ обществахъ не только съ холодностью, но даже съ враждебнымъ чувствомъ. Ревнители „новой старины" боялись, не будетъ ли это отступленіемъ отъ правилъ древляго благочестія, доселѣ со временъ Никона не имѣвшаго своихъ епископовъ. Самозванцы Аѳиногенъ и Анѳимъ были памятны раскольникамъ, и теперь они страшились повторенія соблазновъ, внесенныхъ этими пройдохами въ старообрядство.

Съ рѣдкимъ успѣхомъ начатое Кочуевымъ дѣло, казалось, погибало. Мечты иргизскаго секретаря разрушались; не сбывались ожиданія Рахмановыхъ и другихъ богачей, которымъ, не столько для устраненія собственнаго священства, сколько ради удовлетворенія личнаго честолюбія—такъ усердно желалось имѣть собственныхъ архіереевъ. Ловкій, изворотливый Аѳоній и на этотъ разъ ихъ выручилъ. Онъ убѣдилъ попечителей и партію Царскаго не мѣшать по крайней мѣрѣ затѣянному предпріятію. „Будьте въ сторонѣ,—говорилъ онъ имъ:—и положитесь во всемъ на Королёвскихъ. Пусть они руководятъ дѣломъ. Захотятъ они искать архіерея — будемъ искать, не захотятъ — забудемъ о нашемъ предположеніи и вмѣнимъ его яко не бывшее. А вы между тѣмъ пора-

дѣйте о святой церкви, устраните великую нужду, утолите духовную жажду древлеправославныхъ христіанъ, походатайствуйте у правительства о дозволеніи попрежнему принимать отъ великороссійской церкви священниковъ". Попечители и Царскій согласились. Кочуевъ самъ вызвался написать Мотылеву и Бѣлову записку для подачи московскому генералъ-губернатору и исполнилъ обѣщаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ на себя ходатайство въ Петербургѣ о возстановленіи правилъ 1822 г. Такимъ образомъ Рогожское общество уступило въ этомъ дѣлѣ первое мѣсто петербургскому. Мы увидимъ, какъ впослѣдствіи, безъ споровъ и борьбы, оно возвратило потерянное-было старѣйшинство.

Пока собиралось въ Петербургъ рогожское посольство, Кочуевъ писалъ записку для попечителей. Ѳедору Рахманову наскучило дожидаться. Съ Окороковымъ и Суетинымъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, приказавъ Кочуеву ѣхать вслѣдъ за нимъ, какъ только отдѣлается. Ѣхать Кочуеву велѣно было вмѣстѣ съ другимъ рогожскимъ грамотеемъ, Прокопомъ Васильевичемъ Кузнецовымъ, брильянтщикомъ.

Вскорѣ записка была готова, и Мотылевъ съ Бѣловымъ подали ее князю Д. В. Голицыну 31-го мая. Вотъ это произведеніе пера Авооніева, любопытное во многихъ отношеніяхъ:

„Мы, граждане древней столицы, московскіе 1, 2 и 3-й гильдіи купцы и мѣщане, изъ числа кореннаго россійскаго народа, нося на себѣ таковое званіе на ряду съ другими исповѣданіями, свято повинуемся государственнымъ законамъ, исправляемъ по выборамъ общества гражданскія службы и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, по званію каждаго, исполняемъ обязанности повиновенія къ начальству, и во всѣхъ случаяхъ доказали вѣрность къ престолу и отечеству. По отправленію же службы Всемогущему Богу по древлепечатнымъ книгамъ, послѣ уничтоженнаго Великою Екатериною II названія „раскольника", носимъ имя „старообрядцевъ", до лѣтъ же московскаго патріарха Никона составляли единое, совокупное христіанское стадо, единаго пастыря и единую церковь имѣли.

„Со вступленіемъ на патріаршество Никона, при послѣдовавшемъ въ то время вновь напечатаніи церковныхъ книгъ, оказались противу древлепечатныхъ немалыя разности и въ чиноположеніяхъ и обрядахъ святыя церкви. Что̀ усмотрѣвъ тогда, предки наши, по чувству ихъ совѣсти и душевнаго страха, усомнились и не пожелали принять въ обрядѣ никакихъ измѣненій, тѣмъ паче, что содержавшіе тѣ самые обряды и отправлявшіе богослуженіе и всѣ таины по древлепечатнымъ священнымъ книгамъ: благочестивіи россійскіе цари, боголюбивіи великіе князья и святители, яко то: святіи Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ московскіе и преподобный Сергій и прочіе многіе россійскіе чудотворцы, святостію житія просіявшіе и нетлѣніемъ и чудесы прославленіе отъ Бога. А потому, желая неизмѣнно во всемъ быть послѣдователями таковыхъ, святостію прославленныхъ отъ Бога мужей, по апостольскому

гласу, завѣщевающему „поминать наставники, взирать на скончаніе жительства и подражать вѣрѣ ихъ“, остались при старыхъ чиноположеніяхъ и обрядахъ святыя церкви. Но чрезъ таковое непріятіе новопечатныхъ книгъ послѣдовало тогда отъ духовныхъ властей стѣсненіе. То дабы не сдѣлать насилія совѣсти, измѣненіемъ древнихъ преданій, и соблюсти оную непорочно предъ Богомъ, многіе изъ предковъ нашихъ рѣшились нѣкогда, оставя любезное отечество и съ нимъ всѣ общественныя выгоды, удалиться—одни за границы польскія, другіе въ сибирскія, необитаемыя тогда пустыни и степи, и заселясь тамъ, имѣли съ собою священниковъ, съ ними удалившихся, и, до лѣтъ облегченія участи ихъ, отправляли службу Божію и христіанскія таинства въ тайнѣ. Премудрая великая государыня, императрица Екатерина II, удостовѣрясь въ утѣснительномъ положеніи и охотномъ снесеніи всѣхъ бѣдствіи, къ пресѣченію оныхъ, изъ единаго своего соболѣзнованія, всемилостивѣйшимъ манифестомъ 1762 года, декабря 4-го и указомъ правительствующаго сената того-жъ года, декабря 14-го, даровала отлучившимся за границу всепрощеніе, позволила селиться въ Саратовской, Черниговской и прочихъ губерніяхъ и повелѣла съ записныхъ старообрядцевъ сложить двойной окладъ, манифестомъ 17-го марта 1775 года 17-мъ пунктомъ, запрещеніе на вступленіе въ бракъ безъ позволенія мѣстнаго начальства разрѣшила, а денежныя пошлины съ женящихся тайно, не у церквей, отмѣнила. И объявлена полная свобода въ Россіи всѣхъ вѣроисповѣданіи отправлять богослуженіе по чину и исповѣданію праотцевъ своихъ.

„Такимъ высокомонаршимъ милосердіемъ оживленные старообрядцы, разсѣянные за границы чужеземныхъ государствъ, съ восторгомъ спѣшили возвратиться въ любезное свое отечество, и казалось, что дарованною свободою они изъ мертвыхъ воскресли, или перешли въ новую жизнь. Съ того времени старообрядцами во многихъ городахъ, а наипаче въ Черниговской, Могилевской губерніяхъ, Стародубовскихъ слободахъ и въ Саратовской губерніи, по рѣкѣ Иргизу, на отведенныхъ отъ правительства мѣстахъ, воздвигнуты многіе монастыри, церкви и молитвенные храмы, между прочимъ, и мы, первопрестольнаго града жители, московскаго сословія старообрядцы, на отведенномъ отъ правительства предкамъ нашимъ въ 1771 году за Рогожскою заставой кладонщѣ, убѣждаясь духомъ человѣколюбія и страданія къ бѣднымъ, устроили каменныя и деревянныя богадѣльни, въ которыхъ нынѣ содержится на общемъ иждивеніи прихожанъ (доброхотнымъ подаяніемъ) обоего пола престарѣлыхъ и увѣчныхъ до 1000 душъ, кромѣ подкидываемыхъ и воспитывающихся младенцевъ. При ономъ же богадѣльномъ домѣ три каменные молитвенные храма имѣются, при которыхъ съ давнихъ лѣтъ, въ полотняной церкви Рождества Спасителя міра, по временамъ отправлялось служеніе божественной литургіи. Но въ 1823 г. отправленіе оной отъ правительства, неизвѣстно намъ почему, воспрещено: въ молитвенныхъ же храмахъ, находящихся у насъ по высочайшей волѣ,

священниками и дьяконами служба Божія и таинства по древлепечатнымъ книгамъ Вседержителю Богу и понынѣ отправляются. Священники таковые, рукополагаемые въ великороссійской церкви, сначала принимаемы были старообрядцами тайно, и тѣ только, которые, по вѣрѣ и внушенію совѣсти ихъ, пожелаютъ быть съ нами во единомысліи и отправлять богослуженіе и таинства по древлепечатнымъ книгамъ и чиноположеніямъ святыя церкви. Но по мѣрамъ, тогда принимаемымъ со стороны мѣстныхъ начальствъ для преслѣдованія таковыхъ священниковъ, они не имѣли нигдѣ постояннаго себѣ жительства, а, переходя изъ мѣста въ мѣсто, изъ одной губерніи въ другую и назирая свою паству, скрытно отправляли у старообрядцевъ богослуженіе и нужнѣйшія христіанскія таинства и требы, отчего происходили немалыя затрудненія въ отправленіи христіанскихъ требъ и таинствъ неудобства. Даже самое правительство и мѣстныя начальства не могли знать, гдѣ, сколько и какіе находятся священники, и не имѣли точнаго свѣдѣнія о числѣ родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся старообрядческаго сословія, отчего въ отправленіи подушныхъ податей, рекрутской повинности и даже въ самихъ присутственныхъ мѣстахъ по разнымъ предметамъ, касательно старообрядцевъ, происходили немалыя затрудненія и недоумѣнія. Такимъ образомъ, со времени облегченія Великою Екатериною II участи старообрядцевъ, при всеобщемъ духѣ вѣротерпѣнія, издревле отличающемъ Россію, хотя и получили они полную свободу въ отправленіи своего богослуженія, но изъясненныя выше сего затрудненія, отъ неимѣнія положительныхъ правилъ происходящія, вполнѣ не прекратились.

„Принявъ бразды правленія, вѣчно достойный славы, государь императоръ Александръ I (кромѣ милостей изъ царственныхъ устъ его, старообрядцы ничего касающагося до совѣсти ихъ не слыхали), по вступившимъ отъ нѣкоторыхъ губернскихъ начальствъ донесеній, относящихся до тѣхъ старообрядцевъ и священниковъ ихъ, всеобъемлющій духъ сего незабвеннаго монарха, въ указѣ 1803 года 21-го февраля начерталъ, что правило, принятое его величествомъ, состоитъ въ томъ, чтобы, не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ разысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, строго воспрещать соблазны, не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка, а въ указѣ 1816 г. 9-го декабря, данномъ на имя херсонскаго гражданскаго губернатора, о переселеніи духоборцевъ, изрекъ сіи достойныя памяти слова: „что не о переселеніи ихъ помышлять надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе сихъ самыхъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній, за разномысліе въ видѣ спасенія и совѣсти, по коему принужденіе ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ".

„Руководимый таковыми высокими правилами, усмотрѣвъ бдительнымъ прозорливымъ своимъ окомъ изъ выше упомянутыхъ донесеніи нѣкоторыя стѣсненія по дѣламъ старообрядцевъ, отъ неустройства про-

исходящія, и желая тишины и спокойствія всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, всемилостивѣйше благоволилъ для единообразнаго къ общему всѣхъ старообрядцевъ руководству даровать высочайше изложенныя въ 26-й день марта 1822 года правила, каковыя, по восшествіи на прародительскій престолъ, нынѣ благополучно царствующій государь императоръ Николай Павловичъ, изъявляя то же желаніе полнаго счастія всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, соизволилъ оныя высочайшимъ указомъ въ 15-й день сентября 1826 года утвердить, которымъ всѣ, прежде построенныя и существующія церкви, молитвенные храмы и часовни повелѣно оставить въ настоящемъ ихъ положеніи, не дѣлая притѣсненій, и самый порядокъ перехода къ намъ священниковъ и дьяконовъ, существующій у старообрядцевъ болѣе полутора столѣтія, получилъ установленную форму, которымъ позволено жить при старообрядческихъ церквахъ, молитвенныхъ домахъ и часовняхъ, отправлять богослуженіе и таинства по старопечатнымъ книгамъ и вести для порядка метрики. Симъ прекратились бывшія до того неустройства и возстановленъ благоустроенный законный порядокъ, правительству извѣстно стало число старообрядцевъ и священниковъ, у нихъ находящихся, и самыя дѣла по присутственнымъ мѣстамъ, касательно старообрядцевъ, получили правильный ходъ и законное теченіе. Успокоенные симъ старообрядцы, благословляя милосердіе вѣнценосца, изливали теплѣйшія моленія къ Царю царей о здравіи и долгоденствіи его императорскаго величества и всего августѣйшаго дома.

„Такимъ образомъ, на основаніи выше изложенныхъ и высочайше утвержденныхъ правилъ, и были вездѣ принимаемы старообрядцами приходящіе къ нимъ, по внутреннему убѣжденію совѣсти, ихъ священники и дьяконы, каковыхъ у насъ въ Москвѣ, при Рогожскомъ кладбищѣ, находилось девять священниковъ и два дьякона, что и продолжалось до 1827 года. Но въ семъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, объявлена была намъ отъ мѣстнаго начальства высочайшая воля, состоящая въ томъ, чтобъ означенныхъ священниковъ и дьяконовъ оставить у насъ въ покоѣ, а сверхъ сихъ вновь болѣе уже не принимать. Но какъ въ послѣдствіи времени, смертію и по другимъ обстоятельствамъ *), означенное число священниковъ уменьшилось до пяти, каковое количество, по числу многочисленности прихожанъ Рогожскаго въ Москвѣ кладбища (коихъ какъ въ столицѣ, такъ и въ губерніи ея можетъ оказаться до 50,000 **), весьма недостаточно, такъ что и нынѣ уже въ самой столицѣ нужнѣйшія христіанскія требы и таинства исправляемы бываютъ съ большимъ затрудненіемъ; а кольми паче въ уѣздѣ и губерніи ея, гдѣ издавна построенные молитвенные храмы, въ которыхъ всегда находящимися при оныхъ священниками, какъ-то: Бронницкаго и Богородскаго

*) То-есть за переходомъ нѣкоторыхъ священниковъ въ православіе.
**) Офиціальная цифра, нѣсколько даже уменьшенная.

уѣздовъ въ деревняхъ: Чулковой, Слободищахъ и прочихъ, отправлялись богослуженія, христіанскія требы и таинства, но нынѣ, по неимѣнію священниковъ, остаются впустѣ, и даже въ нѣкоторыхъ воспрещено старообрядцамъ собираться для общаго молитвословія, почему живущіе тамъ старообрядцы лишаются: умирающіе — христіанскаго напутствованія, умершіе — должнаго погребенія, а младенцы — святого крещенія.

„Видя таковое бѣдственное положеніе въ дѣлѣ спасенія души и обращаясь къ самимъ себѣ, съ горестью помышляемъ, что во времени благоустроенный вышеупомянутыми, высочайше утвержденными мудрыми правилами, законный порядокъ перехода къ намъ священниковъ неминуемо обратится на прежде бывшее неустройство, тѣмъ болѣе, какъ невозможно намъ быть безъ священства, отъ котораго, по вѣрѣ нашей, чрезъ совершаемыя имъ таинства, получаемъ мы освященіе, то нѣкоторые изъ старообрядцевъ по необходимости найдутся имѣть у себя неявное священство, а почему и должно для нихъ послѣдовать отъ мѣстныхъ начальствъ преслѣдованіе, а по присутственнымъ мѣстамъ въ дѣлахъ, касательно старообрядцевъ, паки прежде бывшія затрудненія и недоумѣнія, и самое правительство не будетъ имѣть о числѣ родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся старообрядцевъ и находящихся у нихъ священниковъ точнаго свѣдѣнія. Какая отъ сего неустройства произойти можетъ польза, разсуждать не осмѣливаемся.

„Находясь въ столь прискорбномъ для души настоящемъ положеніи и опасаясь будущихъ послѣдствій, возымѣли мы смѣлость въ 1827 г. повергнуть къ стопамъ великаго государя императора всеподданническое прошеніе, въ коемъ, объясняя угнетающія насъ обстоятельства, умоляли его благость о дозволеніи намъ попрежнему, на основаніи вышеупомянутыхъ, высочайше дарованныхъ намъ правилъ, принимать приходящихъ къ намъ священниковъ и дьяконовъ, въ чемъ питая несомнѣнную надежду на милосердіе и великодушіе августѣйшаго монарха нашего, ожидаемъ его милостиваго снисхожденія. Но между тѣмъ крайне стѣсняемся мы въ вышеозначенныхъ обстоятельствахъ почему въ 1831 году подали на имя министра внутреннихъ дѣлъ, г. Новосильцева, прошеніе о принятіи вновь на убылое мѣсто уволеннаго отъ своего начальства заштатнаго священника владимірской епархіи, села Рясницъ, Ивана Петрова Сергіевскаго *), изъявившаго добровольное согласіе имѣть жительство при московскомъ старообрядческомъ нашемъ Рогожскомъ кладбищѣ и отправлять богослуженіе и христіанскія таинства по древлепечатнымъ книгамъ. Вслѣдствіе таковаго прошенія послѣдовало на оное высочайшее повелѣніе: взять отъ насъ объяснительное показаніе касательно просимаго нами священника, желаемъ ли мы принять онаго какъ правильно уволеннаго духовнымъ начальствомъ, на правилахъ едино-

*) Рясницы, или Рясницыно, казенное село Александровскаго уѣзда, въ 116 верстахъ отъ уѣзднаго города. Попъ Сергіевскій находился тайно при часовнѣ въ городѣ Вереѣ.

вѣрческихъ церквей, на что, по чувствамъ нашей совѣсти, объявили мы, въ данномъ 1831 г., въ іюлѣ мѣсяцѣ, вашему сіятельству объясненіи, что на правилахъ единовѣрческихъ церквей принять означеннаго священника Сергіевскаго мы не желаемъ, и впредь принимать на таковыхъ правилахъ священниковъ, по совѣсти нашей, изъявить согласія не можемъ, потому болѣе, что несовмѣстнымъ съ совѣстію почитаемъ имѣть пастыря не единомысленна съ нами, поелику таковый не по вѣрѣ и усердію его къ святочтимымъ нами древнимъ обрядамъ и чиноположеніямъ святыя церкви, внушеннымъ совѣстію, отправлять будетъ богослуженіе и христіанскія таинства, по древлепечатнымъ книгамъ, а токмо по волѣ и по предписанію духовнаго его начальства, безъ сердечнаго къ тому расположенія и душевнаго чувства, на которое призираетъ благость Божія, а потому и сомнѣваемся противу совѣсти нашей принять и ввѣрить такому нелицемѣрно дѣло душевнаго спасенія нашего, въ которомъ праведно судящему Богу, Создателю душъ нашихъ, дать отвѣтъ почитаемъ себя обязанными.

„Объяснивъ такимъ образомъ выше сего причины, подвергнувшія многолюдное сословіе старообрядцевъ въ крайнее положеніе по недостатку священнослужителей, осмѣлились нынѣ прибѣгнуть къ особой помощи и покровительству вашего сіятельства, какъ государственнаго намѣстника, коему ввѣрено внутреннее управленіе древней столицы, заключающей въ себѣ многіе разноплеменные народы, даже и не христіанскаго исповѣданія, изъ коихъ каждому мудрыми законами дарованы права по совѣсти ихъ отправлять безпрепятственно въ построенныхъ на то храмахъ ихъ служеніе, у коихъ и браки, совершаемые ими по ихъ обрядамъ, признаются во всѣхъ отношеніяхъ родства и наслѣдства законными, но только одни старообрядцы, всегда вѣрные сыны отечества, точные исполнители всѣхъ гражданскихъ обязанностей, не имѣютъ еще совершеннаго счастія удостоиться, къ довершенію многихъ къ намъ милостей и снисхожденія, получить высочайшее разрѣшеніе о дозволеніи имъ принимать попрежнему для совершенія таинствъ священниковъ и дьяконовъ, на правилахъ, высочайше изложенныхъ въ 26-й день марта 1822 года и въ 15-й день сентября 1826 года всемилостивѣйше утвержденныхъ.

„И какъ по просьбѣ нашей о дозволеніи намъ принимать попрежнему священниковъ и дьяконовъ, судьба участи великаго числа старообрядцевъ зависѣть будетъ единственно отъ милосердаго вашего разрѣшенія, въ каковомъ случаѣ старообрядцы московской столицы и губерніи ея умоляютъ ваше сіятельство взойти въ крайнее совѣсти ихъ положеніе, быть представителемъ и ходатаемъ за нихъ у подножья престола милосердаго монарха о снисхожденіи въ изъявленіи имъ просимой милости къ успокоенію ихъ совѣсти и духа“ *).

*) «Дѣло канцеляріи московскаго генералъ-губернатора», 31-го мая 1832 года, № 42.

Болѣе трехъ лѣтъ рогожскіе попечители ожидали благопріятныхъ для себя послѣдствій отъ этой записки. Но они ждали напрасно. Ни ходатайство ихъ въ Москвѣ, ни „хожденіе по дѣламъ" Кочуева въ Петербургѣ, ни просьбы, подаваемыя ими разнымъ начальствующимъ лицамъ и даже особамъ царской фамиліи, не увѣнчались тѣмъ успѣхомъ, какого они ожидали. Правительство твердо стояло на своемъ. Считая оскорбительнымъ для церкви дозволеніе православнымъ священникамъ уклоняться въ расколъ, оно не только не возстановляло правилъ 1822 года, но съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе стѣсняло старообрядцевъ.

Здѣсь не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о главномъ лицѣ рогожскаго посольства, Ѳедорѣ Андреевичѣ Рахмановѣ, который въ то время стоялъ во главѣ задуманнаго предпріятія образовать заграничную іерархію.

Въ Рогожскомъ обществѣ въ тридцатыхъ годахъ существовалъ кружокъ богачей, вышедшихъ изъ Гуслицкой волости, особенно же изъ Вохны *). Земляки связаны были между собою дружбою, единомысліемъ, а нѣкоторые даже родствомъ. Всѣ были сваты другъ съ другомъ. Къ этому кружку принадлежали и Рахмановы, до 1812 года крестьяне большой помѣщичьей деревни Слободищи, что въ Гуслицахъ **). Рахмановыхъ было три брата: Ѳедоръ, Алексѣй и Дмитрій, и кромѣ того

*) «Статистическое описаніе Рогожскаго кладбища» 1845 года. Рукопись. Часть II. Изъ нея видно, что къ этому кружку, кромѣ Рахмановыхъ, принадлежали: а) почетный гражданинъ Николай Осиповъ, прежде крестьянинъ села Вохны, а потомъ богатый купецъ, имѣвшій 10 милліоновъ ассигнаціями капитала, домъ въ Пятницкой части и суконную фабрику; б) Терентій Егоровичъ Солдатенковъ, также изъ Вохны, имѣвшій до 13 милліоновъ ассигнаціями, нѣсколько домовъ и миткалевую фабрику; в) Аллилуевы, также изъ Вохны, хлѣбные торговцы, составившіе этимъ торгомъ капиталъ до трехъ милліоновъ; г) Досужевъ, также изъ Вохны, торговлей сукномъ составившій капиталъ въ одинъ милліонъ; д) Александръ Ивановичъ Гречухинъ, также прежде вохонскій крестьянинъ, хлѣбною торговлей нажившій дома въ Москвѣ и до 700 тысячъ капитала; е) Ѳедоръ Ивановичъ Симоновъ, прежде крестьянинъ Гуслицкой волости, составившій состояніе хлѣбною торговлей, а потомъ имѣвшій до двухъ милліоновъ капитала и бумагопрядильную фабрику; ж) Иванъ Никитичъ Царскій, прежде гуслицкій крестьянинъ, потомъ лѣсною торговлей составившій капиталъ въ 700 тысячъ руб. Къ тому же кружку принадлежали: Кулаковы Григорій, Егоръ и Иванъ Степановичи, мучные торговцы, мать ихъ до 1812 года была купчихой 2-й гильдіи, имѣли домъ въ Яузской части и въ 12 милліоновъ капиталъ, и Соколовъ Василій Ефремовичъ, прежде московскій мѣщанинъ, а потомъ купецъ, имѣвшій посессіонную суконную фабрику и капиталъ въ 10 милліоновъ.

**) Богородскаго уѣзда. Деревня Слободищи, при рѣчкѣ Гуслицѣ, очень большая, въ ней 235 дворовъ и болѣе полуторы тысячъ душъ ревизскаго населенія. Прежде принадлежала г-жѣ Жеребцовой, потомъ перешла къ г. Норду. Въ Слободищахъ находится раскольничья моленная, богато украшенная Рахмановымъ. «Списокъ населенныхъ мѣстностей Россійской имперіи», XXIV, № 600.

двоюродный братъ Василій Григорьевичъ. Откупившись отъ крѣпостной зависимости, они приписались въ купцы по городу Ардатову, но жили въ Москвѣ, производя, посредствомъ приказчиковъ, обширную торговлю на Волгѣ. Въ апрѣлѣ 1825 г. Рахмановы пожертвовали пятьдесятъ тысячъ рублей въ пользу комитета о раненыхъ, за то вскорѣ получили званіе потомственныхъ почетныхъ гражданъ и переписались въ московское купечество, но объявили капиталъ по 1-й гильдіи не раньше 1845 года, хотя давно ихъ считали въ восьми милліонахъ. Старшій изъ Рахмановыхъ, Өедоръ Андреевичъ, былъ человѣкъ добрый и щедрый, но не отличался ни особенными способностями, ни начитанностью, ни какою-либо долей образованія.

Мало разумѣя грамоту, немного заикаясь и притомъ картавя, не могъ онъ сдѣлаться „мужемъ совѣсти", но богатство и щедрость его заставили забывать природные недостатки. Угодники льстили ему, и Өедоръ Андреевичъ, встрѣчая отовсюду удивленіе своему „высокому уму", возмечталъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ необыкновенно умный и даже дѣловой человѣкъ. Былъ онъ крайне честолюбивъ, всячески искалъ извѣстности и почета и, полагая, что съ большими деньгами все возможно, онъ, недавно бывшій крѣпостнымъ, захотѣлъ быть дворяниномъ. Въ то время купцу можно было достигнуть дворянства посредствомъ ордена, и Өедоръ Андреевичъ дѣлалъ одно за другимъ значительныя пожертвованія на общую пользу, надѣясь такимъ образомъ достигнуть дворянскаго достоинства. Дворянство сильнаго и богатаго члена Рогожской общины Шелапутина не давало спать Рохманову. И вотъ онъ, не жалѣя быстро нажитыхъ денегъ, сыплетъ ихъ щедрою рукой на общеполезныя дѣла, но вожделѣнный орденскій крестъ какъ кладъ не дается, правительство считаетъ неприличнымъ сдѣлать рогожскаго туза кавалеромъ *). Для удовлетворенія непомѣрнаго честолюбія

*) Такъ, напримѣръ, въ 1840 году, во время голода, по вызову московскаго генералъ-губернатора князя Голицына, составилась компанія нѣсколькихъ богатыхъ московскихъ купцовъ, съ цѣлью отвращенія хлѣбнаго недостатка въ столицѣ и для продажи хлѣба по уменьшенной цѣнѣ. Въ этой компаніи приняли участіе изъ православныхъ: Куманины, Колесовъ, Алексѣевы, изъ раскольниковъ: Рахмановы, Шелапутинъ, Терентій Солдатенковъ и Василій Соколовъ. Они собрали до милліона рублей. Въ 1841 году Өедоръ Рахмановъ получилъ за это прямо золотую медаль на Владимірской лентѣ, а Алексѣю и Василію Рахмановымъ и Шелапутину было объявлено высочайшее благоволеніе. Рахмановы были представлены къ орденамъ (которые, впрочемъ, въ это время уже не приносили купцамъ дворянскаго достоинства), но комитетъ министровъ нашелъ, что хотя оказанная ими услуга достойна вознагражденія, но раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и поповщинская, можно только за превосходную заслугу или общеполезный подвигъ назначать награды, исключая орденовъ, которыми вовсе неприлично украшать ихъ. Императоръ Николай Павловичъ утвердилъ это положеніе комитета 25-го іюля 1841 года («Собраніе постановленій по части раскола», стр. 388). Рахмановы и ихъ земляки Гречухины и Аллилуевы, а также Кулаковы

Өедора Андреевича оставалось одно поприще — среда раскола. Его „тайности" только и могли удовлетворить стремленія Рахманова. Здѣсь ему, какъ ревностнѣйшему рачителю о древлеблагочестивой церкви, были и почетъ, и уваженіе, и первое мѣсто въ собраніяхъ. Здѣсь имѣлъ онъ значеніе, участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ, подавалъ совѣты попамъ и игуменьямъ, „началилъ" уставщиковъ, пѣвцовъ, читалокъ и призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ. Его слушали съ уваженіемъ, зная, что каждое подобное вмѣшательство Рахманова въ кладбищенскія дѣла непремѣнно кончится щедрымъ отъ него подаяніемъ. Величая его „свѣтлые разсудки" и „высокій умъ", славили усердіе его къ вѣрѣ отеческой, хвалили его милосердіе къ бѣднымъ, превозносили всѣ дѣла его, а тихонько въ сторонѣ подсмѣивались надъ „господиномъ Блакимъ" *). Видя со всѣхъ сторонъ уваженіе, доходившее до крайняго низкопоклонства, Өедоръ Андреевичъ уже не ставилъ никого выше себя и съ полною увѣренностью говорилъ, что все Рогожское только имъ и держится. Изъ переписки Кочуева знаемъ, что Рахмановъ надменно говаривалъ на кладбищѣ: „вы моимъ стараніемъ и моими успѣхами только и благополучны, безъ меня вы бы не умѣли и къ ставцу лицомъ сѣсть", а рогожскіе жители и жительницы низко за то ему кланялись и говорили со смиреніемъ: „точно такъ, милостивый благодѣтель нашъ, Өедоръ Андреевичъ: только вами и дышимъ".

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Рахмановъ подробно разсказалъ Громовымъ обо всемъ происходившемъ на рогожскомъ соборѣ и сталъ съ ними совѣтоваться о томъ, какъ приступить къ дѣлу. Громовы не давали рѣшительнаго отвѣта и не высказывали окончательнаго своего мнѣнія. Окороковъ и Суетинъ совѣщались о томъ же предметѣ съ Дмитріевымъ. Имя Аѳонія у всѣхъ было на устахъ. Много было говорено объ его умѣ и начитанности, о знаніяхъ его дѣлъ церковныхъ, объ его краснорѣчіи и о тѣхъ подвигахъ, которые онъ принималъ на себя до поступленія въ Иргизскій монастырь. Королёвскіе ждали его нетерпѣливо, но онъ медлилъ, ибо не успѣлъ еще кончить записку для Мотылева и Бѣлова.

Въ маѣ Кочуевъ съ Кузнецовымъ пріѣхали наконецъ въ Петербургъ. Путешествіе его въ невиданную еще до тѣхъ поръ столицу совершилось

имѣвшіе передъ голоднымъ годомъ большіе хлѣбные запасы, въ то же время нажили огромныя деньги: въ покупкѣ хлѣбъ обошелся имъ по 80 к., а они продали его по 3 р. 80 к. Но своимъ, старообрядцамъ, продавали по своей цѣнѣ, отчего еще болѣе пріобрѣли къ себѣ уваженіе Рогожскаго общества и гуслицкаго населенія, куда даже отправляли хлѣбъ для безвозмездной раздачи своимъ землякамъ («Статистическое описаніе Рогожскаго кладбища». Рукопись).

*) Өедоръ Рахмановъ заикался и картавилъ. Читая вслухъ молитвы, онъ вмѣсто: «благого и вѣрнаго раба Твоего», произносилъ: «блакого и вѣрнаго раба», отчего и прозванъ былъ «Блакимъ» («Слѣдственное дѣло о Кочуевѣ»).

благополучно, если не считать неблагополучіемъ свалившейся въ ровъ подлѣ шоссе кибитки съ рогожскими грамотеями. Въ Петербургѣ Кочуевъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями всѣми важнѣйшими членами Королёвскаго общества. Молва объ его подвигахъ, рекомендательныя письма уважаемаго королёвцами Силуяна, отзывы Рахманова, Окорокова и Суетина — отворили ему двери во всѣ старообрядскіе дома Петербурга. Всякому прихожанину Королёвской моленной желательно было хоть посмотрѣть на знаменитаго подвижника и „страдальца за старую вѣру“, обладающаго рѣдкимъ знаніемъ старинныхъ уставовъ, искуснымъ перомъ и необыкновеннымъ даромъ слова. Громовы приняли его съ особымъ уваженіемъ и любовью. Кочуевъ водворился въ ихъ домѣ. Они стали смотрѣть на Авѳонія какъ на человѣка, воздвигнутаго самимъ Богомъ на спасеніе и возстановленіе бѣдствующей церкви древляго благочестія.

Вотъ онъ, бѣдный горбатовецъ, еще недавно закупавшій небольшія партіи сухого судака, воблы и коренной рыбы на низовьяхъ Волги, еще такъ недавно державшій проповѣдь въ лѣсахъ, безмолвствовавшій въ Жигуляхъ и юродствовавшій въ Симбирскѣ, широковѣщательно разглагольствуетъ въ громовскихъ роскошныхъ комнатахъ, ходитъ по мелко-штучному паркету и дорогимъ коврамъ, среди тропическихъ растеній, при свѣтѣ только-что появившихся тогда у насъ карсельскихъ лампъ. Ему, еще недавнему бѣдняку, ходившему босикомъ, въ одной рубашкѣ по Симбирску, съ благоговѣніемъ внимаютъ одни изъ первѣйшихъ богачей Петербурга. Кочуевъ прислуживаетъ въ моленной отцу Василію, Кочуевъ ведетъ умную бесѣду съ Великодворскимъ и Чистяковымъ, Кочуевъ услаждаетъ душеспасительными словами Елену Ивановну, о Кочуевѣ всѣ толкуютъ, всѣ оказываютъ Кочуеву глубокое уваженіе.

Громовы съ живымъ сочувствіемъ приняли проектъ Кочуева, но по наружности отнеслись къ нему какъ къ дѣлу невозможному и рогожскимъ посламъ наотрѣзъ отказали отъ содѣйствія рахмановскимъ затѣямъ. Но они хитрили. Сергѣй Григорьевичъ о предложеніи московскихъ пословъ сказалъ Алексѣю Великодворскому. Этотъ одобрилъ проектъ, но, успѣвъ въ короткое время узнать вдоль и поперекъ и Кочуева и Рахманова съ Суетинымъ и Окороковымъ, посовѣтовалъ Громовымъ отклонить на первое время отъ дѣла московскихъ богачей, а Авѳонія Кузьмича удержать при себѣ. Рахмановъ гордился своимъ дѣломъ, какъ будто оно было ужъ сдѣлано, и былъ неостороженъ, разсказывая слишкомъ многимъ старообрядцамъ о московскомъ предпріятіи. Такимъ образомъ, благодаря его излишней разговорчивости, дѣло могло огласиться, какъ уже и огласилось-было въ Москвѣ. Великодворскій справедливо опасался, что такимъ образомъ намѣренія старообрядцевъ могутъ сдѣлаться извѣстными правительству, которое, конечно, приметъ строгія мѣры, чтобы уничтожить затѣю въ самомъ ея

началѣ. Для этого онъ и предполагалъ отстранить до поры до времени участіе въ дѣлѣ московскихъ старообрядцевъ и даже отклонить ихъ отъ него, сказавъ, что исканіе архіерейства дѣло несбыточное и крайне опасное. Громовы, посовѣтовавшись съ Григоріемъ Дмитріевымъ, такъ и поступили: Рахманову, Окорокову и Суетину отъ имени всего Королёвскаго общества объявили рѣшительный отказъ отъ всякаго участія въ дѣлѣ исканія архіерейства и совѣтовали имъ, чтобъ они лучше вмѣстѣ съ партіей Царскаго ходатайствовали о возстановленіи правилъ 1822 года. Окорокова и Суетина тотчасъ же убѣдили Громовы, и они уѣхали изъ Петербурга. Но не такъ легко было убѣдить упрямаго Рахманова. Онъ настаивалъ на своемъ, горячо спорилъ и обижался, что не хотятъ во всемъ поступить, какъ онъ хочетъ. Къ крайнему изумленію Рахманова, Кочуевъ, тайно уже склонившійся на сторону Великодворскаго, громко и рѣшительно заговорилъ то же, что говорили и Громовы. Мало того, Ѳедоръ Андреевичъ получилъ непріятныя для его самолюбія извѣстія изъ Москвы: Окороковъ разсказалъ на кладбищѣ, какъ петербургскіе старообрядцы приняли рогожское предложеніе, передалъ всѣ опасенія Громовыхъ и открыто присталъ къ Царскому. За нимъ послѣдовали и другіе. Всѣ охладѣли къ дѣлу, за которое взялись-было такъ горячо. Попъ Иванъ Матвѣевичъ молчалъ. Надо думать, что онъ былъ посвященъ въ тайные замыслы столповъ Королёвскаго общества, подобно конторщику Синицыну, которому обо всемъ сообщилъ Кочуевъ. Такимъ образомъ дѣло, повидимому, рушилось окончательно, но оно только начиналось.

Оскорбившійся Рахмановъ излилъ досаду на Кочуева и Кузнецова и, по обыкновенію, сталъ „началить“ ихъ. „Куда вамъ, дуракамъ, противъ меня идти? Я знаю, что̀ надо дѣлать, вы должны меня во всемъ слушаться. А вы съ Громовыми заодно. Что̀ бы вы всѣ безъ меня были? Только моими стараніями и успѣхами вы и были благополучны. Безъ меня вы и къ ставцу лицомъ сѣсть не умѣете“. Кочуевъ съ Кузнецовымъ о нападкахъ „Блакого“ писали на Рогожское кладбище одному изъ уставщиковъ, Петру Осиповичу Смыслову, державшемуся партіи Царскаго. Смысловъ, не подозрѣвая хитрости Кочуева, считалъ его искренно перешедшимъ на сторону Царскаго и отвѣчалъ шутливымъ письмомъ, совѣтуя вооружиться терпѣніемъ и сказать напрямки Рахманову, что пора его прошла, что разумные люди взяли верхъ надъ тщеславными богачами, и что въ Москвѣ все переходитъ на сторону противную „Блакому“ *).

---

*) Вотъ отрывки изъ письма Смыслова, отъ 9-го іюня 1832 г., изъ Москвы (подлинникъ въ «слѣдственномъ дѣлѣ о Кочуевѣ»): «Охъ вы, мои добліи страстотерпцы, претерпѣвшіе страшное пораженіе отъ паденія вашего въ канаву. Читая письмо ваше, усматриваю ваше несчастіе, еще въ пути васъ постигшее, — не могъ удержаться отъ смѣха... охъ бишь, извините, отъ сердечнаго соболѣзнованія вашего несчастія. Какъ это вы,

Рахмановъ, обращаясь въ средѣ королёвскихъ старообрядцевъ, съ каждымъ днемъ чувствовалъ свое положеніе болѣе и болѣе неловкимъ. Въ Петербургѣ ему не угодничали, не кланялись, не удивлялись „мудрымъ рѣчамъ“ его и отъ предпріятія, которымъ онъ думалъ навѣки прославить свое имя, отказались равнодушно, иногда даже смѣялись надъ нимъ. Пожертвовавъ въ Королёвскую моленную пудовыя свѣчи, съ затаеннымъ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія покинулъ Өедоръ Андреевичъ негостепріимные, по его мнѣнію, берега Невы и возвратился въ домъ свой.

На Рогожскомъ и думать перестали объ архіереяхъ. Нарушенное согласіе возстановилось. Всѣ единодушно постановили хлопотать о возстановленіи правилъ 1822 года, для чего и дали оставшемуся въ Петербургѣ Кочуеву довѣренность.

О предположеніи искать архіерея знали только Громовы, Дмитріевъ, Алексѣй Великодворскій, Кочуевъ, да еще серковскій игуменъ Геронтій. Они раздѣляли увѣренность всѣхъ почти старообрядцевъ, что гдѣ-то на Востокѣ сохранилась неповрежденная православная вѣра и архіереи древляго благочестія. Надобно отыскать эту страну и уговорить одного изъ тамошнихъ епископовъ принять въ свое управленіе вдовствующую въ Россіи старообрядческую церковь. Вопросъ о томъ— гдѣ устроить каѳедру древлеблагочестиваго епископа, окончательно рѣшилъ Геронтій. Необходимо устроить ее, говорилъ онъ, внѣ предѣловъ Россіи, но неподалеку отъ границы. Для этого предстояло избрать мѣстность въ Турціи, Молдавіи или въ Австріи. Въ Турціи, то-есть въ Добруджѣ, сочли основаніе архіерейской каѳедры невозможнымъ: султанъ исполняетъ всякую волю правительства и по первому требованію его уничтожитъ каѳедру: притомъ же живущіе въ Добруджѣ старообрядцы, некрасовцы, народъ грубый, буйный, едва ли въ ихъ мѣстахъ епископъ будетъ безопасенъ. О Молдавіи и говорить нечего: она нахо-

---

сердечненькіе, спятили съ пути истиннаго и упали въ канаву! Радуюсь, что скоро возстали и исправились. Вижу также, что вы ненавидимы и претерпѣваете отъ одного Блакого и вѣрнаго раба повсечасно жестокіе выговоры за московскія событія — ну, что̀ дѣлать? Я увѣренъ, что у васъ еще и сверхъ онаго неудовольствія еще остается много терпѣнія. Также онъ проповѣдуетъ большую потерю вообще всѣхъ старообрядцевъ, и будто бы мы стараніями и успѣхами его были только и благополучны, а безъ него теперь будто уже и не умѣемъ сѣсть къ ставцу лицомъ. Ахъ, онъ окаянный! Какъ онъ могъ произнести такія слова, которыя покроютъ вѣчнымъ стыдомъ ихъ только самихъ? Скажите ему, что лукъ сильныхъ изнеможе, а не могущіе уже препоясашася силою... Онъ (Богъ) нынѣ скинулъ съ глазъ людей ту мрачную завѣсу, которая препятствовала многимъ видѣть свѣтъ истины... О Бозѣ сотворимъ силу и тою расколотимъ злобные и коварные замыслы всѣхъ богачей, служающихъ намъ... Насчетъ московскихъ обстоятельствъ новаго ничего нѣтъ, только болѣе разговору въ противную сторону Блакова и вѣрнаго раба... Съ началомъ (Петрова) поста нынѣшняго хотятъ приступить къ избранію новыхъ попечителей.

дилась тогда подъ совершенною властью Россіи. Оставалась Австрія. Геронтій, какъ самовидецъ, разсказалъ о трехъ слободахъ, населенныхъ въ Буковинѣ липованами русскаго происхожденія, и о томъ, что въ одной изъ нихъ, Бѣлой-Криницѣ, есть маленькій монастырекъ, въ которомъ, по его мнѣнію, можно было бы устроить епископскую каѳедру. Но бѣда въ томъ, что часть тамошнихъ липованъ совершенные безпоповцы, а другая, болѣе значительная, хотя и пріемлетъ священство, но, придерживаясь отчасти согласія чернобольцевъ, сочувствуетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ безпоповству. Монаховъ тамъ мало, да и тѣ вовсе ненадежны. Прежде чѣмъ заводить въ Бѣлой-Криницѣ епископа, надо наполнить ее достойными монахами изъ Россіи, которые бы образовали изъ себя настоящее старообрядское братство.

Гдѣ же сыскать путешественниковъ, которые бы рѣшились отправиться въ дальнія странствованія для открытія древлеблагочестиваго епископа? Кочуевъ вспомнилъ, что на Рогожскомъ соборѣ игуменъ Лаврентьева монастыря Симеонъ говорилъ, что есть у него люди способные на такое дѣло. Лаврентьевскіе монахи коротко были извѣстны Королёвскому обществу, ибо часто пріѣзжали въ Петербургъ за сборами: многихъ изъ нихъ хорошо знали Громовы. Придумали послать изъ этого монастыря на Востокъ искателей архіерейства, а впослѣдствіи лучшихъ изъ лаврентьевской братіи переправить за границу для образованія изъ нихъ бѣлокриницкаго братства. Завести обо всемъ этомъ переговоры съ лаврентьевскою братіей поручено было Геронтію, который для того, возвращаясь въ свой Серковскій монастырь, долженъ былъ, минуя Москву, ѣхать по бѣлорусскому тракту и въ Могилевской губерніи остановиться на нѣкоторое время въ Лаврентьевѣ монастырѣ.

IV.

Лаврентьевъ монастырь.

Въ Могилевской губерніи, близъ славной нѣкогда старообрядской слободы Вѣтки, въ 12-ти верстахъ отъ нынѣшняго уѣзднаго города Гомеля, среди дремучаго столѣтняго бора, между трясинъ и болотъ, находился уединенный поповщинскій монастырь Лаврентьевъ, съ трехъ сторонъ окруженный глубокою, быстрою и омутистою Узой*). Вокругъ его стѣнъ жилья не было. Ближайшее находилось верстахъ въ полуторыхъ — это мельница Папера, на которой когда-то приготовляли писчую бумагу; потомъ въ опустѣлыхъ ея строеніяхъ проживали двѣ или три семьи крестьянъ изъ огромнаго гомельскаго имѣнія. Въ шести верстахъ отъ монастыря находилась и доселѣ существующая деревенька Давыдовка, населенная православными бѣлоруссами, а съ небольшимъ въ девяти —

*) Рѣка Уза впадаетъ въ рѣку Сожъ.

небольшое старообрядское селеніе Миличи. Развалины Лаврентьева монастыря, уничтоженнаго въ 1844 году, и теперь существуютъ.

По дорогѣ къ нему, почти отъ самаго Гомеля начинался лѣсъ. сначала рѣдкій и мелкій, потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ гуще и рослѣе. Вокругъ самой обители дубы и осины достигали необычайной высоты и густоты; неприкосновенные росли они съ первой половины XVIII столѣтія: никогда звуки топора не оглашали этой заповѣдной дебри. Заботливо берегла этотъ боръ монастырская братія: онъ былъ и красою мѣста и защитой пріютившейся въ чащѣ его обители. По узкой, пролегавшей къ монастырю этимъ лѣсомъ, дорожкѣ и въ ясный полдень бывало сумрачно; вѣчно шумѣвшія вершины развѣсистыхъ дубовъ, переплетясь въ высотѣ, представляли изъ себя темный густолиственный сводъ, не пропускавшій на землю солнечныхъ лучей. Идя по узкой, неровной, мѣстами покрытой обнаженными отпрысками дубовыхъ корней, дорожкѣ, въ этомъ таинственномъ полумракѣ, при однообразномъ шумѣ вершинъ, подходившій къ обители путникъ невольно проникался чувствомъ благоговѣйнаго страха. И вдругъ, у самыхъ почти воротъ монастырскихъ, поражала его быстрая перемѣна картины: вмѣсто темнаго, дремучаго бора, взору его представлялась небольшая веселая поляна, покрытая изумрудною зеленью; по ней, сверкая какъ бы искрами, бѣжала рѣчка и почти окружала красиво выстроенную обитель. Высокія, почернѣвшія отъ времени бревенчатыя стѣны окружали обительскія строенія. Надъ святыми вратами, обращенными къ лѣсу, стоялъ огромныхъ размѣровъ образъ Живоначальной Троицы. Когда солнце бросало лучи на эту надвратную икону, она какъ бы горѣла переливами свѣтлыхъ радугъ, и вышедшій изъ лѣсного мрака путникъ невольно проникался чувствомъ уваженія къ мѣсту.

Лѣсъ, окружавшій обитель Лаврентьеву, въ глазахъ мѣстныхъ старообрядцевъ почитался какъ бы священнымъ. За грѣхъ считали его трогать. Оберегали отъ порубокъ Лаврентьевъ лѣсъ и ходившія въ народѣ легенды о болѣзняхъ и несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ будто бы во всю жизнь того, кто, зная или не зная о неприкосновенности священной дубравы, дерзалъ срубить въ ней хоть одно дерево. Всѣ двѣнадцать дочерей Ирода, всѣ двѣнадцать лихоманокъ нападутъ на человѣка и станутъ мучить его до смерти. Вырубитъ въ лѣсу кто-нибудь дерево на домашнюю подѣлку—въ ту самую подѣлку на первый Спасъ *) ударитъ молнія, и сгоритъ домъ нарушившаго цѣлость Лаврентьева лѣса, а съ нимъ и деревня вся. И ничѣмъ того пожара утушить нельзя, кромѣ воды изъ рѣки Узы, освященной въ тотъ самый день перваго Спаса лаврентьевскимъ священникомъ. Свалившееся отъ старости дерево, сломившуюся вѣтвь нельзя поднять, не сказавъ: „Преподобный отче Лаврентіе, прости и благослови принять сіе древо за благословеніе“. И ничего нечистаго

*) Августа 1-го.

изъ того древа дѣлать нельзя, и ничего ногами попираемаго; иначе въ домѣ сдѣлавшаго будутъ свары и ссоры и кровопролитіе, и тати расхитятъ все имущество. Даже грибы да ягоды нельзя сбирать въ томъ лѣсу безъ испрошенія благословенія у Лаврентія. Только деревца на троицкія березки да растущую по берегу Узы вербу для заутрени „Цвѣтного воскресенья" *) можно всякому брать невозбранно; да еще дозволялось рвать прутья — на Егорьевъ день коровъ на первое поле выгонять. А кто „русальные вѣнки" въ томъ лѣсу станетъ завивать или „кумиться" вокругъ дерева, а паче всего на день Предотечевъ **) „Купалины огни" зажигать, тому нѣсть прощенія ни въ семъ вѣцѣ ни въ будущемъ ***). Не говоря уже о старообрядцахъ, даже православные бѣлоруссы уважали неприкосновенность Лаврентьева лѣса. Даже жиды боялись налагать на него руку. Они, вѣроятно, держали въ памяти не разъ повторившіеся случаи наказанія за неуваженіе, оказанное заповѣдному лѣсу. Въ архивахъ сохранились жалобы евреевъ на лаврентьевскихъ иноковъ, которые за ничтожныя порубки уважаемаго лѣса нещадно пороли племя Израилево вѣтвями священныхъ древесъ. Такими повѣрьями и такими обычаями охраняемый лѣсъ Лаврентьевъ росъ, старѣлъ, подгнивалъ и однажды отъ сильной бури разомъ повалился на огромномъ пространствѣ. Случилось это вскорѣ по закрытіи монастыря, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Естественное явленіе старообрядцы объяснили чудомъ. „Разорили нашъ монастырь,—писали они въ Петербургъ:—разметали жилища наши и мѣсто свято, храмъ молитвы, аки негодную овощную храмину раскидали. Погубили славную красоту церковную и распустили стадо Христовыхъ овецъ. Все изгибло, все травой поросло. И красота драгоцѣнныхъ мѣстъ нашихъ, любезный нашъ, очамъ и сердцамъ нашимъ превожделѣнный боръ, вящше ста лѣтъ укрывавшій иноковъ премирное житіе и многолиственными вѣтвями осѣнявшій святую обитель, не стерпя онаго опустошенія и устыдясь такого поношенія мѣста, волею вся держащаго въ руцѣ своей Создателя, во единъ часъ паде на лицо земли, аки сѣно подъ косою" ****).

Начало Лаврентьева монастыря относится къ тридцатымъ годамъ

*) «Цвѣтнымъ воскресеньемъ» называется воскресенье передъ Пасхой, иначе называемое «Вербнымъ воскресеньемъ», когда церковь воспоминаетъ входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ.

**) Іюня 24-го.

***) «Сказаніе о житіи и отчасти чудесъ преподобнаго отца нашего Викентія, иже на Новомъ Крупцѣ». Рукопись раскольническая, въ восьмушку: писана (то-есть переписана), по всей вѣроятности, не ранѣе тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Сибири или въ Пермской губерніи плохимъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, небрежно, со множествомъ орѳографическихъ ошибокъ, а мѣстами до такой степени безграмотно, что трудно доискаться смысла.

****) Письмо, подписанное буквами *г. и. П.* (грѣшный инокъ П.) и адресованное въ Петербургъ, Еленѣ Ивановнѣ Громовой, 14-го февраля 1848 года.

прошлаго столѣтія. На Страстной недѣлѣ 1735 года полковникъ Сытинъ произвелъ такъ-называемую „первую вѣтковскую выгонку“. Сорокъ тысячъ бѣглыхъ великоруссовъ-старообрядцевъ, ушедшихъ отъ гоненій за литовскій рубежъ, силою оружія высланы были назадъ во владѣнія Анны Ивановны. Но высланы были не всѣ. Нѣкоторые изыскали способы укрыться отъ драгунскихъ и казачьихъ полковъ въ лѣсахъ, находившихся неподалеку отъ Вѣтки. Въ числѣ ихъ былъ инокъ Лаврентій. Преданіе говоритъ, что былъ онъ родомъ изъ Калуги, пришелъ еще во дни Петра I на Вѣтку, принялъ здѣсь иночество и, постригаясь, желалъ получить имя своего святого согражданина Лаврентія, Христа ради юродиваго, калужскаго чудотворца, которому, какъ увѣрялъ онъ свою братію, будто бы приходился родственникомъ *). Немало лѣтъ жилъ Лаврентій въ Вѣтковскомъ монастырѣ въ послушаніи у игумена Власія, былъ свидѣтелемъ и едва ли даже не участникомъ пріема въ старообрядство епископа Епифанія. Избѣгнувъ высылки въ Россію, инокъ-схимникъ Лаврентій съ немногими изъ вѣтковской братіи удалился въ лѣсъ, на берега Узы, и здѣсь поставилъ келью и маленькую часовенку во имя Всемилостиваго Спаса лѣтомъ того же 1735 г., когда была произведена вѣтковская выгонка. Старообрядцы сходились къ Лаврентію, и черезъ немного лѣтъ на мѣстѣ его келіи возникъ довольно людный монастырь, хотя и чрезвычайно бѣдный. Въ первые годы его существованія, пока еще вновь не заселились великорусскими выходцами „вѣтковскіе предѣлы“, братія Лаврентія не столько ради подвига иноческаго, сколько ради нищеты невольной, питалась нерѣдко дубовою корой да кореньями. Въ часовнѣ, кое-какъ срубленной изъ дубовыхъ деревьевъ, было всего шесть иконъ, принесенныхъ Лаврентіемъ изъ Калуги **). Не было на этихъ древнихъ и потому уважаемыхъ старообрядцами иконахъ никакихъ украшеній, и только въ великіе праздники теплились передъ ними восковыя свѣчи; при обычной же, повседневной службѣ Лаврентій употреблялъ лучину. Зато обитель отличалась строгостью устава и истинно-подвижническимъ житіемъ иноковъ. Бывали уклоненія отъ строгаго аскетическаго образа жизни, но рѣдко, и каждый разъ, какъ скоро кто-либо изъ братіи бывалъ замѣченъ въ уклоненіи отъ обительскихъ правилъ, его „смиряли нещадно“. Если не внималъ онъ увѣ-

---

*) «Сказаніе о житіи и отчасти чудесъ преподобнаго отца нашего Викентія, иже на Новомъ Крупцѣ». Тамъ объ этомъ родствѣ говорится утвердительно.

**) Чуда Архангела Михаила въ Колоссаехъ, во имя котораго была устроена вторая часовня; потомъ икона эта стояла въ трапезной церкви, и ей бывалъ въ монастырѣ храмовой праздникъ 6-го сентября; Введенія во храмъ Богородицы, Срѣтенія Господня, Знаменія Богородицы. Остальныя двѣ иконы, принесенныя Лаврентіемъ, намъ неизвѣстны. Всѣ онѣ, сказываютъ, были искуснаго древняго письма и очень уважались старообрядцами. Гдѣ онѣ теперь—неизвѣстно. Едва ли не въ Макаріевомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

щаніямъ настоятеля и братскаго собора, ставили его на поклоны; если и это не дѣйствовало, сажали на цѣпь въ подпольѣ; если же и на цѣпи инокъ не исправлялся, со срамомъ изгоняли его изъ монастыря, запрещая, подъ страхомъ немилосердныхъ побоевъ, близко подходить къ монастырской оградѣ.

Изъ пришедшихъ съ Лаврентіемъ калужскимъ на берега Узы иноковъ, особенно отличался благочестивою жизнью и строгими подвигами отшельничества нѣкто Викентій, инокъ-схимникъ, изъ Москвы пришедшій на Вѣтку еще въ первыхъ годахъ ея заселенія великорусскими выходцами. Лѣтъ черезъ пять по водвореніи старообрядской обители на берегахъ Узы, этотъ Викентій, съ благословенія Лаврентія, оставилъ ее ради вящшихъ подвиговъ и отошелъ на пустынножительство поближе къ тогдашней русской границѣ, къ литовскому рубежу, какъ тогда говорилось въ Россіи. Здѣсь, вблизи Стародубья, неподалеку отъ старообрядской слободы Крупцовъ, въ горѣ ископалъ своими руками Викентій пещеру и поселился въ ней. Стали и къ нему стекаться старцы и вскорѣ подлѣ пещеры схимника устроили скитъ съ двумя часовнями и нѣсколькими кельями. Прошло еще немного времени, и кругомъ скитской ограды образовалась изъ пришедшихъ великоруссовъ старообрядская слобода, получившая названія Новыхъ-Крупцовъ. Слава пещернаго жителя и крѣпкаго „древляго благочестія“ хранителя, строгость жизни въ его скитѣ, еще бо̀льшая, чѣмъ въ монастырѣ Лаврентьевомъ, привлекали къ новому мѣстожительству старообрядскихъ подвижниковъ и пріобрѣли ему великое уваженіе со стороны ихъ единовѣрцевъ. Вскорѣ Лаврентьевъ монастырь въ сравненіи съ обителью Викентія показался „жительствомъ слабымъ“. И былъ онъ еще въ большей бѣдности, еще бо̀льшую нищету и нужду терпѣли духовныя чада Викентія, чѣмъ братія, собранная Лаврентіемъ.

Въ такой же бѣдности, но и въ такой же славѣ подвижничествомъ оставались и другіе старообрядскіе монастыри того края: Макаріевъ-Терловскій, устроенный около 1750 года, въ 32 верстахъ отъ Лаврентьева, инокомъ Макаріемъ, пришельцемъ изъ Череп. — Пахоміевъ, заведенный около 1760 также великорусскимъ выходцемъ, но не знаемъ, изъ какого города, инокомъ Пахоміемъ,—и Асаховъ скитъ, построенный, одновременно съ Пахоміевымъ, старцемъ Іоасафомъ, пришедшимъ изъ города Гжатска. Асаховъ скитъ былъ неподалеку отъ Гомеля и назывался также Чолнскимъ, или Чонскимъ, по урочищу „Чолнскій-Обрывъ“, на которомъ былъ построенъ.

Черезъ годъ послѣ того, какъ воеводство Могилевское, въ которомъ находились названные старообрядскіе монастыри, было возвращено Россіи, умеръ Викентій крупецкій. Собранный имъ скитъ неминуемо долженъ бы былъ уничтожиться самъ собою, ибо подъ русскимъ владычествомъ нельзя было разводить раскольничьихъ скитовъ, какъ водилось это при польскихъ короляхъ; притомъ же не осталось въ Круп-

цахъ послѣ Викентія ни единаго старца, который бы, равняясь покойному, могъ продолжать его дѣло. Особое обстоятельство поддержало однако Крупцы, хотя и ненадолго. Изсохшее, изможденное долговременнымъ постомъ, молитвами, ношеніемъ тяжелыхъ вериѣгъ, копаніемъ стосаженнаго коридора въ горѣ, тѣло столѣтняго почти Викентія, находясь въ холодной, но сухой пещерѣ, не предавалось тлѣнію. Скитники стали разглашать о святости почившаго своего настоятеля, и пошла по старообрядству громкая молва, что просвѣтилъ Господь своею милостію богоспасаемые Новые-Крупцы, явилъ вѣрующимъ новоявленныя мощи угодника своего, инока-схимника Викентія. Останки его крупецкіе скитники положили въ деревянную раку и поставили ее въ той самой пещерѣ, гдѣ подвизался онъ въ молитвенныхъ подвигахъ. Толпы богомольцевъ изъ старообрядскихъ слободъ сосѣдняго Стародубья одна за другой потекли на поклоненіе мощамъ преподобнаго Викентія Крупецкаго. Въ пещерѣ ежедневно пѣлись панихиды съ утра до вечера. Богомольцы брали изъ пещеры песочекъ, а изъ пещернаго, ископаннаго руками Викентія колодца — воду. То и другое, считая за цѣльбоносную святыню, разносили по домамъ. Пошли толки о чудотвореніяхъ, бывающихъ у раки новаго угодника. Кто-то составилъ, впрочемъ, довольно безтолково, а мѣстами безграмотно: „Сказаніе о житіи и отчасти чудесъ преподобнаго отца нашего Викентія иже на Новомъ Крупцѣ“, гдѣ, по подобію старинныхъ „Прологовъ“ и „Патериковъ“, разсказывалось о подвигахъ Викентія, о крѣпкомъ его состояніи въ „древлемъ благочестіи“, о примѣрахъ его прозорливости и даже о томъ, какъ онъ пророчествовалъ и какъ однажды, находясь послѣ долговременной молитвы въ состояніи восторженности духа, имѣлъ будто бы видѣнія. Но недолго чествовались старообрядцами Викентіевы мощи. Извѣстіе о нихъ дошло до Петербурга.

Свѣдалъ про нихъ черниговскій архіерей Ѳеофилъ (Игнатовичъ). Священникъ приходской церкви въ селѣ Денисковичахъ *), Иванъ Еланскій, въ 1774 году донесъ ему, что „въ слободѣ Крупцѣ, близъ часовни, жившій въ выкопанной въ горѣ келіи старецъ именемъ Викентій (который какъ умеръ другой годъ) крупецкими раскольниками сысканъ, гдѣ и нынѣ оное тѣло лежитъ, о коемъ раскольники по раскольническимъ слободамъ разгласили, якобы тотъ старецъ Викентій, чрезъ ихъ раскольническую вѣру, въ святость пришелъ, и ходя изъ окольныхъ бѣлорусскихъ и раскольническихъ слободъ, тому тѣлу поклоняются“ **). Несмотря на то, что Крупецъ и другія бѣлорусскія старообрядческія слободы находились въ области архіепископа могилевскаго, знаменитаго Георгія Конисскаго, черниговскій архіерей счелъ правильнымъ предста-

*) Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губерніи, при рѣчкѣ Адамовкѣ, въ 30 верстахъ отъ Чернигова, въ 15-ти отъ Новозыбкова.

**) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода», I, 681—682.

вить отъ себя святѣйшему синоду доношеніе священника Еланскаго. Синодъ 31-го августа 1775 года сдѣлалъ по рапорту архіерея слѣдующее постановленіе: „надлежитъ въ пещерѣ, въ которой раскольническія мощи лежатъ, отъ свѣтской команды приставить караулъ, и какое тамъ найдется мертвое тѣло, оное при опредѣленныхъ отъ епархіальнаго архіерея *) духовныхъ персонахъ освидѣтельствовать, а потомъ оное зарыть въ землѣ, въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы раскольники знать и, вырывъ, обратно взять къ себѣ не могли, о семъ узнавъ предварительно, разглашаемыя ложныя мощи скрыть, то благоволилъ бы правительствующій сенатъ къ сему принять надлежащія мѣры, а притомъ бы и о раскольническихъ монастыряхъ, церквахъ и часовняхъ учинить подлежащее опредѣленіе и какое объ ономъ правительствующаго сената опредѣленіе послѣдуетъ, о томъ святѣйшій синодъ увѣдомить“ **).

„Свѣтская команда“ распорядилась нѣсколько иначе относительно Викентіева тѣла и Викентіева скита. Черниговской епархіи „духовныя персоны“ (едва ли не тотъ же священникъ Иванъ Еланскій) довели до свѣдѣнія той свѣтской команды, что безъ малаго сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ происходила подобная же „комиссія о ложно вымышленныхъ раскольниками мощахъ“, что полковникъ Сытинъ во время первой вѣтковской выгонки отпустилъ-было съ выселявшимися въ Стародубье раскольниками гробы съ ложными раскольничьими мощами Іоасафа, Ѳеодосія, Александра и Антонія, но что по повелѣнію императрицы Анны близъ Новгорода-Сѣверскаго тѣ гробы публично были вскрыты, и ложныя мощи сожжены. Примѣръ этотъ „свѣтскою командой“ былъ принятъ за основаніе. Викентіево тѣло сожгли, пещеру зарыли, скитъ разрушили, скитниковъ разослали по мѣстамъ ихъ ревизской приписки. Но жгли останки Викентія, вѣроятно, не секретно: въ потухшемъ кострѣ старообрядцы отыскали обгорѣлыя кости и кромѣ нихъ будто бы оставшееся цѣлымъ сердце сожженнаго и даже часть его срачицы. Устроивъ изъ бѣлой жести небольшой ящикъ по подобію раки, они благоговѣйно положили въ него собранные останки и тайно передали ихъ въ болѣе безопасное мѣсто — братіи Лаврентьева монастыря. Молва о находящихся въ этомъ монастырѣ „святыхъ мощахъ“ черезъ нѣсколько лѣтъ распространилась по бѣлорусскимъ старообрядческимъ слободамъ, а оттуда достигла до Стародубья и другихъ мѣстъ. Стали стекаться на поклоненіе Викентію въ Лаврентьевъ, какъ стекались дотолѣ въ Новые-Крупцы. По отдаленнымъ мѣстамъ даже распространенъ былъ слухъ, что сожгли не трупъ Викентія, а самого его заживо. Стали за то Викентія чтить страстотерпцемъ. Черезъ нѣсколько времени къ „Сказанію о житіи“ его прибавленъ написанный напыщеннымъ и широковѣщательнымъ слогомъ искаженный разсказъ о томъ, какъ черниговскій архіерей Ѳеофилъ

*) То-есть, казалось бы, могилевскаго архіерея, Георгія Конисскаго.

**) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», I, 682.

будто бы пыталъ, билъ кнутомъ и наконецъ сожегъ живьемъ Викентія за его крѣпость въ „древлемъ благочестіи". Разсказъ этотъ особенно сильно распространялся въ мѣстахъ отдаленныхъ, напримѣръ, между сибирскими раскольниками. Прошли десятки лѣтъ, и въ самыхъ слободахъ бѣлорусскихъ нѣкоторые стали выдавать за непреложную истину сказку о томъ, что будто бы въ Новыхъ-Крупцахъ черниговскій архіерей живьемъ жегъ преподобнаго пещерника Викентія. Таковы были послѣдствія ревности не по разуму черниговскихъ „духовныхъ персонъ" и слѣпого усердія посланной въ коммиссію „свѣтской команды". Безъ сомнѣнія, извѣстіе о томъ, какъ поусердствовали надъ Викентіемъ духовныя персоны и свѣтская команда, до свѣдѣнія императрицы Екатерины не дошло. Не въ ея духѣ были такія распоряженія, положительно вредныя, ибо они-то и поддерживаютъ болѣе всего силу раскола.

Въ іюлѣ 1775 года, пышно торжествуя въ Москвѣ славный Кучукъ-Кайнарджискій миръ, Екатерина пожаловала фельдмаршалу Румянцеву двѣнадцать наградъ, въ томъ числѣ „для увеселенія его — деревню въ пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи". Эта деревня была мѣстечко Гомель съ 293 тысячами десятинъ земли, на которой, между многочисленными поселеніями бѣлоруссовъ, находились старообрядческія слободы и монастыри Лаврентьевъ, Макаріевъ, Пахоміевъ и Асаховъ, или Чолнскій. Новый владѣлецъ гомельскаго имѣнія благосклонно отнесся къ старообрядцамъ „своимъ подданнымъ", какъ онъ выражался, и постоянно покровительствовалъ ихъ монастырямъ. Вскорѣ по поступленіи этихъ монастырей во владѣніе кагульскаго героя умеръ Лаврентій, достигнувъ преклонной старости *).

Старообрядцы разсказываютъ, что, когда вокругъ смертнаго одра его собралась рыдающая братія, онъ благословилъ инока Ѳеофилакта быть по себѣ игуменомъ и всѣхъ обязалъ клятвой неуклонно и строго соблюдать заведенный имъ въ монастырѣ порядокъ и навсегда сохранить суровый уставъ иноческаго житія, введенный имъ при первоначальномъ поселеніи на берегахъ Узы. Связавъ такою клятвой иноковъ и бѣльцовъ, умирающій будто бы въ пророческомъ духѣ сказалъ: „Се нынѣ, отходя свѣта сего, могу съ Богопріимцемъ рещи: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ, яко видѣста очи моя спасеніе людей Твоихъ". Великій бояринъ, владѣтель мѣстъ сихъ, васъ безпечальныя сотворитъ и тѣмъ содѣлаетъ спасеніе ваше и святой обители сеи. И богатство пріидетъ къ вамъ, братія, принесетъ же его нѣкій юноша, жившій съ нами и суеты ради міра отошедшій инуду". Пророчество Лаврентія сбылось. Дѣйствительно, Задунайскій и сыновья его покровительствовали обители. Дѣйствительно, жившій нѣкогда въ Лаврентьевой обители купецъ Морозовъ въ 1832 году, почти столѣтнимъ

*) Около 1778 года. Погребенъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ.

старикомъ, возвратился въ покинутую въ юношествѣ обитель и до ста тысячъ рублей употребилъ на ея украшеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что сказаніе о предсмертной въ пророческомъ духѣ бесѣдѣ Лаврентія съ братіей составилось въ позднѣйшее время, когда уже оправдались мнимыя его пророченія. Особенно сомнительнымъ кажется намъ подлинность этого пророчества потому, что о немъ не сохранилось преданій ни въ самомъ Лаврентьевѣ монастырѣ, ни, сколько намъ извѣстно, у старообрядцевъ Петербурга, Москвы, Стародубья, Керженца и Иргиза. Сохраняется оно въ Пермской губерніи и въ Сибири и приписано къ тому самому „Сказанію о житіи Викентія", въ которомъ разсказывается и о мнимомъ сожженіи его живымъ. Вѣроятно, это прибавочное сказаніе составлено въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія какимъ-нибудь выходцемъ изъ Лаврентьева монастыря въ сибирскіе или пермскіе предѣлы. По смерти Румянцевыхъ и Морозова досужему уму легко было изобрѣсть пророчество Лаврентія на смертномъ одрѣ его. Упомянемъ еще объ одномъ сказаніи, заимствуя его изъ той же сибирской раскольничьей рукописи. Умирающій Лаврентій завѣщалъ преемнику Ѳеофилакту возвратить останки Викентія въ Новые-Крупцы. Это было исполнено, и дѣйствительно жестяная рака съ ними сохранялась въ Крупцахъ до 1838 года. Это извѣстно изъ дѣлъ офиціальныхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Румянцевъ-Задунайскій сдѣлался владѣльцемъ гомельскаго имѣнія, для тамошнихъ старообрядскихъ монастырей настало золотое время. Подъ его защитой и покровительствомъ положеніе Лаврентьевой и другихъ обителей значительно улучшилось. Въ 1775 г. гомельскіе старообрядцы, съ дозволенія фельдмаршала, устроили новые монастыри въ его владѣніяхъ, какъ, напримѣръ, женскій въ Спасовой слободѣ, составляющей какъ бы предмѣстье Гомеля. Всѣ монастыри, находившіеся на земляхъ Задунайскаго, надѣлены были имъ пахотными землями и сѣнокосами и получили право свободнаго въѣзда въ лѣса гомельской экономіи, гдѣ могли рубить не только дровяной, но и строевой лѣсъ. Боръ вокругъ Лаврентьева монастыря самимъ владѣльцемъ сдѣланъ былъ заповѣднымъ. Игуменъ Ѳеофилактъ пользовался особеннымъ расположеніемъ кагульскаго героя и нерѣдко бывалъ у него въ Вишенкахъ. Здѣсь, въ бесѣдахъ съ фельдмаршаломъ, любившимъ богословскіе предметы, и съ покровительствуемымъ имъ Никодимомъ, впослѣдствіи основателемъ единовѣрія, Ѳеофилактъ, говорятъ, склонялся-было къ сближенію съ церковью и изъявлялъ личное желаніе принять въ свой монастырь правильно поставленнаго и зависимаго отъ православнаго епископа священника. Но братія лаврентьевская упорно стояла на своемъ „древлемъ благочестіи", и водвореніе въ Лаврентьевомъ монастырѣ единовѣрія не состоялось. Зато монастырь Чолнскій принялъ его около 1800 года.

Въ декабрѣ 1796 года умеръ Задунайскій, и гомельское имѣніе досталось старшему его сыну, графу Николаю Петровичу, впослѣдствіи

канцлеру Россійской имперіи. Гомель сдѣлался любимымъ его имѣніемъ. и графъ великолѣпно устроилъ его. Бывая въ Гомелѣ (а онъ рѣдкій годъ не бывалъ въ немъ), графъ Румянцевъ непремѣнно посѣщалъ своихъ „подданныхъ“, облеченныхъ въ камилавки и кафтыри. Въ Лаврентьевѣ и другихъ монастыряхъ встрѣчали его съ царскими, можно сказать, почестями. Заблаговременно извѣщенная о приближеніи знаменитаго гостя, монастырская братія выходила за ограду, встрѣчала графа съ колокольнымъ звономъ и пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ. Навстрѣчу посѣтителю выносились кресты, иконы, хоругви, зажженныя свѣчи. Румянцевъ, приложась ко кресту, обыкновенно входилъ съ пѣніемъ иноковъ въ часовню, прикладывался къ образамъ и затѣмъ отправлялся къ настоятелю. Иногда принималъ участіе и въ братской трапезѣ. Можно представить, какое впечатлѣніе производили на старообрядцевъ, особенно жившихъ въ отдаленныхъ отъ Бѣлоруссіи краяхъ, такія посѣщенія ихъ монастырей столь важнымъ государственнымъ сановникомъ. Нимало не удивительно, что въ кругу старообрядскомъ и доселѣ есть старики, полагающіе за несомнѣнное, будто канцлеръ самъ придерживался „старой вѣры“. Чѣмъ же инымъ, говорятъ они, можно объяснить то великое участіе, которое графъ Николай Петровичъ принималъ во всемъ, относящемся до Лаврентьева и другихъ на его землѣ устроенныхъ монастырей? Онъ былъ ктиторомъ ихъ и втайнѣ придерживался „древляго благочестія“. Одно то обстоятельство, что онъ пожертвовалъ въ Лаврентьевъ монастырь „походную икону“ своего знаменитаго родителя, съ которою онъ подвизался противъ турокъ, не служитъ ли, говорятъ они, тому доказательствомъ?

Конечно, нельзя допустить, чтобы покойный канцлеръ былъ дѣйствительно раскольникомъ. Ни воспитаніе его, ни вся молодость его, проведенная за границей среди дипломатовъ, ни отношенія его къ пастырямъ православной церкви не дозволяютъ ни на минуту сомнѣваться въ въ томъ, что онъ никогда не былъ раскольникомъ. Тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ намъ правительственныхъ архивахъ сохранились слѣды о странномъ покровительствѣ его старообрядскимъ монастырямъ, которое до нѣкоторой степени не можетъ не казаться загадочнымъ. Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1838 года могилевскій губернаторъ Марковъ нашелъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ довольно богатую ризницу, въ которой особенно замѣчательна была „небольшая старинная икона, въ позлащенномъ окладѣ, принесенная въ даръ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ и извѣстная подъ именемъ *походной*. Таковыя же иконы Румянцевъ принесъ и во всѣ прочіе монастыри и часовни, находившіеся въ гомельскомъ его имѣніи“.

Канцлеръ, тотчасъ, какъ получилъ по смерти родителя гомельское имѣніе, оказалъ особенное покровительство Лаврентьеву монастырю. Вскорѣ послѣ смерти Лаврентьева преемника, игумена Ѳеофилакта, когда монастырская братія была занята избраніемъ ему преемника,

пріѣхалъ въ монастырь мѣстный комиссаръ *) Харкевичъ и вмѣшался въ выборы. Произошли пререканія, за которыми послѣдовали угрозы комиссара запечатаніемъ часовни и келій, разогнаніемъ иноковъ и даже гнѣвомъ недавно передъ тѣмъ воцарившагося императора Павла... Харкевичъ упомянулъ даже про кибитки, въ которыхъ повезутъ лаврентьевскихъ монаховъ въ Сибирь... Монахи перепугались и написали слезно-жалобное письмо къ своему „милостивому благодѣтелю и отцу" графу Н. П. Румянцеву, прося его защиты. Отвѣтное письмо къ Шустову, гомельскому казнохранителю, управлявшему въ то время всѣмъ румянцевскимъ имѣніемъ, и подписанное самимъ Румянцевымъ, сохраняется доселѣ въ архивныхъ дѣлахъ. Вотъ оно:

„Яковъ Шустовъ! Съ полученія сего имѣешь объявить старообрядческаго Лаврентьева монастыря инокамъ, что я письмо ихъ получилъ и сожалѣю о смерти начальника ихъ Ѳеофилакта, тѣмъ болѣе, что онъ былъ, кажется, добрый и тихій человѣкъ. Но что-жъ касается до жалобы ихъ въ притѣсненіи комиссара Харкевича, то увѣрь ихъ, что оныя кончились отрѣшеніемъ, по достоинству, за произведенные имъ наглые и дерзкіе поступки, чрезъ причиненіе *моимъ подданнымъ* обидъ,—отъ должности. А на мѣсто его опредѣленъ комиссаромъ Семковскій **), человѣкъ, по опытности знающій порядокъ, также и хранящій справедливость: слѣдовательно ожидать должны, что посредствомъ его не токмо они, но и всѣ *мои подданные* будутъ совершенно защищены отъ всякихъ угнетаній. 11-го апрѣля 1798 г. *Графъ Николай Румянцевъ*". „Получено мая 6-го дня 1798 года" ***).

Самъ могилевскій губернаторъ получилъ при этомъ немалыя непріятности. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе сорока почти лѣтъ, Лаврентьевъ и другіе монастыри, находившіеся на землѣ Румянцева, были какъ бы изъяты отъ вѣдѣнія уѣздной и губернской администраціи.

---

*) Въ родѣ нынѣшняго станового пристава.

**) Полякъ-католикъ,

***) Это письмо графа Румянцева, съ другими подобными документами и съ разными денежными актами и долговыми обязательствами къ Лаврентьеву монастырю разныхъ старообрядцевъ Огороденской волости Гомельскаго (прежде Бѣлицкаго) уѣзда, тщательно сохранялось въ ризницѣ Лаврентьева монастыря. По упраздненіи его въ 1844 году, присланные правительствомъ чиновники ихъ не нашли, и десять лѣтъ всѣ полагали, что эти документы пропали. Впослѣдствіи оказалось, что ихъ вмѣстѣ съ мощами Викентія тайно взялъ съ собой послѣдній лаврентьевскій игуменъ, инокъ Аркадій (Шапошниковъ), впослѣдствіи экзархъ некрасовскій и епископъ славскій. Бумаги эти найдены въ 1854 году чиновникомъ особыхъ порученій при бывшемъ харьковскомъ генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ, штабсъ-ротмистромъ Родзянко, во время обыска, произведеннаго имъ въ городѣ Черкасахъ, Кіевской губерніи, въ тамошнемъ женскомъ старообрядческомъ монастырѣ, въ келіи родной сестры Шапошникова, вдовы Анны Родіоновны Бѣликовой. Теперь онѣ хранятся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Графъ Румянцевъ, заботясь о порядкѣ въ „своихъ“ старообрядскихъ монастыряхъ и о твердомъ храненіи въ нихъ иноческаго устава, силою помѣщичьей власти, а несравненно болѣе силою своего государственнаго значенія, распоряжался, ничѣмъ не стѣсняясь. Онъ изгонялъ изъ монастырей пришедшихъ со стороны раскольниковъ, если они чѣмъ-нибудь провинились передъ игуменомъ обители и передъ соборомъ монастырскимъ. Онъ приказывалъ тѣлесно наказывать монаховъ и бѣльцовъ, находившихся въ крѣпостной отъ него зависимости. Онъ самолично, или чрезъ управлявшаго гомельскимъ имѣніемъ г. фонъ-Фока, разбиралъ монастырскія ссоры и неурядицы и строго наблюдалъ за непорочностью инокинь и бѣлицъ Спасовой слободы. Нѣмецъ фонъ-Фокъ *) переписывался по духовнымъ дѣламъ съ лаврентьевскимъ игуменомъ Симеономъ и, немного, конечно, смысля въ дѣлѣ раскола, пускался въ курьезныя разсужденія о правилахъ старообрядскаго житія, выдумывая при удобномъ случаѣ изъ своей головы небывалыя изреченія апостола Павла. Г. фонъ-Фокъ до того простеръ заботу о цѣломудріи разгульныхъ бѣлицъ и инокинь Спасовой слободы, что возвелъ въ санъ игуменьи дѣвичьяго монастыря инока, не принявъ во вниманіе, что избранная по его административнымъ соображеніямъ игуменья принадлежитъ не къ тому полу **).

*) Г. фонъ-Фокъ впослѣдствіи былъ директоромъ особой канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и завѣдывалъ дѣлами о раскольникахъ. Потомъ, въ началѣ царствованія императора Николая, былъ первымъ управляющимъ III отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

**) Собственноручное письмо г. фонъ-Фока взято у Анны Бѣляковой. Вотъ оно: «Лаврентьева монастыря начальнику отцу Симеону. Чрезъ пятигодичное мое въ Гомелѣ пребываніе не вижу порядка, кромѣ разстройства, въ дѣвичьемъ слободы Спасовой монастырѣ, какъ монахини съ прочими бѣлицами безпорядочно жительствуютъ и принимаютъ къ себѣ различнаго рода бродягъ, за что въ прекращеніе ихъ своевольства не имѣющія надъ собой настоящей начальницы! За что я опредѣляю оный монастырь дѣвичій подъ ваше смотрѣніе и вѣдѣніе, дабы вы опредѣлили къ нимъ строгаго и честнаго поведенія монаха, который бы ихъ соблюдалъ и увѣщевалъ къ порядкамъ и житію законному, яже пишетъ (?) апостолъ Павелъ: «подобаетъ монахинямъ благоговѣйно, въ тихости, кротости, воздержаніи, въ постѣ и молитвахъ, а не въ пьянствѣ и злогласованіи». Но я васъ закону и обряду вашему не учу и не запрещаю, а какъ вы о законахъ сами учены, извѣстны, такъ и его наблюдайте и моленіе свое къ небу простирайте. Во вторыхъ, апостолъ Павелъ вопіетъ (?): «аще кто повинуется власти земной, той и повинуется Богу, аще кто противится власти земной, той противится и Богу». Но я вамъ вкратцѣ (sic) пишу, за то, что вы о законахъ сами извѣстны. Безпорочное и Богу угодное житіе ваше, устроиство и порядокъ, которое въ монастырѣ, вами управляемомъ, существуетъ, кротость, поведеніе и строгое ваше наблюденіе правилъ монашескихъ удостовѣряютъ меня, что вы возстановите въ дѣвичьемъ монастырѣ такой же порядокъ къ благоугодности Божіей и къ повиновенію святыхъ Его заповѣдей. Если-жъ бы, сверхъ чаянія моего, на обузданіе развращенныхъ и на приведеніе ихъ въ послушаніе, нужна быть могла власть свѣтская или помѣщичья, то извольте отнестись ко мнѣ или казнохранителю Шустову, коему над-

Подъ покровительствомъ Румянцева, гомельскіе старообрядскіе монастыри достигли цвѣтущаго состоянія, особенно Лаврентьевъ. Во всѣхъ монастыряхъ было болѣе двухсотъ человѣкъ братіи, въ женскомъ же до тридцати монахинь, не считая огромной вереницы непостриженныхъ дѣвокъ. И въ мужскихъ и въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ надеждѣ на мощную защиту государственнаго канцлера, преспокойно жили бѣглые и безпаспортные. Земская полиція Бѣлицкаго уѣзда не рѣшалась ихъ преслѣдовать, вѣроятно, памятуя участь комиссара Харкевича. Даже не на земляхъ Румянцева въ Бѣлицкомъ уѣздѣ привольно было жить старообрядцамъ: въ началѣ нынѣшняго столѣтія неподалеку отъ гомельскаго имѣнія устроился новый поповщинскій монастырь—Никольскій. Онъ заведенъ былъ въ имѣніи пана Поцѣя, помѣщика польскаго происхожденія.

Чѣмъ же объяснить такое покровительство графа Румянцева старообрядству? Знавшіе лично канцлера объясняютъ это очень просто. Графъ, собравшій (преимущественно у старообрядцевъ) драгоцѣнное собраніе старинныхъ русскихъ рукописей, находящихся нынѣ въ Московскомъ музеѣ, несмотря на огромное состояніе, несмотря на то, что у него не было потомства, былъ неимовѣрно скупъ. Такъ, онъ Калайдовичу за такой трудъ, какъ „Іоаннъ экзархъ Болгарскій", заплатилъ только 25 р. ассигнаціями: такую же плату получали отъ него и другіе составители и переводчики издаваемыхъ имъ книгъ. Ограждая „своихъ подданныхъ" старообрядцевъ, покровительствуя имъ, принося въ даръ ихъ монастырямъ родовыя иконы, Румянцевъ за безцѣнокъ, а большею частью и совсѣмъ даромъ, пріобрѣлъ драгоцѣнное собраніе. Старообрядцы Лаврентьева и другихъ монастырей, посредствомъ своихъ агентовъ, повсюду собирали древнія рукописи и дарили ихъ могущественному покровителю.

По смерти Ѳеофилакта игуменомъ Лаврентьева монастыря избранъ Симеонъ (1797 г.), пользовавшійся большимъ уваженіемъ старообрядцевъ не только мѣстныхъ, но и отдаленныхъ. Особенно онъ былъ уважаемъ въ Петербургѣ. Былъ онъ уроженецъ города Ржева, пришелъ въ Лаврентьевъ монастырь еще въ молодости и прожилъ тамъ до преклонныхъ лѣтъ. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ графа Румянцева, этотъ домостроительный игуменъ успѣлъ довести бѣдный до того монастырь до цвѣтущаго состоянія.

Въ Лаврентьевѣ монастырѣ была построена обширная холодная церковь, во имя Живоначальныя Троицы, деревянная на каменномъ фундаментѣ, о шести куполахъ. Рядомъ съ ней стояла колокольня съ колоколами и башенными часами съ боемъ. Другая часовня во имя Срѣтенія

зоръ отъ меня порученъ, и ожидайте во всѣхъ случаяхъ, гдѣ къ порядку и устройству клонится, моего безпрекословнаго содѣйствія. *Іаковъ Фокъ.* Марта 29-го дня 1804 года, № 137. Курьезный документъ этотъ хранится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Господня, теплая, и при ней трапеза или келарня стояли неподалеку. Кромѣ того въ оградѣ монастыря находились: большой домъ для настоятеля, семнадцать братскихъ келій, хлѣбный амбаръ, два сарая, конюшня—все деревянное. За оградою рига и другія хозяйственныя постройки. Все это построено при графѣ Николаѣ Петровичѣ Румянцевѣ и съ его разрѣшенія.

„Лаврентьевъ монастырь, — говоритъ въ своей запискѣ покойный В. А. Алябьевъ, бывшій въ немъ передъ самымъ закрытіемъ: — стоитъ на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою Узой, за которою на нѣсколько верстъ тянутся непроходимые болота и лѣса. Черезъ рѣку положены „кладки“ *), черезъ которыя раскольники при появленіи полицейскаго чиновника **) усылаютъ бродягъ и бѣглыхъ въ прилегающіе лѣса и болота. Этотъ монастырь самъ по себѣ, какъ и всѣ уединенныя мѣста, внушаетъ чувство благоговѣнія. Древность его, преданія, жизнь, повидимому, довольно строгая, дряхлыхъ и въ преклонныхъ лѣтахъ находящихся иноковъ — запечатлѣли въ народѣ это благоговѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ расширили молву о святости мѣста. Изъ Москвы, съ Дону и изъ отдаленныхъ губерній спѣшили усердствующіе и набожные раскольники приносить сюда дары. Приношеніе одного московскаго купца, который умеръ въ этомъ монастырѣ инокомъ, простиралось въ недавнемъ времени, по словамъ монастырскихъ жителей, до пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями ***). Скопленное такими приношеніями богатство доказывается нынѣ, при всемъ умаленіи подаяній, многоцѣнною ризницей, образами въ дорогихъ окладахъ, изъ коихъ нѣкоторые стоятъ, по словамъ иноковъ же, отъ трехъ до пяти тысячъ рублей ассигнаціями, постройкой деревяннаго зданія подъ названіемъ „ризницы“ ****) и по-

---

*) Узенькіе безъ перилъ мосточки.

**) Это писано черезъ 15 лѣтъ по смерти канцлера Румянцева.

***) Здѣсь дѣйствительный статскій совѣтникъ Алябьевъ разумѣетъ Іоасафа Морозова, о которомъ было упомянуто выше и впереди будетъ сказано. Но монахи въ разговорахъ съ чиновникомъ министра (Алябьевымъ) уменьшили стоимость морозовскаго вклада. Жившіе въ то время въ Лаврентьевомъ монастырѣ, теперь единовѣрческіе иноки, и московскіе старообрядцы, знающіе хорошо дѣло своей общины, единогласно утверждаютъ, что Морозовъ изъ своего милліона десятую долю отдалъ на монастырь.

****) Это трапезная церковь во имя Чуда Архангела Михаила иже въ Колоссаехъ. Пожаръ былъ послѣ 1827 года, когда воспрещены новыя постройки и даже починки раскольническихъ часовенъ и моленныхъ. Поэтому лаврентьевскій игуменъ Аркадій, извѣщенный заблаговременно исправникомъ-католикомъ о пріѣздѣ министерскаго чиновника (Алябьева), вынесъ изъ трапезной церкви всю утварь, составляющую принадлежность церкви, и обратилъ такимъ образомъ храмъ въ ризницу. Въ этой ризницѣ хранились шесть иконъ, присланныхъ изъ Калуги основателемъ монастыря, его «Псалтирь», по которой онъ молился, и другія его богослужебныя книги, считавшіяся святынею; икона Ржевской Богородицы, принесенная игуменомъ Симеономъ, которой въ Лаврентьевѣ монастырѣ праздновали,

выхъ келій вмѣсто сгорѣвшихъ отъ бывшаго въ монастырѣ пожара, и наконецъ найденными въ монастырѣ хлѣбными запасами (1.000 четвертей). Такимъ образомъ знаменитость монастыря укоренилась, вліяніе его на народную массу усилилось до того, что онъ бралъ преимущество не только надъ другими монастырями Бѣлицкаго уѣзда, но и надъ находящимися въ слободахъ смежной Черниговской губерніи. Словомъ, Лаврентьевъ монастырь сдѣлался соборомъ раскольниковъ. Монахи-мѣщане *) — это бывшіе купцы. Они принесли съ собой значительные капиталы, остающіеся въ ихъ рукахъ до смерти, а потомъ поступающіе въ собственность монастыря. Всѣ они занимаются собственнымъ хозяйствомъ и свойственнымъ каждому ремесломъ. Продавая свои произведенія въ Гомелѣ, куда отлучаются по своей волѣ, они все добытое ими не отдаютъ въ общую братскую кассу, но оставляютъ для себя. Избранный ими настоятель обязанъ кормить ихъ, одѣвать, оплачивать за нихъ подати и ходатайствовать у мѣстнаго начальства за ихъ проступки, что и исполнялъ, дабы сохранить свое званіе, употребляя для сего два средства: приношенія усердствующихъ и разсылку по разнымъ губерніямъ иноковъ для сбора подаяній. Всѣ собранныя такимъ образомъ деньги настоятель расходуетъ безотчетно, равно и сборщики подаяній отдаютъ набранное настоятелю тоже безотчетно. Здѣсь каждый молчитъ, хотя мысленно и увѣренъ въ обманѣ, въ которомъ каждый участвовалъ или надѣется, въ свою очередь, когда-нибудь участвовать. Столь обезпеченное состояніе иноковъ, при собственномъ каждаго достояніи, доставляетъ жителямъ монастыря жизнь спокойную, независимую, съ неограниченною волей каждому дѣлать все, что хочетъ, не отдавая никому отвѣта въ своихъ дѣйствіяхъ. На церковныхъ службахъ монахи и бѣльцы бываютъ, когда приходитъ имъ охота молиться" **).

и другія вещи. Ризъ священническихъ парчевыхъ въ ризницѣ было 10, полупарчевыхъ 13, матерчатыхъ 31, всего 54; стихарей 29. Все это заимствовано нами изъ офиціальныхъ бумагъ, находящихся въ правительственныхъ архивахъ, гдѣ находится и подлинная записка Алябьева. Копію съ нея, нѣсколько отличную отъ офиціальной записки (только въ нѣкоторыхъ лишь выраженіяхъ), получили мы лично отъ В. А. Алябьева въ 1849 году на Керженцѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ покойнымъ, приводили въ извѣстность тогдашнее состояніе знаменитыхъ нѣкогда скитовъ Керженскихъ и Чернораменскихъ.

*) При закрытіи Лаврентьева монастыря, изъ 36 монаховъ и 6 бѣльцовъ было купцовъ 3-й гильдіи, записанныхъ по городу Бѣлицамъ, двое (монахъ Антоній 82 лѣтъ и бѣлецъ Алексѣй Филатьевъ, жившій съ 1832 года): мѣщанъ 19 монаховъ и два бѣльца. Этихъ мѣщанъ-монаховъ было: записанныхъ по городу Бѣлицамъ, по Кременчугу и Калугѣ по 5, по Москвѣ 3, по городамъ Рѣчицѣ, Новозыбкову, Новогеоргіевску, Николаеву и Бендерамъ и по посадамъ Добрянкѣ и Клинцамъ по одному. Бѣльцовъ-мѣщанъ было два бѣлицкихъ, одинъ екатеринославскій и одинъ рогачевскій. Всѣ они изъ купеческихъ фамилій.

**) В. А. Алябьевъ. «Записки о Лаврентьевомъ монастырѣ».

Онуфрій, бывшій епископъ браиловскій и намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, а потомъ инокъ Николаевскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ, жившій нѣкоторое время въ Лаврентьевѣ монастырѣ, разсказываетъ, что сборщики, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь, бывало, напередъ сторгуются съ игуменомъ—сколько дать ему по возвращеніи: половину или треть, а остальное удерживали съ свою пользу. Отправляясь въ путь, каждый сборщикъ напечетъ, бывало, просфоръ, насушитъ ихъ цѣлый мѣшокъ и пойдетъ съ нимъ странствовать по городамъ и деревнямъ, увѣряя старообрядцевъ, что онъ антидоръ раздаетъ. За эти просфоры собирали очень много денегъ отъ доброхотныхъ дателей. Нѣкоторые въ особыхъ ящикахъ разносили св. дары, но были ли они дѣйствительно освящены или нѣтъ — это же оставалось на совѣсти сборщиковъ. Особенно отличался въ Лаврентьевѣ монастырѣ сборщикъ старецъ Исаакій: никто, бывало, столько не наберетъ денегъ, какъ онъ, ибо имѣлъ большое знакомство съ зажиточными старообрядцами. Бывшій лаврентьевскій инокъ Іоакимъ Кашинъ *) однажды изъ одного Моршанска привезъ семь тысячъ рублей.

Пока живъ былъ канцлеръ Румянцевъ, не только полиція не имѣла въѣзда въ старообрядскіе монастыри гомельскаго имѣнія, но и православное духовенство лишено было возможности дѣйствовать на монастырскихъ жителей путемъ духовно-нравственнаго убѣжденія. Января 2-го 1826 года канцлеръ умеръ, и могилевскій архіепископъ Гавріилъ не замедлилъ посѣтить Лаврентьевъ монастырь. Это было лѣтомъ того же 1826 года. Старообрядскіе иноки встрѣтили его съ почетомъ: звонили въ колокола, вышли навстрѣчу съ пѣніемъ, съ иконами, свѣчами, съ хлѣбомъ-солью. Архіепископъ благосклонно отнесся къ инокамъ, осмотрѣлъ ихъ обитель и сталъ уговаривать принять единовѣріе. Семь монаховъ изъ самыхъ значительнѣйшихъ, и во главѣ ихъ Іаковъ, подписали актъ о присоединеніи къ православію на условіяхъ единовѣрія. Архіепископъ представилъ этотъ актъ въ Петербургъ, но присоединеніе не состоялось. Какъ скоро уѣхалъ Гавріилъ, въ Лаврентьевѣ монастырѣ возникли ссоры и распри, были и драки, во время которыхъ побѣда оставалась, разумѣется, за болѣе многочисленными противниками Іакова. Симеонъ въ это время уже одряхлѣлъ и не могъ возстановить порядка. Полиція, дотолѣ не вмѣшивавшаяся въ дѣла Лаврентьева монастыря, начала въ немъ распоряжаться. Дѣло поведено было такъ, что неизбѣжная ссора монастырскихъ жителей представлена была въ видѣ „бунта Іакова". Говорили и писали, что Іаковъ подписался на предложенный архіепископомъ Гавріиломъ актъ единственно съ цѣлью получить прибыльное мѣсто игумена. Говорили, что Іаковъ подверженъ запою — это дѣйствительно за нимъ водилось. Лаврентьевскіе монахи распространили слухъ, будто Іаковъ запоемъ пилъ и въ то время, когда

*) Московскій мѣщанинъ Иванъ Петровичъ Кашинъ, постриженникъ Лаврентьева монастыря.

въ монастырѣ былъ архіепископъ. Отъ имени братства написано было слезное просительное письмо о защитѣ къ брату канцлера, графу Сергѣю Петровичу, которому досталось гомельское имѣніе. Въ архивныхъ дѣлахъ есть указаніе, что, по его ходатайству, въ Петербургѣ дѣло о присоединеніи къ единовѣрію нѣкоторыхъ изъ лаврентьевской братіи было оставлено безъ послѣдствій. Старообрядцы ободрились, увидя, что и по смерти канцлера не лишились они сильнаго покровительства. Іаковъ съ единомышленниками былъ изгнанъ изъ монастыря съ позоромъ. Послѣ онъ жилъ въ Никольскомъ монастырѣ (Полоса), что̀ близъ посада Клинцовъ. По настояніямъ родныхъ сестеръ, старообрядскихъ инокинь, онъ оставался въ расколѣ и умеръ въ немъ.

Тридцать два года управлялъ Симеонъ монастыремъ Лаврентьевымъ (1797 — 1829), держалъ въ немъ строгій порядокъ и возвысилъ въ средѣ старообрядцевъ доброе о немъ мнѣніе. Не богатствомъ украшеній церковныхъ, не многолюдствомъ иночествующей братіи, какъ монастыри иргизскіе, стародубскіе и керженскіе, прославился въ Симеоново время Лаврентьевъ монастырь, но благоустройствомъ. Отдаленный отъ селеній, а что̀ еще важнѣе — не имѣвшій въ сосѣдствѣ женскихъ монастырей, не представлялъ онъ возможности развиться въ монашеской средѣ разгулу, обыкновенно господствовавшему въ обителяхъ старообрядскихъ. Пьянство случалось, но далеко не столь безобразное, какъ, напримѣръ, на Иргизѣ. Безъ мѣры предававшихся этому пороку смиряли тѣлесными наказаніями, сидѣньемъ въ поварнѣ на цѣпи и даже изгнаніемъ изъ монастыря. Но не столько монастырскія наказанія, сколько боязнь гнѣва могущественныхъ покровителей обители, Румянцевыхъ, воздерживала отъ безпорядковъ лаврентьевскую братію. И въ другихъ старообрядскихъ монастыряхъ бывали игумены не хуже Симеона — люди благочестивые и строгіе, но никогда не могли они содержать безпастушную свою братію въ такомъ повиновеніи, какъ содержалъ ее Симеонъ; нигдѣ не могли такъ сохранить благочиніе, какъ сохранилось оно въ монастыряхъ гомельскаго имѣнія. По сознанію самихъ старообрядцевъ, столь нерѣдко бывающія въ средѣ ихъ безчинія, безобразные поступки и другія нарушенія устава, отъ буйства охмелѣвшихъ подвижниковъ до соблазнительныхъ споровъ и взаимныхъ клятвъ, которыми въ послѣднее время столь усердно обмѣниваются самые ихъ епископы, происходятъ единственно вслѣдствіе отсутствія сильной власти, власти законной, — власти, зорко наблюдающей за поступками духовенства и монашества. При отсутствіи ея — своеволіе неизбѣжно, и средствъ уничтожить его нѣтъ. Для монастырей гомельскихъ государственный канцлеръ представлялъ если не законную, то весьма сильную и вліятельную власть. Достаточно было Симеону, возведенному графскою волей въ должность благочиннаго надъ всѣми старообрядскими гомельскими монастырями, сказать одно слово о нарушителѣ монастырскаго благочинія, — его немедленно постигала грозная кара мо-

гущественнаго Румянцева (или выгонять, или выпорють). Не говоря уже о безчиніяхъ въ монастыряхъ мужскихъ, въ самыя даже любовныя похожденія обитательницъ дѣвичьяго монастыря заботливо проникалъ всесмиряющій взоръ государственнаго канцлера, а ревностный поборникъ цѣломудрія читалокъ, нѣмецкій человѣкъ фонъ-Фокъ, съ свойственною племени его аккуратностью спѣшилъ все привести въ должный порядокъ. При такой сильной поддержкѣ, лаврентьевскому игумену не трудно было сохранять благочиніе въ монастыряхъ, ввѣренныхъ его попеченію.

Въ послѣдніе годы своей жизни устарѣлый Симеонъ только носилъ званіе игумена. Лѣта и заботы утомили дѣятельнаго нѣкогда старца. Особенно ослабили его прежнюю энергію горькія испытанія 1826 года: смерть графа Николая Петровича, затѣмъ такъ-называемый „бунтъ Іакова“ и наконецъ строгость новыхъ правительственныхъ мѣръ относительно старообрядства. Они разрушительно подѣйствовали на здоровье и силы Симеона. Обительскими дѣлами управлялъ казначей Боголѣпъ. Симеонъ умеръ въ 1829 году, и на мѣсто его въ игумены избранъ старецъ Михаилъ, дѣйствительнымъ же правителемъ сдѣлался новоприбывшій тогда изъ Кременчуга инокъ Аркадій Шапошниковъ, о которомъ рѣчь впереди *).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ доживали свой вѣкъ старцы, поселившіеся тамъ еще въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Таковы были: старецъ Аѳанасій, пришедшій въ монастырь еще въ 1788 году и семьдесятъ лѣтъ въ немъ проживщій. Онъ значился въ книгахъ бѣлицкимъ мѣщаниномъ Андреемъ Тимоѳеевымъ, но вся монастырская братія говорила, что онъ не простого, а „высокаго рода“. Дѣйствительно, Аѳанасій происходилъ изъ бѣдныхъ великороссійскихъ дворянъ и поступилъ въ Лаврентьеву обитель подъ чужимъ именемъ. Былъ онъ „препростъ человѣкъ“, жилъ въ совершенномъ послушаніи и отсѣченіи своей воли, молился день и ночь, плакалъ и вообще велъ себя какъ младенецъ. Не былъ онъ юродивымъ, но, проникнутый до послѣдней степени аскетизмомъ — дошелъ до состоянія младенческаго незлобія, но въ то же время младенческой несмышлености. Его считали святымъ человѣкомъ, говорили, будто подобныхъ старцевъ и въ древности мало бывало, гордились такимъ подвижникомъ, что не мѣшало однакоже лаврентьевскимъ инокамъ потѣшаться иногда надъ слабоумнымъ. Жилъ въ Лаврентьевѣ съ 1798 года старецъ Игнатій, числившійся бѣлицкимъ мѣщаниномъ Иваномъ Прокофьевымъ. Это былъ строгой жизни монастырскій конюхъ, также не отличавшійся

*) Въ IX главѣ, основываясь на «Запискѣ о Рогожскомъ кладбищѣ протоіерея Арсеньева, мы сказали, что на рогожскомъ соборѣ 1832 года находился лаврентьевскій игуменъ Симеонъ. Но Симеона въ это время уже не было въ живыхъ, а управлялъ монастыремъ Михаилъ, который, вѣроятно, и пріѣзжалъ въ Москву въ 1832 году.

ни умомъ ни энергіей, зато усердно исполнявшій келейное правило, носившій тяжелыя вериги и до такой степени усилившій постъ, что въ иные дни питался лишь сѣномъ и овсомъ изъ однѣхъ яслей со ввѣренными попеченію его конями. Былъ въ Лаврентьевѣ строгій подвижникъ Илія (бѣлицкій мѣщанинъ Родіонъ Демидовъ), родомъ бѣлоруссъ, жившій въ монастырѣ съ 1803 года. Не менѣе его подвижническою жизнью отличался инокъ Сергій (московскій мѣщанинъ Семенъ Сергѣевичъ Масленниковъ, уроженецъ калужскій), сдѣлавшійся казначеемъ по смерти инока Боголѣпа. Высокаго роста, здоровый, даже тучный, считался онъ самымъ благообразнымъ и представительнымъ инокомъ изъ лаврентьевской братіи, человѣкъ былъ умный, отличался трезвостью и ревностью къ старообрядству, доходившею нерѣдко до слѣпого фанатизма. Но всѣхъ болѣе отличался строгимъ подвижничествомъ старецъ Харалампій. Давно ишелъ онъ изъ монастыря ради болѣе суровыхъ аскетическихъ подвиговъ и поселился въ лѣсу, питался кореньями, носилъ тяжелыя вериги и только разъ въ недѣлю, по субботамъ, приходилъ изъ пустынной келіи въ монастырь. Никто никогда не замѣчалъ, чтобы отецъ Харалампій на кого-нибудь осердился или о комъ-нибудь сказалъ укорительное слово. Онъ почти не спалъ, а иногда налагалъ на себя обѣдъ молчанія и безмолвствовалъ года по два и больше. Такая молва шла про отца Харалампія, и старообрядцы заживо сочли его святымъ. Жилъ еще въ Лаврентьевѣ монастырѣ замѣчательный старецъ, о которомъ мимоходомъ было уже упомянуто. Еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, старообрядецъ по рожденію, уроженецъ Москвы, восемнадцатилѣтній юноша Морозовъ, начитавшись „Патериковъ", возжелалъ подражать жизни преподобныхъ пустынниковъ стараго времени. Оставивъ родину и давъ предъ Богомъ обѣтъ сдѣлаться инокомъ, перешелъ онъ тогдашній литовскій рубежъ и явился къ Лаврентію. Лаврентій приняль его къ себѣ въ послушники, но не болѣе трехъ лѣтъ пылкій юноша могъ раздѣлять труды и лишенія съ бѣдною еще тогда лаврентьевской братіей. Смущали его и страсти, влекли онѣ юнаго Морозова назадъ, въ легкомысленно покинутый имъ міръ. Видя внутреннюю борьбу въ своемъ послушникѣ, самъ Лаврентій потребовалъ отъ него, чтобы оставилъ онъ пустынную обитель и, пока не утихнутъ въ немъ страсти, пожилъ бы въ мірѣ. На возраженія Морозова, что онъ далъ уже передъ Богомъ обѣтъ неисходнаго житія иноческаго, Лаврентій будто бы сказалъ ему: „будетъ время — надѣнешь камилавку, а теперь поживи пока въ мірѣ". Объ этомъ-то юношѣ, разсказываютъ старообрядцы, предрекалъ умирающій Лаврентій, говоря, что принесетъ въ устроенную имъ обитель великое богатство нѣкій юноша, жившій въ монастырѣ, но суеты ради міра сего отшедшій инуду. Морозовъ, покинувъ монастырь, женился и занялся торговыми дѣлами. Счастье везло ему, и онъ вскорѣ составилъ хорошее состояніе. Переселившись въ Елисаветградъ, онъ сдѣлался тамъ самымъ значительнымъ купцомъ и нажилъ милліонный капиталъ. Жилъ

онъ въ этомъ городѣ до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Было ему почти сто лѣтъ, жизнь стала въ тягость. Свѣтъ опостылѣлъ, смерть не приходила. Много и слезно просилъ онъ Бога о кончинѣ, но тщетно. И пришло богатому купцу въ помышленіе, что до тѣхъ поръ не вкуситъ отъ смерти, пока не исполнитъ даннаго Богу и нарушеннаго во дни юности обѣта. И вотъ, оставивъ міръ и почетъ, которымъ пользовался, направилъ онъ путь къ монастырю Лаврентьеву. Его сопровождалъ вѣрный его приказчикъ, Данила Астафьевъ, не захотѣвшій разлучиться съ хозяиномъ, рѣшившійся служить ему и въ монастырѣ. Поставили они себѣ въ Лаврентьевой обители келію, поселились въ ней и оба приняли иночество. Морозовъ наименованъ былъ Іоасафомъ, Астафьевъ — Дороѳеемъ. Это было въ 1832 году, въ то время, какъ началось дѣло исканія архіерейства. Пробывъ во иночествѣ лѣтъ шесть, Іоасафъ Морозовъ умеръ и былъ погребенъ подлѣ большой часовни, близъ гроба прежняго своего наставника, старца Лаврентія, основателя обители. До ста тысячъ рублей употреблено было имъ въ шесть лѣтъ на устройство монастыря, въ который пришелъ онъ искать смерти. Остальное богатство досталось родственникамъ. Хорошо устроенная келья Морозова была лучше игуменской и полна всякаго рода движимостью. По смерти хозяина досталась она пришедшему съ нимъ въ монастырь иноку Дороѳею.

Въ послѣдніе годы Симеонова игуменства большое значеніе въ Лаврентьевомъ монастырѣ получилъ старецъ Аркадій, пришедшій изъ Кременчуга съ восемью другими старообрядцами этого города *). Онъ поселился здѣсь въ 1825 году, незадолго до смерти покровителя старообрядцевъ гомельскихъ, графа Николая Петровича Румянцева. Когда въ 1826 году пріѣхалъ въ обитель могилевскій архіепископъ, по совѣту этого самаго Аркадія, съ первыхъ дней пребыванія въ монастырѣ возвысившагося надъ прочею братіей умомъ и ловкостью въ обхожденіи, нежданному гостю сдѣланъ былъ почетный пріемъ. Но когда вслѣдъ затѣмъ извѣстный уже намъ Іаковъ вздумалъ обратиться въ единовѣріе, въ Аркадіи онъ нашелъ самаго сильнаго соперника. Стараніями кременчугскаго пришельца разстроено было намѣреніе соглашавшихся принять единовѣріе; онъ сочинялъ послашное къ графу Сергѣю Петровичу письмо, онъ возбуждалъ братію противъ Іакова и достигъ своей цѣли. Это возвысило Аркадія во мнѣніи старообрядцевъ, онъ стяжалъ своимъ поступкомъ славу крѣпкаго стоятеля за „древлее благочестіе“ и сдѣлался настоящимъ правителемъ обители еще при жизни престарѣлаго Симеона. Самъ игуменъ и казначей Боголѣпъ ничего не дѣлали безъ совѣта съ нимъ: всякое слово Аркадія было словомъ рѣшительнымъ на монастырскомъ соборѣ. По смерти Симеона избранъ былъ въ

*) Въ томъ числѣ старцы Савва и Евфросинъ, впослѣдствіи съ Аркадіемъ ушедшіе въ Добруджу къ некрасовцамъ.

настоятели старецъ Михаилъ: при немъ вліяніе Аркадія на монастырскія дѣла еще больше усилилось. Послѣ кратковременнаго игуменства Михаила, братія единогласно избрала его въ настоятели.

Аркадій (Андрей) родомъ былъ изъ посада Клинцовъ, Черниговской губерніи, сынъ тамошняго мѣщанина Родіона Харламніевича Шапошникова. По смерти родителей, онъ и всѣ братья и сестры его переселились въ Кременчугъ, кромѣ старшей сестры Татьяны, вышедшей замужъ на родинѣ за мѣщанина Черкасова. Старшій изъ братьевъ, Александръ, занимался въ Кременчугѣ соляною торговлей, двое другихъ, Василій и Андрей, писали иконы и продавали ихъ старообрядцамъ; младшая сестра, Анна, вышла замужъ за кременчугскаго купца Протопопова *).

*) Заимствуемъ изъ показаній родственниковъ Андрея Шапошникова (впослѣдствіи епископъ славскій) извѣстія объ его родѣ-племени. Сестра его Анна Родіоновна Бѣликова, жившая въ 1854 году въ городѣ Черкасахъ, въ тамошнемъ женскомъ старообрядскомъ монастырѣ, находившемся подъ управленіемъ игуменьи Маргариты, на допросѣ показала: она купеческая вдова, 50 лѣтъ, родомъ изъ Клинцовъ, замужемъ была два раза: въ первомъ бракѣ за кременчугскимъ купцомъ Василіемъ Васильевичемъ Протопоповымъ, умершимъ въ 1835 году, когда уже братъ ея Андрей былъ настоятелемъ Лаврентьева монастыря; во второмъ бракѣ за кременчугскимъ же купцомъ Гавриломъ Степановичемъ Бѣликовымъ, умершимъ въ 1837 г. Родители наши, клинцовскіе мѣщане, отецъ, Родіонъ Харламніевичъ Шапошниковъ, и мать, Домника Петровна, уже скончались. У нихъ были дѣти: Александръ, давно умершій, Василій, жившій въ 1854 г. въ Кременчугѣ въ своемъ домѣ, онъ (въ то время былъ) приказчикомъ у купца Чибисова, торгующаго солью. Василій Родіоновичъ женатъ на кременчугской мѣщанкѣ Иринѣ Трофимовнѣ Романовой, у нихъ дѣти: Иванъ 18 и Марья 16 лѣтъ. Другой братъ — Андрей Родіоновичъ, во иночествѣ Аркадій; былъ онъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ прежде инокомъ, а въ 1835 году, когда ѣздилъ къ князю Паскевичу въ Варшаву, былъ уже настоятелемъ того монастыря. По уничтоженіи Лаврентьева монастыря, Аркадій ушелъ въ Турцію и первое письмо писалъ къ сестрѣ изъ Тульчи, гдѣ объяснялъ, что «онъ получилъ землю и насадилъ виноградъ», и что вообще тамъ жизнь хорошая. Онъ звалъ къ себѣ за границу обѣихъ сестеръ, уже овдовѣвшихъ, но онѣ, не зная навѣрное, гдѣ братъ ихъ находится, и не имѣя достаточныхъ средствъ для поѣздки за границу, приглашенія его не приняли. Аркадій былъ женатъ въ Кременчугѣ на Хіоніи Яковлевнѣ Дударевой. Отца ея звали Яковъ Ивановичъ, умеръ онъ года три тому назадъ, оставивъ домъ дочери Хіоніи, которая и теперь (въ 1854 году) въ немъ живетъ. Она вышла за Аркадія *вдовою,* сначала была за какимъ-то Игнатомъ, отъ коего у ней два сына, пасынки Аркадію — Михайла да Самойла, оба они выдѣлываютъ овчины въ Кременчугѣ. Отъ отца Аркадія у Хіоніи былъ сынъ, но умеръ въ малолѣтствѣ. Аркадій съ Хіоніею Яковлевною жилъ года три, а потомъ, не знаю за что, разошлись; она осталась въ Кременчугѣ, а онъ пошелъ въ Лаврентьевъ монастырь. Онъ и братъ Василій долго жили въ Кременчугѣ, занимаясь иконописаніемъ. У самой Анны Родіоновны Бѣликовой двѣ дочери, племянницы Аркадію: Васса за кременчугскимъ купцомъ Яковомъ Андреевичемъ Шульгинымъ и Евдокія, уже умершая, бывшая замужемъ за мѣщаниномъ Петромъ Фатовымъ; у Евдокіи было нѣсколько дочерей, и старшую дочь ея, внучку Бѣликовой, Елену Петровну, Фатовъ недавно (1854 г.) выдалъ

Андрей Родіоновичъ Шапошниковъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, женился въ Кременчугѣ на *вдовѣ* Хіоніи Яковлевнѣ, дочери тамошняго купца Якова Ивановича Дударева, человѣка достаточнаго. Хіонія Яковлевна отъ перваго мужа Игнатія, по фамиліи намъ неизвѣстнаго, имѣла двухъ сыновей: Михаила и Самуила, которые, можетъ-быть, и до сихъ еще поръ занимаются выдѣлкою овчинъ въ Кременчугѣ. Молодая вдова, кажется, не принесла семейнаго счастья Андрею Родіоновичу. Онъ имѣлъ отъ нея сына, умершаго въ младенчествѣ, и вскорѣ послѣ его рожденія начались у мужа съ женой несогласія. Въ 1824 году, послѣ трехлѣтней супружеской жизни, Шапошниковъ тайно оставилъ постылую жену и пасынковъ и вмѣстѣ съ другими восемью старообрядцами ушелъ изъ Кременчуга „душу спасать" *). На родинѣ,

замужъ за Ѳедора Полякова; вѣнчались они въ посадѣ Крюковѣ у отца Луки (старообрядскаго). Живетъ Анна Родіоновна Бѣликова въ Черкасскомъ женскомъ монастырѣ, въ особой кельѣ, съ своею послушницей, мѣщанкой города Николаева, Настасьею Миновною Юрковой, 23 лѣтъ. Отецъ Настасьи, Мина Юрковъ, занимается въ Старомъ-Осколѣ хлѣбными подрядами; поступила Настасья въ монастырь въ 1853 г. по обѣту, данному во время болѣзни, постриглась въ монахини съ именемъ Аркадіи, 20-го іюля 1854 г. Сама Анна Родіоновна Бѣликова не пострижена. При обыскѣ у Бѣликовой найдена жестяная рака Викентія, въ которой, кромѣ останковъ этого схимника, находились, по объясненію Бѣликовой, часть камня отъ Гроба Господня и часть Животворящаго Древа. Все это сохранялось въ Лаврентьевомъ монастырѣ. При уничтоженіи монастыря Аркадій скрылъ эти вещи и, уходя за границу, отдалъ сестрѣ на сохраненіе. Была у Аркадія еще сестра, Татьяна Родіоновна, вышедшая замужъ за мѣщанина Черкасова въ Клинцахъ еще до переселенія Шапошниковыхъ въ Кременчугъ. Въ 1845 году Аркадій, удаляясь изъ Клинцовъ (куда, какъ въ мѣсто ревизской приписки, былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ 1844 г., при закрытіи Лаврентьева монастыря), оставилъ сестрѣ своей, Черкасовой, бумаги, взятыя имъ изъ Лаврентьева монастыря, въ томъ числѣ приведенныя выше: письмо графа Н. П. Румянцева къ Якову Шустову, письмо фонъ-Фока къ игумену Симеону, а также видъ, данный Аркадію княземъ Паскевичемъ, и объясненіе игумена Симеона въ бѣлицкое духовное правленіе о состояніи монастыря. Свѣдѣнія эти требовалъ извѣстный ученый протоіерей Иванъ Григорьевичъ, бывшій тогда гомельскимъ протопопомъ. Симеонъ даетъ ему самые короткіе и уклончивые отвѣты 27-го ноября 1823 года. Кромѣ того, у Бѣликовой, въ бумагахъ Аркадія, найдено много долговыхъ обязательствъ Лаврентьеву монастырю и рекрутскихъ квитанцій, которыя Аркадій бралъ подъ залогъ даваемыхъ разнымъ окрестнымъ мѣщанамъ и крестьянамъ денегъ. По просроченнымъ закладнымъ рекрутскія квитанціи поступали во владѣніе монастыря, и Аркадій торговалъ ими. Всѣ эти бумаги и самыя рекрутскія квитанціи, оставшіяся непроданными, находятся въ архивныхъ дѣлахъ.

*) Вотъ что̀ писалъ Аркадій изъ Славы къ сестрѣ своей, Аннѣ Бѣликовой, въ Кременчугъ. Пожелавъ добраго здоровья и совѣтуя ей оставить суету міра сего (что̀ она и исполнила, поселясь въ Черкасскомъ монастырѣ). Аркадій пишетъ: «Приходи въ нашу пустыню, она пріемлетъ всѣхъ: не безъ труда достигнуть, но призывай Бога въ помощь. Онъ тебя не оставитъ и защититъ и покрыетъ отъ навѣтъ вражіихъ, а если найдутся тебѣ единомышленныя, то можешь и тѣхъ вести на трудный и тѣсный

въ Климахъ. Андрею жить не захотѣлось, и онъ рѣшился „бѣгати въ пустыню". Пошли кременчугскіе выходцы въ Лаврентьевъ монастырь. Здѣсь страннопріимный Симеонъ принялъ ихъ подъ гостепріимную сѣнь своей обители. Узнала Хіонія Яковлевна, гдѣ укрылся ея сожитель, собралась наскоро и прискакала въ Лаврентьевъ, торопясь, чтобы застать мужа, пока еще онъ не надѣлъ иноческой мантіи. Три дня, три ночи проплакала она у воротъ монастыря, не допустили ее на свиданіе, дали на возвратный путь денегъ, и она воротилась въ Кременчугъ. Андрей Шапошниковъ, постригшись въ иночество и получивъ имя Аркадія, пріобрѣлъ, какъ сказано выше, большое вліяніе на дѣла монастырскія и снискалъ уваженіе лаврентьевской братіи.

путь, *только не принимай къ себѣ Хіонію Я., ибо она неспособна къ сему житію; пусть молится на мѣстѣ, идѣ же пребываетъ, если же и она покусится сюда, то я не пребуду здѣсь, но отыду въ дальній путь, амо же Богъ наставитъ;* сего не разглашай никому, а умолчи; пиши въ Яссы, на имя Якова Ивановича Желѣзникова». Это письмо писано Аркадіемъ еще до посвященія его въ епископы, т.-е. до 1851 года. Понятно, почему онъ, еще съ 1847 года хлопотавшій о полученіи архіерейскаго омофора (хотя и не вѣрилъ въ правильность бѣлокриницкой іерархіи), такъ боится своей сожительницы, что хочетъ даже въ случаѣ прибытія ея въ Славу бѣжать «амо же Богъ наставитъ», тоесть попросту сказать — куда глаза глядятъ. Не говоря уже о томъ, что въ Кременчугѣ въ свое время были, быть-можетъ, и невѣрные, злорѣчивые толки о зазорномъ будто бы поведеніи Хіоніи Яковлевны (а жену оплазиву не подобаетъ имѣти священному чину), прибытіе ея въ Славу огласило бы тщательно скрываемую до тѣхъ поръ Аркадіемъ тайну, что былъ онъ женатъ на вдовѣ. По церковнымъ правиламъ, кто былъ женатъ на вдовѣ, не можетъ быть и дьякономъ, не только архіереемъ. Въ «Памятникѣ происходящихъ дѣлъ Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря» подъ 9-мъ августа 1847 года, № 33, читаемъ: «Прибыли сего числа изъ Гурціи отъ задунайскихъ некрасовцевъ въ Бѣлую Криницу депутаты изъ обители Славской: инокъ Евфросинъ, изъ казаковъ Григорій Архиповъ и Исай Ивановъ, изъ купцовъ: Савва Ивановичъ Рукавишниковъ и Онисимъ Ивановичъ съ сыномъ, и представили митрополиту Амвросію трехъ благоговѣйныхъ иноковъ: двухъ Аркадіевъ и Іакова, которыхъ и просятъ хиротонисать для ихъ задунайскихъ обществъ: перваго во епископа, второго во священноиноки, третьяго во дьяконы. Повелѣно митрополитомъ: быть собору для лучшаго разсмотрѣнія и постановленія задунайскимъ обществамъ епископа и послѣдующихъ». Подъ № 34, отъ 11-го августа, въ томъ же «Памятникѣ происходящихъ дѣлъ Бѣлокриницкихъ» читаемъ: «По благоусмотрѣнію господина митрополита Амвросія и освященнаго собора: инока Аркадія Дороѳеева во епископы, инока Іакова въ дьяконы, а другой Аркадій сильно заболѣлъ». Такимъ образомъ Аркадій Дороѳеевъ, по фамиліи Лысый, находившійся потомъ съ 1854 года въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ, предназначавшійся во священники, поставленъ былъ во епископы, а кандидатъ въ архіереи Аркадій Шапошниковъ, бывшій настоятелемъ Лаврентьева монастыря, не удостоенъ Амвросіемъ даже дьяконства. Онуфрій, бывшій намѣстникъ Бѣлокриницкаго монастыря, находившійся на этомъ соборѣ и вообще заправлявшій дѣломъ постановленія старообрядскихъ архіереевъ, затѣмъ инокъ московскаго Никольскаго единовѣрческаго, что на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, монастыря,

Онъ былъ одаренъ обширнымъ умомъ и рѣдкою энергіей. Въ Лаврентьевѣ онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и строго соблюдалъ иноческія правила. На совѣтахъ мнѣнія его преобладали надъ мнѣніями прочихъ. Онъ отличался въ средѣ лаврентьевской братіи разнообразною и обширною начитанностью и умѣлъ хорошо писать — ясно, кратко, выразительно, хотя и весьма крупнымъ, прямымъ почеркомъ, который знакомъ намъ по архиву министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ сохраняется немало автографовъ Аркадія въ многочисленныхъ прошеніяхъ, подаваемыхъ имъ передъ закрытіемъ монастыря Лаврентьева. Не покидалъ Аркадій и въ обители, гдѣ водворился, кременчугскаго своего занятія: писалъ иконы. Доселѣ съ особеннымъ уваженіемъ хранятся у иныхъ старообрядцевъ образа́ его кисти. Необыкновенная память, рѣдкая быстрота соображенія, всегдашнее умѣнье найтись и благоразумно поступить въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ — отличали Аркадія отъ прочей лаврентьевской братіи. Громовы были въ восторгѣ отъ него, и старики петербургскаго Королёвскаго общества доселѣ не могутъ нахвалиться такимъ „знаменитымъ мужемъ", каковъ былъ Аркадій. Старообрядцы, лично знавшіе Аркадія въ Лаврентьевѣ, единогласно отзываются о нравственныхъ его качествахъ съ большою похвалой. При другой обстановкѣ, въ другой средѣ, изъ этого человѣка долженъ бы былъ выработаться рѣдкій и замѣчательный дѣятель.

объясняетъ, что Амвросій и бѣлокриницкій соборъ не удостоили Аркадія Шапошникова архіерейскаго сана именно потому, что онъ былъ женатъ на вдовѣ, и что тогда же было рѣшено первопрестольнымъ старообрядскимъ митрополитомъ, чтобъ Аркадій Шапошниковъ никогда во всю свою жизнь не былъ удостоиваемъ никакихъ священныхъ должностей, ибо посвященіе женатаго на вдовѣ не дѣйствительно, и таковой епископъ, по правиламъ святыхъ отецъ, не есть епископъ. Но, чтобы не подать повода къ соблазну, посовѣтовали Аркадію Шапошникову притвориться больнымъ, что̀ онъ и сдѣлалъ. Но ему очень хотѣлось омофора. Строгій до другихъ относительно соблюденія церковныхъ правилъ, Аркадій былъ весьма снисходителенъ къ себѣ; онъ постарался замять о женитьбѣ на вдовѣ и въ 1854 году, при смутныхъ обстоятельствахъ края (Добруджи во время крымской войны), успѣлъ достичь архіерейства. А между тѣмъ Хіонія Яковлевна еще года за четыре до архіерейства своего супруга стала собираться въ Славу, неподалеку отъ сожителя «душу спасать». Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Аркадію пришлось бы бѣжать изъ Славы «амо же Богъ наставитъ». Дѣло однако обошлось благополучно. Хіонія Яковлевна осталась въ Россіи, а супругъ ея сдѣлался преосвященнымъ владыкой. Говорятъ, будто дѣло сладилось на деньгахъ, будто епископъ Аркадій исправно выплачивалъ своей супругѣ въ извѣстномъ размѣрѣ пенсію, чтобъ она не ѣздила за границу. Говорятъ, будто и пасынки преосвященнаго получаютъ отъ него гораздо больше, чѣмъ выручаютъ за овчины, за то, чтобы молчали, въ какой степени свойства приходятся они владыкѣ славскому. Не знаемъ, жива ли теперь (1867) Хіонія Яковлевна и гдѣ она пребываетъ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ она здравствовала въ Кременчугѣ и извѣстна была подъ именемъ *владычицы*, на томъ основаніи, что покинувшій ее супругъ достигъ сана преосвященнаго владыки.

Аркадій сдѣлался игуменомъ Лаврентьева монастыря въ 1832 году. Въ это же время гомельское имѣніе перешло въ другія руки. Покровительствовавшій старообрядцамъ этого имѣнія не менѣе своего брата, графъ Сергѣй Петровичъ, послѣдній въ родѣ Румянцевыхъ, не имѣлъ законныхъ наслѣдниковъ, но у него были три побочныя дочери, по фамиліи Кагульскія, въ память славной побѣды ихъ дѣда, которымъ нельзя было по закону передать родового имѣнія. Чтобъ обратить его въ деньги, надо было продать. Но румянцевскія имѣнія были изъ такихъ, какія по своей многоцѣнности не всегда могутъ имѣть покупателей. Счастливый случай помогъ графу. За взятіе Варшавы въ 1831 году императоръ Николай осыпалъ поистинѣ царскими милостями фельдмаршала князя Паскевича, въ числѣ данныхъ ему наградъ былъ милліонъ рублей на покупку имѣнія. Узнавъ о желаніи Румянцева продать гомельское имѣніе, Паскевичъ поручилъ одному изъ пользовавшихся его довѣренностью офицеровъ осмотрѣть его. Обозрѣвая продажную вотчину, довѣренный фельдмаршала встрѣтился съ Аркадіемъ, который доставилъ ему немало свѣдѣній о дѣйствительномъ положеній румянцевскаго имѣнія и способствовалъ выгодному для покупщика окончанію дѣла. Когда покупка была совершена и гомельская вотчина перешла къ князю Паскевичу, въ видѣ заповѣднаго майората безъ переоброченія, Аркадій, въ награду за свое усердіе, просилъ позволенія представиться фельдмаршалу въ Варшавѣ. Паскевичъ охотно согласился на это, и въ концѣ 1834 года Аркадій, вмѣстѣ съ монахомъ Іоилемъ *), отправился въ Варшаву. Ласково были они приняты намѣстникомъ Царства Польскаго и изъяснили ему о нуждахъ своего и другихъ старообрядскихъ монастырей, устроенныхъ въ гомельскомъ имѣніи. Паскевичъ подтвердилъ права, данныя этимъ монастырямъ Румянцевыми, и, прощаясь съ Аркадіемъ и Іоилемъ, въ январѣ 1834 года, далъ имъ нѣчто въ родѣ охраннаго листа на проѣздъ до Лаврентьева, за собственноручнымъ подписомъ и приложеніемъ намѣстнической печати. Этотъ документъ, найденный въ 1854 году при обыскѣ у жившей въ Клинцахъ сестры Аркадія, Татьяны Черкасовой, находится нынѣ въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вотъ онъ:

„Могилевской губерніи, Бѣлицкаго уѣзда, старообрядческаго Лаврентьева монастыря, въ имѣніи моемъ состоящаго, настоятель Аркадій и инокъ Іоиль, пріѣзжавшіе въ Варшаву для личнаго объясненія со мною по дѣламъ своего и другихъ двухъ, тамъ же находящихся старообрядческихъ монастырей, отправляются отсюда обратно, почему, въ полномъ вниманіи къ подъятому ими для столь дальняго путешествія труду, желая предохранить ихъ отъ всякихъ на обратномъ пути остановокъ, прошу гг. начальниковъ, по предъявленіи имъ сего, дѣлать по-

*) Калужскій мѣщанинъ Иванъ Лаврентьевъ Поповъ, жившій въ Лаврентьевомъ монастырѣ съ 1815 года. Это не тотъ Іоиль, который впослѣдствіи ушелъ изъ Лаврентьева за границу.

мянутымъ инокамъ свободный пропускъ и въ случаѣ надобности оказывать имъ законное покровительство. Въ Варшавѣ. 28-го января 1835 года. Намѣстникъ Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ *князь Варшавскій*".

Намѣстникъ въ этомъ листѣ Аркадія и Іоиля, можно сказать офиціально, называетъ—одного настоятелемъ, а другого инокомъ, хотя это и противорѣчило высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 21-го декабря 1817 г. и закону, вошедшему въ изданный уже тогда „Сводъ Законовъ" *). Впослѣдствіи, находясь въ рукахъ такого ловкаго человѣка, какъ Аркадій, листъ князя Паскевича вводилъ въ заблужденіе многихъ раскольниковъ. Очевидно, что всѣ отношенія намѣстника Царства Польскаго къ лаврентьевскому настоятелю ограничивались нѣкоторыми услугами послѣдняго и обѣщаніемъ новаго владѣльца гомельскаго имѣнія не нарушать данныхъ Румянцевыми правъ старообрядскимъ монастырямъ на пользованіе лѣсомъ и участками пахотной и сѣнокосной земли: но впослѣдствіи, когда началось дѣло устройства русскими старообрядцами въ австрійскихъ владѣніяхъ митрополичьей каѳедры, документъ Паскевича, какъ сказываютъ, игралъ роль немаловажную. Полученіе его Аркадіемъ было одновременно съ началомъ исканія архіерейства. Впослѣдствіи, когда иные вліятельные старообрядцы опасались принимать дѣятельное участіе въ этомъ предпріятіи, говоря, что осуществленіе его есть противленіе волѣ государевой, что оно можетъ повредить всему старообрядскому обществу, ловкіе люди, въ родѣ Аввонія Кочуева или братьевъ Великодворскихъ, убѣждали нерѣшительныхъ тѣмъ, что будто бы основаніе заграничной іерархіи не противно волѣ государя. Конечно, говорили они имъ, государь не допуститъ учрежденія митрополіи въ самой Россіи, но онъ ничего не имѣетъ противъ учрежденія ея за границей или даже въ Царствѣ Польскомъ. Такой близкій къ царю человѣкъ, такой довѣренный сановникъ, какъ князь Паскевичъ, говорили они, нарочно вызывалъ настоятеля лаврентьевскаго въ Варшаву для совѣщаніи по этому предмету. Довѣрчивый вѣрилъ на слово, а менѣе довѣрчивому ловкіе люди совѣтовали съѣздить въ Лаврентьевъ монастырь и попросить игумена Аркадія только показать ему „Паскевичеву бумагу". Онъ показывалъ ее охотно, ибо она льстила его самолюбію, и видѣвшіе вѣрили во все и сами увѣряли другихъ.

Несмотря на энергическія усилія, принимаемыя Аркадіемъ, благочиніе въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, которымъ онъ славился при игуменѣ Симеонѣ, быстро стало падать. Безъ сомнѣнія, главнѣйшею причиною того было прекращеніе патронатства Румянцевыхъ. Страху лаврентьевскимъ инокамъ не стало, вотъ причина возникшихъ въ монастырѣ неслыханныхъ дотолѣ безпорядковъ. Прежде всего пьянство во-

*) «Сводъ Закон.» т. XVI. Уставъ о предупр. и пресѣчен. преступл., ст. 61.

дворилось въ иноческихъ келіяхъ, суровыя мѣры Аркадія не могли его уменьшить: упившіеся иноки ни во что ставили стараго игумена, приказанія его не исполняли, чуть не каждый день затѣвали крамолу. Унять безчинниковъ было некому и нечѣмъ, ибо боязнь, что самъ Румянцевъ вмѣшается въ дѣло, прекратилась. Говорятъ, будто бы Аркадій жаловался на безчиніе иноковъ въ письмѣ къ Паскевичу, но фельдмаршалъ не только себя, но и управленіе своей гомельской экономіи устранилъ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла монастырей и отъ опеки надъ нравственностью старообрядскихъ иноковъ. Иные изъ строгихъ подвижниковъ, не стерпя возникшихъ въ Лаврентьевой обители безобразій, покинули ее. Монастырь отъ того не опустѣлъ. Иноковъ стало даже больше, чѣмъ при Симеонѣ, но почти всѣ они были „слабы житіемъ" и ходили „по волямъ своимъ". Немало мучился съ ними Аркадій, ревностно желавшій возстановленія благочинія, которымъ прежде славился управляемый имъ монастырь, но силъ его недоставало. Прежде иноки Лаврентьева и другихъ гомельскихъ монастырей видались между собой только разъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ, на базарѣ въ Гомелѣ, куда сходились продавать свои рукодѣлья, собирать подаянія за поминовенія и потолковать между собою объ общихъ дѣлахъ. Теперь чуть не каждый день стали они бродить въ Гомель и обыкновенно возвращались оттуда мертвецки-пьяные. Иные пропадали по нѣскольку дней, иные шатались изъ монастыря въ монастырь другъ къ другу въ гости, и каждое гощеніе безъ водки не обходилось. Кромѣ гостей, отъ времени до времени стали появляться въ монастыряхъ и гостьи. Тщетно Аркадій началилъ братію, она его больше и слушать не хотѣла. Напрасно игуменъ приковывалъ пьяныхъ, какъ водилось прежде, при Румянцевѣ, къ цѣпи на поварнѣ: монахи съ цѣпи уходили, пропала наконецъ и самая цѣпь, и ее видѣли послѣ у какого-то жида въ шинкѣ. Благочестивые пустынножители ее пропили. Измученный Аркадій сознавалъ свое безсиліе: нерѣдко говаривалъ онъ близкимъ своимъ: „хоть бы ужъ поскорѣй запечатали нашъ монастырь!"

Еще болѣе заботы, еще болѣе опасеній причиняли Аркадію нѣкоторые обитатели Лаврентьева монастыря, люди трезвые, начитанные, строгой жизни и безукоризненные, но непокорные и властолюбивые. Примѣръ Іакова, хотѣвшаго, посредствомъ перехода въ единовѣріе и обращенія Лаврентьева монастыря въ единовѣрческій, достигнуть въ немъ игуменства, не остался безъ подражанія. Румянцевыхъ не стало, и некому было вновь отвратить отъ монастырей гомельскаго имѣнія грозившую въ тридцатыхъ годахъ всѣмъ старообрядскимъ монастырямъ участь упраздненія или обращенія въ единовѣрческіе. Въ Лаврентьевѣ и Макарьевѣ явились иноки, желавшіе сдѣлаться единовѣрцами. Игумены лаврентьевскій Аркадій и макарьевскій Матвѣй и преемникъ послѣдняго Ѳеофилактъ*) употребили всѣ средства, чтобъ избавиться какъ-

*) Игуменъ Макарьева монастыря Матвѣй (мѣщанинъ Огороденскаго общества, Бѣлицкаго уѣзда Могилевской губерніи, Мартынъ Васильевичъ

нибудь отъ этихъ людей. Въ то время въ Лаврентьевѣ водворился молодой инокъ Іоакимъ *), человѣкъ достаточный, съ большими связями въ старообрядскомъ мірѣ, начитанный, пылкій, всѣмъ увлекающійся и чрезвычайно нетерпѣливый. Онъ былъ трезвой жизни и врагъ всякихъ безпорядковъ въ иноческомъ житіи, особенно же разврата, болѣе и болѣе водворявшагося въ Лаврентьевѣ монастырѣ. Другъ и землякъ его, Павелъ Андреевъ, отлично знавшій церковный уставъ, лучшій пѣвецъ въ монастырѣ и хорошо писавшій, былъ единомысленъ съ нимъ. Они успѣли составить партію изъ немногаго, впрочемъ, числа трезвыхъ монаховъ. Партіи этой хотѣлось на мѣсто Аркадія посадить Іоакима, а средство для того видѣли они въ принятіи единовѣрія. Но они скрывали такое намѣреніе до поры до времени, ибо при первомъ неосторожномъ

(Смирновъ) жилъ въ обители съ 1819 года; онъ былъ на игуменствѣ преемникомъ Евлогія, принявшаго въ 1825 году въ расколъ греческаго архимандрита Геронтія, управлялъ монастыремъ лѣтъ десять и въ 1840 г. оставилъ свою должность вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, но оставался жить въ томъ же монастырѣ. Преемникомъ его былъ Ѳеофилактъ (Черниговской губерніи, посада Климова, мѣщанинъ Ѳедоръ Матвѣевъ). Въ 1843 году изъ пятнадцати монаховъ Макарьева монастыря семеро изъявили желаніе присоединиться къ единовѣрію. Ѳеофилактъ, узнавъ, что правительство хочетъ монастырь его обратить въ единовѣрческій, вмѣстѣ съ Матвѣемъ подкопался ночью подъ запечатанную уже казенными печатями холодную часовню, поднялъ въ алтарѣ полъ, и оба игумена выбрали всю лучшую ризницу, утварь, древнія иконы, словомъ — все цѣнное и уважаемое старообрядцами. Послѣ того Матвѣй отправился куда-то за сборомъ. Ѳеофилактъ отправилъ въ Бѣлую-Криницу инока Галактіона (мѣщанинъ Огороденскаго общества Григорій Артемьевъ Кожемякинъ, 53 лѣтъ), а два послушника: Зиновій Ивановъ и Михаилъ Ивановъ (изъ Новаго-Крупца, 75 лѣтъ) отправились въ Малиноостровскій старообрядскій монастырь, Черниговской губерніи. Они-то и разнесли по разнымъ мѣстамъ богатое достояніе Макарьева монастыря, выкраденное двумя настоятелями. Когда Макарьевъ монастырь, по высочайшему повелѣнію 27-го ноября 1844 года, обращенъ былъ наконецъ въ единовѣрческій, у монаховъ не осталось даже хлѣба въ достаточномъ количествѣ — все вывезъ Ѳеофилактъ. Обокраденная Матвѣемъ и Ѳеофилактомъ церковь сгорѣла 22-го февраля 1867 года.

*) Московскій мѣщанинъ Иванъ Петровичъ Кашинъ, постриженникъ Лаврентьева монастыря. Родители его торговали пшеницей и были люди богатые. Іоакимъ имѣлъ большое знакомство и разъ, съѣздивъ въ Моршанскъ за сборомъ, привезъ оттуда, какъ было нами упомянуто, 7.000 рублей ассигнаціями. Онъ оставался въ Лаврентьевѣ до 1844 года, то-есть до самаго его уничтоженія. Послѣ того жилъ онъ въ черниговскихъ посадахъ и по другимъ мѣстамъ, познакомился съ Рахмановыми, особенно же сблизился съ Діонисіемъ (Дмитрій Андреевичъ Рахмановъ). Съ нимъ въ 1848 году поѣхалъ въ Керженскій скитъ (Нижегородской губерніи, Семеновскаго уѣзда), гдѣ въ іюлѣ былъ арестованъ за безписьменность и заключенъ въ тюрьму. Здѣсь въ началѣ 1849 года онъ присоединился къ единовѣрію. Послѣ того Іоакимъ жилъ нѣкоторое время въ Керженскомъ скиту, обращенномъ въ единовѣрческій монастырь въ томъ же 1849 году, и былъ рукоположенъ въ іеромонахи. Потомъ онъ жилъ въ Черниговской губерніи.

словѣ авторитетъ ихъ тотчасъ же бы палъ. Но Аркадій, проникнувъ замыслы ихъ, всею душой возненавидѣлъ Іоакима и Павла Андреева и вступилъ съ ними въ тайную, но упорную и дѣятельную борьбу. Напрасно старался Аркадій внушить братіи, что противники его идутъ по стопамъ Іакова, замышляютъ сдѣлать монастырь единовѣрческимъ, — Іоакимъ и сторонники его такъ были осторожны, что такія слова проникавшаго намѣренія ихъ игумена считались навѣтами, внушенными недоброжелательствомъ къ людямъ, открыто порицавшимъ нѣкоторыя изъ его распоряженій. Борьба съ Іоакимомъ для Аркадія была несравненно труднѣе, чѣмъ съ водворившимися въ его обители поборниками разгула.

По документамъ, которыми мы пользуемся, можно было бы представить пространное сказаніе о дѣяніяхъ сихъ поборниковъ разгула въ монастыряхъ гомельскаго имѣнія. Ограничимся сказаніемъ лишь объ одномъ старомъ и хромомъ гулякѣ — регистровомъ товарищѣ Колычевѣ, баснословные разсказы котораго, будучи усвоены Лаврентьевской братіей, содѣйствовали въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлу исканія архіерейства за предѣлами Россіи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ московскомъ университетѣ слушалъ лекціи медицинскаго факультета уроженецъ Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества, регистровый товарищъ Константинъ Константиновичъ Колычевъ. Онъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда поступилъ въ университетъ студентомъ, или вольнымъ слушателемъ, навѣрно не знаемъ. Почему-то курса онъ не кончилъ, по крайней мѣрѣ у него впослѣдствіи не было диплома на званіе врача. Живя въ Москвѣ, Колычевъ познакомился съ старообрядцами Рогожскаго согласія, а черезъ нихъ сблизился съ земляками своими, старообрядцами Стародубья. Онъ хлопоталъ о признаніи его въ дворянскомъ достоинствѣ, но не получилъ его, что̀ не помѣшало однакоже ему до конца жизни называться дворяниномъ, да еще принадлежащимъ къ старинной русской фамиліи Колычевыхъ и, на этомъ основаніи, родственникомъ святого Филиппа, митрополита московскаго, который, какъ извѣстно, былъ изъ этой фамиліи. У знакомыхъ московскихъ старообрядцевъ встрѣтился онъ однажды съ пріѣхавшими въ Москву за обычными сборами старицами Оленевскаго скита, что̀ на Керженцѣ, и узналъ отъ нихъ, что въ числѣ тамошнихъ обителей есть одна, основанная еще въ концѣ XVII столѣтія внукою брата митрополита, старообрядской инокиней, схимницею Анфисою Колычевою. Константинъ Константиновичъ сказался роднею и Анфисѣ, отправился на Керженецъ, былъ встрѣченъ тамъ съ большимъ почетомъ и немало веселыхъ дней и ночей провелъ въ обители мнимой родственницы, въ обществѣ молодыхъ инокинь и бѣлицъ. Потомъ разъѣзжалъ онъ по разнымъ старообрядскимъ общинамъ, живалъ на Дону, на Кубани, на Уралѣ и въ Сибири, и, сблизившись съ старообрядцами, самъ перешелъ въ поповщинское согласіе и записался въ купцы. Хотя Колычевъ и не

имѣлъ медицинскаго диплома, но лѣчилъ и даже составилъ себѣ извѣстность счастливымъ лѣченіемъ старообрядцевъ. Онъ собиралъ библіотеку и былъ прославленъ въ средѣ раскольниковъ за необычайно умнаго и ученаго человѣка. Въ 1805 г. Колычевъ сталъ печатать для старообрядцевъ книги. Извѣстно, что старообрядцы, воспользовавшись дозволеніемъ императрицы Екатерины II открывать всякому желающему вольныя типографіи, завели въ 1784 г. такую въ посадѣ Клинцахъ. Типографія эта, принадлежавшая тамошнему купцу Ѳедору Карташеву, была закрыта въ 1797 г., когда по повелѣнію императора Павла всѣ вольныя типографіи прекратили свою дѣятельность. Хотя въ 1801 году императоръ Александръ Павловичъ и согласился-было на возстановленіе въ Клинцахъ типографіи, чтобы перепечатывать въ ней до-никоновскія книги для старообрядцевъ, но, по мнѣнію ярославскаго архіепископа Павла, принятому всѣмъ святѣйшимъ синодомъ, въ Москвѣ учреждена была типографія единовѣрческая, получившая право монополіи на „переводы", то-есть на переписку старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ. Несмотря на то, въ 1805 г. старообрядцы завели двѣ типографіи безъ дозволенія правительства. Одну въ Клинцахъ завелъ тотъ же Карташевъ, другую въ мѣстечкѣ Яновѣ *) Константинъ Константиновичъ Колычевъ, бывшій въ то время кіевскимъ купцомъ. На деньги московскаго купца Дмитрія Ѳедорова (сто червонцевъ) купилъ онъ старообрядскую типографію у московскаго мѣщанина Павла Ивановича Селезнева, которую этотъ содержалъ тайно въ городѣ Махновкѣ, Кіевской губерніи. Посредствомъ факторовъ-евреевъ Колычевъ купилъ у Селезнева эту типографію лишь съ двумя станками, но значительно увеличилъ ее и работалъ въ Яновѣ на десяти и даже на двѣнадцати станкахъ. Ноября 24-го 1814 года Ѳедоровъ передалъ Колычеву въ управленіе Яновскую типографію по формально совершенной довѣренности. Для старообрядцевъ печаталось въ Яновѣ: „Страсти Христовы," „Житіе Василія Новаго", „О лжеучителяхъ, Аввы Доро̂ѳея", „Поученіе Іоанна Златоуста". „Псалтирь", „Часословъ", „Евангеліе", „Шестодневъ", „Толковыя Евангелія", „Канонники", „Ефремъ Сиринъ". Въ выходахъ этихъ книгъ обыкновенно выставлялось мѣсто печатанія и первоначальныя буквы именъ Колычева (К. К. К.) и купца Ѳедорова (Д. Ѳ.) Чтобы судить о количествѣ напечатанныхъ Колычевымъ книгъ, достаточно упомянуть, что типографія его существовала двѣнадцать лѣтъ (1805—1817), и что онъ самъ далъ показаніе графу Холоневскому **), производившему въ 1817 г. надъ нимъ слѣдствіе, что „книги изъ типографіи Яновской отпускаемы имъ были въ годъ четыре раза, количествомъ по одной ты-

*) Литинскаго уѣзда, Подольской губерніи.

**) Графъ Холоневскій, полякъ и католикъ, былъ владѣльцемъ Янова; онъ жилъ въ этомъ мѣстечкѣ, и ему, по званію маршала Литинскаго повѣта (литинскаго уѣзднаго предводителя), поручено было производство формальнаго слѣдствія надъ Колычевымъ.

сячѣ всякой отправки, въ Москву, къ довѣрителю его Ѳедорову". Стало-быть, Колычевымъ переслано изъ Янова къ московскимъ старообрядцамъ во все время существованія Яновской типографіи около сорока восьми тысячъ экземпляровъ. Колычевъ не ограничивался, впрочемъ, печатаніемъ однѣхъ книгъ для старообрядцевъ, онъ печаталъ вѣнчики и разрѣшительныя молитвы какъ старообрядцамъ, такъ и по заказамъ православныхъ священниковъ, напримѣръ, яновскаго протоіерея Степана Левицкаго. Кромѣ того Колычевъ печаталъ книги и для католиковъ, на польскомъ языкѣ: „Złoty Ołtarzyk", „Oficyuszki". „Elementarz", „Hrabia Olgorusky", словари польско-латинскій и русско-польскій. Печаталъ также и другія книги на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Всѣ этого рода книги печатаемы были имъ съ цензурнаго разрѣшенія отъ виленскаго университета. Типографія Колычева въ іюлѣ 1817 года была запечатана; тогда онъ переѣхалъ изъ Янова въ селеніе Майданъ-Почапинецкій и здѣсь снова завелъ тайную типографію съ однимъ станкомъ для печатанія старообрядскихъ книгъ; она сгорѣла 25-го октября 1821 года. Послѣ того Колычевъ сталъ заниматься больше лѣченіемъ, собирать травы и дѣлать лѣкарства, которыхъ при обыскѣ въ 1822 году нашлось у него нѣсколько шкаповъ. Но не могъ онъ разстаться съ полюбившимся ему печатнымъ дѣломъ: въ 1822 г. въ третій разъ завелъ тайную типографію и въ томъ же году отправилъ въ Москву съ купцомъ Избушкинымъ тысячу книгъ и шесть тысячъ букварей. Въ 1823 году, согласно съ мнѣніемъ московскаго архіепископа Филарета и тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, всѣ типографскія принадлежности и старообрядскія книги, отобранныя у Колычева въ Майданѣ-Почапинецкомъ и прежде того въ Яновѣ, были истреблены. Гражданскія книги, составлявшія библіотеку Колычева, и медикаменты, въ которыхъ не найдено ничего недозволеннаго, — ему возвращены *).

Съ 1817 года Колычевъ въ разныя судебныя мѣста и разнымъ лицамъ подавалъ множество просьбъ о возвращеніи ему типографіи, а потомъ о вознагражденіи его за истребленныя типографскія принадлежности и книги. Не получая желаемаго, рѣшился онъ снова приняться за тайное печатаніе старообрядскихъ книгъ, но уже за границей. Для того ѣздилъ онъ къ некрасовцамъ, но тѣ и слышать не хотѣли ни о типографіи ни о новопечатныхъ книгахъ. Говорили они: „тѣ только книги святы, что̀ напечатаны при патріархѣ Іосифѣ". За всякія другія вводителя новшествъ обѣщали „намочить", то-есть въ куль да въ воду. Года четыре пробылъ Колычевъ за границей, побывалъ въ Константинополѣ, пробирался къ казакамъ, живущимъ въ Малой Азіи, но едва убрался оттуда по-добру по-здорову. Во время начавшейся у насъ войны съ турками въ 1828 году былъ онъ еще у некрасовцевъ, потомъ

*) О старообрядскихъ типографіяхъ помѣщаемъ особое приложеніе.

какъ-то перебрался въ русскій лагерь, а отсюда вышелъ въ Россію. Но желаніе завести вновь типографію не покидало Колычева, и вздумалъ онъ устроить четвертую на своемъ вѣку тайную типографію въ монастырѣ Лаврентьевѣ, куда и пришелъ въ 1829 году. Въ это время было ему уже лѣтъ подъ семьдесятъ, давно уже онъ былъ хромъ и ходилъ на костыляхъ. Съ большимъ почетомъ принятъ былъ Колычевъ игуменомъ Симеономъ, братія взирала на него съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на дворянина-старообрядца *), хотя въ дѣйствительности онъ и не имѣлъ дворянскаго достоинства, какъ на мнимаго родственника святого Филиппа, какъ на странствователя по дальнимъ зарубежнымъ старообрядскимъ „палестинамъ", какъ на врача-старообрядца и наконецъ какъ на великаго ревнителя по „древлему благочестію", претерпѣвшаго столько бѣдъ за распространеніе полезныхъ у старообрядства книгъ. Заведеніе въ Лаврентьевѣ типографіи было по мысли приближавшемуся ко гробу отцу Симеону и ближайшимъ къ нему инокамъ. И слава и большіе барыши отъ распродажи книгъ обольщали ихъ. Надѣясь, что подъ крѣпкою защитой графа Сергѣя Петровича Румянцева они безпрепятственно поведутъ печатное дѣло, они отвели Колычеву особую, помѣстительную келью, гдѣ предположено было поставить и станокъ. Типографія однако не состоялась. Кажется, самъ Румянцевъ

*) Старообрядцы всѣхъ толковъ чрезвычайно дорожатъ дворянами, принадлежащими къ ихъ согласіямъ. Не говоря о томъ, что они весьма почитаютъ единовѣрцевъ своихъ, дворянъ изъ казаковъ уральскихъ, кубанскихъ, терскихъ и донскихъ, всегда они съ гордостью упоминаютъ о князьяхъ Мышецкихъ (братьяхъ Денисовыхъ), о Спиридонѣ Потемкинѣ, Ѳедорѣ Токмачевѣ (устроителѣ скитовъ на Керженцѣ), объ Анисѣ Колычевой, основательницѣ обители въ Оленевѣ, о княжнѣ Болховской, двоюродной сестрѣ царицы Евдокіи Ѳедоровны, основательницѣ обители Бояркиныхъ въ скитѣ Комаровѣ, о галицкой помѣщицѣ Свѣчиной, основательницѣ скита Улангерскаго, и проч. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія жилъ въ одномъ изъ Керженскихъ скитовъ (Улангерѣ) инокъ Іона Сухонинъ. Онъ былъ мелкопомѣстный дворянинъ того же Семеновскаго уѣзда, въ которомъ находился и скитъ, пріютившій его. Несмотря на то, что Іона Сухонинъ былъ полоумный, онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ старообрядцевъ. До высылки въ 1853 г. изъ Керженскихъ скитовъ постороннихъ лицъ, жила въ Улангерѣ вдова одного гофъ-фурьера: на нее смотрѣли какъ на боярыню, удалившуюся отъ царскаго двора ради правой вѣры. Въ обители Бояркиныхъ скитскія матери съ гордостью показывали на вѣнцѣ храмового ихъ образа Нерукотвореннаго Спаса александровскую ленту и орденъ, которые были привѣшены къ нему основательницей обители, княжной Болховскою въ XVIII столѣтіи. Орденскіе знаки достались ей по смерти внучатнаго ея племянника, генералъ-аншефа Василія Абрамовича Лопухина, у котораго она жила въ домѣ до уклоненія въ расколъ и до поступленія въ скитъ. Нѣкоторые видятъ въ раскольникахъ демократическое направленіе; напротивъ, раскольники очень любятъ разные знаки отличія, а дворянами, находящимися въ средѣ ихъ, всегда гордились и теперь гордятся. Слово «боярскаго рода» у нихъ много значитъ. Даже и лжедворяне, въ родѣ Константина Константиновича Колычева, у нихъ бываютъ въ немалой чести.

не одобрилъ затѣй своихъ „подданныхъ". Колычевъ остался однако въ монастырѣ и вмѣсто шрифтовъ, кассъ и станковъ наполнилъ свою келью лѣкарствами. Самъ собиралъ травы, самъ сушилъ ихъ, самъ составлялъ лѣкарства. Стали къ нему стекаться больные изъ окрестныхъ мѣстъ, и не только старообрядцы, но и православные, католики и даже евреи. Слава о безмездномъ врачѣ-безсребренникѣ распространилась по Бѣлоруссіи: иные, конечно, считали его знахаремъ, колдуномъ, увѣряя, что на снадобья онъ что-то нашептываетъ, заговоры говоритъ. Сперва Колычевъ въ самомъ дѣлѣ не бралъ денегъ за лѣченіе, но по смерти Симеона, случившейся вскорѣ по водвореніи врача-типографщика въ обители Лаврентьевой, не сталъ онъ отказываться отъ посильнаго вознагражденія за врачеваніе, впрочемъ, не иначе, какъ бутылками и штофами, которые и распивалъ съ самими болящими и съ винолюбивыми иноками, къ немалому горю Михаила. Не зналъ игуменъ, какъ и быть съ Колычевымъ: съ каждымъ днемъ онъ больше и больше спаивалъ честную братію. И жаль было Михаилу прогнать такую знаменитость, и не могъ онъ оставаться равнодушнымъ, видя, какъ славный мужъ распространяетъ въ пустынной обители горькое пьянство. Одинъ случай рѣшилъ наконецъ судьбу Колычева, избавивъ отца Михаила отъ нашедшей на монастырь напасти. Къ Колычеву, какъ уже сказано, приходили изъ разныхъ мѣстъ больные разными недугами за исцѣленіемъ. Которые были „по древлему благочестію" и лѣченіе которыхъ требовало немало времени, тѣхъ оставляли въ Лаврентьевой обители на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, и жили такіе въ кельѣ Колычева или по сосѣдству съ нею. Однажды привезли къ безмездному врачу двухъ дѣвушекъ: одну четырнадцатилѣтнюю съ ракомъ на груди, другую семнадцатилѣтнюю съ бѣльмомъ на глазу. Обѣ были помѣщены въ кельѣ сѣдого какъ лунь и хромого Колычева. Онъ началъ ихъ пользовать. Черезъ нѣсколько времени родители той и другой жаловались игумену и братіи, что престарѣлый врачъ обѣимъ дѣвушкамъ сдѣлалъ насиліе. Нашлись тому неоспоримыя доказательства. Молва о преступленіи Колычева распространилась, родители обезчещенныхъ дѣвушекъ потребовали отъ монастыря значительное денежное вознагражденіе, грозя въ противномъ случаѣ судебнымъ преслѣдованіемъ. Дѣлать было нечего. Михаилъ поспѣшилъ удовлетворить обиженныхъ изъ монастырской казны, по общему приговору соборныхъ старцевъ, а Колычева съ позоромъ изгнали изъ монастыря, задержавъ все его имущество для пополненія суммы, заплаченной монастыремъ. Старый сластолюбецъ, на костыляхъ, съ мѣшкомъ за плечами, побрелъ въ Москву. Здѣсь жилъ онъ до конца сороковыхъ годовъ, шатаясь изъ дома въ домъ и питаясь подаяніемъ. Онъ умеръ въ Москвѣ, будучи девяноста лѣтъ отъ роду и почти совершенно выживъ изъ ума.

Въ Лаврентьевѣ Колычевъ прожилъ года три либо четыре, то-есть все почти время настоятельства отца Михаила. Былъ онъ человѣкъ

словоохотливый и умѣлъ красно говорить, а будучи выше всѣхъ жителей обители по образованію, естественно увлекалъ ихъ разсказами. Много видалъ онъ на своемъ вѣку, много странствовалъ по сушѣ и по морямъ и любилъ разсказывать про видѣнное и слышанное, не скупясь при этомъ на прикрасы собственнаго вымысла. Разсказывалъ онъ про житье-бытье старообрядцевъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, про скиты и монастыри, про жительство отшельниковъ въ лѣсахъ Пермскихъ, Кайгородскихъ и Ветлужскихъ, про гробницы разныхъ старообрядскихъ угодниковъ: разсказывалъ чудныя повѣсти о невидимыхъ градахъ и монастыряхъ, о славномъ озерѣ Свѣтлоярѣ, о Бѣловодьѣ или Опонскомъ царствѣ, куда будто бы самъ ходилъ. Разсказывалъ онъ и про житье „славнаго войска Кубанскаго“, то-есть некрасовцевъ, про житье потомковъ казаковъ, живущихъ въ Майносѣ и около Синопа; разсказывалъ наконецъ и о такихъ заграничныхъ поселеніяхъ русскихъ старообрядцевъ, какихъ никогда и не бывало. Лаврентьевцы заслушивались разсказовъ Колычева и во всемъ вѣрили ему на-слово.

Легковѣрныхъ собесѣдниковъ красноглаголиваго Колычева не столько интересовали разсказы его про житье некрасовцевъ и про разныя диковинки, будто бы видѣнныя и слышанныя имъ во время дальнихъ странствованій, какъ баснословныя сказанія его о небывалыхъ старообрядскихъ церквахъ и при нихъ епископахъ, пребывающихъ будто бы на Востокѣ. Колычевъ увѣрялъ, что самъ онъ видалъ старообрядскіе монастыри и великія лавры, и не только епископовъ и митрополитовъ, но самого даже патріарха антіохійскаго, цѣло сохранившаго „древлее благочестіе“. „Былъ я, — сказывалъ онъ: — за Египтомъ, живутъ тамъ старообрядцы русскаго языка, во области, нарицаемой Емакань: тамъ у нихъ истинная вѣра сіяетъ какъ солнце: много церквей и монастырей, много святыхъ мощей и чудотворныхъ иконъ, и есть тамъ епископы истинно-древлей православной вѣры: молятся и благословляютъ въ два перста, аллилуію сугубятъ и служатъ на семи просфорахъ. А то еще на Черной Горѣ, за Сербской землей, гдѣ подвизался преподобный Никонъ Черныя Горы и писалъ „Уставъ“, тамъ есть свой „древляго благочестія“ епископъ, онъ и землею правитъ по закону церковному, а не по гражданскому“. Такимъ образомъ Колычевъ и черногорскаго владыку сдѣлалъ въ своихъ разсказахъ старообрядцемъ. Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ того, какъ баснословилъ онъ въ Лаврентьевѣ, старообрядскіе искатели архіерейства въ самомъ дѣлѣ пробрались-было къ черногорцамъ, но едва убрались отъ нихъ цѣлы. Разсказывалъ Колычевъ и про „стрѣльцовъ“, будто бы ушедшихъ изъ Россіи отъ гоненій на старую вѣру въ Персію и тамъ досслѣ будто бы соблюдающихъ „древлее благочестіе“ ни въ чемъ неизмѣнно и имѣющихъ своихъ епископовъ, зависящихъ отъ патріарха антіохійскаго.

Много было толковъ между старообрядцами, жившими въ Бѣлоруссіи и Стародубьѣ, по поводу розсказней хромого паломника. Переходя изъ

устъ въ уста, они дѣлались болѣе и болѣе баснословными и даже принимали характеръ фантастическій. Къ сказочнымъ сокровеннымъ святымъ мѣстамъ старообрядцы не замедлили пріурочить чуть не рай небесный. Въ тѣхъ мѣстахъ, благословенныхъ Господомъ, разсказывали досужіе повѣствователи, въ тѣхъ мѣстахъ, уготованныхъ самимъ Царемъ Небеснымъ для Своихъ избранныхъ, каждый, какъ во дни Соломона, живетъ подъ виноградомъ своимъ, подъ своею смоковницей; земли тамъ не пашутъ, хлѣбъ самъ родится; рыбы въ рѣкахъ такое множество, что зачерпни только ведромъ — и вынешь рыбы столько, что цѣлый день большая семья сыта будетъ. За скотомъ ухода никакого, безъ пастуховъ стада пасутся по тучнымъ пажитямъ, а къ вечеру коровы сами подходятъ къ домамъ, чтобъ ихъ подоили. Работать не надо, живи вѣкъ свой, руки сложа, только благодари Господа за Его милости. И между людьми тамошними ни ссоръ ни вражды не бываетъ: живутъ они въ мирѣ, въ любви да совѣтѣ; судовъ нѣтъ, для того, что судить некого: не бываетъ въ тѣхъ блаженныхъ мѣстахъ преступленій, нѣтъ у тамошнихъ людей никакихъ пороковъ, всѣ живутъ яко ангели на небесѣхъ, оттого и начальства нѣтъ никакого, кромѣ духовныхъ отцовъ и епископовъ.

Этимъ не удовольствовались слагатели басенъ. Еще до 1830 года ходилъ между старообрядцами слухъ, передаваемый, впрочемъ, за великую тайну, о благочестивомъ Персидскомъ царствѣ. Колычевъ говорилъ только про „стрѣльцовъ", будто бы живущихъ въ Персіи; какой-то досужій языкъ прибавилъ, что тамъ, у этихъ „стрѣльцовъ", у сей „благочестивой Христовой рати небреемой", пребываютъ не только истинные, старой вѣры епископы, бояре и вои, но самъ царь древлеблагочестивый, прямой потомокъ царя Михаила Θеодоровича Романова. Вотъ отрывокъ изъ письма, отправленнаго изъ Стародубья въ Керженецъ въ іюлѣ 1830 г.:

„Еще же повѣдаю вамъ, матушка, какъ Христосъ хранитъ непорочную невѣсту Свою, святую церковь, по неложному Своему обѣщанію, что пребудетъ съ нами на землѣ до скончанія вѣка. Истинные свидѣтели отъ нашихъ христіанъ подъ клятвою увѣряютъ, что въ Персидской землѣ много обрѣтается нашихъ древлеблагочестивыхъ христіанъ, бѣжавшихъ изъ Россіи отъ огнепальнаго гоненія Никона патріарха. Идѣ же святый мученикъ Іаковъ, за Христа пострадавый (зри о семъ въ „Прологѣ" 27-го ноября), тамо нынѣ благочестіе сіяетъ, яко свѣтило. Не точію священнаго чина инокоъ исполнена страна та, но и епископы древлеблагочестивые въ ней есть, имѣютъ даже царя своего, благовѣрнаго и христолюбиваго. Егда Никонъ патріархъ возвѣя на церковь всемрачную бурю и ересей море великое и пространное на Россійское царство испусти, царь же Алексій Михайловичъ и весь синклитъ и вся вои вослѣдъ онаго отца ересемъ пошли, тогда убо старѣйшій царевичъ, царя Алексія Михайловича сынокъ, не восхотѣлъ отступити отъ истинно-древней православной вѣры и крѣпко утвердися въ староцерковномъ благоче-

стіи. И воздвиже на него царь гнѣвъ свой, и томленъ бысть царевичъ во единой отъ царскихъ палатъ, яко въ темницѣ. обаче ни поколебати ни къ своимъ волемъ преклонити не возмогоша. И бѣжа тотъ старѣйшій царевичъ, съ благочестивыми стрѣльцами и съ казаками, за море, въ Персидскія страны и пріятъ бысть персидскимъ царемъ набожно (?), испроси у него земли ради населенія съ тѣми стрѣльцами и казаками... И устроилъ тамо благовѣрное царство и пріятъ отъ антіохійскаго патріарха, благочестива суща, митрополита и епископовъ, священный же и иноческій чинъ и доживе до старости, устрояя царство, честнѣ животъ свой скончa, на царство же Персидское благослови сына своего старѣйшаго. И до дней нашихъ царскій благочестивый корень тамо не изсяче. Аще и не пространно царство, обаче по Спасову словеси: „не бойся, малое стадо", благочестіемъ сіяюще, яко до Никона патріарха вся Россія сіяла, то малое царство пребываетъ десницею Господнею прикровенно. И выходу оттуда благочестивымъ христіаномъ въ наши мѣста нѣтъ, приходящихъ же туда нашихъ христіанъ съ великою радостію пріемлютъ. Тако сіяетъ сокровенная Божія церковь, чистая и непорочная невѣста Христова, и такое Божіемъ милосердіемъ соблюдается царство то благочестивое по писанію, яко имать церковь быти до скончанія вѣка и врата адовы не одолѣютъ. Истинно извѣщаю вамъ, матушка пречестная инокиня Екатерина, что нѣкіе отъ нашихъ христіанъ ходили въ Еросалимъ (Iерусалимъ) поклонитися живоносному гробу Господню и святымъ мѣстамъ спасительныхъ страстей Христовыхъ и доходили до того мѣста, и въ томъ безъ сумнѣнія подъ клятвою утверждаютъ" *).

Такимъ образомъ память о самозванцѣ-царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ, бывшемъ у Стеньки Разина (ходившаго и въ Персію), воскресла въ средѣ старообрядцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія. Пущенная въ ходъ, вѣроятно, вслѣдствіе баснословныхъ сказаній Колычева, сказка о Персидскомъ царствѣ и о царѣ изъ дома Романовыхъ поддерживалась отчасти и солдатами изъ старообрядцевъ, воротившимися изъ персидскаго похода 1826 года. Вслѣдствіе извѣстной склонности нашихъ солдатъ, побывавшихъ въ дальнихъ походахъ, разсказывать сельщинѣ - деревенщинѣ разныя диковинки съ обильнымъ украшеніемъ краснымъ словцомъ, басня о раскольничьемъ царствѣ въ Персіи разошлась по разнымъ мѣстностямъ **). Въ своемъ мѣстѣ мы

---

*) Письмо отъ 13-го іюля 1830 г., подписанное *г. и. Е.*, то-есть «грѣшная инокиня Е.» (вѣроятно, ѣздившая за сборами), къ игуменьѣ Екатеринѣ, бывшей въ Комаровскомъ скитѣ, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

**) Замѣчательно, что изданная въ 1831 году (то-есть во время распространенія толковъ о мнимомъ персидскомъ царѣ изъ дома Романовыхъ) книжка г. Берха: «Царствованіе царя Алексѣя Михайловича», въ которой едва ли не впервые въ русской печати говорилось о самозванцахъ-царевичахъ Алексѣѣ и Симеонѣ Алексѣевичахъ (1—261 и 279), разошлась въ значительномъ числѣ экземпляровъ между старообрядцами. Въ любомъ

разскажемъ, какъ искатели архіерейства устремились въ персидскіе предѣлы, претерпѣвая страшныя лишенія въ пустынныхъ мѣстахъ Малой Азіи, и гибли тамъ отъ болѣзней, тщетно разыскивая благочестивое царство. Сколько силъ по пустякамъ растрачено было на эти исканія! При иной обстановкѣ, при иномъ образованіи, люди, погибшіе отъ болѣзней въ пустыняхъ, могли бы стать на ряду съ самоотверженными путешественниками изъ Западной Европы, проникавшими въ неизвѣданную глубину Африки и во внутренность австралійскаго материка. Нельзя не сочувствовать энергіи и самоотверженію русскихъ людей, пускавшихся въ многотрудныя дальнія странствія, но нельзя и не сожалѣть, что ихъ силы потрачены были лишь на разысканіе небывалыхъ архіереевъ и баснословнаго царя.

Во время Рогожскаго собора, бывшаго въ началѣ 1832 года, когда зашла рѣчь о людяхъ, способныхъ искать по иноземнымъ государствамъ епископовъ „древляго благочестія", лаврентьевскій игуменъ, какъ мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ, заявилъ, что у него въ монастырѣ есть такіе люди, не по одному разу бывшіе за границей, люди смѣлые, ловкіе и готовые на все. Вѣроятно, разумѣлъ онъ Колычева, жившаго въ то время еще въ Лаврентьевской обители, хотя по преклоннымъ его лѣтамъ (подъ семьдесятъ лѣтъ) едва ли можно было разсчитывать на самоличныя его странствія. А можетъ-быть, увлеченные разсказами его, нѣкоторые изъ лаврентьевской братіи въ это время и сходили уже за границу, и ихъ-то разумѣлъ лаврентьевскій игумень въ предложеніи, сдѣланномъ на Рогожскомъ соборѣ.

Въ Лаврентьеву обитель, какъ сказано въ предыдущей главѣ, долженъ былъ заѣхать, по порученію петербургскихъ коноводовъ поповщины, Громовыхъ, пробиравшійся изъ столицы назадъ въ свой Серковскій монастырь игуменъ Геронтій. Пріѣхавъ въ Лаврентьевъ осенью 1832 г., онъ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ осторожностью исполняя данное ему въ Петербургѣ порученіе. Присмотрѣвшись къ монастырскимъ порядкамъ, замѣтилъ онъ, что по столь важному дѣлу нечего ему и входить въ сношенія съ игуменомъ Михаиломъ, человѣкомъ старымъ и озабоченнымъ мелочами обыденной жизни монастыря: посылкой за сборами, закупкой припасовъ, кормленьемъ братіи и исправленіемъ обычныхъ богослуженій. Осторожно повелъ Геронтій рѣчь съ Аркадіемъ. Аркадій уже зналъ, что возникшая на Рогожскомъ соборѣ затѣя объ учрежденіи заграничной старообрядской іерархіи всѣми оставлена, что Рахмановъ уѣхалъ изъ Петербурга ни съ чѣмъ, и что въ

скитѣ или монастырѣ старообрядскомъ можно было найти эту книгу. У Аѳонія Кочуева было нѣсколько экземпляровъ ея. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, сколько намъ извѣстно, раскольники не толковали о Персидскомъ царствѣ. По крайней мѣрѣ не сохранилось о томъ ни малѣйшихъ намековъ ни въ извѣстныхъ намъ раскольничьихъ рукописяхъ ни въ обозрѣнныхъ нами правительственныхъ архивахъ.

Москвѣ никто и не думаетъ болѣе объ осуществленіи кочуевскаго предположенія. Какъ только Геронтій завелъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ рѣчь, онъ отнесся къ нему даже съ негодованіемъ, говоря, что такія затѣи, вмѣсто пользы старообрядству, принесутъ ему одну пагубу. „Если и теперь,—говорилъ Аркадій Геронтію:—стѣсненія старообрядства въ Россіи съ каждымъ мѣсяцемъ усиливаются, что̀ будетъ, если правительство узнаетъ объ этихъ замыслахъ? Если бы даже удалось намъ устроить заграничную іерархію, какія невзгоды постигли бы тогда старообрядцевъ въ Россіи! Кромѣ того, — продолжалъ онъ, и слова его оправдались на дѣлѣ:—пріемъ епископа къ старообрядцамъ будетъ „новшествомъ", ибо со дней Павла Коломенскаго, въ продолженіе ста семидесяти лѣтъ, не бывало у насъ епископа: это „новшество" неминуемо произведетъ раздоръ и раздѣленіе въ старообрядствѣ" *). Люди, хорошо и близко знающіе Аркадія Шапошникова, увѣряютъ, что онъ былъ противъ старообрядской іерархіи даже и тогда, какъ она уже основалась: что онъ до тѣхъ поръ не примирился съ нею, пока самъ не попалъ въ архіереи. Даже и во дни своего архіерейства, еще немного лѣтъ тому назадъ, поспоривъ на письмахъ съ Кирилломъ бѣлокриницкимъ, Аркадій писалъ къ нему: „Да что̀ мы съ тобой за архіереи?", явно высказывая, что не вѣритъ въ законность принятаго сана **).

Осторожный и сдержанный Геронтій не пускался болѣе въ разсужденія съ Аркадіемъ объ учрежденіи заграничной іерархіи. Черезъ нѣсколько времени завелъ онъ съ нимъ другую бесѣду, о переселеніи когонибудь изъ лаврентьевцевъ за границу, въ знакомую ему Бѣлую-Криницу, гдѣ бы, по петербургскому громовскому проекту, образовать братство изъ людей хорошихъ, начитанныхъ и степенныхъ. Аркадій былъ и противъ этого. Завелъ наконецъ Геронтій рѣчь объ отправленіи въ восточныя страны ходоковъ для отысканія древлеблагочестивыхъ епископовъ не ради приглашенія ихъ въ Россію, не для того, чтобъ они поставили русскимъ старообрядцамъ епископа, но единственно для удостовѣренія, справедливы ли распространившіеся въ послѣднее время о нихъ слухи. И тутъ не встрѣтилъ сочувствія Аркадія. Вѣроятно, убѣ-

*) Письмо Геронтія къ Алексѣю Великодворскому изъ Серкова монастыря, 3 февраля 1833 года.

**) Подлинное письмо Аркадія къ Кириллу, въ которомъ онъ такъ выражается, въ Москвѣ, и находилось у насъ подъ руками. О немъ скажемъ со временемъ въ своемъ мѣстѣ. Упомянемъ здѣсь лишь поводъ, побудившій Аркадія сказать такія неутѣшительныя для старообрядства слова. Кириллъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ, какъ женатый на вдовѣ, по правиламъ святыхъ отецъ, не есть законный архіерей. Противъ такого аргумента сказать Аркадію было нечего, и онъ выразилъ ту мысль, что для старообрядцевъ и такіе архіереи, какъ онъ съ Кирилломъ, подходящи. «Какіе мы съ тобою архіереи, коли по правдѣ сказать?»—написалъ онъ «митрополиту бѣлокриницкому и всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ» Кириллу. Такъ несостоятельность старообрядской іерархіи сознаётся самими ихъ іерархами.

дясь. что Аркадій не только не будетъ пособникомъ затѣянному въ Петербургѣ дѣлу, но еще, пожалуй, станетъ ему противодѣйствовать, Геронтій не входилъ болѣе съ нимъ въ разговоры о томъ, за чѣмъ былъ посланъ. Бесѣдовали Аркадій съ Геронтіемъ о хозяйственныхъ дѣлахъ: тутъ они сошлись: и тотъ и другой были отличные домостроители. Они разстались добрыми пріятелями *).

Живя немалое время въ Лаврентьевѣ, Геронтій успѣлъ узнать тамошнихъ иноковъ. Съ лучшими изъ нихъ была у него ведена рѣчь объ исканіи архіерейства и о томъ, какъ бы завести въ заграничной Бѣлой-Криницѣ благоустроенную обитель съ иноками хорошей жизни, преданными старообрядству, начитанными и энергическими. Такія слова Геронтія пришлись имъ по сердцу. Нѣкоторые изъ нихъ заявили даже желаніе тотчасъ же двинуться въ путь—искать архіерея. Иноки Аркадій Лысый, Ираклій Сорокинъ и другіе рѣшились идти въ невѣдомыя страны. Всего охотниковъ странствовать набралось до двѣнадцати человѣкъ. Не говоря ни слова игумену Аркадію о своихъ намѣреніяхъ, одинъ за другимъ выбрались они изъ Лаврентьева, какъ бы за сборомъ подаяній, и перешли за молдавскую границу, гдѣ и собрались въ тамошнемъ Мануиловскомъ старообрядскомъ монастырѣ. Въ 1833 году было совершено ими первое хожденіе на Востокъ для поисковъ древлеблагочестивыхъ епископовъ.

Одновременно съ лаврентьевскими, даже, быть-можетъ, нѣсколько раньше, старообрядцы и изъ другихъ мѣстъ отправились на Востокъ искать тѣхъ блаженныхъ мѣстъ, гдѣ „древлее благочестіе“ сіяетъ. Въ 1833 году вообще стало замѣтно небывалое дотолѣ въ средѣ старообрядческой явленіе: до того времени они совершенно равнодушно относились не только къ святынямъ кіевскимъ, но и къ святымъ мѣстамъ Палестины. „Хоть и святы мѣста, да въ рукахъ никоніанъ,—говорили ихъ начетчики:—и потому благодати тамъ нѣтъ, одна мерзость запустѣнія, Даніиломъ пророкомъ предвозвѣщенная: не для чего ходить туда“. И старообрядцы слушались начетчиковъ, ходили только къ своимъ святымъ мѣстамъ на поклоненіе: въ лѣса пермскіе, къ тамошнему ихъ святому Іову, къ угодникамъ керженскимъ **), на Иргизъ и пр. ***).

*) Письмо Геронтія къ А. Великодворскому изъ Серкова монастыря, 3-го февраля 1833 года.

**) Софронтій въ лѣсу подлѣ большой дороги изъ Нижняго въ Вятку, у деревни Діанова, верстъ пять до города Семенова; Никандръ за деревней Песочной близъ той же дороги; Арсеній близъ деревни Ларіоновой; Ефремъ, Варлаамъ, Илія, Ѳекла, Голендуха и Фотинія въ Поломскихъ лѣсахъ и Козленецкихъ болотахъ.

***) Филаретъ жилъ еще въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. О часовнѣ, бывшей на его могилѣ, и о томъ, что туда на Троицынъ день сходятся богомольцы, производилось дѣло еще въ 1732 году («Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія» Г. В. Есипова, I, 236—260). Ровно черезъ сто лѣтъ, то-есть въ 1832 году, о ней возникло вновь дѣло. Коллежскій ассесоръ Бороздинъ, бывши случайно въ лѣсу, видѣлъ сборище на-

Во Ржевѣ оглашены были части мощей святого Саввы, именно глава его, взятая будто бы раскольниками изъ московскаго Андроньева мо-

---

рода на Ѳеодоритовой могилѣ и донесъ о томъ московскому генералъ-губернатору. Онъ писалъ: «На означенномъ мѣстѣ есть признаки могилы, находятся на столбѣ малые мѣдные образа и совершается раскольниками служеніе при многочисленномъ стеченіи народа изъ ближнихъ и даже нѣкоторыхъ дальнихъ деревень, въ дни Вознесенія Господня и Пятидесятницы; въ народѣ есть молва, что тутъ жилъ какой-то пустынникъ Ѳеодоритъ; во время народныхъ сборищъ бываетъ тамъ продажа нѣкоторыхъ мелочныхъ товаровъ и даже вина». Московскій совѣщательный о раскольникахъ комитетъ 8-го іюня 1832 года рѣшилъ, «чтобы воспрепятствовать раскольническимъ сборищамъ на могилѣ Ѳеодорита, предоставить военному генералъ-губернатору войти въ сношеніе съ владѣльцемъ того мѣста, генералъ-майоромъ Рахмановымъ, нельзя ли употребить оное мѣсто для земледѣлія, такъ чтобы слѣды могилы чрезъ то были закрыты и земля сдѣлана была неудобною для народнаго собранія». Г. Рахмановъ 10-го іюля 1832 года отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее: «На берегу небольшой вершины находится межа, и при оной пахотная земля принадлежитъ крестьянамъ казенной деревни Лобановой. Раскольники утверждаютъ, что близъ той вершины, въ моемъ лѣсу, имѣется могила святого будто бы Ѳеодорита, и во дни Вознесенія Господня и Пятидесятницы собираются въ деревнѣ Лобановой, изъ которой выходятъ на упоминаемую межу для молебной службы, которую отправляетъ имъ вмѣсто попа дѣвка, живущая въ означенной деревнѣ Лобановой. При семъ бываютъ иногда пріѣзжіе изъ Ржева и изъ Гжатской пристани. Приходящіе на мѣсто ставятъ столбикъ, вѣшаютъ на оный мѣдные образа, читаютъ по книжкѣ будто бы панихиду, вырываютъ землю изъ-подъ берега, по-коему пролегаетъ межа, будто для исцѣленія отъ болѣзней; но продажа вина и мелочного товара не бываетъ при сборищѣ у мнимой могилы, которой даже и признаковъ нѣтъ, кромѣ ямы подъ межой, изъ которой они руками таскаютъ землю. Но, можетъ-быть, таковая продажа производится въ домахъ деревни Лобановой; на мѣстѣ же сборища ни пьяныхъ или какого шума не бываетъ, и раскольники оныхъ не терпятъ. Такъ какъ неподалеку отъ сего мѣста, въ дачахъ моихъ, я имѣю скотный дворъ, то однажды при обозрѣніи онаго мнѣ случилось внезапно наѣхать на мѣсто и застать собравшихся раскольниковъ, которыхъ я со всею кротостью уговаривалъ, чтобъ они прекратили правительствомъ воспрещаемыя сборища, или ходатайствовали бы о позволеніи построить молебную; другихъ же способовъ къ прекращенію ихъ сборища я употребить не могъ, ибо пристанище ихъ бываетъ въ казенной деревнѣ, и изъ оной выходятъ они не на мое владѣніе, а на межу между моей и казенною землей. Раскольники продолжаютъ и понынѣ собираться, хотя столбъ, на которомъ поставляются ими образа, пастухами моими бываетъ выбрасываемъ. Запахать же оное мѣсто нѣтъ возможности, во-первыхъ, потому, что находится на самомъ берегу вершины, во-вторыхъ, потому, что, запахивая оное, должно будетъ запахать межу, но сіе ни къ чему не послужитъ, ибо они подрываются изъ вершины подъ берегъ». Черезъ семь лѣтъ послѣ этого московскій митрополитъ писалъ гражданскому губернатору Олсуфьеву, что сборища на Ѳеодоритовой могилѣ продолжаются. «Мѣсто оное въ прошломъ 1838 году, по распоряженію духовнаго начальства,—писалъ митрополитъ:—было свидѣтельствовано благочиннымъ села Плоскаго, Николаевской церкви священникомъ, и оказалось, что тамъ есть впадина, мало похожая на могилу, и въ ней лежитъ дикій камень, довольно немалый, вросшій въ землю; при ней поставленъ деревянный столбъ, вновь тща-

настыря во время французскаго разгрома *). И сюда потихоньку ходили молиться. Около Москвы, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, между деревнями Лобановой и Хованью, въ лѣсу, погребены болѣе ста лѣтъ тому назадъ старцы Филаретъ и Өеодоритъ. Сюда на поклоненіе имъ собиралось множество народа не только окрестнаго, но изъ Москвы, изъ Ржева, изъ Гжатска, преимущественно же въ праздники Вознесенія и Троицы. Такъ много стало ходить сюда поклонниковъ, что въ эти дни на Өеодоритовой могилѣ устраивались даже сельскія ярмарки. Кромѣ того, по разнымъ мѣстамъ оглашены были древнія иконы чудотворными, напримѣръ, Казанской Богородицы въ скитѣ Шарпанскомъ, Николая Чудотворца въ Глафириной обители Комаровскаго скита **), Казанской Богородицы въ Макарьевскомъ монастырѣ, что въ гомельскомъ имѣніи, и много другихъ по разнымъ мѣстамъ. Сюда ходили набожные старообрядцы, минуя древнія святыни, какъ находящіяся въ храмахъ и обителяхъ православныхъ. Съ 1833 года старообрядцы поповщинскаго согласія, и только одного поповщинскаго, стали въ значительномъ количествѣ ходить на поклоненіе въ Кіевъ, откуда пробирались въ свои монастыри. Стали ходить и въ Іерусалимъ. Въ Константинополѣ и въ Палестинѣ чаще и чаще стали являться невиданные тамъ дотолѣ кафтыри и камилавки старообрядскихъ иноковъ. Появленіе тамъ старообрядцевъ замѣчено было и нашими дипломатическими агентами; они сообщали о томъ для свѣдѣнія правительству. Видѣли въ этомъ начало сближенія раскольниковъ съ православною церковью; никто и не догадывался, что странствователи-старообрядцы стремятся на Востокъ совсѣмъ съ иною цѣлью — отыскать вожделѣнныя святыя мѣста, своихъ единовѣрцевъ и небывалыхъ своихъ архіереевъ.

Съ 1833 года между старообрядцами распространились такъ-называемыя „Іерусалимскія письма". Намъ извѣстны два такія письма, но ихъ было пущено въ обращеніе несравненно больше. Въ Саратовской губерніи ходило по рукамъ „Сказаніе нѣкоего христолюбца о благочестіи во Египтѣ". Авторъ не назвалъ, разумѣется, своего имени, но полагать можно, что онъ былъ изъ иргизскихъ монаховъ. Вотъ оно:

„Лѣта 7341 (то-есть 1833),—говоритъ онъ:—на праздникъ святыя

тельно обдѣланный и покрытый новымъ тесомъ, подъ крышей коего поставленъ мѣдный образъ Казанской Божьей Матери. Собранія въ томъ мѣстѣ, по донесенію благочиннаго, бываютъ, какъ и прежде, на день Вознесенія Господня и на день Сошествія Святаго Духа» («Дѣло въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора» 1852 года). Впослѣдствіи однако раскольники собирались для моленій на Өеодоритовой могилѣ.

*) Впослѣдствіи однимъ раскольникомъ она была отдана соборному протоіерею города Ржева, извѣстному отцу Матвѣю Александрову (съ которымъ Гоголь былъ въ перепискѣ). По этому случаю производилось дѣло, и какъ не было доказательствъ, что это дѣйствительно мощи св. Саввы, то и отдали главу на храненіе въ ризницу Тверского каѳедральнаго собора.

**) Оба въ Семеновскомъ уѣздѣ.

Пасхи были мы съ товарищемъ во святомъ градѣ Ерусалимѣ и у гроба Господня, зрѣли како вси вѣры еретическія на единомъ мѣстѣ молятся. Отслужатъ свою службу проклятіи армене, на ихъ мѣсто пойдутъ проклятіе латины, потомъ сирійцы, потомъ же кофты (копты), и арабы, всѣ въ шапкахъ и чуть не голы, пляшутъ и бѣснуются, тутъ же и греческіе служатъ. Поистинѣ, смѣшеніе языковъ, каково бысть по потопѣ у столпа Вавилонскаго. Искахомъ благочестіяи не обрѣтохомъ ни во Ерусалимѣ, ни въ Виѳлеемѣ, ни на рѣцѣ Іорданѣ — всюду пестро и развращенно; истиннаго же пѣнія и достойныя службы ко Господу нигдѣ нѣтъ. Молятся нѣкаково нелѣпо, и козлогласуютъ, и бѣснуются, и въ органы играютъ на мѣстѣ святѣ, въ запустѣніи сущемъ. И бывъ въ Ерусалимѣ, увѣдахомъ яко древлее благочестіе и святая непорочная вѣра Христова неблазненно соблюдается на островѣ Кипрѣ, иде же православный благочестивый архіепископъ, со епископы и со всѣмъ освященнымъ и мнишескимъ чиномъ, непреткновенно вѣру соблюли и преданія, святыми отцы заповѣданыя, крѣпко хранятъ. И тотъ кипрскій архіепископъ ни подъ которымъ патріархомъ не состоитъ *); отъ того отъ самаго и сохранилъ вѣру и праведное житіе, не преткнувся на какую ересь или новшество. Будучи въ томъ зѣло самовидцами увѣрены, на Ѳоминой недѣлѣ пошли мы во градъ Іоппію, чая отплыть въ Кипръ. Но сѣдши въ корабль греческій, привезены были не на тотъ святый островъ, но въ великій градъ Александрію, во Египетскую страну. Обманомъ взяли насъ греки и обманомъ привезли во ину страну. Во Александріи не обрѣтохомъ благочестія, ниже въ Каирѣ **). И увѣдахомъ во ономъ градѣ, яко въ землѣ Ѳаваидской, глаголемой Емакань, благочестно Христова вѣра, отъ самихъ апостолъ насажденная и напоенная, сохраняется. По великой рѣцѣ Нилу, обширностію и широтою яко *наша* Волга, плыли мы много дней и потомъ пѣши шли съ караванами египтянъ (зѣло разбойныхъ сущихъ, почитай нагихъ насъ оставили) до мѣста Емакань. Тамо люди благочестивы: молятся въ два перста и благословляютъ яко же и Христосъ, аллилуію сугубятъ, а третіе: *слава Тебѣ Боже* возглашаютъ; крестятъ въ три погруженія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а не поливательно. Монастырь, въ немъ же насъ, странныхъ, христолюбцы, спаси ихъ Богъ, милосердно успокоили и одежду намъ дали и всѣмъ довольны на обратный путь отпустили, стоитъ при древахъ и источникахъ и вельми красуется, будетъ *съ нашъ Криволучный* ***). Братіи триста человѣкъ, а по пу-

---

*) Кипрскій архіепископъ, равно какъ и синайскій, дѣйствительно автокеѳальны и не зависятъ отъ патріарховъ. И до сихъ поръ нѣкоторые старообрядцы, разсчитывая на старообрядство этихъ архіепископовъ, мечтаютъ объ единеніи съ ними, помимо вселенской православной церкви.

**) Въ подлинникѣ: «Кагерѣ».

***) На Иргизѣ. По этому выраженію и думаемъ, что сказаніе это писано кѣмъ-либо изъ жившихъ на Иргизѣ.

стынямъ и въ колибахъ подвизающихся таковое же, сказываютъ, число. Игуменъ зѣло старъ и сѣдинами благоукрашенъ, милостивъ и держитъ братію строго, въ послушаніи. Поистинѣ, въ томъ монастырѣ живутъ земные ангелы, небесные же человѣцы. И священнаго чина у нихъ довольно—іереевъ и дьяконовъ. И сказывали намъ иноки того монастыря, что въ ихъ Емаканской землѣ три благочестивые епископа и полное освященіе. И пребыхомъ въ томъ монастырѣ три недѣли, увѣдахомъ и увѣрихомся яко церковь Божія не изсяче, аще и великими бурями ересей и новшествъ повсюду побораема, по неложному обѣтованію Христа Спаса, яко церковь святая пребудетъ до скончанія вѣка и врата адова не одолѣютъ".

Въ другомъ извѣстномъ намъ письмѣ, относящемся къ 1834 году, находится три сказанія о мнимыхъ старообрядскихъ епископахъ. Какъ видно, составлялъ его какой-то молдавскій старообрядецъ Матвѣй Сидоровъ. Распространено оно было съ Рогожскаго кладбища по Москвѣ, по Московской губерніи *), а, вѣроятно, и по другимъ мѣстамъ. Вотъ это письмо, заключающее въ себѣ три сказанія:

„Прислана сія тетрадь изъ Еросалима въ 7342 (1833) году ноемврія въ 15 день. Былъ нѣкій человѣкъ, нашъ христіанинъ молдавскій, Матвѣй Сидоровъ, плѣненъ бысть отъ срацинъ, и пришелъ въ Еросалимъ поклониться гробу Господню. Такожде обрѣте въ Еросалимѣ три человѣка, и сказали ему, что пришли такожде поклониться своему Создателю, а мы живемъ на Багдатѣ рѣкѣ. И сказали ему все жительство свое, и написали ему сію тетрадь. И повѣда тако братъ всѣмъ христіаномъ:

„*Сказаніе первое*. Свидѣтельствуемъ вамъ, христолюбивая наша братія, о христіанѣхъ, что на Дунаѣ рѣкѣ есть нашего согласія христіане даже до Яссъ. Свидѣтельствуемъ о томъ и къ общей нашей пользѣ написали сіе. Если поревнуете избѣгнуть належащаго душевнаго глада,

---

*) Серпуховскій земскій исправникъ въ январѣ 1838 года донесъ, что экономической деревни Глазовой крестьянинъ Никита Ѳедотовъ, раскольникъ, живущій въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, еще въ 1836 году, лѣтомъ, прислалъ эти сказанія въ деревню Глазову крестьянину Василью Максимову, съ кѣмъ — не помнитъ, только съ раскольниками. Максимовъ показалъ сказанія пришедшему въ ихъ часовню, гдѣ онъ, Максимовъ, уставщикомъ, помѣщичьему крестьянину Филиппу Васильеву Бардину, который взялъ тетрадку на фабрику купца Путохина и показалъ ее православному рабочему Аксену Ѳедорову, а этотъ, списавъ копію, представилъ ее Троицкаго собора протоіерею (доставившему митрополиту), а подлинникъ, по возвращеніи отъ Бардина, Максимовъ отослалъ обратно въ Москву къ Ѳедотову съ раскольниками, но съ кѣмъ именно—не помнитъ. На очной ставкѣ 10-го февраля 1838 года Максимовъ уличалъ Ѳедотова, что онъ получилъ отъ него въ 1836 г. присланную, не помнитъ съ кѣмъ, тетрадь. Ѳедотовъ отъ него отрекся. Смотритель Рогожскаго кладбища 27-го января 1838 года увѣдомилъ, что Ѳедотовъ живетъ на Рогожскомъ кладбищѣ въ числѣ псаломщиковъ и пѣвцовъ.

то можете къ намъ въ Еросалимъ отъ общества вашего прислать два или три человѣка для обстоятельнаго переговора: ибо всего за скоростію отъѣзда не могли написать. А мы въ Еросалимъ пришли три человѣка, ради поклоненія гробу Господню, и будемъ во Еросалимѣ жить до Пасхи. Если посланные ваши сдѣлаютъ успѣхъ и въ сказанное время прибудутъ въ Еросалимъ, гдѣ могутъ о всемъ слѣдующемъ отъ насъ узнать. Если же во Еросалимѣ не будетъ насъ, разузнать о насъ во Свяліи (?), то есть пристань корабельная, отъ Еросалима разстояніемъ верстъ шестьдесятъ. Если и тамо не случится намъ съ вами видѣться, то да спросятъ островъ Санторинъ. А ежели не застанутъ и въ Санторинѣ, то спрашивать во Египтѣ; тамо есть наши христіане, имѣютъ лавки и торгуютъ, и ихъ спрашивать о Багдатѣ рѣкѣ, на которой мы имѣемъ жилище, разстояніемъ пятьсотъ верстъ отъ Египта, и мѣсто ко всему угодно, именуемое Емаканъ. Насъ тамъ немалое число, 5.000 или болѣе, имѣемъ же три епископа и поповъ изобильно. И когда у васъ належитъ душевный гладъ и ежели царь вашъ позволитъ, то *мы вамъ отправимъ епископа* и священниковъ къ душевной пользѣ. А у насъ христіанская вѣра и святая соборная апостольская церковь яко солнце сіяютъ, изобильно же вамъ къ душевной пользѣ и тѣлесной. Еще свидѣтельствуемъ вамъ, что есть христіане между землею Турскою и Перситскою при рѣкѣ Курѣ, именуемые „стрѣльцы".

„*Второе сказаніе.* Еще свидѣтельствуемъ о христіанахъ. Сказаніе гречанина въ Яссахъ, который гречанинъ прежде сего живалъ близъ Сербской земли у Никона Черныя Горы. Живутъ и тамо русскіе люди, близъ сербскаго града, званіемъ Бай. А въ тотъ градъ идти черезъ Дунай въ Болгарскую землю на Шведовъ; а отъ Шведова града на Переквѣтъ, а отъ Переквета на Солнокъ, а отъ Солнока на Пегитъ, а отъ Пегита на Буддинъ, а отъ Буддина на Тричинъ, а отъ Тричина на Бай: недалеко тутъ русскіе люди живутъ. И тому же сказанію гречанина сходно сказаніе Марка иконописца, и ему, Марку, сказывалъ во Святой Горѣ постриженникъ изографъ, именемъ Іоаннъ, родомъ москвичъ. Подлинно-де есть зовомые Филипы *) въ Сербской землѣ близъ Никона Черныя Горы, а отъ Горы разстояніемъ ѣзды полтретья дня до Филиповъ, и ихъ два села большія, яко великіе грады: *въ нихъ двухъ селахъ два епископа православныхъ и древнихъ.*

„*Третіе сказаніе.* Сказаніе плѣнника Симеона Иванова, который былъ въ плѣну за Царемъ-Градомъ на Бѣломъ **) морѣ, на островѣ Азамирѣ (?). Сказывалъ оный плѣнникъ: „Были мы съ хозяиномъ турчаниномъ на томъ же Бѣломъ морѣ на островѣ Карабузовѣ (?). Живутъ на томъ островѣ „стрѣльцы", двумя селами, въ тѣхъ селахъ двѣ церкви и попы". Гдѣ сказывали ему, плѣннику, мы поповъ беремъ изъ другого

*) Филипы—филипоны, липоване—такъ зовутъ старообрядцевъ въ юго-западной Россіи, въ австрійскихъ, турецкихъ и румынскихъ владѣніяхъ.

**) Архипелагъ.

острова. отъ монастыря Семнскаго, и той монастырь близъ Океана, а отъ острова Карабузова кораблемъ бѣгу 13 дней, а отъ Царя-Града до острова Карабузова 18 дней кораблемъ бѣгу. А градъ на островѣ Безароемъ (?), греческіе люди и села около русскихъ людей: первое Чемиликіой, второе Ахазиди, а „стрѣльцовъ“ греки зовутъ русскими. А еще свидѣтельствуемъ: при Евфратѣ рѣкѣ есть множество христіанъ и монастырей. Видите, отцы и братіе, гдѣ есть христіане и что̀ будемъ дѣлать увѣдавши сіе, или что̀ будемъ требовать? Спросить въ Царѣ-Градѣ жителя цареградскаго, Ивана Васильевича, стрѣльца; живетъ подлѣ Кужины, пашины Меледы“ *).

Такъ-называемыя „Іерусалимскія письма“ быстро расходились по разнымъ старообрядскимъ мѣстностямъ. Они читались, перечитывались, писались и переписывались нарасхватъ, съ каждымъ днемъ распространяясь болѣе и болѣе. Распространеніе этихъ „Писемъ“ важно въ томъ отношеніи, что старообрядцы по всѣмъ захолустьямъ узнали изъ нихъ, что за границей есть христіане „древляго благочестія“. До того многіе изъ нихъ не знали о существованіи заграничныхъ единовѣрцевъ или имѣли о нихъ самое смутное понятіе. Въ большинствѣ, и притомъ самомъ значительномъ большинствѣ старообрядцевъ, утвердилось-было даже мнѣніе, что внѣ предѣловъ Россіи, въ государствахъ мусульманскихъ и латинскихъ, не только нѣтъ, но и быть не можетъ вѣры истинной. Если-бъ „Іерусалимскія письма“ не были благовременно распространены, если бы посредствомъ ихъ старообрядцы не узнали, что и внѣ Россіи можетъ существовать и существуетъ ихъ „древлее благочестіе“, по всей вѣроятности, появленіе въ австрійскихъ предѣлахъ бѣлокриницкой іерархіи было бы встрѣчено ими съ крайнимъ недовѣріемъ. Они бы единогласно возопили тогда, что это не что̀ иное, какъ ловушка въ латинскую ересь, какъ и говорили нѣкоторые, несмотря на торжественное на всю Россію возвѣщеніе властей бѣлокриницкихъ: „да не смущается сердце ваше, вѣруйте, яко можетъ Богъ и въ чуждѣй благочестія странѣ свѣтильникъ свой поставити“.

Петербургскіе дѣятели по дѣлу устроенія заграничной іерархіи воспользовались „Іерусалимскими письмами“. На Графской биржѣ Громовыхъ они переписывались во множествѣ экземпляровъ и распространялись посредствомъ сборщиковъ и сборщицъ, приходившихъ въ Петербургъ къ Королёвскимъ за подаяніями. Авоонін Кузьмичъ Кочуевъ и Алексѣй Великодворскій неутомимо разсылали ихъ по разнымъ мѣстностямъ, близкимъ и отдаленнымъ, подготовляя такимъ образомъ народъ къ радушному принятію затѣяннаго ими дѣла.

---

*) „Дѣло въ архивѣ московскаго генераль-губернатора“. 1830 года. „Пашины Меледы“, то-есть у служителя какого-нибудь турецкаго паши.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Записка о старообрядскихъ типографіяхъ въ Клинцахъ, Махновкѣ, Яновѣ, Майданѣ Почапніецкомъ.

Старообрядцы въ XVIII столѣтіи чувствовали большую нужду въ богослужебныхъ книгахъ. Какъ извѣстно, они принимаютъ книги лишь напечатанныя въ Москвѣ до второго лѣта патріаршества Никона, то-есть до 1654 года, когда былъ изданъ „Служебникъ“, заключающій первыя, по мнѣнію ихъ, „новшества никоніанскія“. Во времена Никона и его преемниковъ, особенно при Іоакимѣ, книги первыхъ пяти патріарховъ, при замѣнѣ ихъ исправленными, отбирались отъ церквей и монастырей и истреблялись. То же было и при Петрѣ I. У сибирскихъ раскольниковъ сохраняется преданіе, будто этотъ государь столько сжегъ старыхъ книгъ, что когда „пепелъ приказалъ лопатой развѣяти, и подгребли (мѣдныхъ) застежекъ отъ книгъ сорокъ пудъ“ *). Конечно, это преувеличено, но основаніе сказанію есть. Со временъ Екатерины II, когда крутыя и фанатическія мѣры противъ раскольниковъ были прекращены, они стали печатать самыя необходимыя для нихъ книги въ тогдашнихъ польскихъ областяхъ, преимущественно же въ тамошнихъ православныхъ монастыряхъ, имѣвшихъ типографіи съ церковнославянскимъ шрифтомъ. Такъ, напримѣръ, въ 1767 г. былъ перепечатанъ іосифовскій „Часословъ“, а въ 1780 „Псалтырь“ въ Супраслѣ (близъ Бѣлостока). Когда были разрѣшены Екатериною II „вольныя типографіи“, старообрядцы, клинцовскіе купцы: Желѣзниковъ, а потомъ Ѳедоръ Карташевъ, съ дозволенія новгородъ-сѣверскаго намѣстническаго правленія, завели въ посадѣ Клинцахъ типографію для печатанія „переводовъ“,

*) «Барнаульскіе отвѣты» или «Тюменьскій странникъ». Рукопись. Сочиненіе это принадлежитъ крайней безпоповщинѣ, кажется, бѣгунамъ, и составлено не ранѣе тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, ибо въ немъ упоминается о мощахъ св. Митрофанія Воронежскаго, которыя открыты въ 1832 году.

то-есть перепечатокъ до-никоновскихъ, московскаго изданія, богослужебныхъ книгъ. Сначала Карташевъ приставлялъ къ книгамъ своей клинцовской печати „выходы“, въ которыхъ говорилось, будто онѣ напечатаны съ указнаго дозволенія польскаго короля Станислава-Августа (Понятовскаго) въ Почаевѣ, въ Гроднѣ, въ Супраслѣ, въ Вильнѣ и пр., а съ 1786 года сталъ печатать съ означеніемъ, что книга печатана въ Клинцахъ, съ дозволенія суражскаго нижняго земскаго суда *). Но нѣкоторыя книги все-таки печатались съ выходомъ супрасльскимъ **), а другія, какъ, напримѣръ, „Зонаръ“, „Соловецкая“, „Челобитная“, „Скитское покаяніе“ и др., вовсе безъ выхода. Карташевъ печаталъ, кромѣ книгъ, вѣнчики и разрѣшительныя молитвы, полагаемые на умершихъ. Произведенія его типографіи отвозились въ Москву, а оттуда распространялись по всей Россіи. Это дѣло доставило въ скоромъ времени Карташеву значительное состояніе.

Въ 1797 году императоръ Павелъ запретилъ „партикулярныя типографіи“ во всемъ государствѣ. Карташевъ прекратилъ свою дѣятельность. Но онъ хранилъ въ Клинцахъ принадлежавшіе къ его типографіи инструменты, шрифты, матеріалы и разныя вещи, а также и неконченныя печатаніемъ книги. Въ 1799 году узналъ о томъ малороссійскій военный губернаторъ Миклашевскій, и съ этого времени начались дѣла о старообрядскихъ типографіяхъ, продолжавшіяся до 1823 года. Производились эти дѣла въ обѣихъ столицахъ, въ Черниговской, въ Кіевской и въ Подольской губерніяхъ, какъ видно изъ слѣдующей, доставленной намъ записки:

„Въ 1799 году, по дошедшему до черниговскаго военнаго губернатора Миклашевскаго свѣдѣнію о существованіи типографіи у Карташева, она, командированнымъ штатной роты офицеромъ Чуряковымъ, найдена въ погребѣ, отобрана и представлена въ Черниговъ. Сія типографія состояла изъ двухъ станковъ съ принадлежностями и изъ отпечатанныхъ книгъ. Все сіе было отдано черниговскому городничему для храненія.

„Губернаторъ Миклашевскій немедленно приказалъ освидѣтельствовать представленные типографскіе инструменты, матеріалы и книги двумъ чиновникамъ, которые и донесли, что въ типографіи Карташева инструментовъ къ дѣланію *чего-либо фальшиваго* не найдено, а литеры служатъ лишь для отпечатыванія церковныхъ книгъ: изъ книгъ же, печатанныхъ въ той типографіи, по оглавленіямъ видно, что онѣ печатались „съ указнаго дозволенія“, свидѣтельствованы суражскимъ земскимъ судомъ и подписаны присутствующими въ томъ судѣ членами въ

*) Напримѣръ, «Шестодневъ» 1786 года, «Діоптра» 1787, «Лимонарь» 1787, «Канонникъ» 1787, «Сынъ церковный» 1787, кромѣ «Псалтырей», «Часослововъ», «Миней» и пр. т. п. Печатали и «Книгу о вѣрѣ» и «Кириллову книгу» и др. безъ означенія мѣста печати.

**) Напримѣръ, изданныя въ 1788 году «Служебникъ», «Скитское покаяніе», «Святцы», «Альфа и Омега», «Объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ», «Страсти Христовы» и др.

1787 году. Въ 1800 году, вслѣдствіе поданной Карташевымъ просьбы, черниговское губернское правленіе разрѣшило городничему книги, заарестованныя у Карташева, ему отдать, а принадлежащіе къ типографіи инструменты дозволить ему продать. Объ этомъ, правящимъ должность губернатора, вице-губернаторомъ Руновскимъ тогда же донесено было генералъ-прокурору Обольянинову. Карташеву станки, книги и пр. были отданы, но продажа типографскихъ инструментовъ оставлена на томъ основаніи, что въ томъ же 1800 году отъ генералъ-прокурора Обольянинова черниговскій губернаторъ Френсдорфъ получилъ предписаніе, въ которомъ сказано: „Несмотря ни на что, непремѣнно оную типографію имѣть подъ присмотромъ и по содержанію высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія о непродажѣ типографіи, хранить ее впредь до повелѣнія".

„Въ маѣ 1801 года, незадолго предъ тѣмъ воцарившійся императоръ Александръ I лично присутствовалъ въ святѣйшемъ синодѣ. Въ этомъ засѣданіи, между прочимъ, обсуждался вопросъ о перепечатываніи для старообрядцевъ и единовѣрцевъ до-никоновскихъ книгъ. Александръ Павловичъ повелѣлъ: „Типографіи въ посадѣ Клинцовскомъ быть попрежнему, съ тѣмъ, чтобы напечатаніе оныхъ книгъ производилось съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода, и для того назначить синоду съ своей стороны способныхъ надзирателей и поднести о семъ докладъ" *). Вслѣдствіе сего повелѣнія святѣйшій синодъ 2-го іюня представлялъ государю, что „относительно печатанія, сходныхъ съ старопечатанными книгами, книгъ въ типографіи, въ Клинцовскомъ посадѣ состоящей, или гдѣ оная будетъ съ дозволенія правительства устроена, сообразно его императорскаго величества волѣ, синодъ не оставитъ съ своей стороны сдѣлать въ свое время нужныхъ о семъ распоряженій" **).

Синодскій докладъ былъ утвержденъ, и святѣйшій синодъ, черезъ сенатъ, потребовалъ въ 1801 году увѣдомленія: „означенная въ Клинцовскомъ посадѣ типографія находится ли въ Клинцахъ, и производится ли въ ней книгопечатаніе, или оная гдѣ-либо уже въ другомъ мѣстѣ устроена; подъ чьимъ смотрѣніемъ и распоряженіемъ, какъ прежде состояла, такъ и теперь состоитъ? Также о количествѣ станковъ и другихъ для печатанія принадлежностей, инструментовъ и литеръ и какія въ той типографіи печатались книги? Дабы святѣйшій синодъ, получивъ свѣдѣнія, которыхъ онъ еще не имѣетъ, могъ приступить къ ученію о семъ сообразно его императорскаго величества повелѣнію нужныхъ распоряженій, гдѣ таковые старообрядцы пожелаютъ имѣть типографію".

---

*) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 1 и 2.

**) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 1 и 2.

Черниговское губернское правленіе 5-го августа 1801 года подробно донесло синоду и сенату. Затѣмъ 18-го марта 1802 г. святѣйшій синодъ указомъ предписалъ черниговскому губернскому правленію: „Доставить свѣдѣніе, не было ли донесенія правленія 5-го августа 1801 г., а паче по силѣ именного высочайшаго, состоявшагося 9-го февраля 1802 года, указа *) подавано въ оное правленіе просьбы отъ кого изъ старообрядцевъ о возобновленіи въ Клинцовскомъ посадѣ помянутой типографіи, и та типографія подъ смотрѣніемъ ли и нынѣ черниговскаго городничаго находится, или отдана въ чье-либо другое смотрѣніе, и не имѣетъ ли въ виду сіе правленіе, послѣ означеннаго его рапорта, новыхъ по сему предмету обстоятельствъ, могущихъ открыться въ теченіе времени. Ежели же бы кто о возобновленіи, или заведеніи въ Клинцовскомъ посадѣ, или другомъ мѣстѣ, той типографіи просилъ дозволенія для напечатанія въ оной книгъ, сходныхъ со старопечатными, то бы сіе правленіе, не давая само собой таковаго дозволенія, представило о томъ святѣйшему синоду обстоятельно, для соображенія того съ высочайшею его императорскаго величества волею, въ указѣ 2-го іюня 1801 года изъявленною“. Въ отвѣтъ на этотъ указъ, черниговское губернское правленіе 21-го апрѣля 1802 г. донесло синоду, что ни отъ кого изъ старообрядцевъ просьбы о возобновленіи въ Клинцахъ типографіи и о возвращеніи ея подаваемо не было, что новыхъ обстоятельствъ по сему предмету не открылось, арестованная же типографія Карташева все еще находится попрежнему подъ смотрѣніемъ черниговскаго полицеймейстера.

Между тѣмъ клинцовскіе старообрядцы, узнавъ, что на возстановленіе типографіи въ посадѣ Клинцахъ состоялось высочайшее соизволеніе, обратились въ 1802 году съ ходатайствомъ о томъ къ малороссійскому генералъ-губернатору, князю Куракину. Князь Куракинъ, пользовавшійся особенною довѣренностью императора Александра Павловича, представилъ особый всеподданнѣйшій докладъ, ходатайствуя о разрѣшеніи открыть въ Клинцахъ типографію для печатанія старообрядскихъ книгъ.

Мая 2-го 1803 года министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, сообщилъ князю Куракину, что государь утвердилъ его всеподданнѣйшій докладъ о возстановленіи въ Клинцовскомъ посадѣ старообрядческой

---

*) Въ указѣ этомъ, между прочимъ, говорится объ *исключительномъ* правѣ синодальной и другихъ, въ вѣдомствѣ синода состоящихъ, типографій печатать церковныя или по священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся книги («Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода», II, 11). При слушаніи этого указа въ засѣданіи синода, члены его согласились съ мнѣніемъ ярославскаго архіепископа Павла, что на этомъ основаніи и печатаніе книгъ для старообрядцевъ должно быть подвѣдомственно синоду, такъ какъ книги эти также церковныя и до вѣры относятся. Всѣ дѣйствія синода, о которыхъ въ этой запискѣ говорится, имѣли болѣе финансовую цѣль.

типографіи на правилахъ въ томъ докладѣ изображенныхъ, а именно: 1) основать типографію отъ общества, а не какъ принадлежность частнаго человѣка; 2) ограничить, по настоящему количеству старообрядцевъ и ихъ церквей, число отпечатываемыхъ книгъ, присоединяя къ тому, чтобы имѣли право на полученіе нужныхъ книгъ и всѣ не пользующіеся именемъ обращенныхъ къ церкви, и 3) присоединить для большаго старообрядцевъ увѣренія къ духовной цензурѣ члена со стороны гражданской цензуры. Сообщая князю Куракину объ этомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ высочайшую волю и петербургскому митрополиту Амвросію для зависящихъ отъ него по тому распоряженій. Августа 1-го того же 1803 года святѣйшій синодъ къ князю Куракину препроводилъ при своемъ указѣ для свѣдѣнія и надлежащаго о томъ по вѣдомству его соображенія записку, составленную изъ дѣла, производившагося въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ, о дозволеніи, для отправленія богослуженія въ церквахъ, даваемыхъ всѣмъ принесшимъ истинное раскаяніе раскольникамъ, печатать книги сходныя со старопечатными, съ тѣмъ, что „когда святѣйшій синодъ получитъ отъ него, князя Куракина, увѣдомленіе, то и съ своей стороны не оставитъ къ должному исполненію высочайшей его императорскаго величества воли учинить надлежащее распоряженіе“. Въ эту записку внесено было мнѣніе синодальнаго члена, ярославскаго архіепископа Павла, уваженное святѣйшимъ синодомъ и удостоенное потомъ высочайшаго утвержденія. Сентября 14-го 1803 года министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, объявилъ малороссійскому генералъ-губернатору, князю Куракину, высочайшую волю, дабы онъ, князь Куракинъ, въ тѣхъ распоряженіяхъ, какія по сему случаю нужны быть могутъ, сообразовался съ разсужденіемъ преосвященнаго Павла, въ виду поставленнымъ, и что сіи распоряженія высшаго правительства суть уже послѣднія по предмету клинцовской типографіи, почему и должны служить закономъ для мѣстнаго начальства.

Въ указѣ святѣйшаго синода повелѣно: „Печатаніе книгъ можетъ быть производимо однѣхъ только дозволенныхъ и необходимыхъ для богослуженія, безъ малѣйшей въ нихъ перемѣны, въ чемъ виновные отвѣтствовать будутъ по законамъ, а по отпечатаніи каждаго таковаго названія книги, должно будетъ въ свое время прислать въ святѣйшій синодъ по два экземпляра для повѣрки съ прежними“.

А въ высочайше утвержденномъ мнѣніи преосвященнаго Павла, архіепископа ярославскаго и ростовскаго, между прочимъ, сказано: „Нужно святѣйшему синоду вѣдать, что̀ разумѣется подъ именемъ „цѣлаго общества“, котораго типографія полагается принадлежностью. Если сіе есть общество клинцовское, или раскольническое, общимъ церковнымъ правиламъ не согласующееся,—то дарованіемъ ему права типографіи не предполагается ли и политическое его сознаніе? Когда чрезмѣрно увеличится въ сей типографіи книгопечатаніе и продажа изъ нея

церковныхъ книгъ усилится, то спасительная цѣль о пришедшихъ въ соединеніе и о единовѣрческихъ церквахъ можетъ ли быть достунна, или наче не испровергнется ли? Пріуспокоенное въ нихъ снисходительными мѣрами о достоинствѣ прежде печатныхъ книгъ мнѣніе, дарованнымъ симъ ихъ обществу правомъ возбудившись паки, не возродитъ ли новые споры и упорства? Ибо что церковь по единому чадолюбному снисхожденію и христіанской терпимости дѣлаетъ, не будутъ ли какъ они, такъ и всѣ раскольники, почитать сіе достояніемъ, матерью отъ чадъ неправильно отторгнутымъ, а всегда имъ по праву принадлежавшимъ? Не содѣлаетъ ли это клинцовскія книги любимѣйшими простому народу, учебными у дѣтей его и употребительными во всякихъ случаяхъ? Затѣмъ, кромѣ сильнаго потрясенія въ церковныхъ постановленіяхъ, не положится ли спасительнымъ мѣрамъ, какія отческое его императорскаго величества, кротчайшаго во владыкахъ земныхъ, попеченіе предпріяло для распространенія народнаго просвѣщенія и для водворенія между поселянами вящшаго благонравія, дѣйствовать, сильная преграда? Ибо опытъ доказалъ, да и нынѣ у всѣхъ на виду, что потаенно напечатанныя и въ публику выпущенныя прежде изъ сей типографіи книги почти утроили число противящихся церкви, и что для наваждаемыхъ сими книгами всякое средство просвѣщенія неуспѣшно, ибо все то признаютъ они нововведеннымъ и еретическимъ. Народныя губернскія и градскія училища ихъ дѣтьми нигдѣ не посѣщаются. Намѣренія святѣйшаго синода въ напечатаніи сихъ книгъ для единовѣрческихъ церквей было и есть: дабы чрезъ то пресѣчь могущія вкрасться въ употребленіе развратныя книги и предупредить зло, каковое происходило и происходить можетъ отъ печатанія оныхъ разное своемысліе утверждающее. Что и его императорское величество, іюля 2-го дня 1801 года, высочайше утвердить соизволилъ, повелѣвъ назначить синоду съ своей стороны спос бныхъ надзирателей. Поводомъ такому положенію послужили вышесказанныя вышедшія изъ сей прежде потаенной типографіи и пущенныя въ публику книги, иныя хотя и церковно принятыя, но съ искаженіемъ или опущеніемъ ихъ обличающихъ текстовъ для поддержанія ихъ суевѣрія; другія, хотя также извѣстныхъ писателей, но церковно не признанныя и никогда въ печати не бывшія, напечатанныя же ими своемысленно и также съ порчею противъ подлинныхъ переводовъ; третьи безыменныя, неизвѣстныя, противныя ученію христіанскому и церковной исторіи, противонравственныя: „Цвѣтники“, „Каноны“ разнымъ святымъ и на разные случаи; четвертыя, вновь сочиненныя, поносительныя на церковь, съ выборомъ словъ урывками изъ священнаго писанія и даже укорительныя царской власти, и всѣ ложью и клеветами исполненныя; такого роду: „Соловецкая челобитная“, „Страданія соловецкихъ мучениковъ“, кои всѣ были мятежниками противъ государя царя Алексѣя Михайловича. Изданіе въ публику такого рода книгъ есть зло гражданское, церковное и прав-

ственное. Въ правилахъ высочайше утвержденнаго всеподданнѣйшаго доклада князя Куракина, какія для раскольниковъ нужны книги, не опредѣлено, но положено быть съ духовной и гражданской стороны по одному, и то цензорамъ, а не надзирателямъ (какъ то высочайшею волею повелѣно), которыхъ обязанности совершенно между собою разиствують: цензора должность есть разсматривать только предлагаемыя ему для напечатанія книги, какія же напечатаны будутъ, за тѣ онъ не отвѣчаетъ: а надзирателя типографіи обязанность есть, никакой не печатать книги безъ одобренія цензуры, и за каждую напечатанную въ оной книгу долженъ онъ правительству отвѣтствовать".

Мнѣніе архіепископа Павла заключается слѣдующими словами: „А хотя святѣйшій синодъ и опредѣляетъ предпоставить въ виду г. генералъ-губернатору въ возобновляемой въ Клинцовской типографіи не другія печатать книги, какъ съ печатныхъ при всероссійскихъ патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ и Іосифѣ, но, по моему мнѣнію, надлежитъ и здѣсь принять въ разсужденіе, будетъ ли имѣть силу сіе положеніе святѣйшаго синода у такого общества, которое почитаетъ себя внѣ церковнаго правительства и внѣ обязанности повиноваться синоду? И мѣры, какія онъ предписывать будетъ въ печатаніи книгъ, ограждаются ли закономъ, а въ случаѣ нарушенія оныхъ, гражданское правительство будетъ ли поставлять своею обязанностью судить по тѣмъ мѣрамъ о виновныхъ и ихъ винѣ? Ибо въ подносимомъ отъ князя Куракина, высочайше конфирмованномъ докладѣ, ничего о томъ не сказано. Сіи-то обстоятельства поставляю я весьма нужными къ принятію въ разсмотрѣніе прежде, нежели пущена будетъ въ дѣйствіе типографія, дабы со всѣхъ сторонъ опредѣлить ее правилами, далѣе бы коихъ и общество и печатаніе въ ней книгъ простираться не могли, что̀ и полагаю я быть согласнымъ какъ высочайшей его императорскаго величества волѣ о распоряженіяхъ, какія сдѣлать преосвященному митрополиту предоставлено, такъ и правиламъ благоразумія, которое совѣтуетъ, прежде нежели прорвана будетъ плотина, удерживающая въ рѣкѣ воду, которой дать теченіе нужда заставляетъ, обезопасить ближайшія селенія отъ потопленія".

Князь Куракинъ, принявъ указъ святѣйшаго синода какъ бы за знакъ неохотнаго дозволенія возобновить въ посадѣ Клинцовскомъ типографію, отнесся о томъ 24-го августа 1803 года къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, а впослѣдствіи представлялъ въ 1806 году святѣйшему синоду: „что по затрудненіямъ, найденнымъ преосвященнымъ ярославскимъ Павломъ о возобновленіи типографіи въ Клинцахъ, и соображая тѣ правила, которыя почтены необходимыми при учрежденіи типографіи, находитъ онъ, князь Куракинъ, что для точнаго удостовѣренія, чтобы было только печатаніе книгъ, принадлежащихъ къ служенію въ церквахъ, полезнѣе будетъ, если дозволеніе о заведеніи типографій ограничить на одну только въ Москвѣ типографію, о которой

просили единовѣрцы, въ Москвѣ живущіе, и гдѣ присмотръ, святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ требуемый, съ большимъ удобствомъ учредиться можетъ".

Такимъ образомъ прекратились дѣйствія по сему предмету князя Куракина. О возобновленіи типографіи въ посадѣ Клинцовскомъ ни отъ него ни отъ преемника его, генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго, по Черниговской губерніи никакихъ распоряженій послѣ того до 1811 года не было.

На представленіе черниговскаго губернскаго правленія по просьбѣ, поданной въ 1811 году сыномъ уже умершаго тогда Ѳедора Карташева, Акимомъ Карташевымъ, о возобновленіи въ посадѣ Клинцовскомъ типографіи, послѣдовалъ указъ святѣйшаго синода отъ 28-го іюня 1812 года. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, сказано: „Распоряженіе синода по сему предмету было сообщено бывшему малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину въ 1803 году, и притомъ препровождена изъ дѣла записка. Нынѣ же, по открытіи въ Клинцовскомъ посадѣ типографіи, *производящей печатаніе* старообрядческихъ книгъ на девяти станахъ, оная, какъ безъ дозволенія существующая, со всѣми принадлежащими къ ней инструментами и найденными книгами, совѣтникомъ черниговскаго губернскаго правленія Изюмовымъ запечатана и поручена надзору суражскаго земскаго суда, а самъ онъ, Карташевъ, по явкѣ его къ малороссійскому генералъ-губернатору съ просьбой о дозволеніи ему имѣть типографію и производить въ ней печатаніе старообрядческихъ книгъ, былъ имъ, губернаторомъ, во всѣхъ предметахъ, по сему случаю, со всею снисходительностью, которая въ таковыхъ дѣлахъ требуется, допрошенъ", и такъ далѣе.

Что касается до двухъ становъ и прочихъ при нихъ инструментовъ и литеръ, заарестованныхъ въ 1799 году и оставленныхъ у черниговскаго полицеймейстера, то изъ дѣлъ черниговскаго губернскаго правленія видно, что они поступили въ губернскія типографіи, черниговскую и полтавскую, и тамъ перелиты на гражданскія литеры. Существовавшіе девять становъ въ клинцовской типографіи Карташевымъ и его отцомъ были учреждены вновь.

„Разсматривая всѣ обстоятельства дѣла сего, я нахожу,—писалъ въ святѣйшій синодъ черниговскій генералъ-губернаторъ:—1) что открытая нынѣ въ Клинцовскомъ посадѣ купца Карташева типографія существовала съ 1805 года, не только безъ всякаго дозволенія, но и безъ вѣдома о ней начальства и безъ надлежащаго надзора, повелѣннаго волею монаршею; 2) печатаніе въ ней книгъ производимо было безъ всякаго свидѣтельства и исполненія распоряженій св. синода и представленія къ разсмотрѣнію его по два экземпляра книгъ; 3) между прочими книгами печатались и такія, которыя, мнѣніемъ преосвященнаго архіепископа ярославскаго Павла, найдены недозволенными, какъ-то: „Цвѣтники" и „Каноны" съ самовольными добавленіями, что̀ значится

изъ собственныхъ его, Карташева, показаній, и 4) что производство оной типографіи въ продолженіе сего времени, бывъ безъ всякаго за онымъ надзора отъ начальства, увеличилось до чрезмѣрности, такъ что угрожало послѣдствіями своими, объясненными въ мнѣніи преосвященнаго архіепископа Павла; а потому, не считая себя въ правѣ разрѣшить производство той типографіи, я приказалъ оставить оную со всѣми ея принадлежностями и найденными при ней книгами запечатанною, подъ надзоромъ суражскаго нижняго земскаго суда, впредь до послѣдующаго о томъ распоряженія. Для чего, представляя все сіе благоусмотрѣнію высшаго правительства, испрашиваю на оное повелѣнія".

Допросъ, снятый черниговскимъ генералъ-губернаторомъ съ Карташева, состоялъ въ слѣдующемъ: „1817 года 7-го февраля, посада Клинцова, 3-й гильдіи купецъ Акимъ Карташевъ, бывъ спрошенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, показалъ: 1) Я и отецъ мой дозволенія на устройство типографіи не имѣли, а въ 1804 году узнали мы, что государь императоръ дозволилъ въ Клинцовской слободѣ типографію; но объявленія о томъ ни отъ кого не было, и было ли о томъ отцу моему объявлено, не знаю. 2) Отцомъ моимъ устроена типографія въ 1805 году на шесть становъ, а три стана прибавлены мною въ 1809 году, о томъ подавалъ ли отецъ мой кому объявленіе, не знаю; я же не подавалъ, но просилъ черниговское губернское правленіе о дозволеніи мнѣ имѣть типографію въ 1806 и 1811 годахъ. 3) Объявленъ мнѣ указъ синода, что о томъ представлено бывшему генералъ-губернатору князю Куракину; но какъ отъ онаго, такъ и отъ преемника его я ничего не слыхалъ, а производилъ книгопечатаніе, потому что и умершій въ 1805 году отецъ мой при жизни своей производилъ оное. 4) Книгопечатаніе производимо было ни подъ чьимъ надзоромъ; и книгъ печатаныхъ для свидѣтельства я никуда не представлялъ, а перепечатывалъ самъ, по увѣренности, что оныя правительствомъ дозволены. 5) Перепечатывались слѣдующія книги: „Азбуки", „Часовники", „Псалтыри" и иныя, необходимо нужныя для обученія дѣтей; касающіяся къ церковному кругу: „Канонники", „Праздничныя Минеи", „Общія Минеи", „Цвѣтнички",—книги сіи были во время дозволенной типографіи свидѣтельствованы суражскимъ земскимъ судомъ; дѣлалъ я сверхъ того нужныя, но непротивныя закону добавленія въ книгахъ, мною перепечатанныхъ; „Праздничная Минея" не была свидѣтельствована суражскимъ земскимъ судомъ, но дозволена старообрядцамъ; равно и „Цвѣтники" не были свидѣтельствованы, но печатаны по выбору изъ свидѣтельствованныхъ книгъ. 6) Во всѣхъ годахъ печатались каждый годъ отъ 1.000 до 1.200 экземпляровъ всякой книги, а „Псалтырей" и болѣе. 7) Продаваемы были эти книги въ Москву московскому купцу Якову Игнатьеву, живущему у Рогожской заставы, на Вороньей улицѣ, въ собственномъ домѣ, а равно по мелочамъ въ собственномъ домѣ продавалъ я желающимъ; бѣднымъ же давалъ безденежно.

8) Продажу оную я производилъ явно, по увѣренности, что оная не противна правительству. 9) Управлялъ типографіею я самъ, а надсматривалъ надъ оной клинцовскій мѣщанинъ Василій Соболевъ, онъ же и Сухоруковъ. 10) Рабочихъ въ типографіи употреблялось не равное число, отъ 12 до 25, наймомъ изъ клинцовскихъ обывателей старообрядческой вѣры. 11) Типографія не находилась ни подъ чьимъ покровительствомъ, ибо я былъ увѣренъ, что сіе не противно волѣ государя императора. 12) У родителя моего до 1799 года были гражданскія буквы, ибо онъ печаталъ съ 1797 по 1799 годъ, съ вѣдома и по условію черниговскаго губернскаго правленія, въ городѣ Черниговѣ, но въ 1799 году оныя губернскимъ правленіемъ у насъ отобраны, и болѣе таковыхъ не оставалось и доселѣ не было. 13) Извѣстенъ я, что есть таковая же типографія въ Махновкѣ или около оной, подлинно не знаю; извѣстенъ, что оттоль таковыя же книги доставлялись въ Москву. 14) Производится ли въ той типографіи печатаніе недозволенныхъ книгъ,—не знаю, но видѣлъ я продаваемыя въ Москвѣ книги таковыя же, которыя перепечатывались у меня и которыхъ не полагаю запрещенными. 15) Болѣе сего ничего не имѣю показать, ибо ничего о томъ не знаю и не слыхалъ".

Въ журналѣ комитета министровъ 14-го апрѣля 1817 года по дѣлу о типографіи Карташева сказано слѣдующее: „Слушана записка управляющаго министерствомъ полиціи о старообрядческой типографіи купца Карташева, Черниговской губерніи, при посадѣ Клинцовскомъ. (Записка сія въ оригиналѣ препровождена къ тайному совѣтнику князю Александру Николаевичу Голицыну). Комитетъ, усматривая изъ донесенія малороссійскаго военнаго губернатора, что относительно существованія типографіи для печатанія старообрядческихъ книгъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, 14-го сентября 1803 года, сообщилъ бывшему малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину высочайшую его императорскаго величества волю, дабы онъ, въ нужныхъ по сему случаю распоряженіяхъ, сообразовался съ высочайше утвержденнымъ разсужденіемъ синодальнаго члена, преосвященнаго архіепископа ярославскаго Павла, который не былъ согласенъ на предположенное святѣйшимъ синодомъ позволеніе; но какъ князь Куракинъ, вслѣдствіе сего, не сдѣлалъ ничего положительнаго, а представлялъ только полезнѣйшимъ ограничить заведеніе таковыхъ типографій на одну типографію въ Москвѣ, и гдѣ присмотръ, касательно печатанія старообрядческихъ книгъ требуемый, съ большею удобностью учредиться можетъ, то комитетъ и полагалъ: обстоятельство сіе передать на уваженіе святѣйшаго синода, съ тѣмъ, чтобы рѣшительное заключеніе по оному, чрезъ комитетъ министровъ, внесено было на высочайшее его императорскаго величества благоусмотрѣніе, до того же времени книгъ въ клинцовской типографіи печатать не дозволять; равнымъ образомъ поручить управляющему министерствомъ полиціи за-

претить таковое же печатаніе въ Махновкѣ, буде дѣйствительно есть тамъ типографія".

При подписаніи журнала генералъ-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ объявилъ, что государь императоръ, по разсмотрѣніи меморіи комитета министровъ, положеніе онаго высочайше утвердить соизволилъ. Тогда комитетъ министровъ опредѣлилъ: „сообщить обо всемъ этомъ управляющему министерствомъ полиціи графу Вязмитинову и тайному совѣтнику князю А. Н. Голицыну выписками изъ сего журнала къ надлежащему исполненію". Записка управляющаго министерствомъ полиціи, внесенная въ комитетъ, по которой состоялось приведенное положеніе, отправлена къ князю А. Н. Голицыну. Управлявшій тогда министерствомъ полиціи, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ С. К. Вязмитиновъ 30-го апрѣля 1817 года сообщилъ о рѣшеніи комитета министровъ малороссійскому военному губернатору, для надлежащаго распоряженія, и тогда же предложилъ кіевскому гражданскому губернатору приказать, тотчасъ по полученіи бумаги, сдѣлать точнѣйшую выправку изъ дѣлъ: дѣйствительно ли въ Махновкѣ есть старообрядческая типографія, и если есть, то съ какого времени существуетъ, кѣмъ устроена, кѣмъ содержится, съ чьего позволенія открыта, какія печатаетъ книги и куда ихъ отсылаетъ. Обо всемъ этомъ кіевскій губернаторъ долженъ былъ подробнѣйшимъ образомъ увѣдомить графа Вязмитинова, приказавъ между тѣмъ, если типографія существуетъ, закрыть ее и впредь до повелѣнія не позволять производить въ ней печатанія.

Кіевскій гражданскій губернаторъ, 6-го іюня 1817 года, донесъ министру полиціи, что въ городѣ Махновкѣ дѣйствительно была старообрядская типографія, находившаяся въ содержаніи московскаго купца Селезнева, но по несостоятельности хозяина къ дальнѣйшему ея содержанію, еще въ 1810 году, прекратила печатаніе, и всѣ шрифты, какіе въ ней были, забраны кіевскимъ купцомъ Константиномъ Колычевымъ Подольской губерніи Литинскаго уѣзда въ мѣстечко Яновъ, гдѣ въ настоящее время и производится печатаніе.

Управляющій министерствомъ полиціи 19-го іюня 1817 г. предложилъ подольскому гражданскому губернатору: если въ мѣстечкѣ Яновѣ окажется типографія, принять тѣ же мѣры, которыя сейчасъ исчислены относительно типографіи Селезнева, если-бъ она была найдена въ Махновкѣ. Нѣсколько прежде того подольскій архіепископъ Іоанникій 6-го мая 1817 года писалъ подольскому губернатору: „находящійся въ Подольской губерніи Литинскаго повѣта въ мѣстечкѣ Яновѣ раскольникъ Константинъ Колычевъ, заведя типографію, печатаетъ въ ней разныя раскольническія книги, которыя развозитъ для продажи въ разныя россійскія мѣста, и до такой степени увеличилъ оную типографію, что на двѣнадцати прессахъ не только раскольничьи книги, но даже вѣнчики для погребенія мертвыхъ тѣлъ дѣлаетъ". Архіепископъ Іоан-

никій, уведомляя объ этомъ губернатора, просилъ его распоряженія о нарядѣ со стороны гражданской чиновника къ произведенію изслѣдованія о типографіи Колычева. Узнавъ, что печатаніе Колычевымъ старообрядскихъ книгъ въ Яновѣ началось еще съ 1809 года, что объ этомъ было производимо слѣдствіе, и не зная настоящаго хода дѣла, губернаторъ 2-го іюля 1817 г. поручилъ литинскому повѣтовому маршалу (уѣздному предводителю дворянства) графу Холоневскому узнать чрезъ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, на чемъ означенное слѣдствіе пріостановлено и кто причиной его неокончанія, а между тѣмъ въ мѣстечкѣ Яновѣ *) произвесть, при бытности духовнаго депутата, слѣдствіе безъ всякаго отлагательства: когда именно старообрядская типографія, съ чьего дозволенія и на чьемъ коштѣ устроена, какія въ ней печатаются книги и куда онѣ отпускаются. И когда откроется, что сія типографія раскольникомъ Колычевымъ или другимъ кѣмъ-либо устроена самовольно, то, прекративъ книгопечатаніе, сдѣлать подробнѣйшее описаніе всѣмъ инструментамъ и имѣющимся въ наличности книгамъ и вѣнчикамъ и все, что только могло бы открыться, опечатать и не допускать болѣе Колычева къ таковому книгопечатанію до рѣшительнаго о той типографіи постановленія, равномѣрно аккуратно разыскать, куда и сколько Колычевъ вывозилъ отпечатанныхъ въ своей типографіи книгъ, на какихъ діалектахъ и съ аппробаціи ли цензуры оныя печатаны или нѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ подольскій губернаторъ, въ отвѣтъ на предписаніе министерства полиціи отъ 19-го іюня, послалъ 29-го августа 1817 года списокъ съ представленія слѣдственной комиссіи, въ мѣстечкѣ Яновѣ учрежденной подъ предсѣдательствомъ графа Холоневскаго. Произведеннымъ слѣдствіемъ открыто: 1) Типографія въ Яновѣ устроена неизвѣстно за сколько лѣтъ назадъ, и о состояніи оной будто бы было извѣстно губернскому начальству. Печатаніе въ ней старообрядческихъ книгъ существовало еще во время управленія сю московскимъ мѣщаниномъ Павломъ Ивановымъ Селезневымъ. Колычевъ въ 1805 году купилъ эту типографію съ двумя станками у яновскихъ евреевъ, на капиталъ московскаго 2-й гильдіи купца Дмитрія Өедорова, за 100 червонцевъ и умножилъ ее восемью добавочными и однимъ недѣйствующимъ прессами; онъ управляетъ типографіей по довѣренности купца Өедорова, данной ему 24-го ноября 1814 г. 2) Печатаются въ яновской типографіи книги, однѣ на польскомъ діалектѣ, какъ-то подъ названіемъ: „Златой алтарикъ", „Элементаржъ", „Словари польско-латинскій и русско-польскій", „графъ Олгорусскій" и „Офиціушки";а другія на русскомъ діалектѣ старообрядческія духовныя, на основаніи указовъ 1801 года іюня 2-го, 1803 и 1799 годовъ февраля 10-го, которыя напечатаны по благословенію святѣйшихъ патріарховъ московскихъ Филарета Никитича, Іоасафа, Іосифа по десятое лѣто, а царя

*) Оно принадлежало этому самому графу Холоневскому.

Алексѣя Михайловича по седьмое, и по которымъ святѣйшій синодъ благословляетъ священство исправлять службу Божію въ старообрядческихъ приходахъ, а именно: „Страсти Христовы", „Василія Новаго поученія", „О лжеучителяхъ", „Священноинока Дороѳея", „Іоанна Златоуста поученія", „Псалтыри", „Евангелія толковыя", „Канонники", „Шестодневъ", имѣющій службу на восемь гласовъ, „Ефрема Сирина", „Аввы Дороѳея". Книги во время производства типографіи отпускаемы имъ были въ годъ четыре раза количествомъ по одной тысячѣ всякой отправки въ городъ Москву, къ вѣрителю его Ѳедорову. Вѣнчики печаталъ онъ, Колычевъ, по требованію яновскаго священника Стефана Левицкаго, и такое требованіе произвелъ Левицкій два раза: въ 1814 году лично, а въ 1817, при бытности въ Яновѣ, чрезъ пріѣзжавшаго изъ Каменца родного брата его Григорія. На сіи вѣнчики давалъ онъ, Левицкій, собственную форму, каковая доставила ему отпечатать вѣнчиковъ въ первый разъ на его бумагѣ 2.000 экземпляровъ, составляющихъ по десяти вѣнчиковъ на каждомъ, съ полученіемъ платежа только за бумагу, а во второй также 2.000, на представленной священникомъ Левицкимъ бумагѣ безъ платежа; затѣмъ отобраны имъ, Левицкимъ, формы, и онъ, Колычевъ, уже никому затѣмъ не печаталъ таковыхъ.

Комиссія, бывшая подъ предсѣдательствомъ графа Холоневскаго, опредѣлила: „Поелику старообрядецъ Колычевъ на устроеніе въ мѣстечкѣ Яновѣ типографіи отъ гражданскаго правительства письменнаго дозволенія не предъявилъ, а ссылается голословно, что оная учреждена за нѣсколько лѣтъ назадъ и о состояніи ея вѣдаетъ будто бы гражданское начальство, да и имѣются на то въ литинскомъ нижнемъ земскомъ судѣ и у повѣтоваго стряпчаго разрѣшенія и указы: печатать старообрядческія книги, которыя духовнымъ сей консисторіи депутатомъ признаются быть греко-россійской восточной церкви противными и къ изданію недозволенными, и другія яко бы цензурнаго дозволенія, на что тоже письменнаго вида не представилъ, а признаётъ самъ, что отпечаталъ старообрядческихъ вѣнчиковъ 4.000 экземпляровъ будто бы для священника Левицкаго, для того учинить: 1) Въ литинскій нижній земскій судъ и къ повѣтовому стряпчему о сдѣланіи надлежащей между дѣлами выправки, есть ли дѣйствительно отъ губернскаго правленія дозволеніе на заведеніе старообрядцу Колычеву въ мѣстечкѣ Яновѣ типографіи, и о послѣдующемъ требовать скораго увѣдомленія: для поспѣшнѣйшаго же о семъ собиранія свѣдѣній, представить губернатору и просить въ разрѣшеніе его наставленія, какъ поступить съ самимъ Колычевымъ за отпечатаніе имъ 4.000 вѣнчиковъ старообрядческихъ, который, состоя въ родѣ приказчика по довѣренности московскаго купца Дмитрія Ѳедорова, рѣшился на злоупотребленіе; до полученія же отъ губернатора наставленія опечатать типографію со всѣми инструментами и книгами и предписать мѣстной экономіи имѣть

надзоръ, дабы Колычевъ ничего изъ дому на сторону вывезти и самъ отлучаться впредь до разрѣшенія не могъ. 2) Священнику Левицкому послать повѣстку и требовать объясненія, когда именно и на какую надобность требовалъ онъ отпечатанія въ два раза по 2.000 экземпляровъ, составляющихъ каждый по десяти вѣнчиковъ, откуда имъ взята форма и даваема была Колычеву на отпечатаніе вѣнчиковъ, гдѣ теперь оная находится, и въ какую надобность то число вѣнчиковъ имъ употреблено".

На запросъ, сдѣланный священнику Левицкому, сей послѣдній не сознался, будто бы заказывалъ вѣнчики, а показалъ, что покупалъ только изъ типографіи Колычева бумагу и въ ней нашелъ два листа, содержащіе по восьми старообрядческихъ вѣнчиковъ, и ихъ представилъ по начальству, въ чемъ сослался на исправника. Исправникъ показалъ, что онъ ничего не знаетъ, и священникъ Левицкій ему ничего о вѣнчикахъ не говорилъ, и что онъ, исправникъ, даже никакого понятія о типографіи въ Яновѣ не имѣлъ. На вторичный допросъ Колычевъ показалъ, что священникъ Левицкій привозилъ отъ брата своего, присутствующаго въ консисторіи, письмо, коимъ просилъ его, Колычева, о напечатаніи 2.000 экземпляровъ вѣнчиковъ, но письмо это потеряно; а въ 1816 году братъ священника Левицкаго, Григорій, просилъ его лично въ католическомъ яновскомъ костелѣ о напечатаніи вторично 2.000 экземпляровъ вѣнчиковъ, и что напечатанные вѣнчики самъ Левицкій, бывши у него, лично взялъ. На то священникъ Левицкій лично въ комиссіи сказалъ, что дѣйствительно былъ у Колычева, но купилъ у него около 10-ти стопъ бумаги, и бумагу эту взялъ самъ, но вѣнчиковъ не заказывалъ и не бралъ; а на двукратныя повѣстки комиссіи священникъ Левицкій не отвѣчалъ, требуя медленности до 20-го августа.

Такъ какъ дѣло это замедлилось, то слѣдственная комиссія просила у губернатора разрѣшенія: должна ли типографія остаться опечатанною, или дозволить ему, Колычеву, продолжать печатаніе?

По представленіи объ этомъ подольскаго губернатора на разрѣшеніе министерства полиціи, 17-го сентября 1817 года получено отъ графа Вязмитинова слѣдующее распоряженіе: „Сообразоваться въ отношеніи типографіи, въ мѣстечкѣ Яновѣ находящейся, съ положеніемъ на этотъ предметъ комитета господъ министровъ, состоявшимся 14-го апрѣля 1817 года, равно какъ и поступлено съ клинцовскою типографіей. О польской же типографіи удостовѣриться, было ли на заведеніе оной дано позволеніе купцу Колычеву, и поступить сообразно съ тѣмъ, что окажется".

На дозволеніе завести въ Яновѣ польскую типографію Колычевъ никакихъ документовъ представить не могъ, какъ и о раскольническомъ печатаніи. Управлявшій министерствомъ полиціи 16-го августа 1818 года отнесся къ князю А. Н. Голицыну, прося его мнѣнія для рѣшительнаго заключенія по дѣлу о старообрядскихъ типографіяхъ. Князь А. Н. Го-

лицынъ 20-го октября увѣдомилъ графа Вязмитинова, что положеніемъ комитета министровъ, состоявшимся въ 27-й день августа 1818 года, постановлено: „1) На основаніи высочайше конфирмованнаго во 2-й день іюня 1801 года доклада святѣйшаго синода въ разсужденіи изданія книгъ, сходныхъ съ старопечатными, по коимъ отправляется нынѣ богослуженіе не токмо въ единовѣрческихъ церквахъ, но даже и у раскольниковъ, не имѣющихъ церквей, по примѣру единовѣрцевъ нашихъ, имѣть одну только типографію, которой и быть въ Москвѣ, на иждивеніи прихожанъ тамошней единовѣрческой церкви, какъ они и прежде о семъ просили. 2) Типографіи сей, въ отношеніи печатанія въ оной книгъ, состоять подъ присмотромъ особыхъ чиновъ, которые имѣютъ быть опредѣлены отъ святѣйшаго синода. 3) *А дабы не могло послѣдовать сей типографіи подрыва отъ изданія подобныхъ книгъ*, въ существующихъ нынѣ типографіяхъ въ посадѣ Клинцовскомъ и селеніи (sic) Махновкѣ, въ Черниговской губерніи (?) состоящихъ, то оныя уничтожить, съ строгимъ запрещеніемъ печатанія въ нихъ и продажи книгъ, относящихся къ церковному служенію; а притомъ и *самый ввозъ таковыхъ книгъ изъ-за границы* оградить строжайшимъ запрещеніемъ и бдительнымъ надзоромъ. Въ противномъ случаѣ, если подобныя книги привезены будутъ изъ-за границы, то оныя конфисковать и, не предавая истребленію, отсылать въ московскую синодальную типографскую контору, или въ типографію при святѣйшемъ синодѣ состоящую, смотря по удобности; виновныхъ же въ провозѣ книгъ предавать сужденію по закону. 4) Содержателямъ типографіи, имѣющей открыться въ Москвѣ, на иждивеніи прихожанъ тамошней единовѣрческой церкви, предложить, не согласятся ли они купить всѣ принадлежности въ существующихъ нынѣ типографіяхъ Клинцовской и Махновской, по добровольному, впрочемъ, въ цѣнѣ соглашенію“.

Это положеніе комитета министровъ, высочайше утвержденное въ Москвѣ 31-го декабря 1818 г., управлявшій министерствомъ полиціи разослалъ циркулярно ко всѣмъ начальникамъ губерніи. Впослѣдствіи оно вошло въ „Полное Собраніе Законовъ“ и въ „Сводъ Законовъ“ *). Вслѣдствіе возникшаго вопроса со стороны министра финансовъ: какъ распознавать раскольническія книги отъ другихъ духовныхъ книгъ, привозимыхъ изъ-за границы, управлявшій министерствомъ полиціи входилъ въ сношеніе съ княземъ А. Н. Голицынымъ, который объяснилъ, что узнавать ихъ можно по церковнымъ литерамъ (?), почему, несмотря ни на время изданія ихъ ни на иное какое-либо различіе, подвергать кон-

*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“, № 27.611, и «Сводъ Законовъ», томъ XVI, «Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій», ст. 65 и 66. Сравн. «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 134—138. Подъ заграничными изданіями, вѣроятно, разумѣются напечатанныя въ Ясахъ, но въ то время тамъ раскольничьихъ книгъ еще не печаталось.

фискаціи *). Что и было министромъ полиціи сообщено министру финансовъ 2-го іюня 1819 года и циркулярно всѣмъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и начальникамъ областей.

Повѣренный московскаго 2-й гильдіи купца Өедорова, кіевскій 3-й гильдіи купецъ Константинъ Константиновъ Колычевъ, 14-го августа 1819 года прислалъ въ министерство полиціи просьбу, въ которой писалъ, что „вслѣдствіе положенія комитета господъ министровъ объ уничтоженіи старообрядческихъ типографій, и вѣрителя его управляемая имъ типографія, переведенная изъ Махновки въ мѣстечко Яновъ, остается донынѣ съ іюля 1817 года, за печатаніе въ оной старообрядскихъ книгъ, подъ запрещеніемъ. Но какъ въ ней производилось тисненіе съ дозволенія виленскаго университета и на другихъ языкахъ, какъ-то: россійскомъ, польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, каковыя буквы, такъ же, какъ и церковныя, обще съ напечатанными въ немаломъ количествѣ книгами старообрядскими, находятся подъ секвестромъ, то и проситъ приказать выдать, кромѣ церковныхъ, упомянутыхъ діалектовъ буквы, дозволить безпрепятственное тисненіе оными книгъ попрежнему въ той же типографіи; а во-вторыхъ, возвратить уже отпечатанныя старообрядскія книги, насчетъ коихъ и въ вышеприведенномъ положеніи комитета ничего не сказано, и разрѣшить продажу оныхъ, дабы чрезъ то не подвергнуть вѣрителя его еще въ бо́льшій и безъ того уже ощутительный убытокъ“.

Управлявшій министерствомъ полиціи, имѣя въ виду два положенія комитета министровъ: 14-го апрѣля 1817 года и 27-го августа 1818, относящіяся до печатанія старообрядскихъ книгъ, положилъ: „дозволить въ яновской типографіи печатаніе книгъ гражданскихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ можно, но со строгимъ наблюденіемъ со стороны мѣстнаго начальства, чтобъ подъ этимъ предлогомъ не было печатаемо книгъ старообрядскихъ; что же касается сихъ послѣднихъ, тамъ уже напечатанныхъ, то можно, кажется, въ отвращеніе убытка, предоставить содержателю типографіи, если онѣ противу книгъ, кои въ московской типографіи для печатанія оныхъ учрежденной, не различествуютъ, продать той типографіи по обоюдному въ цѣнѣ соглашенію. Впрочемъ, все сіе управляющій министерствомъ полиціи предаетъ на благоусмотрѣніе комитета гг. министровъ“. О содержаніи просьбы Колычева онъ сообщилъ и князю А. Н. Голицыну.

Князь А. Н. Голицынъ, получивъ отношеніе графа Вязмитинова 9-го мая 1820 года, отнесся къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что, по содержанію просьбы Колычева относительно книгъ церковной печати, онъ предлагалъ на разсмотрѣніе святѣйшаго синода; что же касается до книгъ гражданскихъ, которыя печатались въ яновской

*) Стало-быть, и «Краковскій Часословъ» 1491 года, и «Скорининскую Библію» 1517, и венеціанскія и тюбингенскія изданія XVI ст., и т. п.

или махновской типографіяхъ на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, а потомъ арестованы, то объ оныхъ предписано отъ него, какъ отъ министра народнаго просвѣщенія, виленскому университету доставить подробныя свѣдѣнія: дѣйствительно ли въ помянутой типографіи дозволено было тисненіе книгъ гражданской печати съ дозволенія цензуры онаго университета, какого рода книги сіи, въ какомъ количествѣ онѣ были напечатаны, имѣлъ ли университетъ или цензура онаго какое-либо за симъ смотрѣніе, и посредствомъ кого это смотрѣніе исполнялось. Святѣйшій синодъ предоставилъ князю Голицыну снестись съ кѣмъ слѣдуетъ объ истребованіи достовѣрныхъ свѣдѣній: какія именно церковныя книги, напечатанныя въ махновской или яновской раскольнической типографіи, находятся подъ запрещеніемъ, и въ какомъ количествѣ экземпляровъ каждая книга напечатана и нынѣ находится.

Сообщая объ этомъ постановленіи святѣйшаго синода управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, князь Голицынъ просилъ сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе, согласно мнѣнію святѣйшаго синода, и спрашивалъ, не признаетъ ли онъ за нужное потребовать свѣдѣнія не только о церковныхъ книгахъ старой печати, но и о книгахъ гражданскихъ, равно какъ и о типографскихъ принадлежностяхъ, заарестованныхъ въ яновской типографіи, дабы въ одно время можно было о тѣхъ и другихъ сдѣлать распоряженіе. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ истребовалъ эти свѣдѣнія отъ подольскаго губернатора и сообщилъ ихъ князю Голицыну.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ 17-го іюля 1822 года сообщилъ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: „Преосвященный Филаретъ, архіепископъ московскій и коломенскій, 12-го іюня довелъ до свѣдѣнія, что его преосвященству представлены купленныя въ Москвѣ книги, такъ-называемыя „Златоустникъ“ и „Славянская азбука“, печатанныя не въ тѣхъ типографіяхъ, которымъ дано на сіе право по узаконеніямъ. Вслѣдствіе чего, по отношенію его преосвященства, взято московскою полиціей и отослано, согласно съ узаконеніемъ, въ тамошнюю синодальную типографію великое количество подобныхъ книгъ недозволенной печати. По сему случаю онъ, преосвященный Филаретъ, поручилъ московской консисторіи войти въ надлежащія сношенія объ открытіи виновныхъ въ недозволенномъ печатаніи; но какъ до него по слуху дошло, что таковое печатаніе продолжается, то онъ, принимая въ уваженіе, что ввозъ въ Москву запрещенныхъ книгъ не всегда можетъ быть открытъ, какъ сіе удалось нынѣ, проситъ меня, чтобы для прекращенія недозволеннаго печатанія и въ предотвращеніе большого подрыва законнымъ типографіямъ, учинено было съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе, дабы немедленно обращено было вниманіе на мѣсто запрещеннаго книгопечатанія, къ пресѣченію злоупотребленія по сей части и для поступленія съ виновными по законамъ“. Съ тѣмъ вмѣстѣ преосвященный Филаретъ препроводилъ къ князю Го-

лицыну вышепомянутыя книги: „Златоустникъ“ и „Славянскую азбуку“ и представленный ему выходный листъ „Псалтыри“, изъ котораго видно, что онъ печатанъ въ типографіи кіевскаго купца Константина Колычева, бывшей въ Подольской губерніи, въ мѣстечкѣ Яновѣ.

Изъ дѣлъ департамента духовныхъ дѣлъ, управляемаго княземъ Голицынымъ, открылось: „1) что 27-го августа 1818 года утверждено комитетомъ гг. министровъ положеніе святѣйшаго правительствующаго синода объ уничтоженіи двухъ раскольническихъ типографій, безъ вѣдома правительства раскольниками заведенныхъ, изъ коихъ одна существовала Черниговской губерніи въ Клинцовскомъ посадѣ, а другая Подольской губерніи въ мѣстечкѣ Яновѣ, куда была переведена изъ селенія Махновки; 2) что вмѣсто сихъ двухъ типографій позволено старообрядцамъ, прихожанамъ московской единовѣрческой церкви, завести при ней на свой коштъ одну типографію, согласно съ прежнею ихъ о семъ просьбой, съ тѣмъ, чтобъ оной быть въ отношеніи тисненія книгъ подъ присмотромъ особыхъ чиновъ, назначенныхъ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ. Въ предотвращеніе же могущаго послѣдовать подрыва сей новой типографіи отъ изданія подобныхъ книгъ въ вышеупомянутыхъ яновской и клинцовской типографіяхъ, строжайше запрещено, съ уничтоженіемъ оныхъ, гдѣ-либо, кромѣ предположенной въ Москвѣ типографіи, печатать и продавать книги, относящіяся къ церковному служенію. Самый ввозъ таковыхъ книгъ изъ-за границы огражденъ строжайшимъ запрещеніемъ и бдительнымъ надзоромъ. Въ противномъ же случаѣ постановлено: ввезенныя изъ-за границы книги конфисковать и отсылать по удобности для храненія въ московскую синодальную типографскую контору или въ находящуюся при святѣйшемъ синодѣ типографію, а виновныхъ предавать сужденію по законамъ“.

А какъ комитетомъ гг. министровъ было предоставлено министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія особо доложить по сему предмету государю императору, то его величество, по выслушаніи всеподданнѣйшаго доклада князя Голицына, 25-го мая 1819 года, Высочайше соизволилъ на таковое положеніе святѣйшаго синода, о чемъ князь Голицынъ того же числа довелъ до свѣдѣнія комитета министровъ. На основаніи сего заведена въ Москвѣ, при тамошней единовѣрческой церкви, типографія для изданія богослужебныхъ книгъ, сходныхъ съ старопечатными.

Поэтому князь Голицынъ обратился къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, прося его, дабы онъ употребилъ законныя мѣры, не токмо къ немедленному уничтоженію типографіи купца Колычева и подобныхъ оной, буде таковыя окажутся гдѣ-либо внутри государства, но и къ надлежащему поступленію по законамъ съ помянутымъ Колычевымъ; тѣмъ болѣе, что возобновленное имъ, вопреки запрещенію правительства, печатаніе книгъ и тайный ввозъ оныхъ въ Москву и другія мѣста, безъ сомнѣнія, нанесли значительный подрывъ и убытокъ содер-

жателямъ вышеозначенной московской старообрядской типографіи, и что главное, безъ того надзора, который учрежденъ для сей послѣдней.

Іюля 31-го 1822 года управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложилъ малороссійскому военному губернатору: велѣть чрезъ благонадежнаго чиновника произвесть слѣдствіе: не было ли въ Клинцовскомъ посадѣ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ возобновлено печатаніе богослужебныхъ книгъ, и ежели гдѣ окажется, то, заарестовавъ всѣ книги и самую типографію, учредителя предать суду; типографію же и книги перевезти въ губернскій городъ, заарестовавъ оныя; обо всемъ арестованномъ въ министерство представить опись. То же предложено и подольскому губернатору. Князь Голицынъ объ этихъ распоряженіяхъ увѣдомленъ.

Сентября 23-го 1822 года, подольскій военный губернаторъ донесъ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что чиновникъ, которому поручено было изслѣдованіе по вышеозначенному предмету, отправясь на мѣсто, въ мѣстечко Яновъ, и узнавъ, что Колычевъ перешелъ на жительство въ селеніе, называемое Майданъ-Почапинецкій, въѣзжалъ туда въ домъ Колычева и по обыску нашелъ въ кладовыхъ нѣкоторыя книги безъ переплета и большое количество разныхъ лѣкарствъ въ шкапахъ, а за оными также въ разныхъ тайныхъ мѣстахъ сокрытыя книги, безъ переплета, церковной печати, нашелъ также нѣсколько станковъ типографскихъ со снарядами и литерами, да особо три станка, хранившіеся въ помѣщичьемъ чуланѣ.

При слѣдствіи Колычевъ хотя и объяснялъ, что послѣ данной имъ подписки въ 1819 году онъ не печаталъ книгъ, но по разысканію открылось противное, именно: 1) переселясь въ село Майданъ-Почапинецкій, онъ возобновилъ тутъ печатаніе дополненій къ книгамъ, прежде недопечатаннымъ, какъ-то: „Златоустнику", „Славянской азбукѣ" и выходному листу „Псалтири" (?). 2) Производилъ печатаніе на одномъ станкѣ (съ частью литеръ въ формѣ, бывшихъ не болѣе полпуда), который сгорѣлъ 1821 года октября 25-го, и съ этого времени не печаталъ болѣе ничего. 3) Изъ числа отпечатанныхъ книгъ, нѣкоторую часть пріѣзжавшимъ пилипонамъ (то-есть раскольникамъ) продалъ (прозванія покупателей не знаетъ) до тысячи книгъ, а шесть тысячъ листовъ „Азбуки" отправилъ въ Москву съ купцомъ Избушкинымъ; прочую же массу книжнаго товара, при немъ найденную, предполагалъ продать оптомъ купцамъ московскимъ или кременчугскимъ, но изъ нихъ никто не явился.

Всѣ найденныя у Колычева книги и типографскіе инструменты арестованы и сданы по описи, по распоряженію повѣтоваго маршала, въ архивъ литинскаго повѣтоваго суда, вмѣстѣ съ прочими вещами, для храненія, впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Найденные у Колычева медикаменты освидѣтельствованы и по описи арестованы до окончанія дѣла. По окончаніи слѣдствія о Колычевѣ положено сдѣлать распоря-

женіе объ отправленіи дѣла въ судебное мѣсто для сужденія Колычева по законамъ за возобновленіе печатанія книгъ въ противность воспрещенія, сдѣланнаго ему отъ правительства; онъ преданъ надзору мѣстной полиціи, дабы не могъ скрываться до окончанія надъ нимъ суда. Донося объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, подольскій губернаторъ представилъ шесть книгъ печати Колычева: „Златоустникъ", „Славянскую азбуку", „Псалтирь", „Канонникъ", „Часословъ" и „Страсти Христовы". Прочія же и книги и вещи не отправлены въ Петербургъ по огромному ихъ количеству, требовавшему большой издержки на перевозъ. Онѣ оставлены для храненія въ литинскомъ повѣтовомъ судѣ въ архивѣ.

Представленная подольскому губернатору опись найденному книжному и типографскому матеріалу, бумагамъ и книгамъ и вызолоченной медали, при именующемся кіевскимъ 3-й гильдіи купцомъ (онъ же и регистровый товарищъ) Константинѣ Колычевѣ, составленная Литинскаго повѣта въ мѣстечкѣ Яновѣ, августа 21-го дня 1822 года, представлена въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Ноября 2-го 1822 года управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ князя Голицына объ открытіи и конфискованіи новой у Колычева тайной типографіи, въ которой найдены и тѣ самыя книги, о которыхъ писалъ московскій архіепископъ Филаретъ, и о томъ, что виновные преданы суду. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей при этомъ высказалъ князю Голицыну свое мнѣніе, что для прекращенія удобства къ подобному впредь покушенію раскольниковъ онъ полагалъ бы совершенно истребить всѣ безъ изъятія вещи и типографскіе матеріалы, отобранные у Колычева.

Изъ розысковъ, сдѣланныхъ по распоряженію малороссійскаго военнаго губернатора, не видно, чтобъ въ завѣдываемомъ имъ краѣ существовала въ то время (1821—1822 гг.) старообрядская типографія.

Князь А. Н. Голицынъ 11-го декабря 1822 года увѣдомилъ графа Кочубея, что все изложенное въ отношеніи его сообщалъ онъ архіепископу московскому Филарету; а послѣдній сообщилъ ему, что книги, поименованныя въ описяхъ, есть уже въ синодальной типографіи въ большомъ количествѣ и служатъ только къ обремененію ея; прочія же книги, составляющія собственную библіотеку Колычева, подъ узаконеніе не подходятъ; что требованіе въ синодальную или единовѣрческую типографію въ видѣ покупки — болѣе представляетъ затрудненія, нежели пользы, а по симъ соображеніямъ онъ, архіепископъ московскій Филаретъ, полагаетъ, что изъ поименованныхъ въ описи книгъ и вещей ничего не нужно; только бы гражданскимъ правительствомъ приняты были точныя мѣры, чтобы тѣ книги и вещи впредь не остались предметомъ злоупотребленія. Сообщивъ объ этомъ отзывѣ московскаго архіепископа, князь Голицынъ присовокупилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе графа Кочубея, а вѣрнѣйшимъ средствомъ къ отвращенію всякаго

злоупотребленія въ семъ случаѣ считаетъ совершенное истребленіе всѣхъ книгъ и типографскихъ принадлежностей, отобранныхъ у купца Колычева.

Поэтому декабря 27-го 1822 года министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей предписалъ подольскому военному губернатору: „1) всѣ отобранныя у Колычева старообрядскія книги, типографскіе инструменты и матеріалы *истребить совершенно* подъ наблюденіемъ благонадежнаго чиновника; 2) книги гражданскія, составляющія собственную библіотеку Колычева, возвратить ему подъ расписку; 3) также и медикаменты, разсмотрѣвъ предварительно, не заключаютъ ли въ себѣ чего непозволительнаго, отдать Колычеву подъ расписку“.

Въ дополненіе къ этой запискѣ прилагаемъ еще нѣкоторыя выписки изъ дѣлъ святѣйшаго синода, относящіяся до старообрядскихъ типографій:

I. Въ 1802 году, Черниговской губерніи, Зыбковскаго посада (нынѣ городъ Новозыбковъ) купецъ Алексѣй Козинъ, единовѣрецъ, входилъ въ святѣйшій синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на послѣдовавшій по докладу святѣйшаго синода высочайшій указъ 2-го іюня 1802 года о дозволеніи въ клинцовской типографіи печатать книги, сходныя съ старопечатными, для отправленія по онымъ богослуженія въ церквахъ, даваемыхъ, по высочайшему повелѣнію, всѣмъ принесшимъ истинное раскаяніе раскольникамъ, съ тѣмъ, чтобы печатаніе оныхъ книгъ производилось съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода, и изъясняя, что хотя типографія сія и содержима была клинцовскими купцами Желѣзниковымъ и Рукавишниковымъ, но какъ они были сущіе раскольники и, по своему суевѣрію, противу старопечатныхъ книгъ дѣлали разныя поправки и искажали разными погрѣшностями, чрезъ что никто даже изъ самихъ раскольниковъ ихъ не покупалъ (?), то отъ сего означенное заведеніе и пресѣклось, да и впредь существовать не можетъ безъ злоупотребленія раскольниковъ, которые и нынѣ въ разныхъ мѣстахъ печатаютъ и продаютъ тайно старопечатныя книги, распространяя тѣмъ раскольническія суевѣрія. Но какъ печатаніе означенныхъ книгъ дозволено однимъ только присоединившимся изъ раскола къ церкви старообрядцамъ, то онъ, Козинъ, прилагая данную ему отъ тамошнихъ старообрядцевъ довѣренность, просилъ святѣйшій синодъ о дозволеніи ему въ посадѣ Зыбковскомъ завести таковую типографію, съ опредѣленіемъ къ ней надзирателя, съ тѣмъ, чтобы печатать въ оной книги съ указнаго только дозволенія, и *дать ему привилегію*, чтобъ одна только эта типографія имѣла право печатать таковыя книги. Состоявшимся вслѣдствіе сего прошенія опредѣленіемъ святѣйшаго правительствующаго синода, 10-го октября 1802 года, положено: означенное прошеніе, оставя съ него и съ приложеннаго при немъ вѣрющаго письма въ канцеляріи святѣйшаго синода копіи, подлинныя, съ надписаніемъ, отослать, при указѣ, въ малороссійское черниговское правленіе, для отдачи ему, купцу Козину, обратно, для того: 1) что

писано оно по формѣ на высочайшее его императорскаго величества имя, а во многихъ пунктахъ употребленъ онъ, высочайшій его императорскаго величества титулъ, въ третьемъ лицѣ, каковыхъ прошеній, яко неисправныхъ, принимать не велѣно законами; 2) хотя бы сіе прошеніе и во всемъ, какъ должно, было исправно, то и тогда бы святѣйшій синодъ не могъ дать дозволенія на устроеніе просимой имъ въ Зыбковскомъ посадѣ, для печатанія книгъ, сходныхъ съ старопечатными, типографіи, потому что прописываемымъ высочайшимъ его императорскаго величества, 2-го іюня прошлаго 1801 года состоявшимся, указомъ повелѣно: „производить оное печатаніе съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода въ типографіи, въ Клинцовскомъ посадѣ (а не Зыбковскомъ) состоящей, или гдѣ она будетъ, съ позволенія гражданскаго правительства, устроена.

II. Всеподданнѣйшій докладъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина, высочайше утвержденный 19-го апрѣля 1803 года и сообщенный министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ 2-го мая того же года, былъ слѣдующій: „Всеавгустѣйшая вашего императорскаго величества воля оставить каждаго спокойнымъ насчетъ принятаго имъ образа исповѣданія и церковнослуженія, сопровождаясь удовлетвореніемъ всѣхъ просьбъ старообрядцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ единовѣрцевъ (или къ церкви обращенныхъ), простерлась и въ томъ, что высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ прошлаго 1801 года іюня во 2-й день, послѣдовавшимъ на докладъ правительствующаго синода, относительно печатаемыхъ для употребленія въ церквахъ старообрядческихъ книгъ, повелѣно: „производить оное печатаніе съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода, въ типографіи, въ Клинцовскомъ посадѣ состоящей, или гдѣ она будетъ, съ позволенія гражданскаго правительства, устроена“. Помянутый посадъ находится въ губерніи Черниговской, и долгъ, возлагаемый на меня званіемъ моимъ, обязываетъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству донесть и испросить всевысочайшаго разрѣшенія въ слѣдующемъ: 1) не будетъ ли всевысочайшаго дозволенія, при возобновленіи прежде существовавшей въ Клинцовскомъ посадѣ типографіи, дабы упражненія ея были болѣе извѣстны и полезны, основать ее не такъ, какъ принадлежность частнаго человѣка, но цѣлаго общества, заплативъ единовременно за первыя заведенія хозяину ея подобающую сумму; 2) ограничивъ, по настоящему количеству старообрядцевъ и ихъ церквей, число отпечатываемыхъ книгъ, присоединить къ тому, чтобъ имѣли право на полученіе нужныхъ книгъ и всѣ не пользующіеся именемъ „обращенныхъ къ церкви“ и оставшіеся подъ общимъ названіемъ „раскольниковъ“, дабы сіи, не имѣя явнаго позволенія, не преподали средствъ или изъ сей же самой типографіи пользоваться книгами тайно, или учредить и новую, образомъ недозволеннымъ, какъ и прежде, и наконецъ 3) къ прекращенію единожды навсегда поползновенія, вопреки закона и потаеннымъ

образомъ снабжать себя книгами, симъ людямъ нужными, чтобы не удержала ихъ боязнь пустить дѣйствіе типографіи подъ тѣмъ предлогомъ, что будутъ оныя цензурованы духовенствомъ, къ коему они, по предразсужденіямъ своимъ, не довѣряютъ, присоединить цензора гражданскаго, для водворенія въ нихъ надѣянія, что уже ничто ихъ утѣснять не будетъ.

III. Вслѣдствіе высочайше утвержденнаго 31-го декабря 1818 года положенія комитета министровъ, святѣйшій синодъ предписалъ московскому архіепископу Августину слѣдующее: „1) чтобъ онъ объявилъ о томъ положеніи комитета министровъ прихожанамъ московской единовѣрческой церкви, истребовавъ отъ нихъ письменное свѣдѣніе относительно учрежденія типографіи въ Москвѣ, для изданія богослужебныхъ книгъ, сходныхъ съ старопечатными, на отчетѣ ихъ, но подъ присмотромъ имѣющихъ опредѣлиться отъ святѣйшаго синода чиновъ; 2) по полученіи имъ свѣдѣнія имѣетъ онъ, преосвященный, составить, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, свое мнѣніе, и, избравъ кандидатовъ изъ духовныхъ особъ въ смотрители за печатаніемъ таковыхъ книгъ, представить святѣйшему синоду на разсмотрѣніе“.

IV. Правила о порядкѣ изданія въ московской единовѣрческой типографіи святѣйшимъ синодомъ утверждены 12-го января 1820 года. Вотъ они (дѣйствующія донынѣ): „1) Означенную типографію, какъ имѣющую все потребное къ печатанію въ готовности, открыть; которой и состоять на иждивеніи и отвѣтственности прихожанъ московской единовѣрческой церкви, дозволяя имъ для внутренняго дѣйствія по типографіи избрать изъ себя двухъ или трехъ человѣкъ въ видѣ попечителей. 2) При типографіи сей быть двумъ надзирателямъ изъ духовныхъ особъ, которые избираются епархіальнымъ преосвященнымъ, а утверждаются святѣйшимъ синодомъ. 3) Прихожане единовѣрческой церкви, или сами, или чрезъ попечителей, каждый разъ представляютъ епархіальному преосвященному оригиналъ той богослужебной книги, которую намѣрены печатать, съ показаніемъ предполагаемаго количества въ изданіи экземпляровъ оной. Преосвященный московскій, поручивъ сей оригиналъ духовнымъ надзирателямъ для повѣрки или сличенія съ таковыми же, хранящимися въ библіотекахъ синодальной или типографской; а по таковой повѣркѣ и сличеніи того оригинала и представленіи онаго за своимъ подписаніемъ преосвященному, возвращается отъ него прихожанамъ или попечителямъ для напечатанія съ онаго. 4) По наборѣ съ сего оригинала и совершенномъ исправленіи корректурою каждаго листа, вносится таковый къ одному изъ духовныхъ надзирателей, который, по надлежащей повѣркѣ онаго съ тѣмъ оригиналомъ, подписываетъ и отдаетъ къ печатанію. 5) При всякой таковой отпечатанной книгѣ припечатывать такъ-называемый *выходный листъ* сходно съ печатаемыми въ духовныхъ типографіяхъ, впереди заглавнаго прежняго листа той книги; но послѣ словъ „напечатася сія книга (NN) въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ“, дополнять: „въ типографіи единовѣр-

ческой церкви, въ лѣто отъ сотворенія міра *такое-то,* отъ Рождества же во плоти Бога Слова *такое-то,* индикта *такого-то,* мѣсяца *такого-то,* съ книги, напечатанной *тогда-то,* въ *такомъ-то* городѣ, при *такомъ-то* патріархѣ имя рекъ" и сей выходный листъ имѣеть быть одной съ напечатанною книгою бумаги и одного на ней въ штемпелѣ года. 6) По отпечатаніи каждой книги, когда духовные надзиратели удостовѣрятъ, что она во всемъ сходна съ тѣмъ разсмотрѣннымъ оригиналомъ, съ котораго печаталась; то для будущаго изданія оставлять одинъ экземпляръ за ихъ скрѣпою, шнуромъ и печатью въ типографіи и три экземпляра, кромѣ того, представлять, чрезъ нихъ же, надзирателей, къ епархіальному преосвященному, а сей одинъ изъ нихъ въ святѣйшій синодъ, другой въ московскую онаго контору для храненія въ патріаршей библіотекѣ, а послѣдній оставлять для себя, и сверхъ того отсылать прямо изъ типографіи, по общевведенному порядку, въ библіотеки Публичную и Академіи Наукъ, а потомъ уже только книги поступаютъ въ продажу. 7) Не возбраняется прихожанамъ московской единовѣрческой церкви имѣть для сей продажи при оной лавку. 8) Назначеніе цѣны книгамъ для предажи и распоряженіе суммою, какая отъ сего будетъ получаема, предоставляется непосредственному завѣдыванію самихъ прихожанъ: они же, по собственному усмотрѣнію, назначаютъ всѣмъ при типографіи людямъ жалованье; но если положено будетъ духовнымъ надзирателямъ, о томъ преосвященный митрополитъ московскій Серафимъ имѣетъ донести святѣйшему синоду. 9) Прихожане московской единовѣрческой церкви, яко содержатели помянутой типографіи, о всемъ, что̀ касаться будетъ по дѣйствію ея, сверхъ испрашиванія дозволенія на напечатаніе книгъ, входятъ съ прошеніемъ къ епархіальному преосвященному, а сей представляетъ святѣйшему синоду съ мнѣніями. 10) Прихожане или попечители, избранные ими, о званіи и количествѣ напечатанныхъ и печатающихся въ той типографіи книгъ представляютъ пополугодно преосвященному вѣдомость, а онъ доноситъ о томъ святѣйшему синоду. 11) Хотя нельзя предполагать, чтобы съ учрежденіемъ показанной типографіи и съ всемилостивѣйшимъ позволеніемъ на изданіе богослужебныхъ книгъ, сходныхъ съ старопечатными, могло открыться какое-либо злоупотребленіе въ изданіи книгъ непозволительныхъ, однако, ежели бы, паче чаянія, встрѣтилось сіе, то отвѣчаютъ за оное избранные отъ прихожанъ попечители и предаются суду по законамъ, за чѣмъ имѣть наблюденіе и духовнымъ надзирателямъ". Въ февралѣ 1820 года синодскій указъ объ этомъ былъ посланъ московскому митрополиту Серафиму *).

*) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 1–7. 21–26, 131–138. 146–149.

АВВАКУМЪ ПЕТРОВИЧЪ.

(Біографическая замѣтка).

Аввакумъ Петровичъ, протопопъ города Юрьевца-Поволжскаго, расколоучитель XVII столѣтія, родился въ селѣ Григоровѣ (въ нынѣшнемъ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи) между 1605 и 1610 годами. Отецъ его былъ священникъ того села (его звали Петромъ), по отзыву сына, горькій пьяница; мать Аввакума, по имени Марья, женщина была благочестивая. Неподалеку отъ Григорова есть села: Вельдеманово, гдѣ въ 1605 году отъ мордвина Мины родился Никита, будущій патріархъ Никонъ, и Колычево, гдѣ, около того же времени, родился у попа сынъ, впослѣдствіи Павелъ Коломенскій. Личныя отношенія этихъ людей въ юномъ ихъ возрастѣ могутъ объяснить отъявленную ненависть, которую питали они впослѣдствіи одинъ къ другому. Послѣ попа Петра, Аввакумъ остался молодъ. На рукахъ попадьи Марьи осталась огромная семья, и бѣдность была большая; къ тому же вдову съ дѣтьми родственникъ ихъ, заступившій поповское мѣсто въ Григоровѣ, выгналъ изъ отцовскаго дома. Придя въ возрасть, Аввакумъ женился на Настасьѣ Марковнѣ, сиротѣ, дочери обѣднѣвшаго купца. Вскорѣ послѣ женитьбы былъ онъ посвященъ въ дьяконы, а черезъ два года (около 1640) въ попы села Лопатицъ (Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи). Аввакумъ былъ нрава крутого и имѣлъ ревность не по разуму, что̀ и доставляло ему немало непріятелей и непріятностей. Въ Лопатицахъ имѣлъ онъ такую исторію: пришли къ нему въ село „скоморохи съ медвѣдями и съ бубнами и съ домрами“; Аввакумъ, какъ самъ разсказываетъ, „по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ, а хари и бубны изломалъ, одинъ на многихъ напалъ и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ — одного ушибъ, но паки ожилъ, а другого пустилъ въ поле“. Въ это время бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ ѣхалъ Волгою на воеводство въ Казань (1648 года); скоморохи ему, какъ главному начальнику края, жаловались, и онъ, позвавъ Аввакума къ себѣ на суда, побранилъ его за самоуправство; а сынъ Шереметева, Матвѣй, послѣ побранки подошелъ къ Аввакуму подъ благословеніе. Матвѣй Шереметевъ брилъ бороду—Аввакумъ не благословилъ его и, въ придачу, обругалъ. За это В. П. Шереметевъ велѣлъ ревностнаго попа бросить въ Волгу. Утонуть Аввакуму не дали, но протолкали въ шею на берегъ съ ругательствомъ. Послѣ этого Аввакумъ, бывавшій иногда въ Москвѣ,—такъ какъ приходъ его принадлежалъ къ епархіи патріарха, — свелъ

дружбу съ высшими лицами тогдашняго бѣлаго духовенства, особенно съ братьями Нероновыми и царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ, сдѣлался извѣстенъ и патріарху Іосифу. Аввакума перевели въ Юрьевецъ протопопомъ. Здѣсь онъ не ужился съ воеводой. У воеводы была любовница; Аввакумъ отнялъ ее у него и отвелъ къ ея матери; воевода не разъ билъ за это Аввакума и однажды искусалъ ему пальцы. Аввакумъ и въ Лопатицахъ, и въ Юрьевцѣ, и послѣ того занимался изгнаніемъ бѣсовъ изъ людей посредствомъ отчитыванья и тѣмъ пріоорѣлъ извѣстность знаменитаго заклинателя чертей, за что, по словамъ его, не разъ и самому ему отъ чертей доставалось. Онъ извѣстенъ былъ также большою начитанностью: всѣ церковныя книги тогдашняго времени онъ изучилъ и многое изъ нихъ зналъ наизусть, читалъ даже библію, что было рѣдкостью въ то время. При такой начитанности прослылъ онъ повсюду за человѣка ученаго и сказывалъ проповѣди въ Юрьевцѣ и въ Москвѣ, поучалъ крѣпко держаться обрядовъ и энергически порицалъ всякаго рода нововведенія. Проповѣдывалъ онъ языкомъ народнымъ, употребляя и слова бранныя, по-нынѣшнему неприличныя; но такой образъ выраженія нравился тогдашнимъ людямъ. До такой степени Аввакумъ сдѣлался извѣстенъ своею ученостью, что, послѣ смерти протопопа Силы, ему предлагали мѣсто настоятеля придворной церкви Спаса за Золотой Рѣшеткой; но „азъ не порадѣлъ о томъ",—говоритъ Аввакумъ въ своей автобіографіи. Вскорѣ патріархъ Іосифъ сдѣлалъ его справщикомъ церковныхъ книгъ, печатавшихся въ московской типографіи. Раздѣлялъ онъ здѣсь труды съ другомъ своимъ, Нероновымъ, и протопопами Никитою (Пустосвятомъ) Суздальскимъ, Даніиломъ Костромскимъ, Лазаремъ Романовскимъ и другими. Они ввели множество ошибокъ въ книги, напечатанныя при патріархѣ Іосифѣ. Впрочемъ, искаженіе, ими сдѣланное, не было умышленно: справщики дѣйствовали по убѣжденію, признавая, по невѣжеству своему, совершенно лишнимъ и даже вреднымъ справляться съ греческими подлинниками, которыхъ, впрочемъ, они и не понимали. Находясь въ Москвѣ справщикомъ, Аввакумъ сдѣлалъ большія связи не только въ средѣ духовенства, но и между царедворцами: его жаловалъ самъ царь. Когда сдѣлался патріархомъ старинный знакомый Аввакума, Никонъ, и приступилъ къ исправленію церковныхъ книгъ, онъ удалилъ справщиковъ патріарха Іосифа изъ типографіи, замѣнивъ ихъ людьми учеными. Аввакумъ принужденъ былъ удалиться въ Юрьевецъ. Павелъ, епископъ коломенскій, и Аввакумъ первые возстали противъ Никона. Они—дѣти поповъ: Павелъ, льстившій себя надеждою управлять церковью именемъ патріарха Антонія, своего родственника, и лишенный этой надежды возведеніемъ Никона на патріаршество, Аввакумъ, славившійся своею ученостью — были обличены въ невѣжествѣ Никономъ, сыномъ простого вельдемановскаго мужика, мордвиномъ, котораго онъ зналъ въ дѣтствѣ! Аввакумъ въ Юрьевцѣ и въ Москвѣ, въ Казанскомъ

соборѣ, несмотря на запрещеніе патріарха, служилъ по іосифовскому обряду и поучалъ народъ — говорилъ, что Никонъ вводитъ новую вѣру. Вмѣстѣ съ Даніиломъ Костромскимъ онъ подалъ, въ 1655 году, челобитную царю Алексѣю Михайловичу, въ которой утверждалъ, что Никонъ вводитъ обряды, противные православію, и просилъ государя возстановить прежній іосифовскій чинъ службы. Смѣлый фанатикъ, не смотрѣвшій ни на какія препятствія, имѣлъ сильное вліяніе на народъ и даже на высшій классъ народа. Приверженцы его нашлись и при дворѣ; сама царица ему покровительствовала, и двѣ боярыни, дочери самаго приближеннаго къ ней человѣка, Прокопья Ѳедоровича Соковнина, вѣдавшаго царицыну мастерскую палату: Ѳедосья Прокопьевна, жена боярина Глѣба Ивановича Морозова, слѣдовательно свойственница царицы, и княгиня Авдотья Прокопьевна Урусова сдѣлались самыми ревностными послѣдовательницами Аввакума. Аввакумъ былъ призванъ на судъ. Служилъ онъ всенощную въ Казанскомъ соборѣ; патріаршій бояринъ, Юрій Пелединскій, взялъ его и отвелъ въ тюрьму въ Андроньевъ монастырь; съ нимъ было взято 60 приверженныхъ къ нему стрѣльцовъ. Въ тюрьмѣ этой, — увѣрялъ послѣ Аввакумъ своихъ приверженцевъ,—послѣ трехдневнаго сидѣнья безъ пищи во мракѣ, среди мышей и сверчковъ, явился къ нему ангелъ и накормилъ его щами съ хлѣбомъ. На другой день повезли его на судъ въ крестовую патріарха; много увѣщевали, но Аввакумъ никакъ не хотѣлъ покориться и на вопросы отвѣчалъ ругательствами, смѣшивая ихъ съ текстами св. писанія. Сентября 15-го 1665 г. назначено было его разстричь; но царь, помня Аввакума и снисходя на ходатайство царицы и его приверженцевъ изъ царедворцевъ, упросилъ Никона не разстригать его. Аввакума прямо изъ Успенскаго собора отправили въ сибирскій приказъ, сдали дьяку Третьяку Башмакову, тоже раскольнику, и потомъ отправили съ семействомъ на житье въ Сибирь. Его довезли до Тобольска; здѣсь архіепископъ былъ землякъ Аввакума, Симеонъ, раздѣлявшій его убѣжденія относительно Никона и его дѣйствій. Онъ далъ ему мѣсто при церкви, и Аввакумъ жилъ въ Тобольскѣ съ годъ. Въ Тобольскѣ, какъ и вездѣ, Аввакумъ ссорился съ разными чиновными лицами: такъ, заступясь за дьячка Антона, высѣкъ архіепископскаго дьяка Ивана Струну въ церкви ремнемъ, какъ самъ говоритъ. Произошелъ отъ того мятежъ, и цѣлый мѣсяцъ Аввакумъ долженъ былъ прятаться, чтобы его не бросили въ воду. Симеонъ въ это время былъ въ Москвѣ; но когда онъ возвратился, Аввакумъ успѣлъ возстановить его противъ Струны, и въ недѣлю православія они оба возгласили ему анаѳему за потворство кровосмѣшенію. Произошло въ соборѣ смятеніе, за что архіепископъ Симеонъ съ рождества 1657 г. до рождества 1658 г. былъ подъ запрещеніемъ, а Аввакума отправили дальше въ Сибирь. Въ это время енисейскому воеводѣ, Аѳанасью Пашкову, велѣно было идти въ *новую* Даурскую землю съ ратными людьми и пріискать въ этой землѣ пашенныхъ

мѣстъ со всякими угодьями и въ такихъ мѣстахъ ставить новые остроги. Аввакума прикомандировали къ даурской экспедиціи въ санѣ священника. Экспедиція ходила на рѣку Нерчу, поставила остроги Нерчинскъ, Албазинъ, Иркутскъ, Балаганскъ и др. Аввакумъ былъ вездѣ съ Пашковымъ и, между прочимъ, служилъ молебенъ на р. Амурѣ при основаніи Албазина. По безпокойному его характеру у него были безпрестанныя ссоры и съ Пашковымъ, и съ его сыномъ, и со всѣми участниками экспедиціи. Описаніе его путешествія за Байкаломъ, помѣщенное въ его автобіографіи, заслуживаетъ вниманія. Между тѣмъ Никонъ, потерявъ всякое значеніе при дворѣ, поссорясь съ царемъ, жилъ въ своемъ Новомъ-Іерусалимѣ, и Аввакума, на котораго доселѣ смотрѣли только какъ на личнаго врага Никона, возвратили въ Москву (въ 1664 г.). Здѣсь онъ былъ „поставленъ къ рукѣ“, то-есть представленъ государю. Царь обошелся съ нимъ ласково. „Здорово ли, протопопъ, живешь? — спросилъ онъ: — вотъ еще Богъ привелъ свидѣться“, и много бесѣдовалъ о Сибири, и приказалъ дать ему помѣщеніе въ Кремлѣ на подворьѣ Новодѣвичьяго монастыря. Аввакуму предложено было любое мѣсто во всей Москвѣ, и даже была рѣчь, чтобы сдѣлать его царскимъ духовникомъ. Но вскорѣ увидѣли, что Аввакумъ противникъ не Никона, а господствующей церкви. Не видя Никона на Москвѣ, но видя въ церквахъ богослуженіе по его обряду, Аввакумъ началъ свою фанатическую проповѣдь противъ „новшествъ“, укоряя и ругая архіереевъ, московское духовенство и всѣ обряды. Много явилось ему послѣдователей не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ классахъ общества. Для нихъ онъ писалъ проповѣди, хуля исправленіе символа вѣры, трехперстное сложеніе, партесное пѣніе и проч., и наконецъ объявилъ, что не слѣдуетъ принимать таинства отъ тѣхъ священниковъ, которые служатъ по новоисправленнымъ обрядамъ. Сочиненія Аввакума распространялись въ народѣ и многихъ соблазняли; пастыри церкви жаловались на него царю, и царь, все еще уважавшій Аввакума, ограничился тѣмъ, что послалъ къ нему Григорья Стрѣшнева съ совѣтомъ молчать и не распространять проповѣдей въ народѣ. Аввакумъ сначала было-послушался, но ненадолго: вскорѣ онъ еще сильнѣе прежняго началъ возставать на архіереевъ и послалъ царю новую челобитную, въ которой просилъ совершенно тогда еще невозможнаго низложенія Никона и возстановленія іосифовскихъ обрядовъ. Государь разгнѣвался, и бывшіе въ Москвѣ архіереи представили ему, что Аввакумъ не простой врагъ Никона, но расколоучитель, котораго необходимо удалить изъ столицы. Царь Алексѣй Михайловичъ все еще любилъ Аввакума и ограничился новымъ выговоромъ за то, что онъ отбиваетъ народъ отъ церкви. Тогда Аввакумъ возмечталъ о своей силѣ и еще съ бо̀льшимъ противъ прежняго фанатизмомъ сталъ продолжать свою проповѣдь. Нерѣдко бывалъ онъ въ домѣ извѣстнаго окольничаго Ртищева и у него вступалъ въ споры съ православными учеными людьми. Тогда

рѣшено было отправить его въ новую ссылку, на Мезень, куда черезъ годъ по возвращеніи изъ Сибири и отправили его съ семействомъ. Санъ протопопа остался однако за нимъ, но служить ему было запрещено. Въ Мезени онъ продолжалъ устно и письменно распространять свое ученіе, посылая грамотки въ Москву, Боровскъ и другія мѣста къ своимъ приверженцамъ, и наконецъ началъ писать окружныя посланія, именуя себя „рабомъ и посланникомъ Іисуса Христа“, „страдальцемъ, юзникомъ за вѣру“, „протосингеломъ россійскія церкви“. Такъ прошелъ 1665 г. Между тѣмъ въ Москвѣ собрался соборъ для суда надъ Никономъ и для устройства церковныхъ дѣлъ. Главныхъ расколоучителей для соборнаго убѣжденія стали свозить въ Москву; привезли и Аввакума (февраль 1666 г.). Здѣсь сталъ-было его увѣщевать Павелъ, митрополитъ крутицкій, заклятый врагъ Аввакума и человѣкъ крутого нрава. Увѣщаніе кончилось обоюднымъ ругательствомъ и едва не дошло до драки. Аввакума увезли въ Боровскъ и заключили въ Пафнутьевскомъ монастырѣ подъ началъ. Присылали и сюда увѣщателей: ярославскаго дьякона Козьму и дьяка патріаршаго приказа; но Аввакумъ такъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи: „То же да то же говорятъ—долго ли тебѣ насъ мучить? соединись съ нами, а я отрицаюсь, что отъ бѣсовъ, а они въ глаза пуще лѣзутъ, и сказку имъ тутъ написалъ съ большою укоризною и бранью. А Козьма тотъ не знаю какого духа человѣкъ—въявѣ меня уговариваетъ, а втайнѣ подкрѣпляетъ еще, говоря: протопопъ, не отступай ты отъ стараго благочестія; великъ у Христа человѣкъ будешь, какъ дотерпишь до конца“. Черезъ два съ половиной мѣсяца Аввакума наскоро взяли къ Москвѣ. Это было въ началѣ мая. Въ патріаршую крестовую палату, гдѣ собрался соборъ русскихъ архіереевъ, подъ предсѣдательствомъ Питирима, митрополита новгородскаго, перваго привели Александра, епископа вятскаго; но онъ раскаялся въ своемъ заблужденіи и тотчасъ же занялъ мѣсто на соборѣ. Затѣмъ привели Аввакума. Онъ, какъ сказано въ 4 дѣяніи собора, „стязанъ быша и не покорися клеветникъ и мятежникъ, паче же злобѣ злобу прилагая, укори въ лицо весь освященный соборъ, вся неправославными нарицая: тѣмъ же правильно осудися іерейства лишенъ быти и анаѳемѣ предатися“. Его разстригли и прокляли, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ дьякономъ, въ Успенскомъ соборѣ, за обѣдней 13 мая 1666 г. Когда протодьяконъ возгласилъ имъ анаѳему, Аввакумъ, а за нимъ и Ѳедоръ возгласили анаѳему архіереямъ. И было смятеніе въ церкви, и въ то же время было „великое нестроеніе вверху“, то-есть во дворцѣ: царь Алексѣй Михайловичъ поссорился съ царицей Марьей, которая стояла за Аввакума, уѣхалъ въ Преображенское, гдѣ и пробылъ цѣлую недѣлю. Многіе бояре были тоже на сторонѣ Аввакума, особенно князь Воротынскій и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, содержавшій Аввакума на свой счетъ и извѣстный впослѣдствіи по стрѣлецкому бунту. Хованскаго въ это время, за излишнюю приверженность къ расколь-

никамъ, наказали батогами. Разстриженный Аввакумъ былъ посаженъ на патріаршій дворъ, потомъ отвезенъ въ Угрѣшскій монастырь не дорогой, но, чтобы люди не видали, болотами. Здѣсь сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, затѣмъ опять былъ переведенъ въ боровскій Пафнутьевъ монастырь, гдѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ безъ малаго годъ и распространялъ расколъ между монашествующими. Наконецъ повезли его въ Москву для новыхъ увѣщаній предъ лицомъ восточныхъ патріарховъ александрійскаго и антіохійскаго въ Чудовѣ монастырѣ. Увѣщанія происходили черезъ переводчика, архимандрита Діонисія, такъ какъ патріархи по-русски не разумѣли. Они говорили Аввакуму, что всѣ православные на Востокѣ содержатъ тѣ самые обряды, которые и въ Москвѣ соблюдаются,—одинъ онъ стоитъ въ своемъ упорствѣ. „У васъ православіе пестро отъ насилія турецкаго,—отвѣчалъ непреклонный Аввакумъ: — и дивить на васъ нельзя, что немощны стали. Пріѣзжайте и впередъ къ намъ учиться“. Патріархи, не понимая Аввакума, задумались, а русскіе архіереи стали горячо упрекать его въ дерзости. Его стали бить; Иванъ Уваровъ потащилъ-было его вонъ изъ палаты, но Аввакумъ закричалъ: „Постой, не бейте! Говори, Діонисій, патріархамъ: какъ вы, прибивши человѣка, станете обѣдню-то служить?“ Архіереи сѣли, а Аввакумъ легъ у дверей, говоря: „вы посидите, а я полежу“. Всѣ засмѣялись; русскіе говорили: „дуракъ Аввакумъ и патріарховъ не почитаетъ“.—„Мы юроди Христа ради“,—отвѣчалъ онъ. Тѣмъ увѣщанье и кончилось. И записано въ дѣяніи соборномъ: „паки увѣщенъ бѣ ко обращенію, но тщетенъ трудъ и жданіе бяше тѣмъ же градскимъ судомъ на заточеніе посланъ въ острогъ Пустозерскій“. Сообщниковъ его въ это время казнили; казнь грозила и Аввакуму; но, по ходатайству царицы, она была замѣнена ссылкою въ Пустозерскъ. Ему даже не вырѣзали языка, какъ Лазарю и Епифанію, съ которыми онъ и Никифоръ, протопопъ симбирскій, былъ сосланъ въ Пустозерскъ. Но въ застѣнкѣ московскомъ онъ получилъ 70 ударовъ кнутомъ. Въ концѣ 1667 г. Аввакумъ съ женой былъ привезенъ въ Пустозерскъ и посаженъ въ земляную тюрьму, такъ же, какъ и Лазарь, Епифаній и Никифоръ. Но и сидя въ этой тюрьмѣ онъ продолжалъ такъ же, какъ началъ, — писалъ письма въ Москву и въ другія мѣста, писалъ даже посланіе къ царю. Четырнадцать лѣтъ просидѣлъ онъ въ Пустозерскѣ. Наконецъ дерзкое письмо его къ царю Ѳеодору Алексѣевичу рѣшило участь Аввакума и его товарищей. Письмо это онъ начинаетъ скромно и смиренно: „Благого и преблагого и всеблагого Бога нашего благодатному устроенію блаженному, и преблаженному и всеблаженному государю нашему, свѣту свѣтику, русскому царю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу—не смѣю нарещися богомолецъ твой, но яко нѣкій извергъ и непричастенъ, ногамъ твоимъ издалека вопію, яко мытарь: милостивъ буди, Господи! Подстилаю главу и весь органъ тѣла моего со гласомъ: милостивъ буди мнѣ, Господи!“ Но потомъ,

когда начинаетъ говорить о патріархахъ и архіереяхъ, забываетъ тонъ письма, много напоминающаго извѣстное посланіе Даніила Заточника, и такъ говоритъ: „А что̀, государь царь? Какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что̀ Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ въ одинъ день, не осквернилъ бы тѣмъ рукъ, а освятилъ бы, чаю". И затѣмъ, понося память царя Алексѣя Михайловича, ругая патріарха Іоакима, называетъ себя протопопомъ, хотя уже и былъ лишенъ этого сана, и посылаетъ царю благословеніе. Въ другихъ письмахъ изъ Пустозерска, особенно къ какому-то Симеону, онъ еще болѣе дозволялъ себѣ. Патріархъ Іоакимъ сталъ настоятельно требовать казни расколоучителей, изъ далекаго Пустозерска поддерживавшихъ и распространявшихъ расколъ повсюду. Было повелѣно: „за великія на царскій домъ хулы сожечь ихъ". Это было исполнено въ Пустозерскѣ 1-го апрѣля 1681 г. На площади построили срубъ изъ дровъ, на которомъ сгорѣли Аввакумъ, Лазарь, Епифаній и Никифоръ. Аввакумъ предвидѣлъ казнь и заблаговременно распорядился имуществомъ и роздалъ книги. На казнь собрался народъ и снялъ шапки... Дрова подожгли — замолчали всѣ; Аввакумъ народу говорить началъ и крестъ сложилъ двуперстный: „вотъ будете этимъ крестомъ молиться — вовѣкъ не погибнете, а оставите его — городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ!.." Огонь охватилъ казнимыхъ, и одинъ изъ нихъ закричалъ; Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли. Въ Пустозерскѣ за лѣсомъ есть площадка; тамъ крестъ стоитъ и зовется Аввакумовымъ. Раскольники считаютъ Аввакума мученикомъ и имѣютъ иконы его. Судя по этимъ иконамъ, Аввакумъ былъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ, съ длинной сѣдой бородой, кудрявыми сѣдыми волосами, имѣлъ большіе глаза, прямой, тонкій носъ, лицо сухощавое. Лазаря и Епифанія раскольники признаютъ также святыми, но Никифора не признаютъ за то, что онъ на кострѣ закричалъ и просилъ пощады, соглашаясь на все. Мѣстное преданіе въ Пустозерскѣ прибавляетъ, что только одного (Никифора) кости нашли въ пеплѣ, и что три, а не четыре голубя вились надъ горѣвшимъ костромъ въ поднебесьѣ. Никифора нѣтъ и въ „Россійскомъ Виноградѣ", соч. княземъ Андреемъ Денисовичемъ Мышецкимъ. Сочиненія Аввакума (въ рукописи) слѣдующія *): 1. Посланіе изъ Пустозерска, начинается: „Моя братія возлюбленная". 2. Бесѣда о наятыхъ дѣлателяхъ: нач.: „Благослови владыка благовѣстити". 3. Объ Іонѣ, казначеѣ казанскомъ; нач.: „Въ 166 году посланъ бысть въ Казань". 4. Посланіе къ Ѳеодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Марьѣ Даниловой; нач.: „Протопопъ Аввакумъ рабъ и посланникъ". 5. Второе посланіе къ нимъ же; нач.:

*) При каждомъ изъ сочиненій обозначены начальныя слова для того, что въ рукописяхъ эти сочиненія различаются между собою. Начальныя слова заимствованы изъ трехъ экземпляровъ XVII вѣка, находящихся у автора статьи.

„Не облѣнюся и еще припомянуть“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ эти два посланія соединены въ одно. 6. Отвѣтъ о крещающихъ младенцы; нач.: „По старому служебнику и новопоставленныи попъ“. 7. Посланіе изъ Пустозерска; нач.: „Борисушка, Богъ тебя простилъ“. 8. Посланіе изъ Пустозерска (на крестоборную ересь); нач.: „Бесѣда человѣка грѣшна“; называется также посланіемъ изъ рва львинаго. 9. Бытіе о московскомъ паденіи; нач.: „Быстъ въ лѣта наши“. 10. Второе бытіе о московскомъ паденіи; нач.: „Паки и паки и еще къ вамъ побесѣдую“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ два бытія соединены въ одно. 11. Отвѣтъ о причастіи; нач.: „Есть въ правилѣхъ“. 12. На римскую и никоніанскую ересь; нач.: „Альманашники и звѣздочетцы“. 13. О Мельхиседецѣ; нач.: „Сей Мельхиседекъ“. 14. Книга старицѣ Меланіи съ сестрами и подначальною Анисьею; нач.: „Благого и преблагого“. 15. Письма царю Θеодору Алексѣевичу изъ Пустозерска; нач.: „Благого и преблагого и всеблагого“. 16. Книга инокинѣ Θеодорѣ, а по-мірски бояринѣ Θеодосіи Морозовой съ сестрами; нач.: „Херувимамъ подобещеся“. 17. О прелюбодѣяхъ; нач.: „Слышалъ ли еси милосердіе Божіе“. 18. Первое посланіе изъ Пустозерска къ Симеону; нач.: „Чадо Симеоне, на горѣ я родился“. 19. Второе посланіе къ нему же; нач.: „Слышалъ ли еси“. 20. Третье посланіе къ нему же; нач.: „Чадо Богопріимче“. 21. Четвертое посланіе къ нему же; нач.: „Ну, Семенушка, вотъ тебѣ вѣсти“. 22. Поученіе; нач.: „Апостолъ яже еста иносказаема сія“. 23. Поученіе; нач.: „Премудрость, къ римлянамъ посланіе“. 24. Повѣсть, писана въ духовномъ цвѣтникѣ; нач.: „Нѣкій священникъ“. 25. Поученіе; нач.: „Премудрость прости услышимъ“. 26. Сисканіе и собраніе о божествѣ и о твари; нач.: „Рече Господь“. 27. Посланіе къ Стефану Вонифатьеву, царскому духовнику; нач.: „Юзникъ темничный“. 28. Посланіе къ рабамъ Христовымъ; нач.: „Вопросъ твой, чадо“. 29. Второе посланіе къ рабамъ Христовымъ; нач.: „Возлюбленніи, молю вы“. 30. Автобіографія, написанная въ Пустозерскѣ по убѣжденію Епифанія; нач.: „Святый Діонисій Ареопагитъ“. 31. Похвала о церкви (дополненіе къ автобіографіи); нач.: „По семъ у всякаго православнаго прощенья прошу“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ соединено съ автобіографіей. Что касается до посланій его къ дьякону Θеодору, въ которыхъ Аввакумъ, по словамъ „Розыска“, нелѣпо говорилъ о св. Троицѣ, о сошествіи Христа во адъ и пр., этихъ посланій нѣтъ. Князь Мышецкій въ „Россійскомъ Виноградѣ“ рѣшительно говоритъ, что это выдумка авторовъ книгъ „Розыска“ и „Пращицы“. Впрочемъ, Аввакумъ въ „Книгѣ инокинѣ Θеодорѣ“ говоритъ: „Молодой щенокъ Θеодоръ дьяконъ, сынъ духовный мнѣ, учалъ блудить надъ старыми книгами и о святой Троицѣ преткнулся и о Христовѣ во адъ сошествіи и оныхъ догматствуя по-никоніански, нелѣпостно — *въ книгѣ моей написано и послано къ вамъ о Господѣ*“.

СЧИСЛЕНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

I.

Въ прошедшемъ столѣтіи, въ продолженіе шестидесяти пяти лѣтъ, правительство ежегодно производило гласное, открытое счисленіе раскольниковъ. Цѣль его была исключительно фискальная, податная. Петръ I установилъ это счисленіе съ цѣлью обложенія раскольниковъ подушною податью и притомъ двойною противъ православныхъ. Установленное въ 1715—16 годахъ, оно продолжалось до 20-го іюля 1782 г., когда сборъ двойного оклада съ раскольниковъ былъ навсегда отмѣненъ Екатериною II.

Счисленіе раскольниковъ производилось чиновниками мѣстной администраціи. Они представляли именныя вѣдомости въ центральное управленіе, находившееся въ Москвѣ. Сначала, пока счисленіе находилось въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода, это управленіе находилось при *духовной инквизиціи*, а потомъ, когда счисленіе перешло въ вѣдомство правительствующаго сената, управленіе сосредоточено было въ особо учрежденной *раскольнической конторѣ*. Именныя вѣдомости повѣрялись, и счетъ раскольниковъ по возможности контролировался, но дѣйствительная численность разномыслящихъ съ господствующею церковью въ точности все-таки не была извѣстна. Цифры „духовной инквизиціи“ и „раскольнической конторы“ были гораздо ниже цифры дѣйствительной, что̀ видно изъ множества правительственныхъ распоряженій прошлаго столѣтія объ отысканіи „потаенныхъ раскольниковъ“ и обложеніи ихъ двойнымъ окладомъ.

Перепись раскольниковъ введена Петромъ I при слѣдующихъ обстоятельствахъ. До него и при немъ подати и ратные люди сбираемы были съ тяглыхъ дворовъ; такимъ образомъ повинности падали не на лица, а на землю, дома, промыслы, угодья и т. п. Система по нынѣшнимъ экономическимъ воззрѣніямъ правильная и справедливая, но въ тогдашнее время внутренняго неустройства крайне невыгодная для государства. Войны, бунты, голодные года̀, чума, продолжавшіеся чрезъ все

почти XVII столѣтіе, во многихъ мѣстностяхъ совершенно обезлюдили тяглые дворы. Оставшіеся въ селахъ и деревняхъ тяглые люди должны были платить и за себя и за убылыхъ. Правда, имъ предоставляемо было пользованіе оставшимися впустѣ, за уходомъ односельцевъ, землями, но силъ недоставало обрабатывать ихъ. Сельскіе люди стали „разбѣгаться въ рознь", другіе во множествѣ закладывались кабалой за патріарха, за архіереевъ, за монастыри, за бояръ и за другихъ знатныхъ и сильныхъ людей, во владѣніи которыхъ крестьянину было жить несравненно легче. Иные записывались въ казаки, въ стрѣльцы, въ пушкари, въ монастырскіе служители, ибо этихъ чиновъ люди были избавлены отъ платежа податей. Казна отъ этого много теряла.

А деньги Петру были крайне нужны на веденіе тяжелой, изнурительной войны со шведами. Для увеличенія средствъ къ ея веденію, онъ прибѣгалъ къ средствамъ чрезвычайнымъ: установлялъ новые налоги, собиралъ съ церковныхъ колоколенъ для литья пушекъ колокола, и пр. Въ то же время онъ заботился и объ установленіи такой податной системы, которая бы доставляла больше государственнаго дохода съ возможно меньшими расходами на его взиманіе. Для того онъ велѣлъ произвесть общую народную перепись (ревизію) и обложить народъ *подушною податью.*

Указъ о производствѣ первой ревизіи состоялся 26-го ноября 1718 года, но еще до этого времени Петръ принималъ частныя (то-есть мѣстныя или сословныя) мѣры для производства народныхъ переписей, съ цѣлью обложенія людей подушною податью. Такъ, напримѣръ, въ 1710 году онъ велѣлъ переписать всѣхъ дворянъ, съ тѣмъ чтобы негодныхъ къ военной службѣ обложить подушнымъ окладомъ. Счисленіе раскольниковъ и обложеніе ихъ двойнымъ окладомъ въ 1716 году принадлежитъ къ числу такихъ же мѣръ. Оно послѣдовало вотъ по какому поводу.

Въ 1714 году въ Кіевской губерніи дѣйствовала комиссія для производства частной народной переписи. Тамошній губернаторъ, князь Голицынъ, представилъ государю „пункты о бѣглыхъ изъ великороссійскихъ губерній раскольникахъ, что̀ поселились въ Стародубьѣ, подлѣ литовской границы". „Велѣно, писалъ онъ къ государю, бѣглыхъ великороссійской породы всѣхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ вывозить въ великорусскіе. Въ Стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники, и комиссаръ пишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасно, дабы не разбѣжались за границу". Февраля 18-го 1715 г. Петръ написалъ на этомъ докладѣ князя Голицына слѣдующее: „обложить въ окладъ" *). Перепись произведена, окладъ положенъ, но не двойной, а обыкновенный. За исключеніемъ немногихъ отшедшихъ за рубежъ, раскольники остались въ Стародубьѣ.

---

*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи», V, № 2889.

Чрезъ годъ послѣ того, именно 8-го февраля 1716 г., Петръ велѣлъ переписать раскольниковъ обоего пола по всему государству. Деньги ему тогда были чрезвычайно нужны, и потому онъ обложилъ ихъ двойнымъ окладомъ, полагая, что изъ мѣстъ, удаленныхъ отъ границъ, раскольники не станутъ бѣгать въ чужіе края, въ чемъ однако ошибся.

Окладъ назначенъ былъ вдвое противъ платимаго купцами и крестьянами. Женщины платили въ половину противъ мужчинъ. Стародубскіе раскольники, какъ жившіе у рубежа, оставлены были при платежѣ обыкновеннаго оклада *). Февраля 18-го того же года велѣно переписать для обложенія двойнымъ окладомъ раскольничьихъ монаховъ и монахинь **).

Хотя въ указѣ 1716 года раскольники и приглашались записываться въ перепись „безъ всякаго сомнѣнія", но они неохотно являлись къ производившимъ перепись. Несмотря на строгія мѣры правительства, значительная часть ихъ избѣгала счисленія и обложенія окладомъ.

Въ 1721 году изданъ „Духовный регламентъ". Въ немъ, между прочимъ, было сказано: „Полезно есть имѣть въ коллегіумѣ (то-есть въ святѣйшемъ синодѣ) вѣдѣніе, сколько во всѣхъ епархіяхъ обрѣтается раскольщиковъ, сія бо ко многимъ разсужденія требующимъ случаямъ помощно есть" ***). Учрежденный въ томъ же году святѣйшій синодъ призналъ для себя полезнымъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи и двойной окладъ, взимаемый съ раскольниковъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій было ходатайство о предоставленіи въ его вѣдѣніе какъ счисленія раскольниковъ, такъ и сбора съ нихъ двойного оклада. Ходатайство свое синодъ основывалъ на приведенной сейчасъ статьѣ „Духовнаго регламента". „Понеже,—сказано было во всеподданнѣйшемъ докладѣ святѣйшаго синода:—по именному его императорскаго величества повелѣнію, по „Духовному регламенту", раскольническія дѣла поручены синоду, того ради приличнымъ видится и сбираемымъ съ нихъ двойного окладу деньгамъ и съ неисповѣдующихся штрафамъ быть въ синодъ присылаемымъ". Петръ былъ тогда на радостяхъ. „Жестокая школа, двадцать одинъ годъ продолжавшаяся", какъ называлъ онъ шведскую войну, кончилась; онъ торжествовалъ заключеніе славнаго Ништадскаго мира. Принявъ титулъ императора, Петръ былъ въ это время такъ счастливъ, такъ радостенъ, такъ щедръ и милостивъ, какимъ никогда до того времени не бывалъ. „Рука моя расходилась",—сказалъ онъ Румянцеву, щедро награждая его деньгами и имѣніями. Въ это-то время святѣйшій синодъ и представилъ свое ходатайство. Петръ ноября 19-го 1721 года написалъ на докладѣ, поднесенномъ ему: „быть по сему" ****).

*) Тамъ же, V, № 2991.

**) Тамъ же, V, № 2996.

***) «Духовный регламентъ», изд. 1856 г., стр. 75.

****) «Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода», I, стр. 18.

Теперь въ деньгахъ онъ не нуждался, „рука у него расходилась", и онъ отдалъ двойной окладъ въ вѣдѣніе синода. Но, отдавая въ вѣдомство духовенства эту немаловажную статью дохода, онъ, впрочемъ, назначилъ его на дѣла общеполезныя: учрежденіе школъ и богадѣленъ при монастыряхъ и т. п.

Съ двойнымъ окладомъ и счисленіемъ раскольниковъ въ духовное вѣдомство поступило и преслѣдованіе раскольниковъ, не являвшихся къ переписи, а также изслѣдованіе, дѣйствительно ли записывающіеся въ двойной окладъ состоятъ въ расколѣ, не были ли они прежде записаны въ приходскихъ исповѣдныхъ книгахъ и т. д. Для такихъ дѣйствій синодъ счелъ нужнымъ ввести въ Россіи *духовную инквизицію*, мысль о которой издавна занимала духовенство: нѣкоторые изъ его представителей пытались даже поставлять въ примѣръ русскимъ государямъ усердіе къ инквизиціоннымъ дѣйствіямъ испанскихъ королей.

Инквизиція учреждена была въ Москвѣ. Строитель московскаго Данилова монастыря Пафнутій назначенъ былъ „протоинквизиторомъ": въ каждую епархію назначены „провинціалъ-инквизиторы", которымъ были подчинены „инквизиторы", находившіеся по городамъ и уѣздамъ. Декабря 23-го 1721 года святѣйшій синодъ составилъ для нихъ особую инструкцію, напечатанную въ „Полномъ Собраніи Законовъ Россійской имперіи" (VI, № 3870). Конечно, дѣйствія московской инквизиціи далеко не то, что дѣйствія инквизиціи римско-католической; она просуществовала не болѣе пяти лѣтъ и не успѣла развить свои дѣйствія, какъ хотѣлось инквизиторамъ. Притомъ дѣйствія ея были направлены не противъ всѣхъ разномыслящихъ съ господствующею церковью, но только противъ раскольниковъ, да еще суевѣровъ, „сказующихъ видѣнія или слышанія чувственная или сонная". Главное же потому инквизиція не имѣла у насъ значительнаго развитія, что, будучи противна духу православія, она въ самомъ духовенствѣ не встрѣтила сочувствія. Это была затѣя архіереевъ, и то не всѣхъ, преимущественно Ѳеофана Прокоповича и Питирима нижегородскаго, который самъ прежде былъ раскольникомъ и, какъ всякій неофитъ, относился съ фанатическою нетерпимостью къ бывшимъ своимъ единовѣрцамъ. Бѣлое духовенство не сочувствовало „духовной инквизиціи", лишь немногіе монахи, и, что̀ замѣчательно, малорусскаго происхожденія, учившіеся въ Кіевѣ и мало знакомые съ великорусскими раскольниками, посвятили свое усердіе инквизиціоннымъ дѣйствіямъ. Свѣтскіе начальники еще менѣе сочувствовали дѣламъ инквизиціоннымъ и тѣмъ возбуждали жалобы усердныхъ преслѣдователей раскола. Въ одномъ только отношеніи инквизиція пришлась по сердцу приходскимъ причтамъ и свѣтскимъ чиновникамъ: она доставила имъ возможность увеличить поборы.

Въ распоряженіе духовной инквизиціи назначена была особая команда вооруженныхъ солдатъ; они употреблялись для отыскиванія раскольниковъ по лѣсамъ и пустынямъ, для истребленія устроенныхъ тамъ ихъ

жилищъ, для отысканія „потаенныхъ раскольниковъ“, для отправки ихъ на каторгу и для вырѣзыванія ноздрей, для истребленія у раскольниковъ и нераскольниковъ старопечатныхъ и харатейныхъ книгъ и т. п.

Къ счастью, инквизиція существовала у насъ недолго. Она была уничтожена при Екатеринѣ I, и въ то время какъ счисленіе раскольниковъ, такъ и сборъ двойного съ нихъ оклада перешли изъ синода въ вѣдѣніе правительствующаго сената. Для сего въ Москвѣ учреждена была „раскольническая контора“ изъ свѣтскихъ лицъ. Она вела именные списки раскольниковъ; въ нее поступилъ и двойной окладъ, собираемый по провинціямъ мѣстными властями. Такъ продолжалось до 1782 года, когда былъ отмѣненъ двойной окладъ, а съ нимъ и особое счисленіе раскольниковъ.

Число раскольниковъ въ XVIII столѣтіи не только не уменьшалось, но даже увеличивалось, несмотря на то, что они во множествѣ бѣгали или за границу, или въ пустыни закамскія и въ Сибирь. Изъ сенатскаго указа 17-го сентября 1742 года видно, что въ семнадцать лѣтъ, съ 1719 по 1736 годъ, въ Россіи убыло 2.100.469 душъ, изъ нихъ умерло 1.558.000, взято въ рекруты 202.000 и *бѣжало около 442.000.* Заявляя эти цифры, сенатъ прибавилъ: „уповательно и больше того оной убыли имѣется“ *). Изъ 442 тысячъ бѣглыхъ значительная часть была раскольниковъ. Изъ указа 7-го февраля 1762 года видно, что изъ одной только Нижегородской губерніи съ 1716 года, то-есть въ сорокъ пять лѣтъ, семь восьмыхъ раскольническаго населенія, то-есть 35 тысячъ, вслѣдствіе обидъ и притѣсненій со стороны духовенства, бѣжало преимущественно за литовскій рубежъ **). Изъ различныхъ правительственныхъ распоряженій, бывшихъ въ прошломъ столѣтіи, видно, что раскольники далеко не всѣ были записаны въ книги двойного оклада. Кромѣ такъ-называемыхъ *записныхъ*, было гораздо болѣе такъ-называемыхъ *потаенныхъ*, которые однако въ духовныхъ росписяхъ значились принадлежащими къ господствующей церкви. Кромѣ того, въ XVIII столѣтіи возникли, или, вѣрнѣе сказать, распространились тайныя ученія хлыстовъ, скопцовъ, духоборцевъ, молоканъ и т. п. Послѣдователи всѣхъ этихъ ученій считались православными.

Съ 1782 года особое счисленіе раскольниковъ прекратилось. Попытка возобновить его сдѣлана была въ 1810 году, тотчасъ по учрежденіи особаго министерства полиціи, въ вѣдѣніе котораго поступили дѣла о расколѣ. Министръ полиціи, генералъ Балашовъ, призналъ нужнымъ (не знаемъ, по какимъ соображеніямъ) привести въ извѣстность современное число раскольниковъ и затѣмъ вести имъ ежегодный счетъ. Онъ доложилъ объ этомъ государю, и 18-го августа 1811 г. Александръ Павловичъ далъ повелѣніе: „всѣмъ начальникамъ губерній собрать свѣдѣнія,

---

*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи», XI, № 8619.
**) Тамъ же.

сколько въ которой находится старообрядцевъ, и вѣдомости о нихъ доставлять ежегодно къ 1-му января и 1-му іюля министру полиціи" *). Но предпріятію министра полиціи не суждено было осуществиться.

Въ Нижегородской губерніи губернаторомъ былъ тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ А. М. Руновскій, одинъ изъ способнѣйшихъ дѣятелей своего времени, вышедшій изъ школы Безбородки и Трощинскаго, человѣкъ безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ. Получивъ циркуляръ министра полиціи, онъ поручилъ городскимъ и земскимъ полиціямъ предварительно составить именные списки раскольниковъ. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ открылось значительное число принадлежащихъ къ такъ-называемому Спасову согласію. Всѣ послѣдователи этого толка **) въ исповѣдныхъ приходскихъ вѣдомостяхъ числились и числятся православными на томъ основаніи, что они, сообразно своему толку, крестятъ дѣтей и вѣнчаются въ церквахъ православныхъ. Такіе же раскольники оказались и по другимъ уѣздамъ Нижегородской губерніи. Кромѣ того, въ уѣздахъ заволжскихъ: Семеновскомъ и Балахнинскомъ, нашлось много раскольниковъ *не записныхъ*, то-есть такихъ, отцы и дѣды которыхъ не платили двойного оклада и не значились въ спискахъ „раскольнической конторы". Полицейскіе чиновники, производившіе именную перепись, включили въ нее и этихъ людей. Узнавъ объ этомъ, тайные раскольники сами во множествѣ стали являться въ городскія и земскія полиціи, прося записать ихъ въ расколъ и представляя доказательства своей непринадлежности къ господствующей церкви. Приходское духовенство встревожилось, ибо запиской въ расколъ всѣхъ наличныхъ дѣйствительныхъ раскольниковъ оно во многихъ мѣстахъ могло бы совершенно лишиться доходовъ. Хотя производившійся по синодскому указу 15-го мая 1722 г. гривенный сборъ съ раскольниковъ въ пользу духовенства ***) еще въ началѣ царствованія Екатерины II былъ отмѣненъ, а приходскому духовенству запрещено было ходить въ дома раскольниковъ для вымогательства денегъ, но причты продолжали дѣлать поборы. Въ самой даже Москвѣ, обходя приходы со святою водой, священники выламывали у раскольниковъ, не хотѣвшихъ пускать ихъ къ себѣ, ворота, двери и окна, требуя денегъ и свѣдѣній о новорожденныхъ, чтобы записать ихъ въ свои книги и такимъ образомъ зачислить ихъ своими прихожанами. По мѣстамъ отдаленнымъ, по глухимъ захолустьямъ, это продолжалось до самаго послѣдняго времени, что̀ доказывается множе-

---

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 37.

**) Ихъ чрезвычайно много въ поволжскихъ губерніяхъ отъ Нижегородской до Астраханской. Объ нихъ не упоминали ни Андрей Іоанновъ ни другіе писатели о расколѣ до послѣдняго времени.

***) «Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи», VI, 4069. Тамъ, между прочимъ, сказано: «съ обрѣтающихся въ приходахъ раскольниковъ брать приходскимъ ихъ священникамъ съ причетниками со всякаго раскольничьяго двора по гривнѣ съ души въ годъ, а сверхъ того отъ рожденія гривна, отъ женитьбы гривна, отъ погребенія гривна».

ствомъ формальныхъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ. Перепись, производимая по циркуляру Балашова, должна была положить конецъ притязаніямъ приходскаго духовенства къ „незаписнымъ“ раскольникамъ, и оно сильно возроптало.

Вновь назначенный тогда на нижегородскую каѳедру епископъ Моисей вступился въ дѣло пересмотра раскольниковъ. Вслѣдствіе того у него съ губернаторомъ Руновскимъ произошли пререканія. Синодальный указъ 19-го іюля 1777 года ясно говорилъ: „что касается до записки желающихъ въ расколъ, то слѣдуетъ ли ихъ въ оный записывать оставить на разсмотрѣніе свѣтской команды“, слѣдовательно епархіальному начальству и не слѣдовало вмѣшиваться въ неподлежащее его вѣдѣнію дѣло. Но Моисей, человѣкъ пылкій и заносчивый, и въ то же время слабо смотрѣвшій за духовенствомъ, за что впослѣдствіи и подвергся непріятностямъ, думалъ иначе. Онъ находилъ, что открытою запиской тайныхъ раскольниковъ въ составленные списки наносится ущербъ церкви, и говорилъ, „что чиновники для записи въ расколъ указываютъ раскольникамъ къ тому способы и берутъ за то съ нихъ деньги“. Дѣло дошло до Петербурга и было разсмотрѣно въ комитетѣ министровъ. Въ положеніи его сказано: „при собираніи свѣдѣній о числѣ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи, чиновники, занимавшіеся этимъ дѣломъ, дѣйствовали не вполнѣ осторожно и открывали нѣкоторымъ образомъ способы записываться въ расколъ и такимъ, которые прежде были православными“. Императоръ Александръ Павловичъ на журналѣ комитета 18-го іюня 1812 года собственноручно написалъ: „и не слѣдовало никогда гласной переписки дѣлать; нужно только имѣть подъ рукою свѣдѣніе о нихъ“. На основаніи этой резолюціи, циркуляромъ министерства полиціи сообщено всѣмъ губернаторамъ, что „его величеству благоугодно было приказать, чтобы свѣдѣнія о старообрядцахъ не иначе были собираемы, какъ подъ рукою и безъ всякой малѣйшей огласки, и чтобы вѣдомости о нихъ по таковымъ собираемымъ свѣдѣніямъ присылаемы были къ министру полиціи единожды въ годъ, къ 1-му января“ *).

Это распоряженіе, совершенно противное принятой со времени императрицы Екатерины II системѣ и рѣзко отличающееся отъ предшествовавшихъ указовъ императора Александра, состоялось въ самую трудную минуту. Императоръ находился тогда въ Вильнѣ, при немъ былъ и Балашовъ, не участвовавшій въ засѣданіи комитета министровъ, когда обсуждалось дѣло о пререканіяхъ Руновскаго съ Моисеемъ. На присланномъ изъ Петербурга журналѣ Александръ Павловичъ написалъ выше приведенную резолюцію чрезъ шесть дней по вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи, въ то время, когда онъ уже приближался къ Вильнѣ. Въ такое время нельзя было предпринимать какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ, надо было всячески заботиться о полнѣйшемъ внутреннемъ согласіи.

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 40—41.

Начавшаяся перепись раскольниковъ была такимъ образомъ прекращена повсемѣстно. Она нигдѣ не была кончена. Въ составленныя для того книги внесены были одни только *записные* раскольники, то-есть потомки платившихъ двойной окладъ, да и то не всѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ эти книги были внесены только главы семействъ, въ другихъ одинъ только мужескій полъ и т. п. Списки, составленные такимъ образомъ по распоряженію 1811 года, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались безъ измѣненій даже до 1852 года. Такимъ образомъ во время изслѣдованій, произведенныхъ статистическими экспедиціями, о которыхъ будетъ сказано ниже, въ нѣкоторыхъ земскихъ судахъ было обнаружено, что именные списки раскольниковъ велись безъ всякихъ измѣненій съ 1811 г., и въ продолженіе сорока лѣтъ умершіе изъ нихъ не исключались, новорожденные не приписывались, а ежегодно показываемое въ вѣдомостяхъ число раскольниковъ означалось наобумъ, одинъ годъ немножко побольше, другой немножко поменьше. Во многихъ уѣздахъ именныхъ списковъ вовсе не велось, а ежегодно показываемая въ отчетахъ цифра ставилась совершенно произвольно,

Число раскольниковъ между тѣмъ умножалось. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ покойный московскій митрополитъ Филаретъ уже указывалъ на быстро увеличивающееся въ Москвѣ число раскольниковъ и на необходимость принять противъ усиленія раскола рѣшительныя мѣры. Александръ Арсеньевъ, бывшій долгое время раскольничьимъ попомъ на Рогожскомъ кладбищѣ и потому хорошо знавшій дѣла поповщинскаго раскола, впослѣдствіи, когда уже былъ благочиннымъ единовѣрческихъ церквей Черниговской губерніи, офиціально заявилъ, что въ исходѣ 1823 года въ городѣ Москвѣ послѣдователей поповщинскаго раскола было до 35.000 человѣкъ, а въ 1825 году 68.000 *). А по спискамъ значилось въ 1826 году раскольниковъ всѣхъ толковъ, духоборцевъ, субботниковъ и скопцовъ, въ Москвѣ и во всей Московской губерніи 53.835 **). Раскольники Рогожскаго кладбища еще въ двадцатыхъ годахъ и ранѣе въ просьбахъ, подаваемыхъ въ разныя учрежденія, постоянно упоминали, что число ихъ единовѣрцевъ во всей Россіи превышаетъ цифру пяти милліоновъ. Эта цифра никогда никѣмъ не оспаривалась, никогда никѣмъ не опровергалась, она показывалась даже въ конфиденціальныхъ бумагахъ какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства. А между тѣмъ, по офиціальнымъ донесеніямъ губернаторовъ, раскольниковъ всѣхъ толковъ считали во всей Россіи лишь около восьмисотъ тысячъ.

Министерство полиціи было упразднено въ 1820 году, дѣла о раскольникахъ перешли въ особенную канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ. Но и съ переходомъ въ новое министерство счисленіе рас-

---

*) «Дѣло о Кочуевѣ» въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

**) Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», VIII, 163.

кольниковъ не улучшилось: губернаторы въ представляемыхъ вѣдомостяхъ показывали только *записныхъ* раскольниковъ, притомъ по инымъ губерніямъ только лицъ мужескаго пола, а по другимъ безъ причисленіи новорожденныхъ. Изъ многихъ губерній вѣдомостей вовсе не доставлялось.

II.

Вскорѣ по воцареніи императора Николая Павловича, министерство внутреннихъ дѣлъ 26-го февраля 1826 года, по высочайшему повелѣнію, предписало губернаторамъ: доставлять ежегодно вѣдомости о числѣ раскольниковъ къ Новому году. Это не было новымъ распоряженіемъ, а только подтвержденіемъ состоявшагося въ 1811 году, но нигдѣ почти не исполненнаго. Въ томъ же 1826 году изъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ было образовано третье отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Губернаторамъ было предписано вѣдомости о раскольникахъ представлять по истеченіи каждаго года въ новое учрежденіе, а копіи съ нихъ въ министерство внутреннихъ дѣтъ. Такъ продолжается и до сихъ поръ (1868).

Въ вѣдомостяхъ, на этомъ основаніи доставляемыхъ губернаторами, показано раскольниковъ:

Въ 1826 году	827.721
„ 1827 „	825.391
„ 1837 „	1.003.816
„ 1839 „	889.926
„ 1841 „	911.671
„ 1849 „	821.215
„ 1850 „	829.971
„ 1859 „	875.382
„ 1864 „	917.097

Сюда, какъ уже замѣчено, включены только *записные* раскольники, то-есть потомки платившихъ въ XVIII столѣтія двойной окладъ. Да и тѣ не всѣ; мы уже сказали, что въ иныхъ уѣздахъ цифры не измѣнялись *по сорока лѣтъ,* и, несмотря на естественное приращеніе населенія вслѣдствіе перевѣса количества рожденій надъ числомъ умершихъ, число раскольниковъ показывалось или одно и то же черезъ цѣлые десятки лѣтъ, или съ каждымъ годомъ понемножку убавлялось исправниками, чтобы показать предъ начальствомъ „благополучіе уѣзда и усердіе свое“ къ ослабленію раскола.

Порядокъ составленія по уѣздамъ и губерніямъ вѣдомостей о раскольникахъ слѣдующій. Въ каждомъ городскомъ или уѣздномъ полицейскомъ управленіи ведется именной списокъ раскольниковъ, но въ этихъ спискахъ записываются далеко не всѣ раскольники, особенно гдѣ ихъ много. Ежегодно составляемая числовая вѣдомость должна бы основы-

ваться на этихъ именныхъ спискахъ, но этого не дѣлается: полицейскія управленія обыкновенно придерживаются цифры предыдущихъ годовъ, убавляя ее понемножку.

Иные исправники, особенно изъ молодыхъ и вновь поступавшихъ на службу, пробовали представлять цифру раскольниковъ, ближе подходящую къ дѣйствительности, согласуя ее или съ свѣдѣніями духовенства (по вѣдомостямъ духовнаго вѣдомства раскольниковъ почти повсемѣстно показывается больше, чѣмъ въ полицейскихъ управленіяхъ), или съ особенными наблюденіями. Цифра въ такомъ случаѣ оказывалась гораздо большею показанной за предыдущіе годы. При полученіи такой вѣдомости въ губернскомъ управленіи обыкновенно возникалъ вопросъ, отчего въ такомъ-то уѣздѣ число раскольниковъ быстро увеличилось. Отъ исправника требовались объясненія: почему расколъ усилился, кто виновенъ въ сокращеніи столь значительнаго числа вновь оказавшихся раскольниковъ, какія были приняты полиціей мѣры къ предупрежденію и пресѣченію раскольничьей пропаганды, почему не было своевременно донесено о столь сильномъ увеличеніи раскола и т. п. Возникала непріятная для исправника переписка, оканчивавшаяся обыкновенно дѣлаемымъ ему замѣчаніемъ за неосновательность донесенія или за недостатокъ усердія къ пресѣченію развитія раскола. Разъ испытавъ такія послѣдствія согласованія ни на чемъ неоснованной цифры съ дѣйствительностью, исправникъ ужъ, конечно, никогда не повторялъ неудачнаго опыта, не подражали ему и преемники его, изъ старыхъ дѣлъ знавшіе, каково выказывать непрошенное усердіе къ точности статистической цифры. Такъ и оставались всѣ при старой цифрѣ, ежегодно уменьшая ее понемножку. Но у каждаго дѣльнаго исправника прежде бывала и теперь есть своя, приблизительно вѣрная, цифра раскольничьяго населенія уѣзда, съ которою соображаются иногда и губернаторы, но она держится какъ бы въ секретѣ и обыкновенно называется *неофиціальной цифрой*.

Въ свою очередь бывали случаи, что иной губернаторъ представлялъ по цѣлой губерніи число раскольниковъ болѣе согласное съ дѣйствительностью; результаты оказывались тѣ же или почти тѣ же. Начинались запросы, отчего да почему раскольники умножились въ такой-то губерніи, требовались объясненія, завязывалась переписка, и затѣмъ все приходило въ прежнюю колею.

Изъ самыхъ вѣдомостей о числѣ раскольниковъ, при тщательномъ ихъ счисленіи, ясно можно видѣть, до какой степени шатки заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія.

Въ послѣднія сорокъ лѣтъ (какъ видно изъ производившихся дѣлъ, изъ донесеній губернаторовъ, изъ представленій епархіальныхъ начальствъ, изъ спеціальныхъ изслѣдованій о расколѣ, производившихся на мѣстахъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ) расколъ усиливался преимущественно въ губерніяхъ великороссійскихъ, особенно же въ приволж-

скихъ и восточныхъ, а менѣе всего распространялся въ Западномъ краѣ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, что объясняется значительнымъ числомъ живущихъ тамъ иновѣрцевъ: римско-католиковъ, лютеранъ, евреевъ, а также и православныхъ, возсоединенныхъ изъ уніи въ 1839 г., изъ числа коихъ доселѣ совратившихся въ расколъ не было. Но офиціальныя цифры говорятъ совершенно противное. Изъ сличенія цифръ 1826—1864 годовъ выходитъ, что раскольниковъ во внутреннихъ и восточныхъ губерніяхъ стало значительно меньше. Такъ, въ губерніи Калужской ихъ будто бы уменьшилось на 9%, во Владимірской на 13%, Тамбовской на 15%, Тульской на 28%, Тверской на 29%, Олонецкой на 34%, Оренбургской, Саратовской и Симбирской взятыхъ вмѣстѣ на 34%, Орловской, Псковской и Пермской въ каждой на 37%, Ярославской на 44%, Петербургской на 45%, Костромской на 50%, Новгородской на 52%, Харьковской на 58%, а въ Полтавской даже на 91%.

Зато въ губерніяхъ, гдѣ расколъ въ дѣйствительности не усиливался, и если число раскольниковъ увеличивалось, то лишь вслѣдствіе естественнаго приращенія населенія, тамъ, гдѣ расколъ даже ослабѣвалъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ (напримѣръ, въ Землѣ Войска Донского и въ Могилевской губерніи, по уничтоженіи въ послѣдней старообрядскихъ монастырей Гомельскаго уѣзда), тамъ, по указанію офиціальныхъ цифръ, съ 1826 по 1864 годъ онъ усилился въ два и даже въ два съ половиной раза. Такъ, въ Курляндіи онъ показанъ усилившимся на 157%, въ Могилевской губерніи на 148%, въ Волынской на 145%, въ Бессарабіи на 121%, въ Кіевской губерніи на 80%, въ Подольской на 80%, въ Землѣ Войска Донского на 67%, въ Екатеринославской губерніи на 59%, въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской, взятыхъ вмѣстѣ, на 53%, въ Херсонской на 47%, въ Лифляндской на 30% и въ Витебской на 25%.

Цифры духовнаго вѣдомства по нѣкоторымъ епархіямъ нѣсколько выше цифръ, представленныхъ губернаторами, по другимъ ниже. Вопросъ, отчего изъ одной губерніи доходили разныя вѣсти, разрѣшается очень просто: какъ губернаторы, такъ и архіереи представляли своимъ начальствамъ цифру фактическую, основаніе для которой заключалось единственно въ показаніяхъ за предшествовавшіе годы. Каждый оставался спокоенъ: безпокойныхъ запросовъ, непріятной переписки не было. Не ими такъ началось, не ими и кончится. Замѣчательно однако, что и цифры, доставляемыя въ святѣйшій синодъ епархіальными архіереями, представляютъ то же самое, что и представляемыя въ министерство внутреннихъ дѣлъ губернаторами: гдѣ раскольниковъ въ 1826—1864 годахъ стало въ дѣйствительности больше, тамъ показывалось, что число ихъ уменьшилось, и наоборотъ.

Какъ цифры губернаторскихъ отчетовъ основываются на цифрахъ, представляемыхъ полицейскими управленіями, такъ и епархіальныя до-

несенія о числѣ раскольниковъ основываются на ежегодно представляемыхъ приходскими причтами вѣдомостяхъ. Казалось бы, епархіальная цифра должна быть вѣрнѣе губернаторской, даже безусловно вѣрна. Кому же вѣрнѣе знать свой приходъ, кому всего удобнѣе имѣть на счету всѣхъ уклоняющихся отъ церкви, какъ не приходскому священнику? Но на дѣлѣ выходитъ не то. И приходскіе причты, составляя вѣдомости о раскольникахъ, не основываются на дѣйствительности, но, подобно исправникамъ, придерживаются цифръ прошлаго года. Если бы какой-нибудь священникъ и вздумалъ представить къ консисторію дѣйствительную цифру раскольниковъ, ему угрожали бы еще болѣе чувствительныя непріятности, чѣмъ исправнику. Бюрократизмъ и формалистика въ духовномъ вѣдомствѣ развиты едва ли еще не больше, чѣмъ въ гражданскомъ. Приходскій священникъ, рѣшась представить начальству дѣйствительную, извѣстную ему цифру раскольниковъ, долженъ бы былъ, вмѣсто прошлогоднихъ десятковъ, показать сотни. Отъ того произошли бы неизбѣжные запросы, переписка и даже гораздо хуже. Увеличеніе цифры можетъ подать начальству мысль о неспособности священника. Что же онъ за пастырь, если изъ стада его вдругъ цѣлыя сотни уклонились въ расколъ? Вѣрно показавшій число раскольниковъ въ своемъ приходѣ можетъ такимъ образомъ подвергнуться строгому взысканію, даже лишиться мѣста.

Сверхъ того, причты тѣхъ приходовъ, гдѣ много раскольниковъ, имѣютъ, къ сожалѣнію, еще особыя причины скрывать настоящее число ихъ. Раскольникъ *записной* для причта человѣкъ потерянный, съ него онъ не получитъ ни копейки. Напротивъ, *незаписной* составляетъ важную статью въ домашнемъ бюджетѣ церковнослужителей. Незаписной въ книгахъ раскольникъ считается православнымъ, но отмѣчается не бывающимъ у исповѣди и св. причастія или по *наклонности къ расколу*, чаще *по нарѣченію* или *по опущенію*, а иногда даже отмѣчается *бытчикомъ* (непремѣнно одинъ разъ въ десять лѣтъ). Такой раскольникъ, сроду не бывавшій и на церковной паперти, но зачисленный по церковнымъ вѣдомостямъ православнымъ, несравненно выгоднѣе для причта, чѣмъ самый усердный прихожанинъ. За то, чтобъ у него не исправлять требъ, онъ платитъ гораздо дороже, чѣмъ усердный къ церкви прихожанинъ за исправленіе ихъ. Притомъ доходъ съ „незаписного" вѣрнѣе и обезпеченнѣе: чуть воспротивился онъ платить положенную дань, на него готовъ доносъ: отца похоронилъ въ лѣсу, сына крестилъ неизвѣстно гдѣ, дочь вѣнчалась не при церкви и т. п. Такъ бывало въ прежнее время, а по мѣстамъ и до сихъ поръ (1868) дѣлается. Начнется, бывало, слѣдствіе, и хотя дѣло ничѣмъ не кончится, ибо въ „Уложеніи о наказаніяхъ" за подобные проступки наказанія не полагается, однако же несговорчивому даннику нахожденіе подъ слѣдствіемъ всегда обходилось гораздо дороже той суммы, которую онъ поупрямился заплатить своевременно. Дѣло затягивалось на нѣсколько лѣтъ: а находящемуся

подъ слѣдствіемъ не выдавали паспортовъ, и если онъ человѣкъ торговый, то много терялъ отъ невольнаго домосѣдства.

Бывавшіе подъ судомъ раскольники за дѣйствія по расколу извѣстны во многихъ мѣстахъ подъ именемъ *рѣшеныхъ*. Вотъ откуда произошло такое странное названіе: до 1853 года каждое дѣло о раскольникахъ, по разсмотрѣніи въ уѣздныхъ судахъ и въ уголовныхъ палатахъ, представлялось, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, на обсужденіе комитета министровъ. По закону наказаніе полагается только совратителямъ, совращенные же, *по рѣшеніямъ* комитета министровъ, обыкновенно подвергались духовному увѣщанію, и если оставались послѣ того въ расколѣ, то обязывались подпиской никого въ расколъ не совращать. Во время существованія такого порядка много десятковъ тысячъ перебывало въ консисторіяхъ на увѣщаніяхъ, но не было, кажется, ни одного примѣра, чтобъ увѣщанія эти подѣйствовали на увѣщаемаго, чтобы хоть одинъ раскольникъ согласился остаться при церкви, а не идти въ число *рѣшеныхъ*. Да и то надо сказать, что всѣ эти троекратныя увѣщанія на практикѣ были не что иное, какъ троекратная плата извѣстной суммы денегъ. Казалось бы, такой *рѣшеный* не долженъ уже былъ затѣмъ считаться по церковнымъ росписямъ православнымъ, долженъ бы быть причисленъ къ записнымъ раскольникамъ. Этого никогда не бывало. Рѣшеный никогда не вносился въ списки раскольниковъ, тѣмъ менѣе семья его; напротивъ, если у рѣшенаго родился послѣ увѣщаній и данной имъ подписки ребенокъ, и онъ, какъ водится, окрестилъ его по своему обряду, на него поступалъ новый доносъ *о совращеніи въ расколъ своего сына*, то-есть новорожденнаго-то. Начиналось новое дѣло, въ концѣ котораго были новыя троекратныя увѣщанія.

Принадлежащіе къ сектамъ хлыстовскимъ (хлысты, монтаны, ляды, лазаревщина, скопцы, шелапуты и пр.) и мистическимъ (сіонская церковь, десные христіане и пр.) почти никогда не показываются въ числѣ отщепенцевъ отъ господствующей церкви. Принадлежащіе, напримѣръ, къ хлыстамъ, по самымъ правиламъ своей секты, должны исправлять всѣ требы въ православной церкви и дѣйствительно исправляютъ ихъ съ виду усерднѣе самаго усерднаго православнаго и потому считаются принадлежащими къ церкви, между тѣмъ какъ въ то же время имѣютъ своихъ живыхъ боговъ, своихъ христовъ, богородицъ, пророковъ и т. п.

Несообразность числа раскольниковъ, официально показываемаго, съ дѣйствительною цифрой давно обращала на себя вниманіе. Такъ, напримѣръ, было обращено вниманіе на Пермскую губернію: въ 1826 году показывалось въ ней 112.000 раскольниковъ; въ тридцатыхъ годахъ, при бывшемъ тамъ архіепископѣ Аркадіи, обращено изъ нихъ въ православіе сто тысячъ, но въ 1841 году, по оффиціальнымъ показаніямъ, ихъ оставалось еще 108 тысячъ. Въ сороковыхъ годахъ въ Пермской епархіи обращено было изъ раскола еще до 100.000 человѣкъ, а въ 1850 году

все-таки показывалось 72.899; въ пятидесятыхъ годахъ обращено еще до сотни тысячъ, а въ 1864 году показывалось еще 70 тысячъ.

Несообразность официальной цифры съ действительною самымъ поразительнымъ образомъ оказалась въ 1850 году. Въ ноябре этого года исполнилось двадцатипятилетіе царствованія императора Николая Павловича. Все министры и главноуправляющіе отдельными частями, кроме годовыхъ отчетовъ по своему управленію, представили государю отчеты за 25 летъ. При отчете министерства внутреннихъ делъ бывшій тогда министромъ графъ Л. А. Перовскій представилъ особую записку о расколе. Оказалось, что къ началу царствованія Николая Павловича раскольниковъ въ Россіи было 827 тысячъ, въ двадцать пять летъ обратилось къ православію и къ единоверію более милліона, и все-таки къ 1851 году осталось ихъ 750 тысячъ. Графъ Перовскій, решительно отрицая приблизительную даже верность последней цифры, заметилъ, что действительное число раскольниковъ несравненно более показываемаго офиціально. „конечно, ихъ *до девяти милліоновъ*",—заметилъ онъ. Незадолго передъ темъ (въ конце сороковыхъ годовъ) произведены были изследованія о расколе въ Московской губерніи состоявшимъ при министерстве внутреннихъ делъ действительнымъ статскимъ советникомъ Липранди. Онъ доносилъ графу Перовскому, что въ той губерніи раскольниковъ не 73.485. какъ значится въ офиціальныхъ ведомостяхъ, а 186.000 *). Общее же число раскольниковъ по всему государству г. Липранди, основываясь на счете самихъ московскихъ раскольниковъ, полагалъ въ девять милліоновъ **). На этомъ основаніи и говоритъ въ своей записке графъ Перовскій.

Прочитавъ „Записку о расколе въ 1825 — 1850 годахъ", императоръ Николай Павловичъ приказалъ графу Перовскому придумать средства, какимъ бы образомъ, не возбуждая народныхъ толковъ о записи въ раскольники, негласно и самымъ осторожнымъ образомъ собрать возможно верныя сведенія о числе раскольниковъ, хоть въ некоторыхъ губерніяхъ. Въ августовской книжке „Православнаго Собеседника" за 1867 годъ помещена статья „О численности раскольниковъ"; въ ней г. Ивановскій разсказываетъ, какимъ образомъ производились эти изследованія. Но эта статья, будучи основана лишь на техъ немногихъ офиціальныхъ запискахъ, которыя напечатаны г. Кельсіевымъ въ изданномъ имъ въ Лондоне „Сборнике правительственныхъ распоряженій о раскольникахъ", неполна и не совсемъ верна.

Г. Ивановскій введеніе въ наше общество мненія о десятимилліонной численности раскольниковъ приписываетъ г. Липранди и пишущему эти

---

*) «Статистическія таблицы Россійской имперіи, издаваемыя по распоряженію министра внутреннихъ делъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ». Спб., 1863, стр. 235.

**) «Записка г. Липранди», напечатанная во 2 томе «Сборника правительственныхъ распоряженій о расколе», г. Кельсіева, стр. 104 и 146.

строки. Слишкомъ много чести! Мнѣніе это основано не на моихъ изслѣдованіяхъ и не на изслѣдованіяхъ г. Липранди, а на свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ государства, съ одной стороны, генералъ-губернаторами, губернаторами, чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ, статистическими экспедиціями, а съ другой епархіальными, вслѣдствіе указа святѣйшаго синода, послѣдовавшаго въ іюнѣ 1853 года.

Вотъ какъ было дѣло, насколько мнѣ оно извѣстно. Во время министерства графа Перовскаго дѣла по расколу, какъ и теперь, завѣдывались департаментомъ общихъ дѣлъ министерства. Но въ этомъ департаментѣ производились тогда только дѣла, такъ сказать, обиходныя: переписка съ губернскими начальствами о раскольникахъ, разсмотрѣніе слѣдственныхъ дѣлъ о проступкахъ раскольниковъ, составленіе по этимъ дѣламъ записокъ для внесенія въ комитетъ министровъ, принятіе мѣръ противъ раскола сообразно мѣстнымъ условіямъ и т. п. Дѣла же большей важности, какъ, напримѣръ, о только-что возникшей въ то время Бѣлокриницкой митрополіи, по изслѣдованіямъ скопческой секты и хлыстовъ, по собранію свѣдѣній для исторіи раскола и самое составленіе ея, словомъ, всѣ работы, требовавшія не только знанія канцелярскаго порядка, но и научной подготовки—поручены были извѣстному ученому, бывшему предъ тѣмъ профессоромъ Московскаго университета и редакторомъ журнала „Телескопъ“, покойному Н. И. Надеждину *). Надеждинъ былъ редакторомъ и „Записки о расколѣ“, представленной императору Николаю Павловичу во время совершившагося двадцатипятилѣтія его царствованія. Получивъ повелѣніе привести въ возможную ясность число раскольниковъ, графъ Перовскій и это дѣло возложилъ на Надеждина, поручивъ ему придумать средства къ исполненію государевой воли и выбрать способныхъ на то людей какъ изъ министерскихъ чиновниковъ, такъ и изъ лицъ постороннихъ. Въ это время я, по порученію графа Перовскаго, ревизовалъ полиціи, думы и другія городскія учрежденія въ Нижегородской губерніи и, не кончивъ еще ревизіи, въ мартѣ 1852 года пріѣхалъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ министромъ. Во время этихъ объясненіи графъ Перовскій сталъ разспрашивать меня о нижегородскихъ раскольникахъ и послѣ довольно продолжительнаго разговора сказалъ, что онъ намѣренъ дать мнѣ порученіе по дѣламъ раскола, и приказалъ объясниться съ Надеждинымъ. Отъ Надеждина узналъ я объ упомянутой „Запискѣ“ и о повелѣніи государя, въ исполненіи котораго я долженъ былъ принять участіе. Кромѣ

*) Подъ его руководствомъ въ сороковыхъ годахъ работали: дѣйствительный статскій совѣтникъ Липранди и нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находились недавно бывшіи московскимъ губернаторомъ графъ А. К. Сиверсъ, нынѣшніи (1868) одесскій градоначальникъ М. Н. Шидловскій и др. Принимали въ этихъ работахъ участіе В. И. Даль, завѣдывавшіи тогда особою канцеляріеи графа Перовскаго, и товарищъ министра, покойный Н. Г. Сенявинъ. Дѣла, порученныя Надеждину, производились помимо департамента.

меня къ этому былъ призванъ председатель петербургской уголовной палаты И. С. Синицынъ. Начались совѣщанія, какъ исполнить волю государя, какъ узнать приблизительно вѣрное число раскольниковъ въ двухъ на первый разъ губерніяхъ, не подавая никому ни малѣйшаго повода къ заключеніямъ, что производится счетъ ихъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ, по назначенію министра, принялъ участіе еще одинъ изъ министерскихъ чиновниковъ, нынѣ (1868) статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ, бывшій тогда вице-директоромъ хозяйственнаго департамента и завѣдывавшій дѣлами „временного статистическаго комитета“. По его мысли образованы были двѣ „статистическія экспедиціи“, одна въ губернію Нижегородскую, другая въ Ярославскую. Начальствующимъ первой графъ Перовскій назначилъ меня, а начальствующимъ второй—покойнаго Синицына. Статистическія экспедиціи составлены были изъ членовъ, назначенныхъ изъ министерскихъ чиновниковъ и изъ прикомандированныхъ къ нимъ, по соглашенію начальствующихъ съ мѣстными губернаторами, самыхъ способныхъ и лучшихъ чиновниковъ губернскаго управленія. Члены были избираемы гг. Надеждинымъ и Милютинымъ. Ими же была одобрена составленная мною инструкція статистическимъ экспедиціямъ; она утверждена графомъ Перовскимъ и напечатана въ томъ же 1852 году въ „Сборникѣ циркуляровъ по министерству внутреннихъ дѣлъ“. Назначены были на обѣ экспедиціи особыя денежныя средства (до 15 тысячъ) изъ министерства и, кромѣ того, изъ губернскихъ суммъ по соглашенію начальствующихъ экспедиціями съ губернаторами *).

Вскорѣ послѣ того, какъ статистическія экспедиціи отправились въ Нижегородскую и Ярославскую губерніи, графъ Перовскій призналъ нужнымъ произвести исчисленіе раскольниковъ еще въ одной губерніи, лежащей между двумя названными, въ Костромской. Но, не образуя для того цѣлой экспедиціи, онъ послалъ туда гг. Брянчанинова и Арнольди, на которыхъ не лежало обязанности собирать общія статистическія свѣдѣнія, и они исключительно занимались собраніемъ свѣдѣній о раскольникахъ.

---

*) Въ ярославской экспедиціи подъ начальствомъ Синицына находились: тайный совѣтникъ графъ Сиверсъ (бывшій московскій губернаторъ), дѣйствительные статскіе совѣтники: А. И. Артемьевъ (старшій редакторъ центральнаго статистическаго комитета), Насиловъ (предсѣдатель петербургскаго физиката) и Г. Г. Григорьевъ (владимірскій вице-губернаторъ), статскій совѣтникъ графъ Гуттенъ-Чапскій (бывшій петербургскій вице-губернаторъ) и магистръ богословія Пискаревъ. Въ нижегородской экспедиціи находились: статскіе совѣтники: Е. К. Огородниковъ (старшій редакторъ центральнаго статистическаго комитета) и Н. И. Зайцевскій (секретарь того же комитета), камеръ-юнкеръ И. А. Галаховъ и А. Н. Аксаковъ. Въ числѣ губернскихъ чиновниковъ при мнѣ находился К. В. Трубниковъ, позднѣе редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». Въ Костромскую губернію были посланы дѣйствительный статскій совѣтникъ Брянчаниновъ (бывшій ставропольскій губернаторъ) и статскій совѣтникъ Л. И. Арнольди (бывшій калужскій вице-губернаторъ).

Вотъ результаты счисленія раскольниковъ, произведеннаго въ 1852 году въ Нижегородской, Костромской и Ярославской губерніяхъ:

Въ Нижегородской, по офиціальному показанію губернатора, было 20.246 раскольниковъ обоего пола. По изслѣдованіямъ статистической экспедиціи ихъ оказалось 172.500.

Въ Костромской офиціально показывалось 19.870 раскольниковъ. Брянчаниновъ и Арнольди насчитали 105.572.

Въ Ярославской офиціально показывалось 7.454 раскольника, по изслѣдованію статистической экспедиціи оказалось 278.417.

Такимъ образомъ оказалось въ Костромской губерніи раскольниковъ въ пять разъ болѣе, въ Нижегородской въ восемь съ половиной разъ, а въ Ярославской *въ тридцать семь разъ*.

Изслѣдованія по тремъ губерніямъ представили слѣдующій результатъ: вмѣсто 47.570 раскольниковъ офиціально показываемыхъ, оказалось ихъ 556.389, то-есть около двухъ третей офиціальной цифры, относящейся ко всей имперіи. Оказалось, что офиціальная цифра по тремъ губерніямъ, взятымъ вмѣстѣ, уменьшена *въ одиннадцать разъ*. На этомъ-то основаніи и стали считать дѣйствительную цифру раскольниковъ приблизительно отъ 9 до 10 милліоновъ. Общее число раскольниковъ по всей Россіи офиціально за 1852 годъ показано было въ 910 тысячъ. Помноживъ его на одиннадцать, получимъ 10 милліоновъ. Вотъ какимъ образомъ произошла десятимилліонная цифра раскольниковъ. Впрочемъ, девятимилліонную цифру въ правительственныхъ сферахъ предполагали и прежде этого времени.

Статистическія экспедиціи продолжались до 1855 г., но съ начала 1853 года расколомъ онѣ уже не занимались. До 1855 года я и г. Синицынъ, оставаясь начальствующими экспедиціи, одни, безъ участія членовъ, занимались болѣе подробными изслѣдованіями о состояніи раскола, я по Нижегородской, онъ по Ярославской и Костромской губерніямъ. Это происходило уже въ министерство Д. Г. Бибикова.

III.

Еще счисленіе раскольниковъ статистическими экспедиціями не было кончено, какъ графъ Перовскій получилъ въ августѣ 1852 года другое назначеніе, а министромъ внутреннихъ дѣлъ государь повелѣлъ быть генералъ-адъютанту Д. Г. Бибикову. Вскорѣ по представленіи результатовъ счисленія раскольниковъ, произведеннаго въ трехъ лишь губерніяхъ и подтвердившаго мнѣніе, что раскольниковъ въ Россіи находится до девяти милліоновъ, онъ 18-го февраля 1853 года входилъ объ этомъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, и государь, для обсужденія въ подробностяхъ дѣла о современномъ состояніи раскола, повелѣлъ новому министру составить особый комитетъ *), „которому заняться во всей

*) Онъ состоялъ изъ графа Блудова, оберъ-прокурора св. синода графа Протасова и министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова. См. «Собраніе поста-

подробности пересмотромъ изготовленнаго уже свода дѣйствующихъ постановленій о раскольникахъ и составить основный проектъ правилъ, которыя служили бы на будущее время руководствомъ при всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ и въ судебныхъ дѣлахъ до раскольниковъ относящихся" *).

Во второмъ засѣданіи этого комитета 23-го мая 1853 года, между прочимъ, постановлено: „1) поручить епархіальнымъ преосвященнымъ собрать осторожнѣйшимъ образомъ, негласно, посредствомъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ, и доставить святѣйшему синоду достовѣрныя, сколько можно, свѣдѣнія о нынѣшнемъ числѣ раскольниковъ и о состояніи раскола въ ихъ епархіяхъ съ означеніемъ, въ какихъ наиболѣе мѣстахъ проживаютъ раскольники, кто ихъ наставники и коноводы, и какими они располагаютъ средствами, чѣмъ особенно держится расколъ и чѣмъ бы съ большею благонадежностью могъ быть потрясенъ до основанія, и кто изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ способнѣе быть употребляемъ противъ сектаторовъ; 2) въ видахъ усиленія противораскольничьихъ духовныхъ миссій образовать при духовныхъ академіяхъ изъ наличныхъ студентовъ и изъ священнослужителей, кои изъявятъ на то желаніе, по небольшому отдѣленію для особаго приготовленія ихъ на дѣло съ раскольниками, какъ въ видѣ прямыхъ миссіонеровъ, такъ и въ видѣ священниковъ при церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ, гдѣ есть раскольники; 3) приступить къ новому изданію книгъ, въ прежнее время изданныхъ въ обличеніе раскола; составить и издать обстоятельную исторію раскола въ Россіи и возможно полное обличеніе порознь самыхъ главныхъ сектъ его: поповщины и безпоповщины въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, поручивъ составленіе таковыхъ книгъ, подъ руководствомъ преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, извѣстнымъ и опытнѣйшимъ въ духовномъ просвѣщеніи лицамъ; 4) поручить казанской духовной академіи, какъ еще незанятой никакимъ повременнымъ изданіемъ, издавать духовный журналъ, съ преимущественнымъ направленіемъ его противъ раскола въ разныхъ его видахъ".

Въ томъ же засѣданіи комитета состоялось постановленіе о приведеніи въ извѣстность современнаго положенія раскола и посредствомъ гражданскихъ лицъ, одновременно съ изслѣдованіями епархіальныхъ начальствъ, „дабы,—какъ сказано было въ журналѣ комитета,—повѣркой однихъ свѣдѣній другими можно было достигнуть до удовлетворительной въ нѣкоторой степени полноты и разносторонности въ обнаруженіи раскола" **). Это предположеніе было высочайше утверждено 10 іюня 1853 года.

новленій по части раскола». Спб., 1858, стр. 586. Въ этомъ комитетѣ сверхъ того принялъ участіе и покойный архіепископъ херсонскій Иннокентій, находившійся тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ.

*) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858, стр. 587.

**) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго

Одновременно съ тѣмъ постановлено и государемъ утверждено: всѣ дѣла о раскольникахъ обратить къ общему ходу, то-есть изъ уголовныхъ палатъ не представлять ихъ болѣе чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ, а вершить на законномъ основаніи въ самихъ палатахъ или въ сенатѣ, смотря по сущности дѣла. Тогда же утверждено при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *особенное временное управленіе* изъ самаго малаго числа чиновниковъ для производства важнѣйшихъ дѣлъ о раскольникахъ. Дѣла о расколѣ изъ департамента общихъ дѣлъ были переданы въ особенную канцелярію министра, ими сталъ завѣдывать сенаторъ А. И. Войцеховичъ. Изъ занимавшихся расколомъ при графѣ Перовскомъ остались при тѣхъ же занятіяхъ, то-есть при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ статистики, догматики и исторіи раскола, только четверо: графъ Стенбокъ, А. И. Артемьевъ, И. С. Синицынъ и я. Надеждинъ сдѣлался тяжко боленъ и черезъ два года скончался, Н. А. Милютинъ, поступивъ на должность директора хозяйственнаго департамента, также прекратилъ всякое участіе въ дѣлахъ по расколу.

Данная по этому случаю инструкція напечатана въ „Православномъ Собесѣдникѣ", но не совсѣмъ точно, не вполнѣ *). Вотъ она: „1) Сколько въ N. губерніи раскольниковъ. Такъ какъ они не вписываются въ церковныя метрическія книги, ревизскія же сказки повѣряются большею частію сими токмо книгами, то нужно обратить особенное вниманіе на то, нѣтъ ли между раскольниками людей не внесенныхъ въ ревизскія сказки, сколько ихъ и кто они именно **). 2) Въ какихъ мѣстахъ раскольники проживаютъ и по скольку именно въ городѣ, селѣ, выселкѣ и т. п. Всѣ пункты населенія ихъ должны быть отмѣчены на географической картѣ губерніи съ показаніемъ взаимнаго ихъ разстоянія и географическаго отношенія къ судоходнымъ рѣкамъ и къ другимъ путямъ торговыхъ и прочихъ сообщеній. 3) Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ раскольники N. губерніи, сколько ихъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ разныхъ вѣдомствъ и наименованій, и какихъ именно. 4) Сколько изъ раскольниковъ N. губерніи постоянно проживаетъ на мѣстѣ и сколько находится въ отлучкѣ, на какое самое продолжительное время, по какимъ надобностямъ, извѣстно ли, гдѣ они находятся, снабжены ли они законными видами, и состоятъ ли они съ своими земляками въ сношеніяхъ. Не приходятъ ли въ N. губернію раскольники изъ другихъ мѣстъ, какихъ именно и по какимъ дѣламъ. 5) Нѣтъ ли въ N. губерніи скитовъ и другихъ раскольническихъ сборищъ, и если есть, то гдѣ они находятся, когда составились, въ какомъ числѣ

синода», II, 526—529. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб., 1858, стр. 592.

*) Редакція «Православнаго Собесѣдника» заимствовала ее изъ лондонскаго «Сборника» г. Кельсіева (т. IV, стр. 55 и далѣе).

**) Изслѣдованія производились одновременно съ повѣркой на мѣстахъ только-что произведенной тогда девятой народной переписи.

людей, и кто эти люди. 6) Нѣтъ ли въ N. губерніи послѣдователей секты странниковъ или бѣгуновъ, и если есть, то дознать, кто эти люди и гдѣ они укрываются. 7) Въ какомъ нравственномъ состояніи находятся раскольники по образу жизни, по занятіямъ и по понятіямъ, и во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, въ чемъ именно сходствуютъ съ прочими жителями губерніи и чѣмъ отличаются, распространяется ли между ними грамотность, у какихъ людей учились, у кого теперь дѣти ихъ учатся, какого рода книги и рукописи читаютъ, откуда получаютъ ихъ, и т. п. 8) На какія секты раздѣляются теперь раскольники N. губерніи, лжеученіе сектъ сихъ остается ли такимъ же, какимъ было прежде; если съ теченіемъ времени измѣнилось новыми толками, какими именно, и не образовались ли между ними новыя секты и какія,—въ какомъ направленіи и положеніи находится каждое изъ лжеученій и въ какомъ они взаимномъ отношеніи. Вообще нужно дознать о духѣ и направленіи раскольниковъ N. губерніи, какіе между ними ходятъ толки, въ чемъ состоятъ ихъ надежды, съ какими раскольническими обществами другихъ губерній состоятъ они въ сношеніяхъ, откуда получаютъ наставниковъ, какое производятъ дѣйствіе на прочихъ жителей, чѣмъ болѣе держится тамошній расколъ, и нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, обнаруженіемъ коихъ можно бы было воспользоваться. 9) Всего важнѣе дознать тщательнѣйшимъ и достовѣрнымъ образомъ личный составъ раскольническихъ обществъ и нравственное положеніе главныхъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, дабы обнаружить самый скелетъ раскола, то-есть, во-первыхъ, остающихся въ немъ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, а можетъ-статься, въ иныхъ мѣстахъ и по недостатку самыхъ храмовъ; во-вторыхъ, руководителей раскола по фанатизму; въ-третьихъ, коноводовъ, дѣйствующихъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ выгодъ корысти, честолюбія и т. п. О послѣднихъ нужно собрать подробнѣйшія свѣдѣнія относительно ихъ характера, средствъ, связей, отношеній, и составить особенные имъ списки, съ означеніемъ соображеній о каждомъ, какимъ образомъ слѣдовало бы поступить съ нимъ, чтобы сдѣлать его безвреднымъ, и нѣтъ ли между ними даже такихъ людей, которыхъ можно было бы вразумить и обратить въ пользу и вразумленіе нынѣшнихъ послѣдователей ихъ“.

Вотъ въ чемъ состояли тѣ изслѣдованія раскола, о которыхъ составилось у насъ въ обществѣ превратное понятіе и о которыхъ усердными корреспондентами Герцена говорилось въ заграничной печати, какъ о чемъ-то подобномъ испанской инквизиціи. Вотъ въ чемъ состояли возглашенныя этою печатью „Бибиковскія гоненія раскольниковъ“. Всякій можетъ видѣть, было ли тутъ что-нибудь похожее на гоненія. Результатомъ произведенныхъ изслѣдованій было приведеніе въ ясность состоянія раскола, дотолѣ весьма мало извѣстнаго правительству.

По мѣрѣ поступленія отчетовъ о современномъ состояніи раскола, представленныхъ губернаторами и спеціальными чиновниками министер-

ства, они отправляемы были въ святѣйшій синодъ, гдѣ производилось сличеніе ихъ съ отчетами епархіальныхъ архіереевъ, и вслѣдствіе того дѣлались по духовному вѣдомству надлежащія распоряженія. Первый отчетъ представленъ былъ изъ Нижегородской губерніи. Онъ заключался въ тринадцати томахъ съ приложеніями. Сличеніе его съ отчетомъ нижегородскаго преосвященнаго Іеремія и критическій разборъ обоихъ производилъ преосвященный Григорій, архіепископъ казанскій, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій. Оказалось, что нижегородскій преосвященный нашелъ въ своей епархіи раскольниковъ еще болѣе, чѣмъ чиновникъ министерства. Офиціальная цифра была 20.246, министерскій чиновникъ опредѣлилъ ее въ 172.500, а преосвященный Іеремія въ 283.323 *). Затѣмъ поступилъ отчетъ отъ псковскаго губернатора и олонецкимъ архіепископомъ Аркадіемъ сличенъ съ отчетомъ о состояніи раскола въ Псковской епархіи, представленнымъ преосвященнымъ Платономъ. Третій, разсмотрѣнный такимъ образомъ отчетъ былъ симбирскій, начатый чиновниками министерства и конченный губернаторомъ. Сличеніе его съ отчетомъ симбирскаго преосвященнаго и критическій разборъ произведены были по порученію святѣйшаго синода архимандритомъ Софоніею. Такимъ образомъ сличались и прочіе отчеты начальниковъ губерніи и министерскихъ чиновниковъ съ отчетами епархіальныхъ архіереевъ, сличались для того, чтобы „повѣркой однихъ свѣдѣній другими достигнуть до удовлетворительной, въ нѣкоторой степени, полноты и разносторонности въ обнаруженіи раскола“.

Во всѣхъ отчетахъ, составленныхъ начальниками губерній и министерскими чиновниками, число раскольниковъ показано гораздо больше, чѣмъ въ офиціальныхъ ежегодныхъ отчетахъ. По многимъ губерніямъ оно показано въ семь, въ восемь, въ десять разъ болѣе, а по Ярославской даже въ тридцать семь разъ.

Въ отчетахъ епархіальныхъ архіереевъ то же самое. Преосвященный Іеремія нижегородскій показалъ, напримѣръ, дѣйствительное число въ одиннадцать разъ болѣе офиціальнаго, увеличивъ такимъ образомъ число, насчитанное министерскимъ чиновникомъ, на цѣлую треть его.

При сличеніи отчетовъ въ святѣйшемъ синодѣ и при критической ихъ оцѣнкѣ, ни по одному не выражено ни малѣйшаго сомнѣнія въ невѣрномъ увеличеніи цифры.

Въ губерніяхъ, гдѣ изслѣдованія производились министерскими чиновниками, оказалось:

	Число раскольниковъ записныхъ.	Число всѣхъ раскольниковъ.
Въ Московской	73.485	186.000
„ Нижегородской. . .	20.246	172.500

*) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 673.

	Число раскольниковъ записныхъ.	Число всѣхъ раскольниковъ.
Въ Новгородской . . .	8.436	68.131
„ Саратовской. . . .	25.750	125.000
„ Костромской . . .	19.870	105.572
„ Казанской.	8.267	72.000 *)
„ Ярославской . . .	7.454	278.417
„ Симбирской	7.500	85.000
Всего. . .	171.008	1.092.620 **)

А принимая поправку нижегородскаго преосвященнаго Іереміи, нашедшаго цифру 172.500 неточною и опредѣлившаго число ихъ 233.323, получимъ общее число дѣйствительныхъ раскольниковъ въ восьми губерніяхъ 1.153.443. Стало-быть, ихъ оказалось въ семь разъ болѣе, чѣмъ показывалось офиціально.

Теперь представимъ нѣкоторыя цифры по изслѣдованіямъ, произведеннымъ генералъ-губернаторами.

	Число раскольниковъ записныхъ.	Число всѣхъ раскольниковъ.
Въ Олонецкой	3.850	18.197
„ Оренбургской . . .	18.500	145.000
„ Самарской	28.750	85.194

Исчисленій по другимъ губерніямъ, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ въ настоящее время подъ руками. Но общій выводъ изъ нихъ былъ тотъ, что раскольниковъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ показывалось.

При производствѣ изслѣдованій на мѣстахъ по духовному вѣдомству преосвященнымъ, ни по гражданскому губернаторамъ и спеціальнымъ чиновникамъ, не было дано одинаковой программы дѣйствій, и потому каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію. Конечно, это большой недостатокъ, но онъ былъ неизбѣженъ. Въ маѣ 1852 г., когда, предъ от-

*) Изслѣдованія по Казанской губерніи мною не кончены; пробывъ въ Казани не болѣе мѣсяца (въ февралѣ и мартѣ 1855 года), я отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ министромъ. Въ это время изслѣдованіе по расколу прекратилось, и я не возвращался въ Казанскую губернію. Я успѣлъ собрать свѣдѣнія только о расколѣ въ самой Казани. Цифра, представленная мною здѣсь, сообщена мнѣ предъ отправленіемъ въ Казань находившимся тогда въ Петербургѣ казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ (впослѣдствіи митрополитъ петербургскій). Преосвященный, сообщая мнѣ разныя свѣдѣнія о расколѣ въ его епархіи, замѣчалъ, что раскольниковъ въ ней должно быть болѣе ста тысячъ.

**) По Петербургской губерніи изслѣдованія не были кончены.

правленіемъ изъ Петербурга статистическихъ экспедицій, я и покойный Синицынъ, какъ начальствующіе экспедиціями, откланивались графу Перовскому, министръ, на вопросъ—какіе употреблять пріемы при собраніи свѣдѣній о числѣ раскольниковъ, сказалъ: „Подробныхъ инструкцій дать вамъ нельзя: все зависитъ отъ мѣстныхъ условій, здѣсь намъ неизвѣстныхъ; предоставляю все вашей находчивости и умѣнью воспользоваться мѣстными обстоятельствами. Вы посылаетесь на первый разъ въ видѣ опыта: самыя ошибки ваши въ этомъ новомъ дѣлѣ будутъ полезны впослѣдствіи при производствѣ такихъ же работъ по другимъ губерніямъ. Поэтому ведите подробные дневники о своихъ дѣйствіяхъ и посылайте ихъ къ Надеждину“. Въ 1853 году также не дано было однообразной програмы.

Такъ какъ изслѣдователи дѣйствовали каждый по-своему, то, конечно, одинъ насчиталъ раскольниковъ больше, другой меньше. Такъ, напримѣръ, Синицынъ, въ Ярославской губерніи, признаками раскола считалъ домашнее употребленіе лѣстовокъ, подручниковъ, ручныхъ кадильницъ и т. п. *). Если-бъ этотъ признакъ былъ принятъ въ основаніе по Нижегородской губерніи, то мнѣ пришлось бы все населеніе Заволжья отнести къ числу раскольниковъ поголовно. Но одинъ и тотъ же признакъ имѣетъ смыслъ въ одной губерніи и не имѣетъ его въ другой. Въ губерніяхъ южныхъ, напримѣръ, двуперстное сложеніе есть вѣрный признакъ раскола, а въ Нижегородской и Костромской около одной третьей доли православныхъ крестится двуперстно.

Отнюдь не выдавая свою систему дѣйствій за непогрѣшимую, представлю однако здѣсь, какимъ образомъ я считалъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи. Я и члены экспедиціи объѣхали всѣ приходы и сдѣлали выписки изъ исповѣдныхъ записей, сколько не бываетъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ у исповѣди и у св. причастія: а) по наклонности къ расколу, б) по нерадѣнію, в) по опущенію, г) по малолѣтству. Отъ многихъ священниковъ я слышалъ, что записываемые небытчиками по опущенію и нерадѣнію въ дѣйствительности раскольники. Это подтверждалось сдѣланнымъ въ 1847 году общимъ по епархіи распоряженіемъ архіепископа Іакова: „не считать раскольниками не бывающихъ по нѣскольку лѣтъ у исповѣди и у св. причастія, если имъ не сдѣлано узаконеннаго увѣщанія и они епархіальнымъ начальствомъ не исключены изъ числа православныхъ прихожанъ“. Тогдашній преосвященный Іеремія, принимавшій близкое участіе въ этомъ дѣлѣ, говорилъ мнѣ, что всѣхъ этихъ небытчиковъ слѣдуетъ считать раскольниками.

Затѣмъ собираемы были свѣдѣнія отъ мѣстныхъ властей, которымъ неофиціально извѣстна приблизительно вѣрная цифра раскольниковъ, отъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, наконецъ отъ нѣкоторыхъ изъ влія-

*) Его изслѣдованіе напечатано во II томѣ «Сборника правительственныхъ распоряженій о раскольникахъ» Кельсіева.

тельныхъ въ своей средѣ раскольниковъ. Опредѣливъ такимъ образомъ цифру незаписныхъ раскольниковъ и опредѣливъ, сколько процентовъ общаго числа православныхъ они составляютъ, оставалось взять столько же процентовъ изъ числа не бывающихъ у исповѣди и у причастія за малолѣтствомъ и приложить ее къ числу незаписныхъ. Эта цифра, вмѣстѣ съ цифрой записныхъ, и составила 172.500 человѣкъ.

Что получаемая посредствомъ такого пріема цифра не можетъ считаться преувеличенною, доказательствомъ тому служитъ то, что преосвященный Іеремія, имѣвшій, разумѣется, несравненно болѣе средствъ для дознанія приблизительно вѣрной цифры, чѣмъ я, насчиталъ раскольниковъ на цѣлую треть больше добытой мною цифры.

Примѣнимъ теперь этотъ способъ исчисленія раскольниковъ по всему государству, взявъ за основаніе отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1859 годъ.

Въ 1859 году всѣхъ православныхъ по церковнымъ росписямъ значилось 51.474.209 обоего пола. Изъ того числа не бывшихъ у исповѣди и св. причастія:

По наклонности къ расколу	726.982
По нерадѣнію	3.416.231
Не причащавшихся по опущенію	2.196.714
Всего . .	6.340.927

Это и есть приблизительная цифра незаписныхъ раскольниковъ взрослыхъ. За малолѣтствомъ изъ 51.474.209 человѣкъ не было на исповѣди и у св. причастія 92.32.234, что составляетъ около одной пятой общаго числа. Одна пятая цифры 6.340.927 будетъ: 1.268.185. Присовокупляя это число къ числу взрослыхъ незаписныхъ раскольниковъ, получимъ 7.709.112.

Записныхъ раскольниковъ по отчетамъ 1859 года значилось 875.382. Такимъ образомъ общее число раскольниковъ въ 1859 году было 8.584.494.

Въ изслѣдованіяхъ о числѣ раскольниковъ, произведенныхъ въ 1863 году въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ руководствомъ члена государственнаго совѣта А. Г. Тройницкаго, бывшаго тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, и въ томъ же году напечатанныхъ, сказано: „вѣрнѣе всего можно принять (за раскольниковъ) 10% всего населенія Россіи или 1/6 всего православнаго населенія“ *). Изслѣдованія эти, произведенныя г. Бушеномъ, основаны также на цифрахъ 1859 года. Одна шестая доля тогдашняго православнаго населенія (51.474.209) составляетъ 8.580.000, то-есть то же, что и нами сейчасъ выведено.

*) «Статистическія таблицы, изданныя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ». Спб., 1863 г., стр. 235.

Но кромѣ незаписныхъ (хотя и явныхъ) раскольниковъ, у насъ немало тайныхъ сектаторовъ, которые, слѣдуя ученію несравненно болѣе противному православію, чѣмъ всѣ виды такъ-называемаго старообрядства, считаются самыми усердными сынами церкви, ибо христіанскія обязанности исполняютъ усерднѣе всѣхъ. Они причащаются не однажды въ годъ, а по четыре раза, они не уклоняются и въ другое время отъ общественнаго богослуженія и почитаются приходскими клирами за самыхъ усердныхъ прихожанъ. Таковы хлысты во всѣхъ отрасляхъ этой секты: божьи люди, богомолы, ляды, купидоны, лазаревщина, монтаны, милютинская ересь, адамиты, шелапуты, холстовщина, духовные скопцы и обыкновенные скопцы. Къ этимъ сектамъ, признающимъ своихъ христовъ, богородицъ, пророковъ, живыхъ боговъ, принадлежали даже духовныя лица *). Принадлежащихъ къ этимъ тайнымъ сектамъ исчислить нѣтъ никакой возможности. Центральный статистическій комитетъ полагаетъ, что ихъ въ Россіи не менѣе 110.000.

Кромѣ того, есть отрасль раскола, такъ-называемое Спасово согласіе, раздѣляющаяся на нѣсколько сектъ. Они исполняютъ требы въ православныхъ церквахъ, то-есть крестятъ дѣтей, пріобщаются (особенно передъ свадьбой), вѣнчаются. Всѣ они записываются въ духовныхъ росписяхъ бытчиками у исповѣди и св. причастія. Они находятся преимущественно въ поволжскихъ губерніяхъ, отъ Нижегородской до Астраханской, а также въ Пензенской, Тамбовской и отчасти въ Воронежской. Въ одной Нижегородской губерніи ихъ болѣе 60.000 (они-то, вѣроятно, и составляютъ разницу въ цифрахъ, полученныхъ мною и преосвященнымъ Іереміею). Всѣхъ же послѣдователей Спасова согласія до 700.000.

Прибавивъ 110.000 послѣдователей тайныхъ сектъ и 700.000 Спасова согласія, получимъ цифру въ 9.300.000.

Эта цифра относится къ 1859 году. Съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Статистическія изслѣдованія о движеніи народонаселенія въ Россіи показываютъ, что у насъ ежегодное приращеніе равняется 1,3%, а въ девять лѣтъ 11,7. Слѣдовательно цифра, равнявшаяся девять лѣтъ тому назадъ 9.300.000, теперь уже возрасла *свыше десяти милліоновъ двухсотъ тысячъ*, именно 10.295.000. Но такъ какъ эту цифру нельзя считать положительно вѣрною, то мы и полагаемъ, что раскольниковъ теперь *отъ десяти до девяти милліоновъ*.

Въ послѣднее время (1868) немало говорятъ о томъ, будто число раскольниковъ умножается. И дѣйствительно, въ газетахъ часто встрѣчаются извѣстія объ уклоненіяхъ въ расколъ цѣлыми массами. Такъ, года четыре тому назадъ въ Симбирской губерніи разомъ обратилось въ рас-

*) Въ прошломъ (XVIII) столѣтіи въ Москвѣ монашествующіе Ивановскаго и Петровскаго монастырей, въ Петербургской губерніи—Зеленецкаго монастыря. Недавно, именно въ 1867 году, въ Харьковской губерніи въ одномъ изъ монастырей обнаружена такая же секта, о чемъ извѣщено было въ газетахъ.

колъ болѣе пяти тысячъ, въ 1867 году половина города Петровска (Саратовской губерніи), то-есть пять тысячъ, въ октябрѣ 1867 половина села Богородскаго (Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), то-есть три тысячи, и т. д. Къ мѣстнымъ начальствамъ и въ центральное управленіе часто поступаютъ просьбы отъ цѣлыхъ обществъ, въ которыхъ они, говоря, что издавна не принадлежатъ къ господствующей церкви, ходатайствуютъ о дозволеніи имъ отправлять религіозные обряды по-своему и объ исключеніи ихъ изъ списковъ православныхъ. Эти явленія еще не доказываютъ, чтобы число раскольниковъ дѣйствительно увеличивалось, чтобы совращенія въ расколъ совершались массами, и чтобы православная паства терпѣла ущербъ.

Это не что иное, какъ стремленіе незаписныхъ раскольниковъ, составляющихъ около девяти десятыхъ общаго числа, попасть въ число записныхъ и тѣмъ окончательно избавиться отъ всякихъ столкновеній съ приходскими причтами. Въ послѣдніе годы, когда система правительственныхъ дѣйствій относительно раскольниковъ значительно измѣнилась и они уже не преслѣдуются за свои заблужденія, когда затѣмъ крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ прекратилась, незаписные раскольники стали открыто заявлять принадлежность свою къ расколу, которому, впрочемъ, слѣдовали со дня своего рожденія. Число раскольниковъ, собственно говоря, не увеличивается, оно остается то же, но расколъ начинаетъ выходить наружу, и это явленіе нѣкоторыми принимается за усиленіе раскола. Въ дѣйствительности же расколъ значительно слабѣетъ противъ прежняго: слабѣетъ его духъ, его нетерпимость, его фанатизмъ. Гражданское полноправіе раскольниковъ и распространеніе въ народѣ образованія, безъ сомнѣнія, ослабятъ его еще болѣе и послужатъ къ совершенному его уничтоженію. Но, конечно, это можетъ совершиться не вдругъ, а въ продолженіе, быть-можетъ, еще многихъ десятилѣтій и при томъ непремѣнномъ условіи, что система стѣсненіи, оказавшаяся на опытѣ лишь способствовавшею къ умноженію раскольниковъ и къ усиленію фанатизма раскола, никогда и ни въ какомъ видѣ не будетъ возстановляема.

1868 г.

ОЧЕРКИ МОРДВЫ.

I.

Изъ всѣхъ народовъ такъ-называемаго чудского или финскаго племени, обитающихъ въ Россіи, ни одно такъ не обрусѣло въ настоящее время (1867), какъ Мордва, особенно же та часть ея, которая живетъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ и называется терюханами. Здѣсь Мордва уже совсѣмъ почти забыла свой языкъ, и лишь въ нѣкоторыхъ немногихъ деревняхъ женщины сохраняютъ еще остатки мордовскаго наряда, но и то съ каждымъ годомъ встрѣчается все рѣже и рѣже. Многочисленное мордовское племя эрзя также наполовину обрусѣло.

Мордва, въ древности жившая въ нынѣшнихъ губерніяхъ Нижегородской, Симбирской, Саратовской и Пензенской и въ сѣверной части Тамбовской губерніи, теперь разбросана на огромномъ пространствѣ отъ Нижняго-Новгорода до Каспійскаго моря и отъ рѣкъ Цны и Мокши до Бугуруслана. Но тѣ изъ этого племени, что̀ живутъ въ губерніяхъ Самарской, Астраханской и частью Саратовской, пришли на мѣста нынѣшняго населенія въ XVII и даже въ XVIII столѣтіи. Такъ, изъ современныхъ актовъ мы знаемъ, что бортники изъ племени терюханъ (нижегородская Мордва), изстари бывшіе людьми свободными, были раздаваемы монастырямъ и помѣщикамъ, а оставшіеся свободными, въ концѣ XVII столѣтія, подарены имеретинскому царю Арчилѣ, выѣхавшему въ Россію. Положеніе Мордвы ухудшилось, и она огромными толпами бѣжала внизъ по Волгѣ на дощаникахъ (небольшое волжское судно) съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Примѣру ихъ послѣдовали эрзяне, также розданные въ XVII столѣтіи и даже во времена Ивана Васильевича Грознаго разнымъ частнымъ владѣльцамъ и монастырямъ, съ цѣлью обратить ихъ въ христіанскую вѣру. Бѣглецы, вмѣстѣ съ другою „вольницей“, укрывавшеюся отъ платежа податей, поселились на луговой сторонѣ Волги, въ нынѣшней Самарской губерніи, на казенныхъ земляхъ, распахали ее, никогда не паханную дотолѣ, и жили какъ „бобыли и захребетники“. Петръ Великій, узнавъ о томъ, послалъ гроз-

ный указъ самарскому воеводѣ, повелѣвая Мордву разыскать и выслать на старое жительство. Но, какъ ни строгъ былъ указъ Петровъ, Мордва далеко не вся возвратилась. Какъ скоро переселенцы свѣдали объ указѣ, бросились на югъ. Тамъ, на привольныхъ берегахъ Иргиза, близъ впаденія его въ Волгу, населили нѣсколько деревень и донынѣ существующихъ; частью перешли на нагорную сторону Волги и поселились въ нынѣшней Саратовской губерніи, въ уѣздахъ Хвалынскомъ, Вольскомъ, Саратовскомъ и Балашовскомъ, частью ушли еще далѣе, къ самому почти Каспійскому морю. Верстахъ въ тридцати отъ берега этого моря, по правую сторону протоковъ Бузана, при Чуркинскомъ проранѣ, доселѣ существуютъ три мордовскіе поселка, построенные на владѣльческой землѣ.

Мордва раздѣляется на нѣсколько племенъ. Главное изъ нихъ *эрзя* или *эрдзяды*, живущіе въ Арзамасскомъ, Ардатовскомъ, Лукояновскомъ, Сергачскомъ и Княгининскомъ уѣздахъ Нижегородской губерніи (въ ней только двѣ деревни Лукояновскаго уѣзда населены мокшанами); въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской и Саратовской эрдзяды живутъ смѣшанно съ племенемъ мокша, а въ Казанской губерніи среди нихъ, впрочемъ, особнякомъ, живетъ мордовское племя каратаи. Небольшое племя *терюханъ*, самое сѣверное изъ мордовскихъ, жившее прежде по берегамъ Волги и Оки, осталось теперь (1867) лишь въ сорока селеніяхъ Нижегородскаго уѣзда, всего въ количествѣ тринадцати тысячъ душъ обоего пола. Это племя было очень близко къ эрдзядамъ; теперь же оно почти совершенно обрусѣло. Нѣкоторые считаютъ терюханъ эрдзядами, но, судя по остаткамъ ихъ языка, судя по ихъ обычаю и религіозному культу, ихъ нельзя не признать особымъ племенемъ. Племя *мокшанъ*, численностью немного уступающее эрдзядамъ, обитаетъ въ сѣверной части Тамбовской губерніи, въ западной половинѣ Пензенской, въ двухъ селеніяхъ Нижегородской, а также въ Симбирской и Саратовской губерніяхъ, смѣшанно съ эрдзядами. Полагаютъ, что племя мокшанъ въ VIII или IX столѣтіи было извѣстно арабскимъ писателямъ подъ именемъ „буртасовъ". Эти писатели говорятъ, что на правомъ берегу Волги сѣверными сосѣдями прикаспійскихъ хозаровъ, въ двадцати дняхъ ѣзды отъ столицы ихъ Итиля (около Астрахани), жили буртасы, земля которыхъ простиралась въ длину на сѣверо-западъ также на двадцать дней ѣзды и граничила съ владѣніями болгарскими. По этому расчисленію оказывается, что земля буртасовъ начиналась приблизительно отъ нынѣшнихъ границъ Саратовской губерніи съ Астраханскою и достигала къ сѣверу до нынѣшняго Симбирска, а на западъ почти до Оки. Такъ какъ теперь въ этихъ мѣстахъ живутъ мордва-мокшане, то оріенталисты наши и признаютъ въ нихъ потомковъ буртасовъ, тѣмъ болѣе, что восточные писатели, упоминая о племени эрзя и даже о небольшомъ племени каратаевъ, совершенно умалчиваютъ о многочисленномъ племени мордвы-мокшанъ. Мокшане раздѣляются на двѣ группы:

одни называются *высокими* мокшанами, другіе *простыми*, и различаются между собой въ языкѣ. Наконецъ четвертое мордовское племя *каратаи*, весьма незначительное по числу, обитаетъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, противъ Камскаго устья. Въ Самарской и Астраханской губерніяхъ живутъ поселившіеся здѣсь, какъ сказано выше, въ XVII и XVIII уже столѣтіяхъ эрдзяды и, кромѣ того, терюхане (совершенно потерявшіе здѣсь свои племенныя особенности и слившіеся вполнѣ съ эрдзядами).

Въ эпоху призванія Рюрика нѣкоторые народы чудского племени были уже подвластны славянамъ и въ первыя же времена существованія русскаго государства совсѣмъ обрусѣли. Таковы: *Весь*, жившая на Бѣлоозерѣ, среди которой, по сказанію Нестора, водворился одинъ изъ братьевъ Рюрика, *Меря*, жившая на озерахъ Мерскомъ (Галичскомъ), Неро (Ростовскомъ) и Клещинѣ (Переславскомъ), и *Мурома*, жившая по Окѣ. Въ главные города послѣднихъ двухъ племенъ, въ Ростовъ и Муромъ, Рюрикъ, какъ видно изъ лѣтописи, послалъ „мужей" своихъ и обладалъ землями ихъ точно такъ же, какъ Новгородомъ и другими славянскими городами. Сыновья Владиміра, свв. Борисъ и Глѣбъ уже княжили въ чудскихъ городахъ, Ростовѣ и Муромѣ. Затѣмъ названія Веси, Муромы и Мери болѣе не появляются на страницахъ русской лѣтописи; ко времени нашествія монголовъ, конечно, всѣ они уже совершенно обрусѣли, но мордва оставалась еще самобытною и независимою, ибо находилась внѣ славянскаго вліянія. Только передъ самымъ нашествіемъ монголовъ лѣтописи начинаютъ упоминать о Мордвѣ и разсказывать о столкновеніяхъ съ нею русскихъ князей; до тѣхъ же поръ только одинъ разъ, именно подъ 1103 годомъ, объ этомъ народѣ упоминаетъ лѣтописецъ: „бися Ярославъ (сынъ Святослава Черниговскаго) съ Мордвою,—говоритъ онъ:—мѣсяца марта въ 4 день, и побѣжденъ бысть Ярославъ".

Во время войнъ Андрея Боголюбскаго съ болгарами, Мордва, жившая тогда у устья Оки и далѣе по берегамъ Волги, безъ сомнѣнія, подвергалась нападеніямъ русскихъ дружинъ. Такъ, подъ 1173 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „Посла князь Андрей сына Мстислава на болгары, а Муромскій князь сына посла, а Рязаньскій князь сына посла, и бысть не любъ путь тьи всимъ людемъ симъ, зане непогодье есть зимѣ воевати болгары, идучи не идяху. И бывшю же на Городьцѣ князю и совокупися съ братома своима, съ Муромьскымъ и съ Рязаньскымъ *на устьи Окы*, и ждаша дружинѣ своей двѣ недѣли и не дождавша, поѣхаша съ передними съ дружиною; и Борисъ Жидиславичъ воевода бѣ въ то время и нарядъ весь держаше; и въѣхаша безъ вѣсти въ поганыя и взяша селъ 6 и семое городъ, мужѣ изъсѣкоша, а жены и дѣти поимаша. Слышавше же болгаре въ малѣ дружинѣ пришедше князя Мстислава, идуща съ полономъ, доспѣша вборзѣ и поѣхаша по нихъ въ 6.000, за маломъ не постигоша ихъ за 20 верстъ, князю Мьстиславу *на устьи* съ маломъ

дружины, а всю дружину пустивше отъ себе; и възврати Богъ поганыя отъ него, а хрестьяны покры рукою Своею“. Изъ этого лѣтописнаго разсказа трудно заключить, гдѣ и какія села и какой городъ разорилъ воевода, но ясно, что князь Мстиславъ Андреевичъ все время стоялъ на устьѣ Оки, слѣдовательно на землѣ мордовской. Трудно предположить однако, чтобы русскій воевода зимой зашелъ такъ далеко: собственно къ болгарамъ, въ ихъ землю, то-есть въ нынѣшнюю Казанскую губернію. Не воевалъ ли онъ Мордву, повидимому, находившуюся тогда въ подчиненіи у болгаръ?

Въ 1182 году великій князь Всеволодъ Юрьевичъ „заратися съ Болгары“ и достигъ до ихъ столицы, „Великаго Города Серебряныхъ Болгаръ“, какъ называетъ его лѣтописецъ. Набѣгъ Всеволода былъ удаченъ; съ пѣшимъ войскомъ воротился онъ во Владиміръ водой по Волгѣ, по Окѣ и по Клязьмѣ, „а конѣ пусти на Мордву“, то-есть конницу отправилъ сухимъ путемъ черезъ мордовскую землю, черезъ нынѣшнія Симбирскую и Нижегородскую губерніи, „при чемъ,—говоритъ Татищевъ:—Всеволодъ разорилъ множество мордовскихъ селеній“. Въ 1186 году Всеволодъ изъ Городца, съ тамошними жителями, спустился въ ладьяхъ внизъ по Волгѣ, вторгнулся въ Болгарію и воротился съ добычей. Болгары и послушная имъ Мордва присмирѣли, а усобицы, возникшія по смерти Всеволода между его сыновьями, не дозволяли русскимъ князьямъ дѣлать попрежнему набѣги на богатыхъ болгаръ. Въ 1217 году сами болгары сдѣлали нападеніе на Устюгъ и обманомъ завладѣли имъ, напали также на Унжу, но тамошніе жители отбились. Какъ скоро усобица кончилась и во Владимірѣ сталъ спокойно владѣть Юрій Всеволодовичъ, онъ рѣшился свести счеты съ болгарами за Устюгъ и за Унжу. Въ 1220 году собрались на устьѣ Оки полки великаго князя и брата его Ярослава Переславскаго, а полки изъ Ростова и Устюга пробрались въ верховья Камы. Русскіе напали на болгаръ и на Волгѣ и на Камѣ. Этотъ набѣгъ изъ всѣхъ русскихъ набѣговъ на болгаръ былъ самый удачный и самый прибыльный. Зимой изъ Болгаріи пріѣхали во Владиміръ послы просить мира, но Юрій не соглашался и весной самъ выступилъ съ войскомъ въ Городецъ, намѣреваясь принять личное участіе въ нападеніи на богатую страну. На дорогѣ приходили къ нему еще послы, онъ и тѣхъ не послушалъ. Наконецъ въ Городцѣ пришли третьи послы, принесли великому князю богатые дары, и Юрій согласился на миръ. Но, на случай будущихъ предпріятій противъ болгаръ, онъ занялъ важный въ то время стратегическій пунктъ на устьѣ Оки, отправился туда изъ Городца и основалъ городъ, назвавъ его Новымъ Городомъ. Впослѣдствіи, для отличія отъ Новгорода-Ильменскаго, этотъ городъ стали называть Нижнимъ-Новгородомъ.

Это былъ первый шагъ русскихъ къ обладанію Мордвой. Естественно, что онъ повлекъ за собой непріязненныя столкновенія. Взаимные набѣги продолжались однако недолго; вскорѣ и Русь, и Мордву, и бол-

гаръ постигла одинаковая участь: мечъ монголовъ прошелъ по землямъ ихъ.

Представивъ сухой перечень лѣтописныхъ сказаній о событіяхъ, предшествовавшихъ основанію перваго русскаго города въ землѣ мордовской, приведемъ какъ русскія, такъ и мордовскія преданія. Вотъ первое сказаніе, русское. Оно живетъ доселѣ въ памяти народной и найдено нами лѣтъ двадцать тому назадъ (1867) въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII столѣтія. Во времена стародавнія, гдѣ теперь стоитъ Нижній-Новгородъ, жилъ знатный, сильный мордвинъ, по имени Скворецъ. Онъ былъ другъ и товарищъ другому, такому же знатному, такому же сильному мордвину—Соловью, тому самому, что связанъ былъ Ильей Муромцемъ. Женился Скворецъ на восемнадцати женахъ, и родили онѣ ему семьдесятъ сыновей. Всѣ жили вмѣстѣ, занимались скотоводствомъ, пасли стада на горѣ и по вечерамъ гоняли ихъ на водопой на Оку-рѣку. Тутъ же въ ущельѣ обиталъ чародѣй Дятелъ, тоже мордвинъ, тоже пріятель Соловью. И спросилъ Скворецъ Дятла о судьбѣ семидесяти сыновей своихъ. Отвѣчалъ Дятелъ: „Если дѣти твои будутъ жить мирно и согласно другъ съ другомъ, долго будутъ обладать здѣшними мѣстами, а поссорятся — будутъ покорены русскими. И тогда здѣсь, на устьѣ Оки, поставятъ русскіе городъ камень, крѣпокъ зѣло, и не одолѣютъ его силы вражескія". И, сказавъ это пророчество, просилъ Скворца Дятелъ о честномъ ему погребеніи. Умеръ Дятелъ въ глубокой старости, и похоронилъ его Скворецъ на горѣ, на устьѣ Оки-рѣки, и прозвалось то мѣсто *Дятловы горы*. Затѣмъ померъ и Скворецъ, завѣщавъ семидесяти сыновьямъ своимъ миръ и согласіе. Сыновья и внуки Скворца жили хорошо между собою, но потомки ихъ размножились и стали враждовать другъ съ другомъ. И свершилось предреченіе чародѣя Дятла: одинъ святой князь, Андрей Боголюбскій, согналъ ихъ съ устья Оки, другой святой князь, Георгій, поставилъ на Дятловыхъ горахъ Нижній-Новгородъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями легенда эта сохранилась въ устахъ народа. Но въ устномъ преданіи мордовскій патріархъ столь многочисленнаго семейства, владѣвшій устьемъ Оки, называется не Скворцомъ, а Соколомъ. Замѣчательно, что въ Нижнемъ-Новгородѣ, повыше Дятловой горы (вверхъ по теченію Оки), подлѣ такъ-называемаго Гребешка, гора, отдѣляемая отъ сего послѣдняго оврагомъ, называется „Соколомъ". Замѣчательно и то, что у некрещеной Мордвы до сихъ поръ сохраняется старинное ихъ обыкновеніе давать новорожденнымъ имена птицъ, какъ, напримѣръ: Торай (гусь), Тыръпыръ (дикій голубь) и тому подобныя.

Другое русское преданіе о построеніи перваго города въ мордовской землѣ намъ не случалось видѣть въ старописьменныхъ книгахъ, и даже не знаемъ, записано ли оно было когда-нибудь. Вотъ оно: изъ-за Кудьмы-рѣки мордвинъ Абрамка пришелъ на устье Оки и поселился на Дятловыхъ горахъ, поросшихъ дремучимъ лѣсомъ. Было у него четыр-

надцать сыновей и три дочери, и построилъ Абрамка семнадцать домовъ, тамъ, указываетъ мѣстный разсказъ, гдѣ находится теперь архіерейскій домъ. Это мордовское селеніе называлось „Абрамовымъ“, и Абрамка былъ „панкомъ“, то-есть правителемъ сосѣдней Мордвы (терюханъ). Когда русскіе стали готовиться къ первому походу на Мордву, Абрамка укрѣпилъ свой городокъ, обнесъ его тыномъ и валами: въ немъ было тогда до пятисотъ человѣкъ. Въ городкѣ своемъ Абрамка устроилъ двое воротъ: одни съ южной стороны вала, широкія, съ дубовыми растворами, и завалилъ ихъ землей: другія—Тайницкія, у Коровьяго взвоза, на сѣверъ, изъ которыхъ ходили за водой на Волгу. Русскіе подошли къ Абрамову городку въ числѣ четырнадцати тысячъ и стали переговариваться съ Абрамкой:—„Уйди ты отъ устья Оки и давай князю нашему дань“.—„Я не князь мордовскій, а только выборный „панокъ“.—отвѣчалъ Абрамка:—меня Мордва не послушаетъ, а вотъ я соберу весь мордовскій народъ, поговорю съ нимъ и уговорю всю Мордву покориться русскому князю: только дай мнѣ сроку четыре года“.—„Не дамъ тебѣ четыре года, — отвѣчалъ русскій „мурза“:—а даю сроку четыре дня“. Абрамка согласился, оповѣстилъ ближайшую Мордву, и въ двѣ ночи черезъ Тайницкія ворота набралось въ его городокъ пять тысячъ Мордвы. На четвертый день условленнаго срока Абрамка велѣлъ раскопать засыпанныя землей ворота, и ударила Мордва на русскую рать. Но русскіе одолѣли, завладѣли городкомъ, сожгли его, разграбили, а жителей, которыхъ побили, которыхъ въ полонъ взяли. Самъ Абрамка былъ убитъ. Поставили русскіе свой городокъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ было *Абрамово городище*, а выше по теченію Оки, на мѣстѣ, которое приходится теперь супротивъ ярмарочнаго моста. Мордва, узнавъ о гибели панка Абрамки, и что городъ его и устье Оки заняты русскими, заволновалась, и шесть тысячъ мордовскихъ ратниковъ собрались отметить за смерть своего „панка“ и выгнать русскихъ изъ земли своей. Русскихъ было только тысяча человѣкъ. Узнавъ о приближеніи Мордвы, они вышли навстрѣчу и бились съ нею около деревни Новой, иначе Щербинка, пробились черезъ мордовскія полчища и черезъ Березполье уѣхали во Владиміръ. Русскіе были на коняхъ, а Мордва пѣшая, оттого она и не могла достичь бѣжавшихъ русскихъ. Узнавъ объ этомъ, русскій великій князь самъ двинулся на Мордву и, завладѣвъ ихъ прибрежными мѣстами, основалъ Нижній-Новгородъ.

Отъ русскихъ преданій обратимся къ мордовскимъ. У племени терюханъ, какъ ближайшаго къ Нижнему-Новгороду, сохраняется преданіе о первоначальномъ завладѣніи русскимъ княземъ Мурзою ихъ землями. Терюхане, какъ мы уже сказали выше, почти совершенно забыли свой языкъ. Они и пѣсни поютъ по-русски, и былины свои сказываютъ на русскомъ языкѣ. Одну изъ такихъ былинъ священникъ села Сивухи, Рождественское тожъ, записалъ въ 1848 году и представилъ преосвященному нижегородскому Іакову, ревностно занимавшемуся собираніемъ

народныхъ сказаній во ввѣренной ему епархіи. Покойный преосвященный передалъ намъ часть собранныхъ имъ, посредствомъ приходскихъ священниковъ, сказаній. Сказаніе о „мурзѣ“, московскомъ царѣ, увидавшемъ на Дятловыхъ горахъ одѣтую въ бѣлые балахоны и молящуюся своему богу Мордву, и о томъ, какъ за дары этого русскаго „мурзы“, посланные молельщикамъ, старики мордовскіе послали хлѣбъ, соль и медъ, но молодые ребята, съѣвъ все это, поднесли „мурзѣ“ землю и песокъ, что̀ онъ и принялъ за знакъ добровольнаго подчиненія мордовской земли его власти,—все это сказаніе носитъ на себѣ несомнѣнную печать древности. Приводимъ мордовскую былину въ томъ видѣ, въ какомъ получили ее отъ покойнаго преосвященнаго Іакова:

На горахъ то было, на горахъ на Дятловыхъ,
Мордва своему Богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется.
Ѣдетъ мурза, московскій царь по Воложкѣ,
По Воложкѣ на камешкѣ.
Говоритъ мурза людямъ своимъ:
„Слуги вы мои вѣрные,
„Слуги вѣрные, неизмѣнные,
„Поглядите-ка, посмотрите-ка
„Вы на тѣ ли на горы на Дятловы,
„Что̀ это за березникъ мотается,
„Къ землѣ-матушкѣ преклоняется?
„Вы, слуги мои, пойдите,
„Слуги вѣрные, доглядите,
„Что̀ это за березникъ мотается,
„Мотается-шатается,
„Къ землѣ-матушкѣ преклоняется?“
Слуги пошли, доглядѣли,
Видятъ слуги: на горахъ на Дятловыхъ
Мордва въ бѣлыхъ балахонахъ стоитъ,
Стоитъ, своему богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется.
Слуги воротились,
Низко мурзѣ поклонились:
Говорятъ мурзѣ, московскому царю:
„То не березникъ мотается,
„Мотается-шатается,
„Къ землѣ-матушкѣ преклоняется,—
„То Мордва своему богу молится,
„Къ землѣ-матушкѣ преклоняется“.
Вопросилъ же ихъ мурза, московскій царь:
„Зачѣмъ же они кругомъ становятся,
„Съ чѣмъ же они молятся?“
Отвѣчаютъ мурзѣ слуги вѣрные:
„Стоятъ у нихъ въ кругу бадьи могучія,
„Съ сусломъ сладкимъ бадьи могучія,
„Въ рукахъ держатъ ковши завѣтные,
„Завѣтные ковши, больши-набольшіе,
„Хлѣбъ да соль на землѣ стоятъ,
„Каша да яичница на рычагахъ висятъ,

„Вода въ чанахъ кипитъ,
„Въ ней говядину янбедъ варитъ“.
И сказалъ слугамъ мурза, московскій царь:
„Слуги вы мои, подите,
„Слуги вѣрные, отнесите,
„Мордвѣ на молянѣ скажите:
„Вотъ вамъ боченокъ серебра, старики,
„Вотъ вамъ боченокъ злата, молельщики,
„На мордовскій молянъ такъ и ступайте,
„Старикамъ мордовскимъ серебро, злато отдайте“.
Вѣрные слуги отъ мурзы пошли,
Мурзинъ даръ старикамъ донесли:
Старики серебро, злато приняли,
Сусломъ сладкімъ слугъ напояли:
Слуги къ мурзѣ приходятъ,
Вѣсть мурзѣ приносятъ:
„Угостили насъ, напоили сусломъ сладкімъ,
„Накормили насъ хлѣбомъ мягкімъ“.
Мордовски старики отъ мурзы деньги получили,
Послѣ моляна судили, рядили:
Что̀ намъ мурзѣ въ даръ дать,
Что̀ московскому царю послать?
Меду, хлѣба, соли взяли
Блюда могучія поклали,
Съ молодыми ребятами послали.
Молодые ребята, пріуставши, сѣли,
Медъ, хлѣбъ да соль поѣли,
Говорятъ: „старики не узна̀ютъ!“
Земли и желта̀ песку въ блюда̀ наклада̀ли,
Наклавши, пришли
И мурзѣ, московскому царю, поднесли.
Мурза землю и песокъ честно принимаетъ,
Крестится, Бога благословляетъ:
„Слава Тебѣ, Боже Царю,
„Что отдалъ въ мои руки мордовску землю!“
Поплылъ мурза по Воложкѣ,
По Воложкѣ на камушкѣ:
Гдѣ броситъ земли горсточку
Быть тамъ градечку:
Гдѣ броситъ щепоточку,—
Быть тамъ селеньицу.

II.

Овладѣвъ устьемъ Оки, владимірскій великій князь Юрій Всеволодовичъ поневолѣ долженъ былъ продолжать покореніе земли мордовской. Почти каждый годъ ходили русскіе полки въ Мордву, опустошали ихъ селенія, сожигали и травили скотомъ засѣяныя мордовскія поля. Тѣснимая русскими, Мордва рѣшилась наконецъ отмстить за насилія: одни мордовскіе князьки или „панки“ собрались подъ начальствомъ Пургаса, жившаго недалеко отъ нынѣшняго города Кадома, на правомъ берегу рѣки Мокши; другіе, какъ, напримѣръ, Пуреша, приняли присягу на вѣрность русскому великому князю. Въ 1228 году, когда

самъ Юрій съ братомъ Ярославомъ и племянниками, сыновьями Константина Ростовскаго, пошелъ на Мордву въ окрестности Нижняго. союзникъ его, муромскій князь Юрій Давыдовичъ, вторгнулся зимой въ волости Пургаса и разорилъ ихъ. Мордва убѣжала въ лѣса и тамъ заперлась въ крѣпостцахъ своихъ („тверди", какъ называетъ ихъ лѣтописецъ). Не успѣвшіе укрыться погибли подъ мечами муромской рати. Пургасъ собрался съ силами и слѣдующимъ лѣтомъ отправился къ Нижнему, намѣреваясь разорить этотъ оплотъ русской силы въ мордовской землѣ, но жители едва возникшаго города отбились отъ мордовскаго князька. Съ большимъ урономъ отступилъ онъ къ себѣ на Мокшу, но на пути рать его была истреблена вѣрнымъ Юрію Пурешей: самъ Пургасъ едва спасся въ бѣгствѣ. Нашествіе монголовъ прекратило враждебныя столкновенія русскихъ съ Мордвой — и тѣ и другіе подпали подъ одну власть иноплеменнаго владѣтеля: и русскіе и мордовскіе князья одинаково сдѣлались подданниками монгольскаго хана.

Въ эпоху монгольскаго владычества Мордва жила попрежнему, занимаясь звѣроловствомъ въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, хлѣбопашествомъ на расчищенныхъ среди этихъ лѣсовъ полянахъ и бортевымъ пчеловодствомъ; мордовскіе ратники служили въ войскахъ хана и доставляли татарамъ звѣриныя шкуры, медъ и также соколовъ и кречетовъ для охоты. Но еще съ конца XIII столѣтія татары стали тѣснить Мордву; такъ, въ 1288 году сынъ Темира, князь Елартей, опустошилъ мордовскую землю. Съ половины XIV столѣтія Мордву стали тѣснить съ одной стороны татары, съ другой русскіе. Въ это время суздальскій великій князь Константинъ Васильевичъ перенесъ столицу свою въ Нижній-Новгородъ и оттѣснилъ Мордву отъ береговъ Оки, Волги и Кудьмы въ Терюшевскіе лѣса и далѣе, а на опустѣлыя ихъ селища поселилъ русскихъ людей. Привлекаемые льготами, которыя предоставлялъ переселенцамъ Константинъ Васильевичъ, русскіе люди стекались на берега Оки, Волги и Кудьмы и селились, гдѣ кто хотѣлъ, на мѣстахъ разоренныхъ мордовскихъ селеній. Приходили сюда русскіе не только изъ Суздаля, вотчины Константиновой, но и изъ разныхъ другихъ княженій. Константинъ Васильевичъ былъ по личнымъ своимъ достоинствамъ гораздо выше всѣхъ другихъ современныхъ ему князей. „Княжилъ онъ честно и грозно,— говоритъ о немъ лѣтописецъ;—бороня вотчину свою отъ татаръ и отъ сильныхъ князей". Подъ покровительство такого князя спѣшили русскіе изъ разныхъ городовъ, избѣгая господствовавшихъ тамъ княжескихъ усобицъ и насилій татаръ, которые, какъ видно, не смѣли хозяйничать по-своему въ областяхъ нижегородскаго великаго князя. Такимъ образомъ въ половинѣ XIV столѣтія колонизація русскихъ въ нынѣшнюю Нижегородскую губернію положила начало обрусѣнію этого края. Мордва же, оттѣсненная новыми пришельцами, запряталась въ дремучихъ лѣсахъ, укрѣплялась тамъ въ своихъ „твердяхъ", а которая была поближе къ русскимъ селеніямъ, стала давать дань князьямъ нижегородскимъ.

Подчиняясь такимъ образомъ вліянію болѣе могущественнаго племени, Мордва стала понемногу русѣть, но жившая въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ, подстрекаемая татарами, не терпѣла русскихъ, какъ своихъ притѣснителей, и постоянно враждовала съ ними. При вторженіяхъ татаръ въ русскія области, изъ этой Мордвы обыкновенно являлись путеводители, указывавшіе только имъ однимъ извѣстныя дороги по лѣснымъ дебрямъ. Во время такихъ нашествій мордва обыкновенно „какъ волки за полками“ слѣдила за татарскою ратью и грабила то, чего не успѣли или не хотѣли ограбить татары. Такъ, въ 1377 году Алабуга и другіе мордовскіе князьки навели татаръ на рать нижегородскую, безпечно предавшуюся разгулу на берегахъ Пьяны, а когда татары, разбивъ безпечныхъ и разоривъ Нижній-Новгородъ, ушли во-свояси, Мордва бросилась опустошать беззащитныя русскія деревни Поволжья. Зато и русскіе не оставались въ долгу и мстили жестоко. Такъ, князь Борисъ Городецкій, мстя за опустошенія Мордвою Поволжья въ 1377 году, нагналъ Алабугу и другихъ мордовскихъ князьковъ, перетопилъ ихъ въ Пьянѣ, а слѣдующею зимой, при помощи московской рати, присланной Донскимъ, опустошилъ землю мордовскую, разорилъ всѣ тамошнія зимницы и привелъ въ Нижній огромный полонъ. Добычу раздѣлили, а плѣнниковъ волочили по льду Волги, травили собаками и казнили разными муками.

Въ то же время, то-есть въ половинѣ XIV столѣтія, другое племя Мордвы, мокшане, подверглось сильному вліянію татаръ. Во время возникшихъ въ Ордѣ междоусобій мурза Тагай изъ Бездежа завладѣлъ Мордвой, жившею въ нынѣшней Пензенской губерніи, и утвердился въ городѣ Наровчатѣ. Такимъ образомъ произошла „Наровчатская орда“, состоявшая собственно изъ мокшанъ.

Другіе мокшане, жившіе отъ Наровчатской орды далѣе къ западу, также подпали подъ власть особыхъ татарскихъ владѣтелей. Подчиненные прежде рязанскимъ князьямъ, имѣвшимъ свои крѣпостцы въ мордовской землѣ еще въ первыхъ годахъ XIII столѣтія, мокшане, жившіе по рѣкѣ Мокшѣ и ея притоку Цнѣ, благодаря монгольскому нашествію, высвободились изъ-подъ вліянія рязанскихъ великихъ князей, но подпали подъ власть татарскаго выходца изъ Большой-Орды, ширинскаго князя Бахмета, сына Хуссейнова, въ 1298 году. Сынъ его Беклемишъ крестился, нареченъ былъ Михаиломъ и сдѣлался родоначальникомъ князей Мещерскихъ, владѣвшихъ Мордвой до 1380 года, когда правнукъ Беклемиша, князь Александръ Уковичъ, или Юрьевичъ, продалъ зацнинскую Мордву Дмитрію Донскому. Впослѣдствіи въ мордовской землѣ возникли даже особыя небольшія татарскія владѣнія, въ родѣ нашихъ удѣловъ. Владѣтелями (мурзами) были большею частью ордынскіе выходцы, сначала зависимые отъ хана и по распаденіи Орды независимые; нѣкоторые изъ нихъ принимали христіанство, усваивали русскую народность, которую и распространяли между подвластною имъ

Мордвой. Такъ, мы знаемъ, что на мѣстѣ нынѣшней Саровской пустыни былъ городокъ Сараклычъ, гдѣ жили татарскаго происхожденія князья, владѣвшіе окрестною Мордвой. Другой такой же мурза жилъ въ селѣ Тюменевѣ, Елатомскаго уѣзда; остатки его укрѣпленій доселѣ замѣтны и извѣстны подъ названіемъ „Тюменева городища“. На берегу Тёши, въ Саканахъ, жилъ также мордовскій владѣтель и имѣлъ тутъ городокъ, остатки валовъ котораго сохранились до нашего времени. На берегу Мокши былъ городокъ Стельдема, гдѣ владѣли мурзы изъ роду Бедишевыхъ. Верстахъ въ десяти отъ нынѣшняго города Темникова, ниже по теченію Мокши, есть селеніе Городище; тутъ до 1535 года былъ городъ Старый-Темниковъ, въ которомъ были мурзы Еникѣевы и Тенишевы, выходцы изъ Астрахани, начальствовавшіе темниковскою Мордвой. Арзамасъ, нынѣ уѣздный городъ Нижегородской губерніи на рѣкѣ Тёшѣ, считается столицей племени Эрдзя и, по всей вѣроятности, есть тотъ самый городъ Арса, о которомъ упоминаетъ Ибнъ-Фоцланъ. Мѣстныя преданія говорятъ, что въ 1245 году, въ 26 верстахъ отъ Арзамаса, гдѣ находится теперь деревня Вторусская, населенная обрусѣвшею Мордвой, жилъ мордовскій князекъ Тёшъ, поселившійся съ сыновьями своими на берегу рѣки, получившей его имя. Шелайко, старшій сынъ Тёша, поселился на рѣчкѣ Шамкѣ, впадающей подъ Арзамасомъ въ Тёшу; другой сынъ, Акшейко — на ручьѣ Сорокѣ, протекавшемъ прежде внутри теперешняго города; Михалко — на протокѣ Михайловомъ, что̀ въ верстѣ отъ города Арзамаса, и Кусилко — на горѣ Киселевой. Селенія, построенныя сыновьями Тёша, распространяясь, со временемъ слились въ одно и составили городъ Арзамасъ. Другіе разсказываютъ, что въ старину жили тутъ два брата, Арса и Маса, построившіе городъ. Но какъ бы то ни было, во время похода Іоанна Грознаго на Казань, въ 1552 году, Арзамасъ былъ мордовскій городъ, въ которомъ сидѣли не татарскіе, но собственные мордовскіе князьки, управлявшіе окрестною Мордвой. До половины XVI столѣтія Арзамасъ писался „Мордовскимъ Арземасовымъ городищемъ“. На рѣкѣ Тёшѣ, тамъ, гдѣ теперь находится село Собакино (Арзамасскаго уѣзда), также былъ городокъ, въ которомъ имѣли пребываніе мордовскіе князьки. Село это до 1572 года, когда пожаловано Грознымъ шурину своему по третьему браку, кравчему Калисту Васильевичу Собакину, считалось въ числѣ дворцовыхъ и писалось: „село на Мордовскомъ городищѣ“. Собакинымъ названо оно по имени Калиста Собакина. На Алебастровой горѣ у рѣки Пьяны, близъ села Борнукова, извѣстной замѣчательною своею пещерой, описанною Палласомъ, мѣстность называется „Городищемъ“, и преданіе говоритъ, что тутъ сидѣли въ старину мордовскіе князьки или „панки“. Въ Ардатовѣ (Симбирской губерніи), что̀ на рѣкѣ Алатырѣ, былъ также городъ, и жившіе въ немъ князья мордовскаго происхожденія, Еделевы, правили сосѣднею Мордвой. Конечно, кромѣ указанныхъ здѣсь мурзъ или

князьковъ, владѣвшихъ Мордвой, много было ихъ и по другимъ мѣстамъ, но о нихъ мы не имѣемъ подъ рукою извѣстій. Впослѣдствіи въ актахъ XVI и XVII столѣтіи, нерѣдко встрѣчаются упоминанія о мурзахъ татарскихъ и мордовскихъ, которые служили въ войскахъ московскихъ государей. Мурзы въ XVI и XVII столѣтіяхъ всѣ окрестились, а нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались и русскими помѣщиками. Размножаясь, они дѣлили землю свою между наслѣдниками, и отъ того потомки мурзъ до того обѣднѣли, что многіе изъ нихъ вошли въ составъ крестьянства. Несмотря на свою бѣдность, потомки мордовско-татарскихъ мурзъ до сихъ поръ однако удержали княжескій титулъ, хотя и не были никогда признаны въ этомъ достоинствѣ и никогда не имѣли права на титулъ „сіятельства", которымъ пользуются даже въ офиціальныхъ бумагахъ. Они всѣ крещены еще въ XVII столѣтіи и тогда же обрусѣли.

Современное подчиненіе Мордвы русской власти относится ко времени покоренія Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Во время его похода на Казань въ 1552 г. въ войскахъ нашихъ была темниковская Мордва съ своимъ княземъ изъ рода Еникѣевыхъ. Въ разныхъ селеніяхъ на пути царя Ивана Васильевича, въ нынѣшнихъ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ, до сихъ поръ сохраняются преданія, что тутъ жила Мордва, покорно встрѣтившая московскаго царя, принесшая ему чашки съ землей и пескомъ, что̀ означало добровольное покореніе, и тогда же крестившаяся. Иванъ Васильевичъ строилъ новокрещеннымъ церкви и жаловалъ ихъ иконами, иконостасами, царскими вратами и т. п. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ того края доселѣ показываютъ иконы, будто бы данныя Грознымъ, хотя и трудно согласиться, чтобъ онѣ были такъ древни. Вообще въ мѣстностяхъ, населенныхъ какъ обрусѣлою, такъ и необрусѣлою еще Мордвой, сохраняется свѣжая память о Грозномъ. О немъ поются пѣсни, о немъ разсказываются преданія; происхожденіе каждаго кургана, насыпаннаго въ степи, приписывается въ тѣхъ мѣстахъ царю Ивану Васильевичу: это онъ войско свое считалъ, говорятъ туземцы, каждый воинъ насыпалъ шапку земли на мѣстѣ ночлега, и по высотѣ насыпанныхъ ратниками бугровъ московскій государь дѣлалъ смѣту своему войску. Много былинъ распѣвается обрусѣлою Мордвой того края о Грозномъ царѣ; распѣваются онѣ и русскими, и каждая изъ нихъ начинается обыкновенно словами:

Грозенъ былъ воинъ царь, нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ.
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ-силою
Онъ прошелъ землю мордовскую,
Себѣ царство взялъ Казанское,
Мимоходомъ Астраханское,
Вывелъ Перфила изъ Новагорода,
Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ.

Даже приведенную нами выше былину, безспорно относящуюся къ первому занятію русскими устья Оки, Мордва относитъ къ царю Ивану Васильевичу, разумѣя его подъ именемъ „мурзы, московскаго царя“.

Утвердивъ власть свою надъ Казанью и Астраханью, Иванъ Васильевичъ сдѣлался обладателемъ всѣхъ инородцевъ, обитавшихъ въ областяхъ, павшихъ подъ ударами его татарскихъ царствъ. Черемиса, чуваши (Горная Черемиса) и Мордва волей-неволей должны были признать надъ собой власть московскаго государя. Мы видимъ, что эти инородцы, равно какъ и татары, являются въ рядахъ русскихъ войскъ во время борьбы Грознаго съ западными сосѣдями. Одною изъ главныхъ заботъ Ивана Васильевича было обрусѣніе подпавшихъ подъ власть его инородцевъ. Средствомъ для выполненія этой важной государственной цѣли было распространеніе между полудикими племенами христіанской вѣры. И мы видимъ, что Иванъ Васильевичъ и потомъ Годуновъ принимали для распространенія христіанства самыя энергическія мѣры. Крещеніе было насильственное, сопровождаемое разрушеніемъ мечетей у магометанъ, кладбищъ, кереметей, священныхъ рощъ и т. п. у язычниковъ. Оставляя въ сторонѣ обращеніе въ христіанство племенъ мусульманскихъ, а равно черемисъ, чувашъ, вотяковъ и другихъ, упомянемъ о средствахъ, которыя употребилъ Иванъ Васильевичъ относительно Мордвы. Мы принимаемъ за основаніе еще неизданные документы.

Въ архивѣ арзамасскаго уѣзднаго суда сохранилось нѣсколько любопытныхъ актовъ XVII и даже XVI столѣтія. Въ числѣ нхъ находится грамота царя Василія Ивановича (Шуйскаго) къ арзамасскому воеводѣ Тимоѳею Лазареву отъ 12-го апрѣля 1608 года, за скрѣпой дьяка Герасима Мартемьянова, о выдѣлѣ дьяку Петру Викулину части владѣній княгини Агаѳьи Шейсуповой. Въ этой грамотѣ сказано, что село Казаково, доселѣ существующее въ Арзамасскомъ уѣздѣ и населенное русскими, происходящими отъ обрусѣлой еще безъ малаго триста лѣтъ тому назадъ Мордвы, было искони вотчиной мордовскихъ князей. Но такъ какъ всѣ вотчины мордовскихъ князей, сказано въ той грамотѣ, велѣно по прежнему уложенію (царя Ивана Васильевича) „раздать боярамъ въ раздачу *для крещенія Мордвы*“, то Казаково по жребію досталось князю Шейсупову, который, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ 93 года (1585 года), построилъ въ немъ церковь великомученика Георгія. Такимъ образомъ искони вольная Мордва, ради крещенія, вѣрнѣе сказать, ради обрусѣнія, поступила въ частное владѣніе служилыхъ людей московскаго государства.

Дикіе инородцы, подчиненные прежде Казани, старались-было свергнуть власть московскаго государя. Послѣдовалъ цѣлый рядъ возмущеній, извѣстныхъ подъ именемъ черемисскихъ бунтовъ, продолжавшихся при Грозномъ и при Ѳеодорѣ Ивановичѣ. Но Мордва не поднималась противъ русскихъ, ея крещеніе и обрусѣніе шли съ успѣхомъ. Для

большаго успѣха мордовскія села стали раздавать монастырямъ, въ той надеждѣ, что духовныя власти еще ревностнѣе позаботятся объ ея крещеніи, чѣмъ служилые люди. Окрестившимся давали важныя льготы отъ податей, но эти льготы оставались ненадолго: затруднительныя обстоятельства смутнаго времени требовали много денегъ и хлѣбныхъ запасовъ, льготы были нарушены, съ тѣхъ поръ и смирная дотолѣ Мордва возмутилась. Это послѣдовало въ то время, когда явился второй Лжедмитрій и противъ царя Шуйскаго возстали разные города. Подстрекаемая сторонниками Тушинскаго вора, Мордва возмутилась, соединилась съ шатавшимися холопами, бортниками, недовольными тяжкимъ положеніемъ своимъ крестьянами, и пристала къ такъ-называнной современниками „вольницѣ“, ходившей изъ мѣста въ мѣсто и грабившей гдѣ и кого было можно. Мордва забунтовала отъ Нижняго до Алатыря, нападала на проѣзжавшихъ по большимъ дорогамъ, ловила царскихъ гонцовъ, посылаемыхъ изъ Москвы въ Нижній, Казань, Вятку и въ другіе города понизовые, и отправляла ихъ къ Самозванцу. Мордовская вольница выбрала изъ среды своей предводителей Москова и Вокардина. Они явились подъ Нижнимъ, остававшимся вѣрнымъ царю Василію. Не имѣя огнестрѣльнаго оружія, мордовскіе выборные опустошили русскія деревни, сожгли верхній посадъ города, но, не могши взять Кремля и не имѣя лодокъ, не причинили вреда нижнему посаду, доступному лишь съ Оки и Волги. Долго стояла Мордва подъ Нижнимъ. Узнавъ, что Васильевъ воевода, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, идетъ на Арзамасъ, она бросилась назадъ спасать въ лѣсахъ свои семейства и пожитки. Воротынскій разсѣялъ толпы *выборныхъ мордовскихъ* людей Москова и Вокардина, возстановилъ власть царя Василія, усмирилъ вольницу: она бросилась внизъ по Волгѣ, другая часть ея черезъ Мещеру ушла къ Тушинскому вору.

Мордва не успокоилась; въ окрестностяхъ Нижняго, Арзамаса, Курмыша, Ядрина и Алатыря скрывалась въ лѣсахъ и оврагахъ и въ продолженіе всего 1607 года то и дѣло нападала небольшими толпами на войска царя Василія, грабила русскія деревни, подступала и къ самымъ городамъ. По дорогамъ не было ни прохода ни проѣзда отъ Мордвы. Въ 1608 году Алатырь, Курмышъ, Ядринъ, Арзамасъ, Темниковъ и Касимовъ приняли сторону Тушинскаго вора, и тотчасъ же поднялись всѣ инородцы: мордва-эрзяне, мордва-мокшане, черемисы, чуваши, вотяки. Бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ изъ Казани двинулся съ понизовою ратью на возмутившихся. Мордва-мокшане съ своими князьками Еникѣевымъ, Шугуровымъ и Смиленевымъ пошли навстрѣчу Шереметеву, а эрзяне и терюхане подъ начальствомъ измѣнившаго царю Василію арзамасскаго воеводы Тимоѳея Лазарева пристали къ тушинскому воеводѣ князю Семену Вяземскому, шедшему съ тушинцами и ляхами на Нижній. Вяземскій послалъ къ Шугурову и Смиленеву приказъ, чтобъ они отнюдь не вступали съ Шереметевымъ въ рѣшитель-

ный бой, но чтобы Мордва раздѣлилась на малые отряды и чаще безпокоила набѣгами понизовую рать. Расчетъ былъ тотъ, чтобы замедлить походъ Шереметева и, пока онъ не поднимется къ Нижнему, овладѣть городомъ. Нижній былъ осажденъ, но въ январѣ 1609 года нижегородцы выступили навстрѣчу тушинцамъ и Мордвѣ, верстахъ въ десяти отъ города напали на нихъ и совершенно разсѣяли. Обоихъ воеводъ, князей Вяземскаго и Лазарева захватили въ плѣнъ и повѣсили на нижнемъ базарѣ, не считая нужнымъ не только испрашивать на то дозволенія московскаго царя, но даже и увѣдомлять его о совершенной народомъ казни. По мѣстному преданію, нижегородцы побили ляховъ и ихъ сообщниковъ тамъ, гдѣ теперь находится сельцо Ляхово, названное этимъ именемъ, потому что стоитъ на костяхъ ляховъ. Въ прежнее время, сказываютъ, здѣсь на пашняхъ выпахивали человѣческія кости; теперь объ этомъ давно не слышно. Мордва-мокшане, предводительствуемые своими князьками Еникѣевымъ, Шугуровымъ и Смиленевымъ, соединившіеся-было съ черемисами и чувашами и предводимые тушинскими воеводами, потерпѣли ту же участь. Шереметевъ разбилъ ихъ 22-го декабря 1608 года у Чебоксаръ, но отступилъ; въ другой разъ онъ нанесъ мятежникамъ болѣе сильное пораженіе подъ Свіяжскомъ, 1-го января 1609 года. „И топтали ихъ, и кололи, что свиней, и трупы ихъ положили на семи верстахъ“, доносилъ Шереметевъ царю Василію Шуйскому. Мордва разсѣялась, но черемисы и чуваши съ своими князьками Елпаемъ Такшейковымъ и Еникѣемъ Конниковымъ успѣли перебраться на луговую сторону Волги, овладѣли Царевококшайскомъ, разорили Котельничъ. Вятскій воевода князь Ухтомскій освободилъ Котельничъ, разсѣялъ инородцевъ, но черемисы и чуваши долго-долго еще и послѣ того грабительствовали въ области Вятской. Разсѣявшаяся по берегамъ Мокши, Суры и Алатыря Мордва до самаго усмиренія земли русской производила грабежи. Въ 1614 г. ногайскій владѣтель Иштерякъ, союзникъ Заруцкаго, послалъ-было въ русскія области 20.000 войска; оно подступило къ Алатырю. Мордва тотчасъ же по приближеніи ногаевъ снова возстала повсемѣстно и впереди ихъ двинулась на Нижній. Воеводы царя Михаила Ѳедоровича, князья Сулешевъ и Барятинскій бились съ иштеряковыми ногаями, но безъ успѣха; наконецъ Иштерякъ примирился съ царемъ, ногаи возвратились восвояси, Мордва утихла, но еще не скоро вполнѣ успокоилась.

Хотя въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія вооруженныя возстанія инородцевъ и прекратились, однако долго еще послѣ того не водворилось между ними совершеннаго спокойствія. Въ дальнихъ мѣстахъ, за Волгой и за Камой, время отъ времени происходили черемисскіе и башкирскіе бунты, въ областяхъ олижнихъ, населенныхъ преимущественно Мордвой, хотя открытыхъ возмущеній въ большихъ размѣрахъ и не бывало, но упорство въ неплатежѣ податей (ясака), хлѣбныхъ, стрѣлецкихъ и другихъ денежныхъ сборовъ вынуждало правительство

къ принятію мѣръ строгихъ. Къ этому присоединились насилія воеводъ и другихъ служилыхъ людей, особенно тѣхъ, которые сбирали подати на государя. Мордва, бѣгая изъ деревень, стала укрываться въ лѣсахъ, стала уходить внизъ по Волгѣ и селиться тамъ на пустыхъ земляхъ, стала уходить по окрестностямъ въ имѣнія монастырскія и богатыхъ, сильныхъ вліяніемъ своимъ при дворѣ вотчинниковъ. Такъ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича много Мордвы поселилось въ вотчинахъ Троицкаго Сергіева монастыря и въ вотчинахъ боярина Бориса Ивановича Морозова, потому что этотъ монастырь и этотъ бояринъ, царскій своякъ и другъ, въ обиду своихъ крестьянъ никому не давали.

Послѣ смутнаго времени народу было очень тяжело. Для усмиренія внутреннихъ мятежей и смуты, на войну со шведами и Польшей надо было много денегъ, а царская казна была истощена, накопленныя же вѣками сокровища, которыя бы можно было, въ крайности, обратить въ деньги, были расхищены въ безгосударное время, когда поляки хозяйничали въ московскомъ Кремлѣ. Пришлось усиливать налоги, съ торговыхъ и промышленныхъ людей брать „пятую деньгу" на жалованье ратнымъ людямъ, а съ крестьянъ собирать хлѣбомъ и другими припасами на продовольствіе войска, а также взимать съ нихъ ямскія деньги и другія денежныя повинности. Главная тягость падала такимъ образомъ на сельское населеніе. Къ тягостямъ государственнымъ присоединились тягости другого рода; сборщики податей, разъѣзжая по городамъ и селеніямъ, дѣлали жителямъ немало притѣсненій. Съ Мордвой же, какъ и съ другими инородцами, обращались они особенно строго, даже враждебно: забирали у нихъ безъ разбору хлѣбъ, домашній скотъ и проч., продавали все это на торгахъ, частью на пополненіе казенныхъ недоимокъ, а частью въ собственную пользу. Разоренная Мордва бѣгала въ лѣса или внизъ по Волгѣ, оставляя поля несжатыми, луга некошенными, медъ въ бортяхъ неломаннымъ; но сборщики податей, забирая оставленное Мордвой добро, ловили изъ нихъ кого попало и, отвозя въ городъ, становили на правежъ.

Въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ сохранился отрывокъ изъ розыскного дѣла о Петрѣ Корсаковѣ, что осенью 1630 года съ подьячимъ Дружиной Огарковымъ ѣздилъ въ Нижегородскую область „сыскивать про бѣглую Мордву" и вмѣсто того, чтобы разобрать дѣло, дѣлалъ ей большія насилія и притѣсненія. Сборъ ямскихъ денегъ до того разорилъ Мордву, что лѣтомъ 1639 года, не дождавшись уборки хлѣба, все племя терюханъ и значительная часть эрдзянъ, обитавшихъ около Арзамаса, покинувъ деревни и поля, забрали скотъ и какую можно было домашнюю рухлядь и разсыпались по дремучимъ лѣсамъ Муромскимъ, Салавирскимъ, по рѣкѣ Сережѣ, нѣкоторые бѣжали въ лѣса Заволжья, другіе же сѣли въ лодки и поплыли внизъ по Волгѣ. Изъ Нижняго и Арзамаса посланы были стрѣльцы и пушкари выгонять Мордву изъ лѣсовъ и силой заставлять ихъ жать и молотить хлѣбъ. Но

посланные не могли проникнуть въ лѣсныя чащи, нахватали нѣсколько отставшихъ бѣглецовъ и пополнили ими нижегородскія и арзамасскія тюрьмы. Урожаи въ тотъ годъ былъ необыкновенно обиленъ, но уродившійся въ изобиліи хлѣбъ долженъ былъ погибнуть неубраннымъ. Нижегородскій воевода доносилъ объ этомъ въ Москву, а между тѣмъ послалъ въ мордовскія деревни стрѣльцовъ изъ Нижняго. Набольшими у нихъ были: пушкарь Антонъ Молочницынъ да стрѣлецъ Захаръ. Эти люди, по тогдашнему обычаю, захотѣли отъ того дѣла покормиться, стали хватать Мордву и бортниковъ и ихъ „для своея бездѣльныя корысти мучили и связанныхъ въ подполья метали", сбирали съ нихъ большія деньги на себя и тѣмъ еще больше озлобили недовольныхъ: побѣги въ лѣса и внизъ по Волгѣ на небольшихъ судахъ усилились пуще прежняго. Между тѣмъ изъ Москвы пришло распоряженіе убрать мордовскій хлѣбъ и взять его въ казну: „и тотъ мордовскій опальный хлѣбъ всякими окольными людьми убрать и стеречь". Для распоряженій по этому предмету, а также для изслѣдованія, отчего Мордва разбѣжалась, — отъ платежа ли ямскихъ денегъ или отъ обидъ и налоговъ, — посланы были сыщики Петръ Корсаковъ да Дружина Огарковъ. Корсаковъ сошелся съ пушкаремъ Молочницынымъ и вмѣстѣ съ нимъ, разъѣзжая по мордовскимъ селеніямъ, хваталъ, кто ни попадался, — не только Мордву, но и русскихъ, — вымогалъ отъ нихъ для себя кормы и деньги. Сначала Корсаковъ поселился въ мордовской деревнѣ Большой-Вадъ. Здѣсь дѣла начались тѣмъ, что Молочницынъ нижегородскихъ ямскихъ проводниковъ, привезшихъ въ Большой-Вадъ Корсакова, связалъ по рукамъ и по ногамъ и бросилъ въ подполье, требуя и съ нихъ денегъ. Затѣмъ произошелъ цѣлый рядъ насильствъ. Подьячій Огарковъ поссорился съ Корсаковымъ, и Корсаковъ, вмѣстѣ съ пушкаремъ Молочницынымъ, со стрѣльцомъ Захаромъ и съ своими людьми, подьячаго обругалъ, избилъ, бороду у него выдралъ, а когда Дружина убѣжалъ въ свою избу и заперся, оралъ ту избу приступомъ и бревнами вышибалъ изъ нея окна. Огарковъ бѣжалъ съ царской службы и отправился къ своимъ родственникамъ въ Курмышскій и Алатырскій уѣзды. Затѣмъ, воротясь, сталъ мстить свою обиду: съ набранными людьми, вооруженными пищалями, саблями и ослопами, пришелъ въ Большой-Вадъ ко двору Корсакова, людей его избилъ ослопьемъ, а самого ранилъ. Во время такихъ непорядковъ жали мордовскій хлѣбъ, но многіе окольные люди откупались отъ работы, а которые не хотѣли давать денегъ (рублей по 30 и болѣе — сумма чрезвычайно значительная по тому времени), тѣхъ били, мучили и связанныхъ метали въ подполья. Хотя мордовскій хлѣбъ жали даже и подъ снѣгомъ, но далеко не весь сняли. Мордва разбѣжалась окончательно, бѣжали изъ Нижняго и бывшіе тамъ въ тюрьмѣ и на правежѣ, въ лѣсахъ подѣлали они землянки, засѣли въ берлоги и прожили въ нихъ даже во время трескучихъ морозовъ. Множество Мордвы въ это время

перемерло, особенно женщинъ и малыхъ дѣтей. Узнали про все это въ Москвѣ, прислали новыхъ сыщиковъ, Семена Игнатьевича Колтовскаго да подьячаго Нечаева. Намъ неизвѣстно, что̀ сдѣлали эти новые сыщики.

Черезъ все XVII столѣтіе продолжаются стѣсненія Мордвы, то и дѣло заставлявшія ее бѣгать изъ мѣстъ своего жительства. Къ тяжкимъ податямъ, къ налогамъ, къ обидамъ воеводскимъ и разныхъ другихъ служилыхъ людей, со временъ патріарха Никона, присоединились еще новыя бѣды для Мордвы — насильственное обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру. Мы уже замѣтили, что царь Иванъ Васильевичъ раздавалъ вольную дотолѣ Мордву боярамъ и монастырямъ *для крещенія*. Въ царствованіе его и Ѳедора Ивановича посредствомъ такой мѣры немало Мордвы обращено было въ христіанство, и вслѣдъ затѣмъ она до того обрусѣла, что черезъ столѣтіе послѣ „казанскаго взятья“ во внукахъ и правнукахъ, крещенныхъ по волѣ Грознаго, трудно было узнать мордовскихъ потомковъ. Тогда иноки Троицкаго Селижарова монастыря были отправлены въ качествѣ миссіонеровъ для крещенія казанской Мордвы и немало обратили ея въ христіанство. Тогда иноки Саввина Сторожевскаго монастыря устроили миссіонерскій станъ на берегу рѣки Мокши для крещенія темниковской или Еникѣевой Мордвы: изъ этого стана вскорѣ образовался Пурдышевскій-Рождественскій монастырь, которому также дана была во владѣніе часть темниковской Мордвы, съ условіемъ окрестить ее. Пурдышевскіе монахи окрестили не только принадлежавшихъ ихъ монастырю по вотчинному праву язычниковъ, но распространили христіанство почти по всей темниковской Мордвѣ. Въ главнѣйшемъ мѣстѣ эрдзядовъ, въ Арзамасѣ, по повелѣнію царя Ивана Васильевича, былъ построенъ Спасскій монастырь, и доселѣ существующій. Ему, при первомъ еще настоятелѣ его Сергіи (ум. 1588), отданы были во владѣніе „царскія мордовскія вотчины“: Ивановское съ деревнями Чернухою, Орѣховскою и проч. Монахи усердно стали крестить своихъ крестьянъ, но до смутнаго времени и сопровождавшаго его возмущенія Мордвы, кажется, не имѣли большихъ успѣховъ. Зато, какъ скоро въ Нижегородской области и вокругъ Арзамаса спокойствіе было возстановлено, спасскіе монахи ревностно принялись за крещеніе Мордвы. Особенно отличился въ этомъ дѣлѣ игуменъ Іовъ, бывшій въ Арзамасѣ съ 1628 года по 1638 и потомъ переведенный въ московскій Новоспасскій монастырь. Арзамасская Мордва, не стерпѣвъ притѣсненій отъ спасскихъ монаховъ, разбѣжалась и поселилась на мѣстахъ пустыхъ, никому тогда не принадлежавшихъ, на рѣчкѣ Ковакеѣ, но Іовъ успѣлъ воротить ее и окрестить. Къ концу XVII столѣтія значительная часть арзамасской Мордвы, будучи окрещена, совершенно обрусѣла. На берегахъ Суры также монахи крестили Мордву. Какъ и въ Арзамасѣ, царь Иванъ Васильевичъ устроилъ въ городѣ Алатырѣ монастырь Троицкій и далъ ему во владѣніе Мордву,

ради крещенія. Миссіонерская дѣятельность алатырскихъ монаховъ, которые, обративъ свою Мордву, принялись и за чужую, не понравилась инородцамъ. Они долго терпѣли, но, какъ скоро въ смутное время земля замутилась, алатырская Мордва прежде всего захотѣла свести старые счеты съ монахами. Игумена „посадили въ воду", то-есть утопили въ Сурѣ; монахи выбрали другого — и ему та же участь; выбрали третьяго — Мордва, ворвавшись въ монастырь, скинула его съ башни, зарѣзала одного іеромонаха, разогнала остальную братію, разграбила монастырь и, захвативъ всѣ жалованныя ему грамоты, завладѣла его вотчинами. Оставшіеся монахи просили властей Троицкаго Сергіева монастыря, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына, чтобъ ихъ монастырь былъ приписанъ къ нимъ. Въ 1615 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ согласился на то. Троицкія власти послали въ Алатырь своихъ миссіонеровъ, которые повели дѣло лучше: нѣкоторые мордвины даже сами стали просить о крещеніи. Такъ, въ 1619 году одинъ мордвинъ далъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь вкладъ, прося за то его окрестить. Тогда же мордвинъ, названный во св. крещеніи Тихономъ, отдавая Троицкому Сергіеву монастырю свою родовую вотчину Кирмальскій-Ухожей, самъ просилъ о водвореніи его между христіанами, „чтобъ ему христіанскія вѣры не отбыти".

Когда патріархъ Никонъ принялъ въ свое управленіе русскую церковь, онъ съ извѣстною, ничѣмъ неудержимою ревностью сталъ заботиться о церковныхъ исправленіяхъ. Обращеніе язычниковъ въ христіанство сильно его озабочивало. Особенно же заботился онъ о крещеніи и обрусѣніи Мордвы. Никонъ самъ былъ мордовскаго происхожденія, сынъ обрусѣлаго мордвина Мины, крестьянина села Вельдеманова. Онъ лучше другихъ понималъ, что обращеніе въ православную вѣру его родичей можетъ и должно сдѣлать изъ нихъ совершенно русскихъ людей. Съ этою цѣлью „собинный другъ" царя Алексѣя Михайловича, еще будучи новгородскимъ митрополитомъ, уговаривалъ царя назначить извѣстнаго ему іеромонаха новгородскаго Деревяницкаго монастыря, Мисаила, рязанскимъ архіепископомъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ обращалъ Мордву племени мокшанъ, менѣе эрдзяновъ обрусѣвшую, въ христіанство. Въ 1651 году, апрѣля 13-го, Мисаилъ былъ рукоположенъ въ рязанскіе архіереи и немедленно принялся за обращеніе Мордвы-мокшанъ, а также татаръ въ христіанство. Въ три года онъ въ Шацкомъ и Тамбовскомъ уѣздахъ окрестилъ 4.200 человѣкъ и послѣ того просилъ у Никона разрѣшенія вновь отправиться въ мордовскій край и къ касимовскимъ татарамъ, чтобъ окрестить и остальныхъ. Никонъ благословилъ его, а можетъ-быть, и разрѣшилъ истреблять почитаемыя Мордвой за святыя ихъ завѣтныя дубравы и кладбища. Переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто, Мисаилъ въ началѣ 1655 года крестилъ Мордву, заставляя рубить ихъ священныя рощи и сожигая срубы на ихъ кладбищахъ. Столь рѣшительныя мѣры рязанскаго архіерея увѣнчались-было

успѣхомъ: въ одномъ мѣстѣ онъ за одинъ разъ окрестилъ болѣе трехсотъ человѣкъ. На Страстной недѣлѣ 1655 года, уже возвращаясь въ Рязань къ празднику Пасхи, онъ остановился въ деревнѣ Ямбиревой (нынѣ село Конобѣево, Шацкаго уѣзда) и, надѣвъ архіерейскую мантію, началъ убѣждать мѣстныхъ жителей къ принятію св. крещенія. Въ это время огромная толпа окрестной Мордвы окружила архіепископа, гоня его и окружавшихъ его изъ деревни. Началась драка. Вооруженная луками Мордва стала стрѣлять, и Мисаилъ упалъ смертельно раненый. Это было 10-го апрѣля, во вторникъ на Страстной недѣлѣ; 19-го апрѣля, въ четвергъ на Пасхѣ, Мисаилъ умеръ. Черезъ годъ тѣло его было перевезено изъ деревни Ямбиревой и погребено въ рязанскомъ Архангельскомъ соборѣ. До сихъ поръ подъ его гробницею сохраняется архіерейская мантія, пробитая стрѣлами и съ замѣтными пятнами крови.

Послѣ трагической кончины Мисаила, обращеніе Мордвы въ христіанство производилось съ большею умѣренностью. Вскорѣ настало время возмущенія Стеньки Разина. Инородцы восточной Россіи, какъ и во времена самозванцевъ, тотчасъ пристали къ бунтовщику. Отъ Арзамаса до Шацка и до Симбирска вся Мордва заволновалась и открыто возстала противъ русскихъ. Въ сентябрѣ 1671 года Мордва съ татарами, чувашами и черемисами пошла-было на Симбирскъ, чтобы присоединиться къ толпамъ Разина, но воевода князь Барятинскій въ одну недѣлю (23—29-го сентября) пять разъ разбилъ инородцевъ: подъ сельцомъ Куланчи, на рѣкѣ Карлѣ, подъ татарскою деревней Крысадаки, подъ мордовскою деревней Поклоушъ и подъ городкомъ Тагаемъ; много было побитыхъ, много захвачено въ плѣнъ и тутъ же повѣшено. Октября 1-го князь Барятинскій разбилъ подъ Симбирскомъ самого Разина, едва успѣвшаго спастись бѣгствомъ, и разсѣялъ бывшихъ у него инородцевъ. Другія толпы Мордвы въ то же время (16-го сентября), въ сообществѣ съ казаками и русскими крестьянами, осадили Алатырь, пошли на городъ приступомъ, зажгли одну изъ башенъ острога, ворвались въ городъ и разорили его. Въ октябрѣ Мордва съ казаками разорила Верхній и Нижній Ломовъ, а въ декабрѣ собралась въ огромномъ числѣ въ селѣ Андреевкѣ (въ нынѣшнемъ Краснослободскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи), чтобы идти на Арзамасъ и Нижній, но знаменитый воевода, князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ, разогналъ всѣ „воровскія шайки".

Мордва была приведена къ шерти, то-есть къ присягѣ; подавленное возмущеніе прекратилось, но еще нѣсколько лѣтъ инородцевъ нельзя было считать совершенно покойными. Мордва, не только оставшаяся въ язычествѣ, но и принявшая христіанство, часто сходилась въ лѣсахъ на совѣщанія о томъ, какъ бы грабить русскія деревни, и нерѣдко дѣйствительно грабила ихъ. По усмиреніи бунта Разина правительство обратило особенное вниманіе на инородцевъ. Неоднократный опытъ по-

казалъ, что, какъ скоро возникнетъ внутренняя смута, инородцы немедленно пристають къ ней и тѣмъ увеличиваютъ государственную опасность. Съ крайнею осторожностью стали смотрѣть въ XVII столѣтіи на Мордву и всѣми способами заботиться о наибольшемъ усиленіи русскаго населенія между инородцами. Въ то же время запрещено было продавать имъ оружіе и всякія военныя принадлежности, не позволялось въ мордовскихъ деревняхъ заводить кузницы, и даже земледѣльческія орудія и другія металлическія вещи, необходимыя въ домашнемъ быту, дозволялось покупать только въ городахъ и притомъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ. По усмиреніи же бунта Разина мѣры предосторожности противъ Мордвы были усилены: у нея отбирали оружіе, запрещали имѣть даже луки и стрѣлы, запретили звѣриную охоту. Въ то же время приняты дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію между ними христіанства, а главное, къ утвержденію ихъ въ истинной вѣрѣ и къ возможно большему обрусѣнію. Въ 1686 году послѣдовалъ указъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей изъ приказа Большого дворца, чтобъ епархіальные архіереи и монастырскія власти обращали особенное вниманіе на новокрещенную Мордву, „которые въ христіанской вѣрѣ не тверды, въ церкви Божьи не приходятъ и отцовъ духовныхъ у себя не имѣютъ“. Этимъ указомъ повелѣвалось составить именные списки новокрещенныхъ, жены и дѣти которыхъ оставались въ язычествѣ, и всѣхъ такихъ брать въ архіерейскіе дома или въ монастыри для наставленія и утвержденія въ христіанствѣ. Но болѣе всего на обрусѣніе Мордвы и на обращеніе ея въ христіанство подѣйствовала правительственная мѣра, принятая въ концѣ XVII столѣтія, согласно которой въ деревняхъ мордовскихъ стали селить русскихъ, а также и Мордву переселять въ русскія деревни. Этотъ способъ былъ употребляемъ преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили терюхане. Вся Терюшевская волость, населенная терюханами, а также Лысковская, населенная русскими, были пожалованы въ 1690 году Арчилѣ, царю Имеретинскому, пришедшему съ женою и дѣтьми изъ разоренной турками и персіянами Грузіи въ Россію, подъ покровительство единовѣрныхъ государей. Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1713 году и въ двадцать три года владѣнія терюханами, конечно, не самъ лично, а посредствомъ своихъ управителей, успѣлъ многое сдѣлать для обрусѣнія пожалованной ему Мордвы. Подъ видомъ лучшаго устройства хозяйственныхъ дѣлъ въ обширныхъ вотчинахъ царя Имеретинскаго, его управители переселили множество русскихъ изъ Лысковской волости въ Терюшевскую и еще болѣе Мордвы изъ Терюшевской въ Лысковскую. Посредствомъ браковъ мордовское населеніе слилось съ русскимъ, стало забывать свой языкъ или говорить какимъ-то особымъ языкомъ, въ которомъ чуть не наполовину словъ было русскихъ. Обрусѣніе терюханъ пошло такъ сильно, что даже остававшіеся въ язычествѣ, при совершеніи религіозныхъ обрядовъ, въ молитвахъ и пѣніяхъ мѣшали русскія слова съ мордовскими и съ

именами своихъ божествъ соединяли имена истиннаго Бога (напр., Саваоѳъ) и христіанскихъ святыхъ.

Представивъ сжатый перечень историческихъ фактовъ о Мордвѣ до XVIII столѣтія, мы въ слѣдующихъ очеркахъ изложимъ основанія мордовской вѣры и ея культа, коснемся нравовъ и обычаевъ Мордвы, теперь съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе исчезающихъ подъ вліяніемъ сильнаго обрусѣнія, и наконецъ, по неизвѣстнымъ еще документамъ, разскажемъ о событіяхъ, сопровождавшихъ окончательное приведеніе Мордвы въ христіанство.

III.

Мордовскія божества.

Совершенно несправедливо некрещеную Мордву называютъ идолопоклонниками. Никогда не имѣла она ни идоловъ ни какихъ другихъ изображеній божества. Правда, она почитала священныя деревья, подъ которыми приносила жертвы, но никогда не признавала ихъ божествами. Правда, она обращалась иногда съ моленьями къ солнцу и лунѣ, но всегда считала ихъ созданіями Божьими.

Они вѣровали въ единаго верховнаго бога, отъ котораго зависитъ весь видимый и невидимый міръ. Эрдзяды, терюханы и каратаи называютъ его *Пасъ*, или *Чамъ-Пасъ* (верховный богъ), мокшане—*Шкай*.

Вотъ какія понятія имѣла Мордва объ этомъ высшемъ существѣ: онъ не имѣетъ ни начала, не будетъ имѣть и конца; видѣть его нельзя не только людямъ, но и богамъ, подчиненнымъ ему: онъ живетъ на небѣ, а какъ онъ живетъ, того никто знать не можетъ; онъ господствуетъ и на землѣ; и земля, и небо, и свѣтила небесныя, и боги (безплотные добрые духи), и люди, и животныя, и самые злые духи, всѣ отъ него имѣютъ свое начало: онъ творецъ всего видимаго и невидимаго міра, промыслитель, управляющій всѣмъ посредствомъ подчиненныхъ боговъ и богинь. Чамъ-Пасъ любитъ свои созданія, и отъ него происходитъ одно только добро, но, чтобы люди не забывались, онъ попустилъ Шайтану сотворить злыхъ духовъ и посадилъ ихъ въ болотахъ и омутахъ. Если человѣкъ сдѣлаетъ что-нибудь противное Чамъ-Пасу, онъ дозволяетъ злому духу сдѣлать вредъ тому человѣку, но когда человѣкъ обратится къ нему съ мольбой избавить его отъ зла, онъ запрещаетъ злому духу и велитъ ему сидѣть въ водѣ. Но одной частной молитвы недостаточно для умилостивленія разгнѣваннаго верховнаго бога: необходимы общественныя и домашнія моленія подчиненнымъ ему божествамъ, а еще необходимѣе добрая жизнь.

Обыкновенная молитва къ верховному богу у мокшанъ коротка: „*Шкай! оцю Шкай, верду Шкай, ванымысть!* Боже, верховный боже, начальный боже, помилуй насъ!“ Эрдзяды и терюханы обращаются къ нему съ молитвой: „*Чамъ-пасъ, вель Пасъ, помилуй насъ!*“, то-

есть: „верховный боже, боже міра (въ смыслѣ общества), помилуй насъ!“ Къ этому верховному богу Мордва обращалась въ началѣ каждой молитвы, къ какому бы божеству она ни относилась. Но самому Чамъ-Пасу ни особыхъ праздниковъ ни особыхъ жертвоприношеній не отправлялось.

Кромѣ единаго вѣчнаго бога, Мордва признаётъ созданныхъ имъ добрыхъ и злыхъ духовъ. По ихъ понятіямъ, эти духи, какъ и люди, плодятся, и ихъ въ мірѣ множество. Вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, невидимо присутствуетъ какое-нибудь божество, исполняющее повелѣніе верховнаго бога или назначенное имъ для управленія какой-либо части вселенной. Этому одинаково вѣровали всѣ племена мордовскія, но вѣрованія эрдзядъ и мокшанъ, относившіяся до боговъ второстепенныхъ и до участія каждаго изъ нихъ въ управленіи міромъ, различны.

По понятіямъ эрдзядовъ и терюханъ (о богахъ племени Каратаи, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній), Чамъ-Пасъ, принявъ намѣреніе сотворить міръ, прежде всего создалъ во всемъ почти подобнаго себѣ духа, съ тѣмъ, чтобы онъ помогалъ ему въ сотвореніи и въ управленіи міромъ. Этотъ духъ былъ *Шайтанъ*. Вотъ разсказъ о сотвореніи шайтана, записанный въ 1853 году священникомъ Ѳедоромъ Шаверскимъ въ селѣ Вечкамовѣ (Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи):

„Однажды, когда ничего еще не было на свѣтѣ, кромѣ одной воды, плылъ Чамъ-Пасъ на камнѣ по морю-океану и размышлялъ самъ съ собою, какъ сотворить видимый міръ и какъ управлять имъ. Тутъ онъ сказалъ: „Нѣтъ у меня ни брата ни товарища, съ кѣмъ бы могъ я посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ“, и при этихъ словахъ плюнулъ съ досады въ море и поплылъ далѣе. Отплывъ нѣкоторое разстояніе, Чамъ-Пасъ оглянулся и увидѣлъ, что слюна его обратилась въ огромный бугоръ и плыветъ за нимъ слѣдомъ. Чтобъ уничтожить бугоръ, Чамъ-Пасъ ударилъ по немъ жезломъ; тотчасъ изъ него выскочилъ Шайтанъ и сказалъ: „Ты жалѣешь, господи, что у тебя нѣтъ ни брата ни товарища, съ кѣмъ бы тебѣ подумать да посовѣтоваться о сотвореніи міра; я, пожалуй, радъ быть твоимъ братомъ“. Чамъ-Пасъ обрадовался и сказалъ: „Ну, хорошо, будь мнѣ хоть не братомъ, а товарищемъ. Давай творить землю. Изъ чего же мы ее сдѣлаемъ? Вѣдь кромѣ воды нѣтъ ничего“. Шайтанъ молчитъ, не знаетъ, изъ чего землю сдѣлать. „Нырни, товарищъ, въ море-океанъ,—сказалъ ему Чамъ-Пасъ:—на днѣ есть песокъ, принеси его немного, изъ него и сдѣлаемъ землю“. „А я только-что хотѣлъ это самое сказать, братецъ“,—перебилъ Шайтанъ, потому что не хотѣлъ показать Чамъ-Пасу, что тотъ выше его и знаетъ больше, и все называлъ его братомъ, хотя Чамъ-Пасъ взялъ его только въ товарищи. „Такъ ступай же на дно, принеси песку, — сказалъ Чамъ-Пасъ: — да смотри же, товарищъ, какъ станешь брать песокъ, помяни имя мое“. Шайтанъ погрузился на дно. Тамъ, по гордости своей, не захотѣлъ онъ помянуть имя Чамъ-Паса, а помянулъ свое. Оттого и не могъ взять ни единой песчинки: изъ-подъ дна морского вышло пламя и обожгло Шайтана.

Обожженный вынырнулъ онъ на поверхность моря. „Не могу, братецъ,— говоритъ Чамъ-Пасу: — ни единой песчинки взять, потому что тамъ пламя изо дна морского выходитъ, оно меня совсѣмъ-было спалило".— „Ступай, товарищъ, опять на дно морское,—сказалъ ему Чамъ-Пасъ:— пламя тебя не тронетъ, только помяни имя мое". Шайтанъ во второй разъ опустился на дно морское, но гордость опять не допустила его помянуть имя Чамъ-Паса, опять помянулъ онъ свое, и пламя опять опалило его. Выплылъ онъ на поверхность моря и вдругорядь явился къ Чамъ-Пасу безъ песку. „Что же, товарищъ, принесъ ли песку?"—спросилъ его Чамъ-Пасъ. — „Не принесъ, братецъ, пламя опять опалило меня пуще прежняго".— „Да помянулъ ли ты, товарищъ, имя мое?"— спросилъ Чамъ-Пасъ. Шайтанъ, дѣлать нечего, сознался, что не поминалъ имени Чамъ-Паса. „Чье же ты имя помянулъ, товарищъ?"— „Свое, братецъ".—отвѣчалъ Шайтанъ.—„Слушай же, товарищъ,—сказалъ тогда Чамъ-Пасъ: —ступай ты въ третій разъ на дно моря-океана и возьми тамъ песку, помянувъ имя мое. Только помни, товарищъ, что, если ты не помянешь моего имени, огонь тебя совсѣмъ попалитъ, и не останется отъ тебя ничего". Шайтанъ въ третій разъ опустился на дно и, боясь, чтобы пламя совсѣмъ его не спалило, помянулъ имя Чамъ-Паса и безъ всякой помѣхи набралъ полонъ ротъ песку. Вынырнувъ на поверхность моря, онъ отдалъ песокъ Чамъ-Пасу, но не весь, часть его утаилъ у себя за щекой. Думаетъ онъ себѣ: „Пусть его братъ мой творитъ свою землю, а я сотворю свою". Чамъ-Пасъ сталъ разбрасывать по морю песокъ, и онъ, увеличиваясь, дѣлался землей. Но по мѣрѣ того, какъ песчинки на морѣ выростали, выростали и тѣ, что остались за щекой у Шайтана: оттого голова у него разрослась въ огромную гору. Почувствовавъ отъ того нестерпимую боль, Шайтанъ заревѣлъ страшнымъ голосомъ. „Что кричишь, товарищъ?"—спросилъ его Чамъ-Пасъ. Шайтану дѣлать нечего, покаялся. „Не всю, братецъ, говоритъ, землю я выплюнулъ, и она растетъ у меня въ головѣ, и мнѣ отъ того нестерпимое мученье". Чамъ-Пасъ ударилъ Шайтана жезломъ по головѣ и сказалъ: „Выплюнь песокъ, товарищъ, и исцѣлѣй отъ болѣзни". Шайтанъ сталъ выплевывать песокъ изо рта, но такъ сильно, что жидкая, еще не окрѣпшая земля отъ того поколебалась, отчего произошли ямы, овраги и долины, а изъ того песку, который онъ выплюнулъ, образовались бугры, холмы и горы. Когда Шайтанъ освободился отъ болѣзни, Чамъ-Пасъ сказалъ ему: „Нѣтъ, не можешь ты быть мнѣ товарищемъ, ты золъ, а я добръ; будь же ты проклятъ и ступай подъ дно морское, въ преисподнюю, въ тотъ самый огонь, что палилъ тебя за то, что, по гордости, не хотѣлъ ты помянуть имени творца своего. Сиди тамъ и мучься на вѣки вѣковъ".

Въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ Мордва къ этому сказанію о Шайтанѣ прибавляетъ еще слѣдующее: Шайтанъ возгордился передъ творцомъ своимъ и сказалъ ему: „Чамъ-Пасъ! Ты уже старъ, тебѣ пора

на покой, а я молодъ: такъ сиди ты на своемъ мѣстѣ и спи, а я одинъ буду управлять міромъ, который мы сотворимъ". Чамъ-Пасъ проклялъ за то Шайтана, а этотъ такъ озлобился на него, что навѣки остался самымъ злымъ существомъ и ненавистникомъ всякаго добра. За то Чамъ-Пасъ и прогналъ его въ темную пропасть. Есть и другіе варіанты о противленіи Шайтана Чамъ-Пасу при сотвореніи міра. Одинъ изъ нихъ, записанный въ селѣ Сырежевѣ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи, приводится ниже.

Послѣ того Чамъ-Пасъ сотворилъ богиню *Анге-Па̀тяй* (слово въ слово: мать-богиня). Она источникъ жизни, чадородія и плодородія земли. Такимъ образомъ непосредственно отъ верховнаго Чамъ-Паса произошли только два божества: доброе—Анге-Па̀тяй и злое—Шайтанъ. Эти два божества равносильны. Если Шайтанъ не можетъ равняться могуществомъ съ сотворившимъ его Чамъ-Пасомъ и потому не ведетъ съ нимъ прямой борьбы, то онъ вѣчно противодѣйствуетъ доброй Анге-Па̀тяй, которая сама, и чрезъ произведенныхъ ею боговъ и богинь, ведетъ постоянную борьбу съ злымъ началомъ, охраняя жизнь и благоденствіе всякаго созданія.

Анге-Па̀тяй родила четырехъ боговъ и четырехъ богинь.

Старшій сынъ ея, *Ни̇шки-Пасъ*, богъ неба, солнца, огня и свѣта. Онъ же главный покровитель пчелъ. У него въ небѣ есть множество домовъ, въ которыхъ живутъ души добрыхъ людей. Какъ пчелы вьются вокругъ матки, такъ души добрыхъ людей вьются вокругъ Ни̇шки-Паса. Поэтому онъ и называется *Ни̇шки-Пасъ* (*нишки* или *нишке* по-мордовски значитъ пчельникъ). Онъ еще называется *Шиза-Пасъ*, или *Ши-Пасъ*, то-есть солнце-богъ. Ему, какъ первенцу богини Анге-Па̀тяй, присвоивается именованіе сына божья, *Пиче-Пасъ*.

Второй сынъ матери боговъ Анге-Па̀тяй былъ *Свѣтъ-Верешкѝ-Вѐленъ-Пасъ*, обладатель земли и устроитель человѣческихъ обществъ (*веленъ*, сокращенно *вель*—міръ, въ смыслѣ общества), которыя устроены по подобію небеснаго пчельника его брата Ни̇шки-Паса. Отсюда и названіе его Верешкѝ (*верь-нишки* земной,—собственно лѣсной, пчельникъ).

Третій сынъ верховной богини—*Назаромъ-Пасъ*, богъ зимы, ночи, луны. Онъ принимаетъ въ свое царство (*назаромъ-нишки*—темный пчельникъ) души всѣхъ умирающихъ: хорошихъ, добрыхъ отсылаетъ къ старшему своему брату Ни̇шки-Пасу, а дурныхъ, злыхъ прогоняетъ въ области Шайтана.

Четвертый сынъ матери боговъ *Вѐлны-Пасъ*—есть высшій богъ всего живого, кромѣ человѣка. Онъ покровительствуетъ людямъ при звѣриной охотѣ, при стрѣляніи птицъ, при рыболовствѣ.

Изъ рожденныхъ матерью боговъ богинь (Па̀тяй) старшая называлась *Нишкиндѐ-Тевтярь* (сестра Ни̇шки-Паса, слово-въ-слово: „дѣвка Нишки"). Она также имѣетъ свой пчельникъ (нишке) на землѣ,

это пчельникъ настоящихъ пчелъ; она покровительница пчеловодства, которое изстари составляло любимое занятіе Мордвы. Нишкиндѐ-Тевтярь вмѣстѣ съ тѣмъ и богиня судьбы. Когда родится человѣкъ, ея мать Анге-Пàтяй приказываетъ ей составить судьбу новорожденнаго. Эта богиня родила сына *Пургинѐ-Паса*, который также называется *Мельказѐ* (Вѐрги-Мучкѝ-Мельказѐ, то-есть на землю сходящій духъ сына громова). Этому Мельказѐ, какъ скажемъ впослѣдствіи, особенно вѣровалъ послѣдній мордовскій пророкъ, будто бы принимавшій его внушенія, Кузька-богъ, явившійся между терюханами въ 1808 году.

Вторая дочь матери боговъ—*Норрòва-Апарỳчи*, богиня земледѣлія, родила *Мàстыръ-Паса* (земля-богъ), сидящаго внутри земли и дающаго ей силу произращать всѣ растенія, особенно же хлѣбъ и огородныя овощи.

Третья дочь верховной богини—*Пàкся-Пàтяй*, покровительница полей, луговъ и огородовъ, родила бога *Ведъ-Паса* (вода-богъ) или *Ведъ-Мàстыръ-Паса* (воды на землѣ текущей богъ), управляющаго морями, рѣками, озерами, родниками и колодцами.

Четвертая дочь матери боговъ — *Вѐрья-Пàтяй*, богиня лѣсовъ, рощъ и деревьевъ. Ея сынъ *Вàрма-Пасъ*, богъ вѣтра и воздуха.

Народивъ этихъ дѣтей, Анге-Пàтяй пожелала какъ можно скорѣе наполнить весь міръ добрыми божествами, чтобы, не говоря уже о людяхъ, при каждомъ деревцѣ, при каждой травкѣ, при каждой былинкѣ присутствовалъ добрый духъ, который бы охранялъ созданія Чамъ-Паса отъ козней Шайтана. Она обратилась съ просьбой объ этомъ къ отцу своему и верховному міродержателю. Чамъ-Пасъ далъ ей огниво, а сынъ ея, Нишки-Пасъ, принесъ ей кремней. Анге-Пàтяй стала ударять огниво о кремень, и сколько при этомъ вышло искръ, столько явилось добрыхъ духовъ *ѐзаисовъ*. Шайтанъ увидалъ, что̀ дѣлаетъ Анге-Пàтяй, взялъ изъ земли два кремня (огнива ему негдѣ было взять, ибо оно матерью боговъ было получено съ неба отъ самого Чамъ-Паса) и также сталъ высѣкать изъ нихъ огонь. Сколько вылетѣло искръ, столько произошло и злыхъ духовъ. И до сихъ поръ Анге-Пàтяй и Шайтанъ высѣкаютъ огонь, и оттого съ каждымъ днемъ умножаются какъ добрые, такъ и злые духи, сообразно тому, какъ размножаются люди, животныя и растенія.

Такимъ образомъ главныя божества мордовскія были слѣдующія:

1) Чамъ-Пасъ, 2) Анге-Пàтяй, дочь его, мать боговъ: 3) Нѝшки-Пасъ, 4) Свѣтъ-Верешкѝ-Вѐленъ-Пасъ, 5) Вòлцы-Пасъ, 6) Назàромъ-Пасъ, 7) Нишкиндѐ-Тевтярь, 8) Наррòва-Апарỳчи, 9) Пакся-Пàтяй, 10) Вѐрья-Пàтяй, 11) Пургинѐ-Пасъ, 12) Мàстыръ-Пасъ, 13) Ведъ-Мàстыръ-Пасъ и 14) Вàрма-Пасъ.

Кромѣ этихъ божествъ, отъ высѣканія богиней Анге-Пàтяй огня изъ кремней, посредствомъ небеснаго огнива, произошло неисчислимое множество добрыхъ духовъ, которые вообще назывались у эрдзядовъ и те-

рюхань *ӧзаисъ*, у мокшанъ *ӧзксъ*. Этими же словами означали и праздники, отправляемые въ честь того или другого божества.

Прежде всего Анге-Пàтяй высѣкла искры, произведшія охранительницъ дѣтей, богинь *Анге-ӧзаисъ*, помогающихъ женщинамъ при родахъ и охраняющихъ малолѣтнихъ дѣтей отъ болѣзней и всякихъ несчастій. При каждомъ ребенкѣ находится такая охранительница, наблюдающая за его здоровьемъ. Въ каждомъ домѣ изъ искръ, высѣченныхъ богиней Анге-Пàтяй, явился свой „Кардасъ-Сярко-ӧзаисъ", оберегатель отъ всякаго зла живущихъ въ домѣ людей и животныхъ, сохраняющій въ семействахъ миръ, тишину, согласіе и заботящійся объ изобиліи въ охраняемомъ имъ домѣ. Онъ имѣетъ пребываніе среди двора, въ ямѣ, подъ камнемъ, который по имени его называется „кардо-сярко". Этому божеству помогаютъ: *Юртà-ӧзаисъ,* добрый духъ, охраняющій всю усадьбу домохозяина: *Кѐляда-ӧзаисъ* (собственно значитъ березовый богъ), охраняющій домашній скотъ, въ особенности же животныхъ, любимыхъ богиней Анге-Пàтяй: овецъ, свиней, куръ. Отъ кѐлядовъ-ӧзаисовъ зависѣли боги, происшедшіе также отъ искръ, высѣченныхъ матерью боговъ: *Антаръ-ӧзаисъ*—богъ жеребцовъ, *Лишмань-ӧзаисъ*—богиня кобылъ и жеребятъ, *Тàуньсяй* или *Тàунь-ӧзаисъ*—богъ свиней и *Ревъ-ӧзаисъ*—богиня овецъ. Послѣднія два божества были въ особенности любимы богиней Анге-Пàтяй, такъ какъ свиньи и овцы были любимѣйшими ея животными.

Изъ искръ, высѣченныхъ верховною богиней, вышли для каждаго хозяйства людей: непосредственно подчиненные богинѣ Нишкиндѐ-Тевтярь, покровительницѣ пчельниковъ и бортей, *Нишки-ӧзаисы* — охраняющіе пчельники, пасѣки и борти, а также подчиненные богинѣ Наррòвѣ-Анарỳчи добрые духи: *Суàвтума-ӧзаисъ* — покровитель пашенъ, *Пастъ-ӧзаисъ*—охраняющій посѣвы отъ червей, кобылки, саранчи и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, *Керѐтъ-ӧзаисъ*—богъ земледѣльческихъ орудій. Изъ тѣхъ же искръ, высѣченныхъ богиней Анге-Пàтяй, произошли: подчиненные Ведъ-Пасу или водяному богу *Акъ-Шакàлъ-ӧзаисъ* (бѣлая рыба—духъ, покровительствующій рыболовству) и подчиненный Вѐрья-Пàтяй, покровительницѣ лѣсовъ, *Кѐлу-ӧзаисъ*, духъ, покровительствующій березѣ (полное имя его *Вечкù-Кѐзъ-Кѐльдио*), *Тумò-ӧзаисъ*—покровитель дуба, *Пѐкше-ӧзаисъ*—липы, *Пиче-ӧзаисъ*—сосны, *Шоть-рань-ӧзаисъ*—божество бревенъ, *Керѐнь-ӧзаисъ*—божество лубьевъ, и т. д. Словомъ, по понятіямъ эрдзядовъ и терюханъ, божества находятся повсюду. Каждое изъ нихъ охраняетъ ввѣренное попеченію его созданіе верховнаго бога, Чамъ-Паса. Поддерживая въ немъ жизнь, производя за него постоянную борьбу съ злыми духами, твореніями Шайтана, добрые ӧзаисы исполняютъ велѣнія матери боговъ и всего добраго въ семъ мірѣ Анге-Пàтяй, а ей повелѣваетъ самъ Чамъ-Пасъ.

Сверхъ того Мордва поклонялась предкамъ—*атятъ*. Умершіе люди,

поселившіеся въ „небесномъ пчельникѣ“ Нишки-Паса, заботясь каждый о своемъ родѣ и помогая своимъ потомкамъ во всѣхъ нуждахъ и въ хорошихъ дѣлахъ, воздерживаютъ ихъ отъ дурныхъ и предостерегаютъ, въ случаѣ надобности, то сонными видѣніями, то иными предвѣщаніями. Отсюда произошли разныя примѣты, которыхъ у Мордвы едва ли не больше, чѣмъ у русскихъ. Предкамъ молились и приносили жертвы какъ въ домахъ, такъ и на кладбищахъ.

Созданные Шайтаномъ злые духи наносятъ болѣзни на людей и скотъ, насылаютъ на поля червь, саранчу, убиваютъ пчелъ, обратясь въ медвѣдя, истребляютъ ульи, наносятъ зловредные вѣтры, вредящіе посѣвамъ, научаютъ людей злымъ дѣламъ и пр. Но добрыя божества съ ними борются, и эта борьба вѣчна.

По понятіямъ мокшанъ, верховный, безначальный творецъ міра *Шкай* также прежде всего создалъ Шайтана себѣ въ помощники, но Шайтанъ вооружился противъ своего создателя и за то былъ свергнутъ имъ изъ верховнаго жилища, находящагося надъ небесами. Тогда Шкай создалъ вмѣсто него новое божество, *Солтана*, который называется также *Солтанъ-Керямять*, и еще *Мастыръ-Кирди*, то-есть міродержатель, управляющій міромъ вещественнымъ, а не духовнымъ, землей, а не небомъ. Это единственный богъ мокшанъ, всѣ остальныя божества—женскаго пола. *Азарава* (то-есть верховная богиня) то же самое, что Анге-Патяй у эрдзядовъ,—богиня жизни, чадородія и плодородія. Она во всемъ равна съ Солтаномъ, ибо создана самимъ Шкаемъ. Отъ Солтана и Азаравы произошли богини: *Юртазарава*—богиня надъ усадебнымъ мѣстомъ, гдѣ стоитъ домъ, *Кудазарава*—богиня самого дома и домашняго скота, *Банязарава*—богиня бани, *Авынь-азарава*—богиня овина, *Паксязарава*—богиня полей и луговъ, *Виръязарава*—лѣсная богиня, *Ведьязарава*—богиня рѣкъ и озеръ. Этихъ второстепенныхъ богинь множество: въ каждомъ домѣ есть своя *Кудазарава*, на каждомъ полѣ своя *Паксязарава* и т. д.

Мордва вѣрила въ близкія сношенія боговъ съ людьми, разумѣется, кромѣ верховнаго бога Чамъ-Паса, который слишкомъ высокъ, чтобы вступать въ непосредственныя сношенія съ людьми. Замѣчательно, что сношенія второстепенныхъ мордовскихъ боговъ-озансовъ, какъ и въ классической миѳологіи грековъ и римлянъ, были по преимуществу любовныя. Боги сходили на землю, соединялись съ дѣвушками и уносили ихъ на небо. Изъ разныхъ повѣрій этого рода приведемъ одно, о дѣвкѣ Сыржѣ. Оно сохраняется у терюханъ. Жила дѣвка, по имени Сыржа, которую всѣ женихи обѣгали: и красива была изъ себя, и работящая, и ноги толстыя какъ бревна (особенное достоинство мордовскихъ женщинъ, краса ихъ), а почему-то никто не хотѣлъ на ней жениться. Вдругъ сдѣлалась сильная гроза, всѣ люди попадали какъ мертвые, и, когда гроза миновалась, въ той деревнѣ, гдѣ жила Сыржа, появился пріѣзжій изъ какихъ-то дальнихъ, невѣдомыхъ странъ чело-

вѣкъ, изъ себя весь черный и съ глазами, горѣвшими какъ огонь. Онъ присватался къ Сыржѣ; отецъ и мать съ радостью отдали ее за пріѣзжаго, хотя и не знали, откуда онъ. Во время брачнаго пира женихъ сталъ вести себя не такъ, какъ слѣдуетъ: сталъ плясать по чашкамъ, по ложкамъ, по лавкамъ, по полицамъ, и при этомъ кричать громче и громче. Когда же настало ему время везти молодую жену къ себѣ домой, онъ крикнулъ какъ громъ, изъ глазъ его сверкнула молнія, отчего загорѣлась изба, всѣ гости упали какъ мертвые, а новобрачные исчезли. Это былъ Пургинѐ-Пасъ, богъ грома. Онъ улетѣлъ съ женою своею Сыржей на небо. И теперь, когда случается гроза, Мордва думаетъ, что это Пургинѐ-Пасъ на небѣ пляшетъ по чашкамъ, по ложкамъ, по скамьямъ и по полицамъ, какъ плясалъ онъ на своей свадьбѣ. Въ это время терюхане выходятъ изъ домовъ на улицу, и, глядя на небо, поднимаютъ руки вверхъ и кричатъ: „легцы, легцы, ты, цаи, нашъ" (легче, легче, ты, чай, нашъ). Дѣти, рожденныя отъ боговъ и мордовскихъ дѣвушекъ, жили на землѣ, были до смерти своей правителями Мордвы, князьями, а по смерти возвращались на небо къ своимъ родителямъ. Можно думать, что и Пургасъ, сильный мордовскій князь, боровшійся съ русскими въ XIII вѣкѣ, почитался Мордвой за сына грома.

О Шайтанѣ и злыхъ духахъ, имъ созданныхъ и ему подчиненныхъ (всѣ мужского пола, кромѣ двѣнадцати лихорадокъ и тринадцатой оспы, которыя женщины), мокшане думали одинаково съ эрдзядами, то-есть что злые духи всячески стараются сдѣлать зло человѣку, а добрыя божества, борясь съ ними, отвращаютъ зло.

О созданіи міра Мордва всѣхъ племенъ имѣетъ одинаковое понятіе. По сказаніямъ ихъ, верховный Богъ сотворилъ все видимое и невидимое. Когда онъ творилъ, Шайтанъ, по злобѣ своей, всячески старался испортить каждое твореніе, но премудрость Чамъ-Паса (Шкая) каждую порчу Шайтана обращала на добро. Такъ, когда создано было небо, оно было чистое голубое; шайтанъ набросалъ на него черныхъ тучъ. Чамъ-Пасъ не очистилъ небо отъ тучъ, но вложилъ въ нихъ дождь и велѣлъ имъ орошать землю, отчего она сдѣлалась плодородною. Чамъ-Пасъ создалъ рѣки съ гладкою, свѣтлою поверхностью: Шайтанъ напустилъ на нихъ вѣтры и произвелъ волненіе, но Чамъ-Пасъ построилъ барку, сдѣлалъ руль и весла, сшилъ парусъ и научилъ людей судоходству. Когда Чамъ-Пасъ захотѣлъ сотворить сушу, а воды въ это время были уже созданы, то увидалъ, что Шайтанъ въ видѣ утки плаваетъ по морю. Чамъ-Пасъ велѣлъ ему нырнуть на морское дно и достать оттуда немного земли. Шайтанъ нырнулъ, досталъ земли, но отдалъ Чамъ-Пасу не всю, немного удержавъ у себя во рту. Чамъ-Пасъ изъ принесенной со дна моря земли сотворилъ сушу. Земля изъ рукъ его вышла гладкая, ровная. Но Шайтанъ набросалъ на нее оставшейся у него во рту земли, отчего образовались горы, камни, овраги. Но

Чамъ-Пасъ поправилъ порчу, сдѣланную Шайтаномъ: онъ положилъ въ горы золота, серебра, желѣза и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Изъ накиданныхъ Шайтаномъ каменьевъ научилъ людей дѣлать мельничные жернова, а овраги наполнилъ водой, отчего произошло множество рѣчекъ. Чамъ-Пасъ создалъ землю, покрытую прекрасными деревьями, какъ садъ какой, но Шайтанъ поднялъ бурю и повалилъ множество деревьевъ; Чамъ-Пасъ оставшіеся оттого пустыя мѣста обратилъ въ пашни и луга и научилъ людей землепашеству и сѣнокошенію. Стараясь испортить каждое твореніе Чамъ-Паса, Шайтанъ хотѣлъ то же сдѣлать и съ человѣкомъ. Чамъ-Пасъ слѣпилъ человѣка изъ глины, и еще не вложилъ въ него души, ушелъ на нѣкоторое время въ другое мѣсто для сотворенія души, а чтобы Шайтанъ не испортилъ сотвореннаго тѣла, приставилъ собаку караулить его. А собака была прежде животное чистое, и на ней шерсти не было. Шайтанъ напустилъ страшный морозъ, такъ что собака едва не замерзла: онъ предложилъ ей одѣть ее шерстью, чтобы не было холодно, и за то допустить его ненадолго къ созданному Чамъ-Пасомъ, бездушному еще человѣку. Собака согласилась. Шайтанъ оплевалъ всего человѣка, отчего произошли болѣзни, потомъ сталъ вдыхать въ него злое свое дыханіе. Чамъ-Пасъ пришелъ и прогналъ Шайтана, собакѣ велѣлъ навсегда носить нечистую шерсть, а чтобы поправить испорченное тѣло человѣка, выворотилъ его на изнанку, но болѣзни, происшедшія отъ Шайтановой слюны, все-таки остались въ немъ. Потомъ, вдунувъ въ человѣка доброе свое дыханіе, оставилъ его. Оттого въ человѣкѣ и остались наклонности и къ добру и къ злу: добрыя наклонности отъ дуновенія Чамъ-Паса, а злыя отъ дуновенія Шайтана. Когда человѣкъ былъ такимъ образомъ созданъ, Шайтанъ сказалъ Чамъ-Пасу, показывая на человѣка: „Въ немъ половина души моей и половина твоей, раздѣлимъ же всѣхъ людей пополамъ, пусть одна половина будутъ твои люди, а другая—мои". Чамъ-Пасъ прогналъ Шайтана, и чтобы люди, по причинѣ присутствія въ нихъ зла, всѣ не сдѣлались добычей Шайтана, вложилъ въ человѣка разумъ и научилъ его различать хорошее отъ дурного. Шайтанъ отъ досады сталъ творить свои созданія: сначала сотворилъ множество злыхъ духовъ, подобныхъ себѣ, но менѣе могущественныхъ, потомъ сотворилъ разныя болѣзни и напустилъ ихъ на людей; болѣзни эти—тоже злые духи.

Терюхане и нѣкоторые эрдзяды Нижегородской и Симбирской губерній разсказываютъ о созданіи человѣка нѣсколько иначе. Человѣка вздумалъ сотворить не Чамъ-Пасъ, а Шайтанъ. Для того онъ собралъ глины, песку и земли отъ семидесяти семи странъ свѣта и слѣпилъ изъ нихъ тѣло человѣка. Но, сдѣлавъ тѣло, никакъ не могъ привести его въ благообразный видъ: то слѣпитъ свиньей, то слѣпитъ собакой, то гадомъ какимъ-нибудь, а Шайтану хотѣлось сотворить его по образу и по подобію Божью. И позвалъ Шайтанъ птичку-мышь и сказалъ ей: „Лети ты на небо, тамъ у Чамъ-Паса полотенце виситъ; когда онъ въ баню хо-

дитъ, тѣмъ полотенцемъ обтирается; виситъ оно у него на гвоздикѣ; заберись ты въ одинъ конецъ полотенца, свей гнѣздо, разведи дѣтей, чтобъ одинъ конецъ того полотенца сталъ тяжелѣй и упалъ бы ко мнѣ на землю". Птичка-мышь послушалась Шайтана, свила гнѣздо въ концѣ Чамъ-Пасова полотенца, развела мышатъ, отъ тяжести ихъ полотенце и упало на землю. Шайтанъ тотчасъ подхватилъ его, обтеръ имъ слѣпленнаго человѣка, и онъ получилъ образъ и подобіе Божье. Послѣ того Шайтанъ сталъ оживлять человѣка, но никакъ не могъ вложить въ него живую душу. Бился-бился онъ и уже хотѣлъ-было разрушить свое созданіе, но Чамъ-Пасъ сказалъ: „Убирайся ты, проклятый Шайтанъ, въ пропасть огненную, я и безъ тебя сотворю человѣка". А Шайтанъ отвѣчалъ: „Я хоть подлѣ постою, когда ты будешь класть въ него живую душу: вѣдь я его работалъ, и на мою долю изъ человѣка что-нибудь надобно дать, а то, какъ хочешь, братецъ Чамъ-Пасъ, будетъ мнѣ обидно, а тебѣ нечестно". Спорили Чамъ-Пасъ съ Шайтаномъ, спорили, наконецъ Чамъ-Пасу надоѣло. „Слушай, Шайтанъ, — сказалъ онъ: — давай дѣлить человѣка: образъ и подобіе отъ моего полотенца, и душа моя, потому что я ее вдунулъ, а тѣло будетъ твое". Шайтанъ поспорилъ-поспорилъ, но долженъ былъ согласиться, потому что Чамъ-Пасъ невпримѣръ сильнѣе его. Оттого, когда человѣкъ умираетъ, душа съ образомъ и подобіемъ Божьимъ идетъ въ небеса къ Чамъ-Пасу, а тѣло, лишаясь души, теряетъ и подобіе Божье, гніетъ, разваливается и идетъ въ землю на добычу Шайтану. А птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за то, что она послушалась Шайтана, летала на небо и свила гнѣздо въ божьемъ полотенцѣ. За то Чамъ-Пасъ отнялъ у ней крылья и приставилъ ей голый хвостъ, такой же, какъ у Шайтана, и далъ такія же лапы, какъ у него.

Когда люди размножились, а это послѣдовало очень скоро по созданіи міра, тогда Чамъ-Пасъ раздѣлилъ ихъ на народы и каждому народу далъ свой языкъ и свою вѣру. Люди вѣруютъ одному и тому же Богу, но различно другъ отъ друга. Мордва говоритъ: какъ въ лѣсу каждое дерево имѣетъ свой особый листъ и свой особый цвѣтъ, такъ и каждый народъ имѣетъ свою вѣру и свой языкъ. Вѣры всѣ угодны Богу, потому что имъ самимъ даны, и потому переходить изъ одной въ другую грѣшно. Всего на землѣ семьдесятъ семь вѣръ и семьдесятъ семь языковъ.

Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ этихъ сказаній о сотвореніи міра Богомъ и о противодѣйствіи ему злого духа, существуя у другихъ финскихъ племенъ, напримѣръ, у черемисъ, чувашъ, вотяковъ и пр., сохраняются и въ русскомъ народѣ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, не только изустно, но и посредствомъ рукописей. На подобныя сказанія нельзя смотрѣть иначе, какъ на остатки вѣрованій русскаго народа еще во времена язычества. Кто отъ кого заимствовалъ эти вѣрованія, славяне ли отъ финновъ, или финны отъ славянъ,—рѣшить трудно, но, кажется, вѣрнѣе предположить, что вѣрованія эти были общи обоимъ

сосѣднимъ племенамъ, славянскому и финскому, или чудскому, равно какъ и нѣкоторые религіозные обряды, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

У Мордвы есть сказаніе и о грѣхопаденіи людей, въ общихъ чертахъ сходное съ сказаніемъ чувашскимъ и, что̀ замѣчательнѣе всего, совпадающее нѣсколько съ христіанскими вѣрованіями о смерти Спасителя. Вотъ мордовское сказаніе.

Первые люди находились въ блаженномъ состояніи. Скота у нихъ было множество, земля не требовала никакого удобренія, а урожаи были самъ-тысячные; на каждомъ деревѣ въ лѣсу борти со пчелами были. Всѣ люди были богаты, и имущество было у всѣхъ равное. Чамъ-Пасъ послалъ къ нимъ для управленія Нишки-Паса, котораго назвалъ своимъ сыномъ (Ниче-Пасъ), и онъ жилъ на землѣ въ образѣ человѣка и помогалъ людямъ во всемъ. Какъ только кто изъ людей заболѣетъ, Нишки-Пасъ тогчасъ того человѣка вылѣчитъ; дождя ли надо, вёдра ли—какъ скоро попросятъ люди Нишки-Паса, онъ тотчасъ все сдѣлаетъ. И не было между людьми ни ссоръ ни вражды: все это отвращалъ Нишки-Пасъ, ходившій изъ одной деревни въ другую и поучавшій людей добру. Но Шайтанъ, по злобѣ своей, явился къ одному старику и, подавъ ему вѣтку неизвѣстнаго дотолѣ растенія, сказалъ: „Посади эту вѣтку въ землю и поставь вокругъ нея высокихъ тычинокъ, только не сказывай объ этомъ Нишки-Пасу“. Старикъ послушался, посадилъ вѣтку, и выросъ хмель. Тогда Шайтанъ снова явился къ старику и научилъ его дѣлать пиво и медъ, а также изъ муки курить вино. Отъ этого произошло пьянство, пьяные люди стали враждовать между собою, пошли ссоры, драки и даже смертныя убійства. Напрасно Нишки-Пасъ увѣщевалъ людей перестать пить пиво, медъ и вино, они его перестали слушаться, стали смѣяться надъ нимъ, плевать на него, бить и гонять изъ деревни въ деревню. Вмѣсто Нишки-Паса люди вздумали выбрать начальника надъ собой изъ своей среды, но тутъ произошли ссоры, драки и убійства, потому что всякій желалъ быть начальникомъ и никто не хотѣлъ подчиниться другому. Нишки-Пасъ напрасно увѣщевалъ ихъ. Шайтанъ, явившись на землѣ въ образѣ человѣка, сталъ говорить людямъ: „Зачѣмъ вы терпите между собой Нишки-Паса? Онъ васъ увѣрилъ, будто онъ сынъ Божій, это онъ лжетъ, онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, только человѣкъ недобрый: не велитъ онъ веселиться, пиво и вино пить, любовницъ по многу имѣть, и хочетъ властвовать надъ всѣми людьми“. Подстрекаемые Шайтаномъ, люди схватили Нишки-Паса, били его, мучили и наконецъ убили до смерти. Какъ скоро они его убили, то и увидѣли, что дѣйствительно онъ былъ сынъ Чамъ-Паса, ибо мертвый Нишки-Пасъ всталъ и вознесся на небо, сказавъ убійцамъ своимъ: „Не хотѣли вы со мной въ добрѣ жить, теперь безъ меня вамъ хуже будетъ“. И какъ только онъ сказалъ эти слова, тотчасъ же солнце стало свѣтить и грѣть въ семь разъ меньше, зима стала въ семь разъ суро-

вѣе, земля стала требовать удобренія и усиленнаго труда, да и то давала урожаи небольшіе, а временами и вовсе не стала хлѣба родить, скотъ весь почти палъ, осталась самая малость. Тогда, чтобы держать между людьми порядокъ и разбирать ихъ распри, Чамъ-Пасъ назначилъ надъ народами царей, князей, судей и другихъ начальниковъ и далъ имъ власть надъ людьми такую, что за дурныя дѣла они сажаютъ въ тюрьму, велятъ бить кнутомъ и плетьми, а за очень большія вины и смертью казнятъ.

Вслѣдствіе сближенія Мордвы съ христіанами, на мордовскую вѣру еще въ очень давнія времена христіанство имѣло большое вліяніе. Язычники стали признавать нѣкоторыхъ изъ христіанскихъ святыхъ. Такимъ образомъ, особенно уважаемый русскимъ народомъ, Николай Чудотворецъ издавна сдѣлался предметомъ почитанія не только Мордвы и другихъ инородцевъ финскаго племени: чувашъ, черемисъ, вотяковъ, самоѣдовъ и пр., но и татарскаго племени. Его уважаютъ даже магометане. У эрдзядовъ и терюханъ онъ даже явился въ числѣ Пасовъ и называется *Никола-Пасъ*. Извѣстно, что православная церковь празднуетъ память Николая Чудотворца 9-го мая и 6-го декабря. Въ эти самые дни и Мордва празднуетъ Николѣ-Пасу, совершая особыя жертвоприношенія. Она отожествляетъ Николая Чудотворца съ двумя древними своими Пасами: весною съ Мастыръ-Пасомъ, богомъ, дающимъ землѣ силу растительности, а зимой съ Назаромъ-Пасомъ, богомъ зимы, ночи и луны. Такихъ отожествленій мордовскихъ божествъ съ православными святыми много. Начало такихъ отожествленій относится къ временамъ стародавнимъ. Вотъ извѣстныя намъ отожествленія: помѣщаемъ ихъ въ календарномъ порядкѣ.

Января 1-го православная церковь празднуетъ Василію Великому, который въ народѣ считается покровителемъ свиней: въ сѣверной и восточной Россіи сохраняется обычай въ этотъ день молиться своему богу свиней Таунь-ӧзайсу и даже называютъ его въ молитвахъ Василіемъ (Вельки-Васяй). Января 28-го, въ день Ефрема Сирина, а также 1-го ноября, въ день Косьмы и Демьяна, въ деревняхъ есть обычаи „домового прикармливать". Ему оставляютъ каши на загнеткѣ печи,—обычай, оставшійся, конечно, отъ временъ язычества: въ эти же дни и Мордва молится и приноситъ въ домахъ жертву: въ январѣ—Юртова-ӧзайсу, а въ ноябрѣ Кардасъ-Сярко-ӧзайсу, богамъ усадьбы и дома. Эрдзяды, при молитвѣ къ послѣднему, призываютъ и Кузьму-Демьяна. Въ этотъ день приносятъ въ жертву божеству домовъ курицу—обычай, напоминающій народное повѣріе, что на Кузьму-Демьяна куры бываютъ именинницы, и жареная курица должна быть на столѣ. Апрѣля 3-го, въ день Никиты Исповѣдника, рыболовы иногда топятъ чужую лошадь для угощенія водяного; въ это же время и Мордва молится богу рыболовства Акъ-Шакалъ-ӧзайсу и также приноситъ ему жертву, утопляя лошадь въ рѣкѣ или озерѣ. Апрѣля 17-го, или въ ближайшую пятницу, Мордва молится

Нишкинцѣ-Тевтярь, богинѣ пчеловодства. Въ этотъ же день православные молятся св. Зосимѣ, покровителю пчелъ. Св. Георгій побѣдоносецъ (23-го апрѣля) отожествляется Мордвой съ Свѣтъ-Верешкй-Вѣленъ-Пасомъ, богомъ земли и травъ. Въ Нижегородской губерніи терюхане молились ему на другой день весенняго Николина дня и называли „отцомъ Николы-Паса". Такимъ образомъ 9-го мая они молились богу воды, а 10-го богу земли. Замѣчательно, что и по нашимъ народнымъ повѣрьямъ 10-го мая, на Симона Зилота, бываетъ земля именинница. Въ день пророка Іереміи (1-го мая), котораго русскій народъ считаетъ покровителемъ земледѣльческихъ орудій и зоветъ Еремѣемъ Запрягальникомъ, Мордва молится Кереть-ӧзапсу, богу земледѣльческихъ орудій. Въ Ивановъ день (24-го іюня) у Мордвы бываетъ большое празднество Нйшки-Пасу, богу неба, солнца, свѣта и тепла, котораго отожествляютъ то съ Іоанномъ Предтечей, то съ Спасителемъ. Въ день Иліи Пророка (20-го іюля) молятся Пургинѣ-Пасу, богу грома, и отожествляютъ его съ пророкомъ, которому православный людъ приписываетъ владѣніе громами и молніями. Мордва своихъ боговъ коневодства Ангарь-ӧзаисъ и Лишмань-ӧзаисъ отожествляетъ съ свв. Фроромъ и Лавромъ (18-го августа) и въ день ихъ памяти совершаетъ моленія о своихъ лошадяхъ; на этомъ моленіи бываютъ только одни мужчины, женщинъ не пускаютъ: обычаи, существующіи и у русскихъ на лошадиномъ праздникѣ. Сентября 15-го, на Никитинъ день, въ русскихъ деревняхъ задабриваютъ водяного, отрывая голову у гуся и бросая его въ воду; у Мордвы въ этотъ день, или въ ближайшую пятницу, совершали такой же обрядъ приношенія жертвы Ведъ-Мӓстыръ-Пасу—богу воды. Этотъ богъ отожествляется съ св. Никитой, котораго въ русскихъ деревняхъ обыкновенно зовутъ гусятникомъ и гусорѣзомъ. Октября 29-го праздникъ овчарей: въ этотъ день молятся объ овцахъ св. Анастасіи, которую зовутъ поэтому „овечницей". Мордва, отожествляя эту святую съ своею богинею Ревъ-ӧзаисъ, покровительницей овецъ, молится ей въ тотъ же самый день 29-го октября или въ ближайшую пятницу. Ноября 8—день Михаила архангела: въ этотъ же день у терюханъ и эрдзядъ бываетъ большой праздникъ Вӧлцы-Пасу, богу звѣриной охоты: этого бога они отожествляли съ Михаиломъ архангеломъ. Въ день Рождества Христова Мордва совершала моленіе Анге-Пӓтяй (другое молебствіе ей въ пятницу передъ Троицынымъ днемъ), которую отожествляла съ Пресвятою Дѣвой, и Нйшки-Пасу, иначе Пиче-Пасъ (слово-въ-слово сынъ Бога). На другой день праздновали той же богинѣ, какъ покровительницѣ дѣтей, родильницъ. Принявшая христіанство Мордва отожествляла Анге-Пӓтяй съ бабой Саломеей, лицомъ апокрифическимъ, будто бы послужившимъ Пресвятой Дѣвѣ при рожденіи Спасителя. Моленія на кладбищахъ умершимъ предкамъ совершались въ тѣ же дни, что установлены и православною церковью для поминовенія усопшихъ, то-есть въ пятницу (у крещеныхъ въ субботу) передъ масле-

ницеи и на Ѳоминой недѣлѣ (Радуницѣ), и кромѣ того 1-го сентября и 1-го октября.

Какъ славяне, принявъ христіанство, пріурочили своего громовержца Перуна къ Ильѣ пророку, а Волоса, скотьяго бога, къ св. Власію и т. д., такъ точно и Мордва пріурочила свои божества къ христіанскимъ святымъ еще до принятія христіанской вѣры. Самого Чамъ-Паса, своего верховнаго бога, Мордва отожествила съ Господомъ Саваоѳомъ и въ молитвахъ къ нему называла его: „Святъ Господь Савагофъ".

У мокшанъ также отожествлены древнія божества ихъ съ христіанскимъ Богомъ и святыми. Такъ, Шкай отожествленъ съ Господомъ Саваоѳомъ, Спаситель съ Солтаномъ, Азарàва съ Богородицеи, Кудазарàва съ Сочельникомъ (5-го января), который они почитаютъ за святого человѣка, Банязарàва съ Великимъ Четвергомъ, тоже почитаемымъ ими за святого человѣка; Авынъ-азараву мокшане отожествили съ апостоломъ Ѳомой и празднуютъ ей въ Ѳомино воскресенье. Объ остальныхъ божествахъ мокшанъ мы не имѣемъ свѣдѣній, съ какими святыми они ихъ отожествляютъ. Но Николай Чудотворецъ и у мокшанъ является особымъ богомъ, *Николазарава*, которому празднуютъ 6-го декабря и котораго считаютъ не богомъ, а богиней.

IV.

Мордовскія мольбища (кереметы).

Мордва никогда не имѣла особыхъ храмовъ для совершенія богослуженія. Нигдѣ нѣтъ остатковъ ихъ. Ни въ лѣтописяхъ ни въ другихъ письменныхъ памятникахъ нѣтъ ни малѣйшаго о нихъ упоминанія. У самой Мордвы не сохранилось о нихъ никакихъ преданій. Наконецъ въ мордовскомъ языкѣ нѣтъ даже слова, означающаго храмъ. Слово „черьква" уже русское и означаетъ храмъ исключительно христіанскій.

Зато въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ Мордва, указываютъ на мѣста старинныхъ мольбищъ: въ лѣсахъ, на поляхъ, на кладбищахъ. Здѣсь доселѣ иногда и давно уже крещеные тайно совершаютъ жертвоприношенія стариннымъ своимъ божествамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно же въ Симбирской, Пензенской, Самарской и Саратовской губерніяхъ, мордовскія кладбища называются *кереметями*. Мѣстами употребляютъ это названіе и въ Нижегородской губерніи. Едва ли оно не заимствовано Мордвой отъ чувашей. Въ каждой мордовской волости бывало по нѣскольку большихъ мольбищъ, или кереметей, и каждое изъ нихъ было посвящено особому божеству, которому и совершалось въ немъ жертвоприношеніе. Такъ, напримѣръ, у терюханъ Терюшевской волости было пять мольбищъ, въ которыхъ совершались общественные *моляны* *) цѣлою волостью. Въ полуверстѣ отъ села Сіухи, въ лѣсу,

*) *Молянъ*, отъ русскаго слова *молить*, у нижегородской Мордвы значитъ молебствіе, праздникъ. Этимъ словомъ замѣнилось старинное мордов-

въ ровномъ долу, недалеко отъ рѣчки Міанги, находилось мольбище Нішки-Пасу; другое было на полѣ близъ деревни Инютина, неподалеку отъ ручья Манданки: здѣсь были приносимы жертвы Свѣтъ-Верешкй-Вѣленъ-Пасу; третье близъ деревни Березниковъ, въ рощѣ, близъ рѣчки Пичеси: здѣсь были приносимы волостныя жертвоприношенія Анге-Пàтяй и ея *сестреницамъ*, то-есть четыремъ ея дочерямъ Пàтяй: четвертое въ лѣсу, близъ деревни Малаго-Сескини (Чертовка тожъ), здѣсь бывали молебствія Вòлцы-Пасу, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія здѣсь же совершалъ жертвоприношенія и пророчествовалъ мордвинъ, извѣстный подъ названіемъ Кузьки-бога: наконецъ пятое мольбище Назàромъ-Пасу было на полѣ деревни Татарской, недалеко отъ рѣчки Кирмети.

Кромѣ того, при каждой деревнѣ было свое мольбище, на которомъ совершались молитвы и жертвоприношенія жителями одной этой деревни. Это—деревенскія мольбища, „пеціона-кереметь".

Когда Мордва еще не была крещена, волостные, а мѣстами и деревенскіе кереметы огораживались плетнемъ. Въ лѣсу или рощѣ избиралась небольшая четырехугольная ровная площадка, саженъ въ 20—30 длины и столько же ширины: ее огораживали, какъ сказано, плетнемъ, а иногда и высокимъ тыномъ. Загороженный такимъ образомъ кереметь имѣлъ трое воротъ *(ортà)*, обращенныхъ на востокъ, на югъ и на сѣверъ. Люди входили черезъ южныя ворота: назначенный для жертвоприношенія скотъ вводился въ восточныя, а въ сѣверныя ворота носили воду для варенія жертвеннаго мяса. Внутри кереметы, у восточныхъ воротъ, обыкновенно врывали три столба: одинъ изъ нихъ назначался для привязыванія приносимыхъ въ жертву лошадей *), другой для привязыванія жертвенныхъ быковъ, третій для привязыванія жертвенныхъ овецъ. Эти столбы назывались *теръ-жигать*. Съ западной стороны врывали также три столба *юба*; здѣсь закалали приносимый въ жертву скотъ. Между столбами юба была вырываема небольшая яма, закрываемая каменною плитой; въ эту яму спускали кровь закалываемаго животнаго и потомъ закрывали плитой. Неподалеку отъ этой ямы ставился небольшой сарайчикъ, или, лучше сказать, навѣсъ, — *хорай-жигать* **). По срединѣ его врывали небольшіе столбики съ попе-

---

ское слово *бзаисъ* (у мокшанъ *озксъ*), которое теперь означаетъ добраго духа. Въ Толковомъ словарѣ В. И. Даля слово *молянъ* (ошибочно напечатано: молякъ, II, 938) объяснено такъ: «Нижегородское. Мордовскіе праздники, оставшіеся въ памяти съ языческихъ временъ». Русскія молебствія, отправляемыя Мордвой, называютъ также *молянами*.

*) Лошадей Мордва приносила въ жертву только въ глубокой старинѣ. Еще языческая, сближаясь съ русскими, она перестала употреблять въ пищу конину, отчего прекратились и приношенія въ жертву лошадей. Сохранилось только жертвоприношеніе лошади богу рыбной ловли Акъ-Шакалъ-бзаизу, но ее уже не варили въ котлахъ и не ѣли, а топили въ водѣ.

**) *Хорай-жигать* по-мордовски значитъ кухня, поварня.

речно положеннымъ на нихъ брусомъ, на этотъ брусъ навѣшивались котлы, въ которыхъ варили мясо жертвенныхъ животныхъ. У южныхъ дверей ставилась *хума*, столъ, устроенный въ родѣ баннаго полка: на немъ разрѣзывали сваренное жертвенное мясо на столько кусковъ, сколько человѣкъ участвовало при богомольѣ. На восточныхъ столбахъ *(теръ-жигать)* были развѣшиваемы кожи, снятыя съ приносимыхъ въ жертву животныхъ. Въ старину всѣ кожи оставались навсегда на этихъ столбахъ, а въ послѣднее время ихъ продавали и на вырученныя деньги покупали соль къ слѣдующему богомолью.

Всѣ эти ограды и столбы кереметей въ свое время были тщательно истребляемы русскимъ духовенствомъ при помощи земской полиціи, особенно при обращеніи Мордвы въ православную вѣру въ сороковыхъ годахъ прошлаго (XVIII) столѣтія, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили даже столкновенія полицейскихъ чиновъ съ вооруженными язычниками. Истребленныя мольбища не разъ были возобновляемы. Мордва, и по обращеніи въ христіанство, отъ времени до времени продолжаетъ совершать моленія по обрядамъ старинной своей вѣры, для чего обыкновенно наканунѣ или за день до назначеннаго жертвоприношенія ставятся столбы, нужные для совершенія обряда, но мольбища не обносятся никакою загородкой.

Кереметн, на которыхъ приносились жертвы отъ одной только деревни, отличались отъ большихъ, волостныхъ, только обширностью: та же ограда, тѣ же столбы и та же кухня. Впрочемъ, ограда на деревенскихъ мольбищахъ, какъ сказываютъ, и въ старину устраивалась въ рѣдкихъ случаяхъ.

На кладбищахъ совершали молитвы на самыхъ могилахъ, которыя большею частью бывали покрыты срубами изъ бревенъ, вѣнцовъ въ пять, и тесовою крышей, то-есть точно такъ же, какъ нерѣдко покрывались могилы и въ нашихъ селахъ. Моленія на кладбищахъ, при совершеніи которыхъ всѣ участвующіе ѣли и пили приготовленные дома блины и другія кушанья и пили пиво, почти совершенно сходны съ нашими поминками.

Домашнія моленія и жертвоприношенія совершались или на шесткѣ печи, или на загнеткѣ *), или на камнѣ *кардо-сярко*. Среди каждаго мордовскаго двора была положена вровень съ землей каменная плита, большей или меньшей величины, а подъ ней вырыта яма, куда, закалая животныхъ для домашнихъ жертвоприношеній, спускали кровь. Даже и въ такомъ случаѣ, если какое-либо животное закалывалось не для жертвоприношенія, а просто для обѣда, Мордва рѣзала его посреди двора и, поднимая плиту, спускала кровь въ находящуюся подъ ней яму. Пролить кровь животнаго (кромѣ птичьей) въ другое какое-либо

*) *Загнётка* (въ Московской губерніи *загнивка*), лѣвый заулокъ на шесткѣ русской печи, куда сгребается жаръ.

мѣсто, по понятіямъ Мордвы,—грѣхъ непростительный, онъ навлекаетъ на весь домъ проклятіе. Камень этотъ посвященъ мордовскому домовому богу, Кардасъ-Сярко-ӧзавсу, и называется *кардо-сярко*.

У Мордвы не было ни жреческаго класса ни жрецовъ, которые бы на срочное время или пожизненно сохраняли за собой эту должность. Домашнія моленія и жертвы обыкновенно совершалъ старшій мужчина въ домѣ, а въ извѣстныхъ случаяхъ старшая женщина. На кладбищахъ они же, каждый надъ могилами своихъ предковъ. Но для совершенія моленій и жертвъ на общественныхъ, мірскихъ, волостныхъ молянахъ каждый разъ избирались, по общему согласію, нѣсколько человѣкъ изъ уважаемыхъ міромъ стариковъ, которые вообще назывались *атенокшъ-тей*, то-есть хорошіе люди. По большей части должность старшаго изъ нихъ (*прявтъ* у терюханъ и эрдзядовъ, *инятя* у мокшанъ) исполнялъ старшій по лѣтамъ житель той деревни или волости, и всегда почти эта должность соединялась съ должностью деревенскаго или волостного старшины. Такимъ образомъ онъ былъ и жрецъ, и судья, и хранитель общественнаго имущества, и представитель общины передъ дравительствомъ. Прявтъ у эрдзядовъ и терюханъ занималъ свою полжность пожизненно, но всегда могъ отказаться отъ нея по старости, по слѣпотѣ и пр., могъ быть и лишенъ своего званія по общему согласію всѣхъ домохозяевъ деревни или волости, если бывалъ замѣчаемъ въ какихъ-либо, несообразныхъ съ должностью его, поступкахъ.

Прявтъ (собственно значитъ „голова") не былъ жрецомъ. Онъ не приносилъ жертвъ, не возглашалъ молитвъ, но былъ старшимъ изъ предстоявшихъ на молитвѣ. Ему первому подавали кусокъ жертвеннаго мяса, ему подавался первый ковшъ жертвеннаго пива, онъ собиралъ людей на молитву, онъ распускалъ по домамъ молящихся, но самъ не совершалъ никакихъ обрядовъ. У него въ домѣ хранились священные ковши, рычаги, парки (кадки), жертвенные ножи и другая утварь, нужная для молебствій. Онъ же назначалъ и день молебствія. Хотя мордовскіе праздники, какъ мы уже сказали, совпадаютъ во времени съ праздниками христіанскими, но Мордва не разумѣетъ календаря и потому каждый разъ спрашиваетъ прявта, въ какой день онъ велитъ приготовляться къ жертвоприношенію тому или другому божеству. Онъ самъ, какъ умѣлъ, считалъ дни, а со времени распространенія христіанства узнавалъ отъ православныхъ священниковъ, въ какой день будутъ праздновать тому или другому святому, отожествленному съ однимъ изъ мордовскихъ божествъ, и въ ближайшую къ тому дню пятницу (день, почитаемый языческою Мордвой такъ же, какъ у насъ воскресенье) назначалъ жертвоприношеніе. Одинъ старикъ изъ эрдзядовъ въ деревнѣ Сарадонъ (Нижегородскаго уѣзда) сказывалъ намъ, что во времена стародавнія у нихъ на общественныхъ моленіяхъ первое мѣсто занимали „панки" (князьки), а когда они перевелись и „вся Мордва пошла подъ бѣлаго (русскаго) царя", то мѣсто ихъ заняли выборные прявты.

Главный жрецъ на общественныхъ моленіяхъ у эрдзядовъ и терюханъ назывался *возатя*: онъ читалъ молитвы, онъ распоряжался и жертвоприношеніемъ. Возатя и его двѣнадцать помощниковъ избирались изъ самыхъ почетныхъ стариковъ волости передъ каждымъ волостнымъ моляномъ; но по большей части одни и тѣ же лица занимали эти должности по нѣскольку лѣтъ. Помощниками возати были: три *париндяита*, или *пурендяита* *), которые избирались большею частью на цѣлый годъ. Они собирали по домамъ хлѣбъ на пиво, медъ для сыты, а также и другіе припасы, напримѣръ, яйца, масло, равно и деньги. Прявтъ выдавалъ имъ священныя парки (кадки), въ которыя они наливали свареное ими, сыченое медомъ и заморенное пиво — *пурѐ*, и во время молебствія разносили его молящимся. Три *янбеда*, избираемые за три дня до молебствія и получившіе тогда отъ прявта жертвенные ножи, разносили народу *вологу*, то-есть жертвенное мясо. Три *кашангорода*, избираемые за день до молебствія и получившіе отъ прявта священные ковши числомъ по сороку, до пятидесяти и даже по сотнѣ. Наконецъ было еще три помощника возати, *туросторы*, наблюдавшіе за благочиніемъ во время богослуженія, для чего становились на пни, или на поставленныя вверхъ дномъ кадки, дабы съ высоты можно было наблюдать за народомъ. Они же приготовляли *штатолы* (толстыя восковыя свѣчи, верхъ которыхъ утончался и загибался спиралью) и прилѣпляли ихъ по приказанію прявта къ заднему краю каждой парки. Париндяиты, янбеды, кашангороды и туросторы находились въ полномъ распоряженіи возати.

Кромѣ того, для совершенія общественнаго моляна избирались еще три служителя, независимые отъ возати и подчиненные одному прявту. Ихъ называли *позанбунаведы*. Они избирались за три дня до молебствія и ходили по деревнямъ, отыскивая рыжаго быка, бѣлаго барана безъ малѣйшаго клочка другой шерсти; если же не находили такого животнаго, то и другого какого-либо цвѣта, но непремѣнно одношерстное. Это животное они покупали на собранныя париндяитами и янбедами общественныя деньги, приводили его на молянъ и закалывали.

---

*) *Пурендяитъ* значитъ слово-въ-слово пивоваръ, отъ *пуре* — мордовскій медъ безъ хмеля, или разсыченное медомъ пиво, которое морили, то-есть оставляли перебродить. Мореный медъ, или *пуре*, по-мордовски, въ большомъ употребленіи и у другихъ финскихъ народовъ восточной Россіи, у чувашъ, черемисъ, вотяковъ. Хотя въ него и не кладутъ хмеля, но онъ очень пьянъ. Если непривычному человѣку выпить стаканъ этого напитка, очень пріятнаго на вкусъ, голова у него останется свѣжа, зато ноги какъ будто отнимутся, ножныя мышцы совершенно не повинуются волѣ человѣка. Послѣ сна бываетъ страшная головная боль, продолжающаяся по суткамъ и болѣе. Но Мордва, а особенно чуваши, пьютъ свое *пуре* ковшами и бываютъ только веселы. Въ старину и у русскихъ дѣлались такіе меды. Ихъ называли *ставленными*, или мореными. Мы называемъ вездѣ пурендяитовъ *париндяитами*, такъ какъ послѣднее названіе болѣе употребляется Мордвой.

У мокшанъ и божествъ было меньше, и обряды ихъ были далеко не такъ сложны, какъ у эрдзядовъ и терюхань. И служителей на ихъ моленьяхъ (öзксъ) было гораздо меньше. Домашніе öзксы совершаемы были, какъ и домашніе моляны эрдзядовъ,—старшими въ домѣ, а для общественныхъ моленій (вель-öзксъ) избираемы были въ каждой деревнѣ старикъ и старуха. Старикъ *ини-атя*, или *инятъ* (главный старикъ, дѣдушка), совершалъ молебствія Солтану, а старуха *имбаба* (главная старуха, бабушка)—Азаравѣ. Эти старикъ и старуха пользовались огромнымъ уваженіемъ своихъ односельцевъ и почитались за первыхъ въ селѣ молитвенниковъ. Въ случаѣ частныхъ бѣдствій мокшане прибѣгали къ нимъ и просили молиться за нихъ Богу, или принять участіе въ домашнемъ молебствіи.

V.

Велень-Молянъ (Вель-озксъ).

Прежде чѣмъ станемъ говорить о каждомъ мордовскомъ божествѣ особо и объ обрядахъ въ честь ихъ совершаемыхъ, представимъ обряды, исполнявшіеся вообще на всѣхъ общественныхъ мольбищахъ.

Богослуженіе, праздникъ, жертвоприношеніе означается у эрдзядовъ и терюханъ однимъ словомъ *öзаисъ* или *öзксъ* (у мокшанъ *öзксъ*). Но давно еще, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ годахъ прошлаго (XVIII) столѣтія, эрдзядское слово öзаисъ замѣнилось заимствованнымъ изъ русскаго языка и по-своему переиначеннымъ словомъ *молянъ*. Словомъ *öзаисъ* называются, какъ мы уже сказали, и мордовскіе боги низшаго разряда.

Моляны бывали: 1) общественные, волостные — *велень - молянъ* свель - молянъ) по-эрдзядски, *вель - öзксъ* по-мокшански (слово-въ-слово эти слова означаютъ „мірское богомолье“), 2) деревенскіе — *пецiöна-молянъ*, 3) полевые, совершаемые на поляхъ — *пакся-молянъ*, 4) совершаемые въ домахъ — *куда - молянъ*, и наконецъ 5) на кладбищахъ — *атятъ-молянъ*, то-есть молебствіе предкамъ.

Мы опишемъ здѣсь велень-молянъ, общественное богослуженіе въ честь всѣхъ боговъ мордовскихъ, совершавшееся преимущественно въ лѣтнее время, по случаю общественныхъ бѣдствій, напримѣръ, моровой язвы и т. п.

Мы преимущественно пользуемся при этомъ доставленною намъ покойнымъ нижегородскимъ архіепископомъ Іаковомъ запиской священника села Сивухи, свѣдѣніями о бытѣ и преданіяхъ Мордвы, доставленными изъ разныхъ мѣстъ Императорскому Русскому Географическому Обществу, слѣдственнымъ дѣломъ о Кузькѣ-богѣ и нѣкоторыми другими слѣдственными дѣлами. Мнѣ самому однажды привелось производить формальное слѣдствіе о мордовскомъ общественномъ моленіи. Это

было въ 1848 году. Лѣтомъ этого года холера сильно свирѣпствовала въ Нижегородской губерніи. Паническій ужасъ распространился въ народѣ. Въ городахъ и селахъ совершались молебствія, крестные ходы. Приготовляясь къ смерти, и старые и молодые говѣли, исповѣдывались и причащались. Іюля 8-го, близъ села Сарлей, въ рощѣ деревни Сескина, почти все населеніе пріобщилось св. тайнъ, а вечеромъ въ тотъ же день человѣкъ пятьдесятъ изъ причастившихся совершили въ рощѣ мордовскій молянъ, принеся въ жертву теленка, пиво, яичницы и проч. Бурмистръ имѣнія графа Сенъ-При, которому принадлежатъ Сарлеи, захватилъ молельщиковъ и представилъ ихъ къ суду, называя суевѣрный поступокъ отступничествомъ отъ христіанской вѣры. Мордву посадили въ тюремный замокъ, и мнѣ было поручено произвесть объ нихъ формальное слѣдствіе. Арестованные были, разумѣется, отпущены и отданы на увѣщаніе духовному начальству.

„Велень-атятня“, то-есть мірскіе старшины всѣхъ деревень извѣстной волости, посовѣтовавшись между собой, отправляются въ числѣ пяти или шести человѣкъ къ прявту и стоятъ передъ домомъ его съ непокрытою головой. Извѣщенный объ ихъ приходѣ прявтъ велитъ отворить ворота настежь, а самъ становится середи двора у камня кардо-сярко. Подойдя къ прявту, старики трижды кланяются ему молча, а потомъ говорятъ, что надо-де справить „молянъ“, и чтобъ онъ назначилъ день и сдѣлалъ нужныя приготовленія. Прявтъ, назначивъ пятницу, ближайшую къ празднованію тому божеству, которому собираются молиться *), идетъ къ себѣ въ избу и становится у печки. Вынувъ изъ загнетки уголь, онъ вздуваетъ огонь и зажигаетъ хранящійся у него священный штатолъ (восковая свѣча), оставшійся отъ предыдущаго моляна. Прежде горящій штатолъ прявтъ ставилъ на шесткѣ печи, теперь же, по принятіи христіанства, зажигаетъ свѣчу передъ иконами. Старики повторяютъ свою просьбу, съ такими же поклонами, какъ и на дворѣ, и прявтъ, взявъ въ руку штатолъ, снова объявляетъ имъ, въ какую пятницу надо совершить предположенный молянъ.

Затѣмъ старики, по приглашенію прявта, садятся по лавкамъ вокругъ стола и разсуждаютъ, сколько надо собрать денегъ, хлѣба, меду и прочихъ припасовъ для совершенія богослуженія, и кому быть возатей. Уговорившись, избираютъ трехъ париндяитовъ, призываютъ ихъ, если они не въ числѣ пришедшихъ на совѣтъ, и приказываютъ начинать сборъ. Къ каждому париндяиту назначается по одному янбеду изъ бывшихъ на предыдущемъ молянѣ. Каждому париндяиту прявтъ даетъ по священной „паркѣ“ (кадкѣ) для сбора муки и меду, и каждому янбеду по жертвенному ножу. Послѣ того сборщики расходятся въ три

*) Теперь (1867) у крещеной Мордвы, все еще совершающей по мѣстамъ обряды старинной своей вѣры, моляны совершаются по воскресеньямъ. Такъ и молянъ, бывшій въ деревнѣ Сескинѣ въ 1848 году, совершенъ былъ въ воскресенье.

стороны, въ каждую париндянтъ съ янбедомъ. На другой же день начинается сборъ.

Обрядъ сбора на молянъ нужныхъ для жертвоприношеній припасовъ весьма замѣчателенъ. Этимъ обрядомъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть объяснено одно непонятное до сихъ поръ мѣсто Несторовой лѣтописи.

Въ деревнѣ, куда отправляется за сборомъ париндянтъ съ сопутствующимъ ему янбедомъ, уже заблаговременно знаютъ о днѣ, въ который они пріѣдутъ сбирать, и женщины еще наканунѣ дѣлаютъ къ тому приготовленія. Шьютъ три, четыре и болѣе холщевыхъ мѣшечка и къ нимъ пришиваютъ по двѣ длинныя тесемки, или веревочки. Въ одинъ мѣшокъ хозяйка насыпаетъ фунтъ, два или болѣе муки, смотря по тому, сколько предполагается молельщиковъ на предстоящемъ молянѣ, въ другой кладетъ бурачокъ съ медомъ, въ третій — нѣсколько гривенъ денегъ, въ четвертый — бурачокъ съ масломъ, въ пятый — бурачокъ съ яйцами и т. д. Потомъ накрываетъ столъ чистымъ рядномъ и раскладываетъ на немъ назначенные для сборщиковъ мѣшки и мѣшечки. Все это дѣлается однѣми женщинами: мужчины не должны даже видѣть этихъ приготовленій, для чего съ ранняго утра уходятъ на работу въ поле, въ овины, или же прячутся въ хлѣва, какъ скоро узнаютъ, что париндянтъ съ янбедомъ пріѣхали въ деревню.

Но вотъ сборщики пріѣхали. Они останавливаются съ возомъ у околицы. Бѣгающія по улицѣ дѣвочки спѣшатъ сказать матерямъ, что ожидаемые гости въ деревнѣ (мальчиковъ на улицѣ не бываетъ, они прячутся съ отцами; при матеряхъ могутъ оставаться только грудные и не умѣющіе еще ходить дѣти мужескаго пола). Выждавъ нѣсколько времени, сборщики отправляются изъ дома въ домъ. Янбедъ пять разъ тычетъ жертвеннымъ ножомъ въ ворота, оставляемыя незапертыми, и потомъ растворяетъ ихъ настежь. Потомъ париндянтъ съ янбедомъ идутъ прямо къ камню карко-сярко, въ который янбедъ тычетъ пять разъ жертвеннымъ ножомъ, а париндянтъ ставитъ на него священную парку дномъ вверхъ. Совершивъ этотъ обрядъ, оба идутъ въ сѣни, янбедъ тычетъ пять разъ жертвеннымъ ножомъ въ дверь избы и отворяетъ ее.

Когда янбедъ тычетъ ножомъ въ ворота, онъ читаетъ слѣдующую молитву: „Чамъ-Пасъ, Нишки-Пасъ, Свѣтъ-Верешки-Пасъ, Анге-Патяй-Пасъ, Матушка Пресвятая Богородица, помилуй Васяй (имя хозяина), помилуй Машкась (имя хозяйки)“. Тыча въ камень карко-сярко, говоритъ: „Чамъ-Пасъ, Назаромъ-Пасъ, Кардасъ-сярко-озаисъ, помилуй Васяй, помилуй Машкась“. Тыча въ дверь избы, обращается съ такою же мольбой къ Чамъ-Пасу, Волцы-Пасу и Юртова-озаису, то-есть домовому богу, или собственно богу избы. Обращенія къ тѣмъ или другимъ божествамъ, впрочемъ, измѣнялись, смотря по тому, по какому поводу совершался молянъ и какимъ божествамъ предположено было приносить на немъ жертву.

Когда янбедъ отворялъ избу, въ ней горѣлъ штатолъ на шесткѣ печи, передъ которою стоялъ столъ съ мѣшками и мѣшечками. Передъ нимъ становились замужнія женщины семьи, задомъ къ дверямъ; плечи и грудь у нихъ по поясъ были обнажены. Дѣвушки стояли подлѣ нихъ также задомъ къ двери, но не были обнажены. Надобно замѣтить, что мордовскія избы въ старину строились не совсѣмъ такъ, какъ русскія: печь ставилась въ переднемъ лѣвомъ углу, прямо противъ входа; такимъ образомъ мордовки, стоя передъ печкой, стояли задомъ къ двери *). Впослѣдствіи Мордва стала ставить печи по-русски, то-есть челомъ впередъ, къ окнамъ на улицу, а не къ двери. При такомъ расположеніи избы штатолъ ставился у крещеныхъ передъ образами, а у некрещеныхъ на столѣ, поставленномъ въ правомъ переднемъ углу.

Париндяитъ съ янбедомъ, войдя въ избу, останавливались у самой двери, одинъ—держа палку, другой—жертвенный ножъ, и громко читали молитву Чамъ-Пасу, Анге-Пàтяй и Юртова-ōзаису. Тогда старшая замужняя женщина брала обѣими руками за тесемки мѣшокъ съ мукой, закидывала его черезъ голову назадъ на голыя свои плечи и, не оглядываясь, ибо не должно было женщинамъ видѣть въ лицо сборщиковъ, пятилась задомъ къ дверямъ. Когда такимъ образомъ она подходила къ сборщикамъ, париндяитъ подставлялъ къ спинѣ ея священную парку, а янбедъ, взявъ въ одну руку мѣшокъ, другою рукой пять разъ слегка кололъ подошедшую въ обнаженныя плечи и спину, читая молитву, обращенную къ Анге-Пàтяй, а потомъ перерѣзывалъ тесемки; мѣшокъ падалъ въ парку, а концы тесемокъ оставались въ рукахъ женщины. Она отходила къ столу, не оглядываясь; за нею другая такимъ же образомъ подходила къ сборщикамъ съ другимъ мѣшкомъ, третья съ третьимъ, и т. д. Если же въ семьѣ была одна замужняя женщина, она одна относила къ сборщикамъ описаннымъ порядкомъ приготовленные мѣшки одинъ за другимъ. Дѣвушки оставались у стола, онѣ не могли трогать приготовленныхъ мѣшковъ. Принявъ назначенные для жертвоприношенія припасы, париндяитъ и янбедъ уходили, не затворяя ни дверей избы ни воротъ, складывали все полученное на возъ и отправлялись въ слѣдующій домъ. Какъ скоро они удалялись, женщины разводили на шесткѣ огонь, зажигая его горящимъ штатоломъ, и сожигали на немъ остатки тесемокъ. Пепелъ ихъ, вмѣстѣ съ углями, клали въ загнетку съ молитвой къ Юртова-ōзаису, которую произносила старшая въ домѣ.

У преподобнаго лѣтописца Нестора подъ 1071 годомъ читаемъ: „Бѣси бо подъ тоише на зло вводятъ, по семъ же насмисаются ввергъше й въ пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ бѣ-

*) Въ степныхъ мѣстахъ губерній Пензенской, Тамбовской и Рязанской не только у Мордвы обрусѣлой и необрусѣлой, но даже у русскихъ до сихъ поръ можно встрѣтить избы съ печью, устье которой обращено къ двери.

совьское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области, встаста два влъхва отъ Ярославля, глаголюща: „яко вѣ свѣвѣ кто обилье держить“; и поидоста по Вользѣ, кдѣ придуть въ погостѣ ту же нарицаху лучьшіѣ жены, глаголюща, яко си жита держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вынмаста либо жито, либо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнья ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро и бѣ у нее людій нѣ 300. Въ се же время приключися прити отъ Свѣтослава дань емлющу Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Вользѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ: „чья еста смерда?“ и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ, еже около ею суть, рече имъ: „выдайте влъхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя“. Они же сего не послушаша. Янъ же поиде самъ, безъ оружья, и рѣша ему отроци его: „не ходи безъ оружья, осоромять тя“, онъ же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отроковъ съ нимъ и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же ставши исполчишася противу, Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ десять мужъ, придоша къ Яневи рекуще ему: „вида идеши на смерть, не ходи“, оному повелѣши обити я, къ прочимъ же поиде“. Далѣе лѣтописецъ говоритъ, что Янъ спросилъ двухъ волхвовъ: „что ради погубиста столько человѣкъ?“ Она же рекшема: „яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ будетъ гобино, аще ли хощеши, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что“. Янъ же рече: „поистинѣ лжа то: створилъ Богъ человѣка на землѣ, ставленъ костьми и жилами отъ крове, нѣсть въ немъ ничего же; и не вѣсть ничто же, но токмо единъ Богъ вѣсть“. Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ како есть человѣкъ створенъ“. Онъ же рече: „како?“ Она же рекоста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отеръся ветъхомъ и верже съ небесе на землю; и распрѣся Сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка. И створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ не вложи; тѣмъ же аще умретъ человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу“ и т. д.

Волхвы, пришедшіе изъ Ярославля въ Ростовскую область и на Бѣлоозеро, принадлежали, конечно, къ финскому, или чудскому племени. Тамъ въ XI столѣтіи жили полуобрусѣлыя Меря и Весь, племена одного происхожденія съ Мордвой и, вѣроятно, имѣвшія одинаковые съ ней религіозные обряды. Несторовы волхвы о созданіи человѣка разсказываютъ такъ, какъ теперь разсказываетъ некрещеная Мордва въ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ. Ходятъ два волхва, къ Яну выступаютъ десять мужей, повидимому, ближайшихъ ихъ совѣтниковъ — всего двѣнадцать человѣкъ, число прислужниковъ мордовскихъ возатей. Мордовскій обрядъ обрѣзыванія тесемокъ на голыхъ женскихъ плечахъ, конечно, перешедшій изъ глубокой древности, не объясняетъ ли темное

мѣсто лѣтописца о вырѣзываніи волхвами у женщинъ изъ плечъ хлѣба и разныхъ съѣстныхъ припасовъ?

Собравъ нужное количество хлѣба, меда и пр., париндяиты съ янбедами привозили ихъ къ прявту. Тогда этотъ мордовскій старшина выдавалъ париндяитамъ священныя парки и приказывалъ имъ варить пиво изъ собраннаго хлѣба и дѣлать *пурѐ* — сыченое медомъ пиво, мореный медъ. Тогда же, назначивъ трехъ человѣкъ въ позанбунаведы, давалъ имъ собранныя деньги, на которыя они покупали для принесенія въ жертву быка, или овцу, или гусей и пр., смотря по тому, по какому случаю назначался волостной молянъ и какому божеству хотѣли молиться. Животное, назначенное для принесенія въ жертву, непремѣнно должно быть одношерстное; если позанбунаведы не находили такого въ своей волости, отправлялись въ другую, въ третью и далѣе, пока не отыскивали.

Избраніе позанбунаведовъ обыкновенно бывало за три дня до жертвоприношенія. За два дня избирались новые янбеды, которымъ прявтъ выдавалъ священные ножи для рѣзанія свареннаго мяса; большею же частью янбеды оставались прежніе. Наканунѣ дня, назначеннаго для принесенія жертвы, избирались кашангороды, которымъ прявтъ раздавалъ священные ковши и рычаги. Тогда же были избираемы и туросторы. Возатя обыкновенно сохранялъ свою должность въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду; онъ долженъ былъ хорошо знать обряды и читать наизусть, безъ ошибокъ, установленныя молитвы. Нѣкоторые изъ возатей, по увѣренію Мордвы, даже пророчествовали во время совершенія общественныхъ моляновъ. Возатя во все время приготовленій къ моляну не появлялся на улицѣ, а въ ночь передъ жертвоприношеніемъ тихонько пробирался въ кереметь и тамъ взлѣзалъ на священное дерево и скрывался въ его вѣтвяхъ.

Въ день моляна париндяиты разставляли передъ священнымъ дубомъ или липой парки и наливали ихъ пурѐ и пивомъ. Два или три боченка пурѐ перваго сусла ставили подъ священнымъ деревомъ по сторонамъ опрокинутой вверхъ дномъ кадки, или инымъ образомъ сдѣланнаго возвышенія, на которое впослѣдствіи, при совершеніи обряда, становился возàтя. Париндяиты раскладывали по землѣ печеный хлѣбъ, соль, а иногда и медъ въ сотахъ или топленый. Кашангороды стряпали на печныхъ заслонахъ „мірскія яичницы“ и вѣшали ихъ на рычагахъ, прикрѣпленныхъ къ вѣтвямъ деревьевъ. Народъ собирался къ мольбищу: мужчины отдѣльно, женщины отдѣльно, дѣвушки также отдѣльно. Прявтъ первый входилъ въ кереметь и становился передъ парками, за нимъ входилъ народъ: мужчины становились на правой сторонѣ, женщины на лѣвой, за ними дѣвушки. Женщины приносили съ собой на сковородахъ домашнія яичницы и пироги съ пшенною кашей (бибйчки); ихъ принимали кашангороды и также развѣшивали на рычагахъ. Всѣ становились, обратясь лицомъ на западъ.

Позанбунаведы черезъ восточныя ворота вводили назначенное для жертвоприношенія животное и привязывали его къ одному изъ трехъ столбовъ *(теръ-жигатъ)*, находящихся у этихъ воротъ: быка привязывали къ одному столбу, овцу къ другому и т. д. Потомъ животное проводили съ одного конца керемети на другой и привязывали къ одному изъ столбовъ *юба*. Позанбунаведы здѣсь закалали его, спускали кровь въ землю подъ камень, снимали шкуру и, отнеся на восточную сторону, развѣшивали ее на теръ-жигатяхъ. Въ то время, какъ рѣзали животное, янбеды приносили сѣверными воротами въ священныхъ паркахъ воду, наливали ее въ пивной котелъ, подвѣшенный подъ сарайчикомъ въ поварнѣ *(хорай-жигать)*, и разводили подъ нимъ огонь, зажигая дрова священными штатолами. Тогда же туросторы, по приказанію прявта, прилѣпляли горящіе штатолы къ заднимъ сторонамъ парекъ, стоящихъ передъ священнымъ деревомъ. Очиствъ животное, вынувъ изъ него требуху и зарывъ ее въ яму подъ камень, позанбунаведы клали мясо въ котелъ, гдѣ уже кипѣла вода, приготовленная янбедами *).

Въ это время изъ вѣтвей священнаго дерева раздавался громкій голосъ возати: „*сакмеде!*", т.-е. „молчите". Всѣ скидали шапки, умолкали, и возатя громко произносилъ: „Пурѐ пре за мàрта, пайгуре за мàрта, àндря за мàрта, шѐпете за мàрта, великое за мàрта, пащинъ коди" **)! Терюхане и эрдзяды до того обрусѣли и забыли древній языкъ свой, что они не знаютъ вполнѣ значенья этихъ словъ, да и сами возати ихъ не понимаютъ. Громко произнося эти слова, возатя приказываетъ собравшимся молельщикамъ кланяться ниже. Всѣ низко кланяются много разъ, каждый приговаривая: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ; Вòлцы-Пасъ, Назàромъ-Пасъ, помилуй насъ; Нѝшки-пасъ, Свѣтъ-Верешкѝ-Вѐленъ-Пасъ, сохрани насъ; Анге-Пàтяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ!" Поклоны съ произнесеніемъ этой молитвы продолжались по получасу и болѣе. Молитва произносилась вполголоса, но если число молельщиковъ было значительно, отъ множества голосовъ бывалъ сильный шумъ.

Спрятавшійся возатя снова кричитъ „сакмеде", всѣ замолкаютъ и перестаютъ кланяться. Возатя читаетъ другую, тоже непонятную для него самого молитву, начинающуюся словами: „чувàлъ-пузадò, иля-му задò, чясте, вясте!", и приказываетъ молиться на колѣняхъ. Всѣ становятся на колѣни, поднимаютъ руки кверху, смотрятъ на небо и въ одинъ голосъ взываютъ: „Чамъ-Пасъ, Назàромъ-Пасъ, помилуй насъ; Нѝшки-Пасъ, Свѣтъ-Верешкѝ-Вѐленъ-Пасъ, сохрани насъ; Вòлцы-Пасъ, защити насъ; Анге-Пàтяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ!" Имена божествъ произносятъ протяжно, а слова: „помилуй

---

*) При большихъ моляхахъ, когда приносили въ жертву не по одному быку или барану, варили мясо въ нѣсколькихъ котлахъ. Мясо двухъ животныхъ въ одномъ котлѣ варить не позволялось.

**) *За мàрта*—усердно молитесь. *Пащинъ коди*—кланяйтесь ниже.

насъ, сохрани насъ, защити насъ, умоли за насъ“ скоро и отрывисто. Нѣсколько разъ повторяютъ эту молитву; въ продолженіе ея возатя слѣзаетъ съ дерева и становится на приготовленное для него возвышеніе у парекъ. По одну сторону этого возвышенія (обыкновенно столъ или опрокинутая вверхъ дномъ кадка) поставленъ боченокъ съ пурѐ, это такъ-называемая *государева бочка*, то-есть жертва, приносимая за благоденствіе государя. По другую сторону боченокъ съ сусломъ, это—*мірская бочка*, приносимая въ жертву за всѣхъ людей. Нерѣдко ставили и третій боченокъ съ пивомъ, приносимый въ жертву за начальство.

Взойдя на возвышеніе, возатя машетъ во всѣ стороны руками и кричитъ: „сакмеде!“. Колѣнопреклоненные молельщики перестаютъ возглашать молитвы и, ставъ на ноги, смотрятъ на возатю, а онъ, съ открытою головой, воздѣвъ руки къ небу и обратясь на западъ, мысленно читаетъ про себя ту же молитву, которую передъ тѣмъ пѣли молельщики. Послѣ того совершается жертвоприношеніе, по-мордовски *вознàпаломъ*.

Возатя, сойдя съ своего возвышенія, беретъ священный ковшъ изъ рукъ прявта и, положивъ въ него хлѣба и соли, подходитъ къ котлу, гдѣ варилось мясо. Взявъ у одного изъ янбедовъ жертвенный ножъ, онъ отрѣзываетъ кусокъ мяса и, кромѣ того, непремѣнно языкъ животнаго, и кладетъ въ тотъ же ковшъ. Затѣмъ, стоя подлѣ хорай-жигати (поварня), на возвышеніи, поднимаетъ ковшъ къ небу и кричитъ: „Чамъ-Пасъ, гляди, бери! Пазàромъ-Пасъ, гляди, бери!“ и т. д., пересчитывая божества одно за другимъ и къ имени каждаго прибавляя: „гляди, бери!“. Во время этого всѣ предстоящіе, обратясь къ востоку, гдѣ стоялъ возатя, стоятъ молча, поднявъ руки къ небу. Кончивъ возношеніе жертвы, возатя все, что̀ было у него въ ковшѣ, бросаетъ въ огонь. При этомъ всѣ молельщики становятся на колѣни, обратясь къ огню въ хорай-жигати, и долго, пока не сгоритъ жертвенное, молятся, то поднимая руки къ небу, то опуская ихъ внизъ и призывая Чамъ-Паса и другихъ боговъ. Возатя съ янбедами стоитъ между тѣмъ у огня, наблюдая, какъ горятъ мясо, хлѣбъ и соль, туда брошенные. Когда все сгорѣло, онъ взлѣзаетъ опять на возвышеніе у священнаго дерева и три раза кричитъ на три стороны: „сакмеде!“. Все умолкаетъ. Начинается вторая часть жертвоприношенія.

Возатя, съ четырьмя стариками изъ народа, беретъ „государеву бочку“, то-есть пятиведерный боченокъ, налитый пурѐ, а нѣсколько человѣкъ, принеся большую дверь (обыкновенно воротное полотно), ставятъ на нее боченокъ; возатя прилѣпляетъ къ нему горящіе штатолы и зажигаетъ ихъ отъ жертвеннаго огня. Приходятъ одинъ, два, а иногда и болѣе, *дудника* съ дудами (мордовскій инструментъ въ родѣ волынки), становятся на колѣни на воротное полотно подлѣ „государевой бочки“ и играютъ, а молельщики, обратясь на западъ, стоя на колѣ-

пяхъ и воздѣвая руки къ небу, поютъ подъ акомпанементъ дудниковъ: „Господь Богъ Савагооъ, Господь Богъ Савагооъ, Господь Богъ Савагооъ, Анге-Пâтяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, помогай бѣлому русскому царю!" Нѣсколько человѣкъ въ это время, взявъ воротное полотно, то поднимаютъ его съ боченкомъ и дудниками кверху, то опускаютъ на землю, то ставятъ себѣ на головы. Затѣмъ возатя возглашаетъ: „сакмеде!", все умолкаетъ, и онъ читаетъ молитву: „Чамъ-Пасъ, Нишки-Пасъ, Свѣтъ-Верешкй-Пасъ, спасай бѣлаго чаря". Послѣ того всѣ становятся на колѣни, дудники снова начинаютъ играть, а молельщики пѣть молитву, провозглашенную возатей. По окончаніи этого обряда ставятъ на воротное полотно другой боченокъ, приносимый въ жертву за начальниковъ, съ тѣми же обрядами и молитвами, какіе совершаемы были надъ „государевой бочкой". Наконецъ ставятъ третій боченокъ съ пивомъ, приносимый за весь народъ, и обрядъ повторяется еще разъ.

Послѣ принесенія каждаго боченка, возатя, принявъ священный ковшъ отъ прявта, черпаетъ пурè, отойдя къ жертвенному огню, становится на кадку и, поднимая ковшъ вверхъ, кричитъ: „Чамъ-Пасъ! гляди, бери" и т. д., прибавляя въ концѣ: „помогай бѣлому чарю, помилуй бѣлаго чаря, хорони (то-есть сохрани) бѣлаго чаря!" Затѣмъ выливаетъ пурè на огонь, а народъ, обратясь на востокъ, стоя на колѣняхъ и поднявъ глаза и руки къ небу, поетъ молитву, произнесенную возатей. Съ такимъ же обрядомъ приносилось въ жертву пиво изъ второго и третьяго боченковъ.

Послѣ того „государеву бочку" ставятъ на дверь, положенную на землѣ. Возатя приказываетъ всѣмъ кланяться въ землю, а прявтъ, подойдя съ священнымъ ковшомъ къ боченку и нацѣдивъ пива, пьетъ, говоря: „Чамъ-Пасъ, Нишки-Пасъ, Свѣтъ-Верешкй-Пасъ, помогай бѣлому чарю—былъ здоровъ". Въ это время кашангороды раздаютъ священные ковши мужчинамъ, которые одинъ за другимъ подходятъ къ боченкамъ и пьютъ пурè, обращаясь къ богамъ съ молитвой о государѣ, какъ и прявтъ. Затѣмъ разливаютъ пиво и пурè по паркамъ, кадкамъ, буракамъ и въ нихъ разносятъ по домамъ. Когда пурè и пиво разобраны, одинъ изъ париндянтовъ становится съ ковшомъ на дверь, стоящіе подлѣ поднимаютъ ее, а париндянтъ, держа въ правой рукѣ длинный еловый колъ, а въ лѣвой ковшъ, кричитъ: „дуръ-дуръ-дуръ, паре Мâстыръ-Пасъ", то-есть: „вотъ, вотъ, вотъ ковшъ Мâстыръ-Паса" (бога, сидящаго внутри земли и дающаго землѣ силу плодородія), и затѣмъ, набравъ полонъ ротъ пурè, брызгаетъ имъ въ народъ на три стороны. Это дѣлалось для того, чтобы былъ хорошій урожай хлѣба. Послѣ опрыскиванія париндянтомъ молельщиковъ, самъ возатя взлѣзаетъ на дерево, ему подаютъ ковшъ пурè и еловый колъ, и съ ними онъ прячется въ древесныхъ вѣтвяхъ. Оттуда кричитъ: „сакмеде!" и, когда все стихнетъ, громко произноситъ: „Чамъ-Пасъ, Нишки-Пасъ, Свѣтъ-Верешкй-Вѣ-

ленъ-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Пàтяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, пошли на хлѣбъ нашъ бѣлую зарницу и теплую росу, Мàстыръ-Пасъ, ѣсть хотимъ, Ведъ-Мàстыръ-Пасъ, пить хотимъ, Наррòва-Анарỳчи, уроди хлѣба, Мàстыръ-Пасъ, Корминецъ-Пасъ, корми насъ, Ведъ-Мàстыръ-Пасъ, давай дождя, Нѝшки-Пасъ, свѣти на нашъ хлѣбъ, Вѐрги-Мучкѝ-Мельказò, давай ведра, Вàрма-Пасъ, давай тихіе вѣтра, Тастъ-öзаисъ, береги нашъ хлѣбъ, Суавтума-öзаисъ, уроди много хлѣба, Мàстыръ-Пасъ, уроди хлѣба, овесъ, гречу, пшено. Дуръ - дуръ - дуръ, паре Мàстыръ-Пасъ!“ — и при этихъ словахъ, набравъ въ ротъ пурè, брызгаетъ имъ во всѣ стороны. Наконецъ возатя наливаетъ по ковшу изъ каждой бочки, становится у священнаго дерева на землѣ, прилѣпляетъ къ нему горящій штатолъ, кричитъ: „сакмеде!“, приказываетъ всѣмъ кланяться священному дереву, а самъ, обращаясь къ нему, провозглашаетъ молитву: „Чамъ-Пасъ, Нѝшки-Пасъ, Свѣтъ-Верешкѝ-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Пàтяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ, Тумо-öзаисъ, помилуй насъ, Вечки-Кёзъ-Кёльдигò, дай много дровъ, Пекше-öзаисъ, дай намъ много лаптей и много мочалы, Пиче-öзаисъ, дай намъ избы, Шоть-рань-öзаисъ, дай намъ бревенъ на избы, Керень-öзаисъ, дай намъ лубьевъ“. Послѣ этой молитвы возатя выливаетъ весь первый ковшъ на корни священнаго дерева, а изъ остальныхъ льетъ на корни другихъ деревьевъ, растущихъ въ керемети, стараясь, чтобы на всякой породы дерево непремѣнно было полито хотя нѣсколько жертвеннаго пива. Пока возатя поливаетъ деревья, ходя по рощѣ въ сопровожденіи кашангородовъ, носящихъ за нимъ ковши, народъ, стоя на колѣняхъ, поетъ сказанную возатей молитву лѣснымъ божествамъ.

Между тѣмъ жертвенное мясо сварилось. Позанбунаведы вынули его изъ котла и положили на огромныя деревянныя блюда (блюдà могучія), съ которыми стояли передъ хорай-жигать (поварней) янбеды. Принявъ мясо, они отнесли его къ южнымъ воротамъ керемети и положили на находившійся тамъ столъ, устроенный въ видѣ баннаго полка *(хума)*, и разрѣзали его жертвенными ножами на столько кусковъ, сколько людей находилось на молянѣ. *Вологу*—такъ называла Мордва жертвенное мясо—янбеды раздавали подходившему къ хумѣ народу, сначала прявту, потомъ старикамъ и старшинамъ. Къ котлу, въ которомъ оставался наваръ (по-мордовски щурья), подходятъ между тѣмъ кашангороды, черпаютъ священными ковшами и разносятъ щурью молельщикамъ по старшинству. Одинъ ковшъ подаютъ на священное дерево все еще сидящему тамъ возати, и онъ, громко прокричавъ; „сакмеде!“ и приказавъ всѣмъ стать на колѣни, громко произноситъ: „Чамъ-Пасъ, Вòлцы-Пасъ, помилуй насъ, Кёляда-öзаисъ, Ревъ-öзаисъ, береги нашъ скотъ, Таунь-öзаисъ, помилуй свиней, Ангаръ-öзаисъ, Лишмань-öзаисъ, помилуй лошадей, Вòлцы-Пасъ, дай много телятъ, ягнятъ, жеребятъ, поросятъ. Дуръ-дуръ-дуръ, паре Вòлцы-Пасъ“—и съ этими словами,

набравъ въ ротъ щурьи, прыскаетъ ею во всѣ стороны, между тѣмъ какъ молельщики, кланяясь въ землю и воздѣвая руки къ небу, протяжно поютъ произнесенную имъ молитву. Дудники подыгрываютъ на своихъ дудахъ.

Послѣ того обыкновенно слѣдовало приношеніе въ жертву висѣвшихъ на рычагахъ яичницъ и пироговъ съ кашей (бибійчки) *). Яичницы дѣлались такъ-называемыя выпускныя, или глазуньи, въ каждомъ домѣ изъ столькихъ яицъ, сколько людей было въ семействѣ. Онѣ приносились на сковородахъ, а сковороды лычными веревками привязывались къ священнымъ рычагамъ, укрѣпленнымъ въ вѣтвяхъ священнаго дерева. Кромѣ того, на самомъ мольбищѣ дѣлались большія яичницы изъ яицъ, собранныхъ парицдяитами и янбедами при обходѣ волости предъ моляномъ. Большія, или мірскія яичницы дѣлались на печныхъ заслонахъ: ихъ бывало не менѣе четырехъ. Онѣ приготовлялись на поварнѣ мольбища (хорай-жигать) позанбунаведами, которые потомъ отдавали ихъ кашангородамъ, а эти вѣшали заслоны на рычаги. Пироги и яичницы, принесенные изъ домовъ, если недоставало имъ мѣста на священномъ деревѣ, были развѣшиваемы на близъ стоявшихъ деревьяхъ. Возатя, взявъ въ руки заслонъ съ мірскою яичницей и положивъ на него пирогъ съ кашей, взлѣзалъ, подъ священнымъ деревомъ, на кадку, поставленную вверхъ дномъ, и кричалъ: „сакмеде!", а потомъ, приказавъ всему народу кланяться, произносилъ молитву, поднявъ яичницу и пирогъ надъ головой: „Чамъ-Пасъ, Нишки-Пасъ, Свѣтъ-Верешкй-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Пàтяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ, Анге-öзаисъ, помилуй дѣтей нашихъ, Анге-Пàтяй-Пасъ, дай намъ больше дѣтей, хорони (сохрани) куръ, гусей, утокъ, Анге-Пàтяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, Нишкиндè-Тевтярь, дай намъ много пчелъ". Проговоря эту молитву, возатя слѣзалъ съ дерева и, взявъ отъ мірской яичницы кусокъ, подходилъ къ хорай-жигати (поварнѣ), становился возлѣ нея на кадку, приказывая народу стать на колѣни, и, поднимая яичницу кверху, говорилъ: „Чамъ-Пасъ, гляди, бери, Анге-Пàтяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, гляди, бери, Анге-öзаисъ, гляди, бери", и съ этими словами бросалъ яичницу въ огонь, а народъ оставался на колѣняхъ и, кланяясь въ землю на востокъ, къ жертвен-

*) Прежде вѣшали на рычаги и кашу, сваренную въ горшкахъ, какъ видно изъ мордовской пѣсни, приведенной въ первой статьѣ этихъ очерковъ:

Стоятъ у нихъ въ кругу бадьи могучія (парки),
Съ сусломъ сладкимъ бадьи могучія,
Въ рукахъ держатъ ковши завѣтные,
Завѣтные ковши больши-набольшіе,
Хлѣбъ да соль на землѣ стоятъ,
Каша да яичница на рычагахъ висятъ,
Вода въ чанахъ кипитъ,
Въ ней говядину янбедъ варитъ.

ному огню, пѣлъ молитву яичницы, сказанную на деревѣ возатей. Дудники подыгрывали на дудахъ.

Яичницы и пироги раздавались всѣмъ присутствовавшимъ на молянѣ; женщины, съѣвъ часть ихъ, остальное уносили домой для маленькихъ дѣтей.

Послѣ того всѣ молельщики садятся на землю, ѣдятъ мясо, щурью, хлѣбъ, пироги съ пшенною кашей (бибѝчки), пьютъ пурѐ, пиво, сусло.

Когда всѣ усядутся, дѣвки, которымъ до сихъ поръ ничего не давали ни пить ни ѣсть, начинаютъ просить протяжнымъ, плаксивымъ голосомъ: „А, прявтъ староста, пить хотимъ, а старостиха, ѣсть хотимъ!" Тогда имъ даютъ пива, мяса, щурьи, бибѝчекъ и яичницы. Когда дѣвки поѣдятъ, одинъ изъ туросторовъ, по приказанію возати, становится на возвышенномъ мѣстѣ, то-есть на пень или опрокинутую кадку, и кричитъ: „сакмеде". Обѣдающіе умолкаютъ, и турасторъ приказываетъ дѣвкамъ: „Тявтерь мурадо, пойте, дѣвки, позморо̀" *). Изъ дѣвокъ для пѣнія жертвенной пѣсни *позморо̀* выбирались владѣющія громкими, сильными голосами; онѣ выходили на середину мольбища по призыву туростора. Затѣмъ онъ кричалъ: „пула̀ма!" (то-есть пузырь); на этотъ зовъ являлись дудники, и пѣніе *позморо̀* начиналось.

Позморо̀—длинная пѣсня на старинномъ мордовскомъ языкѣ, котораго эрдзяды и терюхане уже не понимаютъ. Эта пѣсня переходитъ изъ одного поколѣнія женщинъ въ другое, и онѣ поютъ, не понимая ни слова. Никто изъ Мордвы, къ кому я ни обращался, не могъ перевести мнѣ всей позморо̀. Начинается она обращеніемъ къ богамъ. Въ концѣ ея замѣчательно перечисленіе боговъ, съ относящимися къ каждому изъ нихъ днями недѣли:

А пятница Пасъ-Вѐленъ-Пасъ,
Недѣля Во̀лцы-Пасъ-укони,
Середа Чамъ-Пасъ,
Уторникъ Ведъ-Пасъ **),
Четвергъ Нѝшки-Пасъ,
Суббота Ма̀стыръ-Пасъ,
Понедѣльникъ Вамъ-Пасъ, то и кэ.

Послѣ позморо̀ дѣвки пѣли по-русски, а дудники имъ подыгрывали:

Париндяпты, пить хотимъ,
А и староста чулкони,
Ай, староста, ѣсть хотимъ.
Тявтерь мурадонъ ***).

*) *Тявтерь*—дѣвки, *мурадо* пойте, отъ глагола *муроми*, пѣть. Туросторъ всегда кричалъ это приказаніе съ русскимъ переводомъ. *Позморо̀*—жертвенная священная пѣсня.

**) Ведъ-Пасъ, сокращенное названіе Ведъ-Ма̀стыръ-Паса, богъ воды, а Вамъ-Пасъ, сокращенное Ва̀рма-Пасъ, богъ воздуха и вѣтра.

***) То-есть дѣвки спѣли.

Тутъ туросторъ кричалъ: „пула̀ма мукѝть! тявтѐрь кудамо̀!“, то-есть: „пузырь *), молчать, дѣвки, молчать!“ Послѣ того онъ просилъ у сидѣвшихъ за трапезой распорядителей дать пить и ѣсть пѣвицамъ. Поѣвши, дѣвушки опять, по приказанію туростора, начинали пѣть позморо̀, опять ѣли, опять пили, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ всего, за исключеніемъ небольшого количества пива, мяса и яичницы, относимыхъ домой.

Оставшіеся отъ принесеннаго въ жертву животнаго рога̀, кости, копыта и пр. иногда сожигались на жертвенномъ огнѣ по окончаніи пира, иногда же зарывались въ землю на кереметн. Со временемъ рога̀ и копыта Мордва стала продавать вмѣстѣ съ кожей, а на вырученныя деньги покупать соль и другіе припасы къ слѣдующему моляну.

Возатя и его помощники, а также и позанбунаведы принимали участіе въ жертвенномъ пирѣ. Кромѣ того, возати съ его товарищами давалось съ каждаго дома по пирогу съ пшенною кашей. Эти пироги они дѣлили поровну.

По окончаніи молебствія, парки, ковши, жертвенные ножи и прочія принадлежности мольбища относились къ прявту для храненія, равно какъ и огарки штатоловъ, бывшихъ у „государевой бочки“. Огарки остальныхъ штатоловъ разбирали домохозяева.

VI.

Богиня Анге-Патяй, праздники и моляны въ честь ея.

Большіе общественные, или такъ-называемые волостные моляны (вель-молянъ) совершаемы были Мордвой не часто, не болѣе пяти разъ въ году. Ихъ совершали въ честь главнѣйшихъ божествъ: Анге-Па̀тяй, ея четырехъ сыновей: Нѝшки-Паса, Свѣтъ-Верешкѝ-Вѐленъ-Паса, Во̀лцы-Паса и Наза̀ромъ-Паса, и четырехъ ея дочерей (сестрениць Па̀тяй). Въ однихъ мѣстахъ Мордва совершала волостные моляны въ честь названныхъ божествъ, а въ другихъ въ честь иныхъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, близкихъ къ Волгѣ, Сурѣ и другимъ большимъ рѣкамъ, гдѣ жители занимались отчасти и рыболовствомъ, совершаемы были большіе моляны Ведъ-Ма̀стыръ-Пасу, водяному Богу, и т. п. Одной только богинѣ Анге-Па̀тяй велень-моляны совершались повсемѣстно. Кромѣ того, почти вездѣ Мордва справляла „брачины“ (отъ русскаго братчины), начинавшіяся съ Покрова и продолжавшіяся до Казанской. Самому верховному богу Чамъ-Пасу особыхъ праздниковъ нигдѣ не бывало, но при всѣхъ моленіяхъ имя его поминалось первымъ, и ему, какъ міродержателю и творцу самихъ боговъ, молились прежде всѣхъ.

Моленіе Анге-Патяй, а съ нею и четыремъ дочерямъ ея, совершалось

*) Мордовская дуда дѣлается изъ бычачьяго пузыря.

два раза въ году: общественное, волостное, начинавшееся въ день Семика и оканчивавшееся черезъ недѣлю, и домашнее, въ день Рождества Христова и въ продолженіе святокъ. Анге-Патяй, по понятіямъ Мордвы, единственное божество, созданное самимъ Чамъ-Пасомъ и произведшее всѣхъ прочихъ боговъ и богинь. Она представлялась вѣчно-юною дѣвой *), полною силы, красоты и жизни и во всемъ мірѣ поддерживающею жизнь. То она представлялась чистою дѣвой, покровительницей дѣвицъ и цѣломудрія, то матерью боговъ, покровительницей женщинъ, помощницей при родахъ, охраняющею жизнь и здоровье родильницъ и новорожденныхъ дѣтей, покровительницей брака. Отсюда два праздника въ честь ея: одинъ дѣвѣ Анге-Патяй, совершаемый лѣтомъ, въ поляхъ или рощахъ подлѣ рѣчки или источника, сначала дѣвушками, а потомъ вдовами; другой—зимній, совершаемый въ домахъ сначала дѣтьми, любимцами Анге-Патяй, а потомъ замужними женщинами и повивальными бабушками. Въ году, въ честь Анге-Патяй, совершалось вообще восемь праздниковъ: 1) въ четвергъ, въ день русскаго Семика, праздникъ, совершаемый дѣвушками частью въ деревнѣ, частью у воды. Это „кёлу-молянъ“, моленіе березѣ, или, точнѣе сказать, божеству, покровительствующему березѣ, Кёль-öзаису; 2) въ пятницу, на другой день Семика, большой мірской или волостной молянъ въ честь богини Анге-Патяй и Кёль-öзаиса. Онъ назывался „тевтярь-молянъ“ (дѣвичій праздникъ), такъ какъ въ немъ главную роль играли дѣвушки; 3) въ четвергъ послѣ Троицына дня совершалось моленіе въ честь богини Анге-Патяй вдовами, надъ которыми главною бывала повивальная бабушка. Это моленіе называлось „бабанъ-молянъ“, то-есть старушечій праздникъ, или, точнѣе сказать, вдовій; 4) наканунѣ Рождества Христова совершалось дѣтьми обоего пола празднованіе богинѣ Анге-Патяй и Кёляда-öзаису, охраняющему домашній скотъ; 5) въ самое Рождество Христово совершали домашній молянъ богинѣ Анге-Патяй и сыну ея Нишки-Пасу, при чемъ происходило приглашеніе всѣхъ боговъ къ себѣ въ гости на праздникъ; 6) на другой день Рождества Христова общественный, мірской молянъ, совершаемый замужними женщинами въ домѣ повивальной бабушки; 7) зимніе праздники въ честь богини Анге-Патяй заключались празднествомъ дѣтей обоего пола ей и богу свиней Тауньсяй, наканунѣ Новаго года, и 8) домашнимъ моляномъ богинѣ Анге-Патяй и богу свиней въ самый день Новаго года.

По понятіямъ Мордвы, Анге-Патяй живетъ и на небѣ и на землѣ. У

*) При обращеніи въ христіанство другихъ инородцевъ финскаго племени для проповѣдниковъ истинной вѣры догматъ о безсѣменномъ зачатіи Сына Божія нерѣдко представлялъ камень преткновенія. Мордва усвоила его легко, ибо и ихъ богиня Анге-Патяй представлялась также дѣвою и съ тѣмъ вмѣстѣ матерью боговъ. Равнымъ образомъ ученіе о смерти Спасителя, воскресеніи и вознесеніи на небо Мордва приняла легко, ибо и у нихъ было вѣрованіе въ Нишки-Паса, сына Божія, убитаго людьми, но потомъ воскресшаго и вознесшагося на небо.

нея вверху, за тучами, есть свой домъ, наполненный сѣменами растеній, зародышами разныхъ животныхъ, какъ домашнихъ, такъ и дикихъ, и душами еще не родившихся людей. Изъ этого дома она разливаетъ на землю жизнь, сходящую то въ росѣ, то въ дождѣ, то въ снѣгѣ, то въ зарницѣ. Зарница особенно плодотворна: опускаясь на землю, она проникаетъ въ самое жилище Мастыръ-Паса и даетъ ему силу земной производительности. Въ Симбирской губерніи Мордва звала ее *Зарязаисъ* и почитала любимѣйшею внучкой Анге-Патяй и главнѣйшею ея помощницей. Въ своемъ небесномъ домѣ Анге-Патяй молода и прекрасна собой, когда же сходитъ на землю, дѣлается старухой, но чрезвычайно сильною. Здѣсь она какъ желѣзная—ступитъ на землю, земля подгибается, ступитъ на камень, на камнѣ остается слѣдъ ноги. Иногда видали богиню на землѣ, то въ видѣ большой птицы съ длиннымъ золотымъ хвостомъ, у которой изъ золотого клюва сыпались по полямъ и лугамъ зерна, то въ видѣ бѣлоснѣжной голубки, которая съ высоты кидала цвѣты пчеламъ для собиранія меда и хлѣбныя крохи своимъ любезнымъ курамъ. Но чаще всего люди видятъ одну тѣнь благодѣтельной богини, когда она навѣщаетъ нивы. Случается, что въ ясный лѣтній день, около полудня, вдругъ пронесется по полю легкая тѣнь отъ едва замѣтнаго облачка, заслонившаго солнце. Это, по мнѣнію Мордвы, тѣнь Анге-Патяй, которая невидимо для людей ходитъ по землѣ, оплодотворяя ее и лелѣя любимыя ею животныя и растенія. Приставляя къ каждому младенцу особаго духа-хранителя (Анге-ōзаисъ), Анге-Патяй сама часто навѣщаетъ дѣтей во снѣ и ласкаетъ ихъ. Если спящій ребенокъ улыбается — значитъ, добрая богиня ласкаетъ его. На землѣ Анге-Патяй надзираетъ, трудолюбивы ли женщины, и въ особенности каково онѣ прядутъ. Анге-Патяй сама пряха. На небѣ она прядетъ на серебряномъ гребнѣ золотымъ веретеномъ пряжу. Поэтому въ дни празднованія ей, то-есть въ недѣлю отъ Рождества Христова до Новаго года и отъ Семика до слѣдующаго четверга, мордовки не прядутъ, считая то за великій грѣхъ и думая, что льняная одежда, на которую будетъ употреблена выпряденная въ эти дни пряжа, принесетъ много бѣдъ человѣку, который будетъ носить ее. Летающія въ ясные дни по осени пряди паутины считаются пряжей матери боговъ. Она посылаетъ на землю своихъ прислужницъ съ зародышами животныхъ и съ душами людей, и сама присутствуетъ невидимо при рожденіи дѣтей.

Изъ домашнихъ животныхъ особенно любимы богиней Анге-Патяй куры за свою плодовитость; поэтому ей и приносятъ въ жертву куръ и яйца. Куриныя яйца, снесенныя въ Семикъ, то-есть въ праздникъ богини Анге-Патяй, на другой день красили въ луковыхъ перьяхъ, отчего они выходятъ желтовато-красными. Эти яйца зовутся золотыми; ихъ берегли и во время пожара кидали въ огонь для укрощенія пламени и перемѣны вѣтра, клали въ лѣсу на деревьяхъ, гдѣ устраивали борти, чтобы пчелы лучше роились, и, изрубивъ, кормили ими съ

молитвой къ Анге-Патяй молодыхъ цыплятъ, чтобы, выросши, они несли больше яицъ. Эти же яйца ѣли женщины, которыя не рожали, или у которыхъ дѣти умирали въ младенчествѣ. Во время скотскихъ падежей и болѣзней домашняго скота, особенно же овецъ, изрубивъ эти яйца, раскидывали въ хлѣвахъ, а скорлупой вмѣстѣ съ луковыми перьями окуривали скотину. Мордва разсказываетъ, что при началѣ міра Анге-Патяй сказала всѣмъ животнымъ и женщинамъ, чтобъ онѣ каждый день приносили плодъ. Всѣ отказались, говоря, что это очень тяжело и мучительно; одна курица согласилась исполнить желаніе богини и за то сдѣлалась любимымъ ея животнымъ. Кромѣ курицы, была еще одна птица, которая согласилась исполнить желаніе богини и сдѣлалась-было также ея любимицей, но потомъ возроптала на тяготу ежедневнаго дѣторожденія. Это была кукушка, которая также предназначалась быть домашнею птицей. Анге-Патяй разгнѣвалась на нее, выгнала ее изъ человѣческаго жилья въ лѣсъ и не позволила вить своего гнѣзда, а велѣла класть яйца въ чужія гнѣзда. Въ знакъ же неисполненнаго ею обѣщанія, сдѣлала ее рябою и самыя яйца ея рябыми. Съ тѣхъ поръ кукушка жалобно кукуетъ по лѣсамъ, тоскуетъ о человѣческомъ жильѣ, гдѣ ей было такъ привольно жить.

Посылая на землю полевую плодотворную зарницу, Анге-Патяй удерживаетъ бурю, громъ и молнію; безъ ея помощи давно бы весь міръ разрушился. Когда идетъ дождь, она изъ небеснаго своего дома прыскаетъ молокомъ. Капли этого молока, упавши на коровъ, увеличиваютъ въ нихъ молоко. Изъ млекопитающихъ животныхъ любимѣйшія этою богиней овца и свинья, за то, что онѣ больше другихъ плодятся; оттого и въ жертву Анге-Патяй, вмѣстѣ съ курами и яичницей, приносятъ лѣтомъ бѣлую овцу, а зимой свинью.

Изъ растеній Анге-Патяй особенно любитъ просо и ленъ, за то, что они даютъ больше сѣмянъ, чѣмъ другія воздѣлываемыя человѣкомъ растенія. Она сама собираетъ ленъ съ полей, съ каждой десятины по одной льняночкѣ, и изъ него на своемъ серебряномъ гребнѣ прядетъ пряжу на рубашки своимъ дѣтямъ-богамъ. Съ бѣлыхъ овецъ выщипываетъ по шерстинкѣ; собранную такимъ образомъ волну прядетъ, потомъ краситъ въ лазури небесной, въ красномъ солнцѣ, въ желтомъ мѣсяцѣ, въ алой зарѣ, и этою разноцвѣтною шерстью вышиваетъ на рубашкахъ боговъ, по мордовскому обычаю, подолъ и плечи. Радуга — это подолъ рубашки Нишки-Паса, вышитый матерью его Анге-Патяй. Если женщина беременна и Анге-Патяй имѣетъ особое благоволеніе къ носимому ею ребенку, она изъ своей пряжи приказываетъ своей дочери (вѣроятно, Нишкиндѣ-Тевтярь) выткать рубашку для новорожденнаго и посылаетъ ее на землю съ Анге-Озаисомъ. Это тѣ младенцы, которые родятся въ такъ-называемыхъ сорочкахъ. Они считаются счастливыми и всю жизнь находящимися подъ покровительствомъ Анге-Патяй. Сорочку зашиваютъ въ ладонку и надѣваютъ на младенца; онъ

носитъ ее всю жизнь, и по смерти ее кладутъ съ нимъ въ гробъ. Потерять ладонку съ сорочкой значитъ навлечь на себя множество несчастій и потерять покровительство богини. Просо, такъ же, какъ и ленъ, составляетъ любимое растеніе Анге-Патяй: оттого больныхъ дѣтей кормятъ просяною кашей (пшенною), сваренною на овечьемъ молокѣ, такою же кашей кормятъ на свадебномъ пиру молодыхъ; при рожденіи ребенка (теперь на крестинахъ) бабушка-повитуха пшенною кашей кормитъ всѣхъ присутствующихъ, пшенную кашу старухи приносятъ въ жертву богинѣ Анге-Патяй на такъ-называемомъ „бабань-молянѣ“; ею, призывая имя богини, кормятъ куръ, чтобы лучше неслись. Кромѣ того, Анге-Патяй покровительствуетъ еще луку и чесноку, поэтому луковицы мордовки кладутъ подъ подушку младенца больного или такого, который мало спитъ, и окуриваютъ его луковыми перьями. Не любитъ Анге-Патяй хмелю, потому что онъ выросъ изъ вѣтки, принесенной къ людямъ Шайтаномъ; потому на праздникахъ въ честь ея никогда не употреблялось пиво, сваренное съ хмелемъ, а только одно сыченое сусло „пурè“. Изъ деревьевъ любимымъ деревомъ Анге-Патяй почиталась береза, потому что она скорѣе другихъ деревьевъ размножается. Какъ безъ яицъ и проса, такъ и безъ березы не обходились праздники въ честь Анге-Патяй. Даже во время зимнихъ праздниковъ употреблялись распаренные березовые вѣники.

Изъ насѣкомыхъ Анге-Патяй особенно любитъ пчелу за ея трудолюбіе и плодовитость. Пчела, подобно курицѣ, изъявила при созданіи согласіе на предложеніе Анге-Патяй ежедневно родить дѣтей, за что и удостоилась особеннаго ея благоволенія. Зато лишь изъ ея воска можно, по завѣту Анге-Патяй, дѣлать священные штатолы и только изъ ея меда варить жертвенное „пурè“. Осамъ и шмелямъ этого не предоставлено, какъ не изъявившимъ согласія на вызовъ богини. Муравей, по призыву богини, также вызвался-было на плодородіе и вѣчную труженическую работу, но, смущенный Шайтаномъ, сталъ зарывать свои соты въ землю и прятать дѣтей въ мусоръ, чтобы не доставались они людямъ. За то Анге-Патяй лишила „муравьиное масло“ сладости и вкуса и велѣла муравьямъ трудиться въ землѣ. А муравьиное масло прежде было медомъ.

Анге-Патяй, какъ источникъ жизни, покровительствуетъ повивальнымъ бабкамъ и сама поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется „Буламань-Патяй“, т.-е. богиня-повитуха. На другой день зимняго ея праздника, въ каждой деревнѣ въ домѣ бабушки-повитухи совершаемы были особыя жертвоприношенія, сохранившіяся повсюду и до сихъ поръ въ видѣ „сборныхъ обѣдовъ“. Богиня жизни покровительствовала также и лѣкаркамъ, помогая имъ лѣчить всякія болѣзни. При особомъ обрядѣ лѣченія „притки“ (порчи), о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, лѣкарки употребляли яйца и просо, безъ которыхъ не обходился ни одинъ обрядъ, совершаемый въ честь Анге-Патяй. По сви-

дѣтельству о. Шаверскаго, въ Самарской губерніи до сихъ поръ мордовскія лѣкарки снимаютъ съ человѣка порчу при пособіи яйца, пшена и березовой вѣтки или вѣника.

Передъ лѣтнимъ праздникомъ Анге-Патяй, парциддянты и янбеды собирали хлѣбъ, солодъ, медъ и другіе припасы по тому же обряду, какой описанъ выше, но на этотъ разъ не женщины обнажали плечи и грудь и подавали припасы сборщикамъ, но дѣвушки. Замужнія женщины стояли одаль. Взявшись одною рукой за обѣ тесемки, другою дѣвушка прикрывала грудь, въ знакъ своей дѣвственности. Наканунѣ праздника дѣвушки убирали избы и дворы зелеными вѣтвями, преимущественно березовыми, и ставили передъ домами березки, какъ у насъ ставятся въ Троицынъ день. Изъ древесныхъ вѣтвей и цвѣтовъ плели вѣнки и надѣвали ихъ на голову, а также вѣшали ихъ снаружи избы въ такомъ количествѣ, сколько въ домѣ было дѣвушекъ. Дѣвушки развѣшивали такіе же вѣнки надъ своими изголовьями, призывая при этомъ въ молитвѣ покровительницу свою, богиню Анге-Патяй, слѣдующимъ образомъ: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Патяй-Пасъ матушка, помогай дѣвкѣ твоей (имя) чисто жить и давай поскорѣй жениха хорошаго“. А повѣсивъ вѣнки, говорили: „Свѣтъ Нишки - Пасъ, шли жениха до насъ“.

Накапунѣ праздника Анге-Патяй, то-есть въ самый день русскаго Семика, мордовскія дѣвушки изо всей деревни собирались вмѣстѣ и съ березовыми вѣтвями въ рукахъ, съ вѣнками на головѣ ходили отъ дома къ дому съ громкимъ пѣніемъ. Въ своей пѣснѣ обращались онѣ къ дѣвѣ Анге-Патяй, прося ее сохранить ихъ и прибавляя молитву къ Нишки-Пасу, чтобы онъ прислалъ къ нимъ жениховъ. Мужчины не имѣли права присутствовать при этой церемоніи. Если бы какой-нибудь смѣльчакъ осмѣлился проникнуть въ это время въ кружокъ дѣвушекъ, онѣ имѣли бы право схватить его, трепать и щекотать, пока онъ не откупится десяткомъ свѣжихъ яицъ. Только дудникъ могъ ходить съ дѣвушками, если онѣ приглашали его играть на нехитромъ мордовскомъ инструментѣ. Дѣвушки выбирали изъ среды себя „прявть-тевтярь“ (начальница дѣвицъ, слово-въ-слово „голова-дѣвка“). Она шла впереди, а передъ нею маленькія дѣвочки несли березку („кёлу“), украшенную полотенцами, платками и „каркс-чамаксомъ“ предводительницы процессіи прявть-тевтярь. Слѣдомъ за нею шли избранныя ею изъ любимѣйшихъ подругъ три „тевтярь-парциддянты“ съ кузовками, пещурами или бураками, украшенными березовыми вѣтвями. Вереница дѣвушекъ, подходя къ каждому дому, пѣла особую пѣсню, называемую „кёлморо“ (пѣсня березы: отъ „кёль“, „кёлу“—береза и „мурома“—пѣть). У Мордвы, забывшей свой языкъ, „кёлморо“ поется такъ:

Здорова̀ бѣла береза,
Здорова̀ большой листъ клёнъ,
Здорова̀ гожій духъ липушка,

Здорова̀ красны дѣвушки,
Здорова̀ наша хозяюшка,
Къ тебѣ, ко хозяюшкѣ,
Пришли красны дѣвицы,
За пирогами, за яичницей,
За желтою за драчоною.

Хозяйка въ окно подавала яйца, а также пшеничной муки и масла на драчону. Яйца принимала „прявтъ-тевтярь“, а муку и драчону дочери, внучки или племянницы хозяйки того дома, изъ котораго подаютъ. Въ кузовокъ одной изъ „париндяитъ-тевтярь“ складывались набранныя яйца, въ кузовокъ второй—мука̀, въ кузовокъ третьей—масло.

Когда хозяйка дома подавала въ окно дѣвушкамъ припасы, то говорила: „Анге-Патяй-Пасъ матушка... береги мою дѣвку, чтобы не полюбилъ ее злой человѣкъ, чтобы не завялъ ея зеленый вѣнокъ“.

Отойдя отъ окна, дѣвушки становились вокругъ передъ окнами дома и съ звуками дуды пѣли „величанье“ своей подругѣ-дѣвушкѣ изъ того дома, гдѣ сейчасъ подали. Вотъ для примѣра три такія величанья, которыя въ Пензенской губерніи (Саранскаго и Краснослободскаго уѣздовъ) поются еще по-мордовски, несмотря на то, что поющіе и многіе изъ слушающихъ пѣсню плохо или даже вовсе не понимаютъ ея смысла.

I.

Ка̀ти Ка̀терька ма̀терка,
Ка̀терька яко̀й що̀гольста.
Ка̀ти що̀гольста, чу̀ванста,
Вай Саратовской чю̀лкаси,
Сэри ко̀чкери ба̀шмакса,
Ко̀та ква̀лмаса па̀ля са,
Кѐмь ка̀фтова ру̀ця са
Вай, па̀лы заря штофъ ной са.

(Катя, Катерька (то-есть Катенька) матерька, щегольски одѣвается, ходитъ щегольски и важно! Ай, въ саратовскихъ чулкахъ, въ высокопятыхъ башмакахъ, въ шестиполосной узорчатой рубахѣ, съ двѣнадцатью платками за поясомъ *), какъ заря, горитъ она въ штофномъ платьѣ).

---

*) Шестиполосная узорчатая рубашка — самая щегольская одежда мордовскихъ дѣвушекъ. Эти полосы вышиваются узорами по бѣлой холщевой рубашкѣ шерстями разныхъ цвѣтовъ, преимущественно же красною, зеленою и синею; полосы эти идутъ вдоль рубашки отъ плеча до подола по три на сторонѣ; подолъ и воротъ также расшиваются узорами. Двѣнадцать платковъ за поясомъ составляютъ верхъ щегольства мордовокъ. Обыкновенно онѣ подпоясываются поясомъ (карксъ-чамаксъ), къ которому сзади пришито много бахромы изъ шерсти, иногда съ раковинками, извѣстными подъ названіемъ «змѣиныхъ головокъ» или «ужовокъ», а у богатыхъ и съ серебряными деньгами; но когда мордовка въ полномъ на-

II.

Тѐвтярьсь іонось Татьянась,
Мѐздя паро сонъ?
Пàлининза мàзынить,
Ожанянза кỳвакать,
Сѐльми нàнза рàужатъ.

(Дѣвка хорошая Татьяна. А почему она хороша? Потому что рубашечка на ней красивенькая, рукавчики у ней долгонькіе, глазки у ней черненькіе).

III.

Рязанань Сòфась,
Шечкъ лàзань пѐша,
Сòфань рòнганяцъ,
Илянасъ котфъ кринксъ,
Пильгень кàрцифацъ,
Вай лемшѐ лѐвкень,
Пильгень шѐчафкесь.

(Софья Рязанова! Какъ облупленная липа, бѣло ея тѣло; какъ скатанный льняной холстъ -- на ногахъ ея обувь *); а походка ея какъ у дѣтища лучшей лошади).

Величанья дѣвушекъ поются и при другихъ случаяхъ, напримѣръ, на свадьбахъ ими величаютъ невѣсту, на посидѣлкахъ поютъ то одной, то другой мордовской дѣвушкѣ также похвалы. Иногда эти величанья вставляются въ пѣсни. Такимъ образомъ первое изъ приведенныхъ величаній поется въ срединѣ пѣсни о томъ, какъ мордовская красавица, имѣвшая много жениховъ, не хотѣла идти за богатыхъ, потому что въ домѣ богатаго работы много, и вышла за бѣдняка, у котораго не было ни кола ни двора; а третье въ началѣ пѣсни о томъ, какъ одну красавицу выдали замужъ за разбойника, и какъ она ночью нечаянно увидала, что онъ натачиваетъ ножъ.

Набравъ достаточное количество яицъ, масла и муки, дѣвушки, неся разукрашенную березку, подъ вечеръ идутъ изъ деревни на ближайшую

рядѣ, то за карксъ-чамаксъ затыкаютъ двѣнадцать платковъ изъ тонкаго льняного холста, расшитыхъ красною шерстью, а у богатыхъ даже и крученымъ золотомъ. Платки эти называются «руцятъ».

*) «На ногахъ ея обувь, какъ скатанный льняной холстъ». Мордовки особенно щеголяютъ своими ногами, для чего и носятъ короткія рубахи и понявы. Условіе красоты ногъ состоитъ въ ихъ толщинѣ и крѣпкой походкѣ. Мордовки для того наматываютъ вмѣсто онучъ по нѣскольку аршинъ тонкаго льняного, хорошо выбѣленнаго холста и стараются, чтобъ онъ лежалъ какъ можно глаже. Мордовки отличаются бодрою походкой, онѣ всегда держатъ голову прямо и высоко, никогда не опускаютъ глазъ въ землю и ступаютъ сильною, ровною поступью. Отсюда сравненіе походки дѣвушки съ походкой породистой лошади.

рѣчку, ручей, ключъ или колодецъ съ пѣснями, сходными съ русскими семиковыми. Какъ скоро выйдутъ за околицу, поютъ:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ идти,
Вѣнокъ сплести
Березовый.
   Ой Дидъ Ладо *)!
   Березка моя!
Мы въ лѣсъ идемъ,
Цвѣтковъ нарвемъ,
Вѣнки совьемъ.
   Ой Дидъ Ладо!
   Березка моя!
Пойдемъ шажкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломимъ съ березы вѣточку,
Совьемъ вѣнки,
Бросимъ на воду.
   Ой Дидъ Ладо!
   Березка моя!
Плыть ли вѣнку,
Тонуть ли вѣнку
Березовому?
Плыви, вѣнокъ,
Не тони, вѣнокъ.
   Ой Дидъ Ладо!
   Березка моя!

Придя на рѣчку, становятъ разукрашенную березку на берегу и разводятъ огни для приготовленія яичницы и драчоны. Въ иныхъ мѣстахъ съ березки снимаютъ все навѣшанное и привязываютъ къ вѣтвямъ березки, стоящей на корню. Вокругъ нея дѣвушки становятся кругомъ, прявтъ-тевтярь, какъ начальница праздника, кричитъ: „сакмеде!“ (молчите), и, когда всѣ замолчатъ, читаетъ: „Кёлу-Пасъ! вынимань монь (божество березы, помилуй насъ): Анге-Патяй-Пасъ! давай намъ добра здоровья“. Затѣмъ кланяются березѣ въ землю, и это повторяется трижды. Послѣ этого поклоненія божеству березы, снимаютъ съ головъ своихъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ воду. При этомъ замѣчаютъ: чей вѣнокъ поплыветъ, та дѣвушка скоро замужъ выйдетъ, а чей потонетъ, та скоро умретъ. Затѣмъ разуваются и моютъ въ водѣ ноги. Наконецъ „раздѣваютъ“ березку, то-есть снимаютъ съ нея все на ней навѣшенное, разламываютъ ее и бросаютъ въ огонь, на которомъ приготовляютъ яичницу и драчону. Когда кушанье готово, прявтъ-тевтярь кри-

*) Дидъ Ладо — заимствованы, конечно, мордвой у русскихъ. Они упоминались въ мордовскихъ пѣсняхъ издавна. По крайней мѣрѣ, изъ записокъ Мильковича о «Мордвѣ Симбирскаго намѣстничества» (рукопись), знаемъ, что это было болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

читъ: „сакмеде!“, и читаетъ молитву, обращаясь сначала къ Чамъ-Пасу, потомъ къ Анге-Патяй, прося ее о здоровьѣ и о хорошихъ женихахъ, а наконецъ въ Кёль-ӧзаису, принося въ жертву этимъ божествамъ приготовленныя кушанья, при чемъ сковороды трижды поднимаютъ вверхъ. Съѣвши все изготовленное, дѣвушки начинаютъ „кумиться“. Для этого дѣлаютъ большіе вѣнки изъ березовыхъ вѣтвей и послѣ пѣсни цѣлуются черезъ вѣнокъ одна съ другою. Пѣсня въ Симбирской и Нижегородской губерніяхъ при этомъ поется слѣдующая. Она употребляется и русскими:

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дидъ Ладо честнòму Семику,
Ой Дидъ Ладо березкѣ моей,
Ещè кумушкѣ, да голубушкѣ.
Покумимся,
Покумимся,
Не бранясь, не сваряся!
Ой Дидъ Ладо, березка моя!

Покумившись, дѣвушки возвращаются въ деревню всею гурьбой съ громкими пѣснями:

Матушка Троица,
Еще Богородица,
Да ѐще Семикъ честнòй,
Дайте намъ шильцо да мыльцо,
Бѣлое бѣлильцо,
Да зеркальцо,
Копейку да денежку,
Ой Дидъ Ладо,
Семика честного яичницу.

Здѣсь обращеніе къ Троицѣ есть, по всей вѣроятности, остатокъ бывшаго прежде обращенія къ тремъ главнымъ божествамъ: Чамъ-Пасу, Нишки-Пасу и Ведъ-Пасу, обращеніе къ Богородицѣ есть несомнѣнно обращеніе къ богинѣ Анге-Патяй, а подъ именемъ честного Семика разумѣется Кёлу-ӧзаисъ, богъ березы, въ честь котораго справлялся этотъ праздникъ мордовскими дѣвушками.

На другой день, въ кереметь, посвященный богинѣ Анге-Патяй, на общественный молянъ собирались и старые и молодые, и мужчины и женщины. Три дѣвушки приводили купленную на собранныя париндяитами и янбедами деньги бѣлую годовалую овцу. Передъ тѣмъ мыли ее въ рѣчкѣ и къ рогамъ иногда привязывали березовыя вѣтви. Если на молянъ собиралось много народу, приводилось двѣ, три и болѣе овецъ. Введя въ восточныя ворота кереметп овецъ, дѣвушки отдавали ихъ позанбунаведамъ, которые привязывали ихъ къ овечьему юбу (столбу у восточныхъ воротъ), отводили на поварню (теръ-жигать), кололи жертвеннымъ ножомъ, шкуру вѣшали на юбахъ, а янбеды варили мясо. Дѣ-

вушки съ березовыми вѣтвями, украшенными платками, и съ полотенцами въ рукахъ, становились предъ священною березой, которую также украшали, привязывая къ ней полотенца, платки, каркс-чамаксы и пр. Позади дѣвушекъ становились женщины, а за ними мужчины. Принесенныя изъ домовъ яичницы, драчону и пшенную кашу въ горшкахъ развѣшивали на рычаги, а передъ березой ставили бочку сыченаго пива (пурѐ). Дѣвушки, избравъ изъ себя трехъ, давали имъ яйца изъ собранныхъ наканунѣ, и тѣ на заслонѣ дѣлали „мірскую яичницу“. Затѣмъ возатя влѣзалъ на дерево и совершалъ обрядъ моленія, какъ онъ описанъ въ предыдущей главѣ. Вмѣсто прысканья на народъ пивомъ, онъ, обратясь съ молитвой къ Кѐлу-ӧзансу, бросалъ зеленыя березовыя вѣтви съ священнаго дерева, ихъ подбирали дѣвушки и, сдѣлавъ изъ нихъ вѣнки, надѣвали на головы. Имъ первымъ на этомъ молянѣ давали и сыченаго пива, и баранины, и щурьи, и яичницы съ драчоной.

По окончаніи моляна мужчины и замужнія женщины расходились по домамъ, а дѣвушки съ пѣснями шли къ ручью, разувались и мыли ноги. Потомъ опять кумились, то-есть цѣловались другъ съ другомъ черезъ вѣнокъ, и затѣмъ какъ вѣнки, такъ и березовыя вѣтви, что̀ держали при жертвоприношеніи въ рукахъ, бросали въ воду.

Этимъ весенній праздникъ Анге-Патяй не оканчивался. Черезъ недѣлю, въ четвертокъ на Троицкой недѣлѣ, совершался такъ-называемый „бабань-молянъ“, въ которомъ принимали участіе старухи, или, точнѣе сказать, вдовы, безъ участія мужчинъ, замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ. Изъ молодыхъ вдовъ могли участвовать только не имѣвшія намѣренія вступить въ новый бракъ. Въ свою очередь, если у старухи мужъ былъ еще живъ, она не имѣла права участвовать въ бабань-молянѣ, хотя бы ей было и девяносто лѣтъ отъ роду. Такимъ образомъ третій лѣтній праздникъ въ честь Анге-Патяй былъ вдовьимъ праздникомъ, почему и назывался „бабань-каша“, или „бабань-молянъ“ *). Наканунѣ четверга собирались пять, шесть или семь старухъ и ходили по деревнѣ сбирать припасы. Собирали девять курицъ, съ каждаго двора по нѣскольку копеекъ денегъ, съ каждой женщины по четыре яйца и нѣсколько масла, сметаны, муки, крупъ, хлѣба, соли и пр. Собранное отдавали избранной старшей старухѣ, „прявтъ-баба“. Эту должность обыкновенно занимала повивальная бабушка деревни — „буламàнь“. На собранныя деньги покупали старую овцу. Въ четвергъ поутру, при восходѣ солнца, старухи собирались въ одно мѣсто и несли на рѣчку, ручей или ключъ впереди всего березку, на которую навѣшивали нѣсколько бѣлыхъ платковъ или полотенецъ, затѣмъ несли пятнадцать горшковъ сваренной изъ собраннаго пшена каши, прочіе припасы и живыхъ овцу и куръ. Для закланія

*) Русское слово «баба» у Мордвы не означаетъ замужнюю женщину, но только вдову. Замужняя женщина, хотя бы и старуха, называется «молода̀», «молоду̀ха». Впрочемъ, и у русскихъ слово «баба» употребляется иногда въ смыслѣ вдовы. «Толковый словарь» В. И. Даля, I, 28.

овецъ и куръ вдовы приглашали вдовца-старика, обыкновенно кого-либо изъ позанбунаведовъ. На берегу ручья или ключа, но непремѣнно въ рощѣ и преимущественно березовой, старухи разводили огонь и вѣшали надъ нимъ котлы. Въ одномъ, ведеръ въ десять, варили салму — жидкое тѣсто съ масломъ, и на большихъ заслонахъ дѣлали яичницу. Когда все это сварится, онѣ все приготовленное разставляли на землѣ и въ серединѣ разставленнаго кушанья втыкали въ землю, принесенную изъ деревни, разукрашенную платками и полотенцами березку. Затѣмъ становились вокругъ, и три изъ нихъ, выступивъ впередъ, говорили въ одинъ голосъ молитву. Мы не имѣемъ текста старинной мордовской молитвы, употреблявшейся на „бабань-молянѣ“, но вотъ какъ теперь, по свидѣтельству священника села Вечкомова, Бугурусланскаго уѣзда, Ѳедора Шаверскаго, старухи читаютъ молитву передъ иконой, которую приносятъ съ собой изъ дома: „Господи Пасъ-Кормилецъ! пой насъ и корми, а народу православнова роди многа всякій хлѣбъ“. Потомъ, глядя на небо, продолжаютъ: „Ты, батюшка Илья Великій, шли на землю теплую росу и тиху погоду“. Затѣмъ, взглянувъ на рѣчку или на родникъ: „Вода матушка, подай всѣмъ хрещенымъ людямъ добрый здоровья. Кто выпьетъ, кто съѣстъ тебя, тому дай здоровья, а кто купатся, тому дай легость и радость. Дай добрый здоровье и скотина, котора тебя пьетъ“. Послѣ того, притрогиваясь ко всему поставленному на землѣ, старухи говорятъ: „Тебѣ, Господи, салма, яичница, лепешки и сметана — принимай, а чего просимъ давай. Дай, Господи-Пасъ и матушка Пресвятая Богородица, народу православнова много всякой скотины, чтобы родилось много ребятъ, чтобы росли большіе и были здоровъ“.

Эта молитва, какъ говоритъ въ своей запискѣ о. Шаверскій, читается старухами трижды. Конечно, основой ея послужила забытая уже Мордвой старинная ихъ молитва, обращенная къ божествамъ. Судя по ея содержанію, можно, кажется, безошибочно заключить, что въ ней обращались сначала къ Чамъ-Пасу, именемъ котораго начиналась у эрдзядовъ и терюханъ каждая молитва, Нишки-Пасу, котораго крещеная Мордва переименовала въ Илью Великаго, къ Ведъ-Мастыръ-Пасу, богу воды, и наконецъ къ Анге-Патяй.

Прочитавъ приведенную молитву, старухи, говоритъ о. Шаверскій, начинаютъ ѣсть салму, смѣшивая ее съ яичницей и сметаной, и, позавтракавъ такимъ образомъ, тутъ же ложатся спать. Проснувшись около полденъ, онѣ принимаются за жертвоприношеніе. Приходитъ приглашенный старикъ, колетъ овцу и девять курицъ и варитъ мясо ихъ въ водѣ безъ соли. Когда все уварится, старикъ вынимаетъ мясо изъ щурьи, кладетъ въ корыто и ставитъ на землю близъ рѣки или родника. Старухи къ мясу приставляютъ пятнадцать горшковъ каши, выкладываютъ ее въ чашки и мѣшаютъ съ масломъ. Изготовивъ все такимъ образомъ, становятся на колѣни передъ иконой, и три старухи читаютъ слѣдующую

молитву: „Господи Пасъ-Корминецъ! Пой насъ и корми и давай намъ много всякаго добра, а всему народу добрый здоровья. Великій Пасъ, дай, чтобъ мы были здоровы, дай спорину въ работѣ и во всякомъ дѣлѣ, куда пойдемъ, дай счастливый путь. Чего у тебя просимъ, о чемъ молимъ, того, Пасъ-Корминецъ, всегда давай намъ. Матушка Пресвятая Богородица, уроди много хлѣба, дай намъ лошадей, коровъ и овецъ, и чтобъ на нихъ мягкая была шерсть. Спаси, Господи Пасъ-Корминецъ, весь народъ православный отъ лихого человѣка, отъ голодуна *), не попусти на насъ, поставь его, Господи, вверхъ ногами и сломи ему правую руку и вышиби у него правый глазъ". Затѣмъ, дотрогиваясь до каши, баранины и пр., говорятъ: „Вотъ Тебѣ, Господи Пасъ-Корминецъ, вотъ Тебѣ, матушка Пресвятая Богородица, каша, цѣльный хлѣбъ, овечье мясо, курятина и щурьба. Принимай, чего просимъ, подавай". По прочтеніи этой молитвы трижды, старухи садятся на землю кругомъ приготовленнаго кушанья и обѣдаютъ. Тутъ приходятъ на мольбище и мужчины и молодыя женщины изъ той же деревни, и старухи даютъ имъ часть своего обѣда. Затѣмъ остатки собираютъ и уносятъ домой. Часть изъ остатковъ каши зарывали потомъ въ западномъ углу овечьяго загона, а другую клали подъ камень „кардо-сярко", остальное же съѣдали съ домашними на другой день. Березку ставили въ овечьемъ загонѣ, а вѣтви съ нея развѣшивали по нашестямъ куръ.

Зимніе праздники въ честь богини Анге-Патяй назывались *кёлядемякъ* **) и совершались на святкахъ. Въ нихъ преимущественно принимали участіе замужнія женщины и дѣти обоего пола. Особымъ же почетомъ пользовались бабушки-повитухи.

Къ Рождеству молодыя женщины варили сыченое медомъ пиво (пурê), не допуская до этого ни старухъ ни мужчинъ. Хмелю въ него не клали, ибо Анге-Патяй не любитъ этого, принесеннаго Шайтаномъ, растенія. За день до Рождества Христова кололи середи двора, у камня „кардосярко", свинью съ особыми обрядами. Назначенную на колотье свинью откармливали недѣли три и болѣе. Всю оставшуюся барду отъ варенья пива къ празднику Назàромъ-Паса (6-го декабря) отдавали ей, такъ же, какъ и барду отъ рождественскаго пива. За три дня до колотья свинью впускали въ избу, гдѣ она и жила обыкновенно подъ печкой. Декабря 23-го молодыя женщины наряжали свинью, то-есть повязывали ей на шею полотенце, за которое затыкали нѣсколько розогъ изъ распареннаго вѣника, вели ее въ передній уголъ, наливали въ чашку бòльшую часть отвара, оставшагося отъ паренья вѣниковъ, и поили свинью. Потомъ хозяинъ велъ ее на середину двора и кололъ, не снимая съ животнаго полотенца и розогъ, а кровь спускалъ подъ камень „кардо-сярко". Палили свинью на этомъ самомъ камнѣ на березовыхъ лучинахъ, за-

---

*) Колдунъ.

**) *Кёлядемякъ* по-мордовски святки. Собственно же это слово значитъ: праздникъ божества Кёляды-öзайса.

жженныхъ священнымъ штатоломъ, при чемъ молились Анге-Патяй, Нишки-Пасу и Таунь-ӧзансу (богу свиней). Полотенце тутъ же сожигали. Но окровавленныя розги хозяйка брала къ себѣ, чтобъ утромъ въ Рождество будить ими дѣтей. Когда они еще спали, мать сильно стегала ихъ прутьями, приговаривая: „Анге-Патяй казинесъ, Кёльчянянъ казинесъ, Кёль-Кёляда казинесъ“ (то-есть: Анге-Патяй подарила, березовый праздникъ подарилъ, Коляда подарила). Это дѣлается для здоровья; чѣмъ дѣти громче при этомъ плачутъ, тѣмъ здоровѣе будутъ, потому что покровительница ихъ, Анге-Патяй, скорѣй ихъ услышитъ. Въ праздпику обыкновенно варили лапшу или салму со свининой, свиную голову, и жарили свиныя кишки, начиненныя пшенною кашей.

Наканунѣ Рождества Христова у Мордвы, какъ и въ русскихъ деревняхъ, дѣти „колядуютъ“. Не вдаваясь въ разсужденія о томъ, происходитъ ли слово „коляда“ отъ латинскаго *calendae* или отъ славянскаго *коло*, замѣтимъ, что у Мордвы оно, по имени березоваго божества, покровительствующаго домашнимъ животнымъ, называется *кёляда*, что собственно значитъ *березовый*, отъ *кёль* или *кёлу*, береза. Береза, какъ уже сказано, было любимое дерево Анге-Патяй или посвященное этой богинѣ. Съ свѣжею березкой ходятъ дѣвушки и вдовы во время лѣтняго праздника, а такъ какъ наканунѣ Рождества нельзя имѣть свѣжихъ березокъ, то мордовки распариваютъ березовые вѣники въ горячей водѣ, въ которую прибавляли молока, выпускали нѣсколько яицъ и кидали горсть проса. Этою водой послѣ обмывали дѣтскія колыбели, ею же спрыскивали во время родовъ женщинъ.

Вечеромъ въ рождественскій сочельникъ собираются дѣти до четырнадцатилѣтняго или пятнадцатилѣтняго возраста обоего пола. Дѣвочки ходятъ съ березовыми вѣниками, на которые навязываютъ платки и полотенца. Эти вѣники и называются „Кёль-Кёляда“. Мальчики ходятъ съ палками, колокольчиками, бубенчиками и печными заслонами. Впереди одна дѣвочка носитъ мѣшокъ, а передъ ней другая идетъ съ горящимъ восковымъ штатоломъ въ фонарѣ, который привязывается къ палкѣ и носится высоко. Ходя, дѣти поютъ:

Кёль, Кёляда,
Золотая борода,
Ходимъ по нуждѣ своей.
Приходила Кёляда,
Растворяй ортà *),
Давай Кёлядѣ
Кишки да ножки,
Бабьи лепешки.
Кёль, Кёляда,
Золотая борода!

Во время этого пѣнія мальчики звонятъ въ колокольчики и бубен-

*) Ортà, по-мордовски ворота.

чики, стучатъ въ заслоны и поднимаютъ страшный крикъ и шумъ на всю деревню. Подойдя къ окну, поютъ слѣдующую пѣсню:

Вой Кёляда!
Столбы ти красны,
Вой Кёляда!
Вороты ти часты, золочены,
Вой Кёляда *)!
Заборы ти горѣли серебряны.
Васяй, братецъ, гдѣ спишь, ночуешь?
На печи жарко,
На казенкѣ чадно,
На палати дымно,
На лавкѣ тѣсно,
На кутникѣ мѣсто.
Тутъ шли-прошли старики,
Пропивали старухи,
Прошли молодцы,
Пропивали молоды:
Васяй, братецъ, богатой,
Деньги гребетъ лопатой,
Кишки, лепешки,
Кёлянгеменъ пирожки.

Молодыя женщины, разряженныя въ лучшія платья, подаютъ въ окошко крашенныя лукомъ яйца, свиныя кишки, начиненныя пшенною кашей, сдобныя прѣсныя лепешки и такъ-называемые „кёлянгеменъ" — пирожки съ пшенною кашей и яйцами, сдѣланные въ видѣ овецъ, свиней и куръ. Все поданное дѣти кладутъ въ мѣшокъ и переходятъ отъ одного дома къ другому. Обойдя деревню, они собираются въ одну избу: ставятъ большой украшенный вѣникъ и горящій штатолъ въ передній уголъ и всѣ вмѣстѣ ужинаютъ собраннымъ; что̀ останется, относятъ домой.

Молодыя женщины стряпаютъ съ половины дня въ сочельникъ. Огонь въ печкѣ разводятъ въ это время съ соблюденіемъ слѣдующихъ обрядовъ: зажигаютъ передъ печкой штатолъ и ставятъ березовый вѣникъ, другимъ распареннымъ березовымъ вѣникомъ выметаютъ изъ печи и изъ загнетки золу до̀чиста, а потомъ кладутъ дрова, непремѣнно березовыя, если же мало такихъ дровъ, то хотя одно полѣно. Хозяйка беретъ пукъ березовой лучины и зажигаетъ его штатоломъ, говоря: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ, Свѣтъ-Пішки-Пасъ, поднимай красно солнце, обогрѣй насъ тепломъ, уроди намъ много хлѣба". Горящую лучину кладутъ на шестокъ и на нее головешку, тщательно сохраняемую отъ прошлогодняго Рождества. Когда эта головешка разгорится, ее кладутъ въ загнетку, а лучиной растапливаютъ дрова въ печи. Въ загнетку же, кромѣ головешки, кладутъ еще сырое березовое полѣно, которое и курится три дня. Остающуюся головню заливаютъ отваромъ, въ кото-

*) «Вой Кёляда» повторяется послѣ каждаго стиха.

ромъ распаривали вѣники, и берегутъ подъ печкой до слѣдующаго зимняго праздника Анге-Патяй. Заливать головню должно дитя, самое младшее въ домѣ, исключая тѣхъ, что не умѣютъ еще ходить. Прежде чѣмъ залить головню, мать ребенка посыпаетъ ее солью. Соль трещитъ на огнѣ, а мать приговариваетъ: „Нишки-Пасъ, свѣти на насъ, шибче соли не греми, Пасъ-Пургини“ *).

Истопивъ печь, выметаютъ подъ не помеломъ, а распареннымъ березовымъ вѣникомъ, съ молитвой къ Анге-Патяй. Въ этотъ день жарятъ свиныя кишки, красятъ луковымъ перьемъ яйца, пекутъ прѣсныя лепешки на свиномъ салѣ и пироги съ пшенною кашей (кёлянгеменъ). На другой день, то-есть въ самое Рождество, замужнія женщины устилаютъ въ избѣ весь полъ чистою соломой, ставятъ въ переднемъ углу березовый вѣникъ, комлемъ внизъ, а передъ нимъ незажженный штатолъ, потомъ начинаютъ стряпать: варятъ лапшу со свининой и особо свиную голову. Когда ее сварятъ, кладутъ ей въ ротъ крашеное яйцо и распаренный березовый прутикъ съ листьями. Подъ свиную голову на блюдо разстилаютъ, въ видѣ бороды, пучокъ окрашенныхъ въ красный цвѣтъ нитокъ. Это называется „золотая борода“.

Въ полдень 25-го декабря хозяинъ зажигаетъ штатолъ и становится со всѣми домашними на колѣна передъ окномъ, которое раскрываютъ. Мордва при каждомъ моленіи, совершаемомъ въ домѣ, непремѣнно открывала окно и, молясь, смотрѣла черезъ него на небо. На этотъ разъ всѣ кланялись въ землю и воздѣвали руки къ небу, а хозяинъ такъ приглашалъ къ себѣ въ гости боговъ: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ **); Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, ступи къ намъ въ домъ на праздникъ твой Кёльчянянъ; Нишки-Пасъ, Ниче-Пасъ (сынъ божій), ступи къ намъ въ домъ на праздникъ твой Кёльчянянъ; Свѣтъ-Верешкй-Вѐленъ-Пасъ (затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе прочихъ боговъ), приходите къ намъ въ домъ съ Анге-Патяй и съ сыномъ ея Ниче-Пасъ на ихъ праздникъ Кёльчянянъ“.

Послѣ приглашенія боговъ хозяинъ приказываетъ собирать обѣдъ. Хозяйка подаетъ ему на блюдѣ свиную голову, и онъ идетъ съ ней изъ избы въ сопровожденіи дѣтей; изъ нихъ самый малый несетъ передъ отцомъ березовый вѣникъ, взятый изъ передняго угла. Хозяинъ несетъ свиную голову прежде на камень „кардо-сярко“, а потомъ въ конюшню, во всѣ хлѣва, въ курятникъ, на погребъ, въ баню, въ овинъ и на коло-

---

*) Пургъ-ини—богъ грома.

**) Верховный богъ Чамъ-Пасъ не приглашался посѣтить домъ хозяина. Это божество слишкомъ велико, и никакой человѣкъ, какой бы святой жизни онъ ни былъ, недостоинъ его присутствія. Мордва говоритъ, что если бы Чамъ-Пасъ пришелъ къ кому-нибудь въ домъ, вся деревня со всѣми живущими въ ней, со всѣми строеніями, скотомъ, полями, лѣсами, и даже рѣчками и колодцами, сгорѣла бы во мгновеніе ока. Вообще Чамъ-Паса Мордва хотя и поминаетъ въ началѣ каждой почти молитвы, но съ насущными своими прошеніями обращается къ низшимъ богамъ.

децъ, вездѣ читая молитвы Анге-Патяй, Нишки-Пасу и мѣстному, такъ сказать, божеству, напримѣръ, въ овчарнѣ богинѣ Ревъ-öзаису, въ конюшнѣ Лишмень-öзаису и т. д. Обойдя всѣ домашнія принадлежности, возвращаются въ избу, гдѣ на столѣ, покрытомъ чистымъ ряднomъ, поставлены уже всѣ кушанья, и въ числѣ ихъ три пирога съ пшенною кашей (кëлянгеменъ), два рядомъ, третій на нихъ: верхній посвященъ самой Анге-Патяй, а нижніе — Нишки-Пасу и остальнымъ сыновьямъ и дочерямъ богини Анге-Патяй. Возлѣ стола на полу ставятъ кадку съ пурè. Хозяинъ ставитъ свиную голову на середину стола, а березовый вѣникъ въ передній уголъ. Послѣ того всѣ становятся на колѣни, и хозяинъ читаетъ молитву: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ; Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ; Нишки-Пасъ, Инише-Пасъ, пой насъ и корми. Кланяемся съ хлѣбомъ, съ солью, съ полнымъ столомъ. Вотъ тебѣ, Анге - Патяй-Пасъ, свиная голова, кëлянгеменъ (пирожки), хлѣбъ, соль, ведро пурè и яйца крашены. Вотъ тебѣ, Нишки-Пасъ (снова перечисленій кушаній). Вотъ вамъ, боги (перечисленіе ихъ и новое перечисленіе кушаній). Сколько на столѣ хлѣба и соли, столько дай намъ добра. Сколько въ пирогахъ крупъ, столько дай намъ добра. Сохрани насъ отъ злыхъ людей и нечистой силы, а свиней и овецъ отъ волковъ. Анге-Патяй-Пасъ, что посѣяно у насъ въ землю, зароди, сошли бѣлую зарницу и теплую росу. Свѣтъ-Нишки-Пасъ, свѣти и грѣй нашъ хлѣбъ; Анге-Патяй-Пасъ, уроди толстую солому, крупный колосъ, желтое съ куриное яйцо зерно. Какую шерсть любитъ Юрта-öзаисъ (домовой), такой скотъ и давай. Дай намъ много лошадей и съ упряжью, здоровыхъ и сильныхъ, какъ медвѣдь. Дай намъ коровъ, свиней, куръ, гусей и утокъ, и всякій скотъ и всякую птицу. Старымъ добромъ кланяемся, новаго давай“ *). Прочитавъ эту молитву, хозяинъ беретъ верхній кëлянгеменъ, посвященный богинѣ Анге-Патяй, отрѣзываетъ отъ него горбушку и на нее укладываетъ кусочки мяса, сначала отъ свиной головы, потомъ отъ свинины, что въ лапшѣ, кусочекъ крашенаго яйца, прѣсной лепешки и прочихъ кушаній, находящихся на столѣ. Взявъ въ правую руку эту горбушку, а въ другую ковшъ пурè, онъ, не становясь на колѣни, читаетъ въ третій разъ приведенную сейчасъ молитву. Прочіе же всѣ молятся на колѣняхъ. Когда въ молитвѣ хозяинъ перечисляетъ кушанья,

---

*) Эта молитва доселѣ на русскомъ языкѣ употребляется обрусѣвшею Мордвой въ Самарской губерніи, по свидѣтельству о. Шаверскаго, но обращенія къ языческимъ божествамъ тамъ уже нѣтъ. Молитва начинается такъ: «Верхній Богъ, Великій Богъ, пой насъ и корми». Вмѣсто обращенія къ Анге-Патяй говорятъ: «Вотъ тебѣ, Рождество Христово, свиная голова» и т. д. Вмѣсто обращенія къ Нишки-Пасу, обращеніе къ Богу, котораго называютъ при этомъ «Пасъ-Кормилечекъ» (Богъ кормилецъ). Березоваго вѣника нѣтъ, свѣча зажигается передъ иконами, молятся на колѣняхъ съ крестнымъ знаменіемъ, при обходѣ хозяиномъ двора со свиною головой, передъ нимъ ходитъ ребенокъ съ иконой. Передъ молитвой курятъ передъ иконами ладономъ.

при названии каждаго притрогивается къ нему горбушкой. Затѣмъ горбушку съ положенными на нее кусочками передаетъ женѣ, а она кладетъ въ загнетку на курящіяся тамъ старую головню и новое березовое полѣно. Послѣ того хозяинъ передаетъ женѣ ковшъ пурè, а она выливаетъ его въ загнетку, читая молитвы богинѣ Анге-Патяй, и зажигаетъ въ загнеткѣ сухую березовую лучину, чтобы поскорѣе сгорѣло принесенное въ жертву. За обѣдомъ прежде всего принимаются за свиную голову, сначала кусочекъ отъ нея отрѣзываетъ и ѣстъ хозяинъ, потомъ жена его отрѣзываетъ кусочки себѣ и прочимъ семейнымъ. Свиныя уши и хоботокъ обыкновенно даются дѣтямъ. Послѣ обѣда хозяйка беретъ кусочекъ отъ свиной головы и въ ковшѣ нѣсколько пурè, относитъ на дворъ и тамъ кусочекъ мяса кладетъ подъ камень „кардо-сярко“ и обливаетъ его пурè.

На другой день, 26-го декабря, былъ совершаемъ всею деревней „пеціона-молянъ“ (общественное деревенское молебствіе) въ домѣ повивальной бабушки, которая при этомъ была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Пурè, пироги, каша, необходимые при совершеніи обрядовъ, были сборные, какъ вообще бывало на волостныхъ и деревенскихъ молянахъ, но припасы для того не собирались париндяитами и янбедами, а готовыя пурè и кушанья были приносимы къ повивальной бабушкѣ хозяйками домовъ, а сама она варила только двѣ пшенныя каши, крутую и жидкую, для чего, еще за нѣсколько дней до Рождества, приносили ей проса и масла родившія въ продолженіе послѣдняго года женщины.

Въ этомъ праздникѣ принимали участіе женатые мужчины, замужнія женщины и маленькія ихъ дѣти; ни вдовцамъ, ни вдовамъ, ни молодымъ парнямъ, ни дѣвушкамъ не было на немъ мѣста. Этотъ праздникъ, называемый „буламань-молянъ“ (молебствіе повивальной бабушки), справляемъ былъ вечеромъ. Изъ каждой семьи шли къ бабушкѣ хозяинъ, хозяйка и маленькія дѣти, не достигшія еще семилѣтняго возраста; они на этотъ день назывались внуками и внучками какъ богини Буламань-Патяй, такъ и принимавшей ихъ при рожденіи повивальной бабки. Каждый внукъ или внучка приносили бабушкѣ пирогъ съ пшенною кашей и макомъ и два ситные коровая. Отецъ приносилъ ведро пурè, а мать аршинный пирогъ съ кашей, два ситные коровая и лопатку вареной свинины или говядины. Мать жертвуемое отъ себя и отъ тѣхъ дѣтей, которыя еще не могли сами нести подарковъ бабушкѣ, завязывала въ бѣлый балахонъ, къ которому пришивала двѣ длинныя тесемки, и, обнаживъ плечи, клала на нихъ узелъ и привязывала его накрестъ тесемками. Накинувъ поверхъ его шубу, мать шла впереди, за нею дѣти, сзади мужъ. Подойдя къ воротамъ бабушки, мать, взявъ на руки маленькаго ребенка, вмѣстѣ съ дѣтьми поетъ:

Благослови, бабушка
Буламань-Патяй!

Встрѣчай, бабушка,
Встрѣчай, матушка,
Я къ тебѣ иду,
Большу ношу несу;
Молись, бабушка,
Молись, матушка,
Станемъ къ тебѣ ходить,
Станемъ по многу носить
Хлѣба да соли,
Свинины да пива,
Пироговъ, короваевъ.

Пропѣвъ это привѣтствіе, семья входитъ въ сѣни, мать сбрасываетъ съ плечъ шубу и, войдя въ избу, оборачивается задомъ; бабушка подходитъ къ ней съ словами: „Милости просимъ къ намъ въ домъ со своимъ добромъ“, потомъ, держа узелъ одною рукой, другою колетъ слегка женщину пять разъ ножомъ по голымъ ея плечамъ и по спинѣ и перерѣзываетъ тесемки узла. Такимъ образомъ и здѣсь повторяется обычай собиранія припасовъ паряидянтами и янбедами для велень-моляновъ. Взявъ узелъ съ припасами, бабушка цѣлуется съ пришедшею, цѣлуетъ внуковъ и внучекъ и принимаетъ отъ нихъ пироги и короваи. Послѣ того отецъ ставитъ на столъ ведро пурѐ и кланяется въ ноги бабушкѣ.

Когда соберутся всѣ, бабушка накрываетъ столъ чистымъ рядномъ, ставитъ хлѣбъ, соль, каравай, пироги, блюдо со свининой и говядиной и два горшка каши, жидкую для дѣтей, крутую для взрослыхъ. На столъ ставитъ она парку пурѐ, прилѣпляетъ къ ней горящій штатолъ и отворяетъ окошко. Громко крикнувъ: „сакмеде!“ (молчите), приказываетъ всѣмъ стать на колѣни и молиться въ окно, а сама читаетъ: „Чамъ-Пасъ, самъ Господь Савагофъ, помилуй насъ! Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, дай добра здоровья внучкамъ, дѣткамъ, отцамъ, матерямъ. Буламань-Патяй, береги внучковъ, чтобы были теплы и сыты, и въ добромъ здоровьѣ. Анге-ӧзаисъ, береги внучковъ отъ дурного глаза, отъ голодуна (колдуна) и всякой нечистой силы. Анге-Патяй-Пасъ, почаще сходи изъ своего золотого небеснаго дома утѣшать внучковъ и дѣтокъ. Дай матерямъ много молока выкормить внучковъ. Дай много дѣтей, чтобъ выросли большіе и были здоровы!“ Во время этой молитвы бабушка съ помощью женщинъ три раза поднимаетъ столъ съ поставленными на немъ кушаньями. Затѣмъ, обходя его три раза посолонь съ штатоломъ въ рукѣ, говоритъ, притрогиваясь къ кушаньямъ: „Анге-Патяй-Пасъ, Буламань-Патяй-Пасъ, вотъ тебѣ хлѣбъ, соль, пироги, короваи, вотъ тебѣ пурѐ, вотъ тебѣ каша и масло“, послѣ чего выкладываетъ обѣ каши въ разныя блюда и маслитъ ихъ, продолжая молиться богинѣ. Взрослые и дѣти въ это время стоятъ на колѣняхъ. Затѣмъ, взявъ въ ковшъ пурѐ, бабушка подходитъ къ окну, высовываетъ его наружу, читая: „Чамъ-Пасъ, самъ Господь Савагофъ, поми-

луй насъ; Анге-Патяй-Пасъ, Буламань-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, дай здоровья внучкамъ и дѣткамъ, дай здоровья отцамъ, матерямъ, чтобы дѣти росли, а у матерей молока было много въ груди!“ и, набравъ въ ротъ пурѐ, брызжетъ на женщинъ и дѣтей со словами: „дуръ-дуръ-дуръ, пурѐ Анге-Патяй-Пасъ“. Исполнивъ этотъ обрядъ, бабушка пьетъ немного пурѐ, потомъ пьютъ его женщины, а за ними мужчины. Бабушка садится на лавочку, беретъ ложку крутой каши и ѣстъ, за ней ѣдятъ по ложкѣ женщины и мужчины, наконецъ бабушка изъ своихъ рукъ даетъ по ложкѣ жидкой каши дѣтямъ; послѣ чего всѣ садятся за три стола и ужинаютъ.

На слѣдующій день, 27-го декабря, къ бабушкѣ собираются одни дѣти, безъ родителей. Она разогрѣваетъ имъ оставшееся кушанье. Съѣвъ его, дѣти берутъ бабушку подъ руки и водятъ по деревнѣ изъ дома въ домъ съ пѣснею:

Пойдемъ, бабушка,
Пойдемъ, матушка,
Отецъ пиво варилъ,
Мать кашу варила;
Гуляй, бабушка,
Гуляй, матушка.

Въ каждомъ домѣ бабушку принимаютъ съ почетомъ, угощаютъ ее пивомъ, пирогами, кашей. Каша въ этотъ день варится въ свиномъ желудкѣ (сычугъ).

На святкахъ холостые мужчины и дѣвушки, такъ же, какъ и въ русскихъ деревняхъ, переряживаются и ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и съ дудниками, которые играютъ въ мордовскіе инструменты: дуду, паламу и кайгу (скрипка), на перекресткахъ, у околицъ и у колодцевъ останавливаются, составляютъ что-то въ родѣ хороводовъ и пляшутъ. При этихъ увеселеніяхъ, какъ и при колядованьи, въ нѣкоторыхъ мордовскихъ деревняхъ носятъ вѣникъ и въ фонарѣ зажженную свѣчу. Это повторяется каждый вечеръ съ 27-го декабря до крещенскаго сочельника, а въ иныхъ мѣстахъ только до Новаго года.

Святочныя гаданья у Мордвы такія же, какія и у русскихъ: дѣвушки гадаютъ о суженомъ, молодые люди о рекрутствѣ. Священникъ села Итманова, населеннаго обрусѣлою Мордвой племени эрдзядовъ, въ запискѣ своей „О жителяхъ села Итманова“ говоритъ: „Въ святочные вечера, по общему обыкновенію, и здѣсь гадаютъ: льютъ олово и ходятъ слушать. Рекрутскій наборъ, свадьба, смерть и семейные раздѣлы болѣе всего занимаютъ итмановскихъ поселянъ и служатъ поводомъ къ гаданьямъ. Если олово, влитое въ ковшъ свѣжей холодной воды, разбившись, упадетъ на дно, это принимается за вѣрный признакъ семейнаго раздѣла; олово, слившееся въ видѣ гроба, означаетъ смерть, въ видѣ ранца или ружья—отдачу въ рекруты, въ видѣ вѣнца—свадьбу. Собираются слушать преимущественно на перекрестки, обводятъ во-

кругъ себя кругъ березовымъ вѣникомъ, помеломъ или лопатой, въ огражденіе отъ злыхъ духовъ, и, ложась на землю, слушаютъ, а главный въ этомъ сборищѣ, нерѣдко старикъ, стоитъ и машетъ вѣникомъ во всѣ стороны. Если кому послышится скрипъ обозовъ — будетъ въ слѣдующемъ году изобильный урожай хлѣба, если же ничего не слышно — будетъ недородъ. Иному слышатся стоны и вопли, изъ чего заключаютъ, что годъ будетъ тяжелъ для народа. Наканунѣ Новаго года, послѣ ужина, крошки, остающіяся на столѣ, и соръ съ лавки сметаютъ въ одну кучу и оставляютъ до утра; рано на зарѣ смотрятъ, нѣтъ ли тутъ какихъ зеренъ: какого хлѣба найдутъ зерно, такого будетъ урожай въ слѣдующемъ году".

Дѣвушки гадаютъ о суженыхъ слѣдующимъ образомъ: 1) кладутъ подъ подушку первый кусокъ, взятый за ужиномъ — женихъ во снѣ приснится; 2) завязываютъ лошади глаза, дѣвушка садится на нее: если лошадь пойдетъ къ воротамъ, быть свадьбѣ, а если къ стойлу — оставаться въ дѣвкахъ; 3) съ которой стороны услышитъ собачій лай, въ ту сторону замужъ выйдетъ; 4) ходятъ считать у хлѣбнаго амбара бревна, приговаривая къ каждому: „кузовъ, коробъ, сусѣкъ": если на послѣднее бревно придется слово „кузовъ" — быть замужемъ за бѣднымъ; если „коробъ" — за человѣкомъ средняго состоянія, а если „сусѣкъ" — то за богачомъ. Берутъ въ горсть гороха и считаютъ съ тѣми же словами горошины. Кромѣ гаданій, дѣвушки хоронятъ золото, поютъ подблюдныя пѣсни, какъ и русскія.

Вечеромъ подъ Новый годъ у Мордвы справляется *таунсяй,* что̀ значитъ свиной (праздникъ). Отсюда, кажется, произошелъ и русскій *таусень* или *авсень,* обряды котораго очень сходны съ обрядами мордовскаго таунсяя. Русскій таусень едва ли не старинный мордовскій обрядъ, перешедшій къ русскимъ. По крайней мѣрѣ онъ справляется только въ тѣхъ мѣстностяхъ Великой Руси, гдѣ издревле обитала Мордва. Вотъ какъ празднуетъ Мордва свой свиной праздникъ.

Наканунѣ Новаго года зажиточные люди, у которыхъ много свиней, колютъ свинью съ такими же почти обрядами, какъ передъ рождественскимъ праздникомъ. Но назначенная на закланіе свинья живетъ въ избѣ, пока не заколютъ рождественскую, а потомъ отправляется въ особый отъ другихъ свиней хлѣвъ, гдѣ откармливается до 31-го декабря. Распаренный вѣникъ при закланіи ея не употребляется. У небогатыхъ людей, которые не въ состояніи заколоть на святкахъ двухъ свиней, отъ рождественской оставляютъ къ Новому году ножки, непремѣнное кушанье въ праздникъ таунсяй. Свиныя ножки варятъ наканунѣ Новаго года, въ тотъ же день дѣлаютъ прѣсныя лепешки на свиномъ салѣ, пирожки въ видѣ свиней и сдобные колобки въ формѣ и размѣрѣ куринаго яйца. Какъ и наканунѣ Рождества, мальчики и дѣвочки ходятъ по домамъ (но безъ березовыхъ вѣниковъ и безъ штатола въ фонарѣ) съ слѣдующею пѣсней:

Таунсяй!
Разступись, земля,
Уродися, хлѣбъ,
Колосъ съ дугу,
Зерно съ кочедыкъ,
А соломушка
Съ оглоблюшку.
Таунсяй!
Зерно толкай *),
Пироги пекай **),
Клади въ окно:
Прилетитъ голубокъ ***),
Возьметъ зернушки,
А мы пирожокъ.
Таунсяй!
Наша подачка
Въ дверь не пролѣзетъ,
Въ окошко плетъ.
Свины ножки, лепешки,
Въ печкѣ сидѣли,
На насъ глядѣли.
Таунсяй!

Если поющимъ нескоро подаютъ, они стучатъ въ заслоны, звонятъ въ колокольчики и поютъ:

Подавай пирога!—
Не дашь пирога,
Замараемъ °) ворота;
Не дашь каши горшокъ,
Всадимъ вилы въ бокъ;
Подавай пирога,
Пшенной каши горшокъ,
Таунсяй!

Когда же подадутъ имъ въ окно лепешекъ, свиныхъ ножекъ и пшенной каши, дѣти величаютъ хозяевъ:

У Денянь Лазунясь °°)
Изба свѣтла,
Окошки бѣлы,
Ворота пестры,
Вереи красны,
Таунсяй!

---

*) Толки.

**) Пеки.

***) Анге-Патяй прилетаетъ на землю въ видѣ бѣлаго голубя.

°) Тутъ вмѣсто «замараемъ» употребляютъ слово, неудобное къ печати.

°°) Это имя хозяина. По-русски Денянь Лазунясь значитъ: Денисовичъ Лазарь. Мордва нѣкоторыя христіанскія имена передѣлываетъ по-своему, напримѣръ: Лазарь—Лазунясь, Дмитрій—Митяняй и Митрюсь. Софья—Софась, Дарья — Дарюнясь. Отчество (оканчивается на *янь* или *ань* безразлично и въ мужскихъ и женскихъ именахъ, ибо въ мордовскомъ языкѣ родовъ нѣтъ) ставится всегда прежде имени, напримѣръ: Иванянь Васяй — Василій Ивановичъ, Колованъ Петряй — Петръ Николаевичъ, Михалянь

Денянь Лазунясь
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Молода́ мазай *),
Красно солнышко;
У Деняня дѣтки
Частыя звѣздки.
    Таунсяй!
Уродися Денянъ хлѣбъ —
Не провезти въ ворота́,
Уродися поросятъ,
Телятъ, ягнятъ,
Гусей, лебедей,
Сѣрыхъ уточекъ.
    Таунсяй!

Послѣ величанья хозяина дѣти входятъ въ домъ, и старшій изъ нихъ, что̀ носитъ мѣшокъ, куда кладутъ подачки, вынимаетъ изъ рукавицы насыпанныя туда зерна разнаго хлѣба и бросаетъ на хозяевъ, приговаривая: „Корминечекъ-Пасъ пошлетъ хлѣба на васъ!". Хозяева собираютъ эти зерна и хранятъ ихъ до посѣва.

Обойдя деревню, дѣти собираются въ одинъ домъ и ужинаютъ собраннымъ. Взрослые не ѣдятъ этихъ подачекъ, но часть ихъ отдается курамъ, уткамъ, гусямъ, телятамъ, поросятамъ, ягнятамъ, но отнюдь не старому скоту.

Въ Новый годъ, въ самый полдень, хозяинъ открываетъ окно и, зажегши передъ нимъ штатолъ, молится со всѣми домашними на колѣняхъ, говоря: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Патяй-Пасъ, умоли за свиней, за овецъ, за поросятъ и за куръ (и т. д., перечисляетъ скотъ). Таунь-öзаисъ, береги нашихъ свиней отъ волка: давай много поросятъ. Вельки Васяй (то-есть Василій Великій, котораго Мордва отожествляетъ съ своимъ Таунь-öзаисомъ) Таунсяй, давай поросятъ черныхъ и бѣлыхъ, какихъ самъ любишь". Послѣ молитвы хозяйка подаетъ мужу на блюдѣ свиную голову (безъ березовыхъ прутьевъ, безъ золотой бороды и безъ яйца во рту), онъ съ дѣтьми ходитъ къ камню „кардо-сярко", въ свинарникъ и по другимъ хлѣвамъ. Впереди идетъ старшій его сынъ или дочь. При выходѣ изъ избы мать даетъ ему въ ротъ сваренный свиной хвостикъ; ребенокъ, держа его въ зубахъ, а въ одной рукѣ рукавицу съ зерномъ разнаго хлѣба, ходитъ

Софась — Софья Михайловна. Называть человѣка прежде по отчеству, а потомъ именемъ, свойственно и другимъ народамъ финскаго племени, напримѣръ, зырянамъ, которые о лицѣ отсутствующемъ говорятъ не иначе, какъ перебравъ его предковъ, начиная съ прапрадѣда и постепенно нисходя до имени и праправнука. Напримѣръ: «Петырь-Кузь-Яке-Селе-Вась» Василій сынъ Селивестра, внукъ Якова, правнукъ Кузьмы, праправнукъ Петра. См. статью г. Михайлова «Домашній и семейный бытъ зырянъ» въ 3-й книжкѣ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» за 1852 годъ.

*) Молода́ мазай—жена-красавица.

передъ отцомъ и осыпаетъ зернами камень кардо-сярко, хлѣва, соху, борону, телѣги, бросаетъ зерна въ овинъ, на сѣнницу, словомъ, повсюду, а отецъ, ходя съ свиною головой, говоритъ: „Анге-Патяй-Пасъ, уроди хлѣба и скота, Таунь-öзаисъ, Вельки Васяй, Таунсяй, береги свиней, чтобы волкъ не съѣлъ". Обойдя дворъ и хлѣва, возвращаются въ избу и, прочитавъ трижды молитву, подобную той, которую читаютъ въ Рождество, садятся обѣдать. Послѣ обѣда свиныя уши и кончикъ рыла хозяйка зарываетъ подъ передній уголъ дома.

Солома, положенная въ избѣ передъ Рождествомъ, остается на полу до 2-го января. Въ этотъ день ее собираютъ. Хозяйка беретъ пукъ ея, кладетъ на камень кардо-сярко и зажигаетъ штатоломъ. Потомъ беретъ другой пукъ, зажигаетъ его и окуриваетъ курятникъ. На другой день, то-есть 3-го января, также окуриваетъ коровникъ. Остальную солому въ крещенскій сочельникъ кладутъ передъ домомъ и зажигаютъ штатоломъ. Отъ курева этой соломы, по мнѣнію Мордвы, убѣгаютъ нечистые духи. Въ самое же Крещенье молодые люди, дѣвушки и дѣти катаются по улицѣ на санкахъ, возя другъ друга. Во время этого катанья, по ихъ мнѣнію, всѣмъ злымъ духамъ, дѣтямъ Шайтана, они ломаютъ ноги.

Изъ всего сказаннаго о мордовской богинѣ Анге-Патяй и о совершаемыхъ въ честь ея весеннихъ и зимнихъ праздникахъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

Анге-Патяй, по понятіямъ Мордвы, высшее божество послѣ верховнаго творца Чамъ-Паса. Она есть источникъ жизни, покровительница чадородія женщинъ, размноженія домашняго скота и хлѣбныхъ посѣвовъ. Въ ея небесномъ домѣ находится неизсякаемый источникъ жизни: души еще не родившихся людей, зародыши домашнихъ животныхъ (а также и дикихъ, ибо у Вòлцы-Паса, ихъ покровителя, нѣтъ такого запаса зародышей, какъ у его матери), сѣмена растеній. Ко всякому младенцу, ко всякому новорожденному животному, ко всякому растенію, отъ большихъ деревьевъ до послѣдней былинки, добрая Анге-Патяй приставляетъ особое божество для его охраненія и для противодѣйствія злымъ духамъ, порожденіямъ Шайтана, которые стараются уничтожить или, по крайней мѣрѣ, обезобразить каждое созданіе верховнаго творца Чамъ-Паса.

Женщины и дѣти главные любимцы богини Анге-Патяй. Первымъ она помогаетъ въ родахъ, вторыхъ хранитъ и оберегаетъ посредствомъ подчиненныхъ ей Анге-öзаисовъ. Не ограничиваясь ихъ попеченіями, она по временамъ сама сходитъ съ неба и сама во время сна ласкаетъ маленькихъ дѣтей. Какъ источникъ жизни, богиня Анге-Патяй покровительствуетъ повивальнымъ бабкамъ, ея служительницамъ и жрицамъ, покровительствуетъ и лѣкаркамъ.

Изъ животныхъ и растеній въ особенности покровительствуются богиней Анге-Патяй отличающіяся плодородіемъ: свиньи, овцы, куры, пчелы, березы, просо, ленъ. Этими животными и ихъ плодами: молокомъ, масломъ, яйцами, медомъ, воскомъ и пр., жертвуется богинѣ Анге-Патяй

въ видѣ каши, лепешекъ на овечьемъ молокѣ и на свиномъ салѣ, яичницами и крашеными въ луковыхъ перьяхъ яйцами, ставленымъ медомъ (пурѐ), восковыми штатолами. Береза непремѣнно употребляется при всѣхъ празднествахъ въ честь матери мордовскихъ боговъ; зимой, когда деревья обнажены, нарочно распариваютъ березовые вѣники для совершенія обрядовъ. И съ весенними и съ зимними празднествами въ честь Анге-Патяй соединяется поклоненіе березовымъ богамъ, весной въ полѣ Кёль-öзаису (по-русски Семику), зимой Кёлядѣ (по-русски Колядѣ), богу березы и домашняго скота.

Какъ богиня поддержанія жизни и покровительница чадородія, Анге-Патяй заботится о судьбѣ дѣвушекъ. Поэтому онѣ и молятъ ее о женихахъ. При описаніи свадебныхъ мордовскихъ обрядовъ, попеченіе богини о бракахъ постараемся выяснить еще болѣе.

На весеннихъ праздникахъ Анге-Патяй приносились ей въ жертву овцы, куры, на зимнихъ — свиньи и куриныя яйца. Зимой съ празднованіемъ ей соединялось празднованіе богу свиней Таунь-öзаису. Мы не имѣемъ свѣдѣній, чтобы съ весеннимъ праздникомъ соединялось празднованіе богинѣ овецъ Ревъ-öзаисъ, но позволяемъ себѣ думать, что въ старину это дѣлалось такъ.

Просо, любимое растеніе богини, употреблялось при всѣхъ празднованіяхъ въ честь ея. Изъ проса варили кашу, съ нимъ пекли пироги, его употребляли при распариваніи березовыхъ вѣниковъ, имъ, вмѣстѣ съ другими хлѣбными зернами, производили осыпанье въ день Новаго года. Просяная или пшенная каша, какъ увидимъ впослѣдствіи, употреблялась также при обрядахъ свадебныхъ и совершавшихся послѣ рожденія младенца, въ воспоминаніе Анге-Патяй, покровительницы браковъ и чадородія.

Неоспоримо, что въ обряды, совершаемые Мордвой въ честь богини Анге-Патяй, вошло немало русскихъ повѣрій и даже пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время бóльшая часть мордовскаго населенія, забывъ свой языкъ, употребляетъ русскій, даже и въ языческихъ своихъ молитвахъ. Но нельзя отвергать, чтобы нѣкоторые старинные мордовскіе религіозные обряды не перешли къ русскимъ. Такъ, напримѣръ, мы думаемъ, что коляда и таусень, или авсень, заимствованы нашими предками у Мордвы или у другого какого-либо финскаго племени, на что указываютъ самыя названія того и другого святочнаго обряда. Въ русскихъ деревняхъ недѣля передъ Троицынымъ днемъ зовется *зелеными святками.* Здѣсь видно тожество праздниковъ Семика и святокъ, которое вполнѣ объясняется празднованіемъ Мордвы, въ оба праздника, одной богинѣ Анге-Патяй и березовымъ богамъ — лѣсному Кёлу-öзаису и домашнему Кёлядѣ.

Сведемъ въ заключеніе мордовскіе обряды съ русскими.

Мордовскій Кёлу-молянъ во всемъ похожъ на русскій семикъ. Мордовскія дѣвушки поютъ теперь о честномъ семикѣ, замѣняя имъ своего

стариннаго Кёлу-özaиса. И въ мордовскихъ и въ русскихъ деревняхъ дѣвушки собираютъ въ день семика яйца, дѣлаютъ яичницы, плетутъ березовые вѣнки, кумятся, цѣлуясь черезъ нихъ, и бросаютъ ихъ въ воду, съ цѣлью угадать, выйдутъ ли вскорѣ замужъ или умрутъ. Пѣсни при этомъ, употребляемыя у того и другого народа, чрезвычайно сходны между собой.

Мордовская кёляда совершенно сходна съ русскою колядой. Дѣти одинаково ходятъ подъ окнами сбирать свиныя кишки и лепешки, носятъ зажженную свѣчу и т. д.

Буламань-молянъ имѣетъ сходство съ русскимъ обычаемъ въ этотъ день приносить повивальнымъ бабушкамъ кашу, отчего самый день называется у русскихъ „бабьи каши“.

Вареніе каши въ свиномъ сычугѣ, то-есть желудкѣ, совпадаетъ съ русскимъ обычаемъ варить свиной желудокъ 29-го декабря (двумя днями послѣ Мордвы) въ день св. Анисьи, которая поэтому и называется Анисья-желудочница.

Мордовскій таунсяй совершенно одинаковъ съ русскимъ таусенемъ. Такъ же дѣти ходятъ подъ окнами, выпрашивая свиныхъ ножекъ и лепешекъ, такъ же бранятъ хозяевъ, если они долго не подаютъ имъ подачки, и такъ же величаютъ ихъ, какъ и русскіе.

Въ день Новаго года у Мордвы, какъ и у русскихъ, свиная голова на столѣ. Въ этотъ день Мордва празднуетъ богу свиней, а русскіе считаютъ празднуемаго въ этотъ день церковью Василія Великаго покровителемъ свиней.

На другой день Новаго года и у русскихъ и у Мордвы окуриваютъ курятники для отогнанія злыхъ духовъ. На третій день Мордва окуриваетъ рождественскою соломой коровъ съ тою же цѣлью. Мы не знаемъ, дѣлаютъ ли это гдѣ-нибудь у русскихъ, но въ южныхъ губерніяхъ есть повѣрье, что на пророка Малахію (3-го января) вѣдьмы задаиваютъ коровъ до смерти.

Въ крещенскій сочельникъ у Мордвы сожигаютъ рождественскую солому передъ домомъ, для изгнанія изъ деревни нечистой силы. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ русскіе совершаютъ въ тотъ же день подобный обрядъ; старухи посреди двора жгутъ навозъ, съ цѣлью изгнать нечистаго (изъ дома онъ выгоняется мѣловыми крестами, которые ставятъ надъ дверью и окнами). Мордовскія женщины на другой день такъ же жгутъ солому посреди двора на камнѣ кардо-сярко.

Вообще мордовская вѣра имѣла, кажется, большое сходство съ языческою вѣрой русскихъ славянъ, если не была одна и та же. У русскихъ, уже девятьсотъ лѣтъ принявшихъ христіанство, она совершенно забылась, но остатки ея сохранились въ разныхъ обрядахъ, изъ которыхъ многіе трудно или вовсе невозможно объяснить. Мордва крещена не такъ давно и еще помнитъ старинную свою вѣру. По сохранившимся у Мордвы религіознымъ обрядамъ и по преданіямъ объ ихъ религіи можно объяснить многіе русскіе обычаи и обряды.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

(Посвящается нижегородцамъ, всѣмъ и каждому порознь).

...Наступилъ славный въ лѣтописяхъ міра, но тяжкій для Руси *тринадцатый вѣкъ*. Еще никто изъ русскихъ не предчувствовалъ близкаго переворота, никто не думалъ, что новый *народъ невѣдомый* скоро явится съ мечомъ истребленія отъ востока и распространитъ гибель и плѣнъ по землямъ христіанскимъ. Да и кто могъ предвидѣть этотъ переворотъ, кто могъ знать, что монголы собираются ринуться на западъ, приготовляются напомнить Европѣ забытыя уже времена Аттилы. У насъ князья, по обычаю, враждовали между собою за удѣлы, ссорились, мирились, утверждали власть свою надъ городами и лишались ея, не предчувствуя, что близко то время, когда они сами принуждены будутъ признать надъ собою власть народа чуждаго, народа дикаго, народа славнаго силою и жестокостью. Они не знали о странахъ заволжскихъ, — только темныя сказанія носились въ народѣ о земляхъ невѣдомыхъ, населенныхъ народами хищными, о земляхъ, изъ которыхъ прежде вышли и хозары, и печенѣги, и половцы, преемственно получавшіе другъ отъ друга вражду съ Русью, которая такъ часто трепетала отъ ихъ набѣговъ. Наши предки въ это время изъ восточныхъ сосѣдей знали только половцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ смежныхъ съ Чернымъ моремъ, да болгаръ, славившихся своею гражданственностью и торговлею, стремленіемъ къ владычеству надъ сосѣдями и враждою съ князьями суздальскими. Знали они еще немного полудикихъ сыновъ Біарміи, у которыхъ мало-по-малу исчезла та гражданственность, которая когда-то сдѣлала у нихъ такіе важные успѣхи, но теперь и отъ сосѣдства болгаръ и русскихъ, дѣлавшихъ біармійцевъ своимъ орудіемъ, и отъ этого уединенія отъ прочихъ народовъ, въ которомъ они находились, пришедшую въ упадокъ.

Въ началѣ этого несчастнаго для Руси вѣка Юрій II Всеволодовичъ совершенно утвердился на престолѣ, оспариваемомъ у него братомъ его

Константиномъ Ростовскимъ. Это было въ 1219 году, когда Константинъ умеръ. Константинъ Всеволодовичъ былъ слабъ духомъ и не имѣлъ твердой воли; онъ умѣлъ раздавать богатыя милости нищимъ и духовенству, но по слабости характера не умѣлъ и не могъ пресѣчь раздоры и твердою рукою держать скипетръ великокняжескій; онъ боялся оскорбить кого-нибудь своею строгостью, хотѣлъ только утѣшать всякаго, и на престолѣ былъ болѣе монахомъ, нежели государемъ. Братъ его Юрій, подобный дѣду своему только именемъ, возвышаясь нѣсколько силою духа надъ Константиномъ, легко могъ одержать верхъ надъ нимъ, и если до 1219 года онъ не сдѣлался единственною главою сѣверо-восточной Руси, такъ это потому, что онъ и самъ былъ нетвердаго характера и не имѣлъ нисколько силы души. Смерть князя ростовскаго развязала руки Юрію, который теперь обратилъ вниманіе на сосѣднихъ болгаръ и на устройство городовъ. Суздальскіе князья любили строиться: мыслью Юрія Владиміровича Долгорукаго было — основать вдали отъ Кіева государство отдѣльное, быть въ немъ великимъ княземъ, имѣть своихъ удѣльныхъ князей, свои отдѣльныя дѣйствія,—словомъ, составить новое общество русское на берегахъ Оки и Волги, и по внутреннимъ и по внѣшнимъ формамъ сходное съ обществомъ на Днѣпрѣ. Слѣдствіемъ этого было раздѣленіе Руси на двѣ отдѣльныя части: сѣверо-восточную или суздальскую, и юго-западную или кіевскую. Этимъ кончилась распря двухъ поколѣній Ярослава за право быть *сильнѣйшимъ и великимъ княземъ Кіева*, кончилась такъ, что обѣ стороны остались въ выигрышѣ: старшее поколѣніе осталось въ Кіевѣ, младшее сдѣлалось сильнѣйшимъ. Первымъ княземъ Руси сталъ князь суздальскій. Успѣвъ въ своемъ намѣреніи, князья суздальскіе все еще любили Кіевъ, почитали этотъ городъ, какъ матерь городовъ русскихъ, какъ драгоцѣнный залогъ русской гражданственности, какъ городъ, въ которомъ Русь сознала бытіе свое, озарилась свѣтомъ истинной вѣры и сохранила священный прахъ князей славныхъ. Привязанные сердцемъ къ отдаленному югу, они съ уныніемъ вспоминали въ лѣсахъ своихъ про широкій Днѣпръ, про соборы кіевскіе, про святую лавру Печерскую. Поэтому они наполнили свою страну городами, въ именахъ которыхъ звучали имена родныхъ полей кіевскихъ: явились Владиміръ-на-Клязьмѣ, Переяславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Поволжскій, Галичъ и др. Прежде князья кіевскіе бывали и властителями Новгорода, и народъ русскій привыкъ думать, что только первый князь русскій можетъ владѣть столицею перваго великаго князя. Вслѣдствіе этого князья суздальскіе всячески старались упрочить власть свою надъ столицею Рюрика; но когда послѣ сильныхъ духомъ и твердыхъ волею первыхъ князей суздальскихъ остались Константины и Юріи, они оставили этотъ замыселъ, и князья южные водворили власть свою на берегахъ Волхова. Но Суздалю нуженъ былъ Новгородъ,—того хотѣли князья, того требовало общественное мнѣніе, и Юрій рѣшился сдѣлать свой Новгородъ.

Суздаль сдѣлалъ уже свой Переяславль, свой Галичъ; почему же ему не сдѣлать было своего Новгорода? Юрій выжидалъ только удобнаго случая, который вскорѣ представился.

Сосѣдями суздальскихъ князей были Мордва и болгары. Въ южной части нынѣшней Нижегородской губерніи и въ сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ Симбирской и Тамбовской обитали полудикіе „поганые идолопоклонники Мордва“. Они жили въ дремучихъ лѣсахъ, остатки которыхъ сохранились и до сихъ поръ *), не знали почти никакой гражданственности; не имѣя городовъ, они жили большими селеніями по Окѣ, Кудьмѣ, Пьянѣ и другимъ рѣкамъ. Управлялись они своими князьями, съ которыми часто дѣлали нападенія на сосѣднія области русскія. Мордва то платила русскимъ дань, то разоряла ихъ селенія, то убѣгала отъ ихъ оружія въ знакомыя только имъ однимъ чащи лѣсовъ. Внезапные набѣги ихъ сильно безпокоили великихъ князей суздальскихъ, которые, желая придать своимъ владѣніямъ формы покинутаго Кіева, нашли въ нихъ своихъ половцевъ. Поэтому они необходимо должны были построить городъ, который сторожилъ бы движенія Мордвы и держалъ бы ее въ повиновеніи, или, по крайней мѣрѣ, въ страхѣ.

Въ нынѣшней Казанской губерніи жили болгары, издавна утвердившіеся на берегахъ Волги, составившіе здѣсь сильное, богатое и цвѣтущее государство, которое производило обширную торговлю и съ полудикими племенами финскими, и съ Русью, и съ арабами, изъ пышныхъ городовъ Востока пріѣзжающими подивоваться на великій городъ, купить мѣховъ сибирскихъ и драгоцѣнностей Урала. Чтобъ удобнѣе производить свою торговлю, болгары заводили складочныя мѣста и ярмарки въ разныхъ мѣстахъ, а чтобы оградить свои богатыя владѣнія отъ завистливыхъ сосѣдей, строили по границамъ города. Въ XI и XII вѣкахъ для болгаръ опаснѣйшими и вмѣстѣ съ тѣмъ выгоднѣйшими въ торговомъ отношеніи сосѣдями были русскіе, которые были сильнѣе и образованнѣе Мордвы, уды-мортовъ, коми-утировъ и прочихъ сосѣдей болгаръ. Притомъ въ это время слава арабовъ уже пала, халифатъ ослабѣлъ, народъ пророка упалъ духомъ, и ни одинъ купецъ изъ Куфы или Багдада не являлся на площадяхъ столицы болгарской: одни русскіе вели выгодную торговлю съ болгарами, они одни вымѣнивали на свои произведенія металлы и произведенія фабрикъ болгарскихъ. Чтобъ удобнѣе было вести съ русскими торговлю, болгары основали близъ суздальскихъ владѣній ярмарку **); а чтобы защититься отъ русскаго оружія, построили городъ на мѣстѣ нынѣшняго Нижняго-Новгорода. Но ярмарка пала, городъ разрушенъ былъ князьями русскими, и болгары

---

*) Около Мурома, Сарова и проч.

**) Гдѣ нынѣ Балахна. Такъ говорятъ преданія. Это очень естественно Притомъ самое имя Балахны звучитъ по-восточному и напоминаетъ торговый Балхъ въ Персіи. «Балыкъ» значитъ рыба; «балхиденъ»—примиряться. Впрочемъ, исторической этимологіей не все можно доказывать.

въ этомъ потеряли многое. Чтобы вознаградить эту потерю, они вознамѣрились овладѣть берегами Унжи. Великій князь враждебными глазами смотрѣлъ на болгаръ, старавшихся увеличить свои владѣнія, и видѣлъ необходимость построить на болгарскихъ границахъ городъ, изъ котораго бы удобнѣе было дѣйствовать противъ сильныхъ и смѣлыхъ болгаръ и въ случаѣ нужды защищать свои владѣнія.

Такимъ образомъ три побудительныя причины имѣлъ великій князь для основанія Нижняго-Новгорода: во-первыхъ, онъ хотѣлъ имѣть свой Новгородъ; во-вторыхъ, хотѣлъ имѣть сторожевой городъ противъ Мордвы; въ-третьихъ, хотѣлъ имѣть оплотъ отъ болгаръ. Лучшаго мѣста онъ не могъ выбрать: находясь у Оки и Волги, Нижній могъ владычествовать и надъ Мордвой, жившею по Окѣ, и надъ болгарами, жившими по Волгѣ.

Въ то время, какъ прогнанные изъ Унжи и увидѣвшіе столицу свою въ рукахъ Святослава Всеволодовича, болгары и просьбами и подарками выпрашивали мира у Юрія, этотъ князь былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда городокъ болгарскій. Онъ плѣнился мѣстоположеніемъ: гора, возвышавшаяся надъ Волгою, напоминала ему далекій Кіевъ; выгоды, проистекающія отъ двухъ рѣкъ, пришли ему на умъ; необходимость имѣть оплотъ противъ Мордвы и болгаръ заставила его основать на этомъ мѣстѣ городъ. Новгородъ Волховскій, казалось, былъ потерянъ для Суздаля, но Юрій имѣлъ теперь свой Новгородъ-Нижній, Новгородъ земли Низовскія. Всѣ три цѣли его были достигнуты.

„Древлѣ Низовскою землею владѣли идолопоклонники Мордва. Благочестивый великій князь, нынѣ духомъ въ Бозѣ, а нетлѣннымъ тѣломъ своимъ въ градѣ Владимірѣ почивающій, Юрій Всеволодовичъ Суждальскій, дабы оградить владѣнія свои отъ набѣговъ поганой Мордвы (и болгаръ), заложилъ въ 6720 (6730) году на устьѣ Оки рѣки градъ, и нарекъ имя ему Нижній-Новгородъ, и постави въ немъ церковь во имя святаго Архистратига Михаила деревянную, а въ 6726 (6736) и каменну соборную“ *).

Такъ лѣтопись и надпись на Архангельскомъ соборѣ разсказываютъ о началѣ этого города, въ стѣнахъ котораго въ продолженіе шести вѣковъ совершилось столько важнаго.

Основавъ Нижній-Новгородъ, Юрій въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ его сдѣлать Новгородомъ; онъ завелъ въ немъ *вѣче*, вѣроятно, посадниковъ, и послалъ туда своихъ родныхъ князьями. Безъ сомнѣнія, если бы Ниж-

---

*) Время основанія Нижняго показывается различно. Надпись собора Архангельскаго показываетъ 1199 (6707); лѣтописецъ нижегородскій, напечатанный въ XVIII томѣ «Россійской Вивліофики»—1212 (6720); лѣтописецъ нижегородскій, напечатанный въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета», ошибкою показываетъ 1221, когда тутъ же въ скобкахъ стоитъ годъ 6720. Другіе лѣтописи и историки показываютъ 6730 или 1222. Это справедливѣе, что̀ можно видѣть изъ хода событій.

ній имѣлъ такія же средства усилиться, какъ Новгородъ, онъ тоже бы составилъ республику особенную. Но обстоятельства не позволили этого; во все продолженіе времени зависимости Нижняго отъ Суздаля, однажды только чернь *послѣ мятежнаго вѣча* убила бояръ княжескихъ, но тотчасъ же была усмирена. Другихъ своевольствъ народа нижегородскаго не видно въ исторіи этого времени. Должно-быть, князья новаго Новгорода умѣли лучше держать народъ въ повиновеніи, нежели князья Новгорода устарѣлаго въ своевольствахъ. Намъ неизвѣстны имена князей, бывшихъ въ Нижнемъ во время зависимости его отъ Суздаля, кромѣ имени Михаила, смирившаго въ 1304 году мятежную чернь. Въ Архангельскомъ соборѣ, кромѣ праха Іоанна Васильевича († 1417), Василія Іоанновича († 1446) и сыновей его Іоанна и Василія Гребенки, покоится еще прахъ князей Зиновія, Петра, инока Зосимы, инока Іоны и *великой* княгини Ирины. Быть-можетъ, что эти князья управляли Нижнимъ въ это время.

Мордва враждебными глазами смотрѣла на новый русскій городъ; она не могла не видѣть, что онъ стѣснитъ ея свободу, и потому начала свои набѣги на землю русскую. Юрій Всеволодовичъ въ 1228 году послалъ-было противъ мордовскаго князя Пургаса племянника своего Василька Константиновича и своего приближеннаго Еремѣя Глѣбовича, но возвратилъ ихъ, потому что дождливая осень не благопріятствовала ихъ походу. На другой же годъ онъ самъ, съ братомъ своимъ Ярославомъ, племянниками Василько и Всеволодомъ Константиновичами и княземъ муромскимъ Юріемъ Давидовичемъ, пошелъ противъ Пургаса. Великій князь разогналъ Мордву и разорилъ ихъ селенія. Мордва скрылась въ лѣса свои, но вскорѣ умѣла воспользоваться оплошностью молодыхъ князей,—захватила и перебила ихъ. Но это не спасло ни Мордвы ни Пургаса. Великій князь успѣлъ утвердить безопасность своихъ владѣній, и болгары, постоянные враги русскихъ, шедшіе теперь на помощь Пургасу, воротились съ дороги, услыхавъ о мщеніи Юрія Всеволодовича. Едва великій князь удалился изъ предѣловъ мордовскихъ, Пургасъ, собравъ разбѣжавшихся своихъ подданныхъ, бросился на Нижній, опустошилъ его окрестности и сжегъ монастырь Богородицы, находившійся подлѣ крѣпости *). Но, боясь Юрія, онъ въ тотъ же день отступилъ отъ Нижняго. Великій князь, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же отправилъ съ войскомъ сына воеводы своего Пурешн. Этотъ молодой военачальникъ застигъ гдѣ-то Мордву, разбилъ Пургаса на-голову и заставилъ его съ бѣдными остатками своей силы убѣжать еще далѣе въ лѣса ему знакомые. Въ 1232 году Мордва была снова разбита и съ тѣхъ поръ уже

*) Вѣроятно, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь Благовѣщенія. Эта церковь, впрочемъ, выстроена Дмитріемъ Константиновичемъ послѣ 1377 года, несчастнаго для Нижняго. Этотъ князь выстроилъ ее деревянную. Думаютъ также, что монастырь этотъ былъ на мѣстѣ Печерскаго, который былъ разрушенъ отъ спуска горы.

не нападала на владѣнія великаго князя. Послѣ этихъ происшествій великій князь лучше укрѣпилъ Нижній-Новгородъ и построилъ въ немъ каменную цирковь архангела Михаила (1236). Укрѣпленіе этого города было необходимо, потому что Мордва снова могла сдѣлать набѣгъ на него; притомъ и миръ, заключенный въ 1230 году съ болгарами, былъ непроченъ.

Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ основанія Нижняго-Новгорода. Этотъ городъ скоро зацвѣлъ на землѣ русской. Многіе изъ жителей другихъ городовъ великаго княжества Суздальскаго стекались на устье Оки, куда привлекали ихъ и выгоды мѣстоположенія и пламенное желаніе Юрія видѣть основанный имъ городъ вторымъ Новгородомъ. Мордва утихла, и нижегородцы мирно жили въ юномъ городѣ, строили церкви Божьи и свои дома на берегу Оки и стремились къ утвержденію власти своего города надъ сосѣдственными племенами не русскими. Вѣрные Юрію, они не хотѣли подражать Новгороду великому, уже начинавшему величаться своеволіемъ и распрею съ князьями за власть верховную. Они только желали жизни безмятежной и были вполнѣ увѣрены, что въ будущемъ они будутъ счастливы. Они видѣли, что Мордва боится стѣнъ Нижняго, что болгары страшатся имени русскаго, и питали себя, можетъ-быть, надеждою подчинить власти своей окрестныхъ народовъ точно такъ же, какъ Новгородъ Ильменскій подчинилъ себѣ сосѣднія племена финскія. Блистательно было будущее Нижняго; жители его благословляли Юрія, создавшаго имъ городъ. Въ немъ было все тихо, всѣ были счастливы и настоящимъ и будущимъ...

Вскорѣ послѣ основанія Нижняго-Новгорода, въ 1224 году, толпы какихъ-то народовъ приходили въ степи черноморскія. Тамъ разбили онѣ половцевъ и потомъ отразили рать русскую, подъ предводительствомъ трехъ Мстиславовъ, шедшую для того, чтобъ удержать эти толпы отъ набѣга на земли христіанскія. Русская рать была разбита, а враги съ побѣдою возвратились назадъ. Никто не зналъ, откуда приходили эти толпы, никому не было извѣстно, куда онѣ скрылись. Поговорили, потолковали о нихъ и въ дворцахъ княжескихъ и въ убогихъ хижинахъ земледѣльцевъ— и забыли о ихъ набѣгѣ такъ же скоро, какъ прежде забывали о набѣгахъ половцевъ и другихъ народовъ чужеплеменныхъ, тѣмъ болѣе, что эти новые пришельцы не разорили ни одного русскаго города. Были еще рады ихъ нашествію, потому что они истребили половцевъ, столь страшныхъ для Руси. Мало думали о татарахъ (такъ назвали русскіе новый народъ) въ юго-западной Руси; еще менѣе заботились о нихъ въ сѣверо-восточной и въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ 1229 году въ Нижнемъ, какъ въ городѣ ближайшемъ къ Болгаріи, въ то самое время, какъ въ немъ заботились объ усмиреніи Мордвы, пришла изъ Болгаріи новая вѣсть о татарахъ. Говорили, что какіе-то саксины прибѣжали къ берегамъ Волги отъ татаръ, сдѣлавшихъ нападеніе на ихъ мирныя кибитки. Пошли новые толки, новыя предположе-

нія, но вскорѣ затихли и они; только неясный говоръ носился въ народѣ о новыхъ врагахъ. Ожидали чего-нибудь чрезвычайнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись, что Богъ не попустить народу идолопоклонническому разить христіанъ.

Прошло еще восемь лѣтъ—слухъ о татарахъ совсѣмъ замолкъ: о нихъ разсказывали какъ о счастливо минувшей опасности, говорили какъ о пустомъ страхѣ, поселенномъ въ людяхъ недобрыми слухами. О нашествіи ихъ никто не думалъ. Осенью въ 1237 году узнали на Руси, и сперва всего въ Нижнемъ, о новомъ появленіи татаръ. Говорили, что они уже въ Болгаріи, что жители *великаго города* избиты хищниками, что отъ зданій его остались только развалины. Не знали, вѣрить ли этому слуху; думали, что и эта гроза безъ удара пронесется надъ головою Руси: всѣ боялись и надѣялись. Если и думали, что нашествіе варваровъ неизбѣжно, то никому не приходило въ голову, что оно будетъ такъ ужасно, что послѣ приближающейся зимы на Руси будетъ, вмѣсто городовъ, кучи пепла и осиротѣвшихъ развалинъ. Полагали, что враги, сдѣлавъ нѣсколько набѣговъ на сосѣднія княжества, потомъ уйдутъ восвояси, а тамъ еще будутъ наниматься въ службу княжескую, какъ половцы...

Во Владимірѣ явились послы рязанскіе, сказали Юрію, что татары требуютъ отъ рязанцевъ десятины всего имущества и подданства, и просили помощи. Юрій, заботясь только о себѣ и предполагая, что татары удовольствуются грабежомъ одной Рязанской области и не пойдутъ далѣе громить города русскіе, отказалъ посламъ и отдалъ Рязань на жертву иноплеменникамъ. Татары разрушили Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, послѣ пятидневной осады опустошили Рязань и двинулись противъ Суздаля... У Коломны были разбиты отряды Юрія, и Батый съ огнемъ и мечомъ прошелъ по великому княжеству Суздальскому... Владиміръ и Суздаль были разрушены, прочіе города имѣли ту же участь, великій князь палъ на Сити, и къ марту 1238 года вся сѣверо-восточная Русь лежала въ развалинахъ. Города опустѣли, люди крылись въ лѣсахъ и тамъ мерзли отъ холода, гибли тысячами отъ мечей татарскихъ. Народъ упалъ духомъ, и Русь, казалось, отжила свой вѣкъ. Не вдругъ ожила она отъ перваго удара, но и въ ожившей въ ней было не жизнь, а мучительное томленіе... Насталъ новый порядокъ въ Руси, особенно въ великомъ княжествѣ Суздальскомъ...

Нельзя сказать рѣшительно, были ли татары въ Нижнемъ-Новгородѣ во время всеобщаго опустошенія великаго княжества Суздальскаго. Но можно предполагать, что онъ избавился отъ этого несчастья. Лѣтописцы, описывая походъ Батыя, говорятъ, что его войско во Владимірѣ раздѣлилось на двѣ части: одна пошла на Ростовъ, а другая, опустошивъ Волжскій-Городецъ, устремилась на Галичъ. Изъ этого видно, что татары миновали Нижній, можетъ-быть, по малозначительности его; иначе бы лѣтописцы не умолчали о нападеніи на него...

Ужасная буря нашествія иноплеменниковъ пронеслась, оставя за собою страшные слѣды опустошенія. Буря промчалась, но волны разсвирѣпѣвшаго моря еще не улеглись, онѣ еще колыхались, и долго-долго благодатная тишина не покрывала ихъ поверхности. Русскіе не могли возстать всею силою духа, они не могли еще опомниться отъ страшнаго удара, такъ внезапно разразившагося надъ головами ихъ. Ярославъ, братъ Юрія, началъ *господствовать надъ развалинами и трупами*, но своею дѣятельностью, своею угодливостью предъ ханами умѣлъ хоть нѣсколько залѣчить свѣжія раны Руси, едва не повергнувшія ее въ вѣчную могилу. Великое княжество Суздальское возстало изъ развалинъ и снова начало жить, хотя и не самостоятельною жизнью. Нижній-Новгородъ попрежнему зависѣлъ отъ него, имѣлъ своихъ князей, имѣлъ вѣче, словомъ, былъ точно такимъ же, какимъ былъ и до нашествія монголовъ... Въ Суздалѣ и Владимірѣ также пошло все по-старому; опять стали враждовать князья между собою: начались раздоры за первенство и за Владиміръ, словомъ, возобновился тотъ порядокъ вещей, кикой былъ на Руси предъ возвышеніемъ Суздаля надъ Кіевомъ. Кончились эти распри тѣмъ, что Москва, взявъ перевѣсъ и предъ Тверью и предъ Суздалемъ, завладѣла Владиміромъ и титломъ великокняжескимъ. Въ ней было младшее поколѣніе Ярослава Всеволодовича. Старшая линія осталась господствовать надъ Суздалемъ, Городцомъ, Нижнимъ и нѣкоторыми другими городами прежде бывшаго великаго княжества Суздальскаго.

Въ то время, какъ Іоаннъ Даниловичъ Московскій рѣшительно овладѣлъ великокняжескимъ престоломъ и, оставаясь въ Москвѣ, устроилъ въ этомъ наслѣдственномъ своемъ городѣ каѳедру митрополита всея Руси, старшимъ въ родѣ князей суздальскихъ, и слѣдовательно старшимъ всего поколѣнія Юрія Долгорукаго, былъ Константинъ Васильевичъ. Этотъ государь былъ не такъ слабъ духомъ, какъ отецъ и дѣдъ его,—онъ принялъ твердое намѣреніе возстановить въ родѣ своемъ принадлежащее ему по праву достоинство великокняжеское и началъ борьбу съ князьями московскими, сильными общественнымъ мнѣніемъ, видѣвшимъ въ нихъ потомковъ Александра Невскаго и любимцевъ первосвятителей... Но, видя, что Москва взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Суздалемъ, онъ вздумалъ, подобно предку своему Юрію Долгорукому, основать для себя отдѣльное великое княжество и перевести въ него изъ Москвы центръ дѣлъ Руси, такъ же точно, какъ прежде онъ былъ переведенъ изъ Кіева во Владиміръ. Для этого онъ избралъ Нижній-Новгородъ и въ 1350 году перенесъ въ этотъ городъ свою столицу. Съ образомъ Спасителя, принесеннымъ изъ Греціи, въ рукахъ, и съ враждою къ Москвѣ въ сердцѣ, вступилъ Константинъ въ стѣны вѣрнаго ему Нижняго-Новгорода и началъ устраивать свое новое *великое княжепіе*. Такъ называлъ онъ свое владѣніе; такъ называли его и преемники его. И до сихъ поръ потомство читаетъ надписи на гробни-

цахъ князей нижегородскихъ: на нихъ съ именемъ князя соединяется всегда почетное титло *великаго*. И до сихъ поръ въ титлахъ русскихъ владѣтелей съ именемъ Нижняго-Новгорода соединяется титло великаго князя...

Съ этихъ поръ исторія Нижняго-Новгорода дѣлается болѣе извѣстною. Теперь онъ сталъ мѣстомъ пребыванія старшихъ князей русскихъ, главнымъ городомъ княжества Суздальскаго, блескъ котораго хотя и затмился отъ страха татарскаго и сіянія Москвы, но все еще жилъ въ памяти всѣхъ русскихъ, помнившихъ, по преданіямъ, золотое время Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго, Всеволода и другихъ князей суздальскихъ. Съ этихъ поръ Нижній является городомъ враждебнымъ Москвѣ, и князья его соперниками князей московскихъ. Вражда за престолъ великокняжескій не потухала; мысль о первенствѣ Суздаля предъ Москвою не истреблялась, но жила въ Нижнемъ и безпрестанно проявлялась въ борьбѣ князей его съ князьями московскими. Потомъ исторія Нижняго представляетъ намъ борьбу его князей между собою за право обладанія этимъ городомъ, далѣе—борьбу ихъ съ Москвою за самостоятельность Нижегородскаго великаго княжества. Долго тянулась послѣдняя борьба: самостоятельность Нижняго исчезла не вдругъ, а постепенно, то совсѣмъ погасая, то усиленно вспыхивая, чтобы потомъ, исчезая мало-по-малу, умереть совершенно ко благу Руси, благу, которое состояло въ соединеніи частей ея подъ власть единодержавную. Если будемъ смотрѣть на Нижній съ другихъ точекъ зрѣнія, то увидимъ, что этотъ городъ во времена татарскаго владычества былъ проѣзжимъ городомъ въ Орду, и потому никто изъ русскихъ, ходившихъ въ Сарай поклониться хану кипчакскому, не могъ миновать этого города, когда-то основаннаго для того, чтобы не было для Руси опасности отъ народовъ восточныхъ. Во время борьбы Руси съ Казанью, этимъ бѣднымъ остаткомъ страшной нѣкогда силы татарской, Нижній служилъ сборнымъ мѣстомъ для русскихъ войскъ. Въ то время, когда власть чужеплеменниковъ западныхъ угрожала Руси, когда новый Батый владѣлъ святынями московскими, Нижній сдѣлалъ великое дѣло—возвратилъ народу русскому цѣлость вѣры, царя и свободу отечества.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Гдѣ скончался св. Александръ Невскій?

Въ русскихъ лѣтописяхъ единогласно говорится, что св. великій князь Александръ Ярославичъ Невскій, возвращаясь изъ Орды въ 1263 году, пріѣхалъ больной въ Нижній-Новгородъ, оттуда поѣхалъ далѣе, но на пути скончался въ *Городцѣ*. Гдѣ же этотъ Городецъ?

Въ старину подъ словомъ *городецъ* разумѣли небольшой городъ, *городокъ*. Но это нарицательное слово употреблялось иногда въ смыслѣ собственнаго имени, и нѣсколько городовъ русскихъ носили на себѣ названіе Городца. Вотъ сколько Городцовъ встрѣчается въ нашей исторіи: а) Городецъ Кіевскій, б) Городецъ на Острѣ, в) Городецъ Черниговскій, г) *Городецъ Волжскій или Радиловъ*; д) Городецъ Тверской, е) Городецъ Серпуховскій, ж) Городецъ Московскій, з) Городецъ Касимовъ, и) Городецъ Бѣлозерскій и і) Городецъ Новгородскій. Изъ всѣхъ этихъ Городцовъ особенно замѣчателенъ Городецъ Волжскій или Радиловъ, нынѣ большое и торговое село Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Онъ дѣлается извѣстнымъ въ первый разъ въ 1171 году, когда описывается война русскихъ съ болгарами *); впослѣдствіи былъ столицею особеннаго удѣльнаго княжества Городецкаго, потомъ, присоединенный къ Москвѣ, принадлежалъ князю Владиміру Андреевичу Храброму, и наконецъ вошелъ въ составъ государства московскаго. Онъ находится на лѣвомъ берегу Волги, верстъ на сорокъ выше Балахны и верстъ на сто выше Нижняго. На подробной картѣ Россіи онъ названъ Большимъ-Кириловымъ.

Въ этомъ Городцѣ и до сихъ поръ находится Ѳедоровскій мужской монастырь, въ которомъ Александръ Невскій, предъ кончиною своею, принялъ схиму; до сихъ поръ показываютъ въ монастырѣ мѣсто келіи, гдѣ скончался этотъ князь знаменитый; до сихъ поръ носится въ народѣ

---

*) Бывшю же князю Мстиславу на Городци, совокупльшися съ братама своима съ Муромскимъ и съ Рязанскимъ.

преданіе о Городцѣ, какъ о мѣстѣ кончины Невскаго, и, кромѣ того, объ этомъ же говоритъ и надпись, въ Өедоровскомъ монастырѣ находящаяся.

Но нѣкоторые наши историки, не знаю съ чего, взяли, будто бы св. Александръ скончался въ *Городцѣ Касимовѣ* (нынѣ городъ Касимовъ, Рязанской губерніи, около 200 верстъ выше Нижняго, по Окѣ). Первый пустилъ въ ходъ такое историческое извѣстіе покойный Миллеръ въ своемъ „Географическомъ Лексиконѣ Россійскаго Государства" на страницѣ 70, подъ словомъ Городецъ. Его извѣстіе перешло въ Словарь Щекатова (подъ тѣмъ же словомъ I, 218), и наконецъ въ одномъ и томъ же томѣ „Энциклопедическаго Лексикона" Плюшара (XV) явились два извѣстія: въ одной статьѣ кто-то, по слѣдамъ Миллера и Щекатова, написалъ, что Александръ Невскій скончался въ Касимовѣ, между тѣмъ какъ въ другой говорится, что этотъ князь кончилъ жизнь свою въ Городцѣ Волжскомъ. Чему прикажете вѣрить?

Я не бывалъ въ Касимовѣ, но слыхалъ отъ людей достовѣрныхъ, что въ этомъ городѣ многіе толкуютъ, будто бы Невскій и въ самомъ дѣлѣ скончался въ ихъ городѣ. Одинъ извѣстный русскій ученый сказывалъ мнѣ, что какой-то касимовецъ (фамилію позабылъ) собирается издать въ свѣтъ изслѣдованіе объ этомъ предметѣ и доказать, даже исчисленіемъ дней пути, то, что говорили безъ основанія Миллеръ и его послѣдователи. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ этого изслѣдованія, но между тѣмъ представляемъ и свои доказательства въ пользу Городца Волжскаго.

Во время татарскаго владычества въ Орду ходили Волгою. Правда, впослѣдствіи, когда Москва взяла совершенный перевѣсъ надъ прочими княжествами русскими, отправлялись въ татарскія страны изъ Коломны и слѣдовательно ходили Окою мимо Касимова, но это начали дѣлать не ранѣе, какъ съ XIV столѣтія. Такъ и архіепископъ Гурій держалъ путь изъ Москвы въ Казань и проч. Но во времена Невскаго, когда престолъ великокняжескій былъ во Владимірѣ, а Москва была еще городкомъ незначительнымъ, въ Орду ходили слѣдующимъ образомъ: садились на суда или около верха Бѣжецкаго, или около Ярославля, или около Юрьевца-Поволжскаго, или около Городца, и плыли мимо Нижняго и далѣе внизъ по Волгѣ до самой Орды. Если ѣхали сухимъ путемъ, то всегда держались береговъ Волги.

Много фактовъ историческихъ можно привесть въ подтвержденіе того, что ходили въ Орду Волгою. Ограничусь только слѣдующими: св. Алексѣй митрополитъ, на пути своемъ въ Орду, былъ въ Нижнемъ, когда умеръ Іоаннъ Калита. Симеонъ, возвратившійся изъ Орды, былъ въ Нижнемъ; новгородцы, грабившіе во времена Донского татарскія владѣнія, отправлялись внизъ по Волгѣ. Я нарочно привелъ факты изъ московскаго періода, чтобъ показать, что и во время владычества Москвы старинный путь въ Орду нескоро былъ забытъ.

Первымъ изъ князей, ходившихъ въ Орду, минуя Нижній, былъ едва ли не Дмитрій Донской. Скажутъ: если изъ Москвы ѣздили въ Орду Окою

и Волгою, то и Нижняго не миновали и мимо Касимова ѣздили. И въ доказательство тому, что ѣздили изъ Москвы до Нижняго, слѣдуя теченію Оки, я приведу слѣдующее обстоятельство Въ 1368 году в. к. нижегородскій Дмитрій Константиновичъ съ московскимъ войскомъ шелъ противъ брата своего Бориса, засѣвшаго въ Нижнемъ. Борисъ смирился и вышелъ навстрѣчу къ брату до Бережца. А Бережецъ былъ суздальскій городъ и находился на правомъ берегу Клязьмы, нѣсколько повыше ея устья. Но все это было въ московскомъ періодѣ, когда ѣздили въ Москву или изъ Москвы. А Невскому зачѣмъ было держать путь къ Москвѣ, тогда городу весьма незначительному? Александръ, ѣхавъ во Владиміръ, кажется, думалъ побывать въ Новгородѣ...

Вотъ слова лѣтописи о кончинѣ св. Александра Невскаго: „Князь велики Александръ поиде въ Орду ко царю Беркаю и удръжаша и царь не пусти его въ Русь и зимова въ Ордѣ тамо и разболѣсь и доиде Новагорода Нижнего и пребывъ ту мало иде на Городець и тамо въ болшій недугъ впаде и пострижеся въ черньци ноемврія 14, тое же нощи и преставись: святое же тѣло его *понесоша* къ Володимерю, митрополитъ Кирилъ съ чиномъ церковнымъ, вкупѣ жь князи и бояре и весь возрастъ маліи и велиціи и *срѣтоша и у Боголюбина* со свѣщами и кандилы“ („Кіев. лѣт.“, листь 865).

Значитъ, изъ Городца *понесли* тѣло Александра сухимъ путемъ, прямо ко Владиміру, т.-е. на Стародубъ и Боголюбъ,—слѣдуя теченію Клязьмы отъ того мѣста, гдѣ впала въ нее Тёза.

Боголюбовъ, или Боголюбинъ, находится на рѣкѣ Клязьмѣ къ с.-в. отъ Владиміра. Ѣхавши изъ Городца Волжскаго во Владиміръ, нельзя было миновать Боголюбова. Ѣхавши изъ Касимова въ Боголюбовъ, нельзя *было* миновать Владиміра.

Какимъ же образомъ володимірцы встрѣчали тѣло Александрово, принесенное изъ Касимова въ Боголюбовъ? Рѣшите это, гг. защитники Миллера и иже съ нимъ!

Село Городецъ—мѣсто любопытное: много воспоминаній, много интереснаго настоящаго. Преданіе о большомъ Китежѣ, повѣрье о Кириловыхъ горахъ, Өедоровскій монастырь, воспоминаніе объ удѣльныхъ князьяхъ, объ Александрѣ Невскомъ, его сынѣ Акурѣ, объ императрицѣ Екатеринѣ II-й, промышленность Городца, его пряники, главная часовня поповщины, архимандритъ Петръ, жившій долгое время въ Китаѣ,—всѣ эти предметы заинтересуютъ всякаго посѣтителя столицы Бориса Константиновича.

II.

Гдѣ жилъ и умеръ Козьма Мининъ?

Въ Нижнемъ-Новгородѣ ходитъ слухъ, будто Козьма Мининъ, послѣ освобожденія Россіи, жилъ постоянно въ этомъ городѣ и умеръ въ при-

ходѣ Похвалы Пресвятыя Богородицы, и будто на погостѣ этой церкви онъ первоначально былъ погребенъ. Прибавляютъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тѣло Минина было перенесено въ Спасо-Преображенскій соборъ вслѣдствіе *особаго царскаго указа*. Знаю нѣсколько ревнителей памяти незабвеннаго нижегородца, которые тщательно отыскивали въ церквахъ и архивахъ этотъ указъ, — но тщетно. Досужая молва ходила между тѣмъ по городу, и слухъ о погребеніи Минина при церкви Похвалы даже почитался *народнымъ* преданіемъ, которому всѣ безусловно вѣрили. Пріѣзжалъ ли въ Нижній любитель старины— ему показывали на церковь XVIII столѣтія и увѣряли, что при ней жилъ и былъ погребенъ избавитель Россіи. Требовались ли какія свѣдѣнія о Mининѣ—церковь Похвалы являлась въ донесеніяхъ. Никто не спорилъ, всѣ вѣрили. Мало этого: являлись люди, которые, въ припадкѣ сумасшествія, толковали, будто имъ являлся Мининъ въ ночномъ видѣніи и приказывалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было *сначала* положено тѣло его, построить церковь. Чернь вѣрила охотно толкамъ; находились люди и изъ высшихъ сословій, которые раздѣляли съ необразованными простолюдинами увѣренность въ истинѣ этихъ *сплетенъ*. Имя незабвеннаго человѣка сдѣлалось вывѣскою обмана — и гдѣ же?—на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ благовѣстилъ спасеніе Руси... Бредни, распущенныя, кажется, единственно только для того, чтобъ имѣть даровой домъ *), наконецъ затихли, но все еще есть люди, которые вѣрятъ имъ, и все еще носится преданіе о томъ, что Козьма Мининъ жилъ въ Нижнемъ, въ приходѣ Похвалы, и что при этой церкви онъ былъ сначала похороненъ.

И я, года два съ половиной тому назадъ, говоря въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1840 г.) о Нижнемъ-Новгородѣ, вѣрилъ этому преданію и предлагалъ его вниманію благосклонныхъ читателей; прежде меня—Свиньинъ, Орловъ, Рожанскій, Духовскій и др. писали то же; писали и послѣ меня.

Теперь (1842), имѣя подъ руками нѣсколько старинныхъ актовъ, я рѣшился исправить общую нашу ошибку. Кто ведетъ дѣла свои совѣстливо, кто занимается наукою безкорыстно, тотъ долженъ выказывать свои прежнія заблужденія и ошибки, а не утаивать то, что хотя и справедливо, но противорѣчитъ прежде высказанному мнѣнію. Ошибка свойственна человѣку, который потому и обязанъ исправлять прежнія свои прегрѣшенія.

1) *Козьма Мининъ послѣ 1612 года не жилъ въ Нижнемъ*, а пріѣхалъ въ этотъ городъ незадолго до своей смерти. Это доказывается царскою грамотой нижегородскимъ воеводамъ, князю Бахтеярову-Ро-

---

*) Тѣ, которымъ являлась тѣнь Минина, говорили, будто она приказываетъ нижегородскому градскому обществу построить домъ и подарить его тѣмъ, кого она удостоила своимъ явленіемъ. Какое выгодное посѣщеніе замогильнаго гостя!

стовскому и Нащокину, объ изъятіи сына, братьевъ и крестьянъ Козьмы Минина отъ суда въ Нижнемъ-Новгородѣ, кромѣ случаевъ татьбы и разбоя *). Въ ней сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Билъ намъ челомъ думной нашъ дворянинъ Кузьма Мининъ, что *живетъ онъ на Москвѣ при насъ*, а помѣстья-де и вотчинка за нимъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и братья его и сынъ живутъ въ Нижнемъ-Новгородѣ“ и пр. Грамота эта писана была 1615 года мая 31, а Козьма Мининъ скончался между сентябремъ 1615 и іюнемъ 1616 годовъ **). Слѣдовательно, если Мининъ и жилъ въ Нижнемъ, то никакъ не болѣе одного года.

2) *Домъ Козьмы Минина до 1612 года находился* въ Благовѣщенской слободѣ, на берегу Оки, выше Благовѣщенскаго монастыря, *въ приходѣ Рождества Іоанна Предтечи.* Носилось прежде объ этомъ преданіе въ Нижнемъ-Новгородѣ — преданіе, сообщенное въ 1807 году г. Бантышъ-Каменскому *мнимымъ* родственникомъ Минина, Подсѣвальщиковымъ. Но такъ какъ въ настоящемъ трактатѣ преданія не могутъ имѣть силы, то поищемъ въ актахъ доказательствъ нашему положенію. Благовѣщенская слобода, остатки которой существуютъ и до сихъ поръ, была въ приходѣ Іоанна Предтечи, церкви, существующей и теперь. Другой ближайшей церкви къ Благовѣщенской слободѣ нѣтъ и не было. Церковь Рождества Іоанна Предтечи существовала въ 1621 году: она описана на оборотѣ 16 листка сотной грамоты 1621 года, хранящейся въ Нижегородской градской думѣ (въ 4-ю д. на 435 листкахъ, за скрѣпою дьяка Баима Болтина, справилъ Левка Полуехтовъ). Въ домѣ Козьмы Минина жила впослѣдствіи, сосланная въ Нижній, невѣста царя Михаила Θеодоровича, Марья Ивановна Хлопова, что̀ видно изъ царской грамоты въ Нижній-Новгородъ отъ 31 марта 1633 года ***). Въ слѣдственномъ дѣлѣ о Марьѣ Хлоповой, напечатанномъ въ „Собраніи Госуд. Граматъ и Договоровъ“, говорится, что въ Нижнемъ у ней былъ духовникомъ предтеченскій попъ. Слѣдовательно домъ Козьмы Минина находился въ приходѣ Рождества Іоанна Предтечи, а не въ приходѣ Похвалы Богородицы.

3) *Церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы во времена Минина еще не существовала.*—Въ сотной грамотѣ 1621 года, о которой мы выше упоминали, подробно описаны всѣ церкви нижегородскія, исключая кремлевскихъ, но о церкви Похвалы не говорится ни слова. Даже самое мѣсто, гдѣ теперь она находится и гдѣ находилась до пожара, показано въ этой грамотѣ за острогомъ, т.-е. оно было не заселено. Въ переписной книгѣ Нижняго-Новгорода, 1678 года, упоми-

---

*) Напечатана въ III томѣ «Ак. Арх. Эксп.» подъ № 71.

**) Въ послужномъ спискѣ старинныхъ русскихъ чиновниковъ кончина Козьмы Минина показана подъ 124 годомъ (отъ октября 1615 года), 5 іюля 1616 г. была пожалована царская грамота уже *вдовѣ* Минина (см. «Ак. Арх. Экспед.», III, № 83).

***) См. «Ак. Арх. Экспед.», III, № 218.

настся о церкви Похвалы Богородицы, которая была деревянная. Слѣдовательно она построена была между 1621 и 1678 годовъ, т.-е. гораздо позже послѣ смерти Козьмы Минина.

4) *Домъ Минина послѣ 1613 года былъ въ нижегородскомъ кремлѣ.*—Въ сотной грамотѣ 1621 года на 31 листѣ сказано: „а на другой сторонѣ соборные церкви дворы: дворъ стряпчево Нефедья Кузмина сына Минина съ огородомъ, а по скаскѣ нижегородцовъ посадскихъ выборныхъ людей то мѣсто бывало государево дворовое". Итакъ, Минину вмѣстѣ съ помѣстьемъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ пожалованъ былъ дворъ въ городѣ, для пріѣзда людей, для проживанія родственниковъ и для временной квартиры его самого. Дворъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ: въ кремлѣ, на площади, подлѣ собора — значитъ, на мѣстѣ нынѣшняго собора. Въ сотной грамотѣ онъ упоминается первымъ послѣ съѣзжей избы. Неподалеку отъ него находился домъ брата Козьмы — Безсона, мѣсто нетяглое, вѣроятно, по особой милости царя къ родственникамъ великаго человѣка.

Въ старину мертвыхъ клали при той церкви, близъ которой они прежде жили. Мѣсто такого кладбища, окружавшее обыкновенно церковь, называлось погостомъ. Хоронили мертвыхъ и возлѣ соборныхъ церквей—доказательствомъ этого служитъ то, что по близости нижегородскаго Спасопреображенскаго собора находили множество человѣческихъ костей. Козьма Мининъ скончался въ приходѣ этого собора и былъ положенъ *при немъ;* сынъ его Нефедій такъ же. Какъ человѣка важнаго, уважаемаго нижегородцами и богатаго, а слѣдовательно положившаго богатый вкладъ въ церковь, его, быть-можетъ, положили и въ самомъ соборѣ, но не на той сторонѣ, гдѣ положены были князья, а на другой, гдѣ впослѣдствіи полагали тѣла архіереевъ. Когда похороненные при соборѣ Козьма и Нефедій Минины записаны были въ соборный синодикъ, и впослѣдствіи (при Петрѣ Великомъ), когда подвигъ великаго нижегородца былъ оцѣненъ какъ должно,—имена ихъ начали произносить на вселенскихъ панихидахъ. 30 мая 1722 года императоръ Петръ Великій, бывъ въ соборѣ Преображенскомъ у обѣдни, спросилъ: „Гдѣ похороненъ Мининъ?" Ему показали мѣсто. Державный, почтивъ земнымъ поклономъ могилу спасителя Россіи, спрашивалъ о его потомкахъ... Съ этого времени началась слава Минина, до тѣхъ поръ почти забытаго. Память о немъ воскресла, стали показывать гробъ Минина, стали говорить о Мининѣ. Впослѣдствіи нашли въ Цюрихѣ знамя князя Пожарскаго, знаменитаго сподвижника Минина, списали съ него списокъ и поставили надъ долго пребывавшею въ забвеніи могилою. А ложная молва между тѣмъ распространилась: стали говорить о первоначальномъ погребеніи Минина при Похвалинской церкви, о перенесеніи *костей* его въ Спасопреображенскій соборъ по приказанію царя Алексія Михайловича. „И промчеся слово сіе" въ Нижнемъ „даже до сего дне".

Если несправедливыми покажутся защитникамъ Похвалинской церкви эти замѣчанія, предлагаемъ имъ слѣдующіе вопросы:

Есть ли въ Похвалинской церкви записи или приклады, свидѣтельствующіе о жительствѣ Минина въ ея приходѣ? Были — да сгорѣли въ 1771 году, во время большого пожара,—скажутъ мнѣ. Положимъ, что такъ. А гдѣ записи Преображенскаго собора о перенесеніи праха Минина въ этотъ храмъ? Утрачены? А почему же въ соборномъ синодикѣ записанъ и на вселенскихъ панихидахъ поминается и сынъ Козьмы—Нефедій, *здѣ лежащій?* Если только потому, что онъ былъ сынъ Козьмы, то почему же бы не поминать жены Козьмы, Татьяны, его отца Мины, его братьевъ Сергѣя и Безсона? Да притомъ къ чему было нести тѣло умершаго въ кремлѣ Минина цѣлыя двѣ версты до Похвалинской церкви?

Результатъ всего сказаннаго состоитъ въ слѣдующемъ:

Козьма Мининъ, будучи посадскимъ, жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ приходѣ Іоанна Предтечи, около Благовѣщенскаго монастыря, а сдѣлавшись думнымъ дворяниномъ, жилъ въ Москвѣ. Черезъ три года послѣ того онъ пріѣхалъ побывать въ Нижній и остановился въ пожалованномъ ему отъ государя домѣ, который находился въ кремлѣ, подлѣ собора. Здѣсь онъ умеръ и былъ похороненъ при Спасопреображенскомъ соборѣ. Впослѣдствіи въ этомъ же домѣ умеръ и сынъ его, стряпчій Нефедій Козьмичъ Мининъ, и былъ похороненъ подлѣ своего отца.

III.

О царицѣ Маріи Петровнѣ.

Царь Василій Іоанновичъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ московскій, съ котораго онъ успѣлъ согнать Самозванца, несмотря на свою старость, рѣшился сочетаться бракомъ, въ надеждѣ имѣть наслѣдниковъ для полученнаго имъ по случаю престола. Выборъ его палъ на Екатерину Петровну, дочь боярина, князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго. Ее взяли на верхъ государевъ, нарекли царицею и назвали Маріею. 17 января 1608 года былъ совершенъ бракъ... Въ русской исторіи еще встрѣчается примѣръ перемѣны имени той, которая была возводима въ санъ царицы: лѣтъ черезъ восемь послѣ брака царя Василія Іоанновича, невѣста царя Михаила Ѳеодоровича, Марія Хлопова, была названа Анастасіею; но съ перемѣною имени и счастье измѣнило ей: жертва интригъ Салтыкова — она была сослана изъ дворца и провела остатокъ плачевной жизни своей въ Нижнемъ-Новгородѣ. Не лучшая участь постигла и супругу Василія: черезъ полтора года она лишилась престола, была разлучена съ супругомъ, заточена въ монастырь. Карамзинъ говоритъ: „Постригли и несчастную царицу Марію, также безмолвную въ обѣтахъ, но краснорѣчивую въ изъявленіи любви къ супругу: она рвалась къ нему, стонала, называла его своимъ *госуда-*

ремъ милымъ, царемъ великимъ народа недостойнаго, ея супругомъ законнымъ и въ рясѣ инока. Ихъ разлучили силою, отвели Василія въ монастырь Чудовскій, Марію въ Ивановскій". Дальнѣйшая судьба этой несчастной царицы неизвѣстна; но въ сотной нижегородской грамотѣ 1621 и 1622 годовъ, хранящейся въ Нижегородской градской думѣ, находятся нѣкоторыя извѣстія объ ея участи. Она въ монашествѣ получила имя Елены. Ей были пожалованы, безъ сомнѣнія, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ помѣстья въ Бѣлогородѣ и въ Городцѣ *), два дома въ нижегородскомъ кремлѣ. Она имѣла своего приказчика и приказныхъ людей. Вотъ слова сотной грамоты, свидѣтельствующія объ этомъ:

На 34 л. на об. и на 35-мъ: „Дворъ царя Василія Ивановича царицы иноки Елены Петровны приказныхъ ея людей изъ вотчины Бѣлогородскія волости, а въ немъ живетъ дворникъ Нестерко Сапожникъ—нетяглое мѣсто".

На 43 л. на об.: „Дворъ для осаднаго времени царя Василія Ивановича царицы Елены Петровны изъ Городецкіе волости прикащика Карпа Верещагина, а въ немъ живетъ дворникъ ярыжной Ивашко Ржевитинъ".

Царица Елена Петровна скончалась въ 1626 году, по извѣщенію Никоновской лѣтописи **). Входя святыми воротами въ церковь Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря—это домовище русскихъ царицъ и царевенъ, вы встрѣтите на лѣвой сторонѣ у стѣны гробницу: здѣсь покоится прахъ несчастной трехъименной царицы.

Затѣтимъ при семъ случаѣ, что, по стеченію обстоятельствъ, въ первые годы царствованія Михаилова было въ живыхъ 6 русскихъ царицъ и царевенъ прежнихъ династій, и всѣ онѣ были пострижены невольно.

IV.

О родственникахъ Козьмы Минина.

Въ одномъ изъ писемъ г. Бантышъ-Каменскаго къ г. Малиновскому сказано о родственникахъ Минина, Подсѣвальщиковыхъ. Дополнимъ это извѣстіе: у Михайлы Алексѣева Подсѣвальщикова, внука Михайлы Петрова, который *будто бы* былъ родной внукъ сестры Козьмы Минина, Дарьи—были еще родные дяди Иванъ и Василій Михайловы, изъ которыхъ у перваго былъ сынъ Григорій. У этого Григорія сыновья: Гаврила и Сергѣй. Гаврилы Григорьева дѣти: Андрей и Степанъ; Сергѣй Григорьевъ и сынъ его Александръ живы еще и до сихъ поръ; они купцы города Казани. И у Михайлы Алексѣева Подсѣвальщикова, котораго г. Бантышъ-Каменскій называетъ бездѣтнымъ, родились послѣ 1807 года дѣти — Сергѣй и Алексѣй. Старшій отданъ былъ отцомъ въ

*) Село нынѣшней Нижегородской губерніи, прежде столица удѣльнаго княжества.

**) «Ник. лѣт.», VII, 258.

солдаты, а младшій пошелъ въ военную службу охотою. Оба они живы. Вотъ извѣстія, за подлинность которыхъ ручаюсь и которыя можно доказать ревизскими сказками. Но какъ доказать подлинность происхожденія всѣхъ этихъ лицъ отъ Дарьи Миничны, имени которой нѣтъ ни въ какомъ актѣ? Фамильнымъ преданіемъ? Но что̀ значитъ преданіе? Оно важно только въ такомъ случаѣ, если дополняетъ или объясняетъ обстоятельства, доказанныя актами, и еще тогда, когда оно характеризуетъ извѣстный вѣкъ. Во всякомъ другомъ случаѣ основываться на преданіи значитъ строить храмину на пескѣ. Опровергаетъ родословную г. Бантышъ-Каменскаго слѣдующее обстоятельство: въ ней сказано, что Дарья Минична была замужемъ за Иваномъ Семеновичемъ Кавтаревымъ, посадскимъ, котораго внукъ Михайла написалъ себя въ ревизіи Подсѣвальщиковымъ. Ни въ сотной грамотѣ Нижняго 1621 года, ни въ переписной книгѣ нижегородскихъ жителей 1678 года не упоминается о Кавтаревыхъ, а о Подсѣвальщиковыхъ упоминается. Слѣдовательно Подсѣвальщиковы были Подсѣвальщиковыми гораздо прежде ревизіи, только пять лѣтъ спустя послѣ смерти Козьмы Минина. Прибавимъ и преданіе: старожилы говорятъ, что родъ Подсѣвальщиковыхъ ведется въ Нижнемъ съ незапамятныхъ временъ.

Теперь скажемъ о другихъ родственникахъ Козьмы Минина. У него были родные братья, что̀ доказывается царскими грамотами, напечатанными въ „Актахъ Археогр. Эксп.“ (т. III, №№ 71 и 85). Этими грамотами братья Минина и его крестьяне освобождались отъ суда въ Нижнемъ, кромѣ татебныхъ и разбойныхъ дѣлъ, — первою по челобитью самого Козьмы, второю по челобитью оставшагося послѣ него сына Нефедья. Послѣдняя оканчивается словами: „А сю нашу грамоту отдали (бы воевода и дьякъ) Нефеда Минина людемъ его, кого онъ съ сею нашею грамотою къ вамъ въ Нижней пришлетъ, и онъ ее держитъ у себя впередъ для нашихъ иныхъ воеводъ и приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125 октября въ 31 день“. На оборотѣ грамоты этой, подъ адресомъ, гдѣ на старинныхъ актахъ обыкновенно писалось, кто именно отдалъ грамоту по адресу, написано: „125 года генваря въ 19 день съ *Серпьемъ Мининымъ*“. Обыкновенно подавались царскія грамоты воеводамъ или самими лицами, о которыхъ шло дѣло, или холопями ихъ; исключенія рѣдки. Если привозилъ грамоту холопъ, то писалось: съ такого-то человѣкомъ такимъ-то, и притомъ писалось не полное его имя, а полуимя: Ивашка, Сергѣйка и проч.

Послѣ этого должно заключить, что Нефедій Мининъ послалъ въ Нижній царскую грамоту съ дядей своимъ *Серпьемъ*. Весьма вѣроятно, что Сергѣй Мининъ отправился въ Москву къ своему племяннику сказать, что „нижегородцы, да иныхъ городовъ всякіе люди на дядьехъ его и на людѣхъ и на крестьянѣхъ поклепавъ, ищутъ напрасно, и въ томъ ставятся имъ и крестьянамъ продажи и убытки великіе“. Нефедій Мининъ билъ челомъ государю-царю и, выхлопотавъ несудимую

грамоту, послалъ ее въ Нижній съ своимъ дядею, до котораго также касалось дѣло.

Изъ сотной грамоты 1621 года видно, что незадолго до этого времени въ нижегородскомъ кремлѣ жилъ другой братъ Козьмы Минина—*Безсонъ.* Онъ имѣлъ свой домъ, съ котораго подати не взимали не потому, что владѣлецъ его обнищалъ, но, конечно, по особой жалованной грамотѣ. Послѣ онъ перешелъ во владѣніе посадскаго Пустобоярова. Вотъ слова сотной грамоты: „Дворъ Якова Пустобоярова, а сказали былъ за посадскимъ человѣкомъ, за Безсономъ за Мининымъ: *а мѣсто бывало не тяглое, а Безсонъ Мининъ съ посадскими людьми въ тяглѣ не былъ, и нынѣ обнищалъ*" (листъ 33 на об.).

Въ выписи изъ переписной книги 1678 года, на 32 листкѣ упоминается о дворахъ гостиной сотни Никиты Минина и гостиной сотни Клементія Минина. Не родственники ли они Козьмѣ? Можетъ-быть. Впрочемъ, утвердительно сказать этого нельзя, потому что у насъ, на Руси, всякій имѣвшій отца Мина назывался и называется *Мининымъ.*

Въ городѣ Балахнѣ есть купеческая фамилія Мининыхъ; говорятъ, она происходитъ отъ одного изъ братьевъ Козьмы.

Въ сотной грамотѣ 1621 года, при перечисленіи лавокъ въ нижегородскомъ мясномъ ряду, сказано: „лавка вымолная на одно лицо посадскихъ людей *Богдана Кузьмина да Михайла Игнатьева Сухоруковыхъ* съ полатьми на два замка мѣрою до вымла полчетверты сажени безъ трехъ вершковъ, оброку платитъ въ земскую избу по осминадцати алтынъ, а нынѣ изоброчено и съ старымъ оброкомъ тридцать алтынъ" (листъ 334).

Извѣстно, что Козьма Мининъ имѣлъ прозваніе Сухорукій, былъ «*художествомъ говядаръ*», по словамъ хронографовъ, и торговалъ въ мясной лавкѣ. Не въ этой ли лавкѣ торговалъ онъ? Не перешла ли она послѣ возвышенія Минина къ его родственникамъ, можетъ-быть, двоюроднымъ братьямъ Богдану Кузьмичу и Михайлѣ Игнатьевичу?

Акты, относящіеся до Минина, вѣроятно, находятся въ частныхъ рукахъ. Въ нижегородскихъ архивахъ я не нашелъ ни одного. Вспомнимъ при этомъ случаѣ, что такіе акты, напечатанные въ „Ак. Арх. Эксп.", получены въ Твери отъ *частнаго лица* г. Строевымъ. Желательно, чтобъ частные люди, обладающіе старинными актами, относящимися до Минина, напечатали ихъ, а не хранили подъ спудомъ. Бумаги о подобныхъ вещахъ не частная собственность: это достояніе націи.

ЗАМѢЧАНІЕ О ГОРОДАХЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Русскіе города являются въ исторіи еще прежде того, какъ на берегахъ Ильменя отважные витязи норманскіе положили начало государству русскому, или, лучше сказать, бросили зерно гражданственности, изъ котораго со временемъ выросло такое огромное, величественное дерево. Иначе и быть не могло. Славяне, занимавшіе искони восточную часть Европы, отличались не только храбростью, столь свойственною народамъ необразованнымъ, но и мирными занятіями. Они были народъ земледѣльческій: чрезъ ихъ земли пролегали торговые пути изъ Царяграда и пышныхъ городовъ Востока. Эти обстоятельства имѣли неминуемымъ слѣдствіемъ то, что города славянъ и до X вѣка по Р. Х. представляли не только крѣпости (городъ — значитъ ограда, мѣсто огражденное, укрѣпленное), но и мѣста безопаснаго пристанища рукодѣлія, ремеслъ, промышленности и торговли.

Со временъ пришествія къ восточнымъ славянамъ Рюрика, число городовъ въ земляхъ, составляющихъ теперь Россійскую имперію, значительно умножилось. Это произошло отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, оттого, что русскіе, утверждая власть свою надъ сосѣдними племенами, строили въ земляхъ ихъ крѣпости для содержанія въ повиновеніи новыхъ данниковъ и для того, чтобы имѣть тамъ мѣста, въ которыхъ бы сидѣлъ тіунъ и собирались пошлины на князя: во-вторыхъ, потому, что при размноженіи потомства святого Владиміра увеличивалось число удѣльныхъ городовъ и слѣдовательно удѣльныхъ князей. Во времена Рюрика было 8 городовъ, какъ намъ извѣстно, а именно: Кіевъ, Новгородъ, Ладога, Изборскъ, Бѣлоозеро, Смоленскъ, Ростовъ и Муромъ; во времена же нашествія на землю русскую монголовъ ихъ было до полутораста, если еще не болѣе.

И всѣ эти города были не только крѣпостями, но и мѣстами пристанища такъ-называемой городской промышленности. Императрица Екатерина II, занимавшаяся и на тронѣ исторіею врученнаго ей Богомъ на-

рода, справедливо сказала въ грамотѣ, дарованной въ 21 день апрѣля 1785 года городамъ Россійской имперіи: „Всероссійскіе самодержцы отъ самыхъ древнихъ лѣтъ, съ расширеніемъ предѣловъ владычества ихъ и съ умноженіемъ народнымъ, умножали и число городовъ, дая въ нихъ безопасное пристанище торгу и рукодѣліямъ“ *).

Во время татарскаго владычества число городовъ русскихъ постоянно увеличивалось. Еще болѣе оно увеличивалось со временъ Іоанна III какъ посредствомъ завоеваній, такъ и по причинѣ основанія новыхъ городовъ.

Въ концѣ XVI столѣтія въ Россіи было уже значительное число городовъ, какъ видно изъ „Книги Большому Чертежу“. Всѣ города платили уже тогда городскія пошлины, то-есть таможенныя, кабацкія и мн. др., которыхъ начало должно искать въ татарскомъ періодѣ.

Изъ сочиненія Флетчера „of the Russe Common-Wealt“ видно, что при царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ слѣдующіе города Россіи платили болѣе пошлины и слѣдовательно были значительнѣе:

Старая Руса (солеварни) . . .	18.000	руб.
Москва	12.000	„
Псковъ.	12.000	„
Казань.	11.000	„
Смоленскъ.	8.000	„
Нижній-Новгородъ.	7.000	„
Новгородъ	6.000	„
Вологда	2.000	„
Кострома	1.800	„
Ярославль	1.200	„

Послѣ безпорядковъ на Руси, бывшихъ слѣдствіемъ восшествія на московскій престолъ Самозванца, царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ повелѣно было составить *писцовыя книги*, т.-е. подробныя описанія городовъ, и списки съ нихъ дать городамъ *(сотныя грамоты)*. До сихъ поръ во многихъ старинныхъ русскихъ городахъ сохраняются писцовыя книги или сотныя грамоты, въ другихъ онѣ теряются, истребляются пожарами или небреженіемъ архиваріусовъ. Какую бы пользу принесло наукѣ собраніе оставшихся въ цѣлости этихъ грамотъ. Издавать ихъ вполнѣ едва ли нужно; но описанія замѣчательныхъ церквей, число домовъ, жителей, раздѣленныхъ по сословіямъ, лавокъ, бань, количество выгонной земли были бы весьма интересны для всѣхъ занимающихся изученіемъ русской исторіи и статистики. Тогда бы и настоящее положеніе русскихъ городовъ представилось чрезъ сравненіе въ лучшемъ свѣтѣ;

*) Грамота, данная городамъ Р. И. 21 апрѣля 1785 года, стр. 2; «Полное Собр. Зак. Р. И.», т. XXII, № 16.187. Извѣстно, что императрица Екатерина написала четыре тома «Записокъ, касательно Россійской Исторіи». Спб. 1787.

ибо статистика, говоря словами нашего знаменитаго статистика П. И. Кеппена, „можетъ быть основана только на сравненіи или сличеніи, безъ коего нѣтъ повѣрки“ *).

Изъ нѣкоторыхъ актовъ XVII столѣтія можно видѣть состояніе русскихъ городовъ того времени. Такъ, напримѣръ, изъ окладныхъ книгъ о сборѣ денегъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ по новому 1671 г. окладу—можно видѣть количество дворовъ въ нѣкоторыхъ городахъ съ нѣкоторыми принадлежащими къ нимъ селеніями. Изъ этого акта видно, что

Въ Ярославлѣ было	2.296	двор.
„ Вологдѣ	1.220	„
„ Нижнемъ.	1.274	„
„ Костромѣ	1.079	„
„ Симбирскѣ	510	„
„ Казани	310	„
„ Арзамасѣ	555	„
„ Ельцѣ.	264	„
„ Воронежѣ	344	„
„ Орлѣ	60	„
„ Переяславлѣ Рязанскомъ .	165	„
„ Тулѣ	312	„
„ Владимірѣ	400	„
„ Галичѣ	499	„
„ Твери.	487	„
„ Ст.-Русѣ	342	„
„ Торжкѣ	624	„
„ Уфѣ	33	„
„ Серпуховѣ	307	„
„ Бѣлевѣ	357	„
„ Калугѣ	1.045	„
„ Кунгурѣ	1.651	„
„ Курскѣ	599	„
„ Пензѣ.	41	„
„ Василѣ	193	„
„ Балахнѣ	514	„
„ Угличѣ	528	„
„ Устюгѣ Великомъ . . .	10.450	„
На Вяткѣ.	12.377	„
Въ Соликамской	7.053	„
„ Перми Великой	3.292	„

*) См. «Bulletin Scientifique», Т. VIII, № 10 и 11. Русскій переводъ статьи П. И. Кеппена «О городахъ Россійской имперіи» напечатанъ въ № 127 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1841 года.

Время преобразованія Россіи императоромъ Петромъ I было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ увеличенія числа городовъ Россійской имперіи. Изъ показанія Кирилова видно, что въ годъ смерти Великаго, то-есть въ 1725 году, было въ Россіи городовъ:

Столичныхъ	2
Губернскихъ	10
Провинціальныхъ	39
Полковыхъ, малороссійскихъ, слободскихъ и двухъ казацкихъ (Черкаскъ и Яикъ)	17
Уѣздныхъ и крѣпостей	272
Пригородовъ	60
Большихъ торговыхъ слободъ съ купцами и магистратами	18
Казачьихъ городовъ	137
Мѣстечекъ	316
Остроговъ	74
Итого	945
Изъ того числа городовъ	340

Въ царствованіе императрицы Екатерины II число городовъ Россійской имперіи значительно умножилось: въ первые 23 года ея царствованія открыто 216 новыхъ городовъ.

ПРЕДАНІЯ ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изъ преданій въ Нижнемъ-Новгородѣ первое мѣсто занимаетъ легенда о построеніи города. Во времена стародавнія на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Нижній-Новгородъ, жилъ мордвинъ Скворецъ, другъ и помощникъ Соловья-Разбойника, связаннаго Ильею Муромцемъ. Здѣсь онъ женился на 18-ти женахъ, которыя родили ему 70 сыновей. Всѣ они жили вмѣстѣ, занимались скотоводствомъ, пасли стада на горѣ и по вечерамъ гоняли ихъ на водопой на Оку рѣку. Здѣсь же въ ущельяхъ горы обиталъ чародѣй Дятелъ, бывшій также нѣкогда въ ладахъ съ Соловьемъ.

Его спрашивалъ Скворецъ о будущей судьбѣ своихъ дѣтей. Дятелъ отвѣчалъ: „Если дѣти твои будутъ жить мирно другъ съ другомъ, то долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами; а если поссорятся, то будутъ покорены русскими, которые построятъ на устьѣ Оки градъ каменнъ и крѣпокъ зѣло-зѣло, и не одолѣютъ его силы вражескія".

Въ заключеніе Дятелъ просилъ Скворца о честномъ ему погребеніи. Умеръ чародѣй Дятелъ, и похоронилъ его Скворецъ на мѣстѣ нынѣшняго Благовѣщенскаго монастыря; и прозвалось то мѣсто „*Дятловы горы*. Умеръ за нимъ и Скворецъ. Предъ смертью онъ заповѣдалъ дѣтямъ своимъ взаимное согласіе и единодушіе. Но потомки ихъ, размножившись, стали враждовать между собою; и тогда св. Андрей Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки, а племянникъ его св. Юрій Всеволодовичъ, построивъ Нижній-Новгородъ, исполнилъ предсказаніе Дятла.

Преданіе сіе о построеніи Нижняго-Новгорода найдено даже записаннымъ въ одной рукописи временъ Петра Великаго, гдѣ о Скворцѣ, между прочимъ, сказано: *онъ же Мессетянинъ*. Въ подтвержденіе преданія скажемъ: а) Татищевъ въ своей исторіи говоритъ, что на мѣстѣ Нижняго-Новгорода былъ нѣкогда городъ болгарскій; то же говоритъ и

императрица Екатерина II въ своихъ „Запискахъ касательно Россійской Исторіи“ (III, подъ 1222 г.). б) Въ „Книгѣ Большему Чертежу“, составленной при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, сказано, что Нижній-Новгородъ стоитъ на Дятловыхъ горахъ. в) Въ древней мѣстной пѣснѣ вспоминается Мордвою о Нижнемъ-Новгородѣ:

На горахъ, на горахъ на Дятловыхъ
Мордва богу (то-есть своему) молятся,
Къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняются.
Ѣдетъ мурза московскій царь по Воложкѣ,
По Воложкѣ на камышкѣ;
Говоритъ мурза слугамъ своимъ:
Слуги вы мои вѣрные,
Вы взгляните-ка на Нижній градъ,
Поглядите-ка на тѣ горы на Дятловы,
Что̀ это за березникъ мотается, шатается,
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется;
Вы, слуги мои, подите,
Слуги вѣрные, доглядите:
Что̀ это за березникъ шатается,
Къ землѣ преклоняется.
Слуги возвратились,
Низко царю поклонились:
Это Мордва своему богу молятся,
Къ землѣ-матушкѣ преклоняются, и пр.

Въ объясненіе этой пѣсни обрусѣвшая нижегородская Мордва подъ мурзою московскимъ царемъ разумѣетъ Іоанна IV, плывшаго подъ Казань. Но такое пріуроченіе, очевидно, несправедливо и основано на одномъ безотчетномъ воспоминаніи походовъ Грознаго на Казань. Какая молящаяся своему богу Мордва могла быть въ Нижнемъ-Новгородѣ при Грозномъ, когда въ немъ было до 40 церквей съ монастырскими? Гораздо правдоподобнѣе относить содержаніе пѣсни ко времени св. Андрея Боголюбскаго, который могъ плыть по Окѣ и Волгѣ противъ болгаръ и видѣть на мѣстѣ Нижняго-Новгорода Мордву съ ея языческимъ идолослуженіемъ. Отсюда заключеніе въ пользу глубокой древности легенды о построеніи Нижняго-Новгорода на Дятловыхъ горахъ и въ пользу того мнѣнія, что на мѣстѣ Нижняго-Новгорода, до построенія его въ 1221 году Юріемъ II Всеволодовичемъ, находился болгарскій городъ, и жила въ немъ Мордва, прогнавшая отсюда болгаръ.

Другое преданіе разсказывается въ Нижнемъ-Новгородѣ о кремлевской *Коромысловой* башнѣ. Названіе ея относятъ ко временамъ набѣговъ татарскихъ. Тогда, какъ только-что успѣли выстроить въ Нижнемъ-Новгородѣ стѣну кремлевскую *), приходили подъ Нижній казанскіе царевичи Сеитъ, да Булатъ, да Качелей (1520 г.). Подошедши къ Нижнему, какъ записано въ лѣтописи, они простояли тутъ три дня, — *и-*

*) Въ нынѣшнемъ видѣ кремль нижегородскій со стѣною и башнями построенъ въ 1508 году итальянскимъ архитекторомъ Петромъ Фрязинымъ.

чтоже сотворше отъидоша вспять. О причинѣ же отступленія ихъ преданіе разсказываетъ такъ. „Три дня стояли подъ Нижнимъ разбойники-татары; всѣ православные заперлись въ кремлѣ, и на новую-то стѣну надѣялись, и татаръ-то боялись, никто не смѣлъ выйти за ворота кремлевскія. Была тогда въ городѣ одна дѣвица-красавица; имени и отечества ея не помнятъ. Понадобилось ей за водой сходить на Почайну рѣку; не хотѣлось, видно, пить колодезной. Вотъ взяла она вёдра на коромыселъ, а коромыселъ тотъ былъ желѣзный, только два пуда вѣсомъ. И пошла она, дѣвица, за городъ на Почайну рѣку. Татары замѣтили ее возлѣ башни и, кто ихъ знаетъ, въ полонъ ли хотѣли взять, красотѣ ли ея позавидовали, только кинулись всѣ на нее опрометью. Вотъ она, видя бѣду неминучую, поставила вёдра на землю, помолилась на соборы нижегородскіе и, взявъ коромыселъ въ руки, дожидалась перваго татарина. Подходили къ ней татары не по одному, не по два, а цѣлыми сотнями: и всѣхъ тѣхъ татаръ дѣвица уложила возлѣ башни спать непробуднымъ сномъ. Уже этихъ татаръ она била-била, а все еще ихъ много было. Одолѣли они наконецъ дѣвицу, изрубили ее въ мелкіе куски и похоронили у башни вмѣстѣ съ коромысломъ ея. Князья же татарскіе Сеитъ, да Булатъ, да Качелей подумали-погадали—да и рѣшили отъ Нижняго убираться по-добру по-здорову.—„Если бабы въ Нижнемъ такія сильныя,—говорили они:—что же съ нами будетъ, если ратные люди на насъ выступятъ?“ Вотъ отчего та башня зовется *Коромысловою:* возлѣ нея было это побоище“.

Третье преданіе о св. Алексіи митрополитѣ, худо принятомъ нижегородцами. Въ простой ризѣ странника они не узнали великаго святителя; и онъ, въ первый разъ бывши въ Нижнемъ, не нашелъ даже ночлега. Говорятъ, что по этому-то случаю онъ сказалъ: „Городъ каменный, люди желѣзные“. А о мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ святитель, говорятъ, что на немъ построена Алексѣевская часовня у Благовѣщенскаго монастыря.

Четвертое преданіе у нижегородцевъ о концѣ ихъ города и кончинѣ міра. Они говорятъ, что давно сказалъ одинъ святой человѣкъ, родомъ изъ Нижняго, что послѣднія времена будутъ тогда, какъ въ Нижнемъ будетъ великое торжище. Суевѣрные видятъ въ ярмаркѣ исполненіе этого пророчества. А конецъ Нижняго-Новгорода будетъ слѣдующій. Есть въ Нижнемъ подлѣ крѣпости маленькій ручеекъ; онъ течетъ по оврагамъ и близъ Никольской церкви впадаетъ въ Волгу. Зовутъ его Почайной, и говорятъ, что Юрій Всеволодовичъ, основатель Нижняго-Новгорода, назвалъ такъ этотъ ручей, будучи пораженъ сходствомъ мѣстоположенія нижегородскаго съ мѣстоположеніемъ кіевскимъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Почайна беретъ свое начало, есть большой камень, на которомъ прежде было что-то написано, но теперь уже стерлось. Отъ этого камня зависитъ судьба Нижняго-Новгорода: въ послѣднее время онъ сдвинется съ мѣста; изъ-подъ него выступитъ вода и потопитъ весь Нижній.

Пятое преданіе говоритъ о ходахъ въ кремлевской стѣнѣ, что они во время набѣговъ татаръ и Мордвы были продолжены въ одну сторону до Марьиной рощи, а съ другой выходили на лѣвый берегъ Волги, прокопанные подъ русломъ этой рѣки. Во время осадъ города жители спасались этими проходами: теперь они засорены и забыты.

Кромѣ того, есть преданія въ Нижнемъ-Новгородѣ о подвигахъ Козьмы Минина, о казни князя Вяземскаго (1608 г.) и Теряева на нижнемъ базарѣ, о казни сообщниковъ Стеньки Разина, о панскихъ буграхъ, на коихъ теперь раскинутъ англійскій садъ, о казни грабившаго по р. Окѣ Сулейки въ Благовѣщенской слободѣ. Но всѣ эти преданія такъ темны, что нельзя сказать почти ничего объ нихъ опредѣленнаго. Равнымъ образомъ неопредѣленны преданія о нижегородскихъ уроженцахъ, преподобныхъ Макаріи Желтоводскомъ и Евфиміи Суздальскомъ, кромѣ указанія на мѣсто жительства ихъ родителей у церкви Женъ Мироносицъ *). О пребываніяхъ Петра Великаго и Екатерины II въ Нижнемъ-Новгородѣ къ письменнымъ извѣстіямъ преданіе прибавляетъ немного. Говорятъ, что царь въ 1722 году велѣлъ запечатать Строгоновскую церковь за то, что узналъ въ ней писанныя для него въ С.-Петербургѣ иконы, а царица въ 1767 г. наградила мѣщанку за то, что она скинула съ себя платокъ и подослала подъ ноги, когда красное сукно приподнято было вѣтромъ.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ замѣчательно преданіе о „Барановомъ ключѣ", куда ѣздятъ нижегородцы для богомолья и прогулки. Но это преданіе соединено съ необычайными явленіями тутъ животнаго и разными видѣніями.

---

*) См. составленное мною «Сказаніе о жизни и чудесахъ преп. Макарія Желтоводскаго и Унженскаго чудотворца». Москва 1851 года, стр. 16.

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСКИ*).

(На пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь).

I.

Саровская пустынь.—Илевскій заводъ.—Ардатовъ.—Липня.—Выѣздное.—Арзамасъ.—Дорога къ Нижнему.—Анкудиновка.

Мы пріѣхали въ Бутаково (село Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда, въ 39 верстахъ отъ уѣзднаго города). Какъ живописны окрестности этого села! Вдали на сѣверѣ тянется черною полосою лѣсъ, отрасль лѣсовъ Муромскихъ, славныхъ своимъ Соловьемъ-разбойникомъ и сильнымъ могучимъ богатыремъ Ильею. Какъ звѣздочки, блестятъ на этой полосѣ куполы Саровской пустыни; а тамъ, гдѣ лѣсъ сливается съ отдаленностью, бѣлѣется церковь Сарминскаго-Майдана. На обширной равнинѣ, между этимъ лѣсомъ и возвышенностью, на которой расположено Бутаково, разбросаны кучами деревни и хутора: они такъ хорошо рисуются на золотомъ полѣ богатой нивы. Направо Мокша ленточкой вьется по полямъ, между дубовыми рощицами и деревьями, налѣво отлогая возвышенность, покрытая пашнями; дальше виднѣются колокольни и двѣ-три минары мусульманскія. При выѣздѣ изъ Бутакова стоитъ памятникъ временъ татарскихъ.

Татарскій камень (какъ обыкновенно зовутъ этотъ памятникъ) есть не что иное, какъ могильная плита изъ бѣлаго камня, поставленная стоймя, аршина два вышиною. Съ одной стороны, между арабесками, вырѣзанъ большой параллелограмъ, на которомъ замѣтны полусосьобленныя слова, вырѣзанныя татарской вязью. Мѣстные жители приписываютъ камню цѣлебную силу отъ зубной боли и соскабливаютъ слова безъ всякаго уваженія къ старинѣ. Въ параллелограмѣ можно разобрать только одно татарское слово (оутакуфъ), которое, быть-можетъ, отно-

*) Очерки эти помѣщены въ Отечественныхъ Запискахъ 1839—1842 гг. Здѣсь изъ нихъ дано лишь все то, что сохранило современный интересъ и вообще не утратило извѣстнаго значенія. *Ред.*

сится къ селу. На другой сторонѣ, обращенной къ кеблѣ, уцѣлѣли выраженія изъ корана съ обычнымъ *каламъ* (сказалъ) и внизу число года девятьсотъ семьдесятъ два, что значитъ по-нашему 1564 годъ.

Въ то время, какъ намъ отводили комнаты и переносили изъ экипажа вещи, я отправился осмотрѣть монастырь. Онъ расположенъ при рѣчкахъ Сатисѣ и Саровѣ; кругомъ его дремучій лѣсъ; монастырскія строенія каменныя и обнесены каменной стѣной; церкви великолѣпны. Надъ всѣмъ монастыремъ возвышается огромная колокольня (вышиною 42 сажени, какъ мнѣ сказывали), которая далеко видна и за лѣсомъ.

Церковь Успенія великолѣпна и богата; въ ней, въ числѣ мѣстныхъ образовъ, показали мнѣ образъ св. Дѣвы Маріи, принесенный въ даръ царевною Маріею, сестрою Петра Великаго, въ 1711 году; послѣ онъ украшенъ великолѣпною ризою. Кромѣ церкви Успенія, въ Саровѣ замѣчательна церковь св. печерскихъ, устроенная въ пещерахъ, въ которыхъ, говорятъ, укрывались монахи въ смутныя времена мордовскихъ набѣговъ. Въ этой церкви весь иконостасъ сдѣланъ изъ желѣза.

Послѣ обѣдни мы снова отправились въ путь, въѣхали въ Нижегородскую губернію и поворотили на *Илевскій заводъ*. Онъ, такъ же, какъ и заводы Гусерскій (во Владимірской губерніи) и Вознесенскій (въ Тамбовской), принадлежитъ Баташеву, бывшему владѣтелю Выксунскаго завода. Желѣзная руда, въ большомъ количествѣ находящаяся въ этомъ краю, привозится сперва на Малый Илевскій заводъ, находящійся въ полуторѣ верстѣ отъ Большого завода; тамъ она перерабатывается въ чугунъ; а на Большомъ дѣлаютъ желѣзныя полосы.

Дорога отъ Илевскаго завода къ городу Ардатову пятнадцать верстъ идетъ лѣсомъ; миновавъ этотъ лѣсъ, мы опять очутились на равнинѣ, усѣянной холмами, деревнями и покрытой нивами... Мы пріѣхали въ *Ардатовъ*, уѣздный городъ Нижегородской губерніи. Расположенный по косогору у двухъ ручьевъ Леметя и Сіязьмы, онъ походитъ болѣе на село, нежели на городъ. Три церкви, семь каменныхъ домовъ, тротуарные столбики да двѣ-три будки съ заржавѣвшими алебардами у дверей напоминали, что это не простая деревня. Грязь, дома, крытые соломою, заросшія травою улицы и площадки, огромныя лужи, въ которыхъ стаями полоскались утки, какъ грозные оппоненты силились доказать всю негодность этого города, и, признаюсь, доказательства этихъ господъ *имѣли свои причины и были сильны*. Словомъ сказать, Ардатовъ городъ, какихъ на матушкѣ святой Руси довольно количество, особливо тамъ, въ Украйнѣ, да тамъ, около Урала и Камы.

Мѣстное преданіе вотъ что разсказываетъ о началѣ Ардатова. Когда царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный въ 1552 году шелъ на Казань чрезъ эти мѣста, тогда мордвины, жившіе на Леметѣ, вызвались быть его проводниками. Три брата, Ардатка, Кужендей и Торша, провели войско русское чрезъ знакомые имъ лѣса и послѣ, съ милостью царскою, возвратились на Леметь. Ардатка поселился на мѣстѣ Ардатова, а братья его на

мѣстѣ села Кужендеева (верстахъ въ четырехъ отъ города). Мордва охотно селилась вмѣстѣ съ проводниками царскими, и вскорѣ на этомъ мѣстѣ явилась деревня, сдѣлавшаяся впослѣдствіи дворцовымъ селомъ, а съ 1779 года городомъ Нижегородскаго намѣстничества.

Изъ Ардатова, чрезъ деревню Міякуши, принадлежащую г-ну М—у, мы своротили на московскую дорогу и пріѣхали въ деревню *Липню*... Липня можетъ похвалиться красотою своего мѣстоположенія. Она расположена на возвышенности, саженяхъ въ восьмидесяти отъ Тёши, которая живописно извивается между кустарниками. За Тёшею лѣсъ, а далѣе, вправо, виднѣются церкви Арзамаса, впрочемъ, не для близорукихъ.

Дорога къ Арзамасу вообще скучна, хотя изрѣдка и попадаются пріятные для глазъ сельскіе виды. Верстъ за восемь Арзамасъ весь открывается прекрасной панорамою. Довольно значительная возвышенность, полукругомъ огибающая Тёшу, покрыта красивыми каменными домами, изъ-за которыхъ смотрятъ колокольни, одна другой выше, одна другой великолѣпнѣе; въ срединѣ величественный соборъ, съ прекрасною колоннадою и огромнымъ куполомъ, поражаетъ всякаго своею колоссальностью; лѣвѣе видны церкви Алексѣевской общины: еще далѣе роща и монастырь Святогорскій. Въ Россіи немного и губернскихъ городовъ, которые бы при такомъ счастливомъ мѣстоположеніи были такъ красивы, какъ Арзамасъ. Версты за четыре отъ города большая дорога превращается въ прекрасную аллею изъ густыхъ акацій, которыя, переплетясь между собою, тянутся по сторонамъ зелеными стѣнами. По обѣ стороны отъ этихъ акацій находится садъ гг. Салтыковыхъ, прежде хорошо обработанный, а теперь совершенно заброшенный и заросшій травою. Множество разбитыхъ статуй и остатки огромнаго театра свидѣтельствуютъ о быломъ его великолѣпіи. Этотъ арзамасскій Карѳагенъ принадлежитъ къ селу *Выѣздному*, которое можно назвать предмѣстьемъ Арзамаса. Выѣздное выстроено правильно: улицы въ немъ широки, и главная даже вымощена камнемъ. Множество каменныхъ заводовъ и красиленъ свидѣтельствуютъ о богатствѣ жителей этого села. Въ немъ двѣ церкви, изъ которыхъ одна очень великолѣпна. Внутреннее украшеніе ея вполнѣ соотвѣтствуетъ наружному великолѣпію. Особенно красивъ куполъ этой церкви, легко и смѣло раскинутый рукою художника; образцомъ для него служилъ, кажется, куполъ Софійской мечети въ Константинополѣ. Поля, прилегающія къ Арзамасу и Выѣздному, засѣяны по большей части лукомъ, который въ большомъ количествѣ отправляютъ въ Нижній и другіе ближніе города. Такая торговля была причиною того, что арзамасцевъ сосѣди ихъ зовутъ *луковниками*. Близъ Выѣздного есть слобода Пушкарки: преданіе говоритъ, что она населена была пушкарями, сосланными сюда послѣ стрѣлецкаго бунта.

Выѣздное соединяется съ городомъ посредствомъ моста, устроеннаго на сваяхъ чрезъ Тёшу и продолжающагося болѣе полуверсты по низ-

кому мѣсту, которое весною затопляется водою. Тёша у города очень глубока, пониже она мелка до того, что ее можно перейти въ бродъ. Это обстоятельство влечетъ за собою то неудобство, что Арзамасъ, этотъ богатый и промышленный городъ, не можетъ имѣть съ другими городами постояннаго водяного сообщенія. Онъ поддерживается единственно неутомимою дѣятельностью его жителей и счастливымъ положеніемъ у соединенія дорогъ: одной изъ Нижняго въ южныя губерніи, и другой изъ Москвы въ Симбирскъ и далѣе.

Торговая дѣятельность въ Арзамасѣ обширна: каждый день отправляются изъ него транспорты въ разныя мѣста. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе всякаго пріѣзжаго въ Арзамасъ, это *соборъ*, которому подобнаго я не видалъ ни въ одномъ губернскомъ городѣ, тѣмъ болѣе въ уѣздномъ. Онъ выстроенъ на главной площади здѣшнимъ купечествомъ въ воспоминаніе 1812 года. По двѣнадцати колоннъ поддерживаютъ каждый изъ четырехъ фронтоновъ; пять куполовъ возвышаются надъ этими фронтонами; средній изъ нихъ очень обширенъ. Внутри соборъ еще не оконченъ работою, средній алтарь еще не освященъ. Стѣнная и иконостасная живопись очень хороша — это работа Ступинской школы живописи. Стѣнная живопись исполнена не красками, а тушью, что̀ придаетъ картинамъ видъ литографированныхъ. Соборъ выстроенъ по плану архитектора Варенцова, подъ надзоромъ академика Кориноскаго: во время постройки лопнули-было нѣкоторыя колонны: чтобы поправить это, нужно было много времени. Особенно замѣчательно въ этомъ храмѣ расположеніе оконъ: когда вы стоите въ самой срединѣ зданія, подъ среднимъ куполомъ, вы видите окна только надъ головою, между тѣмъ какъ освѣщенія очень много. Оконъ въ стѣнахъ изъ центра не видно, потому что косяки сдѣланы не прямо, а вкось; такое освѣщеніе придаетъ много эффекта. Въ соборѣ будетъ пять алтарей, одинъ подлѣ другого. На той же площади, на которой воздвигнутъ этотъ соборъ, находится Никольскій женскій монастырь. Онъ основанъ въ 1606 году. Удивительная чистота въ церквахъ, порядокъ службы ставятъ его на ряду съ лучшими монастырями русскими; пріятное пѣніе привлекаетъ къ слушанію богослуженія все лучшее арзамасское общество. Сестры этой обители занимаются вышиваніемъ золотомъ, и работа ихъ, по чистотѣ своей, высоко цѣнится покупателями. Кромѣ соборовъ (теплаго и холоднаго), на площади стоитъ еще одна церковь (Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы), которая, стоя не на мѣстѣ (и притомъ безъ прихода), очень много отнимаетъ вида у площади, очень обширной, но мало обстроенной хорошими домами, которые соотвѣтствовали бы собору.

Къ этой грязной площади примыкаетъ обширный, каменный гостиный рядъ, который спускается подъ гору. За этимъ гостинымъ дворомъ и небольшимъ оврагомъ находится Спасскій монастырь и Благовѣщенская церковь, окруженные нѣсколькими другими храмами. Спасопре-

ображенскій монастырь основанъ по приказанію Іоанна Васильевича Грознаго, вскорѣ послѣ взятія Казани, въ память похода его чрезъ здѣшнія мѣста. Онъ одаренъ былъ набожнымъ завоевателемъ царства Казанскаго многочисленными отчинами и угодьями. Въ 1685 году онъ былъ перестроенъ; теперь въ немъ три церкви: холодная, теплая и еще надъ воротами. Въ этомъ монастырѣ мнѣ показали три старинныя грамоты: одна изъ нихъ подписана тремя патріархами, Іовомъ, Гермогеномъ и Филаретомъ, другая—Филаретомъ, а третья—Адріаномъ. Благовѣщенская церковь обращаетъ на себя вниманіе всякаго по внутреннему великолѣпію; въ ней показываютъ большое евангеліе, принесенное въ эту церковь Булгаковымъ, съ собственноручною надписью этого вельможи.

Въ концѣ города надъ Тёшею находится знаменитая *Алексѣевская община.* Прежде на мѣстѣ ея находился Алексѣевскій монастырь, основанный при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и упраздненный въ 1765 году. Чрезъ нѣсколько времени Марья Петровна Протасьева, по совѣту іеромонаха Ѳеодора (Ушакова), строителя Сенаксарской пустыни, водворилась, съ дозволенія начальства, въ этомъ монастырѣ съ нѣсколькими сестрами. Вскорѣ число сестеръ начало увеличиваться и наконецъ достигло до 500. Всѣ онѣ не подвергаются обряду постриженія и поступаютъ въ общину безъ всякихъ условій, связывающихъ свободу, имѣя право оставить стѣны обители во всякое время. Но, говорятъ, не было примѣра, чтобы поступившая въ общину вышла изъ нея. Всѣ онѣ, безъ исключенія, несутъ на себѣ по силамъ своимъ разныя должности, работаютъ сами на принадлежащей имъ мельницѣ, приготовляютъ для себя все нужное, исправляютъ даже должность каменщицъ. Рукодѣлія въ общинѣ, особенно вышиваніе золотомъ, доведены до возможнаго совершенства; въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи можно найти плащаницы и образа ихъ работы. Въ общинѣ есть больница для престарѣлыхъ и больныхъ сестеръ и гостиница для бѣдныхъ богомольцевъ.

Изъ общины мы отправились въ школу живописи академика Ступина, заведеніе столько полезное въ здѣшнемъ краѣ и бывшее единственнымъ въ Россіи до основанія подобныхъ Чуриковымъ въ Воронежской губерніи и Надеждинымъ въ Козловѣ. Въ Ступинской школѣ образуется человѣкъ пятнадцать воспитанниковъ, большею частью изъ крѣпостныхъ людей.

Арзамасъ — старинный городъ, это замѣтно при первомъ на него взглядѣ. Въ новомъ городѣ вы не встрѣтите такого множества церквей. Мѣстное преданіе говоритъ, что на мѣстѣ Арзамаса жили два мордовскіе князя: на горѣ Арза, а подъ горою Маза; но когда это было, арзамасцы не припомнятъ, хотя и готовы горой стать за истину этого преданія, напоминающаго сказаніе о Мосохѣ и Квѣ. Я замѣтилъ, что жители Арзамаса великіе патріоты: они себя почитаютъ *людьми по пре-*

имуществу; всѣ несчастные обитатели другихъ городовъ, по ихъ понятіямъ—варвары. Какъ же послѣ этого не отстаивать имъ древность своей родины? Основаніе Арзамаса относится къ началу XV вѣка. При царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ немъ была деревянная крѣпость, устроенная на валу, и особенный воевода (Шетневъ). Во время смутныхъ обстоятельствъ царствованія Василія Іоанновича Шуйскаго Арзамасъ былъ разоренъ Мордвою и толпами бродягъ, а жители его ушли въ тушинскій станъ. Вскорѣ однако воевода Пушкинъ привелъ городъ въ подданство Василію. Крѣпость арзамасская сгорѣла въ 1726 году, когда уже Арзамасъ былъ провинціальнымъ городомъ Нижегородской губерніи (съ 1799). Въ 1779 году онъ сдѣланъ провинціальнымъ городомъ Нижегородскаго намѣстничества...

Отъ Арзамаса до Нижняго только 114 верстъ. стало-быть, меньше чѣмъ черезъ сутки мы будемъ въ этомъ городѣ, знаменитомъ и своей стариной, и своей ярмаркой, и своимъ мѣстоположеніемъ. Ближе и ближе подъѣзжали мы къ Нижнему: дѣятельность на дорогѣ постепенно увеличивалась, особенно когда мы выѣхали на большую московскую дорогу. Мы миновали нѣсколько деревень, расположенныхъ въ виду большой дороги: между прочими обратила на себя наше вниманіе деревня Анкудиновка. Это родина славнаго въ русской исторіи патріарха Никона.

Но вотъ между двухъ возвышенностей, закрывающихъ всю лѣвую сторону, мелькнула Ока и весь ея живописный луговой берегъ. Чрезъ нѣсколько времени опять открылся лѣвый берегъ Оки, а прямо предъ глазами какъ будто изъ земли выросъ Нижній-Новгородъ. Съ московской дороги видъ этого города нисколько не привлекателенъ: это просто большой фруктовый садъ, изъ котораго выглядываютъ или крыши домовъ, или куполы церквей. Но видъ за Оку и синѣющійся вправо лѣвый берегъ Волги обѣщали много въ самомъ городѣ и за рѣками. При самомъ въѣздѣ въ городъ находится женскій монастырь (Крестовоздвиженскій), основанный въ XIV столѣтіи, а на это мѣсто перенесенный въ 1812 году. При въѣздѣ нашемъ въ городъ мы не нашли его шумнымъ, какъ предполагали: напротивъ, онъ какъ бы опустѣлъ: вся жизнь его, вся дѣятельность переѣхала за Оку, на ярмарку.

II.

Нижній-Новгородъ.

Нижній-Новгородъ находится у рѣкъ Волги и Оки на Высокой горѣ. Онъ построенъ около 1220 года, — въ точности нельзя опредѣлить время его основанія, за разногласіемъ лѣтописей. Въ продолженіе шести столѣтій многое совершилось въ стѣнахъ его. Онъ былъ сторожевымъ городомъ отъ болгаръ, отъ Мордвы, былъ резиденціею суздаль-

скихъ князей, спорилъ съ Москвой о первенствѣ, былъ сборнымъ мѣстомъ войскъ русскихъ, шедшихъ на Казань, спасъ Россію въ 1612 году, видѣлъ въ стѣнахъ своихъ князей суздальскихъ, Александра Невскаго, Алексѣя митрополита, Симеона Гордаго, Дмитрія Донского и Василія Дмитріевича: онъ первый изъ русскихъ городовъ привѣтствовалъ побѣдителя Казани, встрѣтилъ Петра Великаго, Екатерину II, Павла; онъ недавно осчастливленъ былъ посѣщеніями императора Николая и наслѣдника его великаго царства... Но я не пишу его исторію—буду говорить о томъ, что̀ я въ немъ видѣлъ и о чемъ слышалъ.

Нижній-Новгородъ раздѣляется на четыре части: кремль, верхній, нижній и ярмарку, которая вмѣстѣ съ Александровскою слободою (иначе Кунавино) находится на лѣвой сторонѣ Оки. Построеніе нижегородскаго кремля относится къ XIV столѣтію; прежде этого, въ Нижнемъ была только деревянная крѣпость, которая въ первый разъ разрушена была ордынскимъ царевичемъ Арапшею въ 1377 г., потомъ сгорѣла въ 1513 г. и наконецъ, во второй разъ возобновленная, сгорѣла въ концѣ XVI столѣтія. Начальное построеніе каменной крѣпости лѣтописи приписываютъ великому князю Дмитрію Константиновичу, сопернику и тестю Дмитрія Донского, владѣвшему до самой смерти своей Нижнимъ-Новгородомъ. Онъ, послѣ разоренія Арапшею его владѣнія, увидѣлъ, что это несчастіе произошло оттого, что городъ былъ худо укрѣпленъ, и потому вознамѣрился построить каменную крѣпость. Но при жизни этого князя успѣли только построить башню съ воротами и часть стѣны. Эта башня и эти ворота до сихъ поръ носятъ названіе Дмитріевскихъ; они находятся на Благовѣщенской площади и служатъ соединеніемъ верхняго города съ кремлемъ. Послѣ смерти Дмитрія Константиновича крѣпостныя работы остановились и были возобновлены не прежде, какъ въ 1500 году. Іоаннъ III Васильевичъ, видя, что Нижній, по своему мѣстоположенію, весьма удобенъ для построенія крѣпости, нужной какъ для огражденія русскихъ предѣловъ отъ казанцевъ, такъ и для содержанія запаснаго войска, вздумалъ довершить намѣреніе своего предка. При немъ, по извѣстію соликамскаго лѣтописца, была построена Тверская башня; но этимъ работы, кажется, и кончились. Уже въ 1508 г. Василій Іоанновичъ, желая окончить предпріятіе своего родителя, послалъ въ Нижній архитектора Петра Фрязина, для продолженія работъ. Фрязинъ сперва старый ровъ обложилъ кирпичомъ, а потомъ приступилъ къ устройству кремля. Этотъ-то кремль, поправляемый послѣ того раза три, существуетъ до сихъ поръ и есть единственный въ своемъ родѣ памятникъ XVI вѣка. Во всей Россіи нѣтъ ни одной крѣпости этихъ временъ, которая бы спускалась внизъ по горѣ и имѣла бы контрфорсы. Нижегородскій кремль имѣетъ въ окружности 2 версты 141 сажень 1 аршинъ и 3 четверти. Фланкируется тринадцатью башнями, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ свои названія. Въ одной изъ нихъ (Дмитріевской) помѣщается архивъ гу-

бернскаго правленія, въ другой (Егорьевской) находится арсеналъ: въ третьей показываютъ любопытнымъ страшныя орудія пытокъ, о которыхъ забыла Россія. Въ стѣнѣ, кажется, были устроены галлереи, по крайней мѣрѣ окна изъ нихъ видны въ разныхъ мѣстахъ крѣпости: а подлѣ Егорьевской башни было отверстіе въ стѣнѣ, теперь, кажется уже заложенное. Я влѣзъ въ это отверстіе и очутился въ комнатѣ, или въ коридорѣ; пройдя направо шаговъ десять, я нашелъ лѣстницу (въ этомъ мѣстѣ стѣна спускалась по горѣ). Темнота и удушливый сырой воздухъ заставили меня отказаться отъ дальнѣйшихъ разысканій. Преданіе говоритъ, что тутъ содержались преступники.

Въ кремлѣ находятся двѣ горы, раздѣляемыя дорогою въ нижній городъ; одна изъ нихъ называется *Часовою:* она крутизны необыкновенной: въ самомъ дѣлѣ, часъ времени нужно употребить для того, чтобы прямо взобраться на нее. Мы вошли въ кремль Дмитріевскими воротами, и первое, что представилось глазамъ нашимъ — это былъ громадный Спасопреображенскій соборъ, главный храмъ всей Низовской земли, священный для всякаго русскаго по своей старинѣ и потому, что въ немъ покоится прахъ знаменитаго Минина. Онъ во многомъ сходенъ съ Большимъ Успенскимъ соборомъ въ Москвѣ. Огромный параллелепипедъ съ пятью большими главами, такъ-называемой византійской архитектуры, съ узкими и длинными въ два ряда окнами, безъ колоннъ— вотъ наружный видъ этого собора. Онъ первоначально былъ построенъ княземъ суздальско-нижегородскимъ Константиномъ Васильевичемъ въ 1352 году и, уцѣлѣвшій отъ разрушенія въ 1377 г., онъ былъ на другой годъ разрушенъ татарами, посланными отъ Мамая. Лѣтописцы, упоминая объ этомъ происшествіи, особенно сожалѣютъ о церковныхъ дверяхъ, которыя „бѣша чудно устроены мѣдью золоченою“. Дмитрій Константиновичъ возобновилъ Преображенскій соборъ, и онъ оставался съ этого времени безъ перестроекъ до 1652 г.; въ этомъ году за ветхостью онъ былъ построенъ *на счетъ государевой казны*, а въ 1683 г. митрополитъ нижегородскій Филаретъ перестроилъ на немъ главы и покрылъ ихъ черепицей. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ немъ образовалась трещина по обѣимъ стѣнамъ и по сводамъ, такъ что онъ готовъ былъ развалиться на двѣ части. Поэтому служеніе въ немъ было прекращено и онъ запечатанъ. Въ 1829 г. по высочайшему повелѣнію онъ сломанъ и къ 1834 году перестроенъ въ прежнемъ видѣ. Въ августѣ 1834 г. онъ былъ освященъ Амвросіемъ, епископомъ нижегородскимъ и арзамасскимъ, а въ 1837 г. украшенъ стѣнною живописью живописцами мастерской Желѣзнова. Подъ всѣмъ соборомъ устроенъ огромный подвалъ, въ которомъ поставлены гробницы всѣхъ лицъ, похороненныхъ въ этомъ соборѣ... Мы вошли въ соборъ: внутри онъ нѣсколько теменъ, несмотря на то, что много свѣта проникаетъ въ окна главъ; громадныя пилястры, идущія въ два ряда, поддерживаютъ своды храма; иконостасъ вызолоченъ; образа всѣ греческой живописи. Между ними особенно замѣча-

тельны: образъ Спасителя, который былъ принесенъ изъ Греціи въ Россію, а Константиномъ Васильевичемъ изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ, а другой — Богородицы Одигитріи; этотъ образъ былъ списанъ съ настоящаго образа въ Царѣградѣ и присланъ оттуда Діонисіемъ, архіепископомъ суздальскимъ, нижегородскимъ и городецкимъ 1381 г. Еще заслуживаетъ вниманія въ этомъ соборѣ царское мѣсто, пожалованное Алексѣемъ Михайловичемъ: оно все исписано буквами, которыя прежде были позолочены; теперь же ихъ нельзя прочесть. Но болѣе всего замѣчательны здѣсь гробницы мужей, ознаменовавшихъ себя дѣяніями доблести: по сѣверной и южной стѣнамъ храма врѣзано 13 чугунныхъ досокъ съ золотыми надписями. На лѣвой сторонѣ, за второю пилястрою, между гробницами митрополита Павла († 1696) и архіепископа Питирима, славнаго истребленіемъ на нѣкоторое время раскола на рѣкѣ Керженцѣ, своими сочиненіями и заведеніемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ семинаріи, видна доска, на которой находится слѣдующая краткая, но краснорѣчивая надпись: „Гражданинъ Козьма Мининъ"... На этомъ-то мѣстѣ покоится прахъ человѣка, возвратившаго цѣлому народу отечество, царя и цѣлость вѣры.

Близъ Козьмы Минина погребенъ сынъ его Нефедій (Меѳодій); неизвѣстно, гдѣ похоронена жена его Татьяна; вѣроятно, близъ церкви Похвалы Богородицы, потому что въ приходѣ ея жилъ и умеръ самъ Козьма Мининъ. Да и тѣло его, погребенное на оградѣ похвалинской, было перенесено въ соборъ уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Недалеко отъ гробницы Мининыхъ стоятъ 13 знаменъ нижегородскаго ополченія. Императору Александру благоугодно было, чтобы знамена, сопровождавшія нижегородцевъ въ 1812 году, вѣчно осѣняли прахъ того нижегородца, который спасъ Россію въ 1612 году.

Могилу Минина осѣняетъ списокъ съ знамени князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, этой орифламмы народа русскаго, съ которой этотъ князь пошелъ, по совѣту Минина, выгнать изъ Москвы враговъ и умирить отчизну. Этотъ списокъ на полотнѣ, шириною одинъ аршинъ и тринадцать вершковъ, а длиною 2 аршина и 9 вершковъ. Онъ утвержденъ на древкѣ и находится въ позолоченной рамѣ. Съ одной стороны на немъ изображенъ Спаситель въ облакахъ съ евангеліемъ; наверху надпись: „Іисусъ Христосъ Вседержитель"; а по каймѣ написано вязью: „Съ вышнихъ призирая и убогія пріемля, посѣти озлобленныя грѣхи Владыко Всемилостиве. Молитвами Богородицы даруй душамъ нашимъ велію милость. — Всякіе скверны Всемилостиве азъ быхъ дѣлатель и во отчаяніи ровъ впадя: но стеню отъ сердца и вопію къ тебѣ: Слове ускори, щедрый, и потщися на помощь нашу яко милостивъ". На другой сторонѣ изображенъ, на овальной подушкѣ, архангелъ Михаилъ: въ правой рукѣ у него обнаженный мечъ, въ лѣвой ножны; предъ нимъ на одномъ колѣнѣ Іисусъ Навинъ, его мечъ у ногъ архангела: за ними видна Іерихонская крѣпость. Кругомъ надпись: „Бысть егда бяше

Iисусоу оу Ерихона и возрѣ очима своима видя человѣка стояща предъ нимь и мечъ обнаженъ въ руцѣ его и приступивъ къ нему рече: нашъ ли еси или отъ сопостатъ нашихъ; онъ же рече азъ Архистратигъ силы Господня нынѣ пріидохъ семо, и паде Iисусъ поклонися лицемъ своимъ на землю и рече: Владыко, что повелѣваеши рабоу твоемоу: и рече Архистратигъ Господень ко Iисусоу: изуй сапогъ твой съ ногоу твоею, мѣсто бо, на немъ же стоиши, свято есть, — и створи Iисусъ тако".

Кромѣ гробницъ Минина, Питирима и Павла, на лѣвой сторонѣ собора находятся гробницы: 1) архіепископа Веніамина Краснопѣвкова († 1811), 2) епископа Іоанна Дубенскаго († 1743), 3) митрополита Филарета, въ схимѣ Θеодосія († 1694), перваго епархіальнаго архіерея нижегородскаго и присутствовавшаго при крещеніи Петра Великаго. На другой сторонѣ собора покоится прахъ *великихъ* князей нижегородскихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) близъ клироса гробница Бориса Константиновича († 2 мая 1394), несчастнаго князя, три раза лишавшагося престола и видѣвшаго наконецъ паденіе самостоятельности Суздальско-Нижегородскаго княженія; 2) гробница Симеона Іоанновича, внука Борису Константиновичу, 3) Василья Дмитріевича Кирдяпы († 1403), бывшаго съ Тухтамышемъ подъ Москвою и при восьми ханахъ искавшаго престола нижегородскаго; 4) и 5) Симеона Дмитріевича и брата его Іоанна, прозваннаго Брюхатымъ; оба они были сыновья Дмитрія Константиновича (великаго князя) и оба умерли въ одинъ день, въ то время, когда Арапша разбилъ русскихъ у Пьяны (1377): первый былъ убитъ, а другой утонулъ въ рѣкѣ; 6) славнаго въ лѣтописяхъ *великаго* князя Константина Васильевича Мудраго, перваго князя нижегородскаго; этотъ князь, по происхожденію старѣйшій князей московскихъ, а по уму превосходившій всѣхъ своихъ современниковъ, видя, что Москва взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Суздалемъ, удалился въ Нижній, кажется, въ намѣреніи основать тамъ отдѣльное великое княжество, подальше отъ Москвы. Переселясь на новое мѣсто, онъ построилъ и этотъ соборъ, и жилъ до 1355 года, когда скончался; лѣтописецъ говоритъ о немъ, что онъ „княжилъ честно и грозно, бороня отчизну свою отъ татаръ и сильныхъ князей"; 7) Андрея Константиновича († 1364); онъ наслѣдовалъ престолъ нижегородскій послѣ смерти отца своего и былъ любимъ нижегородцами за его кротость и добродушіе; 8) великаго князя Дмитрія Константиновича суздальско-владимірскаго, а потомъ нижегородскаго; онъ скончался въ 1383 году; 9) князя Іоанна Борисовича Туголукаго, недостойнаго потомка мудраго Константина; 10) Анны Грековны, супруги Константина Васильевича, и 11) Анастасіи, въ монашествѣ Вассы — супруги Андрея Константиновича.

Съ паперти, на которой, по преданію и по сказанію лѣтописи, совершилось нѣкогда чудо, проистекло миро изъ креста, которымъ Алексѣй, архіепископъ суздальскій, осѣнялъ князя Андрея Константиновича, мы

прошли въ теплый соборъ Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ мимо колокольни, на которой, какъ говоритъ преданіе, большой колоколъ звонилъ самъ собою при князьяхъ нижегородскихъ. Въ этомъ соборѣ заслуживаютъ вниманія гробницы епископа Моисея († 1827) и католикоса Антонія, сына царя Грузіи. Его гробница, украшенная грузинскимъ гербомъ, сдѣлана изъ мрамора и довольна великолѣпна. Антоній скончался лѣтъ 10 тому назадъ, въ глубокой старости; послѣдніе дни своей жизни онъ провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ этомъ же соборѣ устроено малое царское мѣсто, говорятъ, къ пріѣзду императора Павла I. На Часовой горѣ стоитъ небольшой храмъ съ куполомъ въ видѣ шатра, съ узкими окнами и признаками глубокой старины. Это соборъ архистратига Михаила — первая церковь въ Нижнемъ по времени построенія. На паперти прибита желѣзная доска съ надписью: „Древле-низовскою землею владѣли идолопоклонники Мордва. Благочестивый великій князь, нынѣ духомъ въ Бозѣ, а нетлѣннымъ тѣломъ своимъ во градѣ Владимірѣ почивающій, Георгій Всеволодовичъ владимірскій, дабы обезпечить княженія свои отъ набѣговъ сосѣдственныхъ народовъ, заложилъ въ 6707 году на устьѣ рѣки Оки градъ, нарекъ имя ему Нижній-Новгородъ и поставилъ въ немъ первую церковь во имя архистратига Михаила, деревянную, а потомъ въ 6735 году и каменную“ — и прочее...

Андрей Константиновичъ въ 1359 году эту церковь перестроилъ и поставилъ ее близъ двора своего великокняжескаго; разрушенная Арапшею, она возобновлена Дмитріемъ Константиновичемъ и въ этомъ видѣ оставалась до 1620 г. Въ этомъ году, по причинѣ многихъ утратъ въ благолѣпіи своемъ отъ бывшихъ пожаровъ, снова перестроена, и въ это время верхъ на ней сдѣланъ былъ шатромъ. Потомъ въ 1672 году, по грамотѣ патріарха Іосафа, къ ней пристроенъ придѣлъ во имя св. Іоанна Богослова. Въ 1704 году она сгорѣла во время сильнаго пожара, бывшаго въ кремлѣ, но не разрушилась; въ 1732 году была обновлена, по благословенію архіепископа Питирима, иждивеніемъ Іоанна Михайловича Волынскаго, бывшаго тогда правителемъ Нижняго-Новгорода. Наконецъ князь Василій Ивановичъ Долгорукій, въ бытность свою нижегородскимъ вицегубернаторомъ въ 1795 году, придѣлъ украсилъ вновь иконостасомъ, который епископомъ Павломъ и былъ освященъ во имя апостола Іоанна и святого Георгія, основателя Нижняго-Новгорода и этого храма, — князя, бывшаго предкомъ фамиліи Долгорукихъ.

Въ Архангельскомъ соборѣ по обѣимъ сторонамъ за клиросами погребены тѣла князей нижегородскихъ: Василія Юрьевича, которому Дмитрій Шемяка, въ 1446 году, отдалъ-было Нижній въ независимое владѣніе; сына его Іоанна, который владѣлъ Нижнимъ и Суздалемъ, въ качествѣ присяжника государя Московскаго; князя Василія Васильевича Гребенки-Шуйскаго — брата предыдущему, сражавшагося въ рядахъ новгородцевъ противъ Іоанна III, а послѣ бывшаго намѣстникомъ его въ Псковѣ, потомъ владѣтелемъ Нижняго и первымъ вельможею въ со-

вѣтѣ великаго князя Василія Іоанновича и бывшаго въ силѣ при Еленѣ. Кромѣ этихъ князей, въ соборѣ погребены еще князья Іоаннъ, Петръ. Зиновій, инокъ Зосима. инокъ Іона и княгиня Ирина. Исторія молчитъ о нихъ; только гробницы напоминаютъ потомству о ихъ существованіи. Впрочемъ, надобно полагать, что это князья, жившіе послѣ паденія самостоятельности Нижняго: иначе они бы погребены были въ Спасопреображенскомъ соборѣ. Въ Архангельскомъ соборѣ я видѣлъ грамоту царя Михаила Ѳеодоровича. съ собственноручною его подписью. отъ 18 іюня 1613 года. Дѣло въ ней идетъ о жалованьи священникамъ. Выходя изъ Архангельскаго собора, я искалъ глазами того мѣста, на которомъ нѣкогда стоялъ дворецъ великокняжескій; но время изгладило и послѣдніе слѣды его существованія. Его мѣста теперь невозможно отыскать ни между вновь возникшими зданіями, ни на большой площади, простирающейся отъ Архангельскаго собора до самаго края Часовой горы.

Съ большею достовѣрностью можно сказать, что въ составъ площади вошла та площадь, на которой, во время княжества нижегородскаго, собирался народъ. на которой пала самостоятельность Нижняго, и на которой наконецъ сдѣлалъ возваніе Козьма Мининъ. Въ лѣтописи говорится, что посланные отъ Василія Дмитріевича московскаго впущены въ кремль Борисомъ Константиновичемъ, по совѣту вѣроломнаго боярина Румянца. *миновали* дворъ великокняжескій, *прибыли на площадь* и ударили въ колокола. Мѣстоположеніе нынѣшней площади Архангельскаго собора, близъ котораго былъ дворецъ, и Дмитріевскихъ воротъ. чрезъ которыя должны были проѣхать послы,—все это подтверждаетъ и слова лѣтописи и мое предположеніе. Напротивъ Архангельскаго собора выстроены казармы 4-го учебнаго карабинернаго полка — зданіе огромное и красивое, какъ снаружи, такъ и внутри; по своей величинѣ оно занимаетъ первое мѣсто между зданіями Нижняго-Новгорода. Этому полку принадлежитъ также прекрасно выстроенная церковь во имя Успенія Богородицы. Она окружена колоннадою іоническаго ордена и украшена четырьмя фронтонами и красивымъ куполомъ. Внутренняя отдѣлка ея, особенно живопись, очень хороша, освѣщеніе превосходно. Чтобы судить о величинѣ этого храма, довольно сказать, что три алтаря устроены рядомъ въ немъ — средній изъ нихъ очень обширенъ. Церковь эта была построена въ 1828 году г-жою Мертваго и до тѣхъ поръ, пока не былъ отстроенъ Спасопреображенскій соборъ, она была лѣтнею каѳедральною церковью. Въ 1834 году она, по высочайшей волѣ государя императора, лично обозрѣвавшаго ее, была отдана только-что сформированному въ то время 4-му учебному карабинерному полку. На площади, о которой я уже говорилъ, воздвигнутъ монументъ князю Пожарскому и Минину. Во всемъ Нижнемъ, столь счастливомъ своимъ мѣстоположеніемъ, нѣтъ ни одного мѣста лучше того, на которомъ онъ воздвигнутъ. Оно возвышается надъ всѣмъ городомъ, раскинувшимся по горѣ, и, окруженное

липовою аллеею, кажется съ Волги какъ бы увѣнчаннымъ лаврами. Монументъ состоитъ изъ высокой гранитной полированной пирамиды, поставленной на пьедесталѣ также гранитномъ, но только не полированномъ. По сторонамъ пирамиды сдѣланы изъ бронзы барельефныя изображенія Пожарскаго и Минина, увѣнчанныхъ славою, и надписи съ одной стороны: „Князю Пожарскому благодарное потомство 1826 года", а съ другой: „Гражданину Минину благодарное потомство 1826 года". Вверху пирамида нѣсколько попорчена во время перевозки. Монументъ сдѣланъ по проекту архитектора Мельникова, имя котораго вырѣзано на пьедесталѣ. Извѣстно, что этотъ памятникъ воздвигнутъ въ Нижнемъ взамѣнъ того знаменитаго монумента, который былъ приготовленъ для Нижняго, но поставленъ на Красной площади въ Москвѣ. Это обстоятельство ввело въ заблужденіе иностранныхъ писателей, которые до сихъ поръ увѣряютъ, что въ Нижнемъ есть «le beau monument *en bronze* élévé par l'empereur Alexandre, il représente Minine et Pojarski jurant de sauver la patrie". И это говоритъ одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ французскихъ ученыхъ.

Мы стали на краю Часовой горы, и что за виды открылись предъ нами? Я не знаю, если ли въ Россіи что-нибудь подобное этому? Гора изъ-подъ ногъ вашихъ спускается внизъ; она какъ будто хочетъ опуститься въ Волгу; но бѣлая стѣна крѣпости останавливаетъ ее и, заградивши ей путь, смѣло взлетаетъ уступами на ея вершину. Подъ вами спускается дорога въ нижній городъ, а подъ нею, на обширномъ лугу, обсаженномъ деревьями, стоитъ одинокая церковь Симеона Столпника, осѣняемая стѣною крѣпости и башнями. Взоръ вашъ переступаетъ за крѣпость, и вотъ за зубцами ея разстилается Волга: она покрыта множествомъ барокъ; легкія лодки перерѣзываютъ ее въ различныхъ направленіяхъ. Посмотрите на эту черту, такъ замѣтную въ водѣ: это граница двухъ рѣкъ, слившихся вмѣстѣ подъ Нижнимъ-Новгородомъ, но все еще спорящихъ о первенствѣ. Влѣво отъ насъ виденъ почти весь нижній городъ, съ его огромными домами, съ его церквами и новою набережной; далѣе, переброшенный чрезъ Оку мостъ, окруженный цѣлымъ лѣсомъ мачтъ...

Дмитріевскими воротами мы вышли изъ кремля въ верхній городъ на Благовѣщенскую площадь, которая прекрасно обстроена большими зданіями и служитъ соединеніемъ пяти улицъ. Налѣво отъ площади до самой Егорьевской башни идетъ большой проспектъ, съ одной стороны котораго продолжается стѣна кремлевская и бульваръ, а съ другой выстроено зданіе семинаріи. Прямо противъ Дмитріевскихъ воротъ выходитъ на площадь Варварская улица, оканчивающаяся красиво выстроеннымъ въ видѣ зàмка острогомъ. Самая площадь нѣсколько загромождена двумя церквами (Благовѣщенія и св. Алексѣя митрополита), которыя много отнимаютъ у нея вида. (Старожилы сказываютъ, что тутъ была еще третья церковь, но она, за тѣснотою мѣста, была

перенесена на другое мѣсто. До 1835 года на этой площади находился такъ-называемый верхній базаръ: вдоль стѣны построены были изъ досокъ лавки, а за ними были овраги, въ которые стекала весенняя вода и всякія нечистоты. Теперь вмѣсто этого видны одни бульвары. Старики помнятъ на мѣстѣ нынѣшняго бульвара противъ семинаріи двѣ стрѣлецкія улицы, населенныя стрѣльцами, сосланными сюда послѣ бунта.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ всѣхъ церквей будетъ до сорока, изъ нихъ многія построены очень давно. Еще за пятьсотъ лѣтъ предъ симъ этотъ городъ славился многочисленностью храмовъ Божьихъ, и еще въ 1377 году Арапша сжегъ въ немъ *тридцать двѣ церкви*. Но изъ старинныхъ церквей уцѣлѣли до сихъ поръ немногія, потому что предки наши строили ихъ по большей части деревянныя, часто разрушаемыя пожаромъ. О построеніи каменной церкви лѣтописцы упоминали, какъ о необыкновенномъ происшествіи, вмѣстѣ съ описаніемъ явленій небесныхъ и важныхъ перемѣнъ политическихъ. Мы скажемъ здѣсь по нѣскольку словъ о каждой старинной церкви, сохранившейся до сихъ поръ. Первое мѣсто занимаетъ между ними соборъ Благовѣщенія, на площади только-что описанной нами. Онъ построенъ въ византійскомъ вкусѣ, и если я не ошибаюсь, то эта церковь должна стоять на мѣстѣ Богородицкаго монастыря, бывшаго за городомъ и сожженнаго вскорѣ послѣ основанія его мордовскимъ княземъ Пургасомъ въ 1230 году. По словамъ нижегородцевъ, эта церковь есть одна изъ самыхъ древнѣйшихъ. Церковь св. Николая Чудотворца на нижнемъ базарѣ также принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ храмовъ нижегородскихъ. Въ первый разъ о ней упоминается подъ 1378 годомъ, гдѣ сказано, что великій князь Дмитрій Константиновичъ, возобновляя Нижній-Новгородъ послѣ набѣга Арапши, „постави церковь каменну на Почайнѣ во имя Николая Святителя“. Эта Почайна есть ручей, текущій въ Волгу близъ этой церкви. Далѣе о ней упоминается подъ 1656 годомъ, въ которомъ она была построена: „строена церковь каменная Николая Чудотворца, близъ гостинаго двора у таможни, а строилъ гость Семенъ Задоринъ да дьякъ Патокинъ“. Послѣ того она еще разъ была поновлена.

Близъ оврага, черезъ который нынѣ построенъ земляной мостъ, а до 1837 года былъ деревянный, называвшійся Лыковымъ, по имени боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, устроившаго его въ 1619 году, — стоитъ двухъярусная церковь Женъ Мироносицъ, построенная по византійскому стилю, мрачная и внутри и снаружи. Эта церковь принадлежитъ также къ числу древнихъ. Въ такомъ видѣ, какъ она теперь есть, построена она попомъ Михайлой въ 1649 году, но о ней упоминается еще гораздо прежде: въ лѣтописцѣ нижегородскомъ подъ 1535 годомъ говорится: „7043 года августа въ 28 день въ Нижнемъ на Щипаговѣ дворѣ священа церковь Женъ Мироносицъ“. Такимъ образомъ ей теперь болѣе трехсотъ лѣтъ отъ первоначальнаго ея основанія.

Изъ всѣхъ церквей Нижняго-Новгорода обращаетъ на себя вниманіе пріѣзжаго церковь Рождества Богородицы, находящаяся въ нижнемъ городѣ, близъ ярмарочнаго моста. Эта церковь извѣстна болѣе подъ именемъ Строгоновской, потому что въ XVIII ст. Строгоновъ положилъ ежегодно на содержаніе ея по 600 рублей и украсилъ богатою ризницею. Въ первый разъ объ этой церкви упоминается въ 1520 году по случаю пожара, истребившаго весь нижній посадъ. Впослѣдствіи о ней говорится подъ 1653 годомъ, гдѣ сказано, что гость Семенъ Задоринъ близъ своего двора, въ нижнемъ посадѣ, на бечевѣ, строилъ церковь каменну Рождества Пресвятыя Богородицы. Когда окончена постройка этой церкви, неизвѣстно; по извѣстіямъ видно только, что при Петрѣ Великомъ для нея написаны были два образа придворнымъ живописцемъ, что Петръ Великій, въ бытность свою въ Нижнемъ, хвалилъ устройство ея, но неизвѣстно почему запретилъ въ ней служеніе, и что она освящена была уже въ 1726 году. Въ послѣдніе годы нѣкоторыя поврежденія были въ ней исправлены. Архитектуры она готической и имѣетъ большое сходство съ Успенскою церковью въ Москвѣ на Покровкѣ. Снаружи она не выштукатурена; карнизы, витыя колонны и прочіе орнаменты сдѣланы изъ бѣлаго мячковскаго камня. Внизу она поддерживается огромными контрфорсами, сдѣланными тоже въ готическомъ вкусѣ. Осмотрѣвъ старинныя церкви Нижняго и, сказать правду, найдя немного въ нихъ старининаго, мы отправились въ Печерскій монастырь. Онъ находится за городомъ, на берегу Волги, близъ Сибирской дороги. Въѣхавъ въ его внутренность, мы увидѣли фруктовый садъ; тѣнистыя деревья осѣняли монастырскія зданія и множество надгробныхъ памятниковъ, поставленныхъ вокругъ главной церкви. Печерскій монастырь, такъ сказать, виситъ на утесѣ; надъ нимъ гора, покрытая деревьями: подъ нимъ утесистая скала опускается до самой Волги, которая, скажу мимоходомъ, въ этомъ мѣстѣ очень омелѣла. Строеніе въ монастырѣ все каменное: въ одномъ изъ корпусовъ помѣщается духовное уѣздное училище, въ другомъ—больница и келья архимандрита; въ третьемъ—кельи братіи. Павильонъ архимандритской кельи заслуживаетъ особеннаго вниманія: онъ устроенъ на самой вершинѣ скалы; голова закружится, если посмотрѣть внизъ. Здѣсь Волга у вашихъ ногъ; налѣво вы видите и бѣлокаменный кремль, гордо возносящійся надъ всѣмъ городомъ, и сліяніе Оки съ Волгою, и этотъ лѣсъ мачтъ, которымъ обсажена ярмарка; видите и ярмарку, и ея соборъ, и минару мечети...

Въ Печерскомъ монастырѣ, который основанъ въ XIV столѣтіи Діонисіемъ, епископомъ суздальскимъ, находятся четыре церкви: главный соборъ во имя Вознесенія Господня, теплая церковь во имя Успенія Богородицы, и церкви: одна во имя Макарія, а другая во имя Евфимія суздальскаго, двухъ свѣтильниковъ россійской церкви, подвизавшихся въ этой обители. Учителемъ ихъ въ благочестіи былъ основатель этого монастыря, Діонисій, тотъ самый, котораго жизнь была въ опасности въ

то время, когда Василій Кирдяпа вздумалъ казнить въ Нижнемъ Сарайку, послѣ Мамаева: стрѣла татарина изорвала на Діонисіи мантію. Еще славится въ Печерскомъ монастырѣ какой-то старецъ Павелъ, о которомъ упоминаютъ лѣтописцы XIV вѣка.

Нынѣшній Печерскій монастырь стоитъ на другомъ уже мѣстѣ; прежде онъ находился верстахъ въ двухъ ниже по Волгѣ, но въ 1596 году іюля 12 засыпанъ землею. Вотъ какъ объ этомъ происшествіи разсказываетъ лѣтописецъ: сперва поверхъ монастыря образовалась большая расщелина. Гора начала осыпаться, и лѣсъ, росшій на горѣ, повалился съ шумомъ и трескомъ. При общемъ смятеніи въ монастырѣ, архимандритъ Трифонъ, взявъ крестъ и икону Богородицы, вышелъ съ братіею изъ обители и началъ служить молебенъ. Богъ услышалъ молитву ихъ: „прошла оная гора подъ монастырь землею и вышла на рѣку Волгу и стала буграми, а струги подъ монастыремъ стали на сухомъ берегу далеко отъ воды". Но зданія монастырскія были однако разрушены: отъ соборной церкви остался только одинъ верхъ надъ жертвенникомъ; колокольня „разсыпалась", теплую церковь расшатало и опустило въ землю; все прочее строеніе переломало. Братія должна была переселиться на другое мѣсто, и монастырь, по повелѣнію царя Ѳеодора Іоанновича, былъ построенъ на нынѣшнемъ мѣстѣ воеводою Леонтіемъ Аксаковымъ. Тамъ, гдѣ прежде былъ монастырь, теперь стоитъ слобода Подновье, славная своими солеными огурцами и капустою. Въ этой слободѣ есть церковь св. Николая; она построена на мѣстѣ бывшаго собора.

Положеніе Нижняго-Новгорода на утесистой горѣ глинистой почвы способно къ такимъ обваламъ. Въ лѣтописяхъ не одинъ разъ встрѣчается описаніе подобныхъ происшествій: какъ въ 1370 году снѣгъ *сползъ* съ горы, около Благовѣщенскаго монастыря, и засыпалъ дома и людей, такъ 1422 года гора сползла и съ лѣсомъ на слободу и засыпала 150 дворовъ съ людьми и скотомъ. Да для чего намъ брать лѣтописи временъ давно прошедшихъ: въ 1833 году, ночью, на самый день Успенія, послѣ долговременныхъ дождей, гора оползла около церкви Пятницы и разрушила два дома. Впрочемъ, теперь уже нѣтъ болѣе домовъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ бы могло случиться подобное несчастье.

Близъ Егорьевской башни, почти напротивъ церкви св. Георгія, есть полуразрушенная стѣна съ башнями — это остатки *Зачатейскаго* монастыря. Супруга великаго князя нижегородскаго Андрея Константиновича, Анастасія, по смерти своего супруга, построила его и сама, подъ именемъ инокини Вассы, постриглась въ немъ. Это было въ 1365 году. Монастырь скоро наполнился, потому что сто десять боярынь и дѣвицъ двора великокняжескаго послѣдовали примѣру благочестивой Анастасіи. Вотъ начало этого монастыря. Сперва онъ стоялъ въ полугорѣ, но въ 1684 году, послѣ пожара, истребившаго до основанія монастырскія

строенія, онъ былъ перенесенъ на гору, напротивъ церкви св. Георгія, саженяхъ въ 20 отъ кремля, и получилъ названіе „Происхожденскаго". Главная церковь, выстроенная въ 1716 году и поправленная въ 1745 г., пришла въ ветхость въ началѣ нынѣшняго столѣтія; потому и вознамѣрились перестроить монастырь. Когда же въ 1809 году онъ сгорѣлъ, то игуменья Дороѳея перенесла его (въ 1812 году) на московскій выѣздъ. Съ новымъ мѣстомъ, онъ получилъ и новое названіе „Крестовоздвиженскаго".

Третій монастырь, находящійся въ Нижнемъ-Новгородѣ, есть Благовѣщенскій. Онъ расположенъ въ полугорѣ напротивъ ярмарки и поддерживается огромнымъ контрфорсомъ, устроеннымъ въ 1832 и 1833 годахъ. Не доходя до монастыря, вы найдете старинную каменную часовню; прежде она была окружена строеніемъ, но пожаръ 1834 года совершенно истребилъ его. Въ часовнѣ этой есть бассейнъ самой чистой ключевой воды. Эта часовня построена на томъ мѣстѣ, гдѣ св. Алексѣй митрополитъ въ 1359 году, на пути своемъ въ Орду, совершилъ свою убогую трапезу: этотъ ключъ — тотъ самый, въ которомъ святой мужъ размачивалъ дорожные сухари свои. Возвращаясь изъ Орды, св. Алексѣй былъ принятъ въ Нижнемъ великимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ, крестилъ у него сына Ивана и, осматривая городъ, прельщенъ былъ положеніемъ того мѣста, на которомъ онъ прежде останавливался. Онъ заложилъ тутъ каменную церковь Благовѣщенія Богородицы, устроилъ монастырь и „удоволилъ его и селы и водами". Великій князь нижегородскій также сдѣлалъ важныя пожертвованія въ этотъ монастырь. Онъ далъ въ 1393 году грамоту этому монастырю (вмѣстѣ съ Спасскимъ соборомъ) на рыбныя ловли и *бобровые гоны на рѣкѣ Сурѣ*; впослѣдствіи великій князь нижегородскій Александръ Ивановичъ далъ ему разныя привилегіи, подтвержденныя послѣ великимъ княземъ нижегородскимъ Даніиломъ Борисовичемъ и великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ. Послѣдующіе государи также одарили его разными угодьями и волостями, такъ что до учрежденія штатовъ за нимъ состояло 4197 душъ крестьянъ. Теперь въ немъ находятся два огромныхъ собора, одинъ, построенный въ 1649 году, а другой въ 1834 году. Въ первомъ иконостасъ вызолоченъ и вся живопись греческаго письма. Въ немъ замѣчательны: образъ Корсунскія Богородицы, писанный въ Греціи іеромонахомъ Симеономъ въ 6501 году (993), (говорятъ, что этотъ образъ былъ принесенъ въ Россію вскорѣ послѣ крещенія святого великаго князя Владиміра) и большой потиръ старинной работы. Кромѣ двухъ соборовъ, въ монастырѣ находятся еще церкви Успенія Богородицы и Алексѣя митрополита, и пещеры, вырытыя въ горѣ съ различными излучинами; сказываютъ, что тутъ спасались затворники. Монастырь Благовѣщенскій обогатился особенно въ 1830 и 1831 годахъ: когда въ Нижнемъ свирѣпствовала холера, многіе пріѣзжіе купцы на ярмарку, бывшіе жертвою этой болѣзни, были

погребены въ этомъ монастырѣ, а родственники ихъ дѣлали значительные вклады въ оный.

Нижній-Новгородъ славенъ еще тѣмъ, что въ немъ родился знаменитый русскій механикъ, Иванъ Петровичъ Кулибинъ, которому всѣ удивлялись при дворѣ Екатерины Великой. Простая, невысокая насыпь, совершенно незамѣтная между другими, показываетъ мѣсто могилы Кулибина. Впрочемъ, прежде былъ тутъ устроенъ памятникъ со всѣми механическими атрибутами и съ моделями всѣхъ произведеній Кулибина: но онъ сгорѣлъ во время пожара на кладбищѣ.

...Я былъ въ гостяхъ у одного старожила нижегородскаго, который родился и дожилъ до сѣдыхъ волосъ, не выѣзжая за десять верстъ изъ своего города. Изъ разсказовъ его всего любопытнѣе для меня былъ разсказъ его о преданіяхъ нижегородскихъ, носящихся до сихъ поръ въ народѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Есть въ Нижнемъ башня, зовутъ ее *Коромыслова*, а стоитъ она на углу кремля, тамъ, у Зеленц. И вотъ почему она называется Коромысловою. Давно это было, больно давно, тогда, какъ только-что успѣли выстроить въ Нижнемъ стѣну кремлевскую, приходили подъ Нижній казанскіе царевичи Сеитъ, да Булатъ, да Кочелей (въ 1520 году). Много бѣды надѣлали они на матушкѣ святой Руси, много городовъ пожгли, много людей въ полонъ побрали: а къ Нижнему только подошли, да попустому: три дня стояли подъ Нижнимъ разбойники-татары: всѣ православные заперлись въ кремлѣ, и на новую-то стѣну надѣялись, и татаръ-то боялись,—никто не смѣлъ выйти за ворота кремлевскія. Была тогда въ городѣ одна дѣвица-красавица, имени и отечества ея не помнятъ: понадобилось ей за водой сходить на Почайну-рѣку—не хотѣлось, видно, пить колодезной. Вотъ взяла она ведра на коромыселъ, а коромыселъ тотъ былъ желѣзный, только два пуда вѣсомъ; и пошла она, дѣвица, за городъ на Почайну-рѣку. Татары замѣтили ее возлѣ башни и, кто ихъ знаетъ, въ полонъ ли хотѣли ее взять, красотѣ ли ея позавидовали, только кинулись всѣ на нее опрометью. Вотъ она, видя бѣду неминучую, поставила ведра на землю, помолилась на соборы нижегородскіе и, взявъ коромыселъ въ руки, дожидалась перваго татарина. Подходили къ ней татары не по одному, не по два, а цѣлыми сотнями; и всѣхъ тѣхъ татаръ дѣвица уложила возлѣ башни спать непробуднымъ сномъ. Уже этихъ татаръ она била-била, а все еще ихъ много было. Одолѣли они наконецъ дѣвицу, изрубили ее въ мелкіе куски и похоронили у башни вмѣстѣ съ коромысломъ ея. Князья татарскіе Сеитъ, да Булатъ, да Кочелей подумали-погадали да и рѣшили отъ Нижняго убираться по-добру по-здорову. Если бабы въ Нижнемъ такія сильныя,—говорили они, — что же съ нами будетъ, если ратные люди на насъ выступятъ? Вотъ отчего та башня зовется Коромысловою: возлѣ нея было это побоище". Отъ этого разсказчика я узналъ, что въ народѣ до сихъ поръ сохраняется преда-

ніе о подвигахъ Минина, о казни князя Вяземскаго, о казни Теряева. При случаѣ разскажу и всѣ прочіе его разсказы, а теперь скажу пока о томъ, какимъ образомъ св. Алексѣй митрополитъ, по преданію, былъ худо принятъ нижегородцами. Въ простой ризѣ странника они не узнали великаго святителя; и онъ, въ первый разъ бывши въ Нижнемъ, не нашелъ даже ночлега. Говорятъ, что по этому случаю онъ сказалъ: „городъ каменный, люди желѣзные“. У нижегородцевъ есть свои повѣрья о концѣ ихъ города и кончинѣ міра: они говорятъ, что давно сказалъ одинъ святой человѣкъ, родомъ изъ Нижняго, что послѣднія времена будутъ тогда, какъ въ Нижнемъ будетъ великое торжище. Суевѣрные видятъ въ ярмаркѣ исполненіе этого пророчества. А конецъ Нижняго-Новгорода будетъ слѣдующій: есть въ Нижнемъ, подлѣ крѣпости, маленькій ручеекъ: онъ течетъ по оврагамъ и близъ Никольской церкви впадаетъ въ Волгу; зовутъ его Почайною, и говорятъ, что Юрій Всеволодовичъ, основатель Нижняго-Новгорода, назвалъ такъ этотъ ручей, будучи пораженъ сходствомъ мѣстоположенія нижегородскаго съ мѣстоположеніемъ кіевскимъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Почайна беретъ свое начало, есть большой камень, на которомъ прежде было что-то такое написано, но теперь уже стерлось, вѣроятно, тогда, какъ грамотный народъ пересталъ быть на Руси диковиной. Отъ этого-то камня зависитъ судьба Нижняго-Новгорода: въ послѣднее время онъ сдвинется съ мѣста, изъ-подъ него выступитъ вода и потопитъ весь Нижній. Вотъ еще одно преданіе; изъ него увидите вы, что наши предки думали давнымъ-давно о томъ, что недавно вздумали англичане. Это, впрочемъ, очень часто приходится замѣчать, какъ посмотришь на нѣкоторыя изобрѣтенія чужеземныя: часто случается вспоминать, что это на Руси уже было изобрѣтено, или, по крайней мѣрѣ, задумано. Вотъ, напримѣръ, давно ли у насъ было столько шума о *новомъ иностранномъ изобрѣтеніи*— артезіанскихъ колодцахъ: судили, рядили, а никто не догадался, что артезіанскіе колодцы у насъ существуютъ уже лѣтъ полтораста тому назадъ, если не больше. Гдѣ?—спросите вы. Въ Пермской губерніи на солеваренныхъ заводахъ: не угодно ли съѣздить да посмотрѣть? Тамъ достаютъ соленый разсолъ точно такимъ образомъ, какъ воду въ артезіанскихъ колодцахъ... Да, если бы и нижегородское преданіе было справедливо на дѣлѣ, то оно непремѣнно вовсе бы уничтожило славу лондонскаго туннеля и французскаго инженера Брюннеля... О ходахъ въ кремлевской стѣнѣ преданіе говоритъ, что они во времена набѣговъ татаръ и Мордвы были продолжены въ одну сторону до Марьиной рощи, а съ другой выходили на лѣвый берегъ Волги, прокопанные подъ русломъ этой рѣки. Во время осадъ города жители спасались этими проходами,—теперь они засорены и забыты.

III.

Въѣздъ въ Пермскую губернію.—Оханскъ и Кама.—Дорога въ Пермь.—Начало Перми.—Пристань.—Монастырь и памятники.—Ермаково оружіе.—Дорога къ устью Чусовой.—Чусовая.—Полазна.

...Наконецъ мы выѣхали изъ земли вотяковъ: вотъ каменный столбъ съ медвѣдемъ и лукомъ, — мы въ Пермской губерніи. Начали встрѣчаться и деревни съ русскими названіями, и люди съ русскимъ нарѣчіемъ. Живъ такъ долго въ Вятской губерніи, прислушиваясь къ ломанному русскому языку, который употребляютъ уды-морты (такъ называютъ себя вотяки), я былъ очень-очень радъ, пріѣхавъ въ русскую сторону.

При первомъ взглядѣ на Пермскую губернію я замѣтилъ, что жители ея болѣе, нежели жители прочей Россіи, сохранили въ себѣ русскаго духа. Они гостепріимны, радушны; все русское, вытѣсненное въ другихъ мѣстахъ обстоятельствами и временемъ, здѣсь господствуетъ во всей силѣ, во всей красотѣ старины заповѣдной. Здѣсь преддверіе Сибири, той Сибири, которая, будучи удалена отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ болѣе дѣйствуютъ, или дѣйствовали, иноземныя нововведенія, осталась по наружности тою же Русью, какою была за полтораста лѣтъ предъ симъ. Милое радушіе и рѣдкая честность отличаютъ пермскаго крестьянина отъ крестьянъ волжскихъ, не говорю уже о живущихъ близъ столицъ. Надобно тому пожить въ Сибири, или въ Пермской губерніи, кто хочетъ узнать русскій духъ въ неподдѣльной простотѣ. Здѣсь все — и образъ жизни, и преданія, и обряды — носитъ на себѣ отпечатокъ глубокой старины.

Мы подъѣзжали къ Оханску; верстъ за 14 до этого города мнѣ особенно понравилось мѣстоположеніе. Это именно то мѣсто, гдѣ находится село Очерскій - Острожокъ: на первомъ планѣ картины довольно широкая рѣка Очеръ или Ошпоръ извивается по зеленой долинѣ; нѣсколько деревень расположено по берегамъ ея. Вдали, направо и налѣво, идутъ горы, покрытыя зеленью и пихтовыми рощами, такими угрюмыми, такими мрачными. Нѣкоторыя изъ горъ стоятъ отдѣльно, и одна изъ нихъ, находящаяся направо, очень высока.

Горы идутъ хребтомъ, и противъ нихъ, верстахъ въ полуторыхъ, возвышенность, которая однако гораздо ниже этихъ горъ. Ложбина между этими двумя возвышенностями была, мнѣ кажется, нѣкогда русломъ Камы, которая теперь течетъ отъ этого мѣста верстахъ въ 12. Въ этомъ убѣждало меня, во-первыхъ, что по всей этой ложбинѣ нѣтъ лѣса, котораго много на возвышенностяхъ: во-вторыхъ, что въ ложбинѣ почва земли иловатая и глинистая, когда на возвышенностяхъ она каменистая; въ-третьихъ, что городища расположены по этой горѣ; думаю, что такой торговый народъ, какъ біармійцы, скорѣе бы построили свои города и укрѣпленія на той рѣкѣ, по которой производились у нихъ и

торговля и всѣ сношенія, нежели на горѣ въ такомъ незначительномъ разстояніи отъ Камы.

Мы доѣхали до Оханска, уѣзднаго города Пермской губерніи, который расположенъ на возвышенномъ берегу Камы. Городъ маленькій и чрезвычайно бѣденъ, потому что малое число жителей его не имѣетъ никакихъ средствъ къ улучшенію его. Въ немъ всего одинъ каменный домъ, да и тотъ казенный; изъ улицъ немного получше та, черезъ которую идетъ большая дорога, да и на той лачуга возлѣ лачуги; окружныя деревни гораздо лучше Оханска. Чтобы лучше показать незначительность этого города, довольно сказать, что у него нѣтъ даже городского выгона. Оханскъ сдѣланъ городомъ въ 1781 г., т.-е. во время открытія Пермскаго намѣстничества,—до того времени здѣсь было экономическое село Оханное, жители котораго занимались преимущественно рыболовствомъ. Отъ этого произошло какъ самое названіе города, такъ и гербъ его, представляющій рыбачьи сѣти.

Версты полторы ѣхали мы берегомъ Камы, прежде нежели пріѣхали на перевозъ; здѣсь Кама довольно широка (около 460 саженъ), берега— совершенная пустыня: лѣсъ, лѣсъ и больше ничего. Рѣдко-рѣдко попадется на глаза вамъ бѣдная землянка рыбака и возлѣ нея колеблющаяся на водѣ лодочка и раскинутая сѣть. Кромѣ этихъ лодочекъ, ничего нѣтъ на Камѣ: рѣка совершенно пуста; это не то, что на Волгѣ, гдѣ круглое лѣто одно судно перегоняетъ другое и дощаники безпрестанно ходятъ то вверхъ, то внизъ. Судоходство по Камѣ бываетъ по временамъ: во-первыхъ, тотчасъ послѣ вскрытія рѣки идетъ желѣзный караванъ; за нимъ слѣдуетъ соляной, недѣли двѣ спустя послѣ вскрытія; во-вторыхъ, въ концѣ іюня или началѣ іюля идутъ суда съ сибирскими товарами въ Нижній на ярмарку; а потомъ въ сентябрѣ, незадолго до замерзанія Камы, возятъ хлѣбъ изъ Сарапула въ Усолье, Соликамскъ и Чердынь. Въ другое время вы не увидите жизни на Камѣ, она вамъ представляется совершенно пустынною рѣкою.

Кама течетъ около 900 верстъ по Пермской губерніи. Положеніе береговъ ея непостоянно: то лѣвая сторона возвышеннѣе, то правая: впрочемъ, крутыхъ береговъ болѣе на лѣвой сторонѣ, которая почти вся покрыта лѣсомъ; на правой въ иныхъ мѣстахъ есть луга, въ другихъ болота. Здѣсь она замерзаетъ обыкновенно въ началѣ ноября и вскрывается въ апрѣлѣ.

Ступивъ на лѣвый берегъ Камы, мы были въ Пермскомъ уѣздѣ: съ версту отъ берега идетъ дорога песчаная по тѣмъ мѣстамъ, которыя весною покрываются водою. Проѣхавъ эту версту, мы нашли опять прекрасную гальковую дорогу и совершенно не замѣтили, какъ доѣхали до Югокамскаго завода. Этотъ заводъ не слишкомъ значителенъ въ сравненіи съ другими уральскими заводами. Онъ основанъ въ 1746 году и принадлежитъ княгинѣ Бутеро. Мы проѣхали лѣсъ, поднялись на гору, и глазамъ нашимъ представилась Пермь. Почти вся она скрыта была

за бульваромъ, который идетъ отъ Московской заставы направо до Кунгурскаго въѣзда. Сквозь пушистыя березы кое-гдѣ мелькали домики и, показавшись на одну минуту, будто прятались въ вѣтвяхъ. Я взглянулъ на Пермь: налѣво стояло красивое зданіе Александровской больницы: богатая чугунная рѣшетка, окружавшая это зданіе, еще болѣе увеличивала красоту его. Взглянувъ на этотъ домъ, я подумалъ, что Пермь, должно-быть, очень красивый городъ, но впослѣдствіи узналъ, что это зданіе, точно такъ же, какъ и зданіе училища дѣтей канцелярскихъ служителей, находящееся у Сибирской заставы, были не больше, какъ хитрость пермскихъ жителей, выстроившихъ такіе дома у заставы для того, чтобы съ перваго взгляда поразить пріѣзжаго красотою и отвлечь вниманіе его отъ прочаго строенія, весьма незатѣйливаго. Прямо надъ домами возвышалась церковь неизвѣстной архитектуры. Это соборъ, или монастырь, какъ угодно назовите,—это будетъ все равно.

Пермь, единственный губернскій городъ, стоящій на Камѣ, расположенъ на лѣвомъ, возвышенномъ берегу этой рѣки, въ 18 верстахъ ниже устья рѣки Чусовой. Онъ выстроенъ правильно, можно сказать, правильнѣе Нью-Іорка: ровные, большіе кварталы, прямое и параллельное направленіе улицъ и переулковъ бросаются въ глаза при первомъ взглядѣ каждому пріѣзжему и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о недавнемъ основаніи этого города. Прежде на мѣстѣ Перми была деревня, принадлежавшая къ огромному имѣнію бароновъ Строгоновыхъ: въ 1723 году главный правитель казанскихъ и сибирскихъ заводовъ, Генинъ, построилъ, по повелѣнію Петра Великаго, здѣсь мѣдеплавильный заводъ, который названъ былъ Егошихинскимъ, по имени рѣчки, на которой былъ основанъ. До царствованія Елизаветы Петровны онъ принадлежалъ казнѣ, а императрица Елизавета пожаловала его канцлеру графу Воронцову, которому онъ и принадлежалъ до самаго основанія Перми. Въ 1780 году казанскій губернаторъ князь П. М. Мещерскій, во время проѣзда изъ Казани въ провинціальный городъ Соликамскъ, осматривалъ этотъ заводъ. Ему понравилось его мѣстоположеніе, и онъ представилъ государынѣ объ устройствѣ на этомъ мѣстѣ губернскаго города для предположеннаго Пермскаго намѣстничества. Екатерина была согласна, и въ 1781 году Егошихинскій заводъ превращенъ былъ въ главный городъ Пермскаго намѣстничества и получилъ названіе Перми. Обстроился онъ скоро, такъ что черезъ 10 лѣтъ послѣ своего начала онъ занималъ столько же пространства, сколько и теперь. Мѣстоположеніе Перми выгодно и красиво. Между двухъ довольно высокихъ горъ, находящихся на берегу Камы, образуется ложбина, возвышенная саженъ на 15 отъ уровня рѣки. Съ одной стороны эта ложбина омывается рѣчкою Егошихою и ручьемъ, которому пермскіе выдумщики нашлись дать названіе классическаго Стикса, а съ другой — рѣчкою Данилихою, въ которой найдены были слабые признаки золотого песка. На этой-то ровной ложбинѣ расположенъ городъ. Незначительность воз-

вышенія надъ рѣкою была очень удобна для устройства пристани. На пермской пристани выгрузка товаровъ легка, и суда могутъ быть нагружаемы съ большею скоростью, нежели на другихъ какихъ-нибудь пристаняхъ. Здѣсь болѣе всего заслуживаетъ вниманія *сгрузка чая* и другихъ китайскихъ товаровъ, которые, такъ же, какъ и произведенія Сибири, везутся до Перми сухимъ путемъ, а здѣсь нагружаются въ барки для сплава на нижегородскую ярмарку. Эта операція обыкновенно производится въ концѣ іюня, между 20 и 30 числомъ. Тогда дѣятельность на набережной улицѣ, въ другое время безжизненной и совершенно пустой, увеличивается; толпы рабочихъ людей покрываютъ берегъ и барки. Кромѣ этого времени дѣятельность на пристани бываетъ еще въ то время, когда приходитъ соляной караванъ: въ пермскіе запасные магазины ежегодно доставляется изъ соляныхъ промысловъ, казенныхъ и частныхъ, до 404.000 пудовъ соли. Вскорѣ послѣ вскрытія рѣки приходятъ ладьи съ солью, и начинается выгрузка. Тогда изъ окружныхъ селеній стекаются женщины, которыя за довольно хорошую цѣну носятъ кулями соль изъ ладей въ магазины. Въ другое время пристань совершенно пуста, и вы, сидя въ ротондѣ, устроенной надъ рѣкою, смотрите хоть цѣлый день на Каму, не увидите на ней ничего, кромѣ рыбачьихъ лодокъ. Съ этой ротонды видъ очень хорошъ. Кама у васъ подъ ногами; тамъ, на противоположномъ берегу, лѣсъ и пустыня; направо, вдали, высокая и крутая гора, будто опаленная молніей: ни одной былинки не растетъ на скатѣ ея. Подъ этой горой расположенъ заводъ Мотовилихинскій; далѣе, за этою горою, на берегу Камы, которая отъ нея заворачиваетъ на сѣверъ, идутъ тѣ же пустые лѣса, а за ними вдали виденъ зеленѣющійся правый берегъ Чусовой. Этотъ берегъ, покрытый пашнями и по высотѣ своей господствующій надъ лѣсами, рѣзко отличается отъ нихъ; въ мрачной рамѣ пустыни онъ какъ будто улыбается и, окруженный угрюмыми лѣсами, кажется какъ бы свѣтлою мыслью въ омраченной душѣ ожесточеннаго грѣшника.

Я былъ въ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ живетъ епархіальный епископъ; викарій его находится въ Екатеринбургѣ. Монастырь, находящійся въ Перми, первоначально былъ построенъ въ 1570 году на устьѣ рѣки Выскорки (около Соликамска) зажиточнымъ человѣкомъ Максимомъ Строгоновымъ и, пользуясь доходами съ соляныхъ Дедюхинскихъ промысловъ, отданныхъ въ пользу его Строгоновыми, былъ чрезвычайно богатъ. Въ 1775 году онъ былъ переведенъ въ Соликамскъ, а въ 1781 году — въ новый городъ Пермь. Въ теплой церкви этого монастыря, сооруженной во имя св. Стефана Великопермскаго, иконостасъ сдѣланъ изъ мрамора темно-кофейнаго цвѣта. Находясь въ темной церкви, онъ не имѣетъ хорошаго вида. Я уже послѣ узналъ, что онъ мраморный; въ первый разъ, когда я былъ въ церкви, я принялъ его за простой, деревянный старый иконостасъ, подобный тѣмъ, какіе бываютъ въ старинныхъ церквахъ. Въ оградѣ монастыря есть кладбище, и на немъ

много красивыхъ чугунныхъ и мраморныхъ памятниковъ, которые здѣсь, по своей дешевизнѣ, не рѣдкость.

Здѣшняя гимназія довольно обширна для Перми. Въ ней обращаетъ на себя вниманіе такъ-называемое ермаково оружіе, привезенное сюда изъ Екатеринбургскаго арсенала. Это оружіе состоитъ: а) изъ желѣзнаго большого ружья, вѣсомъ фунтовъ въ 60, съ замкомъ и деревянною ложею; б) изъ двухъ чугунныхъ пушекъ, одна длиною аршина въ 2$^1/_2$, другая въ 2, съ узкими дулами, такъ что ихъ надобно заряжать ружейною пулею; в) изъ фитиля. Большое ружье украшено рѣзьбою въ видѣ чешуи и насѣчками. Никакихъ доказательствъ нѣтъ однако, чтобы это оружіе принадлежало завоевателю Сибири. Надобно замѣтить, что Ермакъ живетъ въ памяти жителей Пермской губерніи: много преданій и пѣсенъ о немъ сохранилось до сихъ поръ. Въ селахъ и деревняхъ у всякаго зажиточнаго крестьянина, у всякаго священника вы встрѣтите портретъ Ермака, рисованный большею частью на желѣзѣ. Ермакъ изображается на этихъ портретахъ въ кольчугѣ, иногда въ шишакѣ, съ золотою медалью на груди. Приписывая своему герою чудесныя дѣянія, сибиряки хотятъ освятить его именемъ всякую старинную вещь; и потому каждый изъ нихъ, имѣющій у себя старинную пищаль или какое-нибудь другое оружіе, называетъ его *ермаковымъ,* и готовъ пожертвовать всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно, чтобы только увѣрить васъ, что ружье, валяющееся у него въ пыли, было прежде въ рукахъ Ермака, или, по крайней мѣрѣ, у когонибудь изъ его сподвижниковъ. Такимъ образомъ 3 пищали, которыя я видѣлъ въ Кунгурѣ у купцовъ Пиликиныхъ, выдаются тоже за ермаковы. Я не думаю даже, чтобы это оружіе можно было отнести и къ началу XVII вѣка, — развѣ къ концу его. Вѣроятно, оно было прежде въ острожкахъ и крѣпостяхъ, во множествѣ находившихся въ Пермской губерніи для защиты отъ набѣговъ башкирцевъ.

Первый изъ заводовъ, встрѣтившійся намъ на пути, былъ Мотовилихинскій, казенный, мѣдеплавильный. Онъ находится въ 4 верстахъ отъ города, на рѣчкахъ Большой и Малой Мотовилихахъ и ручьѣ Ивѣ, и расположенъ между двухъ горъ, изъ которыхъ одна отдѣляетъ его отъ города, а другая находится выше по теченію Камы. Мотовилихинскій заводъ основанъ въ 1736 году по указу Государственнаго Бергъ-Директоріума на земляхъ бароновъ Строгоновыхъ и пошелъ въ ходъ въ 1738 году. По управленію онъ зависитъ отъ казеннаго Юговскаго завода, находящагося также въ Пермскомъ уѣздѣ. Мѣдную руду, впрочемъ, очень бѣдную, достаютъ въ шахтахъ, находящихся около Перми.

До устья Чусовой мы ѣхали лугами, по самому берегу Камы, потому что дорогу въ горахъ въ это время поправляли. Мы видѣли на лугахъ мастеровыхъ, занимавшихся уборкою сѣна. Тутъ я имѣлъ случай замѣтить здѣшній образъ кошенія сѣна, совершенно отличный отъ того, который употребляется въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ. Здѣсь, точно

такъ же, какъ и въ Вятской губерніи, косятъ *горбушами*. Горбуша длиннѣе нашей косы: она насаживается на коротенькій, кривой черенокъ, называемый *косникомъ*. Чтобы косить горбушею, надобно безпрестанно нагибаться: слѣдовательно это еще труднѣе, нежели жать. Русскія косы здѣсь зовутъ *литвянками*, и къ этимъ литвянкамъ никакъ не могутъ пріучиться крестьяне. Они говорятъ, что горбушей сѣно косится и скорѣе и чище; что лезвее ея беретъ траву подъ самый корень, и что тутъ ни одна былинка не пропадаетъ. Конечно, это справедливо, особенно въ отношеніи къ скорости, потому что размахъ горбуши больше: но какое различіе въ удобствѣ! Укладываютъ сѣно здѣсь не *стогами*, а *зарядами*. Зарядъ бываетъ длинный, гораздо ниже нашего стога, и скатъ его круче. Это очень хорошо, потому что при крутомъ скатѣ сѣно менѣе портится отъ дождей. Смерклось. Въ воздухѣ тихо. Кама ровна, гладка, какъ стекло. Противоположный берегъ, покрытый пирамидальными соснами, отражаясь въ водѣ, придавалъ поверхности рѣки видъ огромнаго полированнаго малахита. Въ сумракѣ нельзя было различить границу между лѣсомъ настоящимъ и отражавшимся въ водѣ: все сливалось въ одну темно-зеленую массу. Картина была превосходная. Мы любовались ею и не замѣтили, какъ доѣхали до перевоза черезъ Чусовую, который устроенъ въ полуверстѣ отъ ея устья у деревни Левшина. Вода въ Чусовой гораздо чернѣе камской; самый ледъ ея, идущій весною, легко можно отличить отъ льда камскаго. Въ устьѣ ширина ея около 80 саженъ, а глубина до 7 аршинъ. Она течетъ всего 550 верстъ и дѣлается судоходною отъ деревни Кургановой (въ Кунгурскомъ уѣздѣ), въ 475 верстахъ отъ устья. Берега Чусовой замѣчательны своей крутизною: представьте себѣ двѣ бѣлыя известковыя стѣны, вышиною отъ 10 до 20 саженъ. Между этими стѣнами быстро несется Чусовая. Отъ необыкновенной быстроты своей эта рѣка *неспособна* къ судоходству, мало того, что никакія усилія человѣческія не могутъ ввести судна вверхъ ея, — даже и внизъ, по ея теченію, сплавъ барокъ возможенъ только весною, при полой водѣ. Имѣя чрезвычайно быстрое теченіе, Чусовая наноситъ множество мелей изъ галекъ и песка, такъ что во многихъ мѣстахъ ее можно перейти въ бродъ. Сверхъ того на ней находится болѣе 17 камней, затрудняющихъ въ весеннее время судоходство; нѣкоторые изъ этихъ камней чрезвычайно велики; камень *Разбойникъ*, напримѣръ, длиною будетъ саженъ 20 вдоль по теченію рѣки: другіе находятся не въ водѣ, а выдаются съ береговаго утеса, какъ, напримѣръ, Волеговъ, близъ деревни этого же имени (въ Кунгурскомъ уѣздѣ). Онъ высунулся съ праваго берега и, вися надъ водою, кажется, хочетъ упасть и запрудить рѣку. Находясь же невысоко отъ уровня воды, онъ очень много препятствуетъ ходу барокъ.

Замѣчателенъ образъ судоходства по Чусовой. Судоходство по этой рѣкѣ возможно только весною: но и въ это время нужны нѣкоторыя приготовленія для удобнаго сплава судовъ. Изъ множества рѣкъ и рѣчекъ,

текущихъ въ Чусовую, очень немногія прямо, всею массою воды вливаются въ нее: почти на всѣхъ устроены заводы, для которыхъ необходимы пруды, потому что паровыя машины введены еще въ немногихъ мѣстахъ, и до сихъ поръ всѣ заводскія работы приводятся въ дѣйствіе водою. Количества же воды, происходящей отъ таянія снѣга по берегамъ Чусовой и по низовьямъ запруженныхъ рѣкъ, недостаточно для того, чтобы покрыть хотя ненадолго всѣ мели и откосы на Чусовои. Слишкомъ большой склонъ русла рѣки производитъ то, что новая вода скоро сбѣгаетъ въ Каму, не покрывъ камней и мелей. Чтобы отвратить это неудобство, сплавляютъ товары слѣдующимъ образомъ: еще въ то время, когда начинаетъ ломаться ледъ, спѣшатъ нагрузить караваны судовъ: чугуномъ, желѣзомъ, мѣдью и рудою, заготовленными въ продолженіе цѣлаго года После этого начинаютъ спускать пруды, одинъ прежде, другой позже, смотря по разстоянію его отъ Чусовой. Вода изъ прудовъ вдругъ наполняетъ Чусовую, и теперь быстрымъ токомъ воды несутся суда въ Каму. Нѣсколько дней продолжается эта искусственная прибыль. Но какъ скоро вода въ прудахъ придетъ въ такое положеніе, какое необходимо для производства работъ, опять затворяютъ плотины, и Чусовая дѣлается мелка попрежнему. Кто опоздалъ отправить свой караванъ въ урочный *часъ*, тотъ долженъ дожидаться другой весны. Поэтому, говорятъ, и рѣка названа *Часовою*, или *Чусовою*, по пермскому выговору. Разумѣется, это несправедливо: названіе Чусовой принадлежало этой рѣкѣ еще и тогда, когда не было на ней ни заводовъ, ни каравановъ, ни прудовъ на побочныхъ рѣкахъ ея. Названіе Чусовая взято изъ языка пермяцкаго. Видя много рѣкъ камской системы, я не могъ не замѣтить, что рѣки, текущія въ нее съ лѣвой стороны, несравненно быстрѣе тѣхъ, которыя вливаются въ нее съ правой. Причина этому очевидна. Камскій бассейнъ находится въ ложбинѣ, у которой съ одной стороны тянется Уралъ, а съ другой незначительныя, въ сравненіи съ Ураломъ, возвышенности, находящіяся въ Вятской губерніи. Кама проходитъ по самымъ низкимъ мѣстамъ этой ложбины, а рѣки, впадающія въ нее, текутъ по скатамъ возвышенностей. Скатъ хребта Уральскаго гораздо круче, нежели скатъ вятскихъ возвышенностей, что̀ зависитъ отъ вышины горъ. Естественно, что рѣки, проходящія по крутому скату Урала, должны быть гораздо быстрѣе, нежели тѣ, которыя текутъ по скату болѣе отлогому. На самомъ устьѣ Чусовой, на правомъ берегу этой рѣки, есть маленькая деревня, называющаяся Усть-Чусовая. Я слышалъ, что прежде тутъ были остатки вала, котораго устроеніе преданіе приписываетъ не Чудакамъ, а Строгоновымъ. Теперь рѣшительно неизвѣстно названіе этого городка; хотя Карамзинъ, Миллеръ и Свиньинъ и думали, что тутъ былъ или Канкаръ, или Орелъ-городокъ, но это несправедливо. Ни Канкара, ни Орла, ни Кергедана, ни даже Чусовскаго-Городка никогда не бывало на этомъ мѣстѣ. Орелъ до сихъ поръ существуетъ подъ этимъ же названіемъ близъ Новаго-Усолья, Канкаръ или

Камгоръ былъ построенъ противъ *Ііыскарскія курьи*, которая и теперь и во времена Строгоновыхъ находилась въ 145 верстахъ выше устья Чусовой. Кергеданъ былъ тоже около нынѣшняго Усолья, а Чусовскій-Городокъ существуетъ и до сихъ поръ, но все же не на этомъ мѣстѣ. Но что это былъ строгоновскій городокъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, ибо въ грамотахъ, пожалованныхъ Строгоновымъ, прямо говорится, что они имѣли въ этихъ мѣстахъ крѣпостцы для защиты отъ дикихъ сосѣдей.

Ночью мы пріѣхали въ заводъ Полазну, принадлежащій гг. Лазаревымъ. Онъ основанъ въ 1794 г., слѣдовательно позже прочихъ лазаревскихъ заводовъ. Онъ находится верстахъ въ 2 отъ Камы, въ 26 верстахъ отъ Перми. Бо̀льшая часть руды и чугуна, получаемыхъ Лазаревыми въ Кизеловскихъ дачахъ, обрабатывается на Чермазскомъ заводѣ, а на Полазнѣ и въ Хохловскомъ заводѣ производство очень невелико; на послѣднемъ выработка желѣза еще вдвое менѣе выработки полазнинской. Но оба эти завода привозятъ готовый уже чугунъ съ Кизеловскаго завода. Сплавляютъ его по рѣкѣ Косвѣ весною, когда мелкія закамскія рѣки наполняются водою и *тулуны* ихъ закрываются. Чугунъ на Полазнѣ передѣлывается въ полосовое желѣзо въ кричныхъ горнахъ. Выдѣланное здѣсь желѣзо отправляютъ на общихъ караванахъ Камою и Волгою до Нижняго-Новгорода. Заводскихъ зданій въ Полазнѣ 2; въ нихъ находится 8 кричныхъ горновъ, которые раздуваются мѣхами. Эти мѣхи приводятся въ движеніе водою. Въ Полазнѣ выдѣлывается желѣза отъ 40 до 65 тысячъ пудовъ въ годъ. Выѣхавъ изъ этого завода, мы должны были подняться на довольно значительную возвышенность, съ которой видъ былъ очень живописенъ. Съ одной стороны, какъ голубая ткань, разстилался прудъ: берега его или опушены лѣсомъ, или обстроены домами, которые отражаются въ зеркальной влагѣ. Направо Кама серебрится вдали; возвышенный правый берегъ ея зеленою полосою отдѣляетъ воду отъ небосклона; ближе — бѣлая, высокая Лунежская гора; огромные камни ея висятъ подъ ложбиною и, кажется, ежеминутно угрожаютъ паденіемъ; между этими камнями лѣпятся березки и елки, вершина горы опушена кудрявыми соснами. Прямо предъ вами пустынный лѣсъ, состоящій изъ сосны, ели, пихты, лиственицы и другихъ хвойныхъ деревъ; рѣдко-рѣдко встрѣтится молоденькая береза или трепещущая осина, одиноко, какъ сирота, растущая между чуждыми ей деревьями. Мы ѣхали этимъ лѣсомъ, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь съ нихъ: наконецъ лѣсъ началъ перемежаться, и мы поѣхали мѣстами низкими, сырыми, грязными. Проѣхавъ дорогу, лѣпившуюся у этой пасмурной горы, мы вскорѣ пріѣхали къ рѣкѣ Косвѣ. Эта рѣка чрезвычайно быстра, гораздо быстрѣе Чусовой: за 100 саженъ слышно, какъ шумитъ она, пробираясь черезъ камни. Такія же наносныя мели, такія же косы изъ галекъ, какъ на Чусовой, находятся и на этой рѣкѣ. На ней очень много *тулуновъ*, и нѣкоторые изъ нихъ довольно высоки (четверти 2) и даже образуютъ пороги. Берега и дно ея усыпаны ро-

зовыми, малиновыми и зелеными кремнями, разноцвѣтными яшмами, агатами и кругленькими кварцами. По Косвѣ сплавляютъ изъ Кизеловскаго завода и рудниковъ чугунъ въ Полазну и Хохловскій заводъ и желѣзную руду въ Чермазскій заводъ. Косва у перевоза въ ширину будетъ слишкомъ 30 саженъ. Тутъ на правомъ берегу ея находится довольно большое село Перемское. Имя его напоминаетъ бывшую нѣкогда здѣсь Біармію и Великую-Пермію. Дорога идетъ берегомъ Косвы до станціи Микулиной. Здѣсь рѣка эта течетъ между двухъ равныхъ по вышинѣ своей крутыхъ береговъ. Невысокій лѣсъ и луга находятся по обѣимъ сторонамъ рѣки. Пятьдесятъ верстъ мы ѣхали сырыми мѣстами—лѣсъ, пустыня совершенная; множество мелкихъ рѣчекъ пересѣкали дорогу, такую однообразную, такую скучную... Наконецъ мы доѣхали до рѣки Яйвы, столь же быстротой, какъ и Косва. По ней сплавляютъ чугунъ и руду изъ Кизеловскихъ дачъ въ Пожевскій заводъ Всеволожскаго, который находится на той сторонѣ Камы, близъ устья Яйвы. Мы переѣхали Яйву и пріѣхали въ Романово.

IV.

Дорога къ Новому-Усолью.—Исторія соляныхъ промысловъ.—Производство соли.

Изъ Романова дорога идетъ лѣсомъ. Мы переѣхали чрезъ рѣчки Пекурку, Зюзву, Волимъ, Песьянку, потомъ поднялись на крутую гору. Опять лѣсъ, опять дикая природа. На дорогѣ намъ попалась деревня Балахонцова, населенная выходцами изъ усолья *балахонскаго*, привлеченными сюда богатствомъ соляныхъ ключей здѣшняго края. Подлѣ Балахонцова мы переѣхали рѣчку Ленву. Лѣсъ кончился, и мы увидѣли предъ собой картину, которая чрезвычайно походила на картину внутренней Россіи. Лѣса нѣтъ — значитъ, мы близко отъ соляныхъ промысловъ, которыхъ сосѣдство для него столько же гибельно, какъ дружба мотовъ для молодого человѣка, получившаго богатое наслѣдство. Налѣво, надъ мелкимъ кустарникомъ, закрывшимъ Каму, виднѣлся соборъ усольскій, еще двѣ церкви, каменные дома и огромные соляные складочные магазины; клубами развивавшійся въ воздухѣ дымъ изъ варницъ какою-то фантастическою пеленою раскинулся надъ Новымъ-Усольемъ. Ближе къ намъ находилась большая деревня Усть-Зырянка, прямо предъ глазами село Веретія, за ними вдали Ленва, а на небольшой возвышенности — горный городъ Дедюхинъ, съ облаками дыма, носившимися надъ варницами. Направо, на горѣ, село Зырянка. И всѣ эти селенія такъ близко одно отъ другого, и всѣ они такъ красивы; окрестности ихъ не угрюмы, не мрачны.

Изъ Веретіи мы ѣхали песками, которые весною покрываются водою. Мы проѣхали мимо Ленвенскихъ промысловъ, поворотили направо

и проѣхали на берегъ Камы напротивъ самаго Усолья. Перевозъ. Берега Камы оживлены: прямо предъ нами широко раскинулось Усолье: на обоихъ концахъ его дымятся варницы, и густой дымъ клубами развѣвается надъ всѣмъ селеніемъ. Рядъ красивыхъ каменныхъ домовъ, которые не были бы лишними даже и въ столицѣ, тянулся по берегу Камы, или, сказать правду, не по берегу этой рѣки, а по краю возвышенности, у подошвы которой находятся преглубокіе пески. Среди этихъ домовъ возвышается соборъ усольскій съ высокою колокольнею. Направо отъ села высокая, крутая, полуобнаженная гора, и по ней живописно раскинулась деревня Камень; далѣе на косогорѣ видны двѣ церкви и нѣсколько домовъ, — это остатки древняго монастыря Пыскорскаго и Пыскорскаго мѣдеплавильнаго завода. На лѣвой сторонѣ Камы—Дедюхинъ, Ленва, Усть-Зырянка, расположенные одно подлѣ другого, оживляютъ берегъ. За ними вдали, на возвышенности, село Зырянка, стоя на послѣднемъ планѣ, увеличиваетъ красоту окрестностей и какъ бы господствуетъ надъ живописнымъ лѣвымъ берегомъ Камы.

Новоусольскіе и Ленвенскіе соляные промыслы принадлежатъ нынѣ (1842) пяти владѣльцамъ, а именно: графу Г. А. Строгонову, графинѣ С. В. Строгоновой, князю С. М. Голицыну съ племянниками, княгинѣ В. П. Бутеро и господамъ Лазаревымъ. Эти промыслы получили свое начало еще въ XVI столѣтіи, а можетъ-быть, и ранѣе. Они основаны на земляхъ, пожалованныхъ Строгоновымъ въ разныя времена отъ государей русскихъ. Полагаютъ, что выварка соли началась здѣсь съ 1556 года: но существованіе соляныхъ ключей въ этомъ краѣ было извѣстно и прежде, потому что въ грамотѣ, данной царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ Аникѣ Строгонову въ 7064 (1556) году, говорится: „а гдѣ въ томъ мѣстѣ росолъ найдетъ и ему варницы ставити и соль варити". Изъ этихъ словъ ясно видно, что въ 1556 году знали о соляныхъ камскихъ ключахъ, или росолахъ; можетъ-быть, въ это время существовали уже и варницы (въ Соли-Камской). Съ землею, пожалованною Строгонову въ 1556 году, было отдано ему во владѣніе 2332 двора крестьянъ соликамскихъ, обвинскихъ и косвенскихъ. Получивъ такую важную награду, Строгоновъ въ 1564 году устроилъ первый соляной промыселъ на правой сторонѣ Камы, напротивъ устья рѣки Яйвы. Здѣсь завелъ онъ одну варницу и поселилъ людей для работы. Мѣсто это сдѣлалось постояннымъ мѣстопребываніемъ Строгоновыхъ и получило названіе Орла-города. Есть преданіе, объясняющее происхожденіе этого названія. Оно говоритъ, что на этомъ мѣстѣ въ старину стоялъ огромный кедръ, и на этомъ кедрѣ свилъ себѣ гнѣздо орелъ, величины и силы необыкновенной. Онъ былъ ужасомъ окрестностей: похищалъ мелкій скотъ и даже дѣтей. Никто не отваживался убить этого хищника, всѣ боялись близко подойти къ гнѣзду его и, тревожимые страхомъ, оставляли его въ покоѣ. Аника Строгоновъ самъ рѣшился убить эту птицу, отправился къ гнѣзду ея и успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Мѣсто,

на которомъ былъ кедръ, понравилось ему, и онъ рѣшился тутъ устроить городокъ. Вскорѣ нашли тутъ соляные ключи, и началось солевареніе. Городокъ же оставилъ за собою названіе Орла-города, въ память пернатаго хищника, прежде тутъ обитавшаго. Что касается до соликамскихъ варницъ, то онѣ, кажется, были устроены ранѣе орловскихъ, и если я не ошибаюсь, то промышленниками, пришедшими изъ Балахны и съ промысловъ сольвычегодскихъ, тотемскихъ и леденгскихъ. Это доказывается названіями разныхъ селеній и мѣстъ этого края, напримѣръ, Балахонцова, населеннаго балахонскими пришельцами, рѣки и деревни Зырянки, населенной пришельцами изъ того края, который населенъ былъ зырянами. Самое названіе Новаго-Усолья не есть мѣстное: оно, происходя отъ словъ *у соли*, было названіемъ балахонскихъ промысловъ, существовавшихъ гораздо ранѣе камскихъ. Вѣроятно, всѣ здѣшніе промыслы заведены были опытными уже солеварами, пришедшими сюда или по своей волѣ, или по приглашенію Строгоновыхъ. Это подтверждаетъ и соликамскій лѣтописецъ, въ которомъ сказано, что Ленвенскіе промыслы основаны были *балахонцемъ* Ивашкою Соколовымъ въ 1610 году. Но, какъ бы то ни было, въ XVI столѣтіи соликамскіе промыслы были гораздо значительнѣе строгоновскихъ: въ 1579 году писецъ Яхонтовъ, описывая соль камскую, нашелъ въ ней уже 37 варницъ. Въ началѣ XVII столѣтія число варницъ и росолоизвлекательныхъ трубъ на камскихъ промыслахъ увеличилось: въ 1610 году открыты Строгоновымъ промыслы въ Новомъ-Усольѣ, росолъ усольскій найденъ чрезвычайно хорошимъ, и потому солеварни въ Орлѣ начали мало-по-малу уменьшаться и къ концу XVII столѣтія были вовсе уничтожены. Главною причиною закрытія варницъ въ Орлѣ было то, что стремленіемъ весенней воды онѣ постепенно разрушались. Теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде были трубы и варницы орловскія, протекаетъ Кама. Въ 1610 году также были открыты варницы на Ленвѣ, напротивъ Усолья, а немного позже Иванъ Нарыгинъ завелъ промыселъ на рѣкѣ Зырянкѣ и построилъ на этомъ мѣстѣ село Веретію. Вскорѣ явились также соляные промыслы и на устьѣ Зырянки и въ селѣ Зырянкѣ. Веретійскія варницы перешли во владѣніе Богдану Левашеву, который въ 1620 году продалъ ихъ Григорію Никитникову. Тогда ихъ было двѣ. Зырянскіе и Веретійскіе промыслы въ 1652 году отошли въ казну, которая и владѣла ими до самаго времени ихъ уничтоженія. Они были закрыты по причинѣ слабости росола, а Усть-зырянскіе, какъ по этой же причинѣ, такъ и потому, что Кама, постепенно уклоняясь къ низменному лѣвому берегу, обмывала берега болѣе и болѣе и наконецъ почти совсѣмъ разрушила промыселъ. До сихъ поръ на днѣ Камы встрѣчаются остатки усть-зырянскихъ росолоизвлекательныхъ трубъ.

Ленвенскій промыселъ, основанный въ одинъ годъ съ Новоусольскимъ балахонцемъ Ивашкою Соколовымъ, впослѣдствіи перешелъ во владѣніе нижегородскимъ гостямъ Семену Задорину и Владиміру Черкасову.

Эти продали его Михайлѣ Шорину, а Шоринъ, въ 1681 году, московскимъ гостямъ Шустову и Филатьеву, которые, будучи привлечены выгодами въ этотъ отдаленный край, завели варницы и въ Соли-Камской. Ленвенскій промыселъ въ 1681 году былъ незначителенъ: въ немъ была всего одна росолоизвлекательная труба; но Шустовъ и Филатьевъ привели его въ цвѣтущее состояніе. Чрезъ 16 лѣтъ, т.-е. въ 1697 году, на Ленвѣ было уже 44 варницы, 21 амбаръ, 23 росолоизвлекательныя трубы и *мельница нѣмецкая*. Но такъ какъ эти промыслы были устроены на земляхъ строгоновскихъ, то у Филатьева и Шустова возникла тяжба съ именитымъ человѣкомъ Григорьемъ Дмитріевичемъ Строгоновымъ. Эта тяжба кончилась въ 1697 г. Вслѣдствіе *жалованной правой грамматы*, Г. Д. Строгоновъ получилъ Ленвенскій промыселъ въ потомственное владѣніе. Дедюхинскій промыселъ основанъ былъ вскорѣ послѣ Орловскаго Аникою Строгоновымъ. Этотъ Аника Строгоновъ, предъ смертью своею, пошелъ въ основанный имъ неподалеку отъ Орла и Дедюхина монастырь Пыскорскій, постригся въ немъ и принялъ имя Іоасафа. Въ завѣщаніи своемъ онъ отдалъ новый Дедюхинскій промыселъ монастырю, которому впослѣдствіи достался и Березниковскій промыселъ, находившійся возлѣ Дедюхинскаго. Отъ этихъ промысловъ монастырь получилъ большія выгоды; довольно замѣтить то, что онъ въ 1711 г. поставилъ въ Нижній-Новгородъ соли 584.238 пудовъ. Въ 1764 году, во время учрежденія штатовъ монастырскихъ, всѣ промыслы, принадлежавшіе Пыскорскому монастырю, отошли въ казну. Дедюхинскій былъ преобразованъ въ горный городъ, а Березниковскій закрытъ по причинѣ слабости росола. Были еще Чусовскіе соляные промыслы, на р. Чусовой; но они въ 1773 году закрыты какъ по слабости росола, такъ и потому, что доставка дровъ къ нимъ сдѣлалась затруднительна; промыслы Яйвенскіе, Верхне-Веретійскій (принадлежавшій Новому-Іерусалиму), Криветскій, Куркесскій на рѣкѣ Зырянкѣ, но всѣ они давно закрыты по слабости росола. Въ началѣ XVIII столѣтія всѣ камскіе соляные промыслы, за исключеніемъ соликамскихъ, принадлежавшихъ разнымъ солепромышленникамъ, и Дедюхинскаго, были во владѣніи именитаго человѣка Строгонова. До 1747 г. это огромное имѣніе не дробилось, но съ этого времени пошло въ раздѣлъ между разными лицами строгоновской фамиліи, а нѣкоторыя части его были даже проданы въ постороннія руки (Лазаревымъ, Всеволожскому); отъ этого теперь Новоусольскіе и Ленвенскіе соляные промыслы принадлежатъ пяти разнымъ владѣльцамъ.

Казенный горный городъ Дедюхинъ находится на лѣвой сторонѣ рѣки Камы, немного повыше Ленвенскихъ соляныхъ промысловъ. Управляетъ работами на Дедюхинскихъ солеварняхъ особенное соляное правленіе, состоящее изъ управляющаго и двухъ совѣтниковъ. Образъ производства въ Дедюхинѣ точно такой же, какъ на Новоусольскихъ и Ленвенскихъ промыслахъ. Верстахъ въ тридцати отъ Дедюхинскихъ и Новоусольскихъ промысловъ находятся Соликамскіе промыслы. Они устроены

въ уѣздномъ городѣ Пермской губерніи. Соликамскѣ, по рѣкѣ Усольѣ, верстахъ въ 7 отъ Камы. Прежде владѣли и нынѣ владѣютъ ими частные солепромышленники. Соликамскіе промыслы не могутъ идти въ сравненіе съ Новоусольскими или Дедюхинскими: въ нихъ и росолъ слабъ и производство небольшое. Впрочемъ, несмотря на всю бѣдность ихъ, они далеко превосходятъ промыслы Балахонскіе (въ Нижегородской губерніи). Всего въ Пермской губерніи получается соли до 7.000.000 пудовъ, слѣдовательно немного менѣе *одной трети* всего количества соли, добываемаго въ Россіи (до 22 съ половиною милліоновъ пудовъ). Если сравнимъ производство соли въ Пермской губерніи съ производствомъ ея въ другихъ мѣстахъ Россіи, то увидимъ, что: 1) Одни только озера перекопскія доставляютъ болѣе соли (до 7.300.000 пудовъ): Бурназское и Хаджи-Ибраимское озера (въ Бессарабіи) могутъ доставлять также болѣе, но не всегда: въ 1832 году, напримѣръ, съ нихъ получено только 350.000 пудовъ. 2) Количество соли, добываемой на пермскихъ промыслахъ, болѣе въ 6 разъ количества соли, добываемой съ Елтона, въ 9 разъ болѣе количества, получаемаго въ Илецкой-Защитѣ, въ 3 раза болѣе противъ количества соли, получаемаго изъ озеръ геническихъ, въ 6 разъ болѣе противъ керченскихъ, въ 6 разъ противъ евпаторійскихъ, въ 6 разъ противъ озеръ астраханскихъ и кавказскихъ, въ 65 противъ старорусскихъ и въ 67 противъ леденгскихъ. 3) Количество выварочной пермской соли (7.000.000) въ 14 разъ превосходитъ количество выварочной соли въ другихъ мѣстахъ Россіи (около 500.000 пудовъ), — это яснѣе можно видѣть изъ слѣдующей таблицы. *Добывается соли выварочной:* въ Пермской губерніи до 7.000.000 пудовъ: въ Вологодской губерніи 228.000; въ Архангельской губерніи 148.000: въ Старой-Русѣ 180.000; въ Троицкомъ заводѣ (Енисейской губ.) 50.000: въ Иркутской губерніи (на заводахъ Иркутскомъ, Усть-кутскомъ и Охотскомъ) 195.000; въ Балахнѣ до 100.000. Изъ этого можно ясно видѣть всю важность камскихъ соляныхъ промысловъ, находящихся въ Пермской губерніи.

V.

Новое-Усолье, Ленва, Дедюхинъ и Пыскорскій монастырь. — Соликамскъ. — Исторія Соликамска. — Церкви и старинные домы. — Древности. — Поѣздка Камою. — Пожневскій заводъ.

Въ Новомъ-Усольѣ три церкви: а) Соборная, стоящая на берегу Камы, прежде бывшая ставропигіальною: б) церковь Рубежская у Верхняго промысла, и в) церковь Никольская, или графа Строгонова. Первая изъ нихъ основана Строгоновыми; близъ нея погребены были нѣкоторыя лица фамиліи этой. Иконы въ ней стариннаго письма и съ богатыми серебряными и золотыми ризами. Рубежская церковь небольшая

и ничѣмъ не замѣчательна. Никольская замѣчательна и архитектурою, и украшеніемъ, и нѣкоторыми находящимися въ ней вещами. Она выстроена въ римскомъ вкусѣ: довольно большой куполъ, четыре фронтона, поддерживаемые колоннами тосканскаго ордена, богатыя чугунныя рѣшетки вокругъ креста, по краямъ фронтоновъ и вокругъ храма, — вотъ наружный видъ Никольской церкви. Въ самой церкви живопись прекрасная, во вкусѣ итальянской школы. Особенно замѣчательны образа: 1) на царскихъ дверяхъ, которыя вылиты изъ бронзы, два образа Дѣвы Маріи и Гавріила, работы В. Л. Боровиковскаго. Какъ божественны черты Пресвятой, какое высокое выраженіе лица ея! Оно, несмотря на видимое смиренномудріе, такъ высоко, что самъ небожитель, всегда предстоящій престолу Вышняго, взираетъ на нее очами благоговѣнія. Это лучшій образъ во всей церкви: я не могъ насмотрѣться на него, нѣсколько разъ подходилъ къ нему, и когда отходилъ, мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на него. Этотъ образъ, такъ же точно, какъ и образа четырехъ евангелистовъ, писанъ на желѣзѣ. 2) Списокъ съ корреджіевой „Ночи“, работа нижегородскаго художника Веденецкаго. Списокъ очень хорошъ, жаль только, что стоитъ не на мѣстѣ: свѣтъ скользитъ на картинѣ. Изъ вещей, находящихся въ Никольской церкви, замѣчательны, какъ по драгоцѣнности, такъ и по изящной работѣ: двѣ дароносицы, блюдо, на которомъ во время всенощной освящаютъ хлѣбы, и огромное бронзовое паникадило. Изъ древностей въ этой церкви замѣчательно рукописное евангеліе въ листъ. Оно написано было въ началѣ XVII столѣтія и въ 1603 году принесено въ даръ въ церковь Похвалы Богородицы въ Орлѣ-городкѣ именитымъ человѣкомъ Никитою Григорьевичемъ Строгоновымъ. Въ этой церкви оставалось оно до 1820 года, въ которомъ, съ разрѣшенія пермскаго епископа Мелетія (бывшаго послѣ въ Харьковѣ), перенесено въ эту церковь за должныя промысламъ орловскою церковью деньги (350 руб.). Преданіе говоритъ, что это евангеліе писано рукою схимонахини Татьяны, дочери Никиты Григорьевича. Въ одномъ съ нимъ переплетѣ находится грамота, данная въ 1703 году Діонисіемъ, епископомъ вятскимъ и великопермскимъ, въ орловскую церковь... Въ Новомъ-Усольѣ замѣчательна общая любовь къ изящнымъ искусствамъ и особенно къ живописи. Не буду подтверждать словъ моихъ тѣмъ, что я здѣсь повсюду встрѣчалъ такъ много хорошихъ картинъ, слышалъ такъ много толковъ о художествахъ, скажу только, что Новое-Усолье произвело двухъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, именно: А. Н. Воронихина, который родился здѣсь въ 1780 году и составилъ себѣ славу построеніемъ Казанскаго собора въ Петербургѣ, и Пищалкина, хорошаго живописца и гравера.

Въ Новомъ-Усольѣ торговая дѣятельность очень велика. Здѣсь вы найдете все, что вамъ угодно — даже сукна, шелковыя матеріи, галантерейныя вещи, книги. Впрочемъ, въ Пермской губерніи такія села не рѣдкость. Въ Усольѣ много мелочныхъ лавокъ — въ другомъ городѣ

столько не встрѣтите ихъ. Зимою торгъ здѣсь еще обширнѣе: тогда бываютъ открытыя лавки на *палояхъ*... Улицы очень нечисты, а все оттого, что жители, принадлежащіе одному владѣльцу, ссылаются на принадлежащихъ другому, эти — на принадлежащихъ третьему, и такъ далѣе, а село раздѣлено не по участкамъ, а по домамъ: здѣсь домъ строгоновскій, рядомъ съ нимъ голицынскій, и такъ далѣе. Ужасный беспорядокъ! Я видѣлъ планъ Усолья, на которомъ часть каждаго владѣльца означена особой краской. Боже мой, какая пестрота! Только въ одномъ углу есть часть одного гр. Строгонова, и потому въ этой части прекрасный порядокъ: устроены мостовыя изъ галекъ, улицы всегда выметены... Солеварни находятся отдѣльно отъ села: одна часть ихъ выше по теченію Камы *(Верхній промыселъ)*, другая ниже по этой рѣкѣ *(Нижній промыселъ)*. Послѣдняя часть обширнѣе и лучше устроена. Раздѣленіе варницъ и трубъ тоже не по правиламъ межеванья. Впрочемъ, этихъ правилъ и примѣнить сюда невозможно. Село Ленва гораздо хуже обстроено, нежели Новое-Усолье: дома въ немъ хотя большіе, но старые: зато планированы лучше Новаго-Усолья. Возлѣ Ленвы есть каналъ, о которомъ я говорилъ уже... Горный городъ Дедюхинъ находится въ верстѣ отъ Ленвы, вверхъ по теченію Камы. Напротивъ Дедюхина, надъ Камою, возвышается крутая гора, по скату которой кое-гдѣ попадаются великолѣпные кедры. Вершина ея опушена кустарникомъ. Эта гора и деревня, стоящая на ней, называются Камень. Повыше этого Камня вы замѣчаете большое село, расположенное по скату горы, съ двумя церквами, но безъ облаковъ дыма: слѣдовательно это ни заводъ ни соляные промыслы. Это остатки славнаго во время оно Пыскорскаго монастыря и Пыскорскаго мѣдеплавильнаго завода. Пыскорскій монастырь основанъ въ 1570 году Аникою Ѳедоровичемъ Строгоновымъ, который и самъ былъ въ немъ монахомъ, подъ именемъ Іоасафа. Основатель монастыря обогатилъ его пожертвованіемъ Дедюхинскаго и Березниковскихъ соляныхъ промысловъ. Отъ этихъ промысловъ онъ получалъ огромные доходы и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей русскихъ. При учрежденіи монастырскихъ штатовъ, соляные промыслы, ему принадлежавшіе, были взяты въ казну. Монастырь началъ клониться къ упадку: находясь въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ онъ не могъ имѣть постоянныхъ доходовъ, онъ не имѣлъ способовъ поддерживать свое существованіе. Правительство въ 1775 году перевело его въ Соликамскъ на мѣсто уничтоженнаго тамъ, еще въ 1764 году, монастыря Вознесенскаго. Въ 1781 году изъ Соликамска онъ былъ переведенъ въ Пермь. Пыскорскій мѣдеплавильный заводъ построенъ былъ въ царствованіе императора Петра Великаго и принадлежитъ казнѣ. Это былъ первый мѣдеплавильный заводъ, устроенный въ странѣ этой. Вскорѣ онъ былъ закрытъ по причинѣ слабости рудъ. Близъ Пыскорскаго монастыря находился Канкоръ, построенный Строгоновымъ въ первые годы его въ этихъ странахъ поселенія (прежде 1558). На-

добно полагать, что на этомъ мѣстѣ, до прибытія Строгоновыхъ, находилось или селеніе туземцевъ, или одно изъ тѣхъ „селищъ чудскихъ пустыхъ и заросшихъ“, которыхъ такъ много въ Пермской губерніи и о которыхъ упоминается въ грамотахъ, данныхъ Строгоновымъ. Въ этомъ увѣряетъ меня самое названіе „Канкоръ“, или „Кам-каръ“, или „Камгоръ“, или наконецъ „Камгордъ“, какъ встрѣчается оно въ разныхъ спискахъ. Это чисто пермяцкое слово: Камгордъ значитъ слово-въ-слово *домъ на Камѣ*, Кам-каръ — *жилье на Камѣ*. Есть также и преданіе, что тутъ было чудское городище. Теперь же имени Кам-коръ въ народѣ вы не услышите—осталась только рѣчка Камкорка. Карамзинъ говоритъ, будто Камкоръ былъ основанъ близъ устья Чусвай: это совершенно несправедливо. Здѣсь онъ самъ противорѣчитъ словамъ своимъ: „основали... Камкоръ на мысу Пыскорскомъ, гдѣ былъ монастырь Всемилостиваго Спаса“. Это, какъ видно, говорится именно о Пыскорскомъ монастырѣ, который никогда не былъ на устьѣ Чусовой. Сверхъ того, не Камкоръ основанъ тамъ, гдѣ былъ монастырь, а монастырь тамъ, гдѣ былъ Камкоръ. Городокъ построенъ ранѣе 1558, а монастырь уже въ 1570 г.

Мы рѣшились отправиться въ Соликамскъ. Дорога идетъ лѣсомъ почти до самаго города. Природа однообразна: этотъ лѣсъ, весь состоящій изъ хвойныхъ деревьевъ, смотритъ такъ мрачно, такъ грустно. Мнѣ показалось бы, что я гдѣ-нибудь въ отдаленномъ сѣверѣ, на берегахъ Печоры, въ сосѣдствѣ съ дикими вогулами и оленями, если бы прекрасная гальковая дорога и покойный экипажъ безпрестанно не увѣряли меня въ противномъ. Изрѣдка намъ попадались кедры, эти красавцы сѣверной природы; горделиво раскинувъ свои пышныя вѣтви, они будто величались красотой своей предъ окружающими ихъ пирамидальными, тонкими елями. Шумомъ, похожимъ на шумъ отдаленнаго водопада, они будто звали насъ, утомленныхъ жаромъ полудня, подъ густую тѣнь свою. Чрезъ два съ половиной часа послѣ отъѣзда изъ Новаго-Усолья мы были у Соликамска. Этотъ городъ расположенъ въ ложбинѣ, по которой протекаетъ неширокая рѣка Усолка, и его нельзя видѣть издалека: тогда только явятся глазамъ вашимъ его старинныя церкви и старые, полуразвалившіеся дома, когда вы будете почти въ самомъ городѣ. Кама въ семи верстахъ — ея не видно. За Соликамскомъ начинается огромная и вмѣстѣ съ тѣмъ отлогая возвышенность, совершенно покрытая лѣсомъ и представляющаяся настоящею пустынею. Эта синеватая полоса отдаленнаго лѣса, сливающаяся въ одно съ синевою неба, кажется завѣсою, заграждающею смѣлому человѣку путь въ отдаленный сѣверъ, еще дѣвственный, еще не измятый его суетною стопою, еще не зараженный его дыханіемъ. И точно, кромѣ дороги въ Чердынь и немногаго числа деревень близъ этой дороги, все мертво въ этой пустынѣ. Но все-таки далекъ еще отъ Соликамска тотъ дѣвственный сѣверъ, въ которомъ рѣдко бываетъ и стопа вогула, этого властe-

лина лѣсовъ сѣверныхъ, въ которомъ, развѣ изрѣдка, гоняясь за сохатымъ, промчится на лыжахъ своихъ этотъ дикій сынъ дикой пустыни, или зароется въ сугробъ, чтобъ отдохнуть отъ суточныхъ трудовъ своихъ.

Соликамскъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Усолки, впадающей въ Каму. Берега этой рѣки низменны и ровны; весною вода выходитъ изъ береговъ, и потому находящіеся близъ рѣки дома много терпятъ отъ наводненія. Семь мостовъ, устроенныхъ чрезъ Усолку, соединяютъ одну часть города съ другою. Строеніе почти все старое, обветшалое; на всякомъ шагу замѣтно былое великолѣпіе этого города: большія церкви, большіе каменные дома стоятъ на берегахъ Усолки и видимо разрушаются. Городъ не улучшается, а съ каждымъ годомъ падаетъ болѣе и болѣе. Соликамскъ основанъ ранѣе половины XVI столѣтія промышленниками сольвычегодскими, тотемскими и балахонскими, нашедшими въ этой странѣ богатые соляные ключи. Городъ, послѣ основанія его, быстро началъ распространяться и улучшаться: въ 1579 году, когда описывалъ его писецъ Иванъ Яхонтовъ, было въ немъ уже 190 домовъ, 26 лавокъ, 16 соляныхъ варницъ, но посадскихъ людей немного—только 201 человѣкъ. Вскорѣ въ окрестностяхъ Соликамска явились богатые выходцы изъ Соли-Вычегодской, Строгоновы, и, получивъ отъ государя много земли, завели на ней соляные промыслы и городки, для защиты отъ сосѣднихъ народовъ, татаръ, башкировъ, вогуловъ и пр. Къ нимъ-то въ Орелъ явился волжскій удалецъ, донскій казакъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, съ предложеніемъ воевать безпокойныхъ сосѣдей ихъ. Строгоновы согласились, дали ему вспоможеніе, и волжскій разбойникъ сдѣлался покорителемъ царства Сибирскаго. Но въ то время, какъ онъ еще не дошелъ до горъ Уральскихъ, нашла гроза на Соликамскъ и его окрестности. 1581 года, въ самый Новый годъ (1-го сент.), пелымскій князь Кихекъ, собравъ 700 человѣкъ войска, призвавъ на помощь разныхъ мурзъ и улановъ сибирской земли и взявъ съ собой неволею татаръ сылвенскихъ, иреньскихъ, косвенскихъ, инвинскихъ и обвинскихъ, остяковъ и вогуличей, вотяковъ и башкирцевъ, бросился на Чердынь и едва не взялъ его; оттуда пошелъ на Кай-городокъ, а отсюда въ Соликамскій. Соликамскій посадъ былъ сожженъ, множество людей погибло при этомъ случаѣ: окрестныя селенія, а также Канкоръ, Кергеданъ, чусовскіе городки, Яйвенскій и Сылвенскій Острожки—все сдѣлалось добычею Кихека. Соликамскъ лишился многихъ жителей, но вскорѣ новая жизнь возникла въ опустошенномъ городѣ, и онъ скоро сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Руси: причиною этого была перемѣна сибирской дороги, что случилось въ 1595 г. Когда Сибирь была подчинена Россіи совершенно, тогда русскіе купцы начали отправляться въ это „золотое дно“ за мѣхами, драгоцѣнными и другими произведеніями сибирскими. Изъ Москвы купцы ѣздили на Вычегду, а оттуда въ Верхотурье черезъ Чердынь: прямого пути не было. Путь изъ Сольвычегодска въ Чердынь чрезъ Кай-городокъ и Со-

ликамскъ былъ удобнѣе, но очень многіе купцы пускались въ Чердынь другою, кратчайшею дорогою—берегами Вычегды и потомъ чрезъ лѣса на Каму. Такимъ образомъ Соликамскъ оставался въ сторонѣ и не пользовался отъ сибирской дороги никакими выгодами. Вскорѣ путь московскій измѣнился: стали ѣздить чрезъ Нижній, Казань и Вятку въ Чердынь—тутъ Соликамска нельзя было миновать. Но все-таки онъ не былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ по сибирской дорогѣ, все-таки Пермь-Великая отнимала у него выгоды. Наконецъ, вслѣдствіе жалобъ купцовъ на дальность дороги, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ приказалъ „провѣдать" новый путь прямо изъ Соликамска въ Верхотурье. Въ 1595 году провѣдалъ его верхъусольскій крестьянинъ Артюшка Бабиновъ, за что царь пожаловалъ его грамотою безданною и безпошлинною. Новая дорога была гораздо короче: вмѣсто 2.500 верстъ, какъ было прежде, теперь вышло только 250 верстъ. Когда открыта была эта дорога, всѣ промышленники стали ѣздить чрезъ Соликамскъ, и городъ началъ богатѣть. Но и тутъ сдѣлалось то же, что почти вездѣ дѣлается въ подобныхъ случаяхъ: богатѣть начали богатые, а бѣдные—посадскіе и крестьяне—еще болѣе разорялись. Они теперь должны были исправлять новыя повинности: возить царскую казну сибирскую, быть у сибирскихъ запасовъ, поправлять дорогу и мосты, держать ямскую гоньбу и сверхъ того платить еще особыя деньги. Все это вынуждало громкій ропотъ простолюдиновъ соликамскихъ: жалобы ихъ доходили до царя, и — то смягчаемы были налоги ихъ, то увеличиваемы еще болѣе. Такое время было тогда — время смутныхъ царствованій Годунова, Самозванца и Шуйскаго. Сверхъ того, временные перекоры соликамцевъ съ вычегодцами, чердынцами, кайгородцами и вятчанами о ямской гоньбѣ вовлекли ихъ въ безпрестанныя тяжбы. Всѣ эти неустройства кончились не ранѣе 1660 года. До этого времени „наймы у нихъ были дороги, потому что волоки гористы, а стройнаго яму не было, гоняли ямскую гоньбу міромъ отъ Соли-Камскія на четыре стороны, зимою и лѣтомъ, до Казани и до Соли-Вычегодской, и до Верхотурья, и до Кай-городка, и исходило у нихъ на ямскую гоньбу съ сохи тысячи по полутори и больши". Въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ уже казенныя вещи возить на наемныхъ подводахъ.

Въ смутныя времена начала XVII столѣтія жители Соли-Камской отличались преданностью законной власти. Въ 1608 году они опустили въ Вологду рати своей вдвое болѣе обыкновеннаго, тогда какъ сосѣди ихъ пермичи и кайгородцы не дѣлали этого. За это усердіе къ пользамъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, они получили отъ него въ 1609 году грамоту, которою сложено было съ нихъ взысканіе денегъ, занятыхъ ими изъ казны для найма ратниковъ, и постановлено, чтобы они пользовались одинакими правами съ пермичами и кайгородцами. Въ 1609 году, на вызовъ нижегородцевъ идти къ Москвѣ для изгнанія „воровскихъ людей", они немедленно согласились исполнить

это. Потомъ, когда вычегодцы звали ихъ вмѣстѣ съ пермичами и кайгородцами на помощь Ярославлю,—они отправились и участвовали въ пораженіи Лисовскаго и приверженцевъ Лжедмитрія II подъ Ярославлемъ. Кромѣ того, они безпрестанно посылали на ратное дѣло денежныя вспоможенія и участвовали въ усмиреніи бунта въ Вятской области (1609 г.). За такое усердіе ихъ, Василій Ивановичъ освободилъ ихъ отъ платежа по 50 рублей съ сохи, на наемъ нѣмецкихъ ратныхъ людей. Когда пришла къ нимъ крестоцѣловальная грамота „о бытіи со всею землею въ любви и въ совѣтѣ, и въ соединеньи, и противъ враговъ, разорителей вѣры христіанскія, польскихъ и литовскихъ людей со всею землею стояти за одинъ и идти въ сходъ подъ Москву къ боярамъ, и къ воеводамъ, и ко всей земли московскаго государства, московское государство очищати"—они съ радостью приняли по ней присягу и отправили рать, которая участвовала въ освобожденіи Руси отъ иноплеменниковъ...

Соликамскъ, вмѣстѣ съ Кай-городомъ, завиcѣлъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ отъ воеводъ чердынскихъ. Впрочемъ, извѣстно, что въ 1622 году были тамъ воеводы особые: Воинъ Корсаковъ и Василій Съяновъ; но потомъ, въ 1637 году, великопермскій воевода Комынинъ называется и соликамскимъ: бывшій же передъ нимъ воеводою Телѣгинъ не завѣдывалъ Соликамскомъ. Между тѣмъ городъ увеличивался болѣе и болѣе: промышленность развивалась, торговля распространялась. Въ 1623 году, когда Соликамскъ былъ описываемъ Иваномъ Кайсаровымъ, считалось уже въ немъ 333 двора посадскихъ, 24 бобыльскихъ, 20 нищихъ келій и 12 пустыхъ дворовъ, 620 человѣкъ людей, 59 лавокъ и 37 варницъ. А въ 1678 г. въ немъ уже считалось 465 домовъ. Соляное производство распространялось болѣе и болѣе, торговля тоже процвѣтала въ Соликамскѣ. Жители его торговали съ гостями иностранными въ Архангельскѣ, въ Кяхтѣ, въ Якутскѣ. Въ 1699 году Петромъ Великимъ пожалованъ былъ ковшъ серебряный Андреяну Жданову за то, что онъ, торгуя въ Кяхтѣ, принесъ важную пользу казнѣ *у вина*, у картъ и *у мѣны соболей*. Соликамскъ съ 1682 года, вмѣстѣ съ Чердынью, находился подъ вѣдомствомъ казанскаго приказа: потомъ, въ 1719 году, былъ приписанъ къ Вятской провинціи, а въ 1724 самъ сдѣланъ былъ провинціальнымъ городомъ Казанской губерніи и имѣлъ въ зависимости своей Чердынь и Кунгуръ: въ 1737 провинціальное вѣдомство перенесено было изъ него въ Кунгуръ, а въ 1781, когда учреждено было Пермское намѣстничество, присоединенъ къ нему въ качествѣ уѣзднаго города.

Послѣднее время предъ открытіемъ намѣстничества было временемъ самаго цвѣтущаго состоянія Соликамска. Онъ находился на главной сибирской дорогѣ и обогащался отъ обширной своей торговли: въ 1770 году въ немъ было 1354 купца, по извѣстію Чулкова. Когда же, при основаніи Перми, сибирская дорога была назначена новая, тогда

Соликамскъ, равно какъ и другіе, нѣкогда богатѣйшіе города сѣверной части Пермской губерніи, быстро начали клониться къ упадку. Капиталы были переведены въ другіе города, купцы оставили Соликамскъ, и этотъ, нѣкогда великолѣпный городъ превратился нынѣ въ полуразрушенное селеніе, въ которомъ остались только нѣкоторые слѣды его былого богатства. Въ Соликамскѣ десять церквей; всѣ онѣ носятъ на себѣ признаки старины. Вотъ о нихъ нѣкоторыя извѣстія, которыя удалось мнѣ собрать во время моего короткаго пребыванія въ Соликамскѣ: 1) Троицкій лѣтній соборъ, находящійся близъ Усолки, на главной площади города. Архитектура его старинная, подходящая болѣе ко вкусу венеціанскому, нежели къ византійскому. Въ первый разъ упоминается объ этомъ соборѣ въ 1557 году, когда онъ сгорѣлъ отъ молніи; потомъ онъ сгорѣлъ въ другой разъ въ 1635 году: въ 1688 году пристроенъ къ нему придѣлъ во имя Іоанна Предтечи, но на слѣдующій годъ онъ въ третій разъ былъ истребленъ огнемъ. Въ томъ же году онъ былъ снова заложенъ и выстроенъ къ 1697 году на счетъ государственной казны изъ тамошнихъ (соликамскихъ) *усольскихъ, таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ*. Постройка его стоила въ то время *двѣсти* рублей. Послѣ этого онъ былъ поврежденъ отъ пожара въ 1743 году и, поправленный въ 1744, стоитъ до сихъ поръ въ томъ же видѣ. Въ знакъ того, что онъ построенъ на казенный счетъ, на южной сторонѣ вставленъ въ стѣну небольшой, гончарной работы, россійскій гербъ. Внутри церковь довольна сумрачна. Въ этомъ соборѣ намъ показали образъ св. Николая Чудотворца весьма древней работы. Преданіе говоритъ, что въ то самое время, когда царь Иванъ Васильевичъ находился съ войскомъ своимъ подъ Казанью, ногайскіе татары сдѣлали набѣгъ на пермскія земли. Соликамскъ находился въ большой опасности, и жители его послали гонцовъ подъ Казань къ царю съ просьбою о помощи. Посланные прибыли въ станъ русскій въ то самое время, какъ подкопы были уже сдѣланы, и всѣ съ часа на часъ дожидались нападенія на крѣпость казанскую. Царю нужно было войско, и онъ не могъ послать помощи жителямъ осаждаемаго Соликамска. Вмѣсто рати, онъ далъ посланнымъ эту икону и свою грамоту, поручая городъ ихъ заступленію святителя. Преданіе молчитъ, избавился ли Соликамскъ отъ непріятелей, лѣтописи молчатъ и о самомъ нашествіи татаръ на этотъ городъ. Но, какъ бы то ни было, до сихъ поръ хранится въ соборѣ этотъ образъ, до сихъ поръ всѣ соликамцы имѣютъ къ нему больпое почтеніе. О грамотѣ говорятъ, что она хранилась въ этомъ же соборѣ, но сгорѣла въ 1743 году. Важная потеря! 2) Крестовоздвиженскій зимній соборъ стоитъ ближе къ Усолкѣ, готической архитектуры. Построенъ въ 1730 году. Въ немъ есть нѣкоторые образа съ богатыми вѣнцами, сдѣланными изъ финифти. Между соборами Троицкимъ и Крестовоздвиженскимъ находится высокая старинная колокольня. Она устроена на большомъ трехъэтажномъ домѣ, въ которомъ помѣщаются

магистратъ, городская дума и духовное правленіе. Самая колокольня сдѣлана съ верхомъ въ видѣ шатра. Наверху высокій шпицъ съ флюгеромъ. Колокольня совсѣмъ отдѣлена отъ обоихъ соборовъ. 3) Церковь Преображенія Господня находится въ сѣверо-восточномъ краѣ города. Первоначально она была построена въ 1687 г., при существовавшемъ уже на этомъ мѣстѣ дѣвичьемъ монастырѣ, иждивеніемъ вдовы Евдокіи Никифоровны Щепоткиной; но во время пожара 1688 года церковь эта сгорѣла и вновь была построена уже въ 1692. Изъ находящихся теперь церквей соликамскихъ, Преображенская всѣхъ древнѣе. Подлѣ нея находится зимняя церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1702 году. Прежде она принадлежала къ дѣвичьему монастырю, который въ 1764 году переведенъ отсюда въ Уфу и извѣстенъ нынѣ подъ именемъ Крестовоздвиженскаго. 4) Церковь Богоявленія находится между Преображенскою и Соборною. Стиль архитектуры ея очень древній: массивныя колонны внутри, двери низкія, устройство трапезы, иконостасъ—все это носитъ признаки неподдѣльной старины. Въ такомъ видѣ, какъ она находится теперь, устроена она въ 1695 году. Она въ два яруса: на верхней паперти сдѣланы съ двухъ сторонъ во всю стѣну окна, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, вставлена слюда—признакъ глубокой старины. Оклады иконъ, находящихся въ этой церкви, очень богаты. 5) Воскресенская церковь находится близъ самыхъ соборовъ. Она построена на этомъ мѣстѣ въ 1713 году, на мѣстѣ бывшей тутъ деревянной церкви. 6) Церковь Нерукотвореннаго Спаса находится отъ соборовъ внизъ по теченію Усолки. Когда она построена — неизвѣстно, но надобно полагать, что не прежде конца XVII столѣтія. Стиль архитектуры ея древній, ближе подходящій къ стилю византійскому. Ризница ея чрезвычайно богата: въ приходѣ ея жили въ старину главные богачи соликамскіе, которыхъ огромные дома близъ этой церкви до сихъ поръ разрушаются временемъ. Въ ней также много образовъ, странныхъ по своему устройству: они не четырехугольной формы, какъ дѣлаются обыкновенно, а сердцеобразной, и притомъ складные. На всѣхъ почти изъ нихъ вѣнцы сдѣланы изъ финифти. При этой церкви находится зимняя церковь во имя архистратига Михаила, освященная въ 1725 г. Говорятъ, тутъ прежде былъ монастырь: это нѣсколько доказывается обширной оградою, которою обнесена Спасская церковь. 7) На кладбищѣ, церковь во имя Женъ Мироносицъ, построенная въ 1780 году богатѣйшимъ изъ соликамскихъ солепромышленниковъ, Максимомъ Суровцевымъ.

Въ Соликамскѣ, при самомъ началѣ его, устроенъ былъ на рѣкѣ Усолкѣ монастырь Вознесенскій, который былъ потомъ перестроенъ въ 1608 году. Монастырь этотъ былъ довольно богатъ: до учрежденія штатовъ за нимъ считалось 645 душъ. При учрежденіи штатовъ онъ былъ упраздненъ, а въ 1775 году на мѣсто его переведенъ былъ монастырь Пыскорскій. Пыскорскій монастырь находился здѣсь до 1781 г.;

когда основана была Пермь, онъ былъ переведенъ въ этотъ новый городъ и назначенъ для жительства епархіальнаго архіерея. Въ Соликамскѣ же на мѣсто его переведенъ изъ села Истобенскаго, находящагося на рѣкѣ Вяткѣ, въ Вятской губерніи. Этотъ Вознесенскій Истобенскій монастырь существуетъ въ Соликамскѣ и до сихъ поръ. Въ немъ только одинъ архимандритъ и четыре монаха. Церковь старинная, но замѣчательнаго въ ней ничего нѣтъ. Изъ часовенъ, находящихся въ Соликамскѣ, одна, находящаяся близъ кладбища, заслуживаетъ вниманія любопытныхъ. Она, какъ говорятъ, основана еще въ половинѣ XVI столѣтія и до сихъ поръ существуетъ безъ малѣйшей передѣлки. Другое преданіе говоритъ, что она построена нѣсколько позже, именно въ 1582 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ были погребены соликамцы, убитые во время осады города Кихекомъ... Укрѣпленій, ни древнихъ ни новыхъ, нѣтъ въ Соликамскѣ. Находившійся на горѣ „старинный рубленый деревянный городокъ съ башнями и со многимъ другимъ строеніемъ“ сгорѣлъ еще въ 1672 году. Теперь не только нѣтъ слѣдовъ его, но я даже не могъ ни отъ кого узнать и мѣста, гдѣ находился онъ. Въ Соликамскомъ уѣздномъ судѣ находится, впрочемъ, очень много старинныхъ бумагъ и грамотъ, писанныхъ въ разное время къ воеводамъ Великой-Перміи и Соли-Камской. Несмотря на частые пожары, опустошавшіе Соликамскъ, успѣли спасти эти драгоцѣнные памятники до нашего времени. Древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ началу XVII столѣтія. Чтобы показать, какъ много въ Соликамскѣ древнихъ актовъ и какъ любопытны эти акты, довольно замѣтить, что въ „Актахъ Археографической Экспедиціи“ помѣщено ихъ 184 (болѣе, нежели изъ другого какого-нибудь мѣста). Въ магистратѣ, между другими древними актами, замѣчательны: „Книга Сошнаго Письма города Камскаго, составленная писцомъ Яхонтовымъ въ 1579 году“ и „Писцовая книга Кайсарова“, относящаяся къ 1623 году.

Дорога отъ Соликамска къ Усолью идетъ лѣсомъ, прямо, почти безъ малѣйшихъ изгибовъ. Двумя черными стѣнами тянулся лѣсъ передъ нами, рѣдко прерывались эти стѣны. Иногда только попадались намъ то ложбина, покрытая болотами, то обгорѣлыя деревья во время послѣднихъ лѣсныхъ пожаровъ. Едва скрылось изъ глазъ нашихъ Новое-Усолье, какъ мы увидали на правомъ берегу деревню Гурдино, принадлежащую гр. Строгонову и заключающую въ себѣ 25 домовъ. Жители ея работаютъ на новоусольскихъ варницахъ. Въ этой деревнѣ находится самая глубокая росолоизвлекательная труба и устроена пильная мельница на двѣ рамы. Берега живописны. Что ни поворотъ катера, то новый пейзажъ. Полдень. Солнце чуть-чуть не съ самаго зенита бросаетъ раскаленные лучи свои, которые, скользя по водѣ, золотятъ ее. Поверхность Камы покрыта всѣми возможными переливами свѣта лазури и зелени, отражающейся у береговъ. Но вотъ гора, которая издали кажется, будто выдалась въ Каму, а теперь движется постепенно назадъ, прижимается

къ берегу. Поворотъ катера, нѣсколько ударовъ веслами — и она уже стоитъ вровень съ остальнымъ берегомъ. За нею открылась ложбина, и тамъ небольшое село съ каменною небольшою церковью.

— Вотъ Орелъ-городъ,—сказалъ мнѣ мой спутникъ:—вотъ прежде бывшая столица Строгоновыхъ. Здѣсь жилъ Аника до своего постриженія. Сюда пришелъ Ермакъ съ просьбою о помощи; отсюда отправился онъ на покореніе царства Сибирскаго; около этихъ мѣстъ былъ Кергеданъ.

Такъ вотъ Орелъ,—думалъ я:—сколько историческихъ воспоминаній! Такъ вотъ это селеніе, 300 лѣтъ тому назадъ построенное въ странѣ лѣсовъ и болотъ, въ странѣ, которую давно уже оставили люди съ гражданственностью. Вотъ сѣмя населенія здѣшняго края, которое, вырастивши столько заводовъ, столько богатыхъ селеній, само такъ незначительно, такъ невидно! Посмотрите: церковь очень обыкновенная; десятка три крестьянскихъ домовъ самой обыкновенной физіономіи—и только. Гдѣ же палаты владѣтеля Пермскаго края? Гдѣ крѣпость, построенная отъ набѣговъ дикихъ сосѣдей? Гдѣ первыя варницы, заведенныя здѣсь? — Ничего нѣтъ. Гдѣ памятники старины? — Ихъ нѣтъ: они исчезли, погребены во времени, и, если бы не исторія, никто бы не догадался, что это маленькое село Орелъ есть тотъ Орелъ-городъ, о которомъ столько преданій и историческихъ и не историческихъ носится до сихъ поръ въ народѣ.

...Жители Орла приписаны къ солянымъ промысламъ, но такъ какъ село ихъ довольно далеко отъ Новаго-Усолья (восемь верстъ), то они употребляются на доставку соли въ Пермь и Нижній. Лѣтомъ въ Орлѣ остаются только женщины, старики и дѣти; всѣ прочіе уходятъ на ладьяхъ. Мѣсто, гдѣ находится Орелъ, называется также орловскимъ волокомъ: на этомъ-то волокѣ построенъ былъ Кергеданъ. Проѣхавъ четыре версты отъ Орла, мы увидѣли село Таманъ, принадлежащее графу Строгонову. Отъ Тамана на низъ пойдутъ горы, какихъ не видѣли мы отъ самой горы Пыскорской. Въ этихъ горахъ находится мѣдная руда — главная порода въ нихъ песчаный камень, проникнутый мѣдною рудою. Этотъ песчаный камень гораздо плотнѣе и зерна его гораздо крупнѣе въ сравненіи съ песчанымъ камнемъ, находящимся въ рудникахъ Мотовилихинскаго, Юговскаго и другихъ прикамскихъ мѣдеплавильныхъ заводовъ. Притомъ самая руда болѣе встрѣчается такъ-называемыми *гнѣздами*, нежели ровными пластами. Попадалась и самородная мѣдь въ такъ-называемомъ *тонко-налетномъ видѣ*, въ камняхъ известковой породы, которые были проникнуты частицами мѣди, и наконецъ въ видѣ аггрегатовъ, которые простой народъ называетъ *куреть*. Самородки и аггрегаты составляютъ главное отличіе руды этихъ горъ отъ той, которая находится ниже по Камѣ. Въ Таманѣ, въ 1726 году, по открытіи здѣсь мѣдныхъ рудъ, устроенъ былъ мѣдеплавильный заводъ по указу главнаго правителя казанскихъ и сибирскихъ горныхъ заводовъ, майора Де Геннина. Но онъ въ 1774 году былъ закрытъ по недостатку рудъ. Строеніе заводское уже давно совершенно

разрушилось. Жители Тамана причислены къ промысламъ, но исправляютъ только внѣшнія работы, т.-е. смотрятъ за уборкой полей, приплавляютъ изъ магазиновъ дрова и т. п. Потомъ мы проѣхали мимо деревни Усть-Кондасъ: она стоитъ на устьяхъ рѣчки Кондасъ. Можетъ-быть, на этомъ мѣстѣ было какое-нибудь поселеніе древнѣйшихъ поселенцевъ этого края. Конъ, по-пермячски, значитъ *ставка, шатеръ*, Дасъ—*десять*, Кондасъ — *десять шатровъ*. Мы миновали деревню Быструю, съ которой начинается владѣніе Всеволожскаго, село Городище, и пристали у перевоза въ Питерѣ. Лошади уже дожидались насъ, и мы тотчасъ же отправились въ Пожвенскій заводъ, до котораго оставалось только десять верстъ. Къ вечеру мы доѣхали до этого завода. Пожвенскій или Пожевскій заводъ находится на рѣкѣ Пожевѣ, которая впадаетъ въ Каму. Онъ принадлежитъ г-ну Всеволожскому и замѣчателенъ по своему устройству. Вездѣ дѣйствуетъ паръ; машины такъ хороши, удобны. Сперва заведена была здѣсь термолампа, но послѣ того, какъ отъ нея произошелъ пожаръ, ее оставили. Этотъ заводъ основанъ въ 1756 году по указу Государственной Берг-Коллегіи на земляхъ, купленныхъ у бароновъ Строгоновыхъ. Въ 1777 году въ немъ находилось уже двѣ фабрики съ восьмью мѣдеплавильными печами; руды мѣдныя доставлялись съ близъ-находящихся рудниковъ: ежегодно добывали до 290 пудовъ чистой мѣди. Впрочемъ, вскорѣ этотъ мѣдеплавильный заводъ былъ закрытъ: по близости находившіяся руды истощились, и владѣлецъ завода почелъ лучшимъ завести заводъ желѣзоплавильный, потому что желѣзную руду удобнѣе можно было доставлять, нежели мѣдную, несмотря на то, что она находилась въ отдаленныхъ Кизеловскихъ дачахъ. Изъ Кизеловскихъ дачъ можно приплавлять ее по рѣкѣ Яйвѣ, а мѣдную руду надобно было бы возить сухимъ путемъ чрезъ значительное разстояніе. Въ 1794 году построены были двѣ доменныя печи, для проплавки руды желѣзной, а вскорѣ послѣ этого пятнадцать кричныхъ молотовъ и тридцать горновъ для превращенія руды въ желѣзо. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого, въ 1800 году, здѣсь уже выплавлялось чугуна отъ 117.000 до 177.000 пудовъ и выковывалось желѣза отъ 83.000 до 120.000 пудовъ. Сверхъ этого тутъ же устроены были фабрики якорная, слесарная, кузнечная, на которыхъ приготовлялись разнаго рода подѣлки для производства соли на Новоусольскихъ промыслахъ и для отправки ея водою. Въ то время еще была въ Усольѣ и Всеволожскаго часть. Устроена была также *плющильня* или *катальня* для производства листового желѣза, которое однако не шло въ продажу, а употреблялось только на црени въ соляныхъ промыслахъ. Кромѣ того, были разрѣзная фабрика, устроенная для разрѣзыванія полосового желѣза на сортовое, и проволочная. При заводѣ тогда считалось 1646 человѣкъ мастеровыхъ и 876 крѣпостныхъ. Послѣ того Пожвенскій заводъ пришелъ-было въ упадокъ, но въ послѣдніе годы поднялся и теперь занимаетъ первое мѣсто изъ всѣхъ

камскихъ заводовъ по чистотѣ отдѣлки вещей, на немъ дѣлаемыхъ, по машинамъ, по прекрасному раздѣленію труда *силъ естественныхъ* (des agens naturels) и пр.

Въ этомъ заводѣ находится одна доменная печь и семь кричныхъ горновъ. Руда привозится изъ Кизеловскихъ дачъ весною, въ то время, какъ Яива разливается, а известь съ Лунежскихъ горъ, находящихся, какъ я уже говорилъ, около Полазнинскаго завода. Разстояніе до Кизеловскихъ дачъ 140 верстъ, а до Лунежской горы 120. Известь возятъ лѣтомъ Камою. Выпускъ чугуна бываетъ два раза въ сутки, каждый разъ выпускается до 300 пудовъ. Для каждаго выпуска потребно сорокъ коробовъ или сто шестьдесятъ маленокъ угля. На Пожвенскомъ заводѣ ежегодно добывается чугуна болѣе 100.000 пудовъ, а желѣза 85.000. Для производства желѣзодѣлательныхъ работъ устроена паровая машина въ 36 силъ, и въ то время, какъ мы были на этомъ заводѣ, устраивали еще другую въ 12 силъ. Къ заводу этому принадлежитъ 114.000 десятинъ земли и 2.000 душъ крестьянъ. Кромѣ разныхъ подѣлокъ и машинъ, здѣсь дѣлаются прекрасные ножи, ножницы, которые однако далеко уступаютъ завьяловскимъ, также различныя сельскія орудія: косы, топоры, серпы и прочее. Но главное производство состоитъ въ приготовленіи полосового, листового и сортового желѣза, которое частью продается въ Пермской и Вятской губерніяхъ, частью отправляется водою на Нижегородскую ярмарку. Устраиваютъ также разныя машины. Сказывали, что въ прошедшемъ (1841) году устроенъ былъ здѣсь и отправленъ въ Петербургъ паровозъ „Пермякъ".

На близъ-лежащемъ отъ Пожвенскаго завода Елизаветопожвенскомъ заводѣ, устроенномъ на той же рѣкѣ Пожевѣ въ 1798 году и имѣющемъ въ себѣ четыре кричные горна, получается желѣза полосового, сортового и листового до 50.000 пудовъ въ годъ. Оба эти завода имѣютъ 104.300 десятинъ лѣса, изъ котораго жгутъ уголь. Впрочемъ, здѣсь заботятся и объ отысканіи каменнаго угля. Еще въ 1820 году въ Кизеловскихъ дачахъ Лазаревыхъ и Всеволожскаго былъ найденъ каменный уголь. Тогда въ одну весну на берегу Косвы и близъ Губахинской пристани было добыто его до 7.000 пудовъ на глубинѣ 5 саженъ. Онъ найденъ хорошимъ и весьма удобнымъ для производства работъ, но, по незнанію, какъ обрабатывать и какъ употреблять его, добываніе его было остановлено. Послѣ того находили еще въ разныхъ мѣстахъ около Кизеловскихъ дачъ каменный уголь, испытывали его, разлагали, но не ввели въ употребленіе.

VI.

Дорога къ Чермазскому заводу. —Пермяки. — Чермазскій заводъ.

...Ночь была прелестная. Я не назову ея итальянскою, — нѣтъ, въ изнѣженной Италіи не знаютъ такихъ ночей. Это была ночь сѣвера,

ночь, прекрасная по-своему, очаровательная только для питомца снѣговъ и морозовъ. Несмотря на то, что это было въ концѣ іюля мѣсяца, холодъ постепенно увеличивался и заставилъ меня пріокутаться. Я прилегъ: тихое качанье долгуши, монотонный звонъ колокольчика и холодъ клонили меня ко сну. Я началъ засыпать, вдругъ слышу: молчаливый до тѣхъ поръ ямщикъ нашъ звонкимъ голосомъ запѣлъ заунывно:

Аэ да *мамё* озъ *любитё*,
Соэ да вонё озъ радэйтё —
Боста мэ, боста нопъ сё,
Боста мэ, боста бёдъ сё,
Муна мэ, муна кузь туй кузя,
Воа мэ, воа сёдъ вёршэрё,
Вашка мэ, вашка ыжить кёзъ сё,
Кая мэ, кая ыжить кёзъ вылызъ,
Визета мэ, визета ыжить вонёзъ.

То-есть:

Отецъ и мать не любятъ,
Сестра и братъ не уважаютъ (меня) —
Возьму я, возьму котомочку,
Возьму я, возьму дубиночку,
Пойду я, пойду по долгой дорогѣ,
Буду я, буду въ черномъ лѣсу,
Ударю я, ударю въ большую елку,
Взлѣзу я, взлѣзу на верхушку елки,
Увижу я, увижу я большого брата.

— Чтò это за тарабарская пѣсня? — спросилъ меня мой путевой товарищъ. — Если я не ошибаюсь, такъ этотъ ямщикъ вязниковецъ и пѣлъ офеньскую пѣсню.

Не думаю — отвѣчалъ я: — языкъ офеньскій составленъ по формамъ русскаго, а въ его пѣснѣ грамматика, кажется, своя... Ты не русскій? — спросилъ я пѣвца.

— Пермякъ, батюшка.

Прекрасно! Такъ вотъ пермяцкій языкъ, а я слышалъ отъ многихъ, что пермяки забыли языкъ свой и говорятъ по-русски. Принять къ свѣдѣнію и на станціи попросить его, чтобы онъ продиктовалъ свою пѣсню! Теперь же не до разспросовъ — вѣтеръ свѣжѣлъ, и мнѣ становилось очень холодно. Я окутался сколько было возможно и, дрожа всѣмъ тѣломъ, засыпалъ подъ шумъ лѣса, подъ звонъ колокольчика и подъ звуки пермяцкой пѣсни:

Ульдёрасъ міё сёдъ вёрасъ вэтлымё,
Ту и съ дырьянъ сёдъ *ягёдъ* ёктымё,
Тусэнъ мёдёмъ босьталымъ да сёимъ,
Вэсъ боршикинёй, *батюшко!*
Ты вужеттанъ, вужеттанъ *мёно*
Мёдла пёласъ *кэдрасъ* сулалё
Кэдра ултесъ *кроватясъ* шогмисё,
Кроватясъ нылъ да зонъ куйлоны

Ныя гусэнъ мыйкё *баштыкё*
Мёнэ сэтшэ жэ корэны...

То-есть:

Подъ лѣсъ мы черный ходили,
Туисы полны черныхъ ягодъ набрали,
По ягодкѣ одной собирали и съѣдали.
Добрый перевозчикъ, батюшка —
Ты перевези, перевези меня.
На той сторонѣ (рѣки) кедръ стоитъ,
Подъ кедромъ кровать поставлена.
На кровати дѣвица и молодецъ сидятъ.
Они тихонько между собою разговариваютъ,
Меня къ себѣ же зовутъ...

Конца пѣсни я не слыхалъ: сонъ одолѣлъ меня... Я не слыхалъ, какъ переѣхали мы чрезъ Инь-ву, которая протекаетъ въ 15 верстахъ отъ Пожвенскаго завода. Предъ нами въ большой ложбинѣ показался Чермазскій заводъ. Какое большое селеніе!

Мы остановились на отводной квартирѣ, и въ то время, какъ начали пить чай, я послалъ за извозчикомъ-пермякомъ, который такъ заинтересовалъ меня своими пѣснями — *силанами*, какъ говорилъ онъ.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь сказокъ? — спросилъ я пермяка.

— Какъ не быть сказка, — есть *вистасемъ*.

— Что̀ такое вистасемъ?

— Ну — русска сказка, а нашъ пермяцка — вистасемъ.

— Говори же, говори поскорѣе, скажи намъ самую лучшую, какую у васъ разсказываютъ.

Пермякъ началъ:

„Бобёй, бобёй кытшэ вэтвинъ?"
— Чожэ гуё вэтан.
„Мый да мый сёинъ?"
— Віэнъ нянёнъ сёи.
„Мэнмъ колинья?"
— Коли тай.
„Пэшви тай, да абу?"
— Надь то сёдъ понъ сёисъ
„Кытёнъ сёдъ понысъ?"
— Сювьё пырэма.
„Кытёнъ сювьёйсъ?"
— Біэнъ сотшэмъ.
„Кытёнъ біисъ?"
— Ваёнъ кусёмъ.
„Кытёнъ ваысъ?"
— Сэра ёшка юёмъ.
„Кытёнъ ёшкаысъ?"
— Вудъ вывё каэмъ.
„Кытёнъ вудысъ?"
— Быйкёпъ ширъ пырётёмъ.
„Кытёнъ ширысъ?"
— Налькьё шэдёмъ.
„Кытёнъ налькысъ?"
— Лёкъ тшэрёнъ кэрасёмъ.
„Кытёнъ лёкъ тшэрысъ?"
— Лёкъ зудъэнъ лямсенъ.
„Кытёнъ лёкъ зудысъ?"
— Брусъ вывё пуктёмась,
Сысянь усэмъ да шери тшэгёмъ.
„Кытёнъ торъёсъ?"
— Энъ гёгёръ тшапкы сёмъ.
Вёлысъ тшаньнасъ гёрёвтёмъ.
Мёсъысъ куканьнасъ бакёстёмъ,
Порсисъ піянъ насъ выкёстёмъ,
Баляысъ дзельнасъ бакёстёмъ.—
Ыбвылынъ сэра кай,
Вадёръ дорынъ гора кай.

То-есть:

„Бабочка, бабочка, гдѣ ты побывала?"
— Ненадолго въ погребѣ быала
„Что̀ да что̀ ѣла?"

— Съ масломъ хлѣбъ ѣла.
„А оставила ли мнѣ?“
— Оставила тамъ.
„Я посмотрѣла тамъ, да нѣтъ?“
— Видно, черная собака съѣла.
„Гдѣ черная собака?“
— Въ костицу ушла.
„Гдѣ костица?“
— Огнемъ сгорѣла.
„Гдѣ огонь?“
— Водой погасили.
„Гдѣ вода?“
— Пестрый быкъ выпилъ.
„Гдѣ быкъ?“
— На лужайку ушелъ.
„Гдѣ лужайка?“
— Всю мышь ископала.
„Гдѣ мышь?“
— Въ ловушку попала.
„Гдѣ ловушка?“
— Злымъ топоромъ истреблена.
„Гдѣ злой топоръ?“
— Злымъ брусомъ иступленъ.
„Гдѣ злой брусъ?“
— На грядку положили,
Оттуда упалъ да переломился.
„Гдѣ части (обломки)?“
— Кругомъ неба разбросаны.
Лошади съ жеребятами ржали,
Коровы съ телятами ревѣли,
Свиньи съ поросятами визжали,
Овцы съ ягнятами ревѣли,
На поляхъ пестрая птичка,
На краю берега голосистая птичка.

Пермяки называютъ себя коми-утюръ, или коми-утиръ, то-есть камскими людьми. Отчего они называются пермяками, объ этомъ было много толковъ. Въ Пермской губерніи есть преданіе, что это имя получили они отъ богатыря своего Пери, — преданіе, не имѣющее вѣроятія. Говорятъ, будто этотъ Перя жилъ во времена Іоанна Васильевича Грознаго, будто силою своею славился между единоплеменниками, будто жилъ онъ на Камѣ, верстъ пятьдесятъ повыше нынѣшняго села Гаина. Прибавляютъ, что этотъ Перя показалъ ближайшую дорогу въ Сибирь одному русскому промышленнику и снабдилъ его съѣстными припасами на дальній путь; что этотъ промышленникъ, возвратясь въ Русь, сталъ разсказывать соотчичамъ о силѣ и добродушіи богатыря пермяцкаго, что вѣсть объ этомъ достигла до Москвы, и царь самъ захотѣлъ видѣть Перю-богатыря. Посланы были за нимъ посланцы; явился Перя ко двору царскому, удивилъ царя и бояръ своею силою необычайною. Грозный далъ ему сѣти шелковыя для ловли соболей и грамоту несудимую за собственною подписью. Принесъ Перя свою грамоту на родину; но воеводы великопермскіе понаскучили тѣмъ, что дѣти и правнуки Пери ссылались часто на эту грамоту, и постарались истребить ее. Г. Лепехинъ вѣритъ этому преданію и тому, что пермяки отъ Пери получили свое названіе. Вѣроятно, онъ не зналъ о норманскомъ названіи этой страны— Біармія, и о новгородскихъ грамотахъ, въ которыхъ гораздо ранѣе Іоанна Грознаго встрѣчается имя Перми; не зналъ и о томъ, что когда пожалована была Печора фрязинамъ, тогда эти владѣльцы брали для себя подводы изъ Перми со временъ Іоанна Калиты, кажется, до конца царствованія Дмитрія Донского. Преданіе, о которомъ сказалъ я, кажется, позднѣйшаго сочиненія и, вѣроятно, имѣло основаніемъ открытіе дороги Артюшкою Бабиновымъ, который получилъ за это грамоту безданную и безпошлинную. Н. С. Поповъ, составившій въ 1804 году „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи“, думаетъ, что названіе „пермяки“

и „Пермь“ произошли оттого, что новгородцы, узнавъ прежде небольшія пермяцкія селенія, называвшіяся Перемъ или Пармы, лежавшія ближе къ Новгороду, стали и всю страну называть Перміею. Можетъ-быть, это и правда: подобные случаи нерѣдки въ исторіи. Но надобно вспомнить, что еще прежде русскихъ норманнамъ было извѣстно названіе Біарміи и слово Пермія. Пермь есть искаженное слово Біармія, Беормія. Кажется, всего вѣроятнѣе слѣдующая гипотеза: норманны дѣлали иногда вторженія въ государства финскія, или чудскія, основанныя издревлѣ на сѣверѣ Европы и Азіи особымъ племенемъ, вышедшимъ изъ Средней Азіи: съ этими же государствами они вели и торговлю. Государствъ чудскихъ было много на всемъ пространствѣ отъ Лапландіи до горъ Алтайскихъ, но всѣ они имѣли между собою общую связь. Эти норманны проникли и въ общество коми-утировъ, то-есть камскихъ финновъ, имѣли тамъ притоны, которыхъ имя норманское до сихъ поръ звучитъ въ названіяхъ нѣкоторыхъ деревень и селъ пермяцкихъ. Норманны назвали коми-утировъ — *горцами*, а страну ихъ *Горною, Біармія, Беормія, Бярмія* (отъ норманскаго слова bairg, beorg — гора), потому что они жили у высокихъ горъ Уральскихъ. Впослѣдствіи русскіе, слышавъ отъ дѣдовъ своихъ о Біарміи, распространили на страну эту свое вліяніе и назвали ее Перміею, исказивъ слово Бярмія. Коми-утиры продолжаютъ до сихъ поръ называть себя коми-утирами, а названіе „пермянъ“ имъ столько же приличествуетъ, какъ чеченцамъ названіе горецъ, какъ дейчерамъ названіе нѣмецъ, и проч. т. п. У нихъ даже нѣтъ словъ близкихъ къ слову *Пермь*, развѣ только *пырема* — уходить, и *парма* — крестъ. Поэтому пермяки думаютъ, что мы ихъ зовемъ пермяками, переводя русское слово „крещеный“. Г. Поповъ думаетъ, что названіе это произошло отъ названія деревень, близкихъ къ землямъ новгородскимъ и называвшимся Перма и т. п. Въ земляхъ, близкихъ къ бывшимъ новгородскимъ владѣніямъ, извѣстна только зырянская волость Пермца, да еще Лузская-Пермца (въ Вологодской губерніи), упоминаемая не разъ въ древнихъ грамотахъ — и только. А если и есть нѣсколько селеній, которыхъ названіе похоже на названіе Пермь, такъ это въ самой внутренности земли пермяковъ: село Пармы въ Юрминской волости Чердынскаго уѣзда, село Пермское, о которомъ я упоминалъ уже, и др. Притомъ, кто поручится за тысячелѣтнюю давность этихъ деревень? Самая древняя изъ нихъ, Пермца-Лузская, въ первый разъ упоминается только въ 1590 году.

Но обращаюсь къ пермякамъ. Исторія ихъ мало извѣстна. Не распространяясь теперь о біармійцахъ, я скажу только, что пермскія племена издавна находились въ сношеніяхъ съ Русью, и особенно съ Новгородомъ. Подъ именемъ Перми того времени не должно однакоже подразумѣвать однихъ пермяковъ, или коми-утировъ, — нѣтъ, кромѣ этого племени, было еще нѣсколько племенъ, и всѣ они теперь называются общимъ именемъ — Пермь, такъ же точно, какъ прежде назывались

общимъ именемъ біармійцевъ. Нашествіе монголовъ имѣло вліяніе и на этихъ народовъ, и въ особенности на коми-утировъ. Многіе изъ біармійцевъ бѣжали: одни за горы Уральскія, другіе въ Норвегію, гдѣ конунгъ Гаконъ принялъ ихъ благосклонно. Коми-утиры, безъ сомнѣнія, не ходили въ Норвегію; Уральскія горы, пустынныя степи печорскія были ближе къ нимъ. Во время Дмитрія Іоанновича Донского Стефанъ Храпъ просвѣтилъ ихъ крещеніемъ. Но не пермяковъ крестилъ онъ, а зырянамъ проповѣдывалъ, на ихъ языкъ переводилъ св. писаніе, въ ихъ землѣ проповѣдывалъ онъ. Усть-Вымекъ, Старая-Пермь — все это въ зырянской землѣ. Ученіе христіанское проникло однако и къ коми-утирамъ. Коми-утиры зависѣли издавна отъ великихъ князей и управлялись, вмѣстѣ съ Кегролою, Чакалою, Немьюгою и жителями у Пильихъ горъ, государевыми намѣстниками. Новгородцы всячески старались подчинить ихъ себѣ, выгоняли не разъ намѣстниковъ великокняжескихъ и наконецъ около 1470 года совершенно ихъ „за себя привели“.

Москвитяне продолжали торговать съ Пермью, которая въ это время имѣла уже средоточіемъ своимъ берега Камы и Колвы, гдѣ находились Пермь-Великая, Искоръ, Уросъ и другіе города, гдѣ владѣли князья христіанскіе въ зависимости отъ Новгорода, и гдѣ главное народонаселеніе состояло изъ коми-утировъ. Въ 1472 году нѣсколько москвитянъ было обижено въ Перми-Великой; Іоаннъ, желая отнять у новгородцевъ эту область, богатую серебромъ закамскимъ, отправилъ на берега Колвы войско подъ предводительствомъ князя Ѳеодора Пестраго. Пестрый взялъ Искоръ и другія укрѣпленныя мѣста пермскія, а воевода Нелидовъ завладѣлъ Уросомъ, осадилъ самую Пермь и вскорѣ взялъ ее. Князь пермскій Михаилъ былъ взятъ въ плѣнъ; коми-утиры покорились Іоанну. Между вещами, посланными изъ Перми ко двору Іоанна, упоминаются 29 поставовъ сукна нѣмецкаго, три панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя. Не ясное ли это доказательство, что потомки торговыхъ біармійцевъ не забыли совсѣмъ торговли до временъ Іоанновыхъ?.. Князь Михаилъ былъ возвращенъ изъ Москвы на родину; онъ и потомки его владѣли землею пермскою въ видѣ присяжниковъ государя московскаго. Намѣстникомъ великокняжескимъ назначенъ былъ князь Коверъ, который поселился въ Перми. Коми-утиры, вытѣсненные съ береговъ Колвы, остались только между Иньвою и Камою; прочіе смѣшались съ русскими, вогулами и пр. Жившіе же выше по Колвѣ уцѣлѣли до сихъ поръ. Въ 1535 году на мѣстѣ Великой-Перми построена была Чердынь, и эта Чердынь, называемая часто и Великою-Пермісю, была резиденціею намѣстниковъ до XVIII столѣтія.

Теперь (1842) пермяки живутъ большею частью въ странѣ между Камою и Иньвою; Юксѣевская волость въ Чердынскомъ уѣздѣ вся населена пермяками. Они занимаются хлѣбопашествомъ, но плохо: неблагодарная почва рѣдко вознаграждаетъ труды ихъ. Ловятъ они звѣрей, но это не составляетъ ихъ главнаго занятія; больше всего они занимаются

рубкою лѣса и сплавкою его къ солянымъ промысламъ. Это занятіе не приноситъ имъ большого дохода, и потому они живутъ въ крайней бѣдности. Они всѣ христіане, и у нихъ рѣшительно незамѣтно никакихъ обрядовъ, оставшихся отъ временъ язычества. Ихъ считается болѣе сорока тысячъ. Они болѣе и болѣе смѣшиваются съ русскими, но, несмотря на это, сохраняютъ языкъ свой, и хотя вліяніе русскихъ на нихъ чрезвычайно сильно, однако онъ держится между ними. Онъ сходенъ съ вотяцкимъ, но на чувашскій и черемисскій, на которые татарскій имѣлъ вліяніе, не походитъ, отличенъ также и отъ языка вогуловъ, сосѣдей ихъ. Языкъ пермяцкій можно видѣть изъ пѣсенъ и сказки, помѣщенныхъ въ этой статьѣ. Но для образчика вотъ еще нѣсколько словъ: Енъ — Богъ. Сонъ — сынъ. Зонъ — молодой человѣкъ. Нянъ—хлѣбъ. Сорнасъ—рубашка. Куль—дьяволъ. Ану—дочь. Нылъ—дѣвушка. Тичёрь — рыба. Ви — огонь. Аэ — отецъ. Итшння — тетка. Соэ — сестра. Пэль — ухо. Ва — вода. Мамё — мать. Инь—женщина. Омъ—ротъ. Пизь—мука. Веръ—лѣсъ. Употребляются и русскія слова, напримѣръ: баба, зипунъ, дядя, батюшка и пр. Пермяки народъ кроткій, послушливый и добродушный. Они невысокаго роста; волосы у нихъ по большей части темно-рыжіе. Въ отношеніи домоводства они, хотя живутъ хуже русскихъ, но зато гораздо опрятнѣе вотяковъ, сосѣдей своихъ. Умственное развитіе у этого народа невысокое: они даже не умѣютъ читать. Есть у нихъ своя поэзія, которой образчики видѣли читатели— поэзія безыскусственная, грубая, или, лучше сказать, такая же незамысловатая, какъ и сама жизнь пермяковъ. Въ ней не выражается высокихъ чувствъ, да они и не знаютъ ихъ; посмотрите: у нихъ даже нѣтъ слова „любить"...

Чермазскій заводъ, принадлежащій нынѣ Лазаревымъ, находится на рѣкѣ Большомъ-Чермазѣ въ Соликамскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рчки Камы, верстахъ въ 7-ми отъ этой рѣки. Онъ построенъ въ 1761 году барономъ Н. Г. Строгоновымъ на собственной землѣ его и назначенъ былъ для плавки мѣди; но такъ какъ доставка рудъ мѣдныхъ была затруднительна, а въ сосѣднихъ мѣстахъ рудники были слабы, то заводъ передѣлали вскорѣ въ желѣзоплавильный и желѣзодѣлательный, находя, что подвозъ руды и чугуна съ Кизеловскаго завода и изъ Артемьевскаго рудника гораздо удобнѣе, нежели подвозъ мѣдной руды съ близкихъ окрестностей Уральскаго хребта. По раздѣлу 1763 года Чермазскій заводъ перешелъ во владѣніе старшему сыну Н. Г. Строгонова, барону Г. Н. Строгонову, а отъ него наслѣдникамъ его, генералъ-майору барону А. Н. Строгонову и малолѣтнему барону А. С. Строгонову. Ими въ 1778 году, апрѣля 20-го, проданъ онъ былъ д. с. с. И. В. Лазареву, а отъ него перешелъ къ его племянникамъ, нынѣшнимъ его владѣльцамъ. Въ 1800 году въ Чермазскомъ заводѣ было доменныхъ печей двѣ, кричныхъ горновъ девять и восемнадцать молотовъ; вы-

плавлялось чугуна въ годъ 110.000 пудовъ, выковывалось разнаго сорта желѣза отъ 151.000 до 180.000 пудовъ. Мастеровыхъ считалось 1.082 человѣка. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ Чермазскій заводъ значительно улучшился и пришелъ въ такое цвѣтущее состояніе, что нынѣ считается однимъ изъ первыхъ желѣзныхъ заводовъ хребта Уральскаго; даже по количеству выковываемаго желѣза онъ занимаетъ теперь шестое мѣсто во всемъ Уралѣ и седьмое по всей Россіи: на немъ выковывается болѣе $^{1}/_{12}$ всего количества желѣза, выковываемаго въ Россіи. Дома въ немъ такъ опрятны, такъ хорошо выстроены, улицы такъ правильно планированы, что Чермазскій заводъ покажется всякому лучше многихъ уѣздныхъ городовъ.

Поздно ночью мы подъѣхали къ низменнымъ берегамъ Обвы, рѣки, знаменитой своими лошадьми, извѣстными здѣсь подъ именемъ *обвенокъ*, а въ остальной Россіи подъ именемъ „вятскихъ". Мы пріѣхали въ село Ильинское, въ которомъ находится главное управленіе имѣнія графини Строгоновой.

VII.

Обва.—Біармійцы.—Ильинское.—Заводъ Добрянскій.

...Низменными, зеленымъ ковромъ зелени покрытыми берегами Обвы ѣхали мы въ это прелестное іюльское утро. Какъ живописны берега этой Обвы! Какіе плѣнительные ландшафты представлялись со всѣхъ сторонъ глазамъ нашимъ! Смотря на нихъ, любуясь ими, я не видалъ болѣе предъ собой суровой Перміи: мнѣ казалось, что я тамъ, далеко—на югѣ. Представьте себѣ рѣку довольно широкую; низкіе берега ея покрыты свѣжею зеленью; сочная трава блеститъ алмазами росы утренней; вдали въ разныхъ мѣстахъ виднѣются возвышенности съ мрачными пихтовыми рощами; ближе живописно разбросанные кустарники, а на самыхъ берегахъ Обвы качаются гибкія ивы. Множество селеній съ своими бѣлыми церквами рисуются на послѣднемъ планѣ. Лѣса нѣтъ, горизонтъ широко раскинулся. Обва тихо, непримѣтно катитъ струи свои. Это не уральская рѣка: она не шумитъ *тулунами*, не мутится сѣрымъ пескомъ, не перекатываетъ на днѣ своемъ цвѣтныхъ галекъ: тихо, безмятежно извивается она по зеленымъ полямъ и медленно несетъ свои свѣтлыя струи въ широкую, быструю, угрюмую Каму. Представьте себѣ эту картину, освѣщенную первыми лучами іюльскаго солнца; вспомните, что эта картина — среди лѣсныхъ пустынь, близъ необъятныхъ тундръ, и вы поймете всю прелесть природы обвенской... Обва, протекая по долинѣ, богатой прекрасными лугами, получила названіе *луговой рѣки*—Ыбъ-ва. Она имѣетъ свое верховье въ сѣверо-западномъ углу Оханскаго уѣзда, близъ Вятской губерніи, течетъ 193 версты и имѣетъ ширины отъ 40 до 60 саженъ и глубины отъ

1 до 6 аршинъ. Она очень тиха въ сравненіи съ прочими рѣками камской системы: берега ея частью низки, частью полого-гористы. Обва—рѣка сплавная; судоходна она только весною—отъ села Ильинскаго. Берега ея очень населены: въ долинѣ, которою течетъ она, находится болѣе 1.600 селеній. Берега этой рѣки въ древности были населены коми-утирами и входили въ составъ такъ-называемой Біарміи. Доказательства этому: самое ея названіе и сосѣдство съ Масляной горой, на которой до сихъ поръ цѣло чудское городище и около которой находятъ много старинныхъ вещей, безспорно принадлежавшихъ *чудакамъ*. Послѣ того, какъ финское народонаселеніе истребилось въ этомъ краю, берега обвенскіе заняли люди строгоновскіе и другіе выходцы русскіе. Мѣста пустыя отдавались просившимъ ихъ въ полное владѣніе съ значительными льготами, о которыхъ мы можемъ судить изъ хранящейся въ Соликамскомъ уѣздномъ судѣ царской грамоты въ Пермь-Великую къ чердынскому воеводѣ Остафьеву (писанной 1639 года марта 17) Тѣ берега Обвы, которые составляютъ нынѣ Ильинскую волость, входили въ составъ Обвенскаго и Ильинскаго становъ, приписанныхъ къ Чердыни еще въ то время, „какъ Пермь вкрещенье приведена“. Волость Ильинская изстари славилась плодородіемъ земли и большими удобствами. Интересно читать въ грамотѣ, писанной слишкомъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, о выгодахъ страны приобвенской въ сравненіи съ выгодами Чердыни. Крестьяне Обвенскаго и Ильинскаго становъ исходатайствовали у царя Михаила Θеодоровича указъ о припискѣ ихъ къ Соли-Камской, *къ льготному мѣсту*, какъ говорили чердынцы.

Пермскіе-чердынскіе старосты и крестьяне упросили однако царя измѣнить указъ и *велѣть быть имъ съ обвенцами попрежнему*. Это было въ 1639 году. Вотъ что говорили пермичи объ удобствѣ земель обвенскихъ и о неудобствахъ своихъ земель: „Они (обвенскіе крестьяне) передъ нами живутъ въ великой льготѣ, потому что изо многихъ мѣстъ къ нимъ на Обву и на Иньву крестьяне селятся многіе, и пашни у нихъ великія, и мѣсто теплое, и *земли родимыя*, и хлѣбъ и медъ и хмель у нихъ родятся по вся годы, а... у пермичей—мѣсто подкаменное, студеное, хлѣбъ не родится, побиваетъ морозъ по вся годы“... Такъ было за двѣсти лѣтъ, такъ и теперь, кромѣ только того, что нынѣ на Обву не приходятъ переселенцы. А это потому, что *земель нѣтъ пустыхъ*:—большая рѣдкость въ Пермскомъ краю.

Эти „земли родимыя и мѣсто теплое“ обратили на себя вниманіе великаго просвѣтителя земли русской. Отъ зоркаго глаза перваго и геніальнаго императора не укрылись удобства земли, удаленной отъ мѣстъ его подвиговъ. Онъ въ 1702 году, пожаловавъ обвенскія земли именитому человѣку Г. Д. Строгонову, выписалъ туда съ острова Эзеля лошадей, устроилъ на Обвѣ заводъ и подарилъ его Строгонову. Этихъ лошадей развелось множество какъ здѣсь на Обвѣ, такъ и въ Вятской губерніи. Онѣ всѣ небольшого роста, круглы станомъ, но отличаются

крѣпостью и быстротою въ бѣгѣ, и извѣстны въ Пермской губерніи подъ именемъ *обвенокъ*, а въ остальной Россіи подъ именемъ *вятскихъ*. По берегамъ Обвы жители занимаются и хлѣбопашествомъ довольно успѣшно, и потому здѣсь рѣдко покупается сарапульскій хлѣбъ, которымъ снабжается сѣверная часть Пермской губерніи. Горныхъ работъ здѣсь нѣтъ, и потому-то здѣшнія страны имѣютъ свою особенную физіономію; здѣсь народъ богаче, здоровѣе, воздухъ чище, самая природа смотритъ какъ-то веселѣе. Такъ и должно быть...

...Мы пріѣхали въ село Ильинское, принадлежащее графинѣ Строгоновой. Церковь въ Ильинскомъ построена только около ста лѣтъ тому назадъ; но, несмотря на это, я замѣтилъ въ ней два-три образа старинной работы. Называли ихъ греческими подлинниками, но несправедливо: они принадлежатъ къ тому разряду иконъ, который слыветъ подъ названіями *сибирскаго*, *устюжскаго*, *строгоновскаго*, *баронскаго*, и который имѣетъ по большей части золотое поле. Въ Пермской губерніи много такихъ образòвъ, особенно въ Солпкамскѣ и его окрестностяхъ. Во время моего путешествія я встрѣчалъ тамъ не разъ образа *новгородскіе стараго письма*, но подлинныхъ греческихъ не видалъ. Въ Ильинскомъ строится еще церковь старообрядческая. Расколъ, нѣкогда въ большой силѣ господствовавшій въ Пермской губерніи, благодаря ревности миссіонеровъ и увеличенію числа приходскихъ училищъ, почти совсѣмъ прекратился. Старообрядческія церкви составляютъ переходъ отъ раскола къ чистому православію, отъ заблужденій къ истинѣ. Раскольниковъ и старообрядцевъ въ Пермской губерніи называютъ *кержаками*. Употребляютъ и глаголъ *кержачить*—раскольничать. Это слово образовалось слѣдующимъ образомъ. До Петра Великаго, въ Пермскомъ краю раскола не было. Но когда этотъ просвѣтитель Руси нашелся вынужденнымъ употребить мѣры строгія противъ отщепившихся отъ церкви православной, тогда явился расколъ и въ здѣшней сторонѣ. Обширные лѣса Керженскіе, находящіеся въ Нижегородской губерніи и принадлежавшіе прежде великимъ княгинямъ, были населены во времена Петра закоренѣлыми раскольниками. Питиримъ, сперва игуменъ Николаевскаго Переяславль-Залѣсскаго монастыря, а потомъ епископъ нижегородскій и алатырскій, ревностно занимался *равноапостольскимъ дѣломъ* обращенія раскольниковъ и при самомъ началѣ своихъ увѣщаній обратилъ болѣе 2.000 человѣкъ духовнаго и мірского чина. Но когда нѣкоторые закоренѣлые изувѣры не только что не слушали увѣщаній Питирима, но еще старались увеличить какъ можно болѣе число своихъ единомышленниковъ, тогда Петръ Великій принужденъ былъ сослать нѣкоторыхъ *керженскихъ* раскольниковъ въ Сибирь и Пермскую губернію. Но въ числѣ этихъ сосланныхъ былъ лжеучитель ихъ Власовъ. Онъ и клевреты его разсѣяли гибельныя сѣмена раскола по Сибири и по Пермской губерніи. Петръ Великій въ бытность свою въ Астрахани отмѣнилъ приказаніе

это, узнавъ о слѣдствіяхъ, и повелѣлъ раскольниковъ керженскихъ впредь ссылать въ Рогервикъ. Но зло, занесенное въ Сибирь, развилось и только въ нынѣшнее время почти кончилось. Сначала раскольниковъ звали въ Пермской губерніи пришедшими съ рѣки Керженца — кержаками; впослѣдствіи это слово превратилось въ нарицательное, имѣющее одинаковое значеніе со словомъ „раскольникъ".

Ильинское не заводъ, а просто село, и жизнь въ немъ отлична отъ заводской. На заводахъ и въ Новомъ-Усольѣ мы не видали ни одной женской души: тамъ женщины не выходятъ, кажется, изъ своихъ гинекеевъ; здѣсь, напротивъ, онѣ были налицо, изукрашенныя, разрисованныя...

Мы отправились въ Пермь. Переѣхавъ Каму, мы были въ Добрянскомъ заводѣ. Онъ принадлежитъ графинѣ Строгоновой и существуетъ съ 1752 года. Производство на немъ желѣзодѣлательное, для котораго чугунъ поставляется съ Билимбаевскаго завода, находящагося въ Кунгурскомъ уѣздѣ, близъ Уральскаго хребта. Сплавляютъ его весной внизъ по рѣкѣ Чусовой и потомъ возятъ вверхъ по Камѣ до Добрянскаго завода. Въ этомъ заводѣ мастеровыхъ считается до 950 человѣкъ. 13 кричныхъ и другихъ горновъ, на которыхъ выработывается полосового и сортового желѣза отъ 90 до 100 тысячъ пудовъ. Прежде производилась здѣсь плавка мѣди, которую добывали въ близъ-находящихся рудникахъ: было три мѣдеплавильныхъ горна, и на нихъ выплавлялось до 150 пудовъ штыковой мѣди. Это бѣдное производство оставлено, потому что не покрывало даже издержекъ, на него употребляемыхъ.

Мы отправились изъ Полазнинскаго завода послѣ обѣда. Доѣхали мы до Чусовой и благополучно переправились черезъ эту рѣку. Я не прощался съ ней, надѣясь видѣть ея верховье; но, къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ этого сдѣлать... Вотъ и Пермь раскинулась предъ нами. Видъ на этотъ городъ съ Камы и съ низменныхъ мѣстъ, находящихся у подошвы горы Мотовилихинской, очень хорошъ. Большіе каменные дома тянутся длинною линіей по берегу Камы; надъ ними возвышаются церкви и монастырь; по лѣвую сторону города высокая и крутая гора съ своими мелкими кустарниками еще болѣе увеличиваетъ красоту ландшафта. Ближе ея, въ ущельѣ рисуется Мотовилиха съ облаками дыма надъ заводскими зданіями. Но вотъ мы пріѣхали въ Пермь—и гдѣ тотъ прекрасный ландшафтъ, которымъ издалека любовались мы? Тѣ большіе каменные дома, которые находятся по берегу Камы, стоятъ безъ рамъ, безъ оконъ, съ провалившимися крышами, съ обвалившейся штукатуркой; на улицахъ нечистота, дырявые тротуары, крапива по колѣни. Воля ваша, а Пермь какъ хороша снаружи, такъ незавидна внутри.

VIII.

Пермь.—Наружное устройство города.—Промышленность и торговля.—Жизнь въ Перми.—Заключеніе.

Въ „Вивліоѳикѣ“ Новикова есть статья о Пермской губорніи,—статья небольшая, заключающая въ себѣ нѣкоторыя географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ. Въ этой статьѣ, писанной лѣтъ десять спустя послѣ основанія Перми, находится описаніе этого города. И статья не устарѣла! Пермь въ продолженіе пятидесяти лѣтъ почти нисколько не улучшилась, не распространилась. Если вамъ случилось видѣть планъ Перми—не судите по немъ объ этомъ городѣ: это только проектъ, проектъ, который едва ли когда-нибудь приведется въ исполненіе. Почти половина улицъ пермскихъ существуетъ лишь на планѣ. Въ Перми только 28 улицъ и переулковъ. Улицы расположены параллельно съ берегомъ Камы и соединяются одна съ другою посредствомъ параллельныхъ переулковъ, пересѣкающихъ улицы подъ прямыми углами. На улицахъ выстроены дома на довольно большомъ разстояніи одинъ отъ другог; въ переулкахъ же (исключая только двухъ)—нѣтъ ни одного дома. Поэтому, съ перваго взгляда, Пермь представляется городомъ обширнымъ; но какъ скоро вы въѣдете во внутренность ея, увидите какую-то мертвенную пустоту.

Въ Перми только три церкви: одна въ монастырѣ, другая соборная, третья приходская. Есть еще церкви—на кладбищѣ, въ больницѣ, въ тюремномъ замкѣ, въ квартирѣ епархіальнаго архіерея и старообрядческая. О церкви въ монастырѣ и ея мраморномъ иконостасѣ я уже говорилъ прежде; прибавлю здѣсь нѣсколько словъ объ иконахъ, въ ней находящихся. Въ холодной церкви онѣ очень обыкновенны, но въ теплой довольно замѣчательны: онѣ строгоновскаго стиля и хотя не древни, но отличаются красотами неподражаемыми. Особенно хороша икона св. евангелиста Іоанна: въ пурпуровой одеждѣ, этотъ святой, кажется, совсѣмъ выходитъ изъ золотого поля иконы. Вмѣстѣ съ этимъ достоинствомъ живописи образъ этотъ не лишенъ и достоинствъ иконописи. Какой-то ревнитель итальянской живописи, подправляя эти иконы, положилъ на лица святыхъ румянецъ и этимъ, разумѣется, испортилъ все дѣло. Церковь въ домѣ епархіальныхъ архіереевъ устроена недавно. Въ приходской церкви во имя пресвятой Богородицы я встрѣтилъ нѣсколько устюжскаго стиля образовъ, довольно высокой работы. Малочисленность церквей въ Перми заставила прихожанъ позаботиться о распространеніи этой церкви: выломали въ ней стѣны, построили другія, оставя прежній куполъ, и увидѣли, что зданіе должно скоро развалиться. Не знаю, успѣли ли предупредить это несчастіе. Такъ какъ въ Перми много поляковъ, то въ ней открытъ католическій костелъ. Особаго зданія для него, впрочемъ, не существуетъ: онъ помѣщается въ одномъ

изъ большихъ каменныхъ домовъ, находящихся на берегу Камы и съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе разрушающихся.

Городъ обстроенъ очень незавидно: каменныхъ домовъ только 40, и изъ этого небольшого количества едва ли не 20 стоятъ пустыми. Бо́льшая часть ихъ находится на берегу Камы, на самомъ видномъ и на самомъ лучшемъ мѣстѣ города. Когда Пермь была основана, богатые владѣльцы окрестныхъ имѣній и заводовъ построили по одному или по два дома въ новомъ городѣ. Эти-то дома, принадлежащіе гр. Строгонову, гр. Строгоновой, Лазаревымъ, Яковлеву, Демидовымъ, кн. Голицынымъ и проч., никѣмъ, кромѣ повѣренныхъ, не заняты и, пустые, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе приходятъ въ ветхость. Въ Перми встрѣтите и такіе каменные дома, которые, не бывъ еще достроены, развалились. Лучшее зданіе въ Перми—Александровская больница; присутственныя мѣста и гимназія помѣщаются въ домахъ посредственныхъ, и, кромѣ этихъ домовъ, во всей Перми нѣтъ ни одного порядочнаго дома. Гостиный дворъ самаго жалкаго вида: онъ чрезвычайно сходенъ съ казанскимъ дегтярнымъ рядомъ.

Мостовыхъ въ городѣ нѣтъ, и отъ этого нѣкоторыя пермскія улицы въ ненастное время рѣшительно непроходимы: весною и лѣтомъ, во время дождей, по главной площади обыкновенно протекаетъ огромный ручей, который часто бываетъ похожъ на порядочную рѣчку. Деревянные тротуары не приносятъ никакой пользы: опасно ступить на нихъ, потому что легко можно отъ этого переломить ногу. Фонарей на улицахъ въ Перми не знали и не знаютъ, и потому въ осенніе вечера пѣшеходамъ бываетъ довольно нелегко добираться до своихъ квартиръ. Лѣтомъ въ Перми площади и улицы обильно покрываются злаками, зимой снѣгомъ, счищать который не имѣютъ обыкновенія. Поэтому по обѣимъ сторонамъ дорогъ образуются обыкновенно высокія снѣжныя стѣны, а площади покрываются огромнѣйшими сугробами. Снѣгу бываетъ каждый годъ въ здѣшней сторонѣ очень много, и потому въ Перми маленькіе домики, находящіеся близъ поля, рѣшительно заносятся имъ; тогда-то на дворы ихъ пріѣзжаютъ и приходятъ *не въ ворота, а черезъ ворота.*

Разсматривая Пермь въ отношеніи промышленномъ, мы увидимъ, что и тутъ состояніе этого города едва ли выгодно. Вся пермская промышленность ограничивается канатнымъ производствомъ на фабрикѣ купца Смышляева и кожевеннымъ—въ десяти баняхъ, присвоивающихъ себѣ названіе заводовъ. Первое производство поддерживается единственно тѣмъ, что въ Перми производится грузка сибирскихъ товаровъ на суда для отправки въ Нижній-Новгородъ; вторымъ же болѣе занимаются выходцы изъ Кунгура — этого города, въ которомъ всякій житель непремѣнно или кожевенникъ, или сапожникъ. Торговля Перми также не въ завидномъ положеніи. Она страдательная: вся находится въ рукахъ вязниковскихъ ходебщиковъ, въ ру-

кахъ офеней, поселяющихся въ Перми на время — впредь до обогащенія.

Вотъ въ короткихъ словахъ образъ пермской внутренней торговли. Вязниковскій или гороховскій мальчикъ, не имѣющій на своей многолюдной, но малоземельной родинѣ хлѣба насущнаго, нанимается въ прикащики къ ходебщику съ книгами и краснымъ товаромъ. Выходивъ себѣ копеечку, онъ накупаетъ галантерейныхъ вещей и смѣло отправляется въ Пермь за вѣрнѣйшимъ барышомъ. Этотъ вѣрнѣйшій барышъ чрезвычайно великъ. Обыкновенно вязниковецъ покупаетъ галантерейныя вещи, вышедшія изъ употребленія. Прежде эти вещи продавались, положимъ, за 1.300 рублей съ лажемъ, т.-е. за 1.000 асигн.,—но теперь онѣ залежались, и купецъ съ радостью продаетъ ихъ ходебщику за свою цѣну, или даже и въ убытокъ себѣ, лишь бы только онѣ не занимали у него въ лавкѣ мѣста. Положимъ, онъ продаетъ все это за 975 р., т.-е. за 750 рублей ассигнаціями. Этотъ товаръ онъ везетъ въ Пермь и продаетъ тамъ закамскимъ „невѣгласямъ“ за самый модный, за привезенный недавно изъ Парижа. „Въ Москвѣ,—говоритъ пермяку торговецъ:—заплатилъ я за этотъ товаръ 1.300 руб.: къ этому я прибавляю только 260 руб. Двадцать процентовъ, кажется, немного. Посудите сами: безъ малаго полторы тысячи верстъ я везъ товаръ этотъ, чтобъ вамъ продать его“. Пермякъ всѣмъ объемомъ души своей обрадовался такой дешевизнѣ: онъ слыхалъ, что въ самомъ дѣлѣ эти вещи были въ модѣ, и, не говоря ни слова, даетъ безкорыстному торговцу просимые имъ 1.560 руб. ассигнаціями. Торговецъ получаетъ такимъ образомъ на 750 руб. 810 руб. барыша. На будущій годъ онъ всѣ эти 1.560 руб. пускаетъ въ ходъ и получаетъ уже на нихъ около 1.600 р. барыша. Такими аферами онъ лѣтъ въ семь составитъ себѣ капиталъ тысячъ, по меньшей мѣрѣ, въ 35 или 40; и тогда, поклонившись пермякамъ, уѣзжаетъ на свою родину, или въ какой-нибудь торговый городъ, гдѣ заживаетъ себѣ, благодаря черезчуръ патріархальной простотѣ степныхъ жителей степенной Перми.

Если покупатели жаловались на эти непомѣрные барыши и говорили, что купецъ долженъ продавать, напр., аршинъ сукна за 22 рубля, тогда послѣдній съ обычною своей ужимкою говорилъ: „Помилуйте-съ: въ Нижнемъ четыре рубля дороже того, что̀ вы изволите жаловать-съ“.— Да это съ лажемъ, а вы хотите взять безъ лажа.— „Потому-то я и желаю взять безъ лажа, что въ Перми нѣтъ его“. Что̀ вы будете съ нимъ дѣлать? А вещь нужна: цѣна ея во всѣхъ лавкахъ одинакова, и, хочешь-не-хочешь, заплатишь за нее цѣну непомѣрную. Не выписывать же изъ-за тысячи верстъ вещь, которая нужна сейчасъ. При такомъ образѣ торговли возможно ли ея усовершенствованіе? Можетъ ли Пермь сдѣлаться торговымъ городомъ? Конечно, нѣтъ, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ ни капиталовъ ни купеческаго сословія, а есть только торгаши, своими оборотами обирающіе добрыхъ, но не сметливыхъ пермяковъ.

Торговля не можетъ развиваться въ Перми и по причинѣ ея невыгоднаго положенія. Отчего же Пермь основана? Оттого, что мѣсто, на которомъ она построена, понравилось казанскому губернатору князю Мещерскому. Нужно было образовать главный городъ намѣстничества — и основали Пермь, которая есть не что иное, какъ колонія правительства. Другихъ побудительныхъ причинъ къ основанію Перми не было, да и быть не могло. Что же вышло? Образовался городъ, но купцовъ въ немъ не было: учредили въ немъ три годовыя ярмарки, но на нихъ ничего не стали привозить: отъ недостатка капиталовъ явилось отсутствіе вольной промышленности. Кеппенъ весьма справедливо замѣтилъ, что въ Россіи города не могутъ быть признаваемы исключительно мѣстопребываніемъ промышленности, и что чаще учрежденіе ихъ зависитъ отъ потребности правительственной, отъ необходимости имѣть средоточіе для управленія какимъ-либо краемъ. Все это было причиной того, что въ Перми нѣтъ постояннаго мѣстнаго общества, нѣтъ дворянъ, потому что, немногочисленные, но зато богатѣйшіе изъ всѣхъ русскихъ помѣщиковъ, дворяне пермскіе живутъ въ столицахъ.

Улучшеніе пермскихъ фабрикъ едва ли возможно. Причиною этого можно считать существованіе Ирбитской ярмарки. Эта ярмарка, едва ли не третья въ Россіи, находясь близъ Перми, значительно подрываетъ ея торговлю. Торговый Кунгуръ съ довольно обширною ярмаркою находится только верстахъ въ 90 отъ Перми, въ окрестностяхъ которой и сельскихъ ярмарокъ множество. Все это служитъ сильнымъ противодѣйствіемъ къ развитію и усовершенствованію ярмарокъ пермскихъ. Скажутъ: Пермь на Камѣ, на такой большой рѣкѣ!.. На это отвѣчаю: если-бъ желѣзные и соляные караваны, идущіе въ Нижній, суда съ китайскими товарами, которыхъ часть грузится въ Перми, да коломенки съ сарапульскимъ хлѣбомъ, который везутъ въ безплодную Чердынь,— если-бъ всѣ эти суда, въ срочное время разъ въ годъ, не оживляли Камы, тогда бы эта огромная, но пустынная рѣка имѣла совершенное сходство съ Обью, Енисеемъ, Леною, Колымою и пр. Кама только въ древности видѣла на берегахъ своихъ мѣста торговыя,—нынѣ она не видитъ ихъ. И потому-то рѣка эта не можетъ для Перми сдѣлать ничего больше того, что она сдѣлала. А сдѣлала она Пермь мѣстомъ грузки части китайскихъ товаровъ, отправляемыхъ на Нижегородскую ярмарку. И то еще хорошо. Если бы не Нижній, плохо бы было Перми!

Кстати о языкѣ въ Перми. По-русски здѣсь говорятъ, не перемѣняя *о* на *а*; замѣчательно, что во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ говорятъ вмѣсто *о—а*, противный этому выговоръ называютъ *свысока*, а въ Перми говорить свысока—значитъ говорить по московскому нарѣчію. Другая замѣтная въ Перми особенность языка состоитъ въ томъ, что всѣ говорятъ речитативомъ, и притомъ послѣднее слово рѣчи поютъ. Это чрезвычайно непріятно для слуха, а особенно если слышишь гово-

рящими такъ людей высшаго класса. Много употребляется въ Перми словъ особенныхъ. Не могу всѣхъ перечислить, но предлагаю здѣсь нѣкоторыя: *ша́ньга*—родъ ватрушки; *глохти́ть*—пить; *за́имка*—дача; *угобзи́ть*—поставить кого-нибудь въ непріятное положеніе (говорится во время карточной игры); *барда́дымъ*—трефовый король; *баско́й*—хорошій; *ланско́й*—прошлогодній; *бу́сой*—дымчатый; *ро́бить*—дѣлать, работать; *бахи́лы*—широкіе сапоги; *шуга́й*—верхнее платье женщинъ, душегрѣйка; *шуга́ть*—пугать; *балаки́рь*—горшокъ, въ которомъ держатъ молоко; *отятóй*—проклятый, чортъ; *шату́нъ*—бродяга, чортъ; *крещеный*—русскій, православный; *кержа́къ*—раскольникъ; *го́лубецъ*—приступокъ у русской печи; *знать*—видно; *казама́тъ*—неблагопристойный домъ; *утресь*—утромъ, и многія другія. Изъ нихъ нѣкоторыя я замѣчалъ прежде.

На иныхъ словахъ дѣлаются неправильныя ударенія: *пе́реворотъ* и др.; въ дѣйствительныхъ глаголахъ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени второго и третьяго лицъ единственнаго и перваго и второго множественнаго числа — опускаютъ букву *е*, напр.: *знашь, знатъ, знамъ, знате*; *дѣлашь, дѣлатъ, дѣламъ, дѣлате,* и проч. т. п.

Еще одна особенность пермской жизни—пельмени. Эти маленькіе, изъ пшеничной муки сдѣланные пирожки съ свининой играютъ важную роль въ Перми. Названіе свое они получили оттого, что имѣютъ форму уха, а по-пермячски *пэль* значитъ ухо, *нянь*—хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ въ видѣ уха составляетъ любимѣйшее кушанье пермяковъ. Въ самомъ дѣлѣ, пельмени очень вкусны—въ Перми они едва ли не лучше всего прочаго. Особенно въ заговѣнье и въ розговѣнье потребляется необъятное количество пельменей. Свинина рубится на деревянныхъ доскахъ, и одинъ проказникъ высчиталъ, что въ заговѣнье въ Перми православные вмѣстѣ съ пельменями съѣдятъ четыре полѣна дровъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы пойдете пѣшкомъ вечеромъ въ заговѣнье по пермскимъ улицамъ, въ каждомъ домѣ услышите звукъ ножа, которымъ рубятъ свинину для пельменей. Всѣ, не исключая и высшихъ, часто зовутъ къ себѣ гостей на *пельмени*. Въ такомъ случаѣ почти весь столъ состоитъ изъ пельменей. Ѣдятъ ихъ вареные съ уксусомъ, ѣдятъ пельмени подъ соусомъ, пельмени жареные и прочая и прочая. Это кушанье имѣетъ большое вліяніе на семейную жизнь пермяковъ. Сколько составилось свадебъ, сколько людей влюблялось, дружилось, ссорилось, мирилось—за пельменями!

Чѣмъ заключить описаніе Перми?.. Развѣ сказать нѣсколько словъ вообще о ея характерѣ. Пермь—городокъ порядочный, но безжизненъ, торговли и промышленности въ немъ почти нѣтъ, грамотности много, образованности не бывало. Его жители радушны, гостепріимны, добры, довольно странны... Пермь тиха, безмятежна; жизнь въ ней ровненькая, безъ бурь, только съ крошечными страстишками. Знаютъ только двѣ

страсти: въ карточки поиграть да гостя получше угостить. И Пермь независтлива: она считаетъ себя лучше всѣхъ городовъ и упорно стоитъ за свое. Пермь настоящій русскій Китай... И какое китайство въ ней — удивительно! Скоро ли она выйдетъ изъ своего безжизненнаго оцѣпенѣнія? Давай Господи поскорѣе. Что ни говорите, а вѣдь Пермь на матушкѣ Святой Руси; вѣдь не послѣдняя же она спица въ колесницѣ.

СОЛНЕЧНЫЯ ЗАТМЕНІЯ, ВИДѢННЫЯ ВЪ РОССІИ ДО XVI СТОЛѢТІЯ.

(1842).

Наши иноки-лѣтописцы записывали въ свои тетради не одни дѣла ратныя, удѣльныя междоусобицы и учрежденія церковныя. Нѣтъ, въ свои временники они заносили все, что ни случалось любопытнаго на землѣ русской, все, что ни поражало современниковъ своей необычайностью. Потому часто встрѣчаемъ въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстія то о чудныхъ знаменіяхъ небесныхъ, то о знаменіяхъ, бывшихъ отъ иконъ чудотворныхъ, то о пожарахъ, землетрясеніяхъ, гладѣ, морѣ, наводненіяхъ и пр. т. п. Солнечныя затменія также были записываемы лѣтописцами.

Это послѣднее обстоятельство весьма важно въ историческомъ отношеніи; замѣтки о затменіяхъ могутъ служить однимъ изъ доказательствъ подлинности нашихъ лѣтописей. Какъ могли позднѣйшіе писатели съ такою математическою точностью означать даже часы затменій? Неужели же нашимъ инокамъ были извѣстны астрономическія таблицы? Если позднѣйшій писатель составлялъ временники, почему же онъ не упомянулъ о затменіяхъ XVI и XVII вѣковъ? А исчислить ихъ было легко, найти о нихъ извѣстія можно было скорѣе. Молчаніе лѣтописцевъ о позднѣйшихъ затменіяхъ мы приписываемъ тому, что предки наши въ XVI и XVII столѣтіяхъ уже начали получать нѣкоторыя свѣдѣнія объ астрономіи *) и уже смотрѣли на затменія, какъ на дѣло обыкновенное, смотрѣли почти такъ же, какъ и мы смотримъ на эти явленія. Чѣмъ болѣе просвѣщеніе распространялось по русской землѣ, тѣмъ рѣже записывались извѣстія о затменіяхъ и прочихъ небесныхъ явленіяхъ въ записки современниковъ.

---

*) Я видѣлъ здѣсь, въ Нижнемъ, одну весьма любопытную старописьменную русскую книгу (XVII стол.) о солнцѣ, лунѣ и о звѣздномъ небѣ, съ чертежами и рисунками, написанную прекрасно и снабженную чертежами. Она показываетъ понятіе нашихъ уже возмужалыхъ предковъ объ астрономіи.

Затменія солнечныя производили сильное впечатлѣніе на русскій народъ. Необразованные боялись, чтобъ чародѣйство совершенно не истребило лучезарнаго свѣтила; люди болѣе образованные со страхомъ смотрѣли на необыкновенное помраченіе всегда свѣтлаго диска солнечнаго, удивлялись „*Божью смотрѣнію*". Но тѣ и другіе собирались на улицахъ, на поляхъ, на площадяхъ и просили Бога, чтобъ это знаменіе Онъ обратилъ на добро. Они плакали, смотря на постепенно тратившійся свѣтъ солнечный, веселились, когда видѣли возвращеніе обычнаго свѣта: полагали, что *знаменіе* предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное, но не думали, чтобы оно одному злу предшествовало: потому-то и молились Богу при этомъ случаѣ, да обратитъ Онъ *на добро страшное знаменіе*. Большія затменія сравнивали съ бывшимъ во время страданій Спасителя; иногда при видѣ ихъ смущались, *мняше, яко скончаніе міра пріиде*. Если иноки-лѣтописцы узнавали впослѣдствіи, что во время затменія случилось гдѣ-нибудь несчастье для міра христіанскаго, то записывали во временники, что тамъ-то было то-то — *и солнце сего не терпя лучи своя скры*. Такъ говорили о затменіяхъ 1187 и 1366 годовъ. Первое, по мнѣнію предковъ нашихъ, произошло оттого, что Саллахъ-Эддинъ отнялъ Іерусалимъ у христіанъ, второе оттого, что „царь египетскій Салтанъ", то-есть султанъ мамелюкскій, въ то время гналъ христіанъ въ Палестинѣ. Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что наши предки только *одинъ разъ* замѣтили, что солнце скрывало лучи свои при видѣ несчастій русскихъ. Это было въ 1406 году, когда литовцы избили многихъ москвитянъ въ своей землѣ. Солнце затменіями своими *предвозвѣщало* для русскихъ невзгоды, какъ, напримѣръ, смерть Всеволода Ярославича, разореніе сѣверо-восточной части Россіи Батыемъ, нашествіе Мамая и пр. Мы упомянули слегка, какъ западное духовенство, быть-можетъ, отчасти понимавшее причину солнечныхъ затменій, пользовалось впечатлѣніемъ, произведеннымъ на умы народные. Наши духовные дѣйствовали совсѣмъ иначе. Умилительно читать краткія, но сильныя смиреніемъ увѣщанія, во множествѣ сохранившіяся въ лѣтописяхъ, какъ при каждомъ несчастьѣ они только скорбѣли о грѣхахъ своихъ и смиренно, въ духѣ истиннаго христіанства, говорили о покаяніи. Приведемъ примѣръ, взятый изъ лѣтописи на выдержку: „То же, братія, Богъ казнитъ за грѣхы наша, кажа насъ на покаяніе, да быхомъ ся отстали отъ злобъ своихъ: аще согрѣшихомъ, нъ не отчаемся Твоеа милости. Твоя бо есть, Господи, власть казнити и паки миловати. Казнивъ, Господи, помилуи насъ!" *) Сколько чувства, сколько смиренія, доблести христіанской въ этихъ немногихъ простыхъ словахъ!

Съ 1065 года, когда въ первый разъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ о солнечныхъ затменіяхъ, по 1501 годъ было наблюдаемо 34, и въ томъ числѣ 8 полныхъ **). Само собою разумѣется, что было затме-

*) «Полн. Собр. Русск. Лѣтопис.» III. 66 и 68.

**) 1124, 1185, 1187, 1271, 1360, 1399, 1415 и 1476 годовъ.

ній гораздо болѣе, но должно вспомнить, что бо́льшая часть частныхъ затменій осталась незамѣченною, потому что эти затменія не были предсказаны; во время ихъ свѣта солнечнаго не убавлялось, и никто не обращалъ вниманія на солнце въ это время. Кромѣ того, пасмурная погода могла часто препятствовать наблюденіямъ. Всѣ затменія, извѣстія о которыхъ мы находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ, были болѣе 5 дюймовъ. Самыя меньшія изъ упоминаемыхъ нашими лѣтописями затменія были въ 1460 и 1475 годахъ.

Въ русскихъ лѣтописяхъ до 1027 года не упоминается ни о затменіяхъ ни о другихъ какихъ-нибудь небесныхъ явленіяхъ: доказательство подлинности и добросовѣстности первыхъ лѣтописателей. Если подъ 6419 (911) мы и встрѣчаемъ извѣстіе о звѣздѣ копійнымъ образомъ, то-есть кометѣ, то вспомнимъ, что это занесено изъ византійскихъ хроникъ. Въ 1027 г. было видимо *на Руси* „знаменіе на небеси и зміевое яко видѣти *всей земли*". И съ этихъ поръ начинается длинный рядъ извѣстій о небесныхъ знаменіяхъ. Замѣтимъ при семъ случаѣ, что слово *всей земли*, какъ здѣсь, такъ и при описаніи послѣдующихъ явленій природы, значитъ *всей* русской *земли*.

1) Въ первый разъ о солнечномъ затменіи лѣтопись упоминаетъ подъ 1065 годомъ. Лѣтописецъ, упоминая о немъ, говоритъ: „солнце премѣнися и не бысть свѣтло, но яко мѣсяцъ бысть, его же невѣгласи глаголютъ снѣдаему суцу" *). Это затменіе, вмѣстѣ съ кометою и другими необычайными явленіями природы, сильно подѣйствовало на умы народа, уже устрашеннаго набѣгами новыхъ враговъ своихъ—половцевъ. Ждали несчастій и дождались — междоусобія. Лѣтописецъ, говоря о затменіи 1065 года, укоряетъ своихъ современниковъ въ нечестіи и пророчитъ за грѣхи ихъ невзгоду на землю русскую, приводя изъ исторіи примѣры подобныхъ предзнаменованій.

2) 1091 года мая 21, во 2 часу дня, то-есть въ 7 часовъ утра, было большое солнечное затменіе. „Софійскій Временникъ" относитъ это явленіе ко 2 часу дня 22 мая 1088 года, но это несправедливо: ибо всѣ другіе списки говорятъ, что оно было 21 мая 1091, а Карамзинъ пишетъ, что это согласно съ астрономическими таблицами въ l'Art de vérifier les dates, I, 72. Затменіе это было неполное, но одно изъ самыхъ большихъ, вѣроятно, оно было около 11 дюймовъ; ибо лѣтопись говоритъ: „того же лѣта бысть знаменіе въ солнци, яко погибнути ему и *мало ся его оста* и акы мѣсяцъ бысть". Быть-можетъ, въ сосѣднихъ земляхъ это затменіе было и полное. Современники, пораженные этимъ явленіемъ, считали его однимъ изъ предзнаменованій случившейся вскорѣ кончины великаго князя Всеволода I Ярославича.

Начало XII вѣка было богато знаменіями, изъ которыхъ нѣкоторыя были преувеличены суевѣріемъ, другія приписаны особому Божію про-

*) «Софійскій Временникъ», I, 138 и 139.

изволенію: въ Кіевѣ случилось сѣверное сіяніе, и вскорѣ послѣ этого видны были солнечныя парели (1102 года февраля 5), страшныя грозы, нисшествіе ангела, явленіе *райской* птицы... Послѣднимъ радовались, а первыя... „и сія видяху знаменія благовѣрніи черноризьци со воздыханіемъ молящеся Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменія сія на добро" *). Какъ вѣрно характеризуютъ слова эти эпоху.

3) 1113 года марта 19 было большое частное затменіе въ первомъ часу дня, то-есть въ 7 утра. Величина его была около 11 дюймовъ: небольшой остатокъ его имѣлъ фигуру молодого мѣсяца, обращеннаго внизъ рогами своими. Это затменіе было именно въ то время, которое мы показали, въ чемъ свидѣтельствуетъ изданіе Археографической Комиссіи „Собранія Полныхъ Русскихъ Лѣтописей", но лѣтописцы, какъ, напримѣръ, новгородскій (второй), никоновскій и многіе другіе, относятъ явленіе это къ слѣдующему 1114 году **). Безъ сомнѣнія, это произошло отъ небрежности позднѣйшихъ писцовъ. Новгородская лѣтопись, описывая это затменіе, говоритъ слѣдующее: „бысть знаменіе въ солнцѣ: тако же погибе въ часъ 1 дни, бысть видѣти всѣмъ, остася его мало аки мѣсяца долу рогама, мѣсяца марта въ 19, бысть солнце аки мѣсяцъ" ***). Никоновская лѣтопись и „Софійскій Временникъ" говорятъ то же самое и почти тѣми же словами °). Черезъ два мѣсяца умеръ Святославъ Изяславичъ, и многіе считали это явленіе предсказаніемъ этого происшествія.

4) Лѣтомъ 1115 года было затменіе солнца, по свидѣтельству Новгородской первой лѣтописи, которая говоритъ: „бысть знаменіе въ солнци, яко же погыбе" °°). Оно считалось предвѣстникомъ кончины Олега Святославича, который умеръ осенью послѣ этого затменія.

5) Въ 1121 году, по извѣстію Никоновской лѣтописи, было затменіе солнца °°°).

6) 1124 года августа 11, въ 3 часу пополудни, было *полное* солнечное затменіе. Вскорѣ послѣ полудня началось помраченіе: народъ пришелъ въ ужасъ, когда увидѣлъ, что солнце сперва было похоже на мѣсяцъ, а потомъ и совсѣмъ померкло. Распространился повсюду необыкновенный сумракъ, и на темно-синемъ небѣ показались звѣзды. Страхъ былъ всеобщій. Наконецъ, когда солнце вышло изъ полнаго затменія, свѣтъ его быстро началъ увеличиваться къ радости народа, отчаявшагося-было увидѣть опять на небѣ померкшее свѣтило. Объ этомъ затменіи упоминаютъ „Софійскій Временникъ", Новгородская вторая

*) «Никонов. Лѣтоп.», II, 34 и 35.

**) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», III, 123 и примѣч. на той же страницѣ подъ буквою б. Срав. «Никонов. лѣт.», II, 43.

***) «Полное Собр. Русскихъ Лѣтописей», III, 123.

°) «Никон. лѣтоп.», II, 43. «Соф. Врем.», I, 185.

°°) «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 4.

°°°) «Никон. лѣтоп.», II, 54.

лѣтопись *). Никоновская **) и почти всѣ прочіе списки. Впечатлѣніе было такъ сильно, что всѣ лѣтописатели занесли это явленіе въ свои тетради.

7) 1133 года было солнечное затменіе передъ вечернею, по свидѣтельству новгородскихъ лѣтописей ***). Оно было частное.

8) 1140 года марта 20, вечеромъ, было видимо въ Новгородѣ частное солнечное затменіе. Величина его была около 8⁴/₇ дюйма. Затменіе это происходило часу въ 5 пополудни, потому что совершенно окончилось еще до захожденія солнца. Въ другихъ мѣстахъ Россіи, кромѣ Новгорода, вѣроятно, оно было незначительно и потому не замѣчено: по крайней мѣрѣ другія лѣтописи, кромѣ новгородскихъ ****), не упоминаютъ о немъ. Объ этомъ явленіи говорится въ первой Новгородской лѣтописи слѣдующее: „Въ лѣто 6648 въ 20 марта, бысть знаменіе въ солнчи и толико оста его яко же бываеть 4 днiи, и пакы до захода напълнися“ °).

9) Въ 1147 году было затменіе солнечное, по извѣстію Никоновской лѣтописи °°). Въ Новгородѣ оно или совсѣмъ не было видимо, или было весьма незначительно: лѣтописи новгородскія умалчиваютъ объ этомъ явленіи.

10) 1185 года, мая 1 числа, было видимо въ Россіи солнечное затменіе. Оно случилось вечеромъ, въ то время, какъ звонили къ вечернѣ, и продолжалось болѣе часа: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (около Новгорода) оно было, кажется, и полное °°°), но и въ другихъ мѣстахъ, по сказаніямъ лѣтописцевъ, оно было столь велико, что можно было видѣть звѣзды и часть свѣтящагося кольца. Необыкновенный, *зеленоватый* сумракъ покрылъ землю, всѣ предметы представлялись людямъ зелеными. Отъ солнца осталась весьма малая часть въ видѣ серпа, закрытая лунною тѣнью. Окружность солнца была окаймлена свѣтящеюся дугою, которая похожа была на пламень, находящійся въ самомъ сильномъ движеніи. Казалось, будто это пламя исходило изъ концовъ серпообразнаго остатка солнца. Темнота въ срединѣ затменія была такъ велика, что простымъ глазомъ можно было видѣть звѣзды. Распространился всеобщій страхъ, смѣнившійся радостью, когда затменіе стало приходить къ концу.

*) «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 5 и 123.
**) «Никон. лѣт.», II, 56.
***) «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», III, 6 и 124.
****) «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 8 и 124.
°) «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», III, 8. Во второй Новгородской лѣтописи извѣстіе то же.
°°) См. «Никон. лѣт.», II, 96.
°°°) Такъ, первая Новгородская лѣтопись говоритъ просто: «солнце померче яко на часу и болѣ, и звѣзды быша и паки просвѣтися и ради быхомъ» (см. «Полное Собраніе Русск. Лѣт.», III, 18), когда всѣ прочіе сравниваютъ солнце съ мѣсяцемъ.

11) 1187 года, сентября 4-го, въ полдень было видимо солнечное затменіе въ Галичѣ (въ нынѣшней Галиціи), Новгородѣ и другихъ мѣстахъ, но въ Кіевѣ никто его не замѣтилъ: вѣроятно, потому, что въ этомъ городѣ оно было не такъ значительно, и, быть-можетъ, погода была тогда пасмурна, чего можно ожидать, судя по времени года. Кіевская лѣтопись говоритъ, что затменіе это случилось 4-го сентября *); новгородскія **)—9-го того же мѣсяца, но Карамзинъ исправилъ эту ошибку: онъ говоритъ, что по астрономическимъ таблицамъ оно было 15-го сентября ***). Случилось оно въ то самое время, когда іерусалимскіе депутаты вели переговоры съ Саллахъ-Эддиномъ, обложившимъ войсками своими святой городъ °). Оно произвело сильное впечатлѣніе на умы юго-западныхъ русскихъ, какъ потому, что въ ихъ сторонѣ оно было *полное*, такъ и потому, что дѣла Востока были на югѣ Россіи извѣстнѣе, нежели на сѣверѣ. На западныхъ христіанъ оно произвело впечатлѣніе еще сильнѣйшее. Вильгельмъ Тирскій, главный хроникаріи того времени, описывалъ осаду Іерусалима и, говоря о необыкновенныхъ небесныхъ явленіяхъ, ознаменовавшихъ это несчастіе для міра христіанскаго, замѣчаетъ: „la lumière du soleil s'obscurcit *pendant plusieurs jours* (!!?)“. Такъ преувеличивалъ онъ обыкновенное явленіе природы. Въ Галичѣ затменіе было *полное*, видны были звѣзды и свѣтящееся кольцо, которое лѣтописецъ сравниваетъ съ *облаками огнепрозрачными*. Въ Новгородѣ оно было частное, но довольно велико и продолжалось недолго. Приписывали это явленіе несчастью, постигшему городъ, ознаменованный страданіями Спасителя; говорили: эти знаменія не на добро!

12) Въ 1203 году было видимо въ Россіи частное солнечное затменіе, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи °°).

13) 1207 года февраля 28-го послѣ полудня было видимо солнечное затменіе, величина котораго была около 11¹/₇, слѣдовательно оно было немногимъ болѣе того, какое въ нынѣшнемъ году будетъ видимо въ Перми. Начало его было въ полдень, а конецъ предъ вечернею. Народъ былъ въ страхѣ и ужасѣ: толпами сходился онъ дивоваться на знаменіе небесное и, по обыкновенію, молился Богу, да обратитъ Онъ это странное явленіе на добро. Въ слѣдующемъ году оказался во многихъ мѣстахъ моръ и конскій падежъ, и суевѣрные считали эти несчастія предвозвѣщенными затменіемъ 1208 года. Вотъ слова Никоновской лѣтописи, повѣствующія объ этомъ затменіи: „тоя же зимы бысть знаменіе въ солнци, мѣсяца февраля въ 28 день въ среду сырныя недѣли, стояше

---

*) См. Карамзина «И. Г. Р.», III, пр. 153.
**) См. «Полное Собр. Русскихъ Лѣтописей», III, 19 и 126.
***) См. Карамзина «И. Г. Р.», III, пр. 153.
°) Michaud «Histoire des croisades», T. II. Liv. VII.
°°) «Никон. лѣт.», II, 277.

отъ полудня до неѳимона *) и оста его точію аки мѣсяцъ на статьи 1-го дни и мнози человѣцы сходящеся, смотрящи, дивяхуся и молящеся Богу и Пречистой Богородици, дабы обратилъ Господь Богъ знаменіе то на добро“ **). Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что 28-е февраля въ 1207 году приходилось, въ самомъ дѣлѣ, въ среду сырной недѣли.

Разореніе сѣверо-восточной Руси въ 1238 году татарами, пришедшими подъ предводительствомъ Батыя, было, по словамъ лѣтописей, предсказано многими небесными явленіями и чудесами, а также и солнечными затменіями, изъ которыхъ о двухъ сохранились извѣстія до нашего времени.

14) 1230 года, 14-го мая, поутру было затменіе солнца; въ Кіевѣ оно было значительнѣе, нежели въ Новгородѣ. Въ послѣднемъ величина его была около $7^{5}/_{7}$ дюймовъ, а въ первомъ, вѣроятно, около 11 дюймовъ, ибо хотя здѣсь и не совершенно затмилось солнце, однако видима была часть обычнаго *свѣтящагося* кольца. Это *кольцо* представлялось огнемъ, который какъ облако сходилъ на рѣку Лыбедь: оно было весьма значительной толщины, находилось въ сильно волнующемся состояніи, будто огонь пылающій съ „яростію веліею“. Оно было разныхъ цвѣтовъ; внутри красное, затѣмъ желтое, потомъ зеленое, черное, голубое и синее. Народъ былъ въ большомъ отчаяніи: ждали скончанія міра, плакали, молились Богу и радовались, когда это явленіе окончилось, „прейде чрезъ градъ весь *безъ пакости*“. Весьма замѣчательно, что Антонъ де-Уллоа, наблюдавшій полное затменіе солнца 24-го іюля 1774 года, во время переѣзда изъ Терцейры къ мысу С.-Винцентъ, говоритъ о свѣтящемся кольцѣ почти то же самое, что упоминается и въ Никоновской лѣтописи при описаніи затменія 1230 года.

15) Въ 1236 году было видимо на Руси довольно значительное частное затменіе солнца. Величина его была около $8^{4}/_{7}$ дюймовъ: оно было въ воскресенье, а какого мѣсяца и числа—лѣтописецъ не упоминаетъ. Видимо было на всей русской землѣ. Вотъ слова лѣтописца: „Бысть знаменіе веліе: погибе солнце по всей землѣ въ день недѣльный, да толико убо погибе, якоже бысть мѣсяцъ 4-хъ дней“ ***). Затменія сего нельзя смѣшивать съ бывшимъ въ слѣдующемъ 1237 году, ибо это послѣднее было 3 августа, а 3 августа было 1236 года въ среду.

16) 1237 года, августа 3-го, въ полдень было частное солнечное затменіе, котораго величину можно опредѣлить въ 7 [illegible]/7 дюймовъ. Это было за полгода до несчастной битвы съ татарами при рѣкѣ Сити, и потому современники считали явленіе сіе предвѣстникомъ плѣненія земли христіанской „отъ безбожныхъ Измаелитъ“. Лѣтописцы замѣтили и истинный ходъ этого затменія: зельная тьма (зеленая тѣнь) начала

*) То-есть *вечерни*. Отъ среды на масленицѣ до четверга на первой недѣлѣ Великаго поста называются ефимонами.

**) «Никон. лѣт.», II, 295.

***) «Никон. лѣт.», II, 369.

закрывать солнце съ западной стороны; остатокъ восточнаго края солнца былъ похожъ на луну пяти дней; тѣнь прошла черезъ дискъ солнца, и тогда восточная часть свѣтила покрылась мракомъ, тогда какъ западная представляла видъ серпа или луны. Народъ находился, по обыкновенію, въ ужасномъ страхѣ, смотрѣлъ съ боязнью на рѣдкое явленіе природы: тѣ, которые не видали этого затменія, были не въ меньшемъ страхѣ, когда услыхали о немъ.

17) 1271 года, марта 15-го, было видимо въ Россіи *полное* затменіе солнца. Оно началось поутру и къ полудню окончилось. Какъ обыкновенно во время этого явленія, народъ былъ въ страхѣ, и „ради быхомъ",— говоритъ новгородскій лѣтописецъ,—когда солнце наполнилось.

18) 1321 года, іюня 26-го числа, въ 9-мъ часу утра, было въ сѣверной Россіи значительное солнечное затменіе. Въ Новгородѣ величина его была около 10,5 дюйма, такая же и въ московскихъ предѣлахъ, что доказываютъ свидѣтельства лѣтописей Новгородской второй, Псковской и „Софійскаго Временника".

19) 1330 года, ноября 30-го, по извѣстію лѣтописей Никоновской *) и Новгородскихъ первой **) и второй ***), было видимо въ Россіи солнечное затменіе: оно происходило поутру и продолжалось два часа. Вотъ слова Новгородской лѣтописи: „Мѣсяца ноября въ 30 день, на память святого апостола Андрея, бысть помраченіе въ солнци и стоя отъ 1 часа до 3-го".

20) Въ 1360 году было солнечное затменіе, по извѣстію Никоновской лѣтописи, которая говоритъ: „Того же лѣта бысть знаменіе на небеси: погибе солнце и потомъ мѣсяцъ обратися въ кровь" °). Едва ли оно было не *полное*, ибо слова: „мѣсяцъ обратися въ кровь" должны, кажется, относиться къ свѣтящемуся кольцу, явившемуся вокругъ покрытаго тѣнью солнца. Да притомъ лѣтопись говоритъ: „погибе" (въ *совершенно*-прошедшемъ времени).

21) 1366 года, августа 7-го, поутру, было видно на русской землѣ солнечное затменіе, которое съ подробностью описано въ нашихъ лѣтописяхъ: Никоновской °°), Троицкой °°°), „Софійскомъ Временникѣ" °°°°) и др. Величина его была около 9,5 дюймовъ, т.-е. немногимъ меньше противъ затменія 1842 года въ Петербургѣ. По мнѣнію нашихъ предковъ, оно произошло отъ гибели многихъ христіанъ на Востокѣ.

*) «Ник. лѣт.», III, 157.
**) См. «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 7.
***) «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 131.
°) «Ник. лѣт.», III, 217.
°°) «Ник. лѣт.», VI, 14 и 15.
°°°) Карамзинъ, Ист. Гос. Росс.», т. V и проч.
°°°°) «Соф. Врем.», I, 341.

22) 1374 года, іюля 29-го, рано поутру было солнечное затменіе, по извѣстію Никоновской лѣтописи, которая говоритъ: „Того же мѣсяца (іюля) въ 29 день въ недѣлю солнце погибло" *). Но въ 1374 году 29 іюля было въ субботу: не въ 1375 ли году было это затменіе?

23) 1378 году, а по Никоновской 1377 года **), 29 іюня было затменіе солнца, вмѣстѣ съ другими необычными явленіями природы, считавшееся предвѣстникомъ Мамаева нашествія.

24) 1385 года, января 30-го, передъ полуднемъ, въ обѣдъ, было видимо на Руси, въ московскихъ предѣлахъ, солненечное затменіе, величина котораго была около 8 1/7 дюймовъ. Конецъ его былъ въ 1 часъ пополудни, въ вечернюю годину, какъ говаривали въ старину. Объ этомъ явленіи упоминаетъ Никоновская лѣтопись ***) слѣдующими словами: „Тоя же зимы мѣсяца генваря въ 30 день, на память великаго Василія Кесарійскаго, въ понедѣльникъ во обѣдъ погибе солнце, и остася его аки мѣсяцъ четырехъ дней, и паки во вечернюю годину наполнися". Но 30 января въ 1385 году было въ субботу, а 1 января, когда также празднуется память Василія Великаго, было въ пятницу.

25) 1395 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по извѣстію лѣтописей Троицкой и Никоновской °), было видимо въ московскихъ предѣлахъ солнечное затменіе.

26) 1399 года, октября 29-го, было видимо въ Новгородѣ *полное* затменіе солнца; въ московскихъ предѣлахъ, вѣроятно, оно было только частное, ибо Никоновская лѣтопись только слегка упоминаетъ объ этомъ явленіи, говоря: „знаменіе бысть на небеси въ солнци" °°) и не показывая даже дня, въ который происходило затменіе. Въ Новгородѣ же сначала солнце приняло форму серпа и потомъ совершенно закрылось; распространилась повсюду темнота, и на мѣстѣ солнца показалось свѣтящееся кольцо, подобное кровавымъ лучамъ съ дымомъ. Вотъ слова Новгородской первой лѣтописи °°°): „той же осени бысть помраченіе въ солнци и тма бысть, а солнце погыбе и явися серпъ на небеси, а потомъ явися солнце, кровавы луча испущающи съ дымомъ, мѣсяца октября, на память святыя мученицы Анастасіи" (29 октября).

27) 1406 года, іюня 16-го, въ 10-мъ часу утра, было видимо въ Россіи солнечное затменіе, величина котораго была около 9,5 дюйм., т.-е. такая же, какая будетъ въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Астрахани и Иркутскѣ. Распространился необыкновенный сумракъ, сдѣлалось темно, и слишкомъ черезъ часъ явился обычный свѣтъ солнечный. Лѣтописецъ полагаетъ, что это явленіе про-

*) «Ник. лѣт.», IV, 12.
**) «Ник. лѣт.», IV, 55.
***) «Новг. лѣт.», IV, 148.
°) «Ник. лѣт.», IV, 265.
°°) «Ник. лѣт.», IV, 96.
°°°) «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 101. «Соф. Врем.» говоритъ то же.

изошло отъ того, что въ тотъ самый день на Литвѣ было убито много москвитянъ.

28) 1415 года, въ пятницу, іюня 7-го, въ 10-мъ часу утра, было видимо въ Россіи *полное* затменіе солнца. Въ сѣверныхъ частяхъ ея и въ Новгородѣ оно было частное, ибо новгородскія лѣтописи только слегка упоминаютъ объ немъ *): какъ частное, оно было видимо во всей русской землѣ, по словамъ Воскресенской и Архивской лѣтописей **). Въ московскихъ краяхъ видѣли, какъ зеленая тѣнь начала покрывать солнце съ западной стороны его; она закрывала болѣе и болѣе дискъ свѣтила, распространился сумракъ, и люди видѣли другъ друга какъ бы стоящими въ крови; наконецъ и совершенно закрылось солнце, на мѣстѣ его образовалось свѣтящееся кольцо, его сравнивали съ мракомъ кровавымъ, увидѣли звѣзды и зарю, покрывавшую края видимаго горизонта. Это явленіе продолжалось съ небольшимъ часъ: устрашенные свидѣтели его сравнивали это затменіе съ тѣмъ, которое было во время страданій Спасителя ***). Явленіе это было незадолго до рожденія Василія Васильевича Темнаго, и наши предки во время смутнаго правленія сего великаго князя не разъ вспоминали про это страшное знаменіе, предвѣщавшее, по ихъ мнѣнію, „скорбь и тугу земли русскія".

29) Въ 1423 году, когда голодъ свирѣпствовалъ во всѣхъ странахъ Россіи, когда люди принуждены были даже пожирать себѣ подобныхъ, когда русскіе цѣлыми семействами перебѣгали въ Литву, не находя въ отчизнѣ средствъ къ прокормленію, когда отъ сильныхъ морозовъ путники умирали на дорогахъ и всѣ со скорбью молили Господа „призрѣть отъ святаго жилища, отъ престола славы Его на нихъ милосердымъ окомъ Своимъ" — въ этотъ несчастный для Руси годъ наши предки были устрашены затменіемъ солнечнымъ. Считали его предзнаменованіемъ новыхъ несчастій, ждали перемѣнъ:— черезъ два года вступилъ на престолъ Василій Васильевичъ Темный, начались смуты, междоусобія, русская земля страдала, вспоминали затменіе 1423 года и говорили, что оно предвозвѣстило эти несчастія.

30) 1433 года, іюня 17-го, было видимо солнечное затменіе, которое тѣмъ болѣе устрашило свидѣтелей, что вскорѣ замѣчено было и лунное затменіе.

31) 1460 года, 17 іюля, отъ 7 до 10 часовъ утра, видимо было въ Россіи солнечное затменіе. Въ московскихъ предѣлахъ величина его была около 7 1/7 дюймовъ (Ник. лѣт.) ****), а въ новгородскихъ

*) «Полн. Собр. Лѣт.», т. III, стр. 105—135.

**) «Бысть знаменіе *по всей земли*». См. «Соф. Врем.», I. Здѣсь слова «по всей землѣ» значатъ по всей Руси. Подобныя выраженія часто встрѣчаются въ лѣтописяхъ.

***) См. «Соф. Врем.», въ примѣчаніи.

****) «Ник. лѣт.», V, 287.

только около 5¹/₇ дюймовъ („Соф. Врем.") *). Значитъ, оно было гораздо менѣе будущаго въ нынѣшнемъ году, но если сравнить его съ затменіемъ, бывшимъ 6 іюля прошлаго 1841 года, то можно сказать, что московское затменіе 1460 года было одинаково съ енисейскимъ 1841 года, а нижегородское 1841 года—съ новгородскимъ 1460 года.

32) 1475 года, сентября 20-го, въ Коломнѣ видѣли солнечное затменіе въ 8 часу утра, по извѣстію Троицкой лѣтописи, приводимому Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ къ VI тому „Исторіи Государства Россійскаго": величина его была около 4 дюймовъ, т.-е. такая же, какъ въ прошломъ году была въ Ревелѣ и Дерптѣ; закрылась одна треть диска солнечнаго, и дневное свѣтило представилось въ видѣ молодой луны. Странно, что въ Москвѣ никто не видалъ этого затменія: вѣроятно, была пасмурная погода, что̀ весьма легко можетъ быть, судя по времени года; притомъ и затменіе было не такъ значительно.

33) 1476 года, февраля 25-го, поутру въ 8 часу, было видимо *полное* солнечное затменіе, которое, впрочемъ, продолжалось недолго. Мракъ, распространившійся по землѣ, былъ такъ великъ, что люди не могли другъ друга видѣть въ лицо и находились въ страхѣ и въ ужасѣ. „25 февраля во 2 часу дня, — говоритъ лѣтописецъ: — бысть гибель солнцу и тьма велика, яко и человѣкомъ другъ друга въ лицо не видѣти и того бысть недолго. Людямъ страхъ былъ великъ" **).

34) 1491 года, въ маѣ мѣсяцѣ, было довольно большое затменіе солнца; величина его была около 8 дюймовъ. „Бысть знаменіе въ солнци,—говоритъ лѣтопись: — мѣсяца мая и двѣ части изгибе" ***).

Вотъ извѣстія о солнечныхъ затменіяхъ, видѣнныхъ на Руси до XVI вѣка, сохраненныя въ лѣтописяхъ. Весьма желательно, чтобъ наши астрономы обратили на нихъ должное вниманіе, свѣрили ихъ съ астрономическими таблицами, повѣрили своими вычисленіями. Это во многомъ исправило бы хронологію русской исторіи, которая часто сбивчива.

---

*) «Соф. Врем.», III, 80.
**) См. прим. къ «Ист. Гос. Росс.» Карамзина, т. VI.
***) См. тамъ же.

ВЕЛИКІЙ ХУДОЖНИКЪ.

(Изъ Мицкевича).

Есть въ мірѣ Великій Художникъ.
Творческой кистью Онъ на эѳирѣ рисуетъ картины.
Чудно-велики картины Его, изящны, прекрасны!
Мысль въ нихъ высокая кроется. Онъ выражаетъ мысль эту
Въ радугѣ свѣтлой, семью полосами цвѣтовъ испещренной;
Онъ выражаетъ ее и въ лазури небесъ. и въ стоцвѣтныхъ
Неба отливахъ, и въ красномъ лучѣ заходящаго солнца;
Или когда облака съ золотыми краями несутся
Въ небѣ высокомъ и въ морѣ спокойномъ себя отражаютъ
Тѣнью дрожащей; или когда въ тучахъ синихъ, угрюмыхъ
Свѣтъ ослѣпительно-яркій блеснетъ, извиваясь змѣею...
Лѣтъ тысячъ семь и побольше люди живутъ на землѣ сей,
Каждый день видятъ они тѣ картины небесной
Кисти Художника-Бога и смотрятъ на нихъ равнодушно.
Взоръ ихъ прикованъ къ землѣ, а чувство погрязло въ ихъ тѣлѣ —
Имъ непонятна, имъ недоступна идея Творца ихъ.
Мысль, проявленную въ радугѣ, въ солнцѣ, въ лазури, сначала
Люди постичь *не могли*, а потомъ *не хотѣли*. Такъ въ мірѣ
Остался Великій Художникъ непонятъ...

Есть въ мірѣ Великій Художникъ,
Мыслью единою Онъ въ безпредѣльномъ пространствѣ вдругъ создалъ
Видимый міръ, въ которомъ разставилъ Свои изваянья, —
Чудно-велики, прекрасны Его изваянья—созвѣздья!
Мысль въ нихъ высокая кроется, Онъ выражаетъ мысль эту
Въ солнцахъ огромныхъ, въ кометахъ, планетахъ, разсыпанныхъ въ небѣ,
Онъ выражаетъ ее въ громадныхъ горахъ бѣлоглавыхъ,
Въ льдахъ океана вѣчно нетающихъ, вѣчно растущихъ;
Въ глыбахъ металловъ, разсыпанныхъ въ нѣдрахъ земли; и въ каменьяхъ,
Чудно горящихъ блескомъ огней, переливами свѣта...
Лѣтъ тысячъ семь и побольше люди живутъ на землѣ сей,

Каждый день видятъ они эти всѣ изваянья, однако
Имъ недоступна, имъ непонятна идея Творца ихъ.
Гордые люди хотятъ вѣрить только лишь опыту, чувствамъ,—
Опытъ обманчивый часто скользитъ по наружности чувства.
Въ сущность предмета не могутъ проникнуть и такъ въ заблужденьи
Опыта люди *не могутъ* постичь той идеи. Такъ въ мірѣ
Остался Великій Художникъ непонятъ...

Есть въ мірѣ Великій Художникъ,
Мыслію Онъ въ безпредѣльномъ пространствѣ вдругъ создалъ гармонью.
Чудно-велика, изящна, прекрасна гармонія эта!
Ею всѣ чувства вдругъ поражаются, такъ же, какъ вѣтромъ
Вдругъ поражаются слухъ, осязанье и зрѣніе. Въ громѣ,
Въ громкихъ раскатахъ Его выражается мысль той гармоньи,—
Мысль та высокая!—Слышны ея выраженія также
Въ шумѣ валовъ, бунтующихъ на морѣ, въ шумѣ потока;
Въ страшномъ вулканѣ, когда онъ дымится, и стонетъ, и пламя,
Камни и пепелъ къ небу бросаетъ съ грохотомъ страшнымъ;
Въ музыкѣ звѣздъ, этихъ струнъ, настроенныхъ солнечнымъ свѣтомъ...
Лѣтъ тысячъ семь и побольше люди живутъ на землѣ сей,
Каждый день слышатъ они эти звуки, однако до сихъ поръ
Имъ недоступна, имъ непонятна идея Творца ихъ.
Звуковъ гармоньи небесной люди и слышать не могутъ,—
Люди ничтожны—велики они однимъ лишь безсмертьемъ!
Ихъ ли ушамъ можно слушать звуки небесной гармоньи?
Ихъ ли умамъ понимать идею тѣхъ звуковъ, которыхъ
Міръ земной, міръ небесный исполнены. Музыки громкой
Люди боятся,—тихихъ напѣвовъ звѣздъ и лучей ихъ
Они на землѣ не услышатъ. Такъ, недоступно для нихъ здѣсь
Въ Божіемъ мірѣ разлитое море звуковъ гармоньи!
Мысль этихъ звуковъ прекрасныхъ имъ непонятна.—Такъ въ мірѣ
Остался Великій Художникъ непонятъ...

Есть въ мірѣ Великій Художникъ,
Мысль безконечнаго, истину неба, тайну завѣта
Въ слово людей Онъ облекъ. Наша мысль высока лишь тогда, какъ
Быстрымъ потокомъ молній быстрѣйшимъ летитъ на языкъ:
Слово сковало ее, голосъ новыя цѣпи бросилъ на мысль,
Мысли поэта въ словесной одеждѣ и слабы, и чужды
Ихъ первообразу. Это Великій Художникъ зналъ. Что же
Онъ сдѣлалъ?—Мысль безконечнаго выразилъ словомъ небеснымъ.
Истину неба Онъ доказалъ чудесами, завѣта же
Тайну великую въ дѣлѣ Своемъ Онъ открылъ всѣмъ намъ смертнымъ.
Что выше тѣхъ словъ, тѣхъ чудесъ, того дѣла? Близкія мысли
Къ творческой мысли гдѣ вы найдете? А люди давно ужъ

Въ мірѣ живутъ, но имъ непонятна высокая мысль та.
Имъ недоступна идея Творца. Почему-жъ недоступна?
Люди вѣдь поняли мысль безконечнаго, люди узнали
Истину неба, людямъ открылася тайна завѣта
Въ словѣ великомъ—святомъ откровеніи Божія Сына.
Люди живутъ лишь для тѣла: — прежде они понимали
Мысль и идею Великаго Бога твердою вѣрой,
Умъ ограниченный черпалъ изъ кладезя свѣта живую
Воду и ей напоялся. Умъ былъ ужъ полонъ, но много
Въ кладезѣ было воды: вѣрой единой могъ онъ
Все остальное исчерпать. Вѣрою онъ понималъ мысль,
Истину, тайну. Когда же въ гордости буйной хотѣли
Люди назвать своимъ братомъ Того, Кто имъ объяснилъ мысль,
Истину, тайну—и вѣру оставили, умъ въ заблужденьи
Думать сталъ, будто бы все онъ постигъ, будто бы мысли
Нѣтъ въ той водѣ, которую онъ исчерпать не можетъ.
Людямъ не стало понятно Творца откровенье. Такъ въ мірѣ
Остался Великій Художникъ непонятъ...

Что-жъ ты, художникъ земной, что же ты ропщешь на небо?
Или тебя оскорбили толки людей о твоемъ дарованьѣ?
Вспомни:—Художникъ эѳира, міровъ, гармоньи и слова
Ими непонятъ. Чего отъ людей ожидать? Непонятъ
Ими остался Великій Художникъ!

1840. Мая 31.
Нижній-Новгородъ.

Оглавленіе

VII ТОМА.